НАСЛЕДИЕ АРИАДНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ТЫРКОВОЙ

Дневники. Письма

Государственный архив Российской Федерации

Российский государственный архив
социально-политической истории

Центр документальных публикаций

Бахметьевский архив Колумбийского университета

НАСЛЕДИЕ АРИАДНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ТЫРКОВОЙ

Дневники. Письма

РОССПЭН

Москва
2012

УДК 82-94
ББК 63.3
Н31

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-01-00212а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-01-16062д*

Составитель, автор предисловия, введения и комментариев
Н. И. Канищева, кандидат исторических наук

Подготовитель *К. Г. Ляшенко*

Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма /
Н31 Сост. Н. И. Канищева. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 1111 с.

ISBN 978-5-8243-1733-6

Документальная публикация впервые вводит в научный оборот значительный комплекс различных видов источников – дневникового, мемуарного, публицистического характера, позволяющих в своей совокупности составить комплексное представление о политических взглядах и практической работе видной партийной и общественной деятельницы, журналистки, писательницы А. В. Тырковой, дающих богатый материал для понимания предреволюционной и революционной России, а также жизни российского зарубежья на протяжении почти полувека. В издание включены письма многих политиков, философов, литераторов, ученых.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-8243-1733-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ариадна Владимировна Тыркова прожила долгую жизнь – без малого век. Ей многого удалось добиться – она стала известной журналисткой, видной общественной и политической деятельницей. В основе ее успешности лежал в первую очередь, безусловно, талант, но также в не меньшей степени энергия, работоспособность, высокая социальная активность, открытость души для сопереживания чужим бедам. Тыркова была, несомненно, чрезвычайно волевым и независимым человеком, причем сила ее личности питалась твердостью ее нравственной позиции и жизненных установок, которым она не изменяла в пору самых тяжелых испытаний. Главной ценностью и мерилом для Тырковой всегда оставались «свобода и достоинство личности». Она любила повторять: «Я свободно рожденная и всякие виды неволи вызывают во мне бунт». Но наряду с бунтарством, пусть и в умеренно либеральных формах, она оставалась тесно связанной с российскими национальными традициями. Понятие патриотизма, подвергавшееся подчас искаженному толкованию в революционном движении, было неотделимо от ее мировоззренческих и политических представлений. Тыркову можно причислить к числу государственников. Ее болью, ее любовью до конца оставалась Россия, интересами родины она жила все долгие годы затянувшейся на 40 лет эмиграции. Настоящая публикация наследия Тырковой, сохранившегося в российских и зарубежных архивах, является данью уважения этой удивительной женщины.

А. В. Тыркова родилась 13(25).11.1869 г. в С.-Петербурге. Она происходила из древнего новгородского рода Тырковых. Дед – Алексей Дмитриевич Тырков, новгородский уездный предводитель дворянства – был хорошо знаком с А. А. Аракчеевым, назначившим его своим душеприказчиком. Ее отец – Владимир Алексеевич – после окончания училища служил последовательно мировым посредником в уезде, мировым судьей в Петербурге, затем в Министерстве финансов, имел чин действительного статского советника. Позднее он был переведен в петербургскую таможню (это понижение по службе было вызвано, очевидно, арестом старшего сына). Отцу принадлежало родовое имение Вергежи, пожалованное Тырковым еще в начале XVII в. Семья не была чужда либеральным настроениям. Мать – Софья Карловна, оказавшая на детей огромное нравственное влияние, – была «убежденной шестидесятницей». Брат Ариадны – Аркадий, будучи 20-летним студентом, участвовал в покушении на Александра II 1 марта 1881 г., за что был приговорен к пожизненной ссылке; он провел 20 лет в Сибири и освободился по амнистии лишь в 1903 г.

В семь лет Ариадну отдали в петербургскую частную гимназию кн. А. А. Оболенской. Гимназистке были близки демократические ус-

тремления, идеалы прогресса, совершенствования личности и общества. «Мы рано, – вспоминала Тыркова, – начали волноваться социальными несправедливостями и противоречиями, мечтали бороться с ними». В салонах известной общественной деятельницы А. А. Давыдовой Ариадна встречалась с И. А. Гончаровым, В. М. Гаршиным, А. Г. Рубинштейном, Н. В. Шелгуновым, С. Н. Кривенко. «Это был, – по ее словам, – один из ручейков, спозаранку вливавший в меня оппозиционное любопытство»*.

За «худое влияние на учениц» Аридна была исключена из гимназии (за год до ее окончания), правда, впоследствии ей разрешили сдать экстерном экзамены за весь курс гимназии. Она блестяще выдержала экзамены на должность домашней учительницы при Петербургском учебном округе. В связи с ухудшением материального положения семьи Ариадна в течение трех лет жила с матерью в Вергеже. В это время она настойчиво занималась самообразованием; наряду с любимыми писателями и поэтами – А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, И. С. Тургеневым, Н. А. Некрасовым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и др. – штудировала Ч. Дарвина и О. Конта, Ф. Гизо и А. Ламартина.

В 1889 г. Тыркова поступила на математическое отделение Высших женских курсов, училась, по ее словам с «эстетическим удовольствием»; одновременно посещала салоны, где встречала Н. К. Михайловского, Н. Ф. Анненского, А. И. Куприна. На студенческих вечеринках участвовала в обсуждении новинок литературы и поэзии, модных тогда теорий марксизма и позитивизма. Тыркова была на демонстрации студентов во время похорон Н. В. Шелгунова.

В 1890 г. она вышла замуж за талантливого инженера-кораблестроителя А. Н. Бормана, происходившего из петербургской немецкой купеческой семьи. Однако через семь лет развелась, оставшись с дочерью Софьей, названной в честь матери, и сыном Аркадием, имя которому дала в часть сосланного старшего брата. Вынужденная заботиться о заработке, Тыркова занялась журналистикой: писала репортажи, рецензии, заметки. Она взяла себя псевдоним А. Вергежский, что было не случайно: имение Вергежа было для Тырковой воплощением устоев и традиций русской жизни. С 1897 г. статьи Тырковой стали появляться в провинциальных газетах – ярославском «Северном крае», куда она посылала свои «Петербургские письма», екатеринославском «Приднепровском крае», а позднее и в столичной прессе. Тыркова регулярно посещала публичные и частные собрания, где велись бесконечные дискуссии о путях общественного развития. Разговоры о конституции, социальном переустройстве находили отклик в ее душе, но в своих пристрастиях она определилась не сразу. Тыркова присутствовала на народнических заседаниях, знакомилась с идеями русских марксистов, позднее, уже в Швейцарии, беседовала с В. И. Ульяновым. Но и народнические, и марксистские теории вызывали внутренний протест в ее душе. Ей претил догматический, начетниче-

* Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 97.

ский подход, игнорирующий особенности русской жизни. Неприемлемыми для нее были и призывы к разжиганию классовой ненависти. Террор как метод политической борьбы всегда отрицался Тырковой. Точно так же она не соглашалась видеть в социализме единственный спасительный выход для России. Впрочем, в своей аргументации она пыталась опереться большей частью не на научную литературу и теоретические концепции, а на здравый смысл. И хотя в 90-е годы XIX в. у Тырковой еще не сложилась продуманная система взглядов, а в ее суждениях преобладали, скорее, эмоциональные оценки, все же заложенная с детства ценностная ориентация (уважение к личности, свободомыслие, гуманизм) предопределяла ее восприимчивость к идеям либерализма.

С большим вниманием она прислушивалась к рассуждениям П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского, которые в то время постепенно отходили от ортодоксального марксизма и склонялись в сторону либерализма. 4 марта 1901 г. вместе с Туган-Барановским и Струве она была арестована за участие в демонстрации, устроенной петербургскими студентами и интеллигенцией в поддержку студентов Киевского университета, которых отдали в солдаты за «беспорядки». 10-дневный арест Тыркова отбывала в Литовском замке (Доме предварительного заключения).

Особое влияние на становление общественно-политических взглядов Тырковой оказал князь Д. И. Шаховской, известный земский деятель, один из основателей либерального «Союза освобождения». Они встретились весной 1902 г. в Ялте. Это знакомство, переросшее в многолетнюю дружбу, помогло Тырковой не только определиться в выборе идейной позиции, но и обрести единомышленников, вместе с которыми она пережила переломные для России годы. Зиму 1902—1903 гг. Тыркова по приглашению Шаховского прожила в Ярославле, много печаталась в газете «Северный край», соредактором которого был Шаховской, встречалась с местными «освобожденцами» — друзьями Шаховского, дважды вместе с ним ездила в Ясную Поляну, где беседовала с Л. Н. Толстым.

Вскоре после возвращения в Петербург осенью 1903 г. по просьбе новых друзей Тыркова выехала вместе с «освобожденцем», приват-доцентом Е. В. Аничковым, в Финляндию, чтобы нелегально привезти оттуда экземпляры журнала «Освобождение». 17 ноября на станции Белоостров они были арестованы, а из их багажа были изъяты более 300 экземпляров журнала и другие издания Союза. На суде, состоявшемся 28 апреля 1904 г. в здании Петербургской судебной палаты, Тыркова произнесла свою первую публичную речь. Глубоко уязвленная попыткой адвоката представить ее и Аничкова обычными контрабандистами, не ведающими о содержании провозимого груза, она заявила, что вполне сознательно участвовала в нелегальной перевозке журнала, поскольку солидарна с требованиями о введении в стране конституционного режима и демократических свобод. «Как писательница, — заявила она, — я остро чувствую, как нам нужна свобода, и прежде всего свобода слова. Мы стеснены в выражении наших мыслей, цензура зажимает нам рот. России нужна свобода, нуж-

на конституция»*. В тех условиях, когда само слово «конституция» было под запретом, Тыркова отважилась на довольно смелое выступление. Суд приговорил Ариадну к двум с половиной годам тюрьмы с лишением всех прав состояния. Однако из-за болезни руки (воспаление сустава) она была освобождена под залог. Воспользовавшись ситуацией, петербургские «освобожденцы» переправили Тыркову за границу.

Перейдя нелегально финскую границу, она затем переехала в Швецию, а оттуда – в Германию, в Штутгарт, где находилась редакция журнала «Освобождение»; поселилась неподалеку от семейства Струве – редактора журнала. Имея возможность постоянно общаться со Струве, с наиболее яркими представителями российской оппозиционной интеллигенции – корреспондентами журнала «Освобождения» (П. Н. Милюковым, В. А. Маклаковым, С. Л. Франком и др.), Тыркова прошла, по ее признанию, «первый курс политических наук». Она с готовностью впитывала новые идеи, постигала методы аргументации, участвуя в обсуждениях и пытаясь критически осмысливать чужие мысли, как бы примеривая их к своему пониманию происходящего в России.

Услышанное и прочитанное «переплавлялось» в ее сознании в собственную систему ценностных оценок. Различные теоретические схемы, предлагавшие упрощенный способ достижения общественного благоденствия, она предпочитала оценивать с точки зрения «доводов жизни» – в ее глазах всегда более убедительных. Устами одного из персонажей своего рассказа «На острове» она бросала упрек «книжникам»: «Вина в том, что вы оторвали вашу мысль, царственную, могучую, дарящую, от тех, кому хотели расточать свои дары». Позиция Тырковой отличалась умеренностью, далекой от крайностей радикальных увлечений. В борьбе за реформирование общественного строя она стремилась избежать тотальной ломки. Она выступала принципиальной противницей достижения общественного благоденствия любой ценой, предостерегала от беспощадного разрушения общественной организации во имя отвлеченных идеалов, склоняясь к более осторожному и взвешенному пути реформирования социально-политического строя, сохранению лучших культурных и исторических традиций. Россия была для нее нечто большее, чем просто арена политической борьбы. Недаром она принципиально отрицала пораженчество. Как личную обиду Тыркова восприняла ликование части русских эмигрантов, поздравлявших друг друга с падением Порт-Артура и победой японского оружия в Русско-японской войне. В надеждах революционеров на военный разгром России как на средство ослабления (или ликвидации) самодержавного режима она усматривала «радость рабов, которых какая-то внешняя сила избавила [от] жестокого хозяина»**.

Уравновешенность, сдержанность, разумная осторожность и одновременно твердость и непреклонность в отстаивании своей правоты – эти

* Там же. С. 321.

** ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

черты являлись сущностными для психологического портрета Тырковой – общественной деятельницы и политика.

В редакции «Освобождения» Тыркова познакомилась с Гарольдом Вильямсом – корреспондентом влиятельной английской газеты «The Times» (позднее в России он представлял либеральную газету «The Manchester Guardian»). Родившись в Новой Зеландии в многодетной пастырской семье, Гарольд еще в школьные годы «заболел» Россией. Он всей душой воспринял идеалы русского освободительного движения, ощущая свою причастность к судьбе России. С 1906 г. Тыркова и Вилямс уже не расставались, их брак (сначала гражданский, потом официально оформленный; их венчание состоялось в 1918) стал для обоих счастливым. Они прожили вместе 22 года (вплоть до смерти Вильямса в 1928 г.), сумев сохранить чувства нежной привязанности и глубокого взаимного уважения. Они были не просто супругами, но и единомышленниками, соратниками в освободительном движении, коллегами по журналистскому и писательскому ремеслу. У них не было общих детей, но Гарольд Васильевич (как на русский лад звали его в России) – человек исключительной порядочности, доброты и нравственности – стал близким человеком для детей Ариадны Владимировны, и все годы (включая первые годы эмиграции в Лондоне) семья жила единым (теплым и дружным) домом.

Однако вернемся в предреволюционный год. Осенью 1904 г. Тыркова вместе с редакцией «Освобождения» переехала в Париж. После издания указа о помиловании (21 октября 1905 г.) она вернулась в Россию и снова занялась журналистикой: сотрудничала с журналами («Вестник Европы», «Вопросы жизни», «Русская мысль», «Нива») и газетами («Сын отечества», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Слово», «Речь», «Южная заря», «Нижегородский листок», «Русь» и др.); писала статьи-очерки на самые разнообразные темы, зарисовки «с политическим оттенком». Она являлась думским корреспондентом ряда петербургских и московских газет («Слово», «Речь» и др.), освещала работу I и II Государственной думы.

В ноябре 1905 г. Тыркова вступила в только что образовавшуюся Конституционно-демократическую партию, а на ее III съезде, состоявшемся в апреле 1906 г., по предложению Шаховского, была избрана в Центральный комитет и до марта 1917 г. оставалась единственной женщиной в составе ЦК. Для Тырковой участие в работе ЦК стало «высшей школой политических наук». Яркий талант публициста, темперамент оратора, а также удивительная цельность характера, безупречная логика, твердость и решительность обеспечили Тырковой заслуженно высокий авторитет в партии (злые языки говорили, что Тыркова – «единственный мужчина» в кадетском ЦК). С июля 1906 г. Тыркова возглавляла Бюро провинциальной печати, руководила его работой (с некоторыми перерывами) вплоть до начала Первой мировой войны. Бюро рассылало в местные периодические издания (их число колебалось от 20 до 30) отчеты о думских заседаниях, а также статьи, освещавшие актуальные политические и общественные вопросы с партийной точки зрения; немалая часть

этих статей выходила из-под пера самой Тырковай. Одновременно совместно с А. С. Ломшаковым она руководила молодежной агитационной комиссией, созданной в 1907 г. при Петербургском городском кадетском комитете с целью завязывания контактов с провинцией и оказания помощи местным кадетским организациям. Энергии Тырковой хватало и на самостоятельные лекционные турне по стране, выступления на многочисленных собраниях, в частности на многолюдных митингах во время избирательной кампании в I Государственную думу, когда убедительностью доводов, темпераментностью речи она заражала слушателей, подчиняя аудиторию своей воле. Встречи с партийцами на местах помогали Тырковой почувствовать настроение «кадетской массы».

Безусловно, по своей натуре Тыркова была лидером. Чуждая тщеславию, она не боролась за первенство, скорее сами окружающие признавали превосходство ее личности. В партии Тыркова принадлежала к правому крылу. Ее не увлекала радикальная риторика даже в самые пафосные моменты первой российской революции. В основе мировоззрения Тырковой лежала идея государственности, что служило источником ее консерватизма. Задачу выработки «государственного взгляда», планомерной деловой работы по созданию новой России она считала приоритетной для партии. Поэтому Тыркова призывала серьезно относиться к думской работе, последовательно выступала против бойкота выборов в Думу. Но вместе с тем она неоднократно указывала и на опасность скатывания в иную крайность – когда парламентаризм поглощал все силы и все внимание партии, подменяя собой иные направления партийной деятельности. По ее мнению, не следовало забывать, что кадеты заявляли себя не только конституционной, но и демократической партией, поэтому они не должны были ограничиваться интересами Таврического дворца. Тыркова призывала идти «в гущу жизни», прорастать корнями в широких общественных слоях. На заседаниях ЦК в качестве первоочередной она выдвигала задачу политического воспитания масс, расширения социальной опоры партии. Она считала явно недостаточными усилия партии и, в частности, ее думской фракции, по разработке рабочего и иных социальных вопросов, видя в этом политическую недальновидность. Позднее, в эмиграции, она откровенно признавала, что среди кадетов «есть люди, которые не прочь остановиться на политических реформах и попридержать, или, во всяком случае, не торопиться с реформами социальными», к тому же среди ее однопартийцев – «много сытых»*.

Тыркова играла руководящую роль в либеральном феминистском движении. Выступая на II съезде кадетской партии по вопросу о женском равноправии, она одержала победу в полемике с Милюковым и Струве и добилась принятия решения о включении в партийную программу пункта о предоставлении женщинам избирательных прав. «Если вы их (женщин. – *Н. К.*) вели на баррикаду, – заявила Тыркова, – то откройте им

* Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11.

дорогу и в парламент». Позднее она стала серьезно заниматься женским вопросом, читала лекции (на Бестужевских и иных курсах, на воскресных собраниях работниц, в женском клубе и т. д.), постоянно выступала в печати за предоставление женщинам равных прав с мужчинами. В целом ряде статей она освещала значимые события в зарубежном и российском феминистском движении; проводила феминистские собрания. Деятельное участие приняла Тыркова в подготовке и проведении I Всероссийского женского съезда (10(23).12.–17(30).12.1908 г., С.-Петербург). Выступая с докладом «Путь к женскому праву», она подчеркивала, что русская женщина стремится «не только к равным правам, но и к равным обязанностям <...> к широкой свободе человеческой личности вообще»*. При этом Тыркова вписывала проблемы феминизма в более широкий социальный контекст, утверждая, «русская женщина» связывает свое освобождение с «освобождением всего русского общества». Тыркова была также среди организаторов Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами (21–25.04.1910 г., С.-Петербург). В ее докладе рассматривался вопрос об организации женского труда и об условиях, толкающих женщин на проституцию, но одновременно ставились более общие проблемы, в частности организации самостоятельных женских профессиональных союзов, предоставления женщинам права участия как в органах местного и городского самоуправления, так и в центральных законодательных учреждениях.

Тыркова заявила о себя как о писательнице, обладавшей несомненным литературным даром. Ее перу принадлежат рассказы, эссе, повести, романы («Жизненный путь», «Ночью», «Добыча»), печатавшиеся в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Нива», а затем выходившие и отдельными изданиями.

Вместе с Вильямсом они много путешествовали, посетили Италию, Англию, Швейцарию, а с октября 1911 по март 1912 г. жили в Константинополе, где Гарольд состоял корреспондентом газеты «The Morning Post». В их доме в Константинополе и на Принкипо бывали многие турецкие политики, армянские и греческие общественные деятели. Тыркова увлеклась древней Византией, написала рассказ «Афинянка» из жизни Иоанна Златоуста. Писала очерки о Турции для «Речи», позднее они были опубликованы в виде сборника «Старая Турция и младотурки», который долгое время служил одним из пособий для советских дипломатов.

Вернувшись из Константинополя, Тыркова получила предложение от группы правых кадетов и прогрессистов войти в состав редакции новой газеты «Русская молва». Впервые в России женщина стала полноправным членом редакции ежедневной столичной газеты. В число сотрудников газеты вошли также П. Б. Струве (экономический отдел) и А. А. Блок (литературный отдел). Параллельно Тыркова работала над семейным архивом А. П. Философовой и подготовила большой историко-биографический

---

* Речь. 1908. 10(23) декабря.

труд, составивший первый том двухтомного издания «Анна Павловна Философова и ее время».

Дом Тырковой в Петербурге стал в это время одним из самых популярных столичных салонов. Здесь бывали многие петербургские писатели и поэты: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, В. Брюсов, М. Волошин, А. А. Блок, Ал. Толстой, В. В. Розанов, Ф. Сологуб, А. Белый, А. Ремизов; политические и общественные деятели: П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев, В. А. Маклаков, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. А. Корнилов, С. Ф. Ольденбург, Н. А. Гредескул и др.

В годы Первой мировой войны Тыркова занимала патриотическую позицию, последовательно отстаивала лозунг: война до победного конца. На заседаниях ЦК кадетской партии она выступала за предоставление правительству военных кредитов, ставя интересы Родины, как она их понимала, интересы армии выше конфронтации с политической верхушкой («Отечество в опасности и вся страна должна его защищать»). В условиях грозной опасности государственная идея в мироощущении Тырковой стала подавлять партийные амбиции («сейчас мы не к.-д., а просто русские люди»). Во время войны Тыркова работала во Всероссийском союзе городов, организовывала санитарные отряды, заведовала хозяйством в одном из них, выезжала в районы боевых действий на Западный и Юго-Западный фронты. Вместе с ней в санитарном отряде работали дочь и сын. По возвращении из прифронтовой зоны, где она пробыла полгода, Тыркова трудилась в попечительстве о солдатских семьях: занималась поисками работы для безработных, организовывала для них дешевые столовые, курсы для обучения ремеслам, заботилась о детях и сиротах, устраивая их в ясли и приюты. Вместе с Вильямсом, который во время войны фактически стал политическим советником английского посла в России Дж. Бьюкенена, а также сопредседателем (вместе с английским романистом Хью Уолполом) Британского комитета в Петрограде, она много сделала для англо-русского сближения. Комитет посещали влиятельные русские политические деятели, члены Государственной думы и Государственного совета, журналисты и писатели. Здесь состоялось знакомство Бьюкенена с лидером кадетов Милюковым.

В первые дни Февральской революции 1917 г. Тыркова пережила состояния «революционного доверчивого добродушия». Еще были сильны ее надежды на революционный творческий порыв масс, и «толпа» еще не обманула ее ожидания («толпа ни разу не была оскорбительна»)*. Она писала в «Петроградском дневнике», что ее вера «держится на сером маленьком человеке». С присущей ей энергией Тыркова включилась в работу по общественному переустройству: вошла в продовольственную комиссию, созданную Временным комитетом Государственной думы и Советом ра-

---

* Петроградский дневник // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. С. 328.

бочих и солдатских депутатов; в особую кадетскую литературную комиссию, издававшую научно-популярную и агитационную партийную литературу, небольшие брошюры и листки. Летом ее избрали в Петроградскую городскую думу, где она возглавила кадетскую фракцию; наряду с этим Тыркова участвовала в заседаниях кадетского ЦК и Петроградского городского комитета партии, являлась делегатом VII–X съездов кадетов.

Однако вскоре пришло осознание иллюзорности надежд на возможность мирного выхода из острейшего политического кризиса, невозможности сотрудничества с леворадикальными партиями и организациями. Она не могла не видеть все более явное поражение кадетов в борьбе за массы, одной из причин которого считала отсутствие у кадетов привлекательной социальной программы. В своем дневнике она с сожалением констатировала «дефект партии», сразу же проявившийся в революционные дни: «Генералы у нас есть, а армии нет»*.

Тыркова принимала участие в работе Государственного совещания в Москве (в качестве делегата от Петроградской городской думы), после которого единственный шанс спасения России от национальной катастрофы она связывала с военной диктатурой. Недаром она оказалась в рядах активных сторонников корниловского выступления. Одновременно Тыркова поддерживала любые попытки соглашения с «государственно-мыслящими» элементами из демократического лагеря. В сентябре 1917 г. она представляла партию кадетов во Временном Совете Республики (Предпарламенте), участвовала в избирательной кампании в качестве кандидата в члены Учредительного собрания (по Новгородской губ.), хотя и не рассчитывала на его успех. 28 ноября 1917 г., в день предполагавшегося открытия Учредительного собрания, она записала в дневнике: «Я не могут ни писать, ни говорить об Учредительном собрании. Я не верю в него. Никакие парламентские пути не выведут теперь Россию на дорогу. Слишком все спутано, слишком темно. И силы темные лезут, собрались, душат»**.

Тыркова категорически отвергала большевистский режим. Вместе с кадетом-публицистом А. С. Изгоевым она организовала в ноябре 1917 г. выпуск нескольких номеров газеты «Борьба», призывавшей к активному сопротивлению советской власти. Постоянно выступала на митингах. После декрета Совнаркома от 28 ноября 1917 г., объявившего кадетов партией «врагов народа», а их лидеров – «вне закона», Тыркова вынуждена была перейти на полулегальное положение. Тем не менее она в ноябре выезжала на несколько дней в Москву, участвовала вместе с П. И. Новгородцевым и С. А. Котляревским в конспиративных заседаниях Московского отдела ЦК кадетской партии. По возвращении в Петроград много сил отдавала формированию офицерских отрядов и отправке их на Дон, где создавалась белая армия. В день открытия Учредительного собрания

---

* Там же. С. 330.

** Наст. изд. С. 212.

5 января 1918 г. она оставила в дневнике запись: «Я, презирая социалистов, вижу бессилие, ошибки, неподвижность своих друзей. Россия должна выдвинуть какие-то совсем новые силы или погибнуть»*.

После разгона Учредительного собрания Тыркова с Вильямсом еще некоторое время жили в Москве, где безуспешно пытались вступить в контакт с какими-либо центрами сопротивления советской власти. В марте 1918 г. они вместе с дочерью Софьей выехали через Мурманск в Англию. Вильямс, солидарный с Белым движением и располагавший связями в самых высоких политических сферах, помог Тырковой развернуть антибольшевистскую кампанию; они видели в большевизме «мировое зло», считали, что необходимо предостеречь мир об этой опасности, блокировать попытки международного признания Советской России и убедить союзные державы в необходимости оказать действенную помощь борцам с советским режимом. Супруги Вильямс были приняты премьер-министром Дж. Ллойд Джорджем, вели частные беседы с влиятельными политиками, использовали любые возможности для публичных выступлений. При содействии профессора Чикагского университета С. Хапера Тыркова с осени 1918 г. регулярно публиковала статьи в американской газете «The Christian Science Monitor». Она выступила одним из инициаторов обращения эмигрантских деятелей к президенту Америки В. Вильсону с призывом спасти Россию. Тыркова рассчитывала прежде всего на материальную помощь, на поставки оружия и техники, но при этом категорически исключала какие-либо соглашения, грозившие России расчленением. «От союзников, – писала она в дневнике 23 .1.1919 г., – хочу только пушек, танков и денег».

В начале 1919 г. Тыркова, профессор М. И. Ростовцев, Струве и Милюков учредили Комитет освобождения России, ставивший своей главной задачей осведомление англичан о большевиках и о событиях, происходивших в России. Комитет рассылал информационные бюллетени, издавал под редакцией Милюкова еженедельный журнал «The New Russia», выпускал на английском языке пропагандистские брошюры, в числе которых была и брошюра Тырковой «Почему Советская Россия голодает» («Why Soviet Russia is starving», 1919).

Весной 1919 г. Тыркова выпустила свою первую книгу на английском языке «From Freedom to Brest-Litovsk» («От свободы к Брест-Литовску»), в которой стремилась рассказать о трагических событиях, происшедших в России, о политике «революционной демократии», доведшей страну до большевистского переворота. «Социалисты, – писала она, – сделали из моего отечества огромное опытное поле для своих догм и теорий». События в России должны были стать предупреждением для других народов мира. Те, кто борется «за лучшее будущее человечества» и «за достойные условия жизни», должны внимательно прочесть «залитые кро-

* Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен-Вашингтон, 1964. С. 146.

вью страницы о Русской революции. Если они поймут наши ошибки, наши заблуждения и наши преступления и если, избегая их, они найдут другие пути, более верные и менее жестокие, тогда мы, русские, будем иметь хоть бы то утешение, что неимоверные страдания России оказались исторической жертвой, принесенной во имя лучшего будущего всего человечества»*.

В июле 1919 г. Тыркова, а также ее сын и дочь отправились в Россию; выехавший ранее Вильямс был аккредитован при штабе армии генерала А. И. Деникина в качестве корреспондента газет «The Times» и «The Daily Chronicle». Тыркова была уверена, что возвращается на родину окончательно, и ликвидировала все дела в Лондоне. Она сразу же включилась в работу «Осведомительно-агитационного отделения» («Освага») в деникинской администрации, стремясь по мере сил поддержать белую армию. Тыркова участвовала в заседаниях кадетского ЦК и Национального центра, общалась с членами Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А. И. Деникине, занималась благотворительной деятельностью, оказывая помощь военным и их семьям. Обстановка ожесточенной Гражданской войны способствовала дальнейшей эволюции ее взглядов. Отныне социалисты для нее – «враги человечества и культуры», борьба с которыми должна идти по законам военного времени. Поэтому она без колебаний солидаризируется с позицией, занятой военно-политическим руководством деникинской армии, ее не смущает подчас неприкрытый консерватизм их воззрений и действий («надо взять в себя грехи Добровольческой армии»; «надо поставить армию на первое место, а демократическую программу – на второе»). Она была убеждена, что во внутренней политике не следует бояться нарушить «демократические приличия», не следует «навязывать демократизм» стране, «доведенной большевистским террором до отчаяния». Тыркова призывала своих однопартийцев проявить смелость мысли и отказаться от «левого прошлого». На Харьковской конференции кадетов в ноябре 1919 г. она выступила с резким заявлением, предложив на время Гражданской войны выбросить «за борт» демократическую программу и прекратить тешить себя иллюзиями о якобы универсальности идей западной демократии. Пережив опыт революции и Гражданской войны, Тыркова пришла к выводу, что российская интеллигенция идеализировала массы (ее вера в «святость масс доходила до пределов отвлеченности»), в должной мере не распознала заложенные в массах разрушительные инстинкты. Она предлагала отказаться от «старого романтического подхода» и научиться «смотреть прямо в глаза дикому зверю, который называется народной массой»**. По мнению Тырковой, насущной задачей дня становилась поддержка национальной диктату-

* Там же. С. 146, 161–162.

** Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 2. 1918–1920 гг. М., 2000. С. 140–141.

ры, создание «господствующего класса, а не диктатуры большинства». Фактически это означало признание поражения либеральной оппозиции в борьбе за демократическое обновление России.

Однако и с помощью военной диктатуры не удалось добиться перелома в борьбе с большевизмом. «То, что мы считали ядром нарождающейся русской государственности, – делала горькую запись в своей записной книжке Тыркова 4 января 1920 г., – оказалось если не мыльным пузырем, то каким-то комком глины, который распался от первого толчка»*. Она склонна была видеть причину краха не в ошибках политического курса белых правительств, а в недостаточно твердом и решительном проведении этого курса. Находясь в преддверии эвакуации в Новороссийске и пытаясь анализировать случившееся, она писала: «Все гражданское управление сводилось к длинным заседаниям. Они обдумывали все мелочи, но были не способны что бы то ни было исполнить. Полное бесплодие и бездарность <...> горечь стыда душит. Противно и стыдно <...> таких людей, безволие и близорукость которых были для всех очевидны, мы осуждали в кружках, но этой же кружковщиной и поддерживали их <...> И ведь знаю, что красные слабы. Это не сила на силу, а слабость на слабость»**.

Тыркова вновь вынуждена была покидать Россию. Ее мучила судьба пропавшей без вести дочери, служившей сестрой милосердия в Павловском полку. Лишь перед самым отъездом Тыркова получила известие, что Соню, заболевшую сыпным тифом, с большим трудом вывезли на английском транспорте. Немалых усилий потребовалось, чтобы разыскать дочь уже в Сербии. Наконец, вся семья собралась в Константинополе; сюда же прибыл Аркадий, который задержался в Новороссийске, поскольку должен был сопровождать П. Б. Струве. Несколько недель все вместе провели на Принкипо. Тыркова отдавала себе отчет, что война окончена, но она рассчитывала спасти армию. Ее план предусматривал создание Южной Федерации (в составе Крыма и Черноморья), которая бы стала опорным пунктом для антибольшевистского лагеря. Она не теряла надежды на генерала П. Н. Врангеля, хотя и понимала, насколько уязвимы его позиции. Поскольку Г. Вильямса отзывали в Лондон, она возвращалась с ним в Западную Европу – опустошенная, утратившая почву под ногами. Дочь, оправившись от болезни, вновь уезжала на фронт – в Крым. Пробыв месяц во Франции, Тыркова и Вильямс, наконец, добрались до Лондона. Начались долгие годы эмиграции.

Первые два года были особенно тяжелы: рухнувшие надежды, материальная неустроенность, неопределенность будущего. Вильямс, предрекавший падение большевиков, потерял не только доверие к своим политическим прогнозам, но и саму работу. Лишь в 1922 г. ему предложили пост главы иностранного отдела во влиятельной «The Times». Супруги

---

* Цит. по: Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен-Вашингтон, 1964. С. 184.

** Там же.

Вильямс смогли обустроить свой дом на Тайт-стрит в одном из центральных кварталов Лондона. Этот дом вскоре стал местом притяжения русской эмиграции. Здесь часто бывали послы и посланники великих и малых держав. Для обсуждения животрепещущих вопросов приходили бывшие царские министры С. Д. Сазонов, А. А. Риттих, А. В. Кривошеин; бывший глава Временного правительства А. Ф. Керенский, бывший военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков; крупные английские политические деятели и писатели – сэр С. Хор, Г. Уэллс, М. Бэринг, Дж. Джером, Б. Пэрс и многие другие. По инициативе Тырковой в Лондоне было создано Общество помощи русским беженцам, которым она руководила на протяжении 20 лет. Одновременно она возглавила Русское колонизационное общество, занимавшееся сбором сведений о местах, пригодных для расселения русских беженцев, обеспечивавшее их правовой и материальной защитой. Ею были организованы платные лекции, с которыми выступали в Лондоне И. А. Бунин, С. Н. Булгаков, А. В. Карташев, Ф. И. Родичев, А. И. Деникин и др. В ее доме бывала М. И. Цветаева. На протяжении целого ряда лет Тыркова оказывала поддержку М. П. Ремизову, помогала И. С. Шмелеву и т. д.

В Лондоне не существовало самостоятельной кадетской группы, однако Тыркова вела интенсивную переписку со своими единомышленниками-однопартийцами, жившими в Париже, Берлине, Константинополе, Софии, Праге. Она стремилась быть в курсе проблем, обсуждавшихся в заграничных кадетских группах. В конце мая 1921 г. она выезжала в Париж, где приняла участие в расширенном многодневном Совещании членов ЦК партии кадетов. Фактически это был последний представительный форум партии, пока еще единой, но уже раздираемой непримиримыми противоречиями. На Совещании членов ЦК Тыркова поддержала оппонентов Милюкова. Она принципиально не отрекалась от идейных установок вооруженного этапа борьбы с большевизмом, всегда говорила о себе – «я белая». В связи с эвакуацией Русской армии она послала генералу П. Н. Врангелю телеграмму со словами поддержки («Мы гордимся тем, что Вы и армия отошли с честью»), в последующие годы оказывала помощь многим офицерам на чужбине.

В эмиграции продолжалась давняя дискуссия (начавшаяся еще в октябре 1917) об отношении к русской революции, ее результатам и дальнейшим перспективам. Не отрекаясь от идеалов освободительного движения начала XX в., Тыркова категорически не принимала введенный Милюковым термин «завоевания революции», для нее немыслимо было вычленять из революционного процесса в России некие положительные итоги. В ее глазах произошедший в России перелом продемонстрировал лишь то, что социализм есть «культурная, экономическая и политическая реакция». Тыркова отрицала революцию как способ разрешения политических и социальных противоречий. Ее политическим идеалом оставался консерватизм – эволюционный рост, не разрушающий работу предыдущих поколений, а преемственно сохраняющий достижения стра-

ны и государства. Более того, она допускала возможность определенной реставрации в России: «Пугаться реставрации в стране, превращенной в развалины, и материально и идеологически, странно. Ограниченная в правах Дума сумела в 10 лет продвинуть жизнь страны вперед, а большевики в три года ее разрушили»*.

Тыркова подвергла резкой критике милюковский курс на создание единого «буржуазно-социалистического фронта» с участием эсеров. «Теперь, – заявила она, – надо выбирать: или буржуазия, или социалисты. Социалистическая революция, произведенная при помощи большевиков и при попустительстве эсеров и других социалистов, привела к ужасным последствиям». Сама Тыркова была убеждена в необходимости и неизбежности борьбы с социалистическими партиями, поскольку «они остались на старых своих позициях». Относительно формы правления Тыркова откровенно заявила, что при альтернативе монархия без социалистов или республика с социалистами она бы выбрала первый путь.

Тыркова болезненно воспринимала нарастающую апатию русской эмиграции, ее разобщенность, потерю импульса к активным действиям. Энергичная, заряженная на достижение поставленной цели натура Тырковой не могла примириться с таким положением дел. Она настойчиво призывала «катить камень в гору». Первостепенным представлялось ей создание единого общерусского органа в зарубежье, который, во-первых, смог бы в глазах Европы стать авторитетным выразителем интересов антибольшевистского движения, а во-вторых, способствовал бы собиранию «рассеянных русских стад». Разочаровавшись в возможностях кадетских эмигрантских групп, она предлагала создавать во всех центрах русского рассеяния сеть «объединенных бесед» при уже существующих организациях.

Тыркова оставалась последовательной и непримиримой противницей коммунистического строя («коммунизм – это болезнь духа»), порочность которого, по ее словам, проявлялась в «отрицании и пренебрежении принципами свободы, права и справедливости», в построении общества на основе классовой ненависти и «государственного рабства». Задачу эмиграции она видела в том, чтобы добиваться осуждения и изоляции («экономической и психологической») советской власти. В 1931 г. она составила вместе с Е. В. Саблиным меморандум о рабском труде в Советской России, организовала сбор подписей среди русских эмигрантов (было собрано 10 тыс. подписей) и направила его в Лигу Наций.

В эмиграции Тыркова продолжала заниматься литературным творчеством. Ее статьи регулярно публиковались в эмигрантских газетах и журналах («Руль», «Слово», «Новое русское слово», «Сегодня», «Возрождение», «Русская мысль»). Так, в газете «Возрождение», выходившей в Париже под редакцией П. Б. Струве в 1925–1927 гг., она вела рубрику

---

* Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 4. М., 1996. С. 420.

«Письма из Англии». Хотя большая часть ее статей была посвящена событиям внутренней и внешней жизни этой страны, однако, осмысливая «английский материал», Тыркова постоянно обращалась мыслью к России. Более всего ее тревожила проблема распространения большевизма. С ее точки зрения, правительственные круги, лидеры политических партий Великобритании в недостаточной мере осознавали опасность коммунистических планов мировой революции. По ее наблюдениям, либералы «с самого начала взяли большевиков под свою защиту», а «лучшая либеральная газета "Манчестер Гардиан"» яростно нападала «на всех русских, с ними борющихся»*. Тыркова обвиняла либеральное правительство Ллойд Джорджа и рабочее правительство Макдональда в том, что те впустили в Англию «опытных агитаторов, забронированных дипломатической неприкосновенностью»; да и среди министров консервативного правительства отмечала отсутствие единодушия.

Тыркова склонялась к мнению о чисто «коммерческих» мотивах, определявших «предвзятый кривой подход к русскому вопросу» английской политической элиты. «Что разорили и разоряют ее (Россию. – *Н. К.*) коммунисты, много раз было сказано и доказано. Но вот беда – доказательства действуют только на тех, кто хочет понять». Среди английских же политиков и журналистов распространены рассуждения типа: «царизм был хуже коммунизма; русский народ не дорос до хорошего правительства, да и вообще то, что творится в России – дела домашние. Пусть сами возятся со своим правительством, это не касается англичан». Англии надо торговать, «Советы могут покупать». «Это, – как подчеркивала Тыркова, – старая формула Л. Джорджа, что торговать можно и с готтентотами. При этом забывается, что кремлевские готтентоты не столько покупатели и продавцы, сколько организаторы мировой революции»**.

Не только Англия, но и другие государства Запада, по мнению Тырковой, готовы закрывать глаза на жестокость установившегося в России режима ради возможности «урвать» хотя бы небольшую выгоду от экономического сотрудничества с большевиками. Большевики же, по ее словам, «отлично понимают стяжательство человеческой души и играют на ней с изумительным упорством и умением. <...> А для мировой буржуазии у комиссаров всегда в карманах если не жирные куски, то хоть жирная бумага от давно съеденных имперских пирогов. <...> Урвать удается то одному, то другому. Но не нужно большого напряжения ума, чтобы понять несоразмерность этого случайного прибыльного хапанья и огромного международного материального ущерба, убытка, порожденного затянувшимся разорением России»***. Однако «торговые соображе-

---

* Письма из Англии. Большевики не в моде // Возрождение. № 137. 17 окт. 1925 г.

** Опять Москва. Москва и Берлин // Возрождение. № 323. 21 апр. 1926 г.

*** Там же.

ния, страх потерять рынок» перевешивают разумные доводы, заключает Тыркова*.

Тыркова пытается в своих статьях раскрыть ту угрозу, которую таит большевизм для внутренней стабильности Англии. То, что, по ее наблюдениям, «коммунизм подмял под себя» тред-юнионы, что «в таких важных союзах, как углекопы, механики, транспортные и судостроительные рабочие, коммунисты имеют огромное влияние», она расценивает как начавшийся «подкоп» под английский строй, который ведется «планомерно, упрямо, умело»**. Тыркова предостерегает: «внутренний фронт прорван» коммунистами, идет «расширение плацдарма для гражданской войны». Она считает, что вожди английских рабочих, «распаленные картинами советского великолепия», уже поддались на коммунистическую агитацию, к тому же за их спиной «опытные тактические руководители из Коминтерна». В этой ситуации «будет ли бой – зависит от того, удалось ли вожакам <...> разжечь среди английских рабочих волю к власти». «Кремль, – пишет она, – ставший твердыней и дворцом мирового пролетариата, это соблазн дьявольский, тут не социализм, тут аппетит к власти. Глядя на Калинина, у любого Смиса просыпается желание стать господствующим классом. Пышные поездки пролетариев всех стран по советскому раю именно рассчитаны на эту прививку воли к власти»***.

Тыркова подвергала критике планы лидера Рабочей партии Р. Макдональда идти «к социалистическому раю» «парламентскими путями и постепенно». Для нее очевидна, с учетом опыта России, несбыточность подобных проектов. Ступив однажды на путь борьбы за социализацию, невозможно удержаться в рамках эволюционного пути, логика развития движения неизбежно вызовет к жизни ускоренный, революционный сценарий: «Р. Макдональд <...> не видит, или не хочет видеть, что, раз считать социализм желанным, то чего же откладывать. Чем скорее, тем лучше». Рано или поздно появится тот, кто, подобно Ленину, скажет: «Не ждите, берите и поскорее...» Так же, как это было в России, когда послушались призывов, «взяли... А в руках оказались одни черепки»****.

Позиция, занятая Тырковой в отношении забастовки английских углекопов, проходившей с большим размахом в 1925–1926 гг. и больно ударившей по экономике страны, свидетельствует об ее эволюции в сторону большего консерватизма. Пережившая три революции, Тыркова знает цену классовой борьбе и стремится предостеречь английских либералов от излишне благодушных оценок забастовочного движения, исходящих из предположения, будто у рабочего класса Англии «поразительно

* См.: Письмо из Англии. Пока не гонят // Возрождение. № 39. 11 июля 1925 г.

** Письма из Англии. Треугольник // Возрождение. № 134. 14 окт. 1925 г.

*** Письма из Англии. Воля к власти // Возрождение. № 84. 25 авг. 1925 г.

**** Письма из Англии. Треугольник.

мало подлинной классовой вражды». С ее точки зрения, это «сентиментальная» близорукость, либералы напрасно думают, что классовое чутье не может быть разбужено, «во всей своей грозной силе», в душе английского рабочего, особенно если учесть размеры безработицы в тогдашней Англии*.

Правда, с другой стороны, Тыркова видит в английском обществе и факторы, способные блокировать попытки коммунистов захватить власть: «гораздо более многочисленный средний класс»; «предметный урок, данный Россией». Среди сдерживающих факторов Тыркова выделяет «поучительную черту английского характера», близкую ей как общественному деятелю-государственнику – забота англичан о сохранении государственности. «Счастье Англии состоит в том, – пишет Тыркова, – что державность ее берегут все, не разбирая классов и образа мыслей, за исключением ничтожной горсточки коммунистов»**. По ее мнению, «счастливы народы, в которых хотя бы на мгновение государственное чутье подымается выше политических дрязг», и тут же с горечью отмечает: «Если бы мозги наших эс-эров и эс-деков хоть раз, хоть во время Великой войны озарились бы таким ответственным сознанием общегосударственных интересов и оценок»***.

С августа 1921 г. Тыркова редактировала журнал «The Russian Life» («Русская жизнь»), созданный на средства, которыми располагал Совет русских послов в Париже, была автором многих статей ежемесячника. В редакционной статье первого номера журнала Тыркова определяла его основные политические лозунги: «Никаких компромиссов с большевизмом»; «Россия единая и свободная»****.

Тыркова сотрудничала с английскими и американскими газетами. В соавторстве с Вильямсом написала на английском языке роман «Hosts of Darkness» (Lnd., 1921); его русский вариант «Василиса Премудрая» частично был опубликован в 1921 г. в журнале «Русская мысль».

В ноябре 1928 г. умер Гарольд Вильямс, что явилось тяжелейшим ударом для Тырковой. Ей потребовалось все ее мужество, стойкость, чтобы «выстоять» и научиться жить без того, кто был нужен «как воздух». Свои письма к мужу Тыркова всегда завершала словами «мы есть», не уставая благодарить его и судьбу «за всю полноту счастья» вдвоем, как единое целое. Отныне гармония ее внутреннего мира разрушилась. В дневнике Тыркова признавалась: «Мне мучительно трудно жить, когда отрезали от меня половину души, нет, не то, просто взорвали все внутри, разорвали

---

* Письма из Англии. Соглашение или разрыв? // Возрождение № 56. 28 июля. 1925 г.; Письма из Англии. Треугольник.

** Смелый чертеж. Письмо из Англии // Возрождение. № 28. 30 июня 1925 г.

*** Письма из Англии. Национальный салют // Возрождение. № 145. 25 окт. 1925 г.

**** To our Readers // Russian Life. 1821. August. № 1. P. 3.

сердце в клочки»[*]. В память о муже она написала книгу «Cheeful Giver» («Щедрый собеседник»), изданную в Лондоне в 1935 г.

В течение многих лет, начиная с 1918 г., Тыркова работала над монументальной двухтомной биографией А. С. Пушкина (1-й том был опубликован в Париже в 1929 г., 2-й – в 1948 г.). Обращение Тырковой к Пушкину объяснялось желанием хотя бы мысленно окунуться в русскую среду, приблизиться к истокам русской духовной жизни. Пушкин для Тырковой – символ национальных традиций, «гениальный обруситель, от духовного родства с которым вряд ли отрекутся нерусские народы России»[**]. Недаром в одном из писем она выдвинула формулу – «Россия спасется Пушкиным». По словам Тырковой, через Пушкина идет «просветление русского лика, затемненного чадом марксистского искушения»[***]. На первую книгу «Жизнь Пушкина» восторженно отозвались В. П. Рябушинский, Саша Черный, Борис Григорьев.

Отсутствие родины Тыркова отчасти заменила в эмиграции православной церковью, найдя в ней мудрость и жизненную опору. Она пересмотрела свойственное ей в молодости нигилистическое отношение к церкви, которое рождалось из представления, что церковь служит интересам власти. Впрочем, ощущение существующей высшей силы было ей всегда присуще, в философских спорах она неизменно склонялась к позиции идеалистов (материализм, по ее выражению, не имеет под собой научных основ и «не дает человеку счастья»). В Лондоне Тыркова стала чаще посещать церковь; она заявляла, что стала православной «не только сердцем, но и умом». В письме к сыну отмечала: «...Самый скучный, бледный, неуклюжий христианский священник, если только в нем мерцает вера, мне сейчас ближе самого блестящего неверующего социалиста»[****]. В ее лондонском доме постоянно собирались профессора и студенты Сергиевской академии. Митрополит Евлогий всегда навещал ее в дни своих приездов в Лондон. Именно в доме Тырковой состоялась его первая встреча с митрополитом Анастасием (будущим главой Русской Зарубежной церкви) после раскола Русской православной церкви (отделения РЗЦ и ухода части священнослужителей во главе с Евлогием под юрисдикцию Вселенского патриарха).

Тыркова придавала большое значение «возрождению и раскрепощению духовных народных сил» посредством приобщения к православной вере, рассматривая этот процесс как основу всей преобразовательной работы в России. Она возлагала большую ответственность на священнослужителей и верующих в деле воспитания новых поколений, считая, что от этого зависит «будущее человечества». Она выступала за объединение

---

[*] ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 61. 9.I.[19]29.

[**] Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11.

[***] Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Письмо И. С. Лукашу от 10.03.1936 г.

[****] Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 43.

усилий различных направлений христианского учения, в частности англиканской и православной церквей, призывая проникнуться идеей христианской солидарности. Тыркова участвовала в работе съездов объединения Св. Албания и Св. Сергия.

В эмиграции Тыркова вела обширную переписку со многими политическими и общественными деятелями, выдающимися представителями науки и культуры. В их числе Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, П. Б. Струве и В. Д. Набоков, П. Н. Милюков и В. А. Маклаков, М. И. Ростовцев и Г. В. Вернадский, Н. О. Лосский и С. С. Ольденбург, А. И. Деникин и П. Н. Врангель, И. А. Бунин и А. И. Куприн, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, А. М. Ремизов и А. В. Амфитеатров, Б. К. Зайцев и И. С. Шмелев, А. Н. Толстой и К. И. Чуковский, В. Ф. Ходасевич и Д. П. Святополк-Мирский, А. Белый и Н. А. Тэффи и многие другие.

В годы Второй мировой войны Тыркова жила вместе с семьей сына во Франции (с конца 1939 г.), сначала в Медоне, затем в По, небольшом городке на юге страны, позднее в Гренобле, писала мемуары. С нападением Германии на СССР все ее внимание было приковано к событиям на востоке Европы. Она отвергала позицию той части эмиграции, которая желала победу немецкому оружию, рассчитывая таким путем освободить страну от диктата советской власти. По твердому убеждению Тырковой, «судьбу России должны решать русские». Вся семья страдала от холода и недоедания, но Тыркова не оставляла общественной деятельности. В ее доме постоянно устраивались «домашние беседы», делались доклады на философские, исторические и литературные темы. В По <город во Франции> вместе с Б. П. Вышеславцевым и пианистом П. И. Ковалевым Тыркова организовывала лекции и музыкальные вечера. В марте 1943 г. она была интернирована немцами как британская подданная. После окончания войны Тыркова вместе с родными переселилась в Версаль, где написала книгу о русском фольклоре, которая была опубликована в 1958 г. в журнале «Возрождение» в виде серии статей под названием «В мире чудесного».

Тыркову тревожила судьба русских людей, оказавшихся за границей и подлежащих выдаче советским властям. По ее инициативе в Париже был создан Комитет помощи интернированным. Усилия Комитета направлялись на оказание как правовой, так и материальной помощи. Тыркова ставила задачу «осведомлять мировое общественное мнение о судьбе, о правах и бесправии» депортированных, «создать для них правовой статус», прежде всего добиваться права передвижения, обеспечить возможности их переселения в «неевропейские страны». Кроме того, Тыркова организовывала сбор одежды, белья, продовольственные и денежные посылки. Ее возмущали просоветские настроения части эмиграции, получившие распространение на волне эмоционального подъема, вызванного славной победой советского народа в тяжелейшем противостоянии с фашизмом. Она разорвала многолетние отношения с Н. Тэффи после того, как рассказ последней появился в парижской просоветской газете.

Главным делом в эти годы стала для Тырковой работа над мемуарами: «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952); «То, чего больше не будет» (Париж, 1954); «Подъем и крушение» (Париж, 1956) – которые впоследствии были опубликованы в журнале «Возрождение». Свою задачу она видела не в изложении событийного ряда, а в том, чтобы передать «общую психологическую среду», в которой нарастало освободительное движение. Для Тырковой казалось особенно важным сохранить в памяти потомков психологический портрет эпохи, характерный для «ушедшего времени» настрой общественного мнения, поскольку, как она считала, порывы мыслей и политических страстей подчас перевешивали трезвый расчет, предопределяя важные политические шаги («мысли о теории плелись за общественными эмоциями, а не руководили ими»). Вообще психологии Тыркова отводила немалое место в политической борьбе («в политике важна не столько логика, сколько психология»). По ее мнению, именно психологический склад актора определял в конечном счете присоединение его к той или иной партии или политической группе. Она писала, что «люди, и отдельные и скопом, движутся не столько мыслями, сколько чувствами», поскольку «мысль, только ставшая эмоцией, приобретает динамическую силу».

В своих воспоминаниях Тыркова пыталась переосмыслить с учетом прожитых лет опыт политической борьбы с самодержавием, определить силу и слабость оппозиции, оценить истоки поражения либерального движения в России. Вину за «страшный исторический обвал», каким Тыркова считала революцию 1917 г., она возлагала на обе противоборствующие стороны. С одной стороны, на правительство, которое противилось проведению назревших реформ, и, «не доверяя своим подданным», не желало поделиться властью с общественностью. С другой стороны, на оппозицию, которая, находясь в плену «огульной враждебности» к власти, не хотела признать, что служение народу обязывает служить и российскому государству, беречь Российскую державу, а следовательно, отказывалась признать «государственную жизненную сущность» самодержавия, его «исторические заслуги», негативно относилась к мысли о возможном сотрудничестве с властью во имя национальных интересов России («непримиримость и отрицание существующей власти ставились выше практического предвидения»). Недаром Тыркова подчеркивала, что в управлении такой огромной империей, которой была Россия, «известная доля косности и неподвижности есть необходимое условие равновесия».

Оба лагеря, правительственный и оппозиционный, находились, по ее убеждению, в плену предвзятых идей и предрассудков. Власть, цепляясь за старое, не понимала насущных интересов народа, не отдавала себе отчет в том, что происходило в России. Оппозиция в большинстве своем также была далека от реальной жизни, не знала подлинных желаний, верований народа и пыталась навязать ему свои представления о счастье. Оба лагеря демонстрировали «все более губительное взаимное непонимание». Пра-

вительство не давало себе труда разбираться в оттенках общественных течений, приписывая всей оппозиции огульно разрушительные стремления. Оппозиция, в свою очередь, преувеличивала самодержавный гнет, провоцируя озлобление общественности, углубление непримиримости. Имея возможность сравнивать различные общественно-политические режимы, Тыркова приходила к выводу, что отсутствие свободы в условиях самодержавия не было столь уж тотальным: «никто не заставлял нас говорить то, что мы не думали»; «мы не знали страха, этой унизительной, разрушительной повальной болезни XX века, посеянной коммунистами». Таким образом, главным виновником «русской катастрофы» Тыркова считала не народные низы, стихийный бунт толпы, а, напротив, верхи, «образованных русских людей», которые были как по ту, так и по другую сторону баррикад, и которые своей опрометчивой политикой, нежеланием приблизиться друг к другу, понять друг друга позволили довести ситуацию от глубочайшего кризиса.

Переосмысление опыта российского революционного движения, долгая эмиграция, позволившая изучить «изнутри» конституционную систему, изменили отношение Тырковой к революции. Отказавшись от прежнего романтического взгляда на политическое бунтарство, она выделяла прежде всего «губительную, дьявольскую сторону революции», отдавая предпочтение политике компромиссов. «Мы, русские, – писала она, – были идиоты, что раньше считали название “соглашатели” бранным словом»*. Теперь же, в эмиграции, она пишет о необходимости разумных соглашений.

В воспоминаниях Тыркова пытается передать особенности мироощущения русской интеллигенции, характерные черты ее мировоззрения и душевного строя. Она подмечает свойственное русской интеллигенции идеализирование Европы («в Европе непрерывное торжество прогресса»; «у нас непрерывная мрачная реакция»). В ее представлении интеллигенции следовало больше изучать Россию и русский народ, вместо того чтобы всецело полагаться на иностранные учебники государственного права, слепо следовать немецким правоведам и экономистам. Тыркова особенно порицала оппозицию за пренебрежительное отношение к историческим традициям России («в России нечего охранять, нечего беречь»). В одной из статей Тыркова давала весьма резкие оценки: «Плохо нас, русских, учили русской истории. В нас не воспитывали уважения к нашему прошлому, к нашим выдающимся деятелям»**. Недаром Тыркова посвящает серию своих статей государственной деятельности русских правителей – Александра I, Екатерины II. В ее представлении Чаадаев оказал «разлагающее» воздействие на русскую политическую мысль; именно он «заразил» русскую интеллигенцию «неблагодарным нигилиз-

* Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Письмо В. А. Маклакову от 14.XI.1944 г.

** Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10.

мом по отношению к своему прошлому». Отсюда искаженное представление о патриотизме («патриотизм считался монополией монархистов»), быть патриотом было общественно «невыгодно».

Как одну из самых опасных болезней определяла она безбожие русской интеллигенции. В статье «На распутье» Тыркова писала: «У нас в России, начиная с нигилистов и кончая толпой поэтов, теснившихся в Башне кругом Вячеслава Иванова, эта демоническая безответственность воли человеческой считалась победой свободной мысли. Бога нет. Поэтому я сам себе Бог»*. Именно религиозное невежество интеллигенции было, с ее точки зрения, повинно в том, что не делалось различия между истинным учением и недостатками «церкви земной» и в результате церковь оказалась по ту сторону разделяющей противоборствующие силы черты, во враждебном лагере. В результате ставился заслон для возможного влияния православия на нравственное совершенствование. «Многое в русской революции, – писала Тыркова, – объясняется двумя словами – Бога забыли. Забыл не народ, забыла, дерзостно отвергала интеллигенция»**. По мнению Тырковой, «безбожие не было русской выдумкой»; оно пришло с Запада. Но именно экстремизм большевистской политики продемонстрировал на практике, к чему ведет «безответственная игра с исконными духовными ценностями, на которых столетиями вырастала Россия», какими последствиями грозят попытки «растоптать Божественные законы, воспитывать в людях не любовь, а ненависть». Наглядный урок «коммунистического безбожия» помог «одуматься» «русской грешной интеллигенции». «Политика, лишенная веры в божественное начало, оказалась построенной на песке». Между тем в глазах Тырковой вера в Бога являлась краеугольным камнем, на котором только и могло выстраиваться здание сильной русской государственности; в православии «исторические корни нашей народной жизни»; только через обретение веры, через духовное возрождение достижимо политическое освобождение («свобода России неразрывно связана с верой»).

Болезненным вопросом для Тырковой оставалось отношение русской интеллигенции к терроризму. «Духовным ослеплением», изъяном считала она отсутствие морального осуждения этого способа политической борьбы. Тырковой представлялось, что поскольку созыв Государственной думы давал реальную возможность вести борьбу мирными, парламентскими средствами, необходимо было решительное осуждение революционного насилия. Это, как она писала, помогло бы переломить общественный настрой, усмирить дух бунтарства. Однако русская интеллигенция своим стремлением все «развязать, даже разнуздать» ослабила нравственные скрепы в обществе, исказила понятие долга перед государством. В итоге, по образному выражению Тырковой, «вырос базаровский лопух там, где прежде была пшеница».

---

* Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11.

** Там же.

Подчеркивая, что оппозиция руководствовалась искренним желанием служить народу, обеспечить благоденствие и процветании всей России, Тыркова в то же время признавала, что оппозиции не хватало государственной ответственности за судьбы страны, трезвого расчета и предвидения, анализа, к каким реальным результатам может привести сотрясание устоев самодержавия («мы не боялись огненности революции»). Характерным примером служила I и II Государственная дума, в которую депутаты от оппозиции, не сознавая своих обязанностей по отношению к российскому государству, шли не с планами законотворчества, а преследуя цели продолжения жесткого давления на власть путем выдвижения новых и новых требований. Тыркова объясняла эту позицию тем, что за годы, когда общественность была искусственно лишена возможности реализовывать себя, она «потеряла ощущение государства как живого существа», служение российскому государству оказалось подменено понятием служения народу. Вспоминая о периоде «анемического безвластия» Временного правительства, Тыркова с горечью констатировала, что оппозиция не была подготовлена к руководству государством. В результате Февральская революция не создала никакой власти. Среди факторов, ослаблявших оппозицию, она называла и характерные для русской интеллигенции проявления сектантства, политического дробления и враждебного размежевания, «узкой партийности». Эти искусственно воздвигнутые перегородки интеллигенция потащила за собой в эмиграцию, усложняя и без того нелегкую политическую жизнь российского зарубежья.

Особое место в мемуарах Тырковой занимает кадетская партия. Она сравнивает ее с «рыцарским орденом», хорошо организованным, дисциплинированным. В этом, по ее мнению, отражались как особенности запаздывающего развития либерализма в России, так и своеобразие русской интеллигенции. Причинами психологического свойства объясняла Тыркова некоторые ключевые положения кадетской платформы. Так, при разработке аграрной программы кадетами руководило «беспокойство кающихся дворян, жаждущих заплатить народу свой долг», когда они отстаивали принцип принудительного отчуждения помещичьей земли (за справедливое вознаграждение) – принцип, представлявшийся ей недостаточно продуманным и обоснованным. Кадеты, по определению Тырковой, были «государственные идеалисты», они верили, что Россию можно перестроить по теоретически выверенному образцу. Подобный взгляд отражал свойственную русской интеллигенции (вне зависимости от политических пристрастий) черту – выстраивать жизнь по идеологическим схемам. «...Не только социалисты, теории которых еще не были испытаны жизнью, – отмечала Тыркова, – но и либералы не считались с особенностями и уровнем русской жизни, а порхали по абсолютным верхам. Теперь, после всего перевиденного и пережитого, эта отвлеченность и книжность, выступает ярче»*.

* Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10.

Кадеты сыграли, как полагала Тыркова, большую роль в политической истории России – они стали пионерами парламентаризма в России, многое сделали для упрочения основ гражданственности. Задачи кадетами были поставлены правильно, но они не смогли их осуществить. По ее мнению, кадеты прежде всего не выполнили ту миссию, которую готовила им история – стать «посредниками между старой и новой Россией», «войти в сотрудничество с исторической властью и вместе с ней перестроить жизнь по-новому, но сохранить предание, преемственность, тот драгоценный государственный костяк, вокруг которого развиваются, разрастаются клетки народного тела». Шанс был упущен не по причине ошибочности программных установок, а вследствие негативного психологического настроя, сформировавшегося за долгие годы разобщения власти и общества, «неостывших бунтарских эмоций». При таком настрое достижение компромисса с властью воспринималось как измена целям борьбы. От власти требовали не компромисса, а безусловной сдачи – в виде согласия на формирование ответственного перед Думой министерства.

Тыркова сожалела, что партия не смогла преодолеть укоренившуюся предвзятость по отношению к власти. Лишь в эмиграции она впервые смогла вступить в личный контакт с бывшими министрами и обнаружить, как много общего в воспитании, отношении к Родине было между ними и ее соратниками по освобожденческому движению. Тыркова приходила к выводу о достижимости сотрудничества во имя национальных интересов России, препятствием к которому служила скорее искусственно культивируемая враждебность, нежели объективно непреодолимые противоречия. С горечью она констатировала, что в свое время не оценила по достоинству фигуру премьер-министра П. А. Столыпина. Оглядываясь назад, Тыркова признавала, что ей, как и другим ее однопартийцам, не хватило политического чутья, чтобы разглядеть «государственную неотложность» его усилий по восстановлению гражданского мира, порядка и спокойствия в России. В частности, Тыркова полагала, что столыпинскую аграрную реформу кадетам следовало поддержать. Однако в 1910-е гг. Столыпин в глазах кадетов представал исключительно врагом, а не государственным деятелем, стремящимся вывести Россию на путь благоденствия и процветания. Тыркова вспоминала отношение в партии к попытке С. Н. Булгакова, В. А. Маклакова, П. Б. Струве и М. В. Челнокова достигнуть компромисса на переговорах с премьер-министром накануне роспуска II Думы – их поведение расценивалось как «недостойное соглашательство».

Возможный путь к «засыпанию рва» между правящей верхушкой и общественностью Тыркова усматривала в деятельности народного представительства. Будничная, деловая работа Государственной думы, на ее взгляд, оказывала «отрезвляющее» действие. В думских комиссиях при обсуждениях законопроектов началось сотрудничество народных депутатов и представителей бюрократии, одновременно выработалось сознание ответственности за государственное управление страной, разум-

ное понимание ее насущных потребностей. Парламент начал постепенно перевоспитывать и чиновничество, и оппозицию, и общественное мнение, и народ. Думские прения, по словам Тырковой, выполняли роль «предохранительного клапана», позволявшего выпустить пар народного недовольства. Впервые обществу была предоставлена реальная возможность мирным путем влиять на политику государства, «постепенно закладывались основы правового строя»*. Создавалась альтернатива революционному пути, которая, однако, оказалась невостребованной.

* * *

В марте 1951 г. Тыркова вместе с семьей сына переехала в США, в Нью-Йорк. Несмотря на преклонный возраст (82 года), она сохраняла бодрость духа, творческую энергию, была деятельна и общительна. Активно содействовала созданию Российского политического комитета, став его соучередителем и вице-председателем. Участвовала в церковно-общественной деятельности, продолжала работать над своими мемуарами, писала статьи для эмигрантской прессы.

В своей политической публицистике Тыркова не уставала призывать к изучению того «социального опыта, который проделывают коммунисты с Россией» и к борьбе с коммунистическим режимом. При этом подразумевалась борьба не «физическая», а «духовная, обличительная». Тыркова не допускала мысли о возможности укоренения на русской почве коммунистической системы, в ее понимании коммунизм – это «страшная психическая болезнь», завезенная с Запада, не имеющая корней в русском прошлом, глубоко чуждая «русской психологии»**. Она отказывалась верить в возможность внутренней эволюции коммунистической политики. Тыркова подчеркивала, что хотя нет точных сведений о том, «что творится сейчас в Кремле», «одно несомненно – ни на какие серьезные уступки населению коммунисты не пойдут и пойти не могут. Предположение, что в коммунистической партии происходят какие-то серьезные перемены, есть вредная мечта»***.

В общей кампании борьбы с «коммунистической опасностью» Тыркова отводила особое место российской эмиграции. В условиях авторитарной системы в Советской России эмиграция, по ее мнению, должна была взять на себя роль оппозиции, свободного «голоса совести», ведущего планомерную критику пороков коммунистической системы.

Однако она отмечала свойственный эмиграции хронический порок – распыленность, как организационную, так и идейную, отсутствие внутренней спайки. Снова и снова Тыркова обосновывала необходимость

---

* Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10.

** Статья «Русское дело» // Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10.

*** Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11.

создания единого центра, мобилизующего силы эмиграции, концентрирующего ее политическую мысль и политическую волю. За свою долгую жизнь в изгнании Тыркова была свидетельницей многих окончившихся провалом попыток сформировать единый орган, который бы представлял интересы российского зарубежья, формулировал общие идейные основы деятельности эмиграции. Но Тыркова продолжала упорно надеяться, что рано или поздно эмиграция сможет собрать свои силы «в кулак», «сомкнуть ряды». Уверенность ей придавало то обстоятельство, что, несмотря на различные оттенки мнений (все еще допускаемая «роскошь многообразия» политических взглядов), в среде эмиграции «в потенциальном виде» существует общественное мнение. По крайней мере, единодушное и «стойкое» общественное мнение заявляет о себе, как отмечала Тыркова, в оценке коммунистической системы, в последовательном осуждении любых попыток соглашательства с советской властью.

Тыркова полагала, что «отрицательная задача» – развенчание коммунизма – может послужить достаточно прочной идеологической основой для создания единого фронта борьбы. При этом она считала жизненно важным максимально расширить рамки объединения, заявляя об устарелости прежнего деления на «правых» и «левых». «Я ищу других мерок, других подходов к людям, других признаков, по которым считаю возможным, или невозможным, с ними сотрудничать, – признавалась она в статье “Отрекохуся”. – <...> Я пришла к убеждению, что люди должны сближаться, сдвигать ряды не по программным пунктам, а по несравненно более глубокому, органическому сходству мироощущения и отношения к подлинным ценностям <...> единомыслие в задачах политических, экономических, социальных <...> должно вытекать из основного, духовного единомыслия»*. Впрочем, с левее стоящими партиями Тырковой не удавалось нащупать «духовного единомыслия». Вся риторика ее публицистики подкрепляла ориентацию в сторону консервативных сил. Чтобы создать достаточно широкий фронт, надо, как писала Тыркова, «выскрести из психологии заплесневевшие предрассудки и предвзятые взгляды. Прежде всего выбросить за борт набивший оскомину страх перед соседями справа. Надо же наконец понять, что враг, опасный, гнусный, могучий, царствует на левом фланге. Ведь по сравнению с коммунистами самые что ни на есть заядлые правые это невинные младенцы...». Поэтому она настаивала на включении в объединение представителей белых армий, в противовес выработанному еще в 1920 г. милюковскому тактическому курсу, раз и навсегда исключавшему Общевоинский и Казачий союзы из числа возможных союзников.

Сплочение эмигрантских сил являлось, по мысли Тырковой, необходимым предварительным условием, позволявшим не только обеспечить независимость и авторитетность позиции эмиграции, но и установить партнерское сотрудничество с западными правительственными и обще-

* Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10.

ственными кругами в деле противодействия коммунизму. «Надо прежде всего между собой сплотиться, договориться, а уже потом разговаривать с иностранцами, писала Тыркова в 1952 г., – <...> пока сами русские не создадут комитета, выявляющего центральные течения русской общественной мысли, переговоры врассыпную, исходящие от отдельных лиц или от отдельных групп принесут только вред и усилят всеобщую конфузию»*. Тыркова исходила из того, что и «западная демократия», и русская эмиграция взаимно нуждались друг в друге в рамках антикоммунистической кампании. Однако она пыталась заглянуть в более отдаленную перспективу, ей было небезразлично, какими последствиями может обернуться для России помощь Запада в освобождении от большевизма. Поэтому она считала принципиально важным, чтобы переговоры с западным партнером велись не силами отдельных, разобщенных эмигрантских групп, а представительным центром, который бы смог изначально оговорить условия взаимодействия.

По наблюдениям Тырковой, понимание подлинных размеров коммунистической угрозы пришло к странам Запада далеко не сразу. В межвоенную эпоху превалировали, скорее, «моральный индифферентизм и отчасти интеллектуальное любопытство к марксистскому опыту над русскими кроликами»**. И лишь по окончании Второй мировой войны заметно участились выступления, разоблачающие «подлинную сущность коммунизма». Тыркова склонна была видеть за переменой настроений прежде всего страх, проявление «национального инстинкта самосохранения», но вместе с тем и «голос пробуждающейся совести» («людям стало стыдно оставаться равнодушными зрителями массовых преступлений, которые коммунистическая партия творит и в России, и в странах-сателлитах»).

Однако за ростом антикоммунистических настроений Тыркова угадывала и углубление враждебного отношения к самой России: попытки поставить знак равенства между Россией и коммунистическим режимом, представить коммунистическую экспансию как закономерное продолжение «русского империализма и экспансионизма». В связи с этим Тыркова заявляла: «...нам не к лицу смиренно выслушивать обвинения в злостном русском экспансионизме, из которого будто бы выросло стремление коммунистов произвести мировую революцию. Это два явления совершенно разного порядка». Большевики, по ее мнению, «насильно захватили власть», фактически поработили свой народ, а агрессивная политика советской власти является результатом ее стремления осуществить коммунизм в планетарном масштабе. Напротив, то, что Запад понимает под «русским империализмом», представляет естественное для каждого народа на определенном этапе его развития стремление к расширению жизненного пространства («его толкала вперед и вперед потребность развернуться, проявить нараставшую в нем государственную мощь»). При

---

* Там же.

** Там же.

этом, вбирая в свои пределы новые земли, русский народ, как отмечала Тыркова, нес с собой «порядок, успокоение, безопасность», повышение уровня жизни, уважение к инаковерующим, «признание равноценности человеческой личности, независимо от крови и веры», что помогло создать Великую Россию. Впрочем, этот этап приращения государственных владений окончен, как окончен период приобретения колоний для европейских держав. Тыркова особо подчеркивала, что для современной России «нет ни нужды, ни выгоды расширять свою территорию, гнаться за чужими землями»*.

Тыркова задавалась вопросом – как политики понимают задачи, связанные с антикоммунистической борьбой: «Находят ли они желательным, вернее, понимают ли они неизбежность того, что Россия, освобожденная от советской власти, займет свое прежнее влиятельное положение среди других христианских стран и народов. Или все еще есть стремление отвести Россию подальше от Европы, отрезать от нее целые ломти ее исконных европейских земель?»**. Тыркова предостерегала, что намерения определенных политических кругов Запада вести борьбу с коммунизмом путем расчленения России могли привести к противоположным результатам, поскольку «у русского народа <...> есть твердая воля сохранить единство России» и любые действия, подвергающие опасности целостность страны, будут восприняты им как враждебные не по отношению к советской власти, а по отношению к России.

Тыркову не могли не беспокоить обнаруживавшиеся в международной политике стремления «брести по вязкой тропинке» так называемой реальной (утилитарной), политики, игнорируя понятия добра и зла, закрывая глаза на принципы политической морали. Поскольку Тыркова полагала, что в борьбе с большевизмом понадобится «иностранная помощь», она призывала изначально выработать приемлемые условия принятия такой помощи. В ее представлении главным было, во-первых, обеспечение целостности и единства России; во-вторых, невмешательство заграницы в дело переустройства России, противодействие каким бы то ни было поползновениям навязать России извне политический строй. В одном из писем В. А. Маклакову Тыркова подчеркивала, что эмиграция вынуждена искать иностранной помощи, но в то же время необходимо «в иностранном лагере охранять независимость русского народа».

Тыркова занимала жесткую позицию в национальном вопросе, отвергая какие бы то ни было сепаратистские планы. Она последовательно выступала против самоопределения Балтийских государств, а также Грузии, Армении. Для нее сохранение целостности страны оставалось непререкаемым императивом.

Если постановка «отрицательной» задачи, отвечая общим интересам эмиграции, могла оказать консолидирующее воздействие, то это вряд ли можно было сказать в отношении «положительной» задачи – планов

---

* Там же.

** Там же.

постсоветского возрождения России. Данный вопрос традиционно служил источником дробления эмигрантского лагеря на многочисленные, постоянно сталкивающиеся группировки. Поэтому Тыркова предпочитала формулировать лишь самые общие принципы, занимая в целом ряде конкретных вопросов позицию непредрешения. Программу будущего возрождения России она рисовала крупными мазками: «цельность России, восстановление частной собственности и частной инициативы, правовой государственный строй»; «основные свободы, как они перечисляются во всех учебниках». Любая конкретизация представлялась Тырковой нецелесообразной также и в силу отсутствия у эмиграции достоверной информацией о реальном положении в Советской России, о настроениях и потребностях населения.

Непредрешенным оставляла Тыркова, в частности, вопрос о форме правления, хотя не скрывала собственных предпочтений. В 1950-е гг., так же как и в начале века, она не была монархисткой и даже монархия с «конституционными ограничениями» не представлялась ей желательной для России. Впрочем, она невысоко оценивала и демократический опыт России 1917 г. («демократию мне испортила революционная демократия, которая не имела мужества осуществить социализм, а буржуазный строй ослабила и разболтала»). В конечном счете она просто хотела для России «свободного и достойного государственного строя». «Я не монархистка, но и не республиканка, – признавалась Тыркова в 1953 г. – Я думаю, что и в республике, и в монархии народы могут строить себе жизнь, опирающуюся на вечные ценности и потому свободную, достойную, счастливую. Не форма определяет бытие человека, а духовные заветы, моральные привычки, накопленные нацией»*. В остальном же, по ее мнению, следовало вырабатывать наиболее сбалансированные взаимоотношения между центральной властью и областями, в особенности теми, где преобладает нерусское население, «дать наибольшую свободу областям и различным населяющим их народам», следовало найти «наиболее выгодные и для личности, и для государства формы между частным и национальным хозяйством», восстановить экономическую, политическую, культурную, духовную историческую преемственность, которую марксистская власть «так яростно пыталась в корне разрушить». Она упоминала и о других, преимущественно экономических задачах, которые «можно и должно обсуждать, но нельзя даже теоретически окончательно решать»**. Тыркова полагалась на «зоркий государственный инстинкт», на силу религиозных и духовных ценностей, которые смогут дать «живые всходы» – верные ориентиры в будущем строительстве свободной России. Таким образом, основное направление политики эмигрантского центра Тыркова опреде-

---

* Статья «Сила традиций» // Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11.

** Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11.

ляла как «государственное», «национальное», причем в основе должно лежать православие.

Среди ключевых проблем будущего преобразования России Тыркова рассматривала отношение к исторической преемственности. Она не причисляла себя к сторонникам «тоталитарной реставрации», но одновременно полемизировала с теми, кто не видел ценности в традициях, накопленных нацией и государством. «Было бы вредной политической наивностью думать, что можно просто вернуться к прошлому, к старому, – писала она. – Трудно даже указать, откуда считать это прошлое – от абсолютной монархии Николая I, от полуконституции Государственной думы, от Февральской революции. <...> Но так же невозможен и нежелателен тоталитарный отрыв от прошлого, от тысячелетнего государственного творчества, которым насыщена история русского народа»*. Тыркова призывала отказаться от упрощенного, схематичного взгляда на традиции как на консервацию реакционных устоев, отживших свой век порядков. В ее понимании традиция – это «подсознательное отложение в памяти народной того, что в доставшемся от предков наследстве есть здорового, значительного, прекрасного»; это «плод соборного творчества поколений»; это «живая ткань», в которой «есть рост, есть движение».

В своем отношении к прошлому Тыркова выступала прежде всего как государственник и патриот, вычленяя в первую очередь традиции становления и развития отечества, накопления великого духовного народного богатства, преемственной связью с которым можно только гордиться. С сожалением она отмечала, что у части эмиграции самое выражение – русские исторические традиции «вызывает суеверный страх, точно встали политические призраки», «они готовы считать себя русскими, но только с февраля 1917 г., а от всего, что раньше, отрекаются». Себя Тыркова без колебаний относила к тем, кто чтил в России «великое наследие», заявляя, что она не отказывается «ни от одной пяди русского прошлого», и не потому, что считает это прошлое «безгрешным», а потому что «готова разделить всю ответственность за дурное и хорошее». «У всех народов, – писала она, – были ошибки, проступки, порой переходящие в преступления. Были грехи. Но историю, как людей, надо судить не по худым проявлениям, а по лучшим. У западных народов были свои Иоанны Грозные, но они из-за этого не отрекаются от своей преемственной связи с прошлым, с традицией»**.

Тырковой хотелось, чтобы эмиграция сумела сохранить в своих детях русские культурные, духовные корни, чтобы в семьях, школах шла «ежедневная прививка национального духа», чтобы дети научились «не только думать о России, но и всегда ее чувствовать». В этом стремлении искусственно воссоздать за границей уголок прежней России сквозила надеж-

* Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11.

** Статья «Прошлое и настоящее» // Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10.

да на возможность возращения в будущем на родную землю, где может оказаться востребованным интеллектуальный и нравственный потенциал российского зарубежья.

* * *

В 1956 г. Тыркова вынуждена была покинуть Нью-Йорк, поскольку сын Аркадий, получив предложение работать на радио «Голос Америки», переезжал с семьей в Вашингтон. Уезжая, Тыркова сочла необходимым выйти из состава руководства Русского политического комитета. Этот шаг носил принципиальный характер и объяснялся тем, что Тыркова не считала для себя возможным нести ответственность, в качестве члена Комитета, за его политику и тактику, в выработке которых за дальностью расстояний, она уже не могла непосредственно участвовать. Кроме того, она все явственнее ощущала нараставшие разногласия внутри Комитета, вынуждавшие ее, во имя выработки единой позиции, идти вразрез со своими убеждениями, а это для Тырковой было неприемлемо всегда, на всем протяжении ее долгой общественной и политической деятельности.

Последние годы Тырковой были нелегки: она потеряла любимую внучку Наташу, умершую совсем молодой и оставившую маленькую дочку. Тыркова проявляла в меру своих сил нежную заботу о своей правнучке Кате. Вскоре скончалась и невестка Тамара. В публикуемых письмах внимательный читатель заметит отголоски тяжелых семейных потерь. Но вместе с тем оценит стойкость и мужество Ариадны Владимировны. Борец в политической и общественной жизни, она не сдавалась и под ударами судьбы – в ее письмах не жалобы, а, как и раньше, исполнение своего общественного долга, долга журналиста. Она писала, что никто не может освободить ее от солдатской службы: «у солдат ружье, у нас перо».

До конца своих дней Тыркова питала живой и непреходящий интерес ко всему, что происходило на родине, следила за достижениями в области науки, литературы, культуры. Одной из последних работ почти девяностолетней писательницы стала статья о «Докторе Живаго» Б. Л. Пастернака.

Ариадна Владимировна Тыркова скончалась 12 января 1962 г. в Вашингтоне.

Н. И. Канищева

ВВЕДЕНИЕ

В одной из газетных статьей, написанных в конце жизни, А. В. Тыркова писала: «Странно мне думать, что мой голос, мои мысли и чувства могут снова дойти до моей родной русской земли, до моего родного русского народа...». Однако надежда не покидала ее. Недаром Тырковой удалось сохранить, несмотря на исторические и семейные катаклизмы, обширный архив, включающий дневники, записные книжки, письма.

У Тырковой было легкое перо. По воспоминаниям близких, статьи на волнующие ее темы она писала быстро, не вымучивая, в один «присест». Так же легко и с удовольствием она вела обширную переписку. Характерный для Тырковой размашистый «летящий» почерк, минимум помарок и исправлений создают впечатление «бегущей мысли», за которой едва поспевает перо.

Привычка Тырковой к «писательству» оказалась счастливой для историков, литературоведов, журналистов. Ее наследие дает богатый материал прежде всего для понимания общественно-политической жизни России на переломе двух веков, для анализа наиболее важных процессов в идейной сфере, партийной жизни, истории социальных движений, развертывавшихся в России, «разбуженной» революционными событиями, для знакомства с людьми, которые оказались на авансцене «российского театра», где на протяжении XX в. разыгрывалась драма революционного действа, а затем – трагедия братоубийственной Гражданской войны. В публикуемых дневниках, письмах, публицистике содержится уникальная информация о судьбах Русского зарубежья на протяжении его полувековой истории, о мучительных попытках переосмысления революционного опыта, поисках вариантов преодоления «большевистского морока» и возрождения России.

К настоящему времени в отечественной периодике увидели свет: часть дневника Тырковой, относящаяся к периоду Февральской революции 1917 г.*; ее переписка с И. А. Буниным, относящаяся к тому времени, когда в эмиграции живо обсуждался вопрос о возможности присуждении Нобелевской премии по литературе одному из русских писателей в изгнании; с Н. А. Тэффи и с Н. А. Бердяевым (подготовленная на основе материалов РГАЛИ, а также архива А. В. Тырковой, хранящегося в рукописном отделе Британской библиотеки [British Museum. Manuscript

---

* Тыркова А. В. Петроградский дневник / Публ. М. Ю. Сорокиной // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1997. С. 319–339.

Department. H. W. Williams Papers])*. Несомненный исследовательский интерес представляет издание писем к Тырковой выдающегося русского ученого М. И. Ростовцева**, а также ряда других ее известных современников***.

Данная публикация ставит целью максимально полно представить документы и материалы, связанные с именем Ариадны Владимировны Тырковой и отражающие различные стороны ее деятельности на разных жизненных этапах с учетом весьма широкого круга ее интересов. Перед составителем стояла трудная задача отбора документов. Решая ее, мы посчитали важным, во-первых, представить ее дневники, записные книжки, публицистику, переписку, которые в совокупности позволяют осветить описываемые события и процессы с разных сторон, давая различные срезы конкретных исторических фактов. Во-вторых, предполагалось познакомить читателя с таким кругом документов, которые содержат максимально полные сведения об общественно-политических взглядах Тырковой, о привлекавших ее внимание проблемах, а также осветил бы различные стороны ее деятельности. В-третьих, приоритетом пользовались документы, затрагивающие такие периоды жизни Тырковой, которые в отечественной историографии до настоящего времени не освещались вовсе или затрагивались лишь вскользь.

В 1-й раздел включены дневниковые записи и записные книжки Тырковой, отчасти выявленные нами в Государственном архиве РФ (Ф. 629), отчасти же переданные туда в 2009 г. правнучкой нашей героини, г-жой Екатериной Лихварь, проживающей в США. Свои дневники Тыркова писала чернилами в ученических или общих тетрадях. Собственно дневниковые записи (особенно в их «американской» части) перемежаются конспектами книг, цитатами из прочитанного, набросками сюжетов для будущих произведений и зарисовками их персонажей, а также различными сугубо хозяйственными заметками. При подготовке публикации

---

* Письма А. В. Тырковой-Вильямс И. А. Бунину. Вступит. статья, публикация и примечания // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 327–369; Н. А. Тэффи и А. В. Тыркова-Вильямс: из переписки // Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: Наследие, 1999. С. 294–299; Янгиров Р. М. Против течения: Николай Бердяев и его спор с Белым делом о России // Отечественные записки. 2007. № 3; «Живу, оторванная... от России...»: Письма А. В. Тырковой-Вильямс, М. В. Сабашниковой, М. А. Каллаш, Е. Д. Кусковой Н. А. Бердяеву. 1922–1946 гг. // Альманах «Россия. XX век». М., 2009.

** Скифский роман. М., 1997.

*** Бунин И. А. *«Вы – друг старый и верный...»*: Письма И. А. Бунина к А. В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // Минувшее. М.; СПб., 1994. № 15. С. 165–192. «Революция есть искупление грехов». Письмо Н. А. Бердяева А. В. Тырковой. Ноябрь 1922 г. / Публ. Андреева А. Л. // Исторический архив. № 3 (1995).

эти «вкрапления» были исключены, а возникшие пропуски обозначены значком <...>. Записные книжки отличаются от дневников и внешне (они меньшего формата), и по характеру записей (заметки для памяти здесь занимают несравнимо больший объем). По сравнению с дневниками, записные книжки создают особые трудности для чтения – тексты написаны по преимуществу карандашом, как правило, второпях, с различными сокращениями, исправлениями, вставками. Однако они также содержат значимую для историков информацию, дополняющую сведения дневников или даже восполняющую пробелы в дневниковых записях. В них отражены важные события, поступки и реакции известных политических деятелей, а поскольку осведомленность Тырковой, лично участвовавшей в происходившем, носит эксклюзивный характер, представляется обоснованным включить в публикацию даже отдельные фрагменты, изложенные подчас конспективно и в силу этого выбивающиеся из общего стиля дневникового повествования. Исходя из этих соображений составитель посчитал возможным искусственно не разделять дневники и записные книжки Тырковой и объединить их под общим названием.

Обе части дневников («российская» и «американская»), органично дополняя друг друга, создают общее полотно жизни Тырковой на протяжении 60 лет: первая запись датирована 1894 г., а последняя – 1954-м. Хотя автор этих записей, несомненно, имела привычку к фиксации событий, в них встречаются пробелы, и порой весьма значительные. Это отражает ее манеру ведения дневника. В частности, первые годы – как бы примерочные, Тыркова еще находится в поиске своего пути, и эта неопределенность сказывается на содержании и частоте записей. Создается впечатление, что Тыркова не решила для себя, какая роль отводится дневнику, какого содержания и направленности должны быть записи в нем. Отсюда и нерегулярность записей, и разбросанность их тематики. Только с начала 1900-х гг., когда Тыркова уже сделала окончательный выбор в пользу публицистики и заняла активную позицию в общественной жизни, записи приобретают некоторую упорядоченность и тематическую направленность. Хотя и здесь не обходится без пробелов, но они имеют, как представляется, логическое объяснение. Тыркова фиксирует в дневнике главным образом события общественной жизни и свое отношение к ним. Но, как мы знаем, проблемы, волновавшие тогдашнее общество, находят отражение и в газетных статьях, которые постоянно выходят из-под пера Тырковой, что, несомненно, аккумулирует ее умственную и эмоциональную реакцию. Таким образом, дневники и публицистика взаимодополняют друг друга, раскрывая движение мысли Тырковой, эволюцию ее политической и партийной позиции, а также, не в последнюю очередь – совершенствование художественного стиля: отдельные дневниковые зарисовки представляет завершенные литературные фрагменты.

Дневники Тырковой выходят в свет впервые за одним исключением. Дабы не прерывать единую нить повествования, в раздел включен небольшой их фрагмент, относящийся к концу 1916 – началу 1917 г., кото-

рый в свое время был опубликован в альманахе «Звенья». Его текст сверен по архивным документам и отдельные неточности исправлены.

«Русская» часть дневников относится к периоду 1900–1917 гг. Эти годы являются, пожалуй, самым важным и насыщенным периодом в жизни Тырковой: она окончательно входит в ряды либеральной оппозиции, постоянный круг ее общения значительно расширяется и включает таких представителей интеллектуальной элиты тогдашней России, как П. Б. Струве, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков и др. Будучи избранной в состав кадетского ЦК, Тыркова становится свидетельницей, а затем и участницей внутрипартийной «кухни», на которой формировалась позиция по тем или иным общественным и политическим вопросам, вырабатывались тактические ходы, выдвигались партийные лозунги. Точно так же она находится в курсе парламентской деятельности партии, описывая кулуарную сторону фракционной работы. Свойственная Тырковой независимость взглядов повышает ценность дневников: ей удается оставаться «над схваткой», критически оценивать различные мнения партийцев, не становясь апологетом какой-либо одной точки зрения. Недаром Тыркова говорила о себе: «...я человек свободомыслящий и привыкла иметь свой взгляд на вещи». Излагая на страницах дневника ход очередной внутрипартийной полемики, она с разумной осторожностью взвешивала «за» и «против» различных партийных подходов, как бы прислушиваясь к тому, насколько они соответствовали ее собственным представлениям о политической целесообразности. Неудивительно поэтому, что для нее не существовало непреложных авторитетов. Так, бесспорный лидер кадетов – П. Н. Милюков – подчас подвергается на страницах дневника весьма жесткой критике.

«Американская» часть дневников охватывает период Гражданской войны и большую часть лет, проведенных в эмиграции. За исключением несколько записей, отсутствуют годы Второй мировой войны, что, видимо, объясняется утратой какой-то части документов, а также последние годы жизни нашей героини. В публикацию не включен дневник, содержащий записи о трагических для Тырковой месяцах болезни и ухода ее мужа – Гарольда Вильямса, поскольку они носят глубоко личный характер.

Тыркова – профессиональный публицист и литератор, и это неизбежно откладывает свой отпечаток на содержание записей. Для нее важен психологический портрет ее героев, и она метко подмечает те особенности и черточки, которые порой дают для понимания модели поведения партийного деятеля не меньше, нежели стенограммы его выступлений. Читателю небезынтересно будет познакомиться с характеристиками самых различных деятелей не только либерального, но и леворадикального движения, которые приводятся в публикуемых дневниках.

Их географическая и тематическая амплитуда необычайно широка. В записях присутствуют Петербург/Петроград, Москва, Вергежа, Штутгарт, Константинополь, Лондон, Париж, Нью-Йорк, Вашингтон и т. д.

Бытовые зарисовки перемежаются размышлениями о соотношении политических и социальных реформ; передача разговоров с «представителями народа» следует за анализом действий различных политических сил России, сведения о событиях эмигрантской жизни соседствуют с освещением политической ситуации в Англии и т. д.

Значительная часть дневников в «русской» части посвящена двухгодичному пребыванию Тырковой в Турции. Не ограничиваясь ролью супруги при муже, представлявшем в Турции интересы английской газеты «The Morning Post», Тыркова большую часть своего времени отдает знакомству с различными сторонами жизни этой страны, лежащей на стыке европейской и азиатской культур. Она хочет понять истинные цели движения младотурков, установить контакт с ведущими политиками этого направления (характерно, что руководители российской дипломатической миссии в Константинополе проявляли заинтересованность в добытой ею информации, в ее оценках лидеров младотурок). Но особенно Тыркову занимал женский вопрос. Поскольку в России она последовательно отстаивала принцип политического равноправия полов и считала дискриминацию женщин фактом общественной и нравственной несправедливости, ее живо интересовало, какими возможностями располагают турчанки для борьбы за свои права, в каких формах она проявляется и какие результаты приносит. Кроме того, она собирала сведения о постановке народного образования в Турции, о современном состоянии турецкой литературы и о положении местной прессы.

На страницах дневников, посвященных революционному 1917 г., содержатся конспективные записи хода прений на ряде заседаний ЦК, в том числе и тех, материалы которых, очевидно, утрачены.

В своих записях периода Гражданской войны Тыркова описывает их с мужем деятельность в Англии в поддержку антибольшевистского движения, а затем – пребывание в «Деникии» во 2-й половине 1919 – начале 1920 г. Два этих фрагмента, по сути, противопоставлены друг другу, отражая в первом случае веру в достижимость победы над большевизмом, а во втором – разочарование и крушение всех надежд. Записи фиксируют попытки Тырковой проанализировать причины поражения, поиски ответа на вопрос – почему белое движение оказалось неспособным воссоздать русскую государственность, почему не удалось противодействовать тотальному развалу власти, почему общественность демонстрировала полное бессилие и «дряхлость».

В дневниках эмигрантского периода Тыркова не только освещает некоторые важнейшие события политической истории русского зарубежья (например, подробно излагает ход дискуссии на Совещании членов ЦК кадетской партии в Париже, 26 мая – 2 июня 1921 г.), но и фиксирует отношение к «русскому вопросу» в различных кругах британской политической элиты. Влиятельное положение Г. Вильямса давало Тырковой возможность поддерживать широкий круг знакомств, получать информацию о хитросплетениях подготовки тех или иных дипломатических

шагов в отношении большевистской России. После кончины мужа ее связи с политическим миром Англии естественным образом сходили на нет. Записи, относящиеся к послевоенному периоду, уже всецело затрагивают жизнь эмиграции, настойчивые попытки Тырковой осуществить идею единого и действенного центра зарубежной России. Ценность дневников этого периода в том, что они дают представление о различных политических течениях и деятелях российской диаспоры Америки.

Второй раздел составляет переписка Тырковой, которая публикуется впервые. На протяжении всей своей долгой жизни она находилась в постоянном контакте с немалым числом корреспондентов, в большинстве – обладателями громких имен: известными политиками, журналистами, литераторами, философами, юристами. В той или иной мере в этих письмах отражен весь мир Тырковой – ее раздумья о прошлом, настоящем и будущем России, ее политические и жизненные установки, насыщенный ритм ее жизни, события в семье, характер отношений с ближним и далеким кругом корреспондентов. Письма содержат и другие информационные пласты, которые характеризуют ее корреспондентов, общественную и политическую среду сначала в России, затем в эмиграции – событийный ряд, институции, палитру идейных и политических взглядов. При подготовке публикации приоритет был отдан именно таким, содержательно насыщенным посланиям.

В раздел вошли письма, обнаруженные в ГА РФ, РГАЛИ, Рукописном отделе РГБ, Бахметьевском архиве, которые относятся к 1909–1960 гг. и адресованы партийным соратникам и друзьям (отцу и сыну Струве, В. А. Оболенскому, Е. Д. Кусковой, П. Н. и А. С. Милюковым, Петру Д. Долгорукову, Д. И. Шаховскому, В. Ф. Зеелеру, З. А. Жилкиной, В. А. Маклакову, Н. В. Тесленко, С. В. Паниной, А. Л. Толстой), политическим, общественным деятелям и дипломатам (А. И. Гучкову, Б. А. Бахметеву, Е. И. Саблину, М. М. Федорову, М. В. Вишняку), литераторам (А. А. Блоку, В. Я. Брюсову, В. И. Иванову, Н. А. Тэффи, Г. И. Чулкову, М. А. Алданову, А. М. Ремизову, Б. К. Зайцеву), ученым и мыслителям (Б. П. Вышеславцеву, А. В. Карташеву, Г. В. Вернадскому, М. М. Новикову, И. И. Сикорскому, Е. И. Рабиновичу), известным публицистам, редакторам эмигрантских периодических изданий (М. О. Гершензону, А. А. Яблоновскому, Б. А. Садовскому, С. П. Мельгунову, Р. Б. Гулю, В. А. Лазаревскому) и др.

В переписке, относящейся к периоду жизни Тырковой в России, в основном отражена ее деятельность в качестве журналистки и редакционного работника. Письма дают представление о круге авторов и издателей, с которыми она сотрудничала, о том, как налаживался выпуск новой праволиберальной газеты «Русская молва», в подготовке и издании которой Тыркова принимала самое деятельное участие.

В годы эмиграции письма становятся для Тырковой не только необходимым средством общения с близкими, друзьями, коллегами, но и представляют одну из форм ее общественной и политической деятель-

ности, особенно в то время, когда она, по ее же словам, оказалась «на далекой окраине» русского рассеяния – в Америке, где «русский дух еле веет». Посредством переписки она настойчиво пыталась сплотить эмиграцию, скоординировать ее действия, выработать и закрепить основы идейной позиции, сформировать ее центр, создать печать. В «американский» период она выступала за образование «письменного союза единомышленников» как способа поддержания сплоченности эмигрантского лагеря. Тыркова понимала под этим выявление (путем обмена письмами) единой позиции в отношении «текущих русских задач» на основе общей платформы. Не менее важна гуманитарная деятельность Тырковой, которую она весьма эффективно осуществляла с помощью переписки, организуя помощь тем (подчас малознакомым) людям, кто оказался в эмиграции в сложном положении, устраивая лекции, оказывая поддержку детским летним лагерям, гимназиям и т. д.

Особое место в эпистолярном наследии Тырковой занимают ее письма 1940–1950-х гг., адресованные В. А. Маклакову. В эти годы Тыркова и Маклаков готовили к печати каждый свои воспоминания, поэтому их переписка насыщена обменом мнений по поводу «поступков и течения мысли» прежних лет, полемикой относительно революционного процесса в России, причин и характера конфликта власти и общества и т. д. В связи с визитом Маклакова к советскому послу в освобожденной от немецких войск Франции, в этой переписке анализируются возможности и условия сотрудничества эмиграции с большевистской властью. Представляют интерес и письма Тырковой к Н. А. Тэффи, раскрывающие причины охлаждения их отношений – участие писательницы в просоветских «Русских новостях» вызвало жесткую реакцию Тырковой.

В раздел включен ряд писем Тырковой к родным, прежде всего – к Г. Вильямсу. С ним ее роднили долгие годы счастливой супружеской жизни, политические и нравственные позиции, единый взгляд на происходящее на ее родине, совместная деятельность во имя свободной демократической России. Поэтому наряду с информацией бытового характера письма насыщены сведениями о политических событиях и их действующих лицах. В частности, Тыркова подробно информирует мужа о своем участии в работе съезда Русского Национального объединения, который заседал в Париже в июне 1921 г.

Определенные трудности вызвало установление даты писем. Тыркова хранила в своем архиве их копии (что существенно облегчает задачи исследователей), однако время отправки не всегда проставлялась полностью, зачастую отсутствовал год. Поэтому устанавливать датировку приходилось по содержащимся в ее письмах косвенным свидетельствам и указаниям.

В Приложении составитель счел возможным поместить ряд писем, адресованных Тырковой, прежде всего те из них, которые по времени написания и содержанию находятся в непосредственной связи с публикуемыми письмами самой Ариадны Владимировны. Это позволяет предста-

вить эпистолярный раздел не в виде ее монолога, а в качестве диалога со своими корреспондентами, тем самым проясняя и предмет обсуждения, и позиции участников переписки. При этом значительные трудности вызвала подготовка к публикации писем В. А. Маклакова, обладателя редкого по неразборчивости почерка. За годы переписки Тыркова, так и не привыкнув к его чернильным «мушиным лапкам», каждый раз оказывалась вынуждена проводить их «расшифровку» – переписывать послания Маклакова, оставляя пробелы вместо неразобранных слов. Иногда она ограничивалась тем, что ухватывала общий смысл письма, не утруждая себя разбором подробностей и оправдываясь тем, что в случае «полной дешифровки» ее ответ потеряет актуальность. Впрочем, сам Маклаков считал, что почерк его своеобразен, но вполне понятен, только требует привычки. В подтверждение своих слов он ссылался на свою переписчицу, которая действительно свободно читала его рукописи. Правда, процесс «привыкания» занял у нее более 30 лет. К сожалению, составитель не располагал таким же временным ресурсом, поэтому некоторые места остались неразобранными.

В Приложении приводятся также несколько работ Тырковой из разряда политической публицистики – о Г. Гапоне (опыт политического портрета); статьи, посвященные различным сюжетам из истории революционного движения: выступлению декабристов и его значению для судеб России, делу против Н. П. Шмидта (1-я русская революция), выступлению кадетов на Путиловском заводе в августовские дни 1917 г.; статьи-размышления об участии Антанты в борьбе с большевизмом, о перспективах признания большевиков в Западной Европе и о месте России в послевоенном миропорядке. Сюда включен также текст одного из тех политических обзоров, которые Тыркова направляла в эмигрантские центры во время своего пребывания на территории, подконтрольной армии генерала А. И. Деникина. Помимо информационной насыщенности эти работы ценны тем, что передают атмосферу важных исторических событий. Составитель счел возможным сделать небольшие купюры в публикуемых статьях Тырковой – были опущены некоторые отступления, характерные для свободной, «очерковой» манеры письма Тырковой, что, впрочем, нисколько не нарушает логику ее мысли.

При подготовке документов и материалов к публикации устаревшая орфография замена на современную, явные опечатки исправлены без специальных оговорок. Расшифрованные или вставленные составителем недостающие по смыслу слова заключены в квадратные скобки.

Публикация снабжена подробным комментарием.

Составитель хотел бы искренне поблагодарить руководителя Бахметьевского архива Татьяну Чеботареву, без активного содействия которой данный проект вряд ли мог бы вообще состояться; директора Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) А. К. Сорокина, заинтересованно поддерживавшего проект на всех этапах работы над ним; научного сотрудника ГА РФ К. Г. Ляшенко, высокий

профессионализм, колоссальный опыт историка-архивиста и неизменно благожелательное отношение которой в немалой степени способствовали проведению архивной поисковой работы; заведующую РЗИА ГАРФ Л. И. Петрушеву, а также И. В. Антипову и Ю. В. Савостьянову за деятельное участие и внимание к проекту; д.и.н. К. А. Соловьева и к.и.н. К. И. Могилевского, сыгравших важную роль в отборе документов, касающихся Тырковой, в Бахметьевском архиве; Т. Т. Гиоеву, д.и.н. Д. Б. Павлова и к.и.н. В. Ю. Канищева, взявших на себя труд перевода значительной части иностранных текстов. И моя особая благодарность – Валентину Валентиновичу Шелохаеву, профессиональные советы, рекомендации и критические замечания которого сыграли решающую роль в осуществлении задуманного.

Н. И. Канищева

Раздел I

ДНЕВНИКИ

1894*

8.I.[18]94. Вергежа

Мне часто приходит в голову мысль написать летопись нашей семьи. Я мало знаю о предшествовавших поколениях и могу с достоверностью говорить только о нашем и предыдущем. Мне кажется, что эта работа будет интересна не только для нас, но и для наших детей. Теория эволюции и наследственности (они отчасти и навели меня на эту мысль) неизбежно заставляют интересоваться семейной историей, чтобы иметь возможность понять себя и своих близких.

Для меня такая работа очень полезна: она заставит меня подумать над окружающими людьми, событиями и отношениями. А в последнее время я совсем отвыкла думать. Мне хочется начать свою хронику с того (1), к жизни кот[орого] уже больше не прибавится ни одной страницы. Я тороплюсь, чтобы не забыть тонких подробностей, мелких, но важных черточек, кот[орые] пока еще так свежи в памяти. А моя память ненадежная кладовая. Быть может, недавность потери помешает объективному отношению, но на мою объективность вообще плохая надежда – я буду говорить о слишком близких мне лицах.

До сих пор я еще не наметила своего плана. Не выгоднее ли мне взять сначала отца и маму и их взаимные отношения, чтобы вывести из них картину наших семейных устоев, затем перейти к нам, детям, как общей, отчасти однородной, группе и, наконец, разбить ее на особи? Пожалуй, это яснее, хотя и не художественнее.

1895

18.V.[18]95

Меня преследует страх – боюсь, что вся жизнь пройдет в бесплодных мечтаниях. Все думать о том, что сделаешь и не делать ничего. Быть может, «ничего» звучит странно, когда есть дети; но ведь они много оставляют времени для меня самой и даже это-то дети и требуют, чтобы я была чем-нибудь. Того же требует и червяк самолюбия. Наша жизнь проходит суетно, бессмысленно и бесполезно; затем наступает <пропуск слова> и следующие поколения начинают то же самое существование. От времени до времени в темной толпе человече-

* Под этой датой пометка А. Т. – «первая запись».

ства появляются вожаки; они то ненадолго, то на целые тысячелетия указывают этой толпе дорогу, по кот[орой] плетется она покорно и бессознательно. Горе тому, кто вышел из толпы, заметил ее рабство и не хочет подчиниться ему, но и не в силах стать предводителем. Мучительное желание быть чем-нибудь!

Давно я думаю о писательстве. Иногда планы романов и повестей возникают в моей голове, но ни разу не пробовала я осуществить их. Мне кажется, что я бы никогда не кончила, не разобралась в массе противоречивых мыслей и образов. Кроме того, прежде я считала, что беллетристика уже исписалась, отжила свое. Теперь я вижу, что для России это не так. Наша молодая культура, развиваясь, дает так много новых типов и явлений, что еще долго останется пища для романистов. Сейчас у меня опять роман в голове: я хочу описать жизнь женщины вроде Ковалевской (2), брак без любви по дружбе, вся молодость исковеркана, потом жажда жизни и деятельности в молодой и честной женщине стремится изжиться и находит исход в науке. Период удовлетворения, встреча с замечательным человеком (?), любовь безграничная, жгучее, мучительное сожаление о безвозвратной молодости и смерть. Вот сухой абрис того, о чем я думаю. Господи, неужели когда-нибудь я буду в состоянии привести это в исполнение?

25.V.[18]95

Читаю «Этику» Спенсера (3) и чувствую глубокое разочарование. Неужели это жалкая, мелкая теория умеренности и аккуратности может заменить поэтические легенды и образы какой бы то ни было религии. Нельзя удовлетворить жадных блужданий людей в поисках за истиной вечной и в то же время человеческой, простой как день и глубокой как море, истиной, одно предчувствие которой наполняет человека блаженством, ужасом, подставив вместо нее ходячую монету мещанской добродетели. Тут что-то не так.

Спенсер говорит, что чрезмерность в действиях вредна, т. к. искажает определенность, хороша только середина. Куда же девать гениев, причислить их к вредному элементу? Быть может, и наше правительство поступает правильно, сдерживая чрезмерные хлопоты о благе России, чему примером может быть закрытие Комитета Грамотности (4). По Спенсеру, пессимист есть человек, считающий, что в жизни страдания превышают удовольствия. Это или узко или не точно; пессимист может просто признать, что есть такая точка развития, когда человек слишком ясно видит бессмысленность жизни, хотя бы и счастливой. Если так – этики нет.

27 мая [1895]

Лучше всего в «Гедде Габлер» (5) заключительный выстрел. Она безжалостна, властолюбива, мнительна, но натура у нее гордая и на

компромиссы она не идет. Рабство? Быть несвободной, подчиниться воле другого и трепетать перед ним – нет, она не может, она предпочитает смерть. Стреляется она в висок, так красивее. Ибсен (6) хочет подчеркнуть ее стремление к красоте, но это что-то бессильное и жалкое. Страсть к красоте во всем и всюду и грубые, лакейские насмешки над безобидной старухой теткой; красота и муж Тесман. Положим, что он доводит ее до исступления; красивая, своенравная, балованная, но не богатая и уже не очень молодая (29 лет), она берет его как довольно корректного мужа. Это ее последняя попытка хоть как-нибудь устроить свою жизнь, в кот[орой] нет ни интереса, ни красоты. Когда-то она любила Эйлерта, оба властные и страстные, они не могли сойтись; ни подчиниться, ни подчинить Гедда не могла. Сколько вновь вспыхнувшей страсти сумел вложить Ибсен в первые же слова Эйлерта; но это дело прошлого, теперь есть другая, бледная кроткая женщина, и Гедда мстит за это, мстит почти так же жестоко, как герои греческих трагедий. Ибсен удивителен. В нем есть что-то загадочное, какая-то бесконечность. Никогда не надеешься сказать о нем последнее слово. Я уверена, что через год я буду думать иначе.

11.VII.[18]95

Прочитала «Этику». Хочется подвести итоги хотя бы вкратце. Я изложу их не систематически, а по силе впечатления.

Меня поразила его фраза, что человек, обладающий каким бы то ни было превосходством, должен пользоваться его плодами, человек со слабостями – страдать и платиться за них. Это закон природы и один из важных факторов культуры. Но в таком случае как же быть с социализмом, требующим, чтобы каждому было дано по потребности? Спенсер дает эгоизму перевес над альтруизмом. Прежде всего человек обязан быть здоровым и счастливым, т. к. общее счастье есть только сумма. Только в будущем альтруизм возьмет верх и то потому, что он будет требовать только сочувствия чужому счастью, т. к. несчастья не будет.

1896

4.VI.[18]96. Вергежа

Я чувствую, думаю и живу только здесь. Все остальное время пробел в моей жизни.

<...>

9 Августа [18]96. Верг[ежа]

Сегодня Сережа (7) рассказал очаровательный анекдот про дядю Дмитрия (8). Надо записать его, как вклад в семейную хронику.

Однажды председатель уездной управы, замученный земским безденежьем, придумал основать земский банк. Для разработки вопроса он разослал помещикам запросы об их мнении по этому делу. Дядя дал следующий ответ: Для основного фонда надо занять 3 миллиона у голландских капиталистов, а для производства займа испросить у правительства военное судно, посадить на него гласных и отправить их в Голландию за этими миллионами. Получив же деньги, раздать их по рукам сообразно с сословиями, отдавая преимущество дворянам и крестьянам. Вот и весь банк. Недурная иллюстрация дядиного невежества и фанаберии.

<...>

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–5об.; 12об. Автограф.

1898

29.V.1898. Вергежа

Как характерна и хороша фигура протопопа Аввакума (9), противника Никона (10). Он убежден, что: «до нас положено, как оно так во веки веков». И ни пытки, ни батоги, ни ужасы сибирской ссылки под началом полудикаря Пашкова (11), ни уговоры ученых патриархов, ни ласка и уваженье благочестивого Алексея Михайловича (12), ничто не может поколебать его. А в редкие минуты сомненья и слабости, протопопица, кот[орую] он же бьет под горячую руку, эта протопопица, безвестная и наивная <1 нрзб.> говорит ему: «Поди, поди в церковь! Обличай блудно еретическую». Привлекательны и трогательны фигуры двух знатных боярынь Морозовой (13) и кн. Урусовой (14), погибших за ту же старую веру.

И вообще, какое интересное время, заря русской новой истории. Еще Петра (15) нет на свете, но его идеи, его реформы уже чувствуются. Что-то пробуждается в долго спавшем русском сознании. Это еще не весна, но уже зима исчезает. Сквозь черные тучи мелькают первые, робкие лучи солнца. Тяжелое, должно быть, время было для людей более развитых, любящих родину, ищущих для нее чего-то нового, лучшего.

Хороший сюжет для исторической повести. Семья русского боярина. Он уже западник, его тянет к новшеству, к внешним прелестям чужой жизни. Она, тонкая, духовная, немного мистическая натура, духовная дочь Аввакума. Вся порыв, в поисках истины и света. Муж приводит в дом иностранца вроде Гордона (16), блестящего авантюриста, красивого, обаятельного, sans foi, ni loi*. Ему нравится стыдливая прелесть боярыни, а та влюбляется со всей силой страстной и чистой

* Бесчестный, бессовестный *(франц.)*.

натуры. И сама в ужасе перед глубиной своего греха. Кается Аввакуму и кончает в ссылке.

3 июнь [1898]

Хочу попробовать записывать детские события, ч[то]б[ы] потом написать детский рассказ.

<...>

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 13. Л. 14–14об. Автограф.

1900

1900 г. 4.III. Ялта

Любопытный образчик литературных нравов. Вчера мы с К. М. (17) были у А. А. Давыдовой (18). Говорили обо всем. Больше всего, конечно, судачили. Она подробно рассказывала историю увлечения Муси (19) П. П. Ивановым. Интересно как характерный роман неглупой и нешаблонной девушки. Потом перебирали писателей, а главное, писательниц. Приходили к неизбежному заключению, что «избави нас Боже от литераторов, а тем более от литераторш».

И как иллюстрацию к этому невеселому обобщению Александра Аркадьевна рассказала нам кое-что о Вербицкой (20). Что в этой бесспорно талантливой женщине сидит целое море глупости, это мы все знали. Давыдова и сейчас с ужасом вспоминала, как ей пришлось до трех часов ночи торговаться с Вербицкой, что[бы] сократить и почистить ее последнюю повесть «Освободилась». Но оказывается, что она не только глупа, но еще и тупа.

Какой-то Дадонов (21) присылает в «Мир Божий» (22) статью. Плоха. Отказ. Тогда Вербицкая пишет длинное письмо в редакцию, что следовало принять, т. к. и т. д. Через полгода опять статья, на этот раз с рекомендательным письмом Вербицкой. Опять плохо. Давыдова едет как раз в Москву, берет статью с собой и зовет Вербицкую к себе. Та приезжает и привозит с собой Дадонова. Здоровенный парень, лет 25 (Вербицкой под сорок). Покровительница этого юного таланта начинает объяснять Давыдовой, какой он умный, как он хорошо пишет и т. д. и т. д. Молодой человек пытается что-то сказать.

«Молчите, молчите! Я ведь знаю, что Вы за себя не сумеете постоять...»

И поток красноречия льется дальше.

«Вы не поверите, до чего мне было стыдно за этого великовозрастного болвана, – рассказывала Давыдова. – И эта старая дура, пытающаяся таким способом ввести своего “друга” в литературу!»

«Болван» все-таки догадался через полчаса сорваться с места и уйти.

– Я думаю он на извозчике отдул ее, – с некоторым чувством удовлетворения закончила Давыдова.

<...>

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 51. Л. 10–11. Автограф.

10 ноября [1900]

У Д. Стасова (23), М. И. Т[уган-]Б[арановский] (24) читал лекцию. К концу явилась полиция. Всех переписали, конечно, никто не протестовал. Только К. М. Арабажин просил, чтобы его куда-нибудь спрятали, просил у Стасовых позволенья остаться после всех, или чтобы его выдали хоть за прислугу. Словом, держал себя рыцарем без страха и упрека. Значит, он не только подпольный человек, но и маленькая, трусливая душонка.

Впрочем, для людей, знавших его, этот анекдот почти ничего не прибавляет к представлению о нем.

21.XI.1900

15 ноября справили сорокалетний юбилей Н. К. Михайловского (25).

Как это было непохоже на все остальные юбилеи. Цензурный циркуляр, запретивший печатать что бы то ни было об этом юбилее, устранил вечный элемент муссированья и подогреванья путем газетных, более или менее патетичных статей. И все-таки вся Россия откликнулась. Т. е., конечно, вся читающая Россия, все, что думает, ищет ответов на проклятые вопросы, все, что пытается хоть изредка, хоть на йоту приподняться над окружающей ме[р]зостью и мраком. Все эти рассеянные по лицу земли интеллигенты, затерянные в лесу нашей подавляющей действительности, откликнулись из своих глухих углов, показали, что курилка еще жив, что 20 лет удушливого общественного затишья еще не убили его.

И сам Н. К. Михайловский, кажется, не ожидал такого единодушия в разрозненных, расслабленных, деморализованных рядах русского мыслящего общества. По мере того как росла около него груда адресов, как кто-то из членов комитета распечатывали одну из другой десятки, м[ожет] [быть], сотни приветственных телеграмм, посланных и от обществ, и от кружков, и просто от отдельных неизвестных читателей – и мы, зрители, и он, виновник торжества, чувствовали, что это уже не банальные, неискренние именины, а действительно праздник русской интеллигенции, как назвал незадолго перед этим свой юбилей Боборыкин (26). Но Боборыкин хватил через край. Холодный и равнодушный фотограф жизни, он не мог вызвать теплого чувства в читателях. И юбилей его вышел таким. Поздравили, поклонились и пошли. Что-то чиновничье, скучное и безжизненное.

Совсем иначе у Михайловского. Да и понятно. Другой ум, другой темперамент, другой талант. И не по величию только другой, а и по тому неугомонному пульсу бойца, который бился в нем. Привлекал к нему и горячую любовь и такую же горячую ненависть.

И бесчисленные адреса все отмечали это.

40 л[ет] человек бился в неустанном журнальном бою. «Отечественные записки» (27) с их богатым, но огнеопасным грузом, потом «Русское богатство» (28), бледное благодаря побледневшей эпохе, но безукоризненное и последовательное. И тут и там Н. К. Михайловский всегда тот же, всегда талантливый, всегда умный и опасный враг, завидный союзник.

В. И. Семевский (29) поднес ему сборник и сказал, что видит в нем преемника Белинского, Добролюбова и Чернышевского. И эта-то преемственность лучших традиций, созданных нашей короткой и небогатой умственной жизнью, и сделала Н. К. Мих[айловского] центром людей известного идейного направления. Когда это направление было деятельным, он был его выразителем в легальной печати, когда оно было подавлено, рассеяно, Н. К. [Михайловский] остался одним из немногих последних могикан, не забывших те слова, с которыми они вышли в свой крестовый поход против неправды.

Это и было глав[ым] leit-motio'ом, проходящим через все приветствия. Старики говорили о том, как он силой своего блестящего публицистического таланта будил в них желание не только искать правду-истину и правду-справедливость, но и бороться за эту двойную, но слитую воедино правду. А молодежь, так часто, так больно нападавшая за последние годы на старого бойца, тоже принесла ему свои поздравления.

– Честному противнику и славному союзнику!

– Спасибо, господа. Я не ожидал ничего подобного. Положение юбиляра вообще скучное и даже глупое. Я хотел сбежать. Но остался, п[отому] ч[то] понял, что вы не одного меня хотите чествовать. Идеи и общественные настроения совершают такое же круговое движение, как и люди. Но я всегда был сшит по покрою 60-х годов. И мне кажется, что общество понемногу возвращается к настроению той эпохи. И вы чествуете меня как ее представителя, как ее работника.

Он был отчасти прав. Воспоминания о 60-х годах пестрили все речи, все приветствия. Положим, это делается у нас всегда, на всех маломальски либеральных собраниях. Мы как старая женщина, кот[орая] не может забыть своей молодой привлекательности, вечно твердим об этой молодой поре ранней юности нашего сознания. И в этих розовых воспоминаниях часто чувствуется что-то жалкое, бессильное.

Но на этот раз бодрящая нота слышалась в разглагольствованиях наших не особенно-то красноречивых говорунов.

П. Н. Милюков (30) говорил о том, что эта эпоха должна повториться и с еще большей силой, еще больше перевернуть подгнившие устои нашей жизни.

Н. Ф. Анненский (31), кажется, единственный хороший оратор, умеющий разбудить, подогреть, заявил, что та волна, которая в 60-х гг. подхватила Н. К. М[ихайловского] и сделала его тем, что он есть, опять поднимается, и на этот раз ее могучий подъем захватит еще более глубокие устои русской жизни.

Браво, браво, браво! Все эти доктора, юристы, писатели умиленно хлопали quasi-революционным речам. И в их трусливых душах более или менее сытых буржуа просыпалась что-то вроде гордости.

То же и мы насчет волны понимаем... Дайте нам только волю, мы вам покажем...

Становилось почти противно. Их хорошо скрытое вольнодумство, их привычка показывать кукиш в кармане портили даже удовольствие от этого действительно всероссийского интеллигентного отклика.

Чувствовалось, что если бы волна, которую они якобы призывали, действительно вдруг поднялась бы с нежданной для них мощью, они оказались бы не в числе торжествующих. Им стало бы страшно за свое благополучие, за свои привилегии умствующих белоручек. Но ведь это улита едет, когда-то будет, а пока почему бы под сурдинку и не пошуметь во имя свободы, равенства и других хороших, ни к чему не обязывающих слов?

И чем они горячее аплодировали, тем больше я видела, что не эти с аппетитом кушающие форель люди создадут «великую волну».

Так же, как не те журналисты, которые так жалобно плакались на недавних заседаниях союза (комитет надеялся устроить нечто вроде съезда провинциальных деятелей) на притеснения цензуры, нуждаются в свободе слова. Бездарные и бесцветные они и не знали бы что сказать, если бы эта свобода вдруг настала. Правда, новая весна привлекла бы к нам новые песни. Но эти подслеповатые созданья реакционной эпохи, неуклюжие, боящиеся собственной тени, привыкшие как ночные птицы жить во мраке, они испугались бы света.

5.XII.[1900]

Первое представление «Контрабандистов» (32) было для меня, как и для многих, приятной неожиданностью. Правда, было много евреев, много молодежи, одни протестовали из личного чувства, другие, хотя и от бескорыстного, но все-таки чувства, а не сознания, но были и взрослые сознательные протестанты.

Принц Ольденбургский (33) с любопытством разглядывал через барьер царской ложи разбушевавшийся партер. Ему как будто хотелось сказать:

– Так вот вы какие, когда рассердитесь...

Полиция нашла нужным выводить за шиворот только свистунов в студенческих мундирах. Все мы знали, что городовой в каждую минуту может каждого взять за шиворот. Но знать и видеть две вещи разные. И зрелище укрощенья заставило опустить занавес.

Затем сходки, говорят, исключенья, высылки. Хотя это надо еще проверить. Но свистунов будет судить мировой судья. И то спасибо.

Бедной авантюристке Яворской (34) не повезло. Хотела поднять популярность своим «принципиальным» отказом от юдофобской пьесы, а вместо этого добилась разрыва с «Новым временем» (35). Без его упорной, беззастенчивой рекламы она ничто. Любопытно, хватит ли у нее ума и пролазничества, чтобы опять вынырнуть.

А тут еще Союз (36) забаллотировал ее друга К. Арабажина. Сначала мне это показалось бестактностью. Все-таки он редактор единственной петерб[ургской] чистоплотной газеты. Обратилась к П. Н. Милюкову.

– За что забаллотировали?

– Историю у Стасовых знаете?

– Знаю. Это трусость, но еще не подлость. Как редактор он ничего не сделал скверного.

– Ничего? А Вы знаете, что он статью П. Ковалевского (37), где было о ритуальных преступлениях евреев, возил к одному господину и просил его показать Дурново (38) как доказательство того, что «Сев[ерный] курьер» (39) не юдофобская газета? А знаете, что он печатал статьи сотрудников за своей подписью и возвращал им рукописи, говоря о случайном совпадении идей? А его лживость? А интриги?

<1 нрзб.>. Такой букет мне преподнес, что поневоле пришлось признать Арабажина прохвостом.

– Если бы он вошел в Союз, он развел бы такие интриги, что всем бы уходить пришлось.

А еще накануне я видела Яворскую у Туган-Барановских. Что-то растерянное, жалкое, хотя и бодрится. Пришла агитировать, чтобы собрать подписи, опротестовать забаллотировку Союза. Туган уже раньше что-то подписал.

– Он у меня эти дни в христианском настроении, – смеялась Лида (40).

Яворская просила Алекс[андру] Арк[адьевну Давыдову] подписать. Волновалась. Еле прочла бумажонку с малограмотным протестом.

– Ах, знаете... Я так далека от всяких кружков, от всяких историй... Мое имя так мало значит... Ведь я только издательница...

Словом, старая лиса завертела хвостом и отвертелась. А молодой проходимке пришлось уйти ни с чем. Впрочем, на прощанье Давыдова шепнула ей:

– Вы все-таки пришлите мне Арабажина.

– Зачем?

А хорошая пара – подпольный человек, строящий либеральные гримасы, и бездарная, но зато и беззастенчивая актриса. Оба ищут только одного – успеха, оба готовы продать и душу и тело, чтобы только потешить грызущее их тщеславие.

<...>

1901

28.III.1901 г.

Давно у нас не было такой оживленной в общественном отношении зимы. Юбилей Михайловского, «Контрабандисты» и затем медленное, но растущее студенческое брожение. Помню одну из первых сходок на Рождество. У молодежи было неопределенное, нерешительное настроение. Они не знали чего хотеть, о чем говорить в своих требованиях. Временные правила, старый университетский устав, свобода печати, чуть ли не конституция. Получалась какая-то каша. Правда, тут же выяснилось, что большинство за узкостуденческие требования, без примеси всяких политических задач. И немногие литераторы, бывшие тут, поддерживали такую постановку.

Вообще от литераторов веяло холодком. Они точно из привычной вежливости сдерживали свой скептицизм, свое недоверие к результатам студенческих волнений. И все твердили:

– Господа, помните, что вы должны рассчитывать только на себя, что общество не поможет вам, а как всегда промолчит, будет бездействовать, чтобы с вами ни сделали. Это уже доказано целым рядом опытов. Да и сейчас ведь, вот в это собрание, даже профессора не пришли, хотя вы их и звали.

Тяжело было молодежи слушать эти очень добросовестные, но унылые речи. Они надеялись, что писатели, у кот[орых] они привыкли искать ответа на многие вопросы, помогут им тут, в такую трудную минуту исканья и нерешительности. Но учителя смущенно молчали и не сулили успеха молодым стремлениям.

Да и среди учащихся мало кто сочувствовал им. Вяло шли сходки. Мало кто ходил на них, мало кто соглашался на забастовку.

Потом вдруг эти 175 киевских студентов, попавшие в солдатчину (41). Даже не верилось. Точно известие из Трансвааля, жуткое и неправдоподобное. Но, верно, чтобы рассеять недоверие, сдали и петербуржцев (42). А тут 19 февраля панихида по Александру II и казаки, нагайками разгоняющие молодежь с этой панихиды. Это было днем, на Невском. Тысячи людей видели эту картину и возмущались. Все-таки хоть и полицейское государство, но бить людей среди бела дня – fi donc*!

И настроенье, что-то смутное, но беспокойное, все росло, главное-то его подняло покушение на Боголепова (43). Давно не были мы свидетели такого суда Линча над темным и вредным министром. Этот выстрел точно всколыхнул застывшую душную атмосферу русской жизни и разбудил мысли от ленивой безнадежной спячки.

Конечно, больше заволновалась молодежь. А тут еще и лозунг готовый под рукой: «Отмена временных правил!»

---

* Фи (стыдно) *(франц.)*.

Единственный исход броженью могла дать манифестация, конечно, мирная, так как силы никакой не было и нету, и долго верно еще не будет в руках не только пылкой, но непостоянной молодежи, но даже и у тех, кто упорнее хочет и яснее смотрит вперед.

И о манифестации заговорил весь город. За две недели вперед все знали, что она будет, что студенты соберутся на Казанской площади и знали, конечно, что их будут бить. Хотя, впрочем, могли думать, что и не будут. Ведь не били же их, когда они собрались в день юбилея (25 февр.?) Суворина (44) под окнами его квартиры, чтобы устроить ему должную овацию. Тогда их вежливо оцепили, увели в какой-то двор, переписали и отправили по домам. И публика, устраивая гулянье по Эртелевому переулку (45), и молодежь, и даже городовые, все были добродушно настроены. Но 4 марта никто не ждал особенно добродушия. Боялись, что студенты захватят оружие и их перебьют, как баранов.

И странное было настроение у людей. Какое-то выжидательное любопытство. Дескать, посмотрим, что у вас выйдет. Если один вздор – останемся в стороне, ну а если что-нибудь – и мы пойдем посмотреть. Дальше смотренья никто ни о чем не думал. Точно забывали, что на площадь под нагайки пойдут наши дети, братья, сестры, приятели, все, что есть лучшего и ясного среди молодого поколения.

Что касается меня, я волновалась всю неделю. 4 марта рисовалось мне каким-то кошмаром. Но когда я говорила об этом, я видела недоумевающие или иронические лица – притворяется или глупости говорит.

Вечером накануне пошла к Давыдовой. Говорили о библиотеке для рабочих на тракте. А[лександра] А[ркадьевна] хотела помогать им, расспрашивала инженера Р. и его молоденькую спутницу, хозяйку библиотеки. В инженере редкое сочетание идеализма с практичностью и деловитостью. Я любовалась на его некрасивое лицо, когда он говорил о том, что на свете еще много хороших людей. Но меня грызла манифестация, и я заговорила о ней, сказала о своем страхе. И тут в редакции либерального журнала они без усмешки взглянули на меня. Но оказалось, что почти все пойдут.

– Да, я пойду, – равнодушно и лениво сказал Михаил Иванович [Туган-Барановский].

– Пойду, пойду! – бойко воскликнул Агафонов (46).

– Непременно побегу, – и у Муси даже глаза весело блеснули.

– Знаю, что тысячу других обязательств есть, а не могу не пойти, – с милой виноватой улыбкой сказал инженер.

А. А. [Давыдова] обвела нас всех негодующим взглядом и заглянула в мои глаза.

– По глазам вижу, что и Вы пойдете. Ну так хоть за Мишей присмотрите, я его Вам доверяю. – торжественно объявила она.

От нее пошла в Союз писателей. Там чествовали Станиславского с труппой. Было скучно, неумело и неуклюже. Писатели или, вернее, писаки стеснялись, актеры скучали.

А мне хотелось узнать, что думают. Плохо думали, трусливо и не умно.

– Не вижу смысла в манифестации... Это бессмыслица... Что ж из этого выйдет... – говорили почти все.

– Так вы, господа, знаете лучший путь к отмене временных правил (47)? Скажите же скорей!

Но господа ничего не знали, а просто находили, что это беспокойные и не безопасные выдумки. И мне казалось, что в них говорит страх и за свою шкуру.

Противно стало и не весело.

17.IV.[1901]

Встретила вчера у Жуковской (48) Арабажина. Вот любопытный тип искреннего прохвоста. Он неделю тому назад выпущен из Предвариловки.

– За что Вас взяли?

– Обвиняли и в тайной типографии, и в участии в рабочей партии, и в пересылке рабочим статей из «Курьера». Вообще считали, что поймали жирного гуся и пытались что-нибудь из меня выжать. Зволянский (49) лично ненавидит меня...

Говорит и, кажется, верит своим словам. Впрочем, он думает, что его все ненавидят. Мания величия плюс мания преследования.

– Что же Вы думаете делать?

– Мне все дороги закрыты. Уроки я потерял; в литературе у меня одни враги...

А выглядит сытым гладким жеребчиком. Un homme a femmes*. И, действительно, умеет находить женщин, кот[орые] его жалеют и вместе с ним негодуют над подлостью его врагов. А сам? Поездка Яворской к В. И. Икскуль (50), чтобы та указала Дурново на юдофобскую статью в «Курьере», вся эта беготня и агитация в пользу Арабажина, потом заранее пущенный слух о возможности самоубийства Барятинского (51) и, наконец, стремление пропагандировать предсмертную записку князя, где «его ангел – Лида» реабилитируется вполне. C'est du propre, tout sa**! При этом Арабажин и Яворская, как двуликий Янус – единоличны.

Но ведь свои собственные подлости не воняют, и Араб[ажин] с искренним негодованием клеймит своих врагов за неразборчивость в средствах. Договорился прямо до бреда:

* Ловелас, бабник *(франц.)*.

** Все это такая гадость *(франц.)*.

– «Русское богатство» и Департамент полиции это одно и то же... скажите, где между ними черта? Леткова (52) приятельница Михайловского, а если нужно, она едет к сестре, к Маковской (53), а та попросит Зволянского. Ведь она его любовница (подчеркивает с особой злобой, точно для его святости противно даже понятие «любовница»). Карпов (54) ездит в коляске с Сувориным и чуть не на «ты» с тем же Михайловским. Баронесса Икскуль одну руку подает Дурново, а другую Милюкову... Разве все это не одна шайка?

И торжествующе смотрит, уверенный в неопровержимости своей диалектики.

Я не спорила. Вижу, маньяк. А теперь особенно после того, как подпольный рабочий листок выставил его «к позорному столбу», обвинив печатно в изменничестве. Обвинение жестокое и я думаю несправедливое. А возможности оправдаться почти нет. Действительно гнусность.

И Арабажин, уверенный, что это дело Мякотина (55), собирается бить его палкой.

А ведь как-никак тот же Арабажин целый год редактировал журнал.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–10; 11–16. Автограф.

1902

16 ноября

Писательский успех. Собралось нас человек 60. Вопрос как поступить с юбилеем печати (56). Решили, что отметить надо, что демонстративное молчание слишком пассивно. Долго толкли воду в ступе. Одни говорили, что надо напечатать где что можно, а кроме того, устроить в этот день по всей России собрания, где говорить о насущных нуждах печати.

Ходский (57) предлагал присоединиться к тем москвичам, кот[орые] решили устроить единение всех журналистов, без различия направлений. Там все-таки в проекте съезд журналистов.

– Проект уже вычеркнут. Остается один компромисс.

Речи бестолковы, но все-таки выясняется, что надо так или иначе заявить обществу о своих требованиях. К правительству мы больше не обращаемся.

В. предложила написать вроде манифеста и разослать его. За подписями.

Ее предложение вызвало недоумение. Еще часа два толковали или, вернее, толклись.

Встал Горький (58). И все насторожились. Он заявил, что сейчас литература отстала от общества, что настроение общества передовое и писатели должны его догнать. Поэтому он присоединяется к мнению В. и предлагает издать манифест.

Браво, браво! Все обрадовались, точно он не выругал, а похвалил, и предложение было принято почти единогласно.

А потом... потом пыл остыл, и в кружках заговорили о том, ладно ли будет? Но постановление уже было принято.

<...>

1903

25/VII.1903

У меня странное чувство раздвоения мысли. Весь последний год меня тянет к новым искателям. Мне казалось, что в этом преклонении перед стихийным трагизмом жизни есть что-то сильное и героическое. Теперь идет во мне реакция.

Я устала от этого блуждания, мне оно начинает казаться ребячеством. Это отрицание силы разума, во имя инстинкта, в этом есть какое-то умирание. Я не хочу его. Проклятый вопрос о добре и зле остается вопросом. Нам нужно обосновать добро, и мы выводим его от Бога. Или же летим в бездну самоотрицания, цепляясь за мираж сверхчеловека, как сделал это Ницше (59).

Его аристократизм, его презрение к сократовской логике все больше и больше отталкивает меня. Мне нужны другие основы, и я их найду.

Мне кажется, я понемногу исцеляюсь от налетевшего на меня туманного метафизического увлечения. Исцелили меня больше всего мощи Серафима (60). Эта отвратительная оргия официального мракобесия, эта царская шумиха, весь этот обман, лицемерие, ложь, при помощи которых туманят сознание безграмотной толпы, опьяняя ее суеверными легендами – точно мерзкие гады победоносные, сильные, торжествующие. А мы еще лепечем что-то о великой тайне. Да, есть она, но пока мы не справились со всей этой скверной, высасывающей соки из русской жизни, стыдно носиться с этой тайной. Слишком много явного обязаны мы преодолеть.

И все-таки какой-то беспокойный голос твердит: не убить нам в себе исканья Бога. Да и не надо убивать. Борьба с гадами [–] вот где для нас путь в рай. Даже в личный.

<...>

1903 г. 31/VIII

Впечатления Ярославля до сих пор настолько сильны, что я все еще пьяна ими. Это двойное опьянение. Передо мной первый раз развернулась деятельная общественность. Правда, масштаб был небольшой, все вертелось около дел съезда (61). И в то же время о них меньше всего думали. Один мотив, один крик был у всех – политическая свобода. Это был пароль, толкавший нас к объединению.

С первого же вечера, когда мы, еще почти не зная друг друга, собрались в «Царьграде», чтобы поговорить о порядке работы, выяснилось настроение.

Общие вопросы, широкая постановка, повторение работы сельхоз[яйственных] комитетов – вот что было нам нужно. Молодой, горячненький агроном сразу подчеркнул это, остальные поддержали. Чиновники пробовали возразить и провалились. Можно было вперед чувствовать, что резолюции общей секции будут говорить о «правовом порядке».

И потом, когда выяснилось, что надо запретить съезд, из-за произвола губернатора, когда мы разыграли как по нотам намеченный план, я поняла, что при желании и упорстве можно вести людей за собой. И что это надо делать. Так понемногу кристаллизируется жизнь. И какое гордое, сладкое пьяное чувство – сознавать себя деятельно связанной с этой кучкой людей. Больше – сознавать свою власть над ними.

<...>

1903 г. 12/X. У Толстого

Передо мной стоял широкоплечий сутуловатый старик в желтом крестьянском халате. Лицо морщинистое, мужицкое; высокий и выпуклый облысевший лоб точно закрывает всю остальную часть лица. Только глаза под седыми нависшими бровями в глубоких впадинах блестят сильным зеленым светом.

Но я не сразу заметила этот блеск. Старчество, вот что прежде всего бросилось мне в глаза и смутным чувством досады кольнуло меня. Толстой (62) великан. Толстой вне времени – и вдруг старик, которого уже тянет к земле.

Ласково и радостно расцеловался он с Дм[итрием] Ив[ановичем Шаховским] (63).

– Как здоровье? – спросил он.

– Отлично, отлично... Пишу Черткову (64), что так здоров, что поглупел даже.

Мы вошли в большую комнату. Длинный столовый стол посередине, старая мебель красного дерева, несколько мягких кресел, кушетка, зеркала, портреты предков по стенам, – знакомая помещичья обстановка. Ничего лишнего, роскошного, нового. Удобное, просторное дворянское гнездо. И у хозяина простота и приветливость настоящего старого барина.

Чтобы встретить нас, Толстой оторвался от работы. Но, довольный приездом Ш[аховского], он не сразу ушел к себе, расспрашивал его о семье, о родных, об общих знакомых.

С ласковой насмешкой вспоминал, как лет двадцать тому назад Ш[аховской] плясал русскую в этой самой зале. Потом разговор скользнул на общественную тему.

– Да, да, трудно у нас это все. Темнота и насилие... – сдвинув мохнатые брови, сказал Толстой.

– Трудно, а только все-таки за последнее время надежды есть, оживает жизнь, все сдвигаться начинает, – мягко возразил Ш[аховской].

Толстой пытливо посмотрел на одухотворенное, красивое особой светящейся красотой лицо собеседника.

– Действительно, что-то в народе совершается... Штундист... И от воинской повинности отказывается... Бродит у них дух. А ведь главное это дух. Не создадите вы лучшей жизни, пока люди лучше не станут...

– А станут ли они лучше, пока формы не изменятся? – заметила я.

– Вот это и есть самое вредное, – горячо заговорил Толстой, – это погоня за внешностью только отвлекает от главного, от внутреннего совершенствования. Политика это внешность, а надо думать о духе. Ведь перед нами еще столько нерешенных нравственных проблем. Вот дети, – надо их крестить или нет? Солдатчина... Да, вот крестный ход идет, снять шапку?

– Однако, Л[ев] Н[иколаевич], Вы за мужика, кот[орого] за кощунство осудили, хлопотали, чтобы ему в Сибирь не идти? А если об одном хлопотать, отчего о многих не постараться. Чтобы их зря в Сибирь не гоняли?

– Ну хлопотал, п[отому] ч[то] мне так хотелось. П[отому] ч[то] если вы у меня сахару попросите, я дам, даже водки дам... Но это не важно, а душа это важно...

Возражения видимо раздражали и утомляли Толстого, и я замолчала. Он встал.

– Пойду работать. До двух попишу, а там я с удовольствием время с вами проведу. Только не будем спорить, – прибавил он, улыбаясь своей чарующей улыбкой.

Он ушел, а ко мне в сердце опять заползло смутное чувство недовольства и досады. Ведь знала, что это его взгляды. Но когда он тут живой, незнакомый и в то же время такой близкий, как-то резче задевает это несходство взглядов.

<...>

Лжец, вроде Розанова (65), опасен еще потому, что он кормит в нас низкие, злорадные инстинкты. Он клевещет на Струве (66), перевирает цитаты из него. Я люблю Струве и поэтому не верю и сержусь <...>

Бывают полосы, когда люди действуют не только вопреки логике, но и вопреки своему характеру. Когда внешние условия, часто пустяшные, толкают и направляют слова и поступки. Это может длиться месяцы, дни ли, часы и все равно [может] изменить и переломать всю жизнь, переставить все отношения к людям.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 52. Л. 5об–6; 8–9; 10–10об.; 12–14; 29об., 30об. Автограф.

1904

10/II.[1904]

Вопрос о том, прекратила ли война с Японией междоусобную войну правительства с народом, этот вопрос прежде всего спутал, больше – сбил с толку многих. Теперь он выясняется. Каждый день приносит новые известия об арестах и репрессиях (отчего нет русских слов для таких архирусских понятий?).

5/II арестовали Н. Ф. Ан[ненского], произведя в его квартире тщательный обыск. Это произвело такое удручающее на всех впечатление, что на девятидневной панихиде Н. К. Михайловского казалось, что мы хороним всю русскую литературу. Потом вызвали Короленко (67), Семевского, Батюшкова (68), Елпатьевского (69). Хотели дознаться, говорил ли Н. Ф. [Анненский] речь на могиле Михайл[овского]. А он, как на грех, этот раз молчал. Семевский заявил, что говорил он. То же подтвердили и остальные. Но им не поверили. Привели городовых, и только по их показаниям убедились, что не говорил Ан[ненский]. Но все-таки держали его в Охранке. Говорят за 15 №№ «Освобождения» (70). Но ведь сами жандармы мне говорили: «У него же нет “Осв[обождения]”?!»

Затем совет о литературных ужинах. Собираются их прихлопнуть. Опасно и беспокойно.

Курсы закрыли за вчерашнюю сходку, где около 1000 курсисток постановили, не удовлетворившись объяснением профессоров, высказать им через делегаток порицание. Теперь верно заварится каша и в других заведениях. У лесгафтичек уже что-то кипит.

Плеве (71) телеграммой вызвал Д. И. [Шаховского]. Их последний разговор типичен до художественности. Плеве посадил Д. И. [Шаховского] за стол, сел против него и молчал. Молчал и Д. И. [Шаховской] – «ты меня позвал – ты и говори». Министр заговорил с деловитостью биржевика и с грубостью Скалозуба, т. к. внешняя благовоспитанность им [не] соблюдается. Выглядит он довольно бодро и уверенно. Он указал на то, что Д. И. [Шаховской] все время «делает скандалы», напр[имер] история с ярославским съездом. Вместе с еврейской либеральной шайкой совершает «неприличные» выходки. Состоит инспиратором одной из «мерзейших» провинциальных газет. Словом, ведет себя так, что Плеве счел необходимым познакомиться с его curriculum vitae (через Лопухина (72), конечно. И весь разговор повторение того, о чем допрашивали Д. И. [Шаховского] в департаменте полиции, когда его вызывали в ноябре. Только министр облек в чисто извозчичью форму результаты этого дознания.) А это знакомство привело его к убеждению, что Д. И. [Шаховской] должен быть выслан «в одну из отдаленнейших губерний», о чем он и доносил царю.

– Но, к величайшему моему изумлению, его величество не согласилось со мной. Государь сказал, что он не тронет вас, пока вы не

устроите еще нового скандала. Этим вы, конечно, обязаны заслугам вашего отца (73) и положению некоторых членов вашей семьи (намек на сестру Д. И. [Шаховского] – Н. И. Оржевскую (74)). Я счел нужным передать вам это. Теперь вы предупреждены и от вас зависит ваша дальнейшая судьба.

Д. И. [Шаховской] возразил на это, что «скандал» термин неопределенный, и ему трудно решить, которые из его действий под него подойдут? Или ему придется каждый раз, как он соберется что-нибудь предпринять, поступать наперекор голосу совести, чтобы не устраивать «скандалов».

– Вы настолько умны, что отлично знаете, к чему клонится вся деятельность министерства внутренних дел, а следовательно, должны знать, что идете с ней вразрез. Но это, конечно, ваше дело. Вы можете теперь же, проезжая через Москву, устроить какую-нибудь штуку и тогда я вас вышлю.

Получалось такое впечатление, точно бурмистр вызвал пьяницу мужика и грозит:

– Смотри, на этот раз барин простил, а если еще напьешься – в степную деревню тебя.

От этого разговора между крупным чиновником и крупным земцем пока не веет миром.

15/II.[1904]

Сейчас был Н. П. А. Нет, Д. И. [Шаховской] не только крупный земец, а прямо один из самых влиятельных в известных кругах людей. Его слова, его поступки дают тон, служат проверкой.

– Как он сейчас поступит? По-моему, он не имеет права брать только на себя ответственность за этот поступок. Он должен успокоиться, договориться с другими. Такие люди, как он не принадлежат себе, – сказал А.

Это верно. Кроме одного. Ясная изобретательность здесь, как и всегда, лучше всяких советов подскажет ему как поступить.

22/II.[1904]

Хорошие черточки в одном из либеральных общественников, А. И. Новикове.

Приходит к нему лесгафтичка сговариваться о занятиях с его маленькой дочкой.

– Вас кто прислал?

– Тотомьянц (75)!

– Ну, его рекомендации я мало доверяю...

Барышня смущена, но пытается сослаться на Лесгафта (76).

– Ну, рекомендация Лесгафта не имеет «на рынке» значения. А впрочем, я подумаю. Вы очень нуждаетесь?

Вопрос задается в упор, в присутствии будущей ученицы. Бедная лесгафтичка окончательно сбита с толку и только на лестнице соображает, что следовало оборвать чересчур любопытного допросчика.

Но он успевает мельком задать ей еще один вопрос.

– Вы лесгафтичка, значит «серенькая»?

Пришла потом ко мне и с недоумением спрашивает, что это за гусь? Считается в либералах, а повадка купчика.

Что же я могла ей сказать? Разве только что либерал самая ненадежная разновидность. Но ведь она имела право сказать?

– А вы?

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–6. Автограф.

9/VII.[1904]

Вот уже полтора месяца, как я на свободе. За это время я видала людей, кот[орые] или имеют или будут иметь влияние, если не на всю русскую жизнь, то по крайней мере на некоторые ее течения. И мне хочется занести свои впечатления, как они сказались, не дожидаясь, пока жизнь и новые встречи наложат новые штрихи.

Прежде всего П. С[труве]. Человек, несомненно, книжный, глубокий, но вряд ли гибкий. Его знания, его вескость дали ему возможность сразу поставить журнал (77) на ноги. Но настоящий ли он журналист?

14/VII.[1904]

Оборвала на вопросе. Значит судьба велит ждать на него ответа. Подождем.

Пока отмечу обоих вожаков двух других русских революционных партий.

Красивый голубой вечер спускался к мечтательному, приветливо-нарядному Женевскому озеру. Я ехала в Женеву. Мне хотелось повидать [Надежду Константиновну] Ленину (78) и вперед делалось холодновато при мысли, а ну как она меня окатит партийным презрением. И мысль, что ее, широкую и чуткую, тоже заразила сектантская озлобленность, пугала и тяготила. На меня уже пахнуло там, около Clarens (79), где равнодушно-гостеприимный уголок уже десятки лет укрывает беспокойных русских изгнанников, – пахнуло лихорадно-неуживчивой атмосферой этого изгнанничества. И это было тяжело, эгоистически тяжело, п[отому] ч[то] ведь это именно те люди, с кот[орыми] мне предстоит жить, быть может, всю жизнь.

Но рядом зазвенел русский детский голосок и что-то бесконечно родное послышалось в этом голосе. Я не заговариваю с русскими, но тут не удержалась. Мать, молодая, русская не только по расплывчатым чертам миловидного широкого лица, но главное по тому ясному,

притягивающему огню мысли, кот[орый] горел в ее больших искренних серых глазах, отвечала охотно и умно. Я скоро поняла, что она не только эмигрантка, но и связана с с[оциалистами]-р[еволюционерами]. Если бы я шепнула тяжелодумным, невозмутимым швейцарцам, сонно разглядывавшим прихотливую красоту Савойских гор, что эта миловидная барыня, так нежно, так весело болтающая с хорошеньким белокурым сынишкой, – террористка, косвенная пособница нескольких убийств, они, пожалуй, не поверили бы мне.

Она, шутя и посмеиваясь, рассказывала мне, какое осиное гнездо – бедная русская эмиграция, в какой вечной напряженности внутренней борьбы друг с другом живет знаменитая Женевская Carouge'ка (80). Но она и муж в стороне от этого. И это правда. Вся их партия в стороне от этих дрязг.

Вовремя подвернулась мне эта милая террористка. Живым и жизненным веяло от нее. И я веселее бегала по Женеве, разыскивая Лениных.

Живут, конечно, в рабочем квартале, на окраине. Отдельный домик (40 fr. в месяц). Прислуги нет, разгром и грязь. Во-первых, переезжают, а во-вторых, наверное, всегда грязь. Наде некогда, да и не охота. Потребностей в комфорте, очевидно, никаких. У него может быть и есть, у нее, наверное, нет. Все ушло в мысли и в борьбу. Живут, несомненно, хуже западного рабочего и вряд ли многим лучше русского. Но эта борьба пошла куда-то по ложному пути и все эти усилия, весь идеализм, вся напряженность духа, все это бесследно падает в бездонную, жадную яму мелких распрей.

Говорю об этом с Надей. Она, ласковая и радостная ко мне, с болью, с горечью говорит: «Владимир (81) слишком идеализирован, слишком верил. Если бы ты знала сколько грязи, мелочности... Прямо руки опускаются...»

А у меня не хватило духу сказать, что ведь Владимир больше всех виноват. Он вожак, на нем ответственность, а тут еще и его затеи, кот[орые] я не хочу называть интригами, п[отому] ч[то] верю в его преданность идее.

Пришел и он. Некрасивый, маленький, лысый, с умными, внимательными глазами. Не удержалась, говорю ему, зачем это он играет на руку Плеве. Ведь их раскол все партийные дела остановил. Признает, что это так. «Но иначе нельзя было». Очевидно, со мной как с «освобожденкой» говорить не желает.

И потом, когда они приходили ко мне в Bex (82), говорил больше отшучиваясь. «Ведь нас с вами, когда революция настанет, повесят и спрашивать не станут, что им взять, отрезки или всю землю. Или вы надеетесь уцелеть?»

– Конечно, – уверенно ответил Ленин. – Это вас повесят, а меня никогда. Как только наступит революция, мы станем во главе движения.

– Неужели вы думаете, что оно будет настолько дисциплинировано? Значит, у вас сейчас уже такие крепкие связи с массой?

– Да. В одном Петербурге я считаю не меньше 3000 организованных рабочих. Мы будем руководить ими. А они связаны органически с толпой.

Меня очень интересует, обманывал ли он себя или меня. Будь у него 3000 организованных рабочих, да он завтра же мог бы устроить не демонстрацию, а восстание: Я думаю, он и сам не верит в эту цифру.

Вообще в нем тщеславие партийной борьбы как будто затуманивает человека с планом. В нем нет той душевной прозрачности, кот[орая] пленила меня в Готце (83). Этот действительно живет не только упорной, но и упрямой жизнью духа. Итальянская тюрьма довершила дело якутской ссылки. Готцу еще нет 40 л[ет], но он сейчас калека и едва ли не безнадежный. Он не владеет ни ногами, ни руками. Только мысль ясна и деятельна. Борьба, беспощадная, неустанная борьба с произволом, политическим и классовым, наполняет его нелегкую жизнь.

Я нашла его в большом, элегантном отеле, куда загнала его ужасная болезнь. Он лежал в кресле-кровати под тенью толстого каштана. Поворачиваться он не мог, скрюченную руку протягивает с трудом и только лицо, живое, подвижное, красивое лицо еврея-идеалиста говорит о непрестанной работе мысли. Горячо и интересно заговорил он о партиях, о России, о моем процессе (84). И во всем, что он говорил, чувствовался человек, живущий мыслями, а не обыденщиной, хотя бы и партийной. С уважением и похвалой отозвался он о П. Ст[руве]. Но об с[оциал]-д[емократах] говорил с нескрываемым раздражением. Оскорблен их мальчишеским неумением уважать противника.

И опять, как тогда при встрече с сероглазой барыней, кот[орая] оказалась женой его ближайшего соработника, я невольно отметила контраст между его индивидуальной мягкостью и беспощадностью правосудия, кот[орое] творит его партия.

Две швейцарские девочки, босоногие и вежливо-жалкие, боясь просить милостыню, – это запрещено в свободной, буржуазной стране, – молча, но выразительно смотрели на нас. По нервному лицу Готца скользнуло выражение почти страдающего сострадания.

– Дай им мелочь, – почти резко сказал он жене, прерывая какую-то теоретическую фразу. Мы говорили как раз о терроре, и он указывал, что это только печальная необходимость, вызванная отсутствием, невозможностью иной борьбы с открытым забралом.

15/28.[VII].[1904]

Плеве убит.

Ди[т]ц (85) телефонировал сюда об этом еще утром. И нас всех с тех пор бьет лихорадка. К сожалению, П[етра] Бер[нгардовича Струве] нет. Мне хотелось бы не только слышать, но и видеть его в эту мину-

ту. Что теперь будет? Кого растерянный, бесхарактерный повелитель приставит к покорному стаду в качестве пастуха или, вернее, злой собаки?

И потом непосредственное чувство радости. Убит. Нет его, чиновника-деспота, топтавшего и давившего все живое и желающее жить. Быть может это радость рабов, которых какая-то внешняя сила избавила [от] жестокого хозяина. Мы не умели и не могли избавиться сами. Пришел смельчак-герой и снял с несчастной задавленной родины гнет. А мы безопасно рукоплещем.

Тяжело. Но, м[ожет] б[ыть], иначе нельзя.

В городе продают телеграммы. Тяжеловесные швабы тоже как будто довольны. Это в них говорит раздраженье за Кенигсбергский процесс (86). Из Берлина и Мюнхена телеграммы. Просят П. Б. [Струве] дать свое мнение [в] две газеты. Nu. (87) говорит, что он ничего не даст.

Убийство, военный разгром – вот на что все наши надежды. Что же мы за народ? Имея Толстого и Белинского, мы не умеем ни проявить, ни отстоять своих человеческих потребностей. Ждем помощи от каких-то безобразных внешних факторов? М[ожет] б[ыть], и потребностей нет, а есть только раздражающий зуд, вызванный неудачной прививкой иностранной культуры?

А если так, из-за чего биться? Тогда вернуться.

Тяжело сегодня, очень тяжело. И лично мне не по себе. Точно не ко двору я в этом доме, а значит, и в этом деле. Посмотрю еще недельку.

Одиноко очень.

3/VIII.[1904]

П. Б. [Струве] был хорош, говоря о Плеве и войне. Последнюю он считает важнее. С отвращеньем и досадой читали мы русские газеты. И невозможность высказаться и какой-то политический лепет.

– Они этого не понимают, а войну поймут. Их надо бить по голове палкой. Японцы и будут такой палкой.

Пет[р] Бер[нгардович Струве] выкрикивал эти фразы, вертясь на стуле, выглядывая исподлобья, нервно хватая со стола то хлеб, то нож, то стакан чая. И во всей этой нелепой подвижности было что-то привлекательное, а в его странных, мимо собеседника, точно куда-то вдаль глядящих глазах было упрямое выражение человека, твердо решившегося быть одной из этих палок, пробивающих тупую замороженность русских мозгов.

И глядя на него, тогда я поняла, что в нем действительно есть «что-то», то неуловимое, что подымает человека и собирает вокруг него других. Он прост, как ребенок и молод как юноша. Но думает он глубоко, быстро и ясно. Отчего все, кого я видела около него, так внимательно прислушиваются к его словам.

«Позиция» у него очень хорошая. И это хорошо. Для бойца так и надо. А в нем есть и должен быть боец.

5/VIII.[1904]

Говорят, что когда на съезд соц[иалистов]-р[еволюционеров] пришло известие об убийстве Плеве, произошла неописуемая сцена. Большинство рыдало.

Какой ужас. Какое ужасное, рабское сознание власти одного человека, кот[орый] мог топтать, унижать, мог не только убивать, но еще и развращать общество непрерывным циничным запугиванием. И вот его нет, и рабы на минуту вообразили, что они свободны. Дети и безумцы.

8/VIII.[1904]

Люди, по существу, вообще говоря, пессимисты. Т. е. люди нашей цивилизации. Но мы выработали привычку накидывать какой-нибудь плащ на этот пессимизм, как привыкли закрывать наготу своего тела. И все наши искания, погоня за метафизической истиной, и попытка поймать жар-птицу, – житейскую обиходную правду, – все это выкраивание новых или натягивание на себя старых плащей.

И одинакость царит над всем. Иногда люди как будто врастают друг в друга. Две индивидуальности, два мозга или два тела сплетаются. Тогда начинается страдание одиночества во всем. Так в любви, так и в дружбе.

<...>

1905

Париж
Январь
8/21.[1905]

Завтра в Петербурге стотысячная рабочая толпа несет ко дворцу петицию. Что будет? Чем им ответят? Выстрелами? Захотят ли войска?

Вопросы и вопросы. Ответа надо ждать не раньше как послезавтра. Расстояние, эмиграция, вынужденная изолированность – все это тяготит и томит какой-то тяжелой виноватостью. Может быть, у них будет литься кровь, и все, кто там давно и упрямо воюют против самодержавия, пойдут на улицу вместе с рабочими. А мы, издалека, из безопасного Парижа, следим за этой самой крупной, самой жуткой ставкой. И это сознание, что наша судьба связана с выигрышем. Точно какой-то корыстный привкус, унизительный и давящий в политических стремлениях.

Как подошел этот давно жданный и все-таки жуткий, революционный год? Я хочу вспомнить хоть главные этапы, пока новые и новые события не налетели.

Убит Плеве. Куропаткин (89) разбит под Лаояном. Святополк (90) произносит слова о доверии. И все таившееся пробуждается. Сначала робко, потом все громче и громче высказывается печать.

Когда пришли первые газеты с туманными статьями о представительстве, они показались нам необычайно смелыми. Я прочла и забегала по всему дому:

– Смотрите, газеты требуют конституции...

И Ю. Г[убарева] (91) и Н. А. [Струве] посмеивались над моим восторгом. Прочли. И сразу просияли. Н. А. [Струве] заторопилась по телефону сказать мужу. Вечером он привез двух друзей, – они как раз таинственно появлялись и исчезали, должно быть, шел вопрос об осенних действиях оппозиции, – оба крупные, видные деятели. П. Д[олгоруков] (92) и П. М[илюков].

– Ну, где ваша конституция? – иронически спросил П. М[илюков].

Я притащила газеты. Им показалось мало: я спорила, доказывая, что после рабьего молчания и это громадный признак. Быть может, они просто боялись увлечься, скептицизмом загораживались от возможного разочарованья.

Во всяком случае, историк считал, что пока еще надо годами, а не месяцами считать ход политического освобождения России.

Это было в конце сентября. В начале октября он же поехал на несколько дней в Петербург. И вернулся неузнаваемым.

– То, что мы задумывали, с таким трудом лепили по маленьким кирпичикам, ценой усилий и ухищрений громоздили, считая, что еще годы и годы придется вести черную полузаметную работу, все это уже есть, – с удивлением и почти жаром, поскольку горячность возможна для такого рассудочного, осторожного человека, говорил он мне. – И больше того. Жизнь ушла вперед. Надо догонять, чтобы не отстать.

Очевидно, это было впечатление не столько от освобожденской партии (93), сколько от земцев. И все-таки, когда П. М[илюков] узнал, что съезд (94) еще может быть запрещен, он не был уверен, что больше 45 голосов будет за конституцию.

Тем больше взволновало нас запрещение съезда, тем больше поразили его резолюции.

И вот, два месяца только одни либералы или, как П. Б. [Струве] говорит, демократическая интеллигенция, производила смуту. И он был прав, когда на недавней лекции внес поправку в слова социал-демократов.

– Сейчас мы не имеем права говорить лояльные земцы и революционные массы. Напротив, перед нами революционные земцы и интеллигенция и, к сожалению, лояльный народ.

И на следующий же день телеграмма: «Забастовка на Путиловском».

А через три дня весь Петербург охвачен стачками.

В одном только был прав П. Б. [Струве]. Он подчеркнул громадное значение зубатовщины и легальных организаций.

– С них должно начаться движение в России, как оно начиналось и в других государствах.

Это оказалось пророчеством.

23/II.[1905]

Месяц прошел после того дня. А кажется что годы. Первые две недели мы были все как безумные. Злоба, бессильная, безысходная злоба против правительственной шайки, сомкнувшейся кругом дрожащего самодержавного труса, против этих офицеров, стрелявших в толпу, в женщин, в маленьких детей. Кровь, кровь, кровь. И точно первобытный человек просыпался в нас от запаха этой, с циничным бесстыдством пролитой крови. Хотелось, чтобы и их, палачей, кто-нибудь растоптал, раздавил, замучил. То чувство презрительной жалости, кот[орую] раньше вызывал к себе царь, исчезло. Убить его – убрать, чтобы не душил Россию окровавленными цепями.

И перед ужасом этой войны среди мирного города все слова, все негодованье казалось бледным и слабым. Мы хватались за газеты, читали и перечитывали бесконечные телеграммы, и нам все казалось мало, мы искали чего-то между строк, комментировали, догадывались. Никто не мог оставаться один. Мы собирались каждый день и, бледные, нервные, взвинченные, цеплялись друг за друга, полные и тоски, и восторга, и ужаса, и радости.

Это было здесь, в Париже. А что же должны были испытывать те, кто пережил целиком эти три дня, кто видел солдат и толпу убитых и пробудившихся?

Хотелось быть в русской толпе. И мы пошли на митинг. От первых слов, где негодованье и ужас зазвучали точно призыв, мне стало легче. Вот они – свои. Пусть мы разных партий, пусть полемика сушит их мысли, узит их душу. Но пришел настоящий час и мы свои.

Не надолго хватило этой иллюзии. Н. Рус[анов] (95) заговорил: «Вот она революция. Смерть подлым Романовым. Негодяи, публичные женщины и публичные мужчины. Конец им...» И все это грубо, с выкриками, с пафосом, поддельно простонародным. Потом Рубанович (96). Оратор. Круглые фразы, хлесткие слова. Перспектива близкого социалистического идеала и «теперь рабочих расстреливают солдаты, потом будут расстреливать земцы». Душно становилось и от этих полемических красот и от эстрадной пылкости говоруна. Еще трупы были не зарыты, а они уже становились на ходули и торопливо инсинуировали «либералов». Я ждала, что П. Б. [Струве] возразит. Он сделал лучше – ни слова об этой выходке. И вместо победного тона предыдущих ораторов все та же ясная, глубокая, ищущая мысль. «Мы все должны с горечью чувствовать свою вину. Где же наша работа, что

мы делали, если в Петербурге не нашлось ни одного солдата, ни одного офицера, который перешел бы на сторону народа?»

Теперь прошел месяц. Анархия в России растет. Стачки, демонстрации, заявления. Что-то жуткое в Польше, страшное на Кавказе. В муках лежит великая страна. Что дальше? Кто победит? В какие формы воплотится победа?

Сегодня П. Б. [Струве] говорил, что такое длительное напряжение общественных сил может закончиться упадком. И правительство воспользуется этим. Но в то же время он считает, что собор – значит победа.

Говорила с умным и милым итальянцем Malfitano (97). В эстетическом унынии перед днем 22/I. C'était un geste d'une beauté slave*. Сам социалист, но говорит, что это великолепно, что движение прокатилось через головы всех партий. Думает, что конституция [–] это в данную минуту лучшая вещь для России.

Гапон (98), несомненно, был в Париже. И вожаки, вероятно, его видели. Я читаю это в их глазах и там же вижу, что и они поверили в его силу. Теперь ждут восстания. Как хочется мне видеть его.

1/III.[1905]

Напечатаны письма Гапона. Теперь я понимаю, почему у Русанова, когда я, точно шутя, спросила

– Ну, а Гапон? Кто же его прячет?

– Почем же я знаю? – ответил Русанов, но у него в глазах мелькнуло сладострастие кошки, думающей о сливках.

– Говорят, Гапон стал социал-демократом? – спросила я небрежно.

Лицо «демагога» затемнилось.

– Н-н-н-е знаю... Все это вероятно скоро выяснится.

Для меня не было сомнений, что Гапон сошелся с соц[иалистами]-революционерами.

Жаль. Было бы сильнее и умнее заключить союз с одним из князей-демократов.

Сегодняшнее письмо царю, полное обещаний убить все отродье Романовых, возмутило наш улей. Но я больше обратила внимание на письмо к рабочим. Теракт, вооруженное восстание, гражданская война, вот чем оно полно (99). И стало больно. До чего они довели Россию.

П. Б. [Струве] недоволен обоими письмами. Если Гапон надеется и хочет всех убить, – это надо делать без разговоров. Вооруженное восстание палка о двух концах. Если оно сорвется, наступит реакция. И надо быть твердо уверенным, что в России уже идет революция для того, чтобы призывать и готовить такое восстание. Мирная стачка

* Это был поступок славянской красоты *(франц.)*.

сильнее. И есть ли у Гапона достаточно власти, чтобы влиять из-за границы. Он уже не отец Георгий, а эмигрант Гапон.

9/III.[1905]

Крупный человек действует не думая. Он – думает не действуя.

13/III.[1905]

Seignobos (100) читал в Русской школе лекция – «La revolution russe et la revolution fransaise»*. Мы привыкли носиться с этой параллелью, вернее, вперед облизываться на тот ход революции, который в России должен повторить историю Франции 1789–[17]93 годов. И в этом смаковании больше чувства и аппетита, чем знания и мысли. Всем нам было кстати выслушать спокойную и умную сводку сходства и несходства положений.

Сходство прежде всего в том, что и Франция старого порядка, и Россия управляются монархом, кот[орый] управляется шайкой министров. А министры, в свою очередь, вынуждены считаться с желаньями и давленьем двора, а в особенности великих князей. Финансовый кризис, кот[орый] в России так долго смягчался внешними, а в особенности французскими займами, – «мне приходится просить у вас извинения, что наши деньги так охотно поддерживают ваше самодержавие», – подрыл устойчивость власти. То брожение умов, над которым трудились французские философы, в России создается передовой интеллигенцией. Затем невежество и бедность дореволюционного крестьянина очень сходно с состоянием русского мужика.

Но во Франции были резко установившиеся и каждое [по-]своему сильное сословие. Организованное и образованное духовенство, поместная аристократия и богатая просвещенная буржуазия. В России этого нет. Зато в России есть такие революционные силы, как бомбы, пролетариат, пресса и университеты.

Царское правительство сильнее и организованнее правительства Людовика XVI. В его руках громадная армия, вооруженная скорострельными ружьями. Это не кремневые ружья, кот[орые] защищали Бастилию.

Seignobos пожелал нам поскорее осуществить первую часть французской революции, но не заходить за 6 окт[ября] (101), т. к. за ним ждет реакция. Относительно suffrage universelle** он предостерегает. Наполеоновский плебисцит показал Франции, что это опасная игрушка. Поэтому историк советует ограничить всеобщее право теми гражданами, которые сами могут написать свой бюллетень.

Когда докладчику начали задавать вопросы, первое, что его спросили: «Какова сейчас роль социал-демократии в России?» – «Я ду-

---

* «Русская революция и французская революция» *(франц.)*.

** Всеобщее избирательное право *(франц.)*.

маю, что у вас существует block всех освободительных партий и пока вы не добьетесь сообща политической свободы, с[оциал]-д[емократия] не может играть никакой отдельной роли. Только в свободном государстве может быть рабочая партия».

С каким удовольствием я слушала эти спокойные слова ученого в такой день, когда Бунд, социал-демократы, латыши и украинцы обнародовали свой block, направленный главным образом против либералов.

Если Россия вывернется из финансового кризиса, остановит ли это революционное движение?

– Да. Я материалист и убедился, что состояние наличности важнее состояния умов.

<...>

А жизнь уже протягивает со всех сторон нити, закрывая провалы и трещины. Прошедшее точно кости на поле сражения, покрывалось новыми и новым ростками. Ткань бытия сплеталась в новые узоры, и старые тени, прежняя игра цветов понемногу блекли и отходили.

31/III.[1905]. 12/IV.[1905]

Это было недели три тому назад. Мы сидели в кабинете П. Б. [Струве] и решали вопрос быть или не быть «Освобождению».

– Я лично нахожу сейчас «Освобождение» не нужным и буду очень рад, если можно будет его закрыть, без ущерба для дела, – заявил редактор.

И это не было притворством. Он вообще не умеет ни лгать, ни притворяться, а когда не может сказать правду, тогда смотрит в угол и бормочет непонятные слова. Журнал его тяготит. Русская пресса пишет теперь почти обо всем, а друзья, увлеченные так бурно закипевшей борьбой, не успевают присылать сюда сведения и держать нас в ходу событий, а главное настроений. И обо всем надо узнавать из газет да из отрывистых частных писем. При такой полной разобщенности никакой гений не уследит за лихорадочными изменениями жизни. Это давит и мешает П. Б. [Струве], усиливает больную мысль, что теперь надо быть по ту сторону рубежа, а не по эту. И, не знаю, не было ли в нем чувства невольной зависти к П. М[илюкову], который ехал в Россию, пронизанный сладким предчувствием нелегкой, но зато и важной политической борьбы. Он сознавал, он был уверен, что его, с его авторитетным научным именем, с его крупной общественной репутацией ждет такая же крупная, едва ли не государственная роль. И тщеславным честолюбием сияло это розовое лицо лукавого дьяка. Лукавство и острое желание понять возможности момента, использовать их, чтобы добиться minimum'а, не рискуя гнаться за большим, чтобы не упустить дающуюся в руки власть над общественным мнением. Не создавать это мнение, не подчинять «человеческую глину»

императивным требованиям широкого и в то же время жизненного политического идеализма, а только идти за волной, вернее идти впереди толпы, более или менее угадывая ее движения. Мне он кажется оппортунистом в худшем смысле этого слова. П. Б. [Струве] упрекают в оппортунизме; но у него это следствие научной мысли, желающей реально взвесить момент. Я верю, что он не побоялся бы настаивать [на] своих выводах, хотя бы эта настойчивость стоила бы популярности. Для него мысль, и отвлеченная и воплощенная в известные политические формы, дороже всего. А П. Н. [Милюков] задавлен собственным Я. И его отношение к П. Б. [Струве] характерное. Точно зависть или притаившаяся враждебность, готовая укусить.

– Я не могу этого сказать П. Н. [Милюкову], п[отому] ч[то] мои слова вызовут как раз обратное впечатление, – с усмешкой сказал мне П[етр] Бер[нгардович Струве] по поводу лекций П. Н. [Милюкова].

Относительно «Осв[обождения]» П. Н. [Милюков] настаивал на продолжении. Он находил, что в интересах партии журнал должен издаваться, т. к. его закрытие может быть истолковано как признак ослабления партии. А между тем говорят о расколе, правые боятся социалистических стремлений, левые приходят в ярость от верноподданнических адресов, кот[орые] правые подписывают в своих земствах. Раскол, конечно, вызовет ослабление. Но можно ли его остановить? И куда же станет журнал? Он не может пойти с правыми, а у левых не хватит денег. Тут есть от чего призадуматься.

П. Н. [Милюков] дал ряд советов и обещаний. Хорошо если исполнит. То, что он говорит, всегда умно. Но в нем есть что-то упрощенное.

А его лекция! Я имела наивность думать, что он сумеет ярко и сильно нарисовать общественные движения. А он все извинялся в том, что он либерал, и сказал, что либералы идут, подталкиваемые революционным движением. При этом ни разу не отметил: прошу не смешивать щедринского либерала с освобожденским.

Когда я пришла на следующий день к П. Б. [Струве], он набросился на меня и вылил все свои чувства, взбудораженные этой лекцией.

– Вы все это скажите сегодня за обедом П. Н. [Милюкову]?

– Нет, это бесполезно.

– Ну, так я приду и скажу.

И сказала. П. Н. [Милюков], любезный, улыбающийся, довольный – никак не ожидал нападенья. А мы со всех сторон начали его укорять, зачем он отдал освобожденцев на растерзание другим партиям? И разве эти партии создали все, что творится сейчас в России? Да, либеральные слои выталкиваются на борьбу революционной жизнью, но не революционными партиями. И, во всяком случае, надо было оговориться, что освобожденская, т. е. так называемая либеральная партия, тоже революционна, а, следовательно, не пассивна, а активна, не ее толкают, а она толкает.

– Ну, конечно, конечно. Разве я это не сказал? Я это, конечно, думал. Это ясно из моих слов, из моей книги, кот[орая] скоро появится.

М[ожет] б[ыть], в книге он это и сказал. Но здесь, подыгрываясь к партийной аудитории, почтенный профессор, любящий фимиам, не нашел нужным оскорблять уши слушателей признаньем революционных заслуг освобожденцев.

Что же будет, когда он доедет до России?

19/V.[1905]

Я есть я. Мы часто это говорим. И Каляев (102) это говорил. Но так ли это. Кто из нас умеет вырвать свое Я, оторвать его от остального. И Каляев не умел, да и не хотел. Его Я именно сливалось со всем сущим, и в этом была его сила. Все тончайшие нити его мягкой души связаны были со страданиями всего мира.

11/XII.[1905]

В Москве революционные дни. Здесь какая-то неловкая, убогая тишина. Манифест о стачке, размашистый, уверенно-крикливый. А жизнь идет. М[ожет] б[ыть], на окраинах бастуют, а здесь все идет, как всегда. Только без газет. «Нов[ое] Вр[емя]» и «Свет» (103) выходят как укор детскому безумию организаторов. Они не сумели даже убедить рабочих, что печать сила, что она увеличивает, а не уменьшает революционное значение забастовки.

Статьи Милюкова против стачки раздразнили всех гусей (104). Союз Союзов (105) поднял даже вопрос: одни говорят о привлечении Милюкова к суду за «антиреволюционный поступок»(!!), другие – за то, что он не высказал все свои доводы перед Союзом и до объявления забастовки.

Я говорила с ним, доказывала, что надо было печатать это до появления забастовочного манифеста.

– Нет. Надо было повторять это все время во что бы то ни стало. Революционеры губят революцию, они толкают рабочих на забастовку, крушение которой можно заранее предсказать. Об этом надо говорить, этого нечего замалчивать.

– А если ваша статья клином врезалась в забастовочное течение, если она задержала его? Хотя вряд ли. У вас нет связей с низами.

– Если задержала, тем лучше. У революционеров связи тоже меньше, чем они говорят. А для нас это может явиться мостом. Рабочие поймут, кто прав.

Как всегда, самоуверен и устойчив. Прямая противоположность Струве. Тот всегда ищет, проверяет, комбинирует. Сейчас обоих травят одинаково. Главное за смелое и упорное указание на ошибки революционеров перед самой революцией.

12/XII.[1905]

Застала у П[етра] Бер[нгардовича Струве] Хижнякова (106) и Долгорукова (107).

Ваша партия осуждена на раскол. Он должен произойти, – нервно, раздраженно сказал Хижняков.

– Он уже произошел и произошел благодаря вам, – смеясь, ответил Струве.

– У вас нет почвы под ногами, с вашей программой вы не пойдете в массы, – упорно повторял Х[ижняков].

Петр Дмитр[иевич Долгоруков] со своей спокойной уверенностью смотрел на него.

– Мне жаль вас...

И в этих словах была вся тяжесть его укора, укора человека, брошенного недавними союзниками в самую трудную, в самую ответственную минуту.

Хиж[няков] вспыхнул, несвязно возразил и ушел.

– А как вы думаете, он прав? Можем мы идти к крестьянам с нашей программой?

– Конечно, можем, – сказал Д[олгоруков]. Только надо выяснить, не изменить, конечно, а выяснить пункты земельного наделения.

1906

29/I.[1906]

На здешнем нашем съезде в начале января (108) я спросила Д. И. Шах[овского] отчего он ни слова не сказал за весь съезд.

– Оттого, что эту драгоценную чашу надо было донести до конца. А я боялся разбить ее неосторожным словом.

Драгоценная ли чаша наша к[а]д[етская] партия, я до сих пор не знаю, но что на съезде чувствовалась ее хрупкость, это несомненно. Вожаки боялись левых, а провинциальные радикалы, вроде Френкеля (109), все-таки тащили влево.

Теперь в Москве на агитационных курсах я почувствовала, что партия начинает врастать в жизнь. Собрания ожили и не только п[отому], ч[то] соц[иал]-демократы подогревали их своими возражениями и поношениями. Просто люди, измученные издевательствами, плотнее сдвигают ряды.

Хорош был П. Н. Милюков, отвечая соц[иал]-дем[ократам]. Он разбивает противника с улыбающейся, высокомерной вежливостью, за кот[орой] чувствуется ясный, холодный ум.

Сегодня это повторилось. На собрании избирателей опять возражал с[оциал-]дем[ократам], резко, передергивая, смешивая земские съезды со [съездами] конст[итуционно]-демокр[атической] партии, искажая фразы, приписывая всю революцию себе. И опять П. Н. [Милюков] высказал удовольствие.

– Чем яснее, чем откровеннее высказываются с[оциал-]д[емократы], тем хуже для них. У русской социал-демократии нет худшего врага, как русские социал-демократы.

Любопытно было следить как зала, полная смешанной публики, – много приказчиков, – следила за речью Родичева (110). Я отметила, за какие слова его прерывали аплодисментами. Прежде всего за указания на темную проделку Дурново с овсом (111). Священники, уволенные за протесты против смертной казни; обещанье варшавского губернатора призвать прусские войска для усмиренья поляков, «вот где измена отечеству, оскорбление национальной гордости»; «пусть поляк с гордостью может сказать – я русский гражданин».

Был еще один интересный оратор. Он вышел на кафедру и заявил:

– Я рабочий. Здесь говорили от имени рабочих, и я считаю себя вправе ответить. Я бывший социал-демократ, я работал с ними. И я спрашиваю – что они сделали для рабочих? В Екатеринославе мы сделали экономическую стачку. Пришли соц[иал]-дем[ократы] и сказали – нам это невыгодно и разорвали стачку. И нас расстреливали. Здесь, на Семянниковском заводе, мы уже почти добились забастовкой экономических улучшений. Пришли соц[иал]-дем[ократы] и сказали, – вы разбиваете наши силы для вооруженного восстания. И стачка прекратилась. А через неделю вспыхнула стихийно. Что делают они внутри партии – они дерутся между собой. Зачем упрекают они другие партии в буржуазности. Они сами буржуазны, они никогда не преследовали нужд рабочих, а хотели через нас добиться власти для своей партии...

Я говорила с ним. Хотелось узнать кто он – гапоновец или хуже?

Со мной говорит сдержано. Гапону не верит.

23/II.[1906]

У Вячеслава Иванова (112). Зовут себя мистическими анархистами. Живут высоко, над Таврическим дворцом. И панорама города с ночными огнями, и квартира, и обращение, и речи точно среди парижского артистизма. Говорили о черте. Слова В. Иванова звучат неискренно. Умный, образованный человек. Но его мысль касается всего точно мохнатая паучья лапа, холодно и жадно. И все, до чего он коснется – красота, дух, бог, оргиазм, исканье, – все становится мертво и ненужно. Ярок и горяч среди них только Бердяев (113). У этого все живет и горит. Красивая, вызывающая голова, которую даже тяжелые нервные гримасы не могут обезобразить. И речь такая же, вызывающая, красивая, бьющая. Для него бог есть живая сущность. И его мысль не тушит, а высекает искры. Досадно смотреть на него среди этих ненастоящих людей. Они его засасывают, отрывают от жизни. И это теперь, когда каждый человек на счету.

Тоже с Т[уган]-Баран[овским]. Социалист и философ, стоит вне партий, при науке и в науке. А в душе и у него сознанье, что этого

мало, это не то. Но одному дороги нет. Создавать партию? Это придется. Рано или поздно.

29/IV.[1906]

Первый раз была на заседании Центр[ального] Ком[итета]. Дельные, умные люди. Решали вопрос о товарищах председателя. Все, в принципе, за то, чтобы дать группе труда одного кандидата. Но кого? Утверждали, что среди крестьян нет ни одного умелого. Нельзя допустить, чтобы по растерянности председателя Дума докатилась до скандала.

– Они могут обратить первый русский парламент в крикливый сход, – сказал И. И. Петрункевич (114).

– Образование крестьянской группы есть величайшее бедствие последнего времени, – сказал З. Г. Френкель.

Вечером было соединенное заседание п[артийной] фр[акции] и Гр[уппы] тр[удовиков]. Жилкин (115), молодой, похожий на жениха-семинариста, кот[орого] возят по невестам, сказал искренно и просто, что никто из них это не сумеет. Пусть Гредескула (116) выберут. Камень с плеч. Значит не враги, а союзники, тактичные и ответственные. Аладьин (117) говорил о мелочах. Неприятный. Позер, с холодной насмешкой громадного самолюбия. Лицо себе сделал под англичанина и старается сохранить каменную неподвижность. Интриган, но вероятно мелкий. Милюков съест его с потрохами.

14/VI.[1906]. (Волга)

Дума закручивает в политическую пляску все новые слои и все новых людей. И по газетам, и по вестям из провинции, и по митингам видно, что популярность трудовиков растет в прямой связи с ущербом партии народной свободы. Клеветы, наускиванья и злобная враждебность революционеров сделали свое дело, подорвали возможную связь к[а]д[етов] с населением. Теперь социалисты, так упрямо бойкотировавшие Думу, стараются поддержать трудовиков и дать им влияние в массах.

Хорошо это или худо?

Боюсь, что худо. Что такое трудовики? Бог их знает. Они еще складываются, колышатся во все стороны и могут расколыхать Думу. Вожаки наскоро собрали около себя сотню человек, отчасти радикальной интеллигенции, напуганной либеральной репутацией партии народной свободы, отчасти крестьян, напуганных помещичьим элементом той же партии. Среди интеллигентов есть партийные социалисты, есть просто неопределенные благожелатели народные. У крестьян классовая вражда, кость белая, кость черная, как говорит Д. Д. Протопопов (118).

Такая группа должна была образоваться и даже нужна была. Среди к[а]д[етов], несомненно, есть люди, которые не прочь остановиться

на политических реформах и попридержать или, во всяком случае, не торопиться с реформами социальными. Настоящих демократов, т. е. людей, которые исходят и из блага народного и из глубокого уважения к этому народу, во всех партиях мало. А в нашей партии к тому же много сытых. И это тяжело. Когда собралась Дума, я надеялась, что где-нибудь, помимо все того же нашего кружка, найдутся умные сильные люди, и с огорчением вижу, что я ошиблась.

Ум по-прежнему на нашей стороне. То, что затевают трудовики, моложе, в их словах и затеях больше дерзости, переходящей иногда в задор, но творческого ума, даже выдумки – мало.

Трудно судить современников, но я полтора месяца наблюдаю в Думе за трудовиками и не вижу среди них ни одного крупного руководителя. Аникин (119) отличный организатор, человек не глупый и забывающий себя. Но в Думе он мал ростом. Жилкин пока еще большой, добродушный молодой пес. Безобразное лицо, изъеденное оспой. Очки, из которых смотрят умные лениво-насмешливые глаза. Высокий и здоровый, с сильными плечами, которым точно тесно в дешевеньком городском пиджачишке. Ему рубаху-косоворотку, да по Волге гулять, песни петь. В нем притаился поэт, мечтательный и мягкий. И в то же время чувствуется сила. Пока в нем скорее всего вижу неразвернувшуюся возможность. Он кажется мне способным вспыхнуть и тогда, быть может, сумеет и других зажечь. Но его связывает и сознание своей неподготовленности, странности своей роли и еще что-то другое, более глубокое, чего я не улавливаю. М[ожет] б[ыть], созерцательность натуры, которую не тянет к боевой и в то же время всегда немного мелочной и будничной политике.

Другое дело Аладьин. Этот рвется с головой выкупаться в политическом котле. Самолюбивый и внешний, тщеславный без удержу, не умный, но болтливый говорун, умеющий крутить фразы и щелкать кнутиком, маленький актер на большие роли. Его популярность в стране уже создана. Его речи забавляют и удовлетворяют избирателя, раздражают и пугают правительство, доводят до нервной дрожи министров. Почему? На наших глазах человек ничтожный, без настоящего образования, без умственного багажа, без искренности и цельности, убеждений вырастает по какому-то капризу истории в народного трибуна. Тяжело и страшно смотреть на это. Нас познакомили недели две тому назад в один из тех нервных дней, когда над Думой висели какие-то черные слухи. В Петергофе что-то замышлялось, не то разгон, не то манифест, не то какое-то новое враждебное измышление. П. Н. Милюков был мрачен. Т. е. лицо у него как всегда было приветливо и ясно, но в глазах таилось что-то усталое, невеселое.

– Положение скверное. Нет сомнения, что Дума могла добиться министерства из большинства, но не надо было держать себя так революционно. Это делает для правительства почти невозможным думское министерство. И потом внутри. Нам не провести всю программу. От-

носительно земли придется признать частную собственность. Поляки требуют невозможного. Германия вмешается, если мы дадим автономию на таких условиях. Лучше всего, к моему удивлению, с женским вопросом. Кажется, равноправность удастся провести.

Подошел Аладьин. П. Н. [Милюков] с шутливой покровительственной манерой старшего с ребенком покорил:

– Что вы нам все путаете. Того и гляди начнется уличное движение. Что вы тогда сделаете?

Аладьин пощипывает жесткие, по-солдатски подстриженные усы. На лице, невзрачном, заурядном, как всегда, выражение самодовольства. Насмешливая улыбка кривит толстые чувственные губы.

– Напрасно изволите беспокоиться. Массы (произносит это слово с особенным ударением, со смаком, как на митингах) в наших руках. Они пойдут тогда, когда мы это найдем нужным. Левые партии не имеют значения. Влиянием пользуемся мы.

Вся небольшая, не без претензии на франтовство одетая фигурка дышит восторженной самоуверенностью. Милюков улыбается, с откровенной пренебрежительностью

– Завидую вашей уверенности. У меня ее нет.

Милюкова всегда обвиняют в самовлюбленности и самоуверенности. Но когда он стоит рядом с Аладьиным, эти обвинения смешны. П. Н. [Милюков] с его ясной и сильной мыслью, которая не зарывается в глубь вопроса и даже не любит зарываться, но берет вширь, охватывает со всех сторон, и этот молодой, так быстро зазнавшийся демагог, плохо образованный, без знаний, без настоящей способности мыслить, но зато с апломбом, придающим ему силу. Такой апломб, это почти талант.

Как ему льстит, что он Аладьин, над кот[орым] еще недавно бесцеремонно смеялись партийные эмигрантские кружки, сразу стал рядом с Милюковым. Два лидера. Старается и в кулуарах Думы подчеркнуть эту одинаковость.

12/VI, когда ждали ответа министра о голодающих, Аладьин при мне предложил П. Н. [Милюкову], чтобы трудовики и к[а]д[еты] провели ассигновку для земских продовольственных комиссий, а не правительственных.

– Это хорошо. Вероятно, комитет фракции согласится.

– Зачем нам комитет? – опять подчеркнутое мы. – Разве мы, лидеры, не можем иногда решать без комитетов? Ведь министры уже здесь.

П. Н. [Милюков] все с той же снисходительной улыбкой сказал, что все-таки удобнее через комитеты.

– Формальность! А знаете что, П[авел] Н[иколаевич], нам надо с вами вместе сняться.

– Два лидера? – не могла я не засмеяться.

– Конечно.

Аладьин перед этим рассказал нам, как он говорил с матросами, обещал приехать в Кронштадт, как матросы выстроились во фронт и приветствовали его. Он напомнил им, что морские офицеры на Громобое обещали его, Аладьина, повесить на реях.

– Поедемте с нами в Кронштадт. Там увидим, кто кого повесит, – сказали матросы.

От этого рассказа повеяло таким неумным красованьем, что я опять не выдержала.

– А ведь это совсем как И. А. Хлестаков (120). Не могу понять, что вы, Дантон (121) или Хлестаков?

Сказала смеясь. Обидеться было бы трудно. Да он и не хотел обижаться. Через полчаса уже рассказывал мне в другом конце зала, что все его миросозерцание построено на эстетике.

– Красивое всегда должно победить.

<...>

6/VII.[1906]

Вчера первый раз в заседании фракции был бунт против нашей партийной «звездной палаты». П. Н. Милюков настаивал на том, что правительство готовит разгон, что надо быть осторожными, что обращенье к народу шаг рискованный. Набоков (122) предлагал проваливать сообщение по частям, иначе говоря, сделать обструкцию. Никто из фракции не поддержал эти комитетские предложения. Все требовали действий и решительных. Обращение не есть революционный акт, но все-таки есть акт. Страна ждет их. Дума может потерять популярность. До 1 ч[ас]. шли дебаты, очень страстные. Ораторы с трудом сдерживались, чтобы не быть резкими относительно Милюкова. Со Струве уж не церемонились, его не слушали. Речи, короткие, но горячие, прерывались восклицаниями. Первый раз в партии проявился темперамент.

8/VII.[1906]

В ночь с 6 на 7 июля, когда затянулось заседание о думском сообщении, меня и многих депутатов нашей партии тяжело поразила растерянность и шаткость наших лидеров. Петрункевич нашел нужным, не совещаясь с фракцией, отказаться от слов о справедливой оценке земли, т. е. о необходимом выкупе за землю. С. А. Котляревский (123) ходил бледный, взволнованный. Первый раз на его уродливом лице не было обычной иронической усмешки.

– По-моему, надо отказаться, надо взять наши предложения обратно...

Хорош будущий министр. Боится провала на баллотировке и уже готов идти назад.

В одном из заседаний комитет обсуждал отношение к трудовой группе. Ее влияние в стране растет, хотя ее работу в Думе по-прежнему делают к[а]д[еты]. Надо ли с этим бороться и как? Предлагали народную газету. Струве очень резко бранил и трудовиков и всю Россию заодно. Их популярность признак одичания. Надо как можно резче выступить против них в Думе.

Мы на него напали. Я сказала, что такое выступление было бы безумием. Д. И. Шаховской – бледный, усталый, с впавшими глазами, – тихим, спокойным голосом возражал:

– Это не одичание. Может быть, это дикость, но в сравнении с тем, что было, это шаг вперед, а не одичание. Вся страна дикая. Трудовики делают громадное дело в массах. Они делают то, что мы не можем и не умеем делать.

И он прав.

1907

19/I.[1907]

Вчера заседание Ц. К. Милюков рассказал свое посещение Столыпина (124). Мы слушали, и какая-то щемящая тоска заползала в душу. По форме все как следует. Авансы шли не от нас. Когда правит[ельство] хотело, ч[то]б[ы] Милюков официально просил аудиенции, он отказался и просто по телефону спросил, может ли Ст[олыпин] его принять. Устроено это посредником – совершенно бескорыстным, по словам И. В. [Гессена] (125), – кот[орый] надавил на Царское Село. Оттуда затребовали дело о легализации партии. Значит, инициатива не Стол[ыпина], а ему пришлось уступить требованиям Царского Села. Разговор длился $2^1/_2$ ч[ас]. Ст[олыпин] был очень любезен. Условий принципиальных никаких не ставилось (так говорит Милюков). О Выборге (126) говорил с упором, намекая, что не дурно бы «Речи» (127) отказаться и от манифеста и от принципа пассивного сопротивления. П. Н. [Милюков] сказал, что в Гельсингфорсе (128) отношение партии достаточно выяснено и к старым словами ничего не будет прибавлено. Потом о соглашении. – «Вы заключаете союз с левыми, даже, извините меня, говорят с социалистами-революционерами? Ведь они же убийцы?» (Проще всего было бы сказать Ст[олыпину] – ведь и вы убийца.) Здесь опять П. Н. [Милюков] не дал ни обещаний, ни уступок, но сказал, что соглашения с левыми заключаются отчасти из-за министерских инструкций, лишивших к[а]д[етов] бюллетеней и тем подкосивших нашу выборную работу. В результате разговора обещание легализовать партию, если будут сделаны три формальных, несущественных изменения в программе и уставе. Яснее сказать, законность нашей тактики и что мы за конституц[ионную] монархию, а не за республику. Вместо съездов – собрания делегатов. Автономия

групп не должна прикрывать нарождение каких-нибудь анархических организаций.

Все это пустяки. Но нам всем было тяжело. Накануне выборов, накануне второй Думы переговоры нашего лидера с министром военно-полевых судов. И эта легализация. Зачем она им нужна? И. И. Петрункевич попытался выяснить это зачем.

– Уже начавшиеся выборы опять грозят оппозиционной Думой. Правит[ельство], по-видимому, хочет войти в контакт с Думой, работать вместе с ней. Это невозможно, если большинство революционно. Поэтому надо нас легализовать. И надо на это идти.

А. М. Колюбакин (129) боится подвоха, хотя подтверждает, что без легализации партии в провинции не может работать. Изгоев (130) не верит. Надуют, поставят в дурацкое положение.

И у всех кошки на сердце. Это нужно, это важно. Но откуда нам эта милость из кровавых рук. Точно 30 сребреников. И тут же сейчас наскоро обсуждается вопрос о соглашении. Мил[юков] и Набоков должны ехать для окончательных переговоров. Никто не высказывается за уступки. Надо стоять на первом нашем предложении – два места им, четыре нам. Митинги и резкость нападок всех оттолкнули от левых. С пеной у рта, ругая партию народной свободы, ругая первую Думу, требовали они от нас уступок и соглашений.

Теперь кончено. Оно не состоялось. Мы идем своими силами, они своими. М[ожет] б[ыть], пройдут правые. А главное, пропасть стала еще глубже. И это страшнее всего. Но как же иначе? Быть ими, быть как они мы не можем и не должны. Правда, они значительно продвинулись к нам, окадетились. Но еще не достаточно, еще могут глупить в Думе вовсю. И вероятно будут.

М[ожет] б[ыть], в одном мы ошиблись. Следовало бы привлечь их к себе и обойтись как с детьми, заняться их выучкой. Но разве они дети?

Во всяком случае, больно и жутко. Надо рвать старые нити, крепкие нити общих переживаний. Вероятно, это неизбежный исторический процесс дифференциации. Но от этого не легче.

Митинги выдвинули Мякотина. Первый раз я слушала его с удовольствием. Хороший оратор, славный голос и какое-то детское простодушие. Но чем дальше, тем он неприятнее. Лицемер, вкрадчивый, сладкий лицемер. Опасный человек.

20/I.[1907]

Была на митинге левых в театре Неметти. Глупо и стыдно. У них нет ума. К сожалению, пока весь ум в кадетах. Бедные слушатели рабочие. Сколько пройдет времени, пока жизнь опять вправит их мозги, которые поставлены кверх ногами благодаря «товарищам».

10 марта [1907]

Речь Столыпина, присоединившегося к Родичеву (131), вызвала целую бурю в ложе журналистов. Все мелкие репортеры злорадно хихикали.

– Столыпинцы, столыпинцы.

Мякотин в исступлении, с выкатившимися глазами, красный, не владея собой, кричал что-то о любовных свиданиях кадетов со Столыпиным. Я остановила его:

– Бенедикт Алекс[еевич], как же вам не совестно. Надо когда-нибудь стать взрослым. Ведь это ребячество. Неужели вы не понимаете, что это победа Думы.

– Нет-с, не понимаю. Что делать, сорок лет, а до сих пор младенцем остался.

– Жаль.

Тан (132) умнее. Он в отчаянии, что Столыпин единственный человек, кот[орый] в этот день сумел произнести конституционную речь.

– Ведь это сила. Это человек. Если бы можно было ему верить, я бы сказал, что это начало добра.

Милюков опоздал, не слышал речи. Я наспех рассказала ему содержание. Он презрительно пожал плечами:

– Неужели вы думаете, что Столыпин умен? Он дурак, но около него есть умный человек, кот[орый] его инспирирует.

Меня поразило и огорчило это самодовольное упорство. Милюков не хочет признать силу своего противника. Как всегда, он верит только в свой ум, а на всех остальных смотрит свысока, вперед уверенный в их глупости. Это обессиливает его возможность стать государственным человеком.

1909

Январь 24.[1909]

Дело Азефа (133). Пиленко (134) рассказывает, что даже в «Нов[ом] Врем[ени]» один из черных сотрудников нашел, что отсюда может начаться новая революция.

В Ц. К. обсуждалось положение. Ждем, что Столыпин сделает ход против к[а]д[етов], отчасти чтобы отвлечь внимание, отчасти чтобы разделаться с политическими противниками. Высказывалось даже предположение, что он захочет повторить то, что проделал во II Думе с с[оциал]-д[емократами] (135). Но к кому притянуть к[а]д[етов], к Лопухину или к Азефу.

П. Н. [Милюков] рассказал историю своего знакомства с последним.

Очень любопытные споры о терроре. Горячо, с раздражением, стискивая зубы, П. Н. [Милюков] сказал:

– Нельзя смешивать русскую революцию с Азефами. Мы еще выработаем настоящий тип революционера.

И позже, когда И. В. [Гессен] сказал:

– Террор это болезнь русской жизни...

П. Н. [Милюков] быстро перебил:

– Это здоровье...

Позже, на извозчике, И. В. [Гессен] поразил меня своими упреками по адресу П. Н. [Милюкова]:

– Его отношение к террору безумно. Это гибель нашей партии.

На этом заседании выяснилось, что действительно по этому главному вопросу у нас нет партийного мнения, а есть ряд личных, отдельных симпатий и антипатий. Одни за террор, другие против.

Под конец самый нарядный сказал:

– А все-таки я был бы счастлив, если бы известный акт осуществился.

Д[митрий] Ив[анович Шаховской] молчал.

2 февр[аля] [1909]

Третьего дня вечером у меня собрался небольшой кружок. Шаховской, Гредескул, Изгоев, Протопопов, Шингарев (136), Вальтер, Зин[аида] Андр[еевна Жилкина] (137). Говорили обо всем, без плана, перебивая друг друга. Точно торопились вскрыть, наконец, то, о чем нельзя еще свободно говорить. Все эти люди, привыкшие ясно и отчетливо думать, вдруг обнаружили, сколько сейчас в нас сумятицы.

Государственность, патриотизм, национальность, экономика, наконец, опять-таки террор – все это расшатано в наших понятиях, из всего вынуты подпорки.

– Мы должны выработать новые идеи. Это наш долг, – в этом сходились все.

Изгоев, как всегда мрачно-пророчествующий, предполагал, что партия к[а]д[етов] уже умерла, что она повторила историю немецкой партии центра 60-х годов.

– Мы должны стать национал-либералами, – повторял он.

И опять-таки все сходились на том, что русская интеллигенция больна безгосударственностью.

– Разве кому-нибудь из нас было жаль Сахалина (138)?

– Мне было жаль, – созналась я.

Но им это показалось маловероятным.

Гредескул требовал, чтобы мы как партия наконец отгородили себя от террора. Но в то же время не мог окончательно его осудить.

Изгоев признавал террор до 17 окт[ября] и отрицал позже.

Шингарев отрицал его со всей силой морального отрицанья.

А Дм[итрий] Ив[анович Шаховской] опять молчал об этом.

– У меня от этих разговоров хаос подымается в душе, – сказал Протопопов, хватаясь за голову.

Но мы все поняли, конечно, не в первый раз, что старое изжито, надо находить новое, или идти в сторону, уступить дорогу другим. Мне кажется, что и справа и слева люди сейчас живее, что-то организуют, устраивают, ищут, а мы стоим.

Вчера в комитете мы с удовольствием вспоминали нашу бестолковую и интересную беседу.

– То и хорошо было, что мы могли говорить о неясном, не думая об ответственности, – с улыбкой облегченья говорил Шингарев, над кот[орым] всегда висит туча ответственности.

– Значит, наконец, у нас нашлась безответственная оппозиция, – засмеялась я.

А Шаховской со своим милым заливчатым смехом так определил:

– Я точно чихнул наконец.

Вчера вечером в клубе опять спорили и нападали и защищали мою статью о «Двух правдах». Сколько связано больного, вернее, как крепко и больно связана рус[ская] интеллигенция с этим «святым» убийством.

Милюков сказал мне еще в заседании ЦК, что в моей статье развратные мысли. Его жена с ужасом и негодованием говорит:

– Как вы могли писать такие вещи. Это «аристократическая» мораль. Вы белоручки, отстраняющиеся от жизни.

– Но тогда ваша мораль иезуитская, – сказал Шингарев, – надо тогда идти в терроризм, а не ждать от него результатов.

5 марта [1909]

В прошлое воскресенье у Набокова была беседа Центр[ального] Ком[итета], попросту говоря, заседание. Но т. к. настоящие заседания на Потемкинской стали скучны и пустынны, придумали их оживить, сделать уютнее. У Набокова пышно, но это не очень мешало. Собралось 18 ч[еловек] – небывалая цифра, – говорили о внешней политике. Милюков сделал длинный, несносно обстоятельный, несносно профессорский доклад. Все мелочи, и штрихи, и крючки, много упоения и своей и вообще дипломатической тонкостью. А главное смешная, до конфуза, уверенность, что его передовые в «Речи» влияют на Извольского (139) и внешние дела.

Первый тезис: «Наша (к[а]д[етская]) внешняя политика должна быть внепартийной и национальной».

Сразу отпор Родичева. Мы и во внутренней политике национальны.

«Мы слишком пассивно отнеслись к выходкам Гучкова (140). Был момент, когда мы могли захватить национальное чувство».

«Ему все мерещится разгром и иноземное нашествие. Не знаю – нервность это или предвиденье».

«Война фатальна, и нас в нее втянут».

«Иллюзия, что мы имеем влияние на ход практической политики, – мешает нам делать наше дело».

Почти ни в ком доклад П. Милюкова не встретил поддержки. Только Гредескул, Кутлер (141), – говоривший о славянстве, и И. Гессен, очень оптимистически оценивавший возможность счастливого для нас исхода войны, – ближе подошли к Милюкову.

Набоков очень язвительно:

– Когда П. Н. [Милюков] говорит «мы», иногда ясно, что это к[а]д[етская] партия, иногда это «мы» – русская дипломатия. Милюков резко и довольно обиженно говорил «о старых скверных интеллигентских привычках», подразумевая непониманье внешней политики.

Но ее никто не понимает. Чем больше говорили, тем яснее становилось, что никто ничего не знает, что в умах одна суматоха.

Шаховской усмехался:

– Это все оттого, что мы редко видимся. Мысль вырабатывается коллективно.

А Струве старался примирить с Австрией, считая ее славянской державой, проводил какие-то неопределенные штрихи по Балканскому полуострову и, наконец, пригласил заняться Персией, а не Сербией.

Это всех окончательно ошеломило, и начался смех. Люди все не глупые и привыкли кое-что в политике понимать. А тут все смешалось.

4 октября [1909]

Два дня тому назад были гости. Струве сказал что-то о «Новом Времени». Розанов вдруг покраснел, захлебываясь и шепелявя стал защищать и даже хвалить «Нов[ое] Вр[емя]» за «искренность». Мы молчали. Надо было или сказать до конца, что такое его газета, или молчать. Он понял и ушел глубоко уязвленный. А через день напечатал статью, где с ядовитостью подпольного человека высмеял «бла-а-а-роднейших писателей».

В тот же вечер Вячеслав Иванов мягко, с обычной, точно заискивающей улыбкой корил Струве за Антония (142).

– Мы не можем так разговаривать с ними, как вы это делаете. Черносотенство [–] явление не только внешнее, но и мистическое. В них есть темная теология, с которой мы должны бороться.

Вчера была у Милюкова. Хотела выяснить, как он смотрит на близкие выборы в городскую думу.

– Мы должны принять в них участие.

У П. Н. [Милюкова] сразу сделалось то враждебное, презрительное лицо, с которым он встречает чужие, неугодные ему мысли.

– Я с этим совершенно не согласен. После наших блестящих побед в Москве, Одессе, Петербурге нам неприлично идти на провал. Это не пристало большой политической партии. Мы не можем дать наше знамя какому-нибудь Шубину-Поздееву (143).

– Мы никому и не должны давать наше знамя. Но разве мы имеем право сидеть сложа руки, когда городом распоряжается шайка разбойников. Мы общественная сила и должны исполнить наш общественный долг.

П. Н. [Милюков] высокомерно усмехнулся.

– Мы ничего не добьемся и только испортим свою репутацию. Я против нашего участия.

10 ноября [1909]

Два дня тому назад было заседанье Ц. К. Петрункевич очень веско и с жаром говорил о Финляндии, о необходимости пересмотреть, вернее, выяснить наше отношение к вопросу. Надо определить способ решения общегосударственных вопросов, и для военных международных (?), тарифных и железнодорожных дел. Создать новое положение, т. к. все это затрагивает имперские интересы.

Милюков, с раздраженьем, с грубостью, возражал. Назвал мнение Ив[ана] Ильича [Петрункевича] хулиганской политикой, издевался над Струве – «вы думали одну ночь, а до вас люди думали 30 лет», – оборвал И. В. Гессена, словом бросался на всех. Пугал, что никакой точки зрения, кроме своей, не хочет и не станет защищать. Что-то было в нем мелкое и узкое. Очень состарился.

Родичев и Набоков были на его стороне. Остальное большинство с Петрункевичем.

Возвращались домой с И. Гессеном. Он ворчал на Милюкова:

– Сладу с ним нет... Дума его съела. Ничего другого не видит, не понимает, что в стране есть другая работа, гораздо более живая.

Петрункевич все повторял, что Финляндия может стать для нас тем, чем Польша была для Герцена.

Сегодняшнее решение комиссии Дейтриха (144), предлагающее отнять от Финляндии все права внутреннего распорядка, – отвратительно. Но все-таки Ив[ан] Ильич [Петрункевич] прав – у нас, к[а]д[етов], нет настоящего государственного взгляда на дело и надо его выработать.

20 ноября [1909]

Вчера давали члены Ц. К. обед кн. Павлу Долгорукову. Он теперь только товарищ председателя, а И. И. Петрункевич председатель. Оно давно должно было быть так. Иван Ильич – это самая крупная политическая фигура в партии. Он гораздо более политик, чем Милюков. Но есть в нем преждевременная дряхлость и излишняя скромность,

заставившая его отстраниться и уступить место Милюкову. Когда мы 15-го вечером собрались в заседание в квартиру Петрункевича и уговорили его на председательство, всем сразу стало увереннее и спокойнее. Его, кажется, радовало наше отношение. А его жена с неодобрением смотрела на нас. Она боится для него усталости и волнений. Ее любовь, трогательная и глубокая, должно быть, вредно отражается на его политической работе.

За обедом нас было мало. Пустые приборы, а м[ожет] б[ыть], и число 13 холодили и наводили скуку. А тут еще Маклаков (145) и Родичев полтора часа спорили о дуэли из-за бутафорского поединка между Гучковым и Уваровым (146).

– Дуэль необходима. Она показывает, что для данных двух людей честь дороже жизни. Если я кого-нибудь оскорбляю несправедливо, я обязан дать ему возможность смыть оскорбление кровью, – кричал Маклаков. Бывают, наконец, случаи, когда двум людям становится тесно жить на свете.

– Если мне с вами будет тесно, я просто убью вас. И постараюсь сделать это из-за угла, – так же громко кричал Родичев.

И было одинаково досадно и стыдно слушать их обоих.

Потом произнесли несколько хвалебных речей Долгорукову и, наконец, заговорили сами о себе, т. е. о партии и ее тактике. Маклаков, кот[орый] никогда не бывает в заседаниях комитета, уверял, что теперь партия все ближе становится к нему, т. к. дальше отходит от революции, глубже погружается в органическую работу.

Милюков пространно излагал незыблемость наших позиций.

– Кадетские хитрости, – засмеялся балованный московский депутат.

Это задело Милюкова за живое:

– Если бы вы поменьше верили Вл. Бобринскому (147) и побольше бывали среди нас, вы бы яснее видели нашу работу.

Шаховской тоже разгорячился. Он чаще молчит и слушает, а когда заговорит, значит действительно имеет что сказать. Перед ним Изгоев своим гнусавым нудным голосом маленького пророка заявил:

– Я всегда говорил, что мы слишком заискиваем в левых... Вся наша работа была бы другой, если бы мы отделили себя от них...

– Это совершенно несправедливо, – категорически возразил Шаховской. – Мы всегда были прежде всего монархистами. Никогда не были республиканцами. В первой Думе мы хотели и должны были найти связь между монархом и народом. Не наша вина, если она не создалась.

Набоков тоже отрицал заигрыванье. В первой Думе он видит только одну ошибку партии – по вопросу террора надо было найти более ясную позицию.

– Вообще все эти обвиненья на нашу тогдашнюю неумелость напоминают мне мои разговоры [в] эту осень в Биарице с гр. С. Ю. Витте

(148), – сказал Набоков. – Витте корил нас, что мы не вошли в кабинет Горемыкина (149) и не провели восстановление земства по закону [18]64 г. Знаете, если умный государственный деятель говорит такие штуки...

Возимся с устройством русского отдела общества аболиционистов (150). Немецкая феминистка Ширмахер (151) приезжала, читала лекции и заодно, взяв за шиворот несколько дам, заставила их образовать comite d'initiative*. Я свой шиворот не подставила, и за то она показала мне спину. А мне не хочется, ч[то]б[ы] такое серьезное дело, как борьба с проституцией, началось у нас по почину иностранки, к тому же узкой, самоуверенной и некрупно честолюбивой.

Странное тут отношение А. С. Милюковой (152). Она отдаляется от меня. Есть, вероятно, сплетня, скорее всего пущенная И. В. Гессеном. В чем она состоит, не знаю и не стараюсь догадаться. Могли бы судить обо мне п[о тому], ч[то] я есть и что я делаю, а не по сплетням. Мне это тяжело и больно. Не только лично, но и по существу, как вечное повторенье людской мелочности и недоброжелательства.

Хотя пора бы привыкнуть.

1910

17 января [1910]

Разговоры о национализме лезут со всех сторон. По-видимому, это все крепче разрастается среди радикалов. 6 января были у Гредескула. Шел спор о газете. Сам Гредескул, Эрвин Гримм (153), Д. Д. Протопопов, жена Давида Д[авидовича] Гримма (154) (кажется, очень неглупая) все говорили, что нельзя терпеть, что, кроме «еврейской» «Речи», ничего у нас нет. Только Родичев и Давид Гримм были против нас. Последний считает национализм вообще явлением антикультурным.

19 янв[аря] [1910]

Вчера был А. А. Свечин (155). Он мягкий и широкий человек. Говорит о евреях с улыбкой. Считает, что без них было бы трудно им, помещикам. Но все-таки понимает, что трудовик Локоть (156) начал печатать в Киеве националистический журнальчик, п[отому] ч[то] евреи их на Юго-Западе одолели.

– Еще один еврей ничего. Но они тащат за собой всех родственников. И это уже слишком. Помещик-еврей делает много добра крестьянам, но экономия наводнена приказчиками-евреями. Три мужика пашут, а за ними еврейчик бежит.

---

* Инициативный комитет *(франц.)*.

Ремизов (157) рассказал, как Ал[ександр] Блока (158) выгнали из «Шиповника» (159). Рассказ[ал] мастерски, словечками и ужимками чисто Ремизовскими. Но клянется и божится, что все так и было.

– Шел Блок по Гороховой. Навстречу ему Андреев, Леонид (160). Поговорили. Так и так. Блок и говорит: «Ожидовела у нас Россия». Сказал, и уехал в Италию. Два месяца ездил. Вернулся. Утром, в 8 часов, спит Блок. Звонок. «Надо Блока видеть». – Барин спит. – «Разбудите. Я Копельман (161), по самонужнейшему делу». Дают Блоку карточку, – Копельман, Шиповник. Он присел на кровать, кое-как прикрылся. Выходит. – Здравствуйте! – «Здравствуйте. Вы говорили, что Россия ожидовела?» – Говорил... – «Ну так вы не можете больше в Шиповнике работать». Вот и все.

Ремизов больше всего за язык русский тревожится. С самого, говорит, детства приходится нам по еврейским книжкам учиться. Венгеров (162) там и все прочее.

Зато и евреи чуют, что не все ладно.

У Протопоповых Р. Г. Винавер (163) говорила о Струве.

– Он совсем стал странный. Я даже просто нахожу, что он с большим душком.

– Что это значит? Струве человек редкой честности и искренности.

– Вы думаете? – лицо у нее стало такое злое, с резко еврейским выражением. – Вы и его письмо к Антонию (164) оправдываете?

– Зачем я буду его оправдывать. Я могу не соглашаться с ним, как я не соглашаюсь с аплодисментами Милюкова по адресу Столыпина (165). Но оправдывать надо людей, в порядочности которых сомневаешься. А здесь этого нет.

– Ну, Милюкова я лучше понимаю. У него были политические соображения. А Струве...

И я поняла, что Струве еще много придется выдержать именно от евреев.

31 янв[аря] [1910]

Был в женском клубе доклад Н. Н. Львова (166) о нац[иональном] вопросе. Горячо и оборвано. Никакого выхода не указал. Родичев отвечал пустяки. Ругал Россию, лягал всю нашу историю. Было противно.

Мы с Львовым решили устроить у меня маленькую беседу о национализме.

6 февр[аля] [1910]

Провожали две недели тому назад В. Я. Богучарского (167). Собрались 24 янв[аря] у меня. Все бывшие освобожденцы. Родичев и Милюков и те ушедшие влево, Хижняков, Репьева (168) и другие. Был

и Н. А. Морозов (169). Большое дитя. Ясен, и мил, и нелеп в своей вере в войска и в офицеров, кот[орые] перейдут на сторону народа.

Все были рады увидаться, точно вспомнили хорошее время общности. Но заговорили, и иллюзия распалась. Милюков не против общих действий, но надо сначала согласиться. Я уже забыла точно его слова. Но была в них горечь неверия.

Родичев изложил целую программу политического положения. Не веселую.

А сам виновник, видимо, волновался, бог знает чем. М[ожет] б[ыть], просто своим нелепым вынужденным отъездом в Софию, а м[ожет] б[ыть], той очевидностью, с кот[орой] вскрылась невозможность даже этой маленькой группе в 25 ч[еловек] договориться.

17 мая [1910]

В Милюкове все-таки сохранилась наивность. В воскресенье было заседание ЦК. Он набрасывал тезисы для того отчета, кот[орый] фракция даст на предстоящей конференции. Шла довольно сложная сеть диагнозов и предположений и возможностей. И потом вдруг:

– Вообще теперь для правительства самый удобный момент устранить реставрацию. Когда Дума примет финляндский проект, она лишится последнего престижа в глазах правительства и тогда ее ничего не стоит прогнать.

Даже простодушный А. И. Шингарев проворчал:

– Тут не в нравственном престиже дело. Им надо заключить двухмиллиардный заем.

Но я была тронута сентиментальностью Милюкова.

20 мая [1910]

Вчера вечером говорила по телефону с Милюковой.

– Вас, конечно, история со стаканом нисколько не взволновала? (Пуришкевич (170) несколько дней тому назад бросил в Думе в Милюкова стаканом.)

– Нисколько. А вот другие...

По голосу было слышно, что она чем-то не на шутку встревожена.

– У них на днях было совещание. Они опять решили...

Я поняла. Значит, был Совет русского народа, и они опять постановили приговор Милюкову. Если бы не Герценштейн (171) и Иоллос (172), то это было бы только противно. А так нельзя не бояться.

– Павел Николаевич принял какие-нибудь меры?

– Да какие же? Только в «Речь» по вечерам не ходит. Ему сюда корректуры носят. Возможно, что они хотели бы его выбить из строя до прений по Финляндии.

9/XI.[19]10

Третьего дня утром, около 11 ч[ас]., меня вызвал по телефону Протопопов.

– Скончался. В 6 ч[ас]. утра. Скажите, где панихиды и что вообще будет?

Я не знала, что Толстой умер, значит и о панихидах ничего не знала. Обещала сходить к Милюкову; узнать. Но раньше позвонила к Шаховскому. Хотелось в такую минуту прежде всего с ним поговорить.

– Почему вы думаете о панихиде? Разве вы уверены, что вообще нужна панихида?

По его голосу я поняла, что он так же взволнован, как и я.

– Мне кажется, что должен образоваться общественный комитет. Литерат[урный] фонд не может, т. к. это может быть для него опасно. Нужно какое-нибудь лицо, которое бы взяло на себя.

– А вы, Дмитрий Иванович?

– Нет, – резко и категорично, – я этого на себя не возьму. Пусть другие...

Другими словами – пусть те, которые его меньше любили и меньше знали. Я поняла. Я ведь видела его с Толстым вместе.

– Вообще, по-моему, не надо торопиться. Надо подумать, чтобы не вышло бестолочи.

Мы пошли с Вильямсом (173) к Милюкову. Павел Николаевич сначала улыбался, может быть, потому, что я очень волновалась. Потом стал серьезен. Особенно после того, как к нему позвонил И. И. Петрункевич и тоже сказал, что надо создавать какой-нибудь комитет.

Милюков сейчас же телефонировал М. М. Ковалевскому (174). Оказалось, что там уже назначено на вечер собрание, по инициативе Н. Ф. Анненского. Представители редакций, литературных обществ, депутаты. Конечно, и Милюков и его жена тоже были против панихид. Да и не связывалась мысль о Толстом с чем-нибудь церковным.

На улице у газетчиков уже были траурные, экстренные №№ «Речи». Какой-то толстый, щеголеватый студент подошел.

– Лев Николаевич умер?! Господи.

А на лице, туповатом, настоящая печаль.

И эта чужая печаль вдруг расколыхала свою тупую боль. Захотелось тут же на улице заплакать.

Днем пришел на минутку Шаховской. Волновался.

– Я знаю, что надо что-то делать, а что, не знаю. Единственное, что я вижу, это остановить спектакли в театрах. Но это надо организовать. Надо мобилизовать молодежь. Надо пойти в театры и сказать. Единственное возражение – люди могут сказать, если вы находите, что сегодня нельзя смотреть на зрелище, зачем вы здесь.

Жилкин, как всегда, тяжелый, неповоротливый и, как всегда, немного пристыженный энергией Шаховского, возразил:

– Да ладно ли, Дмитрий Иванович? Ведь это будет искусственно. Вот если бы это сама публика.

Шаховской неодобрительно посмотрел на него и горячо заговорил:

– Вот уж это совсем неправильно. А мы-то кто? Разве мы не публика? И разве организованность значит искусственность?

Но у нас эта мысль о театре никого не задела.

Мы с Жилкиной вышли на улицу. Газеты раскупались. А город жил обычной жизнью. И было жутко – неужели им все равно? Детски хотелось каких-нибудь видимых, несомненных признаков горя и траура.

Встретили Д. Философова (175).

– Я ужасно боюсь, что эти господа устроят симуляцию его обращенья, – сказал он, даже не здороваясь. – Как-нибудь проползут, а будут уверять, что он их позвал.

– Нет, я этого не боюсь. Около Толстого крепкая стража. И Чертков, и Маковецкий (176), и Александра Львовна (177). Мне не страшно, – возразила я.

Я так ясно чувствовала, что все до конца было так, как надо. И не боялась ничего. Только сердце очень болело и было как-то тихо, несмотря на то, что кругом шумел город. Очень хотелось быть одной и молчать. Но дома ждал телефон. Вечером в женском клубе должно было быть собрание. Надо было найти кого-нибудь, кто скажет несколько слов. Родичев отказался («Говорите вы. Сегодня очередным оратором женского клуба должна быть женщина»). Милюкова колебалась – надо ли кому-нибудь говорить? Шаховской опять вскипел:

– Я не могу себе представить, чтобы в такой день русские люди собрались и молча разошлись, без разгона полиции, по собственному желанью, молча. Надо, чтобы Павел Ник[олаевич Милюков] в нескольких достойных словах выразил то, что мы переживаем.

Так и было.

– Впервые траур России является трауром для всего просвещенного человечества, – сказал он. Кроме его короткого слова, не было ничего. И не хотелось ничего. Хотелось только думать о Толстом, думать для себя и с собой. И ночью в постели так сиротливо чувствовалась потеря. Никогда уже больше не увидать его. Нет, не то. Просто нет какого-то живого, видимого, милого звена, соединяющего нас с бесконечностью.

Сегодня день похорон. В армянской церкви наскоро назначили панихиду. Оповестили по телефону. Мои не знали, идти или нет. А я хотела идти. Просто была какая-то потребность к церковности, к пенью, к глубоким и вещим словам. И мы пошли. В церкви собралось человек 70. Было голо и холодно. Чужие слова молитвы, чужое пение, монотонное и нетрогательное. И вдруг так ясно представилось, что

сделала православная церковь, чего она лишила миллионы людей и чего она сама лишилась.

Мы с детства отпали от обрядов. Но это умом; а где-то внизу, внутри оставалась какая-то невидимая полузасохшая и всегда пульсировавшая пуповина. Священники ее сегодня отрезали. Какая-то привычка души требовала молитв, давно знакомых слов, сочетавшихся в мозгу с ощущеньем смерти. Но рука, держащая крест, оттолкнула нас от этих молитв как раз тогда, когда смерть любимого учителя сделала нас кроткими и доступными.

Было обидно, и горько, и враждебно. Даже у меня, давно не православной. Что же мог сделать сегодняшний день с православными?

По-видимому, в простонародье эта обиженность еще глубже.

А что, если эта смерть будет символом воскресения подлинной народной русской церкви? Все время думалось об этом под непонятное армянское пенье. Неужели мы навсегда в церкви в гостях? Или от холма, где зарыт Толстой, действительно раскинется по России дерево новой жизни.

В первый раз во мне смутное признание личного бессмертия. Мне кажется, что Толстой не умер, что он в нас и вокруг нас.

В день смерти у Ф. Сологуба (178) было назначено чтение новой его пьесы. Многие не приехали из-за Толстого. Сологуб рассердился и ругал Толстого, что глупый старикашка неизвестно зачем ушел из дому, семью обидел зря.

Очень гнусно и безнадежно. Значит Сологуб кончен.

Такое чувство, точно мир раскололся пополам – те, кто с Толстым, и те, кто против.

19/XI.[19]10

Душа все еще полна Толстым. Его уход поднял в мире еще не бывалую волну. В течение двух недель мы точно слышали дыхание всего человечества, которое думало, горевало, радовалось, гордилось. И надо всем этим сияло ясное и глубокое сознание, что, уходя, Толстой на мгновенье открыл перед нами дверь в бесконечность. Она закрылась за ним, но мы что-то видели. И этого ощущенья никогда уже нельзя забыть.

Только теперь, когда он ушел от нас, я поняла, что, пока он был жив, между нами был человек, настоящий, подлинный, физический человек, такой же, как мы и в то же время дававший нам живую связь с бесконечностью. И со всех сторон слышно одно – он не умер, он с нами. Женичка говорит мне: «Когда я думала о Комиссаржевской (179), мне трудно было поверить, что она умерла. О Толстом я просто знаю, что он не умер».

Протопопов, совсем на нее не похожий, тоже сказал: «Я совсем не верю, что он умер».

Корнилов (180) рассказывал, как Толстой ему сказал: «Ну, конечно, если повозкой, где много людей, правит пьяный кучер, надо вырвать у него вожжи». Это после спора о бесполезности конституции.

Мы все о нем говорим. Где бы люди ни встретились, только о нем. 13 ноября ко мне приехали после большого вечера в консерватории; в его память. И все были хмурые, было мертво и бледно. О многом запретили говорить, а промолчать они не догадались. А в Рел[игиозно]-Фил[ософском обществе] было так, как надо. Было тихо, не суетились, а ждали. Кончили общей молитвой. Очень жалею, что ее не слыхала. Жилкина говорила, что она была потрясена. Сам Жилкин рыдал, и не он один.

Не знаю, можем ли мы ждать нарождения, вернее нового перевоплощения религии. Но я вижу, и слышу, и чувствую, как поднялась высокая волна религиозности. Такое чувство, точно вижу чудо. Техника, которую бранил Толстой, сблизила человечество, дала возможность нам, и американцам, и японцам, всем сразу пережить одно. А благодаря самому Толстому, благодаря тому могучему религиозному веянью, которое в нем это «одно», как-то выпрямило, подняло душу человечества. И не потеряла я его, а только теперь нашла.

22/XI.[19]10

Вчера был Пяст (181). Говорили о том, может ли опять вырасти настоящая религия. Он такой сдержанный, медлительный: «Конечно, может. Ведь должны же люди заметить, что над ними небо и не для того же оно, чтобы воробьи летали».

Был Верховский (182). Сказал много хорошо о моей «Ночи». Находит, что значительно. Господи, как хорошо, если я сумею писать и сказать то, что все время разговаривает во мне.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–26об.; 28–54. Автограф.

27 ноября [1910]

Вчера был очень трудный день. С утра начала переговариваться о статье или письме, протестующем против курсисток. Милюкова мне сказала, что ее муж отстранился в газете от всего, кроме политики. Твердо И. Гессен занял все позиции. Но на этот раз он сразу отнесся так, как было надо. Обещал напечатать мое письмо (183). Но через Нечаеву (184) курсовые дамы и профессора узнали содержание и по-профессорски испугались. Они все думают, что можно домашними средствами бороться с отупеньем и огрубеньем молодежи. А я уверена, что нельзя. Сначала Нечаева, потом Д. Гримм по телефону просили меня, в интересах молодежи, снять письмо. «Не надо давать оружие правым». Я с этими аргументами не согласна, но, считая, что Гримм

и руководительницы курсов несут столько ответственной работы, что я не имею права с ними не считаться. Протелефонировала в редакцию и напала на меня тоска. Думаю, Толстой никогда бы не отказался, не согласился бы промолчать, если хочется громко сказать, да еще там, где дело идет о смертной казни.

Сегодня сторговалась с Гриммом. Я вычеркнула следующее: «Я ждала свистков протеста, хоть одного непосредственного возгласа стыда или отвращенья. Ничего. Внимательные, полные любопытства глаза, веселые молодые улыбки, смех, аплодисменты. Да ведь это те же лица, которые я, две недели тому назад, видела на демонстрации против смертной казни. Как же могут студентки и студенты одновременно горевать о Толстом, чувствовать свою связь с ним, протестовать против смертной казни и спокойно смотреть на этот постыдный фарс».

Без этих слов Гримм нашел письмо не опасным. Хотя я нахожу, что в этих словах только правда. Но ее нельзя сказать, п[отому] ч[то] на молодежь опять поход справа. А м[ожет] б[ыть], и просто потому, что у нас нельзя говорить правду.

Нелегко мне было перенести еще одну вещь, личную. Я рассказывала Милюковой, что на том же курсовом вечере была кафешантанная певичка.

– Это все сделала литература. Ваша литература. И ваша вина здесь есть, А[риадна] В[ладимировна], Ваша книга тоже пронизана культом тела.

– А духа в ней нет?

– Он играет второстепенную роль, а главное аромат тела. То, что я так ненавижу...

– Я думаю, и Толстой говорил о теле. Вспомните сцену между Анной и Вронским.

– Да, но он говорит об их близости отрицательно. Об этих вещах надо или молчать, или их осуждать. В ее голосе было неподдельное негодованье. Мне было больно. Я чувствую себя правой, но вижу, что мое понимание жизни противоположно и враждебно ей. «Я не одна так думаю», – сказала она.

Значит, в моей книге соблазн? Нет. Это не может быть.

Я заговорила с Шаховским. Ему не хотелось, видимо, говорить.

– Нет, этого я не нашел. Но ваши герои слишком серы. Надо создавать людей.

Шаховской мечтает о том, что кадеты будут вести демократическую просветительную работу в низах. Будут ли?

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 17. Л. 87об.–89об. Автограф.

1911

28 янв[аря] [1911]

Вчера Шингарев уверял, что Столыпин говорит:

– Лекции будут читаться, хотя бы пришлось идти по студенческим трупам (185).

Может быть это и выдумка, но и то характерно.

Весь вечер у нас шли споры. Адрианов (186) ругал профессоров, что они утратили всякое чувство достоинства. «Угодовцы» (187).

Гредескул доказывал, что «положение профессоров трудное». А за моей спиной Аркадий (188) говорит:

– Гредескул сегодня читал лекцию, а у дверей городовые стояли.

Совет Высших курсов выпустил воззвание к курсисткам: «Берегите курсы!» Поздно. Надо было это сделать до забастовки, а теперь это штрейкбрехерство. Теперь надо разговаривать с другой стороной и втянуть в протест инертные родительские круги.

Попробую.

21 февраля [1911]

Студенческая история стала профессорской. Но сейчас, после масленицы, какое-то как будто равнодушие. Мы очень быстро спадаем.

Была вчера на обеде по случаю пятилетия «Речи». Три года не участвовала в их обедах. Есть новые лица, и все евреи, евреи, евреи. Меня встретили очень дружески. Это было приятно и было сознание человеческой теплоты. Но сколько в их речах было взаимной лести. Родичев подошел ко мне с бокалом.

– Мне жаль, что никто не вспомнил здесь об «Освобождении». И напрасно здесь нет редактора «Освобожденья». Я пью за Ваше здоровье, как одной из близких сотрудниц этого журнала.

Милюков слушал со своей обычной улыбкой, холодно-добродушной. Но не примкнул к тосту. Зато несколько раз запальчиво кусал Изгоева, как «вехиста». С каким острым раздраженьем относится он к «Вехам», вернее к струвинскому теченью. Это добром не кончится.

Вокруг нашего столика собралось толпа настоящих газетчиков. Пьяненький и сентиментальный Ольдор (189), довольно безобидный Неманов (190), размякший от вина и нагло-пошлый Клячко (191). Он великолепен.

– Во время земского съезда (ноябрьского) я был единственным журналистом. Меня Набоков выгонял – не выгнал. Брянчанинов (192) гнал – я не ушел. Корсаков (193) – я тоже не ушел.

И с гордостью хохочет.

Мне было любопытно. Теперь я вне этого круга и еще лучше его вижу. И было очень легко и свободно знать, что я пока не журналистка.

Смотрела на Алексея Толстого (194). У него лицо поумнело. Значит, та творящая литературная сила, которая в нем сидит, сильнее его сознания. Она его теперь ведет.

5 апрель [1911]

От поездки в Москву у меня остался ряд впечатлений. Как не похоже там все на наше здешнее, петербуржское. Они живут теснее, а кружковщина больше, интересы как будто живее, а сплетня и анекдот царят властительно. Впрочем, это и в Петербурге есть, только мы сумели устраниться и до нас дрязги мало доходят.

– Вы к Жуковским? – спрашивает милая Л. В. Лепешкина (195) и как-то по-стародевичьи поджимает губы. – Я их не знаю. Они очень весело живут. Все в кутящей компании... Брайловские и другие.

Я удивлена. Непохоже на то, что я слышала о жене Дмитрия Евг[еньевича Жуковского] (196). Но на всякий случай мы с Софой (197) прихорашиваемся. Приезжаем. Сидит Бердяев, его красивая жена, маленькая, невзрачная дама в кресле, другая дама, еще господин – и никакого великолепия. Все просто. Буфетишко какой-то приткнут к стене. В углу ящики, покрытые холстом, должны заменять диван. Очень хорошо. И Жуковская сама тихая, глухая, с какой-то медленной улыбкой, с внимательным взглядом маленьких глаз, – чем больше к ней приглядываешься, тем больше она нравится.

Вечером у Л[идии] Вл[адимировне Лепешкиной] гости в мою честь. Тонная, скучная M-me Гольдовская (198), уже совсем старуха, а рядом муж (199) розовощекий, упитанный сытостью, довольный собой и с каким-то мелким блудливым взглядом. Земец Полнер (200), красивый, живой, интересный, отличный рассказчик. Какая-то смесь актера и общественника. Нет маклаковской наглости и развязности, но в живости есть что-то общее. Много рассказывал о духоборах, о том как Вершин прятался от кн. Львова (201) и от него самого.

Был художник Первухин (202). Больной, худой, с глазами безнадежно-чахоточными и с остроумной, блестящей речью. Какой-то толстый, белокурый, мягкотелый доктор разваливался на всех диванах и всех громил. Они втроем – Б. Зайцев (203) был третий – все говорили об искусстве. До меня долетали, к сожалению, только отрывки, п[отому] ч[то] дамы, по очереди меня занимали. Бедные дамы, какой в них микроб бараньей скуки. Только к жене (204) Зайцева это не относится. Сам Зайцев красивый, только чересчур розовый, и есть в лице что-то асимметричное. Глаза острые, но спокойные. Привлекательный и осторожный. За ужином и после ужина много пил, но не пьянел. О людях говорит сдержанно, скорее мягко. Очень мне понравился. А жена как вихрь. Некрасивая, лицо мятое, не свежее. А тело гибкое и молодое. Шея открытая, стройная. И полная необузданность в словах и жестах. Тоже что-то совсем московское, какая-то дикая, а все-таки красующаяся потребность быть непосредственной.

Я их троих таких видела. Зайцева – раз. Жена А. П. Грессера (205) – два. Та молодая, привлекательная, с наклеенной родинкой и широкими серыми глазам. А ресницы черные. Нарядная и неряшливая. Думает вслух и все стремится – «так ему в глаза и сказать». Крандиевская (206) – три. По существу как будто совсем другая, писательница, гораздо старше и умнее тех, но до смешного они все сродни какой-то общей буржуазностью, несуразностью, откровенным нежеланьем считаться с чужим присутствием, настроеньем, желаньем.

Днем вошла на минутку в контору «Рус[ской] Мысли» (207). Было сумрачно и от этого еще темнее и резче показалось мне лицо Брюсова (208). Я его сразу узнала по портретам. Только думала, что он хуже. Он стройный, и если не высокий, то и не маленький. Темные волосы, коротко подстрижены, лоб выпуклый и весь в каких-то шишках. Глаза стальные, скорые, тяжелые. Впрочем, я не уверена во всем этом. Что-то мне мешало его хорошенько рассмотреть. В разговоре он сказал, что он председатель Л[итературно]-Худ[ожественного] Кружка (209).

– Председатель? Но ведь это большой картежный клуб. Разве это не мешает писательству?

– Почему? Юлий Цезарь был полководец, правитель и писатель.

Вот оно что – Юлий Цезарь! А Брюсов и впрямь московский римлянин. Смутно мерещилось мне отдаленное сходство с Гучковым. То же неговорливое тяготенье к власти, какая-то одетая в железную перчатку рука. А не захочет ли Брюсов стать когда-нибудь московским городским головой? Я боялась бы этого человека.

После лекции долго спорили с Шаховским. О сущности критики и о сущности вещей, о пределах внутреннего и внешнего опыта. Шаховской говорил, что до сих пор вся наша культура шла из дворянства, что поэт только берет из жизни и суммирует. И я говорила, что до Пушкина Татьяны не было. И теперь должен прийти поэт и показать нам наш новый национальный характер. Мы оба сошлись на том, что критики у нас нет и что это подлинная беда.

Лекция сошла довольно удачно. Говорилось легко, пришлось выйти и кланяться, и это было бы только смешно, если бы не подлинная приветливость на лицах молодежи, окружившей эстраду.

13/V.1911

Был 10 мая банкет в честь Салазкина (210). Когда я вошла и увидела винегрет из всяких партий, начиная с прогрессистов и кончая с[оциал]-д[емократами], я была уверена, что мы переругаемся. Оказалось, что впервые за 5–6 лет собрались интеллигенты в примиренческом настроении. Мякотин лягал профессоров и Мануйлова (211) (не называя его). Тесленко (212) сидел рядом со мной и восклицал:

– Да ведь он лжет! Да ведь этого не было. Да ведь это низость.

Но громко не возражал, и вообще никто ни с кем не спорил. Даже как-то бочком и неуклюже тянулись друг к другу. Мякотин несколько раз подходил к Милюкову и дружески обнимал его за плечи.

Но ни новых идей, ни новых, или хотя бы обновленных, людей я не видала.

Одна оговорка у Мякотина была артистическая.

– Даст б... – и он споткнулся, вовремя удержал страшное слово «бог» и сказал: даст судьба.

17/VII.[19]11

Как соединяться людям? По нациям, по классам, по духу? Какое соединение скорее всего расчистит дороги.

Пера. 24/X.[19]11

Еще в Австрии началось ощущение, что сквозь всю видимую налаженность культуры пробивается борьба и вражда. Славяне, с одной стороны, немцы и мадьяры – с другой. Поезд ехал где-то по югу Венгрии. Пожилой господин с седыми усами и черными живыми глазами заговорил со мной по-сербски.

– Србинска речь наилекшая, – с наивной хвастливостью заявил он и сейчас же покорил болгар за грубость речи.

Мы с ним легко понимали друг друга. Он напомнил мне, что и молитвы у нас одинаковые, и в доказательство стали мы с ним читать друг другу «Отче наш».

А в коридоре стояла молодая девушка и все поглядывала в нашу сторону. Потом заговорила со мной по-славянски. Оказалось, словенка, дочь пастора, пропитанная страстным национализмом. Терпеть не может мадьяров, мечтает о возрождении.

В Россию смотрит с какой-то не то надеждой, не то как младший на старшего. Понимать друг друга нам было трудновато. А говорить хотелось, прямо тянуло.

Против нас сидел усатый господин. Молчал. Потом вскочил и заговорил по-немецки:

– Ну конечно, все славяне ругают мадьяров. Притеснители. Но в чем скажите мне, пожалуйста?

– Мы не ругаем, – спокойно ответила она, патриотка, – мы только хотим, чтобы нас не мадьяризировали. Оставьте нам наш язык.

– Кто же его трогает? – сердито сказал господин. – Но ведь должен же быть государственный язык. Русины по-своему, поляки по-своему, сербы, румыны, бог знает кто. А что же с мадьярами будет.

– Пусть мадьяры остаются мадьярами, а мы сами собой, – все так же невозмутимо возразила молодая девушка. – Нельзя маленьких детей заставить учиться на чужом языке.

– Да они и не ходят в школы, ваши дети.

– Оттого и не ходят, что вы их не так учите.

Ее невозмутимость сердила собеседника. И чем больше он сердился, тем больше мне казалось, что он и сам не мадьяр, а скорее всего еврей. Они очень большие венгерские патриоты.

Мелькнул Белград. Только огни, но что-то небольшое, тихое.

Утром Болгария, горы, Балканы. И вдруг встали военные воспоминания. Ведь это мы сделали их тем, что они есть.

В Софии уже на каждом шагу память о русских. «Рара Игнатьев» (213), бульвар Дондуков-Корсаков (214), русская церковь, наконец, памятник Алекс[андру] II. И все это волнует. Так мы привыкли, что ничего хорошего никому не сделали. А тут целая страна, целый народ освобожден, и народилась хоть маленькая, да своя культура. И это сделали русские солдаты, усеявшие своими косточками суровые горы от Дуная до Адрианополя.

Болгарская интеллигенция и сейчас еще знает наше духовное влияние. Профессор Шишманов (215), умный и тонкий, с характерным лицом болгарина и с манерами европейца, не без грусти сказал мне, что это влияние слабеет. А между тем и в нем, и в других его товарищах профессорах я видела подлинную симпатию и близость к России. Их интересует наша литература, политика, люди.

– Как я рад, что вы кадетка, – приветливо сказал мне Милетич (216), – эта партия так близка нам.

Если бы в нас, русских, была хоть доля немецкого стремления к слиянию всех родственных рас, мы давно обратили бы внимание на Болгарию. Писать чаще о них в наших газетах, быть может, иногда в их, наконец, читать лекции.

Вечером я остановилась около памятника Ал[ександру] II. Тут же стояли два живописных болгарских крестьянина.

– Чей это памятник? – спросил я.

Они посмотрели на меня укоризненно.

– Это царь-освободитель. Булгар освободил. Турок прогнал. Теперь мы свободны.

Мы разговаривались. Он еще смутно помнил, как русские пришли.

– А ведь я тоже русская.

Он быстро снял свою высокую барашковую шапку, поклонился мне и что-то быстро заговорил об ангеле, который стоял с распростертыми крыльями у ног императора. Я не поняла слов, но чем-то горячим пахнуло на меня от этого братского приветствия на безлюдной площади Софии.

– А все-таки мы славяне, – подумала я.

Долго и много рассказывали мне болгары о Македонии. Понять трудно. Ну да, болгары хотят жить по-своему. Но ведь и турки хотят сохранить Турцию.

26/X.[1911]

Третьего дня вечером познакомились с сионистом Нейфахом (217). Пришли к нему. В передней, заменяющей столовую, сидели три человека в фесках (вот они турки), молодая девушка, по-видимому, еврейка, и бледная и усталая женщина, жена Нейфаха. Сам он маленький, невзрачный, но, скорее, приятный человек.

Фески оказались тоже евреями. Это студенты медицины. Учатся в Скутари (218).

Нейфах охотно и толково рассказывал про младотурок (219). Да, они в трудном положении, но у них добрые намеренья. Они закрывают газеты? Да, конечно, это нехорошо. Но многие младотурки этим возмущаются.

– А вы знаете, что говорят о дурном влиянии евреев на младотурок? – в упор поставила я вопрос. – Говорят, что евреи более националисты, чем сами младотурки.

Нейфах вспыхнул и заволновался.

– О каком таком особенном влиянии может идти речь, когда евреи так малочисленны. Их не более полумиллиона.

Я не стала настаивать.

Вчера мы пошли с ним в редакцию «Jeune Turc» (220). Первое лицо, которое мы увидали, был еврей в феске, сидевший за редакторским столом. (Все очень скромно, даже убого.) Samy Hochberg (221). Потом пришел молодой, живой приятный турок Djalal Noury (222). Он был очень любезен, охотно отвечал на вопросы, а Hochberg поглядывал исподлобья. Они меня спросили, что думают в Софии о балканской федерации.

– Да ничего, согласны, если Македония будет автономна.

– Но ведь это значит превратить всю Турцию в какую-то Швейцарию, – с раздраженьем ответил Hochberg, – м[ожет] б[ыть], через 200 лет так и будет, но не теперь.

Я сказала им, что мл[адо]тур[ки] не вызывают к себе симпатии, закрывая газеты. И потом эти военные суды, c'etat de siége*. И опять с тем же раздраженьем Hochberg ответил мне.

– Это необходимо. Здесь два года тому назад была контрреволюция. Надо защищать конституцию.

В первый раз видела я еврея, который защищал нераздельность государства, военные суды и исключительные положения. Неужели это оттого, что они здесь близки к власти? А Hochberg, вероятно, еще и русский еврей. Оттого-то с такой решительностью говорил он против союза с Россией.

– Мы не можем заключать союза с государством, где еще нет конституционного строя.

---

* Осадное положение *(франц.)*.

Это звучало очень гордо, если бы только мы верили в констит[уционный] строй Турции.

28 окт[ября] [1911]

Совсем иначе относится к России и к русской культуре Азим Исхаков (223), татарский беллетрист, бежавший за границу из Архангельской губ[ернии].

Это человек лет 35–40. У него типичное лицо приволжского татарина. Черные, очень живые глаза и славная, насмешливая улыбка. Тонкий наблюдатель и свободомыслящий человек, он одним словом умеет объяснить многое. К туркам он относится очень скептически.

– Они смотрят на нас, татар, сверху вниз, а мы на них. Я считаю, что их культура ниже нашей, потому что мы прошли через славянскую культуру, а они через испорченную французскую. Европа присылала сюда свои отбросы, а турки подчинялись их влиянию.

Он народник и демократ. Ему досадно видеть, как новая турецкая литература подчиняется тому, что он считает декадентством.

– Но сама Турция, к счастью, не похожа на Константинополь. Она лучше. И если стране суждено возродиться, то только через провинцию.

В нем сидит самая подлинная тоска по русской родине. Там его гнали, издевались, цензор месяцами не давал разрешения на печатание его произведений, пьесы его не допускаются к постановке, и все-таки Россия для него родина, он ее нежный, духовный сын.

– Нас тут много русских татар. Мы очень скучаем по России. У меня в деревне, на Мраморном море (Мармара), гостили татары-студенты. Утром они встают и говорят: Какая хорошая была сегодня ночь. Колокола звонили совсем как в России.

А Hartmann (224) написал про него er ist kein Russenfreund*.

Азим Исхаков очень низкого мнения об истамбульских турках.

– Они лжецы. Никогда не говорят правды. Никогда не держат слово. Что-нибудь устроят и сейчас же бросят. И все они беи, все благородные. Избави бог, чтобы турок занимался торговлей.

Любопытно, что Успенский (225), директор Русского археологического института (226) и его жена тоже как раз обратного мнения о турках, считают их очень честными, мужественными, благородными людьми. Но, по мнению Усп[енского], как государство они осуждены на гибель.

– Нам нельзя заключать союза с Турцией. Во-первых, это против наших исконных славянских стремлений. Во-вторых, такой союз на несколько лет удержит Турцию от распада. Зачем нам это? Конечно,

---

* Он не друг русских *(нем.)*.

если мы внутренне так слабы, что должны покупать мир какой угодно ценой, тогда другое дело.

С 11 ч[ас]. до 5 мы проходили с Исхаковым по Стамбулу. Прошли и проехали его насквозь.

Начиная от моста, через путаницу большого базара, через Сулеймановскую (227) и Баязетовскую (228) мечеть до старого кладбища за стеной.

Около Новой мечети (Jeni Djani) (229) базар. Лица солдат. На низеньких стульях сидели писцы, писали письма. Веселый полицейский болтал с женщиной под вуалью.

На базаре нас надули. Турки невозмутимы, другие пристают.

Жарили баранину.

Голуби в мечети Баязета. Горсть проса, ч[то]б[ы] отогнать дурные сны. Дети и попрошайки.

<...>

Мехмед Решад (230) лежал на спине*.

Висела стрела Баязета.

Византийская арена, поросшая капустой. Дальше громадные развалины старых укреплений, стены и рвы, где теперь пасутся овцы и дерутся крикливые черномазые мальчишки.

Никакого уважения к кладбищам и к мертвым. Все запущено и грязно. На улице Пера есть уголок, где торчат столбы с чалмами.

У каждого народа свое понятие о чистоте. Мусульманин благочестиво моет на площади ноги, а халат на нем никогда не стирается.

У младотурок нет людей. Мехмет Эммин (231), статс-секретарь морского министерства и вали в Эрзеруме.

Надо знать своих соседей и географических, и исторических.

31/X.[1911]

Объявление о продаже:

«Комитет Оттоманского флота.

Кожи и рога баранов, которые будут принесены в жертву (sacrifies) по случаю Курбан-Байрама в Стамбуле, Пера, Скутари, Бежази, на островах и в окрестностях, будут собраны в пользу флота и проданы с торгов».

Из газеты Loyd 27/VI.1911 г.

Салоникский комитет «Association islamique» напечатал в своей газете «Beyanul Hak» (232) воззвание по поводу женских покрывал. За последнее время стали опять пренебрегать их употреблением. Были вынуждены даже на некоторое время запретить турчанкам вход в парк под тем предлогом, что они во время прогулки показывали мужчинам свое лицо. Вот что говорится в воззвании:

---

* Так в тексте.

Коран не говорит, что лицо женщины должно быть скрыто от мужских взглядов. Однако фукехи (ученые) нашли приличным сделать вуаль обязательным. В этом они руководствовались священными изречениями: «Не взирайте с вожделением на прелести жены чужой» и «женщины – западни, служащие дьяволу для ловли мужчин».

«Но если, как это стало почти обычаем, молодые женщины появляются среди мусульман с открытыми лицами, кто может воспрепятствовать мужчинам смотреть на них и возбуждаться. Конечно, лицо женщины не запретно. Но женщ[ина] должна была бы закрывать свое лицо, а мужчины не смотреть на них. Вот истинное веление религии. К несчастью, мужчины менее целомудренны, чем женщины, и, т. к. невозможно принудить их исполнять это веление, пришлось заставить ж[енщин] в их собственных интересах покрыться. Противники вуаля говорят также, что большинство наших ж[енщин] не знает общественной жизни, что они необразованы и вследствие этого не могут хорошо воспитывать детей. Мы согласны, что ж[енщины] нуждаются в образовании, мы хотим, чтобы они приобретали знания и не оставались невежественными, но мы никоим образом не хотим, чтобы они были настолько образованы, ч[то]б[ы] играть на рояле, писать романы и пренебрегать народными обычаями ради моды и шика. Образование дается учением, а не общением с мужчинами, т. к. мужчины свободно общаются между собой, но это не мешает им оставаться в громадном большинстве невежественными».

2/XI.[1911]

L[a] M[ouche] говорил о народностях здесь. Он считает, что младотурки не сдержали обещаний. Он не видит у них людей. Ахмет Риза (233) ниже среднего. Джавид-бей (234) учитель, поставленный на пост министра финансов. У младотур[ок] огромные претензии и узкие взгляды.

5/XI.[1911]

Были вчера около Моды. На берегу лежат приготовленные для работы материалы, а работ нет.

– Que voulez vous si les Turcs ne payent pas*, – пояснил нам француз.

Берега чудесные, красота и гадость. А ведь это места старой культуры. Халкедон, где когда-то делились церкви. Там были летние дворцы императоров. Никаких следов.

Была сегодня у Мандельштама (235). Сначала недоразумение, заминка и холодность. Я не взяла ни от одной редакции писем. Потом лед был сломан.

---

* Что вы хотите, если турки не платят *(франц.)*.

Мандельштам и его помощник Максимов (236) горой стоят за младотурок. В первый раз за две недели встретила я это здесь. Их аргументы такие: младотурок надо знать лично. Большинство пишет о них со слов европейцев, левантинцев, или христиан, кот[орые] все против них. В первую сессию они провели много важных реформ. Очень обидно, что «Нов[ое] Вр[емя]» и «Рус[ское] С[лово]» (237) одинаково лгут. И «Речь» против Турции.

– Мы не говорим о союзе, мы только настаиваем на дружеской близости.

Дал мне письмо к Гуссейн Джахиду (238). Обещал еще письма. Вообще серьезно относится к своей обязанности помогать прессе.

6/XI.[1911]

Была в «Танине» (239). Хороший вход. Сравнительно приличный кабинет. За столом сидел плотный, молодой еще человек с черными густыми усами, с умными, блестящими глазами. Какой-то молодой человек разговаривал в телефон, что придавало им обоим деловитости. Гуссейн Джахид начал довольно осторожно.

– Мы не умеем защищаться в прессе. Вся пресса против нас. На нас часто клевещут. Речь Талаат-бея (240), приведенная у René Pinon (241), никогда не была произнесена. На конгрессе Талаат не был, п[отому] ч[то] был тогда министром. И почему нас считают шовинистами? У нас во всех местных комитетах представители местных национальностей. Мы предоставляем свободу религии и обучения.

– Однако в школах вы теперь даете меньше свободы?

– Ничуть. Мы только устанавливаем инспекцию. Патриарх хочет, чтобы наши инспектора ходили с его чиновниками. Mais se rend l'inspection nul*.

– Какой главный смысл инспекции?

– Греки в своих школах возбуждают учеников против турок, одну часть населения против другой. В их хрестоматиях помещены стихи и статьи, прямо направленные против нас.

Джахид говорил о трудностях. Младотурок мало. Все против них. Христиане надеялись, что империя распадется и они станут хозяевами положения. Духовенство боится за свои традиции.

– А с ним мы обязаны считаться, иначе они нас сметут.

По положению младотурки вынуждены нести за все ответственность. А фактически они очень мало что могут сделать.

– Notre majorité à la chambre c'est un fantôme**.

У них нет людей. Часть чиновников осталась от старого режима.

– Qui sant nos représentant en Europe? De vieux gaga***.

---

* Эта уступка делает инспекцию бессмысленной *(франц.)*.

** Наше большинство в палате – это фантом *(франц.)*.

*** А кто знает наших представителей в Европе? Это старый рамолик *(франц.)*.

Мы расстались с тем, что он обещал мне помочь узнать младотурок.

– Вы найдете, что критиковать, но будьте справедливы.

Я ушла под хорошим впечатлением, хотя и с задержанной доверчивостью.

Айяз слушал мой рассказ с улыбкой. Он вообще разочаровался в турках и относится к ним хуже, чем скептически. Считает их лживыми и продажными.

– Ну, Джахид себя, конечно, дешево не продаст. Он был до конституции учителем. Получал 12 л. в месяц. В революции не участвовал. Теперь он получает 100 л. в национ[альном] банке (Джавидовском). Конечно не за работу, а за имя. 50 л. на казенной службе, 50 л. как редактор и 50 как депутат.

– А деньги от немцев он получал?

– Не знаю.

Айяз рассказывал, как встретил маленьких татарчат. Где-то в России закрыли мектебе (242). Учитель забрал их и привез в Истамбул. И распихали. Кто-то феску купил. Вообще татарин, кот[орый] захочет учиться, едет сюда.

Он говорит, что турки понятия не имеют о России. Черкес-разбойник прибежит, что-нибудь расскажет, крымский татарин, вечный перебежчик, иногда обиженные изгнанники, вот и все источники.

Вчера днем пришел Максимов, посольский драгоман (243). Принес много статей, из турецкой печати. Потихоньку ругал младотурок. Когда он жил в монастыре и часто видался с членами комитета, они прямо ему говорили, что их интересует пока только военное возрождение Турции, армия и флот.

– А в комитете были турки?

– Ну, конечно. Только турки.

– А Гуссейн Джахид говорил мне, что у них всюду в комитетах представители местных национальностей.

Максимов рассмеялся.

– Он, верно, хотел сказать в партии.

К газете «Jeune Turc» он относится с полным презрением.

– Другие получают субсидии, но сохраняют приличия. «Jeune Turc» получает австрийские деньги.

Здешних русских журналистов М[аксимов] сильно бранит. Машков (244) как консул (?) имел неприятности с министерством. Теперь расплачивается с Чарыковым (245).

И все журналисты, без различия направлений, почему-то в оппозиции с посольством. Не потому ли он так любезен был со мной, возился почти весь день, ездил со мной на почту, устроил мне удобную доставку в посольство, привез к себе, напоил чаем? А м[ожет] б[ыть], и ему, и жене просто скучно?

Вечером была у Чарыкова. Лицом похож немного на Теляковского (246). Деловитый и знающий. Совсем не говорит о пустяках.

– Интервью я вам не могу дать.

– Я его и не прошу.

– Но я считаю себя обязанным давать вам все сведения, чтобы люди могли судить об истинном положении дел. Здесь все <1 нрзб.>, маленькие сплетни из кофеен. Чтобы судить о возможном росте Турции, надо просто знать правду.

– А рост возможен?

– Да, если они сумеют принять настоящий европейский конституционный строй, т. е. создадут условия, гарантирующие всем оттом[анским] гражданам, без различия национальностей, равенство перед законом. Но вообще они все-таки много делают. Посмотрите их бюджет (подробности). Потом армия и флот. Но их беда, что у них нет людей.

Я спросила о Джавид-бее.

– Это почти гениальный человек. Он первый ввел бюджет. Это надо было создать из хаоса.

Чарыков говорил об интересах России, говорил точно, с цифрами, ясно. Не мог сдержать гордости, когда сказал, что создал торговый комитет.

– Мы пригласим вас в заседание. Вам необходимо познакомиться с нашим консулом.

В том была все-таки посольская императивность.

– Я считаю себя обязанной предупредить вас, что я человек очень свободомыслящий и привыкла иметь свой взгляд на вещи. И вы, и Мандельштам сделали мне очень много любезностей, но я надеюсь, что моя критика, когда мне придется критиковать, не заденет вас.

– Полноте, я очень буду рад. Я только хочу правды. Ну, посмотрим.

– Конечно, России нужно знать правду, – осторожно ответила я. – У нас не знают Т[урцию].

– Не знают. И напрасно. Восточный вопрос еще не разрешен. И не созрел еще для решения. Государства, кот[орые] мы освободили, Болгария, Румыния, Сербия, Греция, еще не достаточно сложились.

– А удержать Т[урцию] могут только младотурки. Другой силы пока нет.

– Нет. И сейчас они ищут союзников. Вера во всемогущество Германии поколеблена в Марокко (247). Вера в ее вседоброту поколеблена в Триполисе (248).

– Но здесь очень умный и сильный немецкий посол.

Я уже уходила. Мы стояли у дверей. В первый раз на лице Чарыкова что-то промелькнуло.

– Да. Но положение его очень, очень трудное. И он из него не вышел. Нет, еще не вышел.

Вот значит с кем идет здесь главная борьба.

10/XI.[1911]

Второй раз была у Hussein Dhahid. Мне не нравится, как он ставит нац[иональный] вопрос, особенно македонский. Это язык октябризма. И все, что он говорит, голословно. Просишь указать документы – их нет. Обещал достать от Талаад-бея. Я говорила ему, что их литература – под влиянием фр[анцузской].

– Что ж делать. Это пока для нас единственный источник знания. (В нем самом не чувствуется знание. Он думает, что мус[ульман] в России 40 мил.).

Он говорит, что в Македонии нельзя назначать чиновников не турок, п[отому] ч[то] среди местного населения их просто нет. А накануне он мне говорил, что у младотурок и для турецких провинций нет чиновников.

Любопытно, что вечером Dr. Sch[r]ader (249), редактор «Osmanischer Lloyd» (250), человек кажется серьезный и честный, сказал, что «les sources de René Pinon étaient souvent troubles»*.

Вот и разбери что-нибудь в этой путаной стране.

Были днем вчера Максимов и colonel** La Mouche. Максимов опять принес материал. La Mouche ведет меня к франц[уженкам], а те к турчанкам. Здесь все сложно и длительно. La Mouche скорее философ, чем политик. А носит жандармский мундир.

M-me Sch[r]ader бранит турок. Они ничего не хотят делать, только кутить и наслаждаться жизнью. Она говорила с молодыми писателями, они прямо говорят, что самое главное на свете это женщины, что жизнь бывает только раз.

Говорили о новой партии (251). Не очень верят в ее прочность. Она основана 21 нояб[ря] н. ст. Это блок, а не партия.

13/XI.[1911]

Шел человек по темной улице и кричал: «Стамбул! Иван-сарай!» Шел дальше, опять останавливался под дождем и опять кричал. Нам показалось, что это какой-то вестник тревоги. И, конечно, мелькали мысли об итальянцах. Выглянули в окно. Крикун в халате в белой чалме. Ого! Не призыв ли это к бунту? Оказалось, просто глашатай. Сообщает, что Стамбул опять горит. Застенали сигнальные рожки, какой-то всадник проскакал. Совсем военная тревога. Мы поднялись на крышу. Внизу горели огни кругом Золотого Рога. Шумел город. Казалось, его обыденщине ничего не грозит.

А итальянцы где-то близко. Утром др. Шрадер повел нас в Серайль (252). Мы подошли к старым воротам византийской зубчатой стены. Стояли солдаты. Один что-то закричал, но мы с M-me Шрадер шли

---

* Источники Рене Пинона чаще всего сомнительные *(франц.)*.

** Полковник *(франц.)*.

дальше, пока не услыхали решительного «Ясак!» Мы поняли в чем дело. Этот холм сбегает к морю. Тут и казармы, а внизу палатки, вроде лагеря. Там грузят на суда подкрепления, которые шлют в Дарданеллы.

Мы обошли кругом. Осмотрели двор музея. Барельефы. Рисунки, гирлянды фруктов и цветов, головы баранов, все чистейший ренессанс. На одной гробнице веселые амуры шаловливо пляшут. Один тянет козла за рога. Тот упирается. Такое же жертвоприношение, как и Курбан-Байрам. Все здесь древне, живуче и дряхло.

Стояли на обрыве. Внизу кишела толпа рекрут. И мимо шли новобранцы, молодые, ошалевшие, с еще конфузливыми мужицкими лицами. Какой-то здоровенный турок спрашивал чешмэ*, где попить. Он был из Ангоры, из глубины Малой Азии. Тут же под старыми платанами солдаты, стоя на одной ноге, делали гимнастику, вертели носком. Над нами, на стене, другие солдаты сидели, болтая ногами, и весело хохотали. Разносчик подавал им крендели. Море внизу сверкало, красивым узором вилась линия азиатского берега. Солнце грело точно летом. Среди палаток и кучек сидящих на земле новобранцев какой-то софт (253) с белой повязкой скакал на осле, развевались полы, точно ехал прямо в Египет.

И над всем этим красивым необычайным простором висела мысль о войне. Придут или не придут итальянцы? А если придут, что будут делать?

К вечеру мы были у памятника свободы. Он весь вырос из веры в военную силу. Из мраморного пьедестала торчит к небу жерло каменной пушки, точно самому небу грозит. И по бокам внизу пушки и каменные ядра. Ни лиц, ни линий, ничего. Все сухо и самоуверенно. А кругом холмистая пустыня. Это уже край города, после всего убожества последних домов. Сейчас же за памятником начинается голая земля. Ни домов, ни полей, ни деревьев. Ничего. Зато горизонт громадный. И Мраморное море, и берега Босфора и утонченные расстоянием широкие крыши Стамбульских мечетей. Солнце садилось. Воздух был золотистый на западе и голубой на востоке. Что-то в линиях напоминало окрестности Вероны.

Вереницы экипажей и всадники скачут. Много набеленных, явно продажных женских лиц. Мужчины как будто гордятся ими. Не так ли было и в Византии?

Отношение к человеческому труду, вот что определяет страну. Здесь хамамы (254) и ослы. Всюду ремесло. Тысячи грошовых разносчиков и лавок.

Вчера Максимов, когда мы ехали в суд, рассказывал, что этим летом в Монастыре на его глазах члены комитета (255) с Ниази-беем (256), героем свободы во главе, образовали мусульманские четы и... раздавали оружие. Около 30 ч[еловек] было убито. Просто местные

* Ключ, родник, фонтан *(перс.)*.

люди, чем-нибудь выдвинувшиеся. Был убит прокурор среди бела дня, на улице. Он был комитетчиком, но не ладил с ними. Относительно его убийства М[аксимов] производил расследование с англ[ийским] консулом. Они убедились, что это дело банды Ниази-бея, и знали, кто убийца. Этот человек в тот же вечер пил кофе с жандармами в кофейне.

А на процессе Зеки-бея (257) в толпе явное злорадство против комитета.

Были в Египетском базаре. Человек со смугло-желтым лицом, с бородой, с гнилыми зубами и с острыми, сверкающими точно в сказке зубами* наклонялся и смеялся и соблазнял: Гашиш! Гашиш.

А вокруг какие-то снадобья в банках. Сон.

Hartmann приводит в своей книге (237 с., 1909 г.) (258) приказ Стамбульского Вилайета о Vermummung**. «Приходится видеть и слышать, что некоторые мусульманские женщины, не отдают должного внимания Verschleierungsregel***, которое принадлежит к возвышенным мусульманским обычаям, к драгоценным религиозным привычкам. Подобное невнимание, нарушающее постановления священного закона, не должно быть терпимо, в особенности в предстоящем месяце Рамазан, столь обильном прощением грехов: А посему министерство внутренних дел указывает, чтобы мусульманки были сдержаннее и закрывали свои лица, чтобы они воздерживались от вольных прогулок по рынкам, улицам и лавкам, так как иначе их Anwälte**** будут подвергнуты законному преследованию. Доводится также до сведения, что полиция оповещена о принятии необходимых мер».

14/XI.[1911]

Djahid Bey вел меня узкими кривыми переходами по Стамбулу. Он посмеивался над появлением итальянцев.

– Ведь на что-нибудь да наша слабость должна пригодиться. Державы не пустят их.

Впереди серыми отливами блеснуло Мраморное море. Мы подошли к узкому дому. Позвонили. Вошли. Никаких украшений. На лестнице только клеенка. Зато чисто и ничем не пахнет. Наверху, на площадке нас встретила женщина. Тоненькая, худенькая, невысокая. Одета по-европейски. Очень хорошо, даже кокетливо причесанные рыжеватые волосы. Черные глаза, большие-пребольшие. Вся изящ-

* Очевидно, описка, следует читать: глазами. – *Н. К.*

** Прикрытие одеждой *(нем.)*.

*** Правила ношения одежды, скрывающей лицо и фигуру *(нем.)*.

**** Представители *(нем.)*.

ная и грациозная. Это и есть Haliday Hanum (259), талантливая романистка и надежда турецких женщин.

У нее приятный рабочий кабинет. Большой диван вдоль окон. На нем детские игрушки. Американский письменный стол. Этажерка с книгами. Большой ковер. На полу стоит медная жаровня с угольями. Haliday греет над ней худенькие ручки. Они с Djahid'ом друзья. Это видно, хотя они и стараются при мне говорить почти холодно. Haliday знает себе цену, но не чванится. Что-то есть печальное, усталое, почти трагическое. Но работает она много.

– Если бы вы знали все, что мне приходится делать, – срывается у нее.

Она уверяет меня, что турчанки лучше турок. Djahid смеется, но не спорит. Haliday рассказывает, какое сейчас в турецкой ж[енщине] проснулось желание учиться. В гимназию пришла 30-летняя ж[енщина]. Ее приняли. Ж[енщины] из народа с жадностью читают газеты. Больше чем мужчины.

Главное препятствие для перемены положения ж[енщины] – это духовенство.

– Оно во всем мешает нам, – говорит Djahid, – они входят во все подробности жизни, в политику, в семью, в быт.

А потом еще несколько раз Haliday вернется к этой же теме. Очевидно, духовенство это их больное место.

– А как вы выходите на улицу?

Они оба засмеялись.

– Конечно, в чаршафе (260). Я не могу иначе. Меня могут оскорбить, забросать камнями, прямо убить. Я не иду из-за этого в Меджлис. Djahid Bey предлагал мне одеть европейский наряд и пойти, но я боюсь, что мои друзья меня увидят. Вдруг Талаат взмахнет руками и скажет: Haliday Hanum.

Оба смеются. А мне трудно понять, что эта воспитанная рафинированная ж[енщина] должна жить как затворница и тщательно прятать свое лицо, такое красивое, как будто созданное для того, чтобы на него смотреть.

Haliday рассказывает мне, что она может принимать мужчин, только совсем близких к дому. Семью и жену Djahid Bey она хорошо знает. Но разделения на мужскую и ж[енскую] половину в большинстве турецких домов уже нет. Только в арабских [домах] у шейхов. В турецких домах уже молодые девушки иногда разговаривают с товарищами братьев.

Она уверяет, что не занимается политикой.

– Ну вот, а кто же мне помог стать депутатом? – дружески спорит Djahid.

Когда мы с ним говорим о Македонии, она вмешивается.

– Македония? Что вы о ней рассказываете. Вы знаете, что я тут с вами совсем не согласна.

И я опять вижу по их лицам, что их связывает и общее дело и, м[ожет] б[ыть], общие споры. Когда я говорю ей о трудностях, она выпрямляется.

– Да, их много. Но иногда это и обостряет энергию.

Позже, в клубе она печально говорит:

– Ведь мы не для себя работаем, а для следующих поколений. Когда они придут, мы уже будем не нужны.

Она ведет меня в клуб. (Как странно идти с закутанной турчанкой). Клуб это одна комната. В ней несколько молодых женщин. Приходит жена Садык-бея (не полковника (261)). Потом две англичанки, из кот[орых] одна романистка. Все к Haliday относятся с особым вниманием. Она принимает как должное. M-me Садык-бей – швейцарка.

– Вы для меня первый луч, первая надежда, – говорит она Haliday, и это искренно.

– Чем можно вам, турец[ким] женщинам, помочь? – неуклюже спрашивает романистка.

– Вы хотите помочь? Устраивайте школы, маленькие, простые, первоначальные. Но не в богатых кварталах, а в бедных, – отвечает она, и я вижу в черных глазах оттенок печальной усмешки.

– Для мальчиков или для девочек?

– О, конечно, для девочек, – живо отвечает Haliday.

Она сказала мне:

– Почем я знаю, что какой-нибудь фанатик не убьет меня на улице.

А я поняла, что эта маленькая комната, эти тихие, сдержанные женщины это новый этап в жизни Турции. Пионерки, а м[ожет] б[ыть], и мученицы.

M-me Садык-бей рассказала мне, что султан не хотел, ч[то]б[ы] Haliday ходила в школу, но ее отец не послушался и поместил ее на пансион, ч[то]б[ы] не видели, как она ходит взад и вперед по улице.

Теперь она преподает историю, мораль и civic knowledge*. Хочет преподавать социологию Турции. Djахид только смеется.

16/XI.[1911]

Вчера была в кыз-ме[к]тебе (262), утром, а днем у Дигран Келекиана (263), редактора Sabah (264). Первое очень интересно, второе так себе.

Школа в Стамбуле. Чисто турецкая улица, только стены, домов не видно. Отворились большие ворота, за ними садик, мощенный мелкими гладкими камешками, точно пирог, утыканный миндалем. Старая негритянка в белом. Кланяется. Трогает рукой пол.

В канцелярии пожилой турок в феске, директор. Один-бей.

* Правоведение *(англ.)*.

Он очень охотно мне все рассказывает. Гимназия эта новая и первая. Существует только месяц. Учениц 120. Платят 2 л. т. в год, да и то у кого денег нет, тех освобождают от платы. Состав очень разный.

Мне подали кофе и рахат-лукум. Директор повел меня в класс. Шел урок турецкого языка. Старик в очках. Ученица стояла перед ним вся в черном, как монашка. Большинство в черном. Не оттого ли их лица кажутся печальными? Есть очень красивые. Есть демократки в белых шарфиках. Все мусульманки.

Потом были на уроке Haliday. Она в очках серьезная и внимательная. Не та, которая говорила с Djahid'ом. Haliday учительница старше и тише (?). Урок ведет отлично (подробности в записной книжке).

Я спросила ее:

– Какую же цель вы перед собой ставите?

– Главное дать женщине образование. Приготовить учительниц, создать слой образованных женщин. Все остальное придет потом. Il ne faut pas brusquer*. Мои ученицы из ecole normale** уже разлетелись по всей Турции и там, на местах, сеют мои идеи, – с гордостью прибавила она.

Я спрашиваю про начальные школы.

– У нас еще ничего, ничего нет. Все надо создать. Но я и сама плохо знаю, как поставлено там дело. Пойдемте вместе в одну из самых плохих школ где-нибудь на окраине. После Курбан-Байрама. Эти дни мне надо готовить лекцию о турецком флоте.

Это какая-то универсальная работница. Она прежде всего художница, романистка, но нет такой работы, кот[орой] бы она брезг[ов]ала. При этом не радостный, а печальный, усталый человек. И все прибавляет:

– Ведь я знаю, что это все не для нас, а для будущих.

А раз сказала:

– О, если бы конституция не пришла, я бы умерла: мы задыхались.

Днем потащилась по дождю к Келекиану. Хитрый, осторожный армянин. Похож на Вольтера (265).

– Новая партия? Конечно, я ее приветствую. Оппозиция необходима. Без нее нет парламентской работы. Но здесь все так молодо, надо подвигаться вперед осторожно, медленно.

– Яваш-яваш***?

Он подозрительно взглянул на меня.

– Нет, зачем же. Я говорю о том, что не надо быть резким. Конституции теперь вряд ли грозит опасность. И оппозиция за нее и большинство.

---

* Не нужно ускорять события *(франц.)*.

** Общеобразовательная школа *(франц.)*.

*** Яваш-яваш – перен.: не торопясь *(турец.)*.

– Но в новом блоке такие несходные люди, напр., Риза Тевфик (266) и Садык-бей?

– Что же такое? Есть вещи, кот[орые] все они берегут и уважают. Позвольте ответить вам параболой. Есть в тюрьме место, где совершаются и мусульманская и христианская служба, и это место по безмолвному уговору охраняют все арестанты без различия религии. Так и тут.

– Но ведь здесь дело идет об общей работе.

– И это не мешает. Первые этапы они могут вместе пройти, а потом разъединиться.

На все давал он уклончивый ответ. Только под конец сказал:

– Военное положение, военные суды и преследование печати, это большие ошибки, за которые комитет дорого заплатит.

К вечеру приходил Максимов. Принес кой-какие документы.

– Отчего бы вам не сходить к Дамад Ferid паше (267)? Он все-таки председатель Entente liberale (268).

– А вы не дадите мне письма к нему?

– Нет, знаете, все-таки неловко. Скажут, русское посольство ищет пути к новой партии.

Я поняла. Значит, им хочется послать меня и от меня узнать, что я узнала. Посмотрим. М[ожет] [быть], завтра пойду.

Его документы касаются отношения христианских общин к новому рекрутскому закону и к школьному. Это было сделано в форме запроса. <2 нрзб.>

Он был сделан 6 м[есяцев] тому назад. По приказу визиря была образована комиссия. Она представила свои заключения в Совет министров от 3 ноября 1911 (1327 г.), касающиеся нац[ионального] вопроса.

Объедин[енные] хр[истианские] общины требуют, чтобы все военные законы и указы переводились, подробно и ясно, на все христ[ианские] языки (согласны).

В военные школы принимаются и христиане, причем они сдают все науки на своем языке, а отдельно экз[амен] турецкого, чтенье и письмо.

Согласны при условии, чтобы они знали турецкий достаточно, чтобы следить за лекциями, и были знакомы с турецкими научными терминами. Экз[амен] на родном языке.

Запрещать переход в исламизм, пока они солдаты. Иметь священников (согласны).

Чтобы все солдаты служили в своей области. Комиссия отвечает: мы будем считаться с привычкой людей к известному климату, но всегда оставлять их служить на родине – это невозможно и не делается нигде.

17/XI.[1911]

Была вчера в семье строителя музея Hamdi-Bey (269). Салон. Дамы. Все как у всех. Но все им нельзя.

– Вы работаете в Красном полумесяце?

– Начали и оставили. Теперь это ведут мужчины. Нам неудобно. Мы никуда не можем пойти.

Это говорит мне замужняя ж[енщина] лет 35, дочь Hamdi-Bey. А ее мать, француженка, в это же время корит M-me Weyl.

– Значит, вы пустили в ваш кружок помощи погорельцам каких-то молодых людей? Вы лишаете нас удовольствия работать с вами.

Она же рассказывает мне, что прежде она никогда не могла выйти на улицу с мужем или с братом. Это было неприлично. Можно было выходить только с лакеем. Но и они утверждают, что теперь разделение на селямлик и гаремлик (270) исчезает.

– Во-первых, денег нет. Дома стали меньше. Да и живут иначе.

– Ну, а обедают муж и ж[ена] вместе? Есть у вас европейский общий стол?

Она замялась.

– Да, есть, – но это звучало неуверенно.

M-me Weyl говорит, что турецкие ж[енщины] совершенно беспомощны, дети и хозяйство у них запущены. И у простонародья так же.

Сегодня в таможне крик муэзина.

Lady Mary Wortley Montagu (271).

1717 г. Арнауты (272) живут между христ[ианами] и магомет[анами] и признаются, что им трудно разобрать какая религия лучше, поэтому они осторожно исповедуют обе, в пятницу ходят в мечеть, а в воскресенье в церковь, и говорят в свое оправдание, что в день Страшного суда их пожалеет истинный пророк, но на этом свете они не могут разобрать, кот[орый] истинный.

Видели разъезд от Селамлика (273). Войска. Музыка. На улице порядок. Наверху, вдоль стены, сидят турчанки, точно какие-то нахохлившиеся птицы. Переглядываются с офицерами.

Бежал Пуришкевич – во фраке с кафтаном. Важные имамы в лиловых рясах. Красная гвардия.

Лодочник-турок живо, с жестами рассказывал, как он укрощал арабов.

– Штаны йок, жилет йок, пиджак йок, – а сам все показывает, потом вскочил, схватил из-под лавки ситцевый платок и подвязал им чресла. Вот, дескать, вся одежда арабская. Даже шапки нет. Ну, как с таким народом воевать, у которого все йок? И хлеба-то нет, одни финики. И деревень нет. Только верблюды. Прибежит такой голый человек, выстрелит и убежит. Или кривой саблей полоснет. Он даже показал, по какому месту его полоснули, так что два месяца раненный лежал.

– Худой народ арабы? – спросил Вильямс.

– Да ничего, – равнодушно ответил воин, – только жарко у них очень.

В Стамбуле бараны и бараны без конца.

Был La Mouche. К нашему удивленью, он признал правильным требованье правительства относительно школьной инспекции. А это самый спорный пункт.

20/XI.[1911]

Школьный вопрос, рассмотренный комиссией, теперь смягчен. Совет министров согласен признавать дипломы, утвержденные патриархатом и митрополитом.

Правит[ельство] не будет чинить препятствий инспекторам, назначенным от общин.

Общины добивались права брать иностранцев учителями. Правит[ельство] согласно оставить тех, кто уже служит, а для средней школы будет давать отдельные разрешения для каждого иностранца. В низшей школе их совсем не допустят. Это главное страх перед греками.

Общины требовали, чтобы правит[ельственный] инспектор производил инспекцию в общинных школах, только предупредив об этом соответственные духовные власти. На это Совет министров не соглашается, т. к. такое предупреждение не соответствует самому смыслу инспекции. Но они соглашаются передавать общинам копию с доклада правит[ельственного] инспектора.

Дипломы будут написаны на тех языках, на кот[орых] ведутся школы. Совет мин[истров] согласен, но с тем, чтобы был тут же турецкий перевод.

Совет согласен также давать окончившим общинные школы такие же права, как и оконч[ившим] турецкие. С тем, однако, чтобы воспитан[ники] умели читать и писать по-турецки.

Совет согласен и деньги давать школам.

Ценность денег. В Иерусалиме фунт стоит 130 п.

Евреи из Палестины бегут, спасаясь от воинской повинности.

21/XI.[1911]

Была сегодня у Мандельштама. Он через Макс[имова] просил зайти. По-видимому, им интересно узнавать через меня, вернее от меня, мои впечатления от политических деятелей. А кроме того, ему и влиять на прессу хочется.

Начал с комплиментов. Djahid Bey его благодарил за знакомство со мной. Он так рад, наконец, увидать русскую женщину. Он очарован и т. д.

– Это вы пишете в «Речи»? Очень осторожный тон. Я приятно поражен. Люди приезжают на две недели и пишут толстые книги. Особенно французы.

Потом начал рассказывать о тех, к кому дает мне письма. Живые, яркие характеристики.

– Ахмет-Риза [–] человек несомненной честности. Абдул-Гамид (274) подсылал своих агентов (275) в Париж, ч[то]б[ы] его купить. Те всегда возвращались ни с чем, т. е. с карманами, полными других младотурок. Там в Париже вообще была продажность, они шантажировали Абдул-Гамида. Здешние младотурки были честнее и брезгливее. Они вначале никого к себе не впускали, у кого руки были нечистые. И Измаил Кемаля (276) не пустили. Тот продавал себя сразу Австрии, Германии и Италии.

– Ну а теперь честные люди есть? Кроме Ахмет-Риза.

– Да вот Djahid-Bey. Я думаю? – смотрит на меня вопросительно. Я молчу. – Потом Talaat Bey. Это патриот. Он может сам убить, но не подошлет подкупленного убийцу. Это человек горячий и честный. Бывший почтовый чиновник. Он очень много делал для конспиративной организации в Македонии. Ну, Djahid-Bey. Его теперь обвиняют, что он нажился, что у него недвижимость в Румынии. Да, там иностранцы не могут иметь недвижимость. Но за него я не так ручаюсь. Он все-таки еврей, у него своя психология.

К entente liberal Мандельштам относится больше чем скептически.

– Ну, да. Риза Тевфик порядочный человек. Но отвлеченный. Во время мартовских дней (277) он явился в американскую миссию, почти голый, но с Мил[л]ем (278) и Спенсером под мышкой. А рядом с ним всякие безграмотные софты и ходжи (279), кот[орые] вылезают на парламентскую трибуну и толкуют международные отношения при помощи стиха из Корана и воображают, что все знают и все понимают. Или Садык-Bey. Обиженный тем, что его не достаточно чтили в комитете. Хотел играть первую роль, но сначала все скромничал, притворялся Аристидом (280). Он действительно много сделал для военного переворота, работал вместе с Ниази-бей и Энвер-бей (281), но те официально получили титулы «героев свободы». Так и в газетах значатся, когда перечисляют гостей на рауте. А он ничего не получил. Потом спохватился и стал требовать чуть не генерал-губернаторства. Потом поссорился и откололся.

Но самое главное [–] это то, что в программе новой партии есть, говорят, тайный пункт – создание панисламизма. И для дипломатии, и для журналистов необходимо выяснить, правда ли это. Если это так, то симпатии Англии, России и Франции не могут быть с ними.

Я поняла, что здесь он и нажимает пружины сейчас. И от меня не прочь получить какую-нибудь осведомленность. Нет ли у него предположений, что entente libérale, если она придет к власти, будет тяготеть к Австро-Германии, и тогда вся посольская работа, все что они сделали, чтобы создать дружественность России с Турцией, пропадет?

Мандельштам рассказывал о позорном поведении палаты во время мартовских дней. Он говорит, что Махмут Шефкет (282) требовал,

чтобы палата выдала Измаил-Кемаля, но Зораб, кот[орый] сам был очень скомпрометирован и висел на волоске, произнес громовую речь и очень смело и ловко рассказал все что можно было рассказать о самом себе и таким образом выкрутился.

Djahid, когда его спасали в посольстве, заявил, что даже таким путем его нельзя подкупить. Но когда все ругали Россию, он молчал. Потом стоял за дружественность, но был против Дарданелл. Теперь он и проход через Дарданеллы признает.

Комитет сначала дал полную свободу. Все говорили и писали что хотели. Но они не впускали в свою среду нечистоплотных сторонников старого режима. Те сплотились, начали травлю, обличали клеветами. Все кончилось мартовскими днями. Тогда победивший комитет переменил тактику. Надо сначала создать кадры людей, способных к свободе. Они приняли ряд мер. А теперь опять идут на уступки.

Максимов рассказывал, что в прошлом году, когда <1 нрзб.> Фекри говорил в палате о жестокостях в Македонии, показывал вырванные ногти и окровавленные платки, большинство хохотало.

– А докажите, что это настоящие.

Когда я выходила от Манд[ельштама], меня поймал представитель агентства, Духовецкий (283). Любезности. Приглашения. Я смотрела на него и думала, почему этот пустой старик так хорошо телеграфирует.

На просторной лестнице, ведущей вдоль стены, встретила Максимова. Спросила его.

– Почему Дух[овецкий] так хорошо работает?

Засмеялся.

– Ага, значит помогаете?

– Ну да. Иногда и редактируем.

<...>

22/XI.[1911]

Была в городском саду. На Босфоре сизый туман. И вдруг солнце осветило холм.

Турок-учитель говорил против многоженства. Он говорит, что в провинции оно больше распространено.

В Македонии бомбы. Взорваны мост, мечеть. Мы пошли к L[a] M[ouche]. Он не придал значения прокламациям, предупреждавшим, что банды опять приступают к террорист[ическим] актам. Не понимает, почему они выбрали такой неудобный момент, когда Европа занята другими делами и вряд ли станет вмешиваться. Провокацию он не предполагает. Разве с австрийской стороны. В 1903 г., когда бомбы, брошенные в Салониках в банк, в гостиницу, в частные дома, привлекли внимание Европы, было другое положение. Тогда многого удалось добиться. Обиженные приносили жалобу (европейцы) жанд[армскому] офицеру. Тот пытался уладить дело с местными вла-

стями. Если не удавалось, он переда[ва]л своему начальству, уже не состоящему на оттоманской службе. Тот [–] представителю Австрии или России в Салониках, а в случае нужды [–] консулам и, наконец, посольствам.

– Но больше всего действовали на турецкое начальство не наши переговоры, а самый факт нашего присутствия.

До 1908 г. греки были с турками против болгар. Был случай усмирения банд на островах и около озера <1 нрзб.> Вардар. После стычки в Салоникский военный госпиталь привезли вместе с турецкими солдатами и греков-добровольцев.

Когда началось конституционное движение, банды вошли в сношения с младотурками и во многом помогли им и в первом походе, в особенности в апрельские дни. Члены банд сложили свое оружие у главарей, но настоящего разоружения еще не было, т. к. главари говорили, и совершенно основательно, что оружие им еще может понадобиться против врагов нового режима. Но после двух албанских восстаний младотурецкое правительство принялось разоружать всю Македонию. Это делалось грубо и насильнически. Система была такая. Деревню окружали, вызывали старшину и заявляли ему, что он должен представить такое-то количество оружия. Подсчет производился вперед по числу жизней. Если старшина не мог представить указанного числа ружей и револьверов, всех нотаблей (284) подвергали избиению, а иногда и пыткам.

В турецких деревнях этого не делали, но мусульман-сербов и албанцев также разоружили. Это было сделано в 1910 г.

Теперь главное требование это, чтобы администрация не грабила, ч[то]б[ы] чиновники были хотя бы и турки, но честные.

Требование автономии кажется ему безумием. Спасение Турции может быть только в дружной общей работе мусульман и христиан.

Разгром Македонии производился в министерство Талаата. Он ездил на ревизию, но мало что видел, т. к. ездил en ministre*. Турки вообще мало что видят и плохо понимают, что творится кругом.

L[a] M[ouche] думает, что раздел Персии, так чтобы Турция тоже получила свою часть, может ускорить мир. Это будет компенсация потерянной территории: вместо Триполиса – персидские провинции. А, кстати, Россия устроится с Дарданеллами.

До 31 марта комитет допускал свободу слова, и собраний, и печати. Но выборы он подстроил. По закону каждые 500 избирателей выбирали выборщика в избират[ельное] собрание (двухстепенная система). Если сверх 500 было еще более 250, то было два выборщика. Страна должна была быть разделена на мелкие избират[ельные] округа. Правительство устроило так, что там, где население было мусульманское, они настроили мелкие округа по 250, 300 избирателей, а там, где было

* Как министр *(франц.)*.

больше христиан, они сделали округа более чем в 500 избират[елей]. Таким образом, большее количество христиан имело меньше выборщиков, чем меньшее количество мусульман.

Talaat-Bey. Министр в кабинете Hakki-pasha (285) (1910 г.)

Из статист[ического] сборника турец[кого] министра земледелия.

Из 258.133.000 гект. земли азиатской Т[урции] обработано только 7.180.789, т. е. 2,78 %. В Карассе 12,13 %. В Трапезунте 11.70. Адане 11,67. Бейруте 9,76. В Бенгази 0,43, Багдаде – 0,28. Триполисе 0,066. Иерусалиме 5,28.

Из образованных земель 84,76 % занято хлебами, 2,93 овощами, 7,51 виногр[адом], остальное [–] разными растениями.

Выше всего по аграрной культуре стоит архипелаг, только 57 % хлеб, 25,47 % – виноград, 13,5 % – огород.

Стоимость хлеба 5.894.231.046 пиастр. Виноград – 442.791.013. Фрукты – 404.107.099. Овощи – 176.880.970. Свежий виногр[ад] [–] 1.188.264.057. Молоко [–] 435.231.456.

Пшеница. Маис. Ячмень.

Оливки. Табак. Хлопок. Маис.

24/XI.[1911]

Бежал пожарный: «Янгин везет». Встретила их. Машину везут, А люди бегут. Потом еще пожарные. Все в белых штанах и босоногие. Бегут и тащат на плечах машину.

25/XI.[1911]

Выписки из турецких газет о войне и межд[ународных] отношениях (от Макс[имова]).

10 окт[ября]. Kelekian в Sabah.

Очень осторожно подходит к вопросу о союзах. Нужна дружба с Тройственным союзом, а значит, и с Россией, но «прямой союз с Россией может нарушить равновесие и вызвать недовольство Австрии». Alles à Petersbourg via Londres et Paris*.

31 окт[ября] в своей 4 статье салоникский депутат Влахов (286) пишет в «Ikdam» (287) против союза с Россией. Р[оссия] всегда стремилась разделить Турцию. Ей нужен Константинополь и Дарданеллы, чтобы царить над Средиземным морем.

«Заключать союз с Россией – значит подвергать опасности целость и национ[альную] независимость Турции и ее небольших соседей. Иначе говоря, такой союз создаст для балканских народов такое же печальное положение, какое уже существует у русских, поляков, татар, израелитов, армян, киргизов и т. д.».

---

* Езжайте в Петербург через Лондон и Париж *(франц.)*.

13 окт[ября]. Воззвание к оттоманскому народу от Ц. К. Union et Progrès.

«По суше, по земле, по одиночке мы бросимся в Триполитанию и костями и зубами разорвем итальянцев в клочки».

21 окт[ября]. «Танин».

Измаил Хакки Бабанзаде (288).

По поводу Балканской федерации: Надо приучиться к этой мысли, начать с экономических соглашений, а потом уже перейти к политическим. Это прежде всего вопрос политического воспитания. Пусть балканские народы еще в школе привыкают к этой мысли, и только тогда получатся серьезные и выгодные результаты.

24 окт[ября]. «Jeune Turc».

Djalal Nouri: «Какой-то шутник вздумал проповедовать Гуссейн Djahid'у союз с Россией».

26 окт[ября]. (там же) Пропаганда идеи союза с Россией вредна. Она уничтожает в народе чувство патриотизма.

28/XI.[1911]

Пошла к Мандельштаму из-за этих девочек, кот[орых] надо устроить. Он очень быстро и просто отозвался, потом развернул статью из «Танина».

– Читали? Это сообщение дня. Теперь если мы и не откроем себе проливы, то не по вине турок.

А на лице торжество. Дескать, мы свое дело сделали, свою обязанность исполнили до конца. Посмотрим, как остальные справятся.

– Но ведь это может быть личное мнение Джахида?

– Ну вот! Разве он о двух головах. Если и так, за эту статью все грызть будут. Скажут, это он за русские деньги.

А сам на меня смотрит. Я молчу. Почем я знаю, кому и за что они дают деньги?

Вчера была у Джавид-бея. С трудом отыскала его дом в боковой улице, недалеко от Порты. Живет хорошо, но все-таки не как Витте (289). Старуха. В гостиной его портрет масляными красками. Вышел, провел в небольшой кабинет, заставленный книгами. Очень охотно и умно отвечает на вопросы. Лицо острое, улыбка неприятная, точно скалится.

– Финансы наши по-моему не плохи, несмотря на все трудности. Приход все время систематически растет – в 1909 г., когда я составлял первый бюджет, было $26^1/_2$ мил. ф. Со мной спорили. Я тогда же внес в роспись 25. Мне сказали, что это невозможно, что будет меньше. Меня называли оптимистом, как и всегда называют. А между тем я был прав. В 1910 г. приход был 28 м[лн.], в 1911 г. – 30 м[лн.]. А на самом деле окажется еще больше. Нам помогла разобраться в финансах dette publique (290). У них были кое-какие наши материалы. Затем бюджетная комиссия много работала. Мы там составили для доклада

парламенту первую роспись. При Абдул-Гамиде ее не было. Министр фин[ансов] составлял нечто вроде сметы или счета, но печатать ее было нельзя. Только три раза печатали за все его царствование.

Доходы поднялись, несмотря на то что исчез 1 м[лн.] дохода за рекрутов, кот[орый] выплачивали христиане. Больше 1 м[лн.] пришлось простить безнадежных недоимок.

Главный доход это dimes*, т. е. $12^1/_2$ % натуральной земельной повинности. В 1909 г. – это составило $5^1/_2$ м[лн.], в [19]11 г. – 7 м[лн.]. Подъем объясняется ростом экономической жизни, вызванным новым строем, а также упорядочением системы сборов. Прежде чиновники хозяйничали как хотели.

3 м[лн.] собирается с недвижимости, 1 м[лн.] régie de tabac**, 2 мил. овцы (по 2–5 pis со штуки).

Чтобы повысить доходы, нужны прежде всего дороги, не только жел[езные], но и простые. Уже составились иностр[анные] компании.

От финансов мы перешли к политике.

– Конечно, нас во многом обвиняют. Часть справедливо. Но многое значит и личное отношение. Людей сердит, что вот я или Талаат вчера еще были ничем, а теперь...

– Теперь что? У власти?

– Ну да, у власти?

– Как вы можете работать с палатой, часть кот[орой] была против конституции? Ведь у вас личное чувство вражды.

– Мы не хотели ее распускать, п[отому] ч[то] за нами дурной исторический пример. – Первый парламент.

– А теперь вы не боитесь переворота?

– Нет. У нас их делает армия. Теперь за армией хороший надзор и никакой пропаганды не допустят.

– Вас обвиняют в том, что в ваших комитетах много офицеров.

– Это неправда. Те офицеры, которых мы послали в качестве наших представителей в провинцию, сразу вышли в отставку.

– А зачем ваш комитет в Салониках?

Он быстро искоса взглядывает на меня и пожимает плечами.

– Да, да, я тоже нахожу, что это ошибка (а я ему не верю). Но как только выборы пройдут, комитет должен перейти сюда.

– Значит, он себя все-таки не чувствует совсем безопасным?

– Нет. Просто так удобнее.

Я заговариваю о Македонии.

– Печальная, очень печальная история. Бросать бомбу в мечеть среди такого фанатического населения. К счастью, правит[ельство] все сделало. Вы знаете каймакал (291) вышел на площадь и сказал:

---

* Десятина (налог) *(франц.)*.

** Взимание налога за потребление табака *(франц.)*.

«Остановите побоище. Лучше убейте меня». Правда, это красиво? Но я надеюсь, что теперешнее болгарское правительство не будет против нас. Ведь это не македонцы.

Так же как и Джахид он отрицает подлинность речи Талаат. А в конце беседы заявляет:

– Qui, il y a un malaise politique*.

Прямо от него попала в <1 нрзб.> пансион. Какая-то бездна бедствий. Дом как пещера. Кажется, лестница провалится под тобой. Меня поразила эта женщина, молоденькая, худенькая, с большими, немного безумными глазами. Зачем она тащит эту ношу? Неужели из любви к длинновязому рябому лезгину?

Когда Шалва, как всегда резонерствуя, сказал:

– Конечно, надо увезти глухонемую. Где же тут считаться с матерью?

Эта ж[енщина] круто обернулась. Она возилась в шкафу.

– Т. е. как не считаться? Да как же вы смеете с человеком не считаться?

Дорогой он снисходительно говорил:

– Она добрая женщина. Но теоретически мало развитая. Не имеет последовательных взглядов.

Конечно, ни он, ни лезгин, никто не помогает ей, когда она крутится как кошка по комнате.

8/XII.[1911]

Так давно не писала, что не знаю с какого конца начать. Лучше в обратном порядке.

Вчера была в Скутари с Панафидиной (292) и Успенской. Панафидина умная, деловитая и, кажется, добрая.

– Я жена консула. Вот скажут, кому вы помогаете.

– Но ведь тут дети.

– Да, поедемте.

Госпиталь на горе. Место отличное. Кругом сад. Коридоры и лестницы блестят чистотой. Но от немецких сестер веет холодом и формалистикой.

Больная лежит в углу между окон. Молодая, красивая, трагическая. Вместо голоса шепот. Увидав ее, нельзя не помочь детям, да и ей. Теперь я знаю, что они все сделают что могут.

Были с Панафидиной в American College (293). Учительницы славные, интеллигентки свободные и думающие. Звали пожить у них несколько дней. Я так и сделаю потом.

Панафидина рассказывала, что в college'е всякие национальн[ости], привыкшие жить во вражде. Здесь это смягчается, развиваются новые навыки.

* У кого были такие политические трудности *(франц.)*.

Она призналась, что не хотела вести меня к турчанкам, боясь нескромности (Marcel Tinayre (294)).

– Турчанки начали бывать в обществе. Но разные молодые люди хвастались, что видели хорошенькие глазки. А турок не переносит, чтобы в обществе говорили о его семье. Даже простое упоминание имени его коробит. Сам он ответит на вопрос о здоровье: «Благодарю, мой дом здоров». В них нет привычки говорить о своей интимной жизни.

Рассказывала Панафидина о случае с девушкой, которую заманил мнимый жених. [Надо постараться устроить здесь пункт.]

Была сегодня у Духовецких. Добродушные и внутренне неопрятные люди. Он рассказывал, что Джавид-бей в Париже хотел поразить французов турецким великолепием. Нанял великокняжеские апартаменты в Grand-Hôtel и разговаривал с Caillot (295) как представитель великой державы. Caillot обещал поддержать заем, но спросил о гарантиях. Джавид подхватил согласие, но вопросу о гарантиях не придал значения. Ему и отказали. Тем более что он обратился не к Banque Ottomane (296), а к группе неизвестных дельцов, едва ли не менял.

9/XII.[1911]

В день раута в посольстве, 6-го, было объявлено туркам, что посол будет принимать поздравления. Церемон[ий]мейстер султана приехал и больше никто. Чиновники ждали в гостиной, чтобы встретить подобающим образом гостей, посол нетерпеливо сидел один в соседней пустой гостиной, но приехал только один австрийский посол. Из Высокой Порты не было никого. Возможно, что они умышленно были холодны, чтобы показать, что дуются за Персию. На рауте тоже не было главных министров, да и депутатов было человек 40. И все они нашлись, должно быть, чтобы показать свое свободомыслие. Подвыпил и М[аксимов] и откровенно сказал:

– Провалились мы по всей линии, – т. е. и в Дарданеллах и с раутом.

Его начальство за несколько дней перед этим при мне говорил:

– Это не раут, это демонстрация.

Вчера видела Бабанзаде. Угрюмый, не глупый. Был до конституции конспиратором и журналистом.

– Вчера мне противно было сидеть в палате. Люди занимаются личными счетами, и Саид (297) напрасно выступал. Ахмет-Риза его три раза уговаривал, но старик говорит, что может ночью умереть и его честь останется невосстановленной.

Бабанзаде за разоружение Македонии, но против грубости, с кот[орой] это делалось.

– Когда мы разоружали албанцев, сербы и болгары нас хвалили и благодарили. Но мусульмане потребовали, чтобы мы разоружили

и христиан. Мы так и сделали. Но администрация так плоха, что все приказы искажались.

10 дек[абря] [1911]

Halide' Edib водила меня в школы.

Я пришла в ее кыз-ме[к]тебе. Говорили о политике. У нее есть друзья в обеих партиях. Она много ждала от оппозиции, но они взяли путь грязных личных нападок.

– Риза Тевфик был моим профессором, я его очень уважаю. Но когда он, сам масон, обвиняет Шейх-уль-ислама (298) в том, что тот масон, и бедняга должен публично отрекаться, у меня сердце переворачивается и мне противна вся их политика.

По ее мнению, среди агитации слишком много клерикалов. Есть они и у унионистов, но меньше.

Мы поехали в карете в «рюштие» (299). Это министерское училище, новое. Помещается в большом доме, где-то около Сулеманьи. Дом старого образца, еще был когда-то приспособлен для гарема. Нас встретила молодая ж[енщина] в синем халате. На голове белый платок. Лицо не красивое, но живое и умное. Черные глаза. (Критянка). Оказалось, что это учительница математики и помощница директора. Она повела нас в класс. Большая комната, без мебели. На полу матрасики, на кот[орых] сидели девочки и вышивали всякий вздор. У девочек тоже халатики. На головах платочки. Они вскочили. Сделали селям. Возраст разный, есть совсем маленькие, есть большие. Принимают от 7 до 12 л[ет].

В другом классе урок грамматики.

В младшем голубоглазая девочка в платочке, дочь купца, выводила каракули. Другая дочь бея. Есть разных сословий. В этом классе учат 1) азбуке, 2) suré, т. е. коран, 3) арифметике, 4) предметные уроки. Из этого класса, если ученица быстро двигается, ее до конца года переводят в другой.

1912

26/III.[19]12

Персиковое дерево у стены. Айя-Софии (300). Серое и розовое.

Муэзин красивый, кокетливый, пел песни, играя голосом. Вокруг могилы султана и его жен и детей.

Склон к морю покрыт деревянными домишками. Крыши черепичные, то коричневые, изредка свежекрасные. Внизу вход в Золотой Рог. Пароходы, мачты, дым, флаги, лодки, паруса. Пенится белым вода, след большого парохода. И сейчас же тихая сумеречность царского мыса. Белые пятна дворца. Башенька. Деревья. Кое-где кипарисы. Песчаный пустой скат, лужайка, прорезанная тропинками. Когда-то

центр пышности. Айя София, приземистый купол как шапка, тесно надвинут на каменные подпорки стен. Четыре минарета с одним балконом. Нельзя подумать, что она так красива. Пониже св. Ирина (301), розовая, тихая, уцелевшая. Направо, глубже к Марморе, Ахмед (302). Маленькие купола теснятся, как обыкновенные люди кругом великана. Шесть мечетей (303), тоненькие, как баядерки. Опоясаны тремя балконами. Даже отсюда видна резьба. Jeni Джами сердито окунулась в море безобразных домов. Впрочем, отсюда, по скату, темнея глазами окон, краснея крышами, зеленея деревьями, дома, скорее, красивы. А сзади Марморе. Острый утес, опороченный мученической смертью собак. Плоский островок. Налево темная цепь Принцевых. Горы встают прямо из моря. Точно громадные животные плывут. Мода выбегает в море. Белые домики и зелень.

Паруса при боковом освещении кажутся черными (сарацины с Крита). Оснастка пароходов мелким узором режет воду. Дым поезда. Черные фигуры кипарисов жмутся среди домов.

День серый, свинцовый. Но откуда-то украдкой прорвалось солнце, и пятнами забелели стены Серайля на мысу. Потом кусочек моря побледнел и засверкал, точно кто-то бросил светлую пелену на темные, хмурые воды. Так, среди печали, угрюмости, преступлений блестит чье-то молодое, неудержимое счастье. Тучи над ним, под ним сердитые, холодные волны, но радость молодости сильна как жизнь.

Вчера Панафидина рассказывала, как ее повар в Персии нанимал себе свиту.

Консульский чиновник Булатов совсем как Передонов (304) разговаривал с красивыми польками на пароходе: «А поляки лицемеры и т. д.».

Мурад-бей (305) – историк. Из Дагестана. Учился в Ставропольской гимназии.

<...>

15/VII.[1]912

Акчурин (306) рассказывал вчера на пароходе. Он был в Академии генерального штаба (1895 г.?). Его и товарищей арестовали, отвезли в казармы Таксима (307). Там же были воспитанники военных школ. Всего человек 70. Большинство он не знал. Спрашивали о тайных обществах, кот[орых] он тоже не знал. Потом ночью разбудили, велели переодеться в штатское платье и повели. Привели на Босфор. Первая мысль – не топить ли? Но их только отвезли на пароход, стоявший около Tour Leandre (308). К ним был приставлен полковник. Когда спрашивали

– Куда везете?

– Сам не знаю. Есть запечатанный пакет.

Только когда их привезли в Триполис, они узнали место ссылки. В Триполисе было отлично. Их поместили в старом замке, сказали, что могут их вернуть, если они напишут Абдул-Гамиду письмо, что больше не будут. Они написали. Книг было много. Потом поссорились. Часть перевели в подземелье, лишили прогулок. Но вообще было хорошо, т. к. большинство начальства было уже младотурецкое. В Триполис посылали людей, заподозренных в вольнодумстве. Парижский комитет стал из-за них торговаться с султаном. Их освободили, но обещанного возвращенья в Стамбул не разрешили, заставили служить в Триполисе. Многие разбежались. Акч[урин] уехал в Париж, поучиться в Ecole des sciences socials*, чтобы знать чем помочь Турции.

Пастермаджьян (309) рассказал историю с банком в [18]96 г. (310). Рассказал отлично, спокойно, ясно, с легким юмором, как человек, кот[орый] издали видит самого себя.

Мы вошли в 1 ч[ас]. дня. Нас было 7 человек. У дверей стояло два сторожа и два солдата. Одного мы убили, другого ранили. Двое убежали. Мой товарищ был убит. Я распоряжался. Я велел им стать у дверей. Сам вышел посмотреть, идут ли те, кот[орых] ждали сзади, в английской школе. Там сторож армянин был с нами. Жандармы, услыхав перестрелку, выглянули. Не могли понять откуда. Я был в пиджаке, в шляпе. На меня они не обратили вниманья. Я опять вошел в банк. Там уже началась паника. Я прошел наверх, искал товарищей, которым было поручено войти в переговоры со служащими. Их нигде не было. Я спустился. Солдаты и жандармы уже стреляли в нас сквозь открытую дверь. Мы отвечали, прячась за краем стены. Все было законспирировано, что я даже не знал тех, кто дрался рядом со мной. Вдруг раздался страшный шум. Меня отбросило к стене. Рядом со мной человека разорвало в клочки. Платье с него все было содрано. Двое лежали на полу. Ступни у них были оторваны. Только потом я понял, что это солдатской пулей взорвало бомбу на моем соседе. А я забыл о бомбах.

– У вас их было много?

– Около 150. Я подбежал к окну и бросил бомбу в солдат, обступивших двери. Это было ужасно, – широкое тяжелое лицо поморщилось, – какая каша получилась внизу. Но солдаты были храбрецы. Несколько раз они отступали и снова возвращались по команде офицера. Они потеряли больше 150 человек.

– А вас сколько было?

– Всего 26. Четверо было убито, пять ранено. Остальные все целы. Мы $3^1/_2$ ч. сражались из-за дверей. Наконец, они увидали, что ничего не поделать, и отступили. Тогда мы спустились, заперли двери и заняли места у окон. Я взял товарища, у него была бомба в руке. Мы пошли отыскивать чиновников. Они все попрятались, под диваны, под сто-

* Школа социальных наук *(франц.)*.

лы. Кто – куда. Их было человек 150. Во втором этаже кругом галереи идут двери. Эти двери открывались, показывались смертельно бледные лица, с остановившимися от ужаса глазами. Я говорил: «Не бойтесь, мы не разбойники, мы армянские революционеры. Пришлите сюда старших для переговоров». Но двери опять захлопнуты. Людей опять нет. Раз 20 я повторял эти слова безрезультатно. Наконец, вышел высокий, молодой, рыжий ирландец. Этот не был трус. Он подошел ко мне. «Я ирландец. Я вас отлично понимаю. Вы совершенно правы». Он мне помог объясниться с остальными. Они воображали, что мы албанцы, что султан не платит нам жалованья, что мы пришли сами взять деньги. Когда они, наконец, начали вылезать, одни бросались на колени, целовали мне руки, другие плакали, просили их пощадить. У одного дети. Другой только что женился и т. д. Наконец я сел за стол с директорами, стал объяснять им положение. У нас есть требования. Нам нужны реформы, прекращение погромов, освобождение арестованных товарищей. Пусть представители оттоманского банка, – тут был француз, немец, итальянец, – вступят в переговоры со своими посольствами, чтобы те оказали давление на султана. Эти требования будут изложены в письме, кот[орое] представители банка должны подписать. Если условия не будут исполнены, банк и все находящиеся в нем люди будут взорваны.

В стороне болтался какой-то человек в феске. Я спросил, кто это. Он вскочил, стал почтительно кланяться и уверять, что он всей душой стоит за нас. Он всегда нам сочувствовал. Но кто же он. «Oh c'est un homme charmant»*. Но кто? Да так, третий секретарь султана, пришел по делам в банк. Один из директоров, француз, предложил отправить письмо с ним и с секретарем. Мы согласились. Только я предупредил, что, если солдаты будут продолжать стрельбу и мы увидим, что наши снаряды приходят к концу, мы все-таки взорвем банк. Пусть поторопятся.

Пришлось долго парламентировать со старшим офицером, чтобы они пропустили делегатов. Секретарь султана лично знал офицера. Кое-как сговорились. Директор и придворный господин вылезли в окно, т. к. дверь мы для них не хотели отпирать. Солдаты больше не стреляли, только стояли кордоном. Но в это время толпа мусульман, ходжи, хамалы (311), лодочники из Касим, паши, с палками, с топорами, с камнями пришли громить нас. Офицер их уговаривал, грозил, не пускал, объяснял, что у нас бомбы. Они не понимали. Это были первые бомбы в Турции. С криком, с рычаньем, со свящ[енными] восклицаньями они прорывались мимо солдат, залили всю улицу под окнами, начали рубить дверь. Я уже расставил товарищей у окон. По моему свистку было брошено 12 бомб. Как они заметались, побежали, раненые цеплялись за здоровых, валялись мертвые. А старший офи-

---

* О, это чудесный человек *(франц.)*.

цер, кот[орый] их отговаривал, стоял и хохотал, держась за бока. Хохотали и солдаты. После этого на нас не нападали. Мы сидели и ждали событий.

А в это время султан отдал распоряжение, чтобы нас бомбардировали и с суши и с моря. «Это невозможно. Там иностранцы», – сказал военный министр. Султан пустил в него чернильницей. «Разве я не хозяин у себя. Кто может мне запретить расправиться с ними?» Первый драгоман Максимов встретил министра в воротах дворца. Вернул его. Султан настаивал. Тогда Максимов сказал, что как только будет задет хоть один иностранец, команда стационеров (312) выступит на защиту их, и тогда он не ручается за безопасность султана. Гамид сдался.

Максимов с 2 директорами и двумя пашами пришел к нам часа в три ночи. Войти они побоялись. Мы переговаривались через окна. Il nous a roulé*. Он все обещал. Сказал, что погром будет остановлен, а что, если мы будем упорствовать, никакими силами не остановить будет толпу. Это больше всего на нас подействовало. И потом мы поверили обещанию посольств. Нас, конечно, надули. Мы вышли с револьверами. Бомбы мы оставили в банке. Я представился Максимову. Один паша стоял с фонарем, другой с белым флагом. Они оглядывали нас. Максимов спросил: «А где же остальные?» – Все тут, только раненые и мертвые в банке. – «Да что вы шутите, сколько же вас?» – Нас было 26, теперь осталось 17. – Он не сразу поверил, потом обратился к паше: «Что же вы мне рассказывали, что их 200». Но все-таки не выдержал и сказал: «Ну, знаете, вы молодцы. Все-таки я вас приветствую». Я поблагодарил, а по-армянски сказал товарищам: «Держите револьверы наготове. Если будет какая-нибудь попытка напасть на нас, я дам сигнал. Вы обязаны расправиться с этой пятеркой. Потом каждый волен делать что хочет». Оказалось, что Максимов понимает по-армянски. «Что вы им говорите?» – Ничего. – «Я же слышу, что вы отдаете приказ». – Ну да, вот что я сказал. – «Значит, вы мне не доверяете?» – Доверяем, но эти люди наши враги. Мы только [что] сражались с ними. Почем мы знаем...

Тогда паша отдал распоряжение, чтобы улица была очищена. Офицерам снова подтвердили приказ, и мы пошли. Какого-то любопытного ходжу паша велел отогнать штыком. Около моста ждала группа солдат. Паша что-то приказал офицеру. Я сказал, опять по-армянски: «Готовься!»

– Почему готовься? – заволновался Максимов. Я показал на солдат. Их убрали. Мы благополучно сели в мушку <?> и доехали до яхты директора банка в Моде.

На следующий день Максимов приехал. Мы уже знали, что резня продолжается, что никакие наши требования не будут исполнены. Это был самый тяжелый момент.

---

* Он нас надул (обманул) *(франц.)*.

Я не люблю бомб, c'est mauvaise chose*. От них раны тяжелые. Больше всего я люблю агрикультуру.

25/VII.[1912]

Был вечером Ахмед Хикмет (313). Блестящий, остроумный. Лицом похож на Мопассана (314). Большой рот и усы. Немного выпуклые глаза, темные. Собеседник быстрый и интересный.

– Я против войны. Конечно, за свободу можно драться, но из-за каких-то пустяков, без которых можно прожить, я не хочу, ч[то]б[ы] люди дрались. Вот немцы побеждают нас экономически, ну и бог с ними. А итальянцы посылают на убой рабочих, скульпторов, веселых молодцов. Я был во Флоренции, там каждый камень полон красоты. Нашим солдатам [–] им терять нечего. Нет, я антимилитарист.

– Однако ваши рассказы?

Смеется: «Ну, это было раньше, когда кровь кипела. Теперь я за мир». Рассказал большими штрихами историю турок.

– Мы шли, лились волной из Азии. Какая сила, сколько жертв, героизма, преданности. Мы создали государство. Арабы не давали солдат, албанцы не давали солдат, курды тоже. Только мы и <1 нрзб.>. А потом создали янычар, и османы оттеснили турок. Турок забыл, кто он. Спросите – я мусульманин. Я хочу вернуть ему его Я. От него все отняли, даже язык. Вместо здорового, простого турецкого языка ему дают чужой арабский, персидский. Мы должны вернуть ему его поэзию, поднять его самосознание, снова сделать его человеком.

О религии.

Nous avons un prophète rouge**. Наша религия слишком велика для нас, она нас давит. Она владеет нами не благодаря идеям, а благодаря звуку, мелодии. Вот стих из Корана. Разве можно устоять. Это значит землетрясение, так и слышно его раскаты, даже для тех, кто ничего не понимает. Коран опасен тем, что он все определяет, все решает. Если его перевести, люди прочтут и с удивленьем скажут: И это все? Так просто? Какая же это божественная книга?

Так его надо перевести?

– Конечно. Но нужен Лютер (315). Он по 10 дней добивался подходящего слова. Нужен стилист, иначе это ни к чему.

<...>

Как его женили. Его мать искала и нашла. Он видел свою жену раз в Bon-Marché (316). Купил куклу, похожую. Но кукла оказалась блондинка. Он даже не знал, что жена брюнетка. Единственно, что мать спросила: хочешь брюнетку или блондинку. А я разве знал?

---

* Это такая противная штука *(франц.)*.

** У нас красный пророк *(франц.)*.

В Галате Сарай (317) они поклялись раскрепостить своих жен. А когда женились, зажили как все. Он не знает жен своих друзей.

Писать о женщинах они могут или наблюдая рабынь, или надевши на евр[опейских] ж[енщин] чаршаф. Ж[енщина] Пера.

(Раньше говорил: Оттого наша литература такая грустная, что мы лишены женского общества).

<1 нрзб.> тот кто раньше гаснет.

Стихи шейха дервишей (318): так тонки, полны мистических красот, что их почти никто не может понять. Поэма «Любовь и Красота». Он написал ее, когда был влюблен в сестру султана, в 24 г[ода]. В 28 он стал дервишем и перестал писать. Роза поет, это соловей с 1000 розовых крыльев.

А. Хик[мет] хочет приблизить литературу к народу и таким образом дать народу почувствовать свою силу. Но деревню он почти не знает. Он горожанин, был в Эрзеруме, в Поти.

Агаев (319) и Юсуф (320) ругают Россию, но они вынесли из нее демократизм. И это ему нравится.

Победить другие национальности он хочет силой творчества. Мы должны иметь так много, чтобы нам было что дать, тогда они сами придут к нам. Так сделали русские.

<...>

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–55; 58–67; 81–87. Автограф.

23/X.[1]912

Смотрела с правого берега Невы на город. Воздух был густой и желтый. На небе боролись серый и призрачно розовый, под которым где-то далеко чуялась синева.

Река полноводная, без волн, быстро несла синие с крапинками плоские льдинки. Они шуршали и шептались и спешили, белесые на темной, тоже желтоватой от неба глади. Летний сад, дворцы, и линии мостов, все рисовалось мягко и живописно. Пятна снега на набережной на решетках Летнего сада, на карнизах домов, на выступах моста делали все мягким и затаенно праздничным. Город не теснил, а раздвинулся, красивый, мощный и молчаливый. Чугунные тяжелые фонари и легкие, ритмически повторяющиеся столбы трамваем* уверенным и четким узором чертили гимн технике на призрачном опаловом дымчатом небе.

Такой город не может пропасть.

В движении трамваев есть что-то необычное. Ни одному живому существу не дано мчаться с такой уверенной и непрерывной стремительностью. М[ожет] б[ыть], если посмотреть на землю со стороны,

* Так в тексте.

она так же смело летит по своим невидимым, но так же строго, так же математически рассчитанным небесным рельсам.

Отчего у Спасителя лицо полно такой суровой, напряженной печали? Точно нагнулся и слушает, как стонет земля. Или и его терпеливые глаза устали смотреть на измученные, оробевшие, запуганные болью души? Или слезы и горе, которое несут к нему, так и стоят в этой мраморной часовне. Все стены пропитаны.

А над головой у него алмазы. И сторож говорит громко, точно сапогами на голову наступает. От него, верно, отскакивает чужая боль.

В крови есть свой ритм, и им определяется человек. Музыкант, поэт, а иногда и прозаик (Ремизов) счастлив тем, что могут передавать этот ритм другим. Людей влечет или отталкивает друг от друга в зависимости от того, сочетаются эти ритмы или нет.

Быть с людьми вроде Ремизова иногда так же хорошо, как подсмотреть цвет папоротника.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 52. Л. 36–38. Автограф.

28/X.[1912]

Сегодня вечером в Ц. К. П. Н. [Милюков] настаивал на том, что 4 Думу надо уничтожить изнутри. Надо внести закон избирательный, п[отому] ч[то] на этом Дума может расколоться и погибнуть.

– Я боюсь Шингарева. Он хочет внести закон о расширении бюджетных прав и о контроле. Это опасно, п[отому] ч[то] это значит дать возможность правому крылу работать. Это вредно.

Шингарев: П[авел] Н[иколаевич], вы сами нас учили, что Дума есть место для законодательства, теперь хотите, как эсдэки, взорвать ее изнутри.

Сам Милюков в начале заседания с усмешкой передал глупое, по его мнению, предложение деп[утата] Свенцицкого (321) довести оппозиционный дух до отказа работать в комиссиях. Шингарев и указал, что раз М[илюков] боится его работы по бюджету, это равносильно отказу от комиссий.

Вообще П. Н. [Милюков], быть может отчасти раздраженный тем, что прошел в списке не первым, а третьим, горит желанием проявиться.

Ш[ингарев] говорил, что 4 Д[ума] уродливая птица с двумя крыльями и без живота (без центра).

– Я, наверно, знаю, что летать она не будет, а ползать, вероятно, скоро научится, – сказал он.

Elle veut voler*, – сострил Родичев.

---

* Она хочет летать *(франц.)*.

К сожалению, он менее остроумен, когда дело идет о внешней политике. Его речь прошлое воскресенье в женском <пропуск> многих из нас оскорбила. С истерикой, кот[орую] можно оправдать тем, что его в этот день на 4 митингах ругали левые, он кричал, что нам нечего говорить о помощи славянам, когда мы сами нищие.

– Страна, которая ничем не реагирует на то, что выборы делают 1200 попов, потеряла чувство национальной чести.

– Это неправда, – крикнул Протопопов.

Но были и аплодисменты.

Я с болью заметила, что, главное, аплодировали евреи и еврейки. В них ненависть к правительству сильнее любви к России, они не чувствуют от таких слов боли. И это понятно.

К счастью, Струве хоть немного отклонил от нас ответственность за слова Родичева.

– Я рад, что П. Н. [Милюков], говоря о Балканах, говорит не «они», как это делает Фед[ор] Изм[айлович Родичев], а «мы». В таких вопросах мы не можем свалить все на правительство. И я считаю для себя невозможным разделять точку зрения Фед[ора] Изм[айловича].

1912. 12/XI

Забыла тогда написать, что в засед[ании] Ц. К. произошел разговор о женс[ком] равнопр[авии]. Набоков был против внесения законопр[оекта] о всеобщем избирательном праве.

– Тут могут быть слишком большие теоретические разногласия. Вы подставляете себя под большой обстрел. Вам скажут, что вы предлагаете голодному обед от Данон (322). Да и, наконец, всю ли формулу вы будете отстаивать. Напр[имер], права женщин?

– Это сюда не относится, – воскликнул Милюков.

– Тут дело не в этом, – подтвердил и Колюбакин.

– Положим, относится, – возразил Шингарев.

Я молчала.

Через несколько минут опять вернулись к этому вопросу, и опять Милюков на вопрос Набокова: – Что же вы беретесь защищать и женское равноправие? – быстро ответил: – Ну, нет, этого я не берусь защищать.

Опять Шингарев спокойно сказал: – А я берусь.

Я засмеялась:

– Бедные, как вам трудно. Мне вас очень жаль, но делать нечего. От женского равноправия вам не уйти.

Тут же я решила, что надо как-нибудь этот вопрос двинуть при новой фракции.

Позвала Милюкову, Жижиленко (323), Авилову (324), Бодуэн де Куртенэ (325). Звала еще Шабанову (326), Ефименко (327), Гуревич (328). Никто из них не мог прийти. Мы сообща пересмотрели ар-

гументы за votes for women*. Очень было для меня полезно снова об этом подумать. Это было [в] прошлую среду. С тех пор кое-что взвесили и решили сказать все это в клубе, а не во фракции.

Жижиленко сообщила мне, что Милюков уверяет жену, что его слова в Центр[альном] К[омитете] были просто шутка, что он, конечно, будет целиком отстаивать и т. д. В доказательство поручил ей составить ответ на анкету «Soir» , а он подпишет.

Наши разговоры о газете принимают все более конкретный характер. Со всех сторон интерес и сочувствие. Я уверена, что, если дело начнется и мы не сделаем каких-нибудь крупных глупостей, мы многих привлечем.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 53. Л. 5об.–9. Автограф.

1913

12 окт[ября 1913]

Третьего дня читала на Бестужевских лекцию: «Новая женщина и борьба за счастье». Хорошо слушали и хорошо спрашивали. Они уже иные, чем были молодые девушки моего поколения.

Одна пришла ко мне в перерыве сказать, что Вейнингер (329) ее не волнует, п[отому] ч[то] он пишет о том, чего не знает.

– Помните, он говорит, что для мужчины половой акт только необходимость, а для ж[енщины] источник наслаждения. Ведь это же вздор. Ведь нам известно из медицинских книг, что 30 % (м[ожет] б[ыть], и 40 %, не помню как она сказала) женщин так и умирают, не испытав этого наслаждения.

А сама совсем молоденькая. Лет 20. И видно, что уже встревожена этими %.

Другая после лекции, тут же в зале, в толпе, подошла:

– Почему все строят на материнстве? Разве иного нет у женщины? А если я не хочу. Вот во мне нет инстинкта материнства, а все-таки жизнь есть жизнь.

Лицо круглое, полумальчишеское. Волосы стриженые, волнистые. Некрасива, но что-то умное, ироничное.

Третья отвела меня в темный угол, схватила мою руку и горячо, страстно, бессвязно говорила:

– Я все думала идти или не идти... Боялась, будете говорить общие места, а не о главном... Ну вот и было главное... Но я не согласна... Любовь не эпизод... Слышите, для меня это все... Я учительница, я привыкла к самостоятельности... Но я так долго ждала и вот дождалась... Теперь если я его потеряю, ничего для меня нет... Ничего. Я чи-

* Избирательное право женщин *(англ.)*.

тала ваш Жизн[енный] Путь (330). Моя сестра такая... И я боялась, что я такая... Но я не знаю теперь ничего. Я только знаю, что я не могу без него.

А в пальцах, кот[орые] держали мою руку, кровь билась так сильно, точно в конце каждого пальца было сердце.

Смотрела Шуркину (331) тетрадь. Написана сочным разговорным русским языком, а учительница добросовестно поправляет на книжный. Вот где настоящее омертвление языка.

Дм[итрий] Ив[анович] [Шаховской] всю осень приподнят. Уверяет, что мы опять в полосе единений и сближений, как во времена «Освобождения». Посмотрим.

13/X.[1913]

Вчера заседанье ЦК. Говорили, что надо внести запрос о печати. Путали вместе преследования рабочей печати и кары за дело Бейлиса (332). Шингарев сказал, что нельзя говорить в Думе о деле Бейлиса, пока оно не кончено.

Милюков: Пишем же мы передовые статьи.

Винавер (333): Если вы не заговорите сразу об этом деле, вы перестанете себя уважать. Вам будет казаться, что вам в лицо наплюют.

Мне было тяжело его слушать. А как остальные, я не поняла.

Я была против того, ч[то]б[ы] сейчас говорить. Надо выждать конца дела. Но при голосовании я осталась одна.

И странное было чувство. Я подумала, что если дело Бейлиса вызовет большую агитацию и движение, то это будет доказательством политической слабости не евреев. Разве мы не пережили за эти годы тысячу поводов негодовать, возмущаться, действовать. Все что делают со школой. А процесс с[оциал]-д[емократов] II Думы (334). И всетаки мы только ворчали, а не загорались. Неужели надо влить в нас огонь еврейского темперамента, ч[то]б[ы] мы двинулись?

Запомнить, как Некрасов (335) ест варенье. Возьмет, перевернет ложку и языком тщательно и жадно выбирает густой сироп. Лицо сытое, широкое, спокойно-жадное. Скорее, красивое. Таких лиц не было среди к[а]д[етов] первого призыва. М[ожет] б[ыть], это и хорошо, что такие приходят?

У П. Н. [Милюкова] кое-какие есть такие же черточки. Но он не так телесен.

21 окт[ября 1913]

Была у Юлия (336). Желтый, лицо все куда-то ушло. М[ожет] б[ыть], потому что глаза закрыты. Говорит, а левая нога в красной туфле вздрагивает.

– Отчего вы не приходите? Забыли меня. Я хотел вас видеть, хотел рассказать все, что переживаю. Это полезно узнать, что чувствует и думает человек, который знает, что умирает. И вот первое – я знаю, я теперь еще больше уверен, что духа нет, только тело. Это я не потому говорю, что я принадлежу к той или иной философской школе. Это я пот[ому], ч[то] за собой наблюдаю. Я прочел книгу Фриче (337) и шаг за шагом вижу, как идет моя болезнь. Скажите, если человек так мучается, не лучше ли ему ускорить развязку?

Мы знали, что он просил у Маруси (338) револьвер, даже руки ей целовал, и молчали. Нельзя было уже с ним лгать и притворяться. Он открыл глаза, но они точно уже на нас [не] смотрели. И опять закрыл.

– Мои сыновья герои. Они знали, что я мог сегодня ночью умереть и даже мать не разбудили. Пожалели. Они просто герои. И вон там есть доска (на часах), на ней надпись. Это для меня самая дорогая вещь на свете. Там сказано, что иногда бывает так, что между отцами и детьми нет пропасти, а близость и связь. Я хочу, ч[то]б[ы] эта доска осталась у нашей мамы. А потом к Сережиным (339) детям, если там будет настоящая семья.

Маруся вошла. Он спросил у нее питья и точно вспомнил:

– Она тоже героиня. И, м[ожет] б[ыть], смешно так говорить поэтически старику, умирающему. Но я хочу, ч[то]б[ы] все они были около меня, ч[то]б[ы] их любовь ковром устлала мой путь к Нирване, ч[то]б[ы] они проводили меня до конца и усадили в лодку...

И вот его слова говорили, что ему нужно тепло, что он уже чувствует холод смерти и хочет отогреться.

Я не могла выдержать и ушла. Когда вернулась, он благодарил Вильямса.

– Как хорошо, что вы даете такой оборот моим мыслям. Конечно, я до сих пор недо[о]ценивал любовь, я ее unterschätzen*, а теперь благодаря страданиям могу überschätzen**. Да, да это ужасно важно, я буду об этом думать.

– М[ожет] б[ыть], настоящее откровение любви только через страдание, через трагедию и приходит, – сказала я и сама боялась, что это слишком напыщенно, но его облегчала отвлеченность и слов, и мысли.

– Вот, вот, трагическое откровение, это очень важно, – сказал он.

А у меня грудь болела от жалости. Ведь всю жизнь его я знаю, знаю, что он имел право сказать:

– Я только ищущий, я всю жизнь только искал философской истины и если кто-нибудь показал бы мне ее в другом направлении, я пошел бы туда. Право же я не изувер.

---

* Недооценивать *(нем.)*.

** Переоценивать *(нем.)*.

И смотрит на меня вопросительно, как смотрит человек, который сводит последний счет с жизнью.

Колю (340) нам точно поручал, все говорил, как Коля нас всех любит.

Видели 18 окт[ября] Нансена (341), очень было хорошо смотреть на такого сильного, прямого, крепкого человека. Точно веяло другим духом.

19 окт[ября]. Было заседание Рел[игиозно-]Фил[ософского] Общ[ества] (342) о Бейлисе.

Мережковский (343) сказал все верно, Философов и Карташев (344) также. После них говорили адвокаты, неизвестно зачем.

Я все ждала, что проявится настоящий гнев, настоящее христианское негодованье. Ведь процесс страшен не только для евреев, но для нас всех русских. В нем сказалась средневековая идеология и темнота правительства. Не говоря о том, что все судебное следствие есть сплошное издевательство над правосудием.

Вера Чеберяк (345) правит Россией.

Правительство укрывает шайку обыкновенных уголовных убийц.

28 окт[ября 1913]

Сейчас сказали мне из «Речи», что председатель суда произнес обвинительное резюме и что есть такой вопрос: доказано ли, что убийство Ющинского совершено на заводе Зайцева (346)? Сделано это с желаньем отвести всякое подозрение от Чеберячки.

Значит, я права – она в числе управляющих нами.

Идут, не скажу разговоры, а шушуканье о каком-то комитете протеста. Уже было его проявление и в Фил[ософском] Общ[естве], и в литературном, и в Совете присяжных повер[енных]. Все те же резолюции, которые мне лично глубоко противны. А что же еще мы можем делать?

М. В. Каменецкая (347) говорила <обрыв текста>

1914

22 январь [1914]

Все Уэльс (348) и Уэльс перед глазами. Такого я еще не видала. Это сочетанье тонкости и ума, и юмора, жизнерадостность и сила. Главное сила. Мне не хотелось возиться с ним, но когда W[illams] позвал, то считала, что это повинность гостеприимства.

А оказался праздник, настоящий праздник. Через полчаса он уже присмотрелся и был простым и милым. Невысокий, коренастый, плотный, лицо чисто английское, только подвижное, рот прячется за длинными усами, а глаза голубые, красивые, пристальные, глаза бел-

летриста. И быстрота пониманья, как бывает у художников наблюдателей. Отличный собеседник, разнообразный, остроумный, щедрый. Блестяще рассказал нам, кто такой Galsworthy (349), как он любил замужнюю женщину и как даже в страсть внес respectability*. Это самое бранное слово Wells'a. Он ненавидит свою королеву, п[отому] ч[то] она насаждает respectability. «Она портит мне Англию». Меня звал к себе, уверял, что и у них есть круги свободные. Рассказывал, что в Англии не может быть написана драма, п[отому] ч[то] англичане не проявляют своих страстей движениями и словами.

И все ярко, живо, образно. И за всем этим то излучение силы, кот[орое] светится и протягивает. А главное то нечто, которое дает власть от человека к человеку.

Отчего я таких не знаю в России? Куприн (350), прежний Куприн, отчасти был такой, но там дикость и пьянство, а здесь культура, знания и все-таки непосредственность, и все-таки сила. И уменье жить, полнота, свобода переживаний, какая-то юношеская жадность к жизни. А ведь Уэльсу 46 лет. Он весь движение, здоровье, цельность.

Был у нас на прошлой неделе Н. А. Бердяев. Очень была довольна, когда поняла, что его православие не имеет ничего общего с нашей официальной церковью. В нем много исканий и блеска. Рассказывал об Алекс[андре] Добролюбове (351). Бродит бывший поэт декадент по России и проповедует свою религию. Не понимаю, толком, в чем она состоит. Личная праведность, самоуглубление, молчание. И сам, говорят, больше молчком, но влияние огромное. Есть даже слух, что он повлиял на уход Толстого. Я вспомнила, как умиленно Толстой говорил об этом Добролюбове и его обличеньях за Толстовскую неправильную жизнь.

Н. А. Бердяев восстал против Мережковского, за его старанье снова воскресить дореволюционный интеллигентский канон, где красота и искусство стлались под ноги общественности. Пишет статью об этом, бегло передает свои доводы и потом:

– Просто мне Мережковский надоел!

Пожалуй, это возглас многих. И с Розановым треугольник Мережковских потерпит, надо надеяться, жестокий урок. Их попытка исключить Розанова из Религ[иозно]-Философ[ского] Общества (352) вызывает чувство протеста во всех сколько-нибудь свободных людях. Жилкин рассказывал, что в заседании совета, когда было предложено исключение, Карташев, Мережковский и Философов сразу поставили вопрос министерский – или Розанов, или мы. Жилкин высказался против исключения, потом пришел Струве и тоже возражал. Мережковский так рассердился, что ушел и не возвращался к гостям.

---

* Респектабельность, светские приличия *(англ.)*.

Сразу им не пришлось это провести в открытом заседании. А теперь, пожалуй, и не удастся, п[отому] ч[то] все бунтуют. Претит эта полицейская мера изгнания, когда надо бороться аргументами и словами. Розанов несравненно мудрее их, и они это знают. А главное, хотят «блеснуть очаровательнее» перед радикальной интеллигенцией. Но при чем же тут религия и философия?

28/I.[1914]

Все эти дни Мережковские мутят душу. Особенно он. Настоящая недотыкомка и какой-то смрад от него идет. Мне он давно противен, смесь Фотия (353) с Аракчеевым (354). И лицемерие его я чуяла. А доказать было трудно. Вчера «Нов[ое] Время» обнародовало его письмо к Суворину, заискивающее, подлое, лакейское. И у меня было то чувство удовлетворенности, кот[орое] испытываешь в последнем действии Тартюфа, когда маска сорвана и лицемер публично разоблачен.

Эти слова – лицемеры и фарисеи – все время употреблялись в засед[ании] Рел[игиозно]-Фил[ософского] Общ[ества] третьего дня.

(Подряд мои записи на листочках).

Сначала топчутся. Хотят быть рассудочными, но уже страсть злобы.

Голова гладкая, сам маленький, щуплый. Паучки такие бывают в подвалах. Голова большая, лоб тускло сереет, высокий. А через лоб тянутся длинные цепкие пальцы горбуна. Вот схватит, задушит, закрутит. Глаза пустые. (Мережков[ский].)

Философов простодушным и, несмотря на волненье, деревянным голосом говорит: «Благодаря присутствию Розанова лицо Общ[ества] искажается. Общ[ество] не может развернуться. Или он душа Общества, или мы». Все тот же их Каин и Авель.

Старик Аскольдов (355) волнуется: «О каком лице идет речь? Почему вы хотите, чтобы мы все были под одно лицо, под ваше?»

Мереж[ковский] в ответ смеется, сухим смехом. И зубы, крупные, крепкие, выступают вперед.

Карташев прочел особое мнение Струве только п[отому], ч[то] Ан[астасия] Чеботаревская (356) пригрозила иначе сама его прочитает. Прочел и прибавил: «Струве не хотел сразу выступать с этим особым мнением, п[отому] ч[то] считал такое выделение для его обществ[енной] физиономии невыгодным, т. к. он как бы явился защитником Розанова. А это уже соблазн».

Карташев говорил это, зная свою аудиторию. Радикалы и евреи, переполнившие зал, всегда готовы поверить всякой клевете против Струве.

Святоша, узкий, тонкий, безликий. Глаза закрыты полупрозрачными веками. Кулак.

Маленькая барышня, волосы на уши, губки вперед, в глазах готовность всем поверить, подбородок нежный.

Старая, но как бы молодая. Сложно одетая. За каждым зубом отдельно ухаживает.

Молодой человек, белокурый, волосы одного цвета, с набеленной занавеской. Синяя рубаха. На губах усмешка: «Я знаю кто вы, а вы еще не знаете какой я. Но будьте спокойны, я вам это покажу».

Острый профиль. Ухо близко к щеке. Белеет широкое пустое место, между ухом и черными волосами. Это придает простоватость и напряженность.

У стены поэт, лицо спокойное, печальное, важное. Дама в черном с брильянтами. Он ее только и видит.

Любопытство толпы. Глупый смешок. Желанье, ч[то]б[ы] ее тешили. Смех-застрельщик. Вдруг, сквозь этот смех толпа чувствует жестокость и вздрагивает, настораживается. Какой-то ветер пробегает по сердцам, шелест листьев, солнце льется, небо синеет. Слетает с сердец человеческих темная боль.

– Нет, нет, так не надо, мы не хотим, не допустим.

И люди выпрямляются, становятся соучастниками защиты, борьбы. Неловкое слово опять толкает, меняет. Гаснут огоньки, тучи находят, беднеют души.

Маленький урод с нервным лицом.

Затылки, уши, волосы, иногда кусочек профиля.

Человек 50 переживают, остальные тоже переживают, но не как участники, а как зрители.

Сонные глазки, пушок на щеках. Складочки на шее. Тусклый свет ламп, еще тусклее отсветы лакированных поверхностей.

Агеев (357) говорил: Розанов враг христианства, и потому мы провели его в христ[ианскую] секцию. – Шут необходим. – Евг[ений] Иванов (358): не согласен с отношением к врагу. Это не по пути свободы, а по пути полицейской морали. Это просто насилие над душой, это лукавый прием. Избавь нас боже от лукав[ого].

Как менялись лица юноши и девушки, углублялись, утончались; темные тени ложились, кот[орые] дают красу и смысл человеческому лицу.

Председатель должен быть врагом, давним, недоговоренным врагом того, кого хотят побить камнями. – Корректен и язвителен. – Друзья топят. Враги спасают. И вдруг веянье героизма во имя абсолютной ценности. Человек с высоким лбом, щурится.

Вячеслав Иванов: если придет время вашей власти, то это уже будет не литер[атурная] демонстрация, а подлинный жест. Писателя нельзя судить. Берите его целиком. Это полицейская принудительность, внесение полицейских навыков. Вы хотите одного лица. А я боюсь одной души и одного лица. Многоголосность нам нужна. Не являемся ли мы жертвами искусно ведомой, но все-таки тиранической демагогии?

Лицо дочери Розанова (359) у стены. Точно каменная, только в белой шее, видимо, бьется кровь.

А рядом дочь Браудо (360). Тоже трагическая и угнетенная.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 17. Л. 68–80об. Автограф.

1914. 6 мая

Ремизовы прощались с нами, уезжали за границу.

– Что Ар[иадна] Вл[адимировна], все вы озлоблены? Не надо. Мы люди, мы все должны прощать. Это Бог, тот не прощает.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 54. Л. 26. Автограф.

29 июнь [1914]

Трудно записать все пережитое после австрийского ультиматума Сербии (361). Вероятно, в Мессине (362) люди чувствовали себя так же, как мы эти две недели. Впрочем, нет. Там был страх, а у нас страха меньше всего.

В среду, 16-го, я приехала из деревни. Harald [Вильямс] уже был уверен, что война неизбежна. Струве также. В четверг утром пошла к Славинскому (363), ч[то]б[ы] вместе идти в банк учитывать его вексель. Он сидел один, и прежде всего заговорил об этом одиночестве:

– Мы все разрознены. Каждый знает, что должен что-то делать. Но что и с кем?

В банке вексель уже не учитывали.

Днем была у Философ[ова]. Тот же разговор о разрозненности общественных сил, о необходимости сплотиться. И тот и другой показали мне какая потребность прежде всего сдвинуться.

Не помню, в четверг или в пятницу, была в «Речи». Там никого. Гессен и Изгоев, оба чувствовали еще особую трудность благодаря статьям Милюкова об австро-сербском конфликте, где он пренебрежительно говорил о сербах и рекомендовал локализировать конфликт. Многими это было понято как совет предоставить сербов самим себе.

– Если бы вы видели эту статью в ее первоначальном виде, – с горечью сказал Изгоев. – Мы ее ночью смягчили, а то в ней были слова о сербских свиньях и вообще о том, что сербов надо проучить.

Тогда еще никто не знал наверно, сумеют ли дипломаты предотвратить катастрофу. Но по улицам уже ходили воинственные манифестации с портретами царя, со знаменами. Около «Веч[ернего] Врем[ени]» (364), в ожидании телеграмм происходил непрерывный митинг.

В пятницу утром швейцар, подавая самовар, сказал:

– Всеобщая мобилизация объявлена.

– Нет, Иван, только частичная, – с обычной интеллигентской авторитетностью возразила я. Но он настаивал:

– Да нет, барыня, всеобщая, – но ни слова не сказал, что он сам уже призван, что завтра ему надо идти в солдаты. И до сих пор я не могу без волнения вспомнить об этой чисто русской стыдливости в горе. П[отому] ч[то] для него это прежде всего было горе. Его жена уже встретила меня внизу с опухшими от слез глазами:

– Барыня, а афишки-то расклеены, красные, красные...

И заплакала. Действительно, маленькие плакаты о мобилизации кровавым пятном алели на стенах. Потом спохватились. Все остальные пошли белые.

Призыв о мобилизации сразу переменил Петербург. Повеяло войной. Лица стали печальные и серьезные. Ни в этот день, ни в следующий, ни в воскресенье не видно было в городе улыбок. Только дети, как всегда, копошились, играли, смеялись.

Утром в пятницу я была у Милюкова. Один в пустой неуютной квартире. Еще спокоен. Да, он еще улыбался. Я его спросила, что он хочет сделать, что сейчас надо собраться обсудить положенье.

– Нет, пока еще рано. Я получил телеграмму от Шингарева. Он спрашивал, не надо ли приехать. Я ответил, что нет. Потом Френкель звонил. Теперь вы пришли. Больше никого нет. Кого же собирать? Да еще от Александрова (365) я получил сердитую телеграмму из Екатеринослава за мои австрийские статьи.

Улыбается. Рассказывает мне тонкости сербских военных планов.

– П[авел] Н[иколаевич], разве в сербах теперь дело. Теперь вся суть в Берлине.

– Да, пожалуй, – но говорит это довольно равнодушно, видно, что мысли у него еще на Балканах. Я вспомнила сердитые слова Струве:

– Ну что же поделать, если у Милюкова полголовы русского радикального интеллигента, а полголовы – болгарина.

Раздался телефон. П. Н. [Милюков] поговорил, потом с таким видом, точно это что-нибудь важное, сообщил, что звонил Ламарк (366) и передал ему всякие сведенья о мыслях германского посла. В заключенье прибавил: «Он говорит, что "Русское Слово" присоединяется к нашей позиции». – К какой? – Да вот насчет Австрии.

Мне стало очень тяжело. В такую минуту самый ответственный представитель оппозиции не видит, что делается в Европе, и единственная его связь с правительством это темные еврей, полушпион, полужулик, выгнанный из среды журналистов. Этот Ламарк уже во время первой Думы бегал между Милюковым и Столыпиным, вероятно, продавал Милюкова правительству. Тут и наша вина. Надо было или иначе окружить Милюкова или выдвинуть другого вождя.

В субботу, 19-го, с 5 ч. утра громадные толпы запасных и их близких теснились около сборных пунктов. Плакали много, но ропота никто не слышал. И позже, обходя семьи запасных, я ни разу не слышал проклятия войне. Все ощущали, если не понимали, ее стихийную неизбежность.

Днем в субботу движенье поездов уже было нарушено. Но мы с Адей (367) все-таки проехали на Вергежу. В поезде ехал Н. А. Морозов. Никаких возражений против войны у него не было. Он тоже понимал, что Россия вынуждена драться и до конца.

– Вот жаль меня на воздушный шар не возьмут. Ну, да как-нибудь придумаю, чем могу быть полезен. Санитаром или что-нибудь. Я видел манифестации. Что же, без них нельзя было. Я сам шапку снимал и не только за страх.

В деревне было тяжело. Я пробыла полтора часа. Собрала вещи, простилась с мамой. И странно было думать, что нет больше завтрашнего дня, что никто не знает, что будет, что война, просто себе война наступила. На берегу было туманно. Ночь теплая. В голубом лунном свете лежал сад и дом, и берег. А темные женские фигуры с воем провожали запасных.

Вагоны уже были переполнены. Война, война... Доктор, уже пожилой, умный, проделавший японскую кампанию, спокойно говорил мне: «Право, война это не худо. Всюду люди умирают, а там хоть есть за что».

В Петербурге были еще манифестации. Война Германией была объявлена. Но все ждали Англию.

Забыла написать, что, кажется, в пятницу 18-го я была в городской благотворит[ельной] комиссии. Мы туда как будто ворвались. Устроила это З. Л. Унковская (368), был Философов, Нечаева и я. Тяжелые, неповоротливые гласные на нас косились, Председатель, гр. Татищев (369), добродушный и покладистый. Его можно вести за собой. Якунчиков (370) разводил канцелярщину. Ближе всего мы оказались к Аф[анасию] Васильеву (371), славянофилу. Но вообще из нашего появления туда ничего не вышло. Унковская, кот[орая] очень хочет попасть в образованные городом военные комиссии, сейчас сообщила мне, что Ив[ан] Ив[анович] Толстой (372) просит пока ничего не предпринимать. По его словам, состав комиссий очень плохой и его придется менять. Но как менять? Ведь мы [не] знаем вообще состав городских руководителей.

Воскресенье и понедельник были полны ожиданья того, как поступит Англия. В понед[ельник] собрался наш Ц. К. Струве не хотел идти: Если я пойду, я скажу все, что думаю и выйду из партии.

– Нет, вы пойдете, чтобы сказать все, что вы думаете, и остаться в партии.

Я опоздала, задержалась в городской комиссии. Когда пришла, Мил[юков] доказывал Струве, что уходить не время.

– Если вам наше обращенье кажется бессодержательным, прибавьте от себя содержанья.

– Это все общие места, – ворчал Струве.

Налицо были Мил[юков], Наб[оков], Рутцен (373), Изгоев, Пав[ел] Долгоруков, Струве, я. Челноков (374) тоже тут вертелся.

Я очень определенно высказала, что думаю об австр[ийских] статьях «Речи»: «Это печальные для нашей партии статьи. Обращение должно быть выпущено, ч[то]б[ы] поставить просто на прежней линии “Речи”. То, что ее закрыли, в такой момент для нас было бы убийственно. Раз ее возобновляют, надо сразу занять надлежащую позицию. Никаких счетов с правит[ельством]. Отечество в опасности, и вся страна должна его защищать. То, что П. Н. [Милюков] написал слабо, да и не могло быть сильным, п[отому] ч[то] мысли, владевшие им до войны, не могли не ослабить его литерат[урного] таланта. Но мы сейчас сообща проредактируем и обращение появится, и никто никуда не уйдет».

П. Долг[оруков] тоже привез от Москвы суровое осуждение политики «Речи». А в результате сообща исправили текст, и он появился сначала в газетах, а потом был прочитан в Думе Милюковым.

30/VII.[19]14

Вчера вроде Ц. К. Мы с Дм[итрием] Ив[ановичем Шаховским] внесли наши мысли о необходимости коалиционного пункта. Колюбакин, Некрасов, Гронский (375) обрушились на меня. Некрасов повторял, что он не желает быть посредником между обществ[ом] и правит[ельством]. Шингарев: а я пойду к министрам, если они закроют В[ольно]-Эк[ономическое] Общ[ество] (376).

Был еще хаос мыслей, и Мил[юков] ничего в него не внес.

Вечером в Попечит[ельной комиссии] масса народу. Слова кипят. Как бы только обратить их в действия.

Вернусь назад. Заседание в Г[осударственной] Думе 26 июля было единодушное и горячее. Когда Мил[юков] вышел на кафедру, мои соседи офицеры подались вперед, ч[то]б[ы] лучше слышать. Лица у них были хмурые, но с каждым его словом прояснялись: «Вот это так... Хорошо... Правильно... Отлично...» И так называемый манифест к[а]д[етов], кот[орый] мы вырабатывали во фракции, вызвал бурное одобренье.

Вообще, овации были настолько страстные, что депутаты уверяли меня, будто Сазонов (377) заплакал.

А сами они накануне во фракции признавались, когда кто плакал. Пепеляев (378) уверял, что плакал, читая наш манифест. Он ехал по Финляндии, всюду говорил с офицерами и солдатами. Видел бодрых, решительных людей. Офицеры сожалели, что он кадет, т. к. «Речь», по их мнению, продалась Австрии. Когда он показал наш Манифест: ну, тогда другое дело.

Александров рассказывал, как он ходил по манежу, где запасные, какие они были спокойные и ясные. «Ну, знаете, я не выдержал, сунулся носом к стене и поревел немножко».

Д. И. Шах[овской] привез из Москвы целый склад мыслей о поддержании хозяйственной жизни в стране. Он высказал их вначале во фракции, где его только наполовину поняли. Даже Шингарев ду-

мал, что важнее всего ехать в армию. Я напала на него, доказывая, что здесь нужны люди, п[отому] ч[то] армия организована, а страна дезорганизована. Курьезнее всего, что вчера он, в свою очередь, напал на Некрасова за то же желание ехать в армию. Но за эти дни он побывал в В[ольном] Эк[ономическом Обществе], где они втроем, с Шах[овским] и Деларовым (379), указали, на что общ[ество] должно обратить внимание. Керенский (380) и Н[иколай] Дм[итриевич] Соколов (381) что-то бормотали. Тут же было дано поручение Шингареву, Демидову (382) <пропуск в тексте> поехать к Кривошеину (383). Они прихватили правого, кн. Волконского (384). Кривош[еин] принял их с распростертыми объятьями, все обещал и благодарил. Потом удержал Шингарева. «Теперь я хочу задать вам вопросы». – «Пожалуйста». – «Я вижу по “Речи”, что вы разочарованы выступл[ением] правительства. Чем вы недовольны? Я нахожу, что для вас, к[а]д[етов], день 26 июля был днем самого большого вашего торжества. Никогда вы не подымались на такую высоту. Вы сумели всех объединить, ничего не требовали от правит[ельства]. Это показатель большой политич[еской] мудрости». – «Да, но если бы вы знали, чего нам стоило это объединение. На этот раз мы сдержали напор. Но вы нам в этом нисколько не помогли. Вы только говорили об объединении, но ничем его не подтвердили». – «Чего же вы ждали? Амнистии?» – «Да, между прочим, и амнистии». – «Об этом мы говорили в Совете, но мы считали, что [правительство] проявило бы слабость и растерянность, если бы мы сразу ее дали. Но частичная амнистия неизбежна. А еще чего же вы хотите?» – «Ну, хотя бы того, ч[то]б[ы] вы убрали из своей среды лиц, на которых сконцентрировано обществ[енное] недовольство». – «Ах, вот что! (довольно неопределенно) И это все?» – «То есть как все? Я ведь к вам пришел как частный человек. Я никаких программ вам не излагаю. Но я знаю, что вы не сможете вести войну, если вы не можете опираться на хорошо организованные городские и земские самоуправл[ения]. А что делается в них? Москва без головы. В Петербурге вы нам 10 чел. не утвердили и так по всей России. Как же вы хотите, чтобы мы работали?» – «Ах, Андрей Ив[анович], зачем вы не пришли сказать мне все это два дня тому назад. Я вас уверяю, что я настоял бы на том, ч[то]б[ы] в речь Горемыкина хоть что-нибудь было вставлено».

На этом и расстались.

16 сент[ября 1914]

Видела вчера Н. Н. Львова. Только что вернулся из командировки Кр[асного] Креста. Был верст 100 за Люблином. Видел как взлетел огненный столб над Ярославлем. Вероятно, взорвался пороховой склад. Ему пришлось ездить по местам австрийского отступления. Брошенные повозки, орудия, завязшие в трясине, патронные ящики, куски шрапнели. Там он понял, что для германцев наше бездорожье будет

гибелью. Нельзя вести бронированные автомобили и тяжелые орудия и вообще все новейшие технические изобретения.

Он говорил о том глубоком, народном сближении, которое произошло между русской армией и поляками. Они идут добровольцами, аристократия посылает своих детей в русские полки, население кормит, поит, приветствует солдат. Уход за ранеными «даже слишком роскошный».

Совсем не то с евреями. Против них растет озлобление в армии. Их обвиняют в шпионаже и предательстве. Часто справедливо. Был случай, когда два солдата-еврея сигнализировали австрийцам. Срывая свою прежнюю злобу на поляках, евреи доносят на них. Когда вошли в Краснин, евреи донесли на двух поляков, кот[орых] повесили. Тогда поляки донесли на трех евреев, их тоже повесили. Евреи больше всего посредники, а не производители, поэтому экономический разгром, пронесшийся над краем, их мало коснулся. Они теперь наживаются около армии. Гродненский гусар встречает ростовщика Френкеля: «Как поживаете, Френкель?» – «Как я могу поживать, когда мои 50000 ежедневно в атаку идут!?» – Депутация от еврейской интеллигенции, кот[орую] привел Браудо, вела себя самым униженным образом. Они не только Львова называли «Ваше превосх[одительство]», но все повторяли – вся наша надежда на генерала Пуришкевича.

Львов с отвращением говорит о правительстве, о том, что они неизбежно надурят в Галиции. «Послали Евлогия (385) насаждать православие под гром пушек. И внутри России им было дано неповторимое. Весь народ шел к правительству. Что они сделали из этого порыва?» Я спросила его, что, по его мнению, нужно теперь делать? «Идти в армию. В солдаты, в офицеры, но в армию».

28 сент[ября 1914]

Эти дни ходим во дворец Мар[ии] Пав[ловны] (386) считать деньги. Началось с того, что Серг[ей] Вал[ентинович] Иванов (387) собрал нас 23 сент[ября] и предложил быть членами ревиз[ионной] комиссии, во главе которой он сам, Шингарев, сен[атор] <фам. нрзб.>. А мы им на помощь должны были прийти. Отказаться было трудно. Великокн[яжеские] отряды туда пускают, куда другим нет ходу. Но и идти не очень хотелось. Я спросила Серг[ея] Вал[ентиновича Иванова] – что мы только счетчики или и контролеры по расходованию. Все меня поддержали. Иванов обещал так и поставить вопрос в ком[итете] М[арии] Павл[овны]. На следующий день в газетах была заметка в этом смысле. Сбор пошел очень бойко. В пятницу днем мы все пошли во дворец. Пестро было и демократично. Вел[икая] кн[ягиня] появилась на 5 м[инут] и не без опаски оглядывала непривычных гостей. Молодой офицер разглядывал нас с откровенной наглостью.

Так, вероятно, в Версале появлялось Tiers ètat*. Но дело мы свое сделали. Сбор дал 140 000.

29 сент[ября] 1914

Сегодня утром городской комитет по сбору пожертвован[ий]. Свенцицкий просил организовать сбор в пользу беженцев. Толстой поддержал, только расширил в пользу поляков, евреев и др. Фальборку (388) на отряд денег не дали. Зато образовали комиссию для подготовки городской организации помощи на полях сражения.

Днем во фракции быстрые разговоры о войне. Некрасов говорит, что мы завлекаем германцев, п[отому] ч[то], располагая 4 мил., кот[орые] у нас есть в районе Бреста, выгоднее тянуть их в глубь. В общем, он вернулся с хорошим впечатлением. Говорит, что об артиллерии нет двух мнений.

Третьего дня пришлось горячиться из-за отправки белья в 22 дивизию к Френкелю. К счастью, достали и послали. Городской комитет дал мне 2 ящ[ика] белья и 1 табаку. А главное, мой новый приятель Егиазаров купил шоколаду, бисквитов и на 200 р. белья.

Об Аде тоскую и себя корю. Может быть, это только малодушие. Надо терпеть. Но душа болит за него непрестанно.

2 ноября [1914]

Не записывала изо дня в день, а теперь досадно. Мелочи забываются, да и важное тоже. Сейчас больше всего досадно из-за Аркадия. Раз не могу писать ему письма, то пусть бы это лежало до его приезда. Потом сразу бы все узнал, что без него делалось.

Если обернуться назад, то получается такая последовательность в работе, которая на мою долю выпала – семьи запасных, борьба с комиссией благотворительности, попечительства, вокруг них все больше людей и энергии, городской комитет, установление сметы, а значит, и норм, у себя в XI патронате. Тут начинается раздраженье из-за адвокатов и мелочей. Но дело делается. Недели две тому назад я отказалась от председательства, ч[то]б[ы] зря не раздражаться. А тут пришел всякий сбор. Этим занялась. Все около города. Но как-то я тут ни при чем. И все кажется, что надо туда, ближе к солдатам. Оттого и просила Долгорукова взять меня кухаркой.

Вот все про меня.

Про остальное рассказать труднее. Есть напряжение, есть подъем, и в то же время как-то мало мыслей. А откуда-то сбоку, с левого фланга все-таки сочится холодная вода. И наверху царство бумажных теней, так хорошо описанное Андреем Белым (389). М. В. Челноков очень живо и зло рассказал нам про засед[ание] в Верховном

* Третье сословие *(франц.)*.

совете (390), где все министры и он с кн. Львовым (391). Государыня председат[ельствует], и все до последнего предела важное. Горемыкин, премьер, руководящий всей политикой империи, был докладчиком и сообщил высокому собранию, что надо купить шкапы и заказать парточки. Вот и все. Дальше не знали что делать, хотя по всей России жены солдат сидят без казенной выдачи, не говоря уже о подсобной помощи.

М[ихаил] Вас[ильевич Челноков] говорил, что все министры поздравляли его московским головой.

– Что же вы спешите. Ведь он меня еще не утвердил, – он кивнул на Маклакова (392).

– Ну что вы, помилуйте. Наверняка утвердит.

Зато наш мудрый Ц. К. чуть было М[ихаила] Вас[ильевича] из голов не разжаловал.

Было это в Москве, в прошлое воскресенье. Заседал пленарный Ц. К. в живописном подполье Долгорукова (393). Он сообщил, что М. В. [Челноков] собирается выйти из фракции, не выходя из партии. Начались не особенно дружелюбные суждения. Милюков с улыбочкой говорил, что так нельзя. Шаховской горячился, отстаивая партийную дисциплину. Я не поняла, чего они хотели, ч[то]б[ы] М. В. [Челноков] не уходил из фракции или ч[то]б[ы] он ушел из партии. Но москвичи, Тесленко, Астров (394), Кишкин (395), нашли, что переизбирать Челнокова нельзя. Выборы стоят Москве 60 т[ыс]. Надо было тогда заявить о таком расходе раньше, чем выбирать его в головы. И было неприятно. Какой-то был поход против человека, недисциплинированного, но очень даровитого.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–15. Автограф.

1915

13/II.[1915]

<...> Ночь. Было заседание у Гучкова. Старается объединить земские, городские и польские организации. Предварительно у земцев было заседание, где они решали, кто кого позвал. Они Гучкова или он их. Решили, что они, «но как-то так вышло, что соберемся на его квартире».

Судили, быть ли заседанию или просто чаепитие. «Лучше всего заседаниям и без председателя».

А по существу, о чем говорить, и не успели потолковать. Гучков пришел, сел на председательское место и стал заседать. Вот и все. А представитель земства все пыжился и напоминал оппозицию, когда на трибуне благожелательный товарищ министра.

Ночь светлая, лунная. И вдруг выстрелы. Оказалось из пушек по аэроплану. Кружил он над нами, трещал, но рассмотреть невозможно.

Небось у немцев нет страха перед действующими людьми. Оттого у них и аэропланы хорошо летают.

<...>

14/VI.[1915]

Жирардов. Дорогой в поезде встретила Гучкову (396). Она прямо из Шавель. В отчаянии оттого, что там нашла. Войск почти нет. Снарядов еще меньше. Полк растянут на 7 верст. При нем одно орудие и 11 снарядов. И солдаты и офицеры упали духом, не видят как можно с немцем справиться. Ее знакомый офицер ушел из строя в штаб – «все равно, все бесполезно».

Помощь раненым почти не организована. Везут, кладут на землю и лежат без конца в ожидании перевязки и отправки.

Напала на меня Гучкова за к[а]д[етов], за их неискренность, что на словах одно, на деле другое. А главное, за то, что мужа ее не провели в 4-ю Думу, где он был необходим в комиссии обороны. Много в ней раздражения. Это не личное, это отголосок среды. А теперь надо бы всем вместе быть. Только в этом и спасение.

В отряде все ожило. Есть лазарет, кот[орый] Валуйский (397) ведет по-настоящему. Вообще хорошая трудовая коммуна. Все в один голос с ужасом и отвращением говорят о газах. Бесконечно хуже, чем ранения. Задыхаются, мечутся. Через наши руки прошло 330 человек. Сначала совсем не знали, как взяться. В войсках ничего не было сказано, как бороться. Солдаты бежали как перед дьявольским наваждением. Падали и умирали. 53[-й] сибирский почти весь погиб. 17 офицеров выбыло из строя. 7 из них умерло.

Сегодня в лазарете я видела отравленных. Их лежало трое подряд. Один 218-го, другие два 53-го. Сбоку худой, страшный, оперирован. Точно ему 50 л. – а ему 20. Они еще растеряны. Хотя лежат с 18-го. Побежал народ подымать и сам задохся. Все просто, все в $^1/_2$ ч[ас.], и люди валялись как мухи.

Солдаты говорили сестрам – теперь не будем пленных брать, всех заколем.

А в Варшаве лежало 135 000 масок. Их не удосужились раздать. Принц (398) назначил ревизию, хотел Рейнбота (399) ревизором. Гучков телеграфировал – ему самому нужна ревизия.

Говорила я с солдатами 220-го. Стояли под Гуминым. Три дня под огнем 3000 снарядов и деваться некуда, такие плохие окопы. Артил[лерия] наша молчала. «А у него и бойницы-то железные, где же взять». Солдаты уверены, что это стрельба подготовительная к бою. Здесь все ждут отступления. Из Варш[авы] выехала большая часть земского склада, собираются увозить и городской. Интендантство тоже увозится. Но под Жирард[овым] роют окопы. Отсюда увезли громадные склады хлопка и часть машин.

20/VI.[1915]

Солдаты в чайной. Все те же шутки, но они другие.

Офицеры в вагоне. Поручик из 114-го. Его полк и 113[-й] выбились из кольца, кот[орый] окружил 20[-й] корпус. Булгаковский один батальон от них отделился, а три пробивались. Три дня они метались. Шли, шли и вышли на укрепленные немецкие позиции.

– Разведки не было. За все эти дни ни один русский летчик не промелькнул над нами. Только немцы кружились и кружились. А мы так ждали... Ведь если бы они только нам подали знак, сказали где наши. Мы вслепую пробивались сквозь августовские леса. В последнюю ночь с оружием в руках расчистили себе дорогу. И это в 25 верстах от Гродно. Хоть бы гарнизон оттуда выслали. Ведь немцы тоже изнемогали. А когда мы, сколько нас осталось, пришли в Гродно, нас же послали обратно в бой, на выручку остальным, которые все равно уже пропали.

Другой офицер пехотного полка, не знаю какого, молодой, загорелый, не раненный за всю кампанию. Открыто и громко ругает начальство:

– Поливанов (400)? Да, это не худо. Но почему Сухомлинова (401) не повесили.

Офицер из комендантских в Варшаве рассказал, как вольноопределяющийся преображенец привел шпиона австрийца из Пронова. Притворился, что сам хочет шпионить.

Сестра полковая суровая с Георгием. Немцев не хочет больше перевязывать.

Другая, строгая, печальная и простая. Настоящая русская.

<...>

Гучкова говорила, что настолько никто не умеет справлять с газами, что уже поправлявшихся солдат завернули в шинели, пропитанные газом, заперли в вагонах и повезли. Многие умерли, не доезжая до Варшавы.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 64. Л. 4–5, 31об.–34об., 35–38. Рукопись. Автограф.

Июль, 7 [1915]

Первый раз была вчера в клубе общественных деятелей (402). Там были по приглашению представители страховых обществ. Когда Шингарев пришел, ему устроили что-то вроде оваций.

15 [июля 1915]

Ездили в Москву. Хотели на съезд о дороговизне (403), на который нас и звал Шаховской. Но Челноков, а после него Астров и Щепкин (404) категорически заявили – на съезд не под каким видом. Вообще

Союз городов (405) уже обюрократился. Я это заметила еще в марте, когда Кишкин не слушал, что я ему говорю об отряде, и все знал и все понимал. Я тогда же почувствовала себя как вице-губернатор, приехавший с докладом к директору департамента.

Интересны рассказы Губаревой и ее мужа. Они были на Волге. Незнакомый человек в трамвае в Казани говорил: «Неужели Москва согласится на позорный мир». Вообще тон был – как Москва, так и мы. По словам Губарева (406), промышленная жизнь не падает, а растет.

13-го была фракция. Милюков в общих чертах набросал план речи, оговариваясь, что не все продумал. «Основной тон речи должен быть патриотический и торжественный». Он улыбнулся иронически и, точно оправдываясь, что придется кому-то сделать эту уступку. А м[ожет] б[ыть], это я придираюсь к нему. Ведь сейчас он ведет правильную линию. Меня особенно успокоило, когда Александров еще в марте рассказал как Грузенберг (407), требуя от Милюкова выступлений по еврейскому вопросу и получая от него отказ, наконец сказал:

– Пав[ел] Ник[олаевич], ведь если бы ваших детей никуда не пускали, лишали их прав, чтобы они стали тогда думать и делать.

– То же, что теперь – желать России победы и помогать этому.

У него оба сына на войне.

И речь свою он так думает строить: Опасность велика. Положенье трудное, но надо напрячь все силы, так как самая большая опасность – преждевременный мир. Война должна стать всенародной. До сих пор это не так. Правительство не воспользовалось настроением народным. Тут надо упомянуть о Бурцеве (408) и с[оциал]-д[емократах]. Военная оценка и Сухомлинов. Окончена ли эра преступлений и ошибок. Людей в составе министерства переменили, а систему оставили. Надо дать проект правительственной программы, какой она должна была бы быть, если бы правит[ельство] понимало свои задачи. В Балканских делах Россия потеряла инициативу и не дала ее союзникам. Армянский и польский вопросы вывели из сферы внутрен[них] вопросов и сделали их внешними.

Сужденья фракции ничего не внесли в эту схему. Да и иначе и быть не могло при сером ее составе. Милюков проверит себя и поправит мнениями московских товарищей на вчерашнем заседании Ц. К.

Во всяком случае, волна опять идет. Посмотрим, что она смоет и что останется, когда она отхлынет.

Много говорят о расширении кадров земских и городских работников. И молчат о женщинах. Мы все еще остаемся в скромной роли исполнителей, а планы работы создаются и намечаются без нас. Между тем война зовет и требует женщин на работу.

18 июля [1915]

Завтра еще небывалый для России день, день, когда мы будем держать перед Европой экзамен на государственную зрелость (409).

Больше того. Свобода Европы зависит от того, что может завтра дать русское народное представительство. До сих пор Запад с усмешкой смотрел на наш парламент. Теперь он, затаив дыхание, должен ждать, хватит ли у нас ума и воли.

На долю Милюкова выпадает огромная честь и огромная ответственность. Он должен найти слова, которые всех связали бы около одного стремления – победа.

19 июля, утром [1915]

Третьего дня вечером Мил[юков] прочел во фракции проект своей речи. Холодно. Много мелких и старых пустяков, т. е. сравнительно с огромностью событий. Пришлось и Шингареву, и Маклакову, и многим другим напомнить ему, что надо приветствовать армию («я это подразумевал», – сказал он), что надо сказать, что с таким народом нельзя не победить.

Но общий тон верный. Победа, все для нее. И этим все равно у нас полны. Слушая речи наших депутатов, я думала – если так думает Россия, или если мы сумеем передать наши думы России, немцы будут разбиты.

Маклаков, волнуясь, – он вообще полон такого волнения и подъема, к которым я не считала его способным, – рассказывал, что он вчера весь день «накачивал» Родзянко (410). По-видимому, он прямо составил для него речь.

– Вот кем бы я хотел быть завтра – председателем Думы, чтобы сказать все, что надо сказать. Ведь речь Милюкова никуда не годится.

– Да, плохо. Хорошую речь могли бы сказать только вы, но вы за чечевичную похлебку продаете свое место.

– Вы хотите, чтобы я был лидером?

– Нет, не хочу. Вы слишком легкомысленны. Но мне обидно, что ваш талант пропадает даром, а у Милюкова его нет.

Во фракции со всех сторон сыпятся сведения о том, что делается в провинции для снаряженья.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 15об.–19об. Автограф.

24/VII. [1915]

Петр Великий может быть первый в России познал тайну и силу личной любви. Не плотского только влечения, не страсти одной, а любви в целости, где дух и тело едины. В «Катеньке» (411) он нашел родственную натуру, сильную, страстную и свободную. Оттого подобрав ее в грязи чужих желаний, он довел ее до коронования, утвердил до конца ее необходимость для себя.

На закате итальянский ренессанс открыл любовь. У нас Петр.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 52. Л. 43–43об. Автограф.

29 июля [1915] (Вергежа)

Прошло только 10 дней, а события так мелькают, что не успеешь опомниться. Заседанье Думы, речь Бобринского, более негодующая, чем речь Милюкова. Общая формула, всех сплотившая. Фигуры министров, как будто признававших, что приходится пока склониться перед Думой. Ведь смысл речи Бобринского был – власть исполнительная, да подчиниться власти законодательной. 9 лет прошло с тех пор, как Набоков дал эту формулу. Теперь под грохот немецких пушек ее поняли закоренелые враги народного представительства.

Сами октябристы торжественно с кафедры объявили себя сторонниками парламентаризма. Правительство обещало автономию Польше. Правда Дмовский (412) грустно острит:

– Когда есть Польша, нет автономии, когда есть автономия, нет Польши. Видно, эти два понятия – Польша и автономия не могут существовать рядом.

А все-таки по слабости человеческой мы, кадеты, гордились тем, что основные идеи, ради которых мы сидели по уши в политике, все-таки пробили себе дорогу.

В заседании фракции 21/VII Д. Д. Гримм даже произнес от имени своих товарищей по Гос[ударственному] Совету целую приветственную речь партии и ее руководителям. В тот же вечер еще одну победу справляли – выбор А. И. Шингарева в председатели комиссии обороны, куда раньше совсем не пускали к[а]д[етов]. Он был и польщен, и горд, и взволнован.

14/VIII.[19]15. Санатория Конкала

О возможной сдаче Петербурга говорили еще прошлой осенью, на второй месяц войны. Но тогда это был вздорный разговор болтунов, потерявших голову. Даже глупый приказ о рытье окопов мало кого напугал.

Теперь совсем иначе. Теперь все, глупые и умные, темные и осведомленные, трусы и мужественные, видят, что беда ползет все ближе. И чем больше видят, тем неохотнее об этом говорят.

Когда это началось? Трудно вспомнить. Помню в начале мая на нашей партийной конференции Вас[илий] Маклаков с горечью сказал: «Мы очищаем Львов. Ужаснее всего, что, значит, придется очистить и Варшаву. Нам ее теперь не удержать, когда левый фланг погнулся».

О Петербурге тогда он не сказал ни слова и вряд ли думал. Тогда мы все были заняты мыслями о возможной перемене правительственного курса. И даже верили в него. Составляли проекты. Чуть не списки губернаторов составляли.

Потом германцы пошли на Ригу. Казалось, они очень быстро овладеют ею. Ростовский депутат Лебедев (413), кот[орый] пробыл в Риге 11, 12 и 13 июля, рассказывая нам о мерзостях Курлова (414), о

том, как этот представитель государственной власти явно мешает эвакуировать из Риги военные ценности, говорил: «Если продержимся там до конца будущей недели, т. е. до 26-го, тогда все главное увезем».

Страшно было его слушать. Страшно за Россию, отданную на распятие предателям, дуракам, ворам и мерзавцам.

И стало ясно, что на Петербург они двигаются. Помню, Шингарев, прижавшись к стене, бледный и замученный, упрямо говорил: «А все-таки мы победим».

Приходил Струве. Говорил, что не надо поддаваться, а сам сидел, повесив нос. Он уверяет, что больше всего боится дешевой демагогии Керенского. «Надо сорвать с него маску. Надо заставить его прямо сказать, что он хочет мира. И тогда мы с ним потолкуем». – Не знаю, м[ожет] б[ыть], Керенский и не хочет мира. Скорее всего он просто ничего не хочет, кроме упоительной популярности среди «Ма-а-сс».

И в народе заговорили о близости германцев. Точно и досюда долетели наконец раскаты пушек. Дурочка Марфа в деревне спрашивала: «Что же это германец и впрямь придет? Хоть бы убил, да не мучил».

Пошел слух от избы к избе. Бабы повторяли слова неизвестного, но достоверного человека, что немец идет прямо на Псков, оттуда через Новгород вдоль Волхова в Питер. Моя Ольга – швейцариха, вдова убитого на войне Ивана, славного и тихого мужика, с улыбкой неуверенной и печальной, – ей бедняжке только 19 лет, – рассказывала: «Хозяина нашего жена в положении, так он ее в Нижний с детьми отправляет. И сестра ее с детьми едет. А я, барыня, не хочу ехать. Куда я поеду? Мне некуда. Только говорят, германцы младенцев убивают. Особенно которые мужского пола. Правда это?»

Дней десять тому назад в Москве городской и земский союз, кажется, уже прикидывал, где надо построить за Волгой бараки для петербуржцев. Но Рижская морская победа (415) всех подбодрила. Хотя многие не понимают, что в ней не решенье, а только оттяжка. А где же решенье? Кто и куда забросил ключи от счастья русского?

Все пятится и пятится наша армия, оставляя страшный кровавый след на разоренной родной земле. Отдали Варшаву, отдали Ковно, отдали Новогеоргиевск, – где почти все защитники перебиты, – отдаем Гродно, Вильно, Брест-Литовск... Ну, а где же остановимся.

25/IX.[19]15

Хворала все время. 19-го авг[уста] уехала в Кисловодск. Там война отражается по-своему. Цены поднялись. Довольно много раненых офицеров и очень мало раненых солдат. В парке бродят барыни, ошалевшие от безделья и нарзана. Переодеваются, мажутся и гоняются за мужчинами. Их платья, их сундуки, их сытые привычки берут слишком много рук и средств. Особенно злили меня горы сундуков с тряпками, наваленные на вокзалах. Хотелось их сжечь. Вообще, хотелось

заставить этих тупых бездельниц шить рубахи, или мешки для окопов. Знаю, что глупо, а хотелось.

Очень любопытны группы на базарах и улицах, вокруг газетки. Какой-нибудь черномазый сидит на корточках, около такие же черномазые напряженно слушают, как он с трудом читает непонятные слова телеграммы. Или как толстая баба, торгующая виноградом, хрипловатым баском кричит соседке.

– А Болгария-то подлая какая.

Соседка убежденно отвечает характерным местным оборотом:

– А то нет...

Кучер вез нас в горы. Толковал о войне, о политике. Потом обернулся и с укоризной кому-то произнес:

– 36 лет жил на свете ни о чем не думал. Не касаемо меня было. А какие такие министры и прочее. И про Германию-то никогда не слыхал. Ну а теперь небось раздумался...

Вернулась 21-го и на следующий день была в Ц. К. Главные разговоры о продовольствии. Но мне показалось, что бродят как в лесу. А положение отчаянное. Вернадский (416) уверяет, что к январю город может очутиться без топлива и без еды.

По-видимому, все зло от мин[истерства] путей сообщения. Рельсы есть, вагоны есть, но то, что составляло организованную человеческую энергию, распалось. Было живое тело, остался скелет.

Д-р Соколов (417) рассказывал, как он четыре часа искал на вокзале Финл[яндской] ж[елезной] д[ороги] свой багаж. Никто из служащих не считал себя обязанным что-нибудь делать. Наконец, комендант приказал подать вагон. Подали. Прибежал конторщик.

– Как смели вагон разгружать? Назад!

Потом увидел генеральские погоны Соколова.

– Это для вас? Ах, извините, – и убежал, а вагон разгрузили.

Сахар, мука, крупа, дрова, вот единственно, о чем говорят. Победы и поражения отодвинулись перед этой сумятицей внутреннего поражения или, вернее, разложения. Если от него не излечиться, то грубые и вполне понятные бунты неизбежны. Голодный всегда будет искать виновника своего голода. И я, хоть и не голодная, кажется, с удовольствием разбила бы Рухлову (418) окна.

Вероятно, в эпохи прежних великих войн народы переживали еще худшие бедствия. Но тогда не было общественного мнения и каждый, переживая свою беду отдельно, считал ее неустранимой и терпел. Теперь все знают, что устранить беду можно, но само правительство ее создает.

5/X.[1915]

В прошлый вторник, 24 сент[ября], была фракция. По почину Н. В. Н[екрасова] затеяли спор не пора ли менять тактику. Довольно конституц[ионных] иллюзий. После отношения к прогрес[сивному]

блоку, а главное после внезапной отставки Самарина (419), кот[орый] не угодил Григорию Распутину (420), надо понять, что прежние пути исчерпаны. Надо снять щит и указать истинного виновника всех бед.

За виновника никто не заступался. Спорили только о том, пришла пора менять курс или еще рано. Немцы захватили всю Западную Россию. Отсюда должны исходить все наши мысли, к тому, чтобы их изгнать, должны идти все наши стремленья.

Поговорили и разошлись. А до практического не договорились. Как ни смешно, но Хвостов (421) прав – сейчас вся суть в хозяйстве. Цена и наличность. Вот что нас волнует. Все есть и нечего есть.

Шаховской был. По-прежнему полон кооперации. Это так, но люди где?

Ремизовы прожили у нас несколько дней. Беспомощные, хворые, бестолковые, капризные и милые. У них не было дров и буквально негде было жить. Пришлось купить сразу на 200 р. Для него это целый капитал. А иначе, говорит, ничего нету.

Мы точно вернулись к каким-то начальным временам. На наших глазах распадается обычная купля и продажа, а другого способа добывать самое необходимое мы еще не выдумали.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л.19об.–24; 52–54об. Автограф.

3 нояб[ря] 1915

<...> Вечером Лордкипанидзе (422) и Беридзе (423) – оба армянофобы. Беридзе утверждал, что в Аджарии «буквально ни одного армянина не зарезали». Измены не было, была самозащита. О Варшаве говорил, что хотели выселить все население В[аршавы], но польские газеты подняли протест и правит[ельство] не посмело.

Когда я спросила: Правда ли, что часть грузин не верит в победу России и считает, что т. к. немцы будут в ближайшем времени хозяевами М[алой] Азии, то лучше приглядываться к Турции? – Ответ был неопределенный и, во всяком случае, не резко отрицательный. Хотя Беридзе уверял, что у грузин есть поговорка: «Нет человека, кот[орый] мог бы осилить рус[ского] царя». И позже он признал, что Грузия успокоилась «под сенью дружеских штыков».

Развалины Баграта (424) говорят о больш[ой] культуре XI в. Сильная архитектура. Любопытная каменная резьба. Гроздья винограда и барсы. Такие же гроздья в одном углу Гелата (425). Там архитектура проще. Но зато Каканская икона (426) с мелкими образами cloisoné* и эмали. Золотой чеканный оклад, весь в <1 нрзб.>. орнаментах.

* Перегородочная [эмаль] – от *(франц.)* cloisone (перегородка [клуазоне]).

А с самой иконы оклад украл в 1862 г. губер[натор] Левашов (427). И с Евангел[ия]. Туфля цар[ицы] Тамары (428). Шла босиком.

<...>

Беридзе резко против беженцев, заселяющих Грузию, и в Тифлисе он их не хочет. Затем Хатисов (429) в приветствен[ной] речи царю сказал «старый Тифлис», а не столица Грузии.

2/XI.[1915]

Засед[ание] [Центрального] К[омитета]. Только Семенов (430) и Туманов (431). Положение трудное. Объедин[ение] всегда имели в виду, но как? Обижаться, что приезжие даже не пытаются войти в общение с ними. Ничего не знают. Как смотрит партия на автономию Армении. На Персию. Вообще на междун[ародный] вопрос.

<...>

29/XI.1915. Ц. К.

Разговоры о Некрасове, кот[орый] хотел перемены тактики. Английская опасность.

Блок выработ[ал] декларацию к предполагаемому открытию Думы 30 н[оября]. Привет армян[ам] и союзникам. Резкая критика власти. Повторение требован[ий].

Выход из Совета.

Обращение к массам. Отношение к левым.

Кишкин. Общая растерянность. С роспуска настроен[ие] идет вниз. Мы, к[а]д[еты], обязаны поддержать то, что приобретено.

Два Союза и блок.

<...>

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 65. Л. 8об.–11; 11об.–12; 19–20. Автограф.

1916

<...>

20 янв[аря 1916]

Каждый месяц приносит перемену. Летом был страх, что возьмут Петербург. Кто уезжал, кто просто суетился, кто нагонял панику. Когда наступление немцев остановилось, пришел другой страх – сепаратного мира. Немцы что-то мастерили, а где и что узнаем позже из чьих-нибудь записок. Только Васильчикова (432) неосторожно выскочила и об ней мы узнали, остальные сваты и свахи таятся, шепчут. Но пока ничего у них не выходит. Есть странный ответ на все интриги – армия хочет победы, а не мира. Неужели действительно у армии есть воля?

Ведь у нее главное должна быть покорность. И потом, разве все, офицеры и солдаты, не хотят прежде всего уйти из строя? Конечно, хотят домой, все хотят. А все-таки – армия не хочет мира. И это скажет каждый, кто приедет с фронта.

Я слышала в середине декабря доклад г. П. М. Т[олстого] (433). Он все время был при штабе корпуса. У него штабной взгляд, но он много пережил. Просто и детально рассказал он все, чего нет. Когда отступали, не было снарядов, патронов, пулеметов, карт. Пользовались мы старыми картами, а немцы новыми. Поэтому раз был такой случай, что корпус отступал сыпучими проселками, а немцы наступали параллельно по отличному шоссе, существования кот[орого] мы не знали. Это у себя, где-то около Нарева. Не было пироксилина. Мосты оставались невзорванными. Нет глубокой агентурной разведки, того, что называется идейной агентуры, т. е. русского шпионажа в Германии. Наши части никогда заранее не знают больших перемещений германских войск. Нет способных генералов, а есть масса ненужных. «Лучшие генералы это те, кот[орые] едят, пьют, спят. Им подают автомобиль, а они спрашивают куда ехать, вперед или назад». Это война прапорщиков. Это было бы не страшно, если бы генералы не мешали. Войска наши не стойкие, легко поддаются панике, кот[орая] начинается с паники начальства. Благодаря низкой культуре и рабскому воспитанию нет сознанья государственного дела (я лично считаю, что это не так, что вся эта характеристика штабная). По поводу сдачи Ново-Георгиевска он рассказал, что все знали, что гарнизон долго не продержится, и все-таки заставили вернуть в крепость тяжелые орудия. Инженеры взяли общий план, кот[орый] не имели права уносить из штаба, и вместе с планом на автомобиле покатили к немцам. «Говорят, они были австрийской ориентации».

О нац[иональном] вопросе. С поляками дружно и хорошо. С евреями плохо. С их стороны нет явно враждебных действий, но нет доброжелательства. И для солдата они непонятны, язык похожий на немецкий, жестикуляция, обычаи, вера. «У евреев никогда не было одного с нами горения». Это говорил радикал левее кадетов.

Новое командование решительнее.

Его реферат обсуждался в собрании, где были и Керенский и Чхеидзе (434). Председатель Протопопов начал с того, что заявил, что при всем различии мнений необходимо одно общее сознание – воля к победе. И все присоединились. Значит Керенский и меньшевики не пораженцы. И то хорошо.

Но общее настроение, конечно, не похоже на начало войны. Тогда душа не допускала мысли о поражении, теперь ум не допускает. А трудности выросли, и усталость есть, и часто страшно, и союзников знаем лучше, видим их слабость, неподготовленность, легкомыслие. Организаторская сила германцев видна. И наша проклятая разруха.

16 янв[аря]. Была фракция. Шингарев, осунувшийся, весь в складках, омертвленный заседаньями, глухим безнадежным голосом до-

кладывал. Митрополит Питирим (435) явился в Таврич[еский] Дворец «Я даже испугался, – говорил Родзянко, – хорошо, что в кабинете был еще депутат-священник». Питирим рассказал, что съездил по порученью Алекс[андры] Фед[оровны] (436) в ставку, просил царя назначить Штюрмера (437) на место Горемыкина. (Стыдно было и горько слушать. Вот она Византия с гинекеем (438) и монахами. Только там были евнухи, а у нас Распутин.) Думу соберут, но митрополит просит председателя, чтобы Дума вела себя потише и занималась бюджетом. Даже Родзянко этого не обещал.

Еще сказал Шинг[арев], что следств[енная] комиссия признала Сухомлинова виновным и в лихоимстве и в измене и просила государя предать его суду.

Последние месяцы при Сухомл[инове] делалось 70 т[ыс]. снарядов в месяц, а теперь те же заводы делают 1700 т[ыс]. Обществ[енные] заводы еще только организуются. Земский союз не исполняет своих заказов. На воен[но]-пром[ышленные] комитеты и союзы идет травля, но они не защищаются, не присылают представителей в совещания. Лукомский (439) прислал грубое письмо (по частному поводу). Хотел взять рабочих депутатов, т. к., поступив в комитет, они больше не работали на военных заводах. Даже Марков II (440) назвал это провокацией.

После Ш[ингарева] разговоры о жел[езных] дор[огах], где продолжается разруха. Трепов (441) ничего не понимает. Грабежи продолжаются.

Тан, кот[орый] был у нас третьего дня, наблюдал на ж[елезных] д[орогах] в провинции настоящую итальянскую забастовку. Кто ее делает, вот вопрос? Отчего Бурцев не займется расследованием этой Азефовщины. Тан в полном отчаянии. У него чисто библейская преувеличенность восприятий. До Галицийского отступления он был полон надежд, ненасытного любопытства и бодрого юмора. Теперь упал. Не видит, за что зацепиться. «Раньше я был социалист. А теперь чем я буду жить? Как они все об этом не думают?» Он неугомонный, толкается по лекциям. Видел как толпа рабочих чествует Горького (а он пораженец), как другая толпа слушает Петрова (442) – а он пошляк, как молодежь рвется на Иг[оря] Северянина (443). И все это ему кажется мертвым.

А Ремизов сидел сегодня вечером и вздыхал, что нет у нас настоящего национализма, нет крепкой любви к своему, как есть у французов или англичан.

Неправда. Конечно, есть. Иначе не было бы России. Но я не хочу заносчивой фр[анцузской] любви – la France est le plus beau pays du monde*.

* Франция самая прекрасная страна в мире *(франц.)*.

Ник[олай] Дм[итриевич] Тырков (444) рассказал мне, как он эту осень вел два миноносца по Неве в Кронштадт. Уже шел ранний ледоход. Надо было спешить. Он за сутки предупредил инженеров Охтенского моста, что в такой-то час придет и просит развести мост. Он шел на миноносце, кот[орым] командует. Только что спущенное быстроходное судно. Таких мало, и нам они очень нужны. Он вел второй мин[оносец] того же типа. Подошли. Мост не разведен. Послал механика узнать, в чем дело. Говорят, машина не исправна, развести нельзя. А лед напирает. Еще немного и прижмет. Опять посылает механика посмотреть машину. Тот не знает ее устройства, ничего не может сказать. Мост не разводят. Тогда Коля посылает старшего офицера с командой. «Приказываю немедленно развести мост. Если не исполните приказанья, вас арестуют, приведут на миноносец, тут же разберут, в чем дело, и если вы виноваты, командир вас через $^1/_2$ часа повесит». – Ей Богу, Диночка, повесил бы. М[ожет] б[ыть], был бы не прав, а все-таки повесил бы.

Они, верно, это тоже поняли. Через пять минут мост был разведен и миноносцы прошли. Если бы не такой правдивый человек рассказывал, можно было бы не поверить.

Так же, как трудно верить невежеству англ[ийского] начальства во всем, что касается России. Посол (445) не знает ни людей, ни мыслей, ни направлений. Цепляются за офиц[иальную] Россию и не видят, что держат в объятиях покойника.

27 янв[аря 1916]

Все и вся волнуются, что сменен Горемыкин. То есть волнуются политики, а остальные больше злобствуют, что мяса нет, а на трамваях давка. Милюков ждет, что с новым премьером будет труднее и интереснее. Это спортивная точка зрения, в нем и сидит спортсмен. Он рассказал сегодня в Ц. К., как Штюрмер позвонил к Родзянко и говорит: «Нам с вами надо потолковать». – «Да? О чем?» – «Ну, ведь вы знаете о чем. Когда и что?» То есть когда созывать Думу и что в ней делать. Родзянко отвечал: «Когда, это от вас зависит. А что, это уж наше дело». – «Вот видите, значит нам нужно потолковать. Я дома всегда от 10–5 ч[ас].». Родзянко отвечает: «Вот странное совпадение. Я тоже в эти часы всегда дома». – «А от 5–7 я выхожу». – «Вот и я тоже. Удивительное совпадение». Штюрмер смеется: «Так как же быть?» Родзянко отвечает: «Будем говорить начистоту. Я первый к вам не поеду». И выдержал характер, заставил Штюрмера приехать. Зато позволил ему очаровать себя. Родзянко уже заявил в сеньорен-конвенте (446), что новый премьер в высшей степени предупредительный человек. Возможно, что он постарается растащить прогрессивный блок по кусочкам, а главное [–] оторвать октябристов от кадетов.

Маклаков сегодня настаивал на том, что надо переговариваться с левыми, Шингарев не хотел. Переменились ролями.

Маклаков был на Юж[ном] фронте. Говорит, что единственное для нас спасенье неподвижность фронта. Близится прорыв на Киев.

Утром Д. И. Шаховской. Не видела его почти три месяца. Он возился с кооперацией в Москве. Я его спрашивала, не покачнулась ли его вера во всеобщее избират[ельное] право после тяжкой возни с 20 тысячами членов, которые истратили три месяца на разговоры. Но он упорствует. Уверяет, что здравый смысл масс берет верх. И в комитете корил генералов за недостаточное уважение к бесконечно малым единицам. Действительно, Милюкову было трудно скрыть свое явное пренебреженье к тому, что он зовет местной политикой в противовес большой.

А Маклаков, как всегда, играя и усмехаясь, говорит мне:

– Это под самым большим секретом. Я отличный кадет. Только я не хочу принудительного отчужденья, равноправия евреев и suffrage universelle*.

Набоков, третьего дня, напал на меня за евреев. Вильямс сказал, что евреи против Entente. Почему-то Набоков рассердился. И стал мне говорить о тайной язве юдофобства. «А критиковать их можно?» – «Да, но надо признать их права». – «Ну конечно, это азбука. А все-таки это не просто. Они захватили самое сильное и самое скверное, что есть – банки и биржи. Полезно ли это для них, полезно ли для нас?»

Больше не удалось говорить. Мы сидели в столовой за чаем, Милюков на своем отчетливом, американизированном анг[лийском] языке объяснял свои взгляды на Польшу, на проливы, на будущую Европу. Это был наш первый англо-русский чай. Был Пэрс (447), Рансом (448), Питерс (449), Fife (450), Willcooks (451), Ольденбург (452), Вернадские оба (453), Протоп[опов], Гримм. Очень робко и неуверенно подходили союзники друг к другу. Чужие мы еще и просто не знаем многого. Fife с отчаянием говорит, что в Англии не верят, что в России такое скверное правительство. It is impossible**. А в Россию верят и ждут от нее спасенья.

Шаховской говорит, что в Москве уже расшаталась вера в победу. Есть такое теченье – выгоднее сейчас заключать мир, потом хуже будет.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 24–31. Автограф.

30/I.[1]916

Человек раз солгал, приспособился, извернулся. И вот, незаметно, каждый раз, когда предстоит трудный шаг, он уже гнется. Незаметно: сам от себя таится. Все остальные дни, и часы, и мгновенья жизни он говорит правду и действует искренно: Но вот эти мгновенья, когда он

---

* Всеобщее избирательное право *(франц.)*.

** Это невозможно *(англ.)*.

шмыгает, они дают тон его жизни. Он не сознает и не хочет этого сознавать. Так С. А. Адрианов. М[ожет] б[ыть], отчасти Гессен.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 54. Л. 33. Автограф.

2/II.[1916]

А З. А. Жилкина, когда я ей об этом написала, обиженно ответила – Москва выдержит, а вот как вы, выдержите ли?

Кто его знает, выдержим или нет. Судя по записке зем[ского] комитета Юго-Зап[адного] фронта, положенье на войне плохое, чтобы не сказать безнадежное. Нет руководителей. А главное, нет дорог, и никто ими не занят. Неужели мы будем разбиты? Я стараюсь не думать о Варшаве, так стыдно, горько, оскорбительно знать, что немцы там. А если они весь сапог поставят на шею? Вчера Вернадский говорил, что надо пояснить людям, в какое положенье попадет Россия, если придется платить контрибуцию. Пояснить для того, чтобы усилить желанье борьбы. Ну а если победить нельзя?

Англичане, говорят, полны веры в нас. На этом их энтузиазм. Но все отношенья с англичанами только налаживаются.

Всю неделю Вильямс возился с поездкой журналистов. Пэрс сунул, со своей всегдашней хитрой бестолковостью, Башмакова (454). Хотел сунуть Сыромятникова (455). В[ильямс] объяснил анг[лийской] военной миссии, кто такое Сыромят[ников]. Те его вычеркнули. Посол пожелал Чуковского (456), за его книги об анг[лийских] солдатах. Затем В[ильямс] рекомендовал Немировича (457), Набокова, Ал[ексея] Толстого. Набоков был рад, но военный министр отказал. Выборжанин и разжалован [в] камер-юнкеры. Приехал Шингарев, поговорил с Поливановым, и разрешенье было получено.

Ал[ексей] Толстой, большой, бритый, уже толстый, веселый с юмором, с жестами, с интонациями ввалился к нам и болтал с неисчерпаемостью талантливого ребенка.

– Я три дня писал статью. Перечел. Вижу сплошная глупость. Лег на диван, пришел в отчаянье. Никуда больше не гожусь. Ничего не выйдет. Вдруг звонок. «Консул англ[ийский] просит к телефону». Что-о? Почему консул? Пошел. Я консул. А я Толстой. Хотите поехать в Англию? Хочу. Через день? Согласен. Еду через день.

И хохочет весело, гулко, дробно, по-помещичьи.

– Наверное, консул подумал, я или дурак, или пьян, что на все согласен.

Поездка и волновала и радовала его. В воскресенье днем посол поил их всех чаем. Когда Толстой вошел, посол обрадовался, верно, что вот настоящий граф. Обратился к нему по-французски. А Толстой стоит как столб, улыбается и молчит. Вильямс уж пошел на выручку.

Шаховской рассказывал вчера о своем разговоре с секретарем рабочей группы в воен[но]-пр[омышленном] комитете. Он прямо пошел

к нему и просил выяснить какие же у них миним[альные] требования. Тот опешил. Тогда Д[митрий] Ив[анович Шаховской] сам указал – повышение заработ[ной] платы, свободу профес[сиональных] организаций, о продовольствии ([в-]третьих забыла).

Интересный путь прошел Шах[овской] с начала войны. В его голове пророка сразу обрисовался весь план обществ[енной] работы. В своих статьях в июле и в августе 1914 г. он уже указал и на снабженье, и на эконом[ические] задачи, на продовольствие, на перевозку. Искал, кто же это все исполнит. Обратился к Львову. Тот отклонил – только раненые. Тогда Шах[овской] попробовал опереться на кооперацию и В[ольно]-Эк[ономическое] общество. Его закрыли, а кооперация только начинала шевелиться. Он стал издавать «Защиту», поверил в нее, отдал много сил и провалился. Кажется, пока я была на войне, он был в полосе упадка. А когда началось отступление, когда его сын был ранен и чуть не погиб, он сразу выпрямился. С тех пор действует непрерывно. Опять ведет свою мелкую и огромную работу собирателя разрозненных человеческих душ. Так, до конституции собирал он Россию земскую. Знал людей во всех губерниях. Их характеристики, свойства, прошедшее и возможности, в них таящиеся. Вытаскивал из углов, уговаривал, корил, хвалил, смеялся и все сдвигал ряды.

Теперь он делает то же, но в еще большем масштабе. Стержень уже не земство, а демократия, способ – не Союз Освобождения, а кооперация. А цель все та же – украшенье, очистка русской жизни.

Патриот он был – патриотом и умрет.

Вчера Милюков сказал ему:

– Дм[итрий] Ив[анович], летом вы дали нам ту программу, вокруг которой объединился блок. Теперь вы опять должны вдохновиться и дать нам объединяющую экономическую программу.

– Попробую, – спокойно сказал Дм[итрий] Ив[анович].

Я не знаю другого такого сочетанья скромности и гордости. И лицо у него удивительное.

Он высокий, стройный. На ходу немного гнется. Одевается всегда больше чем просто, – но удивительно весь аккуратный и опрятный. Волосы, рыжевато-русые, без седины, хотя ему за 50, лежат так гладко, на пробор. А спереди одна прядь волнистая и над левым ухом кудрявятся. Лоб высокий, выпуклый, широкий, очень белый. Когда слушает очень внимательно, собирает через весь лоб морщины. Нос крючковатый. Глаза круглые, иззелена-серые. Зоркие, смотрят остро, точно клюют. Усы и борода вниз клином. Изящный он весь и породистый. Очень хорошо смеется, неожиданно, заливчато, по-детски. Это один [из] самых красивых людей, которых я знаю. М[ожет] б[ыть], потому что я знаю, какая у него красивая душа, и вижу как она насквозь светится.

В чем его сила? В преданности идее? В умении понимать людей? Или в том, что так сильна в нем способность пропускать коллектив-

ную эмоцию, свою и чужую, сквозь ясную и прозорливую работу мысли.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 31–35об. Автограф.

Наблюдение во фракции 5/II.[1]916

Лидер ведет известную линию. Ему нужно заставить партию принять его решение. Начинает спокойно, точно интересуется их мнением. Но у рядовых уже страх – м[ожет] б[ыть], надует, заставит сделать то, чего мы не хотим.

В голосах раздражение, вызов.

– М[ожет] б[ыть], вы желаете, чтобы мы только заслушали? Или сразу послушались?

– Я категорически протестую, – кровь бросается в лицо лидера. Еще немного и прорвется высокомерие, право вести их куда ему угодно. Нет. Сдерживается. Оборвал, но выслушал.

Кто против него? Самолюбцы. Люди, желающие быть настоящими участниками. Путаники. Первые и вторые дают ему право творить свою волю. Его досада обрушивается на средних, т. к. за ними право внутреннее.

Есть еще провинц[иальные] политики. Люди маленьких дел и маленьких дерзаний.

Говорят с разных сторон. Мысли скрещиваются. Противники говорят одинаково и перестают понимать друг друга. Среди шума раздается тихий голос. Он побеждает. Молодой человек (Некрасов) делает осторожно шахматные шаги. Он пробует. Не знает, достаточно ли силен лидер, стоит ли идти против. И невольно любуется его ловкостью. Потом вдруг круто поворачивается за него. В сущности, Х. Х. прав. Общая конъюнктура такова. М[ожет] б[ыть], завтра ударит сильнее.

Как проследить борьбу характеров? Что сильнее [–] борьба характеров или идей? Как это связано?

Тут сила обычная – внутренняя робость перед каждой властью, хотя бы властью лидера. И раздражение. А он силен осведомленностью. И авторитет есть и навык думать за всех. Знание. Сосредоточенность всей жизни около лидерства. Все остальное для него тени. Фон всякой партийной жизни (фракции) дают ленивые, беспечные, уклоняющиеся. Их настоящая жизнь не здесь, а в банке, на заводе, в поместье, в профессуре (лучшие). Для них фракция [–] положение, почет, осведомленность, забава постоянного политического спектакля. Пустомеля, – говорит быстро, глотает буквы и, полуоткрыв губы, все облизывает их языком.

Армянин Аджемов (458) [–] ловкий, легкий, хотел бы быть серьезным, но нет никакого в нем материала, ни духовного, ни умственного, ни национального. Не глуп, но безразличен.

Прав[ый?] адвокат. Шипит, ревнует каждого, кто умнее. Другой адвокат. Лицо нервное, французское. Иногда собирает его. Щеки подтягиваются от ушей к губам. Вспыхнет и погаснет. Что-то женское в лице. М[ожет] б[ыть], губы беспомощные?

(У каждого слабостей больше, чем силы, а коллективно могут быть чем-нибудь.)

Маклаков. Голова кошки. Тяжелая нижняя часть лица скрыта куцей, коротко обстриженной черной бородкой. Редкие усы. Неправильные черты. Скорее, некрасив. Только лоб большой, открытый и быстрые глаза охотника. И в руках умная быстрота.

Дремлющие старики. Неудержимо падают морщинистые веки на усталые глаза. Эти прокисли в давнем отрицании.

Между черными рядами спин, сутуловато склоненных над зеленым сукном, мелькает широкая, пухлая рука с короткими пальцами. И складки на ладони, и движенья безнадежно бездарны. На пальцах, внутри поперечные складки.

А женщины? Зачем мы ходим? Ведь мы здесь только мироносицы. Нас терпят и нами пользуются. А мы благодарно благоговеем. Мы забываем, что мужское политиканство дело практики.

Почему Шинг[арев] потерял свою первую пленительную улыбку? Теперь это деланная усмешка утомленного magister'a*.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 54. Л. 33об.–35. Автограф.

6/II.[1916]

Вчера во фракции и раньше в ком[итете] было слишком много шахматной игры, слишком много придается значения сегодняшним мелочам. Этим особенно грешит Милюков. У него страсть к тактической абстракции. Москвичи, а отчасти и мы пробовали его убеждать, что нужен сильный удар.

Но, м[ожет] б[ыть], эти люди и не могут сделать настоящего политического дела?

Меня заставляет задуматься отношение к рабочему вопросу. Милюков, когда я заговорила о некот[орых] необходимых вопросах, сказал:

– Вот вы все это и доложите во фракции.

А перед фракцией просил меня не нарушать порядка заседания. Я обратилась к Степанову (459).

– Вы председ[атель] рабочей комиссии?

– Я?! Ах да, действительно. Но знаете, меня рабочий вопрос абсолютно не интересует.

Вот тебе и на. Это говорит депутат, кадет, инженер. И как раз теперь говорит, когда оборона опирается на плечи рабочих, когда не се-

---

* Начальник, наставник *(лат.)*.

годня завтра вспыхнет волна социальных требований. Я оглянулась. Кругом все знакомые фракционные лица. А ведь, пожалуй, среди них никто не интересуется рабочим вопросом. Как же так? Где же наш демократизм? Или кадеты действительно буржуазная партия?

Вот разница характеров. Сегодня заходил Д. Философов. Его тоже пригласили в Англию по телефону. Но его эта форма задела:

– Если бы кто-нибудь другой. Но от английского посольства можно требовать большего соблюденья конвенансов*. Я поблагодарил за честь и отказался. Тем более что я по-английски не говорю.

Вчера, во фракции, характерная сценка.

Некрасов дружески-шутливо, но с тайной язвой говорит:

– Пусть второй видный оратор партии скажет, о чем он будет говорить в Думе.

– Кто? Кто, – со всех сторон.

– Как кто? Конечно, Вас[илий] Ал[ексеевич] Маклаков.

Сам смотрит на него в упор и смеется. И в комнате смешок. Все ждут. Маклаков с ужимками:

– Почему я буду говорить? Это совершенно неизвестно. Во-первых, у меня горло болит. Во-вторых, я могу и не выступать, а, в-третьих, я вас ничем не фруассирую**.

– Нет, вы все-таки скажите, – все посмеиваясь, показывая белые, крепкие зубы, настаивал Некрасов. – Вас[илий] Алекс[еевич] никогда нам не сообщает, о чем будет говорить. Поэтому я и не считаю его выступленья фракционными.

Некрасов [в] этот раз произвел на меня впечатление более сытое, успокоенное. Верно, Москва его ласкает и фронтовые генералы также. Кроме того, ему хочется поладить с П[авлом] Ник[олаевичем Милюковым], чтобы сосватать блок с союзами. Он и улыбается, и вертится, и нацеливается.

Правительство и блок играют в cashe-cashe***. Блок прячет декларацию и Штюрмер тоже.

– Пожалуйста, не разболтайте, – просил Мил[юков], – мы даже Крупенскому (460) не показали. Он сейчас премьеру покажет.

Значит, вместо сговора игра вслепую.

10/II.[1916]

Дм[итрий] Ив[анович Шаховской] был вчера. Тоже очень озабочен и раздражен отсутствием во фракции смысла демократического. Он пробовал тащить их, указыв[ал] на необходимость связи с кооперативными кругами и рабочими.

---

* Конвенансы – (от *франц.* convenance) благопристойность, приличия.

** Фруассе – термин, обозначающий атакующий фехтовальный прием.

*** Cashe-cashe – игра в прятки *(франц.)*.

– Они просто не слушают. Рассказывают друг другу мельчайшие политические сплетни и упиваются ими. Прямо срамота.

А в то же время ничего не знают. Мы накануне от Пэрса [у]знали, что царь приедет в Думу. А фракция не знала. Да и послы как будто не знали. По крайней мере Woolpale (461) завтракал у англ[ийского] посла. Сазонов спешно вызывает посла к телефону.

– Будьте ровно в 2 ч[ас]. в Думе. Ровно. There is an extraordinairly news*...

Заволновались, конечно. Думали, что немецкий флот вылез, наконец, на фронте прорыв, или еще что-нибудь военное.

И вдруг – царь в Таврическом дворце. Только и всего.

Кн. Е. Тр[убецкой] (462) считает, что это жест, чтобы показать – вот я вам сколько дал. Сам приехал. Что же вам больше? А если будут требовать больше, тогда как же таких нахалов не разогнать.

В понед[ельник] была на курсах. В литерат[урной] семинарии Пиксанова (463) читали реферат о Философовой (464). Реферат плохой и курсисток штук 40, не больше. А следовало бы, чтобы все курсистки знали, кто она и что для них сделала.

Как часто за год войны я с особенной горечью чувствую, что значит быть женщиной. Даже в кругах, внешне признающих «равноправие», какое глубокое к этому равнодушие. Это в лучшем случае. А в худшем прямо отталкиванье.

18/II.[1916]

Вчера был банкет Общ[ества] Английского флага (465). Первый раз англ[ийский] посол сидел за одним столом с русским обществом, а не с официальными людьми. И первый раз свободная русская общественность сидела за одним столом с премьером и с Пуришкевичем.

Штюрмер сидел рядом с послом, серый и незаметный старик, с одутловатым лицом, на кот[ором] не было ничего, кроме сытого удовольствия – я премьер.

Пэрс забавно рассказал:

– Мне сказали, что я должен сесть рядом с Ковалевским. Я сел. Какой-то старый господин слева бормочет: Позвольте представиться, я председатель Совета министров. Батюшки!

А когда говорил <фам. нрзб.> о сущности представительного строя: long life to the Douma**! Штюрмер одобрительно тряс бородой и говорил Пэрсу: «Хорошо, очень хорошо сказал». И, вернее всего, просто не понимал английской речи.

Посол волновался. И его лицо в пол-оборота, и какое-то раскачивание всем телом и срывы в голосе оказались совсем не похожи на

* Есть чрезвычайная новость *(англ.)*.

** Долгой жизни Думе! *(англ.)*.

мое представление о замороженном после. И Ростовцев (466) говорил, что посол принял банкет очень близко к сердцу и придавал ему значение.

В конце нашего стола сидел Blair (467) в форме при оружии. Лицо резкое, костлявое, умное, из тех английских лиц, которые можно безошибочно узнать. С громадным усилием говорил он по-русски. Уши покраснели. На лбу выступили два большие алых пятна. Когда он вел колонну в Галиции в атаку, он так не волновался и, глядя на нас, наверное, думал: лучше вы были бы пулеметы, чем русские слушатели.

А напротив меня Крупенский, глупый, всегда готовый вскочить и ринуться. Рядом с ним Стахович (468). Справа Пуришкевич, приличный, явно сдержанный. Только Милюкова он все-таки не выдержал, убежал.

22/II.[1916]

Нет времени записывать. С 18–21 длился у нас съезд (469). Общее впечатление не радостное. Новых сил нет. Пришла серость и яростно набрасывалась на старый Ц. К., вернее на Милюкова, а в заключение один из самых претенциозных и ограниченных говорунов «оппозиции», киевлянин Коссинский (470) высказал благодарность Милюкову, и была овация, и были поцелуи, было глупо. Главное, старался Некрасов. Он подстраивал, бегал, собирал голоса и вообще интриговал, точно он не в среде своей партии, где надо открыто и прямо бороться за мысли, а в захолустном избират[ельном] собрании. Он жаден к почету и неразборчив в средствах. Играет именем Колюбакина и патетически говорит – вот с этим погибшим героем мы всегда шли вместе. А справедливый Герасимов (471) говорит – это вздор! – Два раза Некрасова поймали во лжи. Он уверял, что предупреждал о воен[ных] беспорядках. Корнилов по протоколу доказал, что еще в мае секр[етарь] говорил, что все на войне великолепно. Это первое. Вторая ложь по поводу наших неудач в городской думе. Он объяснил все это неумением нашим сговориться с левыми. «Я заявлял в Ц. К., что к[а]д[еты] должны были составить отдельную группу среди обновленцев. Меня не послушали». Шингарев спокойно: «Никогда вы этого в Ц. К. не заявляли. Никогда это не рассматривалось. Это неправда». Некрасов не обиделся, только сказал: «Ну не в Ц. К., так Петрункевичу». Характерно, что когда я это рассказала Мандельштаму (472), его товарищу по «оппозиции», то он равнодушно сказал: «Солгал. Ну так что ж? Все муть».

Но в результате план Некр[асова] провалить Милюкова и сделать фактическим председ[ателем] Ц. К. Винавера провалился.

Политич[еских] больших глупостей не было. Признали блок, но боятся совещаний. Вообще, много боятся. Молодой, простодушный к[а]д[ет] из Лубен (473) откровеннее всего это высказал.

«Я не хочу наказывать Болгарию. Я не хочу завоевы[ва]ть провинций. Я всякое правительство ненавижу».

Киевляне говорили то же, но с экивоками. И об усталости и о трудностях войны и вообще это не пораженчество, но это близкие к нему шорохи. К счастью, отпор им дал не только Милюков, но и провинц[иальные] делегаты, только северные.

«Если есть усталые, мы заменим их свежими», – сказал Машков (474) из Костромы. Обнинский (475) сказал слова, от кот[орых] у меня в мозгу остался жуткий след: «Не забывайте, что может настать день, когда население придет в Таврич[еский] дворец искать у вас защиту от неприятеля».

Прошла резолюция о контакте с левыми партиями. Когда я спросила Мандельштама, что это значит, он мог дать единственное объяснение: «Я буду с ними в контакте, и меня не повесят. Вы не будете, и они вас вздернут на фонаре».

Но для беллетристических наблюдений съезд был необычайно богатый.

Вечером 16-го был у меня Шах[овской]. В первый раз говорил о партии с сомнением. Я говорила, что мы забыли о социальных вопросах, что, наткнувшись на слепоту и равнодушие, я подумала, что мы действительно партия буржуазная. (После этого я уже выступила на съезде с заявл[ением] о рабочем вопросе и послезавтра начнется наша работа в комиссии фракции.)

– Да, мы стоим на распутье. У нас есть опасный страх перед массами. Надо идти к народу, надо рассчитывать на его здравый смысл. Я имею право после моего опыта с кооперацией утверждать, что рассчитывать на него можно. Но, м[ожет] б[ыть], как партия мы уже на это неспособны. М[ожет] б[ыть], настало время создавать другую, действит[ельно] демокр[атическую] партию.

Для Дм[итрия] Ив[ановича] с его неустанным служеньем и творческим созиданием партии эти слова звучали почти трагически. Хотя говорил он со своей всегдашней аристократической простотой. И вдруг загорелся, заговорив о кооперации, и внезапно из-за земца-конституционалиста встал анархист-мечтатель. – Кооперация есть путь к свободной самодеятельности. Без принуждения, повинуясь свободному желанию, люди собираются для совместной защиты своих интересов. Тут нет ни тирании государства, ни насильственного правительства. Тут самоограничение личности добровольное.

Я не могу повторить пламенность его слов. Не раз видел он улыбки и снисходит[ельное] равнодушие, когда проповедовал кооперацию. И вот теперь вспыхнул в нем протест визионера*, который подлинным простецам всегда кажется в лучшем случае чудаком.

---

* Визионер (*франц.* visionnaire или *англ.* visionary от *лат.* visio – видение) – в данном случае: мечтатель, фантазер.

27/III [1]916

Вчера на похоронах М. Ковалевского большое волнение среди радикалов. «Вы как считаете, имел ли он право позвать священника?» – спросила меня Жижиленко. И все шушукались, и все беспокоились, что умирающий, не спросясь их, постучался в двери, которые, может быть, ведут к Богу. «Верните меня к моей матери», – эти его слова священник толковал как Церковь-мать. И так все зашипели, что Милюков в своей речи нашел нужным их успокоить. «Для нас всех было в покойном не это важно, а то, что он верил в прогресс и равенство».

Бедные позитивисты.

Я видела Милюкова на панихиде. Смотрела на его сосредоточенное лицо и думала – вот верно смотрит и торопится, надо успеть сделать все, что можешь, пока жив. Ковалевский делал много, но все распыленное, разбросанное. У Милюкова все мысли, жесты, работа, воля, все стянуто в одно острие, – бороться за конституцию.

А все-таки это удивительно, это желание умирающего позитивиста увидать священника. Или это убедила жена, немудрящая католичка? Почему никто не возмущался, что Ковалевский, архипрофессор, женат на кухарке? А если бы я вышла за дворника, все кричали бы караул.

Весь март прошел у меня под знаком феминизма. Лекция в Москве. Бедно, но полезно. Лекция здесь на курсах. Тоже бедно. Еще не подошли мы к ним. Потом две лекции на воскресных собраниях работниц. Тут уже накоплено очень много потенциальной энергии. Интересно, важно, радостно, но мало нас, желающих к ним подойти. 20/III лекция в ж[енском] клубе. Скучно. Тяжелый материал. Среди недели моя речь на митинге о кредите. Удивительно отзывчивая аудитория и было легко понятно и близко им.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 18. Л. 35об.–55. Автограф.

1916 г., 4 ноября

Речь Милюкова, сказанная 1/XI в Думе (476), была не просто парламентской речью, а парламентским действием. Обвинение, предъявленное Штюрмеру, сводилось к вопросу – глупость или измена? И так резко было поставлено – вы изменники, что казалось или надо его сейчас же арестовать, или... А что или? Мнения разбивались. Только ясно было, что мы на гребне.

В тот же вечер, провожая Шаховского в Москву, я встретила Новгородцева (477). Мы все не находили настоящей оценки. А дальше что? Неужели на улицу идти?

– Но я не теряю бодрости, – сказал Новгородцев, – велик Бог земли русской.

Это и мы оба твердо знали. Но и великому Богу нужны верные служители на земле. А как служить?

Во фракции 2/XI устроили Милюкову бурную овацию. Он был спокоен и доволен. Понимал, что сразу стал героем. И тут же льнул к нему Некрасов. Давно ли он пытался свалить Мил[юкова], даже подсунуть вместо него в председ[атели] ЦК Винавера. А теперь был полон какой-то растерянной ласки. М[ожет] б[ыть], действительно гордился лидером. Ведь и в Думе кадеты ходили именинниками. Но никто не знал, что же дальше? Штюрмер хотел привлечь Мил[юкова] по 103 ст. Потом как будто раздумал. Роспуск? Нет, говорят, Совет министров счел неприличным распускать на слове измена. Штюрмер хотел ехать к царю с докладом. Ему сказали: «Вы заинтересованное лицо. Лучше пошлем гр. Игнатьева (478)». Это все толки. А то, что Штюрмер накануне Думы прислал тов[арища] мин[инстра] иностр[анных] дел Нератова (479) к послам с просьбой, чтобы они после речи Родзянко спешили в Госуд[арственный] Совет, это уже факт. Послы потолковали между собой, удивились тому приказу и ждали, что будет. Во время самого заседания, после речи Родзянко, m-me Штюрмер (480) пришла в дипломатическую ложу и напомнила им об этой просьбе. Не желая входить в конфликт, дипломатический корпус уехал в Совет. Пробыли там ровно столько же времени, сколько и в Думе, и уехали, не услыхав ни декларации, ни речей ни тут, ни там. Только на следующий день к вечеру посол уже от Вильямса узнал точное содержание речи М[илюкова] и только сегодня от нас же послал ее текст. Вообще положение осложняется тем, что иностранные державы, в особенности Англия, втягиваются в нашу внутреннюю борьбу. Недаром сегодня утром Штюрмер неожиданно явился к послу.

Бьюкенен рассказывал об этом чинам посольства, когда после фехтования шел в своем фланелевом костюме наверх одеваться к обеду. Те слушали и, вероятно, думали, что история любит шутить – поставила этого слабого, не особенно умного человека в такую минуту на такой пост, где от его проницательности и энергии зависит, м[ожет] б[ыть], судьба двух великих народов. Старик был доволен, что Штюрмер забежал. Два дня тому назад рус[ский] премьер не встал, когда вся Дума, стоя, приветствовала представителя Англии. А теперь прибежал уверять в неизменности своей дружбы и спрашивать, не думает ли посол протестовать против того, что Мил[юков] привел его слова в своей речи. Бьюкенен ответил, что цитата была взята из публичной речи.

10 ноября [1916]

Третьего дня извозчик вез меня. Плелся. Я попросила его ехать скорее. Он, повернув, укоризненно покачал головой: «Эх, барыня, я вас пожалел, *согласился* вас везти, а вы еще и торопите».

На завтра назначено: в 10 ч[ас]. Велихов (481), идем вместе к город[скому] голове насчет столовых. Позже в главный штаб за

материалами для брошюры об увечных. Днем америк[анец] Эммери (482) приедет пить чай. Вечером бюро обществ[енных] столовых.

21 ноября [1916]

Из-за румын ходячее слово – c'est pas une nation, c'est une profession* (намек на рум[ынский] оркестр). Даже Пуришкевич, докладывая Думе о своих впечатлениях в Румынии, отзывался очень пренебрежительно о румынской армии. Милюков укорил его за это и сказал, что надо бороться с тем высокомерным тоном, который усвоили русские офицеры по отношению к румынам. Пуришкевич с этим согласился.

В заседании нашего ЦК 16 ноября, т. е. за три дня до Думы, никто не знал, что будет. Самые противоречивые слухи – Трепов подал в отставку. Никто не подал. Это Протопопова (483) выгнали. Нет, не выгнали. Когда Junge (484) узнала, что Штюрмер уволен, она упала в обморок. Пришла в себя и потребовала поезда. Трепов заявил, что пути заняты военными поездами. Кажется, рассчитывал проскочить раньше ее. Но не успел. Поехали она и Протопопов вслед за ней. Трепов позже всех. Вся эта скачка только доказывает, что они держатся одним – кто раньше забежит.

В ЦК поразил меня Шингарев. Он сказал, что политическое положение не соответствует решимости в стране, что Дума не может остаться на такой высоте, на кот[орую] она поднялась, и что лучший выход это роспуск Думы. Словом сказал то, что твердят левые.

Бог знает, отчего это на него напало. Устал или трудно ему выдерживать слишком сложное политическое положение. Он человек ума среднего, больше всего приспособленного к задачам практическим, отдельным. Честный работник, он переварил бюджетные статьи, но за все время своей напряженной и неустанной возни с бюджетом он не дал ни одной не только новой мысли, указывающей на даровитость государственную, но даже нового обобщения. Он пропа[ган]дист, пленяющий простотой и общедоступностью своих речей и статей, человек для толпы, п[отому] ч[то] сам толпа. Но в то же время популярность его основана на вере в его бескорыстную преданность интересам народа. И в этом инстинкт массы не ошибся.

А все-таки я не могу забыть, как перед открытием «Русской молвы» (485) Шингарев сказал мне: «Новых идей нет и быть не может». Это в доказательство ненужности газеты.

12.XII.[1916]

Неделя слухов. Сначала все ждали к 6 дек[абря] торжественного приема Думы и [Государственного] Совета. Какого-то акта, чуть не министерства доверия (!!). А получили рескрипт Питириму, прямой

---

* Это не нация, это – профессия *(франц.)*.

вызов тем, кто и в Думе, и в Совете, и на Дворянском съезде говорил о злом влиянии темных сил. Потом высылка кн. Васильчиковой (486). Текста письма никто не видел. Она написала и сама опустила в почтовый ящик. По-видимому, ей в голову не приходило, что этот поступок может иметь и не личный характер. Когда ее выслали, светские дамы стали собирать подписи под заявлением, что и они присоединяются к этому письму. Говорят, собрали около 200 подписей и потеряли лицо. Ну и Бог с ними, хотя протест из такой среды может быть *лично* чувствительнее.

Упорно говорили, что Брусилов (487) умолял Государя наступать, видя в этом военную необходимость, и еще упорнее уверяли, что он получил не только резкий отказ, но и револьвер – можете, дескать, стреляться. Конечно, оказалось вздор (последнее), но как слух характерно.

Еще до заявления Вильсона (488) в еврейских кругах, газетных и деловых, уверяли, что Бетман-Гольвег (489) выступал потому, что у него уже есть тайное мирное соглашение со Штюрмером. Не все этому верят. Но факт тот, что мы нигде не пробовали наступать, когда немцы гнали румын.

Даже англич[анин], верно предсказавший выступление Бетман-Гольвега, уверяет, что через три месяца будет мир. Т. к. у немцев очень туго с продовольствием, то этому можно поверить. Но ведь и у нас с едой плохо. Недаром ходит анекдот: Что стоит госуд[арственный] заем? 95 р. – А фунт масла? 3 р. 50 к. – А когда будет мир? Когда заем будет стоить 3 р. 50 к., а масло 95 р.

Шингарев не придает значения америк[анскому] выступлению и считает, что лето еще повоюем.

Это все разговоры. А факт – это Григорий Распутин. Запрещение не только съездов, но и заседаний союзов и распоряжение петроградского градоначальника, чтобы никто не разговаривал не только о ложных, но и о «неложных слухах о правит[ельственных] распоряжениях, обществ[енном] бедствии или иных событиях». Иначе штраф 3000.

Милюков рассказывал, что о нем существуют легенды: хотели его арестовать, но англ[ийский] посол вызвал его к себе, держит в посольстве и арестовать не позволяет.

19/XII.[1916]

Легенды становятся плотью. Уже два дня живем среди сведений и слухов.

В субботу была в магазине. Хозяин, чудаковатый купец, говорил по телефону: «Что? Распутина убили? Врешь!» Поехала домой. На повороте улицы услыхала, как газетчик кричал городовому: «Иди сюда. В Биржевке (490) сказано – Распутина убили». Конечно, выскочила, купила, прочла, громко высказала свою радость и поехала домой! И радовалась, что одним гадом меньше, и не было ни капли человече-

ской жалости. Распутин и те, кто его слушались, убили столько молодых жизней, что одной смертью с ним не расквитаешься.

Дома телефоны. Кто? Что? Имя Юсупова (491) сразу назвали мне. Пришел В[ильямс], позвонил в посольство. Там еще не знали. Сейчас же дали шифрованную телеграмму. Потом оказалось, что в тот день и на следующий никаких телеграмм за границу не пропускали. Даже в пропуске диплом[атических] телеграмм не были уверены.

И всюду одно – наконец. И все видят, что это начало их конца. Потом узнали, что убийство задумано в великокняж[еских] кругах. Как будто был семейный совет. Очевидно, спасают династию, хотят вышвырнуть из дому позорящего их временщика. Уверяли, что Дм[итрий] Пав[лович] (492) рассказывал об этом открыто, гордится.

Ну, а дальше? Кто следующий?

Вчера видела Идельсона (493). Умный человек, но прежде всего сказал: «Вел[икие] кн[язья] стреляют в Распутина, а потом будут и в нас». Другой еврей подтвердил. Отчего в моей русской голове такой мысли нет? Я считаю, что убийство Распутина – удар по Вильгельму (494), значит, мне радость. Недаром в сим[фонической] зале в субботу требовал[и] гимна «по случаю победы». После рескрипта Питириму (495) я предсказала: до конца января произойдут покушения. Это начало.

Англичане, смеясь, уверяют, что уже пущены слухи об участии воен[ной] англ[ийской] миссии в убийстве. Конечно, вздор, но характерно.

1917

28 февраля [1917]

Вчера в 11 ч[ас]. узнала, что войска перешли на сторону народа. Пошли в Думу. На улицах было людно и тихо. Без трамваев, ломовых и извозчиков безмолвен был город. Полицейского ни одного. Когда шли по Таврической, слева, из-за сада раздавалась стрельба то пачками, то отдельно. Сама Дума имела обычный вид. Депутаты лениво бродили, лениво толковали о роспуске: «Что же вы думаете делать?» – «Не знаем». – «Что улица? Кто ей руководит? Если комитет?» – «Не знаем».

Приехал Терещенко (496), рассказал, как при нем вошли в арт[иллерийское] управл[ение]. Заняли его. Сначала думали, что Маниковский (497) убит. Пожалели.

Но все-таки не знали, что делать. Вот совет старейшин решит, кто-то соберется. Сейчас Родзянко толкует с Гучковым, пишет телегр[амму] царю. Вот они там что-то сделают. Было тяжело смотреть. «Ведь вы все-таки, господа, народные представители, у вас положение, авторитет». Жмутся. Пришла Панина (498). Она все время

стояла на углу Серг[иевской] и Лит[ейного], наблюдала солдат. «Они ждут приказа. Ждут членов Думы. Идите к ним. Возьмите их в свои руки. Ведь это растерянное стало». Ее слушали молча. Или говорили: «Пусть они сначала арестуют министров». Но эти разговоры по телефонам дошли до Мил[юкова]. Он пошел на улицу и привел солдат к Думе. Это было около 2 часов. Сразу картина стала меняться. Явился центр, к которому потекли и люди, и сведения. На крыльце левые депутаты говорили речи солдатам и молодежи. Скобелев (499) призывал к сдержанности и порядку взвод преображенцев. Рябой солдат смотрел ему в рот, кричал: «Ура! Точно так!»

Солдаты держали себя сдержанно и неуверенно. Многие признавались – страшно! Двум смертям не бывать и т. д. Офицеров не было. Командовали несколько человек штатских, кот[орые] случайно начали распоряжаться. В этот первый день революции никакой руководящей организации не было. Все началось стихийно, как долго копившийся прорыв. Только в три часа слышала я, как небольшая группа опять-таки штатских людей отдавала приказы об аресте членов правительства.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–11. Автограф.

23 марта [1917]

Сегодня похороны (500). Только по телефону знаю, что все идет в большом порядке. Сама не иду. Нет физических сил, да и В[ильямс] сегодня свалился больной. Нельзя отойти. Но и без этого я не собиралась. Что-то было в этом шумное, не благоговейное, что многих из нас заставляет сдерживаться. А м[ожет] б[ыть], и то, что не в борьбе, не на баррикаде, не как рядовые револ[юционной] армии, а чаще как случайные уличные прохожие, были эти люди убиты. Но сегодня я счастлива, что шепоты и слухи, тревожно шнырявшие по городу, не оправдались. Все, что порядок, радует. Значит, силен жизненный дух. А в этом спасенье.

Ведь за эти четыре недели революции мы часто думали, что погибнем. Или, как говорил Шаховской, – «Мы, в Москве, каждый вечер думали, что все пропало, и каждое утро, просыпаясь, опять видишь – все стоит крепко».

Два дня тому назад телеграфист принес пакет депеш от англ[ийских] общественников. И, как всегда это бывает, разговорились. Худой, бледный, щеки ввалились, а глаза счастливые.

– Я прямо счастлив. Ну, даже не верю себе, что все кончилось, что я теперь свободный человек. Я человек больной. У меня пятеро детей. Жалованья 55 р[уб]. Хлеб едим черный, да и то едва достаем. Ну, я все, решительно все готов претерпеть. Даже 12 ч[ас]. в сутки работать и ничего не кушать, только бы новый порядок удержать. Ведь если они опять вернутся, ведь тогда ложись и умирай. Ведь это уже не стер-

петь. Вы как думаете, удержимся? Я давно к вам хожу, я знаю, что вы этими делами занимаетесь. Ну, как вы думаете?

И мне было хорошо от этих слов, от этих глаз. Это был товарищ, так же страстно, как и я, влюбленный в свободу, в свободную Россию. Такие голоса постоянно слышишь, и от них крепнет вера. Она все эти мятежные дни держится на сером маленьком человеке. Толпа ни разу не была оскорбительна. Крикуны, вожаки, интеллигенты были безвкусны, и глупы, и преступны (приказ № 1 (501)). Митинги в Думе часто злят и тяготят. Вчера днем я на минуту забежала в Екатер[ининский] зал. Солдаты рядом со мной добродушно посмеивались. За ними, в середине, небольшая толпа рабочих и работниц. Оттуда несся исступленный, крикливый, срывавшийся женский голос. Женщина немолодая, некрасивая, с четырехугольным серым лицом вопила: «То-ва-аа-а-рищи... Земля-я-я... Во-о-оля-я-я!» (говорят, это жена Громана (502). Тогда немудрено, что она так <2 нрзб.>). Рукой откидывала прямые стриженые волосы, и, видно, она уже не понимала, что, как и где... Не в словах ее, а в самой исступленности было смешное и глупое, а для меня противное. Как противен был доктор, кот[орый] перед Измайл[овским] полком в этой же зале, за несколько дней перед тем, таким же нелепым воплем выкрикивал те же слова: земля-я! воля-я! А сам свирепо чертил по воздуху магический круг, точно искал врага. Искал, кому проткнуть живот, и не мог найти. Хорошо, что после него душа отдохнула. Вышел молодой полковник с повязкой и красиво, просто, умно и точно пользуясь словами, говорил о свободе и порядке. «Вот видите эту сестрицу? Разве наша матушка Россия не такая же сестра милосердия, которая принесет всему миру ласку “исцеления”. Но чтобы она могла это сделать, мы должны победить немцев». Ура, ура, ура – и *солдаты подняли его* на руки и понесли. Он улыбался, приветливый и уверенный. А говорят, что те же солдаты чуть не убили его. В первые дни они ворвались в его квартиру. Он, раненый, приехал с фронта. Запасной полк его не знал. Когда они вошли, он заявил: «Вы ищите у меня пулеметов? Ищите. Если найдете, вы расстреляете меня. Если нет, я застрелю вон этого штатского, который пришел с вами». Штатский сразу исчез, а полковник стал любимцем полка и выборным командиром.

Эти полковые выборы, сколько они зла наделали! Я помню, как 1 марта ко мне в Гос[ударственной] Думе подошли четыре бравых подпрапорщика Преобр[аженского] полка. Все в крестах, через грудь висят золотые и серебряные. Суют бумажки. «Вот мы выбранные. Как было приказано. Куда нам явиться?» Лица сияют тем революционным доверчивым добродушием, кот[орым] мы все горели. Я не могла не ответить улыбкой на улыбку, не зная, что эти их бумажки есть уже следствие проклятого приказа № 1. Послала их по наивности к коменданту. Я еще была под идиллическим впечатлением предыдущего дня, когда я заглянула в комнату полк[овника] Энгельгардта (503) и уви-

дела, что там идет перепись «присоединившихся» офицеров. Мне казалось, что дело налаживается. А на самом деле кончались два первых безоблачных дня русской революции.

Я увидела приказ и спросила Шингарева – что это? Он пожал плечами – безумие, но что мы можем сделать? Мы говорили с ним в небольшой закуренной и грязной угловой комнате. Громан, невыспавшийся, с красными глазами, с опухшим, точно пухом присыпанным лицом, почесываясь, не понимая, не слыша, бормотал что-то. Это было 1 марта. Правительства еще не было, но уже был продов[ольственный] комитет Государственной Думы и Совета раб[очих] деп[утатов]. Он образовался 27 февраля ночью, в первое заседание Совета р[абочих] депутатов. Почему-то и меня выбрали. Я была на первых заседаниях и видела, как левые быстро и ловко заполняют все места своими, а милый, деликатный до слабости Шингарев только пожимался. «Вижу, что происходит засилие. Ну, что же поделать». Сразу сказался дефект партии. Генералы у нас есть, а армии нет. У левых армия огромная, но нет ума в центре. Или не хватает. Но в те первые дни мы не отделяли себя от левых. Когда я услыхала речь Скобелева к солдатам – свобода и порядок неразрывны, – я подумала, что значит мы вожди. И слово «товарищи», вообще для меня чуждое, жужжавшее кругом, казалось естественным. Соборность, слитность, низложенный космос – вот что расширяло душу. Нашла свою запись от 1 марта:

«До Твр[ического] дворца дошли без выстрелов (в тот день еще полицейские пулеметы караулили прохожих). На Тавр[ической] улице около дворца кучка солдат и прохожих, кружился автомобиль, на кот[ором] были солдаты. Полковник Якубович (504) говорил им речь: “Идите в казармы. Чем скорее вы вернетесь, тем больше будет порядка. Свободу мы взяли, теперь должны сделать порядок. А для этого нам нужны автомобили. Нельзя зря их гонять”. Солдаты весело блестели глазами и кричали: “Так точно-с! Правильно!” Но те, что были в автомобиле, сидели крепко.

У ворот, со Шпалерной, по которой колыхалась толпа, нас задержали входящие и выходящие части. Шли стройно рядами писари из штаба, одуревшие, не особенно уверенные, оглядываясь на пеструю толпу, наполнявшую сад. Нельзя было попасть в главный подъезд. Испуганный околоточный в штатском говорил: я что, я добровольно сдался. Другой шел мрачный, с разбитым окровавленным лицом. По коридору двигались солдаты, рабочие, офицеры, опять арестованные. У стены, между двух солдат со штыками, стоял маленький Теляковский, директор театров. Я засмеялась: “Зачем вы его арестовали?” Отвечать было некому. Тел[яковский] бормотал: “Ну, зачем? Я никогда не был ретроградом”. И м[ожет] б[ыть], в эту минуту думал – какой я ретроград, когда я Мейерхольда (505) пускаю? Среди Екат[ерининской] залы уже мелькали офицеры. Накануне их не было видно. Одни солдаты, или почти одни, сделали переворот. И это

худо. Молоденький преображенец-оф[ицер] кричал: преображенцы, сюда! – и к нему шли. Как будто больше порядку. Министерство формируется. Львов во главе. Керенский [–] юстиция. Телеграфом заведует Черносвитов (506). Идет заседание прод[овольственной] комиссии под председ[ательством] Громана. Вначале острый спор с левыми из-за того, что Родзянко подписал приказ о назначении Востротина (507). Они считали, что здесь сказывается рознь между Сов[етом] Р[абочих] Деп[утатов] и Комит[етом] Г[осударственной] Думы. Нужно, чтобы все решалось вместе. "Мы отнюдь не хотим розни, мы знаем, что это может дать". Шингарев их уговорил. Затем появился главный интендант Богатько (508) и с ним еще генерал. Они выразили полную готовность работать с новым прав[ительством]. В это время еще только был слух, что государь где-то около Бологого и что ему послано условие отречения. Интендантов выслушали милостиво, подали им дядьку в лице молодого с[оциал]-д[емократа] Б. А. Шелова (509). Они с чисто военной выдержкой стали с ним сговариваться. Но все-таки косились одним глазом на Шингарева, радуясь, что хоть одно лицо есть лицо знакомое. Рядом в коридоре среди шума и гвалта от шнырявших солдат, журналистов, депутатов, агитаторов, непонятных девиц, студентов, офицеров стоял, улыбаясь, англ[ийский] военный агент Нокс (510) и искал начальство, которое даст ему для посольства провизию. Таким начальством оказалась я. Достала требование, к кот[орому] какой-то лохматый товарищ приложил свою подпись, а один из интендантских генералов свою. Не знаю только, получил ли Нокс что-нибудь по этой странной бумажке».

В четверг 2-го уже пошли дурные толки о том, что делается в полках. Я встретила Скобелева. Мы радостно (еще радостно) пожали друг другу руки. Я благодарила его за первые его речи. «Да, в понедельник? Это еще, когда у нас с Вами болталась веревка вокруг шеи». – «А вы не боитесь приказа № 1?» – «Нет. Ведь на это даже Милюков согласился». И убежал. Откуда он это взял?

Из 3/III у меня записано:

Пятый день русской революции. Порядка в городе больше. Стрельбы уже вчера не было. Не было и нелепой гоньбы на автомобилях. У нас несколько раз спросили пропуск. По всему городу идут уличные митинги. Что говорят, не разберешь, так охрипли ораторы. Солдаты и рабочие носят красные плакаты: «Земля и Воля», «Демократическая республика». Всюду пение. Солнце светит морозное, ясное. Какая-то новая, неиспытанная легкость. Никогда не думала, что можно себя так чувствовать. – С утра переговоры по телефону. Потом была в Гос[ударственной] Думе. Было еще рано. Войск почти не было. Как будто налаживается какой-то порядок. Солдаты исправно несут караулы. Мне надо было вывезти свой отдел пит[ательных] пунктов в городскую думу. Унылый секретарь никак не мог понять, мож-

но ли и кто позволил? Пришел с[оциал]-д[емократ] Франкорусский (511), загнанный, замученный с полоумными глазами. Он сразу понял и на все был согласен, только бы свалить с себя часть груза. У нас с ним как будто общее желание устроить жизнь как можно скорее. А секретарь все бормотал, Франкорусский схватил его за руку: «Товарищ, вы большевик?» – тот испуганно: «Нет», – «Ну так сразу бы и сказали!»

М[ожет] б[ыть], их большевики гнетут еще больше. Потом пришлось истратить несколько часов на физические препятствия. Не было бензина. Поехали в городскую думу. Там шла обычная работа. После кипения Гос[ударственной] Думы было странно, что есть сторожа, подают чай и не все «товарищи». Удалось устроить комнату для отд[ела] пит[ательных] пунктов. Это уже первый шаг к порядку. Пришлось тащиться на Обводный канал. Там спокойно работал городской гараж. Оттуда к Соне. Испуганная прислуга все ждет, что ворвутся. Это уже оборотная сторона революции. Так же, как и разбитые лавки. В Техн[ологическом] институте все кипит. Солдаты, милиция, столовая, партийные совещания. Точно штаб корпуса во время боев. В 4 ч[ас]. попала в Таврич[еский] Дворец. Кругом опять войска и войска. Еле пробрались. В коридоре Маклаков спорил о форме правления: «У нас все-таки есть основные законы. Улица не может их менять». Мы немного изумленно оглядывались – разве еще есть законы, да еще основные? Дальше у окна полковник с горечью говорил: «Разве можно иметь выборных полковых командиров? Разве это будет армия?» Дальше Лопатин (512) рассказывал: «Стоит солдат-преображенец и жалуется – что же вы с нами сделали? Вы просили нас свергнуть старую власть. Мы это сделали. Так дайте же нам новую власть и порядок. Разве без дисциплины м[ожет] б[ыть] войско». Сам Лопатин считает даже некот[орые] требования меньшевиков чрезмерными. Он думает, что до Учред[ительного] собрания нужна была монархия. 4 ч[ас]. в Екат[ерининской] зале шел посредине митинг. Направо и налево от него тянулись ряды рабочих. Они шли в зал заседаний. Верно, рады были посидеть на депутатских креслах. А вокруг шел третий ряд. Несколько сот приставов, унылые, бледные, несмотря ни на что жалкие, стояли, окруженные юнкерами с саблями. Нокс поймал-таки Соколова (513), который уверил его, что солдаты все за продолжение войны. – «Что же мы даром кровь проливали?» Сегодня вообще легче, чем вчера. Но опасно еще. Недаром Гучков хочет отказаться.

Апрель, 3 [1917]

Постараться записать, как мы боролись с приказом № 1.

Вчера я видела обе головы нового русского двуглавого орла. Днем в Госуд[арственной] Думе попала на прием Плеханова (514) и союзных социалистов. Вечером у Милюкова.

Специалисты, 3 француза и 3 англ[ичанина] (515), приехали еще в пятницу вечером. Их едва встретили. Всю субботу они ждали ответа от Чхеидзе. Были у Милюкова. Просили у него рекомендации в С[овет] Р[абочих] Д[епутатов]. Он засмеялся и объяснил, что им это не выгодно. Наконец, в воскресенье их пригласили. Была длинная беседа в Исп[олнительном] Комитете. По-видимому, англичане объяснили, что англ[ийский] пролетариат желает по-настоящему разбить немцев. Подробностей еще не знаю.

Приехал Плеханов, окруженный товарищами из «Единства» (516). Мы с Шаховским прошли на хоры. В зале заседаний душно, грязно, пахнет казармой и махоркой. Оратор в погонах – не то чиновник, не то офицер – длинно рассказывает какие-то запоздалые постановления. Его прерывает председатель. Затем речи англич[ан] и франц[узов]. Аплодисменты хорошие, дружные. И настоящая овация Плеханову.

Он – оратор, мастер франц[узской] школы. Умеет держать толпу, заставить ее выслушать себя. Этот приберет их к рукам, и как кадетка я даже подумала, что этот отберет от нас немало голосов на выборах.

Вечером Милюков в первый раз позвал нас, кадетов, в свои министерские апартаменты. Шелк, золото, лакеи. Точно мы по ошибке попали в ненадлежащее место. Мне было смешно, так плохо вяжется демократизм Милюковых с этой внешностью министерской жизни. И мы невольно спрашивали друг друга – надолго ли это? Не придет ли на смену Павлу Ник[олаевичу] товарищ Мирон?

Были речи. Много бодрости. Некрасов смотрит именинником, все уверяет, что нет ни давления, ни двоевластия. Мы с Шаховским заговорили о партии, о том, что в ней есть генералы и нет солдат.

Работы впереди так много, что голова кружится.

ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–13. Автограф.

26/VI.[1917]

В Городской Думе, мельком, заседание группы, потом в Продов[ольственной] Управе заседание по обществ[енным] столовым.

С утра была <1 нрзб.> Kanney (517). Просила выработать план политической пропаганды для Пэнкхерст (518). Я не особенно вижу, что можно сделать. Это наше дело, а не дело иностранок. Потом Локхард (519) с женой. Он говорит, что сейчас правительство состоит из 4 – кн. Львов, Керенский, Терещенко, Церетели (520).

Я против муниципализации торговли продовольствием. Во всем, оказывается, виновата оппозиционная печать. Совсем как при Столыпине. У нее были неверные сведения. А почему же вы не позаботились дать ей верные. Не идите старыми путями. Гор[одской] голова думает – недовольство из-за распределен[ия]. Успокоит[ельное]

обращен[ие]. А я предлагаю сказать населению – положение тяжелое. Рассчитывайте каждый кусок <...>

Нет людей. Не только представит[елей], но и техников. <...>

Упразднить торговлю было бы безумием

Июнь. 27. [1917]

Всю эту неделю легче дышится. Наступление и победа. Разум берет верх в Советах Р[абочих] и С[олдатских] Депутатов.

Шаховской рассказывал: «Я спросил Терещенко – ну что, ваши коллеги, иностранные послы, очень жалеют вас, что вам пришлось издать такую глупую ноту?» (В этой ноте вроде выговора союзникам за то, что сместили греческого короля.) Терещенко смеется. Говорит, что они понимают, что иначе нельзя. Шаховской считает, что Терещенко приходится балансировать между Лениным и Советом.

Сам Шаховской очень озабочен положением министров к[а]д[етов]. Он считает, что пора нам выработать требования и поставить их. М[ожет] б[ыть], лучше всего сделать это в связи с Украиной.

Третьего дня обедали у Хендресона (521). Он ограниченный, самодовольный. Тупо острит. Сам первый хохочет. С удовольствием повторяет – мы, лидеры рабочей партии. Его секретарь Young (522) умный консерватор, смотрит и внутренне посмеивается. Был там же англ[ийский] консул Локхарт. Очень напал на меня, когда я сказала, что м[ожет] б[ыть] пора к[а]д[етам] уходить из кабинета. «Это уронит кредит правительства». Но признает, что сейчас управляют Россией четверо – кн. Львов, Терещенко, Церетели и Керенский.

Вечером были у Струве. Он довольно пессимистично настроен. Считает неизбежным пройти через полосу эконом[ической] анархии. Познакомилась там с Шульгиным (523). Даровитый человек. Влюблен в Керенского, но все еще цепляется за надежду о воскресении монархии – «не Николаевской». Рассказывал, что его на улице остановил неизвестный еврей и с восторженным лицом спросил: «Хотите 10 мил[лионов]? Хотите 20? Хотите 10 000 человек?» это чтобы спасти Россию. Шульгин сказал ему: «Ничего не хочу. Лучше ищите германских шпионов. Это самое главное».

О них многие говорят. Чуют, что они тут, кругом. Но как найти?

Вчера днем была у меня секретарша Пэнкхерст. Все хотят вести полит[ическую] пропаганду. Зачем? Это мы сами должны делать!

Еще была кн. Мещерская (524) с леди Эджертон (525). Та самая кн[ягиня], у кот[орой] я во дни революции отобрала автомобиль. Совсем светская. Умная. Тогда спрашивала – неужели царя убьют? Он хороший. Теперь с недоумением признается, что пока мы живем – без власти, без закона и без насилий друг над другом.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 2–3об. Автограф.

29/VI. [1917]. Ц. К.

Разговор о Финляндии и Украине. Шингарев считает, что американцы окажут давление на финляндцев, не дадут им хлеба.

Милюков рассказывает о Двинске, на 27/VI было назначено наступление, но в армии было смятение. Казаки, артил[леристы] и <1 нрзб.> окружили пехоту. (Стыдно слушать, как три казака гонят пятьдесят русских солдат, точно военнопленных.)

Революция превратилась из всенародной в партийную.

В Москве голосовали за [э]с[е]р[ов] благодаря Керенскому.

В Финляндии есть и германская и шведская интрига.

Речи Коллонтай (526) принимаются за выражение настроения рус[ской] демократии.

Позиция вроде англ[ийских] колоний.

Ввести в Финляндию надежные войска.

Но пустить их в ход только тогда, когда будут действия против России.

Сейм не разойдется, если Вр[еменное] Правит[ельство] и прикажет.

Черненков (527). Зем[ельных] комитетов настоящих нет. Есть ряд самочинных, часто враждебных между собой. России придется номинально пережить [э]с[е]р[овскую] эпоху.

Комиссия для выработки основ зем[ельного] вопроса.

Зем[ельная] реформа должна распространиться и на городские земли.

Распространение и на надельные земли.

Зем[ельная] реформа в ее целом должна охватить всю землю в целом, принимая во внимание местные особенности.

Наемный труд.

Культурные островки.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 55. Л. 2об.–4об. Автограф.

1 июль [1917]

Винавер вчера рассказал, что возможен кризис правительства из-за украинского вопроса (528). Керенский, Церетели и Терещенко потребовали из Киева по телефону немедленного ответа, согласно ли правит[ельство] на то, о чем они договорились с Радой. Министры к[а]д[еты] решили требовать, ч[то]б[ы] вопрос был решен не по телефону, а с приездом сюда и министров и украинцев. Если бы это не прошло, к[а]д[еты] должны уйти из кабинета.

Винавер с горечью передавал о майском кризисе (529). «Я говорил П. Н. [Милюкову]: уйти от власти легко, а возвращаться к ней придется через штыки».

Были 27-го у Кропоткина (530). Очаровательный русский барин, приветливый, ясный, благосклонный.

Он за проливы. «Я стою на Милюковской точке зрения. Я думал, что их можно сделать нейтральными. Но раз Босфор так узок, что стоит поставить две батареи и готово, тогда Константинополь должен быть русским».

29-го в Ц. К. все повесили нос из-за провала в Москве (531). Начинаю думать, что неизбежен и наш провал на выборах в Учр[едительное] Собрание.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 3об.—4. Автограф.

1/VII. [1917]

Ц. К. Об Украине. Сообщение Демидова.

В деревнях универсал слушали без шапок.

У них нет иностр[анного] министерств[а], а есть междунациональный.

Штейнгель (532) считает, что нерешительность правительства много сделала.

Половцев (533) приехал во Вр[еменное] Правит[ельство]. Он не может отправить маршевых рот, п[отому] ч[то] тут украинцы, у них своя рада, они пойдут, когда будет приказ от той рады.

Демидов. Керенский говорит, что проходят одни знамена и списки. А пополнения нет. 6 корпус — Керенский вдохнул снова силы.

Имшенецкий (534). Всегда было стремление добиться украинской автономии явочным порядком.

<...>

Шингарев. О Финляндии.

Чхеидзе, Дан (535), Гоц, Авксентьев (536) приехали во Вр[еменное] Пр[авительство] с тем, чтобы оно поспешило все декретировать раньше, чем сейм это сделает (537). Сенаторы ищут выхода. $^{5}/_{6}$ голосов.

Новосильцев (538). Братанье. Продали лошадь австрийцам. Не позволяли стрелять. Одна батарея обстреливала тяжелую <1 нрзб.>. Пехота запретила. Тот стрелял. На следующ[ий] день немцы раскатали батарею, убит командир. Явно огонь направлен русск[ими].104-я дивизия заключила мир.

Воровство в комитетах. Контрразведка, контрреволю[ция]. Нужно воспитать повинов[ение].

<...>

Опасность демобилизации при анархии армии. Пропаганда не бросать ружья и пулеметы. Убрали хороших генералов.

Есть здоровее струи.

Демидов. Стоит на противоположной точке зрения. Победить, уничтожить врага армия не может. Только препятствовать сепаратному миру.

<...>

Милюков. Вообще назревает конфликт. Не только Украина. Чернов (539) спешно вносит зем[ельную] прогр[амму]...

Поход на Мануйлова. Нам выгодно выяснить, на чем нам выгодно принять бой.

Кокошкин (540). Вопрос о границах Украины неизвестно кем решается. По-видимому, Радой с неопред[еленными] местными организ[ациями].

Генер[альный] секретариат. Признание за Радой участия в избрании секретариата, но этот орган ответствен[ен] только перед Радой.

Это парламентарное представительство – один из главнейших признаков широчайшей автономии. С безграничной компетенцией.

Правит[ельство] не в состоянии будет провести ни одной меры без согласия этого парлам[ентского] правительст[ва]. Вр[еменное] Прав[ительство] не может осуществлять мероприятий иначе, как с согласия Рады. Это [–] предрешение будущего конституц[ионного] строя России. А правит[ельство] превысило бы свои полномочия. Это противоречит тексту присяги, т. к. оно не сможет передать всю полноту власти Учред[ительному] Собр[анию].

Кто внесет з[аконо]пр[оект] в Учр[едительное] Собрание?

Значит, Рада получает право инициативы.

Вопрос военный.

Это неприемлемо. Тут уже грань. Вопросы, касающиеся конституции, может решить только Учр[едительное] Собр[ание]. Это будет сигнал для требований всех национ[альностей]. Это будет сигнал к полному распадению России.

Мы шли с правит[ельством], взгляды кот[орого] мы не разделяли. Но это кабинетный вопрос.

Нас обвинят, что мы раскалываем страну в момент наступления.

Сделать – это значит показать, что мы к ним прикованные, их пособники.

Поддержать единство. Но в этом документе мы отдаем больше, чем мы можем спасти, поддерживая наступление.

Это коренное разрушение целости России.

Нам придется отойти и предоставить социалистам самим вести.

Московские выборы показали, что у нас нет организов[анной] опоры.

Мы деловые помощники, пособники и сотрудники социалистов. У них нет деловых и творческих сил, но надо ли нам их давать.

Мы должны подготовить нашу декларацию об укр[аинском] вопросе. Все права языка. Управление должно осуществлять[ся] через местных людей. Совет с более широк[ими] полномочиями.

Признание Рады, никем не избранной, это нарушение прав и украинского населения. То, что Рада там ищет оф[ициального] признания, есть доказ[ательство], что ее полож[ение] нетвердо.

Новгородцев. Присоед[иняется] к Кокошкину...

Родичев (541). Критику признает. Но мы должны выступить со своей программой. Дать бой, выставляя наш проект. Занять позицию активных мероприятий по отношению к украинству.

Язык и комиссар.

Надо им что-нибудь дать.

Когда Керенский говорит о значении для войны, то я не могу отнестись равнодушно.

Если вы уйдете из правит[ельства], то будет разрушено единство России. Это будет жертва. Но я считаю нашу зем[ельную] программу утопической и ведущей к пагубе России, но я иду на эту жертву. Это фраза. Как Керенский и с[оциал-]д[емократы] проповедовали вещи, в кот[орых] они теперь запираются, так и эти будут запирать[ся].

Уступку можно взять назад. Ультиматум для боя несвоевременен.

Наметить общую линию, но не давать догматического решения.

Уйти – значит признать, что мы бессильны остановить лавину, дать революции погибнуть.

А если мы победим? Как можем мы отойти.

Некрасов. (Уверенность внешняя осталась, но нет прежней весенней развязности, говорит сдержано, но что-то в нем бьется и колет. Сделал выпад против Шингарева: «Кажется, вы то-то и то-то». Шингарев отбил.)

Был в Киеве. От сношений с украинцами воздержался, но моральную ответств[енность] за документ (проект прав[ительственной] резолюц[ии] телеф[онировал] из Киева) несет, т. к. с Церетели сговаривал[ся].

После Польши и Финляндии нельзя говорить, что это первый шаг. Но последующие будут.

Я отказываюсь предрешать права Учр[едительного] Собр[ания].

Мы стоим не на правовой [позиции], а на целесообразности.

Нами уже были приняты предприятия в сфере промышл[енности] и финансов.

Вр[еменное] Правит[ельство] должно сохранять целость госуд[арства] и не бояться маленьких форм[альных] уступок.

Положение очень острое. Укр[аинский] вопрос составит в тылу армии такое осложн[ение], при кот[ором] активность армии невозможна.

Документ надо целиком принять или отвергнуть. Это вопрос соотношен[ия] сил.

Убьем существо ради формы, перен[есем] в Учр[едительное] Собр[ание]. Это шаг истор[ического] процесса. Возведя на престол волю демократии, мы имеем здесь движение, кот[орое] тоже определяется вождями народа.

Не повторять ошибку прав[ительства], кот[орое] считало нас кучкой бунтарей интеллигентов. Пора признать волю граждан. Это поворотный пункт.

Ему кричат: А территория? А «все мероприятия»?

Шингарев считает поведение Некрасова политическим мошенничеством.

(Милюков – у нас есть правит[ельство], в правительстве Шаховской (542) – в этом беда.)

К[а]д[етский] комитет помешал примирит[ельной] миссии, кот[орую] туда должны были отправить, и ухудшил положение.

(Спор о полном[очиях] тех, кто посылал.)

Ни одного слова в этом документе нельзя изменить.

Имшенецкий. Это акт революц[ионный], направленный против Вр[еменного] Правит[ельства]. Да простят они мне, но министры похожи на тех торговцев, кот[орые] сидят, пьют чай и думают, что торгуют.

(Шаховской кивает головой, Шингарев усмехается.)

У прав[ительства] нет власти.

Гронский. Я не могу стать на точку зрения Некрасова, что вот эта безграмотная ерунда м[ожет] б[ыть] подписана. Под украинским движением бьется украинское сердце. Безграмотный документ не может быть положен в основу.

Уходить нельзя. Это нож в армии.

Нежинский. Только 2 уезда за автономию, другие против. Представитель Рады требовал 30/III на культ[урно]-просв[етительные] це[ли]. Против державности. Задержка в батальоне. Интеллигенция играет роль старшины. Голодный москаль налезет.

Средства богатого нашего края будут обогащать нищего москаля.

Надо помнить, что у хохла за словами есть еще иной смысл.

Не будут знать кто они – москали или хохлы.

Все движение пронизано антисемитизмом.

Эконом[ическая] независимость.

Демидов. Не отводить своих сил от творческих сил революц[ионной] России.

Гримм. У членов Пр[авительства], кот[орые] были посланы в Киев, было одно моральное обязат[ельство] – не брать никаких моральных обязат[ельств]. Нельзя подписывать Х-документ.

То, что сказал Некрасов, есть клятвопреступление по отношению к Вр[еменному] Правительству.

Мануйлов. Докум[ент] подписать нельзя. Как ни тяжело наше положение в мин[истерстве], но надо оставаться.

(Годнев (543) против.

Вл[адимира] Львова (544) вчера Шульгин ругал у Маклакова и, кажется, доругал.

Пешехонов (545) против. Кн. Львов вообще не прочь с нами уйти.)

Вернадский. Нельзя уходить из-за украинства. <...>

Комиссия о национальности наряду с земельной.

Набоков. В конце апреля я считал, что надо оставаться, теперь я считаю иначе.

Некрасов считал, что это ни к чему не обязывает.

Burgfrieden* был прерван к старому правит[ельству], м[ожет] б[ыть] и к новому.

Какое у нас единство настроений? Разве только контрреволюционное.

Маклаков. Это документ в духе других правит[ельственных] документ[тов]. Я с угрызением слушал Некрасова. Он гнал нас в тот угол, куда мы сами влезли.

Дипл[оматический] док[умент] мартовск[их] комиссаров.

Мы пожинаем то, что мы сеяли.

Большевиков надо было арестовать.

Колчак (546) – с анархией сверху не могу бороться. Началось наступление.

М[ожет] б[ыть], мы должны проглотить и эту пилюлю, как это ни противно.

Ну, а если мы победим и они уйдут?

(Гронский, за здоровье.)

(В пафосе горечи, в каком я давно не видала Маклакова.)

Но уйти нам надо. Революции больше нет, а есть безобразие и мы с этим боремся.

Мы должны поставить, до чего мы идем. Кн. Львов уйдет, если мы уйдем.

Шингарев. Революция продолжается. Полит[ическая] закончена, а есть экон[омическая] и национ[альная]. Нет людей, повинующихся власти.

Слабость правительства есть показатель продолжающейся революции.

У правит[ельства] нет точки опоры в гражданских. В этом <1 нрзб.> опасность большая, чем наступление на фронте.

Этого документа подписать нельзя.

Суть в зем[ельном] вопросе.

Александров.

Астров. Письмо запорожцев. Ч[то]б[ы] страна поддерживала Правит[ельство], нужно ч[то]б[ы] оно сказало, на чем оно стоит. Наша миним[альная] программа. Ничего общего с аграрным обманом.

Решит[ельная] борьба с противогосуд[арственным] течением.

Национ[альный] вопрос.

Черненков. Выйти из Прав[ительства], ч[то]б[ы] быть ближе к Революции.

---

* Гражданский мир, отказ от классовой борьбы *(нем.)*.

Приехали киевляне и черниговцы с резолюциями.

Вечером.

В пределах этнограф[ического] большинства.

3/VII. [1917]. Ц. К.

Очень тревожно и невесело. Находят, что похоже на Выборг. И так же вредно. Другие напротив считают, что правильно. Хрущов (547) находит, что мы уходим в бездействие и не привлечем к себе колеблющуюся демократию.

Астров предлагает принять предложение кн. Львова, чтобы к[а]д[еты] выработали общую политич[ескую] платформу, кот[орая] должна быть обсуждена и им и остальными членами и если оно для <обрыв текста>

Шингарев. Церетели ему вчера сказал, что мы не можем уйти, пока нет постановления Вр[еменного] Правит[ельства]. Но ведь мы не рабы. Керенский сказал – «как можно уходить во время наступления». Шинг[арев] – «об этом надо было раньше думать». Керенский – «Я говорю не вам, а Временному правительству».

Ну, а мы уже не Вр[еменное] Прав[ительство].

Призыв к нац[иональному] единству.

Воен[ных] и иност[ранных] дел комиссия.

Был ли там Некрасов или не был?

Виноградов (548) думает, что был. Шингарев – если и был, то потихоньку. Там Львов, Терещенко, Керенский, Церетели.

Оболенский (549) находит, что критика так сильна, что нет права призывать к поддержке.

Новгородцев. С полным правом безграмотством* Некрасов призывал.

Родичев: Нужно центр тяжести в компетенции Уч[редительного] Собрания.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 55. Л. 7об.–30. Автограф.

Июль 5-е. [1917]

Третий день смуты. Все то, что левые вызывали, поднялось. Хулиганы большевики, немцы, все хозяйничают. Сегодня есть приказ от правит[ельства] сидеть по домам, ч[то]б[ы] дать им возможность «очистить Петроград».

Слава Богу. Пусть очищают. Мы законопослушно сидим и только по телефону узнаем друг от друга – нет ли событий. Льет дождь. Он всегда против толпы. Даже нельзя сказать, что против революции. Кто теперь понимает, где революция?

---

* Так в тексте.

Мы, кадеты, с воскресенья не знали покоя. Весь день шли засед[ания] Ц. К. об украинском вопросе. Решить было нелегко. Споры шли. Обычные партийные кадетские споры. Даже с Некрасовым мы обошлись сверхкультурно. Он пришел, предъявил нам ультиматум.

«Я был в Киеве по просьбе Церетели. Никто меня на это не уполномочивал, я это сделал неофициально. Но в выработке соглашения я принимал участие и теперь считаю себя морально связанным». Помоему этот акт не больше умаляет права Учр[едительного] С[обрания], чем акт о Польше или Финляндии. Мы вообще должны стоять не на правовой, а на точке зрения целесообразности. И чего тут бояться. Возведя на престол волю демократии, мы имеем перед собой движение, кот[орое] тоже определяется вождями народа. Во всяком случае, в этом документе нельзя изменить ни одного слова. Его надо или целиком принять или отвергнуть.

Некрасов сказал все это и исчез. Никто не успел ему возразить. А мы до того вежливы, что дали ему сбежать. Только с усмешкой переглянулись. И у всех поднялось брезгливое чувство к перебежчику и предателю, кот[орый] так ловко карабкается на спине партии и потом постарается выставить к[а]д[етов] из кабинета.

– Он просто политический мошенник, – сказал мне на том же заседании Шингарев. – И вообще, я думаю, что мы, к[а]д[еты], не годимся для политики. Мы слишком честные люди.

Усталый он был. И горько усмехнулся. Он действительно слишком честный и прямой человек. И, м[ожет] б[ыть], именно поэтому чересчур добросовестно нес свои министерские обязанности. А надо было цепко и ревниво, как это умеют делать социалисты, отстаивать свои права, долбить свою точку зрения. Наши министры не сумели поставить себя, занять достаточно веское положение в кабинете, заставить с собой считаться. Надо было систематически требовать мер против анархии, бороться с Черновым, а м[ожет] б[ыть], и со Скобелевым. Но все это затруднялось интригами Львова, который потихоньку стряпал свои делишки против к[а]д[етов]. Некрасов ему помогал и Керенский.

Из-за киевского шулерского документа нельзя было не уйти. Этого требовала государств[енная] честь партии. Нельзя было допустить насилия над собой. Нельзя было принять документ целиком. Противоположная сторона так все обставила, ч[то]б[ы] выхода не было.

Поздно ночью приехали из М[алахитового] Дв[орца] Шингарев, Шаховской, Мануйлов и Степанов. Они уже не были министрами.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 4об.–6об. Автограф.

6/VII. [1917]. Ц. К.

Неизвестно, зачем в чужой квартире.

<u>Шингарев.</u> Чего мы хотим от власти?

1) Мы должны требовать категор[ического] разрыва с большевик[ами],

2) Паралич суда,

3) В области финанс[ов] экономия,

4) Социал[истическое] мин[истерство] или коалиция.

Живя, мы не можем не предъявлять требований к власти.

Родичев. Вы рассуждаете как невеста, кот[орой] предложения не делают, п[отому] ч[то] у нее нет приданого.

Мы оттого ушли, что у нас не хватило власти. Если мы на митингах будем иметь успех...

Нам надо начинать с постройки фундамента.

Идти на митинги, не разоблачая Прав[ительство], мы не можем.

Наши министры должны дать отчет.

Возвращ[аться] к периоду первонач[альной] пропаганды.

Винавер. Коалиц[ионное] правит[ельство]. Общая программа и соглашения между группами по отдельным вопросам.

Ледницкий (550). Соколов сказал, что у Козловского (551) не может быть ни гроша.

Мандельштам. От Керенского, подавить восстание не стесняясь.

Прокур[оры] тоже считали, но не видели возможности следствия.

Мы вас видим только теперь, когда Вр[еменное] Пр[авительство] под защитой брониров[анных] автомобилей. Некрасов обозвал Прав[ительство] хулиганами.

Из Совета требуют докум[ентов]. Они будут вести сами.

Телегр[амма]

Вчера в 2 ч[ас]. ночи на даче Кшес[инской] (552).

Поворотный пункт.

Еще будут аграр[ные] беспорядки.

О Вр[еменном] Прав[ительстве] подумал потом. Слишком быстро все меняется. Нам можно выставить других твердых министров.

Все, что есть в обществе командного, это уже в контрреволюции.

У Советов власть якобинская.

Большевики устраивают кровавые феерии, а меньшевики 8-ч[асовой] день, расчленение России.

Хотим защищать порядок, но нам не дают. У нас есть вн[утренняя] воля к власти.

Волков (553). Некрасов ни в одну соц[иалистическую] партию не входит, т. к. его туда не тянет. Ганецкий (554) сюда ехал.

Гоц, Авксентьев, Лебедев (555), Скобелев и Некрасов.

Кокошкин. То, что нас ругают, признак нашей силы.

Что Прав[ительство] должно сделать. Платформа: 1) борьба с большевизмом, 2) порядок.

Шингарев. Вр[еменное] Прав[ительство] есть. Оно освободило Совет шрапнелью, оно арестовало большев[иков]. Мы должны предъявить требования. Соц[иальная] революция нас отбрасывает, мы потеряли и в народе и в армии влияние. Но оно к нам вернется.

Много раз в Прав[ительстве] мы подымали вопрос о Ленине. Сведения о закупке рус[ских] денег.

Терещенко. Я ни одной минуты не сомневался бы арестовать Ленина. А доказательства? (вопрос Церетели). Я получил бы их после ареста, определить понятие контрреволюция. То, что мы хотим, это контранархия.

Пепеляев. Меньше всего верю в Учр[едительное] Собр[ание]. Думаю не о партии, а о государстве.

Обстановка такова, что можно не начинать тонкой работы.

От имени казаков уже говорит с Прав[ительством]. Разоружение полков и рабочих.

Я не оратор, но я многое бы на себя взял. Кровь.

Набоков. Если вспышка будет подавлена, это укрепит Прав[ительство]. Нелепой вспышки по случаю ухода к[а]д[етов] не было. Мы оторваны. Наш уход должен повести к оппозиц[ии].

Печатать о Ленине нельзя. Не ясно.

Гронский. Я был против выхода. Но меньш[инство] подчиняется. Два пути к власти – один коалиция. Кер[енский] провел приятелей и захватил власть. Другой путь захват.

Все они замешаны, и интернац[ионалисты] и лидер [э]с[е]р[ов].

Чернов. Пензенский депутат рассказал, как они все захватили и действова[ли] как ученики учите[ля]. При этих анархо-буржуа.

К[а]д[еты] никогда не должны подписывать неграмотных документов.

Волков. Вихляев (556) говорит, что один способ – перестрелять.

Милюков. Уход наш не случайность. Логический выход из полит[ического] сползания, кот[орое] равным образом происходит. Было соглашение, с кот[орым] я был не согласен. Теперь они говорят – вы не исполнили. Понятно, что Церетели нужны буржуа.

Правит[ельство] защищ[ают] инвалиды.

Если корень не будет вырван, то нам мирным путем не прийти.

Революция продолжается. Хорошо, если все дойдет до Учр[едительного] Соб[рания]. Надо помнить, что водораздел возможен. Если не мы, то другой.

(Спор о том, продолжается ли революция. Шингарев считает опасным повторять, что она кончилась. Мы должны настаивать на том, что revол[юционные] методы в соц[иальном] и нац[иональном] вопросе кончил[ись].)

7/VII. [1917]. Ц. К.

Известие об уходе кн. Г. Львова. Чувствуется, что все колеблется под ногами. Тут и анархия, и юдофобство.

На фронте прорыв. Значит, рассчитали сразу оба удара, прорвали фронт и тут и там.

Поддерживать Керенского придется, но долго ли? Можно ли его считать серьезным, сильным человеком? Больш[инство] думает, что нет.

Затем, можно ли Совет разорвать с большевиками? Вряд ли.

Приходят сведения, что опять где-то стрельба.

Неужели придется сдаться немцам?

Керенский сам себя не чувствует большим человеком (П. Н. [Милюков]).

Они (левые) думают, поскорее бы украсть 100 р[уб]. и убежать (В. Макл[аков]).

Не бояться указывать, как Совет укрывает большевиков.

Керенский связан с армией и наступлен[ием], мы обязаны его поддерживать.

Харламов (557) – сумятица на Кавказе. Нести ответствен[ность] не можем.

Уже расходились. Вернулись, п[отому] ч[то] Хрущов привез точные свед[ения].

Кн. Львов ушел из-за Черновской программы, кот[орая] будет принята до Учр[едительного] Собр[ания]. Объявление Дем[ократической] Республики.

Сначала Некрасов заявил, что он уходит, т. к. он соц[иальной] программы не принимает.

Приехал Виноградов. Говорит, что все разваливается. Видел Некрасова и Демидова. Будет объявлено что-то вроде республики. Зато арестуют большевиков.

Но заодно и Вердеревск[ого] (558). Из принципа борьбы с анархией и большевиз[мом]. Комитет Балтийского флота. Велено расформировать взбунтовавшиеся полки.

На охрану Мурм[анска], дороги и на работу.

Но как они могут бороться с большевизм[ом], опираясь на прогр[амму] большевизма.

Вечером сказала речь в гор[одской] думе о продовольствии*.

---

* В записной книжке приводится конспект выступления Тырковой в городской думе:

«Прод[овольственные] беспорядки

1) Управа не пользовалась правом расширять и ускорять закупки на местах. Овощи.

2) Производительность таксации. <...>

3) Обыски и реквизац[ии]. Днем обыскивают рынок и частные квартиры.

4) Заставы и ловля. Но разве сами снабжают?

5) Расходы по содержанию управы. Новые члены управы.

6) Увлечение директива[ми] и теориями, кот[орые] доходят до борьбы с жизнью. <...>

7) Отсутствие гласности в их работе.

7/VII. [1917]. Ц. К. вечером

Общий тон спокойный, вдумчивый, нервности нет, хотя где-то трещат пулеметы.

Вчера ночью мин[инстры]-соц[иалисты] согласились на борьбу с анархией, но при условии пунктов – земельная прогр[амма] Чернова, Дем[ократическая] Республ[ика].

Демидов и Авинов (559) требуют ухода Чернова. Днем Некрасов и Демидов были у Терещенко. Кое-как сговорились. Некрасов поехал к Церетели, и что-то не вышло.

Телеграмма Керенского – ч[то]б[ы] войска стояли шпалерами по всему Невскому, дабы ему их благодарить.

Трудно найти дорогу. То немногое, что осталось в Правительстве, чувствует себя бессильными. Куда пойти? Совет подкошен большевизмом. Кабинет – уходом к[а]д[етов].

Черненков считает, что в земельном вопросе [э]с[е]р[ы] уже погибли.

Регулировать сенокос. Аренда. Запрещение сделок.

Родичев. Если можете взять власть, берите. Предъявлять требование не к кому. Карту раздела земель вы не побьете.

9/VII. [1917]. Ц. К.

П. Н. [Милюков]. Кабинет может треснуть внутри. При победе Керенский крепнет. Но может ли он эмансипироваться.

---

8) Передача после 20 авг[уста] в руки города.

9) Нет статистики подвоза и наличность. <...>

Дать опору власти и потому разобрать, какие обяз[ательные] постановлен[ия] живы.

Передать городу рассмотрение закона о милиции.

Я предпочитаю конфликт взрыву.

Нет организации. Есть принципы. Но слабо налажен аппарат, п[отому] ч[то] нет спайки. <...>

Виновата пресса, трактуя в интересах имущих классов.

Дело должно находиться в руках местн[ого] самоуправл[ения].

Внесение успокоения в население, кот[орое] питается слухами. <...>

Широко поставить вопрос снабжения.

Муниципализация торговли предметами продовольствия.

Организация своих лавок.

Ну, а свободная? <...>

Дело распределения в районные думы. <...>

Справедливое распределение, т. к. против этого больше всего протестуют.

Закупка молока. Войти в сношения с разоряемыми хозяевами. Открыть путь овощам.

Не стремиться к монополиям. <...> *(ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 55. Л. 75об.–87).*

Неуспехи. Опять движение большевиков. Все пойдет правее.

(Собирать обществ[енное] мнение. Бить по Советам. Где интернац[ионалисты]?)

Чхеидзе.

Хрущов. В каком мы отношении к этой власти?

Какие требования?

Родичев. Ждет примирения большевиков и меньшевиков. Нельзя выступать, п[отому] ч[то] мы не можем отрицать трещину и не можем ее скрывать.

Маклаков. Клеймит Совет за претензию на власть, после всей крови, кот[орую] они пролили.

Керенский должен с ними порвать. Можно войти только в Прав[ительство] независимое от Советов.

Сообщение Паниной. Ей звонил Некрасов. Хочет ее видеть.

Вопрос о тов[арище] мин[истра].

Шаховской считает, что нужно уйти, т. к. до сих пор бросали подачки.

Кокошкин считает что это директория.

Провал идеи соц[иалистического] кабинета.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 55. Л. 30–45об. Автограф.

10/VII.[1917]

Вчера длинные дебаты в Ц. К. Чего можно требовать от власти? На каких условиях мы можем вернуться? Но у большинства нет уверенности, что мы вернемся. Только Милюков спокойно расправляет усы и смотрит обычным своим внимательным и не видящим взглядом. У него есть свой расчет, своя линия, прямая до резкости. Прав он или нет, покажет будущее.

Шли дебаты, взвешенные, сдержанные, кадетские рассуждения о положении о Совете и товарищах, о Керенском и Некрасове. А за всем этим у некот[орых] из присутствующих шла другая работа мысли. Не слова, а дела.

Был у меня Алексинский (560). Умный. Острый. «Я никогда не боялся немногочисленности. Есть группа лиц, определяющая идеологию. Масса движется медленнее. Потом подойдет, и если идеология правильная, получается слияние». Он проповедник правит[ельственной] обороны.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 6об.–7. Автограф.

13/VII. [1917]. Ц. К.

Скарятин (561) корит нас за уход. Когда к[а]д[еты] ушли, в правительстве не осталось ни одного человека, способного понять текст закона. В такую минуту уходить ответств[енным] людям недопустимо.

Должны вступить умные и сильные люди.

Милюков. Мы великолепно <1 нрзб.> момент. Мы не могли быть ширмой. Мы слишком серьезная партии. Теперь надо ставить условия.

Винавер. Видел Керенского, кот[орый] днем у Родзянко с Львовым обсуждали обстановку московского происшествия.

Маклаков. Вчера ночью Терещенко и Родзянко приехали к Струве.

Сначала задумали съезды как призыв к помощи.

Днем Керенский вызвал в Зимний Дв[орец]. Никакой растерянности. Почти граничит с легкомыслием. Все идет к лучшему. Курс был неправильный. Программа съезда – финансы, армия, порядок. Строгие меры, Прав[ительство] защиты родины, национ[альной] обороны. Нужна коалиция.

Ну, а как кадеты? Будут продолжать бойкот?

Заставили работать. Отмена прав стачек. Прогр[амма] деспотическ[ая], довольно жестока[я].

Отойти до Житомира.

<Фам. нрзб.> о Совете говорил очень резко. С ним справимся. У них паника. Запретить праздники, суровая военная жизнь.

Налоги на богатых.

Макл[аков]. Это последняя карта, кот[орую] вы ставите. Мы идем к реставрации.

Я возобновил смертную казнь для <1 нрзб.>

Слова Керенского.

Набоков. Керенский сказал, что у него неограниченные полномочия. В его распоряжении все портфели. Он обращается к лицам, а не к партиям.

Должны не быть ответственны перед партиями.

Удержание завоеваний революции.

Все, что добыто, и ни на шаг дальше.

Милюков. Обязательность трех деклараций неприемлема. Надо иметь приоритет не социалистов. Выбор лиц. Очень важны органы управления на местах.

Винавер. Против пункта об иностр[анной] политики. Не настаивать на количестве.

Керенскому не ставить условий, а просмотреть его пункты, т. к. иначе мы сорвем с него ореол.

(Опубликование. Отнош[ение] к социалист[ам]. Чернов. Кондиции. Коалиция. Укрепление Керенского.)

Герасимов. Считает ошибкой уход. Надо это поправить. Меняется настроение солдатских и иных масс.

В Совете жиды и армяне (говорили солдаты).

Мы должны помочь, а не давить.

Не представители партий, а члены партий.

Милюков. Мы сильнее. Керенский слабее. Он падающая звезда, кот[орая] тянет за собой правит[ельство]. Это министерство осуждено на гибель. Но если мы войдем, то его удаление может произойти <1 нрзб.>.

Он держится за Пар[тию] н[ародной] св[ободы]. Это поплавок.

Если Некрасов и Терещенко, то это зерно интриг. Если мы не можем иметь большинства, то лучше не идти.

Чернов считает, что к[а]д[еты] самая сильная [партия].

Черненков. Мы ушли, ч[то]б[ы] не обманывать страну. Пойти только в том случае, если они могут наложить отпечаток на весь кабинет.

Кокошкин. Мы должны идти как кадеты.

14/VII. [1917]. Ц. К.

Кишкин рассказывал, что переговоры были начаты еще в субботу, потом прервались. Тормозил Некрасов. Московский комитет выработал приблизительно такие же условия, как и мы. Право отвода министров.

Никаких соц[иальных] реформ. Фиксировать цены на рабочие руки.

Родичев вдруг вскочил и разразился из-за земельного закона. Это удар по всей гражданской жизни. Когда Керенский среди переговоров с нами в ночном заседании проводит такой закон, это предательство.

Кишкин. Необходимо, ч[то]б[ы] были люди, друг другу верящие. Оттого и право отвода.

Спор из-за мин[истерства] земледелия. Отдать в Крест[ьянский] союз? Взять самим? Нет. Лучше беспартийный.

Кишкин. Входят люди, ч[то]б[ы] спасти отечество. Я верил Некрасову, считал его искренним. Этого нет. Как я буду сидеть рядом с таким человеком, как я поверю, что он хочет спасать отечество.

Набоков. Керенский ставил ультиматум. Милюков, Шингарев и Мануйлов не могут войти. Тогда и нам надо сделать отвод.

Маклаков. Наступил момент отрезвления. Политика круто повернула. Или бездарность, или подлость может быть для них предосудительна. Наши министры тоже многое подписывали, чего не надо.

Когда говорят, ч[то]б[ы] жертвовать собой, большая сторона нас не поймет, если мы из-за лиц не пойдем.

Боюсь, что Кер[енский] не понимает своей ответственности и что это тоже провалится.

14/VII. [1917]. Ц. К. Вечер

Увеличение труда, готовность жертвовать. Порядок. Жертвовать личным во имя государств[енного].

Населению взять себя в руки.

Кабинет должен создаться так, ч[то]б[ы] люди доверяли друг другу.

Я не доверяю Некрасову. Он не спаял партию с социалистами, а распаял.

За прогр[амму] Чернова правит[ельство] отвечает.

Упреки несправедливы. Плеханов его попросил.

К[а]д[еты] утаскивают Чернова, как Герценштейна.

Чернов под прессом.

С партийной стороны, Некрасов всегда проводит линию Врем[енного] Правительства.

(Кишкин сказал Керенскому, что к[а]д[еты] ушли оттого, что не выдержали нервного потрясения.)

Астров. Не владея собой, волнуясь.

Кер[ернский] говорил, что генерала нельзя, п[отому] ч[то] это недоверие к нему.

Горечь от ухода Шингарева.

Не ясно, насколько он может отделиться от Советов.

Очень горячо отстаивал Чернова.

Вообще, похоже, что ничего не выходит. Кишкин уже заражен гипнозом власти и ее атрибутов. Он там явно гнет на оправдание Керенского во всем. Это уже не то резкое настроение, в кот[ором] он приехал. Не те товарищеские речи. Напротив, сидит колючий и насторожившийся.

Кокошкин. Меня все это не удовлетворяет, опять Советы, никакой программы. Самая слабая фраза о междун[ародной] политике не приемлема.

Весь состав кое-как.

Керен[ский] компрометирует себя перед команд[ным] составом, отказываясь от генерала.

Милюков. Заявления все уклончивы. Хочет сохранить всю свободу действий.

Кер[енский] говорил, что он тогда уйдет.

Астров. Керенский не может говорить, он произносит речи. Уловить их смысл трудно.

Герасимов. Где взять власть? Или в физической силе или в моральной.

15/VII. [1917]. Ц. К.

Утром похороны казаков (562). Та кучка, кот[орая] стояла впереди у амвона, смесь лиц, евреи из Исполн[ительного] Комитета, баре из Думы, министры. Эти люди сговориться не могут.

В толпе: Ну, вот это по-настоящему, по-русски. Не то, что когда-то «хулиганье с заводов» хоронило.

Старухи: Вот, милые вы мои, вышел он на ступени и говорит... Другая старуха: Пустое, он так говорит. Еще ура вздумал на похоронах кричать.

Днем в Ц. К. Конец споров о прогр[амме] для входа в кабинет. Настроение путаное. Знают, что надо, а давать своих не хочется.

Вечером Кишкин, Астров, Набоков рассказывают свою беседу с Керенским. Очень путано, неясно, ничем не кончилось. В такие дни можно было бы решительнее.

Опять появился Струве. Его рыжая борода появляется, когда государство в опасности.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 55. Л. 45об.–59. Автограф.

17/VII/[19]17

Третьего дня утром прочла в газетах, что Исполн[ительный] Комитет собирается послать 70 ораторов в армию. Вспомнила, как в начале революции поехали в армию их толкователи политики, и мы твердо знали, что эти посланцы несут с собой гибель, разложение и смуту. И не кричали, не сумели вступить в бой, не пустить их или хотя бы разъяснить смысл, всю государственную опасность их пропаганды. Слабость, растерянность или что иное, но все-таки мы этого не сделали. Неужели и теперь, когда армия разлагается на наших глазах, мы это стерпим? Пошла к Пав[лу] Ник[олаевичу Милюкову]. Он тоже был готов сейчас же вступить в бой. Ворчал, что партия не идет на решительную борьбу. Я предложила поехать к Кропоткину и ч[то]б[ы] он устроил беседу ответств[енных] представителей оборонческих <обрыв текста> была явная. Надо было искать выхода. Я поехала к Кропоткину на его старосветскую дачу в густом саду на Каменном. Старик так же горько и горячо, как и мы, берет все современные события. Но у него еще историческая перспектива. Он считает, что весь марксизм построен на обманных навыках. Еще Маркс на первом съезде Интернационала подделывал мандаты. Его последователи проводят им намеченную тактику. Но беда в том, что и [э]с[е]р[ы] в огромном большинстве пораженцы. Чернов был в Циммервальде (563), потом читал в Лондоне лекцию, где одобрял все их постановления. Так же смотрел и Натансон (564). Во всей партии только несколько настоящих патриотов, 5–6 не более. Это Керенский, Брешко-Брешковская (565), Савинков (566), м[ожет] б[ыть], Авксентьев. Поэтому на господствующие социал[истические] партии нельзя опираться в обороне. Тем более важно, ч[то]б[ы] социалисты-патриоты сговорились. Да, да, – соглашается Кропоткин, – но как и кто? Захотят ли они с кадетами? Авксентьев почти наверное не захочет. Алексинский сам скомпрометирован. Его из группы Призыв заставили уйти (567). Вот Плеханов это так. Я к нему поеду. Ну, а Милюков захочет разговаривать? Я сказала, что захочет. Старик был, кажется, рад помочь.

Я уже уходила, когда пришел кн. Г. Е. Львов. И я осталась, сказала ему несколько приветственных слов. Он сначала посмотрел на меня исподлобья, потом пошел навстречу. Приблизительно сказал следующее: Надо опять наладить коалицию. Без кадета нельзя. Но ведь вы заняли такую непримиримую позицию. Вы не захотите даже разговаривать.

– Почему не захотим? Керенского у нас решено поддерживать. На этот счет нет разногласий. Лучше всего было бы создать комбинацию – Керенский-Милюков.

– Об этом и думать нечего. Они друг друга терпеть не могут. Вообще, ваш Ц. К., ваши здешние к[а]д[еты] это догматики. То ли дело московский комитет.

– Ну, хорошо. Пускай Керенский поговорит с Маклаковым или Кокошкиным, если он понимает, что к[а]д[еты] нужны.

– Конечно, понимает. Знаете что, я сейчас поеду к Керенскому.

Видно было, что он все это берет очень близко к сердцу. Чувствует свою вину, что не сумел быть твердым и ругает нас, к[а]д[етов], на чем свет стоит, за непримиримость, за то, что занимали в правит[ельстве] какую-то враждебную позицию. Но также ругает и левых, Некрасова называет мерзавцем.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 7об.–9об. Автограф.

19/VII. [1917]. Ц. К.

Приехали москвичи.

Новгородцев правильно указывает, что мы чувствуем как обществ[енное] мнение толкает нас на вступление. Тут и Моск[овский] университет. Очень важные вещи рассказывает Степанов о разговоре Савинкова с Керенским, где было сказано о том, что армию можно спасти только давши права храброму меньшинству над чернью. Надо, по его мнению, арестовать Советы.

Керенский в ночь на 18-е звонил Кишкину, разбудил его, требовал сразу ответа (совсем как с Демидовым). Когда днем Кишкин сказал Керенскому, что ничего не выходит, тогда Керенский заявил: Ну, значит, мне надо уходить, я не могу составить кабинет. Торгово-промышл[енные] круги Москвы постановили следовать за к[а]д[етами].

Бороться с черновством, а не с Черновым.

Незыблемость программы и незыблемость пятерки.

Авксентьев хуже. Ему пришлось бы ставить многое резче.

Чернов очень популярен в крест[ьянской] массе.

Зафиксированное согласие Керенского.

Новая декларация без упоминания о прежних, ч[то]б[ы] было сказано – наше вступление [–] отказ от старой программы.

Поддержит ли Керенский, если опять возникнет конфликт внутри Правит[ельства]?

Новгородцев. Крик отчаяния.

Надо входить сейчас, п[отому] ч[то] разруха идет так быстро, что еще немного и мы будем в такой пропасти, где уже не может быть органич[еского] дела, т. к. в бездне остаются только стоны и расстрелы.

(Савинков – катастрофа, но есть герои. Армия [–] на две части, стадо трусов и баранов. Меньшинство не хочет ни гибели России, ни своей. Они все сметут. С одним полком все сметут. Неопред[еленное] положение Советов.

Линия правительства неизменная.

Я как глава правит[ельства] получил вчера особые полномочия. Войдя в правитель[ство], изменивши облик правительства, кадеты <обрыв текста>).

(Новгородцев. Увеличивается от нашего вступления не количество, а качество правит[ельства].)

– Вы хотите, ч[то]б[ы] ваши условия стали бы наши[ми]?

– Да, ведь вы согласны?

– Ну, так, значит, мы счастливо нашли вашу точку зрения.

– Слева (Керенский) придут и скажут, и мы счастливо нашли вашу точку зрения.

– А если другие министры не примут.

Керенский: – Я этого не признаю. Или я или они.

Забудете, что у нас есть партии.

Я механизм, кот[орый] еще может быть использован. Пользуйтесь мною.

(Новгородцев считает, что никогда в жизни не имели такого трудного разговора, так прыгали темы.)

Я лично не приглашал Ф. Ф. [Кокошкина].

Репрессии легче из рук социалистов.

Синод, просвещение, соц[иальное] призрение, юстиция, финансы, торговля и промышл[енность].

(С невероятной легкостью прыгал из министерства в минист[ерство].)

Новгородцев. Имея свои идеалы, всегда вставляешь их в рамки государственной действительности. Церковь не только благодатная стихия и общение духа. Но она имеет свои земные фор[мы]. Не церковь просит у госуд[арства], а госуд[арство] дает. Обязанность государства чтить святыню народной души.

Трубецкой. Протест против опеки на[д] церковью и такой же протест против отделения 1200 г., запели тебе Боже славься. Если без Бога начать. Религиозное чувство народа крепко связано с государством. Кощунство большевик[ов]. Чувство родины связано с чувством святыни.

Нельзя жертвовать собой во имя земли.

Выносятся иконы из присутственных мест. Закон Божий упразднен. Иметь эту силу за себя, вместе с ней строить государство.

Христианский демократизм. Как бы епископат не утратил значения. На съезде не было опасности для других культов.

Новгор[одцев]. Мы никогда не были за отдел[ение] церкви от госуд[арства].

Мануйлов. Право захвата. Разор[ение] промышл[енности].

Я не соц[иалист], т. к. не признаю основы социализма, считаю личный интерес двигателем.

Украинец, кот[орый] считает документ гибельным, грубо нарушающим права. Нарушение экон[омических] отношений. Отрезана от Черного м[оря]. Разрешение отд[ельного] агр[арного] вопроса большевистски – поражение движения.

От 100 бундистов, от 100 кооператоров Рада должна быть распущена. Это необходимо уже России и для Украин[ы]. Рада опиралась на дезертиров.

Нежин[ский]. Грузинский.

Работали в приходских организациях. Женщины там имели решающее влияние.

Возобновить воскресн[ые] школы.

Курсы о волостных земствах, при школах.

Вагон с книгами.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 55. Л. 59–66об. Автограф.

8/VIII.[1]917

Продов[ольственная] беседа.

Городские лавки не нужны, когда есть такса <...>.

Нет контроля над выпечкой хлеба.

Групповые карточки обеспечивают злоупотребления. Нет контроля. В Рожд[ественском] районе есть постановлен[ие].

Домовые комитеты умирают. Союз дворников постановил с ними бороться. Дворники противодействуют.

Какие права и обязанности дом[овых] комитетов.

Никитский вырабатывает инструкцию.

За деньги справки, наем дворников.

Карточная система не существует.

Торговцы сами получают.

Дело распредел[ения] в районы.

Гражд[анские] комитеты платные.

Латышский кооператив ничего не получил.

Поручают распредел[ение] кооперативу, но на тяжких условиях и [под] низкий %.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 55. Л. 111об.–113. Автограф.

12/VIII. [1917]. Государственное Совещание (568)

Общая неопредел[енность]. Никто не знает. Все яснее, что дело в физической силе.

Кокошкин рассказывает, как он напал на Чернова. Терещенко и Некрасов были согласны идти против него. Фед[ор] Фед[орович] очень резко выступил против инструкции 16 июля (569). «Стены Вр[еменного] Прав[ительства] не слыхали такой резкой критики». Чернов вилял, пятился. Керенский смазал, Чернов остался.

Керенский очень раздражен требованиями Корнилова (570).

Ведет все дело тройка – Кер[енский], Некр[асов] и Терещенко.

Вместо Корни[лова?] был доклад Чернова о рубке лесов. Прокопович (571), внося поправки, старался придать ему сколько-нибудь разумный характер.

У Керенского очень много личного против Корнилова и Савинкова. Он думает, что они под него подкапывают. Корнилову предоставл[ено] выступить с некоторыми пунктами в Моск[о]в[ском] совещании.

Кокошк[ин] указал Керенс[кому], что для приличного положен[ия] на М[осковском] Сов[ещании] нужен уход Чернова и принятие тезисов Корнилова.

Некрасов, Зарудный (572) и др. за смерт[ную] казнь в тылу.

<...>

Красный стол, золото и красное. Огромная сцена. Волненья, знаком[ые] лица. Ложи и ряды. Старики обществен[ники]. Молодежь солдатская и рабочая. Сидят по организациям.

Фигура Керен[ского], похож на юношу, быстрота его жеста. Голос. За ним два адъютанта, налево социал[исты], направо к[а]д[еты] и Некрасов.

Чернов, Никит[ин] (573), Пешех[онов], Прокоп[ович], Авксентьев, Кер[енский], Некрасов, Кокошкин, Ольденбург, Карташев.

Умудренные опытом управленцы.

<...>

13/VIII. [1917]. Собрание у Мазино

Милюков ставит резко, идет на разрыв с правительст[вом]. Он хочет выставить объединенный несоциалистический фронт. Родичев горячо против разрыва России на два фронта. Он еще верит в национ[альное] объединение. Не наше дело вызывать демона реставрации, Россия не понимает. Резкая вражда. Без честных социалистов нельзя.

Особо – критика большевизма, о том, что Совет <1 нрзб.> в оборону.

Классовой борьбы нет в заявл[ении] правительства. И не пускают на площадку большевизм.

Кокошкин утверждает, что после ухода Церетели нет прямого влияния Советов. Партия [э]с[е]р[ов] поставила Керенскому ультиматум, что [э]с[е]р[ы] идут с Черновым.

О войне и мире.

О смертной казни.

<...>

1). Поднятие продуктивности.

2) Регулирован[ие] заработной платы.

3) Вмешат[ельство] рабочих в администр[ативные дела] недопустимо.

Жизнь городов останавливается благодаря тактике госп[одствующих] соц[иальных] групп.

В речи Керенского ни одного слова о роли Советов. Не о мире, а о союзниках. В речи Кер[енского] было приветствие послам, но не мировой демократии.

<...>

Руднев (574). Три линии: 1) Советы и революц[ионная] демократия; 2) Нар[одная] свобода; 3) Большевики.

Большевики в работе ответств[енной] не участвуют.

Ядро большевиков, их идейное течение связаны с несознат[ельной] частью раб[очих], кресть[янских] масс. Бороться идеями.

Лозунги оказались на помощь контр[революционе]рам и даже немцам.

Разлагающее революц[ионную] демокр[атию] течение.

Но путь политическ[их] репрессий вреден. Он питает их обаян[ие]. До сих пор главные удары революции были нанесены большевикам. Но загонять их в подполье мы не хотим.

Но в ответ на насилие с их стороны мы будем отвечать силой. Большевики уже не те люди, кого мы страстно ненавидели как врагов революц[ии], считая их идейными товарищ[ами].

Но они мертвы.

Критика Вр[еменного] Прав[ительства], но не злостная.

[Э]с[е]р[ы] ввели казнь для министров. Но только честными руками. Декларацию не забыли. На ней лежит печать революции.

От него отказаться – значит отказаться от революции. Части могут быть пересмотрены, но дух его для революц[ии] обязателен.

Не о социальном мире, а о преодолении классовой борьбы. Гарантировать, что рабочий класс не будет обман[ут] (Обмен двуперстов. с Руднев[ым]).

Децентрализация власти. Органы самоуправления должны стать органами управления.

В Москве вмешат[ельство] центр[альной] власти уже не нужно, а по России еще нужно.

<...>

14/VIII. [1917]

Аплодисменты.

Набоков. Страшна контрреволюция в сердцах. <...>.

Головин (575). Смелое место о Столыпине (576).

Алексинского встретило шиканье с[оциал]-д[емократов]. Изгнание неприятеля. Правит[ельство] – Министерство национ[альной] обороны.

Беженцам надо отдать земл[ю].

Аплодируют ему правые. Совет не аплод[ировал] ни его словам об обороне, ни указаниям об интересах рабочего класса.

Господство 4 монархов (577). Опять аплодисм[енты].

Мы, представители революц[ионной] демокр[атии] (вдруг протест со стороны советских скамей).

Опять аплодируют «цензовые», когда он говорит об опасности утопизма.

Родичев. 1 марта Рус[ская] земля взяла в свои руки судьбу мира. {Никакие слова, самые жгучие, уже не горят, не жгут и не толкают.}

(Хорошие молодые люди носят всякие фасончики à-la Чернов, à-la Ленин и т. д.)

Армия митингует, но не сражается.

Корнилов. Тот, кого Керенский назвал вождь погибающей армии, последняя ставка поруганной России.

(То, что солдаты из Советов сидят, лучший ответ на их... Встаньте.)

У меня нет уверен[ности]. (Стыдно.)

(Как пощечина русской революции.)

<...>

Корнилов как вестник в трагедии.

Чхеидзе (все-таки похож на нетопыря. М[ожет] б[ыть], бесы опять и опять вселяются в толпу).

Спасти страну и революцию.

Ни одного слова о своих ошибках. Все та же безответствен[ная] игра словами.

О предательстве большевиков ни слова.

(Кощунственно звучали слова об обороне из уст того, кто заставляет сидеть солдат, когда приветствуют их вождя).

(Дикая овация при словах об удалении генер[алов]-контрреволюционеров]).

(Лицемерное приветствие рядовому офицер[ству].)

<...>

Гучков. Тень власти (578). Не взял на себя осуществлен[ие] переворота (579).

Шульгин. (Смело). Меня подозревали в заговоре.

Бутурлин (580) и поездка в Киев.

Равноапостольный крестит Русь в Украинство (581).

Маклаков. Слово о поражении (582).

Шум слева. Овация Чернову.

(Керенский. Прошу не злоупотреблять свободой слова.)

Рассердил[ся] Маклаков. Голос зазвучал иначе.

– Ну, тут вы мне не помешаете. Боевая способность армии. Печальные ноты. Не соображ[ения] дисциплины, это ч[то]б[ы] иметь свою руку в армии (Показал на Чхеидзе). Не дерзает правительство.

Церетели. (Как ему хлопают. А ведь это он покрывал Гримма (583) и отдавал Украину.)

Единая линия. Только усилия организов[анных] народных масс.

Страстный защитник революции. Но связывает ее со спасением родины.

(Отчего вы сами этого не сделали.)

В жестоких уроках. Но если при этих уроках народ смыкает свои ряды, то м[ожет] б[ыть] и Рига будет взята обратно.

Порядок кладбища (584).

Нельзя еще убирать эти леса, когда здание революции России не достроено.

Демократии учится.

(Речь идеолога. Не очень верно, что власть не была вырвана. Ведь Совет был окружен.)

<...>

15/VIII.[1917]

Председ[атель] ж[елезно-]д[орожного] союза Орехов (585) грозит забастовкой в случае «контрреволюции». Хлопают слева, хотя это скорее всего относится к большевикам.

Фролов (586). К ноябрю дороги станут.

Армия побежит, будет есть что найдет как саранча. У транспорта, как и у всей России, болен дух.

Идеалистические цели революции подменили материальные.

Алексеев (587). История войны.

(При слове «одной пищей» заурчал.) (588)

Всерос[сийский] народный митинг с участием немецк[их] представителей (589).

Сладость неповиновения. Сильные умирают. Слабые подлеют.

(Опять солдаты не встали, когда все встали, что признать себя побежденными нельзя.)

Меры, а не полумеры.

<...>

Г. Д. Кучин (590). Представитель комитетов. (Опять игра со вставанием.)

Он уверяет, что приказ № 1 не имел значения.

(Солдаты шли в комитеты, а им давали отраву.)

Без нашего участия один командный состав встретит нежелательное сопротивление. Ведут борьбу за повышение авторитета командн[ого] состава.

(Резкая распря с Корниловым. Вот способ поднять авторитет команд[ного] состава.)

(Неужели мы действительно пропали?)

Если почувствуют, что землю у него отымают, то я не знаю, что будет.

Все говорят за рабочих и крестьян.

<...>

Бубликов (591) и Церетели пожали друг другу руку.

Тяжба между команд[ным] сост[авом] и комитетами, промышл[енностью] и рабочими, властью и захватами.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 66. Л. 2об.–5, 6об.–7об., 17об.–19об., 20–29об., 30об.–36об., 37об.–41об., 42об.–43. Автограф.

16.VIII.[1]917[*]

Пешехонов боится, что если он объявит, что цены на хлеб будут понижены, то их завалят хлебом.

(Все смеются.)

Сначала у помещиков весь излишек, а постепенно надавить пресс. Отбирать силой.

В некот[орых] местах крестьяне захватывают уже реквизированный хлеб. Это уже грабеж. Когда мешают вывозить от помещиков, тоже надо решит[ельные] меры принять, от расточения госуд[арственного] имущ[ества].

Агитация, уездные съезды, обращение к казакам, обращение к духовенству, к советам.

(Все сделано, все использовано.

Народ хорошо знает и не верит в твердые цены.)

Ведется агитация против твердых цен. Если хлеборобы вынесут резолюцию за повышение, это противозаконно. Распространить закон, преследующ[ий] за убийство и т. д. и за агитацию против твердых цен.

Принудительная молотьба.

Франко-амбар.

Беркенгейм (592). Из методов уговаривания ничего не выйдет.

В случае надобности насильственные проявления госуд[арственных] мер. Иначе будет поздно.

---

[*] По-видимому, данная запись сделана А. В. Тырковой на одном из совещаний при Министерстве продовольствия.

Кто, как и каким образом имеет право вызывать военную власть. Если мы употребим эти меры к какой-нибудь одной губернии, это может дать нам выиграть и компанию и спасти миллионы жизней.

Рунов (593) (Моск[овская] губ[ернская] упр[ава]) бедствие уже сегодня. Ясной и определ[енной] программы не слышали. Мы уже принимали на съезде постановления, но ничего не сделали. Более решительных действий министер[ства]. Мы чиновники Вр[еменного] Правит[ельства]. Кроме воли Вр[еменного] Пр[авительства], другой у нас нет. Отобрать от Москвы мануфактуру.

Хотя бы опечатать магазины.

Кузнецов (Харьк[ов]). Чтобы Мин[истерство] земледелия не вмешивалось. Речь Некрасова, о 500 мил. Распредел. трений*. (Следоват[ельно] хлеб добровольно получить не можешь.)

16 авг[уста] 1917. Ц. К.

Кишкин рассказыв[ает], что Керенский и Некрасов ждали в Москве вооруженного восстания с Корниловым во главе. Расставили пулеметы в доме генерал-губернат[ора]. Корнилов приехал в 2 ч[ас]. Керенский не видался с ним до 14 авг[уста] в заседании. Некрасов сказал, что боятся только речей Шульгина и Милюкова.

(Милюков считает, что правит[ельство] вышло ослабленным и коалиция тоже.)

Керенский вчера, 15-го, говорил Кишкину, что не скажет речи, т. к. сказать нечего. Поэтому он импровизировал речь.

Юренев (594) вечером говорил с Авксентьевым и Рудневым. Они считали конец речи больным.

Все считают, что Керенский провалился.

Продов[ольственное] совещание. Положение ужасающее. Киев без хлеба. Армия тоже <...>

20 авг[уста 1917]. Ц. К.

Карташев. М[осковское] Сов[ещание –] всероссийск[ая] достоевщина. Керенск[ий –] Гамлет.

Мы какие-то политические травоядные.

Maximum добродетельн[ого] напряжения для соглашения. Ждем, что это сделает третий, т. е. власть. (Так блестяще, что почти нельзя записать.) Правит[ельство] хотело лечить нежнейшими средствами.

В стране начинается обратный распад, она не получила, чего ждала от власти, опять и рабские и бунтовские инстинкты. Гнием на корню. Скоро понадобятся такие <1 нрзб.> средства, что даже психология партии нар[одной] свободы уже не подойдет.

Мы были слишком Гамлетами.

---

* Так в тексте.

Страна выдержала блестяще экзамен, а Правит[ельство] нет.

В старых насильниках и генералах был секрет власти. Это нашим сознанием проклято.

Реакция в области войны и революция в области тыла.

Иначе дождемся диктатора.

Шингарев. Вылезает социальн[ое] чудовище, и на него всегда приходится отвечать выстрел[ами]. В этой сшибке красных и черных мы будем раздавлены.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 55. Л.67–70; 113об.–117. Автограф.

28 ноября 1917

Тогда не дописала. Теперь по памяти постараюсь восстановить. Но с тех пор слишком много переменилось и слишком много слоев воспоминаний.

Сегодня день Учред[ительного] Собрания. Перед ним волнения, приготовления, ожидания, опасения. В нашей, кадетской среде часть готова была придавать слишком много значения Уч[редительному] Соб[ранию]. Воображали, что к[а]д[етов] будет не менее 150, что они смогут иметь какое-то численное значение, т. е. строили тонкие парламентские расчеты о коалиции сил (Винавер, Аджемов), о тактике и т. д. Но большинство считает, что порядку от Уч[редительного] С[обрания] не дождешься.

Теперь груз его ляжет на [э]с[е]р[ов]. Между ними и большевиками пойдет и борьба и соглашение. Сегодняшние демонстрации главным образом [э]с[е]р[ов].

Вчера в гор[одской] думе было заседание. Собрались в тесной неприспособленной зале. Председатель и голова сидят на конце длинного стола. Покоем гласные, жмутся по бокам. В углу стоят стенографистки. Шум. Беспорядок. Настроение возбужденное, приподнятое. Появляется Филипповский (595). Лицо незначительное, срезанный лоб. Торжественно докладывает, какие заводы согласились манифестировать за Учр[едительное] Собр[ание]. Семеновский полк тоже «присоединился». Есть даже план, что если большевики не пустят членов Учр[едительного] Собр[ания] в Таврический Дворец, то семеновцы окружат их и введут. Рядом с ним сидел Скобелев и уныло слушал. Он похудел, побледнел, постарел. Но поумнел ли? Понял ли, сколько вреда России причинила их мальчишеская демагогическая политика, которая так хорошо подготовила почву для большевиков?

Скобелев сообщил, что их Центр[альный] Ком[итет], собравшись впервые после переворота...

– Я не сообщаю, почему впервые. Думаю, что вы сами догадываетесь, – сказал он, как всегда, путаясь в словах.

Вероятно п[отому], ч[то] в их партии с[оциал-]д[емократов], так же как и у [э]с[е]р[ов], уже не один Ц. К., а несколько.

Во всяком случае, они постановили присоединиться к демонстрации.

– Движение уже принимает стихийный характер, а опыт революционных месяцев показал нам, что стихиями мы все равно управлять не умеем, – скромно признался бывший министр, слова которого дали еще в апреле сигнал к резкому падению курса русского рубля.

Не умный, простоватый, вероятно, довольно честный и добродушный паренек из семьи старообрядцев-миллионеров, попал Скобелев в ходоки, вероятно, благодаря дружеским шатаньям и болтовне в венских кофейнях. Революция вынесла его как депутата на министерские верхи. Там он барахтался, говорил вздор о том, как надо класть предпринимателя под пресс, выжимать из него 100 % прибыли. Потом начал приходить в себя, даже пытался произносить какие-то более трезвые слова о буржуазности нашей революции. Но было уже поздно. Но это ухо уже народ не хотел слушать.

Сегодня на улицах полупразднично. На больших улицах закрыты магазины. На маленьких торгуют. По Таврической мимо нас шли манифестации районных дум, потом обуховцы. На углах митинги. Спорят, но без ожесточения. Кое-кто боится идти ближе к Таврическому, а вдруг стрелять будут. Но, в общем, все довольны. Давно не манифестировали.

На лестнице гор[одской] думы стояли ораторы. Кажется, большевики, но нескладные, несли просто вздор. Тут же подозрительного вида людишки что-то стряпали с выборами в гор[одскую] думу. Передавали друг другу избир[ательные] карточки. Вообще жулили.

Потом раздались где-то у Публичной библиотеки выстрелы. Толпа шарахнулась, но не очень. «Свободные граждане, не стоит бежать», – крикнул чей-то насмешливый голос.

В трамвае солдаты скалили зубы над демонстрантами. По-видимому, по казармам дан был приказ не путаться по улицам и не скандалить. Солдаты хихикали: «Берегите Учр[едительное] Собрание». Берегите... Разгонять не надо, разве дать кулаком в ухо... Ишь ты, несут плакаты... Кажись, все жиды несут...»

А только что сказали – мы все большевики.

Очевидно, на сегодня может обойтись и без драки. Но все равно она придет.

Я не могу ни писать, ни говорить об Учр[едительном] Собрании. Я не верю в него. Никакие парламентские пути не выведут теперь Россию на дорогу. Слишком все спутано, слишком темно. И силы темные лезут, собрались, душат.

Мы до сих пор не знаем, что немцы в Бресте сказали большевикам.

Немцы обошли нас изнутри, с тыла. Они завоевали Петроград, а кормить нас не обязаны. Выгодно.

Война во всех странах ослабила государственность. В России больше всего, п[отому] ч[то] и без войны наша устарелая государственность уже трещала по всем скрепам.

Москва. 27/XII.[1]917

Уже неделю здесь. Дышится легче, чем в Питере. Раны междоусобных боев точно уже затягиваются. Ходячая фраза москвичей – наши большевики гораздо мягче ваших. Не потому ли, что они здесь меньше захвачены немцами?

Вчера была у Муравьева (596). Это собрание бывших людей. Задает тон Ек[атерина] Дм[итриевна Кускова] (597). Ее муж бродит с видом рассеянного юноши, сочиняющего поэму. А ведь он, если логически не признавать большевиков, есть законная глава законного правительства. У меня кипела горечь против Мур[авьева] и Малянтовича (598). Ведь это их сентиментальность или трусость дала возможность большевикам развернуться. Оба серые. У Мал[янтовича] ничтожное глухое лицо. Жена (599) типично московская интеллигентка, с эстетич[ескими] претензиями по виду. Так она ни одного слова не произнесла. Тон задавала Ек[атерина] Дм[итриевна Кускова] и мы трое, к[а]д[еты]. Новгородцев и Котляревский обходительно, по-московски их охаживают. Поставили вопрос о мире с немцами. К счастью, среди присутствующих все признали, что никакие, самые осторожные переговоры с немцами недопустимы. Но и союзников экономически побаиваются, особенно американцев. Хотят выяснить кое-что вместе с торг[ово]-пром[ышленными] кругами.

Медлители мы. Вот уже полтора месяца как немцы и большевики сговариваются, а мы еще только начинаем между собой соображать, как мы-то сами относимся. Ведь нельзя же ехать на одном голом отрицании.

Живем в безвластии и бездумьи. Перестали понимать, да и стараемся мало.

У Муравьевых особнячок Столовая устлана отличным ковром. Картины. Шкап набит старым фарфором. А на столе фабричная пепельница.

Новгородцев умен, тонок, лукав, кокетлив, избалован.

Утром ходит с сыном к обедне и благочестив. Вечером с издевкой пугает левых монархизмом, блестя черными бегающими глазами. Московский Мефистофель. Сегодня в Ц. К. очень ловко изложил свою точку зрения на мир, причем половину фактов, и частью и обобщений, взял от меня. И ласково посматривал в мою сторону. Любопытный мужичок.

Вчера была у Гершензона (600). Чуть не поссорилась. Он нагнал на меня тоску нескладным и нежизненным рассуждением о том, что большевизм есть выпрямление народной души. Все бормотал о воле народной. Я рассердилась и заявила, что если эта воля ко злу, то я про-

сто не желаю ей подчиняться. Спасибо Шестов (601) пришел. Тот от жизни, ярче и даровитее.

1918

5/I.[1918]

День Учредит[ельного] Собрания. Тягостный, душный день. Не хочется никуда идти и не потому что стреляют, а п[отому] ч[то] не понять в кого, кто и зачем стреляет.

Вчера все говорили, что будет борьба. Зачем? Ведь большевики разрешили открытие, значит [э]с[е]рам некуда прорываться. Или они хотят их свергнуть? Но ведь для этого нужна военная подготовка и организация, сомневаюсь, ч[то]б[ы] она была у [э]с[е]ров. Они раскисли, теряют почву, в своих декларациях повторяют слова большевиков.

Кому из них хотеть победы?

Меня тошнит от политики. Я презираю социалистов и вижу бессилие, ошибки, неподвижность своих друзей. Россия должна выдвинуть какие-то совсем новые силы или погибнуть.

Или нет уже для нее спасения? Ведь глубоко, глубоко вошел яд безвластия, безгосударственности и самочинности. Чем его вытравить и можно ли.

Хочу думать только о Пушкине. Если Россия возродится – он ей нужен. Если нет – пусть книга о нем будет посильным памятником, пусть она говорит о том, какие возможности были в русской культуре, что похоронили «товарищи».

27/I. [1918]. Москва

Опять здесь. Уже неделю. И опять понемногу распрямляюсь. Убийство Шингарева и Кокошкина... (602) Уже сколько раз эти слова прочитаны, и слышаны, и сказаны, и каждый раз их точно выталкивает из себя душа.

Мертвыми я увидала их только в гробу, в лавре. Ганфман (603) рассказывал мне, что утром, 7-го янв[аря], услыхал на улице, что какие-то министры убиты в Мариинской больнице. Пошел. Спрашивает дворника. «Не знаю. Подите вон там, в покойницкой, посмотрите». Он пошел. На полу, покрытые холстом, лежали трупы. Он поднял покрывало и увидал их обезображенные, страшные лица, и ужаснулся.

Меня судьба отвела от этого. Передо мной они открылись в последнем великолепии обряда. И лица, особенно Кокошкин, были спокойны. Говорят, во время бальзамирования их как-то скрасили.

Длинная обедня. Пели хорошо, как умеют петь в лавре. Чем дальше я стояла, чем дольше смотрела на знакомые черты, тем становилось на душе тише. Это не были мысли, не разум вел меня по острым, кровью

залитым русским дорогам. Ни оправданья их гибели, ни трагического утешения, что жертвой спасется родина, никаких иных, логикой подсказанных, расчетов не давал мне рассудок. И даже про них не думала я – так тяжело кругом, что блаженны ушедшие. Не пряталась я ни за какие самоутешения. Но помимо меня, помимо моей воли волна спокойствия шла от них, мертвых, ко мне, живой. И хотелось, чтобы дольше, чем хор, чтобы дольше священники провозглашали слова молитвы. В этих двух гробах, прикрытых одинаковыми белыми глазетовыми покрывалами, с немногими белыми цветами, разбросанными около лиц, было какое-то важное спокойствие. Холодом наполнила нас их смерть, то, кого убили и как. А вот теперь от них шло на меня такое явное, такое физически ощутимое преодоление смерти. Не могу объяснить почему и как, но после этого отпевания мне стало менее страшно жить.

Только оставаться в Петрограде не могу. Там живешь как в дурманном сне; люди, разговоры, улицы, фонари, все кажется призрачным. И тоска сосет, как в бреду.

В редакции «Речи» они говорили: «Вы не знаете, какое нам надо делать усилие над собой, чтобы работать». А в глазах тоска и тоска.

Это уже не обычная поденная газетчина, а точно послушание. Противно бороться словами, когда все слова сказаны. А за слова висит над ними угроза ежеминутной расправы. Пришел № южной газеты с документами о Ленине. «Мы не можем этого напечатать. Матросы придут и размозжат голову и нам и наборщикам».

Голод и к журналистам забрался. Философов сидел, как всегда, элегантный, как будто даже чванный и вдруг сказал: «Мне больше всего хочется спать и есть. Всегда хочется». И все откликнулись: «Да, да и я голоден... Еще бы не голоден... Вот если бы хлеба». Только один сказал: «Нет, я не голоден. Но я всегда готов поесть еще».

Утомительно, что всюду говорят о еде. И, конечно, думают. Иначе нельзя. Но как это понижает сознание. Теперь мы все можем себе представить, сколько места занимают в мозгу огромного большинства людей мысли о еде. Особенно у женщин. И так было из поколения в поколение.

Я была у ф[ранцузского] посла (604). Он просил меня прийти поговорить о затеях в Москве. Меня привел Patouillet (605). П[осол] принял меня очень приветливо. Высказал всякое уважение к партии и тут же сразу: «Но в такое тяжелое время надо быть искренним. Vous êtez plein d'intelligence mais vous manquez camplètement d'action*. Сколько раз на вашем месте сидели министры Врем[енного] Прав[ительства]. Я им говорил: mais agissez donc mes amis, agissez!** А они никогда не

---

* У вас достаточно здравого смысла, но полностью отсутствует способность действовать *(франц.)*.

** Итак, действуйте, друзья мои, действуйте! *(франц.)*.

могли решиться. У них не было le sentiment du pouvoir*. Pour gouverner il faut savoir refuser**. В этом весь секрет власти. Вы меня извините, но большевики гораздо лучше это понимают, чем ваши друзья. Я много служил в администрации, и я вас уверяю, что власть всегда одинакова и в монархии, и в республике, и в социалистическом строе. Конечно, и мы виноваты. Мы, союзники, должны были раньше указывать и настаивать. А теперь я не вижу у вас никакого point d'appui***. Мы не признаем большевиков. Прекрасно. Но выход где?

Я спросила его: «Вы знаете, что мы вас боимся, боимся, что нам грозит судьба Турции с ее "dette publique"****». Он засмеялся: «Нет, что вы. Nous sommes des amis»*****. Потом серьезно: «Но, конечно, nous faut quelques garanties******». А Patouillet прибавил: «Et peut-être pour vous il faudrait quelque protection»*******. По их лицам, по тому, что между ними промелькнуло, мне показалось, что это и есть главная задача, цель, способ спасения интересов Франции. Но я не хочу быть под чьим бы то ни было протекторатом, même des alliés********.

Посол просил, ч[то]б[ы] Прокопович прислал ему критику пунктов Парижской конференции [19]16 г. (606). Он, по-видимому, придает ей значение и считает, что Коновалов (607), Терещенко и Бернацкий (608) приняли ее всю, кроме article second*********. Очень заинтересовался работой московских экон[омистов] над эконом[ическими] и финансовыми отношениями после войны. Просил держать его в курсе.

Его ждал Диаманди (609), кот[орый] в тот же вечер высылался большевиками. И все-таки он держал меня около $^3/_4$ ч[ас]. Значит, ему было важно узнать, что делается в замутившейся России.

Глупое положение посольств. Мало что знают. Оторваны. Нет связей, ни официальных, ни иных. Не могут не испытывать злобы, пожалуй, даже презрения, но ничего не могут сделать. Посол живой, разговорчивый, показался мне умнее, чем о нем говорят. Тогда же повидала Эммери (америк[анский] экономист). Он умный, привлекательный, международный интеллигент. Не авантюрист, не хищник, не невежда. Это много для американца. Милая молодая жена, кот[орая] конфузится, что среди наших бедствий наслаждается счастьем первого года замужества. Живут в барской комфортабельной квартире.

---

* Чувства-понимания-осознания власти *(франц.)*.

** Чтобы править-управлять надо уметь отказывать-отказываться *(франц.)*.

*** Точки опоры *(франц.)*.

**** Государственный долг *(франц.)*.

***** Мы же друзья *(франц.)*.

****** Нам нужны какие-то гарантии *(франц.)*.

******* И, возможно, вам понадобилась бы некоторая защита *(франц.)*.

******** Даже союзников *(франц.)*.

********* Второй статьи *(франц.)*.

Эммери смеется над моим страхом, что американцы нас съедят. Уверяю вас, что мы ничего не покупаем. Как мы можем вкладывать капиталы, когда вы отменили право собственности. Надо сначала создать силу, которая его защитит. Международный контракт трудно осуществить. Американцы к этому неспособны. Вот улучшить жел[езные] дороги это другое дело. Но и он сознался, что если американцы начнут заниматься здесь делами, то они вначале будут добиваться строгого контроля над предприятиями. Но не большевистского рабочего контроля, а амер[иканского] капиталистического.

Здесь как будто начинаются уплотнения среди туманности. Несколько отдельных центров, но крутятся около одного солнца – возрождение России. Справа и слева идет. А внизу кипит, загорается гневом православная душа. В недобрый для себя час пошли большевики на Церковь.

Третьего дня говорили у нас о возрождении блока. П. И. [Новгородцев], очень осторожно разбирая наши ошибки, сказал: «Мы слишком поверили, что народ может сразу вынести всю полноту реформы. Мы не проявили никакого консерватизма. Виноват не столько народ, сколько мы, что как юнцы поплыли по течению. Мы считали достаточной государственную мысль и забыли, что нужен еще государственный опыт. И у нас не было достаточно воли к власти. Надо считаться с тем, что у управления всегда есть некоторые нелюбезные подробности».

1)Конституционный строй. 2) Равенство национальностей. 3) Областная автономия. 4) Автономия церкви. 5) Аграрная реформа. 6) Социальное законодательство.

Очень интересный вечер у Ек[атерины] Дм[итриевны Кусковой]. Ее муж находит, что большевикам надо еще поцарствовать. «Пусть 10 % погибнут, а остальные поймут». Они оба многому научились. Он хочет через кооперацию проповедовать принцип частной собственности.

В тот мой приезд в Успенском Соборе женщина говорила: «И пошла я, милые вы мои, к Тесленке. Знаете, кадет известный? – Знаем, знаем. – И что же думаете? Полный дом жидов. Женат он на жидовке, и круг него все жиды собравши. Вот, дорогие мои, даже к кадетам и то жиды забравши».

Я так привыкла, что мы «жидомасоны» и была совсем поражена этим «даже». А она все про жидов и про печать Антихристову говорила.

Вообще о евреях все больше говорят: «Запечатают они наши храмы».

Если большевики будут еще теснить церковь, они посадят нам царя.

Гершензон в разговоре с Гар[ольдом] Вас[ильевичем Вильямсом] очень злобно бранит кадетов за то, что, выступая против декрета (610), они «делают из религии орудие политической борьбы». Он во всем снисходителен к большевикам <повреждение текста> наконец высказаться и их признать». Я спросила: «Целиком? И с убийствами?» Его передернуло: «Зачем с убийствами... – А как же иначе?» Он не ответил, и я ушла. Тошно стало и тяжело. Мы все изранены позором России, а эти политические младенцы сосут философический леденец.

28/I.[1918]

Всеобщий крестный ход. Со всей Москвы стеклись на Красную площадь. Большевики добрались кровавыми руками до дна народного. Вызвали духов.

Мы и сами не знали, что церковь нам близка. Или боялись знать. Война и революция всю душу изранили, а кто исцелит. Не социализм же, особенно этот.

5/II.[1918]

Опять Петербург. Покружились мы над Москвой и обратно.

В ред[акции] «Власти Народа» (611) толковали о завтрашней России. Молодой с[оциал]-д[емократ], знающий, приобщившийся к государственной машине, сказал: «Россия не созрела не только для социализма, но даже для демократизма». – «Вы говорите о всеобщем избирательном праве?» – «Ну конечно».

А Дм[итрий] Ив[анович Шаховской] в заседании нашего комитета набросился [на] меня в священной ярости (знаю его 15 л[ет] и не понимаю, когда она на него нападает, когда он верит, или когда отчаивается?) и кричал, что нечего осуждать народ, «т. к. он доказал свою государственность». «Чем же?» – «Тем, что заставил интеллигенцию дать ему все, что» <повреждение текста> тряс головой и не сдавался.

Мне передавали слова одного умного бывшего сановника: «Думают, что я хочу царя. Но я же знаю, что теперь никакой царь не удержится, п[отому] ч[то] не справится с продовольствием». По его теории, самодержавие было (Петр, Екатерина, Ал[ександр] I (612)) выше народа. Оно насильно тащило народ в культуру. Школы, университеты, Пушкин, жел[езные] дороги, земство – это все совсем не нужно было народу. Оттого он сейчас так охотно ломает все и крушит. Интеллигенция не понимала этой культурной роли самодержавия.

Кое-что есть в этом верного. Но ведь и царизм делал все для того, чтобы народ не привыкал к культуре, даже не чуял ее.

Очень трудно эти дни и жутко. Где-нибудь стать в церкви и помолиться по-настоящему изнутри.

Тот же Д[митрий] Ив[анович Шаховской] говорил, что большевики полезны, п[отому] ч[то] борются с казенщиной, с мечтательностью, с барством. Надо усвоить правду большевиков и тогда активно бороться с ними. «Учителя, которых они выгнали, тоже баре?» И опять в экстазе он завопил: «Тоже баре!» Все засмеялись. Но, конечно, из нас всех именно князь Шах[овской] имеет больше всего права кричать о барстве. Сам он аскет и не только для себя, но и для своих. А это гораздо труднее.

Ну, а если Софа, шутя, угадала и есть в нем потребность к интимности неудовлетворенная? Любопытный спор был в Ц. К. Глупый Кроль (613) стал нас разносить за то, что мы «все думаем». Кизеветтер (614) дал отпор: да это и есть наша главная обязанность.

7/II.[1918]

Немцы идут. Вероятно, возьмут Петербург. Многое возьмут. Ну, что ж. Оцепенение уже наползло. Хуже. Многие нетерпеливо их ждут, и в низах и среди образованных классов. Мне рассказывали о жене офицера. Она патриоткой была всегда и вдруг говорит: «Пусть придут поскорее». – «Но как же так, разве вы хотите власти иностранцев?» – «Никогда не хотела. Но разве Смольный не иностранцы? Разве они русские? Если бы я была под властью китайцев, я могла бы желать власти европейцев? Ну, вот и теперь так».

Союзные посольства были уже накануне признания большевиков. Их подкупило, что те не подписали мир. Вчера на совещании, по-видимому, вырабатывалась форма, когда им по телефону дали знать, что большевики приняли все условия.

Так они и уйдут из истории, как большевики, не став Правительством.

Сегодня на Литейной человек 60 немцев с растерянными лицами плелись за красным плакатом. Надписи никто не разобрал, но впереди шел красногвардеец с ружьем.

Неглупый молодой дипломат говорил: «Каждый патриот обязан будет идти в то правительство, которое посадят нам немцы».

Застыли мысли. Неужели и впереди все рабство и рабство.

9/II.[1918]

На улице митинги, летучие, маленькие и серьезные. Сплошная брань против большевиков.

– Ну да, пойдем мы драться, нашли дураков, – это голос солдат.

На Выб[оргской] стороне, где нельзя было слова сказать против них, теперь та же злоба.

В гор[одской] думе, старой, было заседание. Принимали резолюцию, протестовали. Старые слова, старые лозунги. Я спросила социалистов, с кот[орыми] сидела в комиссии:

– Вы говорите: сплотитесь вокруг Уч[редительного] Собр[ания]. Вы сами во что верите?

Переглянулись, замялись.

– Ничего другого нет... Массам нужен лозунг... С правовой точки зрения другого ничего нет...

Я не стала спорить. Кое-что смягчила, и затем единогласно приняли. Все равно. Трупы они и больше ничего.

Ну а живое где?

Город как призрак. Туманно, смутно. Люди копошатся. А надо всем точно черные крылья.

Вчера Троцкий (615) звонил во франц[узское] посольство. Просил поддержать его в священной войне. Глупее всего, что это вызвало какое-то движение среди ошалевшей дипломатии. Сегодня даже собирались составлять какой-то memorandum о том, чем союзники могут им помочь. К счастью, кажется, поняли всю ридюкильность.

А в «Речи» вчера было панично. Они боятся резни, насилий, не знаю чего еще. Слишком боятся.

10/II.[1918]

Швейцариха Ольга, возбужденная, говорит мне: «Приходил милиционер. Говорит Бурачку, чтобы всех женщин от 18 до 45 л[ет] представили. Окопы рыть. Я ему сказала: “Не пойду. Можете меня расстрелять, а я вас защищать не пойду”».

А мы даже не знаем, кто кого будет защищать. Живем темнее, чем при Романовых. Газеты закрыты. За каждое слово грозят смертью. Никто не знает немецкого ответа. В Смольный, говорят, почти не пускают. И там при закрытых дверях решают, что делать с суверенным русским народом.

Со всех сторон ползет чисто рабская надежда – авось немцы, авось немцы...

Что немцы? Неужели они должны освобождать и устраивать Россию? Гадость и мерзость...

Хорошо еще что тупость, похожая на сон, наползла. Так, вероятно, чувствуют себя люди, когда замерзают.

11/II.[1918]

Хватаешься за одно. Потом за другое. Все валится из рук. И стыдно, стыдно. Точно все мы предатели и рабы.

Третьего дня вечером были около вокзала. Подъезжали возы с вещами. За ними шли матросы. Распродали все на судах. Теперь домой. И солдаты валили валом. Красногвардейцы устроили в дверях заставу, не пускали безбилетных. Все равно все поезда полны солдатами.

Шурка сегодня рассказывает: брат убежал из Двинска. Он в автомобильной роте. Немцы бросили с аэроплана бумажки, что через полчаса придут. Ну, все и побежали.

– Автомобили взяли?

– Нет. Какой толк. Все бросили. Только брат все жалел, что белого хлеба не взял, у них там страсть сколько было.

И смеется. Вот и все их отечество. Я не выдержала:

«Свиньи вы...»

Ну, а Чхеидзе, Соколов и все они, первые деморализаторы армии, разве они не свиньи? Гораздо хуже.

Лезет черное, черное со всех сторон.

11/24 марта 1918. Где-то верст за 180 от Мурманска.

Застряли в снегу. Солнце светит. Верно вчерашний снег. Кругом жидкий лес. Вдали высокие холмы, почти как горы.

Пока были люди и были разговоры, всюду одно – хоть бы англичане пришли. Так я слышала от Лод[ейного] Поля и до Полярного круга. Опять ждем варягов.

Англичане вокруг меня. Доктор, огромный, невозмутимый, неподвижный. Смеется только, когда ему хочется, никогда от вежливости. Все берет просто, непосредственно. Захотел бриться, снял френч, расстегнул ворот и при мне намылился. К чистоте совершенно равнодушен. Бреется и чай пьет в одной чашке. Лицо красное, здоровое, неправильное, не английское. А глаза неожиданно черные и быстрые. Грубоват. Нет ничего, что мы привыкли видеть в благовоспитанных людях. Но говорит, что дома у него все одеваются к обеду. Уже больше года как он из Англии. Там жена и пять чел[овек] детей. Но он не торопится. Невозмутим и весел.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 9об.–26об. Автограф.

30/III.[1]918. Мурманск

Черная площадь. Низкое темное небо. Император на коне. Туман. Тоска. Тра-та-та. Желтые чемоданы и мешки с провизией. Холод и темнота вагона. Длинный, длинный путь. Мелькают дни и ночи. Нет ни вчера, ни сегодня. Пустыня (а если вся жизнь пустыня). Мрачный проводник. Тесно. Куда? Зачем? Стучат, стучат колеса. Бьются олени в упряжи. Женщина в шубе. Ёлки, ёлки. Озера. (Характеры.)

Утро. Залив. Холмы. Не понять где земля, где вода, откуда приехали, куда едем. Унылая беспомощность вагона. Холодно. Непонятно. Мелькают офицеры. Чужая речь. Кто-то за кого-то цепляется. Каюты как гробы. Ящики. Тюрьма. Как выдержать.

За черно-белой линией гор желтый запад, медлительный и не яркий. Шуршат льдины, поднятые приливом. Настойчиво и бездушно. Плывут. Но, видно, ломаются, изжелто-белые. Между ними темные просветы воды. Холодно. Жутко. Притягивает. Там на севере темно-лиловые облака, далекие, подстерегающие. Острая тоска, как иголка. Страх? Предчувствие? Малодушие? Страшно в холодной воде. Из

окошка смотрит пара глаз, молодых, светло-серых, мечтательных или сумасшедших? Странное лицо. Спокойное, как у приговоренного к смерти. Герой? Пацифист? Фантазер или преступник? Тот, кто играет с ним, любит жесткую игру. У него резкий профиль, как у римлян на монетах, тонкие губы всегда готовы улыбаться. А глаза холодные, честолюбивые.

В курительной тихо. Вваливаются англ[ийские] офицеры. Широкие пальто. Подпоясанные. Как непохожи на франц[узов]. «Победа» – бисквит.

Человек это хорошо, но когда люди кишат, это худо. Женщины, дети, офицеры, солдаты, матросы. Все сбиты с толку, п[отому] ч[то] большинство не на своем месте. Трюм. Неловко, точно они голодают и холодают, ч[то]б[ы] нам было тепло и сытно.

1 апр[еля 1918]

Первый день. Туманно. Пустой пароход. Китайцы бесшумные и загадочные, дети – обезьяны. Англ[ийские] офицеры. Две дамы. Вертлявый, тонконогий, со стаканом. Лестницы. Пусто. Лакей конфузливо приносит лотки с кормом.

Второй день. Погрузка. Француженки с писком и трескотней. Замороженные итальянчики. Фр[анцузские] офиц[еры] требуют, суетятся. За кулисами, не то по радио, по воздуху, не то между каютой адмирала и спальным вагоном генерала решается судьба измученной, ошалелой толпы беженцев. День разницы, маленькая перемена в курсе, и немцы могут утопить или не утопить. Переехали в первый. Долго ходили, шептались, молча, конфузливо уворачивались. Потом нас устроили.

Третий день и четвертый. Мы в перв[ом], они внизу в грязи, холоде и голоде. Новые лица в перв[ом] классе. Классовая злоба. Почему тот, почему этот. Сплетни. Подглядывают, подслушивают, врут. Внизу как-то обживаются. Находят друзей. Ссорятся. Одна нагота, а все мерзкие. Самые простые отправления человеческие, еда, сон, другое становятся противны и тягостны. Наших переводят. Молча. Приезд фр[анцузских] и англ[ийских] офицеров. Карты.

Пасха. Утром в столовой англ[ийская] служба. Ходил человек в англ[ийской] офиц[ерской] форме, только воротник застегнут задом наперед. Оказалось, священник. Надел белую рясу с черно-кр[асным] шарфом. Все пели. О Боге, о смерти, а рядом воины, их снова ждет смертная тоска войны. Как крылья невидимые духов, реет опасность. Где? Когда?

Помощник капитана. Улыбается, хлопает по щеке. Мальчик, кот[орый] три раза тонул. Капитан всюду. Есть ли кто-нибудь, кто все знает? Китаец?

Доктор. Его горе. С каким лицом он вернулся. У него готовность на что угодно не только в глазах, но даже в зубах. Утром хмурый. Не кланяется. Точно ему противно. Потом опять.

27/IV. [1918]. Looe

Видела вчера во сне Володю Т. (616). Я искала его с трудом, со страхом. И нашла. Он лежал в постели. Рядом сестра. Я охватила его руками. Он плакал. Я спросила его: «Они били тебя?» – «Били, ужасно били». – И зарыдал еще сильнее. Это был он и Аркадий сразу.

Сегодня видела во сне, что я сажаю цветы на маминой могиле.

<...>

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 102–103об. Автограф.

27/IV. Looe. Cornwall (617). 1918

В этом благословенном углу Англии полная идиллия. Солнце, море. Дети красивые как полевые цветы. Я ни разу не слышала грубого окрика на них. Спокойная и веселая ласковость. На всем следы старой и глубокой культуры. Война, конечно, есть. Крестьянка на бедной ферме показала портрет сына, только что убитого на войне. И на ее усталом лице была покорность перед долгом. Она знает цели войны, хотя вообще ничего не знает.

10 дней, кот[орые] мы провели в Лондоне, были переполнены. Г[арольду] Вас[ильевичу] со всех сторон привет и почет. Donald (618), ласковый и хитрый, угостил нас обедом и позвал в деревню. Жена, умная и красивая француженка, помогает ему делать дорогу. Пошли к Л. Джорджу (619). Небольшой коттедж. Простая обстановка. Три девочки подростка смеялись у камина. Одна из них его дочка, круглолицая, простенькая, вся в ямочках, толстая коротышка. Л. Дж[ордж] вышел, приветливый, с манерами простоватыми и умышленно демократ. А, м[ожет] б[ыть], он иначе и не умеет. Старая горничная подала чай без сахара. Г. В. [Вильямс] правильно сказал, что все, как у Милюкова, т. е. просто до неэстетичности. И даже дочь немного похожа на Тату (Милюкову) (620). Л. Дж[ордж] считает, что им надо помириться с Троцким. Верит, что тот создаст оборону. Другого правит[ельства] нет. Надо считаться с тем, что есть. Г. В. [Вильямс] доказывал ему, что на Троц[кого] нельзя полагаться. Посмотрим, удастся ли ему переубедить.

Англичане не понимают уголовной стороны большевизма. Они [–] балованные дети богатых родителей и согласны ради забавы поиграть в новую игру, кот[орая] зовется рус[ской] революцией. Нужно разобраться в рус[ской] колонии. Набоков (621) бессильно брюзжит. Ону (622) в своих статьях притворяется полусоциалистом. Поляков (623) мелкий пролаза. Больше всех мне нравится Нордман (624).

19 мая [1918]

Мы как будто понемногу сдвигаемся с мертвой точки. Когда приехали, высшие английские сферы были почти готовы признать боль-

шевиков. Аргументы Л. Джорджа: Троцкий первый сильный человек в России. Он хочет организовать армию против Германии. Другого правительства нет. С кем же иметь дело.

War Office* был против большевиков и за вмешательство.

Foreign Office** за них и против вмешательства. Говорят, Липер (625) окружен евреями и интригуется другом Троцкого Ротштейном (626). Интересно, что этого Ротштейного германофила, написавшего книгу против англичан, англичане сделали центром немецких писак.

Теперь происходит какой-то сдвиг. «Morning Post» (627), «Chronicle» (628), сегодня «Observer» (629), все за вмешательство. В «New Europa» (630) определенная, наконец, статья против большевиков. По-видимому, в заседании War Cabinet (631), где в начале прошлой недели 2 часа говорили о России, что-то решено и ген[ерал] Гуль, уехавший в Россию в пятницу, получил определенные директивы. В пятницу (17-го) основался в минист[ерстве] пропаганды небольшой комитет для общих действий в рус[ской] политике: Г. В. [Вильямс], Вольпол (632), Нокс, Питерс, (Hore?) (633), Липер, Пэрс, Бьюкенена зовут председателем. Программа та же – вмешательство для борьбы с немцами и большевиками. Вечером 17-го у меня собрались русские: Нор[д]ман, Шкловский (634), Шульц, Трофимов (635), Кадомцев (636), Ону, Гавронский (637), Павловский (638), Абаза (639). И, к сожалению, Бланк (640). Нор[д]ман позвал его как сиониста. Толковали о том, чего мы хотим от союзников. Все за вмешательство, кроме Бланка (в России никто этого не хочет, никакой депрессии там не было, чисто еврейско-левая точка зрения) и Павловского (бывший офицер, патриот), кот[орый] боится, что появление союзников усилит большевиков. Сильнее и яснее всего ставит вопрос Шкловский.

Из Парижа Lachesnais (641) пишет, что там пытались образовать comité d'union nationale russe***. Ничего не вышло из-за реставрации и всеобщего голосования. На этом раскололись. Тут надо что-то обдумать или сменить.

Максимов едет со Стаховичем (642) сюда, чтобы сговориться об общей тактике. Надо найти способ повлиять на Вильсона, он против вмешательства, т. к. не видит как можно сделать это, опираясь на русское обществ[енное] мнение. Значит, мы должны (1) создать такие точки опоры. М[ожет] б[ыть], послать ему заявление? Затем (2) надо создать здесь при Набокове маленький комитет (Шкловский, Нор[д]ман, я, м[ожет] б[ыть] Гавронский?). (3) Установить связь с Россией. (4) Выработать общий план, вроде платформы, на случай если его англичане потребуют.

---

* Военное министерство *(англ.)*.

** Министерство иностранных дел *(англ.)*.

*** Русский комитет национального единства *(франц.)*.

Последний пункт для меня очень спорный. Это, скорее, дело тех, кто в России. Они видят, какие возможности и необходимости выдвигает жизнь.

Я считаю потерянным тот день, когда я ничего не сделаю для России. Хотя бы шаг, хотя бы слово, новое знакомство, лишнее повторение основных задач и мыслей. Там в плену моя мать, как же могу я не собирать силы, чтобы освобождаться, как могу я не думать днем и ночью только об этом.

24/V.[1918]

Трофимов был вчера. Хочет организовать секцию пропаганды при British Russia Club (643). Сам смеется над русскими, кот[орых] туда привлек. Посадил председат[елем] какого-то Бека. Считает его жуликом. «Когда будет не нужен, выгоним». Простодушно-цинично, но, конечно, Бек сам его выгонит. В то же время повторяет [э]с[е]р[овские] трафареты. Вряд ли из этого что-нибудь выйдет. Но мысль создать здесь рус[скую] организацию, сосредоточение русского общ[ественного] мнения заграницей, носится в воздухе. Только кто и как? Надо идти осторожно, ч[то]б[ы] не ссориться и достаточно разнообразно, ч[то]б[ы] иметь вес.

Телегр[амма] о решении к[а]д[етов] не дружить с немцами произвела здесь впечатление. А я горжусь выдержкой своих товарищей. Соблазн дьявольский, а они не поклонились.

Сегодня тревожно. War Cabinet хочет арестовать здешних больш[евиков] и вообще открыто порвать с ними. Это может вызвать новые резкие репрессии против русских патриотов. Надо во что бы то ни стало удержать их от такого шага. Пусть сначала введут войска.

3/VI.[1918]

Неделю тому назад, в субботу, пришла телеграмма от амери[канского] министра иностр[анных] дел (Лаусдена?) (644), где он от имени Вильсона спрашивает откуда Harold Williams заключил, что президент за вмешательство? Нас· это порадовало, во-первых, п[отому], ч[то] значит статья о вмешательстве произвела впечатление, а затем мы надеялись, что Вильсон старается скрыть, что вмешательство готовится. В ответ телеграфировали, что если он сказал We stand by Russia as we stand by France*, то это ничего кроме посылки войск не может значить.

С тех пор все плохие вести. Вильсон боится японцев. Он так же презирает большевиков, как мы, но не видит возможности открыто идти против них. Он боится вмешательства, п[отому] ч[то] оно может

* Мы стоим за Россию, как стоим за Францию *(англ.)*.

быть таким же неудачным, как прежние далекие походы англичан, напр[имер] Галиполи (645). Наконец последний аргумент – японцы просят за вмешательство денег, теперь главная касса у американцев. Они колеблются, тратить ли на это деньги.

А здесь не знаешь куда ткнуться. Они заняты своими делами, не понимают значения русских, не знают, как за них приняться. Советников много, а поступков нет. И это наступление на фронте. Немцы лезут и лезут, уже в 40 в[ерстах] от Парижа, где же им думать о чем-нибудь другом.

4/VI.[1918]

Утром были с Henderson'ом у кооператоров. Он очень ловко их обрабатывает. Но я думаю, что эти люди, практические демократы, возьмут в свои руки судьбу Англии.

Вечером у меня Шкловский, Нор[д]ман, Гавронский, Ону, Кедров (646), Шварц, Трофимов, Окулич и неожиданно адмирал Вердеревский (647). Наконец договорились, что будет составлена от нас мотивированное заявление Вильсону, где мы изложим наш взгляд на союзников и Россию. Я рада, что, наконец, раздастся хоть какой-нибудь русский голос из Англии.

Вчера обедали муж и жена Линдлей и Набоков. Несчастный Линдлей (648) несмелый, неумный, по-видимому, не особенно честолюбивый, которого гонят в Россию без плана. Никак не могу понять, действительно ли англичане тоже плохие организаторы или это они в русских делах путаются. Сегодня Knox пишет, что его, кажется, посылают в Америку, куда он не хочет ехать, а в Россию, кот[орую] он знает и где его знают, не хотят посылать.

Литвинов (649) сказал Липеру, что Г[арольд] Вас[ильевич Вильямс] самый большой враг России. – Вы хотите сказать большевиков? – Это все равно.

19/VI.[1918]

Сейчас только что ушел от нас Керенский. Я стараюсь не скрыть, а сдержать все горькое волнение, связанное с ним. Мы обязаны смотреть через все головы, чтобы видеть только одно лицо – лицо России.

Он приехал с поручением об объединенной группе, где есть [э]с[е]р[ы], нар[одные] соц[иалисты], меньшевики и к[а]д[еты]. Они все за интервенцию. [Э]с[е]р[ы] выносят уже резолюции, что национальные задачи выше классовой борьбы.

Приезд Кер[енского] пока держится еще в тайне, но многие о нем знают и колония волнуется. Справа считают, что это одна путаница. [Э]с[е]р[ы] радуются. Набоков прибежал ко мне со страхом, что Керенский хочет объявить себя Врем[енным] Правительством. Стахович

спокойно говорит – глупости. И конечно прав. Но Стахович боится, что Керенский будет путать. И это, конечно, опасно.

Сегодня у меня в доме люди со 11 ч[ас]. утра до 10 веч[ера]. С утра я едва успела переписать письмо для нашего воззвания к Вильсону. В 11 ч[ас]. пришел Антонов (650), кот[орый] мешал мне, т. к. тут же сидел Стахович и мы должны были секретно (!!) говорить о Керенском. Спустила Антонова. В 12 $^1/_2$ ушел Стахович. Через пять минут пришли Керенский, Гавронский и Фабрикант (651). Сидели до 3 $^1/_2$ ч[ас]. Слушала о России и опять боль, тоска, стыд и злоба. Хотя они тоже упираются, стараются не сдаваться немцам. Милюков пока будто прислал письмо, что, если к[а]д[еты] порвут с историч[еской] традицией и от союзников уйдут к немцам, он уходит из партии. Но как удержаться России, среди голода и мерзости? Страшно...

Пришли Набоков, Нордман, певица. Опять Стахович. Позже <фам. нрзб.>. И вот теперь 11 ч[ас], я выжата как лимон. А статью не написала.

Сегодня Harold говорил речь на банкете British Russia Club. Керенский сказал, что телеграммы из его статей единственным были противовесом агентским телеграммам, которые передавали только статьи за большевиков и тем усиливали германофильство.

Вчера было письмо от Ади. Сразу светлее и тише на душе.

Адрес Вильсону есть все-таки дело. Но русскую организацию создавать здесь не хочу. Пусть другие возятся.

20/VI.[1918]

Сейчас Липер сказал, что на съезд рабочей партии не приглашен Литвинов. Условием приглашения большевиков ставится признание социал[истического] коалиц[ионного] министерства. Он говорит, что Henderson теряет популярность.

27 июнь [1918]

За этот месяц мало сделано. Я написала несколько статей. Были у Wells'а 6 и 7-го. Я побранилась с ним из-за России. Он был против интервенции – нельзя вмешиваться в чужие дела. Кто зовет? А если снаряды опять перевезут на этот фронт? Россия в состоянии мира с Германией. – Я сказала – конечно, мы и без вас справимся, но какой ценой? – А наутро известие об убийстве Мирбаха (652).

Во всяком случае, теперь интервенция решена.

2 авг[уста 1918]

В минувшую среду (24-го) был у нас Alexandre Varenne (653), фр[анцузский] депутат, социалист оборонец. Его направил ко мне La Chesnais. Он просил дать ему аргументы против больш[евиков] и за интервенцию. Я позвала русских, Lipper'а (654), Setton-Watson'а (655),

и мы два раза беседовали. Главная трудность, конечно, в том, что, не признавая б[ольшевистского] правительства, они не видят, кого признать. «Ну, а если мы позовем членов Учр[едительного] Собр[ания]?» – предложил Varenne. Мы высказались против. Оно выбрано среди террора. Дискредитировано. Территориально не представляет Россию. В нем много больш[евиков]. Varenne, кажется, не был убежден. Он, между прочим, высказал опасение, что немцы поторопятся предложить мир, пока в России нет правит[ельства] и что трудно будет справиться с пацифистами справа и слева. Полупацифист[ская] резолюция на конф[еренции] соц[иалистов] в Париже показала, что это действительно трудно. Наши аргументы не помогли Varenne и их majorité* превратилось в minorité**. Говорят, этому помогли деньги наших большевиков, положенные в швейц[арских] банках на пропаганду мировой революции. Во время конф[еренции] левое крыло соц[иалистов] издавало в Paris 6 газет.

В Англии дела пацифистов хуже. Литвинов сказал Lipper'у, что он потерял всякую надежду на революцию здесь. Но все-таки забастовка на военных заводах, темная и не особенно осмысленная, была, конечно, не без помощи большевиков.

Я видела Литвинова в клубе [19]17 г. (656). Бритое лицо молодого еврейского адвоката. Snowden (657), Nevenson (658), дамы декад[ентского] вида, молодые люди вроде наших горе поэтиков вертелись там, любезно с ним болтали. В это утро было напечатано чичеринское сообщение в Берлине, что они застрелили 200 левых [э]с[е]р[ов]. Это за одного нем[ецкого] графа столько своих вчерашних товарищей отдали. Никто из здешних левых снобов не потрудился спросить у Литвинова, принимает ли он ответственность и за этот расстрел.

Snowden поздравил меня с тем, что Милюков в Берлине. Я очень резко сказала: «Это не путь Милюкова, это путь Ленина. Он уехал в Россию с милостивого разрешения Вильгельма»... Тогда Snowden сказал: «Ну, вот, добились с вашей интервенцией. Ваше правит[ельство] объявило Entente войну». – Что ж тут нового? Они всегда были в дружбе с немцами и во вражде с Entente.

Когда Г. В. [Вильямс] сказал мне – а вот Литвинов – я ушла из клуба. Стало противно.

Вчера был у нас Керенский. Рассказывал, как он ругался с Clemenceau (659), кот[орый] заявил, что Россия нейтральная страна. Керенский считает, что во Франции тоже идет большевизм. Он этот раз произвел на меня более серьезное впечатление. А все-таки надо разобрать его историю с Корниловым. И потом ему трудно было скрыть от меня свое злорадство, что Милюков перешел к немцам (660).

---

* Большинство *(франц.)*.

** Меньшинство *(франц.)*.

А я все еще не верю. Телегр[амма] Астрова к Маклакову говорит о том, что Милюков требует, чтобы у нас были развязаны руки. Это не переход. Это страх, что союзники слишком дорого возьмут. Я хочу тоже понять.

Во всяком случае, московский центр еще держится. И то слава Богу.

Как хочется бросить все и ехать в Россию, увидать всех своих. А главное Адю.

3 авг[уста 1918]

Послала вчера Керенскому письмо, где пишу, что нам лучше договориться о Корнилове. Написала, что считаю для России большой бедой, что Кер[енский] в начале авг[уста] не сумел сговориться с Корнил[овым]. Посмотрю, ответит ли.

Harper (661) напечатал в «Chr[istian] S[cience] Monitor» (662) от 6 июля мое частное к нему письмо, где я, в сущности, обращаюсь к Вильсону. Я очень рада, что могла прямо сказать свое мнение самому сильному в Entente человеку.

6 авг[уста 1918]

Вчера был Holsti, (663) Набок[ов], Нордм[ан]. Долгие разговоры о Финляндии. Holsti признает, что Герм[ания] несет рабство. Он хочет, ч[то]б[ы] его родина избавилась от немцев, но к России не хочет, России боится. Главное, ч[то]б[ы] Англия признала их независимость.

Архангельск освободился от больш[евиков].

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 27–37. Автограф.

14/XI.1918

P. Boyer говорит, что у докладчика по России ‘deputé’ M. Margaine, мало доводов против б[ольшевиков]. Террор – но это было и во время Вел[икой] Революции. Надо указать, когда они нарушили законы и право. Случаи убийства без суда указать точно. Они все-таки творят волю населения.

Цель интервенции. Ее смысл и размеры.

Подсказать Алексу о Деникине.

Бюро информ[ации]. Выбрать план.

Дать возможность действовать сразу. Кто?

Вопрос представ[ительства].

Надежда на сговор Сибири с Югом. Если нет, тогда пусть съедутся, но не из Москвы, представители и здесь сговорятся.

С нац[иональностями] тоже надо нам сговориться между собой, а уже потом на конгрессе они могут выступать по вопросам, их касающимся.

Что такое федерация? Финляндия, Украина должны сговориться с Москвой и тогда только Галиция.

Границы Польши.

<...>

Мы все перестали быть сами собой. Это началось с войны.

<...>

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–3об.; 13об. Автограф.

1919

23 янв[аря 1919]

Вчера вечером из «Chronicle» прислали решение премьеров заставить русских разговаривать на Prinkipo (664). Были Hoare с женой. Смотрели на нас с недоумением. Милюков молчал при них. Когда они ушли, сказал: «Я все-таки не думал, что они такие идиоты».

То же самое говорят чиновники в Foreign Office*. Они понимают, что это оскорбительно для России и не поможет союзникам. Тут есть несомненное желание отделаться от этой скучной, всем опостылевшей России, но отделаться прилично, прикрывшись лицемерной маской friendship and Allies**.

Очевидно, мы можем рассчитывать только на самих себя. Но что будут переживать в России те, кто, обливаясь кровью, в муках, пытается создать действительно новую Россию и освободить ее прежде всего от большевиков.

Здешние русские плохи. Я боюсь нашего парижского комитета, его слабости, неустойчивости, нерешительности.

От союзников хочу только пушек, танков и денег. Моральной их опоры нам не нужно, п[отому] ч[то] морально мы выше их и это давно пора понять.

Zimmern (665) говорит, что более циничного документа давно не видела международная дипломатия.

(С тех пор мы насмотрелись всякого цинизма.)

2 авг[уста 1919]. Париж

Приехала сюда 29 июля. В посольстве затишье. Нет той суеты как в мае. Маклаков в Vichy. Политич[еское] совещание (666) окончательно закрылось в день моего приезда. Какие итоги его работы не знаю, т. к. их дело или безделье никому не сообщалось. Бесспорная заслуга одна – они заняли место, кот[орое] иначе могли бы захватить еще менее госуд[арственные] люди вроде Керенского. Но это достоинство

---

* Министерство иностранных дел в Великобритании *(англ.)*.

** Дружба и союзники [по Антанте] *(англ.)*.

отрицательное. Конечно, положение их было очень трудное, т. к. за ними не было ни тыла, ни государства. Но по мере того как росли армии Колчака и Деникина (667), они могли и должны были проявлять инициативу. Ее не оказалось. Я не знаю их внутренней жизни, но когда я была в мае, осталось впечатление внутренних разногласий, трений, мелочности, отсутствия центральной мысли и центральной воли. Хозяина не было, да и кто мог им быть? Кн. Г. Львов, как глава Вр[еменного] Прав[ительства], уже доказал свою беспомощность и непригодность. Когда я видела его в декабре в Лондоне проездом из Сибири в Париж, он подкупил меня рассказом о пережитых испытаниях. Мне думалось, что человек, кот[орого] 8 раз выводили к расстрелу, через прикосновение к смерти должен был родиться для новой жизни. Я ошиблась. Он остался тем же, на вид простодушным, а в сущности, лукавым и честолюбивым уездным помещиком. Рядом с ним Вырубов (668), зем-гусар (669), пустой и ничтожный. То, что он был вроде правителя дел в Совещании, уже доказывает полную неделовитость постановки. Стахович талантливый, искренний и бесполезный русский барин, кот[орый] вдруг на старости лет стал искать демократизма, не того подлинного русского демократизма, кот[орый] сидит в каждом из нас и в Стаховиче так же, а другого, американского и нам совсем не нужного.

4 авг[уста 1919]

В. А. Маклаков оказался человек[ом], совершенно не стоящим своих достоинств. Умный, блестящий, образованный, он не только беспомощно путается в собственном посольстве, отступая в ужасе перед необходимостью организовать просто канцелярскую сторону (тут Базили (670) смотрел на него ласково и презрительно), но даже перед необходимостью обдумать и поставить определенные задачи, план. Ни мысли плодовитой, ни даже ясной схемы. Одно жалкое прятание за чужую спину, страх ответственности, желание отсидеться*. Бахметев (671), липкий, пролазливый, беспринципный и даже, говорят, нечестный, забрал его в свои руки. Когда я была в мае, тут ясны были два лагеря – Бахметев и Маклаков, с другой стороны – Львов. И это не помогает работе.

Сазонов еще. Честный, чистый, преданный России, но полный горечи, умеющий думать только по трафаретам до 1914 г. Безответственные русские левые крикуны подняли против него травлю, наускивали французов bolshevisants**. Сазонов раздражался и не скрывал этого, тем более что Маклаков и Ко тоже поджали хвосты, испугав-

* <На полях помета:> «Не верно. С чужих слов. 24/VI.1958 – А. Т[ыркова]-В[ильямс]».

** Пробольшевистски настроенных *(франц.)*.

шись левых. В Лондоне Сазонов не имел успеха. Даже Hoare, устроивший ему и встречи и приемы, под конец, видимо, разочаровался.

Живее всех оказался Чайковский (672). Многие из моих друзей и ему не верят. Но кто же кому теперь верит? Вчера за завтраком я сказала Сазонову и Драгомирову (673): «Вы не верите Алексинск[ому] и Савинкову, а те не верят вам. Это роковое». Так и с Чайковским. А я лично сейчас ему верю. Или он действительно очень лукав, или он как дядя Влас (674) покаялся и хочет спасти свою социалистическую душу верной службой Государству Российскому. Когда в январе (?) ехал он из Архангельска в Париж, то на заседании в посольстве в Лондоне категорически заявил: «Как я могу подчиниться Колчаку, когда он совершил насильственный переворот». Мы не спорили, ждали, как возьмутся за него в Париже. Теперь он упорно отстаивает Колчака и Деникина. Еще в мае, когда его вызвали мировые диктаторы (675) и он давал им объяснения, он защищал Колчака от обвинений в недемократизме (676). Три недели тому назад в Лондоне, на завтраке в Luncheon Club'е, он сказал по поводу выступлений Керенского и К°: «Они все требуют от нас демократизма. Но что же может быть демократичнее армий Колчака и Деникина? Мы должны всецело их поддерживать, п[отому] ч[то] большевизм не может быть изменен изнутри, а только раздавлен внешней военной силой».

Это все ясно.

Перевидели эти дни много людей. Депутацию из Екатеринодара. Больше всего я надеюсь на Драгомирова. Астров (677) растерян. Панина все-таки похожа на перепелку, бросается, суетится, десять раз решает ехать или не ехать в Лондон, точно это поездка на Луну. А за ней Астров почему-то мрачный и совсем не покладистый. Не очень деловито выглядит и Соколов (678). Он правый. А те считают себя левыми. Но все нескладные, а главное провинциальны.

В субботу завтракала в посольстве. Человек 10–12. Делегация Екатеринодарская и несколько французов. Общего разговора никакого. У французов явно вид людей, исполняющих скучную повинность. Для развлечения мы с Сазоновым в саду почти поссорились. Я его отчитывала за скупую непокладливость с Финляндией, что стоило нам затяжного Петроградского кошмара, а он, рассердившись, стал меня корить за то, что Набоков все еще сидит в Лондоне: «Я давно уволил бы его, если бы не вы». Смех и грех. Все эти дни нарастала злоба против французов за все эти мелкие придирки. И вдруг сегодня оказалось, что M.Inglese в М[инистерстве] Ин[остранных] Д[ел], кот[орый] мне устраивал визу, это отец несчастных трех юношей, расстрелянных в Петрограде. В марте 1918. И он мне сказал: Et cependant j'aime la Russie*. Я чуть не расплакалась. Этого нельзя забыть.

* И, наконец, я люблю Россию *(франц.)*.

Россия

1919 (старый стиль)
1 сент[ября]

Вернулась из-за границы после 18 м[есяцев] жизни в Англии. Опять дома, вернее, в передней родного дома. Это еще не совсем моя Россия, но много друзей и как-то чувствуется, что мы уже на пути к себе. То, что здесь нашла, гораздо лучше, чем думала. Отхлынула та прежняя волна демобилизации, анархии и всеобщего свинства. Жизнь легче, чем я думала.

Вчера ряд разговоров. Утром пришел Рысс (679). Худой, нервный, издерганный, желтый и весь дрожащий от внутренней тревоги, кот[орую] старается скрыть за шутками. В Одессе голодал, ежеминутно ждал смерти, но вместе с офицерами организовал контрреволюцию. Приехал сюда, думал найти что-то общее, близкое, ясное и наткнулся на антисемитизм.

– Я все понимаю, но пусть скажут прямо, пусть будет открытая политика... Ведь если евреи будут против, они весь мир подымут. Вы знаете, у них и биржа и газеты. Они сила.

Мне его жаль, а что делать? Я ему сказала: «Офицерство против евреев, и разве этому можно удивляться? Комиссары почти сплошь евреи, и вы это знаете. Надо иметь мужество пережить эту полосу». Но я понимала, что нет у меня слов для него.

Он только что ушел, пришла Бейер из Освага. Она говорит, что опрос показал, что красные солдаты пишут на своих вагонах: «Бей жидов, спасай Россию» или: «Сахар Бродского (680), чай Высоцкого (681), Россия Троцкого».

Вечером заседание следств[енной] комиссии (682). Те зверства, о кот[орых] они говорят, лучше всего показывают, что человек есть животное, кот[орое] требует укротителя.

Пошли к Новгородцеву. У него делала доклад учительница из Киева, немолодая, очень неглупая, деятельный член Учит[ельского] союза. История школы за эти 2 года, как она ее рассказала, яснее всего показывает, что украинство выдумано австрийцами, немцами, честолюбцами и шантажистами. Врем[енное] Прав[ительство] тоже дурило. Мануйлов (683) издал закон о преподавании украинознания. Проф[ессор] Науменко (684) (расстрелянный позже большевиками) высказался против отдельного преподавания укр[аинской] литературы, т. к. до последних лет у нас одна общая литература. Когда украинцы забрали власть, они устроили школьную раду, где дали 4 места украинцам, 1 полякам, 1 евреям, 1 русским. Объявили, что только 11 % школ м[огут] б[ыть] русских. На самом деле в Киеве до конца было 100 школ русских, 11 школ укр[аинских], да и те пустовали в то время как русские школы были переполнены.

Новгородцев слушал с усмешкой. Его на самостийности не проведешь, хотя Иг[орь] Демидов (685) и старается. Вот еще левый неуч.

Вообще, до сих пор жизнь не выбила из некот[орых] к[а]д[етов] левого фасона. Это не хорошо.

Когда махновцы пытали офицера, он, умирая, сказал – будьте вы левыми, будьте вы правыми, но любите Россию.

13 сент[ября 1919]

Вожусь с устройством заграничной пропаганды. Ко мне лично большое благожелательство, слушают, предлагают начать. А по существу, не понимают значения этого дела, думают, что можно кое-как применить его к старой постройке. 9 сен[тября] вечером устроили маленькое совещание в каб[инете] Соколова. Был Этелье, Грим, Шумахер, Ленский (686), Редкозубов (он же товарищ Николай). Я им рассказала свой план. Должна быть особая часть иностранной пропаганды. В нее входят кредиты, связь и курьеры, посылка делегатов, руководство отделеньями заграницей и, конечно, не только снабжение информацией, но и указание политических тем и общего направления.

Сначала сопротивлялись. Тов. Николай напал на мою централизацию. Потом стал соображать. Теперь он рьяно проводит мой план. Авось что-нибудь сделаем.

Прошлое воскресенье было засед[ание] Ц. К. Должны были говорить об Украине, но бормотун Долгоруков дал прениям уйти в другую сторону. Н. И. Астров прочел какое-то донесение о грозном росте монархических организаций, кот[орые] говорят о засилье еврейского капитала и опираются на погромы. Все это было так старомодно и наивно. Я спросила его, неужели они не знают, что еврейский капитал действительно является мировой силой, кот[орая], между прочим, имеет большое влияние и на международную политику в рус[ском] вопросе. И зачем монархистам сочинять погромы, когда их творят все [–] и красные, и белые, и зеленые, и петлюровцы. Мои слова точно спичку в спирт бросили. Юренев признался, что под честным словом он не может уже сказать, что его отношение к еврейскому вопросу прежнее. Демидов рассказал про юдофобство в Киеве, где 100 % комис[саров] были евреи, где так велико было озлобление, что когда большевики захотели создать из христиан и небольшевиков Общество помощи евреям, пострадавшим от погромов, то никто из общ[ественных] деятелей туда не пошел.

Бедный Астров растерялся и стал уверять, что вообще нам надо решить вопросы по существу. «Представьте себе, что завтра кто-нибудь из нас будет министром-председателем или внутр[енних] дел. А мы даже не решили: монархисты мы или республиканцы».

Никто решать не согласился, и будущий министр внутр[енних] дел возьмет портфель так и не зная, кто он? По-видимому, назначение его предрешено. Хорошего в этом мало. Он сладкий, лукавый и нерешительный (прежде чем из Парижа в Лондон съездить, три раза ме-

нял решение, то едет, то нет). Он числится левым. Это его обязывает и толкает. А тут еще подталкивает или, как говорит Новгородцев, подкладывает дров Панина. «Она сейчас представляет из себя настоящую государственную опасность», – говорит тот же Новгородцев, подымая брови и глядя своими крупными непроницаемыми глазами в упор на собеседника. Умный он и тоже лукавый, но не по-Астровски, а как, вероятно, бывали лукавы в старину московские дьяки, когда тихой повадкой и стрелецким кулаком укрощали буйное государств[енное] крыльцо.

Для романиста Панина и Астров любопытный материал. Но в политике я их тоже боюсь. Она властная, любит и умеет командовать, очень самоуверенная, но, конечно, неумная в настоящем смысле этого слова. Прав был ген. Драгомиров, когда в Париже с усмешкой спросил меня: «Разве графиня тоже считает себя политиком». Я не сказала ему, что считает и даже очень.

Она верит в Астрова, толкает его, подбирает людей, строит ему карьеру, делая это с искренней влюбленной верой в его государственные таланты. А т. к. в нем самом давно крутится червь честолюбия, то напор получается большой.

Ну, а Россия что от этого выиграет? Ничего.

Не легко Деникину, если ему приходится держаться за таких маленьких людей.

Что такое к[а]д[етская] партия сейчас? Нужна ли она? Ошибок и грехов много на наших душах. А как их искуплять и поправлять? Ведь россыпью тоже недалеко уйдешь.

19 сент[ября 1919]

До сих пор почти ничего не сделала, только яснее поняла, сколько кругом хаоса. Жизнь торопит, а у людей нет прежней силы. Новые люди приходят медленнее, чем надо.

1920

4 янв[аря 1920]. Новороссийск

Докатились до моря. Как это произошло, никто не понимает. Когда началось отступление, не верилось, что отдадим Харьков. Теперь спешно заняты подготовкой эвакуации Новороссийска, хотя, по слухам, Батайск еще наш. Кроме слухов, почти ничего у нас нет. Все порвалось, перемешалось, спуталось. Те, кому верили, оказались слабы. То, что мы считали ядром нарождающегося русского государства, оказалось если не мыльным пузырем, то каким-то комком глины, который распался от первого толчка.

Едва ли не хуже всего, что катастрофа еще больше обнажила общее одичание, обнагление, распущенность. Вся ткань гнилая и как будет вылезать из этой тины народ, неизвестно.

Все гражданское управление сводилось к длинным заседаниям. Они обдумывали все мелочи, но были неспособны что бы то ни было исполнять. Полное бесплодие и бездарность. Вчера, в заседании комиссии по эвакуации, Астров сообщил как будто с удовлетворением, что англичане привезли 2000 тонн угля. Стыдно было слушать. Сидели месяцами в Донецком бассейне и не сумели не только отстоять, но даже использовать его.

Вообще все эти последние недели горечь стыда душит. Противно и стыдно. Мы были слепы и глухи. Верили в приведения, мирились с тем, против чего следовало кричать. Таких людей, безволие и близорукость которых были для всех очевидны, мы осуждали в кружках, но этой же кружковщиной и поддерживали их.

Как теперь выходить? Где люди? Где путь?

И ведь знаю, что красные слабы. Это не сила на силу, а слабость на слабость.

И рабство перед иностранцами неизбежно.

До сих пор я смотрела смело в глаза иностранцам. Внешние условия были против нас, но я верила, что внутренне мы правы. Теперь мы осыпались изнутри. Сникли.

Третьего дня мы были в миссии у Маккиндера (687). В нарядном доме управляющего заводом, среди хорошо одетых, самоуверенных англичан на меня сразу пахнуло Англией богатой и сильной. Стало больно и сиротливо. Мне не жаль нашего поколения, но молодежь, бездомная, кот[орая] в своей стране обречена на горечь скитания, кот[орая] не имеет родины и не видит перед собой авторитета – это слишком тяжело.

Маккиндер внушительный, грубоватый, сознающий и важность своего положения, и удачливость своих планов, выглядел именинником. Настоящий иноземец, решающий судьбу низшей расы. Его план, это давно знакомый мне план расчленения России. Это называется de facto признание самоопределившихся окраин.

На самом деле это больше похоже на исполнение старого плана Бисмарка (688) разбить Россию на куски.

Маккиндер первый раз в России. Перед приездом сюда работал месяца два, изучал, быть может, даже кое в чем разобрался, но, конечно, издалека, дилетантски. А все-таки ему поручена если не судьба России, то сегодняшнее мгновение. И так мы слабы, так безличны и безвольны, что нечем и некому дать отпор, оборонить наследие предков, отстоять права будущих поколений.

На каждом шагу натыкаешься на это бессилие. Нет никакого сопротивления. Бросают. Уходят. Пугают друг друга.

Последние дни носятся с эвакуацией. Запись идет в грязной кофейне. На стульях сидят вереницей дамы, жены военных и служащих.

Между ними мелькают напуганные фигуры мужчин. Их англичане не везут. Везут только женщин, детей и стариков. Идет ропот. Мужчины считают, что они, кормильцы, не должны отрываться от семьи. Хотя какие же они заграницей кормильцы. Ищут предлогов, спрашивают, суетятся. Точно уже все кончено, точно уже нет ни территории, ни сопротивления. Полная дряхлость. И это самое противное.

Власть развалилась. Никто даже не знает, кто теперь начальство, где оно и как его зовут. Но еще на горизонте маячит тень Деникина, еще слово «Ставка» что-то значит.

9 янв[аря 1920]

Видела Бернацкого. Он говорит об эвакуации с раздражением: «Если хотите, ч[то]бы офицеры дрались, оставьте их жен здесь Им, по крайней мере, будет что защищать, т. к. драться за родину они больше не желают». Он упрямо верит в то, что мы выправимся, не отдадим Крым и Черном[орское] побережье. Его семья тоже отмахивается от заграницы: «Конечно, мы остаемся в России». Так же рассуждает и милая многолюдная семья Челищевых (689). Но большинство готово все бросить и бежать куда глаза глядят.

Мне очень тяжело на пункте. Там англичане хозяева, а русские вроде слуг. Служба в миссии очень портит и офицеров и барышень. За немногими исключениями, они точно чванятся своей экстерриториальностью.

Эти дни слухи об оккупации. Почему-то ждут ее на 14. Когда пришли дредноуты, потом несколько сот английской пехоты промаршировало, в городе началось волнение, скорее, радостное.

А. Титов (690) сказал мне: «Конечно, с точки зрения гражданской, это неприятно, но безопасность». Стал ругать Лукомского, что он небось все подготовил для своего отъезда. Я напомнила, что Луком[ский] из Ростова уехал последний, да и раньше достаточно доказал свое мужество. Одна из подробностей этих срамных дней – представители общественных организаций бросили раненых и служащих, а сами удрали. Титов стал все валить на Шереметева (691). Я просила доказательств. Он замялся.

Вот и выбирай опору среди общественности.

Среди постыдного переполоха и животного страха русские люди точно не отдают себе отчет, какой кризис мы переживаем. Два года копились силы и сорвались. Соберутся ли они снова? Пользуясь нашей слабостью, союзники опять выдвинули план близкий к расчленению России. Пройдет ли он? А если пройдет? Тогда мне сдается, что неизбежна близость с Германией.

9 февр[аля 1920]

Н. В. Савич (692) сказал в заседании Нац[ионального] центра и госуд[арственного] объединения: «Наша главная вина была в том,

что мы не умели воспитывать власть. Мы были слишком деликатны и потому молчали. Это довело власть до самодурства». В нем сидит упрямая мысль, что красная и белая армии как-то сольются и это разрешит все. На том же заседании Н. Н. Львов (693), пламенный Дон Кихот, говорил о доблести юношей, кот[орые] и сейчас продолжают отдавать себя родине... «Кто смеет упрекать нас в отсутствии упорства? Там, на фронте, добровольцы опять оправились. А здесь, среди холода, голода и мора, разве мы не делаем огромного усилия, стараясь воссоздать жизнь. Даже газеты снова воскресли среди невероятных трудностей. А ведь, казалось, что мы докатились до самого края бездны».

Это было третье такое заседание на этих днях. Правы были Кривошеин (694) и Г. В. [Вильямс], удивлявшиеся блеску речей на этих собраниях. Полтора месяца бродили верхи русской интеллигенции по грязным, холодным, бессмысленным улицам Новороссийска. Одинокие, разрозненные, ошеломленные, многие испуганные и все охваченные огнем тоски, они про себя переживали катастрофу. Порой собирались по два, по три и в нетопленных, угрюмых, безнадежно чужих комнатах, нервно перебрасывались опытом последней горечи. И только недавно поняли, что надо вслух, хотя бы в кругу избранных, обдумать, осмотреться. А когда сошлись и заговорили, то оказалось, что все униженья внезапного разгрома не притушили их, а напротив, углубили, придали новую яркость их мыслям.

Началось с Ц. К. Мы заседали 4 февр[аля]. Слушали письмо Астрова к Милюкову, такое же расплывчатое, половинчатое, скользящее, как все, что делает и думает этот к[а]д[етский] Гамлетик. Он звал Мил[юкова] сюда, ручался, что «ген. Д[еникин] будет ему рад, хотя мы [с] Вами и рискуем».

Сейчас же перешли на все темы сразу. Обсуждали резолюцию П[авла] Ив[ановича Новгородцева]. Как отнестись к Верховному Кругу, к казачьему правит[ельству], к тому, что вместо диктатора у нас ответственное министерство. Можно ли работать? С[офья] Вл[адимировна Панина] передала мнение Юренева, что мы присягнули Ден[икину] и Добрармии, должны с ней умереть, идти на все посты. Степанов (695) иначе посмотрел. «Лично я продолжаю обожать Ден[икина], но он сам от нас отошел, и при новой политической комбинации он в нас не нуждается. Если будут военные победы, он сбросит с себя всю эту чепуху и будут перемены. Если нет, то Д[еникин] погибнет. Но как быть с живыми силами? Нельзя ли опереться на Крым и, во всяком случае, не чураться новых имен». Он думает, что Кубанский эксперимент (696) не подымет среди офицеров авторитета Д[еникина]. Так спутаны были сведения, что в Одессе был слух о самоубийстве Ден[икина].

Интересно было мне слушать Панину. В ноябре 1917 г. она сердилась, когда я требовала лозунга – беречь людей. И Шингарев вторил ей. Теперь у нее проснулся личный страх не за себя, а за любимого

человека и она требует – берегите живых людей. «Мы пережили личную катастрофу, т. к. связали идею России с преданностью Ден[икину]. Надо понять, что присягали мы России, а не Ден[икину]. Партия не должна дон-кихотствовать. Я не верю в победу. На нас идет эсэровщина, левее Аргунова (697). Они нас просто убьют. Что же делать? Ехать в Крым? Но Крым не может существовать самостоятельно. Остается эмиграция, конечно, для того чтобы там продолжать служение России».

Пав[ел] Ив[анович Новгородцев], как всегда, забрал глубже всех. «Пора подумать о народе. Война кончается. Казачье правит[ельство] есть правит[ельство] мира, а не войны. Ден[икин] уже не хозяин. Мы придем или к иностр[анной] жандармерии или к эволюции от чумазого к культуре».

Кстати, чумазого он у меня стащил. Я сказала, что Тимошенко (698) и казаки это чумазый и это хорошо, т. к. мы белоручки и чистоплюйки, а укрощать чумазую смуту должен чумазый.

И в Госуд[арственное] Объединение (699) три дня тому назад вернулся этот чумазый. Там собрались бывшие министры, от которых жизнь ушла еще дальше, чем от к[а]д[етов]. Кривошеин это откровенно высказал. А все же Билимович (700) выражал сентиментальную веру в возможность какого-то понимания между тонким верхним слоем и широкими массами, кот[орым] надоели лозунги революционной демократии.

В ответ на высказанное кем-то сомнение, можно ли еще воевать, Савич заявил, что хотя армия устала, но весной она опять двинется с юга: «К этому времени надо суметь дать армии близкие ей лозунги».

И вдруг Мусин-Пушкин (701), монархист и мечтатель, нашел формулу: «Кто знает, не будет ли будущая русская монархия эсеровской с примесью махновщины?» – Петр Берн[гардович Струве] все время утверждает, что произошел провал военщины, и все приписывает государственному невежеству генералов.

– Как описать Новороссийск? (Поезд № 10. Кадеты. Тюрьма. Греки, беженцы.)

Разговор Паниной с Челищевым. Кадеты до 500. Греки на солнце. Солдаты в гор[одском] саду. Борода Долгорукова. Пав[ел] Ив[анович Новгородцев] (приду и ищу. Одну нашел). Больницы. (В суде на корзинах) Молодой Ельяшевич, Гуля, Евг[ений] Трубецкой. Дон Кихот – Львов.

Nord-Ost.

Перестали мыться. Нет белья. Спят на столах. Болтаются подошвы <...>

Мальчики. Внук министра, кудрявый, глазастый, заикается. «У него пуля в мозгу, это не способствует умственным упражнениям». Смеется. – И женщины улыбаются.

А на улицах все гробы. Иногда с музыкой, редко с помпой. Чаще бегом, рысью, на тех же дрогах люди. За Трубецким (702) шло 20 человек. На путях умирают.

Столкнуло всех на край бездны. Истощенные, измученные, они даже не могут пировать среди моря.

Что-то оскорбительное в слове «беженец».

Контраст с англ[ийской] миссией. Наши офицеры парии. В грязи, в лохмотьях.

Офицеры околачивают пороги интендантств.

Лукомская (703) – мы все говорим о вшах.

12/II.[1920]

Видела Лукомскую. Как и все, она говорит о том, что Д[еникин] никого и ничего не хочет слушать. Ее муж писал из Крыма подробные донесения, предупреждал об опасности. Д[еникин] просто не отвечал и теперь не зовет его, не торопится узнать, в чем дело. Она тоже считает положение безнадежным, отчасти из-за этой слепоты Д[еникина]. В Крыму, по ее словам, все, не исключая Вр[ангеля] (704), потеряли голову. Немудрено. Что может быть хуже положения офицеров, не верящих больше в силу и ум вождя. Да еще в гражд[анской] войне.

Простились мы с Лукомской сердечно, почти дружески. Она умная и сильная. В такие бурные полосы людей яснее видишь, острее ощущаешь и ближе к ним подходишь.

Утром пили у меня кофе Н. Н. Львов и пятнадцатилетний солдатик, Мясоедов-Иванов. Оба [–] и состарившийся среди политических битв и гражданского хаоса Львов, и мальчик, контуженный, искалеченный, с пулей под черепом (красный солдат выстрелил в него, лежачего, раненого) были равно бездомны и равно радовались горячему кофе. Сколько таких.

Я говорила сегодня в Ц. К., что война кончена. Надо спасти силу, живую. Мой план опоздал – мне казалось, что надо ввести Крым и Черноморье в Южную федерацию и тут отсидеться. Возражение – полная невозможность и Д[еникин] не согласится входить в какие бы то ни было сговоры или перемирия с больш[евиками]. Умрет сам и других погубит, но соглашений не допустит.

1920. 26.VII. London

Приехали вчера из Парижа, где пробыли два дня, ч[то]б[ы] повидать Струве. Когда в начале мая, возвращаясь с Балкан, мы были там, никто не признавал Врангеля. Мечтали создать что-то вроде правительства в Париже. Теперь кн. Львов хвастается успехами Врангеля. Нольде (705) говорит, что это наша последняя ставка.

Вопреки нашим опасениям, Струве хорошо справился с задачей (706). От франц[узского] правит[ельства] он добился большего, чем можно было ожидать. Millerand (707), перед тем как выступить в Палате, вызвал его и вставил в свою речь часть его мыслей.

Странно было видеть метущуюся, рассеянную фигуру П. Б. [Струве], ставшую центром нашего посольства. Его приемная полна. Глеб (708) и Ляля (709), почти похожие на дипломатических юношей, принимают и ходят с докладом.

Забавная тройка: он и его сыновья. Ляля – ты отличный человек, но отец ты нестерпимый.

(После обеда.) Струве затащил нас к Petit*, потом исчез в розовой гостиной Hôtel Americain**, точно в кинематографе.

29.VII.[1920]

Был Гришин, ординарец Деникина. Из солдат. Вероятно, Буденный (710) такой же.

«Взяли мы броневики, поехали в Александровск. Подпустили махновцев, потом из 8 пулеметов».

Сидим в будке, говорят на ст[анции] махновцы. Мы пошли втроем. Темно. Коменданта уже убили и телеграфиста.

«Ты кто?» – «Я офицер русской армии А ты кто?» – «А я батько Махно» (711). – «Вот как!» И ударил его кинжалом. Ушли на тачанках. Я в черкеске и при орденах.

Евреев били, ну да, ведь, по правде сказать, как их и не бить.

Романовский (712) был милый человек, но много от него было зла.

*17.VII*** [1920]*

Врангель держится. Варшава отбивается. Л. Дж[ордж] уперся (713).

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 37об.–59. Автограф.

19.XI.[1920]

Столкновение в Ком[итете] с Милюковым. Он признает продолжение вооруж[енной] борьбы, но считает нужным как можно скорее «дезавуировать» Врангеля. «В будущей России нет места для него и его армии. Их туда не пустят». Я предложила послать телегр[амму] Врангелю как вождю армии (714).

---

* Очевидно, название французского ресторана.

** Отель Американец *(франц.)*; расположен в центре старого района Парижа – Маре, на ул. Шарло.

*** Так в тексте. Видимо, следует читать 17.VIII.

«Я ее не подпишу», – сказал Милюков.

Тогда Г[арольд] Вас[ильевич Вильямс] заявил: «Мне стыдно это слушать».

М[илюков] убежал. Тел[еграмма] была принята.

<...>

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 67. Л. 15об.–16об. Автограф.

1921

29 Май.1921. Париж (715)

Неизбежность личного. Это тяжело и непривычно. Но некот[орые] черты напоминают мне последнее выступление Некрасова. Он тоже резко и категорично ставил нас перед fait accompli*, перед своей коалицией с Цер[етели] и Кер[енским] в украинском вопросе.

Но как тогда было признано, что это остается его личным шагом, так и здесь П. Н. [Милюков] ведет свою личную политику. И это должно быть сказано.

Стилизованная повесть об [э]с[е]р[овском] грехопадении (716) дышала влюбленным упоением. Я понимаю, что политик соскучился без кулуаров, как актер без сцены. Но не понимаю, как можно так менять масштаб. Маленькие хитрости около Зензинова (717) и Минора (718), попытка лидерствовать над этими неудачниками от социализма, игра словами – мы Учредилка (719) и не учредилка, наша общая с [э]с[е]р[ами] тактика, кот[орую] они, правда, отрицают, над всем этим авторитет партии, разбитая армия и ее главнокомандующ[ий], а главное, большевики и опять большевики.

Поможет ли эта игра освобождению России? Конечно, нет.

Во-первых, какие же это союзники, кот[орые] вас стыдятся? Самолюбие можно спрятать в карман, но зачем?

Работа вне России, защита беженцев. И прежде всего бешеная травля армии и ее вождя. При этом говорят нам – полемика это главное.

Для иностранцев. Но прежде приобретать авторитет среди русских. Связавшись с Керенским, вы его только потеря[ете].

Внутренняя спайка с [э]с[е]рами.

Наша общая с ними тактика. Буржуазно-социалистический фронт.

Против кого? Враг?

Против организованного социализма или против реставрации и реакции, которой нас до сих пор стараются запугать. Но м[ожет] ли быть реакция более страшная, чем социалистический строй? Социализм [–] вот реакция.

---

* Совершившийся факт *(франц., англ.)*.

Права граждан и человека, личная инициатива и собственность. Причем же тут [э]с[е]р[ы] как идеология?

М[ожет] б[ыть], они сила? Где? В Париже, в Праге, в России?

Нет объективности. Стоит ли за них прятаться. Уместно ли русскому либерализму прятаться за спиной Чернова? Если это comouflage*, то он вреден, т. к. сбивает понятия и без того сбитых с толку рус[ских] людей.

А прояснять их сознание есть первый долг. Оттого и нужен съезд.

Но еще о деньгах. Это важно. Тайные деньги только в конспирациях, а не в учрежд[ениях], претендующих на представительство русских. Тень падает и на нас. Я протестую. Парижская к[а]д[етская группа] за себя. Вся Учредил[ка] вредна. Поддерж[али] предлож[ение] Астрова (720). Пусть знают, что там было лицо М[илюкова], но не лицо парт[ии].

О съезде. <...>

Чем Гурко (721) хуже Чернова. Какая раздражительная и высокомерная нетерпимость.

Два слова Гронскому (722). Pas d'epit**. Тут ревности быть не может.

Милюков. Признать революцию. Мы ее вели. Коалиция есть основная черта революции. Когда идут [разговоры] о власти, они идут к нам, а мы к ним.

За соглашательство с нами соц[иалисты] потеряли свое положение в Петрогр[адском] гарнизоне. Я считаю это доказанным.

Мы шли к Корнилову сознательно. Уже тогда проявились черты, кот[орые] провалили все генеральское движение. Провалились на окружении. Не было популярности в населении. Борьба с большевиками. (Обвиняю моск[овский] Ц. К. в выдаче моего письма союзникам (723).)

Пункт о сильной власти. Я согласен. Мы на этом разошлись с левыми. Раньше мы говорили одним языком с левыми. Нельзя было отдавать власть военным.

Отрицание сепаратизма – я от этого отошел раньше (724). Нас жизнь побила. Единая и Неделимая провалилась с Сазоновым.

Возражение против реставрации Учр[едилки].

(Со слов Щ[епкина] (725), смутный наказ, что все надо левее, кроме расчленения Р[оссии].)

Характеристика групп. Екатер[инодарский] крен вправо (726). Деят[ельность] А. В. [Тырковой] в Осваге. Солидаризовалась с Освагом. Я ничего не знаю, кроме слухов.

Крен влево необходим, п[отому] ч[то] был крен вправо. Слишком подчинились Деникину.

Для Вас революция только разрушение.

---

* Хитрость, уловка, камуфляж *(англ.)*.

** Вопреки здравому смыслу *(франц.)*.

Население систематически предпочитало большевиков добровольцам. Полк[овник] Богаевский (727).

Главная причина. Двусмысленное отношение союзников. Если бы они сразу помогли, это было бы иначе.

Но в результате могла появиться реакция.

Еще со времени Ростовского сидения я видел, что подбираются реакц[ионные] элемен[ты]. Но я считал, что реакция будет временной, и я был готов на это, так велики были удары большевиков.

Я убедился, что даже военного освобожд[ения] при известных условиях быть не может. Я тут понял, что русский народ имеет волю. Большевиков приемлет, а генералов не приемлет. [Э]с[е]р[ов] принимает, а к[а]д[етов] нет.

Ответ за мин[истерство] в[нутренних] д[ел] мы несем (728).

Когда сыновья Львова рассказывали мне об ожесточенности, как русские убивали русских, я думаю, надо ли это.

Говорить, что армия спасла Европу от большевизма не верно (729).

Большевизм окреп от борьбы за Россию против России, борющихся против России.

Часть Красной армии борется за Россию против людей, кот[орые] идут в союзе с иностранцами. В 1921 г. уже безнравственно то, что было возможно в [19]18 (730).

Просто отметает обвинение в общей с союзниками тактике. Не признает упрека в командовании, некогда было ждать.

Тот план, кот[орому] мы служили скрепя сердце и вопреки собственному убежден[ию], все эти опыты укрепляли большев[иков]. Считая и иностранцев, и белых генералов <обрыв текста>.

Как только крыша, кот[орая] давила, была снята, пар вышел (731). Только вопрос, чья тут ответственность. Кроншт[адт] (732) явился ярким, но преждевременным проявлением нашего прогноза. Все, что было в Тамбовской губ[ернии] (733).

Впервые возмож[на] связь между Россией и эмиграцией (734).

Мы против употребления этой армии с этим командованием. Россия их не приняла. Выгоднее расселить.

Константинопольск[ая] группа [кадетов] есть доказательство, что к новой тактике есть тяга.

Мы не хотим добивать армию. Из того, что ни слова участия к армии не было сказано, мы спасали авторитет партии для будущего.

Говорят, мы связали себя с партией, кот[орая] сама не имеет авторитета. Лик партии потерялся. Я просил бы отделять новую тактику от политики с [э]с[е]рами. Сами себе предоставленные, мы не взяли бы всех подробностей резолюции по интервенции.

Новая тактика была бы и без Учр[едилки]. Она открывает путь сотрудничества с [э]с[е]рами, комбинации с правыми невозможны.

Левые неизбежно найдут общее, как при коалиции во время революции.

Разъединение полезно с правыми, с теми, кто с ними. Например, с К. Н. Соколовым (Нольде это уже частность.) Я могу и других назвать.

Разное понимание революции, народа, воли народа.

С социализмом, как с учением надо бороться, но с соц[иалистическими] партиями надо идти вместе, как мы шли раньше.

У нас нет связей с народом. Одни мы не придем. Значит, надо идти с кем-нибудь. Надо прийти с известным освещением, но не южнорусским. Россия не вернется на старые позиции, и мы не должны.

Часть [э]с[е]р[ов], работающих с нами, уже пошла по нашим путям.

Никто не откажется от своих шагов.

Разрыва быть не может, и те и другие кадеты. Ни съезд, ни конференция, ни референдум установить обязательно не может (735).

Проекты.

<Тыркова> (736). Принимая во внимание, что источники средств, которыми пользуются общественно-политические организации, имеют очень важное значение для оценки как этих организаций, так и их членов, с точки зрения общественной и моральной, признать недопустимым участие членов партии к[а]д[етов] в таких общ[ественно]-полит[ических] организациях, которые ставят препятствия к тому, чтобы принадлежащие к их составу члены партии к[а]д[етов] могли среди своей партии подвергать обсуждению вопросы об источниках денежных средств этих организаций.

1923

Апрель 19. [1923]

В политике важна не столько логика, сколько психология. А психология и отдельного человека и толпы подходит вплотную к оккультным силам. Оттого Милюков, этот наиболее сильный и последовательный и волевой русский либерал, совершенно бездарный политик. Он презирал психологию и до сих пор не подозревает реальности вне видимого.

Июнь 20. [1923]

Неделю тому назад Г. В[ильямс] ездил в Париж и Брюссель. Видел Millerand, Luscher (737), Jaspar (738) и т. д. К своему удивлению, убедился, что Франция всенародно поддерживает занятие Рура. Весь этот клубок перекрещивающихся отношений вокруг Рура оказался сложнее, чем здесь думали.

Август 12. [1923]

Молилась в церкви. Просила, чтобы опять явились нам скрижали (739). Смутно в мире. Добро и зло сплетаются, качаются. Как же жить, чего ждать. И, как всегда, главная молитва за Россию.

Прошлое воскресенье ходили в церковь английскую вместе. Гнетет Г. В[ильямса] сознание ответственности за все, что он пишет. От Times'а (740) отзвук летит по всему миру. И если ошибиться, то ошибка может принять грозные размеры. Я несколько раз говорила, что в Рурском деле (741) они напрасно не поддерживают Францию. Это путь к разрыву. Тогда с кем Англии идти, с немцами? Но тут британское упорство. Не послушались французы из Совета, пускай сами распутываются.

Я приглядываюсь к «Times» третий год, хочу понять, кто на них влияет. В сущности Г. В[ильямс] свободен в иностранной политике. М[ожет] б[ыть], за Dawson'ом (742) есть группа людей или интересов. Но они не оказывают на Г. В[ильямса] давления, хотя, м[ожет] б[ыть], и влияют, но убеждениями через Dawson'а. Значит, в сущности Г. В[ильямс] придумывает, или продумывает, всю политику «Times», которая считается всем миром как нечто показательное, общеанглийское. В чем дело? Если ли тут привычка считать «Times» своего рода национальным институтом, или даже мне вблизи не видны перекрещивающиеся влияния, и воздействия, и традиции.

Я считаю, что не мне настойчиво учить Г. В[ильямса] политике. Думается, что весь этот год он в своих статьях слишком нетерпеливо писал о Франции, но ни разу не сказал Германии, что она должна платить, должна сдаться, должна нести последствия своего военного поражения.

Я это несколько раз говорила.

Но так смело ошибались мы, русские либералы, в политике, что нет у меня веры и в свое чутье.

23 авг[уста]. [1923]

Эти дни волнение из-за французской ноты (743).

Мы, после обеда, ехали по обычаю в «Times». Дорогой в taxi Г. В[ильямс] ругал Poincaré (744).

– Маленький противный паук. Пока он сидит, ничего нельзя сделать. У французов нет никакого чувства трагедии.

Я вспомнила свое впечатление от Англии, когда мы, пять лет тому назад, приехали сюда прямо из бунтующей России. Тогда меня тоже поразило отсутствие чувства трагедии. Я это напомнила.

– Да, но французы разоряют огромный промышленный район и не понимают, что в такое время это нельзя делать.

Да, разоряют, но ведь перед ними еще régions devastées*.

---

* Опустошенные районы *(франц.)*.

Все запутано. Но откуда здесь даже у таких кротких людей, как муж, такое глубокое раздражение и недоверие к французам? Муж все повторяет слышанное во Франции:

Poincaré est universellement respecté et universellement déteste*.

18.XII.[1923]

Not for this country**. Это мы всегда слышали от англичан, когда их предупреждали, что социализм может и эту страну довести до революции. Что они не боялись большевизма, лучше всего видно из любопытного равнодушия, с которым встретили торговый договор (745), заключенный L. George.

Теперь начали почесываться, но все-таки еще не понимают опасности.

Когда мы, более месяца тому назад, обедали у Hoare'ов, этот типичный консерватор говорил о выборах легкомысленно и самоуверенно. Их богатый, благоустроенный дом дышал буржуазным благополучием. Начищенное серебро говорило о том, что в подвале живет прислуга, многочисленная и тренированная. Лакеи служили с вежливостью. Хозяин дома, министр воздуха, считал, что выборы надо провести приступом, не давая стране объяснений, что такое протекционизм. Если консерваторы этого не сделают, через год их разобьют Labour***. Но сейчас он был уверен в победе. И меня поразило, что не только он, но и мой муж считал, что это никоим образом не может быть anti-socialist compaign****.

И во время выборов никто не поставил ясно этой задачи – социализм или не социализм.

Сейчас еще продолжается растерянность. Один Birkenhead (746) сказал это прямо. Но его считают жуликом.

Я отовсюду слышу: пусть Labour придет к власти. Они себя накажут, страна поймет, и тогда мы их свалим.

Я. Какими способами?

Англ[ичане]. Ну, конечно, голосованием.

Я. Но ведь захвати вы власть, они будут держать ее революционным путем.

Англ[ичане]. В Англии это невозможно.

Посмотрим. Во всяком случае, это любопытно, как своеобразная Англия будет бороться с мировой болезнью революционизма.

До сих пор не вижу антисоциалистической организации. В «Times» растерянность. Dawson несколько дней тому назад уехал в Шотлан-

---

* Пуанкаре повсюду уважаем и повсюду ненавидим *(франц.)*.

** Не для этой страны *(англ.)*.

*** Лейбористская партия *(англ.)*.

**** Антисоциалистическая кампания *(англ.)*.

дию на уток охотиться вместе с Major Astor (747). На неделю. Никакой политической программы не оставил, но т. к. он держит себя властью, то остальные жмутся и пишут о чем угодно, но не о внутренней политике.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 5–63об. Автограф.

1924

Январь 6/19. [1924]

Первый поклон в церкви всегда за маму. И сразу чувствую ее, вижу, дыхание ее слышу. Словами говорю: Господи, спаси и сохрани. Дай ей силы, дай ей ясность. Избави ее от нового горя. О материальном не молю. Но пусть идет к ней моя любовь и окружает ее и греет.

И легче становится. Отходит малодушие. Знаю, что надо крепиться.

Вторая молитва о детях. Господи, спаси и сохрани. Огради маленьких. Большим дай силу идти через жизнь. И то стремление к добру, которое есть в них, сохрани. Пусть не гаснет оно ни от трудностей жизни, ни от всего, что видят кругом.

Слова бедные. Но, стоя в церкви, чувствую, как тихо распрямляется душа. Слушаю молитвы. М[ожет] б[ыть], не надо молиться своими словами, а только слушать, идти за молитвенным вдохновением христиан-поэтов, создавших богослужение и весь неисчерпаемый мир молитв.

Но так хочется поговорить с любимыми, а нигде так нельзя близко к ним подойти, как в церкви, стоя на коленях, глядя на знакомые лица святых.

И Россия тут, близко, сливается со всем, что любишь.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 105–105об. Автограф.

11.I.[1924]

У нас завтракали 8-го – чешский посланник с женой (Dr. Mastucy), Hoare с женой и Seton-Watson. Hoare старался улыбаться. Он уверяет, что Labour'ы останутся до мая, не больше.

Mastusy очень осторожно выспрашивает о Раковском (748) и заявил, что Benesh (749) подготавливает признание, но ставит большевикам условия – признание долгов и перемена политического режима. Я засмеялась. Кого они, чехи, обманывают? Ведь они же знают, что такое большевики?

За несколько дней перед этим у нас был К. А. Сомов (750) проездом в Америку, куда везет 800 русских картин. Он был раньше политически никакой. Но большевиков ненавидит глубоко. И евреев. Считает, что евреи умышленно губят христиан и Россию. Он говорит:

«Я лично физически не особенно страдал. Но они так устроили, что все несчастны».

Он с сестрой должен был сказать жене скульптора Ухтомского (751), что муж ее расстрелян. А она была уверена, что все кончится освобождением. В это время пришла жена Н. И. Лазаревского (752). У кн. Ухтомской (753) хватило силы воли, чтобы скрыть свое горе и подготовить Лазаревскую (754), у которой муж тоже был убит.

Сомов рассказывал это медленно. Слова выбирал самые простые. А лицо стало жалкое, как от боли.

30.I.[1924]

Значительный, если не замечательный, разговор с Коринчевским (755). Я позвала его поговорить о Traité de Metapsyshique, C. Richet (756). Он заявил, что эта книга вся идет мимо, т. к. Richet взял наименее интересную область – спиритизм. Есть четыре пути – 1) монахи, святые, 2) философы, 3) факиры, 4) йоги (?). Факиры владеют телом, но ничего не понимают. Монахи уходят в мистику и тоже не понимают. Философы больше. Но все это разделение я плохо поняла.

Поразила меня насыщенность К[оринчевск]ого этими исканиями и его твердая уверенность, что существуют тайные организации с оккультными знаниями, передающимися из века в век. Он говорит о мыслях, а главное – о людях бегло, не договаривая. Повторяет – я не посвященный. Но посвященные есть, они живут среди нас и если так надо, мы их узнаем.

Штейнер (757) глава Розенкрейцеров (758). Людей видит насквозь. «Он сразу понял, что я честолюбив и тщеславен, и они обращались со мной как будто я им нужен». Но все-таки Штейнер не понравился Кор[инчевско]му.

Глава здешних Розенкрейцеров простой костоправ. Он сам разыскал К[оринчевского] и приветствовал его как <пропуск в тексте>. В нем есть сила. Когда он хочет перебросить свои мысли в К[оринчевского], из глаз его льется свет. Поворачивается к другому – самое обыкновенное лицо.

«И вот один человек объясняет мне Евангелие. И тогда вся книга открывает вещи изумительные». Иначе говоря, за простотой Евангельского учения спрятано, зашифровано оккультное учение.

(Мне это неприятно. Я в этом чувствую что-то темное.)

Когда разделились церкви на западную и восточную часть, высшие христианские священники ушли в мир, унесли с собой чистые заветы христианства первых веков и тайну первого посвящения. И сейчас живут среди нас их преемники. Мы не знаем, кто они. Иногда встречаем людей, кот[орые] поражают нас своей моральной чистотой и силой. Это они.

Он все это рассказывает спокойно, но внутренне волнуясь. И, несомненно, куда-то меня зовет, как его зовут другие. И помочь хочет.

Я спросила, занимался ли он этим в России? Нет, там он думал, что нет ничего выше науки и профессуры.

Мне кажется, его куда-то ведут. Кто и куда? В этом году он ближе к религии, чем был в прошлом, хочет, чтобы Карташев, Булгаков (759), Новгородцев, Спекторский (760) приехали в Лондон.

Господи, как трудно понять, как трудно увидеть пути.

7 авг[уста] 1924

Ramsay M.Donald (761) подписал сегодня соглашение с большевиками (762). Третьего дня позвонил к Г. В[ильямсу] его помощник и заявил, что переговоры прерваны рано утром.

В Foreign Office'е днем Г. В[ильямс] застал полную растерянность. Gregory (763) сказал ему, что они сидели всю ночь до половины восьмого. По его мнению, Иоффе (764), Томский (765) (третьего забыла) вели игру на разрыв, а Раковский не был в это посвящен. «Хуже всего, что они разорвали, несмотря на то что мы им все дали», – с горечью сказал покорный чиновник. Один из молодых секретарей, с отчаянием показывая кипу бумаг и заметок, сказал: «Ничего больше не понимаю. Весь день вносили поправки, меняли, в 8 ч[ас]. я пошел обедать, взял ванну, надел Dinner jacket*, вернулся... И только в 8 ч[ас]. утра вышел из F[oreign] Office'а домой... А заметки превратить во что-нибудь связное уже не могу».

Сначала думали, что все кончено. Пришел приказ от Ponsonby (766) – не считать переговоры прерванными. Стало ясно, что идет усиленная работа, напоминающая давление большевиков на Петроградский Совет в 1917 г. Когда вчера Г. В[ильямс] перед завтраком пришел, согласно уговору, в F[oreign] Off[ice] повидать Gregory, тот уже был на заседании, где готовилась капитуляция.

Палата вскипела, но что же из этого? Большевики, как умные и настойчивые дипломаты, обработали Англию со всех сторон. Они уронили ее престиж во всем мире. Ее мировое влияние состояло из авторитета неуловимого и словам не поддающегося. Раковский пришел и сказал – вздор. Мы сильнее. И оказался сильнее.

Говорят, они шантажируют Р. М. Дональда компрометирующими его документами. Во время войны он неосторожно подписывал что-то пацифистское, против короля и т. д.

Я не верю. Не в этом дело. Просто они идейные товарищи. D[aily] Herald (767) так и написал: «Сначала договор с Советами, потом сокрушим капитализм повсеместно».

Сокрушат ли? Германия отбилась. Италия также. Франция отчасти, но как надолго. И как выдержит неизбежные социальные бури Англия? Думается, что через 10 лет от Империи мало что останется.

* Смокинг *(англ.)*.

А как сложится жизнь на этом острове? Пшеницу сеять не привыкли, а фабричные колеса, пожалуй, станут.

Трудно жить. Логика, простой язык фактов не имеет влияния. Нравственные оценки и осуждения также. Героев Брест-Литовска сажают на почетное место. Король жмет руку убийцам своего брата (768).

М[ожет] б[ыть], в такое время Дон Кихотство [–] воспитывать следующие поколения в идеях правды, чести, справедливости, любви.

Как тяжело сегодня Г. В[ильямсу]. Ведь за Англию стыдно. Смотрю назад в длинный свиток наших ошибок, бездумия, мучений.

Мы, в России, были мечтатели, прямолинейные идеалисты, не реальные политики, не твердые, не умные.

Но мы не скупали краденого, и ради наживы, ради торговли, ради дохода (да еще и мнимого) мы не льстили убийцам, не обнимали палачей.

Англия еще заплатит за это тяжелой ценой.

Если есть Бог на небе.

1 окт[ября]. 1924

Все круче закручиваются качели. «Качает черт качели мохнатою рукой. Качает и смеется...» (769). Троцкий в марте 1918 г. сказал Г. В[ильямсу]: «Самое большое мое желание увидать революцию в Англии». Дождется ли он этого, кто знает, но что и здесь слышен непривычный подземный гул, этого не отрицают и оптимисты.

Сегодня Willert (770) (он в Foreign Office'е осведомитель, маленький человек с вздутым самолюбием, бывший корреспондент «Times») сказал Полякову: «Напрасно "Times" компрометирует себя кампанией против договора. Это не British* и все равно договор будет принят».

А когда Г. В[ильямс] там был, он уже предавал своего начальника R.Macdonald'а, перед которым распластывался, как раньше перед Curzon'ом (771). «Разве я могу ручаться за то, что сделает этот mysterious Scotchman**?» Это по поводу Египта и Судана. Но о русском договоре говорил вскользь: «Меня это мало интересует. Я тут не при чем. Но, конечно, пройдет».

А днем либералы приняли резолюцию – против договора.

Вчера обедали у греческого посланника с Венизелос (772) и его женой. Она веселая, приветливая. Он помалкивал и жался. Недоволен «Times». При Stead'е (773) его больше поддерживали. Он маленький, сдержанный, похож на рус[ского] интеллигента, вроде Милюкова.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 64–70. Автограф.

---

* По-английски *(англ.)*.

** Непостижимый шотландец *(англ.)*.

5.X.[19]24

Молилась как всегда, чтобы дал мне Бог веру, подлинную, без мудрости. Просто в руки твои предаю себя. Думала – нет еще во мне веры, а только тоска по вере. Поправилась – не тоска, а жажда. Когда по-настоящему строится душа, в молитве не тоска, а радость ведет ее. А что, если это и есть вера?

Нет. Еще далеко. И не может быть иначе – стукнет кто-то громко мне в сердце и вспыхнет огонь, как молния.

Вот если бы только этим ожиданием жить.

В церкви Тата (774) бросилась ко мне, и все прижималась, и держалась. Адя думал, что она мне мешает. Но если бы ребенок, да еще близкий, любимый отгонял и ослаблял молитву – какая же это молитва. К детской душе Христос ближе всего. Где любовь, там и Бог.

А что, это только русская поговорка или общая?

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 106–106об. Автограф.

20.XI.1924

Привезла 31.X. Бибиньку (775) сюда. Точно в Вербную Субботу донесла свечку до дому. И свет от нее в доме. Видно, правы были те, кто говорил, что душа светится.

Пока ездила за ней, здесь шел бой против левых. Г. В[ильямс], как правильно сказал Бунди, был одним из начальников штаба. Следовало бы мне день за днем отмечать если не всю его работу, то хоть русскую ее часть. Выборы шли на русском вопросе, и Рабочая партия оказалась разбита, а главное, разбиты либералы (776). Мы все трое, Г. В[ильямс], Адя и я, получили давно неиспытанное умственное и нравственное удовлетворение. Вся страна слушала определения и оценки коммунизма, которые мы дали еще 7 лет тому назад. Казалось, наши слова падают в пространство. И вот теперь отклик докатился – 411 консерваторов как <1 нрзб.> против красной чумы. Любовь к порядку, здравый смысл и моральная брезгливость английского народа сказались.

На прошлой неделе у нас были гости. Hoare сиял. Gregory уверял, что в его душе никогда не было большевистских бесов. Willert, кот[орый] считался у Mackdonald'а правой рукой по большевикам, еще в сентябре со снисходительной усмешкой говорил Г. В[ильямсу] – смотрите, Williams, не на ту лошадь ставите. Он был уверен, что договор с большевиками будет скреплен. Теперь он и его жена страшно с нами ласковы. Рассыпаются.

А Gregory у нас сказал Саблину (777), что кабинет не прочь выгнать Раковского.

Вчера Г. В[ильямс]а спросил Hoare, как им быть с большевиками? Оказывается, действительно многие члены кабинета не прочь их выгнать. Г. В[ильямс] сказал, что рано. Надо дать им резкий ответ на ноту Раковского о письме Зиновьева (778). Прямо сказать, что он лжет, отрекаясь от письма, т. к. оно настоящее. Повторить, что пропаганды не потерпят. И затем никакой полемики. Пусть большевики пишут и говорят, что хотят. Но когда подойдет время – выгнать их.

Hoare поблагодарил за этот excellent hint*.

В одном из последних заседаний Рабочего кабинета Р. Макд[ональд] заявил, что у него есть данные предполагать, что письмо Зиновьева подделала я при помощи кого-то из Scotland Yard** и подсунула F[oreign] Office'у.

Вот дурак! Я и письма-то не читала. Точно нет речей и писем Зиновьева за эти 7 лет, где все то же говорится.

(Не помню, от кого это я слышала? Если от Полякова – мог соврать. 23.IX.[19]34.)

1925

(Все еще Лондон)
Январь 4-е. [1925]

Здесь пробыл неделю (18–25 XII) отец Сергий Булгаков. Это явление необычайное. После о. Иоанна Кронштадтского (779) первый раз вижу такое напряженное, упорное молитвенное устремление к Богу. Как будто все накопленные за прежние годы деятельной, умственной работы знания и мысли сложил он как подножие веры. Радуется ли он Христу? Не знаю. Был он озабоченный, усталый. Когда смеялся, молодел. Глядя на елку, со вздохом сказал: «Ничего я в жизни так не любил, как устраивать детям елку».

Я раз сбилась, назвала его Сергей Ник[олаевич]. Извинилась. Он усмехнулся невесело: «Что же, я так долго грешил, что теперь надо терпеть».

Слушала его лекции. Богословские, догматические доводы против католиков мало меня задевали. Но когда он говорил, что Церковь – это тело Христово и невеста Христова, было в его пламенном образном слове что-то заражающее.

Никогда еще так остро не было во мне волнение при виде причастия, как на его службе. Но знаю, еще рано. Не могу я подойти к причастию, пока до конца не приму Тайну.

Булгаков виделся с арх[иепископом] Кентерберийским (780), ночевал у Bell'a (781) в Cunterberry. Был у Bishop Gore (782), кот[орый]

* Превосходный совет *(англ.)*.

** Полиция Большого Лондона *(англ.)*.

его обласкал. Говорил в King's College'е* при почти пустой зале. Остался доволен разговорами с англичанами, кажется, стал проще на них смотреть.

Для русских его приезд [–] духовное событие. Т. е. для тех, кто что-нибудь ощущает духовно. Еще никогда здесь не слышали мы таких вдохновенных речей о Православии. И отдыхает душа при мысли, что есть опять такие русские священники.

Булгаков говорит, что в Крыму хуже всего был голод, когда ежедневно приходилось напутствовать и хоронить людей, умирающих от голода. В Чека тоже было тяжело. Смерть висела ежеминутно. Рядом с ним сидели подонки, воздух был полон кощунственной ругани.

Его судили 1) коммунист-мадьяр, католический священник, ставший атеистом, 2) еврей и 3) латыш.

Жив остался , п[отому] ч[то] друзья отстояли.

Д[окто]р не знает, что у Софы. Господи, спаси и сохрани.

16.X.1925

Сегодня в Локарно скрепили пакт (783). Это еще начерно. Через месяц в Лондоне подпишут по-настоящему.

Г. В[ильямс] над этим работает с февраля. Думал одиноко, т. к. нет в Лондоне никого, с кем он мог бы в таких случаях думать вместе. Кроме меня, но я не сразу поняла.

Его доводы потом взял Чемберлен (784) и провел. Умело, настойчиво.

Г. В[ильямс] доволен. Больше – радостен. Первый раз за эти годы его мысли вросли в жизнь, а не оборвались, не были растоптаны. Он считает, что следующий этап – удар по большевикам объединенный, общеевропейский.

Дай Бог. Ехали, как всегда, в «Times», и душа болела – неужели когда-нибудь опять будем в России. И опять будет Россия.

И еще было обидно – понимают ли здесь, что сделал Г. В[ильямс] для этого договора. Я хочу, ч[то]б[ы] поняли.

Нам даже некому было позвонить, некого поздравить, не от кого получить поздравление.

Все глохнет в лондонском тумане.

27.X.[19]25

Локарнский договор заключен. С февраля прошлого года, когда Herriot (785) случайно проболтался Г. В[ильямсу] в Париже, что есть от немцев предложение, идея этого пакта занимала его. Он думал об этом один. Никто в «Times» не понимал и не интересовался. Нет

* Королевский колледж [Лондонского университета] *(англ.)*.

около него единомышленников, партии, группы, даже просто друзей, с которыми можно вслух думать. Только я, но я не успеваю понять всю иностранную политику. Передо мной всегда Россия. Г. В[ильямс] мне сказал – сначала пусть Европа сговорится, тогда доберемся до России. Он подготовил, обдумал, высказал в своих передовых [статьях] все аргументы. Чемберлен их подхватывал, иногда повторял в речах, а главное, приводил в действие. Причем они почти не видались и уже, конечно, не сговаривались. Любопытный случай сотрудничества в таком важном деле без всякого сговора.

А в Женеве, в сентябре (786) даже ни разу толком не говорили. Но Чемберлен повторил в своей речи все аргументы Г. В[ильямса].

На прошлой неделе Г. В[ильямс] завтракал в Университетском клубе с Daniels. Увидал Чемберлена и подошел его поздравить. Тот неожиданно просиял приветливостью.

– Я как раз хотел вас видеть и поблагодарить. Когда мы ехали из Локарно в Париж, я чувствовал, что в Локарно произошло крупное событие. Потом думал – м[ожет] б[ыть], мне так кажется, м[ожет] б[ыть], те, кто смотрел, наблюдал за нами извне, этого совсем не думают. Мне подали «Times». Я увидал Peace at lost*. Прочел первые строчки, пошел. Разбудил жену и сказал, что мы должны это вместе прочесть.

А вчера прислал из Парижа I leg the «Times» to praise and draw the moral**. Это чтобы похвалили Полякова. Обычно когда F[oriegn] Of[fice] просит, то «Times» уклоняется. Это пустая легенда, что их инспирируют. На этот раз Г. В[ильямс] усмехнулся и написал несколько строк.

1.XII.[19]25

Подписали Локарно и невесело у нас обоих на душе. Большевики и это сумели повернуть в свою пользу (787). Г. В[ильямс] с февраля развивал мысли об этом договоре. Верил, что следующее – борьба с Москвой. Но Чичерин (788) его перехитрил. Т. е. не Чичерин, а «Некто в Сером» (789). Судьба? Дьявол?

Почему Европа так отупела, что нет в ней негодования... против убийц и мерзавцев. Или настала пора, когда все добро уходит в пещеры?

Вчера днем Г. В[ильямс] сидел один перед огнем. И мысли его сжатые, еще насыщенные памятью о войне сказались сегодня в его передовой. Ну а потом? Как повернуть, как показать им главную опасность – коммунизм.

Когда начались эти переговоры еще в прошлом, я сказала – это отвлекает от главного, маскирует Москву. Но не настаивала. Ведь у меня прошлое полно политических черепков. Мне ли учить?

---

* Утраченный мир *(англ.)*.

** Я подталкиваю «Times» к похвальбе и морализаторству *(англ.)*.

Шла вечером по улицам, всегда чужого, всегда безличного для меня Лондона и молилась – Господи, покажи пути, просвети, не дай поколебаться, покажи и волю свою, чтобы знали куда идем.

Все та же старая мечта. Взять котомку и уйти. Куда? В Ламанш?

И знаю, что нужна ему, что мы стоим как на одиноком форпосте, в степи, далеко от родины, церквей. Стоим. Должны стоять. И не смею, стыдно мне жаловаться, стыдно малодушествовать. Для меня, для моей отдельной жизни так много дано. Но не умею ни я, ни он, ни дети отделять свое от русского.

А там туча; страшно.

И хочется распластаться на земле, молиться за Россию.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 70об.–79. Автограф.

6.XII.[1925]

В церковь надо ходить, чтобы хоть на несколько мгновений сосредоточиться на самом главном, припасть к Кресту. В жизни, в мыслях, в чувствах, в делах, в смерти, как понять пути Господни. Как в горах, по обрывам, среди голых камней, протоптаны тропки, перекрещиваются, обрываются. А там стоишь и просишь.

Вдохновение. Ведь тут уже сказано, что дыханием чьим-то расширяется душа, объятая вдохновением. Тут трепет духа не моего, а извне со мной соприкоснувшегося. Тут «накатило» и Бабаевщина (790). Кто-то пришел и постучал. Или, не стуча, вошел в душу как хозяин.

Отчего никто раньше не объяснил мне, не показал сколько вдохновения, сколько художественной красоты, творчества в богослужении, в молитвах? Или я как Толстой не хотела понимать.

Еще слово. Сердце вещун. Не ум, т. е. не мозг, а именно сердце. Конечно, сердце думает, бывает глупое и умное. А общие, мудрые мысли только от сердца думать? Тут логика Стюарта Мил[л]я (791) не поможет.

9.XII.[1925]

«Свет Незримый». М. В. Ладыженский (792). Из области Высшей мистики. 1912. СПб. Обо многом, что есть в этой книге, я уже думала, отчасти читала. Отделяет Большой разум и малый разум. (Как у Ницше, но там это, скорее, физиологическое деление.)

Духовная молитва, умная молитва. Сердечная молитва.

Противоположность ей – умственная или мысленная молитва.

Фаворский (793) или умный Свет. Особенно точно и подробно описан молитвенный экстаз и духовное созерцан[ие] в творениях Симеона Нового Богослова (794) и Исаака Сириянина (795).

«Человек, приобыкший к тайнам духа и откровениям ведения, восходит от ведения к ведению, от созерцания к созерцанию и от постижения к постижению» (Исаак Сириянин).

«Живущий в любви пожинает жизнь от Бога и в этом еще мире, в ощущаемом здесь обоняет оный воздух воскресения» (Там же).

«Когда человек пребудет в таком состоянии оного света, не возвращаясь вспять в мир, тогда отверзается ему небо и свет оный входит внутрь его души. Если он пребудет в нем, которым будучи просвещаем, он будет узревать и домышлять таинство за таинством и чудо за чудом, восходя от созерцания к созерцанию...» Симеон Новый Богослов.

В июле 1910 Ладыженский был у Толстого. Сказал ему, что занят изучением жизни христианских подвижников.

«Толстой довольно строго и внимательно посмотрел на меня: "А меня так это совсем не интересует"».

Он ничего не знал о Добротолюбии (796).

Умирая говорил: «Что мне делать, Боже мой, что мне делать?»

И еще говорил: «Ну, теперь шабаш. Вот и конец и ничего» (Чертков).

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 108–110. Автограф.

1926

2/II.[1926]

Только что вернулась из заседания The British Institute of International Affairs (797). Делал доклад о России сотрудник Nansen'a, Gorvin (798) (не русский ли еврей?). Осторожно и с оговорками, но все-таки уже не льстивые похвалы, а критика. Конечно, нужно дела делать, но кредиты надо дать при известных условиях. Главное сказал, что только Г. П. У. удерживает коммунистов у власти. Прошелся насчет жестокости мужиков, сказал, что Г. П. У. давал ему security*, но это уже не прежний победный тон нансеновских мальчиков.

И самое общество, где [в] 1920 (или [19]21 г.) доклад Г[арольда] Вас[ильевича] провалился, а его оппонентка Miss Bandfield, ярая трудовичка, получила за свою чепуху овации, полно уже другого настроения относительно большевиков. Wise'a председатель прямо отшлепал за его официальное вранье. Мне едва ли не больше хлопали, чем Ruth Fry (799).

Urkhard (800), язвительно глядя на Gorvin'a, напомнил ему их первую встречу в Москве в 1921 г. Urkhard тогда почти добился возвращения своих концессий, но приехал Nansen и большевики сказали: зачем мы будем вам отдавать ваше добро, когда нам и так Nansen привез 10 миллионов фунтов? К этому Urkhard прибавил вопрос, тоже язвительный: можно ли давать кредиты, пока большевики не признают прав собственников.

---

* Охрана *(англ.)*.

Какое-то протрезвление как будто начинается.

Я шла на заседание неохотно, только п[отому], ч[то] считала себя обязанной говорить (там молчат, значит, мы за них должны). Но в первый раз в Англии я могла свободно и просто высказывать свои мысли. Слушали, хлопали и даже смеялись.

У меня то же чувство, точно я перестала быть глухонемой.

8.II.[19]26

Несколько дней тому назад (5.II) Г. В[ильямс] написал передовую о Венгрии. Корил чехов и румын, что они долбят соседку, да и Францию тащат за собой. Это из-за шума с фабрикацией фальшивых франков.

Поднялось по посольствам суета. Масарик (сын) (801) звонил, корил. Титулеско (802) против чего-то возражал. Франц[узский] посол был доволен (он не очень любит политику своего правительства), его советник Cambon (803) был недоволен. Поляков побежал к W. Stead'у, который так обрадовался, что разболтался и даже уверял, что чехи выговорили у французов полную поддержку своей политики в средней Европе.

A. Willert, кот[орый] давно точит зубы на Г. В[ильямса], вызвал франц[узских] журналистов и выразил им сожаление, что «Times» позволяет себе критиковать правительство Бриана (804). Это было напечатано в «Echo de Paris» (805), оттуда в «Manchester Guardian» (806).

А я хочу от этого получить антибольшевистский барыш, уговариваю Г. В[ильямса] написать о борьбе Обера (807) и швейцарцев против французских сватов, которые всюду суют большевиков.

О. Чемберлен звонил, просил Г. В[ильямса] послезавтра прийти в Палату поговорить. Давно пора.

10.II.[19]26

Разговор вышел короткий, неинтересный, просил, ч[то]б[ы] «Times» поддержала. Чемб[ерлен] сказал Г. В[ильямсу], что он обещал Испании место в Совете за услуги, оказанные их представителем в Мосульском вопросе (808). Польшу он хотел ввести, ч[то]б[ы] сохранить над ней влияние. Он считал, что уже обработал Скржинского (809) в Локарно, только надо это продолжать. Только о вступлении поляков в Совет Лиги для большего сближения их с Германией. Ни слова ни о России, ни даже о Китае, о кот[ором] Чемберлен только что сказал речь в Палате, а Г. В[ильямс] сейчас (10 ч[ас]. вечера) сидит в «Times», пишет передовую. И не в первый раз Г. В[ильямс] со вздохом ска[за]л: «Он старается... Но ни капли в нем таланта».

Зато мне понравился Sir William Tyral (810). Он умный, отличный causeur*, хитрый, все говорит для чего-нибудь, этим, а также манера-

* Собеседник *(англ.)*.

ми, умением польстить и обойтись с людьми напоминает дипломатов времен Венского конгресса (811).

Большевиков ненавидит. Раковского презирает. За обедом, слушая как леди Astor (812) восхищается этими милыми русскими, – Раковским и его женой, – спросил ее, почему она считает их русскими? Она была поражена, не знала (?), что Раковский румын.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 79об.–82об. Автограф.

21.II.[19]26

Была в церкви. Я теперь ставлю свечку Серафиму и Николаю Угоднику. Они рядом висят. Николе ставлю и молюсь за Землю Русскую, за народ Русский, за Православную Церковь. Я не читала его жизни, но мне думается, что он Устроитель и Заступник за Державу, за земное устройство. Ведь Церковь не только на небе, но и на Земле. Серафима прошу о себе, о близких, о маленьких. И еще отдельно, чтобы научил молиться. Верю в его радость.

Сегодня в церкви все думала о Коринчевском. Тревожно за него. Он был у меня три дня тому назад. И сразу заговорил о себе, вроде исповеди. Но он ее повторяет и другим, не может молчать.

Он был православным, верующим. В университете, отчасти под влиянием естественных наук, перестал верить. Как профессор: «портил молодежь, на вступительной лекции объяснял им красоту Безбожия. Вот, Бога нет, нет никакого сверху приказа, а вы все-таки будете делать добро, сами от себя». И рассказывая, точно не совсем это изжил. Был в кружке позитивистов П. Боборыкина. И заскучал.

23.II.[1926]

С Успенским (813) встречался еще в Москве, но там в его кружок не пошел. А в Лондоне поддался. Два с половиной года «работал» в его кружке.

– Он мне очень много дал. Я научился не только разбираться в себе, но и в чужой душе читать как в открытой книге. Вижу тщеславие, самолюбие, гордость – все, что движет их поступками. Мы работали по группам, два-три человека вместе. Сначала старались надувать друг друга, потом привыкли открываться, все говорить. Правда, не все выдержали. Вот был у меня приятель дипломат. Он сорвался. Застрелился в Константинополе.

А я знала, что жена дипломата была в руках Гурджиева (814). М[ожет] б[ыть], это было причиной его самоубийства. На одной из лекций Успенского я была. Человек ничтожный, грубый, он усвоил прием разложения воли и личности. Кто его научил? Или действительно есть тайные секты и учителя черной мудрости? Как мог подпасть под его влияние Коринчевский, сам по природе грубый? Или это п[отому], ч[то] его душу терзают страсти, грызет червь честолюбия, тщес-

лавия. Я не хочу сказать бес дразнит, п[отому] [что] он теперь полон тоски по православию. Да, но ведь он сам мне сказал, что от Успенского перешел к магам, к колдунам. Видел черта.

– А как же вы от черта освободились, как он вас выпустил?

У Коринчевского улыбка нехорошая появилась, невеселая, кривая. Как будто улыбается он не тому, что мы все видим, а чему-то другому.

– Вот ушел. Господь спас. Я жене говорю, что меня вообще удивляет, что мне так везет.

Сам весь разбитый, не знает, как с собой справиться. И во всех людях видит их слабости, боится взгляда о. Сергия [Булгакова].

– Разве Вы не чувствуете, что он таких, как мы с вами насквозь видит? Что его переживаний мы даже понять не можем. Он как бы в четвертом измерении живет.

Я не согласилась. Не могу от равенства отказаться. Радуюсь о. Сергию и его богатству, но не трепещу.

Коринчевский предлагал основать Православный кружок, вместе читать молитвы, друг с другом делиться мыслями. Затем и пришел. Я сказала, что я это все как-то одна переживаю. Спросила, разве его не удовлетворяет Христианский кружок молодежи.

– Нет. Я не могу им все сказать. Я их должен беречь.

Мне его жаль, боюсь за него. А что сделать не знаю.

У него душа голодна, а чем ее утолить?

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 110–112об. Автограф.

23.II.[1926]

Сегодня корреспондент «Petit Parisien» (815) <фам. нрзб.> пришел в кабинет к Г. В[ильямсу] и поздравляет его с хорошо разыгранной игрой. Это насчет поляков Лиги. Он, да, по-видимому, почти вся французская печать, решили, что «Times» и F[oreign] O[ffice] разыграли политический водевиль. Briand тащил Чемберлена, ч[то]б[ы] тот поддержал включение Польши в Совет Лиги. Тот вообще поддается Briand'у. Отсюда и разговор Чемберлена с Г. В[ильямсом]. А перед этим, у нас, Tyral небрежно, но вкрадчиво убеждал, что выгоднее иметь Польшу с Германией за одним столом.

Муж их обоих выслушал. Даже троих, п[отому] ч[то] еще говорил с польским посланником, Скирмунтом (816).

А потом стал думать сам с собой. Взвешивал. Никто ему не мешал. Dawson'у решительно все равно. Это один из многих случаев, когда важнейшие вопросы иностр[анной] политики Г. В[ильямс] решает с собой наедине и пишет передовую, которая уже сама является пружиной в международном механизме.

В пятницу он написал короткую сводку, кот[орую] начал с категорического заявления: «Теперь уже можно окончательно утверждать, что в ближайшую сессию Польши в Совете Лиги не будет и т. д.»

Это было не его мнение, а, скорее, сводка тех флюидов, которые составляют обществ[енное] мнение. Willert обозлился и дал Hoar'у полуофициальное опровержение или неодобрение.

В то же время Tyral впервые за все эти годы признался Г. В[ильямсу] в своей ошибке: «Конечно, надо было переговорить с Германией предварительно». Этими словами он не только себя, но и Чемберлена признал запутавшимся.

Сегодня напечатана передовая Г. В[ильямса], где уже закрепляется как факт, что Польша не войдет.

Франц[узский] журналист, который, как и многие, считает, что «Times» и Г. В[ильямс] неразделимы, увидал в этом сложное английское коварство. Чемберлен обещал Бриану, а потом надул, но спрятался за «Times» и за общественное мнение. Для вероятности пустил даже через Hoare опровержение.

И тут же глухая борьба, которую Willert ведет даже не против «Times», а против Г. В[ильямса]. Почему? Зависть? Личная антипатия? Или еще что-нибудь?

2.III.[19]26

Как это глупо, что я не записывала день за днем, как развернулись у Г. В[ильямса] доводы за пакт, кот[орый] потом вырос в Локарнский договор. Ведь он первый яснее и глубже понял, что настала пора договориться Германии с Францией.

26.III.[19]26

Сегодня Г. В[ильямс] говорит: «Теперь опять Чемберлен берет аргументы из моих передовых. То кричал – трагедия, – а теперь, вслед за мной, говорит, что ничего во всем этом ужасного нет».

Во всяком случае, Чемберлен остался, но Локарнские лавры превратились в крапиву.

Не в честь себе скрестил он шпагу с общественным мнением. И с «Times», т. е. с Г. В[ильямсом].

Неделю тому назад уехал от нас Струве, пробыв два дня. Был он самоуверен и растерян, на вопросы отвечал сердитыми вопросами, ни о Возрождении (817), ни о Съезде (818) говорить не захотел. Мнениями нашими не интересовался и ожил только когда пришел бар[он] Нольде, к которому я отношусь брезгливо за его кормление где-то близко от большевиков. Но Струве, обругав Марину Цветаеву (819) «гнилью», очевидно, нольдевской вони не ощущает.

Он окончательно оттолкнул меня своим обращением с мамой. Уезжая, он спускался с лестницы мимо ее комнаты. Она вышла на площадку и, преодолевая свою всегдашнюю девичью (в 88 лет!) застенчивость, спросила его, волнуясь и конфузясь: «Что же вы мне ничего не сказали про моего любимица, про моего внука?» Струве, не оста-

навливаясь, не оборачиваясь, пробормотал: «А, что? Какого внука?» – «Да про Аркадия. Как он справляется?» – еще больше смущаясь, спросила мама. Струве, добежав до ванной комнаты, вполоборота бросил: «Я не знаю, что же мне сказать? Я ничего про него не знаю, кроме того, что он блинами объелся».

И побежал дальше. Я прямо сгорела от стыда за него и от злости. Мама прятала его у себя на Вергеже в дни злейшего террора. Аркадий с опасностью [для] жизни таскал его по северу России, стараясь вместе с ним пробраться за границу. Теперь с такой преданностью впрягся рядом с ним в Возрождение. Т. е. это только казалось, что рядом, на самом деле, Струве даже не замечает, что кто-нибудь есть рядом.

А теперь еще совсем одурел от мании величия, переплетающейся с дряхлостью и рассыпанностью мозга. И это вождь эмиграции. Вздор.

Приезжала Марина Цветаева. Мирский (820) прочел о ней вздорную лекцию по-английски, хотя на самом деле как будто захлебывается от восторга от ее стихов.

Она была у нас. И я два раза слушала ее в School of Slavonic Studies (821). Она читала стихи, свои и чужие. Читает плохо. Но я слушала радостно ритм русской речи.

Она тоненькая, ножки стройные. Черное гладкое платье. Вязаный шерстяной линючий зеленый платок. Вероятно еще в [19]22 г. из Москвы привезла. Волосы тускло-русые, острижены в скобку, чуть взлохмачены над ушами. Тоже по-московски, но сейчас почти модно. Лицо серое, изможденное, губы синие, точно цинготные. Но есть своя в ней и женская прелесть. Глаза светло-серые, с прозеленью. Смотрят редко на человека. Хотя она независимая и смелая.

Со мной прощалась ласково. Я ей сказала, что давно ее стихи знаю. Она: «Да нет, тут не стихи, тут просто от человека к человеку», – и сделала руками круглое движение.

Если это искренно, я рада. Порой тяжело быть вечной иностранкой, жить в огромном городе, как в пустыне. Вернее, построив свой город таинственный, полный теней.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 82об.–87. Автограф.

23.IV.1926

Очень большое облегчение – поговорила с мамулей просто, уста в уста, о смерти. Когда она гаснет, тихо отходит, глаза тускнеют, я знаю, что она слышит смерть, думает о ней, но молчит. Сегодня после обеда я не поехала с Г. В[ильямсом]. Прошла к ней. Она лежала. И как-то само собой заговорили.

– Конечно, в мои годы этого всегда надо ждать. Я не боюсь смерти, но мне тяжело, что я вас огорчу.

Сказала она так просто и, кажется, самой стало легче, что сказала. Я ей ответила:

– Умереть всем надо. Но хочется, чтобы и смерть была светлее, без лишних страданий, чтобы свои были близко, чтобы успеть сказать, что хочешь, и подумать.

– Да, и еще хочется дожить, чтобы увидать Россию более счастливой.

Заговорила об Аркадии (822). И в первый раз заговорила о том, о главном, что его мучало, о цареубийстве. И ей это трудно, а что же он переживал. Он прочел где-то, как Александр II подготовлял политические реформы и сказал:

– Зачем же они все скрывали. Если бы мы это знали, не было бы катастрофы.

Последние месяцы перед смертью Аркадия поили чаем из чашки с вензелем Александра II. Такие когда-то раздавали придворной мелочи в царские дни. Ольга Дм[итриевна] привезла и подарила маме. Аркадий долго пил молча. Раз сказал:

– Все чашка с его вензелем.

Мама спросила:

– Тебе неприятно? Хочешь, переменим?

– Зачем? Все равно забыть нельзя.

К нему приезжал отец Александр. Уговаривал причаститься. Аркадий отказался:

– Причащаться не могу. Не верю. Скорее, хотел бы исповедоваться.

Обещал позвать о. Александра, когда надумает. Так и не позвал. Бедняга. Легче было бы ему исповедаться перед любым незнакомым монахом, хоть плохеньким, да незнакомым. А тут водку вместе пили. Все такое простое, обыденное. Как заговорить про самое страшное. Начать, так и хлынет, в слезах, в неудержимости.

Мама считает, что ему тяжелее, больше всех досталось от этих хамов. Грубили, оскорбляли. Он молчал.

Неужели не искупил?

Приезжал молодой, некрасивый, маленький, отвлеченный Л. А. Зандер (823). Читал лекции о Достоевском. Устраивал, или пробовал устроить, Братство. Мне было очень приятно с ним. Такая улыбка хорошая, добрая и весь живет мыслями и верой. Это в нем срастается. Рассказывал об игуменье Екатерине, о монастыре, где-то в трех часах ходьбы от Нового Сада, в горах.

И на меня, как на старого монаха в Kim'е повеяло холодной прелестью гор. Знаю, что не могу, не смею, не должна, даже не хочу еще уйти. Но веет прелестью.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 112об.–114об. Автограф.

19.V.[19]26

Надо было день за день записывать во время забастовки. Но, как всегда в такие эпохи, труднее всего делать то, что надо. Я писала почти каждый день в Возрождение, а на запись не хватило упругости.

Уже в субботу, 1-го мая, Г. В[ильямс] знал, что гроза пришла. Был подавлен и сердит, по-своему, но все-таки сердит.

«Со зла» накупил цветов к нашей русской Пасхе. Это была Страстная Суббота. Весь дом наполнился розами и рододендронами. Точно свадьбу в доме играли.

В Светлое Воскресенье мы гуляли утром в Hyde Park*, с Scheele'ой. Все было празднично, спокойно. На следующий день парк уже заперли для публики и обратили в военный продовольственный лагерь.

В понедельник Г. В[ильямс] принес последний большой № «Times». Началась борьба. Он вместе с хозяйственным и писательским мозгом «Times» остался на месте. Руки отодвинулись. Но оказалось, что руки интеллигентов тоже работают быстро, когда нужно. Спор кончился не в пользу рабочих.

Я следила за борьбой с давно не испытанным умственным волнением. Так разнообразно и поучительно показывала Англия миру, как надо останавливать пароксизмы революционного тифа.

За Г. В[ильямс] беспокоилась, но не боялась.

За нас, за русских, было горько – зачем же наш роман имел другой конец... Когда раздался по радио спокойный, твердый, хотя и печальный голос Болдвина (824), 8-го мая, вечером, я просто плакала, слушая его. Так в России никто не говорил, не думал, не действовал.

А все-таки Россия была и снова будет великой страной.

Идут разговоры, ч[то]б[ы] выгнать отсюда большевиков. Третьего дня муж был у Tyral. Старая лиса уверял, что, конечно, довольно терпеть, пора их гнать. Г. В[ильямс] по-старому доверчив. А я сказала – все врет. Вчера Поляков рассказывал, что именно F[oreign] Of[fice] против разрыва. Чемберлен находит, что это не совпадает с духом Лиги Наций. Хотя у Home Office** накопились и данные (деньги, подготовка к этой забастовке и т. д.), и желание изгнать.

(Вечером). Г. В[ильямс] попробовал заговорить с Dawson'ом о большевиках. Ничего не вышло. Еще на прошлой неделе Dawson очень интересовался большевистскими деньгами. Точно кто-то его повернул. Кто имеет на него в русском вопросе влияние? Кто-нибудь около Viscountess Astor (825). Большевики умеют находить точки опоры, прокрадываться в места влиятельные. И деньги у них есть и бесстыдство.

* Гайд-парк *(англ.)*.

** Министерство внутренних дел (в Великобритании) *(англ.)*.

Мне очень тяжело думать, что даже встряска забастовочных дней не отражается на положении большевиков в Англии. Но, преодолев горечь, я знаю, что все равно судьбу России должны решать русские.

Писала сегодня Ладыженскому (826), что надо к сентябрю, когда будет митинг в Женеве, разработать тему, вернее тезис: Советское правительство как генеральный штаб революционных армий. Перенесение фронтов извне вовнутрь, исполнение Циммервальдской программы.

21.V.[1926]

Вчера Г. В[ильямса] вызвал Gregory. Мы старались догадаться – Польша? Обиделись немцы на передовую? Франки падают? – Не угадали. Оказалось, что F[oreign] O[ffice] ищет защиты у «Times».

Четыре консерватора, члены Палаты, пробыли 111 дней в России, теперь пишут хвалебный отчет, что там все прекрасно и можно делать хорошие дела. Никогда там раньше не были, по-русски, конечно, не знают, но все поняли.

Т. к. они стараются уверить публику, что у них были официальные поручения, что Остен их боится, не хочет за них отвечать, но почему-то публично этого не хочет заявлять, вот и придумали – через Gregory просить Г. В[ильямса] их отщелкать.

Странная комбинация. Е. В. [Саблин] говорил, что Красин (826а) сюда возвращается. Этот коммунистический буржуй имеет вредное здесь влияние. От него в восторге политические сороки, вроде Viscountess Astor M.P.

28.VI.[1926]

Даже я не знала, или иногда не до конца чувствую, как привязан он к России. Не так давно, когда узнал, что их не выгонят, пришел с потемневшим лицом. Сегодня Вася появился. Точно русского воздуха с собой принес. И Г. В[ильямс], когда мы ехали в taxi, с трудом сдержался, чуть не заплакал. Я просто похолодела.

1927

13 марта [1927]

Было сегодня приходское собрание о церковной нашей смуте. И как-то неуверенно на душе.

Когда о. Сергий Булгаков был здесь в январе, он предупреждал, что угроза надвигается, но совершенно нас не подготовил, не дал нам ни фактов, ни аргументов. Когда состоялось постановление Карловацких епископов о прещениях (827) против мит[ополита] Евлогия (828), Коринчевский привел ко мне Саблина и требовал от нас решительных

действий, а мы оба ничего не понимали. Три раза у меня совещались. Я все еще была слепа. Думала: 1) не мое дело, пусть владыки сами разберут; 2) нельзя ли остаться нейтральным, отсидеться; 3) разве это так важно, какой архиерей. Но когда прослушала хитренького, ловкого и холодного Серафима (829), я сразу стала на ноги. Он два вечера беседовал, но я уже после первого поняла, что из Карловац веет смертью и разрушением.

Мы все собирались и толковали. Риттих (830) и Замен (831) упорно искали согласительной резолюции с северянами и монархистами. Странное смешение. Северяне – это клуб, главным образом люди торговые. Во главе два самодура, Вальнев (832) и Амиенов, оба люди без образования. Мы их злим своим умственным и культурным превосходством. Для них Саблин дипломат и аристократ. И вот их оплели крайние монархисты. Мотивы – малопонятные, упрощенные – мы канонов не знаем, пусть сами разберутся, до Собора и т. д. Психология? Скорее всего хотим быть сами по себе.

Для меня это был месяц какого-то медленного, не скажу мучительного, но неуверенного нащупывания. Я скоро поняла, что с Карловацкими пещерными старцами мне не по пути. Но у меня не было никакого знания, как построена, откуда исходит власть в Православной церкви. И вот, когда приехал из Берлина нескладный, рассеянный, по внешности кирпичный проф. Иринарх Стратонов (833), и я не без раздражительной усмешки смотрела, как он нелепо конфузится и какой он вообще чудной, не подозревая, что он откроет мне одну из важнейших особенностей Православной церкви (и, м[ожет] б[ыть], не только православной?). Оказывается, что священник не может служить, если нет архиерея, которому он канонически подчинен, кот[орый] его на эту службу благословляет. Значит, нельзя жить церковной жизнью, не подчиняясь канонически своему епископу. Но и архиерей, отходя от паствы, теряя епархию, теряет часть своей власти, т. к. она связана с религиозной жизнью его паствы, церковного народа. Какое глубокое мистическое понимание пастырской власти.

Когда я это поняла, я уже безоговорочно знала, что я должна остаться верной своему архиерею, поставленному патриархом Тихоном (834).

И на обедне сегодня переживала совершенно новое чувство связи, подлинной внутренней церковности. Не знаю, как это сказать словами. Но это было настолько радостно, что я эгоистически мысленно благодари[ла] мит[рополита] Антония (835) и других Карловацких епископов, что они снова перевернули во мне какие-то пласты.

На приходском собрании наша резолюции о каноническом подчинении митр[ополиту] Евлогию получила 89 голосов. О подчинении Карловацким владыкам не было и речи. Но прошла – 93 голоса, – резолюция ни в тех, ни в сих. «Не обсуждать канонического спора иерархов по существу».

Любопытно лично для меня, что три женщины, чаще всего бывавшие в моем доме, обе Звегинцевы (836) и Пущина (837), резко разошлись со мной. Видно, не умею я заражать своими мыслями. Или я их раздражаю тем, что вообще мыслю?

По существу, я, скорее, спокойна. Мне жалко болота, не видят люди, что вязнут.

Думала ли я когда-нибудь, что церковные дела потребуют от меня думанья?

4.IV.1927

В марте мне три раза пришлось быть в Institute for International Affairs на заседаниях по русскому вопросу. Я увидала, как переменилось настроение даже в этом, всегда поглядывающем налево, обществе. Первым прошел в маленьком, русском отделе доклад Пэрса об эволюции в России. Путано, но любопытно, что мои замечания уже слушали внимательно. Даже спросили меня, не без ехидства: What do you think about United States of Russia*.

Второе, большое собрание, где Sir Alfred Knox сражался с этим дураком Ponsonby. Wise тянул свои обычные цифры советского благополучия. Susan Lawrence (838) вылезла с утверждением, что большевики уже отказались от World Revolution**. Но больше всего успеха имела я. Не за красноречие, при моем ломаном английском. Значит, по существу, за мое антибольшевистское наступление. Особенно когда я, с величайшим удовольствием, сказала Pousonby: «М[ожет] б[ыть], Вы в Мин[истерстве] Ин[остранных] Дел не слышали, что от Раковского пахнет трупами. Но я-то этот запах слышала».

Третье – доклад Susan Lawrence опять в небольшом рус[ском] отделе об образовании в России. Она его хвалила, хотя и признала, что это чистая пропаганда. Любопытен ее рассказ о разговоре с солдатами в Ленинграде. Они ее корили, что до сих пор в Англии Рабочая партия не устроила революции. Она ответила: «В 1905 и вам революция не удалась. Подождите, когда настанет и в Англии 1917 г.».

И она и Wise не скрывали своего удовольствия, что большевики борются против религии. – Но слушатели угрюмо молчали.

Я только теперь наблюдаю нарастание тревоги. Боюсь, что в правительстве оно слабее, чем в стране. Даже Р. Макдональд придумал какую-то хитрую борьбу против III Интернационала и убеждал G. Dawson'a напечатать в «Times» разоблачения, переданные ему какими-то таинственными социалистами из Москвы. Dawson спросил, кто они? Имен Р. Мак[дональд] не дал, тем дело и кончилось.

Третьего дня были у нас в гостях (в первый раз после войны) немцы. F. Rechberg (839) с сестрой. Толстый, грубый, напористый. При-

---

* Что Вы думаете о Соединенных Штатах России *(англ.)*.

** Мировая революция *(англ.)*.

ехал из Германии устраивать какие-то большие дела и организовать поход против Советов. План простой. Германия, Франция, Англия посылают 2-миллионную армию. Меньше не стоит, т. к. надо начисто расколотить коммунистов. В Германии много безработных офицеров, которые охотно пойдут. Советское правительство будет свергнуто, разумный Verfassung* установлен, экономическая жизнь оживет. Вслед за армией будут ввозиться товары, а главное, земледельческие орудия.

– Я его спросила: «А как же население к этому отнесется?» Он презрительно посмотрел на меня сквозь монокль: «Население будет радо избавиться от большевиков...» – «А деньги откуда?» – «Ну, сначала все три державы сделают взнос. Потом Россия будет у нас в руках, ein Object**... Мы это все вернем. Концессии на много лет и т. д.»

Это было не только нагло, но и глупо.

При этом он все ссылался на ген. Hoffman'a (840). Кстати, по его словам, Hoffman считает, что у большевиков есть тайный Наполеон, что вся эта планомерная международная работа обдумана каким-то военным гением.

Любопытно, что Тесленко (841) тоже нам докладывал, что для свержения большевизма нужно сговориться с немцами.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 87об.–96. Автограф.

4.IV.[19]27

Нашла у себя короткую запись приключений С. М. Лукомской, когда ее, по дороге в Москву с Юга (или обратно?), схватила на улице толпа и притащила в Чеку.

Эта степь золотая под солнцем. М[ожет] б[ыть], ничего нет, ни мужа, ни детей? Только золотой снег, золотой воздух и небо. Радость жизни поднялась. А те чемоданы потрошат. Играют флаконом. Нашли на ней пачку писем. Два было от офицеров добровольцев, мелким бисерным почерком. Читать трудно. Одно крупными детскими буквами, про собачку любимую. Что-то дрогнуло в лице казака. Бросил письмо обратно. «Детишки». Старик смотрел ей в лицо – плохо твое дело, старушка, – пропала. К вечеру устала. Кончайте со мной, только дайте выспаться. Ванновский с ней был, путался. Я ничего не знаю. Я все сказала. Что вы меня мучаете. Если вы новую жизнь начинаете, зачем невинных людей мучаете? Увидала на лицах... Что же делать? Отпустите меня. – А протокол? – разорвите. Отвели к казачке, тихонько.

В Царицыне на вокзале груды тел. Следят двое, один все спит рядом. У другого глаза злодея. Забрались в вагон, в темноте в треуголь-

---

* Конституция *(нем.)*.

** Объект *(нем.)*.

нике железки два глаза. Узнал, п[отому] ч[то] встретились глазами. Убежали, забились в товарный вагон. Едут день, два, три. Прибегал – следит тот, что спал. В Балашове у Саповых в имении, старушка.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 115–115об. Автограф.

20.VII.[19]27

Вчера в русской группе Inst[itute] of International Affairs делал сообщение о своей поездке в Россию Dr. Sherwood Eddy (842), of the American Y.M.C.A (843). Это как будто сын основательницы Chr[istian] Science (844).

Дрянь. Лицемер. Сначала очень прохладно осудил большевиков за отсутствие свободы, за «ненаучный догматический атеизм», который пришел на смену «ложно мистической набожности» русского народа, за их стремление насильно провести мировую революцию. Потом, уже несравненно горячее, стал восхвалять, высказывать свое восхищение перед их социальной работой, которой не мешает у них поучиться. Этот скользкий господин заявил, что мужики и рабочие теперь богаче, чем были при царях и что из всего этого «зла» вырастет еще невиданное «добро». «Они потеряли правду Божию, мы правду гуманитарную».

Еще никогда не ощутила я масонства как отравы. А тут вдруг совершенно ясно увидала и поняла, что передо мной масон. Совсем как в «Трех разговорах» (845).

Мы провели week-end у Асторов, в Hever'е (846). Я вынесла довольно мужественно эти два дня пребывания под кровом миллионеров, да еще хозяев. А Г. В[ильямс] вернулся совершенно разбитый. Там, среди директоров и сотрудников, я так ясно увидала, как ему бывает трудно.

Прав Ростовцев (847). Англичане делятся на бульдогов и мечтателей. Jeffrey Dawson, как и L. Swith типичные бульдоги. А Г. В[ильямс] из мечтателей мечтатель, деликатный, застенчивый и впечатлительный, точно ему 15 лет и он барышня. Такой же и главный хозяин Major Astor. Как приятно было бы работать с ним, и как тяжело мне было смотреть в хищное, жесткое лицо L. Swith'а. А ведь о деньгах, т. е. о прибавке, надо с ним говорить.

J. Dawson в другом роде. Он грубоват, резок, всегда тянется к тем, кто на виду, к тем, кто выше. И он, и жена его снобы. Для них люди как мы просто непонятные чудаки, если не дураки.

Секретарь Astor'a Show и директор Pipus типичные циники и пролазы. Кормятся. Был еще будущий сотрудник с молодой женой. Он сейчас в «Observer». Журнализм любит, быстрый, самоуверенный, тоже, скорее, из бульдогов. Возможно, что когда окрепнет, будет подрываться под Г. В[ильямса].

Театрал Morgan совсем другой. Хмурый, молчаливый, независимый, тоже из мечтателей. А художеств[енный] критик – тупая детина.

Бедные художники – они мучаются родами, а когда родят, вши осыпают ребенка.

Сама Lady Violett усталая. Тощая, преждевременно состарившаяся, точно миллионы и светские цепи давят ее. Или это просто воздух Hever'а, где замок вырос на дне болота? Но Lady Violett настоящая леди, простая и спокойно-уверенная.

Надеюсь, теперь долго не позовут. Есть что-то чересчур нелепое в этой зависимости умных и даровитых писателей не от читателей, а от управляющих конторой и хозяев.

29.X.[19]27

Диди (848) утром за breakfast* говорит матери: А все-таки добро сильнее зла.

М[ожет] б[ыть], это был ответ на мысленные сомнения Сони, почему Бог допускает такие ужасы, как крушение огромного парохода, где 1000 пассажиров едва не потонули.

Потом она же сказала: только зачем же большевики в России? – точно продолжая ту же мысль.

Позже она стала «читать» Бибиньке газету, т. е. выдумывать.

– Тут из Москвы, что большевиков прогнали, а выбрали царицу. И из Африки, там так жарко, что даже змеи не могут ползать. И нашли слонов, совсем голых, кожи нет, одни кости.

Вчера она валялась на диване и громко сочиняла стихи: Солнце заходит за тучи. Ветер грохочет гремучий.

В ней есть чувство и потребность к ритму. А что из этого разовьется?

6.XII.[19]27

Когда была получена от Kennedy первая телеграмма, Г. В[ильямс] стал звонить во все стороны. Нашел, наконец, Gregory, кот[орый] обедал у своей матери. Сговорившись с ним, отправил Kennedy телегр[амму], ч[то]б[ы] прекратил эти разговоры. На утро опять видел Gregory. Обсуждали. Тот заявил, что Austen (849) ни в коем случае не хочет видеть Литвинова. В тот же день была в Женеву, представителю F[oreign] O[ffice], послана телеграмма, что попытка Литвинова видеть Остена есть – stilly impudence**. Я тогда же чувствовала, что если Литвинов досидит до приезда Остена, он высидит и свидание с ним. Конечно, Kennedy – l'idiot du «Times»***, – был не единств[енный] журналист, через кот[орого] Литвинов добивался этой встречи. Но я не уверена, что и Остен был так уж против нее, как говорил Tyrall'ю и Gregory. По-

* Завтрак *(англ.)*.

** Спокойная наглость *(англ.)*.

*** Идиот из «Таймс» *(франц.)*.

моему он их надул, зная, что они против. Оттого и Gregory он с собой не позвал, как предполагалось. Г. В[ильямс] удручен, что и понятно. Говорит, – опять у нас нет русской политики. Ругает Лигу, что это ее влияние. А я думаю, что тут вся ответственность на самом Чемберлене. После Локарно он хочет новых лавров миротворца и думает получить их из Москвы.

Это большая победа Коминтерна. Укрепляет внутреннее положение советской власти. Опять удар по России, а заодно и по Англии и ее престижу. Кроме того, это на руку Германии, т. к. и в Советской и в зарубежной России такие шатания вызывают негодование, а иногда и презрение к Англии. А если не Англия, то Германия.

Надо признать, что социалисты, а в особенности коммунисты, вырабатывают сильные характеры, хотя и мерзкие, а с другой стороны, слякоть и тоже не всегда благородные.

История этих трех дней, охота наглого советского ухажера за пугливой английской мисс полны курьезов. Тема для комедии.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 96–100об. Автограф.

1931

[2]3.XII.[19]31. Sidestrand Hall. Cromes. Norfolk

Мы с Диди проводим Рождество у Hoare'ов. Хочу записать его слова, т. к. он ведет большую английскую игру в Индии. Его успех или неуспех отразится и в Европе и в Азии.

Последний кризис, – я считаю с августа, – отразился на нем. Самоуверенный, выхоленный, для большинства (не для меня) суховатый, несмотря на улыбку, он стал проявлять нервность, даже раздражительность. Правда, ставка большая, игра трудная. Выиграть надо, в сущности, Империю, т. к. без Индии какая же Империя.

Мы приехали сюда третьего дня. Хороший, просторный дом. Выдрессированные два лакея, остальных не видим. Только утром мелькнут женщины в голубых платьях. Потом точно все само делается и хорошо делается. У Maud (850) все внимание, весь ее тонкий и гибкий ум направлен на то, чтобы облегчить, расширить, расцветить его жизнь. Она любит его с девичьей нежностью.

Hoare подъехал одновременно с нами, прямо с охоты. В каком-то красноватом пальто, как всегда элегантный до предела. Ходил по болоту с утра. Набил уток, вальдшнепов, зайцев, фазанов. Так каждый день. Бьет сотнями бедных пичуг и зверюк. Точно на них срывает свое раздражение против Ганди (851) и компании.

И сразу, в тот же вечер за обедом сказал:

– Я ввел такие военные законы, кот[орые] в Индии еще не видали.

Я спросила как насчет формулы Черчилля, сначала успокоение, потом реформы?

– Нет. Я сразу дам и реформы, и успокоение. Только я сначала им покажу, что шутки кончены.

На следующий вечер к обеду приехал старик др. Литт[лт]он, бывший headmaster of Eton* с дочерьми. Лицо морщинистое, умное, как Holbein (852) рисовал бургомистров. Старик спросил про Ганди:

– С ним все носились, кроме меня, – ответил Hoare. – Я ему прямо и ясно дал понять, что Индию мы не отдадим и оттуда не уйдем. Это он понял и с этим будет считаться. Но у Ганди и мысли, и решения безответственные. Он сам говорит, что Эйнштейн (853) нашел у него ум научного экспериментатора и что он производит эксперименты над Индией. Я указал ему границы. Но еще посмотрим, что будет, когда он приедет. Перед отъездом он два часа сидел у меня и, уходя, обещал нигде не выступать с новыми заявлениями, не предупредив меня. А в Италии he has given a ghastly interview**. Я ему телеграфировал, подтверждает ли он его? Ганди отрекся. Я считаю это отличным признаком.

Сегодня днем приехал Lord Hasting с женой. Они едут в Индию. Это целая комиссия, десять парламентариев и несколько чиновников, на обязанности которых собрать материал для нового федеративного устройства. Lord Hasting, высокий, скорее красивый, помещик, коннозаводчик и делец. Никогда в Индии не был, политикой не занимался. Hoare ценит в нем практическую сметку и честность. А я была довольна, что один из первых вопросов был:

– Сэм, а ведь тебе придется расправиться с большевиками?

Hoare засмеялся:

– Ты об этом с Mrs. W[illiams] поговори.

Они скоро ушли. Жена л[орда] Has[ting'a] долго и подробно расспрашивала хозяйку, что и как ей везти с собой. А я сквозь эти дамские разговоры явственно чуяла тревогу за мужа. Терроризм разгорается. Кто знает... Хотя ни слова об этом не было сказано.

За обедом Hoare опять заговорил об Индии. Его с утра встревожил телефон. Ему три раза в день звонят из India Office (854). Сегодня были какие-то нехорошие вести с границы. Вождь мусульман с Red Shirts (855) что-то натворил.

– Пусть мусульмане не думают, что я буду с ним церемониться, – сказал Hoare. – Ему круто придется. Я их предупреждал.

Я посмотрела на него. Мы обедаем в небольшой комнате. Горят только четыре свечи под колпаками. Темно. При этом освещении на его состарившемся за эти месяцы лице проступает какое-то новое выражение. Решительность? Злоба? Азарт бойца? Не знаю еще. Не могу

---

* Директор Итона [колледжа для мальчиков] *(англ.)*.

** Он дал ужасное (непростительное) интервью *(англ.)*.

понять, хочет ли он быть и казаться жестким или это в нем действительно есть? В первый же день он мне сказал про индийского коммуниста, кот[орый] учился в Harrow (856), а потом доучивался в Москве у большевик[ов].

– Мы его на днях расстреляем.

Сказал как-то подчеркнуто. Если убеждал себя, что так надо, это плохо. Если просто дружески делился со мной серьезным известием, тогда ладно. Но уже несколько раз за эти три дня он мне сказал, что действовать будет круто. По поводу комиссии он мне объяснил, что у него есть свой готовый план федерации, который он и будет проводить, а дело комиссии только снабдить его подробными данными. Он составил ее из исполнителей, а не из выдумщиков.

– А у Ганди есть план?

– Нет. У него только отвлеченные идеи, и я ни с одной из них не согласен. Он это знает.

Мне было любопытно. Там, где-то в океане плывет на англ[ийском] пароходе чудак индус, полуголый, не то толстовец, не то анархист по Кропоткину. Почему-то индусы в него поверили, гораздо больше, чем мы, русские, верили в Толстого и Кропоткина. Что этот смешной Ганди несет своему народу – свободу и мир или новое рабство и новые распри?

А тут, среди красивого благоустройства английского поместья, спортивный, крепкий, честолюбивый патриот Великобр[итанской] Империи отдает по телефону быстрые и краткие приказы, которые должны перебить разрушительное влияние чернокожего демагога.

Но кто же из них окажется более сильным или более удачливым в этом грандиозном состязании?

26.XII.[1931]

Вчера вечером H[oare] вошел в гостиную, где мы сидели с его женой, и, с удовольствием потирая руки, сказал:

– Now, we have arrested him*.

Я знала, что дело идет о мусульманине, вожде красных рубашек. Он выехал с севера, ч[то]б[ы] повидать Ганди. Эту встречу было решено не допускать, т. к. он единственный мусульманский вождь, поддерживающий Ганди. Почти коммунист.

Больше об этом не говорили. H[oare] любит болтать о книгах, о людях, об истории. Тех общих рассуждений, теорий, обобщений, которыми были полны русские разговоры, от него не получишь. Суждения свои он высказывает решительно и кратко.

– Англии никто не нужен. Главное Империя. С Францией все кончено. С ними никто не хочет иметь дело. Скорее, с немцами. Через четыре-пять лет в Индии все будет в порядке.

* Ну вот, мы его арестовали *(англ.)*.

О подробностях он будет говорить очень охотно, когда это касается, скажем, влияния эллинизма на китайщину, кот[орую] он очень любит, или про породы птиц в Норфолке. Или мелочи в книгах. Он терпеть не может трех удачников современного рынка – Б. Шоу (857), Уэллса и Д. Бари (858). Это, скорее, показатель хорошего вкуса.

Ему далеко до утонченности и многокрасочности умственной жизни Г. В[ильямса]. Но общее есть в разнообразии знаний и интересов. Отчасти в капризе. Только у него прихотливость скрытно раздражительная, чего никогда не было у Г. В[ильямса]. В выборе знакомых, не политических, не деловых, а так, для себя, как и в выборе кушаний есть в нем придирчивость. I cant bore; I cant stand; he is a bore*. Умные глаза Maud с любовным вниманием, но по возможности незаметно ловят все оттенки желаний и нежеланий, довольства и недовольства, и на этом строится весь склад жизни.

Иногда мне чудится в нем тайная неуверенность. Честолюбец, он ищет больших задач и большого положения. Но ведь – все блеск и самоуверенность. Но как будто в глубине бегут непризнанные сомнения, не полная уверенность в своей крупности. Возможно, как ни странно, что отсюда и тщеславная потребность в похвалах, в признании, даже в лести. Самоутверждение преходяще из всех.

И по-детски тешится спортивной удачей. 35 фазанов, 30 зайцев и кроликов, 10 вальдшнепов, 15 диких уток. Это все в одно утро, и так каждый день. В Cramer'е играет в теннис с женщиной, лучшей теннисисткой Англии. Играли вдвоем одну партию 55 м[ин]. Он был счастлив, что выиграл.

1933

9.I.[19]33. Sidestrand

Приехала опять к Hoare'ам. На этот раз без Диди. В первый вечер (6-го) хозяин выглядел очень усталым, точно этот год его сразу состарил. Но в теннис по-старому жарил.

– У ворот стоит городовой. Сыщика оставили в Лондоне. Но по-моему ни он, ни Maud о террористах не думают. Это, скорее, логическая предосторожность.

Сегодня после обеда мы особенно разболтались. Maud сидела, перебирала газетные вырезки об Индии, искала в справочнике сведения о бабушке д[окто]р[а] Littlton. Хозяин лениво развалился на голубом диване около камина. Было уютно болтать в уютной гостиной. Темно-синий ковер, занавеси немного светлее, но тоже синие, голубые чехлы на мебели, хорошие семейные портреты, спокойный и красивый комфорт поколениями обжитого гнезда. И муж, и жена многое внесли в свою жизнь, многое создали. Но многое досталось им по праву рож-

* Я не могу скучать; я не могу вынести; он зануда *(англ.)*.

дения – воспитание и навыки, деньги и традиции, вещи и связи. Все это они оба любят, ценят, берегут, расширяют. И всем этим пользуются для своих политических задач. Честолюбцы? Конечно. Но абсолютно чистоплотные. И патриоты.

Она высокая, с живым и неправильным лицом, с умными кристальными глазами, хорошая улыбка, не только приветливая, но и добрая. Отлично одевается, всегда знает, что надеть, как себя держать, что сказать. Понимает людей, знает всякие нити и соотношения. И думать умеет.

Он едва ли не ниже ее ростом, гибкий, очень моложавый, наполовину плешивый. Красивые черты. Голубые глаза, которые часто не замечают собеседника. Вообще он не считает себя обязанным всегда притворяться, что люди ему интересны, и не скрывает, когда ему скучно. Явно перестает слушать. Потом спохватится и старается быть любезным. У него быстрые, почти резкие движения. Да и слова часто резкие. Она гораздо мягче и умеет притворяться внимательной, улыбается, пристально смотрит. Пробирает его – при мне они, слава Богу, не стесняются, – что он явно скучает с кем-нибудь. Но отлично знает, что он имеет права капризничать. А он этим правом пользуется. Одевается он еще изысканнее, чем она. Удивительный красновато-коричневый жакет и короткие штаны для охоты. Кожаная куртка для тенниса и т. д.

Индийские дела он ведет, крепко держа вожжи в руках. Напоминает мне знатного византийца, кот[орый] гонит четверку коней по ипподрому. Ему нравится это ощущение туго натянутых вожжей. Я спросила:

– Как это выходит, что горсточка английских солдат...

– Ну, у нас там 50 000 англичан и 100 000 индусских войск.

– Это все-таки горсточка. Если индусы действительно хотят независимости, им ничего не стоит выгнать англичан.

Он засмеялся.

Never. They cant do it. They simply cant*.

Пожалуй, в этой непоколебимой самоуверенности британца его главная сила?

Мы заговорили о молодом священнике, Father Elvyne**.

He behaved so foolishly but still we alow him to return to India. He wanted to see me. I refused.

And why?

I refuse to see people who are opposed to me.

What is – selfpreservation?

Yes, party. And then my friends will be affended. And I stand by my friends.

---

* Никогда. Они не могут сделать это. Они просто не могут *(англ.)*.

** Отец Элвин *(англ.)*.

But if you never see your opponents you cant correct your views. Perhaps there is something right in them and you have to take it.

I Have taken all at the beginning and <1 нрзб.> they have nothing to tell me*.

Самоуверенность незыблемая и торжествующая.

Много говорили о книгах. Он много читает и, как англичанин, точно запоминает. Очень увлекается Наполеоном, Александром Великим (859) и вообще полководцами. Думаю, что бродит в нем честолюбие и властолюбие размаха более крупного, чем то, что дает положение кабинет-министра.

– А что, Макдональд вам не мешает?

– Нет, мы с ним ладим.

– А он понимает дела индийские?

Hoare захохотал.

– Very little... His high brows don't like me. They know I hate the intellectual**.

Я не удержалась:

– Yes. I always wonder why you are so friendly to me. I am a pure*** интеллигентка.

Они оба расхохотались. Ко мне они действительно ласковы. Он болтает со мной, как с товарищем, обо всем, что придет в голову. Или как с товарищем молчит. У нас общие книжные вкусы, да и в оценке людей мы часто сходимся.

Будет ли он когда-нибудь премьером? В дела воздухоплавания он внес много практического устроительства. С Индией проявил размах и воображение. Но он любит править. А нужно ли это для премьера?

28.IX.[19]33. 53. Chester Ter

Два дня тому назад вернулась от Hoare'ов из Sidestrand Hall. Как всегда, было привольно, уютно и... великолепно. Они оба умеют де-

---

* – Он так глупо себя вел... Но все-таки мы разрешили ему вернуться в Индию Он хотел видеть меня. Я отказался.

– Почему?

– Я отказываюсь видеть людей, которые настроены враждебно ко мне.

– Что это – самосохранение?

– Да, отчасти. А потом моим друзьям будут угрожать. И я останусь со своими друзьями.

– Но если вы не видите противника, вы не сможете скорректировать свои взгляды. Возможно, они в чем-то правы, и вы должны это признать.

– Сперва я взял все и <1 нрзб.> им нечего сказать мне *(англ.)*.

** Очень мало... Его высокобровие меня не любит. Они знают, что я ненавижу интеллектуалов *(англ.)*.

*** Да. Я всегда удивлялась, почему вы так по-дружески относитесь ко мне. Я настоящая *(англ.)*.

лать дом приятным. Особенно она. Хотя он тоже старается, но у нее пристальная наблюдательность ко всему. Она умеет быть внимательной в мелочах незаметно и без усилия. Ему надо стараться. Он логически понимает людей, но может их просто не замечать. Живет в своем мире. Никогда не был у Woolworth (860):

– Better not to go. When I enter a shop I want to buy everething*.

В последний вечер, после обеда посадил меня на диван, она в одном углу, я в другом и стал болтать. Сам заговорил про Индию. Я всегда избегаю, боюсь, что ему и так надоело. Chirchill и Lloyd ему портят кровь. Я сказала:

– Вам выгоднее, что на вас нападают справа. Вы являетесь освободителем и реформатором. А если бы нападали слева, вы были бы гнусным реакционером.

Он смеялся: «Да, но вы знаете, рабочая партия и либералы всегда управляются левым крылом, а консерваторы правым».

Его беспокоит предстоящая в Бирмингене конверват[ивная] конференция. Он решил не выступать, т. к. в Joint Committee** еще будут его опрашивать (или допрашивать, ведь он считает, что придется отвечать опять на 2000 вопросов), и пока комиссия не вынесла решения, он не хочет говорить об Индии. Но т. к. и он и Lady Maud ловкие политики, то они устроили в деревне shooting*** для Neville Chamberlain (861). Набили за два дня шесть человек 300 partridges****, а в то же время Hoare составил для Chamberlain речь об Индии, кот[орую] тот и скажет в Birminghaim.

They are kings in Birminghaim*****.

Беспокоит его Austen Cham[berlain]. Оказывается, среди молодых консерваторов он имеет большое влияние и морально-политический авторитет:

– Как Ed. Grey (862)?

– Да вроде.

– А вы его убедили?

– Не совсем. Если он и лорд Derby (863) убедятся, все сделано.

Говорили о фашизме. Hoare не верит, что они могут иметь здесь успех.

Англичане готовы слушаться, но они не любят, чтобы ими командовали. Фашисты не могут иметь серьезное влияние.

Он не верит в войну. Никто ее не хочет. Кто будет воевать?

Когда я у Hoare'ов, я попадаю в ту верхнюю напряженную атмосферу, к кот[орой] приучил меня Г. В[ильямс]. Знания, кругозор, раз-

---

* Лучше не ходить. Когда я захожу в магазин, я хочу купить все *(англ.)*.

** Объединенный комитет *(англ.)*.

*** Охоту *(англ.)*.

**** Куропатки *(англ.)*.

***** Они короли в Бирмингеме *(англ.)*.

нообразие и меткость суждений, то неуловимое нечто, чем отличаются люди, поднявшиеся над толпой.

М[ожет] б[ыть], я и пристрастна, но для меня Г. В[ильямс] во всем был выше всех, кого я знаю. У других бывало больше блеска или яркости таланта. В нем была даровитость, талант, разлитый по всему его существу. Он изнутри был наполнен светом. От сердца шли лучи и от ума. У S. H[oare] нет этой лучистости. Но есть стальная напряженность. Он летит как стрела. Большое честолюбие, но и цели ставит большие, не боится самого трудного. Так, верно, ему нужно. С тех пор как он взвалил на свои плечи Индийскую Империю, он не только не согнулся, но распрямился, походка у него стала легче и моложе. И в характере, в обращении, в разговоре нет прежней stiffness*. Он очень любит выпаливать, говорить умные вещи и пустяки парадоксально и категорично.

Вероятно, у него копился избыток жизненной силы, а теперь он все это разгружает, отдает освобождению от излишков.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–14. Автограф.

1934

27.IX.[19]34

Мы любим кровью, и кровь наша мучается, когда измена, охлаждение, разлука или смерть отымает от нас любимого.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 56. Л. 100об. Автограф.

1946

29/VI.[1946]

Сговорилась с Саблиными, что надо помочь русским D.P.** Решили написать Mrs. Roosewelt (864).

1/VII.[1946]

Говорила с Г. Струве. Он очень отозвался. Спишется с Яковл[евым] (865), ч[то]б[ы] узнать, что там делается. Я должна написать Толстой (866). После получения от них ответа пишем Mrs.Roos[ewelt]. Писатель George Orwall (867).

Вечером говори[ла] с М. К. Бритневой (868). Она тоже получила письма из двух лагерей. Ищем, кто м[ожет] б[ыть] помощником.

<...>

1) Организация Комитета.

* Чопорность *(агнл.)*.

** D.P. (Displaced Persons) – перемещенные лица (Ди-Пи) *(англ.)*.

2) Состав, сотрудн[ики].
3) Финансы.
4) Задачи, одежда, книги, деньги.
5) Склады.
6) Воззвания.
7) Способы пересылки. Лицо для отправок.

1947

16.I.[19]47

В ответ на мой вопрос, в чем главная трудность К. В. Б.

1) Нельзя составить списка. Англичане выставили из лагеря профессора, кот[орый] хотел их составить.

До сих пор из Герм[ании] не выпускают, только очень немногих, отдельных лиц.

<...>

Чтобы получить разрешение на выезд, надо пройти через три военных контроля. Весь аппарат худо двигается. Не говорить, ч[то]б[ы] не дразнить.

Надо все поставить на коммерч[ескую] ногу. Ведь это люди, рабочая сила, они сами представляют капитал, не менее ценный, чем какие-нибудь быки.

<...>

10.VI.[19]47

Во Франции ж[елезно]д[орожная] забастовка. 4 пожилых англичан не могут проехать в Швейцарию, но не доехать до нее считают унизительным. Водворились в Кале, в базельский неподвижный поезд и живут в нем. «After all we are English. It would not be a good thing to be beaten by a strike in France»*. (Ну, как такой народ сломить!)

12/X.[19]47

В Женеве во главе JRO (869) Tack. Туда же пролез Davidson, тоже америк[анец]. Он всем вертит.

Кульман (870) во главе legal section.

Лампе (871) рассылал по Воин[скому] Союз (872) приказы, где, под угрозой исключения из Союза, запрещ[алось] членам Союза сотрудничать с нем[ецкой] армией. Такой приказ из Берлина ([19]42, [19]43) Ильин читал в Праге и в Вене, где полк[овник] Семчев был вызван в Гестапо и ему сказали, что за такой приказ он м[ожет]

---

* «После всего [произошедшего] мы – англичане. Это не было бы хорошей вещью потерпеть поражение от стачки во Франции» *(англ.)*.

б[ыть] повешен. Но, вообще, немцы не обращали внимания на белых воен[ных].

1948

16/VI.[19]48. Париж

Инж[енер] Негоднов (873) проездом из Зальцб[урга] в Аргентину <...>. Лагерь: Всеми D.P. в F.Z. заведует Tifand, порядочный человек. Но у него помощник Cap[itan] Jel, кот[орый], когда Martel завел в лагере врачебную помощь, детский сад, он все уничтожил и, сменив русских, назначил в адм[инистрацию] немцев.

Desiderata*: IRO должна считаться с рус[скими] организация[ми] и брать рус[ских] служащих.

Он рассказал, что был в Lienz'e и Ost[liche] Tirol, 28.V.[19]45, когда англичане выдали Красновых (874), Шкуро (875), Хан-Гирея (876) и других советам. Негоднов был в казачьем отряде как рядовой. Их было 30–35 000. Англ[ичане] потребовали оружия сначала от офицеров. 1800 чел[овек] разоружили, посадили в грузовики. Они не сопротивлялись, п[отому] ч[то] доверяли англ[ичанам]. Потом разоружили солдат. Слышались голоса, что не надо отдавать оружие. «Ну, что вы, англичане джентельмены». Сам Нег[однов] был <1 нрзб.> советовал разбежаться. Это было возможно. Их никто не сторожил. Но все верили. Никто не знал, где офицеры. Три дня спустя велели идти в лагерь. Тогда начались волнения. Выставили вперед священ[ников] с хоругвями, детей, женщин. Мужчины позади. Он не пошел, наблюдал издали, как их окружили англ[ийские] солдаты, двинулись с винтовками, паника, потом палками загоняли. Многие бросались в Драву вместе с детьми, ночью несколько челов[ек] повесилось. А наутро опять толпа, на кот[орую] двинулись танки. Сколько жертв и скольких отправили он точно не знает. Их прямо грузили насильно в поезда и отправляли на восток. Вероятно, судя по количеству оставшихся, отправили около 20 000, остальные отбились, попрятались. Командовал англ[ийский] майор Davies.

Desiderata к IRO: Исполнение обязательств признания беж[енских] организаций. Привлечение их к работе. Сотрудничество делегатов этих комитетов с IRO

Большая доступность служащих IRO.

Упорядочение их работы. В IRO часто теряются бумаги.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 71. Л. 15–15об.; 24об.; 29–30; 41об.; 48–49; 60–63. Автограф.

---

* Пожелания, требования *(лат.)*.

27.VI.[19]50

Была у Маклакова. После операции ожил. Так и брызжет воспоминаниями, волнуется прошлым. Прочел Степуна (877) о Савинкове и по этому случаю рассказал мне о деле Корнилова.

Корнилов обдумывал, как свергнуть правительство Керенского сразу после Госуд[арственного] Совещания, обратился к группе общ[ественных] деятелей, спрашивал, поддержат ли они его. Их собралось человек 15. Были тут Милюков, Родзянко, Шульгин. Все, за исключением Маклакова и еще кого-то, не помню кого, обещали поддержку. Маклаков сказал, что революционное настроение еще не изжито и широкой поддержки Корнилов не получит. (К несчастью, так оно и вышло.)

Когда Корнилов уже двигался, ген[ерал] М. В. Алексеев вызвал к себе Маклакова. Алексеев жил в поезде на Царскосельском вокзале. И он и все окружение были совершенно уверены в победе Корнилова, говорили так, точно Керенского уже нет. Алексеев считал, что Корнилов окружит Петроград и правительство сдастся без боя. Он хотел знать мнение Маклакова, как организовать потом власть. Маклаков сказал, что как юрист он стоит за начала законности. Государь отрекся в пользу Мих[аила] Ал[ександровича] (878), который отказался принять власть, но, в сущности, он обязан [был] согласиться.

Алексеев был удивлен.

– Значит, вы хотите восстановления монархии?

– Да, в том виде, в кот[ором] это указано в отречении, монархии правовой.

– Но ведь это невозможно. Это значит восстановление самодержавия.

Тут уже Маклаков удивился:

– Что же это я, представитель оппозиции, высказываюсь за царя, а вы, генерал-адъютант, близкий Государю человек, против.

Алексеев провел рукой по лицу:

– Да, высказываюсь. П[отому] ч[то] я гораздо лучше знаю их, чем вы.

Маклаков говорит, что Мих[аил] Ал[ександрович], прежде чем отказаться, советовался с рядом лиц. Даже Шульгин говорил, что он не должен принимать власть. Только Милюков настойчиво его уговаривал согласиться.

6.VII.[19]50

Получила сегодня от д-ра Чехова предостережение. В сущности, первое. Сердце устало, работает вяло.

– Но я вам гарантирую еще по крайней мере 5 лет жизни.

– Хорошо, я запишу.

Но было странно слышать, что так указывают срок. Мне думается, что он не так далек.

23.VII.[19]50. Versailles

Написать о Дм[итрии] Ив[ановиче Шаховском]. Не забыть его толстовство. Упомянуть о самом Толстом.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 63. Л. 87об.–89. Автограф.

19.VIII.[19]50

Была вчера у В. А. Маклакова. Ездила к нему в Marly и не жалею, что сделала это почти путешествие. Поехала, ч[то]б[ы] расспросить его о Д. И. Шаховском, о кот[ором] собираюсь писать. О Д. И. [Шаховском] он мне немного сказал, но его голова полна, переполнена воспоминаниями об эпохе. Да и [о] самом Маклакове давно следует написать. Вот несколько штрихов из его рассказов. (Мы, два обломка рус[ского] либерализма, сидели в запущенном эмигрантск[ом] садишке. Перед нами был чудесный зеленый пейзаж, пестревший огромными деревьями, а наши мысли и глаза были повернуты к той России, кот[орую] мы так любили, в кот[орой] мы были так счастливы, сами того не зная, которую мы в пух и прах разносили.)

В. А. [Маклаков] думает, что он встретил Д. И. [Шаховского] у проф. Любенкова (879), у кот[орого] в конце 80-х годов собирался кружок мирно настроенных идеалистов студентов. Д. И. [Шаховской] уже не был студентом. В. А. [Маклаков] еще был никем, мог бы стать белоподкладочником, если бы не и[н]спектор Брызгалов (880), креатура Каткова (881). Из-за него М. Ковалевский вылетел из профессоров. Брызгалов ходил на лекции убедиться, что профессора не говорят ничего неблагонадежного. Ковалевский сказал что-то вроде – прошу посторонних выйти. Брызгалов окружал себя крайне правыми студентами, которым все было позволено. Это меньшинство раздражало остальных. Кончилось тем, что студент Синявский дал Брызгалову пощечину. Студента отдали на три года в арест[антские] роты, но Брызгалова скоро убрали.

– Эта пощечина на меня, совсем юного студента, произвела огромное впечатление. Я в первый раз увидал человека, который собой пожертвовал. Положим, не увидал, т. к. я был в соседней комнате, но я видел все, что потом произошло. Затем я встретился со студентами, главным образом провинциалами. Мы, жившие в семьях, меньше видели жизнь. А у этих в комнатах, в общежитиях шли споры, обсуждения книг, подымались вопросы, о кот[орых] я раньше не слышал. Я захотел их понять, стал читать, ч[то]б[ы] их догнать. Спросил, что читать. Ответ был простой – те книги, кот[орые] правительство изъяло из каталогов.

Университетский устав, введенный при Ал[ександре] III (882), не допускал для студентов объединения, косился на самообразование. Это порождало <пропуск в тексте>. Хотя требования студентов были еще очень простодушны. Было даже такое заявление – требуем дарового проезда на конке, права создавать студенческие организации и «конституции».

Очень важно для понимания всеобщности освободительного движения то, что происходило на московском дворянском собрании в окт[ябре] 1905. (Хотела бы найти в Освобождении особое мнение левого крыла, конституционалистов. Его писал кн. С. Н. Трубецкой (883).) Когда читали адрес, кот[орый] хотели поднести Государю, все встали, кроме Сергея Шах[овск]ого (884): «Я встаю, когда читаю слова Государя, а не Государю».

Относительно Беседы (885). В ней Д. И. [Шаховской] и Долгоруковы, Шипов (886), Хомяков (887), Новосильцев, Мих[аил] Стахович. Он был за конституцию, но за монархию. Прежде всего п[отому], ч[то] самодержавие принято народом. Второе – без самодержавия было бы невозможно так провести освобождение крестьян и невозможно будет осуществить правовой строй. По-видимому, эти мысли он сообщил Николаю II (888). Когда царь принимал кн. П. Н. Трубецкого (889), кот[орый] говорил ему о необходимости дать политич[еские] права, царь ответил, что он готов поделиться с народом властью, даже совсем отказаться от власти, если бы он был уверен, что это нужно для блага России. Но он считает, что самодержавие надо сохранить из соображений государственных. При разноплеменности России необходима сильная центральная власть, а не партийная. (Верно.) Затем демократический строй отдает ее в руки некультурных слоев. (Это не верно. Повалила Россию интеллигенция.)

Еще два рассказа Маклакова: Убит Плеве. Макл[аков] встречает в поезде Евг[ения] Трубецкого и ему это сообщает.

– Первое движение Евг[ения] Ник[олаевича] – он поднял руку, чтобы перекреститься и, по-[мо]ему, хотел сказать – слава Богу, но вовремя удержался и сказал – Царство небесное! Когда убили Сипягина (890), я был у Толстого. Все встретили эту весть радостно. Лев Ник[олаевич] один был возмущен нашей радостью. (Все это я потом нашла в его книге «Воспоминания современника».)

<...>

29.IX.[19]50

Маклаков. Власть и общественность. (На закате старой России. Т. I. Изд. Ил[люстрированной] России). Очень много интересных подробностей о группировках и программах. Но, как всегда у М[аклакова], нет ясного ответственного суждения о событиях и людях. Встречаются обвинения деятелей освоб[одительного] движения, кот[орым] нет противовеса в критике действий правительства. То, что стало по-

нятным при свете всего, что произошло за последние 30–40 лет до больш[евистской] революции, предсказать или понять было бы трудно. И сам М[аклаков], насколько я помню его и в Гос[ударственной] Думе и в Ц. К. кадетской партии, тогда не возражал против ее политики, отчего и ему только после событий пришли в голову те критические соображения, кот[орыми] полны его воспоминания. <...>

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 63. Л. 45–47об.; 49об. Автограф.

1951

21.V.[19]51. New York

Вчера у Г. И. Новицкого (891) разговаривали о создании русского центра. Был Гефдинг (892), Демидов (893), Короткова (?) и мы с Арк[адием]. Не слишком представительное собрание, но надо с какого-нибудь конца начинать сплачивать русское общественное мнение. Я с этого и начала, сказала, что в амер[иканских] кругах произошел в русском вопросе сдвиг (статья G.Kennan (894), организация Free Russia Fund*). Но амер[иканцы] ищут рус[ской] авторитетной организации, а ее нет. Мы даже не можем сказать, что они не считаются с рус[ским] общ[ественным] мнением, т. к. неизвестно, где оно. Есть Лига (895), есть солидарис[ты] (896), есть власовцы и Мельгунов (897), но объединенного голоса нет. Надо попытаться. Решили: искать денег на еженедельник, собраться в субботу, ч[то]б[ы] обсудить короткую программу, привлечь еще людей, подготовлять списки русских, которые могут быть полезны. Делать все это без шума.

22.V.[1951]

Карпович (898) говорил вчера в Общ[естве] П[равославного] Бог[ословского] Института о церкви и государстве. Скользит. Ему церковь, конечно, не нужна. Но этого он не сказал. На знамени демократии стоит и религ[иозная] терпимость. И он готов терпеть. Но все-таки не удержался и вскользь бросил, что церкви придают большое значение в развитии русской культуры, но он считает, что тут много преувеличения.

Была сегодня у Бахметева (899), говорила о необходимости кристаллизовать серединное рус[ское] общ[ественное] мнение. От отнесся кисло. На америка[нцев] больше действуют личности, а не комитеты. Людей нет. Денег нет. Кто поведет? В конце разговора признал нашу цель создавать общ[ественное] мнение «почтенной, но не важной». Допрашивал меня о моем отношении к народам России, к федерации. «Когда советская власть падет, нельзя будет управлять из центра, придется мириться с большой самодеятельностью на местах».

---

* Фонд Свободной России *(англ.)*.

Я согласна, областная жизнь должна быть очень самостоятельная, но область опред[еляется] не по национальностям, а географически и экономически.

Ушла не с чем. Больше пока не следует к нему ходить. А там посмотрим.

9.VI.[19]51. Sea Cliff (900)

Читаю Чулкова (901) воспоминания. Он по-прежнему себя переоценивает, придает мистическому анархизму значение, кот[орое] он никогда не имел. Но книга интересная, п[отому] ч[то] в ней есть очень осторожные – печатана в Москве в 1930 г. – указания на то, что он стал верующим. Это рассказ бесформенно левого писателя, кот[орый] ушел от старой левизны, ушел без покаяния, не поймешь куда, но все-таки ушел.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 63. Л. 89–90. Автограф.

12 авг[уста 19]51

Sea Cliff. Беседа об искусстве и христианстве в церковном саду. О. Алексей, о. Ал[ександ]р Шмеман (902), о. Ал[ександ]р Киселев (903) устроитель. Были – Коряков (904), Федоров, Филнов, Елагин (905). Они говорили, Берберова (906) и Максимов (907) молчали. Докладчики – Н. С. Арсеньев (908) сближал искусство с Богом, о. А. Шм[еман] напоминал, что искусство не может преодолеть мир, во зле лежащий. Все путано, но беспокойство мысли полезно. Я председательствовала и не смогла подвести итог.

31.X.[19]51

Появился Соловьев-Бобров (909). Кажется в первый (?) раз я говорила с советским человеком, уже готовым борцом. Очень волевой. Если ему можно доверять, то следова[ло] бы ему устроить журнал.

В «V[oice] of Am[erica]» (910) выбросили из Пасхальной статьи колокола, п[отому] ч[то] пахнет старым режимом.

<...>

19.XI.[19]51

Главное событие моей жизни за эти последние недели это то, что я, наконец, поняла, что надо освободить свою душу от многолетнего груза. Трудно было. Но какое облегчение! И В[ильямс] точно стал доступнее. Вчера на панихиде – печаль моя светла... Это то, что внутри меня.

А вот что вовне. – Бобров versus Далин (911) и идиотский пункт резолюции Союза освобождения народов России (912) (кажется, так

они себя называют). Вчера в Мельгуновской группе читали протокол их совещания в Висбадене (913), где Мельгунов умудрился признать за разными народами России право путем плебисцита или решение[м] национальных учредительных собраний определять свою судьбу (914). В другом пункте они выбросили Всерос[сийское] Учред[ительное] Собрание. Это ирония судьбы, но я сейчас готова защищать эту злосчастную Учредилку. Вчера я сразу по прочтении этого Висбаденского протокола сказала, что это уступки равновредные и для русских и для американцев. От голосования я ушла, т. к. в группе не состою, но они постановили Мельгунову написать, что пусть он лучше уходит из объединения, чем делает уступки на этом вопросе. Любопытно, что Соловьев заготовил резолюцию, где поддерживал уступку, но после наших суждений это снял и присоедин[ился] к мнению, что Мельгунову лучше уйти.

Что такое Соловьев-Бобров? Быстрый, неглупый, волевой и, думается, весьма неразборчивый. Но на него идет походом марксист Далин, тоже неразборчивый. Тут не разберешь, откуда его злоба, потому ли что он как еврей не может мириться с коллаборационистами, или он хочет развалить дело объединения и выбить из Мельгуновской организации способного сотрудника, или вообще заварить кашу и всех перессорить. А это кому же на пользу. Он в прессе обвиняет Боброва (его не называя) в том, что он состоял в организации русских наци в Минске. Бобров это яростно отрицает. Да, он издавал в Минске русскую газету, но ее не раз закрывала нем[ецкая] цензура и гестапо его арестовывало.

Сегодня приходит В. И. Алексеев (915). Это другой тип советского человека, более культурный, мягкий. Он так рассказывает про СБОНР, т. е. Союз борьбы с большевизмом. Во главе его сейчас Яковлев, полуинтел[лигент] из техникума. Вертит всем мать Г. Фишер[а] (916). Она в Мюнхене руководил[а] Refugees Committee. Дон Левин (917) отказался оплачивать бюро СБОНР оттого, что не включают нац[иональное] меньшинство.

Белый офицер Кромиади (918) – затевал конгресс. На него не пошла Лига и крайние правые. Конгресс не состоялся, хотя амер[иканцы] сначала поддерживали. Появился Вильямс (919). Кто он? Не знаю, кажется журнал[ист]. Жил в Москве у Фишеров. По-русски не говорит. При нем Юра Фишер переводчиком. Он вызывает Мельгунова и солидарист[ам] денег на конгресс не дает, считает его слишком правым. В Мюнхене создается Институт изучения истории и культуры (920). Директором назначают Яковлева. Он называет себя архитектором, кажется, врет, был коммунистом. При нем Филиппов (921), историк, Будан, Н. Т. С. из Регенсбурга, и еще четыре типично советских интеллигента (922).

Мельгунов не признает ни Цурикова (923), ни Туркула (924).

Алексеев переходит на Белоруссию и рассказывает, как там воевал с советским[и], а иногда убивал и немцев русский поляк Болеслав Ка-

минский (925). Это уже [19]44 г., но Гитлер по-прежнему не разрешает никаких русских политических организаций. Тогда солидарист Хомутов (926) начинает в Минске создавать «русских наци», рассчитывая таким образом камуфлировать организацию солидаристов, кот[орых] в то время в Германии немцы сажали в тюрьму. По-видимому, в эти рус[ские] наци попал и Бобров, хотя он мне клялся, что никогда даже не слыхал о их существовании. Когда советская армия стала приближаться, Хомутов взял с собой 16 человек и боевое снабжение и ушел в партизаны. Легенда говорит, что он держался несколько лет, чуть не до [19]48 г.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 63. Л. 70–72об. Автограф.

1952

25.I.[19]52

В «Рус[ской] М[ысли]» (927) 19.XII.[19]51 г. была напечатана моя статья «Предрассудки». Вот отзыв одного гвард[ейского] полковника, о кот[ором] пишет Розеншильд (928): «Храню себе замечательную по глубине, правдивости мысли и благородству духа статью А. Т[ырковой-]В[ильямс] о предрассудках. Не затрагивая здравую мысль, кот[орая] ясна без комментариев, меня поразила стойкость, глубина и чистота, сила духа, кот[орая] свойственна настоящему офицерству рус[ской] императорской армии. Этот столь родной дух так глубоко и сильно коснулся меня "там внутри", что от всего офицерского сердца пожал бы ей руку. Именно пожал бы, а не поцеловал. И, несмотря на то что наши политические взгляды противоположны, эту статью следовало бы прочесть каждому офицеру, особенно теперь, в годы морального шатания».

Признаюсь, что это меня толкает, заставляет и дальше сплачивать рассеянные русские мысли.

4.II.[19]52

Третьего дня пришли Сергиевский (929), Гефдинг, Демидов, Новицкий. Вроде совещания об еженедельнике, об организации центра. Если бы не Серг[иевский], опять вышла бы одна пустая тягучка. Мне всегда говорили о нем только как о богатом человеке, от которого можно получить деньги. Я с удивлением увидала, что это умный и волевой русский патриот. О его деятельности с первого разговора судить трудно, но его даровитость сразу чувствуется. После Бахметева он первый здесь, кто произвел на меня такое впечатление.

<...>

Недели две тому назад Никитин (930), кот[орый] был в Висбадене от Мельгуновской группы, докладывал в здешнем отделе. Сплошная

бестолочь. В Мюнхене Фишер состряпал Институт по изучению истории и культуры России. Подбирал по признаку покорности сепаратистов и марксистов. Ничего не вышло. Так и Дон Левин подобрал меньшинств. Когда не вышло, он явился с ультиматумом. «Мы обалдели». «Подкидывает нам Чечню Кунта (931) с Мазепой (932)».

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 63. Л. 99об.–100; 102. Автограф.

23.V.[19]52

Вчера у меня правл[ение] Общ[ества] Культ[уры]. Новицкий болтает все ни к чему. Но он организатор, надо терпеть. Тимашев (933) пессимист, люди вымирают, все гаснет. П. А. Муравьев (934) и о. Ал[ександр] Шмеман ищут действенности. Арк[адий] помалкивает. Первушин (935) (продолжает меня удивлять) тихим голосом говорит: но ведь мы обязаны. Все-таки после затяжного топтания решили установить связь с Пироговским общ[еством], с Клубом Рос[сийской] молодежи, с Федерацией галичан. Но все это отложить до сентября. Персонально привлечь Завалишина (936), Самарина (937), Левицкого (938), Ар[кадия], П. Фалинова, Корякова.

25.V.[19]52

Вчера была на собрании Мельгуновской группы у В. А. Алекс[и]на, присутствовали: Заголо (939), Муравьев, Соловьев, Никитин, дама?, оба Алексеевы, Новицкий, Среченский (940), новичок из Австрии. Ал[ексее]в долго, скучно, провинциально размазывал о выборах и перевыборах в Мюнхенских группировках.

Среченский сообщил, что Дон Левин устроил так, что Ам[ериканский] ком[итет] (941) не дал Николаевскому (942) денег на поездку в Европу. Никто толком не знает, что такое адм[ирал] Kerk (943).

Докладывает письмо с[оциал-]д[емократ] грузин Циниадзе (944) к Мельгунову. Ц[иниадзе] напоминает, что задача создать русский центр все еще не выполнена, но для ее выполнения ставит условия, если не требования. Ему поручено создать временный орган, т. к. станция для радио готова, а политическое объединение не готово. Он повторяет старую песню о самоопределении национальностей путем местных учредит[ельных] собраний и плебисцита.

Мельгунов ответил ему отрицательно. В его (Циниадзе) письме нет ни СССР, ни России, все тот же аноним.

Я не досидела до конца, но при мне было решено устроить совещан[ие] с солидарист[ами], более умеренной (?) частью СБОНР – Константинов (945), Курганов (946), еще кто-то? А может быть, они народники? Мне поручено поискать монархистов, ч[то]б[ы] и их привлечь.

Гуляй, – украинец, кот[орого] сепаратисты чуть не убили, – больше денег Дон Левин не дает.

Вечером пришел Н. Н. Николаев (947). Старомодный кадет. Возмущен статьей в России против Kerk'a. Статья глупая и грубая. Но Николаев наивно ничего не понял. Я посоветовала ему вставить слова о цельности России.

28.V.[1952]

Были Ржевский (948), Алексеев, Месняев (949). Очень хотят создать центр. Месняев стремится резко отмеживаться от социалистов, но в общем – мы государственники, стоим за це[ль]ность России, за восстановление связи с ее традициями, но не за реставрацию. Ну и, конечно, за церковь.

1.VI.[1952]

Вчера долго сидел Заголо. По-видимому, он переварил кипенье страстей, опять разговаривает разумно. Ему хочется сколотить центр, но человеческий материал жидкий. В оценках людей (С. и Кр.) мы с ним сошлись. Очень интересно рассказывал про советскую жизнь. В суб[боту] опять у меня с прибавко[й] Реснянского, а Войцеховский (950) под вопросом.

У обедни, как всегда, мысли глубже, успокоительнее. Бог есть любовь и любовь – Бог. Как жалко тех, чье сердце не отзывается на эту реальность.

11.VI.[1952]

Вчера был Щ[ербатов?] (951), привел Назарова, от кот[орого] у меня двойственное впечатление. Его эта затея скорее пугает. Нет ни капли полит[ического] темперамента. А Щ[ербатов?] заражен. Ему это нужно для работы. Просит создать кружок, куда можно привести ам[ериканцев] для осведомления. Наметил Войцеховского, Смирнова (952), Сергеевск[ого], Заголо, Гзовского (953). Не назвать ли [–] кружок изуч[ения] психолог[ической] войны?

Сегодня завтракал Войц[еховский]. Он считает это полезным. Надо сговориться на minimum политич[еского] единомыслия. Свержение Сов[етской] власти. Водворение свободы и права. Цельность России.

Что из этого выйдет, неизвестно, но первый раз есть какой-то передаточный ремень в ам[ериканские] круги.

12.VI.[1952]

Вчера Берберова передала мне запрос от Толстой. Ей хочется знать, что я затеяла. Я попробовала отделаться шуткой. Б[ерберова] злилась:

«Говорят, вы хотите создать свой Ам[ериканский] Ком[итет]». Я все это отстранила, но сегодня позвонила Толстой. Она сначала ершилась, что ничего не надо, надо, главное, работать с амер[иканским] правит[ельством] и, если нет связи с ним, нечего зря болтать. Потом сказала, что, конечно, «консультационное бюро» полезно. Она уже три года подбирает людей, у нее есть 8–10 человек, очень ценных. Главное, надо опираться на новую эмиграцию. Но пока их некуда пришить. Я ей смутно предложила прийти. Она не откликнулась. Пожалуй, так и лучше. Щербатов, Смирнов, Сергеевс[кий], Заголо, Войцеховский, Назаров (Ольшанский (954)).

26.VI.[1952]

Был Ольш[анский]. Разговор о страхе. Он говорит, что война вызвала переоценку. Увидал, что есть вещи страшнее НКВД. Разговоры в поездах. Уходов было бы больше, будь уверенность, что не выдадут.

12.VII.[1952]

Не могу больше слышать эту ленивую отговорку – «у большевиков идеология, а у нас ее нет». Конечно, есть. Она заложена в человека, идет от восточной метафизики, от дохрист[ианских] греческих философов. Она есть в дикаре, кот[орый] поклоняется камню. Нам она дана в Нагорной проповеди. Те, кто перестал верить в Бога, но продолжает исполнять моральные заповеди Христа, тоже носители нашей идеологии. Попробую подобрать аргументы, а главное, примеры из русской жизни, показывающие, какую идеологию народ противопоставл[яет] марксизму.

<...>

24.VII.[1952]

Приходил В. И. Алексеев посоветоваться (хлопнуть дверью или нет?). Мельг[унов] поручил им пойти к ад[миралу] Kerk'у сделать вроде заявления по вопросу о национ[альностях]. Пошли: Заголо, Алексеев, Новицкий. Повторили, что сначала надо выгнать большевиков со всей России, а потом сговариваться о пределах независимости разных национальностей. На referendum согласны (как будто и на местные учреждения), но самое пикантное, что, выйдя от Kerk'а, они встретили Николаевского, кот[орый] к нему шел. Ник[олаевский] показал им какой-то писаный договор, где Мельгунов соглашается на независимость Грузии, п[отому] ч[то] она была уже после Окт[ябрьской] революции независимой. Об этом Мельг[унов] не нашел нужным сообщить своей группе.

<...>

13.VIII.[1952]

Третьего дня в дождливый вечер заехал Терентьев. Было уже поздно, но он звал меня к себе. «У нас Керенский, он в полной мрачности. Мы решили, что вы сумеете его развеселить». Я поехала, но вряд ли развеселила. Он подавлен своей исторической судьбой. Многое в нем изменилось, он стал взрослее, но керенщина не дает ему покоя. Политическая Магдалина, но кто имеет власть отпустить ему грехи? Если Ремизов прав – виноватить никого нельзя? Я спросила Керенск[ого] был ли он [э]с[е]р[ом]? «Никогда, я был народником». – «Т. е. хотели облагодетельствовать народ, не считаясь с тем, что он любит, во что верит?» – Он не ответил.

В Москве, на Госуд[арственном] Совещании я видела в нем противника. В нем для меня воплощалось бедствие России. А тут 35 лет спустя, передо мной был рядовой рус[ский] интеллигент, так же, как я тоскующий за Россию и по России.

<...>

6.IX.[19]52

Третьего дня была на open house* в Чехов[ском] Изд[ательстве]. Это была встреча писателей. Коряков, Завалишин, Юрасов (955), музыкант Елагин (956), не помню, кто еще, но едва ли не весь цвет здешних советских писателей. Но ведь среди них ни одного крупного таланта. Скучно.

Видела, наконец, Вредена (957). Грузный, высокий, большая голова, широкое, распухшее бесформенное, красное лицо пьяницы. С таким ночью встретиться страшно. Его хвалят, говорят и умный, и даровитый, но в лице ни проблеска духовности. А вот доверила ему судьбу рус[ская] литература в эмиграции. Ему и истеричке В. А. Александровой (958), у кот[орой] ни такта, ни вкуса. Кто же их выбирал, кто все это стряпал? Форд (959) был противник социалистов, а русская часть его фонда (960) попала в руки как раз марксистов. Очевидно, за грехи наши.

<...>

10.XI.[19]52

Собрание в Общ[естве] Надежда по поводу моих воспоминаний. Это [э]с[е]р[овская] организация. Вишняк (961) с трудом скрывал раздражение, перечислил фактич[еские] ошибки. (Дубасов (962), Набоков кам[ер]-юнкер, разжалован за речь о Кишинев[ском погроме] (963). Свеаборг не в тот год.) Но главное общий дух, тенденциозность.

---

* День открытых дверей *(англ.)*.

Зензинов. Дал справки, что Цилиакус (964) брал деньги от япон[цев] и за это оказывал услуги революционерам.

Хвалители – Коряков. Праздничность – глазом художника схватывает портреты живых людей. Преодоление нигилизма, кот[орый] есть отрыв от жизни. Вся книга пронизана сознанием круговой ответствен[ости]. В ней широкий захват. И связь с землей (отметил для меня самое дорогое). Духовная озаренность. Книга поможет смятенным душам раскрыться.

Малахов (965). Мы, советские люди, рабы. Мы принесли с собой уродство.

Завалишин (пьян?). Книга меня пронзила (а сам только заглянул). Обаятельная индивидуальность книги. В книге есть предчувствие веры в новую силу.

(Мне больше хлопали, чем всем. [Э]с[е]р[ы] повесили носы.)

12.XI.[19]52

Биншток (966) рассказал Арк[адию], что был он членом не то партийного ЦК, не то С[овета] Раб[очих] и Кр[естьянских] депутатов. В ночь на 25.X.[19]17 заседали они в Смольном. Во дворе появился Ленин, бритый, окруженный матросск[ой] стражей. Все кругом призрачно. Все тени. Горит костер. Кругом греются красноармейцы. Среди них появляется молодой прапорщик, интеллигент с длинными волосами. Говорит им:

– Вот мы боролись, добыли вам свободу, а вы, дураки, кому ее отдаете? Ведь они вас обманут и раздавят. Сказал и исчез во мгле. Никто ему не ответил и вдруг над костром поднялся высокий солдат. На голове папаха, через все лицо шрам. Сказал:

– Ничего! Мы жиденка наймем. Он все нам устроит.

Сам Бикерман (967) еврей.

14.XI.[1952]

На этой неделе два разговора о журнале. В среду был Войцеховск[ий]. По его мнению, сейчас есть шансы найти деньги, хотя он сам не твердо знал [–] русские или амер[иканские]. Редактором должна быть я. Он секретарь. Вчера долго сидел Новицкий. Составили список редак[ционной] коллегии: Тыркова, Войцех[овский], А. Филип[п]ов, Муравьев, о. А. Шмеман, Новицкий, К. В. Деникина (968), Заволишин, Сергиевс[кий], Цуриков, Ильин (?) (969), Карташев, Демидов, Гефдинг. Новицкий должен говорить о деньгах с Сергиевским и постараться привезти ко мне его и Сикорского (970). Все это очень гадательно, но т. к. необходимо противодействовать расчленительной работе Амер[иканского] ком[итета] и русских дураков, кот[орые] пляшут под его дудку, то и хлопотать о журнале

необходимо. Fait ce que devra, advienne ce que pourra*. – Я ставлю так – <1 нрзб.> в амер[иканской] политике не изжита Розенберговщина (971). Это провидит Ам[ериканский] ком[итет]. Необходимо сплотить здоровое рус[ское] обществ[енное] мнение для противодействия. Иначе миру грозит красная катастрофа. Этого требует не только освобождение России, но спасение всего мира.

23.XI.[19]52

Был у меня Сергиевский Борис Васильевич. Его должен был привезти Новицкий, кот[орый], к счастью, опоздал, и это дало мне возможность ближе присмотреться к Сергиевскому и ему ко мне. Он мне понравился. М[ожет] б[ыть], и я ему. Уходя, говорил что-то о моей ясной голове. Возможно, что и дальше будем думать вместе о рус[ских] делах. Он начал с того, что заявил, что у рус[ских] денег на журнал не достать. Ясно, что он считает, что их надо искать у американцев. После недавней поездки в Европу, где он интересовался делами военными, он с рекомендацией ген. Вейдемейер[а] (972) был в Ам[ериканском] к[омитете]. Стивенса (973) не видел, только его помощника, которому указал на ошибки Ам[ериканского] к[омитета], кот[орый] отдал всю работу марксистам. Есть предложение, что когда Эйзенх[ауэр] (974) примет пост, рус[ская] политика, кот[орую] направлял B. Smith, перейдет к Doles'y. Тоже загадочная картинка. – «На него, б[ыть] м[ожет], удастся повлиять. Его сын работает в нашей фирме». – Я настаивала, что надо русским перестать быть пылью. Он это признает (но в нем сидит <1 нрзб.>). В итоге разговора – нечего пока мечтать о журнале. У него собирается несколько человек – из них только Войцеховский деловой. Серг[иевский] считает, что эту группу надо, не торопясь, расширить, а когда в январе оформится правительство, тогда яснее будет как дальше двигаться. – Ну, посмотрим. Эйз[енхауэра] он считает ответственным за выдачи, но допускает, что он с тех пор поумнел. К Новиц[кому] относится с усмешкой. «Вы, George, не сердитесь, но вас к хозяйственным делам нельзя подпускать. У вас всегда дефицит». Нов[ицкий] был очень уязвлен и, когда С[ергиевский] ушел, стал опорочивать его группу. Вместе – Войцех[овский], который «очень крут», выставляет в кандидаты о. А. Шмемана, «он нам идеологически более подходит». Я отмалчивалась. Пока это все сплошное воздухоплавание. И журнала нет, и я не редактор, что же о секретаре спорить?!

Главная русская болезнь безлюдье. Собираются по уголкам, шепчутся. Потом оказывается, все те же три Ивана, что около меня жужжат. Ох, скучно без крупных людей!

* Сделано, что должно, и будь, что будет *(англ.)*.

Вчера было собрание памяти Ростовцева. Я сказала, что он один из выразителей и созидателей рус[ской] культуры. Человеческая личность [–] одно из главных созданий культуры. С одной стороны, сказители, с другой [–] люди как Ростовцев. Его вежество. Уже отец его был классиком. Его лекция на курсах. Скифские пряжки. Универсализм и мировая репутация. Его мысли о влиянии и участии России в мировой истории. Его работоспособность. Внимание к подробностя[м] и широта обобщений.

Теплее всех говорил ученик М. И. [Ростовцева], проф. Бикерман. Но и Васильев (975) и Карпович говорили достойно. Слушателей было человек 100. Sic Transit*.

Вечером о. А. Киселев увез меня к себе на совещание и только по моему настоянию уже в автом[обиле] сообщил кто и о чем будет совещ[аться]. Три священника, Гизетти (или Тизетти) (976), Кис[елев] и Шмеман. Задумали беседы для сближения интел[лигенции] и церкви? «Нет, для обсуждения религиозно-обществ[енных] проблем». С ними еще С. С. Верховский (977). Все они присутствовали и с женами (978). Еще Хиряков и Карпович, без жен. Уселись кругом стола, поужинали. Когда начали разговаривать, оказалось, они и сами не знают, что устроить. О. А. Ш[меман] говорил о том, что Россию нужно защищать от невежеств[енных] и недружелюбных толкований, тут все говорилось, что русские должны между собой найти общий язык. (Что Верх[овский] говорил, я уже́ забыла. Он что-то старался формулировать, но делал это тяжелым, заскорузлым слогом. Что-то в нем есть тупое, а ко мне и недоброе, что не особенно существенно.) Тут же говорят о том, как влиять на американ[цев]. Мы с Карповичем только ежились, стараясь понять, чего они хотят вообще, а от нас в частности. Карп[ович] сказал, что писать письмо в «Times» и меморандумы не стоит. Надо искать влиятельных людей и им стараться внушить наши понятия. Вероятно, можно было бы пригласить Кен[н]ана, ч[то]б[ы] он нас выслушал. Потом Карп[ович] оглянулся, м[ожет] б[ыть], задал себе вопрос, кого нас? Больше к этому не возвращался. Говорили долго, до двенадцатого часа. Выяснили, что собираться прежде всего негде, неясно, кого собирать и что говорить. Сколько таких разговоров я в Америке переслушала. А сегодня пришел Войцеховский, доложил: 1) Бор[ис] Сергиевский рассказал им о разговорах со мной, наговорил обо мне много хорошего. 2) Будет звать Сикорского и д[окто]ра Юревича (979) и меня в их кружок. 3) Войц[еховский] заявил, что я не пойду, пока не узнаю их основных политич[еских] взглядов. 4) Бор[ис Сергиевский] оказался очень разумным председат[елем] и заявил, что с монарх[ическими] лозунга-

* Sic transit [gloria mundi] – Так проходит [мирская слава] *(лат.)*.

ми в Америке никуда не сунешься, а работать надо с амер[иканцами]. 5) Войц[еховский] на мой прямой вопрос, в какой стадии считает он возможным выдвинуть монархический принцип, ответил: сначала свергнуть коммун[истическую] власть, очистить страну от коммунистов, установить порядок достаточный, чтобы провести выборы в Учр[едительное] Собр[ание], а там уж видно будет.

Я посоветовала ему для будущей беседы у Б. С[ергиевского] приготовить короткую программу minimum. Он очень быстро, толково, точно ее мне изложил. Прав[о]вой строй, свободы, право собственности, но не собственников, восстановление религиозной жизни (православие как главная церковь, но он это осторожнее выразил). Он считает, что страшное падение моральных устоев будет одним из тяжелых препятствий к установлению правового государства. И Б. С[ергиевский] как будто считает, что в конце января можно будет перейти от слов к делу.

21.XII.[19]52

Сегодня в церкви молилась, чтобы Бог помог мне понять, что я должна делать и как отгонять суетные мысли. Меня за мои воспоминания больше хвалили, чем за какие бы то ни было прежние писания. И в политической жизни все больше требуют моего участия. Тут соблазн, как бы не поддаться похвалам, не переоценить себя. С другой стороны, митрополит Владимир (980) с не свойствен[ной] ему горячностью почти приказал мне: «Пишите, пишите... У вас дар. Разве можно такой дар зарывать». Мне и самой хочется до конца служить России.

Сергиевский, может быть, поддавшись настояниям Войцеховского, а м[ожет] б[ыть], и после разговора со мной, по-видимому, собирается, наконец, создать организацию. Надо об этом крепко подумать. А с кем думать? Твердость я чувствую только у Войцеховского.

28/XII.[1952]

Сегодня вечером Заголо приведет Николаевского, который для меня политически чужой, враждебный человек. Встречу устроил Заголо, которому Мельгунов поручил привлечь к Коор[динационному] Ц[ентру] правых и меня в том числе. То, что Ник[олаевский] согласился ко мне прийти, показывает, что на левом фланге почва, вернее армер[иканские] подпорки, шатаются. Я не вижу возможности сближения, постараюсь, ч[то]б[ы] свидание прошло без вспышек. Тут и интересы Н[иколаевского] замешаны.

Меня больше интересует заседание, кот[орое] послезавтра будет у Сергиевского. Кто и как там объединяется? И как-то жаль мне моей свободы от всяких комитетов. А тут еще челобитная от «Рус[ской] Мысли», кот[орая] боится, что их забьет долларная газета, кот[орую]

затевает Центр. Дурак Мельгунов шарит среди социалистов, ч[то]б[ы] найти редактора.

30.XII.[1952]

Собрание у Б. С[ергиевского] 11 человек: Толстая, Сикорский, Сергиевский и Войцеховский, Реснянский, Ржевский. Наиболее значительно. Очень мне понравился Сик[орск]ий. Не похож на всех, говорит умно и дельно, а мне все казалось, что там, в глубине, таится еще большой разум. Его мысль – влиять прежде всего на америк[анцев]. Им разъяснять, что такое Россия, в чем наши интересы сходятся. Ему легко говорить с адмиралами и генералами, труднее с чиновниками. Но он реалист и отдает себе отчет, что сильного государства российского не хотят. А вот правовое, кот[орое] будет заслуживать доверия и может оказаться полезным и для души и для кармана, это может им быть понятно. Но надо четко сказать, что мы отстаиваем историческую цельность России.

Б. В. [Сергиевскому] как будто обидно не то, что я название Российский Обществ[енный] Комитет считаю false pretence*. Стал перечислять собравшихся как представител[ей] организаций: Толстая, Войцеховский – председатель Рус[ского] Ком[итета] в Польше, Ржевский – монархическое объедин[ение], пр[едседатель<?>]. Юревич [–] предс[едатель] Пироговск[ого] общества, Реснянский [–] воинский союз (?), как и он сам. Сейчас есть два центра [–] Москва и Вашингтон. Сик[орск]ий: количество не имеет значения. Наша задача [–] воздействие на Америку. Когда придет час, повлиять на решение, что бросать над Москвой, летучки или бомбы.

Ник[олай] Гончаров (его выдвигает Толстая. Молодой, из Киева. Уже прочел больше 200 лекций в Америке). Надо не только америк[анцам], но и русским пояснять сущность рус[ской] философии, прививать им любовь к России. Большевиков нельзя победить без духовной силы. Это религия. Надо создать дружины рыцарей духа.

Войц[еховский] считает, что нужно привлечь к работе не только элиту, но и «тянуть к себе рус[скую] массу, захватить рус[ские] сердца!»

Смирнов. Не надо бояться ответств[енного] названия. Надо быть смелее. В России нет национ[ального] вопроса. Я о нем услыхал только в Германии.

Хочется верить, что к концу приходит полит[ическая] разбросанность. Авось какие-то ряды сомкнутся.

---

* Создание заведомо неправильного представления о факте с намерением обмануть *(англ.)*.

1953

2 янв[аря 1953]

Софа была права, когда говорила, что я безнадежный романтик. Посидела за столом с приятелями, порядочными людьми, и воображение заиграло. А что мы можем делать без денег? У Ам[ериканского] ком[итета], кот[орый] мы считаем для русского дела неудовлетворительным, п[отому] ч[то] русские политики являются шашками в амер[иканских] руках, есть неограниченные кредиты. Они обставляют себя людьми изредка способными, всегда покладистыми. У нас нац[иональная] гордость и эмигрантская бедность.

Вчера Николаевский $3^1/_2$ ч[ас]. рассказывал у меня про хорошие стороны Ам[ериканского] ком[итета]. Убедить меня, конечно, не мог, да и не старался, хотя очень подробно все изложил. Но стилизовал, оттого Заголо его и прерывал, грубо, бестактно, но, кажется, точно его поправляя. Заголо привел Ник[олаевского], чтобы тот меня убедил привести «правых» в Ам[ериканский] к[омитет]. Сам Ник[олаевский], по-моему, пришел просто из любопытства, м[ожет] б[ыть], хотел лучше понять противника. Он переоценивает мой авторитет, да и не он один. Под конец разговора, когда Заг[оло] предложил ему говорить со мной уже о деле, Ник[олаевский] сделал удивленное лицо. О каком деле? Я засмеялась, и этим кончился проект свести меня с адмиралом.

Не знаю, как расценил меня Ник[олаевский], но я не хотела бы с ним сотрудничать. Он по-своему умный, но главный его капитал это все тот же Капитал с большой буквы. <1 нрзб.> хорошая память. До мелочей следит за эмигрантскими ручейками, знает кто, когда, откуда ушел и куда вступил. Но чего он сам хочет? Конечно, не восстановления исторической России. У него точно из песчаника вырезано почти квадратное лицо, неправильное и некрасивое. Брови густые и черные, глубокие глазки, впадины, в которых глаза иногда совершенно скрываются, а потом вдруг выплывают, точно две змеи поднялись из воды. Я никогда таких глаз не видала. Говорят, он русский, но мне он напомнил другого с[оциал]-д[емократа], известного провокатора Парвуса (981).

Бедный Мельгунов, мошка, запутавшаяся в паутине.

Сегодня с Войц[еховским] и Месняевым правила текст, кот[орый] готовит группа Сергиевск[ого]. И как-то тошно было, что все стараемся на холостом ходу.

Никол[аевский] сказал, что правых, пригодных к политической работе, просто не существует, что за 33 года эмиграция никого не выдвинула. Отчасти он прав. Мой опыт с «Рус[ской] Молвой» был печальный.

13.I.[1953]

Продолжаются совещания, продолжается возня с «политическ[ой] заявкой», как я называю наш, довольно хилый, манифестик. Интерес к нам уже в эмигр[антском] муравейнике есть. Вл[адыко] Анастасий (982) вчера приехал к Серг[иевскому] и спросил его: что затевается? Неужели правда, что создается организ[ация], кот[орая] будет враждовать с Белосельским (983)? Сер[гиевский] ответил – бороться мы будем только против большевиков, со всеми остальными постараемся установить добрые отношения. Когда владыко узнал, что я в числе организаторов, «он просветлел». Признаюсь, это меня ободряет. Серг[иевский], кот[орый] очень доволен тем интересом, кот[орый] проявил вл[адыко] Анастасий, просил и получил от него благословение на нашу работу. А я попросила Серг[иевского], не откладывая, попросить и у мит[рополита] Леонтия (984) благословения.

Долго говорила с Паниной. Она пессимистка и советов практич[еских] не дала, хотя желательн[ость] такой организации признает. Перед нами ряд задач:

1). Момент выступления.
2). Нужен ли митинг теперь?
3). Издание брошюры.
4). Вербовка членов.
5). Создание партийного аппарата.

Трагикомич[еская] фигура Заголо. Он пытается врываться, давать указания. Как его использовать?

Чем больше всматриваюсь, тем яснее вижу, что везти этот воз обязана.

17.I.[1953]

Вчера на Tea party East Europe Fund*. Толстая, не без тревоги, мне сказала: «Столько слухов! И мне говорят, что вы уже сбежа[ли]. Правда это?» – «Нет, я не сбежала, и, надеюсь, не сбегу. Но безлюдье меня смущает. Разве встанут не бужены...»

В нашей редакц[ионной] комиссии – С. Л. Войцеховский, очень неглупый, вероятно, умеет работать, но прежде всего будет искать для себя положения. Не уверена, что за моей спиной не будет шептаться с Месняевым. Этот мельче, но претензий тоже много. Оба сухие. Сейчас за меня цепляются, считают мою популярность для организации нужной. Мне больше по душе В. Н. Ржевск[ий], да, пожалуй, и Л. П. Смирнов, кот[орый] по-советски оглядывается, как бы не втяпаться, но в нем больше какой-то теплоты, если не мерцанье. А Ржев-

* Чаепитие Восточно-Европейского Фонда *(англ.)*.

ский для меня надежный. Но главная опора Сикорский, Толстая, Сергиевский.

Моя главная трудность, что задача огромная, а силы мало и у других, и у меня.

20.I.[1953]

Приходил С. Л. В[ойцеховский]. Он очень доволен, что мы подписа[ли] наши «положения». Оно и понятно. Он и участников подобрал, и Б. В. С[ергиевский] толкал. «Теперь наша задача превратить Р. П. К. Н. в своего рода дипломатическое представительство при Ам[ериканском] прав[ительстве]». Честолюбивая мысль, но надо попытаться. При такой задаче надо двигаться медленно и очень обдумано вводить следующих.

7.II.[19]53

В прошлую среду у Б. В. [Сергиевского] было довольно торопливое заседание. Решили «сорганизоваться» и поэтому наскоро составили правление, без голосования, по открытым предложениям Сергиевского, сначала троих – Войцех[овский] председатель, Месняев секретарь, Ржевский казначей. Потом предложил Б. В. [Сергиевский] еще Юревича. Тот сердито сказал – согласен только если и Ар[иадна] В[ладимировна] войдет. Тогда и меня ввели. Говорят, все это временно. Меня покоробило, а потом я решила, что мне не по силам брать много ответственности. За общим направлением я буду следить. Когда Б. В. [Сергиевский] очень небрежно сказал, что ему не интересна толпа, а только элита, я его остановила и напомнила, что без «толпы» и он не имеет вес.

14.II.[1953]

С 11 [до] 4 сидел у нас Р. П. К. Я ждала, что будет тягучее и скучное оспаривание глупого Временного Положения. К счастью, его быстро вернули в комиссию и даже Месняев, автор, не успел обидеться. А Войцеховский доложил очень важные сведения о сношении Алексея Ладыженского и Сергея Гагарина (985) (кот[орый] женат на американке Hughs) с тем специальным комитетом под председательством Scherman Adams (986) (кажется не Scherman, а William Jackson (987) председатель), кот[орому] Эйзенхауэр поручил составить к 29 июню. Там Mr. Maxwell Rabb (988) показа[л] им материал по русскому вопросу, кот[орый] он для комиссии подбирает и, между прочим, фототипия статьи Солоневича (989) и список тех русских, кот[орые] могут составить advisory groop*: Белосельский, Сергиевский, Игорь

* Консультационная группа *(англ.)*.

Сикорский, Николаевский (не Б. И.), Ладыженск[ий], Гагарин, о. А. Шмеман, Войцеховский (остальных не помню, кажется всего 13). Вероятно, список составлен Николаевским. Т. к. Эйзенхауэр поручил комиссии пересмотреть весь план антиком[мунистической] пропаганды и в случае нужды создать новый, то члены комиссии, повидим[ому], сейчас готовы прислушаться и к рус[скому] мнению. Rabb просил дать ему записку о недостатках Амер[иканского] ком[итета]. Это сделает Войцеховский, а Сергиевский представит. Это будет первая живая связь нашей группы с ам[ериканским] прав[ительством].

Л. П. Смирнов доложил свой, очень разумный и вдумчивый, план пропаганды идеологической. Он считает, что коммун[исты] сейчас особенно боятся борьбы идей. Тут и надо дать бой. Надо подобрать авторитетных [в] науке и практике. Пропаганда по радио идет главным образом на верхи, к партийца[м], к господств[ующему] классу. Т. е. надо раскачать.

Такую записку Смирнов должен для той же комиссии составить. Он считает, что против диалект[ического] материализма надо вести систематич[ескую] борьбу, но это дело не столько философов, как биологов и техников. Тут у него какой-то заскок. Точно он остановился на той стадии филос[офской] мысли, кот[орая] в России предшествовала идеализму, а главное второму христ[ианскому] крещению православной интеллигенции.

Топчев собирает Great Ass[ociation]* русских ученых. Herbert Lehman (990) в «Congressional Record» (991) 11.5.1953 [пишет] о том, что русские всегда были <1 нрзб.>. Он первый представитель UNR[R]A (992).

5.III.[1953]

К моему великому изумлению, Амер[иканский] ком[итет] обещал давать «Р[усской] Мысли» в течение полугода по 300 000 фр[анцузских] фра[нков] в месяц. Это результат ходатайства, кот[орое] я по их просьбе подала. Его в Ам[ериканский] ком[итет] переслал П. Ф. Андерсон (993) при своем письме, где больше хвалил меня, но и «Р[усскую] М[ысль]» похвалил. Меня, конечно, радует, что «Р[усская] М[ысль]» не оборвется, но я себя браню, что не принялась за это раньше, не попросила больше. Человек всегда не сыт.

Наш Р[усский] Пол[итический] Ком[итет] очень уж неповоротлив. Медленно двигается, динамических людей нет. Ивана Грим[м]а (994) мы прозевали, вернее, он сам зарылся в песок. На будущей неделе уезжает в Австрал[ию] и опять останется одна мелюзга.

А Сталин умер. Даже не верится. Разве мог Вий умереть?

---

* Представительное объединение *(англ.)*.

7.III.[1953]

Был у меня вчера Байдалаков (995), один из главарей солидаристов. Часто поминает культуру, а сам грубый, с тяжелым, недобрым взглядом. Старался быть барином. Ко мне не в меру почтителен. Но не хотела бы я попасть в его лапы. На мои вопросы отвечал, точно докладывал по начальству(!). Уверяет, что все их средства от самообложения. Ю[жная] Ам[ерика] и С[еверная] Ам[ерика] дают по 2500 долл. в год, отдельные предприятия, как радио, листки и т. д., состоят на иждивении отдельных групп. Настаивает на том, что революция возможна. Молодые солдаты в оккупац[ионной] армии уже совсем освободились от коммун[истической] идеологии. Их держит только дисциплина. Отношение к религии не озорное; религиозных людей уважают. Уходя, выразил сочувствие нашему Р. П. К., пожелал успеха. «Но у вас есть один человек, с кот[орым] мы никогда за один стол не сядем, руки не подадим». «Кто?» – «Войцеховский». – «Почему?» – «П[отому] ч[то] он хотел отдать меня гестапо». – «Как это было? Это было в его кабинете, он был председатель Рус[ского] Ком[итета] в Варшаве. Я был у него по делу, и тут же оказался агент гестапо. Войцеховский указал ему на меня. (Байдалаков сделал жест, точно пальцем на кого-то указывал.) "Ich klage an (?) diesen Mann"* (Я, верно, перевираю его немецкий.) Это чуть не стоило мне жизни. Никогда не забуду».

С толстого лица сбежала вся слабость. Он ощетинился. И взгляд злобный, страшноватый. Я верю, что такой не забудет.

Но как разобрать, где тут правда. Опять говорить с Войцех[овским]? Не могу я при каждой встрече допрашивать его о том, что он делал, чего не делал в Варшаве. Очень неприятно.

11.III.[1953]

Войцеховский подробно рассказывал свои отношения с Байдалаковым. Вернее, свои встречи. Из Варшавы Байдалакова выслал Симановский, рус[ский] офицер, организовавший отряды борьбы с Советами. Я не могу уже повторить всю историю. (Войц[еховский] был у меня 6/III), но суть в том, что гестапо подслушало в вагоне разговор Байд[алакова] с японск[им] офицером, которому Байд[алаков] предлагал купить у него военные сведения, кот[орые] солидаристы собирали.

Тут же был запутан сотрудник Б[айдалакова] швейцарец, кот[орого] через несколько дней на улице в Вар[шав]е застрелили неизвестные люди. История мрачная, даже страшная. Я и Ар[кадий] – мы верим Войц[еховскому].

---

* Я обвиняю этого человека *(нем.)*.

Меня смущает, что от нашего комитета много ждут. А мы маленькие.

Гримм завтра уезжает. Для меня большая потеря.

30.III.[1953]

Вожусь с Рос[ийским] Пол[итическим] Ком[итетом]. Берет время и внимание. Две недели рылась в укр[аинском] вопросе. Новая для меня тема. Но все, что мне другие предлагали, не годится для политического memorandum'а. Но нет у меня уверенности, что и мое годится. И не только эта записка, но и вся наша работа может ли что-нибудь изменить, поправить, направить в нынешних чудовищных делах. Хорошо, что в Вербную субботу отговела в Дивеевск[ой] обители. Там все твердо, сомнений нет.

И как радостно светится лицо игуменьи, совсем по-детски. Мужа убили большевики. 17-летняя дочка не вынесла скитаний, умерла от болезни сердца. Никого не осталось, одни могилы, да и те позади, в Шанхае. А схимница Михаила смотрит ясными, светлыми глазами и мягко меня укоряет:

– О чем вы говорите? Мы не можем здесь этого понять, но придет час, и будем там, и все откроется.

Я слушаю и думаю: «М[ожет] б[ыть], в этой келье, далеко от родной Сибири, этой маленькой, хрупкой, больной женщине порой и здесь что-то открывается, чего мы, грешные, не видим. Лежит, прикованная к постели, а бесконечность перед ней уже приотворяет двери...»

Так было и с Лукерьей у Тургенева (996).

1.V.[19]53

Давно не писала. На Комит[ет] широкий отклик; боюсь, что это превышает наши силы. А тут еще Войцеховский ушел из Толст[овского] Ф[онда]. Теперь он не сможет отдавать нам столько времени. Ему устроила безобразный скандал Шауфус (997). В очень резкой форме упрекала его за то, что его дочь венчалась на Т[олстовской] ферме, у о. Адриана (998). «Это оскорбление, это пощечина Т[олстовскому] Ф[онду]». Все, что она говорила, подтвердило мое мнение, что она хамка и дура. Что не мешает ей успешно добиваться кредитов, а также правовой помощи. Так же накричала она на Мус[ина]-Пушкина, отца жениха. Оба родителя сразу подали в отставку. Совершенно гоголевское приключение. Но мне не смешно, противно, что Толстая поддержала Шауфус.

Списываю с листка, ч[то]б[ы] не потерялось:

«4.III.[19]43. Жизнь дала мне много. Мама была как ангел-хранитель, светлая, ласковая, неистощимая в любви, мудрая сердцем. Она никогда не показывала, как ей часто было трудно с нами. Мно-

го счастья дали и дают мне дети. Потом Вили и радость. Опять светлая мудрость. Я с каждым годом яснее вижу, какой он был необыкновенный.

Затем друзья, разнообразные, незаурядные. Я не знала коварной дружбы.

Моя связанность, моя общность с отдельными людьми и с толпой, с великим (все-таки великим) сдвигом, который пережила Россия от 1900–1917 г.

Любимая работа. В течение многих лет я прожила между Вили и Пушкиным.

Если бы только дожить до воскресенья России, до новой вспышки освободительного восторга».

2.V.[19]53

Почему я тогда не написала главного – какое счастье быть православной христианкой.

9.V.[19]53

Пошла на заседание Комитета в довольно угрюмом настроении. Ясно видела наши слабости, недостаток людей и быстроты. Но появился инженер Сергей Тербиль[ев] из Парижа и рассказал, что наше обращение так их приподняло, что они устроили большой митинг, собрали 1500 человек и просят нас держать с ними связь, «а мы будем поддерживать настроение, кот[орое] вы здесь создаете». И это все от наших разговоров то в моей гостиной, то у Сергиевского. Значит, есть общерусские идеи, около которых можно собрать людей по всему свету. Я ожила.

Когда Сергиевский отвозил меня домой, он неожиданно и совсем без связи с нашим ленивым разговором сказал:

– А[риадна] В[ладимировна], вы у нас краеугольный камень. Без вас у нас нечего не вышло бы.

На этот раз я была польщена.

А дело делается с трудом.

29.V.[1953]

Сегодня я еще меньше чувствую себя «камнем», чем три недели тому назад. Что-то неладно в нашем Пол[итическом] Ком[итете]. Войцеховский не видим и не слышен. Шауфус ловко его стукнула. Он никак не может в себя прийти, а на нем лежала вся работа. Он еще ждет, что Толстая извинится, но она не собирается. Серг[иевский] мне сказал, что она была огорчена, что я так «сухо с ней разговаривала, а она от всей души бросилась к А[риадне] В[ладимировне]». Все это чепуха, но не чепуха, что наша только что начавшаяся попытка склонить рус[ское] обществ[енное] мнение может оборваться благо-

даря нахальству и хамству Шауфус и бесхарактерности Толстой. Сейчас Л. П. Смирнов сказал мне, что есть слух, что Толстая уходит из П[олитического] Ком[итета]. Смирнов малодушно приглядывается, не надо ли и ему ускользнуть. И в самом Ком[итет]е не клеится. Собрание было неумело устроено. № 2 бюллетеня нескладно задуман. Я виню себя, что тверже должна была вмешиваться в то и другое. Но и Серг[иевский] меня подводит. Когда я его спрашивала, будем ли мы издавать сборник, он так неопределенно отвечал, что я нет приняла за да. Только третьего дня он, наконец, сказал, что даст часть денег, если «Ком[итет] другую часть соберет». Надо было это мне раньше прямо сказать, а я сдуру уже статьи собирала.

Все это тяжело. Но, вспоминая эти месяцы, – я с ноября вожусь с Комитетом, – я главной своей виной считаю, что не проявила властности. А совесть моя чиста. Я считала, что Ком[итет] необходим и много над ним поработала.

5.X.[1953]

Опять не вышло со сборником. И я только теперь ясно поняла, что положение глупое. У него нет бюджета. Вопрос о том, есть ли средства на то или другое, решает не правление, а Сергиевский. Мы постановляем желательность хотя бы того же сборника, а он говорит – издадим его, когда наберем на него денег. Иначе говоря, он не хочет и денег не даст. А на листки деньги находятся, т. е. он же говорит, что найдутся. 2/X он в правлении откровенно сказал, что статьи можно печатать и в разных газетах, что идеология и аргументы и так уже ясны. Тут и есть наше с ним главное расхождение. Серг[иевский] не в состоянии понять, что идеи это тоже факты. Все это скучно и досадно. Ч[то]б[ы] иметь право настаивать перед американцами, надо иметь за собой русских, а их без идеи не сплотить. Но если Сер[гиевский] и Лад[ыженский] будут и дальше пробиваться к американц[ам], то надо им помогать, а русскую сторону все-таки налаживать. Пожидаев мне сказал: «Да мне самому нужны аргументы». Я прибавила: еще больше нужны они Серг[иевском]у.

Митр[ополит] Анастасий прислал мне приветствие за мое выступление на съезде Р. Х. Д. Мой спор с о. Ал. Шмеман[ом], по-видимому, дошел до владыки в преувеличенном виде. Вообще, меня последнее время слишком много хвалят, а я иногда до боли чувствую свое бессилие.

И так жалко Наташу. Да и родителей ее не меньше жалко. А им иногда кажется, что я ничего не вижу и не понимаю.

10.XI.[1953]

Вчера видела во сне Вили. Он был со мной неприветлив, отворачивался от меня к стене и только сказал – «в субботу». Что это значит?

Неужели в эту субботу он за мной придет? Лучше нет. Им надо сейчас Наташу поставить на ноги, а не с моими похоронами возиться.

1954

10.III.[1954]

Большое у меня волнение. Получила из Н[овой] Зеландии письмо о возможности переиздать The Cheerful Giver. Помоги Господи.

Эти дни все разговоры об Ам[ериканском] Ком[итете]. Вечером Layons (999) был у Серг[иевского], еще Пущин (1000), Гагарин, Ладыженский, Войцеховский. Три часа спорили, напоминая русские давние споры о резолюциях.

Layons умный человек. Но чего он хочет? Большевиков ему не надо, но не надо и России. – Гагарин с молодой горячностью налетал [на] Layons, просил не смешива[ть] Ком[итет], соц[иалистов-]марксистов. Обвин[ял] русских, что они не организован[ны], что нет у них людей. Расстались дружелюбно. А дальше что? L[ayons] очень благодарил меня за рецензию.

Сегодня был Вик[тор] Франк (1001). Боюсь, что я слишком настойчиво указывала на ошибки Ам[ериканского] к[омитета]. Но он сам признает, что они идут ощупью, впотьмах. Он считает, что Voice* выражает амер[иканское] мнение, а они голос России. «Но как вы можете быть их голосом, когда Вы не слышите, что там думают? А от заграничного общ[ественного] мнения вы отрезаны, вы его не представляете, к нему не прислушиваетесь». Он почти обиженно сказал: «Я все-таки считаю, что мы делаем дело для России полезное». Я с этим согласилась, но спросила, кто же вырабатывает их политическую линию? Ему пришлось сознаться, что американцы.

Все это не весело.

<...>

12.V.[19]54

А. Ф. Родичева (1002) в своих материалах рассказывает по поводу речи о Столыпинском галстухе: «Курский депутат 1-й Думы, Ал[ександ]р Ник[олаевич] Рутцен говорил: “Не охотник я до Тырковой, а не могу не сказать, что очень ей был благодарен, когда она в день Столыпинско[го] галстуха, на заседании Ц. К. начала бранить Милюкова в 7 ч[ас]. вечера, а кончила в 11 [час.] за его аплодисменты Столыпину. Он часто это вспоминал”». Я действитель[но] Милюкова

* «Голос [Америки]» *(англ.).*

корила, но вряд ли занималась этим 4 часа. Я никогда длинных речей в Ц. К. не произносила.

<...>

Окт[ябрь] 8. [1954]

Вчера у Татьяны Неск[...] был обед в нашу честь. Тамара (1003) была с Катей (1004), Ар[кадий] пришел поздно. Салют принимала я. В. Н. Новиков (1005) сказал хвалебный спич о моих добродетелях, о том, что без меня будет скучно. Керенский молчал. Я что-то неопределенное сказала, что не заслужила и в этом роде. Все было очень дружески, включая их инициалы на бумажке, но я была в этот вечер тяжела на подъем.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 58. Л. 2–57. Автограф.

Раздел II

ПИСЬМА

1909

Г. И. Чулкову

[29.09.1909]

Если Вы, Георгий Иванович, в четверг, 1-го, вечером свободны. Приходите к нам. Зову вас обоих и буду очень рада, если Ваша жена наконец соберется ко мне.

А. Тыркова
Надеждинская, 16

РО РГБ. Ф. 371. Карт. 5. Д. 4. Л. 1. Автограф.

В. И. Иванову

[29.09.1909]

Не соберетесь ли Вы ко мне в этот четверг (1-го) вечером.

Если Вера Константиновна здесь (1006), я была бы очень рада видеть ее у себя.

С уважением
А. Тыркова

РО РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Д. 57. Л. 2. Автограф.

1910

З. А. Жилкиной

15.2.[19]10

Я все еще скитаюсь, дорогая Зинаида Андреевна. Вчера была в здешней литературке. Нахожу, что менее злостно, чем у нас. Яблоновского (1007) не видала, но его коллеги говорили мне, что и он и жена бешено скучают. Хотя город на вид совсем не скучный. Я вся нафарширована впечатлениями старины и церквей. Хорошо. Но еще лучше попасть домой. Мой привет Ивану Васильевичу.

Ваша А. Тыркова

РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 211. Л. 1. Автограф.

1911

М. И. Ганфману

б/д

Дорогой Максим Ипполитович, посылаю Вам свою вторую статью из Москвы. Не знаю, какая судьба постигла первую, т. к. №№ «Речи» приходят сюда довольно неисправно.

Здесь легче дышится, все-таки тошно.

На днях думаем вернуться в Питер, так как никаких иных путей отсюда пока нет.

Всего хорошего
А. Тыркова

РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 790. Л. 4. Автограф.

В. Я. Брюсову

14/II.[1911]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Возвращаю Вам исправленную корректуру. Я постаралась сократить, где умела. Вы правы, темп рассказа замедлен к концу, как раз там, где надо его ускорять. Но если по-настоящему сократить, то надо снова передумать, быть может, даже перестроить многое. А это мне сейчас уже трудно сделать.

Те похвалы, которые я нашла в Вашем письме, были для меня очень ценны.

Тем более, что они исходят именно от Вас.

С искренним уважением
А. Тыркова

P.S. Само собой разумеется, что я была бы очень рада видеть свою повесть напечатанной целиком в одной книге. Но это уже дело редакционное.

РО РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 36. Л. 1–2. Автограф.

П. Н. Милюкову

23/X.[19]11
Константинополь
Hotel Continental

Дорогой Павел Николаевич,

Посылаю Вам свою первую корреспонденцию. Она вся под знаком вопроса, потому что я еще не успела никого найти и не видала в лицо ни одного младотурка. Мы вчера только приехали. Но нам хотелось

передать свои предварительные впечатления, т. к. мне самой они многое, если не выяснили, то хоть показали.

Я Вам очень благодарна за болгарские рекомендации. И Шишманов и Калина (1008) умные, интересные люди. С нами они были более чем приветливы. Очень много расспрашивали о Вас с Анной Сергеевной [Милюковой]. По-видимому, Вы оба сохранили в Софии много друзей. Все они почему-то взволновались женитьбой Вашего сына, расспрашивали у меня подробностей и, кажется, разочарованы, что я ничего не знаю. Шишмановы устроили в мою честь вечерний чай; их гости были очень рады, что я кадетка, и высказывали всякие хорошие пожелания нашей партии.

Теперь о работе. Вы мне не дали адреса и даже фамилии Вашего здешнего корреспондента. А надо мне с ним видеться. Что я ему скажу? Что я чрезвычайный корреспондент? Не лучше ли, чтобы редакция «Речи» его известила о моем существовании. Тем более что мне было бы очень важно иметь корреспондентский билет. Здесь это имеет значение.

Потом относительно телеграмм. Тут настроение очень натянутое и возможно, что будут какие-нибудь события. Но Вы мне не дали ни определенного указания, что телеграммы нужны, ни денег на них. Очень хотелось бы получить то и другое. Да еще в придачу «Речь». Я думаю, что если Вы вышлете ее мне по адресу: Константинополь. Русская почта, до востребования, то это будет оплачиваться как русская рассылка.

А знаете, Павел Николаевич, ведь если бы Вы, или вообще кадеты очутились у власти, Ваше положение в национальном вопросе было бы так же тяжело, как у младотурок. Особенно с поляками.

Еще раз спасибо за письмо. Привет Анне Сергеевне. Я ей еще должна написать особо о болгарских феминистках.

Искренне преданная
А. Тыркова

Вильямс шлет вам обоим свой привет.

ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5970. Л. 1–2об. Автограф.

1912

П. Н. Милюкову

Константинополь, 5 марта 1912

Получила «Речь» с вашей передовой о Чарыкове и вижу, что моя первая же корреспонденция разошлась с вами. Ну что же делать. Скажу только, что я знаю наверное, что Чарыков начал переговоры о Дарданеллах по поручению Сазонова (1009). Я не могла узнать те четыре основные пункты, [которые] были протелеграфированы из

Петербурга в здешнее посольство, это я наверное знаю. А когда все предприятие не удалось, и не удалось благодаря сопротивлению Австрии и Германии, тогда Сазонов отступил и все свалил на Чарыкова. Пишу Вам это потому, главным образом, что вся европейская печать очень упорно повторяет утку, пущенную, вероятно, Сазоновым, что все Дарданеллы затеял сам Чарыков. Я пыталась его увидеть, но он не принимает русских журналистов. Да и прав, что он нам может сказать? Не может же он мне повторить то, что сказал с невозмутимым лицом одному английскому журналисту: «Я очень благодарен Его Величеству, удостоившему меня такого высокого назначения». Надеюсь, что следующие мои корреспонденции не окажутся в таком противоречии с вашими взглядами.

А. Тыркова

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 562. Л. 745. Автограф.

И. В. Гессену

20.III.[19]12

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

Здесь положение, кажется, не шутя обостряется. Появление итальянцев, если не в Босфоре, то в Дарданеллах, становится более чем вероятным. Турецкая телеграфная цензура не пропускает никаких сведений о войне и войсках. Поэтому я написала Калину в Софию, прошу его устроить мне пересылку телеграмм оттуда. Я буду отправлять почтой, а человек, на которого он мне укажет, будет мне телеграммой передавать мое письмо. Согласны ли Вы [платить] рублей 25–30 в месяц такому человеку? Это не в убыток, так как тариф из Болгарии в $2^1/_2$ р[аза] меньше. Может быть, даже меньше.

Во всяком случае, я думаю, что надо теперь больше посылать Вам телеграмм. Только нельзя ли как-нибудь разграничить мои деньги и не мои, а то здесь за «Речью» очень следят, и мне не хочется отвечать за чужие, не очень точные известия. М[ожет] б[ыть], Вы будете печатать мои телеграммы как от специального корреспондента? Я уже израсходовала половину той сотни, которую получила из конторы. Надо выслать еще, если телеграммы нужны. Лучше всего выслать чеком на банк, т. к. денежная почта ходит с медленностью черепахи. А если события ускорятся, то пришлите телеграфом, пожалуйста.

Мне думается, что Вам следует перевести меня на общее корреспондентское положение, т. е. платить мне кроме построчной платы жалованье. Здесь политическая жизнь так еще хаотична, что надо тратить массу времени, чтобы следить за ней. И это время не всегда соответствует количеству написанных строк.

Относительно Принцевых островов не пишу Вам, п[отому] ч[то] война все путает. Мы там наняли дачу и там вообще чудесно. Гости-

ница есть, старается походить на европейские, но если Вам захочется более подробных сведений, я Вам их пришлю.

Мой привет Анне Иса[а]ковне [Гессен] (1010)

С полным уважением Ариадна Тыркова

P.S. Еще один вопрос. Если придется куда-нибудь поехать, оплатите ли Вы мне расходы?

РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 790. Л. 1–2об. Автограф.

И. В. Жилкину

28/IV.[1912]
Constantinopol
Poste russe

Дорогой Иван Васильевич,

Спасибо Вам за возню с моей рукописью. Вижу, что она попадает в майскую книгу благодаря Вашей дружеской поддержке. То, что Вы написали мне, сначала смутило. Но я достала мартовскую книгу и прочла статью, и перестала смущаться.

Писать о Турции вообще трудно и без ошибок вряд ли кто из нас обойдется. Но Деренталь (1011) сделал их слишком много. Я не знаю ни турецкой литературы, ни литераторов, но Вильямс говорит, что Джалет-бей (т. е. по-настоящему Джелдет, но это пустяки) совсем не первый из поэтов, а двух или трехстепенный, и совсем не так глуп, как Деренталь его описывает.

Вообще его статья напоминает старомодные статьи иностранцев о России. О турецких женщинах он тоже пишет пустяки. Это уже я знаю.

Турция настолько красочна, что, проживши в ней три недели, как это сделал Деренталь, ничего не стоит написать целую книгу. Только и книга такая ничего не будет стоить.

Я сержусь на Славинского.

Я говорила с ним в конце февр[аля], когда статья Деренталя уже была набрана, что хочу писать о Турции. Отчего он мне не сказал, что я должна сначала прочесть то, что другой пишет?

Само собой разумеется, что я пишу все это Ивану Васильевичу, а не секретарю редакции.

Торопимся сейчас на Prinkipo. Надо посмотреть хорошенько свою дачу перед переездом. Дня через два будем дачниками. Мне очень хочется из города.

А как же Вы с Зинаидой Андреевной? Неужели не соблазнитесь Босфором? Когда я обживусь на даче, я распишу Вам еще раз все прелести.

Жму руку. Зин[аиду] Андр[еевну] крепко целую.

Ваша А. Тыр[кова]

ЦГАЛИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 87. Л. 7–8. Автограф.

И. В. Гессену

Prinkipos
7/VII.[1]912

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

Через месяц, может быть, даже немного раньше я уеду. Я уже спросила В. И. Якобсона (1012), о котором я говорила и Вам и Милюкову, согласен ли он быть Вашим корреспондентом. Он не прочь, но не хочет сообщать об этом своим «Русским Ведом[остям]», пока не получит из «Речи» уведомления.

Виктор Исаакович Якобсон – деятельный сионист. Человек умный и образованный. Турцию хорошо знает и имеет разнообразные связи, что здесь для корреспондента важнее, чем где бы то ни было. Кроме того, он директор Banque Anglo-Levantius, и это ставит его близко к здешней экономической жизни.

Если Вас это устраивает, то, может быть, Вы просто обратитесь прямо к нему (Stamboul, Banque Anglo-Levantius).

Хочу прислать Вам два фельетона побольше не о политике. Надеюсь, что в летний сезон Вы найдете возможным их напечатать.

Мне жаль, что Вы не напечатали моей корреспонденции о Махмут-Шефкете. Ну, да Бог с Вами!

С полным уважением
А. Тыркова

Constantinopol
Poste russe.

ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 5970. Л. 3–4. Автограф.

М. И. Ганфману

18.8.[1912]

Дорогой Максим Ипполитович,

В городе так была поглощена квартирной возней, что забыла Вас предупредить, что есть у меня еще статья о старой Византии.

Хотелось бы еще написать Вам о турецкой деревне. Но надо ли Вам? А «Большой дворец» очень хотелось бы видеть напечатанным.

Всего хорошего.
А. Тыркова

Ст. Волхово.

РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 790. Л. 3. Автограф.

Б. А. Садовскому (1013)

18.10.1912

Милостивый государь Борис Александрович,

А. М. Ремизов сказал мне, что Вы могли бы заинтересоваться работой в литературном отделе новой газеты, в кот[орой] я принимаю

весьма близкое участие. Газета будет большая, политическая, начнет выходить в С[анкт-]П[етер]б[урге] в первых числах декабря. Зачинщики ее очень стремятся к тому, чтобы литература и искусство рассматривались в ней с таким же серьезным и ответственным вниманием, как и другие отрасли человеческого духа и действия. Само собой разумеется, что отвести этим отделам такое же большое место, как политике и вообще мелочам жизни нельзя, т. к. газета есть газета. Но и на маленьком месте можно много навредить, или, напротив, многому дать простор.

Все, что я Вам пишу, очень смутно, но, по существу, лучше всего было бы лично поговорить. Не собираетесь ли Вы на этих днях сюда? Очень было бы важно потолковать, если для Вас что-нибудь есть заманчивое в газетной работе.

Возможно, что я в конце ближайшей недели буду в Москве, и мы там могли бы повидаться. Но там я буду одна, а здесь мы соберем на днях небольшой кружок для обмена мнений по всему отделу эстетики в широком смысле. Конечно, в этой предполагаемой беседе Алексей Михайлович [Ремизов] примет участие.

Буду очень благодарна, если Вы не замедлите с ответом.

С уважением
А. Тыркова

Мытищинская ул. д. 6. кв. 28.
Ариадна Владимировна Тыркова

РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 133. Л. 1–2об. Автограф.

М. О. Гершензону

С[–]П[етер]б[ург], 23.XI.1912

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Петр Бернгардович [Струве] передал нам Ваши письмо и статью, за которую редакция шлет Вам свою благодарность.

Но я решилась переделать заглавие. «Московские письма» у нас уже есть, да и не в Москве у Вас дело. С. А. Адрианов, редактор «Русской молвы» (1014), взял заголовок из Вашего же письма – «На разные темы».

Нам хочется скорее напечатать эту статью, и поэтому мы разрешили себе не списываться об этом изменении с Вами. Но, конечно, если Вам будет угодно дать другой заголовок следующим Вашим письмом, мы так и сделаем.

Но отчего Вы не хотите подписывать Вашим именем? А если не своим, то все-таки лучше не одной буквой, а псевдонимом, с кот[орым] у читателя и связывается представление об авторе ряда статей.

Еще раз спасибо за то, что захотели работать с нами.

С искренним уважением
Ариадна Тыркова

P.S. С. А. Адрианов просит передать Вам свой привет.

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Ед. хр. 29. Автограф на бланке.

А. А. Блоку

6/XII.[19]12

Дорогой Александр Александрович, по-моему, сейчас следует вынуть из статьи много, от 13—22 листка*, т. е. всю середину. Но в этой же части есть вещи, которые надо бы так или иначе сказать, главное то, что Вы пишите о «здоровых» свойствах русской души**. Не знаю можно ли это сейчас оторвать от части отрицательно-полемической, направленной против газетчиков и той еврейской неврастении, что они несут с собой. Об этом сейчас не надо говорить в статье, где цитируется:.

Служение Муз не терпит суеты...

А о потребности даже среднего человека по-настоящему надо бы. Но это, конечно, дело Ваше.

Всего Вам хорошего.

Мне хочется Вам хоть в деловой записке, хоть на перепутье сказать, как я рада, что Вы в этом деле с нами.

6/XII.[19]12.

Ваша А. Тыркова

P.S. Сейчас говорила с Сергей Алекс[андровичем Адриановым]. Гонорар установлен по Вашему желанию, то есть 20 к. за строчку статьи, рубль за строчку стихов.

РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Д. 69. Л. 1—2. Автограф.

1913

М. О. Гершензону

21/I.[19]13

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Письмо Ваше о гонораре пришло в субботу после закрытия конторы, сегодня деньги будут высланы.

---

* Это и есть суть статьи, а остальное украшение (Составитель выражает признательность главному специалисту отдела документальных публикаций РГАЛИ к.ф.н. Е. Е. Чугуновой, которая определила, что эта и следующая помета сделана рукой А. А. Блока).

** То есть пококетничать лишний раз с этой доброй душой.

Пожалуйста, пишите нам почаще. А о книгах Вам не хочется давать нам иногда рецензии? Это тоже было бы очень ценно.

С искренним уважением
А. Тыркова

Сергей Ал[ександрович Адрианов] уже сидит. Книг ему не дают. Ужасно это неприятная и глупая история. Ему плохо, и нам трудно.

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Ед. хр. 28. Л. 2. Автограф.

А. А. Блоку

3/II.[19]13

Дорогой Александр Александрович,

Несколько раз телефонила, но все Вас не поймать.

Вы кончили пьесу? Пора теперь вспомнить о «Рус[ской] Молве». Алексей Михайлович [Ремизов] говорил мне, что есть у Вас статья. Я верю, что это так. Только дайте ее.

Зайдите хоть в редакцию. Я там от 4–7 часов.

И стихов хочу от Вас.

Ваша А. Тыркова

РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Д. 69. Л. 3. Автограф.

М. О. Гершензону

С[-]П[етер]б[ург],
26 февраля 1913 г.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Почему бы Вам не начать подписываться Вашей фамилией? Мне думается, что Ваши статьи в «Рус[ской] молве» так крепко, так органически связаны с Вашей предыдущей писательской работой, а главное, с теми внутренними переписываньями, из которых она выросла, что следует читателю знать, кто такое Junior.

Очень хорошо Вы написали о Тоске. Прямо отлично.

Всего хорошего
А. Тыркова

P.S. Как только дадите разрешение, мы раза два припишем (М. Гершензон), а так и совсем отбросим.

А. Т.

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Ед. хр. 28. Л. 3. Автограф на бланке.

Г. И. Чулкову

С[-]П[етер]б[ург],
28 февр[аля] 1913 года

Многоуважаемый Георгий Иванович,

Не браните меня чересчур за мою невежливость. Я умудрилась засунуть Ваше письмо так, что только несколько дней тому назад разыскала его, а наводить справки об адресе положительно некогда.

Мы избегаем печатать отрывки из романов. Но были бы очень благодарны за стихи и короткие рассказы. Что Вы об этом думаете?

Еще раз прошу извинения. Но Вы работали в газетах и знаете, какой это котел кипучий.

С полным уважением
А. Тыркова

РО РГБ. Ф. 371. Карт. 5. Д. 4. Л. 2. Автограф на бланке.

М. О. Гершензону

Москва. Арбат. Никольский пер. 13
Из Петербурга
Принято 4/III.1913 г.

Просим Вас прислать к 7 марта статью [о] Грановском (1015)

Тыркова

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Ед. хр. 28. Л. 4. Телеграфный бланк.

М. О. Гершензону

С[-]П[етер]б[ург],
20 апреля 1913 г.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Жаль нам возвращать Вашего Джулиана, а приходится. Длинен он для газеты и, как бы это сказать, – тщательно чересчур написано. Просится в журнал.

Судя по Вашей записочке, но молча Вы и сами предполагали, то у нас могут явиться сомнения.

Позвольте, кончая письмо, еще раз сказать Вам, с каким интересом мы все читаем Ваши «Разные темы». В них есть то, что составляет поэзию интеллектуальных переписываний. И из того так просто и четко льются слова.

С искренней преданностью
А. Тыркова

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Ед. хр. 28. Л. 5. Автограф на бланке.

Б. А. Садовскому

26/IV.[19]13

Дорогой Борис Александрович,

Спасибо за присланное. Письмо Ваше мы взяли, но беда в том, что до середины июня газета будет завалена другими заседаниями и событиями. Зато летом будет просторно для испытания более живых и литературных писаний.

Тогда и Ваши статьи будут охотно печатать. А сейчас вынуждены жить политиканством.

Зачем и чем вздумали Вы хворать?

Кажется не по годам.

Всего Вам лучшего желаю

А. Тыркова

P.S. Посылаю Вам свой роман, а взамен жду от Вас, наконец, хотя бы в оттисках.

РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 133. Л. 4. Автограф.

М. О. Гершензону

С[-]П[етер]б[ург],
3 мая 1913 года

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Вы обещаете летом поработать с нами побольше, и поэтому мы миримся с приостановкой в Вашем писанье. Я по себе хорошо знаю, что в газетах нельзя сплошь писать.

Относительно «Нов[ого] Юр[идического] вестника» я передала в контору. Будет сделано.

Рукопись <фам. нрзб.> давно лежит у меня на душе. В ней есть и мысли и даровитость, но скорее как обещанье, чем как достиженье. Только надо короче и компактнее писать. Это просто дело навыка, и раз есть желанье, он этого скоро достигнет.

Всего лучшего
Ариадна Тыркова

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Д. 28. Л. 6. Автограф на бланке.

1915

З. А. Жилкиной

3.4.[19]15. Львов

Дорогая Зинаида Андреевна,

Бродим мы с В[ильямсом] по Львову, а завтра надеемся еще и дальше поехать. Он много видел, похудел, устал, действительно хво-

рал, но после Рождества поправился. Через недельку думаем назад. Целую Вас. Ив[ану] Вас[ильевичу] привет.

Ваша А. Т[ыркова]

РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 211. Л. 4. Автограф.

З. А. Жилкиной

29.4.[1915]

Дорогая Зинаида Андреевна,

С тех пор как мы расстались, я успела побывать в Козюлке, вернулась, съездила к дядям на Галку и опять домой. Устала телом, да и, пожалуй, и не только телом. Теперь хочу посидеть смирно хоть несколько времени. Вильямс тоже дома. Волновался из-за Дарданелл, где у него два брата дерутся. Как Вы оба и описываете? Напишите, а то так в сост[аве?] приезжайте. Только [к] нам, а не [к] Владыкиной. Целую.

Ваша А. Т[ыркова]

РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 211. Л. 5. Автограф.

М. О. Гершензону

26/IX.[19]15
Петроград

Ваше строгое, хотя и благодарственное письмо, Михаил Осипович, я получила. Попробую оправдаться.

1) Авторская подпись будет, когда я буду в Москве. Его Софийская Кротость (1016) не хотела подделывать мою руку, а я была в Кисловодске.

2) Та же Кротость несет ответственность и за Николопесковский пер., куда он и письмо Вам отправил.

3) За обложку, шрифт, картинки и прочую роскошь благодарность принимает Д. В. Философов. Я тут ни при чем. Отвечаю я только за первый том.

Буду ждать, что Вы исполните свое обещанье и его прочтете. Думаю, что Вы убедитесь, что дело идет не только о женской эмансипации, хотя и по этому предмету можно и должно писать толстые книги.

А что касается Екатерины, Пушкина и иных великих людей, то зачем же Вы сами, не соблюдая указанной Вами исторической табели о рангах, писали хотя бы Кривцова (1017)?

А где же Сперанский (1018), где Радищев (1019)? Где Петр Великий?

Очень Вы перед нами гордитесь Москвой, даже завидно становится. Конечно, у Вас Алексей Толстой (1020), а у нас всего только Дума. Куда уж нам... Только что же это у Вас на улицах, вроде как на передовых позициях постреливают, кровь убитых и раненых? Если

это московские штучки, то уже очень из них XVII веком пахнет. А если всерьез – то разве в серьезе так делают.

Впрочем, и Питером хвастать нечего. У нас все умы остолбенели из-за дров, муки и сахару. Заблудились в трех соснах, а Рухлов смотрит и хохочет, вроде болотного чертяки.

Софийская Кротость стала вчера злобнейшей из-за бездарного провала союзной дипломатии на Балканах. Так как Вы в этом неповинны, то он Вам низко кланяется.

А я буду ждать каких-либо Ваших слов о первом томе. Жену Вашу мы оба приветствуем.

Ваша Ариадна Тыркова

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Ед. хр. 28. Л. 7–8об. Автограф.

М. О. Гершензону

Вергежа, 27/XII.[19]15

Дорогой Михаил Осипович, знаю, что <1 нрзб.> и стыдно так долго не благодарить хорошего человека за хорошую книгу. И каюсь. Уж простите.

Больше всего заинтересовали меня письма Тургенева о франко-прусской войне. Как смелы даже у него люди, как плохо умеют они смотреть вперед. Ведь Мец и Седан (1021) открыли дорогу к Варшаве и, что гораздо хуже для нас, толкнули немцев на проливы.

Гарольд Васильевич [Вильямс] здоров, но память о недавней болезни еще очень чувствуется. Все-таки он работает. А главное, опять может читать по-армянски и по-грузински.

Мы с ним завидуем москвичам. У вас как-то теплее и людности больше. А у нас некуда пойти и не с кем поговорить. Ведь не в религиозно же философское ходить.

А Вы не собираетесь в Питер? Очень было бы хорошо.

Надо бы поздравить Вас с Новым годом, но я как-то суеверно сторонюсь этих поздравлений в этом году. М[ожет] б[ыть], потому, что сама слишком отчетливо хочу от него многое. И знаю, что не одна я хочу и жду.

Всего Вам хорошего.

Искренне преданная
Ариадна Тыркова

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Д. 28. Л. 9–10об. Автограф.

1916

Г. Вильямсу

24/VII. [1]916

Вилли, все еще нет от тебя телеграммы из Ньюкастля. Но так как в газетах нет дурных известий о «Юнитерс», то я надеюсь, что вы благополучно доплыли до берегов Англии. <...>

Я сижу почти без выходных в пустой квартире. Все еще правлю переписанную рукопись. Завтра сдам и вечером уеду на Вергежу до пятницы. В пятницу вернусь, ч[то]б[ы] в субботу уехать в Вилейку. Вчера видела <фам. нрзб.> и сговорилась с ним. Я помощница заведующего хозяйством. У Ади на лесопилке тоже побываю. И, м[ожет] [быть], еще где-нибудь. Очень соскучилась без детей. Соня август еще побудет там, а что дальше неизвестно. Но так как всякая жизнь всегда полна неизвестности, то уж приходится как-нибудь se résignes*.

<...>Надеюсь, что ты в дороге отдохнул и не слишком устанешь в Англии. Это ведь должно быть твоим holy day**. Ты не торопись, а если возможно, поживи хоть недельку на море.

Так внезапно оторвался ты от дома, что я до сих пор не могу сообразить, как выгоднее для тебя использовать эту поездку. А для себя тем более многого не могу сообразить.

Ну, Бог даст все образуется, и ты используешь эту поездку так, чтобы тебе лучше и спокойнее было работать дальше. Я все-таки продолжаю считать, что в англо-русском бюро (1022) ты неправильно себя поставил. Ты все делаешь, а Walpole главное лицо. Артур [Рэнсом] уверяет, что Walpole так ему и сказал – Williams is non official***. Если это так, то это глупо. М[ожет] б[ыть], я это зря пишу. Тебе там самому виднее.

Сейчас капитан сказал мне, что надо отослать письмо сегодня. Вероятно, это последнее. Или еще в конце недели перед отъездом на фронт пошлю одно. Авось успеет тебя захватить в Англии.

Ты как-то писал мне, еще из Белоострова, что тебе стало легче оттого, что ты пишешь. Ну, а мне стало тяжелее.

Be well, Harold, do your work as you must do it and I will try to do what I can. But I am tired, and dont see very clear in my own mind. I dont like to be so****.

Д[ина]

Ты не обращай внимания на то, что письмо не совсем на меня похоже. Я, кажется, заработалась и оттого downheasted***** и все вижу темнее, чем надо. Авось пройдет.

Я не думала, что мысль о твоих переездах через море меня будет так волновать. Ведь знаю, что столько людей благополучно ездит, а все-таки...

---

* Смириться, покориться *(франц.)*.

** Каникулы *(англ.)*.

*** Вильямс – неофициальное лицо *(англ.)*.

**** Будь молодцом, Гарольд, делай свое дело, как ты должен его делать, и я попробую сделать что смогу. Но я очень устала, и не очень чиста в моем собственном представлении. Я не люблю быть такой *(англ.)*.

***** Подавлена *(англ.)*.

God bless you*.

Пора бы мне научиться брать жизнь спокойнее, трезвее. Но это очень нелегко <...>

Я уже решила приделать к роману другой конец. М[ожет] б[ыть], успею написать его в деревне. Коротенький.

Очень хочется, чтобы твои лекции и вообще поездка удалась. А то будет совсем обидно.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 8. Автограф.

Д. И. Шаховскому

Петроград, 7 ноября 1916

Вчера по моей инициативе ЦК начерно толковал о Польше. Упоминаю о том, что это я затеяла, потому что считаю, что был некоторый умысел в отодвигании вопроса. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков], да и Андрей Иваныч [Шингарев] также считают, что все уже решено в нашей программе. Но даже беглый обмен мнением показал, что и внутри комитета их несколько. Маклаков, убегая из комитета, на ходу бросил мне: я уже высказался за независимость. А Милюков так же уверенно против независимости и не видит, почему нужно менять позицию. Шингарев видит в независимости Польши опасность. «Это будет вечная политическая и финансовая язва для России». Корнилов считает прусскую ориентацию угрозой для России, но предполагает, что есть два польских вопроса: один о Польше объединенной в случае нашей победы, другой – о Русском Царстве Польском. Гримм считает, что если к независимой Польше отойдут прусские владения, то она всегда будет бояться Германии и льнуть к России.

Кроме решения – автономия или независимость – крайне важным является и то, кто будет решать, мы, – Россия, или конгресс. Но и тут мы еще далеко не слились, поэтому было решено в ближайшем времени собрать специальное заседание ЦК и заслушать доклад П[авла] Ник[олаевича Милюкова]. Мне кажется, что было бы очень важно участие москвичей в таком заседании. Ведь Польша для нас так же важна, как и проливы. И хочется, чтобы наша нация внесла как можно больше обдуманности в этот сложный и больной вопрос.

А. В. Тыркова

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1047. Л. 36. Автограф.

---

* Благослови тебя Бог *(англ.)*.

1917

М. О. Гершензону

16/I.[1]917

Дорогой Михаил Осипович, ждем Вас к себе и рады, что Вас увидим, и с интересом ждем лекции. Следуя Вашей программе, я никого на четверг не зову, ч[то]б[ы] Вам не мешали.

До свидания
Ариадна Тыркова

РО РГБ. Ф. 746. Карт. 42. Ед. хр. 28. Л. 11. Автограф.

Г. Вильямсу

26.IX.[1]917 (в Петроград)

Не люблю тех дней, когда нет писем от тебя, Вилли. Пустые они и длинные. <...>

Сейчас толковали с доктором и с Аркадием о войне. Я снова пережила свои военные впечатления, вспомнила постыдные беспорядки, недобросовестность, глупость, наглость начальства. Вот еще откуда ползет солдатская озлобленность против командующего состава. Вспомни, как они без ножниц лезли на проволоку и без винтовок сидели в окопах.

Не хочу об этом говорить. Я до конца постараюсь отсидеться за курортной осторожностью.

Признак поправки – мне начинает надоедать безделье. Писать не могу, п[отому] ч[то] с 8 ч[ас]. утра до 2 ч[ас]. дня пью воды, мажусь, отдыхаю и ем. А ты знаешь, что я должна писать утром. Но какие-то далекие намеки на писанье ползают в мозгах. <...>

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 8. Автограф.

1918

С. Н. Прокоповичу

Май 1918 г. Неотправленное письмо
Сергею Николаевичу Прокоповичу
Экономический отдел. Народный банк. Москва
Телеграфно: «Daily Chronicle»
16/V. 1918
22 Gerald Road. London

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Теперь как раз очень важный момент для установления тех импортно-экспортных связей с союзниками, о кот[орых] Вы говори-

ли в феврале. Здешние правит[ельственные] круги очень хотят такого установления, составляют разные проекты, готовы идти на облегчение довольно строгих правил о вывозе и о тоннаже и вообще проявляют редкую для них гибкость.

Уже были намечены планы, что и куда доставить, но большими препятствиями являются опасения, что немцы скупят товары и [наступит] полная дезорганизация русской хозяйственной жизни. Неизвестно, с кем сноситься. Поэтому очень важно, чтобы Ваш экономич[еский] отдел пошел навстречу и держал здешние английские круги в курсе своей работы. Я не познакомилась ни с Красиным ни с Бубновым (1023), да, по правде сказать, не собираюсь, т. к. они идут рука об руку со здешними большевиками и изо всех сил поддерживают Литвинова. Не знаю, что они делают для той задачи, о кот[орой] я Вам пишу. Знаю только, что на официальном заседании, где обсуждался вопрос о ввозе в Россию, никто из англичан ни одним словом не упомянул ни о Нар[одном] банке, ни о Союзе. Не думаете ли Вы, что было бы важно прислать сюда людей, которые ознакомили здешних деятелей с намеченными Вами возможностями? Здесь вообще очень, очень нужны свежие люди из России. Конечно, вы можете кое-что сделать через Локхарда, но это все-таки не то.

Мой привет Екатерине Дмитриевне [Кусковой].

Всего хорошего.

Ар[иадна] Тыркова-Вильямс

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Г. Вильямсу

23/XI.[19]18
27 Courtfield Gds.

Just received your first letter, Willy. I like it so much. It is a great pity that you are so lovely, but I am proud you are. And I feel this letter so deeply. It is much than a letter, it is like a bouquet of red roses.

24/XI

I could not finish my letter yesterday. I had visitors the whole day, we went to Nordmans' for dinner and we came back quite sleepy. But although all this bustle I had the knowledge of your letter in my pocket.

There is a great excitement against the Russians, because, of Kolthak's coup d'etat. He had arrested Av[ksentiev] and Zenz[inov] (1024). The left people is crying that the coalition is broken. The right is very pleased. Poor Le[e]per repeats the opinion of Poliakoff that it is very very dangerous, it is reactionary and so on. I ask him to do the most English thing – wait and see. But I would like to have you here because of the press <?> too. I could not see a great utility in your Switzerland trip. But I am very, very anxious why I

send so few telegrams? Till now The Chronicle had received only one. I will see tomorrow Ensar and if it is necessary I will telegraph to you how it is with the paper. But I am sure we made the right plan. You have to be back here and then we shall go to the East. But together. Sonia is so busy and so capitated by her Ministry, that I think she would agree to stay alone. I am very glad for her.

Now I have to write a sort of memorandum for Le[e]per. Do you know that your ambassador in Stockholm is busy now with the Russian politics? He will stay here a fortnight and then go to Paris for the conference. You have to see him and he wants to see you. It seems to me very important especially after the Cecil's (1025) resignation, the meaning of which till now is very foggy. Therefore you have to inquire in Paris if Hower (1026) (I don't know if it is the right name, but you know the man) is not already there and then try to see him.

But I hope you will have that rendesvous in London. St. is better in every way. Till now the main Russian questions are indeterminate here and that is better. Le Temps (1027) travailler pour nous. I am going to by the Observer. Then I have to write. I am very anxious about my book. I have to finish it and the hours are running like water.

God bless you, deary, be well and come to me. Sonia is satisfied with our rooms and boarding. That is all slight and a little home like. But I would like to have you here.

Твоя

And still we are

23/XI.[19]18
27 Courtfield Gds.

Только что получила твое первое письмо, Вилли. Мне оно очень понравилось. Очень жаль, что ты такой привлекательный, но я горжусь, что ты таков. И я так глубоко прочувствовала это письмо. Это больше чем письмо, это словно букет алых роз.

24/XI

Я не смогла вчера закончить свое письмо. Целый день у меня были посетители, мы пошли на ужин к Нордманам и вернулись совершенно сонные. Но, несмотря на всю эту суету, я помнила, что у меня в кармане твое письмо.

Здесь большое возбуждение против русских из-за государственного переворота Колчака. Он арестовал Авксентьева и Зензинова (1024). Левые причитают, что коалиция рухнула. Правые очень довольны. Бедный Липер повторяет точку зрения Полякова, что это очень-очень опасно, это реакционно и т. п. Я попросила его поступить совершенно по-английски – ждать и наблюдать. Но я хотела бы, чтобы ты был здесь, из-за прессы также. Я не видела большой пользы от твоей поездки в Швейцарию. Но я очень и очень беспокоюсь, по-

чему я посылала так мало телеграмм? На сегодня «[Дейли] Кроникл» получила только одну. Я увижу завтра Энсара <?> и, если необходимо, телеграфирую тебе, как обстоят дела с газетой. Но я уверена, что мы все правильно спланировали. Тебе следует вернуться, и затем мы отправимся на Восток. Но вдвоем. Соня так занята и так поглощена своим министерством, что, я думаю, она согласится остаться одна. Я очень за нее рада.

Сейчас я вынуждена писать что-то вроде меморандума для Липера. Знаешь ли ты, что ваш посол в Стокгольме в настоящее время занят русской политикой? Он остановится здесь на две недели, а затем поедет в Париж на конференцию. Тебе следует повидать его, а он хочет увидеть тебя. Мне это представляется чрезвычайно важным, особенно после отставки Сесиля (1025), смысл которой по сей день очень туманен. В связи с этим тебе следует разузнать в Париже, прибыл ли уже туда Ховер (1026) (я не знаю, правильно ли [написала] имя, но ты знаешь этого человека), и затем попытаться увидеть его.

Но я надеюсь, тебе удастся получить это свидание в Лондоне. Ст[окгольм?] лучше во всех отношениях. До сих пор главные русские вопросы здесь не определены, и это лучше. «Тан» (1027) работает на нас. Сейчас у меня соглашение с «Обсервер». Потом мне надо писать. Я очень беспокоюсь за свою книгу. Мне надо заканчивать ее, а время утекает как вода.

Благослови тебя Бог, голубчик, будь здоров и возвращайся ко мне. Соня довольна нашими комнатами и пансионом. Все это непрочно и немного, как дома. Но я бы хотела, чтобы ты был здесь.

Твоя

И все-таки мы существуем.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

25/XI.[19]18
27 Courtfield Gds. (в Женеву)

Вили, я очень горда твоими женевскими письмами. Просто горда. Точно мне 17 л[ет], и за мной студент ухаживает. Я пишу это как будто шутя, но это ведь совсем-совсем не шутя. И все, что ты мне пишешь, очень интересно. <...>

Я здесь всех вижу. Были у меня и Локхард и Липер. Но главное, понятно, русские. Наб[оков], Рост[овцев], Норд[ман]. Стараемся добиться, чтобы Париж двинул дипломат[ическое] совещание поскорее. Ведь это необходимый предварительный шаг. Если нельзя там, т. е. если ясные переговоры покажут, что нельзя, надо ехать в Лондон и Гирса (1028) вытащить за усы.

Сегодня я совсем повеселела, увидав в «Times» мелкий шрифт, что союзные суда пошли в Новороссийск. Вообще я нахожу, что русские дела там, в России, куда лучше, чем были. А это главное. Но личная боль моя за тех, кто на севере, болит и болит. Знаю, что надо претерпеть, но порой кричать хочется. А все-таки верую всеми силами.

Были химики (?). Д. Д. уверяет, что В. С. ушел из-за того, что не признает политики поощрения большевизма в Германии, а такая тенденция будто бы есть. Нельзя сказать, ч[то]б[ы] это было умно. Ну, посмотрим. Я пока еще выдерживаю философско-наблюдательную позицию.

Прибежала Софа из школы. Голодная, оживленная, довольная. Как есть студентка. Я рада за нее. Но, конечно, и она так же косится на Россию, как и я. Т. е. думает, нельзя ли туда попасть, так же как и я.

Разложила я свою рукопись. Надо ее торопить. Рост[овцев] мне сказал, что следовало бы написать лучше, но я и сама это знаю и хотела бы, да где уж тут хорошие книги писать, когда земля под ногами трясется.

26/XI. Видела вчера Ensar'a <?>. Кое-что из фр[анцузской] политики рассказала ему. Он с удивлением слушал, точно считал, что мирная конференция это так просто. Он спросил меня про твои планы. А что я знаю? Я сижу эти дни как на иголках, т. к. нет твоих тел[еграмм] в «Chronicle» и я ничего не понимаю. Вечером пришел L., прочел мне твое длинное письмо о рус[ских] делах, и мы оба недоумевали, почему ты все это [время] не телеграфировал в газету?

L. очень тебя ждет. Он мечтает, что ты приедешь, потолкуешь с Howard'ом, здесь кое-что выяснишь, а потом поедешь от Chr[onicle] в Париж. Судя по тому, как вчера меня слушал Ensar <?>, им действительно необходим в Париж во время preliminaries'ов* настоящий журналист. Недаром Steed там будет для «Times».

Позволь тебя поздравить – сегодня мое рожденье.

God bless you, Willy.

Твоя

Очень скучно быть врозь и даже не понимать где ты, что делаешь и почему молчишь.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

1/XII.[19]18
27 Courtfield Gds., London

Вили, я перестала верить, что почта есть почта, и потому пишу тебе не каждый день. К тому же я тебя жду. Что такое сейчас Швей-

* Предварительные обсуждения *(англ.)*.

цария для корреспондента? Просто ничего. Я была в «Chr[onicle]», говорила с Ensar'ом, хотела понять, чего они хотят. Ничего кроме good messages*. В Париже как будто метят Perris'a (1029) на редактора. Думается, что надо осуществлять наш план – вернись сюда и едем на юг России. Авось по тому времени что-нибудь из дому получишь. Приезжай поскорее. Просто скажешь «Chr[onicle]», что приехал перед отъездом в Россию надолго.

Здесь в русских делах царит хаос. На митингах кричат против интервенции – война кончена, что будут делать наши солдаты в России. Мы не вмешивались в царские дела, а будем вмешиваться в социалистические и т. д. В то же время в министерствах шушукаются об окраинных национальностях. Все тот же проект, кот[орый] ты считал мертвым. Есть даже забавный слух, что англ[ийские] политики хотят исполнить Бисмарковскую программу и создать Балтийский союз. Будто бы что здесь встречают большую поддержку в одном office'е, а в другом, где всегда думали умнее, злятся. Все это не весело, но я смотрю фаталистически и думаю, что хотя чиновничья политика большое зло, но жизнь порой и их побеждает.

Набоков едет завтра в Париж. Сейчас пойду с ним толковать на прощанье. Гирс тоже приедет и, кажется, больше никто. Нордман очень хочет в Париж, Макл[аков] его зовет, а Наб[оков] делает кислую рожу.

Я стараюсь над книгой. Не нравится она мне, но лучше такая, чем никакой. Я сговорилась с Encly. Она будет редактировать перевод. Соня много работает, но глаза ее уже смотрят на Киев. Жить здесь нам удобно. Кормят хорошо. Когда горит камин, даже не холодно.

Так вот, Вили, приезжай. Приезжай, ни слова не говоря. Здесь объяснишься, а через две недели пустимся с богом в путь. Если надо, то и скорее.

God bless you, my Harold. It is hard to be without you, but the Lord watch**.

Твоя

Соня кланяется. Она старается опьянить себя химией. Но, конечно, домой хочет безумно.

Будешь ехать через Париж, не забудь мои очки.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

---

* Добрые вести *(англ.)*.

** Благослови тебя Бог, мой Гарольд. Трудно быть без тебя, но все в руках Божиих *(англ.)*.

Г. Вильямсу

2/XII.[19]18
London

Вили, письма от тебя приходят, и телеграмма есть и в «Chronicle» есть. Так все-таки легче. Но еще лучше будет, когда ты вернешься. Я все более убеждаюсь, что нам пора в Россию. <...> Только сначала надо бы с севера вести получить. Мы сегодня еще одну ниточку попытались протянуть.

Живем мы с Софой тихо, как мыши. Она учится, а я над книгой. Все поправляла, завтра начну дальше писать. Хочу торопиться и не могу. Сговорилась сегодня со Шкловским. Он составит брошюру о большевиках, по их газетам, вернее, даже декретам. Если получишь письмо вовремя, поговори с кем-нибудь в Париже, ч[то]б[ы] издать ее и по-французски. Это будет короткая штука. Главным образом документы.

Все, что ты пишешь из Швейцарии, дышит волнующей близостью к России. Так вот села бы и поехала.

Наб[оков] уехал наконец в Париж. Коковцова (1030) из Стокгольма выписываем, он, оказывается, там. Ростовцев и Нордман пока здесь.

Без тебя я, к счастью, далека от высокой политики. Думаю, что ничего хорошего в ней не делается. Носятся с окраинными народностями и даже с Балтийским союзом. Было бы очень важно тебе приехать раньше, чем они что-нибудь установят.

Ведь в Швейцарии тебе дольше 3 недель просто делать нечего.

Странно, когда я пишу тебе по-русски, мне еще неприятнее мысль о цензуре, чем когда я пишу по-англ[ийски]. Поэтому кончаю.

God bless you, my Harold, please come back soon. It is quite necessary for me and I hope for you too*.

Твоя

Соня тебя целует. Она очень старается, но все ворчит.

Представь себе, у Кадомцева умерла жена от инфлуэнцы. Бедняга.

Не забудь мои очки в Париже. Rue Seribe.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

4/XII.[19]18
27 Courtfield Gds.

Наконец начала опять писать, а то все правила и правила. У меня все-таки 9 глав готово и 10 на мази. Хочется, Вилли, поскорее кончить

---

* Благослови тебя Бог, мой Гарольд, пожалуйста, возвращайся скорее. Это совершенно необходимо для меня и, я надеюсь, для тебя тоже *(англ.)*.

книгу, да и с Лондоном тогда покончить. Начинаю ждать тебя нетерпеливо и даже мечтаю, что это письмо до тебя не дойдет. Пишу его только на всякий случай.

Мы с Софой живем как раки-отшельники. Так и надо. Надо как можно больше сделать, а не растрачиваться по пустякам.

Мне сказали, что сюда на днях приезжает кн. Львов (1031), Вырубов, <фам. нрзб.> и еще кто-то с ними. Это хорошо. Они подопрут Маклакова, а то он все-таки теряет голову. Мальчик балованный, а <1 нрзб.> тяжелый.

Да свиданья, Вили. Приезжай. Это главное.

God bless you and all whom we love*.

Твоя

Я не хочу писать в письме того, о чем думаешь непрестанно. Оттого и письма такие.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

10/XII.1918

Вилли, как тяжело и неприятно, что ты заблудился. Я вижу, что ты заблудился и по телеграмме от 3-го, и по письму от 30-го. Я заметалась в воскресенье, получив твою телеграмму. Увидела, что ты под гипнозом. Поехала на Choring Cross, послала решит[ельную] телеграмму. Но боюсь, что на расстоянии моя решительность меньше на тебя действует, чем настойчивость Perris'a. Вот проклятущий! А тут твое письмо, что ты упал в обморок. Ведь это просто глупо в таком виде тащиться в Вену. Непростительно. Неужели после этого не мог ты им и мне телеграфировать – нездоров, возвращаюсь. Ах, Вили, Вили, как ты умеешь мучить себя и меня, с кроткой жестокостью и совершенно бесполезно! Дай Бог, чтобы ты благополучно и поскорее выбрался из этой глупой истории.

Я, как только получила письмо про обморок, достала Пэрса, отправилась с ним к Leper <?>, они там нажали какие-то пружины и вчера F[orign] O[ffice] должен был тебе телеграфировать. Для меня главное, что их телеграммы ходят скоро и ч[то]б[ы] они тебя перехватили до Вены. Отчего ты забыл наш разговор, наше общее решение, что через две недели ты вернешься.

Горько, больно и обидно, п[отому] ч[то] эта боль никому, кроме Perris'a, не нужна.

Вчера пошла в Lyceum (1032) и очень рада, что пошла. Столовая была переполнена. Бьюкенен сказал очень хорошую речь. Горячую,

---

* Благослови тебя Бог и всех, кого мы любим *(англ.)*.

рыцарскую. Если бы он вел рус[скую] политику, ваши солдаты давно бы выбили большевиков из Питера. А так что-то ничего не выходит.

Я очень храбро прочла по бумажке речь. Меня слушали и хлопали. Я знаю, что надо было им это сказать за тех, кто молчит там, в России.

Следующее: надо [подготовить] это заявление русских об интервенции. Ростовцев написал, а я буду тащить через организации.

Ах, если бы ты вернулся без этой несчастной Вены.

11/XII

Получила твое письмо от 4/XII и просто разревелась. Поняла, что ты все-таки едешь не сюда, а в Вену. Усталый, больной, зная, что ты нужен здесь, а не там, тоскуя один, тащишься наперекор и своему рассудку и моим просьбам. Что это такое? Как это назвать? Зачем это мучительство для меня и для себя, точно и без того мало страданий?

А то главное дело, ради кот[орого] мы вырвались из России, ради кот[орого] я не дождалась Аркадия (1033), делается тут без тебя кое-как и кое-кем. И в такое время, когда подводятся итоги, когда каждый день важен, ты тащишься в Австрию по приказу бездарного редактора, кот[орый] ходит на задних лапах перед L[loyd] G[eorge].

Я готова не то, что реветь, а выть с отчаяния.

Вчера видела Набокова. То, что он рассказал о Париже, позорно бестолково. По-моему, они ничего не сделали! Даже денег как будто до сих пор нет. Даже обращение к союзным державам не выработали до конца. Зато послали в Омск телегр[амму] о тех, кто должен принять участие в мирных переговорах, вставив туда – Авксентьева?!

По-моему, они были пьяны.

Вообще, у меня руки опускаются. Я хочу только одного – кончить книгу и уехать в Россию, наняться в няньки, в скотницы, во что угодно, но быть среди своих.

Но куда ехать? На юг? А мальчик мой?

Нет слов, ч[то]б[ы] передать мои мысли о нем. Как рана открытая.

13/XII

Телеграммы от тебя нет и нет. Опять печальное и, увы, покорное...

Ура! Спустилась вниз и там телеграмма – will not go East*. Ну вот, ну вот так и надо, будем опять вместе идти через темный лес. А то и за тебя жутко и без тебя тяжко.

Я под тяжким гнетом нашей бездеятельности. Виню себя за все, знаю что глупо, но ведь так больно и за своих и за Россию. Мы даже до

* Не поеду на Восток *(англ.)*.

сих пор не протестовали против L[loyd George], отношенья к интервенции. Молчим и...

Вчера заседание в посольстве под бестолковым представительством Набокова. Бедная русская государственность.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

1919

[не ранее конца мая 1919]

To the Editor of «The Daily News»

Sir, Your Russian correspondent Mr. Arthur Ransome in his Telegram of May 19 says that the feeling of the masses is increasingly anti-German. It is very pleasant to hear this from a correspondent who is in close contact with the Bolsheviks and must know that during the whole period up till the peace of Brest the Bolsheviks' leaders carefully avoided postering anti-German feelings in the masses whom they had hypnotized. In their organs, the «Izvestia» (1034) and the «Pravda» (1035) there often appeared articles against British and French, especially against British capitalism and imperialism but I do not remember an article attacking German imperialism.

Further Mr. Ransome's telegram contains an entirely incorrect description of the attitude of the Cadet party to the Germans. As the only member of the Central Committee of the Cadet Party now in England I feel boomed to point out that the Cadets have always been and still are strongly pro-ally.

Your correspondent states that "leading Cadets in Moscow have held consultation with Count Mirbach". But Mirbach is the official German ambassador and the doors of Russia were opened to him by Bolsheviks and not by the Cadets. It was Lenin who made peace with the Germans, gave all Russia into their power and freed their troops for an offensive in the West. The party to which I have the honour to belong, passed, according to a Reuter's telegram of May 14 (?), a resolution "in favour of continued loyalty to the Alleiesand against any direct and indirect move towards the calling in the Germans <обрыв текста>

A. Williams

Редактору «Дейли Ньюс»

Сэр, Ваш русский корреспондент г-н Артур Рэнсом в своей телеграмме от 19 мая говорит, что массы настроены чрезвычайно антигермански. Весьма приятно слышать это от корреспондента, который находится в тесном контакте с большевиками и должен знать, что в течение всего времени вплоть до заключения Брестского мира большевистские лидеры тщательно избегали поддерживать антигерманские настроения в массах, которых они загипнотизировали. В своих газетах «Известия» (1034) и «Правда» (1035) они часто публиковали

статьи против Британии и Франции, особенно против британского капитализма и империализма, но я не припомню статьи, направленной против германского империализма.

Далее телеграмма г-на Рэнсома содержит совершенно некорректное изложение позиции кадетской партии относительно Германии. В качестве единственного члена Центрального Комитета кадетской партии, находящегося сейчас в Англии, я чувствую себя обязанной подчеркнуть, что кадеты всегда были и до сих пор остаются на строго просоюзнической позиции.

Ваш корреспондент утверждает, будто «лидеры кадетов в Москве проводили консультации с графом Мирбахом». Но Мирбах является официальным послом Германии, и двери России были для него открыты большевиками, но не кадетами. Именно Ленин заключил мир с немцами, отдал всю Россию под их власть и высвободил их войска для наступления на Запад. Партия, к которой я имею честь принадлежать, приняла, согласно телеграмме Рейтера от 14 мая, резолюцию «в интересах продолжения верности союзническим отношениям и против любого прямого или опосредованного движения к приглашению Германии <обрыв текста>

А. Вильямс

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Г. Вильямсу

Письмо Г. В[ильямсу] на адрес:
British Military Mission, Екатеринодар
10 июня 1919
27 Onslow Rd.
Richmond

Вилли, милый, я получила сегодня сразу три твоих письма из Константинополя и стало еще скучнее. Надо нам поскорее выбираться. Но как? Я знаю, что то дело, кот[орое] мы здесь делаем, разрослось, стало серьезным и ответственным. Но или чутье (я как Милюков верю в свое чутье) подсказывает мне, что теперь я в России могу быть полезнее, чем здесь. И потом мы оба лучше работаем, когда вместе, правда? Так досадно, что ты один бродил по Стамбулу. Но хорошо, что хоть в Париже побыли.

У меня это время как-то дело из рук валится. Много его. Все корректуры правила. Сегодня послала конец. Теперь с любопытством жду книги. Во Франции еще сватает Бикерман (1036) все тому же Пайо (1037). Вероятно, удастся. Но теперь я хочу видеть русское издание.

Сейчас мы затеяли всякие русские штуки печатать. Постараюсь приложить к письму первый номер газеты (1038). Ее ведет П. Н. [Ми-

люков] и по-моему прескверно. Придется завтра в Совете это сказать. Будут неприятности, но это уж не первый раз мне через них шагать. Ростовцев выдумал еще русские брошюры, а я готовлю нечто вроде обзора событий за последние полтора года. Это Кузмичев (1039) заказал. Я считаю это нужным. Сейчас попробую составить статью о союзниках и России*. Буду говорить все, как есть. Конечно, в рус[ском] издании много Адиной работы.

В Конст[антинополь] мы телеграфировали, по твоему указанью. Но еще когда что получим, неизвестно. Ты, кажется, так и уехал, не получив моей телеграммы?

То, что ты пишешь о беженцах и о буржуазной накипи, только усиливает мое желание ехать в Россию. Ведь даже хорошие люди там больше одурели, чем мы здесь. Кстати, о глупости. Я сделала любопытное открытие – Влад[имир] Набоков оказался очень огранич[енным] человеком. Он такой затхлый, от него просто подвалом пахнет. И не этим людям устанавливать новый строй. Вот когда его наладят другие, сильные и смелые, тогда, может быть, старые доктринеры смогут потихоньку катить какую-нибудь тележку.

Ростовцев уезжает завтра в Париж, вернее, во Францию, где будет читать ряд лекций. За него я рада, а за себя нет. Ты, он и я составляли триумвират, а теперь я должна вертеться одна.

Само собой разумеется, что без тебя я совсем оторвана от большой англ[ийской] политики. Это и я, и дети очень чувствуем. Ты не можешь себе представить, как это худо, что тебя нет. На каждом шагу худо и извне, и изнутри и всячески. Надо это прекратить. Сегодня такой у меня был fuss of** в нашей лавочке, что некогда было о себе подумать.

Завтра, вероятно, будет то же самое, а послезавтра буду искать путей.

Сейчас постараюсь писать статью. Мне лень. Уже вечер. Я пробыла полдня в городе. Вернулась к чаю. Попила, посидела и вот уже 7 ч[ас]. А написать надо сегодня, т. к. завтра есть оказия в Омск и я хочу все послать, что могу.

13 июня

Неожиданно пришло вчера от тебя письмо из Конст[антинополя] через Ельяш[ева] (1040). Очень хорошо было получить. Конечно, мы привыкли не только жить, но и думать вместе. Без тебя мои мозги сохнут, как капуста без дождя. А потому я хочу ехать к тебе. Ясно и просто. Сегодня газеты печатают ответ Колчака (1041). Хороший, полный сознания достоинства России. Значит, теперь мы входим на свое ме-

---

* См. приложения.

** Переполох *(англ.)*.

сто. Его признают и, понятно, теперь спохватились, что без участия России мирный договор мало имеет значения и не будет долговечен. Мы с тобой, как старые тетки, можем только твердить – я говорила, я говорила...

Но все-таки в трех пунктах мы своего добились – большевики не признаны (хотя это не случилось не столько благодаря мудрости госуд[арственных] людей Европы и Америки, сколько благодаря самим большевикам), танки посылаются и катаются по <1 нрзб.> русским степям, подлинное русское правительство признано. Теперь я считаю, что на Западе дело, худо или хорошо, но переходит в руки дипломатов. Пусть они стараются, а я хочу стараться в России. Ты хитрый, в своих письмах не зовешь меня, и я не понимаю, считаешь ли ты, что через три месяца вернешься сюда или нет? Попробую запросить тебя телеграммой. Во всяком случае, я на будущей неделе начинаю хлопотать о пропусках. Взяла от «Chr[istian] Sc[ience] M[onitor]» бумажку, что я их корреспондентка. Говорят, этого довольно. Аркадию хочу попробовать устроить представительство. Хотя было бы гораздо лучше, чтобы ты его вызвал, т. е. не ты, а русская власть, конечно. Но он нетерпеливо рвется в Россию, и я его лично понимаю.

Но все-таки возможно, что вместо юга нам придется двинуться на север. С Петроградом дело мучительно тянется. Ты сам знаешь, что никаких сил там нет, в сущности, ни с той, ни с другой стороны. Но как-нибудь этот нарыв лопнет, и тогда возможно, что ехать придется туда. Если бы не Вергежа, я просто отказалась бы, а так еще подумать придется. Здесь сейчас Головин (1042) и Геруа (1043), при них Денисов (1044) вертится как бес. Уверяют, что продовольствие приготовлено и вообще все приготовлено. Посмотрим.

Комитет наш кипит. П. Н. [Милюков] выпускает газету «Рассвет», по поводу кот[орой] мне пришлось не особенно приятные для него вещи наговорить в Совете. Скучно и бездарно до крайности. Я вообще против печатания по-русски всего текущего. Мы всегда опаздываем, и «Рус[ская] жизнь» (1045) в Гельсингфорсе будет и живее и лучше. К сожаленью, М[ихаил] Ив[анович Ростовцев] уехал во Францию, куда Patouillet вызвал его читать лекции. Я рада за Ростовцева, но без него мне труднее с П. Н. [Милюковым]. Еще новое затеваем. Хотим печатать по-английски журнал «The New Russia» (1046). Я считаю, что это надо начать, т. к. такой журнал надо издавать и тогда, когда Россия восстановится. Трудно начинать его без тебя, но делать нечего. М[ихаил] Ив[анович] со свойственной ему быстротой хотел сунуть это Вл[адимиру] Набокову. А тот совсем мертвый. Куда же тут! Я влезаю, и пока мы втроем – П. Н. [Милюков], Вл. Д. [Набоков] и я. Сюда войдут и бюллетени, т. е. попросту говоря хроника рус[ской] жизни. Если мы правильно возьмемся за журнал, то он и агентство, это то, что останется от нашей работы.

Я тебе все пишу вообще, а о домашнем мало. В Richmond'е хорошо. Это время было очень жарко, и в городе я совсем пропала бы. Я и так там много бываю. Иногда уезжаю в 10 ч[ас]., а возвращаюсь в 8 ч[ас]. Но для меня важно спать в хорошем воздухе. И гуляю я каждый вечер. Потом в субботу и в воскр[есенье] не надо никуда тащиться, только пройти $^1/_4$ ч[ас]. и уже в парке. Мы катаемся на лодке. Софа играет в теннис.

Тут есть русские, у кот[орых] два англ[ийских] офицера живут. Оба учатся по-русски – мечтают ехать в Россию. Все боятся, что драка кончится без них. Дом у нас хороший, чистенький. Прислуга не худая, только пасторша мне надоела, все приставала, что прислуга переутомится. Но этот анекдот уже исчерпан. В общем, живем удобно и проживаем не очень много, т. е. деньги на дорогу копятся. Сейчас в банке есть около £ 300. Если даже мы все трое поедем за свой счет, нам за глаза хватит. Т. е., конечно, еще и останется. Я мечтала, что Bathurst оплатит мою дорогу, но он, кажется, не собирается. Жаль. И с Америк[анским] Macmillan'ом (1047) не вышло. Не хотят. Верно, жалко £ 50. Но, во всяком случае, если нас что задержит, то не деньги.

Каждое утро я бегу за газетами, разворачиваю «D[aily] Chr[onicle]». Опять тебя нет. Что-то чую [не] налаживается телеграфная связь. Это не хорошо. И так хочется быть там, а не здесь.

До свиданья, родной. I must be with you*.

Твоя

Дети тебя очень целуют. Без тебя нам всем скучно.

Отправила в Омск длинные письма и статью. М[ожет] б[ыть], пока это едет в Омск, уже в Москве будем.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

[июнь] 1919

Не знаю, после тебя это было? Авксентьев и Керенский выпустили манифест (1048), где настаивали, чтобы союзники поставили Колчаку условия. Манифест пакостный и когда он появился в Париже, то часть подписавших забила отбой. Говорят, в составлении участвовал и Корф (1049)!

По-видимому, через Carr'а (1050) эти господа подсунули свои пунктики, кот[орые] и попали в предложения союзников Колчаку. Хорошая игра! К сожалению, «New Europa» нашел нужным напечатать

* Я должна быть с тобой *(англ.)*.

этот манифест. Я хочу повидать Seton-W[atson], кот[орый] на днях приезжает. Вообще тебя на каждом шагу не хватает. Но я теперь не так волнуюсь. Здесь, на Западе, мы перетащили наш русский груз через перевал, но через русские ухабы еще натащимся и как натащимся.

Признания-то все-таки нет, а неизвестно что. Ну, подождем.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 8. Автограф.

Г. Вильямсу

20 July [1919]
27 Onslow Rd.
Richmond

Вилли, родной мой, я терплю, терплю, но становится невтерпеж. Я мечтала выехать два дня тому назад, но эти несчастные французы не дают Аде permit'а*. Верно, дадут, но когда? Софа устроена на прямой пароход, прямо в Новороссийске. «Бородино» выходит около 25-го. Я уже жалею, что мы все на него не вбились, но мы с Адей считали, что через Италию скорее, а теперь не знаю, кто скорее выберется. Мои бумаги в порядке, но в пятницу истекает срок моего фран[цузского] permit'а. Опять беда. Между тем так хочется скорее добраться до тебя. Мы должны быть вместе. Для нас с тобой это внутренний закон, и не надо его нарушать. Вчера была в «Times» твоя телеграмма о Харькове, и так захотелось услыхать скорее твой голос.

Эти две недели мы были заняты покупками и чемоданами. Я старалась купить так, ч[то]б[ы] было все необходимое на год. Кроме того, ящик с едой. Все это едет с Софой, пароходом.

Lady Georgina (1051) дает ей также несколько тюков с бельем для Кр[асного] Креста**. Если есть в Новороссийске англичане-офицеры, попроси их помочь ей, т. к. я боюсь, чтобы все не исчезли между Новороссийском и Екатеринодаром. Пусть они ее разыщут, как только «Бородино» приедет.

А ты для меня комнату найдешь? Можно даже без постели, т. к. я везу сенники и, конечно, подушки. Главное добраться до тебя, а там уж где-нибудь приткнемся. Правда? Я ведь совсем не знаю твоих планов и даже допускаю, что мы с тобой опять куда-нибудь поедем. Но уж только вместе.

Что сказать о политике? Явно идет смутное брожение, требования рудокопов, железнодорожная забастовка и т. д. А что делается в тайниках, я не знаю, между тем это и есть главное! Эти дни несколько раз видела Hoare'а. Он говорит, что с моим отъездом ему будет еще труд-

---

* Пропуск *(англ.)*.

** Здесь приписка: «Это уже отменили и никаких тюков С[офе] не дадут».

нее. Как это ни странно, но боюсь, что это верно. Ты знаешь наше безлюдье. А главное то, что нет ни плана, ни группы людей, которые бы его проводили. Оттого <1 нрзб.> этот ужас с Петроградом, когда там нужно было сделать только один решительный жест. А теперь опять подвезены Красные войска, опять мы стали слабые, они сильные. Вообще о Петрограде я стараюсь не думать. Хотя приехал несколько дней тому назад кап[итан] Троян (оказался приятель Крылова, но куда умнее), и то, что он говорит, далеко не безнадежно. Только нет ни сапог, ни оружия, а есть дух и солдаты.

22 July

Вилли, я начинаю терять голову. Хочется сесть и поехать к тебе как можно скорее. Но знаю, что благоразумнее ждать Адю. Французы мучают его и меня. Моя виза тоже истекает. Билет в <1 нрзб.> надо заказывать заранее. Ну, словом, ты знаешь эти муки пропусков. Софа в субботу должна быть уже на пароходе. «Бородино» как будто бы отходит 26-го. И я минутами ругаю себя, зачем не устроилась с ней. Так хочется поскорее к тебе.

Сегодня приезжают Панина и Астров. Хоры устраивают ей обед. Думаю, что она будет здесь кстати.

Leeper уехал, и я боюсь, что без него твои письма валяются в F[orign] O[ffice], да и свое не знаю как отправить. Вообще хочу не писем, а просто чтобы были мы.

Churchill (1052) очень хорошую речь сказал в Br[itish]-R[ussian] Club. Сказал, что вот о малых народностях толкуют, а забывают, что они существуют только благодаря Колчаку и Деникину, кот[орые] оттягивают к себе все больш[евистские] силы.

God bless you, my love. We have to be together*.

Твоя

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 8. Автограф.

Г. Вильямсу

26 July [1919]
27 Onslow Rd.
Richmond

Вилли, так хорошо было получить твои два первых письма из Екат[еринодара] и так захотелось поскорее к тебе. Я все это время чую, что пора мне быть там. А не здесь. И то, что ты пишешь о трудностях жизни, только усиливает мое решение. Вчера я была на Bed-

* Благослови тебя Бог, моя любовь. Нам надо быть вместе *(англ.)*.

ford Sq. (1053). И у англ[ичан] и [у] французов. Все тот же грубый маленький француз сердито написал, чтобы дали мне пропуск. Англ[ийские] офицеры, как всегда любезные, обещали к будущей среде приготовить все бумаги. По-видимому, задержек не будет. Помогло и мое корресп[ондентское] свидетельство от «[Christian Science] Monitor». Теперь надо устраивать детей. Софе как будто легче. Ее обещают послать сестрой. Для Ади пока ничего нет. Он все надеялся, что ты ему устроишь вызов. Да и я не теряю на это надежды. Т. к. он здесь на обществ[енной] работе, а не на службе, то устроить командировку не легко. Я сегодня уже начала делать покупки. Денег у нас маловато на такую дорогу, но все-таки кое-что есть. Мы это время жили почти на £ 50 в месяц. Но за квартиру пришлось, конечно, взять со счета. Там было, когда ты уехал, около £ 200. Теперь больше. Авось хватит. Я стараюсь купить все необходимое и подешевле.

Прости, что пишу тебе неинтересное. Но сейчас у нас все мысли поглощены приготовлением к отъезду. А ведь это и тебе интересно?!

Что сказать о здешнем, не знаю. С Петроградом так мучительно, что я о нем молчу, как помнишь, молчала об Арк[адии]. Сил тоже нет, провизии не было, а провокация, вольная или невольная, получилась огромная. Взять Петроград необходимо, чтобы проткнуть большевистский нарыв. Но кто будет брать?

От Колчака вести невеселые. От вас, с юга, отличные, и это, конечно, поддерживает. В рабочих кругах опять та же волынка. Невмешательство, увод войск и т. д. Есть опасение, что после подписания мира подымется громче крик «Hands off»*. Наши русские прохвосты помогают, вроде Керенского и Авксентьева. Тут Гавронский из кожи вон лезет, доказывая реакционность Колчака. Был у нас Чайковский и только вздыхал. Он против них и крепко держится за государственность.

Завтра Набоков и посольские человечки и человечицы идут во дворище на первую tea-party** после войны. Это событие, но плохо рассчитанное. Думали, что немцы сегодня подпишут, значит, завтра будет праздник. А они мечутся, как Троцкий перед Брестом, и хотя я вообще считаю данный мирный договор неумным, но все-таки не могу без злорадства смотреть на немцев, вспоминаю наше положение зимой 1917–1918 г. Во всяком случае, королевский прием состоится до подписания, а, кажется, предполагалось подогнать к нему и признание Колч[ака]. Так, по крайней мере, здесь думают. Это, конечно, будет лучше. Ходят зато слухи, что японцы заявили в конференции – мы не можем не признать Кол[чака], т. к. для нас отношение к России вещь очень важная. А, кроме того, мы (японцы) слышали, это немцы, как только будет предложен мир, предполагают его признать. Так мы считаем выгоднее их предупредить. Это передано в порядке сплетни.

---

* «Руки прочь» *(англ.)*.

** Чаепитие *(англ.)*.

L. забрал газеты, кот[орые] по-моему ты мне прислал. Обещает дать, когда прочтет. Но мне перед этим привезли газеты от начала мая. Только «Св[ободная] Речь» (1054). Как это все оторвано и не осведомлено. Мы тут затеяли напечатать вроде брошюры, сводку за $1^1/_2$ г[ода] того, что делается вне Совдепии. Это Кузмичев нам заказал статьи – Милюкова, Шкл[овского], Струве, моя, Исаева (1055) и еще несколько. Думаю, что это будет кстати. Но, кажется, печатать придется в Екат[ринодаре], п[отому] ч[то] здесь спрашивают дурацкие деньги.

Мы с Мил[юковым] рассорились. Как всегда, пришлось мне взять на себя приятную обязанность сказать правду. Это из-за русской газеты. Все были со мной согласны, что нельзя ее пускать. Но остальные мазали, а я уперлась. П. Н. [Милюков] наговорил мне гадостей, б[ыть] м[ожет], вспоминая свою <1 нрзб.> из-за «непрерывной верности союзникам». Вышло тяжело и неприятно. Я расстроилась, а вдруг твои письма. Грешница, утешилась я.

Ростовцев во Франции. Я жду его, чтобы сдать все Исаеву. Он будет хороший секретарь. По-моему, Адю заменить труднее, чем меня. Если бы ты видел, как у Ади горит земля под ногами, ты прислал бы ему от Деникина бумажку. Тогда все двери открыты.

Мне неприятно, что ты там в таком неустройстве один. Надо нам быть вместе. Я не люблю думать, что некому о тебе позаботиться. И знаешь что – я без тебя ужасно глупею. Мы так привыкли думать вместе, что у меня точно половины мозгов не хватает. Вот я и тороплюсь уехать, пока мои друзья этого не заметили.

27 July [1919]

Приписываю, сидя за утренним кофе. Всегда так мало успеваешь вложить в письмо. И когда оно дойдет и как надо нам просто быть вместе.

Вот это, родной, ты дай знать своим властям в Конст[антинополе], что мы едем и пусть они нас пропустят. И посадят на соответствующий пароход. М[ожет] б[ыть], к тому времени русские пароходы пойдут, тогда тем лучше. Но ты все-таки пошли, не знаю в посольство или в военную миссию, и дай наши имена.

Адя торопится как сумасшедший. Надо кончать.

God bless you, my love. I want to be with you. I have to be with you*.

Твоя.

Софа кончила экзам[ены]. Кажется, выдержала.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 8. Автограф.

---

* Благослови тебя Бог, моя любовь. Я хочу быть с тобой. Мне нужно быть с тобой *(англ.)*.

В. И. Исаеву

3 авг. [1919?]
Париж (XI)
20, rue Bellim
Hôtel Rèal.

Дорогой Владимир Иванович,

Вы, вероятно, браните меня, что я не шлю обещанного политического apercеu*, а я положительно не знаю, что мне тут apercevoir**? Я видела Струве, Сазонова, Львова, Драгомирова, Астрова, Панину, Соколову. И не только видела, но и говорила с ними. О приезжих из Екатеринодара не знаю, стоит ли писать. Они завтра едут к Вам и отвезут это письмо, значит, сами все расскажут. Кстати, надо устроить в Братстве (1056) заседание, чтобы Панина по-английски рассказала членам Братства англичанам о положении на Юге. Т. е., конечно, если они пожелают прийти.

Я пыталась понять, какие цели, какие пути у здешних наших политиков, но, как всегда, добраться до корня не могла.

Сейчас, по-видимому, идет телеграфный спор с Колчаком, кот[орый] требует сокращения штатов, а здесь хотят кроме посольства иметь Совет четырех и отделы по всем главным вопросам – военному, финансов, иностр[анных] дел и т. д. Если все это будет так же продуктивно, как и совещание, то, пожалуй, Колчак прав, что он жмет.

Львов заявил мне, что он, как всегда, оптимист и считает, что положение совсем не плохо. – «А что же в нем хорошего?» – «То, что скоро снова начнется наступление Колчака. У него есть свежие, хорошо обученные войска, кот[орые] недели через три он, вероятно, пустит в дело. И тогда Вы увидите». При этом об успехах Деникина ни слова. Вообще, при парижском дворе Деникин не в фаворе. Очевидно, крепко запомнили его телеграмму. Этот земгусар Вырубов снисходительно говорил мне: «Вы знаете, они все там так устали, что приходится прощать им некоторые неловкости. Вроде телеграмм».

Боюсь, что эти две ориентации – я колчаковец, я деникинец, – в этом маленьком мирке гораздо сильнее, чем это надо.

Сазонова я встретила на завтраке, кот[орый] Маклакова (1057) (В[асилия] Ал[ексеевича Маклакова] нет) давала делегации. Были французы. Мой сосед, видный чиновник М[инистерства] ин[остранных] дел, жаловался на англичан и америк[анцев], кот[орые], не оказывая вовремя кредита французам, толкают их в объятия... немцев. Вот тебе и на! Завтрак был никакой, только для оказательства. Но все-

* Суждение, мнение *(франц.)*.

** Замечать, усматривать *(франц.)*.

таки Набоков такого завтрака, к сожалению, дать бы не мог, не только п[отому] ч[то] у [него] нет хорошего повара, но и потому, что у него нет подходящих англичан. После еды, на закуску Сазонов стал корить меня (?!) за то, что Набоков еще в Лондоне. Я отбивалась. Но, главное, нападала за дряхлое и слепое отношение к Петроградской операции. Я здесь не видела никого, кроме Струве, кто понимал бы ее настойчивую, роковую важность. Сазонов завернут, как старая меховая шапка, в дипломатич[еские] ноты и трактаты, писаные до 1914 г., и только ссылается на ген. Гермониуса (1058) и на Гарднера (1059), кот[орые] все знают и все сделают. Я иду сейчас к Сазонову завтракать и буду опять долбить про Петроград, хотя считаю, что мне не по силам пробраться сквозь все шуршащие бумажки. Думаю, что это все куда удачнее сделают в Лондоне Чайковский и Алексинский. Вы знаете, что я не страдала левизной, но эти оба кажутся мне гораздо живее тех двух. Но Алексинского грызет честолюбие, ненасытное и явное.

Все это пишу для употребления очень маленького кружка, т. к. считаю лишним разносить личные оценки более широко, но думаю, что для внутреннего употребления очень Вам пригодятся.

Вчера имела длинный разговор с Соколовыми. Все, что они говорят о Юге, полно надежды и веры, и как-то легче становится, когда их слушаешь. Но относительно нашей пропаганды это безнадежно. У них нет иностранной валюты. А, м[ожет] б[ыть], и нет еще понимания, как важна эта пропаганда. Меня это очень тревожит. Нельзя ли насесть на Остроградского (1060), ч[то]б[ы] как-нибудь учесть 9000 долл.

Я посылаю Вам предисловие Струве к переводу расследования о зверствах, кот[орые] они издают по-франц[узски]. У Вас есть русский оригинал. Струве очень настаивает на англ[ийском] издании. А деньги где?

Шкловский вчера был огорчен, что я не могла дать ему точного ответа, какую работу он может взять на себя в Комитете. Я ее действительно не вижу, а главное, считаю себя не вправе давать какие бы то ни было определенные указания или обещания. Он говорил и о телеграфном отделе. Я сказала, что это все ему придется выяснить по приезде, но что отдел работает 6 м[есяцев] и что Руманов (1061) его поставил. Шкловский собирается обратно около 16 авг[уста].

Мне невесело сидеть в Париже на перепутье. Скучно без привычной работы и без тех, с кем я так хорошо сработалась. Но я вижу, что надо самой провести Аркадия через все зубцы.

Всего хорошего. Поклон всем освободителям.

Ваша А. Тыркова

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Ю. Ф. Семенову (1062)

16/XII.1919
Ростов

Многоуважаемый Юлий Федорович,

Пишу наспех. Мы все еще отступаем. Штатские переживают панику. Военные спокойнее. Главное сейчас, конечно, в армии, чтобы ее сохранить. Люди, знающие положение, говорят, что как ни тяжело, но впадать в отчаяние нельзя, т. к. армия сожмется, но не погибнет.

Разгром произошел, главным образом, из-за тыла. Гражданская власть в лице Особого Совещания провалилась. В этом винят Нац[иональный] Центр (1063) и к[а]д[етов]. Отчасти справедливо.

Очень выдвигается Врангель. Если он отстоит Ростов и отобьет красных, перед ним большое будущее.

Алек[сандру] Вас[ильевну Семенову] целую крепко-крепко и обоим Вам говорю, что вера моя раненая жива.

Ваша А. Тыр[кова]

Никакие переговоры с красными здесь не мыслимы.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

1920

С. А. Борман

11/II.1920
Новороссийск

Золотая моя птица, вчера получили через Максимова твою записочку к нему и в первый раз за эти долгие дни вздохнули свободно. Такие пришли времена, что когда мать узнает, что у дочери «только» сыпной тиф, она уже радуется. Ведь последнее и единственное, что мы о тебе узнали, это, что вы с Верой (1064) были в Одессе у Клепининых (1065). И потом ничего, кроме неприятных рассказов о том, как Одесса эвакуировалась.

Теперь мы знаем, что ты в Салониках, и ищем пароход, чтобы ехать к тебе. Гар[ольд] Вас[ильевич] отозван, газеты не хотят больше его здесь держать, и нам надо ехать в Лондон. Мы эти две недели сидели здесь, дожидаясь какой-нибудь вести о тебе. Теперь ты нашлась и надо только поскорее добраться до тебя.

Аркадий и Тамара пока остаются здесь, но мы стараемся придумать, как и их вытащить за границу. Подходят месяцы переходные, когда трудно найти равновесие в здешней обстановке. В военном отношении дела наши поправляются. Ростов опять наш. И взяли его, конечно, добровольцы, а не казаки. Но вся жизнь и все люди так расхлябаны, что вести серьезную борьбу трудно. Правда, и у красных не

легче, но их больше. Обо всем этом лучше поговорим, когда приедем к тебе.

Мне очень хотелось бы сразу выехать сам четверт (1066), но я понимаю Адину осторожность. Очутиться за границей без заработка, да еще с женой, неприятно. А мы, к сожалению, богаты только в России, хотя все-таки богаче многих и многих.

Пишу и даже как-то не верится, что ты получишь это письмо, а главное, что пройдет 10–15 дней и мы будем опять с тобой. М[ожет] б[ыть], дорогой мы поживем где-нибудь, недельки две, чтобы тебе отдохнуть. Да и Г. В. [Вильямсу] очень хочется отдыха. Главное поскорее добраться до тебя, моя родная, золотая девочка.

Крепко тебя целую. Господь с тобой.

Твоя Муся

Все наши друзья живы и здоровы. Но где же Верочка?

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

А. С. Милюковой

24/III.1920
Салоники

Дорогая Анна Сергеевна,

Теперь надо все забыть. Кр[асный] Кр[ест] направить на беженцев. Положение очень тяжелое. Они разбросаны по всему Востоку. К сожаленью, нет ни одной ответственной русской организации. Из Конст[антинополя] напишу.

О Вашем сыне (1067) ничего не узнала. Наталья (1068), насколько мне известно, хотя и осталась в Ростове, но все благополучно. М[ожет] б[ыть], у Вас даже есть позднейшие сведения, т. к. я уже три недели как из России.

Всего хорошего.
А. Тыркова

ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 37. Л. 7–7об. Автограф.

Г. П. Струве (1069)

18.IX.[19]20
9 Marina Parade
Dovercourt Bay

Дорогой Глеб,

Как ты меня сегодня обрадовал вестью о Нине Алекс[андровне Струве] (1070) и о мальчиках. Будем теперь ждать Левы. Он у вас ловкий, наверное, проберется.

Приезжай ко мне этот week-end, чтобы вместе все обсудить. Ты думаешь, они будут жить в Англии? Мне кажется, они, скорее, направятся через Германию в Крым. Ведь на те фунты, кот[орые] им нужны для жизни здесь, в Крыму можно все достать и будет не дороже, а дешевле. Или ты думаешь, что мальчикам надо учиться?

Я стала за войну и революцию суеверной и думается, что за одной удачей последуют другие.

Гар[ольд] Вас[ильевич Вильямс] считает, что для визы совершенно достаточно помощи Le[e]per'a. Он всегда это нам устраивал.

Приезжай к нам. Тут очень хорошо, и комната для тебя есть.

Твоя А. Тыркова-Вильямс

С середины октября дом, где мы живем, будет, вероятно, в полном нашем распоряжении, и мама может прямо ко мне приехать.

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 172. Л. 1–1об. Автограф.

А. С. Милюковой

[октябрь 1920]
24 Cliff Rd.
Dovercourt Bay

Дорогая Анна Сергеевна, я дала П[авлу] Н[иколаевичу Милюкову] статью или воззвание о крымских детях. Хочу напечатать в «Общ[ем] деле» (1071). Напишите мне поскорее, согласны ли Вы на то, чтобы я указала для пожертвований и себя и Вас. Дайте Ваш адрес и скажите, надо ли писать, что Вы председ[ательница] Кр[асного] Креста? По-моему, надо. Если хотите, я могу дать для сбора только ваше имя, а статью подпишу своим.

Но ответьте поскорее, если можно по телефону, прямо в Комитет Исаеву или Звегинцевой (1072). Мне хочется, ч[то]б[ы] статья пошла завтра же. Я и так задержала.

Всего хорошего.
Ваша А. Тыркова

ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 37. Л. 6–6об. Автограф.

Г. П. Струве

11.X.[19]20
9 Marina Parade
Dovercourt Bay

Дорогой Глеб,

Я переслала твоему отцу в Париж Адину телеграмму, что надо опровергнуть появившиеся в фин[ских] газетах слухи о Врангеле. Т. к. я не знаю, где П[етр] Б[ернгардович Струве], то посылаю тебе под-

линный перевод (его сделал Г[арольд] В[асильевич Вильямс]). Газета эта близка к правительству. Если связать это с выступлением Савинкова – дай ему Бог здоровья, – то видно, что опять идет игра против Врангеля, в кот[орой] балтийские народцы являются пешками.

Не можешь ли сходить к Саблину, показать ему эту вырезку. Хотя, пожалуй, это бесполезно. Никто кроме П[етра] Б[ернгардовича] не может дать авторитетного опровержения. Поэтому надо доставить заметку ему. Если бы Гримм получил от П[етра] Б[ернгардовича] то представительство, о кот[ором] твой отец говорил мне, тогда он имел бы право ответить. Надо ему это право дать, в крайнем случае, послать отсюда или из Парижа авторитетное опровержение. Это будет ответом и на Варшавскую провокацию. Если ты знаешь, где отец, сообщи все это ему. Ежели его нет, все-таки переговори с Саблиным.

Тамара покажет тебе Адины письма. Что вы с Вл[адимиром] Ив[ановичем Исаевым] ему телеграфировали?

Твоя А. Тыркова

Письма Н[ины] Ал[ександровны Струве] прочти и мне верни. Засуетилась она, это видно и, конечно, прежде всего надо отдохнуть.

Г[арольд] В[асильевич] послал тебе чек. Ты его получи.

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 172. Л. 7–7об. Автограф.

Г. П. Струве

11.X.[19]20
9 Marina Parade
Dovercourt Bay

Дорогой Глеб, я получила письмо от твоей мамы, где она описывает последние советские приключения Левы. У него все-таки вышла скачка с препятствиями.

Но она категорически хочет, ч[то]б[ы] ты вернулся в Оксфорд. Я считаю, что она совершенно права. Мне было бы интереснее задержать тебя для работы, т. к. нас так мало. Но думаю, что тебе необходимо к январю освободиться от дел и почить на научной сосредоточенности.

Я не очень одобряю твой план рассовывания мальчиков в разные места. По-моему, к приезду мамы надо иметь место, где вы все можете собраться под одной крышей, хотя на одну-две недели. Это ее мечта, и она заслужила ее осуществления. Оттого мне и хотелось устроить ее у себя. Но сейчас это не очень выходит, т. к. я не нашла прислуги и сама выбираюсь из большого дома в appartment*. Это очень дешево – 46 шил[лингов] в неделю [за] три комнаты, считая и услуги,

---

* Меблированная квартира *(англ.)*.

вплоть до cooking*. Если бы вы с П[етром] Б[ернгардовичем Струве] так решили, то я могла бы для вас всех шестерых найти очень дешевую и совсем приличную квартирку на неделю или на две. Но, вероятно, он выскажется за Лондон.

Я прочла твою статью 1917–21 г. Очень хорошо. Ты угадал относительно Wells'a (1073) Я уже получила от него письмо, где он пишет о blockade и prevations**. И как можно смотреть иначе после житья в квартире Горлана (1074).

Твоя А. Тыркова

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 172. Л. 9–9об. Автограф.

А. С. Милюковой

13.X.[19]20
9 Marine Parade
Dovercourt Bay

Дорогая Анна Сергеевна,

Я получила из Крыма разные сведенья о положении детей и все ломаю голову, как с этим быть?

От Гольдена ни ответа, ни привета. Боюсь, что не дадут. А где еще просить, не знаю!

Я кое-что выбрала и сделала небольшую заметку в «Общем Деле». Но ведь это только информация, из которой денег не выжмешь. Можно ли что-нибудь получить от русских, как Вы думаете?

Я уже хотела писать Карсавиной (1075), не потанцует ли она?

Еще план – вместе с Вами напечатать в том же «Общ[ем] Деле» воззвание. А будет ли прок?

Подумайте и напишите Ваше мнение. Я на будущей неделе приеду, тогда сговоримся, как быть. Там каждая сотня фунтов превращается в огромный капитал.

Всего доброго.
Ваша А. Тыркова

ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–1об. Автограф.

Г. П. Струве

19.X.[19]20

Спасибо, Глеб, за открытку. Я не удивляюсь, что П[етр] Б[ернгардович Струве] заскучал в Париже. Там опять все гады подняли голову и напрягают все усилия, ч[то]б[ы] помешать русскому делу.

---

* Стряпня *(англ.)*.

** Блокада и лишения *(англ.)*.

Сейчас пришла от Ади телеграмма: Arrive with David Monday*.

Напиши об этом отцу. Ему надо выписать Дав[ида] Дав[идовича Гримма] в Париж и использовать его против жидовской оппозиции. Извини за неприличное слово. Но иногда терпение лопается.

Когда и куда приедет Н[ина] А[лександровна Струве]? Я ее храбро позвала сюда, но когда по дому начал гулять холодный ветер, а угля не обещают, я призадумалась. Хотя если забастовка затянется, всюду будет холодно.

Будем оба завтра в городе. М[ожет] б[ыть], увидимся? Я от 2–5 в Комитете (1076).

Твоя А. Т[ыркова]

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 172. Л. 8–8об. Автограф.

В. А. Оболенскому

4.XII.[19]20
24 St. George's Rd.
London S.W.I.

Дорогой Владимир Андреевич,

Судьба оказалась сильнее Вас и все-таки выбросила Вас за рубеж. Не стоит теперь говорить черные слова. Вы и без них знаете, как тяжело переживали мы все издали эти дни. Особенно те из нас, кто на опыте узнал, что значит эвакуация и для тела, и для души. Видно, кто-то все опускает дно горькой чаши русских испытаний. Сколько ни пьешь, все не до дна.

Одно скажу. На этот раз «белый генерал» ушел с честью, с высоко поднятой головой. И нам, русским, нет причины стыдиться за поражения. Врангель и вы все, работавшие с ним, своими усилиями и жертвами, спасли национальную честь России, указали на то, что, несмотря на всю ломку, таится потенциального в русских людях. Впереди все та же задача – превратить эту потенцию в реальность. Будем опять за нее браться, а пока что радоваться тому, что хоть друзья спаслись. За Вас мы все очень тревожились. Так было страшно, что Вы не успеете уехать, и так облегченно вздохнули мы, когда узнали, что вы и часть детей выбрались. Ну, а как с Ольгой Влад[имировной] (1077) и другими детьми? Где Леля Протопопова? Какие у Вас планы?

Судя по адресу, Вы уже в работе. Отлично. Тогда направьте ко мне как можно больше сведений о беженцах. Лондон очень медленно раскачивается. Только завтра соберется группа для организации особого Комитета помощи крымским беженцам. Вряд ли много удастся сделать, т. к. в Англии сейчас условия неблагоприятные. Надвигается экономический кризис. Растет количество безработных. Перепроиз-

---

* Прибываю вместе с Давидом [в] понедельник *(англ.)*.

водство товаров уже вызвало падение цен, главным образом на мануфактуру. Т. к. весь Восток, начиная с Рейна и кончая Владивостоком, впал в экономический маразм, то Европе не с кем торговать. В результате все стали жаться. Даже английские госпиталя закрываются из-за недостатка средств. При таких условиях собирать на русских нелегко. Но все-таки надо, и мы будем это делать.

А кому и куда посылать? Дайте мне такую справку, какая организация самая надежная, адрес, имена лиц. Имейте в виду, что наши «левые» неохотно будут давать чисто Врангелевской организации, наши «правые» [–] даже кадетам. Авось мы это обломаем, но это так.

Затем цифры – сколько детей, женщин, больных, мужчин и т. д. Яркие факты, кот[орые] говорят еще красноречивее цифр, ну и т. д.

Все это нужно. Авось что-нибудь придумаем, но повторяю, на многое отсюда нельзя рассчитывать. Скорее, Америка могла бы раскошелиться.

Я не пишу Вам об эмигрантской политике. Тошно. Вы знаете, что парижские к[а]д[еты] не захотели, вопреки всем настояниям Гримма и Карташева, послать Врангелю и армии приветствие. Они теперь рассчитывают на [э]с[е]р[ов] (1078), а не на генералов. Возятся с Национальным комитетом, а чувства национальные потеряли. Ну, всего хорошего. Не поленитесь известить о себе, и вообще о личных делах.

Ваша А. Тыркова

Муж, Аркадий, Тамара, все Вас приветствуют. Мы нетерпеливо ждем Софу, Веру и Бочарского (1079).

ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 851. Л. 1–2об. Автограф.

1921

Г. П. Струве

[январь 1921]

Дорогой Глеб, спасибо за поздравления, хотя мы все живем среди такого мартобря <?>, что даже праздников настоящих нет.

Софа с мужем в Дьякове (Сербия). Долго болтались в Адриатике и вообще мыкались. Теперь ждем их сюда. Надеюсь, что французы дадут транзитную визу, и они прикатят на экспрессе.

А ты в качестве журналиста не пойдешь ли завтра в Учредилку (1080) посмотреть, как Чернов верховодит Милюковым. Кто у них кошка, а кто мышка?

Вот приедешь и расскажешь все парижские bluff’ы*. Ты можешь опять у нас ночевать.

---

* Блеф, пускание пыли в глаза *(франц.)*.

Поздравь от меня всех мальчиков и маму с наступающим *русским* Новым Годом. Забавные бывают анекдоты. Когда Кот (1081) лежал в Сибири, ему хотели передать 2000 моего гонорара. К несчастью, заболела тифом моя приятельница и не успела этого сделать.

Маму твою целую. Напишу ей отдельно.

Ариадна Т[ыркова]

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 172. Л. 3–4. Автограф.

А. С. Милюковой

9.II.[19]21
24 St. George's Rd.
S.W.1.

Дорогая Анна Сергеевна,

Мне очень жаль, что последнее заседание Комитета оставило у Вас неприятный осадок. При таком смешанном составе настроения далеко не всегда совпадают.

Но по существу я отрицаю, что были допущены «неприличные шутки» о евреях. Их не было. Были просто шутки. Но отчего же запрещается шутить над евреями, если мы шутим над всеми народами и над своим собственным прежде всего? Не говоря об англичанах, над которыми в русской среде так часто шутят.

Если бы мне сказали, что вообще не следует на заседаниях шутить и что всякая шутка нарушает «элементарные приличия» в серьезных заседаниях, это, конечно, другое дело.

Но как председательница этого заседания я категорически отрицаю, что на нем были допущены какие бы то ни было оскорбительные для евреев выходки.

С искренним уважением
Ариадна Тыркова

Отчего Вы сразу, если не на заседании, то после него не сказали мне этого? Всякие недоразумения и недовольства гораздо лучше выяснять сразу и в личном разговоре.

ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 2. Д. 37. Л. 4–4об. Автограф.

В. А. Оболенскому

20.II.1921

Дорогой Владимир Андреевич,

Вы, вероятно, уже получили от Г. Бенигсена (1082) мнение Колониз[ационного] общ[ества] (1083) о необходимости созвать совещание. Надеюсь, что эту мысль Вы поддержите. Ничего нельзя сделать врозь, невозможно всем по очереди и с разными планами

тыкаться к иностранцам. Необходимо иметь согласованную, если не слитую, организацию, которая работала бы в разных странах. В частности, Англия имеет значение как для перевозки, так отчасти и для расселения. Деникин <1 нрзб.> беженцев, кот[орые] до сих пор на британском иждивении. Здешнее правительство мечтало отправить часть их в Аргентину, но их там не принимают раньше сентября, т. е. начала весенних работ. Работа Колонизационного общества в Англии должна главным образом сводиться к сношениям с правит[ельством] для облегчения перевозки, для пропуска в английские Dominion и т. д. Но для этого необходимо наметить более прочный и общий план.

Оттого совещание и необходимо. Оно неизбежно коснется и организационных вопросов. Наш секретарь гр. Г. П. Бенигсен был бы очень дельным председателем и исполнителем. Но руки у него пока связаны.

Меня очень интересует кто, и персонально, и как учреждение, ближе всего соприкасается с той работой, которая намечается в Женевских международных организациях. Там был Таманский. Значит, Кр[асный] Крест? Или и земство войдет.

Еще один вопрос хочу Вам задать.

Благодаря целому ряду обстоятельств, а главное болезни гр. Игнатьева (1084) и недостатку самостоятельности, вернее, даже отсутствию чувства независимости во многих русских [организациях] здесь, в Лондоне, почти все русские организации благотворительного характера попали в подчинение к так назыв[аемому] British Committe of the Russian Red Cross*. Ведет там все англичанин Maudsley (1085), который к русской инициативе относится очень пренебрежительно. Но т. к. он всегда умел доставать английские деньги на помощь русским, то приходится с ним считаться.

Теперь здесь прошел слух, что ЗемСогор (1086) или, вернее, кн. Львов тоже дает деньги Maudsley. Но это можно считать роскошью. Русских денег не хватает на русские учреждения. Смысл таких людей, как Maudsley, что они делают свою карьеру благодаря ловкому добыванию денег из английских источников, чаще всего официальных. Неужели мы так богаты, что можем давать и русским и английским учреждениям.

Вернее, просто Париж и Лондон очень уже далеки друг от друга.

У меня мечта – убедить кооператоров русских устроить сельскохозяйственные склады в Югославии. Боюсь, что это только мечта.

Ваша А. Тыркова

ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 851. Л. 4–5об. Автограф.

---

* Британский комитет Русского Красного Креста *(англ.)*.

Г. Вильямсу

26.V.[19]21
75 rue de la Tour, Paris

Ну вот, Вилли, как будто так выходит, что в субботу могу и домой вернуться. Завтра тебе телеграфирую. Затяжка может выйти только если ЦК уж очень засидится (1087). Я вчера провела вечер здесь. А. В. [Жекулина] (1088) и Ю. Ф. [Семенов] мне много нарассказали. Сейчас пойду бродить по Парижу.

Я на этот раз отдохнула на пароходе. Пила морской воздух как вино и лениво думала, как хорошо было бы нам с тобой жить где-нибудь в настоящих fresh air'ах*.

Я поселилась у А. В. [Жекулиной]. К следующей субботе хочу заказать себе комнату в Rèal'е. Съезд (1089) предполагается довольно многолюдным и дней на 5.

Целую всех. Как Наташа ведет себя с новой nurse**?

God bless you, Harold***.

Хорошо, что вы все у меня есть.

Д[ина]

And still we are****.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

27.V.[19]21
75 rue de la Tour

Вилли, здравствуй. Ты сидишь сейчас или с газетами, или с Наташей, а я еду к Струве. Сегодня день весь расписан. После Струве на засед[ание] бюро съезда к 3-м часам. В 5 ч[ас]. доклад. В 7 обедаю у Маклакова. В 8 заседание. Хочу еще у Нади побывать. Она меня беспокоит. Ведь она едва не умерла и находится в состоянии опустошения. М[ожет] б[ыть], ей следует к нам приехать.

Завтра не приеду. Вчера П. Н. [Милюков] угостил нас длинным и скучнейшим докладом об У[чредительном] С[обрании]. Я его так определяю – сладострастная повесть об [э]с[е]ровском грехопадении. Смешно было слушать, как радостно сообщал он нам о своих хитрых уловках над Зензиновым, о воспитании Минора и т. д. Пре-

---

* Свежий воздух *(англ.)*.

** Няня *(англ.)*.

*** Благослови тебя Бог, Гарольд *(англ.)*.

**** В остальном все по-прежнему *(англ.)*.

ний еще не было. Будем заседать сегодня и завтра. На вопрос, откуда у У[чредительного] С[обрания] средства, П. Н. [Милюков], таинственно улыбаясь, сказал: «Этого я не могу сказать». Родичев: «Благодарю вас. Это уже ответ».

Мне очень хорошо у А. В. [Жекулиной]. Она устроила меня в углу своей спальни. Болтаем. Она читает роман и говорит, что интересно.

В воскресенье приеду. В крайнем случае настою на праве предварит[ельной] подачи голоса.

Спасибо тебе за письмо. Я получила его вчера днем. Вижу, что ты без меня слегка скучаешь, и рада. А мне странно быть в Париже без тебя.

God bless you, my Harold.
Твоя

Софу целую и ужасно до сих пор остро созн[ав]ая, что она с нами.

Скажи Софке, что новая прислуга должна занять маленькую комнату.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

4.VI.[19]21
75 rue de la Tour, Paris XVI

Ну вот, я опять в Париже, но думаю больше всего о доме, о том, как буду возвращаться. Знаешь, Вили, нам все-таки жить и быть можно только вместе. Правда? Мы ведь научились дополнять друг друга. Что-то вроде правой и левой руки.

Мешают писать. А хочу сегодня отправить, ч[то]б[ы] ты уже в понедельник узнал, что я сделала crossing* благополучно. Приняла Mother seal**, легла в каюте и спала. Хорошо бы и назад так... Судя по рассказам Семенова, съезд кончится в четверг. Значит, в пятницу можно и домой. Очень хотелось бы.

А. В. [Жекулина] с аппетитом рассказывает, что Милюкова таки угробили. С ним оказалось 5 ч[ел]., против него – 11. Я тоже не без аппетита жду подробностей от кадетов.

Влад[имира] Ив[ановича Исаева] сейчас проводила в Hotel Rèal Он уже здесь поужинал, завтра утром зван кофе пить. Мне с ним, конечно, было веселее ехать.

Заглянула дорогой в книгу Гиннеса (1090). Кстати, он ее мне лично прислал, но мне кажется, что я его не знаю.

---

* Переправу *(англ.)*.

** Mother seal *(англ.)* – видимо, лекарство от морской болезни.

До свиданья, родной. God bless you, my Harold. I like to think of our home in Ealing. Still it is a home*.

Твоя

Детям кланяюсь, а Наташе особо.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

6/VI.1921
Париж

Здравствуй, Вилли, надеюсь, что у вас все гладко и ладно. Я уже закружилась на съезде. Вчера даже написать было некогда. Утром была у Нади, она поправилась! Потом в церкви. Потом съезд днем и вечером. Обедала у Гучкова. Верчусь.

Доклад Карташева будет напечатан полностью. Я считаю, что первый раз так хорошо и четко формулировано существо антибольшевизма. Все еще у меня роман наш в голове. Поэтому я слушаю его, а вспоминаю отрывки своего – вижу, что сходится и довольно.

Съезд многолюдный. Членов много, да и гостей не мало. Что из него выйдет, не знаю, но считаю, что самый обмен мнений уже полезен. На эстраде, т. е. в бюро я насчитала 10 к[а]д[етов]. И я в том числе. Это состав, определяющий пока работу. Но т. к. приходится и в бюро сидеть, то день сплошь полон. Сегодня все утро заседали в бюро. Позавтракала с Набоковым у Смирнова (1091). Сейчас пишу уже в заседании съезда.

Думаю, что приехать было надо. Сделаю все, что умею, буду с ними вместе думать и соображать, а потом с удовольствием сяду в поезд.

Алексинский скандалит и придирается. Насекомое вредное. Надо опять слушать.

Вчера твое письмо (1092) было прочитано и вызвало аплодисменты, не за красоту, а за тебя.

Ратьковы (1093) тебя за твою статью целуют. «Так сделала бы Анна Пав[ловна] (1094)», – говорит Зин[аида] Влад[имировна].

Пойду брошу письмо. Детей крепко целую.

God bless you, my Harold.

Д[ина]

Наташе кланяюсь!

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

---

* Благослови тебя Бог, мой Гарольд. Мне нравится думать о нашем доме в Илинге. Это по-прежнему наш дом *(англ.)*.

Г. Вильямсу

6.VI/[19]21
75 rue de le Tour (XVI), Paris

Сегодня два письма от тебя, Вилли. Это хорошо. Среди парижской суеты надо знать, что есть в Ричмонде домик с розами.

Нет, у нас не очень трафаретно. Пока вот как есть бюро, в нем 10 к[а]д[етов] царствуют, возглавляемые Тесленко. Есть прислушивающая толпа, кот[орая] пока себя не проявила, если не считать нелепого Пасманика (1095) и вредного Алексинского. Карташев воздвиг светильник и сам излучал благословенный свет. Его не только ценят, но едва ли не обожают. И это хорошо, т. к. от него, конечно, струится сила, источник которой в Боге. А без Бога, без истинных слуг истосковалась душа русского человека, изголодавшаяся в пустыне нигилизма. Я и сама цвела, слушая Карташева, жалела, что вас всех нет. Сегодня он, отвечая Алексинскому, провел черту между армией и Советом (1096), с такой нежностью и гибкостью, просто прелесть.

Но я хочу и деловых результатов добиться. Настаиваю на организационной работе, завтра собираем комиссию, хочу посадить Исаева секретарем. Вообще в бюро приходится не только бывать, но и проявляться.

Многих встречаю с удовольствием. Я ведь люблю людей. Особенно когда они меня любят. А тут очень дружественная среда, и это приятно. Рада была видеть Бунина (1097), и Куприна (1098), и Яблоновского (1099). Им всем туго. Ябл[оновский] и Тэффи (1100) мечтают приехать в Лондон устроить вечер и нажить фунты. Я готова им помочь. Зову Яблон[овского] к нам. Его сильно тяготит безденежье.

Вилли, милый, я ведь довольна, когда ты пишешь, что от меня исходит жизнь. Я иногда боюсь – не слишком ли у меня скверный характер.

Пойду к доктору в среду утром. Глаза он лечит хорошо, надеюсь, и сердце понимает.

До свиданья, родной. Пиши, кончай книгу, чтобы писать романы вместе. Право, это веселее всего.

God bless you, my Harold, be well and strong and yourself*.

Д[ина]

Я встретила в трамвае Толстого. Он важно заявил, что его роман переводится на англ[ийский], франц[узский], испанский. Бунин: все врет.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

---

* Благослови тебя Бог, мой Гарольд, будь молодцом и сам собой *(англ.)*.

Г. Вильямсу

7.VI.[19]21
75 rue de la Tour, Paris

Сегодня опять очень густой день, Вилли. С утра бюро, потом завтрак кадетских заговорщиков. Сейчас сижу в организац[ионной] комиссии, слушая Исаева. А через пять минут начало заседаний. И так до вечера. Все это нужно, участие в этом вещь обязательная. Но я так буду рада вернуться домой, к тебе. Тут тепло коллективное, а там тесное, теплое если хочешь, Розановское.

На съезде некогда было писать. Заседания, разговоры, сговоры. Пришли домой пообедать, привели Родичева (1101). Он говорит, что для Милюкова Керенский как тень Франчески (1102), судьба связала их, до окончания века будут летать в небытии. Остроумно. Но ведь это Род[ичев] один из главных виновников того, что резолюции к[а]д[етов] смазаны. И я виновата, что не осталась до конца. Я не считаю себя сильной, но все-таки я более волевая, чем они.

Завтра утром буду у Кона. В 11 ч[ас]. в Союзе насчет колоний. Потом бюро. В 2 ч[ас]. обещала заехать к Тэффи. Она с Ябл[оновским] очень хочет выступить в Лондоне, собрать деньги. Я хочу с ними переговорить. Стыдно не помочь коллегам, а сумею ли помочь, не знаю.

Дома нашла твое письмо. Не понимаю, почему ты ничего не получил в понед[ельник]. Я в субботу сама опустила письмо. Зачем это у Софы опять голова болит? Нехорошо. Скажи ей, что я не люблю, когда у моих детей что-нибудь болит.

Съезд тянется. Состав скучный, все, что есть живого, в бюро. Но сегодня поджег доклад Семенова об окраинах (1103). Расшевелил.

До свиданья, родной. Опять идем в подвалы Majestic. Вернусь в первом часу, усталая. Хочу домой к вам. Всех целую.

And still we are.

Д[ина]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

8.VI.[19]21
В подвале Majestic

Сижу в бюро. Рассматриваем устав Национального союза и спорим об Интернационале. Ты писал мне сегодня, что пробиваются новые ростки. Я еще так далеко не иду, но я знаю, что эта перегруппировка людей более значительная, чем все, что было за последнее время. Ведем дело мы, группа кадетов, но избавленных от старой партийной

связанности и от Милюковского гипноза. Это последнее пишу почти со стыдом, так это глупо.

Струве говорит о Марксе, о том, что «нельзя отцеживать политического комара». Как всегда, споры и разговоры в бюро живее и интереснее открытых заседаний, и я очень рада, что они меня ввели. Даже хотелось втащить В[ладимира] Ив[ановича Исаева], но это уже труднее, т. к. его мало знают. Зато он вращается среди профессоров, да и вообще доволен. Ведь тут у нас и литераторы, и вообще имена. Ему и занятно.

Сегодня Милюков что-то напечатал о наших лондонских собраниях, злое и бессильное. Он вообще брызгает ядом. Но вряд ли он очень счастлив. Все-таки около него только Гронский, Волков (1104) и Мандельштам. У нас Набоков, Тесленко, Петрункевич, Родичев и т. д. и т. д. Но теперь главное, чтобы мы обросли следующими слоями, чтобы вышли из подвалов Majestic не только с воспоминаньями о хороших речах, но и с готовой организацией, к которой надо будет привлекать все новые круги. В ней есть потребность, но вчера Тесленко с горечью сказал: русские обижаются даже [на] слова объединения. Нас объединить может только кулак, деньги и могила.

Как мне было сегодня жаль, что вы все не слышали речи Карташева! Своим глубоким полупоповским голосом, закругляя законченность фраз округленностью широких жестов, он говорил о нашем отношении к окраинам («Мы находимся в такой терминологии, что нам до русской далеко, а приходится употреблять слова российской, чтобы все это собрать», при этом широко открыл руки, как бы принимая в свои объятия все народы, все это он сейчас сказал).

Ну, надо слушать и думать. Кончу потом. Хочу только сказать, что мне так хорошо и тепло при мысли о тебе.

Закипел спор о длинных политических пунктах, вставленных в устав. Я хотела бы быть против, но, кажется, их придется оставить. Это невыгодно.

Через полчаса пойду домой спать. Сейчас одержала вроде победы.

Good night, my love*.

Д[ина]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

8.VI.[19]21
75 rue de la Tour (XVI)

Вилли, мне очень жаль, что будешь судить о моей речи (1105) по газете. Я сказала хорошо и не длинно. Видишь, я уже хвастаюсь.

* Доброй ночи, моя любовь *(англ.)*.

А портрет мой вам всем понравился? Это, в сущности, портрет моей шляпы, а не мой. Пишу в столовой, А. В. [Жекулина] и Ю. Ф. [Семенов] болтают и мне мешают. Но на съезде еще труднее. Там всех знаешь и со всеми говоришь.

Была утром у Кона. Он говорит, что в сердце есть un petit soufflé* и усталость мускула. Дал лекарство, уверяет, что французская герцогиня 85[-ти] лет живет им уже 10 л[ет]. Буду и я как герцогиня. Но он настаивает на Rayat или Nauheim'е (1106). Теперь вы ко мне можете не приставать, я всю докторскую процедуру проделала. И очки прописал.

Потом была с Вл[адимиром] Ив[ановичем Исаевым] в З[емском] Союзе, видела Вырубова и Обол[енского]. Завтра опять пойдем. Там, быть может, дело выйдет. Днем завтрак с <фам. нрзб.>, поездка к Тэффи, сговаривалась с ней и с Яблоновским о их приезде в Лондон. Хотят деньгу зашибить. Оттуда опять на съезд. Выслушала изумительную речь Карташева по нац[иональному] вопросу. Ты прав. Из-за него одного стоит собирать съезд. Он даже в тяжелых сонных душах пробуждает какую-то беспокойную духовность. А вообще итоги подводить рано, но стараться надо. Даже не знаю, когда вернусь. Как будто еще в воскресенье будет заседание. Тогда только в понед[ельник] можно вернуться. Мне это очень не нравится.

Зачем ты каждый день ездишь в комитет? Право не стоит. Сиди и пиши. Надо писать, чтобы чернилами купить свободу кармана, а душу раскрепостить словами.

Мое перо забастовало. Кончаю карандашом. Иду опять в Majestic. Сегодня днем сидела в редакц[ионной] комиссии, где я секретарствую. Сейчас опять заседание.

God bless you.

Целую всех.

Д[ина]

Домой хочу. К тебе хочу и детям, и к девочке Наташе.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

9.VI.[19]21
75 rue de la Tour

Горячий вышел на съезде день и красочный. Набоков все-таки хорошо построил и хорошо прочитал (1107). К сожаленью, именно читал, а не говорил. А после него замелькали декоративные, в самых разных смыслах, фигуры. Струве, Гурко, Алексинский. Мне было интересно слушать Гурко, кот[орый] очень язвительно напоминал кадетам о своей речи в I Думе: «Я рад, что теперь вы говорите о част-

* Небольшой шум *(франц.)*.

ной собственности на землю». Дурак Пасманик выскочил с речью о евреях. Все-таки этот вопрос как кость в горле.

Пишу в столовой. А. В. [Жекулина] прервала, чтобы накричать на Родичева. Сидит старик и с улыбкой салонного краснобая говорит: «Врангель прославился своими отступленьями». Я рассердилась. Но вообще не сержусь. Хожу философически, разговариваю с бесчисленными знакомыми, работаю в бюро, где надо многое уминать, стараюсь сговориться с З[емским] Союзом, чтобы получить для колоназац[ионного] общества и т. д. Думаю, что честно несу солдатский ранец своей трехнедельной политической мобилизации. Завтра пойду с В. И. [Исаевым] разговаривать с Маклаковым. Завтракаю с Оболенским. Обедаю с кадетами. В субботу не будет съезда, а все закончится в воскресенье. Вот наша программа. В понед[ельник] в 12 ч[ас]. дня надеюсь, что мы сядем в поезд и к вечеру будем по домам.

Я заняла у Тесленко 200 frs. Боялась, что мне не хватит. Он уверяет, что отдавать не надо, но я так не хочу. Очень прошу тебя выслать ему, даже не дожидаясь моего возвращения, 2, rue des Italiens, Banque des Pays des Lud, № Teslenko.

Ужасно мешают писать. Я вообще бываю одна только в трамвае и начинаю от этого уставать. А сегодня еще и письма нет от тебя. Я люблю чувствовать тебя рядом в красивом Париже, знаю, что ты есть.

Д[ина]

Детей целую крепко.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Г. Вильямсу

10.VI.[19]21

Вилли, милый, надеюсь, что это последняя моя записочка. В понед[ельник] в 12 ч[ас]. мы с В. И. [Исаевым] тронемся в путь. Надеюсь, ветер стихнет.

Я устала. Хочу домой. Хочу писать. Но здесь надо все доделать.

Видела Маклакова и Гирса. Боюсь, что день не получили для комитета.

Спасибо за телеграмму. Не знаю, с каким ты успехом поздравляешь. Или съезд тебе кажется удавшимся? Если так, я рада.

God bless you, my Harold. I like to be with you. I am happy to know that in two days I shall be home*.

Д[ина]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

---

* Благослови тебя Бог, мой Гарольд. Я рада быть с тобой. Я счастлива знать, что через два дня я буду дома *(англ.)*.

А. А. Яблоновскому

21.VI.[19]21
47 Woodville Gardens
Ealing London

Дорогой Александр Александрович,

С кэ-фер (1108) ничего не выходит. Мы пропустили время. Я разговаривала с разными людьми, опытными в устройстве вечеров, и общий голос, что сейчас ничего нельзя сделать. Русские, у которых есть деньги, разъехались. Раньше октября ничего нельзя устроить. Говорят, что вообще £ 200 для русского вечера сумма очень большая. Тут с трудом получают 150–170 на концертах, где можно продавать билеты и англичанам. Но сейчас и таких денег не собрать, так как сезон пропущен.

Мне очень жаль, что я ничего не могу для вас троих устроить, но ехать в Лондон и вернуться с пустым карманом Вам тоже не захочется.

Приедете осенью, тогда опять начнем договариваться, и думаю, что сумею Вам быть полезной.

Напишите мне Ваши рыболовные желания. Я думала, Вы сами приедете и купите, а теперь уж я за Вас схожу в лавочку. Только дайте точную инструкцию, учитывая мою темноту.

Ваша А. Тыркова

РГАЛИ. 1697. Оп. 1. Д. 217. Л. 2–2 об. Автограф.

Письмо М. И. Ростовцеву

20.VIII.[19]21
Nauhaim

Дорогой Михаил Иванович,

Приехала вчера в эту тихую немецкую купель, чтобы лечить свое сердце. Скучное занятие. Но приводить себя в ветхость еще скучнее и потому терплю.

Вы, вероятно, уже получили «Russian Life» (1109) и, надеюсь, не будете бранить нас за излишнюю предприимчивость. Мне было тошно от бездействия, вернее, от неумения действовать. Деньги текут, люди толкутся и никакого от нас оказательства, если не считать Аркадия с его эконом[ическими] статейками, которые попадают в специальные журналы. Он за это получает от & 15–20 в месяц, а вся машина стоит & 350. Вот мы и решили, что выгоднее тратить еще 70–80 ф. в месяц и иметь журнал. «New Russia» стоит, если не ошибаюсь, 500–600. Это было бы нам совсем не по средствам. А так, включая журнал, мы протянем еще полгода. И на могилу Комитета возложим «Russian Life» как серый камень. А, м[ожет] б[ыть], еще и не умрем. Из Парижа дали нам &400. Кажется, если нажать, дадут больше. Посмотрим.

Я так засуетила первый №, что не успела с Вами списаться. Теперь прошу статью. Прочла в «Руле» ваш «Смысл большевистской торговли» и выбранила себя, что не списалась с Вами. Это как раз для нас. Хотите Вы ее переделать или пустить как есть? Я прошу только, чтобы была с подписью. Но вообще не забывайте, что Вы наш president и питайте наше детище Вашим разумом.

Мы установили такую конституцию – я редактор, но комитет [–] редакция, кот[орая] имеет право заранее знать содержание главных статей. На этом настаивал Дионео, т. к. не хотел повторить печальный памяти Милюковское насильничание. Кстати, говорят, П. Н. [Милюков] хвастается, что уже в «New Russia» проводил свою знаменитую новую тактику. Отчасти это и верно. Оттого я и устроила разрыв в ноябре и до сих пор ворчу на Ваше миротворчество. Ну, да это теперь покрывается волнами жизни.

Я очень прошу Вас написать Ваше мнение о «Russian Life». Мы старались меньше рассуждать и больше осведомлять. Струве настаивает на культурных статьях. А где их взять? Русских голов немало среди эмиграции есть путных, но чтобы писать для англичан, мало быть Новгородцевым, Мережковским или еще кем-нибудь. Надо знать английского читателя. У них точно другие извилины, чем у нас. Они думают проще и говорят яснее.

Отвечайте мне в Лондон на Fleet St. Я буду здесь недели три, потом недели две <1 нрзб.>, еще не знаю где. В конце сентября домой, т. е. в Лондон, где Г[арольд] В[асильевич], окруженный многочисленным семейством, еженощно пишет в «Times» передовицы. А ведь через наше семейство опять проползла слепая кишка. Три недели тому назад оперировали Софу. Все хорошо, она уже дома. Но если я Вам скажу, что оперировали ее беременную и что ей зимой родить, то Вы поймете, что аппендициты у нас какие-то многоэтажные. Немудрено, что после всех этих резаний я сижу в Nauheim'е.

Целую Вас, мой далекий друг. Привет Вашей жене. Хорошо, что Вы выписали тестя. В апокалипсические времена надо быть вместе.

Ваша А. Ты[ркова]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

П. Б. Струве

2.X.[19]21
Hotel Belvederè
Chamonix

Дорогой Петр Бернгардович,

Мне не везет с романом. Я не нашла в Берлине издателя, и т. к. Вы мне намекнули, что могли бы мне помочь, то я и пишу Вам – по-

могите. Я не знаю, где Вы. Но у меня одна копия в Берлине, у моей приятельницы Евг[ении] Конст[антиновны] Гофельд (1110), которая живет с Набоковыми, а другая в Париже у Ляли. Если у Вас есть куда ее направить, то возьмите рукопись от кого-нибудь из них.

Если же нельзя выпустить книгой, то возьмите для «Рус[ской] Мысли» (1111), если подойдет.

Мы с Софой кончаем наши странствования и 8-го октября надеемся быть в Лондоне. Наши взяли дом недалеко от Victoria. Хвастают, что хороший. Если будете отвечать, пишите 173 Fleet St. London E.C. 4.

А когда же Вы в Англию? Где Вы собираетесь жить?

Софа Вам кланяется. Она очень поправилась, так же, как и я.

Ваша А. Тыркова

Жду статьи о Достоевском и вообще еще статей. У нас хватит денег еще на три номера. В Париже попробую получить от послов еще денег для комитета, тогда и на большее количество номеров хватит.

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–1об. Автограф.

П. Б. Струве

15.XI.[19]21
121 St. George's Road
London. Victoria

Дорогой Петр Бернгардович,

Хотя вы поступили с нами как настоящий сын Евразии – ни слова ниоткуда с тех пор как были у нас в Ealing'е, точно и нет нас, – но мы все-таки без Вас соскучились и предлагаем Вам с вокзала к нам. Только предупредите.

Я все жду статьи о Достоевском. Или это та, что была в «Руле» (1112)? Но ведь Вы хотели написать специально для англичан?

Пожалуйста, сообщите, ждать ли ее. Мне необходимо получить статью не позже 23/XI. Размер 3–4 стр.

Ваша А. Тыркова

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 126. Л. 2–2об. Автограф.

П. Б. Струве

22.XI.[19]21

Дорогой Петр Бернгардович,

Рукопись получила. Отправляю Набокову для перевода, хотя меня все-таки мучит «грешник». Ну, авось найдутся понимающие англичане.

Спасибо,
Ваша А. Т[ыркова]

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 126. Л. 3об. Автограф.

1922

П. Б. Струве

1.III.[19]22

Сейчас просматривала газеты 1917 г. Наткнулась на Вашу речь в Совете Республики (1113) и захотелось издали пожать Вашу руку. Отчего Вам не издать Ваши речи и статьи времен революции? Это был бы интересный документ.

На днях едем с Г[арольдом] В[асильевичем Вильямсом] отдохнуть в Германию.

Ваша А. Т[ыркова]

«Смесь интернационального яда и русской сивухи». – Ваше определение большевизма.

121 St. George's Rd.
S. W. 1.

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 126. Л. 15об. Автограф.

П. Б. Струве

27.V.[19]22
47 Woodville G[ar]d[e]ns
Ealing London

Дорогой Петр Бернгардович,

Вы уже должны были получить мою статью о Набокове. Не удивляйтесь, что она пришла via berlin. Елена Ив[ановна Набокова] (1114) очень настаивала, что надо напечатать в «Руле». Я не хотела ей отказывать, хотя знала, что Гессен не возьмет.

Ну, а Вы как с ней поступите? Надеюсь, что примете? Это то прошлое, о котором нам следовало бы говорить чаще, но, конечно, без смазывания медом. Какая там сласть, когда и по сейчас расхлебываем.

А что же это Вы не поздравили старого друга с высоким назначением? Ведь Г[арольд] В[асильевич Вильямс] теперь, как определил Мейендорф (1115), назначен восьмой державой, т. е. иностранным редактором «Times». Работа большая и ответственная. Особенно в такое время, когда международная политика представляет из себя клубок интриг, и беспринципных и догматических сразу.

Пожалуйста, давайте знать о себе. Мы тут на далекой окраине, где русский дух еле веет.

Я пошлю Вам на днях наш листок о церкви. Мы настаиваем на том, чтобы на процессе (1116) присутствовали представители западных церквей. Ту же мысль высказал архиепископ Иоанн (1117). Нельзя ли это настойчивее провести? И вообще, неужели мы не можем

сообща высказываться хотя бы по главным вопросам? Я посылаю Вам фр[анцузский] перевод нашего последнего английского листка, составленного Аркадием. Он очень понравился Ладыженскому, который отпечатал в Женеве по-фр[анцузски] и [по-]немецки 20 000 экз. Было бы очень полезно пускать такие вещи одновременно в разных странах.

Дружеский привет всей Вашей семье.

Ваша А. Т[ыркова]

Г[арольд] В[асильевич], наслаждаясь субботой, лежит на солнце под деревом.

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 126. Л. 5–5об. Автограф.

Е. Д. Кусковой

22.VI.[1922]
47 Woodville Gardens
Ealing London

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

Прочла отчет в «Руле» и прежде всего обрадовалась, что слышу Ваш голос. Но мысли Ваши хочу понять яснее. Что Вы понимаете под интернациональной проблемой России? Как Вы ее толкуете?

В Вас кипит раздраженье против эмигрантов. Хочу сказать, что его испытала и я, приехав не из красной, а из белой Деникинской России. Но как же «работать там в России». Вас ведь выслали? А уж кажется, Вы и сильная, и упорная. Спрашиваю не для полемики. Всех нас точит тоска по России. Но не по сиденью в ЧК – Ответьте. Откликнитесь, а главное, скажите, где по-Вашему путь. Ведь Вы знаете сегодняшнюю Россию, которую отсюда не рассмотришь.

Муж шлет Вам обоим дружеский привет.

Ваша Ариадна Тыркова

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 506. Л. 6–6об. Автограф.

Е. Д. Кусковой

6.VII.[19]22
47 Woodville Gdns.
Ealing London

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

Рада была Вашему письму, рада была слушать рассказы сына о Вас и С. Н. [Прокоповиче]. Вы для меня всегда были живым свидетельством того, что дух сильнее материи. Я в минуты малодушия или усталости люблю вспоминать, как Ваша железная воля разогнала немощи, клевавшие Ваше ослабевшее тело. И вообще я Вас просто люблю.

Хочу Вас видеть и говорить, но когда все это будет, не знаю. А конечно, будет.

Относительно статей пока дело обстоит так. Пришлите одну для «Times». Размерами в один столбец, они считают 1200 слов. Это заказ. Гарольд Вас[ильевич] очень будет рад, если Вы напишете то, что Вы зовете новым бытом. Затем если Вы напишите статью страниц в 10 (5000 слов), то я почти наверное помещу [ее] в журнал. Это для начала, а там видно будет. Тему, конечно, выберете сами. За вычетом стоимости перевода – здесь переводы с русского дорого стоят, – это Вам даст некоторое количество фунтов. Боюсь сказать какое, так как постараюсь выторговать побольше. Выгоднее всего, конечно, писать в газетах... «Times», вероятно, заплатит по £ 10 за статью и сам оплатит перевод. Говорю гадательно, т. к. Г[арольд] В[асильевич] ушел, а откладывать письмо мне не хочется. Значит, пишите и присылайте мне. Я с радостью буду Вашим литературным агентом.

Я всегда думала, как и Вы, что большевики с дьявольской ловкостью совместили русское бунтарство с деспотической догматикой. Когда говорят большевизм tout court*, мне скучно рассуждать, т. к. это явление бесконечно сложное и его шапками не закидаешь. Тут есть подлинное, русское и не все худое. И есть интернациональное, тоже отчасти не худое – пацифизм, равенство и т. д. Но это не худое только словесность. А на деле мерзость и вонь. Вот тут для меня начинается страшное. В течение ста лет лучшие русские люди стремились только развязать, даже разнуздать. О долге, о простой человеческой нравственности считалось просто неприличным разговаривать. Впрочем, нет, был долг перед «мужиком», но отнюдь не перед государством, а тем более не перед абсолютом. Вот и вырос Базаровский лопух там, где прежде была пшеница...

Ну, не буду. Об этом можно говорить, но не писать. Долго и вязко. А вот что же дальше будешь робить? Вы говорите «Освобождение». Я согласна. И согласна по-старому слушаться там живущего Дм[итрия] Ив[ановича] Шаховского. Но гнетет меня твердая уверенность, что из старых освобожденцев надо отмести $^{9}/_{10}$. Ничему не научились. Всегда все портили. Я это поняла, когда в феврале 1920 г. сидела в тифозном Новороссийске на развалинах Деникинства. Нельзя ни Милюковых, ни Астровых брать. Лучше всего Врангель, но [он] в политике еще очень мало искушен. А человек цельный, крепкий и гибкий.

Ну вот, целую Вас крепко и радуюсь мысли, что скоро увидимся. Не позже сентября. Знаю, что Вы мне устроите разнос, что мне попадет за общую компанию с эмиграций, а все-таки радуюсь.

Ваша А. Т[ыркова]

Муж просил вам обоим передать его сердечный привет. Он у меня вынес и все еще несет тяжкую обузу русской политики. Вас про-

---

* Прост *(франц.)*.

шу выхлопотать ему орден Александра Невского первой степени, как только будет... кто?

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 506. Л. 7–8об. Автограф.

Е. Д. Кусковой

12.X.[19]22
9 Tite St.
London S.W.3.

(Прошу отметить, запомнить этот адрес. Это надолго. Если есть у людей что-нибудь надолго).

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

Что же Вы от меня по Европе бегаете? Вот уж – ходил журавль к цапле!

Теперь я засела на нашем острове. Гнездо вью, столы, кровати, ковры покупаю. Я ведь за буржуазный строй и поэтому последние, почти 5 лет, была бездомной.

Зато Горький, Гржебин (1118) и прочие социалисты за эти годы обзавелись домком и даже весьма большими домами.

Нет, шутки прочь, это обидно, что мы с Вами не сумели сговориться и встретиться. Ссылка на то, что я могу поговорить с Брайкевичем (1119), меня не утешает. Я с ним не очень разговорчива. Был октябристом, кадетом, почти [э]с[е]ром. Это уж очень для меня размашисто. А главное, в основе лукавый делец. Конечно, и терпентин (1120) полезен. Напишите ему, пусть позвонит, или я его здесь сама найду.

Ваш Берлин стал Москвой. Все туда съезжаются. Ну а питаться чем эти новые эмигранты будут? Меня это очень беспокоит. Я думаю, что было бы полезно знать о положении этой всей партии. Собирать деньги в Англии очень трудно. Но зато наши фунты у вашей марки в почете.

Слышала, что в Лондонской колонии Вы произвели большое впечатление. Этого и ждала. Очень, очень досадую, что сама не видала и не слыхала Вас.

Целую крепко.
Ваша А. Т[ыркова]

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 506. Л. 9–9об. Автограф.

Е. Д. Кусковой

22.X.[19]22
9 Tite St.
London S.W.3.

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

Прошу к моим коврам относится с уважением. Это орудия производства. Их давно следовало завести, и я только жалею, что не могу

развернуть их пышнее. Но не в них сейчас дело. Слава Богу, скоро ковры и стулья расселятся где надо, и не я буду за ними бегать, а они будут мне служить.

Статьи Вашей еще не читала, п[отому] ч[то] не могу добраться до книжной лавки. Конечно, достану и прочту. Мне до сих пор не ясно, как Вы смотрите на международное положение Советской власти. Вы стоите за то, чтобы англичане и французы их признали или нет? Очень прошу Вас написать мне Ваши доводы, все равно, за Вы или против. Вместе с переменой правительства и выборами неизбежен пересмотр в прессе вопроса о России. Многие будут требовать самого полного политического признания. Мне всегда казалось, что нужны самые широкие экономическое сношения, но отнюдь не политическое признание.

Очень хочется знать Ваше к этому отношение, т. к. положение очень сложное и ответственное. Чем скорее ответите, тем лучше.

Ваш друг Брайкевич собирается ко мне на будущей неделе. Пусть расскажет содержание Вашего с ним романа.

Все-таки обидно и тяжело, что русские представляют из себя пыль. Только большевики организованы. Или это оттого, что они не русские?

То, что Вы пишите о монархии, меня не касается. Я не монархистка и вряд ли когда-нибудь ею стану. Я свободно рожденная и всякие виды неволи вызывают во мне бунт. Для России хочу свободного и достойного государственного строя. Если сумеют создать республику честную, дай Бог. Романовых не люблю, о реставрации снов не вижу. Но демократию мне испортила революционная демократия, которая не имела мужества осуществить социализм, а буржуазный строй ослабила и разболтала.

Ну, это все длинные разговоры. А сейчас меня интересует простая вещь – полезно для России политическое признание Советской власти или нет?

Всего хорошего.
Ваша А. Т[ыркова]

Умоляю Вас усвоить европейскую привычку писать адрес на каждом письме!

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 506. Л. 12–12об. Автограф.

Е. Д. Кусковой

18.XI.[19]22
Badenweiler
Hotel Badenweiler

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

Через неделю будем в Берлине, где надеемся Вас повидать. Ни письма, ни тем более отчеты о Ваших докладах не дают мне настоя-

щего понятия о теперешнем Вашем умоначертании. Вы пишите мне, что лучше всех Вас понял П[етр] Бер[нгардович Струве], а Милюков высказывает полное удовлетворенье, что он все время говорил то же, что Вы. Но ведь они полярны. Или это просто счастливый талант Павла Ник[олаевича Милюкова] быть всегда именинником и на свадьбе, и на похоронах?

Ну, теперь скоро увидимся, и я думаю об этом с большим удовольствием не только из желания слышать Ваши мысли от Вас самой, но и просто хочется Вас видеть. Мы будем в Берлине, вероятно, в воскресенье. Напишите мне по адресу Набоковой, Sächsischestrasse 67. W. 15, чтобы я знала, как Вас найти.

С дружеским приветом.
Ваша А. Тыркова

Получила от Бахметьева из Парижа письмо. Очень Вас хвалит и много от Вас ждет.

Не писала Вам раньше, п[отому] ч[то] углекислые ванны Nauheim'a превратили меня в нечто среднее между коровой и деревом.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 506. Л. 11–11об. Автограф.

1923

Г. Вильямсу

9.II.[19]23, пятница
Berlin

Здравствуй, мой родной, получила сейчас твое письмо от вторника. Очень хорошо было читать его в постели под аккомпанемент Наташкиной болтовни. Вижу, что тебе нужна и рада этому. Приеду вслед за этим письмом. Хочу выехать в понед[ельник] вечером через Кёльн. До Кёльна сообщение хорошее, а что дальше не совсем понятно. Наверное попаду, если не через Остенде, то через Париж. Mrs. Spenser обещала это выяснить и мне помочь. Я иду к ним завтракать, чтобы хорошенько понять их взгляды. Он очень был огорчен корреспонденциями из Р[оссии]. Считает их односторонними, автора [–] находящимся под влиянием. Представь себе, что здесь, – это подтвердил мне Гучков, – немцы думают, что Англия вместе с ними может воевать против Франции. И простые люди говорят – Англия это друг. Расчеты на Россию, кажется, остыли, но был довольно сложный план. Но революционные вспышки не <1 нрзб.> До октября заводы не берут заказов. Рабочим не так уж худо. Отдувается все так же средний класс.

Вчера у нас поднялся крик. Нина Алекс[андровна Струве]. Кричала на Франка (1121). Расскажу их спор, когда приеду. Франк мне понравился. Он обрадовал меня духовным оптимизмом. Он так формулирует – когда была Русская мысль, мы с П[етром] Бер[нгардови-

чем Струве] висели в воздухе. А теперь мы с Бердяевым знаем, что жизнь идет к нам. Иначе говоря, он уверяет, что в России идет возрождение в духе. Это же и есть самое важное.

Сегодня увижу Изгоева и пойду к Бердяеву. Завтра слушаю Арсеньева. В воскресенье доклад Бердяева – демократия и социализм. Тут вообще можно без конца говорить и слушать. Но я все-таки не хотела бы жить в Берлине, хотя для молодежи считаю, что здесь гораздо больше веянья России и движения русской мысли. Наташка вертится и болтает. Она меня уже ввела в свой круг и слово «баба» опять звучит победно.

Надо идти еще сделать кое-какие покупки. Я не увлекаюсь shopping'ом*, но кое-что все-таки куплю. Сейчас пойдем с Адей в книжную давку. Потом в банк к Бужанскому (1122). Тут не хватает денег. Печатают 30 мильярдов в день, а все мало.

Родной мой, как хорошо, что ты есть. Мир стал смутен и непонятен. Но через туман все-таки мерцает дух. Для нас ближе всего и понятнее дух человеческий. И он все-таки горит. Я это яснее всего знаю, когда мы вместе.

God bless you, my love.

Твоя

Дети тебя целуют.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 8. Автограф.

П. Б. Струве

7.III.[19]23
9 Tite Street
Chelsea, S. W. 3.

Дорогой Петр Бернгардович, посылаю Вам копию с письма, кот[орое] я сегодня отправила Маклакову. Позже надеюсь прислать и копию протокола вчерашнего заседания.

Я не хочу изливаться в квалификациях, но, признаюсь, Кадомцев поразил нас всех цинизмом и бесстыдством. Не знаю, что было тяжелее, его рассказ о том, как 30 судов Д[обровольческого] ф[лота] были превращены в ничто, или повесть о их слиянии с большевиками.

Когда я увидела имя Кадомцева на страницах «Русской мысли», я сказала Глебу, что у него плохая репутация. Но когда он сам рассказывал свои похождения очень обстоятельно, с датами и цитатами, я была поражена. Я все-таки не ждала, что все это так грязно. Сейчас Совещ[ание] послов (1123) с этим возится, но вряд ли осмелятся даже на резкое осуждение. Теперь более нужно твердое общественное суждение.

---

* Покупками *(англ.)*.

Если увидите Исаева, покажите ему эту бумажку. Он давно на меня налетал за Д[обровольческий] флот, хотя я ни душой, ни карманом не грешна.

Здесь Ростовцев. Полон энергии и жизни. Бранит Вас, что Вы не отвечали на его американские предложенья, которые могли дать Вам и лишнюю славу и доллары.

Всего хорошего. Очень жалею, что давно Вас не видала. Зато видела Вашу внучку, важную, розовую и похожую на отца, а значит, и на Вас.

Ваша Ариадна Т[ыркова]

Г[арольд] В[асильевич] ворчит, что в мире иссякли политические идеи.

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 126. Л. 6–7. Автограф.

П. Б. Струве

25.IV.[1923]

Дорогой Петр Бернгардович,

Не захотите ли Вы напечатать в «Рус[ской] мысли» мою статьи о Вл. Набокове и I Думе? Я готовлю речь об этом для вечера его памяти и нахожу, что интересно обновить сведения об этой начальной эпохе рус[ской] революции.

Если можно, ответьте поскорее, т. к. в случае Вашего отказа я и писать не буду. Негде.

Как Вы поживаете? Что Вас печалит и что веселит? Генуя? Свадьба Глеба? Когда Вы в Прагу?

Мы все живы и даже жизнеспособны, несмотря на Л[лойд] Дж[орджа].

Ваша А. Т[ыркова]

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 126. Л. 14–14об. Автограф.

А. В. Жекулиной

[после апреля 1923]

Дорогая Аделаида Владимировна,

На Ваш съезд (1124) я не могла попасть, но не могу не думать об его задачах. Справиться с ними одним педагогам нельзя, просто не по силам. В этом должен помочь каждый из нас, в ком болит душа о России и по России.

Я не педагог, в моих суждениях нет ничего профессионального. Но я русская патриотка и писательница, значит, не могу я не хотеть всей душой, чтобы дети наши остались русскими, чтобы в них сохрани-

лось, укрепилось, расцвело все, что есть в русской культуре ценного, творческого, красивого, жизнеспособного, духовного.

Не знаю, как в других странах, но в Англии русские дети в школах выделяются – лица не общим выражением. Что-то свое вносят они, живость ума, любознательность, разнообразную даровитость. Даже в ассимилирующей обстановке английской школы сохраняется эта особая русская психология, с ее даровитостью и быстротой. Задача старших поколений помочь детям не только сохранить эту счастливую, прирожденную емкость ума, но и овладеть многовековым духовным богатством, накопленным русским народом. Государство Российское было и, конечно, будет одним из могучих проявлений этой всенародной силы.

Нам приходится быть свидетелями того, как маленькие народы, казалось, совершенно забывшие свое историческое прошлое, потонувшие в более бурной, более могучей стихии многочисленного русского племени, не только воскресили свою национальную самобытность, но и придали ей новый политический смысл и культурную напряженность. Другой, более длительный, пример – это поляки. Разрезанные на три части, попавшие на целое столетие под давление трех великих держав и под обезличивающий пресс двух великих народов – русских и немцев, – поляки сумели ревниво сохранить свое национальное лицо. Это в огромной мере заслуга польских женщин. Упрямо, упорно, нередко героически, блюли они свою веру, свой язык, свой быт, все традиции, навыки, обычаи, вкусы, чувства, из которых складывается характер нации. Недаром история испокон веков отвела женщинам роль блюстительниц и передатчиц отцовских заветов.

Судьба поставила перед русской женщиной в изгнании эту задачу с особой, неотступной настойчивостью. Или надо исполнить ее, или раствориться в чужом народе.

Конечно, необходимы школы, повторительные курсы, уроки русской грамоты, руссоведения, Закона Божьего. Но самое искусное обучение останется мертвой буквой, неизбежно сотрется с души ребенка, если за всем этим не будет крепкой, неизменной, по возможности ежедневной прививки национального духа. Национальное чувство это прежде всего чувство. По разуму, по соображениям выгоды можно приписывать себя к итальянцам, к англичанам, к кому угодно. Также по разуму можно пойти и поискать себе вместо родной матери приемную, которая будет выгоднее, полезнее, даже лучше. Но это нам претит, чувство не позволяет. У него свои законы, более мудрые, чем наш маленький разум.

Одна у меня мать – родная и одна у меня родина – Россия. Вот и все.

Вот, что должно жить в сердцах старших, вот чему прежде всего должны научиться русские дети. Надо их научить не только думать о России, но всегда ее чувствовать. Где нет семьи, нет матери, кое-что

могут сделать Союзы молодежи. От них тоже потянутся связывающие нити. Ведь нация это прежде всего связанность, скрепленность, плечом к плечу, в горе и в радости. В особенности на чужбине.

Но без женских преданных рук нельзя донести до Земли Обетованной сосуд национальной благодати. Огромная, нелегкая, но и святая эта обязанность лежит на всех русских женщинах в изгнании. Матери, старшие сестры, тетки, бабушки, все, кто хлопочет около своих или чужих детей, ограждая их телесную крепость и цельность, не менее ревниво должны оберечь цельность их духа. Как много они сделают, как много дадут будущей России, если сумеют каждый день, хоть полчаса, говорить с детьми о России, рассказывать, показывать картинки, вспоминать, все, общее и личное, большое и малое. Если вспоминая, навернуться слезы на глаза – ничего. Иногда слезы зажигают в детском сердце свет немеркнущий. Но говорите и говорите с ними о России, обо всем русском, что видано и слышано, что прожито, что было и будет.

Отцы церкви учили твердить молитву изо дня в день в те же часы. Они знали как укреплять душу силой молитвенного подъема. Но ведь и для того, чтобы крепла душа русская, чтобы вернулась Россия нам, а мы России, нужна и молитва и подъем.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

П. Б. Струве

10.V.[19]23
9 Tite St.
London, S. W. 3.

Дорогой Петр Бернгардович, давно мысленно пишу Вам письмо, но т. к. увлекаюсь большой работой, то все откладываю. А поговорить нам есть о чем.

Первое. Относительно Добрфлота Вы меня не убедили. Я очень хотела бы, чтобы Вы прочли подробный протокол наших заседаний, где Кадомцев излагал свою точку зрения. На суде он говорил иначе. Там он, вместе с <фам. нрзб.> являлся представителем Московского правления и доказывал, что Парижское правление только section* от Московского. Нам он говорил, что каждое сохраняет полную независимость, что Париж Москве не доверяет и несколько раз, оговариваясь, называл Московское правление просто – Советское правительство. Вообще отрицать подчиненность нынешнего Добрфлота Советам нельзя. Это своего рода Аркос (1125). Я не стою за экономическую непримиримость. Делать дела с Россией и для России можно

* Секция *(англ.)*.

и нужно. Но нельзя и не нужно добывать валюту для большевиков. Нельзя и не нужно расточать крохи русского добра, уцелевшего заграницей. Именно этим и занимается Добрфлот. Они ссылаются и прикрываются общим кризисом транспорта. А знаете ли Вы, как они одной рукой распродавали, другой прикупали за бесценок свои суда? Омск, стоивший £ 150 000, был при помощи разных махинаций продан, заложен и в результате еще за него причитается с кассы Добрфлота £ 3000. Эту историю я попрошу, чтобы Герасимов (1126) Вам подробно написал. Я не помню портов и дат. История грязная и Кадомцев принимал в ней участие. И это не единственная. Поэтому считать его и других согласившихся с Москвой представителей Добрфлота верными хранителями и блюстителями его добра никак нельзя. Это расточители и расточители своекорыстные.

Когда его имя печатается в «Русской мысли», мне неприятно. Ему около Вас, Петр Бернгардович, не место. Но он, конечно, крепко будет за Вас цепляться, чтобы хоть немного прикрыться.

Второе. Как с нашим издательством? Ведь я возведена Вашими молитвами в высокий акционерный сан. Увы, не чувствую за собой капиталистических заслуг, но издательству придаю очень большое значение. Нужно стараться о двух вещах – добыть деньги и добыть хорошие рукописи. По-моему, Карташев безнадежен. Конечно, надо сохранить его имя и считать его другом и советчиком. Но ту программу религиозных книг, которую нужно как можно скорее напечатать, придется составить помимо него и показать ему. Его наскоро сделанный список грешит полной непрактичностью. Нельзя перепечатывать хорошие и дорогие книги для немногих. Надо подготовить серию коротких и дешевых книг для той интеллигентской беженской массы, которая наполняет церкви, но книг, кроме Евангелия, не имеет. Я очень настаиваю именно на дешевой серии. Туда должны войти хорошо изложенные жития русских подвижников, в особенности северных. Затем выдержки из творений отцов церкви, Иоанна Златоуста, Франциска Ассизского (1127) и т. д. Ведь это все такая тонкая и пленительная литература, в подлинном смысле слова. Но составить список должен человек с богословским образованием + литературный вкус. Где его найти? Булгаков, вот человек для нас. Спишитесь с ним. Или он уже в Праге? Тогда тем лучше.

Кроме списка нужны люди. Нужно это сделать, т. е. написать и проредактировать. Я здесь совсем вне пишущих людей. А у Вас они есть. Нельзя ли подобрать и начать готовить рукописи. Если будет программа и хоть какая-нибудь смета, я опять попробую здесь поискать денег. Это совсем не безнадежно. Но я не хочу за это приниматься, пока редакционная сторона так слаба. Между тем, по-моему, мы можем это дело по-настоящему поставить.

Третье. Я совсем отбилась от политики, но думается, что рано или поздно надо опять приниматься собирать рассеянное русское

стадо. Задачи, поставленные Нац[иональным] Комитетом (1128), по-прежнему остаются самыми насущными. У Нац[ионального] Ком[итета] мало что вышло. Но какой-то орган общерусский нужен. Пожалуй, лучше всего в каждом месте создать какие-то объединенные беседы уже существующих организаций. За это уже принимаются. Даже в Лондоне. Торг[ово-]Пром[ышленный] союз устраивает заседанья и обеды. И это полезно. Сейчас возможен поворот в международном положении Советов. Чем кончится поход Curzon'а еще трудно сказать. Но он очень осторожно подготовил почву. Повидимому никаких крупных заступничеств за Советы не будет. Даже Clynes (1129) вчера в «Financial Times» (1130) написал, что англичане не позволят большевикам издеваться над собой. Но во всем этом нет русской антибольшевистской группы, на которую европейцы могли бы оглядываться, к мнению которой они могли бы прислушиваться. И, что хуже всего, нет никакой русской концентрации, русской энергии. Или, действительно, попав за рубеж, люди превратились в тени? Думаю, что нет и что опять надо катить этот камень в гору.

Жму Вашу руку и очень прошу оторваться на несколько часов от ежедневных трудов, крепко подумать об издательстве и мне эти думы рассказать.

Г[арольд] В[асильевич] шлет Вам свой дружеский привет.

Ваша А. Тыркова

ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 126. Л. 8–10об. Автограф.

Г. П. Бенигсену

9.X.[19]23
Premeno
LagoMaggiore

Дорогой Георгий Павлович,

Вы, вероятно, недоумеваете, куда девались мои женевские впечатления? Признаюсь, что я просто заложила их подальше, т. к. мы приехали сюда ненадолго, а зима впереди длинная. Поэтому мы бродим по холмам и горам, едим, пьем, спим и закаляемся. Послезавтра уже спустимся в Stresa (1131), ч[то]б[ы] в пятницу утром уехать в Париж. Пробудем там дня два-три и домой. Если что-нибудь будет спешное, пишите по адресу Семенова.

В Женеву мы опоздали. Лига Наций за два дня перед этим разъехалась. Практически дело наше от этого мало потеряло, т. к. и нам не удалось бы вышибить Нансена. Но было бы и любопытно и полезно побывать на заседаниях Лиги. Я смотрю на эту нашу поездку как на первую разведку и думаю, что это тоже не без пользы. Мы с Вами издали многое неверно понимали. Но в главном не ошиблись, ни в оценке Нансена, ни в том, что такие выступления, как наше, его репутацию развенчивают.

Лига Наций клубок сложный. Во главе стоит англичанин, но французы имеют больше голосов, т. к. среди 52 народов, входящих в состав, они сумели создать свое большинство. Но для чего все это, никто не знает, т. к. серьезных дел у Лиги нет. Эта сессия прошла очень подавлено, боялись, что из-за итальянцев все лопнет, делать было нечего и вообще все шатко. А машина есть. Отличный дом, масса комнат, где молодые девицы и господа всех наций говорят и пишут на всех языках. Между прочим, в Bureau Intern[ational] du Travail (1132) есть уже четыре русских, но... все евреи. Славик (1133) меня уверяет, что сами русские просили, чтобы не было рус[ских], т. к. боялись, что попадет Щербацкий (1134), ex-дипломат. Не знаю, правда ли это, но знаю, что Щербацкий уже состоит при Шлезингере (1135) в Берлине.

Русский беженский вопрос, конечно, на задворках. Его некому выдвигать, т. к. с нашими четырьмя представителями никто не считается. Уважение к Нансену ослабело и у англичан, и у Адора (1136). Они понимают, что он окружен темными людишками. Но указывают, что т. к. в свое время Лига почти навязала ему беженцев, что Нансен дважды отказывался, а его упросили, то теперь нельзя его уволить. Вообще дипломатическая сверхвежливость очень распространена в Лиге, и Нансена даже приветствовали. Но все-таки Адор в своей заключительной речи о беженцах 1) сослался на то, что у него в руках груда заявлений от русских организаций, 2) заявил, что пока не переменится в России режим – la rapatriation est impossible*. Это отчасти результат нашего приставания. Но только отчасти.

Против Нансена пошли в поход чехи. Они его не любят. Славик (отчасти из-за личной обиженности) под него подкапывается. Хотели его свалить на бюджетном вопросе. Нансен просил у Лиги 300 000 frs. (швейцарских). Это ему нужно только на содержание агентов. Их около 17 и многие полубольшевистские. На реальные нужды беженцев отсюда ничего не перепадает. В финансовой комиссии пошли сокращения. Чехи заявили, что история в Болгарии пока <нрзб.>, что агенты Нансена работают на большевиков. Нансен имел неосторожность <нрзб.>, что если кредит урежут, он уйдет. Кредит урезали до 210 000. Он не ушел. Во всем этом есть и опасная сторона. Славик – человек, скорее, к русским доброжелательный, но маленький и тупой, вбил себе в голову, что надо упразднить комиссариат по беженцам, а иметь только канцелярию при Лиге и разъездных комиссаров в случае, если в какой-нибудь стране неблагополучно. Я ему сказала, что это схема непрактичная, но видели мы его не дома, да и полезнее в Париже переговорить с чешским посланником, кот[орый] имеет в этом деле больше значения. Насколько мы могли понять из разговоров с другими, пока нет опасности, что комиссариат закроют. Во всяком случае, на год есть кредит. Хотя Major Janson (1137), молодой человек, кот[орый]

* Репатриация невозможна *(франц.)*.

там сидит за Нансена, пищит, что денег у них не хватит. Он нас уверял, что Нансен на днях едет в Канаду и в Соед[иненные] Шт[аты] собирать деньги на беженцев, греков и русских. Между прочим, члены Лиги, очень недолюбливающие Нансена, признают за ним талант сборщика и считают, что в этом его сила. Но сегодня из газет я узнала, что Нансен направился в Москву, а не в Америку. Между тем Janson рассчитывал, что он соберет денег для эмиграции русских в Штаты и в Канаду. У них есть еще предложения в Бразилию, очень заманчивое, т. к. никаких расходов. Это ведет Шлезингер, т. к. везти собираются из Германии. Помощником у него все тот же Щербицкой, кот[орый], по сведениям Астрова, на днях уезжает в Москву. Но с Нансеном ли?

Резюмируя положение Нансена в Лиге, скажу так – его не уважают, но т. к. нет никого, кто бы серьезно интересовался беженцами, то его терпят. А когда-нибудь сведут с ним счеты и, м[ожет] б[ыть], на русской спине.

Теперь о русских. По-моему они там в безвоздушном пространстве. Гулькевич (1138) это единственная живая связь. Он лично хорош с Нансеном и его женой, он может разговаривать, а остальных, боюсь, просто не слушают. Но Гуль[кевич] без лести предан и потому вреден. Он был у меня, и мы поговорили спокойно, но откровенно. Его аргументы: «Нансен не член Совета, он не большевик, а гуманист. Нансен для русского дела полезен, я буду всеми силами его уговаривать остаться». Я откровенно сказала: а я считаю, что он вреден и должен уйти. С Гулькевичем нам говорить не о чем.

Другое дело П[анина] и Аст[ров] (1139). Я их прежде всего спросила: «Вы переменили взгляд? Пора тянуть на Москву?» Они даже обижаются. «А Нансена считаете приемлемым?» – Тоже нет. Считают его вредным. «Ну, а насчет репатриаций?» Тут дело слабее. Они прежде всего заявили мне, что при самых тщательных справках не нашли ничего трагического в судьбе репатриированных. Что есть желающие вернуться. Что в Польше и сейчас Румынии людей гонят обратно без всяких договоров, топят в Днестре. Надо же за них вступиться? «Я признаю, что надо, но только если вы из-за этих нескольких сот не затуманиваете положения 2 миллионов».

С этого места начиналась наша контроверза. С П[аниной] я говорила спокойно. Астр[ов] весь дрожит от уязвленного самолюбия. Их обоих очень оскорбила наша резолюция. Они упорно продолжают считать себя правыми. Аст[ров] осыпает Ладыженского бранью, говорит массу личных грубостей и вообще вздора. Было бы полезнее, если бы он перенес свою злобу на Нансена, хотя он и его не признает, но как-то крутится около этого вопроса. Между прочим, упорно уверяет, что хотя Нансен и плох, но не будет Нансена, не будет и комиссариата. Нашу записку к Сесилю всячески поносит, считает ее полной фактической ошибкой. Из них главная – совместительство, когда на самом деле Нансен ушел 15 авг[уста] от московских дел. Но если

ушел, зачем же он едет в Москву? Грешна, чем больше Астр[ов] злился, тем больше я убеждаюсь, что записка наша была полезна. Прежде всего для русских. Потом и для Нансена, который был очень оскорблен. Гулькевич мне сказал: «Мне стоило большого труда его убедить, что это совсем не мнение большинства русских». Я заявила, что это он совершенно напрасно старался.

С Ладыженским П[анина] и Аст[ров] даже не здороваются. Гулькевича они считают для себя очень полезным, т. к. он единственная живая связь с Нанс[еном]. А вообще все это мертвое представительство, к тому же еще и больное, т. к. четверо не могут между собой сговориться.

Вот Вам мой отчет. Пожалуйста, сохраните это письмо. Оно мне понадобится.

В Париже постараюсь увидеть чеха и переговорю с Маклаковым. А главное, с Бернадским.

Всего хорошего. До скорого свидания, поклон графине.

Ваша А. Т[ыркова]

Мы забрались в деревушку над озером, 800 м. Хорошо и солнечно.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

1924

А. В. Карташеву

18.II.1924

Глубокоуважаемый Антон Владимирович,

После того как Лондонский отдел Нац[ионального] комитета принял то письмо, которое Вам мною уже послано, нам сделал сообщение о парижских настроениях Н. В. Тесленко (1140). Были высказаны по этому поводу соображения и поручено мне, в самой краткой форме, сообщить их Вам.

Одной из главных задач Нац[ионального] Ком[итета], с первых дней его существования, было объединение широких слоев русских патриотов, как республиканцев, так и монархистов. Надо было найти общий язык и общее устремление энергии для тех, кто хотел бороться с большевиками, кто категорически и до конца не признает их власти, но готов служить России независимо от того, будет ли она монархической или республиканской. После всех потрясений и переживаний так много каждому думающему русскому надо было пересмотреть и передумать, а, главное, так еще неясна политическая психология тех, кто все это переживает внутри России, под гнетом нужды и коммунистической диктатуры, что решение вопроса о форме правления тогда было бы преждевременным.

Лондонский отдел считает, что и сейчас приступать к его предрешению рано, что это не сблизит, а разъединит русских патриотов. Пока не достигнуто главное, пока коммунисты продолжают править Россией, у монархистов и республиканцев есть общий долг – свергнуть диктатуру красных. Поэтому необходимо беречь и сохранять организации, где за одним столом могут сидеть и приверженцы монархии, и приверженцы республики.

Старание крайних правых организаций крепче связать Нац[иональный] Ком[итет] с в[еликим] к[нязем] Николаем Николаевичем (1141) может и самого вел[икого] кн[язя] наводить на ложное представление о монархизме в эмиграции. Кроме того, это лишает Нац[иональный] Ком[итет] той свободы мнения и действия, которая уже создала ему авторитет и в русских и в иностранных кругах. Если Нац[иональный] Ком[итет] войдет в блок монархических организаций, постепенно стягивающихся вокруг Ник[олая] Никол[аевича], то он будет только левой привеской, в лучшем случае левым украшением монархического блока. Придется нести ответственность за дела и мысли людей, которые за свою, часто долголетнюю, монархическую деятельность не заслужили особого доверия и не проявили государственной мудрости. Стоит вспомнить, как работали монархисты, когда могучая и насыщенная государственными традициями русская монархия давала им полный простор для применения государственных дарований. Что же эти люди тогда сделали? Союз русского народа, «Русское знамя» (1142) как проявление их обществ[енных] инстинктов, как высшее проявление политического их мышления. А ведь это те же люди. И нет еще никаких доказательств, что они изменились и поняли, скажем вежливо, собственные политические заблуждения.

Вдумчивый монархист должен смотреть с тревогой на то, как эти старые деятели старых монархических организаций все плотнее обступают Ник[олая] Ник[олаевича]. Его имя осталось чистым, сохранило патриотический авторитет. Тем более надо его беречь, отстранять от пока еще очень мелких эмигрантских политических начинаний. Но было бы ошибкой думать, что Нац[иональный] Ком[итет] может оберечь в[еликого] к[нязя], вступая в тесный контакт с монархическими организациями. Это только уменьшит авторитет нашей организации, голос кот[орой] затеряется среди шумных голосов крайних правых с их привычкой к крику и натиску. Между тем, оставаясь независимой, наша организация может в важный момент высказать с гораздо большим весом спокойное и свободное суждение.

Есть еще одно соображение – Красная армия. Лондонский отд[ел] считает неосторожным в этом вопросе, чреватом всякими возможностями, выдвигать из-за рубежа имя кого бы то ни было из Романовых.

Вот вкратце суждение Лондонского от[дела]. Не откажите его доложить в ближайшем заседании, а также сообщить, какой оно найдет в Париже отклик.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

Е. Д. Кусковой

7.VIII.[19]24
London

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

Первая статья С. Н. [Прокоповича] была напечатана. Сегодня Г[арольд] В[асильевич] скажет в конторе, чтобы вам был выслан №, а также и гонорар. Вторая не подошла.

Он просит передать, что будет очень рад получать бюллетени и информацию, но т. к. русский отдел уже поставлен довольно широко, то никакого уговора об определенном количестве статей быть не может. Вы, как газетчица, знаете обычный газетный порядок – печатают, когда подойдет.

Прошу передать поклон Евг[ении] Ив[ановне Репьевой]. Ведь мы с ней вместе по Предварилке гуляли. И С. Н. [Прокоповичу] прошу кланяться.

Ариадна Вильямс

Вы адресовали свой конверт на Елизавет Воробей – Mr. Tyrkova-Williams. – Кто это? Если я – так я Mrs. Если муж – он не Tyrkova. Когда будете посылать материал, лучше посылать прямо в «Times» – Dr. H.Williams.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 506. Л. 6–6об. Автограф.

1927

Петру Д. Долгорукову

11/I.[19]27
9, Tite Street,
Chelsea, S. W. 3.
Kensington 763

Многоуважаемый Петр Дмитриевич,

Простите, что сразу не ответила. Я была в Париже, схватила там инфлуэнцу, а от нее никто не делается аккуратнее.

О Вашем брате мы много слышали и думали в Париже. Должна сказать, что меня его поездка (1143) взволновала и... не знаю, как сказать. Обрадовала не подходящее слово, когда П[авел] Д[олгоруков] си-

дит в большевистской тюрьме. Но, с другой стороны, такое мужество, такая цельность патриотическая, конечно, радует, освежает душу. Не могу думать о нем иначе как с глубочайшим уважением.

Относительно «Times» муж сделает, как Вы хотите, т. е. даст заметку. М[ожет] б[ыть], у Вас есть более точные сведения, где он сейчас и как обстоит с судами?

С искренним ува[жением]

ГА РФ. Ф. 5898. Оп. 1. Д. 56. Л. 1, 1об. Автограф.

Письмо Ю. Ф. Семенову

30.V.[19]27

Дорогой Юлий Федорович,

Эти дни, когда мы все еще переживаем приятный поворот в англо-советской политике, я с особенной горечью думаю о русской политике и хочу немного поплакать в Ваш жилет.

Пришла, наконец, долгожданная мировая борьба с коммунизмом, но русская мысль и русская воля в нее не вложена. Русское общественное мнение молчит. Да его и нет. Разве не характерно, что в пятницу, печатая результаты голосования в парламент, ни Милюков, ни Струве не поместили по этому поводу передовых статей. Значит, ничего не прозвучало в их мозгах. Не было потребности высказаться, или нечего было сказать.

Мне думается, что для «Возрождения» это особенно показательно. Я не следила за Милюковым, только по перепечаткам видела, что он иногда считал Советское Правительство представляющим интересы России и потому отчасти признавал его. Но «Возрождение» непримиримо. Значит, для него изгнание большевиков должно быть ясным и желанным шагом, достижением в борьбе. Но именно сознание борьбы отсутствует в газете. Простите, что я это говорю, но вопрос настолько серьезен, что я считаю себя обязанной высказаться прямо и до конца.

Когда Струве начал газету, я знала, что он не газетчик, но еще верила, что у него есть политические мысли, что его внимание сосредоточено на одной основной, все покрывающей задаче – на борьбе против Советской власти за освобождение России.

Газета могла и должна была стать оружием борьбы, сосредоточием организованной эмиграции. Той ее части, которую мы называем патриотической или национальной.

Струве этого не сделал. Растерянный, рассеянный, мечущийся по Европе, он сам не внес светлых мыслей, да и сотрудников не сумел натаскать на настоящую работу. Я даже не говорю о подборе. С тем же составом можно было бы получить другие результаты, если бы сам Струве не был так безнадежно бестолков. Именно от него исходит

заразительное малокровие и газетное, и политическое. Стиль высокомерный, начиная от передовой и кончая заметкой о картине. Чувство факта – этой основы газетного дела, нет. Русская жизнь не отражается, если не считать кружковых ссор. Люди и мысли иногда врываются, но как-то со стороны, просто потому, что в эмиграции слишком много образованных людей и не может не прорываться их способность думать и писать.

Газета не только не стала сборным местом для беженцев патриотов. Она еще внесла лишнее распыление и смуту в умы. Я не могла без горечи смотреть, как офицерство читает «П[оследние] Новости]» (1144), ругая Милюкова и все-таки незаметно воспринимая его идеи. В этом виноват Струве.

Теперь я слышу, что «общественность» его опять поддерживает. Боятся, что «Возрождение» станет «листком». Господи, какое стародевичье, опасливое отношение к газетчине. В конце концов надо понять, что газета есть газета, что надо «Возрождение» сделать газетой, т. е. орудием ежедневного воздействия на читательские умы. Если такой газеты нельзя создать, то издавать ежедневный орган для печатанья «Дневника политика» (1145) не стоит. Дешевле и проще обеспечить ему право еженедельного разговора с теми, кто захочет его слушать.

Когда Федоров (1146) был у меня, я ему сказала почти все, что пишу Вам, только с большей резкостью. В оценке самого Струве М. М. [Федоров] со всем соглашался. Только сказал: «Неужели вы за Гукасова?» (1147). И я поняла, что все еще не изжиты в этом кругу старые предрассудки. В пустых чемоданах бывшие политики притащили с собой в эмиграцию бывшие репутации и цепляются за них вопреки всем урокам жизни.

Между тем положение очень простое. Два года был Струве редактором и провалился. Нужна смена, но настоящая, полная. Я смотрела безнадежно на ваши половинчатые перевороты. «Возрождению» нужен другой редактор, а не два враждующих между собой редактора. Все эти Иван Иванычи, отстаивающие Струве, не могут ни создать, ни поддержать, ни унизить газету. Это все отработанный пар.

Конечно, если Гукасову хочется без конца приплачивать, чтобы обеспечить Струве и Зайцеву (1148) право разговаривать с тесным кругом старых друзей, то это его дело. Но при чем Вы тут? За эти 6 месяцев Вы проявили терпения больше, чем самосохранения. Стоит ли? Та половинчатая новая конституция, о кот[орой] Вы мне говорили, право, ни к чему. Вам или надо стать редактором, или, если издатель оробеет перед шипением комитетов и комитетчиков, просто уйти.

Но должна сказать, что дальнейшее худосочное вымирание «Возрождения» наносит большой ущерб русскому делу, как слишком явное доказательство полной бездарности и бесплодия русской национальной мысли. Поэтому я еще надеюсь, что борьба решится в Вашу пользу. При нынешнем положении русского дела не за извилистыми

политическими мыслями надо гнаться. Надо пробуждать волю к действию. Это лучше всего достигается простыми фактами, сведениями. То есть как раз тем, что Струве никогда не умел, а теперь еще меньше умеет подать. Если Вы найдете нужным, можете показать это письмо кому угодно. Признаюсь, как раз теперь я особенно остро чувствую, что газета нужна, но что при Струве ее быть не может.

Ваша Ар. Вильямс

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 135. Л. 1–3. Машинопись. Копия.

С. К. Тырковой

20.VII.[19]27

Дорогая моя мамуля, я эти дни закрутилась. Отчасти п[отому], ч[то] отъезд близко и хватаюсь за все дела сразу – книги, библиотека, хозяйство, гости. Сейчас ждем к завтраку пять человек. Итого нас будет 8, а приходящая горничная умеет служить только на 6?! Завтра тоже набежал седьмой гость, кроме лорда и леди Charnwood (1149) и Caneton, советника фр[анцузского] посольства, придет еще Массарик, ч[то]б[ы] переговорить, как подготовить Кедровым (1150) хороший прием в Америке. Но мы с Е[катериной] Вас[ильевной] решили, что заставим ее справиться.

Вчера была опять в Институте в русском кружке и из-за этого даже плохо спала ночь. Доклад делал американец, кот[орый] месяц был в России. Он представитель YMCA. Адя объяснит тебе, что это значит. Но христианского в этом проходимце очень мало. Он сдержанно осуждал большевиков за их «ненаучный догматический атеизм», за их желание произвести мировую революцию, но очень несдержанно восхищался их заботами о детях и безработных и заявил, что хотя много у них нехорошего, но, как после франц[узской] революции, несмотря на ее террор и жестокость, получились добрые результаты, так и большевистская революция в результате несет миру добро. Тут же утверждал, что мужики и рабочие теперь богаче, чем были прежде. Все было лицемерно, невежественно и противно. Я поняла, что передо мной масон. И это мне не понравилось.

Приходил титулованный русский маляр. Надо отделать лестницу, еще не знаем его сметы, как бы дорого ни заломил. И цвет еще не выбрали.

Целую твои руки, моя любимая мамуля, Господь с тобой.

Твоя Ди[на]

Софу с дочкой целую, а также и Верочку.

Метальникова (1151) писала Наде, что видела тебя и в восторге.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

1929

Письмо А. О. Гукасову

21.VI.[19]29

Глубокоуважаемый Абрам Осипович,

Прочла передовую. О Макдональде в № <цифры пропущены> от 18 июня и огорчилась. Ведь это же глубочайший провинциализм, точно Возрождение издается не на Бульваре Маделен, а в Белграде или Бухаресте. При моей белизне никто не заподозрит меня в неожиданной слабости к Рамзей. Но и о противниках надо писать зная их, надо высказывать суждение осмысленные. Когда Ренников (1152) в фельетоне поносит всех иностранцев просто за то, что не они у нас в гостях живут, а мы у них, то за это он сам и отвечает. Но за передовые отвечает редакция, в них отражается уровень редакционного понимания политики, та грань культурного мышления, к кот[орой] должен и читатель придвигаться. Простите за длинные рассуждения, но я не могу взять в толк, как в Вашей газете, с Вашим знанием Англии, могут проскакивать пустяковые, а главное, именно лишенные этого знания и понимания Англии статьи. У русского человека и так в иностранной политике мозги набекрень, что и неудивительно. Зачем же еще туману напускать? Что Макдональд упразднит государя, ликвидирует существующий строй, что в нем естество II Интернационала сильнее английского естества – все это словесный туман, придающий неверные очертания реальным фактам.

Написала все это, п[отому] ч[то] как Бурцев не могла молчать. Несмотря на многие царапины и зазубрины, я продолжаю видеть в Возрождении самую близкую мне газету и как-то досадно видеть такие ненужные промахи. Тем более что политическое положение Англии дает материал к очень интересным соображениям и наблюдениям. Может быть, Вы будете в Англии? Хорошо бы тогда просто поговорить.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

1931

Е. Д. Кусковой

5.V.[19]31
Stirling Cottage
Brighstone
I. of Wight
*London S.W.3.**

Дорогая Екатерина Михайловна**,

Рада была услыхать Ваш голос, хотя бы и в письме, издалека. Давно не видались и, вероятно, заспорили бы сразу, как только встретились. Такая уж наша русская судьба. Помните как новгородцы все на мосту такали, такали, да Новгород протакали... Но споры это особ статья, а живые люди сами по себе. И к Вам, какая Вы есть, у меня всегда было самое теплое чувство. Ваша жизненность, активность, цельная преданность делу, даже самая Ваша властность, всегда меня восхищали.

Вот Вам маленькое объяснение в любви.

Философову (1153) я все равно не могла бы прислать. У меня только один экз[емпляр]. Пусть уж детям остается. А что Вы эту книгу должны пересмотреть, я рада. В ней много густорусского материала.

Нет, я не решила переехать в Париж. Пока я просто свернулась и переехала в свои чемоданы. Дом, в кот[ором] мы с мужем жили, был мне непосилен и заботы о нем мешали работать. Теперь авось снова прилипну к чернильнице.

Хотелось бы мне знать мысли С. Н. [Прокоповича] о пятилетке. По-моему, это дьявольское изобретение, от которого Россия еще больше захиреет, а коммунизм разжиреет. Была бы очень благодарна, если бы Вы прислали мне какую-нибудь статью С. Н. [Прокоповича] на эту тему. Для нашей лондонской работы это было бы очень нужно. Передайте С. Н. [Прокоповичу] мой привет, а Вас позвольте по старой памяти поцеловать.

Ариадна Вильямс

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 506. Л. 4—4об. Автограф.

---

* <Помета А. В. Тырковой:> Я здесь только до 14/V. Мой почтовый адрес на некот[орое] время: Westminster Bank. Lower Sloane St. Branch. 34 Sloane St.

** Очевидная описка, следует читать Дмитриевна.

В. А. Оболенскому

13.V.[19]31
Stirling Cottage
Brighstone
Isle of Wight

Дорогой Владимир Андреевич,

Спасибо, что побаловали книжкой (1154). Читала и завидовала цепкости Вашей памяти: масса подробностей, что всегда вносит жизнь. Вы очень хорошо описали волнения гимназисток, когда их вызывали к княгине (1155). Со мной это довольно часто случалось, и я до сих пор помню свое искреннее недоумение, как это княгиня, такая умная и не понимает, что нельзя не шалить? Мы ее очень любили, Вашу мать. А Ладыжинскую не любили.

О гимназии, куда меня отдали 6 лет, я всегда вспоминаю с благодарностью. Хотя меня и выставили. По-моему, зря.

Но откуда у Вас идиллические описанья наружности Крупской. Мы много лет были друзьями. Я помню ее лицо во всех подробностях. Не было ни одной красивой черты. Она была похожа на поросенка и глаза были маленькие, бесцветные. Я ее и такой любила, в известной степени и сейчас люблю, но не без изумления прочла ваше описанье. И главное что меня поразило – неужели даже на Вас действует авантюра ее жизни?! – Ну, не сердитесь.

Я пишу из деревушки. Тут чудесно пахнет цветущими яблонями и вспаханной землей. Но все-таки в России запахи были чудеснее. Передайте мой привет О[льге] Вл[адимировне] (1156) и тем, из молодежи, кто меня знает. Еще раз спасибо за книгу, за ее четкость, за хороший русский язык.

Ариадна Вильямс

Знаете ли Вы, что Софа написала книгу (1157) о своей жизни на французск[ом] и что к осени она выйдет сразу и в Англии, и в Америке.

ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 851. Л. 3–3об. Автограф.

Лорду Роберту Сесилю

12.VI.[19]31

Dear Lord Robert Cecil,

Allow me to express my gratitude to you for the speech you made in the Institute of International Affairs on June 3rd. You emphasized the moral side of the struggle against any kind of slavery and you rightly said that even the existence of such an evil is a great evil. I cannot appreciate too highly the importance of your support when in your reply to my few words you

expressed a desire for an investigation of the forced labour, if not slavery, in Russia by a commission in the League of Nations.

Now the same question is being raised at the Intern[ational] Labour Conference at Geneva. According to the «Times» of June 8th, a Swiss delegate, M. Traut, said that is the duty of the I.L.C. to examine the use for-ced labour in Russia. His proposition corresponds to the views expressed by you at Chatham House (1158). It would be of great value if you will second it. You have a quite exceptional and well deserved popularity and authority in the League of Nations. Your word will help them to take the right direction in this extremely acute problem. The conditions of life in Russia have a greatest influence on the political, economic and moral life of all other countries, including this country. And, as you said, the first weapon to be used against the evil, – and evil it is, – is the weapon of international public opinion. The best workshop for it is the League of Nations of which you are one of the best skilled craftsmen. But noblesse oblige.

That's why I appeal to you. The facts and information, as they appeared in England are many. But what we need is a well balanced and, if possible, impartial ju[d]gement. It is time for the League of Nations to pronounce it. Her silence will do no good to her authority.

If you should wish for any further information I should be happy to place myself at your disposal.

Ar[iadna] W[illiams]

<Пометка на полях А. В. Тырковой:> Посылаю через Hoare'a.

Дорогой лорд Роберт Сесил,

Позвольте мне выразить Вам признательность за речь, которую Вы произнесли в Институте международных отношений 3-го июня. Вы подчеркнули моральную сторону борьбы с любым видом рабства и справедливо отметили, что даже самое его существование есть ужасное зло. Я не смогу переоценить важности Вашей поддержки в своем ответе на мои несколько слов, которую Вы выразили в желании расследовать принуждение к труду, если не рабство, в России комиссией Лиги Наций.

Теперь тот же вопрос поставлен на Международной конференции труда (МКТ) в Женеве. Согласно «Таймс» от 8 июня, швейцарский делегат М. Траут заявил, что изучить использование принудительного труда в России составляет обязанность МКТ. Его заявление согласуется с Вашими взглядами, изложенными Вами в Чатем-Хаусе (1158). Будет очень ценно, если Вы поддержите его. Вы обладаете исключительной и совершенно заслуженной популярностью и авторитетом в Лиге Наций. Ваше слово поможет им избрать верное направление в отношении к этой чрезвычайно острой проблеме. Условия жизни в России имеют огромное влияние на политическую, экономическую и духовную жизнь всех других стран, включая эту страну. И, как Вы

сказали, первое оружие, которое следует использовать против зла, – а это именного зло, – это оружие международного общественного мнения. А лучшая мастерская для него – это Лига Наций, в которой Вы один из лучших мастеров. Положение обязывает.

Вот почему я обращаюсь к Вам. Фактов и информации, достигшей Англии, достаточно. Но то, что нам нужно – это хорошо сбалансированное и, по возможности, непредвзятое судебное разбирательство. Настало время для Лиги Наций объявить об этом. Ее молчание не пойдет на пользу ее авторитету.

Если Вы желаете получить любую дополнительную информацию, буду счастлива быть в Вашем распоряжении.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Копия.

Е. Д. Кусковой

2.VII.[19]31
38 Ellerker G[ar]d[e]ns
Richmond
Surrey
England

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Мне прислали Вашу статью о Дне Вчерашнем и спрашивают, почему Вы называете меня редактором, а не автором биографии Философовой?

Действительно, почему?

Вы старая и опытная писательница и хорошо понимаете разницу между этими двумя словами. Оба тома, посвященные ее памяти, были изданы под редакцией ее сына, Д. В. Философова. Но он работал почти исключительно над вторым томом (мне только помог в семейных архивах), где собраны материалы и отдельные статьи. А я автор первого тома, т. е. биографии, о которой Вы мне еще недавно писали в столь лестных и даже благодарных выражениях.

Я отнюдь не претендую на то, чтобы Вы повторяли в статье Вашей те похвалы моей книге, которыми побаловали автора в частном письме к нему. Но я убедительно Вас прошу послать в ту же газету поправку с указанием, что биография А. П. Философовой, которая дала Вам материал для этой статьи, написана Ариадной Тырковой, а не кем-то другим под ее редакцией, как это можно заключить по Вашей статье, напечатанной в № 3751 «Последних новостей».

С полным уважением
Ариадна Тыркова

ГА РФ. Ф. 5854. Оп. 1. Д. 506. Рукопись. Автограф.

1932

Лорду Ф. Сноудену (1159)

23.III.[19]32
53 Chester Ter. S.W.I.

Dear Lord Snowden,

During the debate in the House of Lords on March 16 you have said about the report on slavery in Liberia «the revelation in that report shocked the moral conscience of the whole world».

May I draw your attention to the slavery in the USSR which ought equally to shock the moral conscience of all those who realize the labour conditions in Russia. Yet the slavery in Liberia has hardly the same significance for the economic life of the world as the introduction of convict labour in a country with a population of 160 millions. Here we are facing a new fact in the life of Europe and a very powerful one. Hence from the point of view of morality as well as of economics it ought to be investigated as fully as possible for the information of public opinion in all countries.

Therefore a year ago Russians residing abroad approached the League of nation with an appeal «for immediate enquiry by the League of Nations and its competent departments into the question of organization labour in Russia» (1160). They were not anticipating a dispatch of an investigatory Commission to the USSR. They suggested that a special Committee has to be organized either by the League or by the BIT (1161) which had to examine all the reliable material concerning the position of labour in the USSR. This appeal was signed by thousands <?> of individuals, hundreds of organizations, by illiterate peasants, professional men, scientists and members of different political parties.

So far the appeal has had no result. The reply of Sir Eric Drummond (1162) was that the Secretariat has no right of initiative. But is it no time for one or the Members of the League to raise the matter? And why not England?

Last winter I heard a speech by Sir John Simon (1163) in which he spoke of the automatic repulsion felt by every cultured human being for the slavery in Liberia. I am quite sure that when the conditions of labour in the USSR will be investigated with the same thoroughness as were those of negroes in Africa the same automatic repulsion will be aroused and the dangerous illusion that Communism is the panacea against the faults of the capitalist system will vanish.

Being an old radical I still hope against hope that truth will advance the cause of humanity and I feel sure that Your Lordship's authoritative intervention would help to remove the screen behind which every day more and more human suffering is hidden.

Ariadna Williams

23.III.[19]32
53 Chester Ter. S.W.I.

Дорогой лорд Сноуден (1159),

Во время дебатов в Палате лордов 16 марта Вы выразились по поводу доклада о рабстве в Либерии, что «разоблачения этого доклада шокировали моральные представления всего мира».

Могу ли я указать Вам на рабство в СССР, которое в той же мере должно шокировать моральные представления всех, кто представляет себе условия труда в России. В то же время рабство в Либерии едва ли имеет такое же значение для мировой экономики, как введение труда заключенных в стране с населением в 160 млн чел. Здесь мы сталкиваемся с новым фактором в жизни Европы, и весьма сильнодействующим. Посему как с моральной, так и с экономической точек зрения, он должен был быть максимально полно исследован для информирования мирового общественного мнения.

По этой причине год тому назад русские, постоянно живущие за границей, обратились в Лигу Наций с просьбой к ней и ее компетентным органам «немедленно расследовать вопрос об организации труда в России» (1160). Они не предвосхищали направления в СССР комиссии по расследованию. Они предложили организовать специальный комитет либо Лигой, либо МБТ (1161), которому следовало проверить все заслуживающие доверия материалы относительно положения трудящихся в СССР. Этот призыв был поддержан тысячами людей, сотнями организаций, неграмотными крестьянами, разного рода специалистами, учеными и членами различных политических партий.

До сих пор это воззвание не возымело действия. Ответ сэра Эрика Драммонда (1162) был – Секретариат не имеет права инициативы. Но не настало ли время одной из стран-членов Лиги поднять эту проблему? И почему бы не Англии сделать это?

Прошлой зимой я слышала речь сэра Джона Саймона (1163), в которой он говорил о чувстве естественного отвращения каждого культурного человека к рабству в Либерии. Я вполне уверена, что когда условия труда в СССР будут расследованы столь же тщательно, как в свое время негров в Африке, возникнет то же чувство естественного отвращения, и опасная иллюзия о коммунизме как панацее от дефектов капитализма исчезнет.

Будучи старой радикалкой, я вопреки всему все еще надеюсь, что прогрессу человечества будет сопутствовать правда, и я уверена, что авторитетное вмешательство Вашей светлости поможет убрать завесу, за которой скрываются каждодневно возрастающие страдания людей.

Ариадна Вильямс

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

1936

Письмо А. Ф. Мейендорфу

20.II.[19]36

Дорогой Александр Феликсович,

Вы отнеслись с таким деятельным товарищеским состраданием к моему несчастию, имя которому Сидней Вебб (1164), что я должна дать Вам отчет об этом представлении, которое вышло совсем не так импозантно, как мне думалось. Я была даже немного обижена, что сам герой похож на жирного клопа, насосавшегося буржуазной кровушкой.

Основной тезис был, что в России рассвет материального благополучия. Это слово – plenty* – повторялось на все лады. В доказательство приводилось количество тракторов, отмена карточек, заказ из колхозов на 9000 роялей, «подумайте, какой уровень, неслыханный при царях – мужики требуют роялей». А мужички хотят иметь не одну пару сапог, а две. В доказательство изобилия он описал магазин Гастроном, московский Фортнум и Мейсон (1165), где можно все достать и где за месяц перебывал миллион покупателей. Кто они, он не сказал.

В России нет больше безработных, там социальное обеспечение стоит на небывалой высоте, сельское хозяйство перескочило из XIV века в XX, вообще это новая цивилизация, и Англии надо спешить, чтобы от нее не отстать. Тут по зале пробежал ропот. Вообще, его слушали с той почтительностью, кот[орую] здесь вызывает большое имя и старость. Но настоящего успеха он не имел. Как лекция это было скучно, как оценка Советов слишком наивно и официально. О политике ни слова.

Первым встал Невинсон (1166) и, как всегда, обрушился на советскую тиранию. Он напомнил, что англичане не мирятся с политическим гнетом, с преследованиями и отсутствием свобод. На это клоп с усмешкой и ужимками, напомнившими мне блаженной памяти Виктора Чернова на Госуд[арственном] Совещании, спросил, есть ли в Англии свобода. Вот мой друг Невинсон поедет на своем автомобиле дом[ой] в Хэмпстэд. Невинсон угрюмо: У меня нет автомобиля. – Ну, все равно, на такси и полицейский будет ему предписывать правила езды. Тоже нарушение свободы. Так и в Советской России есть некот[орые] правила. Насчет преследований за убеждения, так ведь люди от убеждений переходят к действиям. Советы вынуждены с этим бороться. Разве в Британской Империи, особенно в Индии, лучше? Там тоже тысячи сидят в тюрьмах.

На этом месте опять публика зашевелилась. Им совсем не нравилось предложение учиться у коммунистов, а тем более считать Россию

* Изобилие, достаток *(англ.)*.

более цивилизованной, чем Британ[скую] империю. Вышла Герцогиня Атольская (1167) и стремительно высыпала ряд данных о принудительном труде и лагерях, со ссылкой на последнюю книгу Чернавина (1168). Ей хорошо аплодировали. Клоп опять сказал, что это все преувеличено и что, конечно, он читал Чернавина, как вообще читал все книги на свете, но что Чернавин дает не столько свой опыт, сколько непроверенные рассказы других. Тогда сорвался наш друг Пэрсик (1169). Прежде всего похвалил лектора, сказал, что со многим согласен и прежде всего с тем plenty, кот[орое] сейчас царит в России, но он протестует против такой оценки Чернавина. «Вы сказали, что Чернавин в своей книге говорит неправду». – «Нет, что вы, я никогда этого не говорил. Я только сказал, что он передает чужое свидетельство, а не только свой опыт». – Очевидно, клоп испугался дела о клевете. А Пэрс очень внушительно заявил, что, говоря о России, надо прежде всего помнить, что Советская власть уничтожила всякий проблеск свободы и что он и в Москве им говорил, что настоящее сближении может быть восстановлено только тогда, когда они восстановят свободу совести и все остальные свободы.

Опять аплодисменты. По-видимому, эту политическую часть англичане понимали куда лучше, чем престарелый исследователь советской цивилизации, которому Соловейчик очень метко, хотя и резко ответил насчет изобилия цитатами из недавних речей Межлаука (1170) и Сталина. Привел их слова о том, что производство хлеба еще не достигло уровня 1913 г. На это мудрец ответил: «Это произошло п[отому], ч[то] прежде экспортный хлеб производился помещиками, их больше нет». К сожалению, не было времени его спросить, не есть ли это аргумент против колхозов и не посоветует ли он Сталину выписать несколько сот русских дворян из Парижа.

Мне не пришлось воспользоваться Вашим материалом. Времени уже не было. Вебб вместо часа говорил полтора. Я только спросила его, что если он отрицает право Чернавина приводить свидетельства товарищей по тюрьме и каторге, то следует ли из этого заключить, что их два тома написаны на основании личного опыта, а не списаны с официальных советских документов. К сожалению, я на этом не остановилась и привела слова Сталина, что советской статистике верят только дураки. Потом уже раскаялась, но вы поймете, что нелегко было сохранить равновесие в присутствии такой тупой самоуверенности. Это клоп, обтянутый кожей бегемота. Его не проберешь. Я потом ночь не спала и думала о вашей бессонной ночи в их доме. Очень рада, что Ваша отличная рецензия будет напечатана. Еще раз спасибо. Вернуть Вам корректуру?

Мне очень тронуло письмо баронессы (1171). Мне приятно думать, что Г. В. [Вильямс] был у Вас в гостях. Я ей еще напишу, пока ее целую.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–3. Машинопись с рукописными вставками.

Е. Д. Кусковой

5.VI.[19]36

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

Очень рада была услыхать Ваш голос, хотя бы в письме. И от Вашей лирики насчет «прекрасного черного платья» пахнуло теплой стариной, когда мы жили «среди (или в стране?) насилия и гнета». Так начиналась прокламация, которую мы с Аничковым (1172) сочиняли, а жандармы склеивали потом клочки и подшивали к делу.

Ну вот, отвечу по пунктам.

1) Оттиск статьи Мейендорфа у меня, случайно, оказался. Можете не возвращать, а приобщить к своей библиотеке.

2) Если Александр Феликсович Мейендорф (Monrepos, Viborg*) согласится, то лучшего переводчика не найдете. Если не согласится, будем думать о другом. Поищем со смыслом, хотя таких вообще на свете не много.

Шумиха около Рубинштейна (1173) это подтверждает. Тут какое-то массовое ошаление. Где они были эти 10 лет, когда он упорно и бесшумно работал? Что тот Иванов VII (1174), расписывающийся сейчас в жалобной книге, думал раньше? Я согласна, что Иванову вообще натуральнее представлять Россию, чем Рубинштейну, но, когда есть очень определенная и очень трудная задача, которую с таким достоинством исполняет не-ариец, я только радуюсь, что великая страна по-прежнему находит верных сынов среди всех племен и народов, по ней и даже за ее пределами рассеянных.

Смешно мне опять стать жидомасонкой, когда меня последние годы почему-то считали юдофобкой и мрачной реакционеркой. Жизнь дала нам много мрачных уроков, это верно. Веселая песенка – мир прекрасен, человек свободен, – меня больше не пленяет. Т. е. постольку-поскольку человек в ней берется как предельная мера вещей. Свобода и достоинство личности для меня по-прежнему необходимое условие общежития. Поэтому я до конца отрицаю коммунизм и в значительной степени фашизм.

Но есть над человеческим самоутвержденьем иные ценности. Когда я, в меховой ротонде, напугавшей Евгению Ивановну (которой дружески кланяюсь), вошла в Предварилку, я, как и 99 % интеллигентов, была полна энтузиазма к homo sapiens, и только и всего. На этом мы все и сорвались.

Не думайте, что я проповедую. Где уж там.

А все-таки в самой России сейчас что-то творится, какой-то даже не шорох, а треск слышится. Я не верю и не верила в эволюцию верхов коммунистических. Эти – каков в колыбельку, таков и в могилку. Но какой-то на них идет напор.

---

* Монрепо [усадьба], Выборг.

Я, как бывало встарь наш чудодей Дмитрий Ив[анович Шаховской], даже формулу нашла – Россия спасется Пушкиным. Видели Вы, как в Москве в декабре надрали уши Мирскому (1175) за хулиганские слова о Пушкине и заставили его взять их обратно?

Этот культ Пушкина меня, признаюсь, волнует.

Что-то я Вам написала длинно и путано. По доброй русской привычке виню в этом не себя, а Вас – зачем разбудили змею воспоминаний. Помните, кто это сказал? (1176)

И Вам, и С[ергею] Н[иколаевичу Прокоповичу] дружески жму руку.

Сердечно преданная
Ариадна Вильямс

Передайте от меня привет Паниной и Жекулиной. Хотелось бы всех вас повидать.

Читали Вы Cheerful Giver – биографию Гарольд Вас[ильевича], кот[орая] вышла в ноябре? Ни одна из книг не стоила мне такого усилия.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 506. Л. 2–3об. Автограф.

1939

Г. Г. Кульману

Мая 21 дня [193]9 г.

Глубокоуважаемый Густав Густавович,

Посылаю Вам на английском языке просимые Вами сведения о тех лицах, которым необходимо уехать и которые не имеют денег на дорогу. Постараюсь в этом письме дать Вам объяснения каждому из уезжающих.

1) В. Вальтер – молодой человек 21 года. Был привезен в Чехословакию преподавательницей Педагогического Института в 1923 году. Старая женщина, его воспитавшая, живет на чешскую помощь в самом минимальном размере. Как приехавший в 1923 году, подданство получить не может. Афидевид (1177) дал ему Колесов (1178), который и берет его к себе на ферму. Он сможет, таким образом, прокормить здесь старушку и сестру, которая очень бедствует.

2) Д. Иванцов (1179) – университетский профессор. Никакой надежды не имеет продолжать здесь свою ученую работу. Имеет в Америке брата и большие знакомства в разных университетах. Афидевид его находится в дороге.

3) Б. Одинцов (1180) – в таком же положении, как и проф. Иванцов. Судя по письмам, ему присланным, получит афидевид и возможность работы по специальности в Америке.

4) П. Миловидов (1181) – доктор Карлова университета. Получил уже предложение на fellowship* в Йельском университете. Весь вопрос заключается в невозможности вывезти свою семью из 3 человек.

5) П. Савицкий (1182) – профессор, лектор в настоящее время в университете в Праге, где получает 1000 крон. Дальнейших возможностей никаких нет. Семья же его огромная. В Америке имеет брата, не женатого, и очень большие связи с американскими университетами. Афидевид в дороге.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

1940

В. А. Маклакову

16 февраля 1940 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Я ушла от Вас без уверенности, что Вы напишите Асторам (1183). А это было бы очень полезно. Они стоят в центре политической жизни, может быть, не по личным качествам, а по богатству и п[отому] ч[то] у них обоих есть политический темперамент. То, что говорят они, а в особенности, что говорится кругом них, часто имеет больше влияния, чем парламентские речи. Словом, очень важно, чтобы они услыхали голос русского политика в эти критические месяцы. Отчего бы Вам не ответить письменно на приветствие, хотя бы и устное. А по существу, можно было бы их попросить поставить Вам вопросы. Нет нужды начинать с обстоятельного меморандума, когда основная мысль так проста – пока в Кремле сидят советы, не будет в мире ни покоя, ни благоустройства. Если Вы будете писать ей, можете адресовать в парламент, или в их дом на <пропуск в тексте>.

А ведь то, что Чемберлен с такой легкостью и простотой отменил закон, запрещавший англичанам служить в чужих войсках, любопытный показатель. Значит, северный фронт вроде как свой. Тем более надо Вам написать Асторам.

Надеюсь, что Ваша подагра проходит и что следующий раз, когда я приду, я увижу Вас не лежачего. Привет Марии Алексеевне [Маклаковой].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

---

* Стипендия на проведение научно-исследовательских работ в университете *(англ.)*.

1941

Б. П. Вышеславцеву (1184)

13/IV.1941 г.
Pau. France

Оратор, философ и милый человек,
Нам не забыть тебя вовек.
Под грохот пушек мировых,
Средь беженских забот съестных
Ты щедро наделял нас пищею духовной,
Делился мудростью и светской, и церковной,
Мы, с благодарностью твоим речам внимая,
Спускаясь в глубь психических глубин,
Пытаясь постигать причины всех причин
И расходясь, твердили как один:
Оратор, философ и милый человек,
Нам не забыть тебя вовек.

Ариадна Тыркова

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Автограф.

1944

В. А. Маклакову

23.II.[19]44 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Вот еще какая напасть с Марией Алексеевной [Маклаковой]. Дай ей Бог хорошенько и быстро поправиться. Очень прошу не забыть передать ей прилагаемую записочку.

Только сегодня утром дочитала Ваш третий том (1185). Читала его с волнением. Все это когда-то было так близко, даже казалось так понятно, так необходимо. А Вы подходите совсем иначе, хотя тогда и были среди нас. Я понимаю, что теперь у нас есть страшная историческая перспектива, которой тогда не было. Понимаю и Ваш прием отделения истории понимания от истории созерцания. Но почему Вы так тщательно, до последних восклицаний и отдельных фраз в речах и статьях из книги в книгу коллекционируете слепоту, промахи, упорство, скажем просто, глупость оппозиции, но в том, что я прочла, ни разу не дали сводки того, чем правительство довело до революции. Вы отмечаете, что на ноябрьском земском съезде (1186), который оказался на высоте своего положения – Ваши слова, была картина блеска и таланта. Почему же, как могло случиться, что все эти блестящие, талантливые, скажу от себя, умные и хорошие люди, поступали как без-

умцы, делали все, чтобы мешать правительству осуществлять то, что было целью всего освободительного движения, т. е. ввести правовой строй. Вы отличный аналитик и Ваша глава с анализом Основных Законов читается как роман. Но весь блеск Вашего анализа не может заслонить этот странный пробел, п[отому] ч[то] тонкость Вашего разбора все время кромсает общественников, а в сторону правительства Вы мимоходом бросаете несколько неодобрительных слов. А как понять ваш натиск, его страстность, если не понять, против кого это было направлено. Даже такой человек, как Евг. Трубецкой в своих чудесных воспоминаниях (1187) посвятил несколько страниц тому, в какое отчаяние приводили его и его брата Сергея действия правительства. Вот я и спрашиваю себя и Вас, почему лучшие, наиболее талантливые русские люди отшатнулись от исторической власти, потеряли к ней доверие. Ведь и на сговор не шли, п[отому] ч[то] не доверяли. Так же как власть не доверяла им, в течение десятилетий отводила, не утверждала, вообще мешала жить и действовать. А ведь у людей, кроме потребностей желудка, есть и другие, личные и общественные. Все это и породило бешенство левизны, которое нас теперь поражает. Но чтобы осуществить историческое понимание, надо указать, что его породило, указать так ясно, как Вы в нескольких томах вскрываете безумие общественности. Вы рассказываете, что сами требовали арестантских рот для пристава, дерзнувшего прийти на кадетское учредительное собрание. А ведь Вы уже тогда были не мальчиком и вооруженным юридическими навыками. Отчего же Вы в этот момент – простите за резкость, – так же поглупели, как и все остальные. Вы передаете исключительно интересный разговор с Клемансо. Вот его слова о потоке Вы слишком забыли, когда так беспощадно распластали бедных кадет.

Еще до переписки с Вами я дописала мои воспоминания до III Думы и не раз с досадой и горечью отмечала наши ошибки. Я понимаю их роковой для России смысл, болею этим и об этом пишу. Но чем больше я Вас читала, тем сильнее было во мне ощущение, что я не хочу быть политической кающейся Магдалиной. Все-таки в мой жестокий век восславил я свободу... Я очень скорблю, что мы не умели и не хотели осудить террор, не умели и не хотели сговориться с правительством. Это все была ядовитая отрыжка многолетнего расхождения с властью, которое началось с декабризма. До него лучшие люди не боялись близости с троном и цари их не боялись.

Вы на стр. 602 даете злую характеристику общественникам, их самовлюбленности. Если бы Вы все это отнесли к Милюкову и Винаверу, я согласилась бы. Но ведь был у нас Шаховской, был Шингарев, были Свечин, были многие занятые не собой и своим положением, а теми идеями, пафос которых Вы недооцениваете. Хотя сами признаете, что одна из заслуг к[а]д[етов], что они умели их распылять, бросать в толпу, ими заражать. Вы мне скажете, что этого мало для

политической деятельности. И да, и нет. Это необходимая часть полит[ической] работы, кот[орая] приобретает особенное значение, если политики не имеют власти проводить их в жизнь, но считают их для народа насущными.

Ну, довольно. Я слишком расстучалась. Но у меня забрезжила надежда, что Вы опять приметесь писать и дадите такую же беспощадную критику того, чем было правительство, как оно, владея многовековым опытом, довело образованных русских до революционного экстаза.

Надеюсь, что три главы, кот[орые] я отправила в конце прошлой недели, благополучно доехали до Вас. Извиняюсь, что возбудила в Вас ревнивую тревогу. У меня теперь Ваших три книги. Когда мое семейство их дочитает, я готова их выслать по железной дороге, если хотите. Или ждать оказии. Это у нас не часто случается. Но как скажите, так и сделаю. А пока жду следующих глав.

Еще два слова. Почему Вы считаете, что история не строится на недоразумениях. По-моему, даже современная война выросла из взаимного незнания и цепи недоразумений. А разве отношения между Столыпиным и оппозицией не гнездились в болоте недоразумений.

Очень прошу не забыть передать мою записку М[арии] А[лексеевне].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

6.III.[19]44 г.

Дорогой Василий Алексеевич.

Может быть, мне следовало бы извиниться, что я со своей кающейся Магдалиной задела Вас за живое. Но, признаюсь, виноватой себя не чувствую, т. к. никакого желания царапаться у меня не было. Но была определенная потребность высказать Вам мое читательское недоумение и я не жалею, что это сделала, у Вас тоже был оптический обман, что грехи и ошибки правительства и без того всем известны. И да, и нет. Уж если пе[ре]сматривать поведение общественности, то этого нельзя сделать не выставляя тут же, параллельно, поведение власти, в известной степени толкавшей на эти ошибки. А Вы пишете книгу за книгой, анализируя все глупости, проделанные оппозицией вообще, кадетами в частности, создаете тяжелый обвинительный акт и даете читателю забыть, да в каких же условиях, против кого все это делалось. Заметьте, что я сама, когда пишу об этой эпохе, с горечью вижу нашу слепоту, предвзятость, идиотскую книжность. Нет во мне ни партийной самовлюбленности, ни желания нарядить всех моих друзей в белые ризы. Но я до сих пор могу и хочу понимать освободитель-

ную ярость той эпохи. Ведь Грузенберг прав, когда хочет, чтобы мы, современники, передали наши идейные переживания того времени, а не только основанную на позднейшем опыте критику этих идей.

Вы меня обрадовали, говоря, что Вы от идей либеральных, т. е. кадетских никогда не думали отказываться. В этом наше главное оправдание, п[отому] ч[то] наше поколение в оправдании нуждается, да еще как. Но идеи наши были верны, кроме принудительного отчуждения (1188). Все остальное я хотела бы видеть в завтрашней России, хотя боюсь, что не увижу. С поправками и оговорками и отчуждение было бы [не] так вредно. Но как политики мы были лишены нюха, не понимали, как это делается, как входить в жизнь. Простодушно доверили тактику Милюкову.

Вы говорите, что писали книгу о II Думе в порядке полемики, на которую Вас вызвал Милюков и вообще кадетское самодовольство. Хорошо, что они Вас спровоцировали, т. к. Вы написали блестящее историко-юридическое исследование. Но расширьте свою тему, подумайте не о тех, с кем полемизируете, а о будущих читателях. Избавьте их от оптического обмана, который даже меня ввел в заблуждение, не давайте им забыть, покажите им дразнящую роль старого режима, встретившегося с неизбежностью осуществить манифест 17 окт[ября].

Писателя нельзя учить. Мы упрямо бредем каждый своей дорогой. Но как читательница я позволяю себе сказать, чего мне в Вашей книге, вернее книгах, т. к. и три печатных тома меня в этом отношении дразнили, не хватает. Я не хочу, чтобы люди, читая отзыв такого деятельного, талантливого и балованного современника, как Вы, с недоумением спрашивали: но если все это было так, если правительство действительно готово было при содействии оппозиции вводить новый строй, так эти кадеты были просто собранием зарвавшихся идиотов, лезли на рожон, неизвестно зачем. Между тем Вы так же хорошо, как и я, знаете, что кадеты делали глупости, но идиотами не были. Вот я и хочу, чтобы Вы это свое знание, как и почему «перли на рожон», явственнее показали читателю, для которого Ваша полемика с Милюковым имеет меньшее значение, чем роковые причины конфликта между общественностью и властью.

Лично я Вам очень благодарна за все, что Вы мне присылаете, за все, что Вы написали. Вы мне очень помогли, не скажу разобраться в сложной путанице 1900–1917 гг., но хоть какие-то тропинки нащупать, проверить свои собственные оценки и впечатления. Я стараюсь избегать таких аналитических приемов, которыми Вы блещете, но, даже передавая впечатления, трудно писать, не зная кого же считать правыми и поскольку. Вот тут-то Вы мне и помогли. И Ваша тонкая оценка Столыпина тоже расшевелила мои мозги.

Теперь кончаю. Я пролежала из-за печени несколько дней в постели, оттого сразу не ответила на Ваше письмо от 28-го. Да и сегодня

голова работает наполовину, но не хотелось долго откладывать ответ на Ваше довольно бурное письмо.

Еще несколько слов. Почему Вы называете время Алекс[андра] III мрачной реакцией. Это на Вас не похожая избитая оценка эпохи, которая, отчасти благодаря Витте, дала России возможность справиться с пореформенными экономическими трудностями. И другое замечание. Вы корите кадет за доверие к массам, а я, главное, за то, что не умели к этим массам прислушаться, их понять. В глубине народной было больше здравого смысла, чем в глубине толстых книг, которым кадетские начетчики так доверяли.

У Петра Бернгардовича [Струве] при всей его начитанности была способность внезапно вылезать из-под груза томов и стряхивать их с себя. В этом была тайна его влияния. Мне странно и грустно думать, что больше никогда не услышу я его бормотанья, часто бессвязного, и вдруг почти вдохновенного.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

16.III.[19]44

Дорогой Василий Алексеевич,

Посылаю Вам главы X и XI, оттиск главы о первой Думе и письмо Грузенберга. Буду ждать от Вас гл. IX, XII, XIII, XIV.

Меня не удивляет, что Милюков считал Вашу книгу вредной. В ней он наткнулся на слишком неприятный анализ его собственных ошибок. Само собой разумеется, что я, как Вы могли убедиться из всех моих писем, считаю Ваши книги не просто занимательным чтением, а чрезвычайно ценным вкладом в историю пережитой нами эпохи. Тем настойчивее хочу я обратить Ваше внимание на ее промахи. Главное на то, что Вы называете о[п]тиче[с]кой иллюзией. Ваши книги не просто бесхитростные воспоминания современника, как Вы их упорно называете. Это острый критический анализ деятельности оппозиции, в особенности кадет. Вы писали, что обращаетесь к читателям, кот[орые] ищут не созерцания, а понимания. Таким образом, Вы сами возложили на себя обязанность не просто описывать события, а их объяснять.

Тут-то я и начинаю предъявлять к Вам счет. Вы мне пишете, что ошибки власти были настолько очевидны, что не стоит на них останавливаться. Вы забываете, что пишете не для современников, которых становится все меньше и меньше, а для незнакомых читателей. Им надо показывать обе стороны, чтобы достичь той справедливости, о которой Вы неоднократно упоминаете. Я совершенно согласна, что кадетам, после крушения думской России, надо было подвести итог

собственным грехам. Вы это за них и делаете. Но тут Ваш анализ приобретает очень односторонний характер, п[отому] ч[то] Вы даете читателю забыть, какая же сила гнала нас, подымала, толкала на борьбу. Теперь, по сравнению с тем, что делается в России, мы понимаем, как мы были тогда богаты. Но чтобы объяснять поступки и течение мысли той эпохи, надо восстановить ее психологию. В данном случае особенно важно восстановить ее идеологию, ее пафос. Ведь от наших общих либеральных устремлений и мыслей Вы не отказались. Вы осуждаете только тактику, и правильно осуждаете. Для политиков это уже достаточно суровый приговор. Теперь смешно и противно думать, что мы так простодушно и почтительно слушали тактические доклады Милюкова, в которых не было ни тени понимания, как делается политика. Но основные наши политические домогательства от этого не теряют своего значения. Вот я оттого так к Вам и пристаю, что хочу, чтобы Вы со свойственной Вам изобразительностью напоминали читателю не только промахи оппозиции, но и существенную правильность ее домогательств, в чем и почему она расходилась с правительством. А то в Вашем изображении читатель может принять все общественное движение за истерические выходки самовлюбленных интеллигентов. Ведь Вы же не так расцениваете кадетизм.

Очень забавно, что Милюков считал Вас панегеристом Алекс[андра] III, а я корю за неуважительные слова. Насколько помню, и в Ваших студенческих воспоминаниях были эти слова «мрачная реакция Ал[ександра] III».

Я не думаю и не пишу, что нельзя было сговориться с властью. Конечно, мы сами от них пятились. Тут очень много было простого незнания, взаимного непонимания. Вы не совсем правы, что мы хотели быть революционерами. Нет, не хотели, но у нас был неизжитый пиетет к революционным героям. Это было глупо, непродуманно. Но ведь не только у власти, у общественности тоже были свои традиции, которые шли еще от декабризма.

Очень интересно, что Вы не пишете в Вашем последнем письме от 12.III о совещании в 1915 г. у Кишкина, где Вы говорили против ответственного министерства. Надеюсь, что Ваши мемуары дойдут до этой эпохи, это необходимо сделать. Но почему в Вашей знаменитой статье о шофере (1189) Вы не сказали прямо, что шофера менять не следует. Это не упрек. Остановить поток несколькими словами трудно. Это вопрос. Значит, и Вы не были уверены – менять или не менять.

Надеюсь, что М[арию] Ал[ексеевну Маклакову] лечат безболезненно и что она лежит тихонько и не ропщет. Шлю ей сердечный привет.

Всего хорошего.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

28.III.[19]44

Дорогой Василий Алексеевич,

Ваше письмо от 20-го так написано, что если я буду откладывать ответ до тех пор, когда все разберу, Бог его знает когда это будет. Ради моего любопытства пишите хотя бы крупнее, если не можете писать разборчиво. Это не желанье устроить на расстоянии сцену, а вопль души.

Прежде всего скажу: я НИКОГДА не обвиняла Вас в отступничестве. Вообще ни в чем не обвиняла. Но я старалась понять, почему Вы с Вашим редким даром строить доводы как башню, никогда не воздвигли этой башни в одном из партийных ареопагов, членами которых мы оба были. Благодаря Вашей общительности и популярности в разных кругах Вы видели такие правительственные течения, которых остальные кадеты просто не знали. Хотя бы тот же конституционализм Столыпина. Ведь если бы кадеты это приняли и восприняли, история партии была бы иной. Не скажу история России. Это другой вопрос. Но русская либеральная мысль, которая в нашем лице так неуклюже переходила в действо, могла бы проясниться и до Прогрессивного блока. Однако Вы тогда не говорили так явственно то, что теперь блестяще излагаете в своих воспоминаниях. Ради Бога не примите это за укор. Я просто думаю, что Вам самому тогда эти возможности, эта необходимость сговора была не так очевидна, как теперь, после всего передуманного, перевиденного.

Вы иногда ссылаетесь на партийную дисциплину. Тут я с Вами просто не согласна. Да, дисциплина была, и она была нужна. Но она соединялась с большой свободой суждения, а иногда и действия. Когда мы с Д. Д. Протопоповым стали издавать газету «Русская молва», где мы заговорили о патриотизме и национализме, ЦК попробовал устроить нам нечто вроде разноса. Это исходило от редакции «Речи», но прокурорскую роль взял на себя Петрункевич. Я ответила очень решительно. На этом все и кончилось, хотя вначале нам достаточно ясно грозили исключением из ЦК. Рассказываю это как образчик кадетской свободы мнений.

Почему Вы не хотите продолжать воспоминаний. Это совершенно необходимо. Если по каким-либо соображениям Вы не хотите давать такие исчерпывающие анализы целых полос и явлений, как то, что я уже прочла, дайте отдельные картины, вроде заседания у Коновалова (1190) или разговоров с Риттихом (1191) и другими министрами. Это прямо грех оставить мемуары на полпути.

Из четырех присланных Вами глав я успела прочесть только одну, девятую. Очень хорошо. Такое редкое сочетание личного знания и умения обращаться с источниками. Но опять Вы могли бы дать больше себя, привести больше цитат из Вашей речи. Я ее слушала за-

таив дыхание. Помню впечатление, но уже не могу восстановить всей ее конструкции. Это Вам следовало сделать.

Еще два вопроса. Почему Вы считаете, что у царя не было уважения к праву и почему он вдохновитель военно-полевых судов. Спрашиваю это не п[отому], ч[то] я его хочу идеализировать или защищать. Но я хочу его понять. Для Пушкина мне пришлось подумать над Александром I. Он до сих пор толкуется на разные лады. Я не сравниваю этих двух царей. Александр несравненно сложнее, крупнее. Но эпоха, когда Николаю II пришлось царствовать, несравненно запутаннее, сложнее, чем время Александра. И это делает многих несправедливыми к последнему Романову. А т. к. вокруг него и его семьи скопилась народная круговая ответственность за их гибель – как и за гибель миллионов людей, – то мне хочется слышать вдумчивые о нем суждения. Уж очень неразрывно связана эта трагическая фигура с русской трагедией.

Вот. На сегодня все. Когда прочту все главы, опять напишу. Но все же прошу, умоляю – пожалейте мои глаза и не забывайте, что я хочу читать Ваши письма с чувством, с толком, а не кое-как.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

28.IV.[19]44 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Простите, что так задержала Ваши главы, но дни летят быстро и все забиты разными обязанностями и делами, включая переписку целой части моих воспоминаний. Это как раз думский период, и Ваши главы и письма мне помогли пробираться через чащу, хотя я далеко не во всем с Вами согласна.

Вы, несмотря на всю изысканность Вашего анализа, меня не убедили, что II Дума была жизнеспособна и могла бы дорасти до компромисса. Я с интересом следила, как Вы это ловите в мелких признаках, но, думается, что Вы принимаете желанное за сущее. Где же было Думе с таким составом найти путь конституционного долга, как Вы пишете. Ее вели люди, руководимые долгом революционным, а не конституционным.

И в оценке кадетской партии мы разойдемся. В главе XIII, стр. 13 Вы говорите, что кадеты хотели тех же реформ, как и левые. Лучше, точнее называть их социалистами, тогда сразу резче вырисовывается наше расхождение программное. Мы не проповедовали уничтожения собственности и национализации всего и всех. Да и тактически мы были против революционных методов. Оттого наш отказ осудить террор был особенно глупым, непростительным. Рассердившись на ка-

детские ошибки и недогадки, Вы даже обругали нас пьяными илотами (1192) либерализма – стр. 19. Это выражение лучше убрать, тем более что и по существу все же за партией были заслуги и до Прогрессивного блока, если не в реальной политике, то в том воспитании политическом, в котором Россия так нуждалась. Вы в главе XIII обрушились на партию за то, что она не сумела предвидеть надвигавшихся катастроф. А кто в Европе предвидел катастрофы тогда и теперь?

Вы дали очень хороший портрет Шульгина, который меня снова заставил пожалеть, что в Вашей работе недостаточно портретов. Я продолжаю настаивать, что события и эпохи освещаются людьми. Прелесть этой Вашей книги, что Вы в ней отвели так много места одному характеру – Столыпину. Так как Вы его очень живо восприняли, и он сумел задеть Ваше воображение, то получился яркий облик яркого человека. Уже одно это сделает Вашу книгу необходимой для тех, кто захочет изучить быстро промелькнувшую эпоху русского парламентаризма. Не говоря уже о богатстве всего материала, о том, как Вы освещаете и объясняете ход думской жизни, которую по одним стенограммам будущим читателям понять будет трудно. Большой труд Вы проделали, и я, как одна из усердных читательниц, очень Вам за него признательна.

Возвращаю Вам четыре главы. У меня остались Ваши три книги. Надежной оказии у меня сейчас нет. Если Вы хотите, ч[то]б[ы] я их прислала по железной дороге, напишите мне, пожалуйста. Или пусть лежат до верного человека.

Как Марья Алексеевна [Маклакова]? Наверное, уже встала и бродит. Пусть напишет мне о себе хоть несколько строчек.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

[6.VIII.1944 г.<?>]

Дорогой Василий Алексеевич,

Нет, меня Ваша книга о Первой Думе (1193) не рассердила. Слишком много в ней интересного, яркого, тонкого. Дарованье меня всегда подкупает. Но не всегда убеждает. Горечь Вашу я разделяю. С тоской всматриваюсь в безумие, в заблуждения и ослепления тех лет. Но ведь Вы сами пишете, что это был «момент правового безумия», созданного сначала самодержавием, а потом идеологией революции. А в книге ответственность самодержавия указывается только вскользь, как подробность несущественная. Между тем то, что самодержавие, опаздывая с реформами, не воспитало правового сознания, как Вы говорите, многое объясняет в думской истории. Не говоря уже о том, что сейчас, глядя на то, что творится в мире, мы видим, что даже в европей-

ских странах, среди народов, где это сознание, казалось бы, воспитано веками (вплоть до англичан), оно уступает место самым неправовым решениям и поступкам. Это доказывает, что в исторических делах одной логикой всего не объяснишь. Вы пренебрежительно говорите о «легкомысленном 1906 г.» Этот же эпитет Вы готовы приложить ко всей Первой Думе. Он не точно характеризует этот отрезок русской истории. Грех и несчастие деятелей той эпохи, что они были одержимы страстями. Вы, как адвокат, а м[ожет] б[ыть], и сами по себе знаете, что значит игра страстей. Ведь и в суде страсть иногда признается смягчающим обстоятельством. Родичев, кот[орый], по Вашим словам, дал верную ноту в своей речи 29 апр[еля] (1194), говорит о ненависти, кот[орая] горит «ярким пламенем с той и другой стороны». Хочется сказать – с той и другой стороны баррикады. Ведь война продолжалась. Чтобы судить, с каким ожесточением она шла, вспомните статьи Струве в «Освобождении» после 9 янв[аря]. Такие слова нескоро забываются. Память о них не открывает пути к примирению.

Вы мимоходом упоминаете, что «беззащитность обывателя против государственной власти потоком лилась через Думу». А ведь в этой беззащитности одно из оправданий думской непримиримости. Суды, обыски, высылки, казни – это и есть то зло, ради борьбы с кот[орым] началось Освоб[одительное] движение. Дума продолжает борьбу. Вы так нападаете на ее тактику, что начинаешь забывать, согласны ли Вы с ее задачами.

Вы совершенно правы, говоря, что «народ не мыслил тогда государства без Государя». Это большое несчастие, что вся интеллигенция, кричавшая о народе, этого не понимала. Но Вы не правы, когда с усмешкой говорите, что права Думы основаны на одной конституции, «а не на мистической воле народа». Конституция была дана Государем, но она была противна его мировоззрению. Она была дана им не добровольно, а под давлением воли народной, выразившейся не мистически, а весьма реально в чисто русской форме, в виде всеобщей забастовки. И эту недобровольность царскую народным представителям забыть было трудно. Вы не точно располагаете последовательность событий, когда говорите, что «по пятам за реформами, чересчур опоздавшими, уже бежали революционные волны». Несчастие в том, что эти волны опередили реформы и не сразу после них улеглись. Не улеглись отчасти п[отому], ч[то] продолжались явления, их вызвавшие. Чего стоит одна Ваша цитата из речи Урусова (1195) о «темных силах» (1196). Ведь их присутствие многие чувствовали. Вы говорите, что надо было действовать осторожно. Это всегда рекомендуется, даже когда идешь на приступ новой красавицы, или хочешь вырвать ее из рук дряхлого мужа. Но у многих ли людей страсти сочетаются с осторожностью. Возьмите хотя бы скандал с Павловым (1197). Я была в Думе. Помню двойное впечатление – Павлов был одиозен. Вы сами в нескольких строчках даете ему беспощадную характери-

стику. Но что-то в поведении Думы меня в этом заседании возмущало. А в то же время он был «олицетворением смертной казни», кот[орая], в свою очередь, была олицетворением всякого насилия и бесправия, против кот[орого] Дума ратовала. Тут все очень сложно.

Признаюсь откровенно, Ваши постоянные «бы, бы, бы», Дума могла бы, кадеты могли бы, Милюков мог бы — ничего не разъясняют. Вы так широко умеете захватывать сложные вопросы, а тут стремитесь к упрощению сложнейшего положения. Это не обогащает Вашу книгу. Еще один важный момент Вы упускаете. В течение поколений свободная русская мысль держалась в искусственной бездеятельности. Целые слои интеллигенции отводились от государственной работы. В них атрофировалось чувство государственности, естественное ощущение связи с Россией. Бездейственность обесплодила оппозицию, в некот[орой] степени ее развратила, как на наших глазах опять бездейственность одурманивает эмиграцию. Это вина власти, что она не хотела использовать постепенно нараставший образованный класс.

Насчет убогости нашей земельной программы я с Вами согласна, хотя теперь многие страны в этом отношении окадетились. Очень интересно то, что Вы пишете о крестьянах. К несчастию, опять-таки к несчастию, Вы с этой стороны в партии редко подходили. Но, повидимому, и Вы только позже в это по-настоящему вдумались. А где же были наши народники, мужицкие плакальщики, которые, подперев щеку рукой, все ныли — куренка выгнать некуда. Опять справедливый упрек кадетам приходится разложить на всех наших печальников о благе народном.

Этой раскладки мне в Вашей книге не хватает. Вы преувеличиваете ответственность кадетов, выхватывая их из остальной стихии. Можно сказать, что, войдя в Таврический дворец, они обязаны были оборвать старые связи, от стихии перейти к разуму. Согласна. Это было бы великолепно. Тяжко и горько думать, что счастье было так близко, так возможно... А впрочем, кто его знает. Была ли эта возможность. У Вас сохранились более конститционно-идилические воспоминания о Столыпине, чем у меня. Да и в нашем составе духи революции были сильнее духов компромисса. Милюков, как Вам известно, никогда не изобретал тактику, а намечал ее по равнодействующей. Эта равнодействующая во времена I Думы проходила далеко от правительства.

Прочла последний номер газеты, от пятницы, и пожалела, что русские не придерживаются давнего английского правила. Если человек под судом, о нем или молчат, или говорят осторожно. Но, повидимому, надо быть джентльменами, ч[то]б[ы] это знать, тем более исполнять.

Надеюсь, что милый Экс на Вас хорошо действует. Очаровательное местечко. Желаю Вам набраться сил и прошу Вас, вернувшись, написать большую характеристику Мих[аила] Стаховича. Каждый раз как

Вы о нем упоминаете, мне все больше о нем хочется знать. А в Париже остался кроме Вас кто-нибудь его хорошо знавший?

<Пометка А. В. Тырковой:> Из Гренобля. Вероятно [19]45 г.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 21. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

14.XI.[19]44

Спасибо за письмо от 6.XI. Все эти дни ломаю над ним голову. И над присланными Вами пунктами (1198). На них отвечаю тоже по пунктам, и хотелось бы знать Ваши соображения, точнее Ваш ответ на мои сомнения.

Заметьте, что, прожив 20 лет в Англии, я не боюсь слова компромисс и считаю, что мы, русские, были идиоты, что раньше считали название «соглашатели» бранным словом. Жизнь требует соглашений, но разумных и честных, где обе стороны действительно хотят сговориться и этот сговор исполнить. Это одно условие. Второе, что нельзя поступаться основными моральными ценностями. В то же время даже меня на старости лет так и тянет зацепиться за что-нибудь подлинное, живое, русское, а не быть только слушательницей разговоров о России, далекой и недоступной. При встречах с русскими пленными мне было так же легко с ними, как всегда бывало легко общаться с русскими и прежде. Мы не чужие. Мы поймем друг друга. Но об этом когда-нибудь позже.

Кто такое Богомолов (1199). Какое у него образование. Если есть прошлое, то какое. Что это [–] его фамилия или псевдоним. Его дружелюбный тон с эмиграцией явление любопытное, но совет Одинцу (1200) собрать правильные сведения о том, что происходило за годы в России, звучит иронически. Где их рекомендуется брать, эти правильные сведения. Хотелось бы взглянуть на «Русского патриота» (1201).

Вы пишете, что «эволюция еще усилится и худшее в России уже за спиной». Я тоже оптимистка. Но моя вера опирается на народ, который вопреки власти выбивается и, даст Бог, выбьется, а не на власть. Отсюда и разница в наших подходах. А ведь цель, или мечта, у нас с Вами одна, все та же, пусть Россия станет правовым государством.

Вот съездите разведчиком и расскажите, что там нашли. Или, быть может, Вам подадут аэроплан и Вы слетаете.

Один знакомый, прочтя Ваши пункты, сказал – Я не непримиримый, но я выжидающий патриот. Что Вы об этом думаете.

<Альтернативный вариант тезисов А. В. Тырковой>

1. Эмиграция всегда жила мечтой о возвращении в Россию, о возрождении России. Когда Германия провозгласила, что идет против

Коминтерна, некоторые русские и в эмиграции, и в России поддались на этот обман. Оттого вначале солдаты сдавались. Разочарование быстро наступило.

2. Война стала народной, когда Германия показала, что воюет не с коммунизмом, а с Россией. Солдаты стали патриотами. Но это еще не значит, что коммунистическая власть стала национальной. Оборону они поразительно организовали. Но вопрос о том, защищают ли они Россию или себя, остается открытым.

3. Где доказательство, что насущные идеи эмиграции, «вечные ценности общежития», «господства права над произволом» приняты компартией? Раз этого нет, то как же эмиграция, оставаясь верна принципам, будет работать на сближение?

4. Что значит «СССР перерождается в правовое государство»? Такое тяготение в России есть, но «не озираясь на прошлое», нельзя не спросить, какое участие в этом перерождении принимают сегодняшние носители власти, с которыми предлагается договариваться. Их полицейская система не изменилась. Лагеря остались. Нет ни тени политической свободы. Россией по-прежнему управляет единственная в стране партия, коммунистическая. Террор продолжается, о чем говорят и методы управления в занятых областях. Нам говорят об уступках. Благодаря отсутствию независимых сведений проверить их трудно. Они очевиднее всего в армии. М[ожет] б[ыть], есть некоторые уступки церкви. А где же еще они сказались? Что от народа идет напор, это несомненно, и началось это еще до войны. Под этим напором власть вынуждена что-то давать. Значит ли это, что она меняется. Могут ли, хотят ли главные носители власти менять основы своей политики. А ведь дело идет не о подробностях, а об основах – правовое государство или партийное самодержавие. Где гарантия, что после победы над Германией компартия не возобновит своей беспощадной войны с населением, с собственными подданными. Можно ли полагаться на их милость, на их слова?

5. Совершенно верно, что эмиграция должна преодолеть наследие прошлого (дурного) и отказаться от предвзятости, особенно в вопросах социальных и хозяйственных. Но есть абсолютные ценности, моральные и правовые, от кот[орых] нельзя отрекаться, не теряя своего человеческого достоинства, которое четверть века попирают коммунисты. Несомненно, что «намерения власти будут видны гораздо отчетливее, когда внешняя опасность для России минует». При этой неясности как же предлагать эмиграции теперь же начать работать над соглашением. Для соглашения нужно обоюдное желание и какая-то степень взаимного доверия и уважения. Не лучше ли пока искать точек соприкосновения не с властью, а с народом, который стремится к новому строю, с той массой, от которой идет напор на власть, понуждающий ее делать уступки, хотя бы в интересах войны. Вряд ли в интересах «перерождения России в правовое государство». Т. к. Рос-

сия продолжает жить в суровой, неприступной изоляции, то создать общение между эмиграцией и «напором» очень трудно. Быть может, единственное содействие, кот[орое] эмиграция пока может оказать «напору», это воздержаться от гимнов победителю, беречь свою независимость и, оставаясь в оппозиции, сохранить за собой право критики, когда для нее явится возможность. Во всяком случае, выжидать более явственных правовых доказательств.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

8.XII. [19]44 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

Спасибо за две главы. Напишу о них подробнее, когда вчитаюсь, пока отвечу только на Ваши письма.

Что это Вы поставили предел своей активной жизни, хотите ее кончить на какой-то главе XVII. Не торопитесь. Когда допишете эту книгу, развернутся другие мысли или воспоминания. Вот Вы открещиваетесь от личных оттенков, киваете на Милюкова. Я не читала его воспоминаний, не знаю о кот[орой] из своих жен он пишет, но я нередко видела его как «ухажера» и употребляю это писарское слово, п[отому] ч[то] он именно по-писарски охаживал женщин. Вряд ли Вы это так проделывали, хотя я Вас на этом поприще и не наблюдала. Думаю, что если захотите, можете написать любопытную книгу и на эту тему, но я не о ней думала, а о Ваших общественных, парламентских, даже адвокатских переживаниях. Что Вы давали и что Вам давала жизнь на эстраде. А если Вы еще и дам сюда введете, то это может быть совсем живописно. Не забывайте, что мы вымирающая порода людей, созданных старой русской культурой, главным образом помещичьей, и что наш цикл переживаний во многих отношениях неповторим. Помогите истории. Кстати, Вы слишком ей верите. Вы пишете, что только история поставит Столыпина на надлежащее место. А я, глотая в эти годы исторические книги, все больше убеждаюсь, что правдивые исторические оценки так же трудно найти, как правдивых людей.

По поводу того, что надо было сговариваться, хотя и без надежды сговориться. Вы перечисляете виноватых, кто этому мешал. Конечно, все мы виноваты, и правые, и левые. Но вообще это понятие виноватости нелегко применять к большим историческим процессам, коих мы были свидетелями и соучастниками тогда и теперь. Чем больше я вглядываюсь в пережитое, тем больше укрепляюсь в своей давней мысли, что политика, вообще люди, и отдельные и скопом, движутся не столько мыслями, сколько чувствами. Мысль, только ставшая

эмоцией, приобретает динамическую силу. Этим отчасти объясняется и поведение кадет. Их оппозиционные эмоции и страсти были глубже и сильнее правового сознания. Оно из цели превращалось в орудие. Ведь и советы построили свою власть на чувствах, а вся диалектика была только служебным оружием. Их власть держится не на аргументах, а на страстном властолюбии и ужасе. Т. е. на эмоциях.

Откуда Вы взяли это выражение – мистика конституции. Оно подтверждает мою мысль о решающем значении подсознательного, а не сознательного элемента в политике. Кадеты, включая Милюкова, напрасно считали себя слугами разума.

Вы даете в первой главе своеобразную и яркую характеристику Столыпину. Об этом позже я напишу еще. А пока буду ждать еще тех глав, о кот[орых] Вы пишете, и очень досадую на свою отдаленность от каких бы то ни было русских библиотек. Здесь нет никакой надежды достать Ваши книги.

Марию Алексеевну [Маклакову] хотела бы поцеловать, да боюсь, Вы никогда этого моего желания не исполните.

Не удивляйтесь, что посылаю копию. Лента сносилась и если писать на ней, Вам будет так же трудно читать, как мне разбирать Ваши мушиные лапки.

Всего хорошего.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

1945

В. А. Маклакову

11.IV.[19]45

Дорогой Василий Алексеевич,

Этот раз отвечаю сразу. Боюсь, что, выбрасывая балласт, Вы выбросите и ребенка из ванны. Само собой разумеется, что многое, что говорили противники советской власти, теперь не стоит повторять. Прежде всего пророчества об ее хрупкости, об ее неспособности создать армию отжили свой век. Большевики стали властью, это несомненно. Я не хочу говорить за других, выскажу только свое мнение. Начну с этой власти. Она налицо, но что же из этого. Если враг сажает меня в лагерь, я не могу отрицать его власти надо мной, над моим телом, но его власть я не буду считать ни законной, ни тем более желанной. Не буду дальше рассуждать о легитимизме. Всякая революционная власть сначала узурпаторская. И Временное правительство узурпировало царскую власть, но мы его признали, ожидая, что оно проведет в жизнь правовое начало. Теперь мы стоим перед властью, которая не только не обещает, но категорически отрицает права

человека и гражданина. По всем своим методам управления, не изменившимся и до сих пор, она представляется мне властью бесчеловечной. Вот здесь и заключается смысл борьбы с ней, борьбы не физической, а духовной, обличительной. Делать это можно только заграницей. Я с удивлением прочла Ваши слова, что кто хочет, может поехать в Россию и там продолжать [борьбу] за права человека. Простите меня, но это уже маниловщина. Вся тягость, вся одиозность советского режима покоится на беспощадном истреблении инакомыслящих, вообще мыслящих. Это превращает жителей в стадо более или менее сытое, а власть развращает. Оппозиция есть одно из условий здоровой власти. Поэтому я и настаиваю, что оппозиция для России необходима, а существовать она может только вне России, в эмиграции. Вы совершенно справедливо пишете, что бытие либерализма так же необходимо для России теперь, как было необходимо прежде. Я обеими руками под этим подписываюсь. Но ведь для этого бытия необходимы физические возможности. Их нет в самой России. Заграницей они еще есть. Как же можно от них отказываться, складывать их к ногам советской антиправовой власти, хотя бы и победоносной. Победы этой достиг сам народ, ценой ужасающих жертв и лишений. Скажет ли он Вам спасибо, если Вы лишите себя права говорить о недостатках и пороках власти как раз тогда, когда, по Вашим же словам, борьба за право, за личность будет содержанием русской жизни в ближайший век. Если это так, то надо, чтобы где-нибудь раздавался свободный голос. Это нужно и для самой русской общественности, если такая действительно народилась, или может народиться внутри России. Это нужно и для мирового общественного мнения. Я не люблю этого слова, но теперь война показала, что это общественное мнение не только существует, но стало державой среди держав. Мировое общественное мнение не только факт, но и фактор, с которым надо считаться, который может или помочь вот этому русскому либерализму, и для Вас желанному, или очень тормозить восстановление идеи права в России.

Повторяю. Мое основное возражение против отказа от борьбы – это то, что для раскрепощения России оппозиция необходима. Существовать, тем более проявлять [себя] она может только за границей. Сейчас, когда война все раскачала, всюду происходят сдвиги и перемены, на долю маленькой, слабой, разрозненной эмиграции выпадает огромная ответственность, несоразмерная с ее силами. Она должна быть голосом совести. Я включаю в это понятие не только нравственные, но и правовые ценности. Их не следует разъединять. Но чтобы этот голос звучал свободно, надо пока держаться подальше от власти. Я не говорю об отдельной встрече, об отдельном разговоре. Я говорю о том, что уже называется обязательствами и что, по-моему, есть в тех отрывках записи, что Вы мне прислали.

Вот пока мои соображения. Вы поймете, что я не могу жалеть, что Вы председатель Офиса (1202), а не «партийной организации». Я очень рада, что Вы себя не связали.

Всего хорошего. Если найдете время, напишите опять.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

21.IV.[19]45

Дорогой Василий Алексеевич,

Хочется сначала разобрать, в чем мы с Вами согласны. Прежде всего, думается, в том, что России, после всего, что она пережила, нужно выздороветь, залечить свои раны и что эмиграция, поскольку она думает не о себе только, а о родине, должна стараться принять участие в этом оздоровлении. Это основная задача. Тут у нас разногласий нет.

Согласна я и с тем, что в число реформ должно войти признание личной собственности (что влечет и признание прав личности), нэп, реформа выборов, суда, отмена привилегий коммунистической партии. Согласна и с тем, что заграничные русские должны, прежде всего, «указать какие реформы необходимы, чтобы освободить человека в России, – а не кричать долой».

Иначе говоря, задачи мы ставим довольно сложные. Боюсь, что в методах у нас большое расхождение. Не потому, что я верю в целебные свойства переворотов. Чем больше я всматриваюсь в революции, свои и чужие, тем яснее вижу их губительную, их дьявольскую сторону. Там, где они проходят, нескоро трава прорастает. Но так как мне все-таки хочется до конца дней верить, что русский народ опять из раба превратится в человека... Нет, он и сейчас сохранил в душе тайну духовной свободы, не стал рабом, как не был им даже при крепостном праве. Это еще Пушкин отметил, только мы прежде в эти пушкинские мысли не хотели вдуматься. Но сейчас цепи государственного рабства все глушат. Вот от этой новой, страшной формы невольничества должен народ освободиться. А Вы пишете о реформах в рамках государственного строя. Тут противоречие по существу, коренное. История как-нибудь его разрешит, в это я твердо верю. Но в том, что Вы предлагаете, не вижу разрешения. Я не сомневаюсь, что в России назрела потребность услыхать свободный голос, но совершенно не вижу, как при нынешних условиях он может раздасться, а тем более получить отклик. Как народ будет «отзываться на крики отсюда», даже если в этих криках будет только обличение методов управления, высказанное в самой сдержанной форме. При существующем коммунистическом режиме никакая критика невозможна. Это одна из самых скверных

болезней, разъедающих советскую власть, придающая им преступную самоуверенность. Ежели Бога нет, то я сам Бог...

Но я все-таки стараюсь понять Вашу мысль, стараюсь представить себе, в каких условиях эмиграция может быть полезна своему народу. Ведь ехать туда зря или хотя бы за границей сотрудничать с властью надо подумавши. Какие гарантии, что там их не превратят сразу в немых государственных рабов. Вот Вы все сравниваете с нашей додумской борьбой с самодержавием. Сравнение невозможно. Нынешняя власть основана вся целиком на страхе. Она приучила все население жить в постоянном страхе, считать это непременным атрибутом власти. Это ядовитое, принижающее, парализующую волю состояние. Мы его при самодержавии не знали. Мы не боялись, п[отому] ч[то] бояться, в сущности, было нечего (я не говорю о бомбистах, но и те не боялись). Мы все твердо знали, что кара, даже расправа, не идет дальше известной черты. За последнюю четверть века власть эту черту стерла. И страх опустился на Россию, как свинцовая крышка. Прежде чем говорить о реформе, надо эту крышку хотя бы приподнять. Пока этого нет, как нет не только гарантий, где уж там, а хотя бы самых смутных указаний на возможность той оппозиции Его Величества, о которой Вы мечтаете. Вероятно, когда Вы начнете издавать газету, Вы в ней на это укажете. Я прикидывала, какие же минимальные требования, извините, пожелания, можно выставить. Нельзя же сказать – перестаньте устранять своих подданных, хотя в этом первая и главная необходимость для возвращения к человеческому существованию. Но можно сказать – дайте хоть какие-нибудь возможности проявления мысли не официальной, не партийной, право посылки из-за границы книг и газет не только коммунистических, право въезда и выезда. Ну, еще что, подскажите.

Как видите, это не есть неприступная позиция принципиального отрицания, хотя мое моральное отталкивание, отвращение от их методов не изменилось. Но я честно ищу выхода. А когда начинаю подбирать наименьшие, самые необходимые условия, с горькой усмешкой корю и себя за маниловщину. Любопытно, как Вы все это разработаете в газете. Но и страшно за всех, кто за это искренно борется. Опять напоминаю о чечевичной похлебке. Не продешевите право эмиграции быть единственным живым голосом России, ее совестью, как я уже писала. Ведь не по пустякам Богомолов около Вас ходит, как кот около сала. Я очень одобряю все, что Вы ему сказали (1203), хотела бы еще знать подробности. Но боюсь, что он все-таки лисит, а Вы поддаетесь, как поддавались всегда чарам хорошеньких женщин, даже если они «комедировали».

Если у Вас есть для меня деньги, пришлите почтовым переводом пожалуйста <обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

11.VI.[19]45

Дорогой Василий Алексеевич,

Только что перечитала во второй раз Вашу статью о Советской власти и эмиграции и хочется написать несколько слов благодарности, что Вы сумели так определенно и ясно указать на пренебрежение к правам человека в Советской России и сделали это без полемики, без задора, как мудрый дьяк, в приказах поседелый. В то же время Вы совершенно точно поставили главный вопрос – хочет или не хочет победоносная Советская власть установить свободу и права человека, заменить произвол правом. Уже одна такая постановка разгоняет тот туман, который накопился в умах. Спасибо. Но я боюсь, что даже Ваш высокий дипломатический собеседник не сможет дать Вам ответ. Он не привык думать о «моральных ценностях общежития», которые Вы, слава тебе Господи, так искусно поставили в центр Вашей статьи. Ваше толкование вкушения плодов добра и зла звучит немного по-байроновски, но может быть в такой подаче это понятнее читателям левого крыла.

Есть некоторые мысли, а, м[ожет] б[ыть] точнее, фразы, с которыми я не согласна. Можно ли считать Россию, которая четверть века недоедает и ходит в рваных сапогах, более богатой, чем та Россия, которую мы знали. Можно ли мерить просвещение страны только количеством грамотных, а не качеством образования. И еще другое замечание. Советская власть не старые приемы управления воскресила, а сочинила неслыханную, беспощадную, жестокую деспотию. Нельзя ее даже с царствованием Иоанна Грозного сравнить. Тогда народ оставили в покое. Колхозы всех обездолили и обесправили. Ничего подобного мы с Вами при «царизме» не знали. Мы не знали СТРАХА, этого дьявольского изобретения Советской власти. Из всей американской формулы – устроить мир так, чтобы была свобода мысли, совести и отсутствие нужды и страха – я придаю особое значение последнему. Все усилия всех порядочных людей должны быть направлены к тому, чтобы раскрепостить человечество от страха, чтобы вернуть ему ту внутреннюю уверенность, в которой мы с Вами выросли, в которой я надеюсь дожить до конца дней своих.

Но об этом мы потолкуем, когда увидимся. Я ведь теперь близко, в Версале. Хочу Вас повидать. Эту неделю я занята, но, м[ожет] б[ыть], Вы могли бы ко мне приехать. Мы совсем близко от вокзала Монпарнас Шантье, который рядом с Вами. Поезда два раза в день.

А то я к Вам загляну, когда буду в Париже.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

А. Л. Толстой

16.VII.[19]45
Versailles

Глубокоуважаемая Александра Львовна.

Пишу Вам, как представительнице Толстовского Фонда, чтобы поблагодарить Ваш Комитет за поддержку, и денежную и съедобную. Деньги через Маклакова получила несколько месяцев тому назад, а теперь пришел ко мне увесистый пакет с провизией. Так приятно было его вскрыть и вытащить оттуда массу хороших вещей, из которых все, кроме овсянки, являются для нас, живущих во Франции, недоступной роскошью. Например, жестянку сладкого молока, говорят, можно купить на черном рынке за 150 фр., фунт кофе за 500–600 фр., фунт риса за сто фр. и т. д. А тут вдруг все эти прелести точно с неба свалились, восстановляют какие-то давно отнятые права на что-то, что выходит из тесного круга минимально необходимого. Трудно передать это чувство. Тут не только биологическое удовольствие от возвращения к когда-то привычной еде, но и психологическое удовлетворение, что выходит из рамок ограничений, граничащих с нищетой. Я очень хотела бы, чтобы Толстовский Фонд и родственные ему русские организации в Америке, заботясь о здешних русских, знали, что их посылки не только насыщают, но придают бодрости. После многолетней, напряженной, утомительной погони за каждой крошкой еды вдруг получить от заокеанских друзей несколько кило еды, положить в шкап пакет чая, рядом поставить варенье – это подымает самоуваженье. Ну, и дополняет надоевшие нехватки.

Теперь не так худо, как было зимой [19]41–[19]42 гг., когда мы просто голодали. Питались репками, от которых мой сын чуть не умер. Теперь больше казенных карточных раздач, но все-таки насытиться ими и сейчас трудно. За последний месяц выдали четыре кило картошки на человека. А это должно быть главной едой. Молоко дают детям, но очень мало. Старики изредка получают четверть литра на день, да и то не во всех департаментах. Ваши банки с молоком большая поддержка. Вообще Ваш список хорошо составлен, только многие вздыхают о кусочке мыла. Его очень не хватает. А в общем, ваши продовольственные пакеты произвели в русской колонии эффектный шум. На тех, кто их получил, смотрят как на счастливцев.

И сапожная посылка многих порадовала. С обувью здесь хуже, чем худо. Еще летом можно обуваться в бесподошвенные предметы неопределенного вида. Но придет зима и тогда это будет катастрофой. Если есть возможность, постарайтесь прислать еще обуви, хотя бы уже надеванной. Это не мое личное мнение. Я со многими разговаривала, стараясь выяснить в чем большая нужда. Обувь стоит едва ли не на первом месте. Ее не только купить, даже починить почти невозможно.

По правде сказать, все нужно – деньги, обувь, еда, белье, одежда, хотя бы ношеные чулки. Это мечта неосуществленная. Самая плохая шерстяная юбка стоит тысячи три, т. е. месячный заработок более скромных тружеников. Благодаря американцам часть русских получает и больше. Но таких не так уж много. Да и американцы начинают как будто сокращать штаты, что не улучшит положение русских. Много трудного, тяжелого переживает эмиграция. Она уже давно научилась не бояться никакой работы. Но надо ее найти. Надо получить право на работу, в котором некоторым продолжают отказывать, хотя при полной неналаженности общей хозяйственной жизни, казалось бы, надо использовать всех, кто хочет работать. Много незаслуженных унижений приходится переживать возвращающимся из Германии. Они уезжали на работы, когда французское правительство эти отъезды поощряло, к ним призывало. Не иностранцам, апатридам (1204), было судить, право правительство или не право, а теперь их за эти отъезды подвергают всяким мытарствам. К счастью, В. А. Маклакову удалось добиться некоторых изменений и улучшений. Но появление этих репатриированных из Германии увеличивает ряды бедующих русских. У многих здесь оставались дети, жившие на отцовский заработок в Германии. Все это оборвалось, перепуталось, требует помощи. Тем более значения имеет поддержка русских от организаций вне Франции. Т. е., в сущности, от Ваших. Других как будто нет.

Я пишу все это, чтобы подчеркнуть, какие насущные задачи выпали на долю ваших американских комитетов, как важно, чтобы от Вас по возможности приходили не только вещи, но и деньги. Они бывают нужны за квартиру, на леченье, школы, переезды. Поэтому так полезно, что вы не ограничиваетесь вещевыми посылками, а направляете сюда и деньги. Это придает помощи, которую вы оказываете, необходимую гибкость.

Хочется мне еще сказать несколько слов насчет Земгора. За эти годы, когда война заставила меня жить во Франции, я близко присмотрелась к работе Земгора и к тем, кто ее ведет. И Долгополов (1205), и Недошивина (1206) очень хорошо знают положение эмиграции, не только ее общий характер, но свойства и нужды отдельных эмигрантов. Работа у них трудная, ответственная, тем более что она происходит среди острых, болезненных политических разногласий. Их до известной степени надо не замечать, как-то становиться выше их в расценке людей и их права на помощь. Всякий общественный деятель знает, как, особенно в смутные времена, бывает иногда трудно определить, кого и как надо поддержать. С этой щекотливой задачей Земгор, поскольку я могу судить о их деятельности, справляется вдумчиво, гуманно, справедливо. Мне думается, что, отдавая часть денежных и вещевых посылок в распоряжение Земгора, ваши комитеты поступают совершенно правильно, придают своей работе больше жизненности. Вам из-за океана не всякая нужда видна. Тем более что настоящая бедность часто забивается в угол и молчит.

Прошу извинения за слишком длинное письмо. Но раз уж начала писать, хотелось высказать Вам, как мы здесь относимся к Вашей деятельности, как она преломляется в нашем здешнем опыте. Вот сейчас подумала – а что если бы не было Толстовского Фонда и родственных ему организаций? Как это обеднило бы русских во Франции. Им дорого сознание, что в благополучной сравнительно Америке есть русские, не забывшие о них, не потерявшие с ними связи. Чувство солидарности, взаимной поддержки не может, конечно, заменить Россию, но оно оживляет связь с ней. Я не раз видела, ощущала, как в минуты острой тревоги эмигранты сдвигались, становились плечом к плечу, глубже чувствовали – все мы русские. За последние годы эти слова – все мы русские, – не раз слышали мы от приезжих из России. Это приветствие привезли они эмигрантам. Хорошие слова. Долетают они сюда и от Вашего комитета, да еще связанные со славнейшим именем Вашего отца.

Спасибо. Да поможет Вам Бог в Вашей работе.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

С. В. Паниной

22.VIII.[19]45

Дорогая Софья Владимировна,

Ваше письмо пришло четыре дня тому назад. Оно меня очень взволновало. Очень я огорчена болезнью М. И. [Ростовцева]. Не могу себе его представить вне напряженной академической жизни. Я Ростовцевых даже через океан чувствую, точно они где-то близко, думаю о нем с нежной гордостью и благодарю судьбу, что есть у меня такие друзья. Хоть бы скорее они вернулись к жизни, к той простой и все-таки немного величавой налаженности, кот[орую] вокруг себя сумели создать. Я С[офье] М[ихайловне Ростовцевой] (1207) напишу, а пока передайте им привет от моего любящего и встревоженного сердца.

То, что Вы пишете о моем Пушкине, так хорошо, что даже не верится. Вот уже четвертый год как я кончила Пушкина и старалась не думать о том, что работа двадцати лет лежит в чемодане, как покойник в гробу. Но Вы протянули волшебный жезл и труп точно оживает. Вместе с ним оживаю и я. То, что Вы настолько заинтересовались, что решили пробить дорогу моей книге, доставляет мне еще особенное удовлетворение. Значит, недаром старалась, если такая читательница так отозвалась. Не знаю, говорил ли Вам Ксана Паркер, что в По маленький кружок слушателей меня захватил. Мне это было приятно, но им это ничего не стоило, а вот Вы, опытная деятельница и требовательная читательница, готовы приложить к моему Пушкину Вашу

заразительную энергию. Я так это ценю, что не хочу больше об этом писать, ч[то]б[ы] не показался мой восторг преувеличенным.

Но что же дальше. На советское правописание я совершенно согласна. У меня нет от него ни принципиального, ни эстетического отталкивания. Но в Вашем письме есть другие «иффинги». Насколько я понимаю, разговоры и сговоры об издании шли уже давно и Вам надо проверить, не изменилось ли настроение. Согласится ли Бахметев дать деньги. Первый том я издала на свой счет. Теперь я тратить ничего не могу. Значит, все финансовые заботы наваливаются на Вас. Я решительно ничего не могу сделать, только с волнением ждать от Вас окончательного подтверждения. Думается, что если бы все было упущено, Вы не стали бы меня дразнить.

Теперь насчет перемены рукописи на новое правописание. Осуществить это можно двумя способами. У меня есть рукопись. Я ее поправлю на новую орфографию. Одну страничку я сделала и посылаю Вам на показ. По-моему, вполне годится, если наборщики не капризные барышни. Я выбрала страничку, где есть и мои поправки в тексте. Это редко случается, но я предпочитаю послать худшую, а не лучшую страницу. Второй выход – я должна все переписать по новой орфографии. Работа большая. Но для меня издание книги настолько жизненно важно, что если это неизбежно, я согласна на переписку, сама ее устрою, вернее, сделаю.

То, что Вы пишете о проверке цитат из Пушкина, я не поддерживаю. Это не исполнимо. Слишком много существует разночтений, а главное вариантов. Нет окончательного, авторитетного пушкинского текста. По крайней мере, до войны их не было, во время войны вряд ли они могли появиться. Я и за советскими изданиями следила. Но об этом надо долго разговаривать. Короткий разговор сводится к тому, что пушкинские тексты я брала частью по старому неполному, но тщательному академическому изданию, частью по венгеровским томам (1208). За тексты я несу полную ответственность.

Относительно I тома. Это не библиографическая редкость. Некот[орое] количество мы могли бы отсюда выслать, но если у Вас такой размах, что Вы готовы и первый том напечатать, то я внесу в него авторские поправки. Надо кое-что почистить. Я его издала сразу после смерти Гарольда Васильевича, когда у меня все из рук валилось.

Если Вы не оставили мысль издать «Жизнь Пушкина», то просила бы Вас известить меня короткой телеграммой, должна ли я переписывать всю рукопись, или типография удовлетворится поправками по образцу прилагаемого листка.

Буду, с понятным нетерпением, ждать следующих вестей. Очень прошу Вас поблагодарить Бахметева за готовность оказать денежную помощь. Да и всех, кто сочувствует Вашей мысли, благодарю.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

1946

Б. А. Бахметеву

1.VI.[19]46

Глубокоуважаемый Борис Александрович,

Пишу Вам по поводу издания второго тома моей «Жизни Пушкина». С. В. Панина писала мне в конце апреля, что в разговоре с ней вы упомянули, что готовы внести 300 долл. на расходы по изданию. При этом она прибавила, что М. М. Карпович должен был еще переговорить с Вами по этому поводу и сообщить мне Ваше окончательное решение. От Карповича я такого подтверждения пока не получила. Между тем время движется, а рукопись моя неподвижно лежит в глубине моего чемодана. Вот я решила побеспокоить Вас, т. е. обратиться прямо к источнику. Во-первых, нельзя ли увеличить сумму до 500 долл.? Я ведь рассчитываю, что эти деньги должны в Вашу кассу со временем вернуться и поэтому мне легче о них разговаривать. Это кредит, но, конечно, я не берусь определить, когда он будет возвращен. Затем вторая просьба – во всяком случае, хотелось бы иметь от Вас определенное подтверждение, что Вы, в том или ином размере, не менее 300 д[олл]. вносите на расходы по печатанию моей книги. Очень надеюсь, что Вы эту ссуду доведете до 500. Андерсон возвращается в Париж в конце июня, и мне для переговоров с ним очень важно получить Вашу поддержку.

Первый раз за всю почти пятидесятилетнюю писательскую деятельность обращаюсь с просьбой о кредите для издания моей рукописи. Но ничего не поделать, таково сегодняшнее положение русского писателя. Прежде мы писали, издатели печатали, вот и все. Между тем уж очень обидно оставить ненапечатанным труд, которому отдала так много времени и внимания. А, главное, мне думается, что Софья Владимировна [Панина] имела право сказать, что до сих пор такой полной биографии Пушкина не было издано. Я уверена, что после меня много напишут лучше, но пока это не сделано, хочется, чтобы русские, и не русские, читатели Пушкина знали, какое это было необычайное сочетание гения и внутренней душевной прелести. Это не всегда совпадает.

Простите за литературные рассуждения, но в них объяснение, оправдание моего письма. Признаюсь, мне было больше чем приятно, когда, еще осенью, получила я от Паниной первое извещение, что такие люди, как она, Вы, Карпович, готовы помочь мне с Пушкиным. Это меня очень ободрило. Но теперь уже точит желание превратить рукопись в книгу. Как это ни странно, но, по словам Андерсона, рынком для нее в значительной степени должна быть Америка и американские библиотеки. Вот до чего дожили! Могли ли мы с Вами это

вообразить, когда Вы были у нас в Челсинском нашем доме? Давно, давно это было.

Буду ждать Вашего ответа с нетерпением молодой дебютантки.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

Письмо А. Л. Толстой

6.VII.[19]46

Глубокоуважаемая и дорогая Александра Львовна,

Давно собираюсь писать Вам по поводу русских, попавших в так называемые D.P. (displaced persons) (1209). Никто не знает, сколько их, где они все находятся, но теперь уже можно с уверенностью сказать, что их не мало, что большинство находятся в лагерях Германии и Австрии. Сейчас и англосаксы их поят и кормят, но завтрашний день закрыт тучами. И все чаще из лагерей приходят просьбы подготовить, упорядочить для них этот завтрашний день, организовать их переселение и расселение. На состоявшейся в мае и июне в Лондоне конференции о беженцах уже говорили о расселении D.P. всех наций. Какой-то план разрабатывается в тайниках международных комиссий и совещаний. Слава Богу, что этим занялись. Но и новые интернациональные чиновники легко впадают в старую бюрократическую рутину, бездушную, безличную. Надо постараться оградить от нее тех, кто сидит за решеткой. Они зажаты в лагерях, им трудно настаивать, часто невозможно добиваться. За них это должны делать мы, свободные люди. Тут иная задача, чем до сих пор стояла перед Толстовским Фондом. Не надо собирать средства, ходить с ручкой. Деньги будут даны международными организациями. Но нужны челобитчики, правовые ходоки, вроде тех, что уезжали за океан, когда Ваш отец вывозил духоборов. Теперь жизнь ставит перед его дочерью такую же задачу в еще более грандиозном масштабе.

Задача эта состоит в том, чтобы добиваться для русских D.P. внимательного к ним отношения, чтобы их не загоняли, как белых негров, куда придется, чтобы переселение было РАЗУМНОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИ ОСМЫСЛЕННОЕ, ГУМАННОЕ. Во многих лагерях русские уже составили трудовые артели, где ясно определилась их пригодность к работе. Там есть крестьяне, рабочие, техники, врачи, инженеры, художники, архитекторы, ученые. Надо дать им возможность применить свои знания и навыки. Параллельно с их трудовыми артелями, привязанными к лагерям, надо создать своего рода артели правовых челобитчиков и ходоков, задачей которых будет сноситься с теми организациями, кот[орые] будут ведать переселением и переселяемыми, ч[то]б[ы] помочь русским D.P. направиться в страны здоровые, благополучные, где они найдут и спрос на свой труд, и уважение к своему человеческому достоинству.

Для этого вряд ли нужно создавать новую организацию, когда существует Толстовский Фонд. Благодаря тому, что UNO* в Нью-Йорке, Америка является для этого дела центром. К тому же и центр русской общественной энергии после войны перешел в Соед[иненные] Штаты. У вас там больше свободы и простора. Поэтому, хотя вы все там и завалены работой, но совершенно необходимо и неотвратимо, чтобы Ваш Фонд стал главным местом, куда все сведения должны стекаться, куда могут обращаться и те, кто сидит в лагерях и их друзья на свободе, посылать вам сведения, от вас получать указания. В самой UNO есть русские, кот[орые], наверное, не откажутся сотрудничать в этом деле, насущном и неотложном. Именно теперь, пока за него не взялись вплотную, важно предотвратить ошибки. Само собой разумеется, что D.P. трудно рассчитывать, что им предоставят полную свободу выбора и инициативы. Но чиновникам, которые будут ими заниматься, необходимо пояснить, что чем больше этим D.P. будет предоставлено самодеятельности, тем меньше хлопот, забот и ответственности будет на принявших их государствах.

Слухи и толки ходили давно кругом меня, но сейчас у меня есть непосредственные сведения о двух лагерях. Есть под Касселем лагерь в ведении UNRRA (1210). Там несколько тысяч и среди них 300 русских. Они сорганизовались в настоящий культурный поселок. Есть церковь, низшая и средняя школа, лекции, мастерские, ясли, театр, скауты, больница и т. д. Они издают еженедельник, а для детей скаутский журнал. Напечатали календарь, где стихи Жуковского и Есенина, Пушкина и Гумилева и т. д. Выпустили чистенькую книжку стихов А. Блока. Такую группу можно целиком перенести в любое государство, и всюду [они] будут ценной культурной ячейкой. Они, вероятно, сами Вам напишут. Кроме того, я получила на днях от своих старых друзей из Баварии [письмо]. Он [–] священник, у него три прихода. Делает и общественную работу. И он, и его жена совершенно поглощены своей деятельностью. Она пишет, что, несмотря на все трудности, «мы сейчас живем полной, радостной, светлой духовной жизнью». Но их обоих очень озабочивает необходимость увезти всех своих D.P., среди которых числится и священник с женой, куда-нибудь за океан. Он пишет мне: «Наша цель выехать с группой русских, или отдельно вперед, чтобы после собрать тех, кто объединился вокруг. Неужели это химера предложить группу проверенных людей для обслуживания какого-нибудь предприятия в Британских Доминионах. Адрес моих друзей: Father V.Glinsky. Memmingen Seyfriedstr. 15. Bayern – Schwaben 13b. Germany American Area. Их письма переслал мне тоже русский, служащий в UNRRA, Anatol Peresolow; UNRRA. U.S. Zona HO. Munich – Pasing. APO 757 Germany.

* Организация Объединенных Наций *(англ.)*.

Сходные письма, сходные просьбы получила моя знакомая из двух лагерей в Австрии от людей, хорошо ей известных. Но и вне лагерей есть русские D.P., которым нужна помощь соотечественников, живущих в свободных странах. Она прежде всего состоит в службе связи. Среди переводчиков в UNO есть несколько русских. Я уверена, что они согласятся держать ваш Фонд в курсе того, что там намечается для D.P. От себя могу указать на Романа Владимировича Саговского. Это мой давний и хороший знакомый. На него Вы вполне можете положиться. Адрес его: Roman Sagovsky, Languages Section. United Nations. Hanutes <...> College. Broux 63. N.Y.

Если Вы, на что я горячо надеюсь, отзоветесь на мой призыв, то Саговский может быть Вам очень полезен. От него можно получить сведения. Нам думается, что полезно было бы заинтересовать г-жу Рузвельт. Мы даже собирались ей отсюда писать, но подождем Вашего ответа. Пора кончать письмо, а я еще многого не договорила. Хочу прежде узнать, согласны ли Вы со мной, что это работа необходимая, что Вы записываетесь в артель ходоков и челобитчиков и готовы центром ее сделать Толстовский Фонд. Верю и уповаю, что согласитесь. С. В. Паниной не пишу отдельно, прошу ей показать это письмо и сказать, что я не могу допустить, чтобы она не поддержала дело такой важности. Ведь ее осаждают письмами из старой Европы, где, наверное, те же просьбы.

Само собой разумеется, что отдаю это письмо в полное Ваше распоряжение. Если найдете нужным напечатать выдержки, с моим именем или без него, пожалуйста. Но если с подписью, то я предпочла бы не в «Русском Слове» (1211). М[ожет] б[ыть], в «Социалистическом Вестнике» (1212)? Это уж Ваше дело.

Я временно перебралась в свою милую обедневшую, но благородную Англию. Отдыхаю от французской гнили. Там сейчас русские в большой тревоге и возмущении. Так называемая амнистия, эта новая дьявольская игра красных бесов, вызывает и соблазн в слабых и нависает над теми, кто ничего не подписывает и паспорта не берет. А тут еще бедняга митрополит Евлогий подпал под одуряющее влияние гнусных людишек. Надо ждать в делах церковных новых отколов и отпадений. Меня все это глубоко огорчает. Видно надо утешаться тем, что в Св. Писании все это было давно предсказано. А все-таки хотелось бы не отходить от обмоленных церквей. Но оставаться под Евлогием, которого я и сейчас люблю как духовного наставника, будет, по-видимому, трудно.

Позвольте мне Вас издали обнfive. Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Ар. Т[ыркова]-Вильямс

P.S. Когда я говорю «мы», это не значит что-нибудь многолюдного. Это только Е. В. и Н. И. Саблины, Глеб Струве, В. В. Барачевский (1213), хозяин русской книжной лавки. Письмо это выражает наши

общие взгляды. Мы смотрим на себя как на посредников между D.P. и Америкой.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописными вставками.

1947

Н. А. Тэффи

22.I.[19]47

Дорогая Надежда Александровна,

Вы спрашиваете меня – «в чем Вы увидели мое покраснение». На этот вопрос мне нетрудно ответить. Но прежде всего скажу, что рада за Вас, что Вы на это обиделись.

Я читаю «Рус[ские] новости» (1214) довольно редко. Очень уж противно их в руки брать. В тех Ваших статьях, кот[орые] мне попались на глаза, не было ни восхваления Сталина, ни коммунистической пропаганды. Не они, не их содержание дали мне право говорить о Вашем покраснении, а самый факт Вашего неоднократного появления в этой компании, повторяю, прислужников и прихлебателей. Пусть внутри Вы сохранили свои прежние взгляды. Это дело Ваше частное. Но когда Вы, писательница, кидаете (?) свою давно заслуженную популярность на поддержку газеты, поставившей себе задачу пачкать эмиграцию красной краской, это уже не частное дело, это переход в определенный лагерь. Это покраснение.

В русской литературе, в особенности в русской журналистике и публицистике, давно установился обычай круговой поруки. Благодаря особенностям политической нашей жизни и некоторым свойствам русской интеллигенции, мы действовали артельно. Помните слова Белинского: Я жид и с филистимлянами за стол не сажусь (1215). Теперь, когда перед нами враг несравненно более коварный и страшный, чем разрушенная царская власть, нам надо следовать его примеру.

А Вы передали свое имя в лагерь врагов. Судя по вашему письму, я должна думать, что Вы не разделяете тех взглядов, того ползанья перед советской властью, которым наполнены листы газеты, где Вы печатаетесь. Но неужели Вы, женщина наблюдательная, умеющая так остро разбираться в людских слабостях, не понимаете, что какие бы невинные статьи Вы ни писали, но их появление за Вашей подписью придает бездарным Рощиным (1216), Ступницким (1217) и, как их там еще зовут, не свойственный им вес. Неужели Вы не понимаете, что Ваше сотрудничество придаст больше убедительности их ядовитым призывам, в кот[орых] и Вы таким образом морально участвуете. Я не могу в толк взять – за какую чечевичную похлебку подарили Вы этим господам тот писательский авторитет, который Вы своим талантом за-

служили. Ведь писательский дар требует пусть несказанной, но присяги. Сейчас, наскоро, я могу определить эту присягу только двумя словами – не соблазняй...

Вы приняли участие в соблазне. Ваш голос звучит в хоре новых советских верноподданных. Вы Вашим писательским именем скрепляете ту ложь, которую они распространяют, способствуете тому соблазнительному обману, на который чья-то дьявольская рука их поставила. Как Вам хорошо известно, газета была создана с целью сблизить эмиграцию с советским правительством. Если Вы в это сближение верите, если Вы считаете, что коммун[истическая] партия, правящая Россией, эволюционировала, то Вам нечего обижаться на мои слова о покраснении. Если Вы, в чем я не сомневаюсь, так же ясно, как и я, знаете, что там по-прежнему царствует насилие и безудержная жестокость, то зачем Вы затесались в эту кампанию обманщиков?

Я не виню ослабевших, одуревших, усталых телом и душой эмигрантов, кот[орые] бросились навстречу победоносному русскому народу, поверили, что настал час воскресения России. Это я говорю о толпе, поддавшейся дурману. Но как можно этому дурману поддаваться, сотрудничая с газетными самогонщиками, которые варили этот дурман, печатали сладостные призывы о сладостной жизни на родине, толкали несчастных возвращенцев в кровавую грязь, кот[орая] их там ждет.

Это не пустые слова, не литература. Советская действительность бесконечно страшнее моих, как будто и резких, слов. И я должна Вам прямо сказать, что если моя заметка сделала Вам больно, ведь и меня глубоко оскорбило, сделало мне больно, появление Тэффи среди журналистов, удостоившихся доверия г. Богомолова. А прежде я так любила видеть это имя в печати.

Вы пишите, что в разговоре многое было бы легче сказать. Я с этим согласна и очень хотела бы с Вами откровенно поговорить. Если Вы мне позвоните, можно условиться когда и где встретиться.

Мое суждение о вас и Бердяеве не было полемическим фокусом. Я давно пришла к печальному убеждению, что у него не хватает ума для тех ответственных тем, за кот[орые] он берется. Этого я о Вас не скажу. От чистого сердца заявляю, что предпочла бы обмениваться с Вами письмами не по такому поводу и не в таком настроении. Я ведь люблю талантливых людей, а значит, и к Вам меня всегда тянуло.

Опечаленная Вами Ариадна Тыркова

Можете показывать кому хотите.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

Князю С. С. Белосельскому

24.I.1947
Versailles

Многоуважаемый князь,

Прилагаемую записку (см.: «Бахметьев», о ДиПи) я составила довольно безлично, чтобы Вы могли взять из нее беглые справки о том, что здесь делается, а главное, что надо сделать для ДиПи. Но мне хочется послать Вам вместе с ней и несколько слов личного привета. Прежде всего поблагодарить Вас за то, что Вы для русских делаете. Сколько раз слышала я от людей, которых Вы и в глаза не видали:

– Меня князь Белосельский выручил... Без князя Белосельского я попал бы в очень трудное положение. Спасибо князю Белосельскому, он то-то и то-то для меня сделал.

Вот и мое спасибо примите. Несмотря на старость лет и британский паспорт, тоже давнишний, я остро чувствую русскую круговую поруку, всегда радуюсь, когда и другие русские на деле ее признают, и горжусь этой солидарностью, выкованной на чужбине. А сейчас этот тяжкий вопрос ДиПи, где так непосредственно, нагло чувствуется советская рука. Ведь если просто называть вещи своими именами, то все эти «Балты» просто бывшие российские подданные, вырвавшиеся из советских лап. Счастливые советские граждане, предпочитающие жить в любой пещере, только бы не возвращаться в коммунистическое отечество. По Вашей отзывчивости на их мытарства я вижу, что Вы отлично понимаете этих новых невозвращенцев, среди которых немало деловитых, порой блестящих русских людей.

Одному из них – К. В. Болдыреву (1218), Вы уже оказали огромную поддержку. Он ее заслуживает. В нем заразительная смесь патриотического, идейного энтузиазма и практической, тоже чисто русской сметки. Он умеет организовать толпу в стройную артель, может убеждать, вести за собой. Он мне говорил, что хотел бы съездить в Америку. Я уверена, что его приезд мог бы быть очень полезен русскому делу. У него ясная голова. Он очень выпукло излагает свои мысли и говорит бегло по-английски, по-французски, по-немецки. Привлекательный, полный движения и веселого юмора собеседник. Мне общение с ним очень помогло понять и практическую и психологическую сторону проблемы ДиПи.

Болдырев и еп. Нафанаил Львов (1219), председатель Беженского комитета в Гамбурге – это те два знатока, два практических деятеля по ДиПи, по которым мы направляем нашу работу. Ведь из-за этих запретов и застав нелегко добраться до живых ДиПи, до их запросов и потребностей. Епископ Нафанаил тоже недюжинный человек, огромной энергии и преданности делу. Не только его сан епископа, но и его личность заставляют с ним считаться, открывают перед ним двери. Сейчас они вместе поехали в Рим. Бог даст договорятся с ар-

гентинскими посланцами по переселению. Надо сдвинуть лежачий камень во что бы то ни стало.

А ведь Вы когда-то, еще при жизни моего мужа, бывали у нас в Челси. И Ваш отец (1220) приходил иногда поговорить с моим мужем о русских бедствиях. Если он меня не забыл, передайте ему от меня дружеский привет.

Еще раз спасибо Вам, что Ваше имя так часто мелькает в беженских летописях.

Я прилагаю адреса священника и юриста, письма которых я цитирую. Может быть, найдется возможность послать в их лагеря сколько-нибудь посылок. Очень бы это их поддержало и телесно и душевно.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись. Копия.

Князю С. С. Белосельскому

27.II.[19]47

Многоуважаемый князь Сергей Сергеевич,

Очень рада, что между нами установилась непосредственная связь. Хотя я и переписываюсь уже второй год с гр. А. Л. Толстой, а Ваше общество, вероятно, находится в каком-нибудь трудовом контакте с Толстовским Фондом, но все-таки каждая группа, да и отдельные деятели, должны знать и понимать своих соседей, не считаясь с расстояниями и океанами. Дело одно, а деятелей, как Вы правильно отмечаете, так мало. Очень важно подходить к нему с одинаковыми взглядами и по возможности координировать действия.

Сейчас [как] будто начинается сдвиг в вопросе о ДиПи. Зашевелились всякие комиссии. Даже Англия собирается выписать чуть не 100 000. Проявляет некот[орую] предприимчивость и IRO. Тут же, под их сенью неутомимый Болдырев. Летит от них в Марокко, где уже наполовину подготовил прием на работы 1000 ДиПи. Поэтому его поездка в Америку пока откладывается, но не отменяется. Само собой разумеется, что разрешить проблему ДиПи могут только государственным путем. На долю русских выпадает моральная поддержка (сюда я отношу и вещевую), а главное – обязанность эта напоминать всем и вся о человеческих правах ДиПи и не только в связи с их переселением и устройством на новых местах, но и сейчас. Ведь над ними нет регламента, общего для всех трех западных зон. Каждый мальчишка из УНРН (1221) законодатель, и почти за каждым притаился советский указчик. Выдачи, дай Бог, кончены, но извод всякими способами далеко не кончен. Я подбираю материал и тогда Вам снова напишу.

А теперь хочу, что называется, постоять на паперти с ручкой. Нельзя ли поддержать Милосердного Самаритянина в Мюнхене (1222). Его

с первых шагов ведет о. Александр Киселев, еще молодой священник, но уже <обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

Г. П. Бенигсену

27.II.[19]47
Versailles

Многоуважаемый Георгий Павлович,

Среди замерзающего мира стынут мысли и способность действовать. Я лично не замерзаю. У меня тепло и светло, но я все-таки беспомощно съеживаюсь, а в то же время с виноватой остротой чувствую, что там, на Востоке, положение отчаянное и чем восточнее, тем отчаяннее. Пишу это не в оправдание своей слабости, а как крик души.

Письмом Вашим к квакерам (1223) я еще не пользовалась, т. к. они уже нам сказали, что у них никаких транспортных возможностей нет. Но это письмо еще может пригодиться. Сейчас нам обещает переправить пакеты католическая организация: вероятно, одна французская военная. Авось наконец протолкнем вещи. Но мне очень нужно было бы получить, хотя бы и не на бланке, но за подписью Голицына (1224) и Вашей, бумажку, где будет сказано, что я представительница нашего Общества помощи беженцам на Францию. Это уже давно так принято, что чем менее порядка, тем более магическое действие имеют бумажки. Я не понимаю, в чем задержка. Или Вы все еще не одолели формальности. Пожалуйста, ответьте на этот вопрос по возможности сразу, т. к. нам надо пометить на пакетах от какой организации они посылаются.

Насколько можно судить по газетам, вопрос о ДиПи принимает более практический характер. Я прочла в «Сендей Таймс» (1225), что англичане собираются принять 100 000 и открыть в Германии и Австрии конторы для набора рабочих. Это уже хорошо, пессимисты боятся, что брать будут только на низшие сорта работы и, таким образом, более образованная часть беженцев в эти списки не попадет. Есть ли у Вас какие-нибудь связи с подготовительной комиссией, кот[орая] этим занята, или какие-нибудь сведения об ее деятельности? Секретарь еп. Нафанаил, кот[орый] недавно приехал из Гамбурга, говорит, что среди англ[ийской] администрации очень внимательное и разумное отношение и даже желание прислушаться ко мне <обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

Б. А. Бахметеву

29.III.[19]47

Глубокоуважаемый Борис Александрович,

Пишу Вам не только от себя, но и по порученью триединую и единодушную.

Мельгунов Вам свои сборники (1226) высылал. Название изменялось, но сущность все та же, все так же они остаются ЕДИНСТВЕННЫМ в Европе русским антисоветским изданием.

Трудно себе представить какое одуряющее, парализующее влияние на эмиграцию произвело отсутствие, с 1940 г., независимой русской прессы. В этом надо искать если не оправдание, то объяснение необдуманного увлечения некоторых Советами. Теперь среди больших и малых эмигрантов идет отрезвление, но трещины остались. Я не буду распространяться о значении и старой и новой эмиграции в общем балансе мировой политики. Скажу только, что русскому вопросу, в самом широком смысле, суждено сыграть роль почти решающую. Спасти мир от окончательной катастрофы может только русский народ.

Но он безгласен. Не только там, в России, во всей Европе безгласен. Только в сборниках, о которых я пишу, звучит свободное слово. Было бы странно считать их гласом народным. Редакция свои недочеты признает и готова принять доброжелательную критику. Но те приветственные письма, кот[орые] мы получаем, в особенности письма новых эмигрантов, показывают, как русские изголодались без свободной мысли. Судьба поручила эмигрантам быть хранителями и выразителями заветов русской культуры. Это не избитая фраза. Это исторический акт. Сейчас долг эмиграции восстановить свободное русское слово, расчистить путь к созданию свободного русского общественного мнения. Насущнейшая задача сегодняшнего дня создать орган, где оно будет складываться и выявляться. К этому нас зовет страшное молчание, на которое обречены десятки миллионов русских людей. Эмиграция распылена, разбита, состарилась, но эту свою, может быть, последнюю службу она должна России отслужить.

До сих пор благодаря здешним условиям Мельгунов был вынужден выпускать разрозненные книжки, не связанные ни общим названием, ни сроком. Это совершенно недостаточно. На днях ожидается новый закон, кот[орый] даст возможность издавать газету или периодический журнал. Для этого нужны средства, сравнительно скромные. Для газеты миллион фр[анков], для журнала тысяч 200 ф[ранков]. Читать ее будут не только во Франции, но и в Англии и в Бельгии, куда будут вывезены тысячи ДиПи. Во Франции мы уже приступили к сбору денег, но обращаемся и к заокеанским русским. Помогите нам. Если Вы одобряете наши сборники, если Вы признаете, что русским необходима организация общественного мнения, что они имеют на

это право и готовы им помочь в его осуществлении – поддержите нас. Дайте нам денег, отыщите для нас денег. Если найдете нужным, покажите это письмо. Я не пишу о финансовых подробностях, пока не получу от Вас доброго ответа. Совершенно уверена, что Вы не можете не сочувствовать задаче, которую мы себе поставили, и потому жду ответа дружественного.

Всего хорошего.
С давним уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

М. М. Карповичу

18.X.[19]47

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Мы, сидя в обнищавшей Европе, воображаем, что в Америке дела идет как по маслу. Признаюсь, мне невесело было читать в Вашем письме, что и «Новый Журнал» (1227) посматривает, не народились ли, наконец, богатые меценаты? Это слишком похоже на те разговоры, которые я раз в неделю слышу в редакционном собрании у Мельгунова. Только в Париже к русскому безденежью надо прибавить европейское бесправие и тягучие разговоры с властями, неприятные, неумные и связывающие Мельгунова по рукам и по ногам, несмотря на всю его исключительную энергию и мужество.

Вообще сознание, что нет для русских писателей печатного станка, штука тяжелая. Все же я посылаю Вам оглавление своих воспоминаний. Предоставляю Вам выбрать главы, кот[орые] найдете для своего журнала интересными. Мне хочется послать Вам всю рукопись. Тогда и выбирать легче. А, кроме того, если опять обрушатся на Европу море зла и неба гибельные кары (1228), то выгоднее разбросать рукопись по разным странам. Авось после моей смерти какой-нибудь любитель русской древности напечатает. У меня есть еще два экземпляра.

Но это не все. Я упрямо мечтаю издать воспоминания по-англ[ийски]. В Лондоне издательское дело заморожено. Нельзя ли найти в Америке трудолюбивого русского, кот[орый] взялся бы перевести и пристроить их. Конечно, я должна буду широко поделиться гонораром, но оплачивать перевод я не могу. Подумайте об этом и посоветуйте. Ответьте, послать ли Вам всю рукопись.

Мы Вам очень благодарны за то, что Вы Наташу познакомили с Рабиновичами. Они удивительно сердечно и внимательно относятся к ней, и для нас сознание, что у нее в это тяжкое для нее время нашлись такие друзья, было, да и есть большая поддержка. К счастью, она, по-видимому, действительно поправляется. Уже подумывает об

университетской работе. Тут опять придется с Вами советоваться. Но сейчас еще рано об этом серьезно думать, и я не хочу засорять Ваше внимание. И за советы ей насчет преподавания спасибо. Они ей пригодились.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Копия.

1948

С. В. Паниной

26.I.[19]48

Дорогая Софья Владимировна, целый век не писала вам, но прежде всего о делах. Их три. Нельзя ли получить от Толстовского комитета для моего здешнего комитета одну или две, если можно то и больше, Каровские посылки. Мне говорили, что если из Америки воздушной почтой присылается сюда в Кара заказ, то это быстро делается. Мы получаем иногда отчаянные письма, узнаем о том, как медленно чахнут от длительного недоедания целые семьи, а у нас нет ни средств, ни права посылать даже во французскую зону пищевые посылки из французских продуктов. Но можно посылать все, что мы получаем из-за границы. Транспорт у нас налажен, а пищи нет. Вообще и вещей нет, но сейчас особенно острая нужда в добавочном питании для детей и больных. Мы устраиваем специальный сбор денег на покупку рыбьего жира, но тут такое растрепанное положение и государственных и частных финансов, что кто его знает, что соберем. Поэтому низко кланяюсь Толстовскому комитету – пришлите посылки.

Второй поклон об определенной семье Вы, вероятно, знали Д. Д. Гримма, ректора Петерб[ургского] университета. Его сын, Иван Д. Гримм, тоже профессор, бедует в Германии. У него трое детей – дочь, 11 л., сын 14 л., сын 24 г. Все, как и он, крупные, высокие. И все раздетые. Нужна обувь, № 36, 41, 42. Нужно платье, нужно дополнительное питание, у детей начало процесса, да, кажется, и [у] отца также. И он, и старший сын (1229) работают, но живут впроголодь. Я хорошо знаю Гримма. Это и хороший, и образованный, и твердый человек. Если таких людей не поддерживать, то ради кого же мы стараемся. Платье, если милость будет – а я верю, что будет, – пошлите прямо из Америки. А еду, если можно, через Кар мне, так скорее будет.

Третий поклон мой личный. Аркадий уже писал Нине Рузской, просил комитет добыть ему и жене его афидевиты. Они долго упирались, но теперь поняли, что лучший выход из положения это переезд в Штаты. Вы, вероятно, слышали, что их дочка, Наташа Борман, поехала к вам учиться и прямо с экзаменов попала в санаторию для ТБ, где и сейчас еще поправляется. К счастью, здоровье, по-видимому,

налаживается, ей даже обещают, что с лета ей позволят начать работать. Ее ждет преподавательская работа в университете с надеждами на дальнейшее продвижение. Она как будто нашла свое место в Америке, но и родители, которым трудно найти свое место в ошалевшей Европе, тянутся к ней. Словом, надо ехать. А для этого надо получить от Толстовского комитета поддержку в виде афидевита. Опять-таки кланяюсь и прошу помочь.

Вот, дела кончены. Можно, хоть наспех, да поговорить по душам. Признаюсь откровенно – на душе невесело. Не вижу в международной свалке ни руководящих людей, ни, что хуже всего, руководящих идей. Сила коммунизма в том, что у них то и другое есть. Пусть от дьявола, но твердо. У нас, христиан, нет той веры в Христову [силу], как у них в силу Сталина. И межеумочный (1230) социализм окончательно путает мозги. Ведь коммунизм и есть социализм, доведенный до логического конца и железного волеизъявления. Этого не иностр[анные], не рус[ские] социалисты не хотят признать. Сейчас Англия меня огорчает еще больше, чем Франция, от которой я давно не жду ничего хорошего. А жить здесь сейчас легче, чем в Англии. Тут у всех все есть, т. е. у огромного большинства. Беднее всех рантье и пенсионеры, а остальные едят свинину.

Словом, скучно смотреть в газеты. Но я смотрю мимо них, занимаюсь фольклором, взялась на заказ написать о нем ряд статей и счастлива, что могу погружаться в этот чудесный мир, где русским духом, русской даровитостью так и пышет. Веселят меня также корректуры. Ведь мой Пушкин печатается. Медленно, тем ползучим темпом, который всюду установил его величество пролетариат, но все-таки полкниги уже набрано. Печатает ИМКА. Я держу корректуры и со страхом думаю о Ваших упреках, боюсь, что в этом томе будет больше ошибок, чем в первом, за кот[орый] Вы меня справедливо поносили. Очень Вы меня тогда ободрили своим отзывом, я Вас считаю невидимой издательницей этого тома и крепко Вас за это целую. Теперь есть надежда, что я не умру, не увидав всей своей работы в печати. Хотя судьбы Господни неисповедимы. Сейчас я здорова, сохранила подвижность, живу с сыном, они за мной ухаживают. Словом, это все ладно. Если бы только не мировая сумятица. Целую Вас. Привет Ал[ександре] Львовне [Толстой].

Сейчас подошел Аркадий. Он вносит насчет афидевита очень существенные поправки. Он говорит, что если он запишется в общем порядке на квоту, то получит ее через полтора года, если не позже. Поэтому ему нужен не столько афидевит, сколько вызов на работу. Он знает пять языков – англ[ийский], франц[узский], немец[кий], испанский. Нельзя ли попасть куда-нибудь, где эти языки оценят – напр[имер], в американский «Радио». Ведь у него основательные общие знания, политика, экономика, история – он в этом хорошо разбирается. У Вас там спрос на преподавателей русского языка. На это

и он, и его жена очень годятся. Она хорошая учительница нем[ецкого] и рус[ского языков]. Вот в этом направлении нельзя ли произвести разведку.

А. В. [Тыркова]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

Саблиным Н. И. (1231) и Е. В.

13.VI.[19]48

Дорогие Н[адежда] И[вановна] и Е[вгений] В[асильевич],

Спасибо за советский листок. История Тасеева, вероятно, скоро соблазнит своей запутанной таинственностью какого-нибудь фильмового режиссера. Вообще живем среди путаницы. В мозгах и в поступках людей все кверх ногами. Возьмем хотя бы разъезды Байкалова (1232) и Чаплина (1233). Говорят, Орехов (1234) уже горько кается, что с ними связался. Но это у меня из третьих рук. М[ожет] б[ыть], кто-нибудь и преувеличивает. Но из первоисточника, т. е. от того, кому он это говорил и кому можно верить, сообщаю, что Б[айкалов?] здесь рассказывал, что у него в Англии уже твердое положение, что он виделся с Бевиным (1235), который обещал Рос[сийскому] освоб[одительному] национ[альному] движению полную поддержку, а главное, неограниченные кредиты. При этом Б[айкалов?] пояснил, что Брит[анское] правит[ельство] считает войну неизбежной, а для ее ведения нужна русская антисоветская армия под руководством опытного русского генерала. Есть все основания полагать, что выбор англичан упадет на Чаплина, т. к. они считают его самым опытным русским военным. Все это называется «не любо не слушай, а врать не мешай». Но беда в том, что Байкалов, как Вы знаете, обладает не только воображением, но и энергией. Он с большим напором проводит свой план: объезжает Англию, Францию, Бельгию и в каждой рассказывает, какие важные правительственные связи у него есть в соседней стране. И все брешет. Во Франции у него, по словам Мельгунова, офицером связи с правит[ельством] явился Катцман, лицо, имеющее определенную репутацию. Но мне Б[айкалов?] рассказал, что он и его товарищи имели деловые разговоры с франц[узским] правительством, которое опять-таки дает им и кредиты и поручения. Вся эта хлестаковщина развивается на почве всемировой бестолковщины и может принять вредное для русского дела направление. Эти господа уродуют жизненные задачи, подрывают и без того слабый престиж русского освободительного движения, вносят смуту и бестолочь в умы новых русских эмигрантов. [От] души желаю им неуспеха.

Вообще я начинаю думать, что время создания больших комитетов еще не пришло. Было бы полезнее, чтобы немногие люди, не

утратившие способности думать, подвели бы между собой итог этим думам. А выносить все несозревшие искания на общий шум вряд ли сейчас выгодно. М[ожет] б[ыть], во мне говорит старческая медлительность, но на эти мысли меня еще более подтолкнули разговоры, кот[орые] я вчера слышала у <1 нрзб.>. Организуют группу, а в таких существенных вопросах, как социализм и федерализм, еще далеко не сговорились. В то же время и в старой и в новой эмиграции есть потребность сговора для действий. В Америке «Социалистический вест[ник]», «Борьба за Россию» (1236) и «Новый журнал» тоже устраивают какой-то Союз борьбы. Но их лозунг [–] соц[иал-]дем[ократическая] фед[еративная] респ[ублика]. На их первом заседании был Кравченко (1237), кот[орый] заявил, что рус[ский] нар[од] не отдаст завоеваний Великой Окт[ябрьской] революции и, отбрасывая всякую возможность монархии, выставил лозунг – Союз независимых дем[ократических] республик. Само собой разумеется, что в таком случае нет места слову – Россия. В Америке кроме с[оциал]-д[емократов] и [э]с[е]р[о]в в группу вошли Карпинский и Тимашев. Передают, что Николаев выразил надежду, что власовцы будут с ними. Это один из его козырей. А давно ли тот же Ник[олаев] чурался власовцев. Вот как все меняется и главным образом потому, что многое еще не отстоялось. Любопытно, что Ник[олаев] в Америке опирался на то, что в Париже у них есть своя группа. А она состоит из трех неизвестностей – Гуль (1238), Бутенко (1239) и один невозвращенец. Опять Байкаловщина. Вот вам мой докладик. Много информации от меня не ждите. Жарко. Думаю о другом. Не так уж пульсирует эмигрантская жизнь, ч[то]б[ы] собирать обильную жатву занятных сведений. Васеньку еще не видела.

Рада была повидать вас обоих. Немного уже остается друзей. Не говори с тоской их нет, но с благодарностью были (1240). Я за многое благодарю Бога, а за друзей особенно благодарна Провидению.

Обнимаю вас и очень прошу Н[адежду] И[вановну] как-нибудь черкнуть мне хоть несколько слов о здоровье Е[вгения] В[асильевича].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

С. П. Мельгунову

13.VI.[19]48

Дорогой Сергей Петрович,

Вчерашнее собрание оставило во мне такое смутное впечатление, что я прошу Вас вычеркнуть мое имя из списков Вашей группы (1241), если таковые списки имеются. Я не знала, что Вы уже сорганизовались, выбрали бюро и считаете все достаточно выясненным, чтобы приступить к работе. Попросту говоря, идя вчера на Лекурб (1242),

я не знала, что я член чего-то. Для меня это слишком поспешно. Я во многом расхожусь с Вами и с Херасковым (1243) и должна откровенно сказать, что не хочу отвечать за его выступления. Это отнюдь не следует толковать как уход из-за Хераскова. Мне неоткуда уходить, т. к. я никуда не входила. Возможно, что при более подробном и частном обмене мнений некоторые расхождения могли бы сгладиться, но для этого мне пришлось бы внимательно следить за работой группы, а я этого делать не могу. Я очень поглощена литературной работой, и у меня не хватит ни сил, ни внимания так же тщательно заняться политической работой. Я даже в более молодые годы разделяла их во времени, а теперь тем более. При этом я привыкла целиком разделять и выработку основных мыслей и ответственность за них с моими коллегами по организации. В данном случае я этого сделать не могу, поэтому и прошу убрать мое имя. По правде сказать, и для Вас выгоднее это сделать сейчас, в дружеском порядке, чем если бы, уже в ходу дела, между нами произошло резкое разногласие и мне пришлось бы о нем публично объявлять. А сейчас я даже сразу вношу оговорку, что очень возможно, что настанет час, когда мы с Вами будем вместе вести и политическую работу, а не только литературную, как это было до сих пор и, надеюсь, еще будет.

Очень хочется верить, что мое прямое заявление Вас не заденет.

Всего хорошего. Привет П[расковье] Евг[еньевне Мельгуновой] (1244).

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Копия.

В. А. Лазаревскому (1245)

15.VIII.[19]48

Многоуважаемый <пропуск>

Благодарю Вас за любезное письмо и за предложение написать статью по поводу последней статьи Корякова. Этого я сейчас сделать не могу, т. к. совсем не следила за его предыдущими писаниями. Только по выдержкам, попадавшимся мне на глаза, знаю, что он довольно-таки суров к новой эмиграции, к которой и сам он принадлежит. Я до сих пор не поняла, какую он грань проводит между собой и ими. Насколько я могу судить, в нем интереснее его эмоциональные переживания, а не его суждения. Но чтобы сколько-нибудь связно ему ответить, не ввязываясь в совершенно несвоевременную полемику, надо хотя бы перелистать его прежние писания. Я сейчас занята совсем другим. Самое интересное в его статье – это описание советской молодежи.

Вы в своей статье очень осторожно, но явственно не одобрили его морального осуждения невозвращенчества. Было бы полезно, если бы он в ответ яснее указал, почему он считает изменой Матери Земле

уход из советского плена. Ведь та Земля, о которой он пишет, это не геологическое, а идеалистическое понятие. Кстати, как трудно русским понять, что они не одни на свете знают волнение высоких дум и чувств. Ведь и немец, и англичанин, и финн, и сын степей калмык любят свою землю.

Ну, вот, хотела написать две вежливые строчки и разболталась.

С полным уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

Лорду Р. Г. Ванситтарту (1246)

October 15, 1948
10 rue Jean Mermoz, Versailles

My dear Van

It is rather ridiculous when an oyster wants to discuss with a whale the great art of swimming in deep water. But being a thinking oyster I dare to do it.

I have just read one of your articles and your letter in the «Daily Mail» (1247) and I see how acutely you, a political thinker and a poet, feel the dangerous shortsightedness of the politicians now in office.

30 years ago Harold was writing:

«The German danger has been removed for the time being. But the Bolshevist danger, not clearly recognized in time, as slipped into its place and is threatening to render futile all the labours of the Peace Conference...»

Now the Bolshevist danger is more or less recognized and people are even ready to struggle against it. But only few realize that the only way to victory in this struggle is to have as she principal all the most implacable enemy of the Communism – the Russian people. Still there is not too much done in this direction.

Even the less ignorant Western politicians continue to mix together two absolutely different things – the Soviet Government and the Russian people, who hate their masters. The Communists have created a new governing class, which supports them, but only to a certain extent as they are never sure of their own position, even life. Only in the bourgeois countries you can still find the out-of-date Communists-idealists who continue to enjoy the comparative comfort of capitalist regime. In USSR and its satellite countries the Communist ideology is stone dead. It is replaced by plain despotism.

The population in Russia is miserable in body and oppressed in spirit. That is why, when Hitler had declared that he enters Russia to fight Communism, millions of red soldiers surrendered without fighting. As you know, such things never happened in the old Russian Army. And again, when

Germany was defeated millions of prisoners asked not to be sent back to the Soviet slavery. Some of them, when forced (by the Democratic powers) to be repatriated preferred to commit suicide.

These two <1 нрзб.> case convincing of the despair and evil of the Soviet rule. My last, but not least, argument is the extensive work of the Tche-Ka. Such diabolic organizations are needed only by governments afraid of the population. It does not need too much tension d'esprit to realize that the dream of the Russian people is to get rid of their resent masters. It is the business of realistic Western politicians to use these feelings and not to repeat Hitler's blunders.

His second great blunder (the first was the persecution of the Jews) was made when he deceived the expectations of the Russians and by his cruelty towards the prisoners, by his haughty proclamations that the Germans never give back territories once occupied, by his treatment of the Russians as Undermenchen – has absolutely changed their spirit.

They realized that for the time being not the Soviet Government, but Germany has been the first enemy. The Bolsheviks are gifted organizers in spite of their materialism they know how to utilize the spirit. They have given concessions to the religious and patriotic longings of the people. Of course they have deceived them afterwards. But at the most crucial moment of the war, the Russian people stood up against the invader and helped the Allies to break Hitlerism.

Now we need the help of the same Russian people to break another common enemy, the Soviet Government. Civilization can be saved only by the Russian people. It sounds like a paradox, but so it is.

To have the Russians on the side of the Western democracies one must make clear to them that the struggle is against the Soviet Government, not against Russia, that as soon as the Soviet Government is eliminated the peoples in Russia will have full freedom to arrange their life themselves in democratic way, without any pressure from outside. One of the ways to it is to show that Western public opinion understands the difference between prisoners and qoalers. The use of the words Russia and the Soviet Government as synonyms is alienating the most indispensable ally – the Russian people – from the Common cause.

I must apologize for the long letter. But the problem is a burning one. I can't make it shorter. And to have the steam off makes me a bit happier.

I have just published in Russian in Paris the second and the last volume of «Life of Pushkin».

I am going for ten days to London in search for a publisher for the English version. A difficult task.

My address in London will be – 63 Egerton gardens, S.W.3. and then Versailles again.

Please remind me to Lady Vansittart.

Октябрь 15, 1948
10 rue Jean Mermoz, Versailles

Мой дорогой Ван,

Это довольно нелепо, когда устрица хочет обсудить с китом великое искусство плавания на глубине. Но, будучи думающей устрицей, я позволю себе сделать это.

Я только что прочла одну из твоих статей и письмо в «Дейли Мэйл» (1247), и вижу, как остро ты как политический мыслитель и поэт чувствуешь опасную близорукость ныне действующих политиков. 30 лет назад Гарольд писал:

«Немецкая опасность на время снята. Но большевистская опасность, не распознанная вовремя, плавно перетекла на ее место и грозит свести на нет результаты мирной конференции...»

Теперь большевистская опасность более или менее осознана, и люди даже готовы бороться с ней. Но лишь немногие понимают, что единственный путь к победе в этой борьбе – это иметь во главе нее самого непримиримого врага коммунизма – русский народ. Однако в этом отношении сделано еще слишком мало.

Даже наиболее знающие западные политики продолжают смешивать две совершенно разные вещи – советское правительство и русских людей, которые ненавидят своих хозяев. Коммунисты создали новый правящий класс, который поддерживает их, но только в определенной мере, и они опасаются за свое положение и даже жизнь. Только в буржуазных странах вы все еще можете найти старомодных коммунистов-идеалистов, которые продолжают наслаждаться относительным комфортом капиталистического режима. В СССР и его сателлитах коммунистическая идеология окаменела и умерла. Она заменена обычной деспотией.

Население России влачит жалкое материальное и духовно подавленное существование. Вот почему, когда Гитлер заявил, что вторгается в Россию для борьбы с коммунизмом, миллионы красных солдат сдались без боя в плен. Как вы знаете, в старой русской армии такого никогда не случалось. И опять же, когда Германия была побеждена, миллионы пленных просили, чтобы их не возвращали назад в советское рабство. Некоторые из тех, кого заставили (под нажимом демократических стран) вернуться на родину, предпочли самоубийство.

Эти два [факта] доказывают, что советская власть есть источник страданий и зла. Мой последний, хотя и не менее важный аргумент – всеохватная деятельность ЧК. Такие дьявольские организации нужны только правительствам, боящимся населения. Не нужно особенных усилий, чтобы понять, что мечта русского народа – избавиться от своих нынешних хозяев. Задача реалистичных западных полити-

ков – использовать подобные настроения и не повторить ошибок Гитлера.

Его вторая грубая ошибка (первой было преследование евреев) была сделана тогда, когда он обманул ожидания русских, а своей жестокостью к пленным, своими заносчивыми заявлениями, что немцы никогда не возвращают однажды захваченных территорий, своим отношением к русским как к недочеловекам совершенно изменил их душевный настрой.

Тогда они поняли, что на какое-то время не советское правительство, а Германия есть враг номер один. Большевики талантливые организаторы и, несмотря на свой материализм, знают как использовать силу духа. Они пошли на уступки религиозным и патриотическим стремлениям людей. Конечно, потом они обманули их. Но в решающий момент войны русские дали отпор захватчику и помогли союзникам победить гитлеризм.

Теперь мы должны помочь тем же русским людям победить другого общего врага – советское правительство. Цивилизация может быть спасена только русским народом. Это звучит как парадокс, но это так.

Чтобы привлечь русских на свою сторону, западные демократии должны дать им понять, что борьба идет с советским правительством, а не с Россией, что, как только советское правительство будет уничтожено, народы России получат полную свободу самостоятельно строить свою жизнь и идти демократическим путем без какого-либо давления со стороны. Один из способов добиться этого – показать, что западное общественное мнение понимает разницу между заключенными и тюремщиками. Использование слов Россия и Советский Союз в качестве синонимов отвращает от общего дела самого необходимого союзника – русский народ.

Я должна извиниться за длинное письмо. Но проблема не терпит отлагательств. Я не могу выразить ее короче. И, спустив пар, я чувствую себя немного лучше.

Я только что опубликовала второй том «Жизни Пушкина» в Париже по-русски.

Я уезжаю на десять дней в Лондон в поисках издателя для английской версии. Сложная задача.

Мой адрес в Лондоне будет: 63 Игертон гарденс, СВ3 а потом опять Версаль.

Пожалуйста, напомни обо мне леди Ванситтарт.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

М. А. Алданову (1248)

14.XI.1948

Дорогой Марк Александрович,

Пишу, чтобы поблагодарить за три повести, которые я только недавно прочла: «Могила воина», «Десятая симфония» и «Пунш», боюсь перепутать, но по-моему он табачный (1249). Эта поездка фельдфебеля за Минихом (1250) меня особенно заинтересовала, п[отому] ч[то] я всем, что около Екатерины, очень интересуюсь. Вы меня пленили особым подходом к событиям и связанным с ними людям. Самая мысль поставить такого курьера в центре, а исторические происшествия подернуть туманом, это очень самобытный художественный подход. Так вы и с экс-карбонарием сделали, поставили его на передний план, а Байрона (1251) где-то за ним. Но неужели это верно, что Байрон не верил в свою поэтическую гениальность. Не подумайте, что я его гением считаю, но он-то сам мог считать.

Простите за болтовню. Мне только как читательнице захотелось Вам написать. Пришлось узнавать Ваш адрес. Время шло, благодарность за Вами написанные художественные страницы все напоминала о себе, стучалась в какие-то двери. Вот и шлю Вам искреннее спасибо.

Весной будет 150 лет со дня рождения Пушкина. Надо устроить какую-то отметинку, а сил так мало. Будете ли Вы в начале июня в Париже? Если да, то Вам придется сказать свое слово.

Читаю в англ[ийской] и амер[иканской] прессе похвалы Вашим книгам и поздравляю Вас с успехами в этом англо-саксонском мире. В По Вы боялись Америки, а я Вам говорила, что там Вас ждет успех. Нагадала. Помните?

С искренним уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

1949

Г. В. Вернадскому (1252)

10.1.[19]49

Дорогой Георгий Владимирович,

А. Ф. Родичева написала мне, что Ваша жена прочла с интересом т. II моей биографии Пушкина. Значит, книга побывала у Вас в доме и, м[ожет] б[ыть], Вы имеете о ней понятие. Поэтому я позволяю себе обратиться к Вам с большой просьбой. Не можете ли Вы сообщить мне адрес издателя, литературного агента или переводчика, который мог бы заняться устройством моей книги для американского изда-

ния. У меня только русский текст. Расход на переводчика должен взять на себя издатель или этим должен рискнуть переводчик. Я сократила два печатных тома, всего 900 страниц, приблизительно до половинного размера. Вычеркнула то, что вряд ли интересно иностранному читателю, кое-где вставила необходимые разъяснения.

Мне очень хочется добиться иностранного издания, не только п[отому], ч[то] это для всякого автора естественное желание, но еще и потому, что иностранцы слишком мало знают об этой блестящей русской эпохе. Тут не один Пушкин, но вся атмосфера его времени. Пр[офессор] Саймон (или Симон), как чужеземец, передать ее не мог.

Буду Вам очень признательна за совет. Мне указали на Бредена как директора фирмы Деттон. Я ему писала, но ответа не получила.

С полным уважением.

Увидите Софью Владимировну [Панину], пожалуйста, кланяетесь ей от меня. Жаль, что Америка недоступна. Со многими по ту сторону океана хотелось бы повидаться и потолковать.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

С. П. Мельгунову

30.IV.[19]49

Дорогой Сергей Петрович,

Прочла в «Р[усской] мысли» Вашу заметку о предстоящем собрании и вижу, что мне необходимо с Вами поговорить, т. к. я вряд ли могу согласиться с тем, что в будущей России не должно быть господствующей народности. Не понимаю, зачем вперед забегать, да еще в таком основном вопросе выбрасывать уступки, не оправданные общенародными интересами. Это собрание уже связывают с моим именем, а я не могу отвечать за то, с чем не согласна. Поэтому я приду к Вам во вторник и выясню целый ряд вопросов. Надеюсь, я и Влад[имира] Петр[овича] увижу. Если в этот вторник, 3/V, Вас на Лекурб не будет, пожалуйста, дайте мне сразу знать, чтобы я даром не каталась, и укажите, когда я могу поговорить и с Вами и с Вл[адимиром] П[етровичем]. Необходимо хорошенько договориться, прежде чем продолжать подготовку к митингу.

Привет Вашей жене.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

2.V.[19]49

Дорогой Василий Алексеевич,

Я видела К. Р. Кровопускова (1253) и от него узнала, что предполагается устроить в Сорбонне торжественное собрание памяти Пушкина и что будут две речи, Ваша и Тройа (1254). О Вас не может быть двух мнений. Насчет Тройа я сразу высказала свои возражения, которые, по-моему, отклика у К. Р. Кровопускова не нашли. Ему хочется заманить побольше французов и подать им кушанье по их вкусу. А мне хочется прежде всего, чтобы собрание о Пушкине было на должном уровне. Те французские слушатели, которым лень думать, получают свое удовольствие от хорошей артистической программы. Ораторы должны быть ответственные и образованные, а Тройа все-таки верхогляд и трудно поручиться за то, что он скажет.

Вот я и обращаюсь к Вам не только как к председателю Комитета, но прежде всего как к человеку со вкусом и литературным чутьем — отгородите Пушкина от вульгаризации. Отчего не попросить сказать французскую речь П. Ковалевского (1255), кот[орый] и говорить умеет и Сорбоннские порядки знает, или Вейдле (1256). У обоих есть культурные привычки и литературные традиции. Наконец, можно обратиться к французскому профессору, что было бы правильнее всего. Но, конечно, не из попутчиков советской власти, которым не может быть места на собрании, устраиваемом эмиграцией.

Очень буду счастлива, если Вы к моим словам прислушаетесь.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

Письмо Ю. И. [Лодыженскому]

17.VI.[19]49
Versailles

Дорогой Юрий Ильич,

С большим интересом прочла в женевской газете обращение к западным правительствам. Цель намечена совершенно правильно, надо только метко сообразить, как ее достичь. Не знаю, ведутся ли где-нибудь списки тех, кто в этом деле может быть попутчиком? Их теперь бесконечно больше, чем было тогда, когда мы с мужем привели завтракать с вами обоими милого и податливого финансиста. Как это было давно и какими страдальческими путями открывается истина. Ну ладно, не стоит причитать, надо тем, в ком есть и понимание, и силы бороться, найти пути к объединению своих усилий. Не знаю, ведется ли где-нибудь ведомость лиц, уже проявивших себя. Коминформ своим счет хорошо знает, а противная сторона все еще, как правильно

указывает Обер, распылена. Чтобы сдвинуть правительства, надо показать, что в общественном мнении эта задача уже назрела. Не буду подробнее это развивать, т. к. уверена, что Вы лучше, чем я, знаете, как важно, хотя и трудно, собирать кадры. Но, повторяю, выгоднее начать сборы с общественной стороны. А правительства пойдут на буксире.

Конечно, за эти годы наша телега задвигала[сь], но все-таки обдуманно действует противник, а не мы. Поэтому я считаю это обращение и своевременным и жизненно необходимым и желаю ему всякого успеха. Надеюсь, что оно было послано в «Фигаро» (1257). Это самая живая и влиятельная газета, к тому же, судя по статьям, готовая к бою.

Я недавно побывала в Лондоне, который для меня со смертью Саблина очень опустел. Да и не только для меня, а вообще для русского дела. Как это часто бывает, только когда человек ушел навсегда, становится ясно, какое место в жизни он занимал. В Англию нахлынула новая эмиграция. Сейчас они все просто рабочие, но все же старая эмиграция, распыленная и политически бездеятельная, заслонена этим невиданным наплывом русских, которые всем своим существом знают, что такое коммунизм. Среди них есть любопытные характеры. Я вообще думаю, что ДиПи это резервуар, откуда может начаться движение воды. Ну, а английские дела меня печалят. Я никогда не думала, что милая Англия может так быстро оскудеть, так состариться, что даже с молодых лиц на вас смотрят не молодые глаза. Зато во Франции, точнее, в Париже, все кипит и веселится.

А в русском Париже мне больше всего придают оптимизма организации молодежи. Там и крепкая связь с церковью, и стремление не отрываться от России, которую большинство из них никогда не видало, и, вообще, хорошая, здоровая жизнь.

Моя Дина наслаждается Римом. Я рада за нее. Ей годы войны недаром дались. Теперь понемногу расправляется. Очень любит у вас бывать, и я люблю знать, что вы ее пригрели. Хотелось бы мне и самой Вас повидать, обо многом поговорить.

Обнимаю вас обоих.

Ваша Ариадна Вильямс

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись с подписью. Оригинал.

1951

С. П. Мельгунову

19.V.[19]51

Дорогой Сергей Петрович, пишу в ответ на Ваше письмо от 14/V. Конечно, самое злободневное русское событие, это Фонд Свободной России (1258). До Вас, наверное, уже дошли американские газеты, где

об этом уже официально сообщается. Денег меньше чем говорили, не миллионы, а 20 000. Конечно, дадут еще, если дело окажется живым. Многое зависит от того, кого из русских привлекут. Пока я знаю, что Бахметев входит в комитет и, вероятно, Карпович, который считается одним из главных авторитетов по России. Ему на «Новый Журнал» уже обещаны деньги, т[ак] ч[то] он утроит гонорар сотрудников. Кеннан уже заявил, что они намечают издание журнала, а также и книг. Вы, надеюсь, читали его апрельскую статью об Америке и будущей России (1259). В ней высказаны очень здравые мысли. В частности, по национальному вопросу он как бы дает Украине предостережение, когда говорит, что Украина так же экономически неотделима от России, как Пенсильвания от С. Ш. А. Это программная статья, выражающая близкую перемену в правительственной русской политике, а не только взгляды Кеннана. И то, что именно его посадили в председатели нового фонда, хороший знак. Но надо еще подождать, как это дело пойдет и какие русские силы они будут привлекать. Тут и начинаются наши русские трудности. В многомиллионном Нью-Йорке русские очень распылены. Лучше всех организованы солидаристы. Болдырев профессорствует в катол[ическом] унив[ерситете] в Вашингтоне и завязал хорошие отношения с некоторыми сенаторами. Говорят, что ему удается подсказывать им всякие резолюции, но т. к. солидаристы все и всегда любят себе приписывать, то я только отчасти этому верю. Однако было бы несправедливо отрицать, что солидаристы сумели установить прямую связь с людьми влиятельными и что Болдырев особенно в этом преуспел. Лига не блещет, у них акции падают. Мне уже с разных сторон пришлось слышать пожелания – эх, если бы создать Центр. Думается, что и американцы охотнее всего сотрудничали бы с центральным политическим течением. Это должно выясниться в ближайшие дни, т. к. в начале будущей недели состоится первое заседание Рус[ского] Фонда, на котором они должны установить программу работы. Когда что-нибудь узнаю, Вам сообщу. Если Вам уже предлагают деньги на издание сборников, то, судя по тем линиям, которые намечены в статье Кеннана, они должны Вам предоставить полную свободу. Он несколько раз повторяет, что как внутренняя политика, так в особенности национальный вопрос, это дело самих русских. Его статья любопытна еще тем, что он очень красочно подчеркнул, что русские – великий народ. Об украинцах он иначе говорит. Позвольте мне только высказать сомнение, что для [нас] выгоднее – двоиться между сборниками и Возрождением (1260), или расширить политический отдел толстого журнала, а с Гукасовым заключить новый договор. Если Вы получите эти деньги, Вы будете невеста с приданым, тогда и разговор с ним другой. Не забывайте, что и в старые времена все наши толстые журналы провозили свою политическую поклажу на беллетристических лошадках. Не так богата эмиграция, чтобы покупать и то и другое. А чтобы привлечь

читателей, из которых надо воспитывать единомышленников, выгоднее подносить им толстый журнал, где есть. Но, конечно, деньги на Возрождение – хотя бы на повышение гонораров, т. е. на поддержку культурного слоя эмиграции, – могут быть даны Вам, никак не Гукасову. Берберова очень настаивает на том, чтобы получить из нового фонда деньги для Союза писателей. <пробел в тексте>. Вероятно, все те же «Русские Новости», м[ожет] б[ыть], под другим названием. Как они существуют? Было бы важно это знать, т. к. эти господа шустрые и могут урвать клок. Это был бы настоящий скандал, если бы Фонд таким образом взял на себя те платежи, которые, вероятно, полагается делать советскому посольству. За всякое осведомление буду признательна. У меня здесь чувство несравненно более интенсивной русской политики, чем во Франции. Оно и понятно. Америка ощетинилась, Франция занята сама собой. Но русские в Америке еще для меня неясны. Их много, старых и новых. Материально все, даже вновь прибывшие, гораздо тверже стоят на ногах, чем во Франции. Но, быть может, благодаря пространству, нет у меня еще ощущения русской колонии. Я могу определить особенности русской колонии в Англии и во Франции, а не здесь. Отчасти и ассимиляция влияет. Ну, об этом потом напишу. Мы здесь нашли старых друзей, завязываем и новые <обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

С. П. Мельгунову

28.V.[19]51

Дорогой Сергей Петрович,

Очень рада, что Гукасов издает книгу о покойном царе. В отрывках я Вашу работу не читала, я целиком прочту с большим интересом. И с увеличением тиража «Возрождения» Вас от души поздравляю. Кстати, как у Вас поставлено распространение в Америке. У меня люди спрашивали, где достать журнал. Мне кажется, что тут, при некотором желании, можно устроить хороший сбыт. Ведь 75 центов за книжку это меньше, чем во Франции 150 фр. Хочу похвастаться – здесь мои воспоминания читаются и даже Керенский нашел их очаровательными. Мы с ним несколько раз встречались и без всякого желания цапаться. Я вообще еще ни с кем не цапалась, прежде всего п[отому], ч[то] все еще приглядываюсь и к русским, и к американским возможностям. Вы со свойственной Вам стремительностью приписали сбоку письма, что разочарованы в политических и организационных способностях американцев. Очень прошу Вас не торопиться с такими приговорами. Прежде всего мы должны принять их, американцев, как факт, вернее, как один из двух самых влиятельных

факторов сегодняшней политики. Я присматриваюсь к ним, а передо мной прежде всего моя собственная русская колокольня. От нее я все остальное строю, мысленно. В данную минуту в американских влиятельных кругах происходит и сдвиг, и борьба около русской проблемы. Об этом я начала писать для «Р[усской] мысли». Русский Фонд это один из этапов. Куда он двинется еще сказать трудно. Здешние русские, имеющие хорошие связи с директорами нового Фонда, были очень удивлены, что заведующим делами назначили молодого Фишера (все-таки не его маму-папу (1261), и то хорошо). Но все это делается где-то в канцеляриях и пока нельзя даже понять, идет ли дело только о субсидиях на культурные цели, будут ли деньги раздаваться существующим организациям или тут есть и политические задания, осуществление которых будет поручено другим спецам, типа молодого Фишера. Ведь с тех пор, как из влиятельных правительственных кругов стали раздаваться голоса о том, что надо установить дружбу с русским народом, этих друзей сразу много появилось. А ту еще и деньги на закрепление дружбы можно получить. Все же о Ф[онде] Свободной России надо еще подождать судить. Лигой (1262) я как-то мало интересовалась. Я встретила у Кетлиной жену Гуля (1263) (его самого). Она мне мельком сказала: «Ну, знаете, Лига наша совсем расползлась». По-видимому, это так и есть. Керенский не то ушел, не то отошел. Карпович, который председательствовал на уч[редительном] собрании Лиги, как меня уверяют, никогда не был ее членом. Приходил, но не входил. На их собраниях бывают главным образом все те же нераскаянные марксисты, меньшевики. Вообще Лига здесь никого не интересует. Но и собрания, которые устраивают более правые, тоже пустуют. Когда Карпович говорил об отношении между церковью и государством, на годовом собрании Богословского института, пришло человек 100. Это уже считается большим успехом. И говорить он умеет. Но пришли главным образом люди, если не моего, то Вашего возраста. А когда солидаристы объявляют митинг, то, как мне говорили, их зала всегда переполнена и много молодежи. Это отчасти мой ответ на Ваше замечание, что я чрезвычайно преувеличиваю их связи. Они единственная здесь старая организация, у которой есть кадры, люди, приемы. Не думайте, что я на этот бок скрянулась*. Такой глупости я не сделаю. Но что Болдырев к себе приучил некоторые вашингтонские круги, это факт. Мне сказал Бах[метев], что сейчас он уже не производит такого впечатления, как сначала, но не мог мне назвать никого, кто бы его стеснил. Керенский у той же Кетлиной заявил, что на него мода прошла. Это, конечно, между нами, как и все это письмо. Тут, в Нью-Йорке, я еще больше поняла роль Саблина в Англии. Он действительно был главным представителем и истолкователем, а когда возможно, то и защитником интересов России в Англии. Здесь нет ни такого человека, ни такой

---

* Так в тексте.

организации. Бах[метев] мне сказал, что его связи с Гос[ударственным] департаментом испортились за последнее десятилетие. Это понятно. Сейчас он и Карп[ович] были единственными русскими, которых позвали на совещание в таинственный Ф[онд] Св[ободной] России. Что они там слышали, или говорили, мне об этом неизвестно. Как видите, того русского центра, которого американцы ищут в Европе и в Америке, нет. Вам, быть может, писала Короткова о беседах, происходящих у Новицкого. Мне лично эти разговоры помогают разобраться в рус[ско]-американской политике, но до создания центра это очень далеко. А такое центральное объединение жизненно необходимо. Я в этом все больше и больше убеждаюсь. Я все-таки не понимаю, почему Вы не берете деньги из «Рос[сийского] Дем[ократа]» (1264). Вы сумеете найти форму, оберегающую Вашу независимость. Гораздо труднее найти сотрудников, которые могли бы быть Вашими редакционными помощниками. Вы, боюсь, принадлежите к тем, которые любят все сами делать. Не может быть, чтобы во всей парижской колонии не было способных, при этом молодых, людей, которых можно было бы приучить к редакционной работе. Конечно, тут трудное соединение – их надо приучать, но и давать им очень большую самостоятельность. Я не уверена, что это для Вас легко. А между тем, если Вы дадите кому-нибудь возможность проявлять свою самостоятельность, это и Вас разгрузит, и журналам Вашим придаст разнообразия. Пишу так откровенно, п[отому] ч[то] от всей души желаю Вам успеха. Если бы сейчас «Возрождение» закрылось, осталось бы большая пустота. О сборниках опять другой разговор. Но когда они появились, они были едва ли не более еще необходимы, чем сегодня необходимо «Возрождение». Сегодня политический темп жизни изменился. Если Вы, получив деньги, можете издавать политический еженедельник, это может быть очень полезно. Но издавать сборники в неопределенное время, когда у Вас есть в журнале политический отдел, мне представляется огромной тратой энергией, и неоправдывающейся. Надеюсь, что Вы не посетуете на меня за откровенность. Наша с Вами дружба сложилась на том, что мы всегда прямо высказывали свое мнение. Так и будем продолжать.

Что Вы скажете, если я предложу Вам амер[иканские] письма. Но об этом напишу подробнее [в] другой раз. Сын благодарит Вас за предложение давать заметки. Сейчас он очень занят новой работой. Как только немного освободится, сам Вам напишет, а пока шлет привет Вам и П[расковье] Е[вгеньевне Мельгуновой]. Надеюсь, что Вы и она с обычной энергией преодолеваете трудности жизни. Да, чуть не забыла важную вещь. Этот пресловутый однофамилец, кот[орый] с Вами вел длинные разговоры, по-видимому, слишком много валил на полумифический Американский комитет. Так говорят русские. Чамберлина (1265) я не видала.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

Б. А. Бахметеву

1.VI.[19]51

Глубокоуважаемый Борис Александрович,

Мы только что говорили с Александрой Львовной [Толстой] о Маклакове и Вашем новом Архивном комитете. Мне думается, что она слишком близко принимает к сердцу те разрозненные голоса, которые протестуют против его участия в Вашем Комитете (1266). У меня совершенно отрицательное отношение к его визиту в советское посольство. Я не раз настойчиво просила В. А. [Маклакова] заявить печатно, что он ошибся. Он этого не сделал отчасти п[отому], ч[то] мешали бестактные люди. Еще больше п[отому], ч[то] не хочется человеку публично признаваться в такой промашке. Между тем в дружеском разговоре он не отрицал, что ошибся и откровенно об этом жалел. Но все это было шесть лет тому назад. С тех пор, как и прежде, Маклаков делал что мог для русских и делал честно. Приставать к нему, больному старику, с тем, чтобы он как-то реабилитировал себя от того, что было сделано при других условиях, конечно, нельзя. Но и отстранять его от культурного начинания, в котором он уже приглашен участвовать, по-моему не только жестоко, но и с русской точки зрения не выгодно. В. А. [Маклаков] один из немногих оставшихся среди нас блестящих людей. Он своими политическими воспоминаниями и анализом одной из важных эпох в существовании России внес, как историк, большой вклад в русскую науку и культуру. Нельзя отдавать таких людей на растерзание (не скажу толпы, но вроде того). Надо приучать их уважать и талант, и знание, и ум. Между прочим, прибавлю, что и для новых эмигрантов, для их общественного воспитания исключение В. А. [Маклакова] из Архивного комитета было бы дурным примером «склоки» (выражаясь тоже дурным советским жаргоном) среди старой эмиграции.

Пишу отрывисто и, м[ожет] б[ыть], недостаточно вразумительно, но я завтра уезжаю в Сиклифф и хочу перед отъездом поделиться с Вами моими мыслями, чтоб потом не корить себя, что вовремя их не высказала. Я не знаю, кто повел здесь против него кампанию, но думаю, что это, скорее, кружковое отношение. Я отнюдь не принадлежу к Маклаковскому кружку, но думаю, что его там, где вопрос идет о культурной работе, просто надо брать как одного из самых блестящих представителей русской культуры. Но, конечно, не политики.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

В. А. Маклакову

3.VI.[19]51

Дорогой Василий Алексеевич,

К ужасу своему, нашла на дне чемодана, который до сих пор оставался неразобранным, письма, два, переданных мне Марьей Алексеевной [Маклаковой] для скорейшей доставки. Надеюсь, что в них не было ничего спешного и очень прошу ее меня простить. Сегодня их отправлю.

Здешняя политика для русского ума куда любопытнее европейской, просто п[отому], ч[то] активность всегда интереснее пассивности, а кроме того, здесь есть практические возможности, есть, что особенно важно, общность интересов между русскими и американскими антикоммунистами. Теоретически она должна существовать и в Европе, но там я ее так явно не ощущала, как здесь. Тут проходит очень важный сдвиг в русской политике. Я об этом написала в «Русскую мысль», да, кажется, плохо это сделала. Я считаю самой важной особенностью этой перемены то, что, наконец, нарастает сознание, что одолеть коммунизм можно только совместно с русским народом, все равно, произойдет ли это освобождение от коммунистической диктатуры при помощи войны внешней или внутренней. Должна Вам сказать, что в Нью-Йорке пошли слухи, что Вы настолько против всякой войны, что допускаете изменение строя путем постепенной эволюции и даже собираетесь создать для выяснения этой точки зрения газету, где главными сотрудниками явятся Кускова и журналисты из «Русских новостей». Хотелось бы мне знать, что в этих толках есть ли доля истины. Пожалуйста, не сердитесь на меня, но я не раз удивлялась, что такой умный, тонкий аналитик исторических моментов думской действительности по отношению к суждениям о современности дает себя сбить с толку мелким соглашателям. Простите, что напоминаю неприятные вещи, но ведь визит к Богомолову многие не забыли и теперь толки – быть может, вздорные – про Ваше желание создать «непротивленческую» газету опять подымают старое политическое злословие. Опять говорят – Маклаков никогда прямо не заявил, что он тогда ошибся. Мне все эти разговоры вдвойне неприятны. Я дорожу Вами, Вашим авторитетом, который для меня сливается с авторитетом целого течения русской политической мысли, к которому и я принадлежу. Я очень высоко ставлю Вашу даровитость, Ваши знания, весь Ваш умственный облик. Мы во многом расходимся, но это не мешает, не скажу моей дружбе – это большое слово – но крепкой приязни к Вам. И вот мне хочется от Вас самого услыхать, действительно ли Вы собираетесь налаживать газету при участии людей, которые, по существу, еще не попутчики ни мне ни Вам, или это пустые толки. И еще хочу напомнить Вам, что когда Вы раз меня спросили, неужели я хочу войны, я Вам ответила, что война мне так же противна, как вся-

кому человеку в твердом уме и полной памяти, но что там, в России, 33 года идет война между советской властью и населением, [и] безучастными ее зрителями о[ставаться] нельзя. Мне очень хотелось бы получить от Вас, а не от общих толков о Вас, прямой ответ. Ведь я совсем не говорю, что война непременно будет. Несмотря на все подсчеты советских дивизий, я продолжаю их считать гораздо более слабыми, чем они себя выставляют, им воевать не хочется. Им страшно воевать. Но росказнями о своей силе они гипнотизируют и своих подданных и иностранцев. Одна из главных задач русских людей этот гипноз разгонять. Но это можно сделать не подхалимством Ступницкого и его наследников, и не вывертами Кусковой, а очень твердой и непреклонной, требующей борьбы, антикоммунистической политикой. Я очень надеюсь, что я ломлюсь в открытые двери и что Вы мне это напишите так же откровенно, как я Вам пишу, чем порадуете не меня одну. Только будьте благоразумны. <обрыв текста>

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

Б. А. Бахметеву

18.VI.[19]51

Дорогой Борис Александрович,

Очевидно, я Вас до заседания Фонда Свободной России не увижу, поэтому хочу ходатайствовать перед Вами за «Русскую мысль». Газета погибает от безденежья, того и гляди закроется. Это совсем не выгодно для русского дела в Европе и очень было бы печально для русских читателей. У газеты есть свои недостатки, о которых я охотно с Вами поговорю, но в противодействии коммунизму и советчине они занимают очень непримиримую и правильную позицию. А при общем разброде мыслей это заслуга немалая и дающая право на поддержку.

Бедный Васенька, что он так позволяет <1 нрзб.> виться около него. Вы меня спросили, кто его окружает. К несчастью, сотрудники «Русских новостей». Покойный Ступницкий был вхож в советское посольство, призывал брать красные паспорта и ехать в Россию. Сам он был французский подданный. Когда французское правительство закрыло «Советский патриот» (1267), Ступницкий испугался, сбавил тона, но продолжал писать о коммунистических достижениях и проповедовать примиренчество с Советами. Мне говорили, что с его смертью финансы газеты очень пошатнулись. Но сотрудники, вероятно, мечтают продолжать «Русские новости», прикрыв старые мысли фиговым листком. Конечно, в советском посольстве позабавятся, если наш милый В. А. [Маклаков] будет добывать им субсидию. Такой умница, а в людях разбираться не мастер.

Очень хочется с Вами потолковать. Постарайтесь устроить это не позже вторника. Если придете в чайное время, будем чаевничать.

Всего хорошего

P.S. Мой сын вкладывает свою записку, которую я поддерживаю.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10. Машинопись.

С. П. Мельгунову

18.VI.[19]51

Дорогой Сергей Петрович,

Прежде всего насчет гранта для «Возрождения» из нового Фонда Свободной России. Не знаю, что Вам ответят Бахметев и Карпович, м[ожет] б[ыть], они что-нибудь сумеют сделать, но эта новая организация сразу заявила, что они будут поддерживать только русское дело в Америке. Возможно, что они позже расширят свою работу, но пока с этим приходится считаться. По-видимому, до сентября большого движения от них ждать не приходится. Может помешать и то, что «Возрождение» издается Гукасовым, который и сам достаточно богат. Если смотреть на такую ассигновку, как на помощь писателям, то, вероятно, скажут, что это можно сделать через Союз писателей. Хотя я считаю, что это совершенно неправильный отвод. Я лично была бы очень довольна, если бы Вы могли поднять мой гонорар, но от С[оюза] писателей помощи брать не хотела бы. Вы так давно не выпускали «Рос[сийский] Дем[ократ]», что, мне думается, нельзя ограничиться Фюссеном (1268). За это время много произошло событий, которые требуют публицистического освещения. Вы спрашиваете, каких молодых политических сотрудников я могу Вам рекомендовать. Увы, никаких. Я в парижской колонии почти не бывала. Но Карташев, м[ожет] б[ыть], Зеньковский (1269) могли бы Вам помочь. Я знаю, что от церкви на Вас веет холодом и очень об этом сожалею, но я не предлагаю, чтобы они у Вас открыли церковный отдел, вроде того, что в «Р[усской] м[ысли»]. Я только думаю, что там могут быть молодые люди, способные стать публицистами. Кстати, напишите председателю Вашего Союза в Нью-Йорке, чтобы он снесся со мной. Я все-таки, даже не состоя членом, считаю себя больше чем попутчицей. Насчет Керенского это не г-жа Гуль мне сказала, она только о грызне в Лиге упомянула. А Керенский действительно хочет Николаевского пересидеть. Я очень внимательно прочла Вашу статью о национальном вопросе, в общем с ней согласна, не уверена, что коммунистический пресс укрепил в народностях России сознание общности интересов. Боюсь, что наоборот, и мусульмане азиатские, и кавказцы будут не прочь получить независимость от интервентов, как Балтийские государства когда-то получили ее от союзников. И с идеологами казачьей

самостийности сейчас не стоит вступать в споры. Их гораздо меньше, чем они притворяются, да и делается-то это потому, что такие комитеты, хотя бы чувашские, могут рассчитывать на субсидии. Между тем подлинное казачество, конечно, стоит за великую Россию, и такие выпады, такие разговоры о казачьей самостийности их только незаслуженно обижают.

Сейчас снова развернула «Возрождение» и вижу, что забыла очень для меня важное замечание. Почему Вы так легко соглашаетесь на самоопределение Балтийских государств и Грузии с Арменией. Такой оговорки и у Кен[н]ана нет, а отдавать больше, чем этот американец, вернее, чем Гос[ударственный] депар[тамент], кот[орый] за ним стоит, совсем не расчет. Вообще, после того как Вы в этой статье поставили точки на «i», лучше некоторое время не касаться этого кусачего вопроса. Пусть позреет. Сейчас, по-моему, надо направлять все внимание на разные признаки роста внутренней эмиграции. Ее история меня, признаюсь, куда больше интересует, чем подробности махинаций около Треста (1270). Стоит ли опять и опять возвращаться к этому зловонному трупу, память о котором никому не внушит бодрости, ничьей боевой готовности не усилит. А ведь ее надо создавать, копить, выявлять в эмиграции, выискивать в самой России. Я, конечно, с несравненно большим интересом прочла бы о провале советского проекта превратить деревни в города, чем о том, какие пакостные фальшивки выдумывал Трест в [19]23 г. Все равно, отдельные журнальные статьи не составляют исторического труда. А главное, с тех пор промчалось столько событий, пролито столько крови, что и оборачиваться не стоит. Очень хорошо, что Вы перепечатали статью Франка о правых и левых. Вот это настоящая актуальность. Жаль, что не поместили рядом с его некрологом. Да, по поводу некролога. Я хочу написать о В. А. Оболенском, которого знала с детства и встречала на разных путях житейских. Приберегите для меня несколько страниц в следующем номере и, если будете мне писать – на что я надеюсь – укажите, когда последний срок.

Я затеяла переписку с Маклаковым. Около него какие-то личности, включая Вашу подругу Кускову, хотят начать газету. Я боюсь, что они сунут ему в руку лопату и предложат соборно засыпать ров (1271). А он меня уверяет, что все эти люди – включая Кускову и бежавших от Студницкого крыс, страх какие анти. Но, посмотрим. Мне будет более чем досадно, если наш В. А. [Маклаков] опять втяпается. Жаль, что Вы с ним не встречаетесь, а то и Вы могли бы ему сказать, что время для «рва» самое неподходящее. Не тот сезон.

Спасибо, что передали чьи-то похвалы моим воспоминаниям. Здесь те немногие, кто видит «Возрождение», тоже одобряют. Ну, и слава Богу. Только признаюсь, мне не очень приятно, что к Вам заполз Гефтер (1272). Дрянь человек, не верьте ему и держите на почтительном расстоянии.

Я принялась опять за свои воспоминания. Политическую часть куда труднее писать, тем более что я ей не хочу придавать публицистический характер. Сын шлет Вам и П[расковье] Е[вгеньевне Мельгуновой] поклон. Он работает в «Голосе Ам[ерики]». Вообще же жизнь налаживается. Привет П[расковье] Е[вгеньевне]. Жму Вашу руку и желаю всякого успеха.

Ар[иадна] В[ладимировна]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись.

В. А. Маклакову

18.VI.[19]51

Дорогой Василий Алексеевич,

Когда я писала Вам, я, конечно, твердо знала, что Вы не соглашатель. Иначе я и писать бы не стала. Мы с Вами в основном, т. е. в том, что необходима твердая, непреклонная антикоммунистическая политика и что нельзя оставаться безучастным зрителем войны населения с советской властью, сходимся. Слава тебе, Господи. Но мы расходимся в том, как это наше участие должно проявляться. К несчастью, я совершенно уверена, что собственными силами население не сможет ее свергнуть. Это совсем не значит, что населению надо внушать мысль о его бессилии. В нем таится огромная, решающая сила, но для выявления необходимо создавать особую обстановку, надо чтобы они твердо знали, что интересы их борьбы сходятся с интересами других народов. Вы на это вперед возражаете, боитесь иностранного участия в деле борьбы с советской властью. В этих опасениях много реального, об этом надо думать, эту опасность надо предотвращать. Но из-за нее нельзя останавливать борьбы. Ее с несравненно большей энергией и умением ведут коммунисты. Если в противовес им выставлять отпор, кот[орый] может дать связанный русский народ, то положение мира будет очень грозное. Если оставаться в стороне, пока какие-то международные группировки все-таки противятся коммунистической идеологии и ищут действенной борьбы с наступающим коммунизмом, то это усиливает позицию коммунистов, а враждебное ему население из субъекта превращается в объект, которым могут распоряжаться не только коммунисты, но в случае победы Запада и те чужеземные силы, кот[орые] этот коммунизм сломят. Оттого на эмиграцию выпадает сейчас огромная ответственность. Она должна искать иностранной помощи и в то же время в иностранном лагере охранять независимость русского народа. Сейчас все это делается, но врассыпную, по-партизански. Как Вы знаете, в партизанской борьбе опасны не только враги, но и перебежчики, даже они еще могут быть опаснее, как предатели. Оттого, когда Вы говорите о терпимо-

сти и широте, я с Вами согласна, но требую раздела, до какой линии идет терпимость. Соглашателям, явным, тайным, кающимся или притворяющимся, им в нашей среде нет места. Отсюда непреклонное отрицание всякого сближения с сотрудниками «Рус[ских] нов[остей]», которых Вы правильно назвали защитниками советской власти. И я не могу не огорчаться, не тревожиться, когда я вижу, что один из самых блестящих выразителей русского правового сознания готов своим авторитетом поддержать группу бывших соглашателей, собирающихся в разбавленном виде продолжать ядовитое дело Ступницкого.

Признаюсь, одна фраза Вашего письма навела меня даже на подозрение, что они своей извилистой казуистикой продолжают Вас смущать, как смутили в 1945 г. Вы пишете, что не стали и теперь советовать ослабление борьбы с большевиками. «Особенно после того как после [19]45 г. мы увидали, какую изумительную конъюнктуру они добровольно упустили». Вот тут мы с Вами совершенно расходимся. Для большевиков этой конъюнктуры, т. е. возможности примирения с населением России, никогда не было. Они этого примирения не ищут, не хотят. Им надо сломить население, вынуть из него душу, исковеркать мозги диаматом и тогда сделать его социалистическим быдлом. Это не удалось, но все-таки бывает страшно за народ.

Многое в Вашей критике «Р[усской] м[ысли]» справедливо, хотя не забывайте в каких условиях идет их работа и как худосочна стала та общественная среда, которая должна их питать. Но обвинение, что они не интересуются живыми веяниями в России, несправедливо. «Р[усская] м[ысль]» никогда не отрицала их существование, но ведь добывать точные данные почти невозможно. Но за ними большая заслуга. Они создали русскую антикоммунистическую газету, когда это представляло даже физическую опасность. Создали из ничего путем напряженной работы, в то время когда еще существовал и «Советский патриот», не говоря уже о «Рус[ских] новостях», две газеты, у которых финансы были из очень определенных источников. Лично я в них, конечно, прежде всего, больше всего ценю их твердую антисоветскую позицию. Их непримиримость я разделяю, и в этом отношении Вы можете сказать, что я разделяю психологию «Р[усской] м[ысли]».

Тут и проходит линия, отделяющая меня от тех «инициативных центров», о которых Вы напоминаете. Ни с бывшими сотрудниками «Р[усских] н[овостей]», ни с Кусковой мне, конечно, не по дороге. Даже если теперь они отбросили примиренческий тон по отношению к советской власти. Если Вы, даже не беря на себя ответственной роли в предполагаемой газете, благословляете их организационную работу Вашим авторитетом, то для этих не помнящих родства людей это незаслуженная моральная поддержка. А для меня, да и не для меня одной, огорчение.

Как идет писание Ваших исторических записок? Я очень надеюсь, что это двигается. Сговорились ли Вы с издателем. Это важная подробность.

Я недовольна своим письмом. Но тема огромная, сразу все не схватишь. Даже две темы, одна об иностранцах, другая о русских.

Привет Марье Алексеевне [Маклаковой]. Она, наверное, Вам опять устроит где-нибудь приятный отдых. Мы уже забрались на дачу. Кругом все русские домовладельцы благоденствуют.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

С. П. Мельгунову

28.VI.[19]51

Дорогой Сергей Петрович,

Тут прошел слушок, что Вас все, даже антрепренеры вызывают в Нью-Йорк. Надеюсь, что это не выдумка и что Вы перемахнете через океан со свойственной Вам стремительностью. Но хотелось бы знать, кто здесь будет Вашим антрепренером. Вы здесь выясните комбинации и русские, и русско-американские, выгоднее заранее приготовить и прикрытия. От всей, довольно отрывистой, разведки в Нью-Йорке получилось впечатление, что здесь есть много данных для объединения, но некому за это хорошенько взяться, поэтому воз и ныне там. Есть движение, и довольно полезное, в американской политике, а в русских кругах сектантская косность. Между тем нельзя же без русских бороться с коммунизмом. При всей нашей теперешней растяпости, мы все-таки лучше других понимаем сущность коммунизма вообще, советчины в частности. Словом, мое длинное рассуждение сводится к тому, что если неведомые мне доброжелатели устраивают Вам поездку в С[оединенные] Ш[таты], то я очень уговариваю Вас снизойти к их просьбам и побывать в этом новом центре эмиграции.

Теперь насчет моих глав. Когда я вынула Гл. VII от 1/III, я свела концы с концами. Но следующую главу, «Крамольница», надо, если я этого не сделала, пометить как седьмую главу и продолжать этот счет. Тогда всех глав у Вас будет девять. Надеюсь, что я Вам не дала главу «Неудачный брак». Она написана неудачно, т[ак] ч[то] печатать ее совсем не надо. Я прошу С. А. Милевскую получить за меня гонорар. Жаль, что не в долларах.

Я совершенно уверена, что вокруг эмиграции и сейчас ползает новый Трест. Об этом нельзя не напоминать, тем более что изобретательные на такие дела большевики, наверное, сочинили для него еще новые приемы. Им очень удалось переболтать эмиграцию, и тут [нужно] было бы, если возможно, произвести не то чистку, не то выработать химическую пробу. Ведь вот влез же к Вам Г[ефтер] и та же

шустрая Н. Н. его к Вам втолкнула, хотя знала, что ему приходится, как подозрительному по коммунизму субъекту, каждую неделю являться во французскую полицию. М[ожет] б[ыть], было бы полезно подобрать некоторые основные признаки, по кот[орым] человек должен быть отстранен от порядочного общества. Мне здесь несколько человек хвалили «Возрождение», находят, что интереснее «Н[ового] журнала». Я с удовольствием соглашалась.

А ловкий блеф пустили большевички через Малика (1273), вернее, через Объед[иненные] Нации. Извольте теперь разобрать кто поджигатель войны, кто миротворец. Удивительно талантливые баламуты.

Всего хорошего.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. Ф. Зеелеру (1274)

18.VII.[19]51
Сиклиф

Дорогой Владимир Феофилович,

Я предпочла бы послать Вам не статью свою, а чек какого-нибудь благодетеля, но, к несчастью, до сих пор такого не нашла. Фордовский Фонд не дает денег в Европу. А м[ожет] б[ыть], это их отговорка. Я в их тайники не вхожа. Делаю еще попытки кого-нибудь убедить помочь «Русской мысли», но в успехе совершенно не уверена. А в моей доброй воле прошу Вас не сомневаться. У нас жарко. Я устала. Кончаю. И иду на почту, что здесь не так просто делается.

Общий от меня привет редакции.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10. Машинопись.

С. С. Белосельскому

25.VII.[19]51

Глубокоуважаемый князь Сергей Сергеевич,

Обращаюсь к Вам, как к деятельному русскому патриоту, с горячей просьбой – поддержите выходящую в Париже газету «Русская мысль». Они пропадают от безденежья, между тем это единственная русская национальная газета в Европе, которая упорно и последовательно обличает советскую власть и борется против коммунизма безоговорочно, во всех его проявлениях, во всех его тайных и явных обличиях.

«Русская мысль» не коммерческое дело, а идейное русское начинание. Ее задумали и создали четыре человека – Водов (1275), Зеелер, Лазаревский и Полянский (1276). В 1947 г., когда газета была осно-

вана, открытое выступление против Кремля было совсем не безопасным предприятием. Нужна была большая преданность России, большое мужество, чтобы в тогдашних политических условиях Франции создавать русскую патриотическую газету, занявшую непримиримую позицию относительно коммунизма. За ними не было никакой организации, никакой партийной или хотя бы групповой поддержки. И денег у них не было. Начали они с несколькими десятками тысяч французских франков, иначе говоря, с двумя, тремя сотнями долларов. По мере того как «Русская мысль» стала приобретать известность, эмигранты, часто неимущие, начали присылать им мелкие вклады. За 5 лет существования газеты эти пожертвования дали только 150 000 фр. Один из четырех редакторов пишет мне: «Лица, знакомые с делом издания газеты, удивляются, как мы сводим концы с концами. А очень просто: все препятствия побеждаются за счет здоровья и личных благ. Посмотрите на нашу редакцию: Лазаревский – нищий, с большой семьей. Зеелер – старик, с больной женой, отдающий все свои силы и все свои мысли газете. Я в течение четырех лет, вместо обеда съедаю только бутерброд. Ряд стариков-журналистов, что подрабатывают около нашей газеты! Водов, слава Богу, помоложе нас... При всем том и редакция и все мы не считаем себя вправе уклоняться от участия в политической, общественной работе, работе с молодежью и т. д.».

Вся работа держится на жертвенной энергии четырех редакторов и на преданности общей идее служащих. Те и другие получают нищенские оклады. Бесплатно отдают свои рукописи многие сотрудники. Так, общими усилиями, «Русская мысль» существует, ее авторитет крепнет, вокруг нее складывается твердое антисоветское русское общественное мнение. Оно имеет свое определенное место в общем антисоветском фронте. Исчезновение «Русской мысли» оставило бы в нем брешь. Иностранцы начали, наконец, понимать значение объединенного русского общественного мнения в этой исторической схватке между Добром и Злом. В такой момент закрытие единственной в Европе русской газеты, которая руководится не личными или партийными интересами, а общерусскими, было бы тяжелым ударом. «Русскую мысль» необходимо спасти.

Это не так уж трудно сделать. При скромности руководителей, при их горделивой привычке к бедности, они и не просят о многом. Их месячный бюджет разросся до миллиона с лишним (франков). Но цены растут, к концу месяца копятся долги, дефицит. Нечем бывает платить за бумагу, за типографию. Нарастают долги. В тех товарищеских призывах о помощи, которые я получила из «Русской мысли», говорится, что 150 долл. в месяц были бы для них поддержкой.

Вот я и обращаюсь, глубокоуважаемый князь Сергей Сергеевич, к Вашей патриотической помощи. Я считала, что Вы расширяете Вашу деятельность и создаете в Нью-Йорке русский культурный центр.

«Русская мысль» – культурное начинание, а ведь интерес эмиграции и России связывает всех русских, разбросанных по разным странам. Надо спасти большое русское дело. Спасите. Помогите «Русской мысли». Если «Русская мысль» закроется, то для Кремля, который всеми силами старается распылять русскую эмиграцию, это будет значительной победой, а для русского дела нелегкий удар.

Простите за длинное письмо, но меня, признаюсь, судьба газеты волнует. Хочется всем, всем, всем дать почувствовать значение печатного слова в нашей тяжкой борьбе за Россию. И очень верю, что Вы на мой клич отзоветесь.

С искренним уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

М. М. Новикову (1277)

26.VII.[19]51

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Я получаю отчаянные письма от редакции «Русской мысли». Они никак не могут выбиться из финансовых затруднений и просят поискать для них денег в С[оединенных] Ш[татах], так как иначе газета может закрыться. Мне нечего объяснять Вам, выдающемуся русскому общественному деятелю, какой ущерб нанесет русскому делу закрытие единственной в Европе независимой русской газеты. Париж для Европы остается русским центром. Вы здешний старожил. Вы многих знаете, и Вас многие знают. Помогите достать для них денег. Ведь это все то же русское общее дело. Сейчас американцы готовы помогать в сплачивании всех русских антибольшевистских сил. Но для этого необходимо, чтобы могло выявляться и создаваться русское общественное мнение, те различные его течения, которые при всем их разнообразии ставят себе одну общую, неотложную задачу – освобождение России от советской власти.

«Русская мысль» ради этой цели и создавалась. В 1947 г., когда она была основана, во Франции всякое открытое выступление против коммунизма требовало мужества. Но нашлось четверо русских – Водов, Зеелер, Лазаревский и Полянский, – которые считали, что пора отогнать страх и заговорить. Денег у них не было. Они заняли 40 000 фр. и принялись за работу. За ними не было поддержки каких-нибудь групп или учреждений. Никто не давал им субсидий. Только в ответ на их призывы отзывчивые читатели, сверх подписки, вносили еще свои гроши в фонд издания. Их за пять лет набралось 150 000 фр. Сейчас месячный бюджет газеты доходит до миллиона с лишним. Каждый месяц приносит более 5000 фр. дефицита. Долги нарастают, копятся. Редакция работает под постоянной угрозой, что

их закроют за неплатеж в типографию, за бумагу, за страховые премии. Не только редактора, но и служащие получают такое ничтожное, нищенское вознаграждение, что только горячая преданность русскому делу поддерживает их энергию. Большинство сотрудников пишет даром, наиболее нуждающиеся получают гонорар, тоже ничтожный. И все-таки благодаря обеднению русской эмиграции в Европе никак не свести концы с концами.

А между тем газета уже стала общественной необходимостью. Она приобрела авторитет. Через нее русские люди имеют возможность делиться, обмениваться своим опытом, своими мыслями, объединяться в общем понимании насущных задач, без которого невозможны общие действия. Если «Русская мысль» закроется, это облегчит Советам их задачу распыления эмиграции.

Вы, конечно, не хуже меня знаете, какое значение имеет в борьбе с коммунизмом эмигрантская пресса, при всех ее слабостях и недочетах. Есть они и у «Русской мысли». Но есть у нее и большие заслуги. Русская газета заговорила тогда, когда французская печать трусливо молчала, и сразу заняла независимую позицию полного отрицания советской власти и всякого с ней соглашательства.

Я пишу все это не только п[отому], ч[то] письма моих товарищей по «Русской мысли» тревожат мою совесть и что мне надо хоть в письме к русскому профессору облегчить мою душу, но п[отому], ч[то] я уверена, что Вы не пройдете мимо их призывов и что Вам, когда Вы будете обращаться к американцам, нужны некоторые подробности. Нельзя ли заинтересовать Фордовскую организацию или Рокфелеровскую (1278). Но это уже Вам виднее.

Я понимаю, до чего Вы перегружены работой, но, право, «Русскую мысль» необходимо удержать.

С искренним уважением

P.S. Если хотите, я могу переслать Вам их письма.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

В. Э. Голицыну (1279)

3.X.[19]51

Дорогой князь Владимир Эммануилыч,

Ваше письмо от 24.VIII долго блуждало и только на днях дошло до меня. Все же извиняюсь за запоздалый ответ.

Вы хотите переставить мое имя из комитета в совет, но я, за дальностью расстояния и оторванностью от деятельности нашего общества, предпочитаю не состоять ни в комитете, ни в совете. Прошу меня только числить членом общества, которое по-прежнему мне дорого и которому я желаю успешной деятельности.

Бюллетеней я не получаю и буду признательна, если Вы распорядитесь их высылкой.

Я не совсем поняла, что значит представлять Ваши интересы в Америке. Здесь нет основания развивать такую самостоятельную деятельность, как я это делала в Париже. Если Вы на этом настаиваете, то не откажите сообщить, как Вы себе представляете мое с Вами сотрудничество из Нью-Йорка.

С искренним уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

В. Э. Голицыну

13.X.[19]51
200.W 58th St. New York, U.S.

Милостивый государь,
князь Владимир Эмануилыч,

В ответ на письмо Ваше ко мне от 24 августа, я послала Вам 3 октября заявление, что я предпочитаю больше не состоять ни членом Совета, ни членом Комитета Russian Refugees Relief Association (1280). После отправки моего письма к Вам я получила от дочери моей, С. П. Бочарской, копию Вашего письма к ней от 1 августа.

Не могу понять как Вы, написав моей дочери подобное письмо, позволили себе предлагать мне быть в Америке представительницей Вашего Комитета.

Готовая к услугам
Ариадна Вильямс

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

С. П. Мельгунову

6.XI.[19]51

Дорогой Сергей Петрович,

Я послала Вам месяц тому назад письмо с просьбой внести некоторые изменения в текст моих воспоминаний и приложила к письму соответственные страницы с измененным текстом. Очень надеюсь, что Вы их получили и просьбу мою исполнили, если же – чего Боже сохрани, – письмо с этими страницами до Вас не дошло, то, пожалуйста, сразу меня известите, я в спешном порядке вышлю Вам их. Хотя это потребует от меня новой работы.

Во всяком случае, прошу Вас на странице 204 вычеркнуть весь второй абзац от слов «приготовления к именинам» до «внушительное

впечатление». А на стр. 235 вычеркнуть весь первый абзац – от слов «мама была в черном платье» и до «почесть царю Освободителю».

Еще прошу отдать за мой счет переписать стр. 87 и прислать мне. Ее нет в здешнем моем экземпляре, а я начинаю хождение по издательским мукам.

Очень извиняюсь, что беспокою Вас с этими мелочами, когда Вы плаваете по бурным волнам большой политики, но что же делать, рукописи требуют внимания и возни.

Я познакомилась с Соловьевым. Он здесь волнуется и дерется. Я понимаю, что есть от чего сердиться, но все-таки выгоднее концентрировать свой гнев на объектах более грозных, чем Далин. Тут, т. е. в русской колонии Нью-Йорка, вообще нет концентрации ни в мыслях, ни в людских соединениях. Очень смута сказывается. Да еще и старые счеты громоздятся. К моему удивлению, на собрании памяти Бахметева собралось только несколько десятков, м[ожет] б[ыть], сотня людей. Все почтенные нотабли, было высказано очень много интересного о его деятельности, но хотелось бы, чтобы русские люди проявляли побольше любопытства к своим крупным деятелям.

Жду с понятным интересом сведений о вашем совещании. Чем больше о нем думаю, тем яснее сознаю его необходимость, но при том, по-видимому, единодушном отвращении к марксизму в России, о котором нет двух мнений, не понимаю, на какое место можно в вашем объединении поставить эсдеков. По-моему это опасный груз.

Наши розовые надежды на Фордовский Фонд затуманились. И денег у них оказывается меньше, чем кричали. И главные руководители Фордовских дел уже первой, неожиданной своей ревизией остались недовольны. Чиновничье учреждение, самопитающееся. Так говорят те, кто знает. Я от Фонда совсем далека, никого не знаю. Кен[н]ан, на которого все надеялись, недоступен и как будто отошел от всей этой затеи. Но это все я пишу со слов чужих, хотя это такой чужак, который здешние дела и делишки хорошо знает.

Прилагаю адрес русской жены французского офицера, которая еще в августе писала в Вашу контору, просила выслать ей номера «Возрождения», где напечатаны мои воспоминания, но ни ответа ни привета не получила. Она, конечно, будет аккуратно платить. Это подруга моей внучки и персона платежеспособная. Другая моя приятельница в Сиклифе тоже жаловалась на неаккуратность в доставке «Возрождения». Пишу это для Вашего сведения. А в Африку очень прошу выслать Ваши тетради, если возможно даже не дожидаясь ее денег.

Всего хорошего. Привет П[расковье] Е[вгеньевне Мельгуновой]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

С. П. Мельгунову

29.XI.[19]51

Дорогой Сергей Петрович,

Вчера меня позвали на собрание Вашей группы, и я с ними обсуждала полученный ими отчет о Вашем последнем заседании в Висбадене. Документ весьма печальный. Издали трудно понять, почему Вы и НТС приняли несчастный четвертый пункт о плебисците и местных учредилках (1281). Это совершенно не соответствует тем идеям о разрешении национального вопроса, которые изложены у Вас в «Российском Демократе». Если советские газеты еще этого постановления не перепечатали, то, вероятно, просто готовят для него пикантный соус. Мне думается, что в статье Дж. Кен[н]ана дана достаточно ясная и правильная мерка, до каких пор можно доводить самоопределения народностей. Это ваше постановление далеко перескакивает через проведенную им черту и уже открывает двери самостийничеству. Вот я [и] пришла в некоторую растерянность, как это Вы, с Вашей твердой постановкой целости и неделимости России, пошли на какие-то необъяснимые уступки. Они не нужны ни русским, ни американцам. Ведь это Розенберговская программа, за которую Гитлер заплатил своей жизнью и разгромом Германии. Американцы, которые стараются найти в русском народе союзника, да еще к тому же и боевого, не должны понять, что путем расчленения России привлекут они к себе симпатии русских. Да и русским как идти в Россию с такой программой. Мне просто не понятна Ваша во всем этом позиция. Конечно, Вы оставили за собой право ратификации. Но все-таки Вы, водитель и главный авторитет в своей группе, поддались на какой-то не [то] шантаж, не то обман. Или Вы считаете, что эту объединительную работу надо сохранять любой ценой. Зачем? Но, м[ожет] б[ыть], Вы выбираете момент, когда поставить Ваши ультимативные минимальные требования. Если так, то я повторю Вам то, что я сказала вчера в Вашей группе. Я считаю, что Ник[олаевский?] Вас разыграл. Он составил против Вас арифметику, введя меньшинства, которые, по-моему, в этой стадии отнюдь не следовало вводить, надо было сначала между собой установить главные пункты, включая разрешение национального вопроса. Теперь на следующем съезде Вам, по-моему, надо выступить с определенным отрицанием этой плебисцитной постановки национального вопроса, высказать его так, как Вы сами его понимаете, и если это не будет принято, уходить из этой неестественной коалиции, где, с одной стороны, люди, отстаивающие цельность России, с другой [–] те, кому до нее дела мало. Нельзя ссылаться, что уступки делаются в интересах борьбы с большевиками. Бороться с ними надо при помощи лозунгов, близких населению вокруг Сталина. Это один из главных программных вопросов, ответ на который дали нам солдаты Красной армии, т. е. действительно российская демократия. Я пишу все это сгоряча, но думаю, что я ломлюсь в открытые двери,

что Вы и сами все это лучше меня знаете, только ждете момента, когда можно будет с большим треском отбросить этот пункт. Мне думается, что выгоднее всего сделать это с определенной писаной резолюцией, которую потом Вы и в русской печати опубликуете, [и] американцам передадите. Насколько я понимаю, несмотря на то что и мама Фишер, и Вильямс, который, оказывается, несколько времени был в Москве и даже, говорят, дружил уже там с Фишерами, кот[орые] тогда восхваляли советский рай. Но здесь, в центре, можно, вероятно, найти американцев и другого склада, которые могут принять и другую точку зрения. Я очень прошу Вас не забывать, что за эти последние послевоенные годы Вы приобрели в русском вопросе авторитет и среди русских национально мыслящих людей и среди американцев. Этот капитал Вы обязаны для русского дела сберечь. Ведь сейчас идет яростная подрывная работа против по-русски думающих русских. Их стараются дискредитировать, перессорить, выбить из тех позиций, которые они занимают.

Тут я перехожу к Боброву, т. е. он один из тех, кого выбили. Надо постараться, чтобы его дело с Далиным было поскорее закончено. Мой ему совет, чтобы он добился заявления Далина, что Д[алин] третейского суда сам не хочет и на этом успокоился. Жизнь в Белоруссии, куда Далин загоняет всю эту стычку, это тесный лес. В нем даже русским нелегко разбираться, не говоря уже об иностранцах. Само обвинение в коллаборации обветшало. И власовцы, и келлербергцы (1282) восстановлены в человеческих правах. Пора бы этот вопрос поставить так же ясно, как когда-то мы поставили вопрос о власовцах. Русские люди сотрудничали с немцами не ради немцев, а ради России, ограждая русских. Так создавались под немцами русские комитеты вроде комитета Войцеховского в Варшаве. Не будь их, русское население терпело бы еще больше несправедливостей и мук. Вся штука в том, что делали эти злосчастные коллаборанты, а не в том, что обстоятельства заставляли их сотрудничать с оккупационными властями. Но Боброву нужно как-то выйти из этого положения. Если у вас есть способ подействовать на Далина, или на брата Каченовской, кот[орый] дал такую невыгодную справку о наци, то это было бы хорошо. Мне рассказали, что образовались эти наци при совершенно особых обстоятельствах, но я думаю, что <обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

1952

В. Ф. Зеелеру

3.II.[19]52

Дорогой Владимир Феофилович,

Спасибо Вам за статью о разбитых иллюзиях. Мы с Вами, не сговариваясь, с двух противоположных берегов океана, одинаково реаги-

ровали на всю эту неосторожную хлопотню. Надо было сначала между собой договориться, да и общественное мнение русское пощупать. Оно, вопреки всем рассеянием, существует, – а главное, твердо знать возможных союзников и не поддаваться шантажу маклеров, желающих погреться около русского дела. Мельгунова я очень жалею, что он так попался. Да и Керенского по-человечески жалею. Он все-таки поумнел, но прежние исторические его глупости, конечно, повергают его в прах. Но это между нами. Я сейчас не в задорном состоянии, а, скорее, в христианском и стараюсь находить точки соприкосновения, хотя далеко не со всеми. Напр[имер], Гуль в моей христианской душе теплого места не найдет.

Вы увидите по прилагаемой записочке, чем я была занята эти месяцы. Надо было привести воспоминания в читабельный вид, перед тем, как их продавать. Теперь контракт подписан и мои мысли освободились. Они тянутся все к тому же – к созданию русского центра. Но об этом сейчас некогда писать. Это только Вам к сведению, что тут такие толки идут. Напишу толковее, когда кое-что выясним. А пока хочу Вас просить обратить благосклонное внимание на корреспонденцию, кот[орую] Вам должен прислать из Лондона Н. Кастель (1283). Я его лично не знаю, но мне его рекомендуют люди, которым я доверяю. Там идет какая-то странная игра. Многие DP сторонятся Рус[ского] общ[ества] помощи, п[отому] ч[то] не доверяют Болтову. Мне он рассказывал про себя небылицы в лицах, выдавал себя за одного из пяти – не знаю, была ли такая пятерка? – при Власове (1284). Лампе говорит, что тут что-то не так. Когда мне человек врет, я стараюсь понять зачем! Насчет Бол[това] «зачем» есть неприятные предположения, но, как это часто бывает, трудно доказуемые.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

Н. А. Цурикову

5.II.[19]52

Дорогой Николай Александрович,

Хорошо, что Вы мне написали. Нам надо от времени перекликаться. Я это почувствовала, когда Алексеев дал мне Вашу статью о необходимых условиях. Она, в общем, сходится с тем, что я написала в «Р[усскую] м[ысль]» и что Вы одобрили. Значит, единомыслие есть, надо его превращать в единодействие, т. е. создать на одном из континентов, где скопились русские, какой-то орган центральной мысли. Тут, в Нью-Йорке, идет большая хлопотня насчет печатного органа, но если первые осуществят эту мысль люди не настоящие, опять вый-

дет чепуха. Если не трудно, напишите мне Ваше мнение о Никитине. Мне кажется, он не из переметов. А также о Соловьеве и Петрове. Какими эти мне кажутся, подробно писать пока не хочу, жду некоторых выяснений. Соловьева долго не пускали в С[оединенные] Ш[таты]. Если за коллаборацию, то это уже амнистированный общественным мнением проступок. Но не было ли там еще чего. Петрова называют как возможного издателя газеты. Я его никогда не видала, а полезно было бы иметь о нем представление, так как говорят о нем по-разному. Не затеять ли нам письменный союз единомышленников, рассеянных по разным странам, таких, кому уже не нужно сочинять программы, а только скреплять свое отношение к текущим русским задачам. Сейчас одна из них это объяснять иностранцам, что для них расчленение России только будет источником бесконечных войн и осложнений. Затем надо вбивать в их мозги, что устройство новой России не их дело, а дело прежде всего русского народа, но вкупе с другими народами, ее населяющими. Мне представляется, что первая задача объединения это образование ответственного русского общественного мнения, из которого должны исходить и определенные действия. Но в начале было слово... Очень хотела бы услыхать Ваши по этому поводу мысли. Я совершенно с Вами согласна, что в мировом общественном мнении произошел тот сдвиг, о котором мы тщетно мечтали, из-за которого распинались. Надо дальше катить эту тяжелую телегу. Я очень ценю то, что Вы написали о моих воспоминаниях. Я писала их, не думая о печати. А вот теперь получаю благодарные и поощряющие отзывы. Вторую, политическую, часть сосватала в Чеховское издательство (1285), но в первую очередь не попадаю. Мне очень было бы интересно прочесть, что Вы написали о моей главе «Отец». Еп[ископ] Нафанаил писал уже о ней в с[ан-]францисской газете. Надеюсь, что это не помешает и Вашей оценке там появиться. А вот Мельгунов мне как-то в Париже сказал, что ему мои воспоминания нравятся, «но глава об отце меньше всего». Во второй части моих воспоминаний, где я пишу об Освободительном движении, меня смущает многое. Теперь, на расстоянии десятилетий, я вижу ошибки оппозиции и о них пишу больше, подробнее, чем об ошибках правительства, потому что они мне ближе и больнее. Боюсь, что читателям, которые не прошли через наш опыт, это подаст ложную перспективу. А напечатать все-таки надо, т. к. я свидетель.

Надо кончать статью в «Р[усскую] мысль». Сижу я тут за морем-океаном и порой чувствую даже неловкость, что все пишу «дедушке на деревню». А потом раздастся неожиданный читательский голос и думается, что все-таки надо писать.

Всего хорошего. Судя по словам Алексеева, Вы сюда не собираетесь. Тут тоже колючек не мало, да и не может же все европейское стать американским. Но если нельзя разговаривать, будемте хоть письмен-

но, или печатно, иногда перекликаться. Кстати, что такое Алексеев. Очень уж он всех ругает.

С дружеским уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

В. А. Лазаревскому

7.II.[19]52

Многоуважаемый Владимир Александрович,

Сейчас пришел № 419, где у Вас помещено обращение нескольких лиц из Мюнхена. Надеюсь, что это не те лица, которых Дон Левин опять наловил в свои сети. Мне кажется, что пока лучше держаться подальше от Амер[иканского] ком[итета]. Тем более что знающие люди ждут здесь нового направления русской политики и на Дон Левинов посматривают косо. Вашингтонская политика окутана тайной, но там к лету намечаются какие-то сдвиги. Поэтому приходится осторожно обходить вольных стрелков типа Д. Левина и не соблазняться их помощью. В этом номере восхваляется Г. Кукуш и его Русский центр. Тут среди русских ему дается совсем иная оценка. В С[оединенных] Ш[татах] немало русских организаций, среди них нелегко разобраться, но о нем нет двух мнений. Пишу это Вам на всякий случай к сведению, если таинственный «А» захочет еще что-нибудь лестное об этой организации рассказать.

Привет всей коллегии

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10. Машинопись.

А. В. Карташеву

26.II.[19]52

Дорогой Антон Владимирович,

Я уже не раз мысленно отвечала на Ваше ценное письмо от 10/I. Но все откладывала самое его написание. Не по лени, не по небрежности, а вернее по легковерию. Тут тянулись и тянулись разговоры о еженедельнике, и я хотела дождаться чего-нибудь положительного, чтобы тогда к Вам обратиться за статьей. Теперь вижу, что бродим мы, как по болоту, ни взад, ни вперед. По существу, все было как следует, направление государственное, национальное, уж, конечно, не сепаратистское. Православие как основа всего. Словом, с этой стороны все безопасно. Но нет ни одного динамического характера, одни не хотят давать деньги, другие не хотят, или не умеют их искать, хотя необходимость центра и объединения многие признают. Больше всего суетит-

ся Новицкий, все время крутится, но на холостом ходу. Между тем народу здесь много, есть и денежные люди. Правда насчет публицистов очень плохо. «Новое рус[ское] слово» (1286) печатает главным образом эмигрантов советских. За это его нечего упрекать, но они требуют чьей-нибудь направляющей руки, а ее нет, нет и общественного мнения, достаточно кристаллизированного, чтобы их выпрямлять. В то же время левые, точнее с[оциал]-д[емократы], немногочисленные, но очень шустрые, имеющие по старым интернациональным съездам и организациям связи с иностранцами, выпячиваются и шумят. На этом держится «антреприза», как Вы ее называете, Амер[иканского] комитета. К ним примыкают те социалисты, в которых ненависть к старой России сильнее ненависти к большевикам. Им, конечно, не нужна великая Россия. Они ее боятся, не любят. Я все это с горечью здесь чувствую. И сразу хочу оговориться, что Керенского я к ним не причисляю. Я никогда не была его поклонницей, но теперь он стал русским и многие стороны своего прошлого готов облить горькими слезами. Но вряд ли жизнь найдет для него какое-нибудь применение в политике. Хотя он уверяет: «Керенщины я больше не допущу».

У меня лично часто бывает тяжелое настроение. Я вижу, что Америка занимает нейтральное место в русском вопросе, вижу, что сами американцы ищут среди русских союзников, но не вижу русской центральной мысли, центральной группы. У Новицкого для этого просто не хватает ума, и он мастер со всеми ссорится, включая Толстую. А она здесь пользуется уважением и авторитетом, вполне заслуженным. Но она не политик. Единственно, чем я себя утешаю, что создание центра настолько жизненно необходимое дело, что он будет создан. Я Вас понимаю, что Вы отмахнулись от Мельгунова. Я никогда в его группу не входила, п[отому] ч[то] успела приглядеться к нему. А главное, п[отому] ч[то] я не вижу возможности полного национального сотрудничества с неверующим человеком. Он, как Милюков, абсолютно глух не только к Божьему голосу, но даже к расплывчатому божественному началу. Но, очевидно, мало мы еще каялись, что послан нам такой редактор. Вот я и продолжаю писать в «Возрождение».

Хочу еще поставить Вам один деловой вопрос. Вы знаете, что тут есть Чеховское издательство, основанное на деньги Форда. Я продала им второй том моих воспоминаний, где я рассказываю про Освободительное движение. Хочу им еще предложить свою книгу о фольклоре, «В мире чудесного». Я совсем не уверена, что возьмут, т. к. книга, конечно, неразрывно связана с православием. Это темная, но Святая Русь. Что если Вы согласились написать к ней хотя бы короткое предисловие? Конечно, прежде чем дать окончательное согласие, Вы должны видеть рукопись. Но не разрешите ли Вы мне сказать, что я к Вам обращусь, если они книгу примут. Если все это устроится, это

будет платная работа, конечно, но какой м[ожет] б[ыть] гонорар, я сейчас сказать не могу.

Ваш ученик, о. А. Шмеман, уже окружен людьми. Лекции читает с большим успехом и действительно очень интересные. Но, вероятно, без Европы скучает.

Аркадий еще постоянного заработка не устроил себе, но все время зарабатывает, то в «Голосе Америки», то уроками. Он доволен Америкой и тем, что Наташа не за морями. Сейчас Тамара у нее уже второй месяц гостит. Обе, вернее, все трое, включая мою правнучку, наслаждаются. К сожалению, Наташа все еще от нас далеко, за Чикаго. Хотелось еще написать про дела церковные, да пора кончать. Обнимаю вас обоих, Аркадий шлет привет.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись.

Г. В. Вернадскому

24.III.[19]52

Дорогой Георгий Владимирович,

Я знаю, как Вы перегружены работой и понимаю, что Вам нелегко уделять время еще для частных писем, но все-таки позволяю себе обратиться к Вам за сведениями.

В парижском «Возрождении» уже которой год печатаются мои воспоминания. Читатели меня хвалят. Мне хочется добиться американского издания. Как всегда трудности с переводом. П. Ф. Андерсон (ИМКА) рекомендует мне обратиться к Mr. Rouland Tompson, Ass. Prof. Of Russian History George Wachington University.

Андерсону на Томсона указал др. Huntington (1287), который помнит, как он в 1916 г. был у нас в Петрограде. Я его совершенно не помню, не знаю кто он такой, а, главное, кто такой Томсон. Прежде чем начать с ним переписку, я хотела бы получить от Вас указания, подобает ли обращаться к нему или нет. Т. к. он профессор русской истории, думается, что Вы должны его знать. Надеюсь также, что если у меня начнется с ним переписка, Вы ничего не будете иметь, если я скажу, что Вы меня знаете.

Очень извиняюсь, что Вас беспокою, но очень уж для меня важно протолкнуть мою книгу на американский книжный рынок. Вторая часть моих воспоминаний, касающаяся борьбы за конституцию, должна в мае выйти в Чеховском издательстве. Многое в ней меня беспокоит, но написать ее было надо.

Буду ждать ответа самого лапидарного, просто: можно к нему обратиться, или не рекомендуется, несмотря на то, что в письме Андерсона Томсон рекомендуется как хороший переводчик.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

Сестре Иоанне (Шостак)

25.X.[19]52

Дорогая сестра Иоанна,

Я только что послала в Детский комитет просьбу уделить к Рождеству какие-нибудь посылки для Вашего превентория*, но я так давно от Вас нечего не имела, что я не очень твердо знаю Ваши нужды. Пришлите мне в спешном порядке сведения: 1) На какие средства вы существуете; 2) Сколько детей в год пропускаете; 3) Какие острые нужды.

Я неопределенно написала председателю, что прошу детей на Рождество побаловать. А, м[ожет] б[ыть], вам и на ежедневное существование надо помочь. Что вы предпочитаете – просто деньги, вероятно, небольшие, или вещи. Какие вещи, что-нибудь из одежды, или лакомство на елку. Ответьте черновой запиской ко мне, просто набросайте данные. Если есть какие-нибудь отчеты, пришлите. Я все это для Комитета изложу уже более связно.

На днях получила длинное письмо от матери Евдокии. Немало им нужно усилий, чтобы хранить свою обитель, но ее письмо полно духовной бодрости. Это главное.

Сердечно Вас обнимаю

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

В. А. Лазаревскому

12.11.[19]52

Дорогой Владимир Александрович,

Дошел до меня слух (или просто сплетня), что у Вас какие-то переговоры с Дон Левиным. Позволяю себе высказать мои соображения, как коллега. Прежде всего не продешевите себя. В С[оединенных] Ш[татах] идет медленное, но непрестанное поправение русской политики. Люди и группировки центральные могут оказаться более влиятельными, чем сейчас. Я говорю о русских. Назначение адмирала в Амер[иканский] ком[итет] может приостановить суетливость Дона. По-моему, и раньше вся ошибка переговоров состояла в том, что ни Мель[гунов], ни Кер[енский] недостаточно ясно понимали, что являются не просто странниками, а представителями Великой России. Поэтому Дон должен считать за честь, если Вы от него что-нибудь примете. А ему красных поблажек не давайте. Сейчас это никому, не

* Профилакторий.

исключая Вашингтона, не нужно. Буду благодарна, если сообщите, есть ли у Вас с этими посредниками полезный контакт.

Привет всем

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись.

Н. А. Цурикову

30.XI.[19]52

Дорогой Николай Александрович,

Мне не легко высказать Вам мое суждение насчет Чеховского издательства. Я до сих пор не понимаю ни их структур, ни их направления, как политического, так и литературного. Сначала рукописи принимала В. А. Александрова, считающаяся специалисткой по литературе, т. к. она постоянно писала о книгах в социалистической русской печати. Она меньшевичка. Художественные ее вкусы мне неизвестны. Потом она заболела, и ее работу поручили М. Г. Терентьевой (1288). Вероятно, Вы писали ее мужу, но он никакого отношения к ее работе не имеет и это очень подчеркивает. Но живут они вместе, очень дружно. Терентьева мне несколько раз говорила, что они завалены рукописями. Я ей на днях посылаю свою рукопись о русском фольклоре, но она не уверена, стоит ли это делать. Но Вам я советую им предложить Вашу книгу. В крайнем случае рискуете почтовыми расходами. Мне говорили, что сейчас для русской книги больше всего шансов быть изданной в Германии. Конечно, получить доллары приятнее, чем марки или франки, но зато книга будет по цене доступнее рассеянным по свету читателям. Резюмируя эти мои мысли о Ваших переговорах с Ч[еховским] из[дательством], прибавлю еще, что при всем моем желании увидать Ваши писания напечатанными, я тут ничем помочь не могу. В Нью-Йорке я крепко чувствую сплотившуюся левую кружковщину, немногочисленную, но деловитую и опытную. А левые меня издавна не любят. [Э]с[е]ры не так давно попросили меня принять участие в диспуте о моей книге. Я пошла. Вишняк и Зензинов очень вежливо, но с трудно скрываемым раздражением напали на меня за несколько фактических ошибок (Набоков был не камергер, а камер-юнкер), а главное за то, что я против террора и что рассказываю, будто бы [э]с[е]ры брали у японцев деньги. Возражала я немногословно. Но что социалисты были дефетисты* и что царский строй нельзя даже сравнивать с советским, это я сказала достаточно вразумительно. Собрание было устроено обществом, где [э]с[е]ры правят. А публика оказалась на моей стороне. Рассказываю об этом, п[отому] ч[то] сейчас на верхушке эмиграции вертятся устарелые во

* Пораженцы.

всех отношениях социалисты и простодушные американцы считают их выразителями эмигрантс[кого] общественного мнения, и выходит чепуха. Но виноваты мы, серединное течение, что не умеем себя выявить. Около меня уже почти два года топчутся люди наших с Вами взглядов, а сбить из них что-нибудь жизненное никак не удается. Прямо беда.

Мне хотелось бы знать подробнее, что у Вас там делает Амер[иканский] комитет и что в нем делает Мельгунов. Эти самые идиотские паритеты его до добра не доведут. Видаете ли Вы проф. Заголло. Здесь он рассуждал довольно здраво. А там у Вас все мутнеет. Тут уже набрано много сотрудников для Ам[ериканского] ком[итета]. Коряков занимает ответственное место. Но, насколько я понимаю, это все присказка. А сказку говорить начнут, когда Эйзенхауэр воцарится или хотя бы объяснит свою иностранную политику, в кот[орой], конечно, главной болячкой остается русский вопрос. Где-то, на не доступных черному народу местах, идет столкновение двух течений – расчленять Россию или не расчленять, что выгоднее для Америки, разбить ее на куски, оторвать Украину, Белоруссию, Кавказ, Среднюю Азию или только свалить большевиков и предоставить населению самому устраиваться. До сих пор первое течение было сильнее, что, между прочим, подтверждается и тактикой Ам[ериканского] к[омитета] и еже с ними. Ну, я заболталась, а это тема для статьи, а не для письма.

Мне очень интересно, что Вы напишите по поводу моей книги, а в особенности по поводу эпохи и людей. Как писательница, я не могу не чувствовать удовлетворения, что моя книга волнует такого, как Вы читателя. Я над ней много поработала и если меня хвалят за форму, то это награда за трудолюбие. Но, давая отчет о тех, для нас счастливых, для России уже грозных, годах, я задавала себе много проклятых вопросов. Как это вышло, что умные, хорошие люди так много делали непоправимых глупостей, граничащих с безумием.

По-немецки я плохо читаю, но Вы мне пришлите Вашу брошюру, как-нибудь разберусь. Вопрос очень интересный.

Всего хорошего. На днях устраиваем собрание памяти Ростовцева. И еще явственнее вижу, что кругом все люди маленького роста остаются.

Всего хорошего

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

С. П. Мельгунову

9.XII.[19]52

Дорогой Сергей Петрович,

С. Л. Войцеховский сообщил мне, что получил от Вас письмо, где Вы предлагаете ему создать партию умеренных монархистов и ука-

зываете на меня как на одну из возможных сотрудниц. Я отказалась, о чем он просил меня известить Вас, что я и делаю. Но тут, очевидно, какое-то недоразумение и я была бы очень рада узнать от Вас в чем дело, почему понадобилось через моря давать такие советы. И это после того, как в «координации» (1289) не слишком вежливо обошлись с монархистами.

Правда сейчас они лучше котируются на политической бирже и тот же Ам[ериканский] к[омитет] пытается перемигнуться со здешними монархистами, пока без взаимности. Вообще в русской среде, не только монархической, выжидательно относятся к Ам[ериканскому] к[омитету]. Сделанное далеко не все ободряют, особенно эту ловкую игру на паритетной арифметике. А какое у Ком[итета] будущее, угадать трудно. Американская политика – машина многоэтажная, и влияние людей и идей передвигается от слоя к слою. Во всяком случае, Ам[ериканский] к[омитет] далеко не последнее и не высшее слово русско-американской политики. И это всем русским следует твердо помнить.

Я была очень огорчена, когда в объявлении увидала, что в последнем номере «Возрождения» опять стоит фамилия Гефтера. Вы так строго отнеслись к Месняеву за то, что он печатался в России, но почему же Вы ставите своих сотрудников в такое соседство, как сотрудник «Советского патриота». Признаюсь, я просто не понимаю, какую же мерку Вы себе ставите. Для меня всякое сотрудничество с Советами делает человека неприемлемым. Для Вас, по-видимому, нет. Это печально.

Мне очень жаль, что мое письмо звучит не совсем так, как я привыкла за эти годы Вам писать. Но откровенно говорю – не могу проглотить Гефтера на страницах «Возрождения».

Привет П[расковье] Е[вгеньевне Мельгуновой]. Боюсь, что Вы ее совсем замотали.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись.

С. Л. Войцеховскому

28.XII.[19]52
New York

Многоуважаемый Сергей Львович,

Я все эти дни думала и о сущности нашей затеи и о форме того обращения, которое Вы составили. Посылаю Вам результат моих исканий. Предоставляю Вам воспользоваться им частично, или целиком, как найдете нужным, ссылаясь на меня или не ссылаясь.

Я считаю, что Вы слишком выдвинули частный вопрос смешения русских с советчиками, и получилась неверная перспектива, точно

мы создаем организацию, чтобы доказывать, что Россия и Сталин – это две разные вещи. Наши задачи шире. Поэтому я и переставила Ваше расположение причин, почему собрано совещание.

Первым пунктом я не удовлетворена ни в Вашей, ни в моей редакции. Подумайте еще. А я оставляю за собой право предложить еще новую редакцию, если найду более выразительную.

Не знаю, согласитесь ли Вы принять мой Союз русских конституционалистов. Может быть, что-нибудь более гибкое. Но против Российского общественного комитета я буду возражать. Тут претензия не по возрасту. Я все-таки не понимаю дальнейшего, точнее, ближайшего образа действий. Если не будет создан печатный орган, ничего не выйдет.

Сегодня вечером Заголло собирается привести ко мне Николаевского. Пока держите это между нами.

С искренним уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 7. Машинопись.

1953

С. П. Мельгунову

7.I.[19]53

Дорогой Сергей Петрович,

Хотя Вы, наверное, так заняты, что и писем не успеваете читать, но Заголло так настойчиво, неоднократно требовал, ч[то]б[ы] я Вам написала, что я ему обещала это сделать, хотя у меня ни новых фактов, ни новых суждений по поводу Вашей организационной работы нет. Но из разговоров с Каре[н]ским, кот[орый] на днях был у меня, я поняла, что он очень озабочен как бы Вы «не сдали позиций» – это его выражение, – на заседании, ради которого поехали в Мюнхен. Он боится, что Ваши уступки и Курганова (1290) толкнут в сторону соглашения, по мнению А. Ф. [Керенского], вредного, тем более что он не теряет надежды вернуть солидаристов в Корд[инационный] Ц[ентр] и считает это очень желательным. Он при этих условиях стоит за то, чтобы беречь К[оординационный] Ц[ентр]. А я с разных сторон уже слышу мнение, что при нынешнем своем двусмысленном отношении к национальному вопросу Ам[ериканский] ком[итет], а значит, и К[оординационный] Ц[ентр] являются для русского дела вредными. Статья Николаевского в «Н[овом] Р[усском] С[лове]» относительно Добрянского (1291) не укрепляет веру в Ам[ериканский] ком[итет], если он поехал от них. Хотя у меня есть предположение, что он играет двойную игру, создает себе этой поездкой рекламу, а там сговорится со своими радами никому не на радость.

Судя по довольно бессвязным речам нашего друга Афанас[ия], Вы как будто возлагаете надежды на то, что в Нью-Йорке образуется правая группа, он упорно называет ее монархической, которая усилит правое крыло К[оординационного] Ц[ентра]. Это заблуждение. Б[ыть] м[ожет], кто-то и организует полезную для Вашей работы группу, но я об этом не осведомлена. Но я знаю, что в течение трех месяцев происходили совещания небольшой группы. Я называла бы их правыми конституционалистами. Она теперь расширяется и возможно, что в ближайшем времени предложит свои взгляды на суждение рус[ского] общественного мнения. Я была пока только на одном заседании. Есть там три человека, которых я считаю для политической работы пригодными, взгляды у них здравые и я для себя не вижу причины с ними не сотрудничать. Но это еще <повреждение текста>. А главное, думается, <повреждение текста>, что на мой вопрос, войдут ли они в К[оординационный] Ц[ентр], ответ был быстрый, единодушн[ый] и отрицательный, т[ак] ч[то] для Вашей координационной арифметики пользы от этой новой организации, даже когда она появится на свет, не будет. Хотя я полагаю, что если здесь действительно какое-то новое объединение создастся, то совершенно возможна какая-нибудь форма сотрудничества с уже существующими организациями, включая Ваш Союз.

Заканчивая письмо, хочу обратить Ваше внимание на то, что здесь сейчас американская политика, еще не выговоренная вслух, идет вправо, а не влево. Это еще нельзя сказать черным по белому, но флюиды уже чувствуются, и Ваша непокладистость встретит, скорее, сочувствие и поддержку. Ведь американцам самим выгоднее услыхать речь не мальчика, но мужа.

Буду Вам благодарна, если Вы хотя бы несколькими словами известите меня, как у Вас пойдут дела<обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

Г. И. Новицкому

12.I.[19]53

Глубокоуважаемый Георгий Иса[а]кович,

Обращаюсь к Вам, как к председателю Общества помощи русским детям за рубежом (1292) и прошу Вас доложить Вашему Комитету мою просьбу. Она касается русской школьницы во Франции, которую необходимо поддержать. Это Анна Четверикова (1293), дочь Д. Д. Четверикова (1294). Когда большевики вошли в Эстонию, он с женой и маленькой дочкой добрался до Австрии, где все-таки попал в застенок Чека. Большевики продержали его несколько недель и выпустили уже в инвалидном состоянии. Он вскоре умер, и с тех пор его вдова

очень мужественно борется за существование. Хлеб себе и дочери добывается шитьем, а это двоих досыта не кормит.

Сейчас Ане Четвериковой 16 лет. Она учится в Версальском лицее. Идет настолько блестяще, что ей дают небольшое пособие от французского Министерства просвещения. В материальном смысле это капля даже в их скромнейшем бюджете, но это показывает, что девочке надо дать возможность продолжать образование. Она очень способная, быстрая, музыкальная, вообще даровитая русская девушка. Ей осталось до окончания лицея, т. е. до <1 нрзб.> полтора года. Мать хворает и одна справится с задачей довести образование дочери до конца не может. Русские учреждения в Париже по бедности своей тоже настоящей поддержки оказать не могут. Поэтому я прошу Ваш Комитет наладить какую-нибудь регулярную помощь, как бы сделать Аню Вашей стипендиаткой и, во всяком случае, сейчас ассигновать Четвериковым какое-нибудь вспомоществование.

Вперед благодарю Комитет за все, что он может сделать для этих двух совершенно одиноких женщин, которые всем своим поведением заслуживают поддержки. М. А. Четверикову (1295) я знаю больше 30 лет. Да и девочку близко знаю.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 6. Машинопись.

Б. П. Вышеславцеву

23.IV.[19]53

Дорогой Борис Петрович,

Не могу понять, как я могла просмотреть Вашу статью в <пробел>. М[ожет] б[ыть], она до меня не дошла, или я была очень поглощена чем-нибудь неотложным. Сегодня утром прочла ее в публичной библиотеке. Отлично. Если Вы согласны и французы не будут сердиться, я хотела бы ее перепечатать в Сборнике. Как быть с заглавием. Оно очень хорошо звучит по-французски, а по-русски не выходит. Не захотите ли Вы предпослать ей несколько строк, хотя бы в виде какого-нибудь афоризма. Но это не обязательно. Главное получить Ваше согласие. Право перевода, вероятно, Вы оставили за собой, т[ак] ч[то] французов и спрашивать нечего. Если у Вас есть под рукой Ваш текст по-русски, может быть Вы мне его пришлете. Если нет, я, с Вашего разрешения, сама переведу. Буду стараться. В статье есть Ваш блеск, который меня всегда пленял.

Рецензию в «Соц[иалистическом] вестнике» я не видела. Я их не читаю. Думаю, что и Вам не стоит их читать. Это [–] постукивание мертвых костей, а не живая мысль. При всей моей нежной любви к Вам я не в состоянии с этими господами полемизировать. Вот если Карпович, Ваш большой и красноречивый ценитель и поклонник, от-

кроет дискуссию в «Новом Журнале», это будет очень полезно. У Вас в последних двух книгах так много мыслей и такая компактная аргументация, что есть чем поживиться. Моя беда в том, что я совершенная невежда в марксизме, не читала ни Карла ни Ильича и поэтому просто боюсь писать о Ваших книгах, где такое редкое сочетание философских знаний с художественной яркостью. Вы, несомненно, имеете право сказать, что своими книгами выполнили долг не только философа, но и русского стилиста.

Я очень счастлива, что Вам иногда хотелось бы со мной о разных вещах потолковать. У меня тоже бывает такая потребность, и я тогда жалею, что я не богачка, не могу сесть в аэроплан и слетать в Европу, повидать Вас и Н. Н. [Вышеславцеву] (1296). Вспоминаю наши уютные беседы в По и говорю с благожелательностью – была ведь встреча с <обрыв текста> уже иных последних, непостижимых встреч.

Мне очень нравится Ваше выражение «неолиберализм». Оно приходит на смену консервативному либерализму Вяземского (1297), которым широко пользовался Струве. Вообще среди мировой перепутаницы надо обновлять, скоблить многие затасканные выражения, прежде всего деление на правых и левых.

Я постараюсь узнать, что это за общество Марка Твена. Никогда о нем не слыхала. Но я вообще совсем провинциалка в американских делах. Плохо в них разбираюсь, мало ими интересуюсь. Только угрюмо слежу за государственным деп[артаментом], поскольку это возможно рядовому читателю газет. До сих пор не много вычитала утешительного. Но невежества немного меньше, чем было 15 лет тому назад.

Скажите Н. Н. [Вышеславцевой], что я очень ценю ее письма и не пишу ей <обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Копия.

В. А. Маклакову

31.5.[19]53

Дорогой Василий Алексеевич,

Меморандум Ваш получила и очень Вам за него благодарна. Хотя он обращен к французам и писан в острый момент антисоветский, и печатать его в таком виде нельзя, но в нем очень много важных, основных мыслей. Среди всеобщей мозговой путаницы, притязаний справедливых и бессмысленных, интриг партийных и международных, русской неразберихи, и всей мировой чепухи, очень важно установить в русской проблеме какие-нибудь основные положения. Насколько я успела вдуматься в Вашу записку, которую я еще должна переварить, Вы считаете, что Россия до Советов способствовала ев-

ропейскому равновесию и всеобщему миру. Что если бы Вы нашли в себе охоту и время, чтобы эту мысль развить. Это то, что Гарольд Васильевич всегда говорил, что без сильной и разумной России не будет в мире порядка. Если бы Вы дали мне основные аргументы, то мы тут сообразим, как пустить такую статью в американскую прессу. Или Записку, написанную в таком направлении, передать в соответствующие инстанции. Это возможно.

И еще у меня к Вам просьба. Наш Политический комитет, который развивает постепенно свою работу, одной из основных своих задач ставит цельность России. Наши сочлены из новой эмиграции, среди которых есть люди даровитые и знающие, очень настаивают на том, что мы должны считаться с новыми правами, которые даны национальностям в советской конституции. Узбеки или таджики привыкли, что у них есть дом советов, академия на их языке и т. д. Все это надо сохранить, так же как и дальнейшие пункты той же сов[етской] конституции, которая их лишает всякой политической «самоопределяемости». Вот я и обращаюсь к Вам, как к государствоведу, прошу совета, как провести грань, как обойтись со словом «федерация». Я знаю, что юристу ничего не стоит придать ему растяжимое понятие. Но Вы в письме ко мне так ясно определили права государства как целого по отношению к меньшинствам как части, что раздразнили мой аппетит. Дайте мне хотя бы основные положения или, если Вы об этом раньше писали, укажите, где мне это найти.

Пожалуйста, не считайте меня назойливой корреспонденткой. Это ведь не личная игра ума, а маленькое колесико, зацепляющееся за большую машину. Вот я и позволяю себе Вас тормошить, чтобы Вы поделились со мной своими ясными политико-юридическими мыслями. Хотя «мысль изреченная есть ложь», а все-таки, если ее вовремя подсказать, может быть и польза. Помните, как мы с Вами переписывались, когда я сидела в Гренобле. Если у Вас сохранились мои письма, то хотите я поищу Ваши письма ко мне, и Вы, отправляя, или готовя Ваш архив для Колумбийского ун[иверситета], могли бы сделать из переписки один пакет.

Эти дни здесь в политических кругах нервничают. Эйзенхауэр несравненно трезвее подходит к вопросу о переговорах с Советами, чем Черчилль. А Советы ощетинились. Им не нравится Бермудское совещание (1298). И в Корее плохо. А тут еще Тафт (1299) требует великолепного одиночества. Он его не получит, но все-таки намутит. И все это из-за нас, из-за того, что мы, российские умники, развалили нашу державу. А ведь здание такое крепкое, что даже нельзя сказать, что развалили. Только обосурманили. Но пустили дьяволов. Вот мир и расхлебывается за то, что дьяволов приняли за творцов нового мира.

Ну, простите. Я разболталась. Единственное оправдание, что нет у меня тут собеседника, даже отдаленно похожего на Вас. Это уже не моя вина, а Ваша.

Я воспользуюсь Вашим разрешением и пока еще оставлю Вашу записку у себя. Будет в сохранности.

Привет М[арии] А[лексеевне Маклаковой]. Вы оба, вероятно, скоро уедете на дачу, но перед отъездом черкните мне, хотя бы конспективно, насчет федерации.

Читаю книгу Бок о Столыпине (1300). Бедно, но все-таки волнует. Ваша Вторая Дума больше дает.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. Ф. Зеелеру

6.VI.[19]53

Дорогой Владимир Феофилыч,

Надеюсь, что моя статья не напугает Водова и что «Русская мысль» ее напечатает. С горьким чувством следила я за чужим праздником. В этом признаюсь. Но знаю, что у народов есть своя судьба. Надо прислушаться, какие знаки она подает. Для России я что-то венценосцев не предвижу.

Вы мне не ответили на мое письмо. А я через две недели уезжаю в глушь на дачу. Почтовый адрес в Нью-Йорке остается, но сношения городские временно приостановятся.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись.

Б. В. Сергиевскому

VI.21.[19]53
200 W. 58th

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Васильевич,

Вы были так добры, согласились дать моей внучке, Ариадне Бочарской, афидевит для ее переезда в С[оединенные] Ш[таты]. Когда я просила Вас об этом, я не знала, в каком городе подаст она заявление о постоянной визе. Теперь я знаю, что она подаст прошение в Американское консульство в Лондоне. Значит, туда надо будет адресовать афидевит, для которого посылаю Вам короткую справку. Говорят, это все, что нужно. Прибавлю, что она британская подданная, успешно служила в F[orign] O[ffice] и U[nion] N[ation]. Теперь сердце жаждет перемен, и ее потянуло к нам. Я надеюсь, что в сентябре ей удастся до нас добраться. Вперед приношу Вам благодарность. Я без внучки очень соскучилась.

Досадно, что я Вас не увижу перед отъездом в деревню. Хотелось бы обо многом переговорить. Наша работа требует расширения. Со-

бытия на это толкают. Вы правильно указали в Вашей записке, что невыгодно, что русская активность сосредоточена в Американском комитете. И что там сейчас творится!

Но уехать из Нью-Йорка надо. Я очень устала и рада, что заберусь в глушь. Все-таки моя комитетская служба будет и там идти своим чередом. Мне поручено редактирование сборника. Хочется, чтобы он вышел толковым и не скучным. Очень прошу держать меня в курсе комитетских дел.

Еще раз спасибо за внучку. Она у меня умница и с большим юмором, что я в чужих и своих ценю.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Б. П. Вышеславцеву

26.VI.[19]53

Дорогой Борис Петрович,

Узнала из газеты, что Ваша книга (1301) вышла, и прежде всего хочу Вас поздравить. По нынешним временам для русского писателя увидать свою работу в печати, это куда больше чем 200 000 выиграть. Радуюсь за Вас и за читателя, включая меня. Надеюсь, Вы не забыли дать Чех[овскому] издательству и мое имя в списке тех, кому они должны выслать книгу. Но я пишу не только поздравления, также и челобитную.

Покорнейше и умилительнейше прошу Вас дать статью для сборника, который я, по поручению нашего Комитета, редактирую. Мы мечтаем, что это будут сборники периодические. Но пока я намечаю только первый и хочу, чтобы он сконцентрировал наши основные мысли, направление нашей политической воли. Надо пояснить зачем, несмотря на большое количество организаций, появился еще наш Российский политический комитет в Нью-Йорке. Больше того. Часто приходится от разных людей слышать, что коммунисты сильны тем, что у них есть руководящая идея, даже idee force*, а у нас ее нет. Мне думается, что Вы с Вашей острой аналитической мыслью и яркостью ее изложения лучше, чем кто-нибудь, сумеет от имени не группы, а всего антикоммунизма ответить на этот вопрос. Я считаю, что самое его повторение указывает, как глубоко заражает людей бесстыдная, безбожная советская ложь. Вот и хочется, чтобы Вы ее каленым железом выжгли. Но, конечно, я указываю на эту тему, п[отому] ч[то] считаю ее одной из самых жизненных. Вы хозяин своему писанию, если захочется о другом написать, так и сделайте.

У меня пока есть только 1) статья Карташева о единстве России. Дальше не статьи, а темы 2) моя передовая о нашем положении среди

---

* Влиятельная идея *(франц.)*.

других политических течений, вообще о нашей идеологии и связанности с русской исторической традицией. 3) Борьба русского народа с советской властью, начиная с белых армий и кончая нынешним временем. 4) Коммунисты и свободный мир. 5) О церкви. Вернее о религиозной жизни в России. 6) Колхозы. 7) Убыль населения под советской властью. 8) Хроника политической жизни русской эмиграции и антикоммунистическая активность во всем мире. 9) О сепаратизме.

Это черновая программа, которая еще допускает всякие изменения и указания. Пишущих вокруг меня немало, но я в этих делах очень придирчива и пока заказала только две статьи — о сепаратизме С. Л. Войцеховскому, одному из главных инициаторов комитета и Л. М. Васильеву (1302). Это советский экономист, служил у них в Тегеране, откуда два года тому назад сбежал. Человек неглупый и как будто незаурядный. Затем Аркадий напишет о белой борьбе. Вот и все. Но финансы у нас жидкие. Даже на оплату гонорара нету денег. Я мечтаю издать сборник в 64 стр. Тогда на долю каждого автора придется самое большее 10 стр. машиночной рукописи, такого разгона, как я сейчас пишу. Но я считаю, что лучше дать меньше статей, но таких, в которых были бы высказаны мысли-толкачи. Не стоит сборник издавать, если он не будет будить, требовать, хотелось бы сказать — вдохновлять, но это пахнет претензией. Только Вам не боюсь сказать, с другими приходится разговаривать более трезвыми словами. А для Вас стук мечей идейных есть не метафора, а реальность.

Пишу Вам уже не из Нью-Йорка, а из лесов Вермонта. Есть такой штат на севере от столицы. Кругом леса, поля, мелкие фермы. Деревня, воздух чудесный. Тишина. Это холмистые отроги невысоких гор. Кажется, жизнь остановилась. Но пойдет кто-нибудь на почту, принесет газеты и видишь, что там тучи тучами. Я придаю огромное значение немецким событиям и тому, как советчики завертелись. То уступают, то отступают. Каждая уступка это трещина в их монолите. К несчастью, демократии, вместо того чтобы использовать положение и понять слабость, точнее, ослабление сильного противника, топчутся на месте. Тут много дурит Черчилль. Старику хочется выиграть мир, как выиграл войну. Но он не понимает, что как войну выиграли ценой беспощадной борьбы, так и мир с таким противником, как коммунисты, можно выиграть только на острие меча, а не в обмене улыбок. Чем меньше улыбок, тем больше шансов отвести горячую войну.

Надеюсь, что Вы оправились от всех Ваших недугов. Буду ждать Вашего отклика. Из Нью-Йорка мы уехали на два месяца. Там летом жить нельзя, и я очень устала. Но мне не хватает моего городского муравейника. Зато здесь Наташа и ее Катюша. Это очень греет.

Все семейство шлет Вам обоим привет.

Ар[иадна] В[ладимировна]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

С. Л. Войцеховскому

2.VII.[19]53

Дорогой Сергей Львович,

Посылаю Вам мой проект обращения. Как Вы увидите, я очень Вас перекромсала. Надеюсь, не обидитесь. Вероятно, и Вы будете меня переделывать. Ну, что ж. Это не поэма. Я не обижусь. Но я категорически против того, чтобы назвать наши будущие сборники информационными бюллетенями. Это вперед наводит скуку. Да и задачу я вижу в создании политических сборников, которые должны руководить и закреплять общественное мнение, а информация никого вести не может, хотя давать ее надо. Тут я не сдаюсь. Не бюллетень, а сборник.

Другое мое указание, скорее, редакционное. На первой странице, во втором параграфе, Вы слишком решительно забираете к себе большинство не только в эмиграции, но и в самой России. Я считаю это неосторожным. Не хвались на рать идучи. Но я, конечно, верю, что при известной политической даровитости мы это большинство получим. А пока будем стараться... Во всяком случае, наш призыв не был гласом вопиющего в пустыне. Это нас ко многому обязывает.

Я понимаю, как скучно бросать горох в американскую стену. Но политика в этом состоит. Кто выносливее на скуку, тот и выиграет. Все-таки я пришлю Вам мою Украинскую записку. Я про Владимира (1303) говорю как можно меньше. Им он действительно ни к чему, но в подстриженном виде мою Хохландию следует перевести и кому-то сунуть.

Очень рада, что Вы с Б. В. [Сергиевским] вместе перелистывали комитетскую почту. Это в нем обострит сознание, что когда сказал «а», приходится сказать и «б».

Мы здесь живем идиллически. Олени по ночам фыркают в соседней опушке, где-то копошатся дикобразы. Воздух чудесный. Я, когда сюда приехала, поняла, до чего я устала. Только теперь начинаю приходить в себя. Если Вы захотите подкинуть мне какие-нибудь «исходящие», я согласна.

Привет всему правлению

P.S. Меня очень огорчает, что служба Вас так одолевает. Огорчаюсь за Комитет и за Вас. Надо Вас как-то из этой теснины вытащить, а то и Комитет заржавеет.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 7. Машинопись.

А. М. Ремизову

5.VII.[19]53

Дорогой Алексей Михайлович,

А. Ш. перебил мне дорогу, но я все-таки прицеливаюсь, с какой стороны подойти и к Дудочке, и к Блеску (1304). Чеховское издатель-

ство мне его прислало. Но я не сумею обращаться с Вами как с «маститым». А. Ш. очень старается, но словесник он случайный и не всегда знает, что к чему относится, как говорила наша няня.

Пишу Вам из лесной глуши. Около дома ночью ходят олени, хрюкают дикобразы. Счастливцы могут даже наткнуться на медведя. Хорошо. Это уже не ничей Нью-Йорк, а те места, откуда началась Америка, где постепенно складывается американский народ. Тут и говорят на другом языке и вообще все более настоящее. Ну, а мне, как человеку деревенскому, приятно, что коровы мычат. Собираемся пробыть здесь до середины августа. Нью-Йорк летом не годится для жилья. Мы наняли дом профессора физики Е. И. Рабиновича (1305). Он ученый и в то же время такой любитель поэзии, что знает наизусть несчетное количество стихов на пяти языках. Пишу Вам все это, т. к. хочу прибавить к коллекции Ваших снов его сон (1306). Мы с вечера разговаривали о сокрушительности войны, если она случится. Ему приснилось, что он где-то на ученом конгрессе. И вдруг что-то случилось. Члены конгресса шли завтракать, но очутились на улице, примостились на скамеечках. Пришли кошки. Их было много. Над ними была старшая кошка, большая, коричневая. Эти кошки пришли на смену людям. Они не сумели ничего сделать, и вот теперь кошки. Рабинович, чтобы умилостивить старшую кошку, поймал маленького черного котенка и ей поднес. Но она не обратила никакого внимания. Тогда он понял, что все пропало.

– Вам не было очень страшно?

– Да нет. Но все-таки неприятно, что кошки над нами.

Я верю, что он действительно такой сон видел, а не выдумал.

И он, и его жена меня расспрашивают, какой такой Ремизов. Я на это всегда отвечаю, что не берусь Вас растолковать. Но что Вы настоящий, а не притворяетесь. Это ведь больше всего смущает Ваших читателей. Им кажется, что Вы над ними издеваетесь.

А что же Вы предложили Чеховскому изд[ательству] те, скажем, воспоминания, которые Вы печатаете в «Новом русском слове». Непременно добейтесь, чтобы они были изданы отдельной книгой. В них есть черточки, есть психологические мазки, которые для толкования людей нашей с Вами эпохи, конечно, дадут куда больше, чем двухтомные мемуары Зензинова, Чернова и еже с ними. По моим сведениям, Чех[овское] изд[ательство] будет составлять новые списки эту осень. Вам необходимо в них попасть. Скажите им, что Ваши эти очерки должны стоять на полке у всех, кто ломает себе голову над бесовской пляской этого века.

Мы здесь проживем еще достаточно времени, чтобы Вы могли мне сюда ответить. Я люблю получать Ваши росчерки. Все-таки мы с Вами последние могикане.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись.

Н. И. Ульянову (1307)

10.VIII.[19]53

Многоуважаемый Николай Иванович,

Мы с Вами только два раза встречались, когда Вы приезжали ко мне в Версаль, но с тех пор я, поскольку это было возможно, следила за Вами по печати. Не всегда, не во всем с Вами сходилась, но Вы из тех людей, спор с которыми дает собеседнику толчки, тормошит мысли. Жаль, что не могу сейчас обменяться с Вами взглядами. Это и интеллектуальное любопытство, и практическая потребность.

Не знаю, попалась ли Вам на глаза программа Российского политического комитета в Нью-Йорке? Я в этом комитете принимаю близкое участие и мне поручено составить наш первый сборник. Я высылаю Вам программу. Она написана сухо, скупо. Для меня в ней главное это то, что мы первоосновой созидательной политики считаем духовное начало в противовес марксистскому материализму, за русские исторические традиции, неразрывно связывая их с цельностью России, утверждаем собственность, как одно из условий свободы личности. Пишу Вам это схематично, но привычному уму, мне думается, и таких обрывистых указаний достаточно, чтоб понять чего я хочу.

Сейчас я собираю материал для первого сборника и обращаюсь к Вам с просьбой принять в нем участие. Первая книга будет небольшая, т. к. долларов у нас кот наплакал. Мы даже сотрудникам не сможет платить гонорар. Надеемся, что следующие выпуски уже будем издавать в более нормальных условиях, т. е. оплачивая литературный труд. Но пока это нам недоступно. А между тем есть большая потребность выявить и сплотить русское общественное мнение вокруг трезвых государственных мыслей. Вся ерунда около Коорд[инационного] ц[ентра] произошла отчасти от того, что не было предварительной работы по согласованию тех течений, которые до известного момента могут идти вместе.

Я не подсказываю Вам никакой темы. Это Ваше дело. Моя задача составить сборник так, чтобы он будил мысли и волю к борьбе с коммунизмом. Пока у меня есть статья Карташева «Единство России», как всегда блестящая. Обещал мне статью о марксизме Вышеславцев, но, к большому огорчению, он тяжело захворал. Затем есть статьи о колхозах, о значении русского народа в борьбе с коммунизмом, как она проявлялась, начиная с белого движения и до нынешних дней. Намечена статья о национальном вопросе, хотя это очень колючая тема. Я должна написать общую идеологическую передовую. Как видите, это еще не битком набитый редакторский портфель, а первый приступ к жатве. Если Вы сколько-нибудь заинтересуетесь нашим начинанием и захотите принять в нем участие, то подумайте о теме. Хотелось бы выслушать и Ваши соображения о возможности и жела-

тельности придать такому центральному объединению жизненность и популярность. Мы были поражены количеством сочувственных откликов, которые вызвала наша, лишенная тени демагогизма, платформа.

Я остаюсь здесь, в деревне, до 19/VIII. Потом переедем опять в Нью-Йорк 200 W 58. Хотелось бы знать как Вы живете в Канаде, над чем работаете. Если не трудно, скажите в двух словах, почему бросили Вы работу на радио.

Буду ждать от Вас отклика.

С искренним уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

Н. Н. Вышеславцевой

27.VIII.[19]53

Дорогая Наталья Николаевна,

Давно хочется мне написать Вам, узнать, как здоровье Бориса Петровича [Вышеславцева], но все боялась Вас беспокоить. Все-таки дайте нам знать, как идет его поправка. Когда я пишу «нам», это относится не только к моему семейству, но и к читателям Б[ориса] П[етровича]. На даче мы жили близко от Карповичей и нередко разговаривали с ним о Вашем муже и оба от всей души желали ему быстрого выздоровления. Карпович очень высоко ценит его работы, его знания и талант. Да и не один Карпович. Когда я сказала в небольшом редакционном собрании, которое подготовляет политический сборник, что Вышеславцев болен и вряд ли даст нам статью, это всех очень огорчило.

Вот и я решила обратиться к Вам. Мне тоже очень скучно выпускать сборник без статьи Б[ориса] П[етровича]. Я мечтала получить от него, именно от него, статью, где он со свойственным ему блеском закрепил бы и озарил первый пункт нашей программы: существование народа определяется верой в Бога, религиозным сознанием и духовными ценностями, унаследованными от предков, а не только материальными потребностями и экономическими отношениями.

Ведь это то, чем мы отличаемся от остальных освободителей. Даже самая короткая его заметка на эту близкую мне и ему тему придала бы мне бодрости. Но, само собой разумеется, что я оставляю за ним полную свободу. Все, что он напишет, будет принято с большой благодарностью.

Если болезнь еще не дает ему возможности работать, м[ожет] б[ыть], Вы в его бумагах найдете что-нибудь ненапечатанное, или напечатанное на иностранном языке. Статьи нам нужны короткие, страниц 6–7 на машинке.

Очень прошу Вас не сердиться на меня, что я Вас тревожу писательскими делами, когда Вы, вероятно, утомлены заботами о своем больном. Но Вы, по старой дружбе, просто отмахнетесь от меня, если моя челобитная придет не вовремя. Но поверьте, что я беспокою Б[ориса] П[етровича] не из редакторского желанья щегольнуть его именем, а п[отому] ч[то] сознание, что он готов меня поддержать, придаст мне силы. У меня их не очень много. И безумие мира порой наводит на малодушные сомнения. Всюду красная свитка, всюду свиные рыла (1308). Я знаю, что так думать не следует, что врата адовы не одолеют ее, но иногда необходимо, чтобы это знание скрепилось чужой мудростью.

Обнимаю вас обоих. Господь с вами

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

Б. С. Пушкареву (1309)

IX.1.[19]53

Многоуважаемый Борис Сергеевич,

Н. С. и Ю. С. Арсеньевы (1310) указали мне на Вас как возможного сотрудника политических сборников, которые подготовляет Российский политический комитет в Нью-Йорке. Мне поручено их редактировать. Я очень дорожу сотрудничеством представителей разных поколений. Так как я не знаю, какая часть политики Вас больше интересует, то я даже темы не хочу Вам предлагать. У нас уже намечены статьи по вопросам национальным, о единстве России, об отношении к церкви, обзор борьбы против советской власти. По экономическому вопросу мы еще не разобрали тем. Если Вы экономист, м[ожет] б[ыть], Вы сами укажите тему, о которой Вам хотелось бы написать.

Прилагаю наше первое сообщение, чтобы Вы яснее поняли наше общее направление.

Обращаю Ваше внимание на очень важную тему – отношение между частной инициативой и частным правом собственности и производством, которое должно остаться в руках государства.

Буду ждать Вашего ответа и надеюсь, что Вы разделяете наши взгляды на интересы России и русского народа.

С полным уважением.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

С. П. Мельгунову

12.IX.[19]53

Дорогой Сергей Петрович,

Рада была получить Ваше письмо. Мы давно не подавали друг другу голоса. В Вашем разрыве – или размолвке – с Ам[ериканским]

ком[итетом] я, конечно, как и многие русские, стою на Вашей стороне. Выразила это тем, что не пошла на их прием, которым они хотели отпраздновать полгода со дня рождения их радио. Я не знаю, что они передают, совершенно не одобряю их тон с русскими и не вижу, что тут праздновать. Но, м[ожет] б[ыть], и эта мюнхенская тягучка принесла некоторую пользу. Некоторые умы прояснились. Русские получили возможность, разъезжая на американский счет (говорю без упрека) друг к другу, приглядеться и прислушаться. Селекция важный этап в политической работе. Относительно нашего присоединения к Вашей обновленной или очищенной организации, я ничего не могу сказать. Скажу об этом на ближайшем заседании Комитета. Но меня, верно, спросят, как Вы себя после перестройки определяете? В Вашем письме никаких на это указаний нет. Заглянула в Ваше письмо. Увидала приписку, что Вам не нравится «связь некоторых Ваших сочленов с "последователями Солоневича"». Не знаю о ком Вы говорите. На наших заседаниях имени Солоневича не слышу. Ну, а, кроме того, считаю, что такая произошла перетасовка людей и мыслей, что надо каждого ценить по наличному комплексу идей, а главное, по порядочности. Если Вы мне укажете, что эти «последователи» совершили непорядочного, то я больше насторожусь, чем при имени Солоневича, кот[орого] я, между прочим, почти не читала. Комитету доложу и Вас осведомлю.

Хочу исполнить Вашу просьбу вспомнить о журнале. У меня есть несколько готовых глав, которые не вошли в «На путях к свободе», но относятся к той же эпохе. «Юдофобская пьеса» (Контрабандисты), «Волошин в Париже», «Литературный быт», «Вокруг Башни», «Константинополь», «Столкновение с охранкой», «Лекции в провинции». Есть еще штук пять, но я думаю, что перечисленные для Вас интереснее. Если хотите, я их Вам пришлю. Только скажите А. О. [Гукасову], что, право, я заслужила гонорар по отделу изящной словесности.

Хорошо, что Вы повидали Толстую. Общение с даровитыми людьми всегда придает жизни красоту. Она, вероятно, будет иметь большой успех со своей книгой. Репортеры несколько дней бегали за ней, как гончие за красным зверем. Это все русскому делу на пользу.

Соловьева я не видела. Он у меня не бывает. Когда он делал публичный доклад, я была в лесной чаще, т[ак] ч[то] плохо знаю, как произошел Ваш развод с адмиралом. А письмо адмиральское, неумное и невежливое, скорее, качнуло маятник в Вашу сторону.

Мы с сыном и Вас и Прасковью Евгеньевну [Мельгунову] приветствуем. Ей, пожалуй, лучше будет теперь. Хотя если Вы остаетесь председателем Комитета, у которого больше нет финансовой опоры, то я не очень вижу, как Вы и П[расковья] Евг[еньевна] осилите такую задачу.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись.

В. А. Маклакову

12.IX.[19]53

Дорогой Василий Алексеевич,

Я у Вас в долгу. Вы мне прислали три интереснейших письма, а я молчу, как глухонемая. Но у меня бывают такие полосы, когда во мне все точно цепенеет. Так летом и было. Но отсиделась в полудиких американских лесах и теперь понемногу возвращаюсь к американской городской, тоже полудикой цивилизации. Я взялась редактировать политический сборник. Дело трудное, и хочется, чтобы он вышел не половинчатым, а цельным.

Надеюсь, что Вы на меня не рассердитесь, если я некоторые Ваши формулировки, касающиеся федерации, что называется, позаимствую. Но скажу, что я их от Вас взяла.

Меня очень интригует Ваша растрепанная книжка об украинском вопросе. Не можете ли Вы мне ее выслать. Я честно верну и даже постараюсь ее фототипировать, если мне это сделают на дружеских основаниях. Мы здесь, в С[оединенных] Ш[татах], острее чувствуем опасность украинского вопроса. Их очень поддерживает Госуд[арственный] департамент. Украинцы богаты и нахальны. Это враг номер второй, после большевиков. За годы большевистской власти они очень укрепились и в американских канцеляриях и даже в общественном мнении, которое не отдает себе отчета, что сепаратизм в самой России отжил. А в представлении так называемых демократий, в особенности англосаксов, единственный путь разрешения русского вопроса это разделение России. Сами того не понимая, дают такое оружие в руки советской власти. Тут нужно бы спокойное заявление разных русских групп. Мне думается, что необходимо указывать, что у укр[аинского] вопроса есть два аспекта, галицийский и русский. Нам Галиция не нужна. А им наша Малоруссия не поддастся.

Спасибо за указания насчет моей статьи о кадетах. Но я не уверена, что подпольные революционные организации следует называть партиями, хотя они себе эту квалификацию и дали. Ведь и «Освобождение» было только Союзом. Партия началась, когда вылезли из подполья. Я читаю сейчас книгу о С. Н. Трубецком, только что вышедшую в Чех[овском] изд[ательстве]. Его картина самодержавия, каким оно было перед Думой, многое оправдывает в поведении оппозиции. <повреждение текста>. С большим интересом жду появления Вашей книги. Напишите в Чеховское издательство, чтобы прислали мне экземпляр для отзыва. Они это щедро делают. А я с удовольствием куда-нибудь напишу.

Еще два слова насчет моськи и слона. Вы это написали от руки, а я не помню, что нацарапала на оттиске. Но, конечно, если я поста-

вила бойцы там, где должно быть они*, то изгоните меня из Пушкинских вотчин.

Что-то у вас во Франции буржуазный премьер (1311) не шутя наводит порядки и забастовщиков одолел и с налогоплательщиков деньги обещает выжать. Последнее меня еще больше поразило, чем первое. Если прибавить победу Аденауэра (1312) и разумные речи на конгрессе английских тред-юнионов, то это уже реакция, наступающая по всему фронту. Что об этом скажут Ваши друзья-масоны?!?

Целую Марию Алексеевну [Маклакову]. Она, конечно, знает, что Панина скоро думает отплыть в Европу.

Всего хорошего.
Ар[иадна]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. Ф. Зееелеру

14.IX.[19]53

Дорогой Владимир Феофилыч,

Я испытываю то смутное чувство виноватости, что ничем не отозвалась на смерть В. А. Лазаревского. Это произошло, главным образом, от того, что я его очень мало знала. Но в то же время он для меня неразрывно связан с «Русской мыслью». Я яснее вижу его как члена вашей коллегии и посылаю всей редакции мое сожаление, что смерть унесла такого соратника. Немного кругом нас людей, так последовательно и метко сражающихся с красным дьяволом. В Лазаревском, в том, что он писал, всегда чувствовался солдат с острым сознанием, что если враг не дремлет, то и я спать не собираюсь. Он многое делал по-своему, шел какими-то своими тропами, но компас держал все туда же – на Россию.

Пока люди живы, мы обычно плохо умеем ценить их жизненные, положительные стороны. А вот уйдет человек, тогда с тревогой думаем – кто же его заменит. Вот и хочется послать вам через моря мое товарищеское пожелание, чтобы место не осталось пусто, чтобы вы все, те, что на своих плечах вывозят «Русскую мысль», находили бы все больше и больше сотрудников, единомышленников, даровитых людей, для которых слово Россия не звук пустой, а присяга.

Не удивляйтесь романтическому тону. Я иногда спасаюсь от космической тоски романтикой.

Всего хорошего

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

---

* Так в тексте.

Н. А. Цурикову

21.IX.1953
200 W 58th St.
New York C.19

Дорогой Николай Александрович,

Ваше письмо от 14.9. требует от меня ответа на два отдельных вопроса. Хочу начать со статьи, которую мне очень хочется от Вас получить. Вы мне прислали как образец Вашу статью «Необходимые условия успеха». Но она написана два года тому назад и теперь потребовала бы большой переработки. Проблемы Вы в ней ставите очень важные, допустимость сотрудничества с иностранцами, это то, что мы вертели и переворачивали, когда обдумывали и подбирали идеологические аргументы для интервенции. Теперь это имеет другой аспект, другой размах. И другая зависимость от иностранцев, т. к. нет у нас территории, а с Иваном Безземельным иначе обращаются.

Но содействие иностранцев необходимо. Весь вопрос в том, как выработать настоящие для этого условия? Меня в Вашей заметке и вообще в Вашем теперешнем кругозоре больше интересуют наши отношения с «россиянами». Не люблю я этого слова, но без модернизма среди всемирных катавасий не обойдешься. Только для меня неясно, какими способами Вы в это понятие рассчитываете втиснуть «всяк сущий в ней язык». Вот мне и хотелось бы именно от Вас, от «принципиального белогвардейца», получить статью о том, каким образом Вы совмещаете Ваш идеал «Единой, неделимой» с возможностью сотрудничать даже с теми, «кто стоит на точке зрения государственной независимости данного народа» (Российский Дем[ократ]. 23, стр. 4). У меня бумаги в беспорядке и я не могу найти тот статут, который считается обязательным для вхождения в КЦАБ. Когда Дон Левин насильно ввел к вам националов, в суматохе были приняты безумные пункты о местных плебисцитах и многих учредилках. Тогда это меня отбросило от всей координации. Куда же все это девалось? Вот я и прошу Вас, чтобы Вы, исходя от Вашего белогвардейского государственного сознания – которое нет надобности особенно выпячивать, но оно всегда у Вас звучит, – изложили нам Ваш взгляд на допустимость и желательность создать такой фронт, где, как говорится в Вашем обращении от 30.6.53, будут русские и нерусские, федералисты, конфедералисты, автономисты и самостийники?

Это не полемический вызов. Как Вы знаете, я воздерживалась от всякой полемики с мюнхенскими попытками. И сейчас ее не ищу. Но я считаю, что надо помочь русскому общественному мнению разобраться во всей этой очень вязкой полемике. К сожалению, в «Рос[сийском] Дем[ократе]», половина которого посвящена КЦАБ'у, нелегко проследить пути и перепутья этой организации. Вот я и прошу Вас, расскажите нам, со свойственным Вам умением ясно изла-

гать весьма неясные проблемы. Я хочу не историю распрей, а то, почему Вы с ними. Очень прошу. Даю Вам на это 12 000 знаков, т. е. 6–7 страниц таких, как эта.

Толстая делала нам в РПК доклад. Вы все там ее сумели убедить, что мы должны войти в Вашу организацию. Но мы передали вопрос на рассмотрение правления. Тут есть многое за, но и многое против. Тем более хочется мне получить от Вас аргументы. Мне думается, что Вы к нам во многом ближе, чем Мельгунов. Даже наверное ближе. Прежде всего п[отому], ч[то] вы человек православный, а для него религия опасное суеверие. Если будете ему говорить об этом письме, эти строчки ему не читайте. А вдруг обидится?

Очень надеюсь, что Вы поймете, что моя просьба о статье не есть только естественное желание редактора заманить талантливого сотрудника, но еще и потребность общественного деятеля разобраться, и другим помочь разобраться, в очень важной тактической задаче – что выгоднее для дела, чтобы наши организации работали отдельно, сохраняя дружественный нейтралитет и независимость политических суждений, или связать их круговой порукой?

Ну вот, много написала. Да, еще два слова. Знаете ли Вы Б. П. Вышеславцева? Если Вы даже лично его не знаете, но одобряете его как писателя и мыслителя, напишите ему несколько слов в связи с его двумя последними книгами о марксизме (1313). Он тяжело, очень тяжело болен. Я часто огорчаюсь, что мы ждем первой панихиды, чтобы показать, что мы человека уважаем.

Всего хорошего.
С искренней преданностью
Ариадна Вильямс

Адрес: B.Vycheslavzeff. Chemin de Roches 2. Geneva

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись с рукописной припиской.

Н. А. Цурикову

1.X.[19]53

Дорогой Николай Алексеевич*,

Только что прочла свеженькую брошюру Ам[ериканского] ком[итета], где говорится о «политической структуре России, Украины, Кавказа, Средней Азии и других составных частей нынешнего Советского Союза». Как видите, уже отрезали от России составные части. Пока только на бумаге. Да и вообще эта авантюра вряд ли так пойдет, как разделителям мечтается. Но и мы обязаны находить от-

* Очевидная опечатка, следует читать – Николай Александрович.

ветные слова. Поэтому я обращаюсь к Вам с большой просьбой: не можете ли Вы прислать мне цитаты из Розенберга (1314), а также и других видных наци, где они излагают свою политику раздела России. М[ожет] б[ыть], существуют русские статьи, где это изложено. Я совсем не следила за немецкой литературой, поэтому если Вы можете указать точное название книги Розенберга или его единомышленников, где это особенно четко изложено, пожалуйста, пришлите мне эту справку. Я беспокою Вас, п[отому] ч[то] это ведь наша общая работа. Надо показать, что американская политика, которая в заявлениях Ам[ериканского] ком[итета] высказывается все с большей ясностью, есть повторение политики Гитлера, и затем напомнить, как это привело к его крушению. Все должно быть коротко, сжато. Но цитаты надо искать неотразимые. Из этого мы сделаем короткую записку по-английски. Длинных влиятельные политики читать не любят. Но пока это не будет отпечатано, пусть остается между нами. Всегда выгоднее не говорить заранее гоп.

Керенского не видала. Мне сказали, что он привез неприятное известие, что Лига перехватила в свои руки «Рус[скую] мысль». Надеюсь, что это шутка. Письмо Гегечкори (1315) препротивное. А сравнение Мельгунова с Марковым просто глупо.

Буду ждать от Вас справки. Мне не надо исчерпывающего изложения розенберговских идей, просто подбор нескольких наиболее циничных выражений и высказываний.

Всего хорошего

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

П. А. Муравьеву

X.23.[19]53

Многоуважаемый Петр Александрович,

Посылаю Вам текст обращения к представителям американского правительства и общественного мнения, выработанный Российским политическим комитетом в Нью-Йорке. Буду Вам признательна, если Вы, согласно моему разговору с Вами, передадите этот текст в понедельник на обсуждение Вашего совещания. Простите за неточность названия. М[ожет] б[ыть], правильнее было бы сказать на обсуждение здешнего отдела КЦАБ.

К нашему обращению уже присоединились: Общевоинский союз (Брюссель) (1316), Объединенное казачество (Нью-Йорк) (1317), Российское национальное объединение (Брюссель) (1318), Всероссийский комитет освобождения (Нью-Йорк) (1319). Обещана подпись Российского национального союза (Париж).

Очень важно, чтобы Ваша организация поддержала наше начинание. Разнообразие подписей лучший ответ на рассуждения Американского комитета о неспособности русских сообща защищать интересы России.

В понедельник вечером я дома. Если при обсуждении нашего предложения у Вас возникнут какие-нибудь вопросы, можем обсудить их по телефону. Мне думается, что текст в общих линиях совпадает и с вашей идеологией.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

С. П. Мельгунову

28.X.[19]53

Дорогой Сергей Петрович,

Прилагаемое обращение только что выработано Российским политическим комитетом в Нью-Йорке. Я пересылаю Вам копию в надежде, что и Вы как представитель старейшей послевоенной политической организации, «Союза борьбы», присоедините Вашу подпись к этому обращению, которое будет отпечатано по-английски и разослано в количестве нескольких тысяч экземпляров прежде всего американским конгрессменам и видным деятелям С[оединенных] Ш[татов], а, может быть, если развернемся, то будем распространять и в Европе. Но надо собрать подписи организаций. Пока у нас есть согласие Казачьего объединения (ген. Поляков (1320)), Российского национального объединения (Брюссель), Воинского союза (ген. Архангельский (1321)), Всероссийского комитета освобождения (Белосельский), Русского Национального союза (Париж). Всего с нашим Комитетом шесть организаций. Я веду переговоры со здешним объединением десяти организаций, чтобы и они присоединились. Тогда получится внушительное доказательство того, что есть у русских основные пункты, на которых они сходятся. Само собой разумеется, что мы не предлагаем никакого блока, а только данное заявление. Ныне все умы в тумане, и мы должны делать все, что можем, для того, чтобы его рассеять. Мы не предлагаем массового сбора подписей, только подписи председателей обществ. Вероятно, Вас не особенно привлекает имя Белосельского. Я сначала крепко над этим задумалась, но потом согласилась с тем, что получить подпись крайних правых под заявлением, текст которого я нахожу для широкого круга приемлемым, полезно. Сам Белосельский очень добрый человек, исполненный благих намерений, но вокруг него, судя по тому, что мне рассказывают, пиявки и циники.

Буду ждать от Вас ответа и очень хочу, чтобы он был утвердительный.

Также жду от Вас ответа на мой запрос относительно помещения некоторых глав моих воспоминаний в «Возрождении». Я их сейчас пересматриваю.

Очень бы хотелось повидать Вас, потолковать об общем положении и о том, как мы, русские, можем и должны включаться в происходящую борьбу. Для меня главная особенность сегодняшнего момента в том, что после десятилетий цацканья с коммунистами с ними началась общечеловеческая борьба. К несчастью, они за эти годы расползлись по свету, как чумные бациллы. Когда-то русские врачи были единственными, которые знали как бороться с тифом. Вот и сейчас есть у нас, русских, более точные знания о красных. И даже у иностранцев немного растет желание к нам прислушаться.

Привет Прасковье Евгеньевне [Мельгуновой]

[Обращение]

Американские граждане русского происхождения совместно с эмигрантами из СССР считают своим долгом довести до сведения правительства Соединенных Штатов нижеследующие факты и соображения:

1. Всякие конференции и переговоры с представителями СССР идут лишь на пользу мирового коммунизма. Коммунисты видят в них доказательство слабости и нерешительности свободного мира и его неподготовленности к борьбе.

2. Нет ни одного соглашения или договора, заключенного с коммунистами, которое не было бы уже ими нарушено или которое они не готовы были бы нарушить в любой момент, если это будет выгодно им.

3. Русский народ – первая жертва коммунизма, а никак не опора коммунизма, а потому является самым лучшим и надежным союзником свободного мира в борьбе против мирового коммунизма.

4. Чтобы заслужить доверие русского народа и обеспечить его помощь свободному миру в предстоящей борьбе, нужно понять и признать существование глубокого, прирожденного патриотизма этого народа, гордости его великим историческим прошлым и способности государственно мыслить. Народный инстинкт и сознание необходимости сохранить целость и независимость государства является основой более чем тысячелетнего существования России.

5. Американский комитет освобождения от большевизма потерпел полную неудачу в своей, по существу, нужной работе только потому, что стал на совершенно неприемлемую позицию, стараясь соединить в одной организации врагов большевизма с врагами исторической России – шовинистами-сепаратистами, которые представляют лишь самый ничтожный по количеству и качеству элемент эмиграции и совершенно не представляют страдающий народ в самой России.

Кроме того, Американский комитет имеет своими главными советниками и сотрудниками преимущественно марксистов и социали-

стов, не имеющих никакого веса и авторитета ни среди эмиграции, ни тем более в России, где марксизм окончательно дискредитировал себя в глазах народа за 36 лет своего господства там.

6. Недавно опубликованное заявление Американского комитета о невозможности объединить русскую эмиграцию является по существу своему совершенно ложным, так как Американский комитет с большинством русской эмиграции никогда дела не имел, совершенно это большинство игнорировал и был своими лже-экспертами из марксистского лагеря систематически вводим в заблуждение и ложно информирован.

7. Эмиграция из России естественно принадлежит к разным организациям, в зависимости от своих политических убеждений.

Но в одном она едина и готова выступить дружным общим фронтом против врага всего свободного мира – против интернационального коммунизма. Все мы едины в этой части нашей политической идеологии, которая категорически настаивает на необходимости уничтожения коммунизма при одновременном сохранении целости и единства государства.

Все мы требуем, чтобы никакое государство и никакая политическая партия не пытались навязывать России силой тот или иной политический строй и не решали русских дел за границей, на чужой территории.

В этом вопросе мы настаиваем на суверенности российских граждан, которые вынесут свое решение у себя дома после освобождения от коммунистического рабства.

Нижеподписавшиеся представители российских организаций за рубежом, Объединенного воинства и казачества выражают свою веру и надежду на то, что правительство Соединенных Штатов проявит необходимую мудрость и решимость для пересмотра и исправления той политической линии в русском вопросе, которая одна может и должна предотвратить катастрофу, нависшую над всем свободным миром.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись.

Редактору «The New York Times» (1322)

October 29.1953
The Editor «The New York Times»
Times Square, New York
Mrs Ariadna Tyrkova-Williams
200 W.38th Street New York 19

Sir,

In your issue of October 25th Mr. Drew Middleton (1323), in his dispatch from London, analyzing the advantages the Soviets can obtain from

a conference with the Western statesmen, says: "The strategic objective of world communism led at the moment by Russian communism, remains what it was under Stalin: establishment of communist – that is Russian – world domination". His judgment about the communist aim is absolutely right, but to identify the wishes of the Soviet Government with those of the Russian people is both wrong and dangerous.

The communists keep under their merciless domination Poland, Hungary, Bulgaria, Rumania, Czechoslovakia, East Germany, not to mention certain Asiatic countries, but the population of these states has never been identified with its conquerors. It would be fair to make the same distinction in the case of the Russian people, the first victim of the communists. They established their power over Russia by fraud and violence, and maintain it by terrors.

Since the election at the end of 1917, to the Constituent Assembly, dispersed by the communists, there have never been free election in Russia of any kind.

Millions of people executed, dead, in exile, in camps, in prisons, testify better than any arguments to the fact that communism is the first enemy of the Russians. For all these 36 years there has been a struggle against the Soviet Government in Russia. With the White Armies, with many peasants' revolts it was a sporadic hot war. Beside it there is a permanent latent cold war between the population and the Soviet Government.

The West should strive to understand the anti-communist mentality of these hidden silent enemies of the Soviet Government. A human approach to them is needed. The task is difficult but urgent and should not be made more difficult by such grave errors as the offensive identification of the Russians with their communist rulers. It is humiliating to identify a victim with torturer.

The world wide danger of communism is everyday reaffirmed by Soviet deeds. The struggle is going on. To get the confidence of the Russian people ought to be an essential element in an efficient strategy. The support of the Russians is very important in this struggle. They are the decisive force.

Октябрь 29. 1953
Редактору «Нью-Йорк Таймс»
Таймс-сквер, Нью-Йорк

Миссис Ариадна Тыркова-Вильямс
200 В 38-я стрит, Нью-Йорк, 19

Сэр,

В Вашем номере от 25 октября г-н Дрю Миддлтон (1323) в своей телеграмме из Лондона, анализируя выгоды, которые Советы могут извлечь из конференции с западными государственными деятелями, пишет: «Стратегическая цель мирового коммунизма, ведомого в настоящий момент русским коммунизмом, остается такой же, как и при

Сталине – установить коммунистическое – то есть русское – мировое господство». Его суждение о цели коммунистов абсолютно верно, однако объединять желания советского правительства и русского народа в равной степени неправильно и опасно.

Коммунисты держат под своим безжалостным контролем Польшу, Венгрию, Болгарию, Румынию, Чехословакию, Восточную Германию, не говоря уже о некоторых азиатских странах, но население этих стран никогда не идентифицировалось со своими завоевателями. Было бы справедливым провести такое же разграничение и в случае с русским народом, как первой жертвы коммунистов. Они установили свою власть над Россией путем обмана и насилия и поддерживают ее террором.

С конца 1917 г., со времени выборов в Учредительное Собрание, разогнанное коммунистами, в России никогда более не проходило свободных выборов.

Миллионы казненных, умерших, сосланных, томящихся в лагерях, в тюрьмах являются лучшим доказательством того, что коммунизм – первый враг русских. На протяжении всех этих 36 лет в России идет борьба с советским правительством. Белые армии, многочисленные крестьянские восстания периодически превращали эту борьбу в открытые военные действия. Кроме того, идет постоянная скрытая холодная война народа с советским правительством.

Запад должен постараться понять антикоммунистический настрой этих скрытых молчаливых врагов советского правительства. К ним необходимо проявлять гуманный подход. Задача трудна, но неотложна, и ее не следует усложнять такими печальными ошибками, как оскорбительное отождествление русского народа с его коммунистическими правителями. Это унизительно – отождествлять жертву с палачом.

Общемировая опасность коммунизма ежедневно подтверждается действиями Советов. Идет борьба. Завоевание доверия русского народа должно стать важным элементом эффективной стратегии. Поддержка русских очень важна в этой борьбе. Они – определяющая сила.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

В. Ф. Зееелеру

19.XI.[19]53

Дорогой Владимир Феофилыч,

Получила Ваше вопиющие письмо. Пыталась повидать адмирала Стивенса (1324), которого никогда не видела. Он меня спустил к Ст. Вильямсу. Сейчас говорила с ним по телефону. Он уверяет, что дело двигается, что недели через две договор должен быть подписан,

что он в этом смысле телеграфировал инструкцию их адвокату (я не поняла мюнхенскому или парижскому). Уверяет, что задержка вышла из-за смерти Лазаревского, что они боятся, что его акции попадут к «просоветским людям или к другим нежелательным акционерам», но что теперь их адвокат нашел форму, ограждающую от таких неудобств. По-моему, если Вы знаете, как найти их адвоката, надо, на основании моего телефонного разговора, опять на него насесть. Вильямс мне называл Мюллера и <фам. нрзб.> как состоящих на службе Ам[ериканского] ком[итета]. Я просила его держать меня в курсе. Он обещал, а главное клялся, что они от всей души стремятся дать Русской Мысли деньги, что они очень уважают Вашу газету и считают необходимым деньги вам дать. Это не заем, а судя по его телефонному бормотанию, безвозвратная ссуда.

Вот все, что я пока могла сделать. Признаюсь, я не очень ему верю. Хотя зачем ему было бы так настойчиво меня убеждать, что деньги будут даны и в самом ближайшем времени.

Статью для Вас в ближайшее время напишу. Сейчас занята подбором отдельных глав воспоминаний для Мельгунова. Он хочет их опять в Возрождении печатать. А мне, кстати, как-то не очень хочется писать о политике. Ныне все умы в тумане.

Всего хорошего

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Копия.

1954

М. М. Вольфу (1325)

[1954]
Marc Wolff Esq.

Дорогой Марк Михайлович,

По старому нашему и дружеств[енному] знакомству позволяю себе обратиться к Вам за советом.

Я сейчас числюсь как resident in The US*. Мне Bank of England** разрешает получать только £ 250 в год. Прожить на это невозможно, и большая доля моего содержания падает на сына. А у Аркадия и без меня немало расходов. Поэтому первый мой вопрос – нельзя ли найти доводы, ч[то]б[ы] получить от B[ank] of England разрешение увеличить годовую ассигновку или хотя бы получить единовременную сумму? Ведь мне 84 г. Это дает мне право на чей-то оплаченный уход. Между нами будь сказано, сейчас я в нем не нуждаюсь, но в мои годы

---

* Резидент в США *(англ.)*.

** Банк Англии *(англ.)*.

всего можно ожидать, а Англия, мне думается, не пострадает, если мне выдадут 100 или 150 лишних фунтов собственных моих денег.

Второй вопрос касается тех денег, кот[орые] у меня постепенно копятся на моем счете в W[estminster] B[ank], когда «Times» ежемесячно вносит мою пенсию. У меня здесь составлено завещание, согласно кот[орому] после моей смерти все должно быть разделено поровну между моими сыном и дочерью. Это касается прежде всего моего литер[атурного] наследства, т. к. другого имущества ни в С[оединенных] Ш[татах], ни в другом месте у меня нет, кроме тех денег, кот[орые] нарастают в W[estminster] B[ank]. Я не знаю, насколько сложна процедура ввода в насле[дство], когда один наследник в Англии, другой в С[оединенных] Ш[татах]. В завещании I nominate my rev(enue) executor under this my will*. Так как Соня живет в Англии, м[ожет] б[ыть], выгоднее приписать к завещанию, что я оставляю ей все, что накопится на моем счету. А они между собой потом по-семейному разбер[утся]. Я, конечно, не могу указать размера этой суммы, она зависит от того, сколько я еще проживу.

Буду Вам крайне признательна за совет. Здешний, тоже русский, адвокат, кот[орый] составил мое завещание, англ[ийских] законов не знает, вот и приходится Вас беспокоить.

Как Вам живется? Как дочка? Мы к здешней жизни приспособились, но об Европе не можем временами не вздыхать. Соня, вероятно, Вам говорила, что Ар[кадий] раб[отает] в «Voice of [America]»**.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Б. П. и Н. Н. Вышеславцевым

5.I.[19]54

Дорогие друзья, вот и еще один год прибавился к уже длинной летописи нашей дружбы. Так хорошо помнятся первые наши встречи, под магнолиями и пальмами, и яркие беседы, и музыка Ковалева (1326) на разбитом пианино. Все это обрамляло изгнанничество если не цветами, то, скажем, какой-то дымкой, которая скрашивала действительность. И люди, и горы не давали мыслям и чувствам тускнеть. Я встречу с Ковалевым и Вами причисляю к моему запасу жизненных удач. И для Ксаны в этом списке есть место. В ней тоже бродит даровитость, жизненность. Жаль, что Берлин так далеко, я охотно бы с ней побеседовала. Вы спрашиваете, какой взять камертон для ответа оппонентам. Мне думается, что Вы без труда совместите остроту Со-

---

* Я определила мой доход, и мой душеприказчик поставил свою (подпись) под моим завещанием *(англ.)*.

** «Голос Америки» *(англ.)*.

ловьева (1327) с внутренней плавностью Платона (1328). Уже вышел номер «Нового журнала» со статьей Тимашева. Вероятно, есть и другие оппоненты. Всех и отщелкайте. Вопрос такой основной, что полемику можно широко развернуть. М[ожет] б[ыть], выгоднее всего Ваши соображения тоже в «Нов[ом] журнале» поместить. Но я прошу Вас подумать и обо мне. Мы в феврале думаем выпустить следующую публицистическую тетрадь, уже без информационного привеска. Очень хотела бы получить от Вас статью. Тему Вам предоставляю. Сейчас в правых кругах что-то носятся с «русским мессианством». Хотят учить весь мир. Что Вы об этом думаете? Я человек жадный, от Вас прошу не только статьи, но общих соображений. Какие темы Вы считаете необходимым в первую очередь выдвинуть. Наше издание политическое, но его публицистику хочется поднять выше газетного мелькания. Вы, вероятно, согласитесь со мной, что сейчас нет центральной идеологии. Т. е. она существует в русских умах, но в распыленном виде. Вот и хочется ее кристаллизовать. Тут Вы можете огромную услугу оказать. Я понимаю Ваше раздражение против духовенства, но не хочу так ему поддаваться, как Вы. Иоанн Кронштадтский в дневнике напоминает, что священнику на обедне сослужат ангелы. А я от себя прибавлю – даже если священник бывает нетрезв, как нередко бывало в старые времена. Теперь пьянства нет, но других огорчений от них немало. В октябре собор архиепископов чуть не провозгласил канонизацию о. Иоанна Кронш[тадтского]. Только решительное заявление митр. Анастасия, что он уйдет на покой, если они примут такое постановление, но своей подписи не даст, удержало от этого соблазна. Если бы меня спросил ищущий человек, от кого получить наставления для присоединения к православию, я, кроме митр. Владимира, никого не могла бы назвать. А в то же время, с каждым годом я все крепче, все бездумнее держусь за церковь. И та политическая деятельность, около которой приходится топтаться, все меньше меня удовлетворяет. Не знаю, попадались ли Вам строчки из авт[обиографии] Блока, где он говорит, что когда писал «12», физически слышал шум, как от крушения стонал мир. Я врать не стану – физически я этого гуда не слышу, но умственно часто ощущаю, что космический ритм человеческой, м[ожет] б[ыть], и не только человеческой, жизни изменился. Но это не снимает с меня солдатской службы. У солдат ружье, у нас перо. Никуда не податься.

Эту осень мне, а также и Борманам, очень скрасила Дина. Ее в сентябре выписали в Об[ъединенные] Нации. Она внесла в нашу рабочую жизнь молодой смех и движение. Перед вами обоими она, вероятно, сворачивалась. Она очень застенчива. Ну, а с нами болтала и острила вовсю. Но ее поколению нелегко найти просторную и интересную жизнь. Особенно это трудно для думающей русской девушки. В тургеневские времена была романтика, а теперь кинема. На будущей неделе Дина уезжает, и мы уже скулим. А Наташа с мужем и трехлетней

Катюшей живут под Бостоном. Не сразу доберешься. Я эти дни готовлю небольшую статью о советском издании Пушкина и наслаждаюсь черновиками и вариантами. Праздник души. Вот я сколько вам наболтала <обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Копия.

С. П. Мельгунову

9.I.[19]54

Дорогой Сергей Петрович,

Ваши скверные новости меня, конечно, огорчили, как сотрудницу Возрождения и как Вашу приятельницу. Ваш уход из редакторов особенно. Мы с Вами часто и обо многом спорили вплоть до того, надо ли было печатать некоторых политических вертихвостов, хотя бы они и притворялись беллетристами. Но это уже прошлое. А в общем, Вы давали мне ценную, по нынешним временам редкую, уверенность, что на Елисейских Полях сидит редактор благожелательный к достаточно застуканной судьбой русской писательской братии. Спасибо Вам, не столько даже за себя, сколько за следующие поколения. Вы знаете, что мое отношение к Вашей работе с американцами сложнее и, скажу откровенно, суровее. Я сознательно воздерживалась критиковать Вас в печати, п[отому] ч[то] считала и продолжаю считать сотрудничество с американцами важной задачей и не хотела Вам мешать. Но Вы недостаточно подчеркивали, что не только амер[иканцы] нужны русским, но русские еще в большей степени нужны американцам. Но и в подходе к нац[иональному] вопросу я с Вами расхожусь. Все же я считаю, что Вы – прибавлю и Прасковья Евгеньевна [Мельгунова], – недавно распинались между Парижем и Мюнхеном. Все эти переговоры, заседания, постановления, контррешения, так раздражавшие думающих русских людей, помогли многое выявить, уточнили политические разногласия, там, где их нельзя сгладить, помогли единомышленникам понять друг друга. А, кроме того, около Ваших совещаний и собраний люди начали узнавать друг друга, что в нынешней русской неразберихе тоже задача очень важная. Я надеюсь, что Вы уже давно составили для себя список как тех, с кем можно работать, так и тех, от кого надо держаться как можно дальше. Я не шучу. Это одна из практических задач, которую эмиграция должна выполнить.

Вы спрашиваете, как быть с редакционным портфелем. Мне думается, что сами авторы должны это решить, после того как выяснится, кому же Гукасов передает «Возрождение». В старые времена уходили коллективно, но по мотивам политическим. Вы мне в письме не объяснили, на чем и в какой форме произошло у Вас с Гукасовым столкновение, из-за которого Вы отказались от дальнейшего редактирова-

ния Возрождения. Но, по-видимому, тут дело не в политике, а, скорее, в столкновениях характеров. Буду ждать от Вас дальнейших сведений. Ведь не исключено, что это у Вас с Гукасовым <обрыв текста>. Им нужны покладистые «чего-изволите». А Гукасов практик, цену русским людям знает и понимает, что Мейером (1329) Вас не заменишь.

Все это невесело, но у Вас должно быть сознание, что за эти годы Вы не сидели сложа руки. В смутные годы особенно ищут люди того, кому можно доверять, кто думает о России, а не о своих маленьких честолюбивых или корыстолюбивых делишках. И я всегда, с величайшим чувством удовлетворения слушала, с каким уважением произносится Ваше имя. А ведь русские любят, что называется, распушить и в глаза и заглазно.

Всего хорошего. Привет П[расковье] Е[вгеньевне Мельгуновой].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

В. Ф. Зеелеру

7.II.[19]54

Дорогой Владимир Феофилович,

Прежде всего прошу Вас и других поздравителей, которые прислали мне дружеское приветствие по случаю наползающей на меня дряхлости, принять мою искреннюю благодарность. Я была тронута, а вот собраться ответить никак не могла. Спасибо.

Остальная часть письма уже только для Вас. Видела я на днях Дон Левина и Лайонса, и они мне обещали навести справки насчет денег из Ам[ериканского] ком[итета] для «Русской мысли». Оба они там влиятельные люди. Но оказалось, что оба ничего не знают. Я совсем не уверена, что из нашего разговора что-нибудь выйдет, но очень прошу Вас сообщить мне, на чем все дело остановилось. А также прошу высказать Ваше личное мнение о пригодности или непригодности Ам[ериканского] к[омитета] для русского дела. Мы тут вроде как петушимся, обвиняем их в том, что они, игнорируя разумных русских, все построили на марксистах. Они отбиваются – какие у нас марксисты. – Мы: «А Николаевский?» – Они: «Да он и в Ам[ериканском] к[омитете] не состоит и никакого влияния не имеет». Вот и разбери. Оттого и хочу услыхать Ваш веский голос. Еще прибавлю, что мои надежные информаторы мне доложили, что своими ушами слышали от крупного чиновника в Вашингтоне, что Ник[олаевский] – один из главных советников по русскому вопросу.

Что происходит в «Возрождении»? Если Вы знаете, на чем С. П. [Мельгунов] расплевался с Аб[рамом] Ос[иповичем Гукасовым],

напишите. Я от С. П. [Мельгунова] получила по этому поводу два невразумительных письма. А стороной пришел слушок, что редактором может стать Померанцев (1330). Час от часу не легче. Как беллетрист он плохой список с грязненького Газданова (1331). Как публицист еще большее недоразумение. Почему «Р[усская] м[ысль]» чуть не в каждом номере печатает его государственные мысли. Я прочла его <1 нрзб.> непонимания. Это же настоящий Царевококшайск, глубочайшая невежественная провинция, читающая нотации мировым политикам. Не знаю когда он неприятнее, когда пишет об иностранцах, или когда о России. Мне второе еще менее вкусным кажется. Как можно утверждать, что у советского человека душа совсем другая. Слишком вежливо ему отвечает Водов. Или тоже считает его одним из «лучших русских людей». Не удивляйтесь, что я сержусь. Мне неприятно, что на страницах «Р[усской] м[ысли]» печатается такая высокомерная чепуха. И всех поучает. А кто же сам, старый или новый эмигрант? Завтра пошлю Вам отзыв о книге Лайонса. Вышло длинно <1 нрзб.>, но все-таки хорошо бы напечатать в одном номере. Все собираюсь писать Вам чаще, но сил не прибавляется, а политика здесь больше тормошит, чем это было во Франции. Вот об этом и постараюсь написать.

Как внучка? Кланяйтесь ей от меня. Если ей еще нет 15 лет и Вам трудно справляться с расходами на ее учение и содержание, пришлите мне неофициальную справку об ее успехах и способностях, а также о более насущных потребностях. М[ожет] б[ыть], я что-нибудь в здешнем Детском комитете сумею устроить.

Всего хорошего. У вас еще кто-то вошел в члены редакции? Как Вы вообще справляетесь?

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

А. О. Гукасову

5.III.[19]54

Глубокоуважаемый Абрам Осипович,

Вчера только что отправила Вам статью, стали звонить мои новые знакомцы, ДиПи. Они очень скептически отнеслись к рассказам Бригиты Герланд (1332). Подозревают, что это советская дезинформация, с ее стороны, м[ожет] б[ыть], невольная. Поэтому я снимаю все, что она пишет о забастовке в лагерях, но совсем с ней расстаться мне жаль. Все же, если до Вас дойдут сведения, подтверждающие неосновательность ее информации, очень прошу Вас просто вычеркнуть все, что касается Воркуты.

Простите, что Вас затрудняю, но приходится ходить осторожно около всего, что доносится или что приносят нам оттуда.

С искренним уважением

Жду от Вас обещанного в телеграмме draft'a*.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись. Копия.

В. С. Франку

8.III.[19]54

Дорогой Виктор Семеныч,

Я случайно узнала, что Вы в Нью-Йорке, и сразу стала звонить во все стороны, чтобы Вас разыскать. Из Американского комитета мне сказали, что Вы в Вашингтоне, но в среду возвращаетесь. Очень прошу по возвращении позвонить мне, чтобы сговориться, когда Вы могли бы ко мне заехать.

Я как раз собиралась отвечать Вашей матери, по поводу ее планов издать сборник памяти С. Л. [Франка] и его статьи. Из разговора с Вами мне много станет яснее.

Кроме того, Вы сейчас занимаете такое ответственное место, что я уверена, что из разговора с Вами для меня многое станет яснее и в радиостанции «Освобождения». Живем слухами, часто и неточными и недоброжелательными.

Словом, очень прошу выкроить для меня время. Я домоседка. Утром, до двенадцати, иногда выхожу. Потом можете и звонить, и время назначить, когда Вам будет удобнее меня навестить.

Всего хорошего.
С искренним уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Письмо Б. П. Вышеславцеву

24 марта 1954 г.

Дорогой Борис Петрович,

Очень счастлива, что Вы вернулись к работе. Рада за Вас и за Ваших читателей, из них первая есмь аз. Дай Вам Бог набираться сил. Это очень хорошая мысль издать сборник статей. Это даст Вам возможность дать весь ход мыслей за многие годы. Насчет Чеховского изд[ательства] не так легко давать практические советы. Это темный лабиринт, в который я не вхожа. Я совершенно не знаю, кому даются рукописи для прочтения. Думаю, что это происходит случайно, без особых мудростей. У них вообще мудрость и не ночевала, чему сви-

---

* Набросок, проект *(англ.)*.

детельство изданная ими книжная мешанина. Формально рукописи читают Терентьева или Александрова. Подручным у них солидарист Самарин. Старший над ними, вреден, невидим, недоступен. К русской литературе отношения никогда не имел. Как и Терентьева. Она приветливая, улыбчивая. Первый ее муж, американский руссовед проф. Мозлей (1333), до сих пор сохранил затаенную снисходительность к советским уклонам. В ней, я думаю, этого нет. Вообще никакого содержания, никаких мыслей в ней нет. Просто полная дама, довольная своим положением и тем, что к ней выжидательно жмутся прозаики и поэты – а вдруг пропихну книжку. Александрова та определенная эсдецка. Не кусается, скорее, улыбается, но как не порадеть родному человечку. Крен налево в ней не изжит. Планте (1334) та просто американка по хозяйственной части. Но не поручусь, что в их синклите и она может иметь голос о русских рукописях, вроде как я бы сейчас о китайских стала судачить. Но вся эта компашка должна считаться с указаниями, идущими от Фордовского фонда. Это уже доброжелательное американское в русских делах невежество. Там на каких-то аптекарских весах рассчитывают, сколько должно быть издано книг о религии, сколько о других вопросах, отсчитывают авторов по возрасту, старая и новая эмиграция, ну и так далее. Я Вам откровенно – и под большим секретом – описываю свойства редакционной коллегии, но по существу я очень рада, что такое учреждение, полное недостатков, все-таки существует. К Вам они относятся с большим почтением, чувствуют, что за Вами твердо стоит широкое, а в особенности избранное, читательское почтение. Думаю, что и отношение к Вам Карповича на них действует. Я не очень понимаю, почему он советует Вам писать Терентьевой. По-моему, Вера Александровна Александрова старшая. Она журналистка, критик. Пишет плохо, но много и бойко. Пошлите Ваш подробный проект ей. А Карповича все-таки известите, даже пошлите ему копию. Если Вы Планте еще не ответили на ее письма, где она обещала внимательно отнестись к Вашей рукописи, сообщите ей, что послали. Но, конечно, нет никакой нужды для нее переводить Ваш синопсис. Не ее ума дело. Вот Вам мои деловые соображения. Прибавлю, что чем скорее Вы вступите с ними в переписку, тем лучше. У них какие-то списки, очереди. Надо в них попасть.

Теперь хочу написать о другом деле. После того как Мельгунов стремительно выскочил из «Возрождения», у меня завелась переписка с Гукасовым. Он хочет продолжать журнал, и я считаю необходимым его по мере сил поддержать. Я ему обещала в каждую тетрадь давать политическую статью. Мы с ним в письмах обсуждаем возможных сотрудников. Людей мало. До сих пор не найден редактор. Это неудобно и для журнала и для сотрудников. Могут такое загнуть, что придется распрощаться. Хотя сам Гукасов политически рассуждает более здраво, чем Мельгунов, да и в литературе разбирается лучше,

что, впрочем, нетрудно. Все же следует придумать редактора. Может быть, Вы кого-нибудь подскажите. Подумайте также, кого было бы полезно привлечь в сотрудники. Надеюсь, что Вы разрешите мне дать Ваше имя в числе сотрудников.

До сих пор русские писатели не баловали Гукасова, да и он их не баловал. Получалась странная картина. Человек тратил большие деньги на печать, а на него огрызались, почему не тратит больше. Говорят, он скуп. Может быть. Но все-таки сколько за тридцать лет истратил он на газету и журналы. Вот я и хочу ему, а еще, точнее говоря, «Возрождению», помочь. Нельзя же нам стать глухонемыми.

Письмо мое разрослось, но мне хочется откликнуться еще на Ваши мысли о попутчиках и о прочих соблазненных. Тут и снобизм, и с жиру бесятся, и реальное беспокойство о неустройстве мира, и застарелая привычка поносить капитализм. На днях у меня произошла стычка с С. С. Верховским. Он стал ругать американских капиталистов. Экономически говорил пустяки. Я сказала, что советский опыт показывает, что социализм дает худшие результаты. Он резко, почти злобно, сказал мне, что это демагогия. Вот Вам, русский, выученник православной академии, оказался лишенным острого сознания марксизма, как абсолютного зла, которое, казалось бы, должно нами руководить (не зло, а сознание). Меня вообще смущают пути и перепутья русской мысли. Верховский рассуждает как эпигон радикальной интеллигенции. На каких корнях она выросла. Я читаю Чаадаева (1335) и не могу понять, почему этот человек имел такое влияние на многих выдающихся современников. Или это одна из многих легенд, которыми, как гвоздями, утыкан путь к исторической справедливости. Вы хотите от меня узнать об Америке. Я ее не знаю, но для Вашего развлечения как-нибудь напишу. Хотите, пришлю Вам мою статью о книге Лайонса. В ней отчасти ответ на Ваш вопрос. А вообще мы не можем успокаиваться на том, что коммунизанты дураки или подлецы. То, что в Париже 73 патера заговорили как марксисты, показывает, что наступательную идейную борьбу следует вести полным ходом. Н[аталью] Н[иколаевну Вышеславцеву] целую и радуюсь за нее, что отлегла от сердца острая тревога о Вашем здоровье.

Если согласны дать Ваше имя, м[ожет] б[ыть], сразу и статью пообещаете.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Копия.

С. П. Мельгунову

8.IV.[19]54

Дорогой Сергей Петрович,

Давно должна была написать Вам. Да часы бегут и не успеваю со многим справиться. Прежде всего отвечу на Ваш вопрос, как

мне его передал Керенский. Никаких договоров или сближений с Ам[ериканским] ком[итетом] у нас не было. Ни они нам, ни мы им ничего не предлагали. Были встречи и разговоры, которые, скорее, подтверждали, что мы не случайно остались в стороне от них. Лайонс и Дон Левин, сначала сердито, потом спокойно, уговаривали нас не подавать меморандумов о них в Вашингтоне. Мы ничего не обещали. Но т. к. Дрейер (1336) сказал, что они готовят какой-то призыв к эмиграции, мы придержали резвость молодых наших сочленов, главных ездоков в Вашингтон. Теперь обращение оглашено. Гора родила даже не мышь, а какую-то чепуху. Весь тон неприличный. Как сказал кто-то – даже Гитлер так с русской эмиграцией не разговаривал. Это диктат, а не договор с равными. Я очень надеюсь, что русские организации дадут соответствующий отпор. Но сейчас мне рассказали, что в совещании 14 организаций, так же как и в Вашей группе, царит разногласие. Я звонила Керенскому. Он жалуется, что Вы все разбросаны, трудно сговариваться. А мне думается, что прежде всего надо вожакам иметь определенное суждение. Конечно, нельзя, чтобы все шарахнулись от Ам[ериканского] ком[итета]. Но надо им пояснить, что условия, кот[орые] они ставят, годятся для вольнонаемных сотрудников, а не для ответственных общественных организаций, кот[орые] теряют всякую цену, если отдают за чечевичную похлебку свои свободные права. Ну, да Вы все это сами понимаете. Вопрос в том, чтобы заставить и американцев, и часть русских понять. Сегодня в «Новом русском слове» статья Петрова, кот[орый] призывает всех сплотиться с Ам[ериканским] ком[итетом]. Возможно, что и другие будут ему подтягивать.

Все это не весело. Тут в правительственных кругах крепко засели антирусские микробы. Украинцы завоевали себе позиции, чего русские не смогли, или не сумели сделать. Те же служащие Ам[ериканского] ком[итета] откровенно признают, что Добрянский ничего общего с Россией не имеет, ее не знает и знать не хочет, но прибавляют, что украинцев он около себя собрал, а русские распылены. Это правда. Мы можем найти для своей дезорганизованности объяснения, оправдания, но горький факт налицо.

Еще два слова о «Возрождении». В ближайшем номере есть моя статья. Я и вперед их обещала им давать. При нашей бедности надо держаться за существующие органы печати, сделать все, ч[то]б[ы] они не умирали. Говорю это не в упрек Вам. Раз Вы не выдержали, значит, надо было отойти. Все-таки это было Ваше детище, в которое Вы так много вложили. Заменить Вас нелегко. Но и создавать на голом эмигрантском поле другой журнал вряд ли кому-нибудь сейчас по силам. Как сложится редакционная часть, я еще себе не представляю и даже не вижу кого бы рекомендовать в редактора. Да и не знаю я парижан. Зайцев отказался. Очевидно, пока журнал будет идти со случайными рулевыми. Кто знает, надолго ли хватит такого курса.

Возвращаясь к политике, скажу еще, что мало кто понимает здесь все значение именно России, государства российского в нынешней борьбе. В госуд[арственном] департ[аменте] слепцы воображают, что холодной, а если придется, то и горячей войной следует пользоваться для того, чтобы раскромсать Россию на куски. Отсюда и тот Ам[ериканский] ком[итет] использовать [в] вынужденный и, надеюсь, короткий перерыв в работе, чтобы набраться сил для будущего этапа.

Передайте мой привет Прасковье Евгеньевне [Мельгуновой]. Вы оба должны <обрыв текста>.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись.

Н. А. Цурикову

29.V.[19]54

Дорогой Николай Александрович,

Я не только не в претензии на Вас за Вашу открытку, а очень рада услыхать Ваши откровенные замечания и даже укоры за выпущенное РПК обращение Сергиевского к Американскому комитету. Не все в нем и меня удовлетворяет. Колебалась я и в том, нужно ли нам вообще ввязываться в эту не к нам обращенную преамбулу. Но должна сказать, что мне доставило удовлетворение высказать, наконец вслух, в печати, те основные возражения против Ам[ериканского] ком[итета], которые до сих пор отдельные члены нашего РПК излагали в Вашингтоне отдельным членам администрации и политикам, вроде как при закрытых дверях. Я прошла школу открытой общественности и предпочитаю нападать с открытым забралом. При личных встречах с Дон Левин и Лайонсом, когда они спрашивали, почему мы на них нападаем, я пояснила – п[отому] ч[то] вы поощряете сепаратистов и социалистов. Для меня в этих двух вопросах заключается главная опасность амер[иканской] политики, не столько для будущего устройства России, кот[орая] вряд ли будет зависеть от американцев, сколько для успеха борьбы против коммунистов, которая в любую минуту может превратиться в войну. Я не могу себе представить, что русский народ станет на сторону тех, кто поощряет национальные дробления. Если КЦАБ снова наладит сотрудничество с Ам[ериканским] к[омитетом] – что было бы очень полезно, – то ему следует отбиваться от безответственной склонности Ам[ериканского] ком[итета] поддерживать все национальности. Я убеждена, что чем чаще русские организации будут напоминать американцам, что социализм в России изжит и никому не нужен, что Россия, именно Россия, не Советы, будет изо всех сил отбиваться, если ее попытаются расстричь на кусочки, тем будет полезнее для всех и вся.

Теперь относительно упоминания имени С. П. М[ельгунова]. Я плохо разобрала Вашу фразу о том, что мы его третировали. Не вижу, чем мы проявили неуважением к нему? Почему он стал обижаться, когда его называют народником-социалистом? Я сама много раз слышала от него, что он народник-социалист. Не помню никакого его публичного заявления, что он перестал им быть. В письме в «Новое русское слово» он говорит, что в природе не существует группы народных социалистов. Но остался ли он сам им, из письма не поймешь. Если бы мне могло прийти в голову, что название социалиста его обидит, я настояла бы на том, чтобы его имени не упоминали. Я вообще на старости лет стараюсь никого не обижать, а тем более людей, которых я уважаю, причисляю к тому же военному лагерю антикоммунистическому, от которого и я до сих пор не отставлена.

Ведь мы вроде как в Диен-Биен-Фу (1337). Мы окружены вражескими полчищами. Порой бывает просто страшно. И горько думать, что даже в борьбе идей коммунисты несравненно более планомерно и систематически организованы, чем мы. Я твердо знаю, что Божья благодать с нами, что врата адовы Ее не одолеют. Но как медленно расстилается Истина, как победоносно разворачивается Ложь. Знаете, я приписываю многие слабости и заблуждения С. П. [Мельгунова] тому, что он неизлечимо неверующий.

Я искала Вашу рукопись и не нашла. Буду еще искать. Никаких сборников мы не издаем. Денег нет.

Еще раз спасибо, что дали мне возможность написать Вам несколько слов по существу о том, что меня волнует, как и Вас.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

Н. А. Цурикову

30.V.[1954]
(вдогонку)

Дорогой Н[иколай] А[лександрович]. Забыла попросить Вас никому не передавать того, что я писала во вчерашнем моем письме к Вам относительно встречи членов РПК с разными офиц[иальными] лицами в Вашингтоне. Это внутренние комитетские дела, и я очень прошу ни с кем этими сведениями не делиться.

Сейчас с отвращением прочла в РНС новые данные об участниках убийства на Кубе. Надеюсь, что это и С. П. [Мельгунова] заставит пустить в ход его привычку разбираться в подпольных мерзавцах и преступниках. Ужасно все это и противно. Всего хорошего. Жаль, что Вы так далеко, обо многом хотелось бы именно с Вами поговорить.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

В. Ф. Зеелеру

20.VI.[19]54

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Феофилыч,

От всего сердца поздравляю Вас с крупной отметинкой на Вашем жизненном пути. 80 лет прожить не поле прейти. Особенно когда история беснуется. Нелегко человеку, как Вы, с острым чувством моральной круговой ответственности, с общественным темпераментом, требующим проявления, наметить сразу, как и где приложить эти Богом данные свойства. Но Ваш ясный, пытливый, хорошо сдобренный юмором ум помог Вам сразу определить принципы и идеалы, отвечающие Вашим понятиям о нуждах России и Вашим личным морально-политическим запросам.

Отбиваясь от дуаров (1338) слева и справа, Вы, сквозь малые и великие трудности, которые судьба послала нашему поколению, Вы никогда не теряли бодрости, всегда были готовы продолжать борьбу за свободу и счастье, и достоинство России. Таким я знала Вас в светлые дни, когда мы встречались на кадетских съездах в Петербурге, в темные дни Гражданской войны на Юге России, таким я Вас знаю и теперь, в годы изгнания, тяжкие и томительные. Как и многие Ваши современники, Вы многое передумали, пересмотрели, но основные духовные ценности, на которых построена вся Ваша деятельность, остались неизменны.

Быть может, никогда в России, где Ваша работа разворачивалась так просторно, не проявили Вы столько мудрой преданности нашей великой родине, как за эти последние эмигрантские годы в парижской тесноте и бедности. Быть одним из редакторов «Русской мысли» – это ответственный военный, боевой пост. Да еще без всякого интендантского снабжения, без настоящего тыла. «Русская мысль», не получая ниоткуда твердой опоры, сама является духовной опорой для своих разбросанных по миру читателей. Они греются около огня, который поддерживается на rue Mautholon. По возрасту Вы старший в этой славной дружине, да и по опыту тоже. Вы хранитель преемственной связи с лучшими заветами старой русской интеллигенции и старой русской печати. От всего сердца желаю Вам еще долгие годы оставаться почетным знаменосцем русского либерализма и донести это знамя до России.

Сердечно преданная.

Не могу отправить письма, не высказав моей горячей благодарности самоотверженному и неустанному просителю за обиженных и обездоленных. Владимир Феофилыч Зеелер не только видный, влиятельный публицист, но и смиренный дядя Вла, всегда готовый постоять на паперти с тарелкой, напоминая русским, что надо помогать бедствующим соотечественникам. Это отдельная отрасль его служения русскому делу, за которую ему низкий поклон.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

1955

С. А. Водову

16.1.[19]55

Многоуважаемый Сергей Александрович*,

Шлю редакции «Русской мысли», потерявшей одного из своих зачинателей и даровитого выразителя русских освободительных идей, мое товарищеское сочувствие. Не сделала этого раньше, т. к. у нас в семье сейчас тяжелая больная, писать мне сейчас трудно.

Очень прошу Вас передать семье Владимира Феофилыча [Зеелера], в особенности его внучке, что я всем сердцем за них печалуюсь.

Хотелось бы, чтобы моя статья вызвала какой-нибудь приток помощи Д. Д. Может быть Вы найдете полезным прибавить к ней несколько слов от редакции и указать, куда можно направлять пожертвования. Газета Ваша сумела завоевать себе авторитет, и всякое слово, исходящее от редакции, будет большой поддержкой.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись.

Письмо Б. М. (1339)

21.II.[19]55
Washington

Дорогой Борис Михайлович,

Сейчас получила Ваше письмо и сразу отвечаю, т. к. хочу перед Вашей лекцией в среду послать Вам одно соображение, кот[орое] упустила из виду, когда писала Вам в последний раз. Я считаю, что американская пресса недостаточно понимает, что Булганин (1340), несмотря на военную форму, только полицейский генерал, а отнюдь не солдат. В армии он чужеродное тело, сверх-комиссар, орудие Чеки, где он служил с самого ее основания. Не помню где, кажется в недельном обзоре «Таймса», это обстоятельно рассказано. Я считаю это показателем того, что полицейский винт еще круче постараются завинтить именно в армии. Мне было досадно, что я этого Вам сразу не сказала. Даже хотела послать дополнительную открытку – Булганин не армия.

Второе, что может Вам пригодиться, это новая книга «Vorkuta» by Joseph Scholmer (1341). Я прочла отчет во вчерашнем литературном приложении к «Таймсу». Шолмер говорит, что Запад делает большую ошибку, недооценивая размеры оппозиции. По его наблюдениям, резистанс** составляет сотни разобщенных групп, которые только

* Очевидная описка – следует читать Акимович.

** Сопротивление, оппозиция (от *англ.* Resistance).

и ждут, чтобы американцы, кроме листовок, начали сбрасывать им оружие.

Я очень рада, что Вы занялись такими докладами и лекциями. Дай Вам Бог продвигать жизненно необходимое дело, внушать понимание дьявольской природы большевизма.

Насчет Серафимовского фонда (1342) могу только поддержать о. Алексея. Я считаю такие формы объединения необходимыми, насущными. Татьяну Влад[имировну Гегерн] я очень ценю и я уверена, что Вы с ней сработаетесь. Но, конечно, Вы должны быть только генеральным секретарем, а канцелярию будет вести какая-нибудь милая девица.

Читаю книгу о Толстом. И невольно волнуюсь. К сожалению, обещала написать для Карповича отзыв. Трудно.

Буду ждать, как пройдет Ваша лекция.

Насчет Розанова. Давайте сначала попробуем продвинуть книгу, как она есть, а там видно будет.

Вы пишете – труд о Пушкине будет жить «вечно». Я, даже делая всю сбавку на дружескую иронию в этом «вечно», в длительность книг не очень-то верю.

Текер был у меня. Он славный. Кстати, его знает Татьяна Вл[адимировна]. Но работы пока подходящей для меня мы не придумали. М[ожет] б[ыть], потом что-нибудь выйдет. А Вы об этом больше не думайте. Устроитель человечества.

Тороплюсь отправить. Хочу, чтобы письмо было у Вас в среду утром.

Приятно знать, что есть у меня такой приятель, как Вы.

Ваша Ариадна Вильямс

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 173. Л. 22–22об. Машинопись с подписью и рукописными вставками.

А. О. Гукасову

25.V.[19]55

Глубокоуважаемый Абрам Осипович,

Обращаюсь к Вам с деловым вопросом. Не согласитесь ли Вы сразу, по журнальному набору, печатать мои воспоминания отдельной книгой, хотя бы в количестве только нескольких сот экземпляров. Выпустить в свет их можно и позже, пусть полежат, но готовый набор очень удешевит книгу. Мои три тома воспоминаний дают довольно законченную картину общественных и политических течений и настроений в России почти за полвека. Вот и хотелось бы «Подъем и крушение» тоже ввести на русские книжные полки.

Я досадую на себя, что раньше об этом не подумала. Но, может быть, еще не поздно.

А тут еще мелькает дерзкая мечта – а вдруг откроется для наших книг дорога в Россию. Ведь там что-то двинулось, какой-то напор на советскую власть идет. Мысль об этом мне больше придает сил, чем лекарства докторов.

Желаю Вам всего доброго

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 5. Машинопись.

Б. В. Сергиевскому

19.VI.[19]55

Многоуважаемый Борис Васильевич,

Пишу Вам, чтобы попросить Вас отчислить меня из членов Российского политического комитета.

Из прилагаемой копии письма, которое я хочу послать в «Новое русское слово», Вы увидите основную причину моего ухода. Я не могу брать на себя ответственность за постановления, в обдумывании которых я не принимала участия. Я пишу и Сергею Львовичу [Войцеховскому] и посылаю ему копию моего письма в газету. Но я подожду его отправлять. Быть может, Вы или С[ергей] Л[ьвович] предложите мне какие-нибудь редакционные поправки.

Если в течение недели ни один из вас не откликнется, я пошлю как написалось.

Вам, как председателю, я скажу, что, несмотря на многие разочарования, я все-таки не жалею, что была одной из учредительниц РПК.

С искренним уважением
Ар[иадна] В[ладимировна]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

С. Л. Войцеховскому

19.VI.[19]55

Дорогой Сергей Львович,

Я Вам уже давно говорила и писала, что хочу уйти из РПК, а Вы настойчиво просили меня повременить. Всю зиму я была во власти моих личных, семейных дел, потом два месяца хворала и меньше всего думала о РПК. Но Ваш уход с митинга, где надо было вынести антисоветскую резолюцию единодушно и самым широким фронтом, показал мне, как резко мы с Вами разошлись. Теперь не время сводить старые счеты с Керенским. Теперь он не глава Временного правительства, а упорный и последовательный противник коммунизма. Здесь, в С[оединенных] Ш[татах], он делает полезное русское

дело. В делегации, протестующей против кремлевских преступников, имя Керенского имеет несравненно больше веса, чем весь наш РПК, исключая Толстую и Сикорского.

Я давно поставила себе за правило принимать в общественной работе участие только тогда, когда я участвую и в выработке основных идей и тактических решений. Сейчас, по отношению к РПК, это для меня невозможно. А нести ответственность за чужие суждения и поступки я не хочу. Как раз сегодня я получила письмо, где меня вежливо, но укоризненно просят «разъяснить позицию РПК». Я считаю себя обязанной разъяснять мою собственную позицию, если моим слушателям или читателям она кажется недостаточно ясной, но выступать в печати или даже в письмах с указаниями на мое расхождение с ближайшим моим сотрудником по политической работе, я не хочу. Это только склоку разводить. Поэтому я пишу Борису Васильевичу [Сергиевскому] о моем уходе из Комитета и посылаю ему, как и Вам, копию с моего письма в редакцию. Я его отправлю в «Н[овое] р[усское] с[лово]» не раньше, как через неделю. М[ожет] б[ыть], Вы или Б[орис] В[асильевич] предложите мне какие-нибудь поправки. Поскольку они будут для меня приемлемы, я их с удовольствием внесу.

Ваша статья в Южно-американской газете, которую Вы мне давно послали, тоже указывает на наши с Вами коренные расхождения. Права в[еликого] к[нязя] Владимира Кирилловича (1343) на престол еще не дают ему права отдавать русским сейчас приказы или даже давать указания.

Ко мне приехала дочь из Лондона, и мы с ней мечтаем в середине июля забраться месяца на полтора в Sea Clift. Надеюсь, что тогда мы с Вами повидаемся.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 7. Машинопись.

А. А. Полякову (1344)

6.29.[19]55

Милостивый государь, господин редактор,

Ко мне иногда обращаются с запросами по поводу Российского политического комитета. Это побуждает меня сообщить через Вашу уважаемую газету, что я вышла из его состава, о чем 19 июня известила нашего председателя.

Осенью 1954 г. я переехала в Вашингтон. Это лишает меня возможности принимать участие в заседаниях РПК и вырабатывать вместе с его другими членами те суждения и решения, которыми Комитет должен руководствоваться в своей деятельности. Но я по-прежнему разделяю государственные и национальные идеи, заложенные в его

программу и надеюсь, что члены Комитета найдут возможность их дальше развивать и закреплять.

Буду Вам признательна за напечатание этого письма в Вашей уважаемой газете.

С совершенным уважением.

Вашингтон.

Многоуважаемый Александр Абрамович,

Пожалуйста, поместите мое короткое заявление об отставке. Буду Вам очень признательна.

А что же М. Е. [Вайнбаум] (1345) не шлет Вам своих европейских впечатлений. Мы, читатели, их ждем.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Е. И. Рабинович

9.26.[19]55

Дорогой Евгений Иса[а]кович,

Дайте мне, пожалуйста, совет по делу для меня важному. Я стараюсь подыскать научные переводы с русского на английский для моей дочери, С. Бочарской, которая живет в Лондоне. Минувшим летом она приезжала к нам и сделала пробный перевод об атомной энергии для <пропуск в тексте>. Она нашла его <пропуск в тексте>, но затруднились дать ей работу, т. к. она приезжала по туристической визе. Вот я и стараюсь теперь уже в ее отсутствии наладить для нее такие переводы.

Мне говорили, что научных переводчиков здесь не хватает. Я ломаю себе голову, как найти соответственных работодателей. Может быть, Вы могли бы мне посоветовать к каким учреждениям, правительственным или промышленным, а также, что крайне важно, к каким лицам следует мне обратиться. Из прилагаемого Вы увидите, какие у моей дочери квалификации для такого сорта работы.

И еще просьба. Я хотела бы знать точное название атомного журнала (1346), который Вы редактируете. А м[ожет] б[ыть], расщедритесь и пришлете номер, где есть статья об атомной работе в России. Это для переводной терминологии.

Простите, что тревожу Вас. Знаю, до чего Вы заняты, но и отзывчивость Ваша мне известна.

Наша осиротевшая жизнь как-то крутится. Катя большая поддержка. Она с нами, и Курт как будто не спешит ее брать к себе. Думается, что торопиться с этим он не будет. Он брал ее в августе на две недели и мог на опыте убедиться, что девочка требует внимания, забот и расходов. Кате мы еще не сказали, что Наташи нет среди живых, а она мать продолжает вспоминать.

Хотелось бы знать, как вы все живете. Надеюсь, что мальчики в Ваше отсутствии не успели жениться. Шлю всей семье привет.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

В. А. Маклакову

20.X.[19]55
Washington

Дорогой Василий Алексеевич,

Случилось чудо. Я Ваше письмо от 13/X разобрала, кроме десятка слов. Но и без них ясен смысл и Ваших возражений, и Ваших утверждений. Начну с того, в чем я с Вами согласна. Конечно, всякое принуждение, насилие, гонение, исходящее от церкви, должно вызывать резкое осуждение, прежде всего со стороны верующих христиан. Это один из греховных соблазнов, которые чернили жизнь Церкви Земной, той исторической Церкви, которую могут видеть физическим своим зрением даже люди, отрицающие мир невидимый. Все же, так как Толстой с особенной ненасытностью нападал на православие, следует сказать, что в истории нашей церкви не было ни инквизиции, ни религиозных войн. Но я не отрицаю, что она тоже была покрыта язвами. Насколько помню, я и в воспоминаниях моих об этом упоминаю. Тут нельзя только благочестиво отмалчиваться. Да и не надо. За последние десятилетия русская церковь кровью омыла свои язвы. А главное нельзя забывать, что подлинная, мистическая Церковь соблазнам недоступна.

Дальше мы с Вами разойдемся. Толстой, разоблачая земные грехи духовенства, среди которого всегда были и люди достойные, огулом отрицал и Церковь невидимую. Вы его часто наблюдали и, конечно, не могли не заметить, какое в нем могучее стихийное, земное начало. Тут нельзя ни осуждать, ни хвалить. Таков он был, так ему было дано, как был ему дан художественный гений. Но, к несчастью, это свое плотское, Ерошкино (1347), начало он допустил к сужденью о делах не плотских, материи не подчиненных. В этом несчастие и его, и тех, на кого он влиял.

Теперь о Ваших пунктах. Вы не понимаете, как у меня поднялась рука написать, что Толстой ненавидел Христа. И тут же допускаете, что Церковь Христову он, м[ожет] б[ыть], и ненавидел. Но ведь все Евангелие подтверждает, что Христос себя от церкви не отделял. Вот тут и начинается та самочинность Толстого, которая не давала ему права считаться христианином. Он не то что неверно понимал церковное христианство, он просто отбрасывал из него все, что не подходило под его темперамент. Все, включая самое главное – Иисуса Христа как живое лицо, и как Богочеловека. Значит Христос говорил

неправду. Ведь Он неоднократно повторял ученикам и народу, что Он Сын Божий. Учение церкви только пояснило заповедь, сказанную Спасителем. Кодекс Юстиниана (1348) скрепил императорским указом Символ Веры, но родился он не в канцелярских застенках, не в воображении юристов-крючкотворцев, а был формулирован мудрыми отцами церкви, которые в течение столетий копили особый, до сих пор мало кому доступный духовный опыт и его вложили в эту до сих пор тоже по цельности и силе не превзойденную христианскую присягу. Толстой в своей бесконечной умственной гордыне ни с кем и ни с чем не хотел считаться. Отсюда и его яростное отрицание Богочеловека. Я не собираюсь писать длинную диссертацию о Толстом. Куда там. Но я продолжаю утверждать, что подлинный живой Христос, тот, который нам показан в Евангелии, вызывает в нем чувство враждебное, м[ожет] б[ыть], слово ненависть не следовало употреблять, хотя чем больше Вы меня заставляете об этом думать, тем явственнее встает передо мной недоброе раздражение великого писателя против Спасителя.

Теперь об его неуважении к чужим верованиям. М[ожет] б[ыть], точнее было бы сказать к верующим православным, к православию. Он пожалел горсть духоборов, заступился за них, заступался за сектантов, но на веру православную обрушивался весом всего своего гения, своей магнетической власти над читателями. И нельзя не удивляться, что, несмотря на все недостатки православной церкви в те времена, за Толстым, как ее обличителем, пошло так мало людей. Читателей у него были миллионы, а толстовцев считать даже в тысячах трудно. И еще одно скажу. Можно удивляться, что церковь православная отнеслась к его наскокам и издевкам замечательно снисходительно. Это было проявлением мудрости, в которой было больше христианского духа, чем в писаниях Толстого о вере и безверии.

Надеюсь, что мое письмо не произведет на Вас впечатление проповеди. Я для этого совершенно не гожусь. О религии обычно говорю только со священниками. Я не очень хотела писать о Толстом, но не могла отказаться. Ваш голос возмущения обострил для меня и мое суждение и общий смысл его жизни. Но меня, как старую Вашу приятельницу, не особенно порадовали Ваши слова о покое небытия. Хотя допускаю, что с таким сознанием многое упрощается.

Ваша Ар[иадна] В[ладимировна]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

А. О. Гукасову

23.X.[19]55

Глубокоуважаемый Абрам Осипович,

Пишу к Вам по поводу моих воспоминаний, начало которых, «То чего больше не будет», было напечатано у Вас в «Возрождении»,

а второй том, «На путях к свободе», издан Чеховским издательством. Теперь я подготовляю к печати третий том, куда должна войти война 1914 г. и революция 1917 г. Главы о войне я уже привела в порядок. Само собой разумеется, что это не история войны, писать которую я не компетентна, а ряд отдельных впечатлений и наблюдений. Размер немного меньше, чем «То чего больше не будет». Впрочем, за точность подсчета я не ручаюсь. У меня в черновике всегда много поправок и вставок, а рукопись еще не переписана. Прежде чем это сделать, я хотела бы выяснить, где я ее буду печатать. Это вопрос важный даже в смысле правописания, которое меняется от издателя к издателю.

Мне очень хотелось бы и эту часть моих воспоминаний, которую я собираюсь назвать «Война войне», напечатать в «Возрождении». Я обращаюсь к Вам, т. к. из-за океана не могу различить, кто же у Вас сейчас редактор, а что Вы главный ответчик за «Возрождение», это я давно различила.

Буду признательна за отклик. Если он будет положительный, не откажите указать мне, с кем надо вести переписку [о] технических подробностях и сроках.

Меня очень тронула Ваша теплая, дружеская отзывчивость к нам, когда на нас обрушилось такое страшное горе. Боюсь, что я Вам тогда не ответила. Была и телом и духом совсем разбита.

Всего хорошего.

P.S. Обращаю Ваше внимание на книгу А. Н. Наумова (1349) «Из уцелевших воспомин[аний]». Вы, вероятно, его знали. Он был в 1916 г. министром продовольствия. Это жуткая картина распада старого режима, написанная монархистом. Тхоржевский (1350) служил у него и его имя Наумов не раз упоминает.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 5. Машинопись.

С. А. Водову

29.X.[19]55
Washington

Глубокоуважаемый Сергей Александрович*,

С интересом слежу за тем, как «Русская мысль» разрастается, разворачивается. Хотелось бы знать подробнее о внутреннем ее переустройстве. Но, пожалуй, ни у кого из редакции нет времени для такой информации. За последний год я по целому ряду условий, включая мою болезнь, не могла писать. Теперь понемногу возвращаюсь к чернильнице и посылаю Вам статью. Надеюсь, что она Вам подойдет.

---

* Очевидная описка – следует читать Акимович.

Мой сын просил меня написать Вам, что ему нужны газеты, где у Вас печаталась его повесть. Или хотя бы вырезки. Он просит пять экземпляров каждого из трех номеров.

Всего хорошего.
С искренним уважением

Меня удивило, что Вы напечатали речь адвоката, защищавшего убийцу Плеве, без комментарий. Это неожиданное для «Русской мысли» воспевание террора.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись.

1956

В. А. Лазаревскому

2.I.[19]56

Многоуважаемый Владимир Александрович,

Согласно моему сговору с Абрамом Осиповичем [Гукасовым], я отправила в «Возрождение» первые шесть глав моих воспоминаний «Подъем и крушение». Они отправлены на имя С. А. Милевской с просьбой передать рукопись Вам.

Очень прошу редакцию не слишком растягивать печатание. Я послала 68 стр. Было бы очень желательно, чтобы эти главы были напечатаны в трех тетрадках, т. к. читательская память короткая и если растягивать, исчезает цельность впечатления.

Следующие главы, до Февральской революции, у меня уже написаны, надо только отделать и переписать. Это составит еще страниц 100 или немного больше.

Прошу Вас показать это письмо Абраму Осиповичу. С ним я начала переговоры об этой рукописи и я уверена, что мой довод о цельности впечатления он примет во внимание.

Не откажите сообщить, как редакция решит распределить мои воспоминания.

Пожалуйста, передайте Г. А. Мейеру, что я желаю быстрого и верного выздоровления.

С полным уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Н. М. Зернову (1351)

11.3.[19]56
Washington

Дорогой Николай Михайлович,

Ваше письмо от 16/I только вчера доехало до меня, да и то каким-то косвенным путем, хотя в редакции «Нового журнала» есть мой адрес.

Вы выбрали очень интересную, но и трудную тему для Вашей новой книги. Желаю Вас успешно с ней справиться.

Вот список изданных моих книг.

В России были изданы: «Жизненный путь», роман; «Семь рассказов»; «А. П. Философова и ее время»; «Старая и молодая Турция». Кроме того, печатала романы в «Вестнике Европы» и в «Русской мысли».

В Англии: «From Liberty to Brest-Litovsk» (Macmillan); «Hosts of Darkness» (Constable); «Cheerful Giver» (Peter Davis).

В Париже: «Жизнь Пушкина» (два тома); «То чего больше не будет». Воспоминания (том I).

В Нью-Йорке: «На путях к свободе». Воспоминания (том II).

Вы пишите мне, что эта книга дает яркую и правдивую картину России. А что если бы Вы высказали такое же о ней суждение какому-нибудь крупному английскому издателю. Я благодаря последней войне и своей непредприимчивости не умею больше стучаться в издательские двери, а книгу мою о конституционном движении начала века считаю для иностранцев очень полезной.

Буду рада повидать Вас, когда Вы приедете в С[оединенные] Ш[таты]. Я прочла книгу Вашей восторженной ученицы Ruth Karper The Candle Light Kingdom*. Очень интересное описание ее впечатлений от нашей церковной эстетики, да и не только эстетики.

Надеюсь, что мое письмо дойдет скорее.

С искренним уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

С. А. Водову

11.3.[19]56

Дорогой Сергей Александрович,

Я получила от Н. М. Зернова письмо, где он, между прочим, пишет, что моя книга «На путях к свободе» ему пригодилась, когда он принялся писать об отношении между русской интеллигенцией и церковью. Ну, и о воспоминаниях моих лестно отозвался. А мне думается, что они не только русским читателям, но и иностранцам могли бы быть полезны, могли бы им [помочь] немного разобраться в русском тумане и мгле. Но я до сих пор даже не принималась по-настоящему искать английского или, вернее, американского издателя. Нет у меня связей. Вот я и решила потревожить Вас. Вы один из самых авторитетных руссоведов. Если бы Вы указали издателю на мою книгу или

* «Королевство горящих свечей» *(англ.)*.

дали мне такой о ней отзыв, чтобы я могла показать его издателю, это было бы для меня большой помощью. Но если Вам это по каким-либо соображениям неудобно, то скажите прямо. Я огорчусь, но не обижусь. Но, признаюсь, очень мне хочется, чтобы иностранцы узнали о той, все-таки блестящей, странице русской истории от одной из близких ее наблюдательниц.

Давно ничего не получала от Вас. Вы мне раньше присылали печатные материалы, что в моем отрыве от Европы было ценно. Я уже второй год живу не в Нью-Йорке, а в Вашингтоне, т. к. мой сын работает в «Голосе Америки». Переезд сюда тоже отрыв. В Нью-Йорке у нас был широкий русский круг, а здесь его нет.

Всего хорошего.
Искренне преданная

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22.

С. В. Паниной

8.II.[19]56
Washington

Дорогая Софья Владимировна,

Прочла я вчера в «N[ew] Y[ork] Times», что в Объединенных Нациях в середине апреля будет рассматриваться вопрос о международном пакте запрещения рабства, и стало нужно, точно 25 лет тому назад, [когда] в [19]31 г., мы с Саблиным собрали большое количество русских подписей, чуть не 10 000, под заявлением о том, что Лига Наций обязана выступить с обличением советского рабства. Тогда нас никто не хотел слушать. У меня есть здесь ответы и секретаря Лиги Наций, Дремонда и лорда Сесиля. Не настало ли время этот жест повторить. Мне думается, что свободные русские голоса должны раздасться, если такая вещь, как эмигрантское общественное мнение, существует. Вопрос в том, как это поставить. Описывать лагеря в таком заявлении не приходится. Но надо сообразить, что русские считают желательным как для обличения преступности советчиков, так и для хотя бы малейшего смягчения условий в лагерях. Мне кажется, что показания и книги иностранцев, побывавших в этих лагерях, показывают, что в какой-то мере советская власть считается с шумом, поднятым вокруг лагерей. Обязанность эмиграции его еще усилить. Специалисты по лагерным делам среди ДП есть. Они помогут.

Второй вопрос [–] как выявить русское мнение и кто должен за это взяться?

В эмиграции есть только одно лицо, точнее, одна организация, равно авторитетная и для русских и для иностранцев – А. Л. Толстая и ее детище – Толстовский фонд. Следует выработать короткий и выразительный текст и предложить как целым организациям, так и от-

дельным людям давать под ним подписи. Время для этого еще есть, но надо быстро действовать, чтобы собрать отголоски со всех материков.

Меня это все настолько тревожит, что я готова была бы приехать поговорить с Вами и с Александрой Львовной [Толстой]. Но я никак не могу справиться с недомоганием и в таком виде, как сейчас приходится отлеживаться. Сердце капризничает. Я к этому не привыкла.

Я пишу Вам, а не Александре Львовне, во-первых, п[отому] ч[то] Вы меня лучше знаете, чем они, а главное, я не знаю, как ее здоровье и настроение. Но если Вы захотите показать ей это письмо, я буду очень рада и благодарна.

Я и генеральную секретаршу уже наметила – это Татьяна Влад[имировна] Гегерн. Она и не подозревает этого. Но в таком деле очень важно иметь движущую силу. Она очень энергична и сообразительная. К тому же она ушла из «Голоса» и, как мне кажется, кипит желанием вцепиться в какую-нибудь настоящую работу. Но я вообще ни с кем не говорила и Вам первой открываю мою беспокойную душу.

Катя Большая, наш верный друг, так же как и Ваш, мне говорила о своей короткой встрече с Вами. Я ей позавидовала.

Преодолевая дряблость своих мозгов, я стараюсь двигать свои воспоминания. Первые главы как будто будут в ближайшем номере «Возрождения». Говорю «как будто», п[отому] ч[то] там с уходом Мельгунова водворился первозданный хаос.

Целую Вас и Александру Львовну.

Ар[иадна] В[ладимировна]

А К. В. Деникина не могла ли быть полезной? Нет, пожалуй, это не выйдет.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал.

М. Е. Вайнбауму

III.19.[19]56

Многоуважаемый Марк Ефимович,

Посылаю Вам короткую заметку, своего рода вопль души. Очень уж не хочется, чтобы и русские подались, попались на этот новый крючок. Буду рада, если Вы это напечатаете.

Эта Морока (1352) вскочила наперерез другой статье, которую я уже написала и хотела переписать и Вам послать. Это история одного эмигрантского заявления, которое подавалось в Лигу Наций 25 (?) лет тому назад. Думается, что рассказать о ней сейчас своевременно. Завтра или послезавтра вышлю ее Вам.

У меня был очень тяжелый год, поэтому я давно не стучалась в Ваши редакторские палаты. Не до писанья было.

А Вы как интересно катались по Европе. Но вряд ли Вам хотелось туда переехать.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись.

А. Л. Толстой

4.29.[19]56

Дорогая Александра Львовна,

Посылаю Вам черновой набросок и заявления в ООН и обращения к россиянам. Я считаю это черновиками, т. к. Вы с Сергиевским и Войцеховским вольны вносить в них дальнейшие поправки. Я полагаю, что основная бумага на имя Генерального секретаря в порядке. Там, как будто, все сказано. Я внесла в текст все изменения, на которых мы сговорились. Но вчера я нашла среди своих бумаг очень важное письмо Henry Lodge (1353), которое и прилагаю. Я не уверена, что надо указать на него в нашем заявлении Генеральному секретарю. Но оно дает Вам основание получить от <пропуск фам.> совет или поддержку. Было бы крайне важно, чтобы Вы с ним по этому поводу снеслись, а еще лучше повидались.

Призыв к россиянам вышел очень бледным. Авось кто-нибудь его украсит. Я больше ничего не могу сделать. Необходимо внести в это письмо деловые указания, как собирать подписи, присылать ли их на листах с текстом, что довольно затруднительно или просто посылать извещение, что присоединяются к нашему заявлению. Очень важно указать, что подписи следует посылать не в ООН, а по указанному Вами адресу.

На нашем совещании в четверг было решено просить подписи у двух митрополитов, у Сикорского, Деникиной, Вайнбаума, Смирнова, Гончарова. Вас просили их привлечь и по Вашему усмотрению список дополнить. Не обратиться ли к еп. Иоанну Шаховскому (1354)?

Вот, кажется, полная сводка наших пожеланий. Дай Бог их осуществить.

На днях в Комиссии Труда помощник статс-секретаря, Френсис Вильмов, заявил, что подписывать с большевиками конвенцию о запрещении рабского труда бесполезно. Все равно не исполнят. А давить на общественное мнение необходимо. Это лишний довод за нас с Вами, что кричать необходимо и своевременно. Значит, будем кричать и голоса собирать.

Очень было освежительно провести вечер с Вами. Приезжайте опять.

Привет Софье Владимировне [Паниной].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

Н. В. Первушину

5.8.[19]56

Дорогой Николай Всеволодович,

Спасибо Вам за все материалы, толстые и тонкие, особенно за доклад китайского делегата в Э[кономическом и] с[оциальном] с[овете]. Только я хотела бы еще иметь текст принятой ими резолюции.

Я очень мучаюсь со всей этой затеей. Сижу тут на отлете одна. Если бы не Вы я совсем бы запуталась.

Посылаю Вам мой проект заявления в М[еждународную] О[рганизацию] Т[руда]. Т. к. дальше действовать должна А. Л. Толстая, то последнюю редакцию я предоставляю ей и тем, с кем она собирается работать. Но если Вы мне укажите приемлемые перемены, я еще успею их внести. Мне думается, что поставила вопрос я правильно. Призыв к эмиграции, с просьбой дать подписи, надо сделать коротким. Ведь все и так сказано. Но какое-то красноречие надо пустить, а у меня мозги дремлют.

Если бы я была в Нью-Йорке, я бы свела Вас к Толстой. А, м[ожет] б[ыть], Вы, если у Вас есть серьезные замечания, ей позвоните и скажите, что хотели бы ее видеть.

Кончаю, а то всякие «если» полезут. Это всегда мешает.

Г-ну Генеральному директору
Международной Организации Труда

Самой грозной проблемой современности является существование в Советском Союзе и странах советского блока строя, основанного на принудительном или рабском труде. О размерах и особенностях этой чудовищной системы эксплуатации человека человеком существует обширная литература на всех языках. В 1953 г. Международная Организация Труда издала «Отчет специальной комиссии по принудительному труду». В нем дан общий обзор положения этого вопроса в разных странах. Большое место отведено СССР. По словам отчета, «в СССР помимо принудительных работ карательного и исправительного характера существуют многочисленные ограничения свободного выбора труда и ряд мероприятий, благодаря которым положение трудящихся, даже оставшихся на свободе, мало чем отличается от положения лиц, осужденных на принудительные работы» (стр. 429).

Составители отчета пришли к заключению, что принудительная работа составляет важную часть в общей экономике СССР. Эти же мысли развиты еще полнее в докладе, кот[орый] Чэнг Паонан сделал 27 апреля в Экономическом и социальном совете, где он состоит представителем Китая. Докладчик заявил, что существование принудительного труда представляет огромную угрозу всему миру. «Вопрос о том, что этот труд существует, не требует больше доказатель-

ства, – сказал он. – Это уже факт. Перед нами стоит только проблема, какие должны быть приняты меры для прекращения этого злостного явления». По мнению д-ра Чэнг Паонан, и военная мощь, и экономическая жизнь коммунистических государств зависят от принудительного труда. Он задал конференции вопрос: «Неужели мы можем по-прежнему занимать безответственную позицию?»

Он считает, что первым действенным шагом в борьбе против принудительного труда должно быть привлечение внимания просвещенного общественного мнения к той опасности, которую этот труд за собой влечет. В результате его доклада Эк[ономический] и соц[иальный] совет вынес резолюцию, обращенную к МОТ о необходимости способствовать прекращению принудительного труда. Такое постановление авторитетной организации уже является некоторым шагом вперед, особенно если те, кому будет поручено этим вопросом заняться, примут во внимание заключение специальной комиссии и м-ра Чэнг Паонана, что в коммунистических странах все трудящиеся лишены права свободного труда. Нет сомнения, что необходимо привлечь к этому страшному явлению внимание общественного мнения, пробудить дремлющую совесть человечества, которое остается пассивным свидетелем коммунистических преступлений. Общественное мнение привыкло прислушиваться к ООН, в значительной степени руководствоваться его суждениями в вопросах политической целесообразности и общественной морали. Мы вправе ожидать, что из этого высокого учреждения раздастся властное напоминание тем его членам, которые не исполняют взятых на себя обязательств.

В уставе ООН сказано, что она «содействует всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (ст. 55).

В следующей статье говорится: «Члены организации обязуются предпринимать совместные и самостоятельные действия в сотрудничестве с Организацией для достижения целей, указанных в статье 55» (ст. 56).

Эти основные принципы, на которых создавалась ООН, находятся в резком противоречии с положением населения в странах советского блока, где все жители лишены свободы труда, как и всяких иных свобод. Коммунистическая диктатура открыто и цинично нарушает моральные и правовые требования, заключающиеся и в Уставе ООН и повторенные в Декларации прав человека.

Общественное мнение по обе стороны железного занавеса ждет, что ООН вынесет свое заключение о подневольном, точнее, рабском, труде, который является в странах советского блока главным орудием порабощения населения, тех, кто по ту сторону занавеса обречены на молчание. Это возлагает на нас, живущих в свободных странах, обязанность говорить за них, искать путей к восстановлению их человеческих прав.

Тяжелый духовный кризис переживает человечество. Затуманивается понятие о добре и зле. ООН – это единственная авторитетная мировая организация, вся деятельность которой направлена на защиту прав человека. С ее высокой кафедры должно быть вынесено нелицеприятное осуждение коммунистической системе обращения со всеми трудящимися, т. е. со всем населением. Всякая недоговоренность или недостаточная определенность суждения о такой страшной болезни, как порабощение сотен миллионов людей, увеличивают общую умственную растерянность, наводят на соблазнительную, развращающую мысль, что сильному все дозволено, включая пренебрежение к моральным принципам и нарушение требований устава ООН.

Мы хотим верить, что главное, на глазах у всего мира происходящее, обсуждение в одном из центральных органов ООН проблемы рабского труда во всех его формах внесет некоторое облегчение в жизнь заключенных, т. к. в данное время советское правительство стремится расположить к себе общественное мнение свободных стран. Во всяком случае, суждение, высказанное ООН, будет способствовать оздоровлению международной политической морали, укрепление и прояснение которой является одной из самых ответственных задач ООН.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

А. Л. Толстой

5.8.[19]56

Дорогая Александра Львовна,

Вы, вероятно, обратили внимание на резолюцию Экономического и социального совета, где они обратились в Международную Организацию Труда, призывая их заняться вопросом о принудительном труде. Это заставило меня заново переделать то воззвание, которое мы вместе обсуждали. Текст у меня готов, и, по-моему, он вышел удачнее первого. Я его перестукаю и пришлю Вам, но сообщаю Вам об этом, т. к. первой начальной редакции не надо давать ходу. И доклад китайского делегата в Э[кономическом] и с[оциальном] совете и еще один толстый том о принудительном труде, изданный ООН, явились для меня лишним подтверждением, что нам необходимо выступить с нашим заявлением. Я очень надеюсь, что Вы для этого нового моего текста соберете первые десять подписей и мы быстро все это пустим в печать.

Мне сказали, что Софья Владимировна [Панина] чувствует себя немного лучше. Хочется верить, что она вернется к нам.

Обнимаю Вас.
Душевно Ваша

Я не очень понимаю, кто будет всю эту нашу акцию разворачивать. Как будто Войцеховский. Тогда мне было бы проще прямо с ним сноситься, не затрудняя Вас. Но пока я считаю Вас боссом и все буду на Вас направлять.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

А. Л. Толстой

5.9.[19]56

Дорогая Александра Львовна,

Посылаю Вам обращение к землякам, которое должно появиться в газетах одновременно с обращением к МОТ. Под этим обращением, по-моему, довольно Вашей подписи, т. к. остальные распишутся под челобитной к ген[еральному] директору. Надо после Вашей подписи дать практические указания, куда посылать листы с подписями. Это может сделать только то лицо, которому будет поручено ведение всей этой акции. Хотелось бы знать кто?

Сегодня я прочла решение Ам[ериканского] правительства присоединиться к намечаемой конвенции. Это очень важная карта в игре, и я сначала задумалась, следует ли нам продолжать? Решила, что НЕПРЕМЕННО продолжать. Но все теперь от Вас зависит. Буду ждать от Вас отклика и бомбардировку Вас приостановлю.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

Письмо Б. М.

5.14.[19]56
Washington

Дорогой Борис Михайлович,

Молодцы Ваши студенты, что так горячо и умно стараются отстоять своего профессора. Значит, успели Вы по-настоящему зацепить их внимание. Надеюсь, что они справятся с рутинным и нелепым порядком. Я очень хорошо понимаю, как Вам приятно, что даже сапожники рабочие Вас приветствуют. В первые дни Февральской революции почтальон, подавая мне письма, разразился в моей передней целой благодарственной речью за то, что мы «боролись за народную свободу». К несчастью, очень скоро пришлось вспоминать его слова с чувством горькой виноватости за ту «свободу», которая отдала Россию на растление и на распятие.

Там все еще продолжается Царство зверя. Меня удивила Ваша критика политики Даллеса (1355). Не п[отому], ч[то] я его линию всегда

считала правильной, но п[отому], ч[то] Вы видите какие-то коренные изменения в советской политике, считаете, что некот[орые] ленинские установки они выбросили на помойку (1356). В чем это сказалось? Как можете Вы серьезно говорить, что они may change to govern with ballots, instead of bullets?* Ведь выборы требуют свободы, а до сих пор единственная форма их свободы это разъезды залитых кровью шутов по всему миру. Ни на какие сговоры они не идут, да если бы и пошли, то сговоров этих не исполнят. Признаюсь, я со страхом прочла этот короткий отчет о Вашей лекции, неужели Вы напали на такого ловкого советского молодчика, что он и Вас, умного наблюдателя, да притом еще и русского, сумел обморочить их «переменами»?! Хотелось бы мне знать, в чем Вы видите в некоторых отделах коммунистической экономики черты и привлекательные и effective**? Не в том ли, что даже в уездных городках Украины едоки ночи стоят в хвосте, чтобы получить ломоть хлеба? Россия, несмотря на весь бесовский марксизм, остается мужицкой. И вот эти десятки миллионов крестьян разуты, раздеты и полунакормлены.

Ну, вот. Лучше кончу письмо, а то могу рассердиться. Но очень надеюсь, что в Гонолулу Вы не будете толковать слушателям о достижениях Советов.

Всего хорошего.
Ваша Ариадна Вильямс

Вы, наверное, прочли очень хорошую книгу Зайцева о Жуковском? (1357) В моей книге о Пушкине я, конечно, о Жуковском (1358) много пишу.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 173. Л. 28. Машинопись с подписью и рукописными вставками.

М. М. Карповичу

IX.7.[19]56

Дорогой Михаил Михайлович,

Прежде всего хочу Вас поздравить с результатом Вашего обращения к читателям. Получить такой народный плебисцит это что-нибудь да значит. Вам это должно давать законное и заслуженное чувство удовлетворения. И не только Вам, но и мне, как писательнице. Если эмиграции нужны журналы, значит, и писатели ей еще нужны.

Но я пишу не поздравительную карточку, а деловое письмо. С тех пор как вышел английский перевод книги Кюстина (1359), меня мучила мысль, кто и как может и должен ответить ему, а в особенности

* Смогут вместо пуль управлять избирательными бюллетенями *(англ.)*.

** Эффективные *(англ.)*.

его международным хвалителям. На днях сын купил у букиниста книгу моего мужа <пропуск в тексте> (1360), давно ставшую библиографической редкостью. Я ее перечла и вижу, что это лучший ответ Кюстину. В этой книге очерчена та предреволюционная Россия, самое существование которой иностранные писатели и политики пытаются не признать. Между тем в ней ключи и к России будущей. Поэтому я хочу найти американского, в худшем случае английского, издателя, который согласится переиздать «Russia of the Russian». С английскими издателями я потеряла связь, а в издателях американских совсем не разбираюсь. Научите меня к кому из них обратиться. Было бы лучше всего, чтобы книгу выпустило одно из дешевых издательств, которые выпускают книги по 35–50 ц. Но к кому из них обратиться и как до них достучаться, научите.

В свое время H.G.Welles напечатал восторженную рецензию на <пропуск в тексте>. Она может пойти на обложку. У меня есть также хвалебная рецензия в «Русских ведомостях». Но это только русским интересно. Я и о русских читателях думаю. Не пожелаете ли Вы напечатать в «Новом журнале» главу об интеллигенции в моем переводе. По-английски в ней 11 страниц.

Привет Татьяне Николаевне [Карпович] (1361). Неужели Вы никогда не бываете в Вашингтоне. Хорошо было бы вас обоих увидать.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись.

Х. Вильямсу (1362)

September 9, 1956

My dearest Hugh,

Thank you for sending us news about the family. I would like to see how Elsa, the coquette is parading in her new attire, and to see Alison acting. It must be a good fun for her. But I wonder if it is amusing to be a professional actress. I am very proud that you put me next to Mother as a senior in the wonderful Williams' family. Each member of it has a marked personality of his own and at the same time you have among you a certain likeness of mind. The same a charm which was in such different persons as Harold and Hugh, Owen, Sydney and Berthy. The spell passed to the next generations as well. All the last days I have been thinking of you when re-reading «Russia of the Russians». It is a brilliant book. It is not a devoted wife exaggeration. The same qualifications were used by H.G.Wells in his enthusiastic review of «Russia of the Russians». No wonder. Harold put in his book a rich amount of knowledge, clearness, vision understanding and benevolent wisdom. The style is condensed, precise like a mathematic formula and still beautifully alike. As a book written about Russia it is really unique and can render a great service to the world public opinion, which is now forced to study

Russia's past and present, but can't find its way through many contradictory information.

Harold's book is out of print. I want do all possible and even more to find a publisher who will print a new edition. An American publisher is preferable. If not an English one. A pocket edition would be the best. But I have not the slightest idea how to approach a publisher in the US and I should like to have your advice. Perhaps you know somebody who can recommend me a good literary agent here (or in England). I clearly realize how busy you are and how difficult it is to you to spare even a little bit of time and attention to anything besides you work. Although it is not quite besides as you are a sort of instructor to the public opinion. I appeal to your clan-feelings as well. I know how deep they are.

We had a good holiday in the Catskill in the camp belonging to St. Seraphim Foundation. I was there for two months. Arkady for three weeks. Tamara and Kathy a bit more than a month. Kurt took Kathy for three weeks, stayed a fortnight with her on the Ocean and then returned the kid to Baba. He is absorbed by his work, which seems to be interesting.

I hope Joyce has shaken off her fatigue. Tell her that she has not to abuse her splendid dynamism.

With love to you all from Tamara, Arkady, Kathy and...

September 9, 1956

Мой дорогой Хью,

Спасибо тебе за новости о семье. Хотела бы я видеть, как кокетка-Эльза вышагивает в своем новом наряде и как Элисон играет. Должно быть, для нее это большое удовольствие. Любопытно, занятно ли быть профессиональной актрисой. Я очень горжусь тем, что ты ставишь меня сразу за матерью старейшиной в замечательной семье Вильямсов. Каждый ее член – яркая индивидуальность, и вместе с тем у вас есть схожесть суждений. То же очарование, которое присутствовало в таких разных людях, как Гарольд и Хью, Оуэн, Сидней и Берти. Эти чары перешли и к следующим поколениям. Все последние дни я думала о тебе, перечитывая «Россию русских». Великолепная книга. Это не преувеличение преданной жены. Теми же эпитетами пользовался Г. Дж. Уэллс в своей восторженной рецензии на «Россию русских». Не удивительно. Гарольд вложил в эту книгу огромные знания, много четкости, понимания и великодушной мудрости. Стиль сжат, точен как математическая формула и в то же время прекрасен. Как книга, написанная о России, она действительно уникальна и может сослужить отличную службу мировому общественному мнению, которое сейчас вынуждено изучать прошлое и настоящее России, продираясь сквозь толщу противоречивых сведений.

Книга Гарольда вышла в свет. Я хочу сделать все возможное и даже более того, чтобы найти издателя, который напечатает новое изда-

ние. Американский издатель предпочтительнее. Если не английский. Наилучшим вариантом было бы карманное издание. Но я не имею ни малейшего представления, как связаться с издателем в Америке, и мне нужен твой совет. Может быть, ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы порекомендовать мне хорошего литературного агента тут (либо в Англии). Я отчетливо понимаю, насколько ты занят и как тяжело тебе уделить даже малую толику времени и внимания чему-либо помимо твоей работы. Однако это не так уж и далеко от тебя, так как ты своего рода наставник общественного мнения. Я обращаюсь и к твоим родственным чувствам. Я знаю, как они глубоки.

У нас были хорошие каникулы в Кэтскилле в лагере, принадлежащем фонду Св. Серафима. Я пробыла там два месяца. Аркадий – три недели. Тамара и Кэти – немногим более месяца. Курт забрал Кэти на три недели, провел с ней две недели на океане, а затем вернул ребенка Бабе. Он поглощен своей работой, кажется интересной.

Я надеюсь, Джойс стряхнула свою усталость. Скажи ей, что ей не следует злоупотреблять своей отменной динамикой.

С любовью к вам всем от Тамары, Аркадия, Кэти и...

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Письмо Б. М.

9.26.[19]56
Washington

Дорогой Борис Михайлович,

Я не столько увлекаюсь Ветхим Заветом, как Вы пишите, как открываю его. Меня многое в этой изумительной еврейской энциклопедии пугает, но я считаю, что всякий, сколько-нибудь старающийся думать, человек обязан прочесть ее. Писать об этом сложно. Авось увидимся, тогда расскажу. Но я счастлива, что родилась уже под знаком Завета Нового.

Мне печально было прочесть в Вашем письме, что Вы «уходите от религии». Знаете детскую игру в спрятанную вещь, когда тому, кто от нее отходит, кричат – холодно, холодно? Вот и отходя от Бога, человеку становится холодно, холодно. И страшно перед необъятностью опустевшего для нашего сознания космоса. От всей души желаю Вам не превратиться в космическую сироту, не порывать связи с тем Высшим, чему нет объяснения, м[ожет] б[ыть], именно п[отому], ч[то] отблеск его заложен в наши грешные души.

Вижу, что тяжело Вам расставаться с кафедрой. Это не удивительно. Но Вы очень хороший лектор. Отчего бы Вам не сговориться с каким-нибудь агентством, чтобы устроить себе разъездные публичные лекции? Мне когда-то говорили, что это хорошо оплачивается.

А Вам есть что сказать. По-моему, Вам не следует слишком спешить с ликвидацией Вашей уютной квартиры. Все-таки Нью-Йорк [–] центр.

А я сейчас стараюсь найти путь к переизданию книги моего мужа «Russia of the Russians»*. Я ее давно не читала и вдруг сделала открытие – увидала, что это единственная книга, которая дает такую широкую картину России, какой она была перед первой войной. При этом она не устарела. В ней ничего не надо менять или исправлять. Она дает ответы на это неуклюжее, но понятное желание разгадать l'âme slave**. Я нашла в своем архиве восторженную рецензию, которую в свое время написал H. G. Wells. Вот я сижу в своей берлоге и прикидываю – к какому издателю обратиться? Мне больше всего хотелось бы видеть книгу моего мужа в одном из карманных изданий. Но на них не бывает рецензий, а я хочу, чтобы на нее обратили внимание. Тогда выгоднее, чтобы была издана толстая книга, а не портативный томик. Как видите, задача передо мной нелегкая, но я все, что могу, сделаю, чтобы ее исполнить.

Хотелось бы прочесть письма Ваших родных из Москвы. Если не трудно, пришлите. Я аккуратно верну.

Мы живем тихой провинциальной жизнью. Общими усилиями растим Катюшу. Она проказничает, но слышать ее детский смех очень освежительно. А. А. [Борман] много работает. А я только мысленно кружусь около недоношенных мыслей. Все мои Вас приветствуют.

Ваша Ариадна Вильямс

ГА РФ. Ф 10230. Оп. 1. Д. 173. Л. 29–29об. Машинопись с подписью. Оригинал.

1957

А. М. Ремизову

24.VI.[19]57
Washington

Дорогой Алексей Михайлович,

Поздравляю Вас с 80-летием и от всего сердца шлю Вам мои дружеские пожелания. Груз годов – тяжелая ноша. По себе знаю. Но на Ваш юбилей откликаюсь празднично. Поздравляю не только Вас с тем, что Бог дал Вам чудный дар сказителя, но поздравляю себя и всех Ваших читателей, что 80 лет тому назад народился на Руси Алексей Ремизов, которому суждено было в темные годы лихолетья

* «Россия русских» *(англ.)*.

** Славянскую душу *(франц.)*.

идти по темным тропинкам со своей свечей. Ее лучи и нас, и Вас греют. Кланяюсь Вам почтительно и благодарственно.

Я прочла в «Н[овом] р[усском] слове» статьи Ульянова и Степуна и пожалела, что прозевала, вовремя не подавала голоса. Все ульяновские ужимки миновали Ремизова. Уж очень ему хотелось сказать, что кого, кого, а его, Ульянова, обмануть не удастся. Пусть Ремизов мистифицирует дураков, а я, слава Богу, умный. Меня не надуешь. А Ремизов взял да из-под его пера и выскользнул. И какую чепуху написал он про юродивых??!

В тех юбилейных статьях, что я читала, ничего не сказано о той жалости к людям, которой пропитаны все Ваши писания. Мы с Гарольд[ом] Васильевичем не раз об этой Вашей черте говорили. Вы сами в коротеньких Ваших «Звездах» отлично это сказали в нескольких строках. «Если бы собрать все улыбки, все взгляды, от которых в темноте светлеет...» Да, если бы.

Спасибо Вам за этого мальчика и за его болтовню с нянюшкой. От них и у меня на сердце посветлело.

Я пропадаю от жары, брожу беспомощная, расслабленная. В воскресенье Аркадий собирается вывезти меня поближе к океану. Если порадуете ответом, пишите по адресу 11 Franlin Av.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись.

Н. В. Нарокову (1363)

VIII.22.[19]57

Многоуважаемый Николай Владимирович,

Я только теперь прочла, прочла внимательно «Мнимые величины» и хочется поблагодарить Вас за то, что Вы эту книгу написали. На мой писательский глаз это было дело нелегкое. Одно описание камеры смертников какую от Вас потребовало внутреннюю, сердечную выдержку. Да и не только это. Опустошенные души смотрят на читателя со многих страниц книги. Вам, наверное, нелегко было наполнять ими Ваше воображение, как нелегко отгонять страшные кошмары.

Но они не сон, а настоящее. Или хотят стать настоящим, хотят вытеснить ту действительность, в которой человечество живет тысячелетиями. Вы, как и многие, стараетесь понять, как они могли захватить в свой кулак миллионы. Тут есть какой-то секрет, какой-то «приемчик», который нам, людям, живущим в совсем другом плане, очень трудно разгадать. Вы правильно указываете на страх, как самое ядовитое орудие власти. Но мне думается, что опору их власти составляет умение подбирать сотрудников и исполнителей по признаку их подлости. Для них порочно все, что мы считали добродетелью, а в заслугу ставятся жестокость, бессовестность, полное личное и общественное

бесстыдство. Самое удивительное, что народ этому сорокалетнему равнению на звериность не поддался.

Я не только Вам верю, но и по всему, что доносится из-за занавеса, вижу, что там действительно есть и голубенькие и Софьи Дмитриевны, но я становлюсь в тупик перед Любкиным. Неужели Вы видели, или слышали, что чекист, за которым годы застеночной деятельности, мог затосковать по жизненной <?>.

Я прочла сегодня Вашу статью о Хрущеве (1364). Для меня она упирается все в тот же вопрос о подборе правящего класса, как блюстителя коммунистической власти. Мне думается, что проблему власти они понимают лучше, чем их враги. С точки зрения нашей политики и морали Хрущев, конечно, ничтожество, кровавый комок грязи. Но можно ли считать ничтожеством землю, которая вас душит. А душить он продолжает и для этого находит себе пособников и в России и по всему земному шару. Тут одним брезгливым прением не отделаешься. Я часто ломаю себе голову, как эти мерзавцы держат так называемый аппарат. Мне думается, что сейчас он не столько в руках Хрущева, как у Жукова (1365) или другого солдата. Но кто и как может вырвать его у них и потом перестроить со звериного на человеческий манер.

Что-то я заговорилась, а собиралась написать только несколько слов благодарности за «Мнимые величины». Из всех романов второй эмиграции, которые я читала, это, конечно, самый лучший, самый вдумчивый и яркий. Хотелось бы мне знать, что Вы раньше писали. И еще хотелось бы поговорить с Вами о многом. Если Вы бываете в Вашингтоне, приходите к нам. Я сейчас заканчиваю длинные каникулы и через несколько дней возвращаюсь туда на зимние квартиры. Прожила месяц на ферме у о. Александра Киселева, в бодрящей атмосфере русского детского лагеря.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись.

П. А. Муравьеву

Сентябрь 1.[19]57
Washington

Дорогой Петр Александрович,

Я просмотрела первый номер «Российского демократа» и, согласно Вашей просьбе, выскажу Вам некоторые свои соображения.

Очень хорошо, что Ваша группа продолжает работу С. П. [Мельгунова]. То, что в ряде очерков в журнале обрисован сам Мельгунов, уже придает изданию определенное политическое лицо. Актуальное значение имеет тема об Американском комитете, т. к. она касается острой темы об отношении американцев к национальному

вопросу в России. Жаль, что Полтарацкий (1366) поясняет мысли С. П. [Мельгунова] не цитатами из его речей или писаний, а перекладывает их своими словами. Это особенно касается второго пункта об отношении национальных организаций к Координационному центру. Ведь вопрос этот самый опасный, т. к. Ам[ериканский] комитет стремится великодушно награждать все племена. Очень было бы желательно, чтобы Прасковья Евг[еньевна] [Мельгунова], у которой могут быть интересные записи о том, как началось сотрудничество между ее мужем и Вильямсом, рассказала об этих переговорах. Вернувшись из первой поездки в Мюнхен, С. П. [Мельгунов] мне подробно рассказал о них, но я на свою память не могу положиться. Только помню, что меня поразила неопределенность и политического и организационного подхода. С тех пор прошло несколько лет и многое выяснилось. Для характеристики самого С. П. [Мельгунова] очень важно отметить его доверчивое отношение к американским предложениям. Он думал, что у них нет политики в русском вопросе и что в ее разработку и ему суждено что-то вложить. И ошибся.

Почему Михайловский (1367) пишет, что «нравственный пафос борьбы с коммунистическим [режимом] испарился». Если бы это было бы верно, не стоило бы и журнал издавать. А издавать их необходимо.

В заключение хочу высказать два пожелания. Было бы очень полезно печатать хронику политической жизни эмиграции хотя бы в странах наибольшего ее скопления. Такая хроника явственнее всего покажет, что эмиграция жива. Второе пожелание несравненно более сложное. Давно пора составить краткое толкование того, почему мы непримиримо относимся к коммунизму и что ему противопоставляем. Хотя на разных языках вышло, и все еще выходит, большое количество книг, статей, брошюр, обличающих преступную природу коммунизма, но нет ничего сгущенного, обостренного, облеченного в короткую и неоспоримую форму. Важным пособием могут служить книги Вышеславцева. Конечно, это надо сразу и по-английски печатать.

Кто такой П. Николаев? Он в своей статье об Ам[ериканском] ком[итете] не совсем точно передал то, что я услыхала в их офисе. Но по существу мне это было сказано, и я возражать не собираюсь.

Ваша статья о Гаагском конг[рессе] (1368) очень полезная, только, пожалуй, слишком вежливая. Во мне эти господа вызвали брезгливое чувство. Но, конечно, важнее анализировать возможности эволюции, или революции, чем полемизировать с солидаристами.

Всего хорошего

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

С. Н. Ряснянскому (1369)

9.19.[19]57

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Ко мне приходил В. М. Байдалаков, чтобы поговорить со мной как отметить День Непримиримости и постараться меня привлечь. Явился как будто по поручению от Вас и Б. В. Сергиевского. Я написала С. Л. Войцеховскому, чтобы понять, какую позицию Вы с ним занимаете. Ответа от него не получила, но в кипе газет, кот[орые] здесь в мое отсутствие накопились, я нашла подписанное Вами и Б. В. [Сергиевским] обращение ко всем соотечественникам в свободном мире с предложением присоединиться к выработанной вами декларации. Мне очень хотелось бы получить этот текст, а также сведения о том, что Вами уже сделано.

Мне думается, что руководящая роль в этом должна принадлежать Воинскому Союзу. Его члены первые подняли знамя непримиримости. Они показали народу путь. С тех пор в течение 40 лет он (народ, не союз) противодействует коммунизму, никогда перед ним не сдавался, не склонялся.

Но декларация не должна быть оглядкой на прошлое. Она должна говорить о будущем, смотреть вперед, выражать твердую уверенность, что падение советской власти становится все неизбежнее, все ближе. Под ней надо собрать несколько авторитетных русских подписей и разослать ее в прессу. Когда есть готовый текст и правильные мысли, подписи сами бегут. Я знаю это по опыту одного заявления в покойную Лигу Наций, под которым мы с Саблиным очень быстро собрали очень много подписей. Я очень верю, что и сорокалетие Советов вызовет заслуженный отклик.

От всей души желаю Вашему начинанию успеха.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

Н. С. Арсеньеву

9.22.[19]57

Дорогой Николай Сергеевич,

Поздравляю Вас с возвращением и, как всегда, радуюсь, что Вы поделились светом Вашего знания и познания с русскими и нерусскими слушателями. Ведь у русских думающих людей за последние полвека накопился особый духовный опыт, но не все умеют его выразить в слове. А Вам это дано. Но хорошо, что Вы опять дома, у себя и опять Н[аталья] С[ергеевна Арсеньева] и Ю[рий] С[ергеевич Арсеньев] могут Вас баловать. Это заслуженный уют.

Но мое письмо не только приветствие, а еще и челобитная. Я прошу у Вас совета, а, если можно, то и помощи для очень хорошей рус-

ской женщины. Ее мужа, священника, увезли Советы из Эстонии в Россию, где он теперь состоит настоятелем в одном провинциальном соборе. Она осталась по эту сторону с годовалой дочкой на руках. Она эту дочку вырастила, зарабатывает тем, что служит в госпитале. Жизнь, конечно, трудная. К счастью, девочка и хорошая и способная. Сейчас она учится у Term Lincoln Park Highschool (66 St.). По способностям и общему развитию Наташе, конечно, надо идти в университет. Ей хотелось бы взять специальностью русский язык, вообще руссоведение, но ни мать, ни дочь не умеют разбираться в школьных путях и перепутьях. И я в этом ничего не понимаю. Как ей попасть в колледж? Ведь надо, чтобы кто-нибудь был спонсором. У них такого нет. Я уверена, что Вы эти американские школьные ступени понимаете. Вот я и прошу Вас в один из Ваших приездов в Нью-Йорк принять матушку Тамару и прикинуть, что можно для нее и Наташи сделать. Я очень поддерживаю желание Наташи заняться руссоведением. Она хорошо говорит по-русски и любит русскую литературу. Эти два свойства не всегда бывают у тех, кто берется обучать американцев руссоведению.

Матушка Тамара на работе с раннего утра, вероятно, часов до пяти. М[ожет] б[ыть], Вы ей напишите и укажите в какие дни Вы предполагаете быть в городе и когда Вам было бы удобно ее принять.

Вперед Вас благодарю за все, что Вы для них сделаете. Привет Юрию Сергеевичу. Надеюсь, что или Вы, или он возьмете да и появитесь в Вашингтоне. Вот было бы хорошо.

Адрес мат[ушки] Тамары: Mrs. T.Lukkonen 122-W–109 St. Ap.3A.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись.

С. Л. Войцеховскому

9.25.[19]57

Дорогой Сергей Львович,

Благодарю Вас за письмо, оно мне выяснило положение. Сегодня я получила и от Лампе письмо, которое тоже вносит ясность. Конечно, досадно, что Ряснянский не довел переговоры с Ам[ериканским] к[омитетом] до конца, проще говоря, что он не получил от них чека. Надеюсь, что это удастся исправить. Тут встает основной вопрос об отношении к Ам[ериканскому] к[омитету]. Все-таки жизнь течет и надо с ней считаться. Теперь я вижу, что я была неправа в моей старческой щепетильности. Борьба с коммунизмом заставляет не побарски разбираться в соратниках, а сговариваться со всеми, кто против коммунистов. Нас, конечно, отделяет от Ам[ериканского] к[омитета] их отношение к национальному вопросу, но об этом пока не кричать. Это уж завтрашняя, а не сегодняшняя работа.

В частности, в связи с сорокалетием сейчас ближайшая задача это [–] составить резолюцию, которая выразит основные положения, общие широким кругам эмиграции и отвечающие нашему пониманию настроения в самой России. Я очень одобряю Ваши два положения о непризнании советской власти и о непримиримости. Мне думается, что следует указать на то, что непримиримость к коммунизму объединяет русских людей по эту и по ту сторону занавеса. И где-то вставить, что, по мере того как вскрываются преступления советской власти, непримиримость к ней передается думающим людям всего мира. Я посылаю Вам черновой набросок, который сделал мой сын. Б[ыть] м[ожет], он Вам пригодится для составления резолюции, точнее, декларации. Ее нелегко составить. Тем более что она должна быть короткой.

Я не совсем поняла из Вашего письма, что вы отказались от мысли об опубликовании декларации за подписью немногих или нет. Я считаю, что это было бы полезно, а на митингах будут ее скреплять рукоплесканием. Ведь надо во всем этом помнить, что слова декларации, отчасти и то, что будет говориться на собраниях, должно попасть в радио и в газеты, как русские, так и иностранные. Надо считать преступность советской власти доказанной и выразить уверенность, что почва уходит у нее из-под ног.

В заключение несколько слов о Байдалакове, но это между нами. Он мне похвастал, что получил хороший чек от американцев на издание в Вашингтоне русских сборников, которые будут предназначаться для советской интеллигенции, даже для ее верхушки. Сам Байдалаков будет редактором. Он оставил мне два номера «Заря свободы» со своими статьями. Очень простодушно и написано, и задумано. Но деньги на это он сумел получить. Он собирается принести мне черновик своей декларации на мой суд. Я чем могу, ему помогу, прочту, поскребу, но в здешнем митинге участвовать не собираюсь. Оба главные устроители, Байдалаков и Заречняк (1370), солидаристы. Мне с ними не по дороге. К тому же я публично больше не выступаю, только в печати, когда чувствую в этом надобность.

Еще два слова о том, чьи подписи хотелось бы видеть под этим первым обращением к общественному мнению – два митрополита, Толстая, Сикорский, Сергиевский, Белосельский, Вы. Если нужно, я с удовольствием подпишусь. Вообще, довольно было бы десятка подписей, но таких, кот[орые] сразу дали бы тон устроителям для непримиримости по всем местам русского рассеяния.

Вот пока все, но не исключено, что непримиримость потребует от нас с Вами и дальнейшего обмена мнений.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 7. Машинопись.

Р. Б. Гулю

10.5.[19]57

Многоуважаемый Роман Борисович,

Так как Вы теперь даете мне больше времени для статьи о Маклакове, то я принимаю Ваш заказ и постараюсь к мартовскому номеру написать ее для «Нового журнала». Только прошу Вас сообщить мне, к какому сроку она должна быть готова? Всегда лучше знать предельную дату.

Как жаль, что Панина так мало написала. Я еще не видела той книги, где ее вторая глава.

Кускову читала тоже не последовательно. Но из того, что попало мне в руки, мне больше всего понравилось ее детство. Эта мусульманская струя, врезавшаяся в душу будущей марксистки, очень любопытна, особенно для тех, кто наблюдал Кускову в ее интеллигентском кипении. И написана та первая глава художественно.

Значит, буду ждать от Вас точного указания срока для мартовской книги.

С полным уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Копия.

С. Н. Ряснянскому

10.5.[19]57

Дорогой Сергей Николаевич,

Вчера наша маленькая группа собиралась. Заслушали присланное от Вас обращение, приняли его без прений. В. В. Гзовский сказал: «Тут все главное сказано и хорошо сказано, чего же рассуждать». Это сделано.

Теперь вопрос о распространении и подписях, что предполагает подписи немногих «деятелей» или желательно собрать как можно больше подписей из всех щелей русского рассеяния. Я очень настаиваю, что нужно добиваться не только качества, но и количества единомышленников и предлагаю собирать подписи всеми доступными нам способами. Другие члены нашей группы ни так ни сяк не высказались, а просили меня запросить Ряснянского или Вас, какую Вы наметили тактику, что я и делаю. Т. к. в копии, мне присланной, среди подписей не хватает Вашей и Сикорского, то выгоднее задержать печатание обращения в газетах, пока эта ошибка не будет исправлена. От себя прибавлю, что надо приложить все усилия, чтобы оба митрополита дали свои подписи и это сразу придаст нашему обращению вес. Чем скорее это будет сделано, тем лучше. Буду очень рада, если тот, кто будет просить вл[адыку] Анастасия поддержать нас, присо-

единит и мой голос к этой просьбе. А как с Георгием Ис[ааковичем] Новицким. Было бы очень полезно его привлечь. М[ожет] б[ыть], Борис Васильевич [Сергиевский] это сделает. У Вас список получился очень правый. Когда начнется широкий сбор подписей, к этому всем открыта дорога, но под первым оповещением надо более разнообразный состав. Лучше не слишком торопиться, но подвести более просторный базис.

Я собираюсь написать для «Н[ового] р[усского] слова» статью о Дне Непримиримости и нашем почине. Хотела бы знать, считаете ли Вы это своевременным.

У нас бедно с ораторами. Ряснянский предлагает выписать Шишкова. Что Вы об этом думаете. Нет у нас и председателя. Гзовский отказывается. Они на меня рассчитывали, а я стала ненадежна. Очень сдала.

Сообщаю Вам состав нашей группы: Байдалаков (?), Гречковский, Гзовский, Мейер (1371), Заречняк и его жена. Вот и все. Эти вчера дали согласие поставить их имена. Не очень охотно, но все-таки. Настаивают только на том, чтобы обращение шло под другим титулом, а именно:

Обращение Российского Зарубежья к населению россий[скому]. Я тоже считаю эту поправку необходимой.

И в последнем абзаце надо выбросить «политические и общественные деятели, писатели, журналисты, деятели культуры и искусства», прямо начать со слов «всероссийские». Тут не должно быть никаких намеков на белую и черную кость.

Пожалуйста, сообщите мне, что лучше писать Вам по адресу почт[ового] ящика или на дом. Если последнее, то повторите мне Ваш адрес.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

И. И. Сикорскому

X.6.[19]57

Глубокоуважаемый Игорь Иваныч,

С глубоким чувством удовлетворения узнала я, что Вы подписали «Обращение русского зарубежья к населению России», составленное ко Дню Непримиримости Общевоинским Союзом и Российским политическим комитетом. Я в этом деле тоже принимаю участие, и сознание, что у нас есть такой единомышленник, придает мне бодрости, дает мне смелость обратиться к Вам с горячей просьбой.

В Вашингтоне, по сговору с ОВС и РПК, образовалась параллельная инициативная группа Дня Непримиримости. Как ее председательница я бью Вам челом. В воскресенье, 3 ноября, днем у нас со-

стоится открытое собрание. Я прошу Вас оказать нам честь председательствовать на нем. Ваше появление сразу придало бы всему выступлению соответствующий его целям вес и значение.

Буду ждать Вашего ответа с надеждою, что Вы нас поддержите. Не мне Вам, с Вашим мудрым сердцем и верностью родине, объяснять, как важно для русских людей иметь возможность снова засвидетельствовать свое непреклонное неприятие коммунизма, отвращение к нему. Да и американцам чаще об этом напоминать. Все это Вы не хуже меня знаете. Не могу удержаться, чтобы не сказать Вам, как русские люди в изгнании и в самой России гордятся Вами, как важно для них чувствовать свое родство с Вами.

С глубоким уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

С. А. Водову

24.X.[19]57

Дорогой Сергей Акимыч,

Сейчас получила номер «Русской мысли» от 10 окт[ября] и вижу в нем обращение относительно Дня Непримиримости, подписанное рядом нью-йоркских русских организаций. Ваша газета приходит к нам так медленно и неаккуратно, что я не знаю, было ли у Вас помещено другое обращение, которое я Вам посылала. Я прилагаю его текст и прошу Вас поместить в «Русской мысли». Задачи одинаковые, но в нашем определенно указана ближайшая задача собирать подписи. Тут практическая задача, т. к. если соберется сколько-нибудь выразительное число подписей, тогда это обращение может быть и дальше политически использовано. Поэтому я буду очень признательна, если Вы мою бумажку напечатаете.

Т. к. я живу не в Нью-Йорке, то я была далеко от совещаний, где готовилось «объединенное» выступление эмиграции в эти траурные дни. А они взяли да и перессорились. Все вышло из-за того, что деньги на устройство собрания дал Амер[иканский] комитет. Поэтому ряд организаций не пожелали примкнуть к почину здешнего Воинского Союза, а выступили со своим манифестом, хотя многие из них, включая обе отрасли солидаристов, давно получают финансовую поддержку от американцев и без нее не могли бы развернуться. Я их за это никогда не корила. И Франция и Англия, не говоря о мелких странах, сейчас зависят от американцев. Вся штука в том, насколько такая помощь стесняет свободу суждений и действий. Если помните, я несколько лет тому назад сносилась с Ам[ериканским] ком[итетом] по поводу гранта Вашей газете и считаю, что делала это на пользу, а не во вред русскому делу. Ну, а тут неизвестно зачем устроили бунт

и лишний раз проявили нашу неспособность сговариваться. Досадно и грустно. Насколько я из Вашингтона могу судить, шум подняли те, кто не так уж энергично ведут борьбу за свободу, но чистоту своих риз блюдут с усердием не по разуму.

Байдалаков состоит в нашей группе. Его подписи нет под нашим обращением только по какому-то недоразумению.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

о. Николаю

10.27.[19]57

Глубокоуважаемый отец Николай,

Посылаю Вам оповещение о собрании, которое мы устраиваем 3 ноября, и очень просим Вас пожаловать на него. Ведь вся борьба против коммунизма это как крестовый поход, вот и хочется, чтобы духовные наши руководители разделяли наши мысли и чувства.

Я очень Вам признательна, что Вы меня пригласили на прием в честь владыки митрополита. Я его 30 лет знаю и всегда радуюсь, когда могу с ним встретиться.

С духовным уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

С. Н. Ряснянскому

X.28.[19]57

Дорогой Сергей Николаевич,

Сегодня я писала Б. В. Сергиевскому и спрашивала его, не можете ли Вы приехать к нам на собрание 3 ноября. Теперь об этом пишу и Вам. Ваше появление за председательским столом рядом с Б. В. Сергиевским сразу наложит на весь митинг печать Воинского Союза, от которого все пошло. Т. к. мы должны особенно отметить и помянуть всех, кто действительно боролся против коммунизма, то представительство военной организации более чем желательно.

Очень надеюсь, что Вы откликнетесь на мой зов и приедете вместе с Борисом Васильевичем. Я предлагаю собраться сначала у меня в три часа, а от меня поедем на собрание. Нас ведь очень мало, хотя группа это и звучит гордо.

Само собой разумеется, что мы будем очень счастливы, если от Воинского Союза будет сказано хотя бы короткое слово. Но это уж Вам решать. А я буду очень рада повидать Вас.

[3 ноября в Вашингтоне, в русской православной церкви Св. Николая устраивается День Непримиримости, под председательством Б. В. Сергиевского. Речи произнесут В. М. Байдалаков, Б. К. Ганусовский (1372) и Ю. К. Мейер.]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

1958

Сэмюэлю Хору

March 3, 1958

Dear Sam,

I have not answered to your welcoming letter because my mind and body were rather lazy. At my age it ought to happen. Happily now I am more or less awake and ready to answer your questions.

Your book promises to be very interesting, but the epoch you approach is full of paradoxes and contradictions. And especially all what concerns Russia for the last half of a century. To study the ways of Russian liberalism is also difficult because the Revolution of 1917 washed out all interests for the previous events, including the Duma-center of Russian liberalism. I am just planning a book on it, but I wonder if I shall find an American or English editor for it. Still, without boasting I can say that I am one the last Russian authors who was a witness and a partner of the Liberal Movement. As things stand most of the students of the Russian turmoil are Socialists. The publishers do not care for the memoirs and writings of the non-Socialists. So it is not so easy to name even six books.

In French there are memoirs of S. Sasonoff, of Comte Kokovzeff, Alexandre Paleologue (1373). In this last book you can find many <?> was in Moscow a group of American journalists, who praised Stalin regime. After their return to the States, however, they published features about the last Tsar. In the 30s of this century there more authentic appreciations of what they have seen in Moscow. As far as I know they were all Social Democrats. Among them was a certain William Chamberlain. In 1935 Macmillan (1374) published his «The Russian Revolution». He is rather careful with facts. But I think that you will find more data in the books written by Russians, like V. I. Gurko «Features and Figures of the Past», 1939 Stanford University Press and M. Florinsky (1375) «The End of the Russian Empire», 1931. This last book I have not seen. Lately a book «Russian Liberalism» was published. It is written by George Fisher, who was at school in Moscow. It is a colorless, anemic book, but he gives facts which may be useful to you.

As you see my list is meager. But I shall have a look in the Library of the Congress and perhaps will find more.

And try to get Harold's pamphlet «The Spirit of Russian Revolution». It is still up-to-date.

Now why and how my able and highly minded Cadets, good lawyers, good writers happened to be very poor politicians?

It is a psychological puzzle not easy to solve. They treated the party's activities in too abstract mood, gave them a bookish way, treated with too much confidence systems and rules invented by scholars in foreign lands quite different from Russia. And what a despise for any compromise. Maximalism was a mental disease of Russian intelligentsia and Lenin fully manifested it.

I don't understand your suggestion: «the war being fought was a civil war, and not a war against Germany»? As you intend «to develop this line», perhaps you will not mind to explain it to me. In any case for the first 18 months we were united around the Tsar and his Government, longing for a victory...

«Who were the best among the Cadets»? We were all gute Menschen aber schlechte Musikanten. Neither Milioukoff nor Struve were the strong men needed. The most pathetic of Cadets' faults was to make a leader of Milioukoff. He had not a grain of flair of intuition, not understanding of men. It is not to me to explain to you what such defects mean to a politician.

If you have some more questions – je suis à votre disposition. I am just digging in and thinking in the same direction for my own writing and I shall be only happy to share with you my Russian information.

Дорогой Сэм,

Я не отвечала на твое доброжелательное письмо, потому что мой ум и тело слегка ленились. В моем возрасте это естественно. К счастью, сейчас я более или менее ожила и готова ответить на твои вопросы.

Твоя книга обещает быть очень интересной, но эпоха, к которой ты подступаешься, полна парадоксов и противоречий. И особенно во всем, что касается России последней половины столетия. Изучать состояние российского либерализма сложно также и потому, что революция 1917 размыла всякий интерес к предшествующим событиям, включая и Думоцентризм российского либерализма. Я как раз планирую написать книгу на эту тему, но не уверена, смогу ли найти американского, либо английского редактора для нее. Все же, без хвастовства могу сказать, что я – один из последних русских авторов, свидетелей и участников либерального движения. Так сложилось, что большинство изучающих российскую смуту – социалисты. Издателей не интересуют мемуары и писания не социалистов. Так что непросто и шести книг назвать.

На французском языке изданы мемуары С. Сазонова, графа Коковцова, Александра Палеолога (1373). В этой последней книге ты сможешь найти многое <?>, группа американских журналистов в Москве восхваляла сталинский режим. Однако по возвращении в Штаты они

опубликовали заметки о последнем царе. В 30-е годы этого столетия появились более достоверные свидетельства увиденного ими в Москве. Насколько мне известно, все они были социал-демократами. Среди них был и некий Уильям Чемберлен. В 1935 г. Макмиллан (1374) опубликовал его «Русскую революцию». Он довольно аккуратен с фактами. Но я думаю, что больше информации ты найдешь в работах, написанных русскими, например в книгах В. И. Гурко «Черты и силуэты прошлого», 1939, издательство Стэнфордского университета и М. Флоринского (1375) «Конец Российской империи», 1931. Последнюю книгу я не видела. Недавно была опубликована книга «Русский либерализм». Ее написал Джордж Фишер, который учился в московской школе. Это бесцветная, анемичная книга, но он приводит факты, которые могут быть тебе полезны.

Как видишь, мой список скуден. Но я загляну в библиотеку Конгресса и, возможно, найду что-то еще.

И попробуй отыскать памфлет Гарольда «Дух русской революции». Он все еще не потерял своего значения.

Теперь о том, почему и как мои способные и высоколобые кадеты, хорошие адвокаты, хорошие писатели оказались столь посредственными политиками?

Эту психологическую головоломку разгадать непросто. Они относились к партийной деятельности слишком абстрактно, подходили к ней книжно, чересчур доверчиво воспринимали системы и правила, изобретенные учеными других стран, совершенно отличных от России. А что за презрение к любым компромиссам [!]. Максимализм был ментальной болезнью русской интеллигенции, и Ленин это полностью доказал.

Я не понимаю твое предположение: «Война, которая шла, была войной гражданской, а не против Германии»? Поскольку ты собираешься «развить эту линию», может быть, ты разъяснишь ее мне. Во всяком случае, в первые 18 месяцев мы были объединены вокруг царя и его правительства, стремясь к победе...

«Кто были лучшие среди кадетов?» Мы были все «хорошими людьми, но плохими музыкантами». Ни Милюков, ни Струве не являлись теми сильными личностями, которые были нужны. Самая трогательная ошибка кадетов заключалась в том, что они из Милюкова сделали вождя. У него не было ни грана интуиции, ни понимания людей. Не мне объяснять тебе, что подобные недостатки значат для политика.

Если у тебя есть еще вопросы – я к твоим услугам. Я сейчас как раз осваиваюсь и размышляю в том же направлении для своего собственного сочинения и буду только рада поделиться с тобой своей информацией о России.

А. Тыркова-Вильямс

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Копия.

М. В. Вишняку

13 марта 1958 г.

Многоуважаемый Марк Вениаминович,

Письмо Ваше от 11-го марта получила. Конечно, напечатание интимных писем Гиппиус (1376) и Философова есть вещь непозволительная. Но для меня неясно, в какой форме на это можно и должно реагировать. Я ни в какой писательской организации не состою и не знаю, было ли сделано в Париже, в Союзе писателей какое-нибудь заявление.

Во всяком случае, Мережковские, казалось бы, заслужили более ответственного душеприказчика.

С полным уважением

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Копия.

Е. Д. Кусковой

Март, 15.1958

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

Из «Нового Русского Слова» узнала, что Вы больны и захотелось мне издали послать Вам привет и пожелание поскорее поправиться. У меня эти последние годы смутное, но тягостное чувство, что я Вас лично чем-то задела. Если это так, то прошу прощения. Жаль, что нас разделяют моря и горы. Я давно постучалась бы в Вашу дверь, сначала крепко бы с Вами поспорила, а потом так же крепко-крепко обняла бы Вас и сказала – а теперь прощайте до встречи в мире ином, для которого у меня нет слов, только смутные упования.

От души Вас обнимаю и желаю хорошенько поправиться. Буду очень благодарна, если кто-нибудь из Ваших близких напишет мне, как Вы себя чувствуете.

Ваши воспоминания читаю, конечно, с большим интересом, но, к сожалению, не все подряд. Первые главы очень яркие и выразительные.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Копия.

М. Е. Вайнбауму

5.9.[19]58

Глубокоуважаемый Марк Ефимыч,

Обращаюсь к Вам как к председателю Литфонда.

Я получила письмо от вдовы Б. П. Вышеславцева и вижу, что ей сейчас приходится очень трудно. Она провела несколько месяцев

в больнице и вышла из нее очень изнуренная. Ей нужен режим и строгая диета. Это все требует денег, а денег с трудом хватает на обычное прожитье. Я много лет знаю Н. Н. Вышеславцеву. Если она пишет, что еле справляется, значит, жизнь ее по-настоящему прижала.

Вот я и обращаюсь в Литературный Фонд с просьбой поддержать ее. Насколько я понимаю, вы поддерживаете не только писателей, но и их близких. Тут дело идет не о постоянном пособии, а о единовременной выдаче, которая дала бы ей возможность хоть немного расправиться. Вышеславцев был выдающийся писатель, и было бы тяжело думать, что Ваше общество по каким-либо соображениям отклонит мою просьбу. Но я очень надеюсь на Вашу отзывчивость. Вперед за нее Вас благодарю.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись. Копия.

Письмо Б. М.

5.9.[19]58
Washington

Дорогой Борис Михайлович,

Надеюсь, что Вы еще никуда не улетели, и хочется сказать Вам несколько слов о меморандуме, который Вы составляете для сенатора. Меня очень интересует Ваше отношение к советскому вопросу, который на наших глазах превращается в русский вопрос. Само собой разумеется, что я не думаю, что Советы, проще говоря, коммунисты обрусели. Это невозможно, как невозможно лягушку превратить в слона. Но, судя по разным показателям, там идет процесс медленного противодействия компартии. Оно всегда было, но носило пассивный характер, бессловесный. Теперь раздаются слова. Я придаю очень большое значение тому, что это противодействие явственнее всего сказывается в литературе, в Слове с большой буквы. Очень хотелось бы мне знать, можете ли Вы его проследить в хозяйственной жизни, в особенности в колхозной? В журнале «Октябрь» я прочла очень интересные статьи о переменах в этой области. Там говорится, что с тех пор, как несколько лет тому назад в колхозах изменилась система расплаты за трудодни и колхозники стали больше получать, производительность их очень повысилась. Это ставит ряд вопросов и один из главных это угадать, кому эти изменения идут на пользу, партии или крестьянству? Если последнее, то это значит, что партия была кем-то или чем-то вынуждена идти на уступки. Тут для меня ключ ко многому. Я думаю, что какое-то давление со стороны населения, наконец, стало расти. Задача тех демократических правительств, которые стараются спасти человечество от коммунистического захвата, состоит в том, чтобы дать понять этой антикоммунистиче-

ской оппозиции в России, что у нее есть друзья и союзники. Ведь никакие демократии не справятся с красным агрессором, если русский народ, вообще население России, не будет на их стороне. Тут смысл и симфония современной защитной пропаганды.

Пишу не очень связно, но Вы умеете схватить чужую мысль и мне напишете, как Вы на идущий в России процесс смотрите. А процесс там, несомненно, развивается, и Вы, думается, не можете обойти его молчанием в Вашем меморандуме. Напишите мне обо всем этом хоть несколько слов.

Очень рада за Вас, что Ваши экзотические работодатели за Вами ухаживают. Только не влюбитесь в Гонолулу в цветистую красавицу и возвращайтесь в С. Ш. Все же Вашингтон и Москва это сейчас два главных боевых участка. Я верю, что Вы тоже считаете себя одним из участников мировой борьбы против деспотий всех оттенков. А любопытно было бы знать как можно с высоты профессорской кафедры, хотя бы и Ленинградской, оправдывать «некоторые ошибки». Правда?!

Мы живем более или менее налажено. Сейчас думаем, где взять на океане дачу на июль. Август я, как всегда, проведу у о. А. Киселева. Вероятно, и Катя будет с нами, если отец не повезет ее в Вену. Надеюсь, что нет, хотя там тоже есть бабушка и очень к ней ласковая. У сына работа, конечно, напряженная, но, к счастью, у него темперамент журналиста.

Я не очень крепко стою на ногах. Плачу дань врачам и от этого глупею, что мне совсем не нравится. К тому же понимаю, что старость есть гостья неумолимая, но все еще отбиваюсь по мере сил.

Хотелось бы получить от Вас отклик на мои рассуждения о том, что происходит в России.

Всего хорошего.
Ваша доброжелательница
Ариадна Вильямс

Кто знает – м[ожет] б[ыть], из Гонолулу привезете книгу?!

Карпович свою как будто еще не сочинил.

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 173. Л. 44–44об. Машинопись с подписью и рукописными вставками.

1959

Сэмюэлю Хору

March 3, 1959

My dear Sam,

I have read your chapters with greatest interest, if not with excitement. If only my health would be better I shall deal with it longer, but now I shall make only few remarks in addition to Arkady's which I share.

I would like to draw your attention to the most important question of why the Cadets did not realize that the danger had to be expected from the Left and not from the Right. All through the XIXth century the opposition was a mixed crowd of different Socialist sects and the Liberals of many shades. Miliukov in his famous November (1916) speech in the Duma openly denied any possibility of revolution. It was four months before the <1 нрзб.> February 1917. Before that the defeatism was in hide, creeping along.

By the way I can affirm that Captain Greenfield, the British Naval Attaché was a defeatist. He did not conceal it from me and Harold.

After February Revolt the Socialists have unleashed all destructive forces, but the European public opinion did not realize what a beast was made free.

The temptation of a separate peace was presented to the Cadets by the Germans when they have offered to the remnants of our Central Committee in Petrograd to help us to clear the city from the Bolsheviks and to form a Government. It was present at the secret meeting of the Central Committee when this offer was announced by our colleague Prof. Baron Nolde for discussion. We were indignant. How the Germans dared to speak about it? We were loyal to our allies and should continue the war together with them till the complete victory.

Later on I considered several times whether we made a great & fatale mistake or not?

Now I see from your writing that you have the same doubts.

I have to stop. Better to say my head refuses to work.

With love to you and Maude

Мой дорогой Сэм,

Я прочла твои главы с величайшим интересом, а порой и с волнением. Если бы только мое здоровье было получше, я уделила бы этому больше времени, но теперь ограничусь несколькими замечаниями и дополнениями к ремаркам Аркадия, которые я разделяю.

Я бы хотела обратить твое внимание на самый важный вопрос – почему кадеты не осознавали, что опасность следовало ожидать слева, но не справа. На протяжении всего XIX века оппозиция представляла собой смешанную толпу различных социалистических сект и либералов разных оттенков. Милюков в своей знаменитой ноябрьской (1916) речи в Думе открыто отрицал всякую возможность революции. Это было за четыре месяца до <1 нрзб.> февраля 1917. До этого пораженчество скрывалось, кралось следом.

Кстати, я могу подтвердить, что капитан Гринфилд, английский морской атташе, был пораженцем. Он не скрывал этого от нас с Гарольдом.

После февральского восстания социалисты дали волю всевозможным разрушительным силам, но европейское общественное мнение не осознало, что за зверь вырвался на свободу.

Соблазн сепаратного мира был явлен кадетам немцами, когда они предложили остаткам Центрального комитета в Петрограде помочь очистить город от большевиков и сформировать правительство. Он прозвучал на секретном совещании Центрального комитета, когда наш коллега проф. барон Нольде поставил это предложение на обсуждение. Мы негодовали. Как немцы посмели предлагать такое? Мы были верны нашим союзникам и должны были продолжать войну вместе с ними до полной победы.

Позднее я не раз размышляла, сделали ли мы тогда огромную и фатальную ошибку, или нет?

Теперь из твоего текста я вижу, что и у тебя те же сомнения.

Я вынуждена остановиться. Проще говоря, моя голова отказывается работать.

С любовью к тебе и Мод

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Копия.

М. М. Карповичу

11-го мая 1959 г.
1763 Columbia road
Washington 9. D.C.

Дорогой Михаил Михайлович,

Меня, признаюсь, раздосадовала даже не столько статья И. Ильина, сколь то, что Вы не нашли нужным мне ее показать. Я ведь все-таки еще жива. А он приписывает мне им самим сочиненные слова.

Еще досаднее, что такой сложный, тонкий, запутанный и существенный вопрос кто, как и почему делал революцию трактуется с хлестаковской живостью ума. Ходил в «салон» Тырковой и быстро догадался, что состряпали революцию кадеты и англичане.

Эти мнимые мемуары печатает в своем журнале выдающийся ученый, знаток русской истории, проф. М. М. Карпович. Значит достоверные исторические материалы. Это будет вводить будущих историков в заблуждение.

Я не собираюсь вступать с И. Ильиным в дальнейшую полемику, но буду благодарна за напечатание в следующей книге «Нового Журнала» моего письма в редакцию. Я знаю, что Вы не любите писать письма, но все же прошу Вас сообщить мне, будет ли мое письмо в Вашем журнале, или мне надо будет искать приюта в каком-нибудь другом русском издании. Этого я хотела бы избежать.

Мне говорил проф. Р. Пайпс (1377), что Вы усердно работаете над книгой. Жду ее с большим интересом.

Привет Вашей жене и Вернадским. Если Вы будете в Вашингтоне, навестите нас.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

А. Л. Толстой

12.VI.[19]59

С волнением, с подлинной народной гордостью читала я Ваш, написанной с такой подкупающей простотой, отчет о 20-летии Толстовского Фонда. Читала и радовалась моя русская душа, что такое дело существует. Создан он общими усилиями, но Вы, дорогая Ал[ександра] Льв[овна], тот центр, вокруг которого русские эмигрантские деятели разного калибра объединились. Ваша поразительная энергия, чуткость, отзывчивость, просто Вы сами, какой Бог Вас сделал, Ясная Поляна вырастила, создали ту атмосферу артельной, порой самоотверженной работы, на которой стоит Толстовский Фонд, каждый сотрудник и сотрудница вносят свое, но их объединяло сознание, что они часть общего дела. Когда я читаю или слышу заунывное перечисление грехов эмиграции, у меня есть что на это возразить. Но первое твердое мое возражение – Толстовский Фонд.

Конечно, неотразимое имя Вашего отца имеет волшебное влияние. Но организация Ваша является не только излучением живой связи с Толстым. В Вас <нрзб.> народа. Вы переняли от него какие-то свойства ума и сердца, которые не только Вам, но и Вашим сотрудникам придают силы для общей работы.

Не считайте это общими фразами. Я все еще не выкурила из себя болезнь, кот[орая] выражается, между прочим, в том, что я с небывалым для меня трудом пишу даже короткие записки. Но я не могла не сказать Вам, как я счастлива, что существует Толстовский Фонд и его одухотворенные сотрудники и что существуете Вы, дорогая Алек[сандра] Льв[овна] Толстая.

Многие лета вам всем

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

М. М. Карповичу

7.29.[19]59

Дорогой Михаил Михайлович,

Мои добрые знакомые пишут мне из Нью-Йорка довольно невероятную вещь, будто в номере «Нового журнала», который выходит

в августе, будет помещено и мое письмо в редакцию и ответ на него Ильина. Правда ли это? Вы в Вашем письме ко мне признали, что были неправы, не показав мне его воспоминаний, а теперь как будто опять помещаете его возражения, не показав его мне. Это опять нарушает наши литературные традиции. Очень Вас прошу не печатать замечаний Ильина, не показав их мне. Прошу Вас как историка понять мою настойчивость. Англо-русские отношения начала XX века это отдельная страница нашей истории. Разбираться в ней, понять, кто какую роль в ней играл, нелегко. Намеки Ильина сводятся к тому, что английское посольство поощряло революцию, что Гарольд Вильямс играл роль посредника, а наш дом был прибежищем тайных дипломатических сговоров.

Это я категорически отрицаю. Английским послом был тогда в России сэр Джордж Бьюкенен. В своих воспоминаниях он рассказал, как, нарушая все требования протокола, он дважды предупреждал императора Николая, что революция надвигается. Если бы англичане старались ее вызвать, зачем было бы это делать?

Я опасаюсь, что возражения Ильина на мое письмо внесут не разъяснения, а только путаницу и потому прошу Вас не печатать его письма, не показав его мне.

Я поняла из Вашего письма, что Вам нездоровится. От всей души желаю Вам поскорее поправиться и очень извиняюсь, что утомляю Вас своими письмами. Но ведь это не личное мое дело, а забота о русской истории.

Мой привет Вашей жене

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись.

Письмо Б. М.

X.1.[19]59
Sea Cliff

Дорогой Борис Михайлович,

Не удивляйтесь, что я не откликаюсь на Ваши, порой очень занятные письма, которые чуть-чуть отдают брачными объявлениями в «Н[овом] Рус[ском] Слове». Вы, я вижу, жених нарасхват, а мы развлекаемся только тем, что пишем докторам чеки. Вот уже год как мы с Тамарой болеем, то в одно время, то врозь. Устали и мы и наш неутомимый пестун, Ар[кадий] Альф[редович]. Авось в наступающий сезон будет все это легче. Очень уж здесь климат язвительный.

Ваших мудрствований о каком-то христианском марксизме не поняла. Марксизм неразрывен с материей, с материализмом, а христианство – это прежде всего дух, Святой Дух. Как же Вы хотите это свить вместе?

А вот что любопытно. В тюремных стенах марксизма пробивают трещину не атомные бомбы, а романы – Дудин (1378), Пастернак (1379), теперь Шолохов (1380). Скажите это Вашим студентам, а не вбивайте им в головы чепухи о христ[ианском] марксизме. Такой новый способ преодолевать твердыни марксистского самодержавия может дать очень любопытные, новые формы борьбы с красным деспотизмом.

Вот. Теперь буду собирать свои вещи, т. к. завтра мечтаю вернуться в Вашингтон.

Когда женитесь, меня на свадьбу (бы?) не зовите.

Всего хорошего.

Ариадна Вильямс

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 173. Л. 48–48об. Автограф.

1960

А. Л. Толстой

9.6.[19]60

Дорогая Александра Львовна,

Вы, надеюсь, уже получили от моего сына письмо, где он, от имени А. О. Гукасова, просит Вас написать для «Возрождения» по случаю 50-летия смерти Вашего отца статью или хотя бы заметку.

Не мне Вам указывать тему. Он – тема неисчерпаемая. Для читателей, – я уж не говорю о себе, – было бы живительно увидать Вас на страницах «Возрождения». Я хочу написать как меня возил в Ясную Поляну Дмитрий Ив[анович] Шаховской. Там я так явственно почувствовала, хотя толстовкой никогда не была, что Лев Ник[олаевич] – солнце тогдашней эпохи. Не знаю, сумею ли это выразить, так как все еще не преодолела своей инвалидности, но сделаю как могу и от всего сердца.

Очень буду счастлива, если Вы согласитесь на нашу просьбу.

А. О. Гукасов [просил] передать ему материал не позже начала октября.

Я через несколько дней возвращаюсь домой, к сыну, т[ак] ч[то] прошу Вас ответить по моему городскому адресу, 1763 Columbia Rd. Washington 9. D.C.

Как было бы хорошо, если бы Вы ко мне там когда-нибудь заглянете.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись.

Н. В. Нарокову

Сент[ябрь] 6. 1960
1763. Col.

Многоуважаемый Николай Владимирович,

А. О. Гукасов решил выпустить в ноябре № «Возрождения», посвященный Толстому и обратился ко мне с просьбой написать и помочь ему найти для этого писателей. Задача не легкая, и я не знаю, что можно сделать в такой короткий срок. Сама я все время хворала и никак не могу распрямиться, но все-таки обещала попытаться. Считаю, что и «Возрож[дение]» надо поддержать. Слишком было бы тесно остаться с одним «Новым журналом».

Вот я и прошу Вас написать статью. Я думала, что Вы могли бы осветить политическое лицо. Но это уже Ваше дело. Полезно было бы коснуться его влияния, из какого источника оно шло. Сама я хочу рассказать о своей поездке в Ясную Поляну.

На днях я возвращаюсь в Вашингт[он], буду там ждать от Вас ответа.

С искренним уважением
Ар[иадна] В[ладимировна Тыркова]

P.S. С большим чувством удовлетвор[ения] читаю газетные сообщения о Ваших успехах у международных читателей. Ведь до них достучаться нелегко.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Копия.

А. О. Гукасов

9.9.[19]60

Дорогой Абрам Осипович,

Вы меня своими похвалами не шутя смутили.
«Не бойся едких осуждений,
Но упоительных похвал»

А все-таки спасибо за них. Каждому человеку приятно, когда его хвалят, да еще так живописно.

Теперь о деле. Сын Вам, наверное, уже сообщил, что Толстой он написал. И я ей написала, посмотрим, что она ответит. Я написала еще Ник[олаю] Вл[адимировичу] Нарокову, 1072, Hellam St. Mounterey, California. Если он согласится, Вам надо написать ему от редакции, скрепить мою просьбу. Вообще найти писателей в такое короткое время не легко. Надо попытать счастья, обратиться к А. В. Карташеву. Я не знаю, в каких Вы с ним отношениях. Надо Вам

написать Карташеву, а я, если понадобиться, скреплю Вашу просьбу. Если он и Толстая напишут, так чего же лучше? Не попросить ли заметку у Ник[олая] Серг[еевича] Арсеньева. Он сейчас в Мюнхене — 63, Hotel Savoy. Tengst. 20. Только ему надо точно указать размеры, предложить 3–4 стр.

Теперь о моей статье. Я ведь очень сдала и давно не писала. Это будет своего рода проба после очень длинного перерыва. Я попытаюсь написать о том, как я была в Ясной Поляне.

Через день или два я возвращаюсь к себе домой, в Вашингтон, там сразу примусь за статью. И тогда скажу определенно, можете ли Вы на меня рассчитывать или нет. Хотелось бы эту памятку оставить, но это зависит не от моей доброй воли, а от моей хвори.

А Вы сами не хотите написать? Ведь Ваше письмо ко мне очень выразительное редакторское письмо. Но Вейнбаума не поносите!

С приветом от 90-летней
Ариадны Вильямс

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 22. Машинопись.

А. О. Гукасову

29.9.[19]60

Д[орогой] А[брам] О[сипович],

Памятку о Толстом надеюсь Вам выслать завтра (1381). Вы с такой юношеской горячностью просили меня ее написать, что я не могла устоять, хотя в такой короткий срок нелегко писать о таком человеке. Ну, ничего, зато благодаря Вам провела несколько дней в обществе такого человека, что когда подумаешь, голова начинает кружиться. Надеюсь, что Вы получили статью от Левицкого. Он <нрзб.> Досадно, что не могу поговорить с Вами об обстоятельствах «Возрождения». Я, как и Вы, отношусь к этому журналу во всех <нрзб.>. как к живому существу.

С интересом буду ждать, что Вы успели собрать о Толстом.

А ведь я уже без малого полвека сотрудничаю в «Возрождении»!!

С искренним ува[жением]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись.

Н. С. Коростовцевой

X.3.[19]60

Многоуважаемая Нина Сергеевна,

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. На стр. 3-й моей памятки о Толстом, которую я отправила Абрам Осиповичу, два раза упоминается, но без инициалов Добролюбов. Пожалуйста, поставьте А. М. Нынешние читатели плохо разбираются в истории русской литературы и легко спутают его с критиком Н. А. Добролюбовым. Буду Вам очень признательна за эти две буквы.

Сентябрьскую книгу «Возрождения» еще не получила. Жду. Мне говорили, что тираж его растет. Не знаю, так ли это, но слух приятный.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись.

Комментарии

КОММЕНТАРИИ

[1] Возможно, Тыркова имеет в виду умершего в 1890 брата Алексея (1865–1890).

[2] Ковалевская Софья Васильевна (1850–1891) – математик, первая женщина – член-корреспондент Петербургской АН (1889). Чтобы иметь возможность заняться наукой, вступила в 1868 в фиктивный брак (ставший позднее фактическим) с В. О. Ковалевским. Обучалась в Гейдельберге, Берлине. Доктор философии Гёттингенского университета (1874). Профессор математики Стокгольмского университета (с 1884).

[3] Спенсер (Spencer) Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог, основатель «органической школы» в социологии. Общество, с его точки зрения, организм, подобный живому организму, и так же, как и он, развивается постепенно, эволюционно; противник революции. Идеолог либерализма.
Тыркова, очевидно, имеет в виду «Принципы этики» (The Principles of Ethics, 2 vol., 1892–1893). В этом труде Спенсер излагает основополагающий для своей философии принцип индивидуализма: «Каждый человек волен делать то, что желает, если не нарушает при этом равную свободу любого другого человека».

[4] Петербургский Комитет грамотности возник в 1861 при Вольном экономическом обществе. Комитет инициировал открытие школ для подготовки сельских учительниц, проводил конкурсы на лучший учебник для начальной школы, издавал дешевые народные книги. В ходе кампании по борьбе с голодом (1891–1893) занимался сбором средств для голодающих, организовывал школьные столовые. В работе Комитета принимали участие Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский, В. В. Стасов, Н. А. Рубакин, А. М. Калмыкова, П. П. Семенов-Тян-Шанский, И. В. Вернадский, С. Ф. Ольденбург и др. Деятельность Комитета вызывала раздражение властей. В 1895 он был закрыт, а на его основе создано Петербургское общество грамотности, подчиненное Министерству народного просвещения. В знак протеста 600 членов Комитета вышли из его состава.

[5] «Гедда Габлер» (Hedda Gabler) – пьеса норвежского драматурга Г. Ибсена.

[6] Ибсен (Ibsen) Генрик (1828–1906) – норвежский драматург; театральный деятель (в 1852–1857 возглавлял в Бергене первый национальный норвежский театр, в 1857–1862 – Норвежский театр в Христиании).

Основатель «новой драмы», в своих пьесах («Кукольный дом», 1879; «Привидения», 1881 и мн. др.) поднимал проблемы внутренней свободы человека, ущербности мещанской морали, разрабатывал тему «сильной личности». В России драмы Ибсена пользовались особой популярностью, многие из них ставились на сцене МХТ К. С. Станиславским. К анализу творчества Ибсена обращались Андрей Белый, А. Блок, Вс. Мейерхольд, Д. Мережковский и др.

[7] Тырков Сергей Владимирович (1867–1914) – брат А. В. Тырковой.

[8] Тырков Дмитрий Алексеевич (1821–1885) – брат отца А. В. Тырковой.

[9] Аввакум (в миру Аввакум Петрович Кондратьев) (1620 [по др. свед. 1621] – 1682) – протопоп г. Юрьевца-Поволжского, духовный писатель. Противник реформы патриарха Никона, идеолог и один из вождей старообрядчества. В 1667 по решению Церковного собора был сослан в Пустозёрск, где 15 лет просидел в земляной тюрьме, написал более 70 произведений, в том числе «Житие». Позднее был сожжен в срубе.

[10] Никон (в миру Никита Минин [Минов]) (1605–1681) – шестой патриарх Московский и всея Руси (с 1652), имевший также титул Великого Государя. Инициатор церковной реформы, ориентированной на приведение русских православных обрядов и книг в соответствие с греческими. Следствием реформы явился раскол Русской церкви на сторонников Никона («никониан») и его противников («старообрядцев»).

[11] Пашков Афанасий Филиппович (?–1664) – воевода. Будучи воеводой в Енисейске (с 1650), а затем первым воеводой «в Китайской и Даурской землях», выстроил Балаганский острог. Отличался жестокостью. Надзирал за протопопом Аввакумом во время его первой ссылки.

[12] Алексей Михайлович, по прозвищу Тишайший (1629–1676) – русский царь (с 1645), второй царь из дома Романовых.

[13] Морозова Феодосия Прокофьевна (1632–1675) – деятельница старообрядчества, сподвижница протопопа Аввакума, боярыня. Дочь окольничего П. Ф. Соковнина, родственника жены (Милославской) царя Алексея Михайловича. В 1649 выдана замуж за боярина Г. И. Морозова; в 1662 овдовела. Около 1670 тайно постриглась в монахини под именем Феодоры. За принадлежность к старой вере арестована в ночь на 16 ноября 1671, ее состояние было конфисковано. Зимой 1673 подвергнута пыткам. Позднее отправлена в Боровск, где её уморили голодом в земляной тюрьме.

[14] Урусова (урожд. Соковнина) Евдокия Прокофьевна (?–1676) – деятельница старообрядчества; княгиня, верховая боярыня. Под влиянием сестры, Ф. П. Морозовой, и протопопа Аввакума, бывшего ее духовником, стала ревностной защитницей старой веры. В 1671 аре-

стована; уморена голодом в земляной тюрьме Боровска. Признана раскольниками за преподобную мученицу.

[15] Петр I Великий (1672–1725) – российский царь с 1682 (правил с 1689), первый российский император (с 1721).

[16] Гордон Патрик Леопольд (в России – Петр Иванович) (1635–1699) – генерал-лейтенант русской армии (1683), контр-адмирал русского флота (1693). Дворянин из шотландского рода. Служил в шведских и польских войсках. С 1661 на русской службе. Сподвижник Петра I.

[17] Возможно, Арабажин Константин Михайлович (1866–?) – писатель, публицист, преподаватель. Окончил историко-филологический факультет Университета св. Владимира в Киеве. С конца 1890-х преподавал в петербургских военных учебных заведениях и театральном училище. В 1899–1900 редактор газеты «Северный курьер» (совместно с кн. В. В. Барятинским). Автор биографических очерков для изданий сочинений М. Ю. Лермонтова и И. А. Крылова, ряда статей для «Энциклопедического словаря». Сотрудничал в периодических изданиях; писал театральные рецензии для «Биржевых ведомостей». Читал лекции в Петербурге, Москве, провинции о русской и иностранной литературе, которые позднее были опубликованы отдельными изданиями.

[18] Давыдова (урожд. Горжанская) Александра Аркадьевна (1848–1902) – дочь московского актера, издательница журнала «Мир Божий».

[19] Муся – младшая дочь А. А. Давыдовой Мария Карловна, в первом замужестве Куприна, во втором Иорданская (1881–1966), издательница журнала после смерти матери, автор книги воспоминаний «Годы молодости» (М., 1966).

[20] Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861–1928) – журналистка, писательница; феминистка. Печаталась в журналах «Жизнь», «Начало», «Русское богатство», «Мир Божий». Роман «Ключи счастья» (1909) был экранизирован. Произведения Вербицкой пользовались особой популярностью, хотя писательницу обвиняли в приспособлении к массовому вкусу.

[21] Возможно, Дадонов В. – беллетрист, опубликовал статью «Русский Манчестер» в журнале «Русское богатство» (1900).

[22] «Мир Божий» – ежемесячный литературный и научно-популярный журнал; издавался А. А. Давыдовой в Петербурге (с 1892), под ред. В. П. Острогорского. Закрыт осенью 1906. С октября 1906 по 1918 выходил под названием «Современный мир», с мая 1909 – под ред. Н. И. Иорданского.

[23] Стасов Дмитрий Васильевич (1828–1918) – художественный критик, общественный деятель, адвокат. Одна из ключевых фигур культурной жизни России. Входил в число организаторов и директоров Русского музыкального общества (1859). Занялся адвокатурой (с 1866), первый

председатель петербургского Совета присяжных поверенных. Выступал защитником на политических процессах по делам ишутинцев. нечаевцев и др. Находился под негласным надзором полиции, подвергался арестам (1861, 1879). Автор «Музыкальных воспоминаний» (1909).

[24] Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – экономист, публицист, общественный деятель. Приват-доцент Петербургского университета по кафедре политэкономии (1895). Сотрудничал в легальных марксистских изданиях. В 1898 защитил докторскую диссертацию. Активно участвовал в кооперативном движении, в 1909 возглавил журнал «Вестник кооперации».

[25] Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – публицист, социолог, литературный критик; один из теоретиков народничества. Сотрудничал (с 1868) в журнале «Отечественные записки» (в дальнейшем один из редакторов), после его закрытия (1884) – в журналах «Северный вестник», «Русская мысль», газете «Русские ведомости». Один из редакторов журнала «Русское богатство». Печатал статьи в народнической газете «Народная воля». Пользовался большой популярностью в демократических и революционных кругах России. Как литературный критик продолжал традиции Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

[26] Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – писатель, драматург, критик, журналист, театральный деятель. Сотрудничал в ряде периодических изданий, в частности заведовал иностранным отделом «Отечественных записок» (с 1871). Написал свыше 100 романов, повестей, пьес. Автор неоконченных мемуаров «За полвека». Почетный академик Петербургской Академии наук (1900).

[27] «Отечественные записки» – ежемесячный литературный и политический журнал, выходил в 1839–1884 в Петербурге. До 1868 издатель А. А. Краевский, в 1868–1877 – Н. А. Некрасов, затем М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев. После смерти Некрасова в редакцию вошел Н. К. Михайловский.

[28] «Русское богатство» – научный, литературный и политический журнал, издавался в 1876–1918. Основан в Москве, с середины 1876 выходил в Петербурге (до 1876 – 3 раза в месяц, затем ежемесячно). После 1892 журнал возглавили Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко. Журнал стал центром легального народничества. В 1894–1895 вел теоретическую борьбу с марксистами. В журнале сотрудничали писатели: Н. Г. Гарин-Михайловский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, К. М. Станюкович, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев, М. Горький, А. И. Куприн, В. В. Вересаев.

[29] Семевский Василий Иванович (1848 [по др. свед. 1849]–1916) – историк; общественный деятель. Был отстранен от преподавания в Пе-

тербургском университете за «вредное направление» (1886). В январе 1905 арестовывался. Председатель Комитета помощи освобожденным узникам Шлиссельбурга (1905), член Комитета по оказанию помощи политссыльным. Член Партии народных социалистов. Один из создателей и редакторов журнала «Голос минувшего» (1913).

[30] Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, публицист; политический и общественный деятель. Один из создателей журнала «Освобождение» в 1902, автор его программы, опубликовал в журнале ряд статей (псевд. С. С.), в которых выступал в защиту конституционной формы правления России. В июле 1904 кооптирован в Совет «Союза освобождения». Активный участник Парижской конференции оппозиционных и революционных партий 1904. Один из создателей в 1905 Союза Союзов (председатель в мае–августе). Лидер кадетской партии. С февраля 1906 редактор (совместно с И. В. Гессеном) газеты «Речь», автор почти всех ее передовиц. В мае-июне 1906 и мае 1907 вел переговоры с С. Ю. Витте, Д. Ф. Треповым и П. А. Столыпиным о возможности вхождения кадетов в правительство. Фактический руководитель кадетской фракции в Государственной думе. Депутат III–IV Государственной думы.

[31] Анненский Николай Федорович (1843–1912) – публицист, статистик; общественный и политический деятель. Один из организаторов русской земской статистики. Под его руководством выходил «Статистический ежегодник Петербурга» (1898–1900). Член редакции журнала «Русское богатство» (с 1895; возглавил редакцию с 1904). Председатель многих оппозиционных союзов и обществ. Входил в комитет по проведению «банкетной кампании» (1904). Товарищ председателя «Союза освобождения». Неоднократно арестовывался. Один из основателей Трудовой народно-социалистической партии и председатель ее Организационного комитета (1906). В последние годы жизни отошел от политической деятельности.

[32] «Контрабандисты» (первонач. назв. «Сыны Израиля») – пьеса, написанная С. К. Литвин-Эфроном в соавторстве с В. А. Крыловым (псевд. – В. Александров); описывала быт и нравы российских евреев, живущих на западной границе и занимающихся контрабандой. Ее постановка готовилась в Суворинском театре (официально – Театр Литературно-Художественного общества) в Петербурге осенью 1900. Однако антисемитская направленность пьесы спровоцировала скандал в театре и обществе. Актриса Л. Б. Яворская публично отказалась от главной роли в пьесе, ее муж – кн. В. В. Барятинский в газете «Северный курьер» писал (22 ноября 1900): «Возбуждая страсти и дурные инстинкты толпы, антисемитизм на сцене может привести к новым погромам». 23 ноября 1900 состоялась премьера. Спектакль был фактически сорван во многом из-за студенческой демонстрации, организованной студенческим кружком «Полярная звезда». Полиция

арестовала около 100 чел. 24 ноября было издано предписание всем газетам и журналам воздержаться от сообщений о спектакле. Часть труппы (37 чел.) подали в дирекцию театра прошение об увольнении Яворской как зачинщицы скандала.

[33] Ольденбургский Петр Александрович (1868–1924) – принц, генерал-майор свиты. Муж великой княгини Ольги Александровны, дочери императора Александра III.

[34] Яворская – сценическое имя драматической актрисы Лидии Борисовны Барятинской (урожд. фон Гюббенет) (1872–?). Обучалась на драматических курсах в Петербурге (с 1883). Играла два сезона в московском театре Корша (с 1893). В 1895 приглашена в петербургский Театр Литературно-Художественного общества, который к тому времени являлся частным предприятием А. С. Суворина. В 1900 покинула театр в связи со скандалом, сопровождавшим постановку пьесы «Контрабандисты» (отказалась от исполнения главной роли, участвовала в организации демонстрации протеста). В 1901 основала в Петербурге собственный «Новый театр». Сотрудничала в «Киевлянине», «Сыне Отечества», «Северном курьере», «Новостях», «Всемирном вестнике».

[35] «Новое время» – одна из крупнейших российских ежедневных политических и литературных газет. Выходила в 1868–1917 в Петербурге (до № 234 1869 – 5 раз в неделю, затем ежедневно); с 1881 выходило 2 издания – утреннее и вечернее; в 1891 газета имела ежедневное иллюстрированное приложение. Редакторами разновременно являлись: Ф. И. Булгаков (1901–1908), М. А. Суворин (1903–1916), М. Н. Мазаев (1910–1916). Издатель – А. С. Суворин (1876–1912), с № 13086 (1912) – «Товарищество А. С. Суворина». Газета имела сначала либеральную направленность, с переходом к А. С. Суворину в 1876 стала консервативной. Закрыта по решению Петроградского ВРК 25 октября (8 ноября) 1917.

[36] Речь идет о Союзе взаимопомощи русских писателей при Русском Литературном обществе. П. Н. Милюков был избран в члены Союза в ноябре 1899 как член редакции «Мира Божьего», вскоре он был избран членом комитета и казначеем Союза. Милюков выступил против принятия в Союз К. М. Арабажина. Несмотря на то что в комитете мнение Милюкова не нашло поддержки, общее собрание Союза забаллотировало кандидатуру Арабажина.

[37] Ковалевский Павел Иванович (1849–1931) – психиатр, общественный деятель. Ректор Варшавского университета (1892–1897). Читал судебную психипатологию на юридическом факультете Петербургского университета (с 1899), работал старшим врачом психиатрического отделения Николаевского военного госпиталя. Заведовал кафедрой психиатрии Казанского университета (1903–1906). Его называли «отцом русской психиатрии». Основатель и редактор журнала «Архив

психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии» (1893); соредактор выходящего в Германии психиатрического журнала. Автор более 300 научных работ. Идеолог «русского национализма». Член «Русского Собрания». Участвовал в деятельности Русского окраинного общества. Активный участник Всероссийского национального союза, Всероссийского национального клуба. Член редколлегии «Известий Всероссийского национального клуба», некоторое время состоял председателем издательской комиссии клуба. Одна из наиболее известных его работ – «Русский национализм и национальное воспитание в России» (1912).

[38] Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – государственный деятель. Директор (1884–1893) Департамента полиции МВД; назначен членом Особого совещания о государственной охране. Сенатор (с 3 февраля 1893), присутствовал в 5-м (1893–1894) и 1-м (1894–1900) департаментах. Товарищ министра (1900–1905) и министр (1905–1906) внутренних дел. 30 октября 1905 назначен членом Государственного совета; в 1906–1915 ежегодно назначался к присутствию, председатель группы правых. В марте 1911 по требованию П. А. Столыпина уволен «в отпуск» до 1 января 1912 за выступление против законопроекта о земстве в западных губерниях.

[39] «Северный курьер» – ежедневная политическая и литературная газета. Выходила в Петербурге с 1 ноября 1899 по 22 декабря 1900 под редакцией К. М. Арабажина и кн. В. В. Барятинского. Особое внимание в газете уделялось вопросам экономического развития в сельском хозяйстве и промышленности, состоянию земского и городского самоуправления, русской школе. На страницах газеты печатались П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, К. М. Станюкевич, С. А. Венгеров, В. А. Яковлев-Богучарский и др. Газета закрыта на основании 148 ст. Устава о цензуре.

[40] Имеется в виду жена М. И. Туган-Барановского – Лидия Карловна (урожд. Давыдова) – соученица А. В. Тырковой по гимназии кн. А. А. Оболенской.

[41] Данные А. В. Тырковой неточны – за участие в студенческой забастовке в Киевском университете (ноябрь 1900) по распоряжению министра просвещения Н. П. Боголепова (от 10 января 1901) в солдаты было отдано 183 киевских студента.

[42] В начале 1901 за участие в неразрешенной сходке были отданы в солдаты 28 петербургских студентов.

[43] Боголепов Николай Павлович (1846–1901) – государственный деятель. Профессор римского права в Московском университете, ректор университета (1883–1887; 1891–1893). Во время его ректорства был утвержден и введен в действие новый Устав (1884), лишивший университет автономии, отменивший выборность ректоров и деканов.

Министр народного просвещения. Проводил жесткий курс на подавление студенческих волнений. По его распоряжению 183 киевских студента были отданы в солдаты. Покушение на него 14 февраля 1901 совершил студент П. В. Карпович, исключенный из Московского, а затем и из Юрьевского университетов за участие в революционной деятельности. Скончался от полученной раны.

44 Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – журналист, издатель, предприниматель, драматург. Издатель и фактический редактор петербургской газеты «Новое время» (с 1876). Основал книжный магазин, издавал «Русский календарь» (с 1872), «Дешевую библиотеку», сочинения русских и иностранных писателей, научную литературу и т. д., а также справочники: «Весь Петербург» (с 1894), «Вся Москва» (с 1895), «Вся Россия» (с 1895). В 1880 основал новый историко-литературный журнал «Исторический вестник». Создал издательскую фирму (1911), «Контрагентство печати» – организацию, занимавшуюся сбором информации и распространением периодических и др. печатных изданий по всей России. Организовал театр Литературно-артистического кружка (позже – Театр Литературно-Художественного общества; открыт в 1895); его репертуар строился на лучшей современной и классической драматургии. Однако после политического скандала в связи с постановкой пьесы В. А. Крылова и С. К. Литвина-Эфрона «Контрабандисты» имя Суворина стало в среде либеральной интеллигенции одиозным, поддерживал политику П. А. Столыпина. Автор ряда пьес.

45 В Эртелевом пер. (с 1923 – улица Чехова) в Петербурге А. С. Суворину принадлежал дом 6, а в доме 13 располагалась принадлежащая Суворину типография газеты «Новое время».

46 Агафонов Евгений Андреевич (1879–1955) – художник. В 1899–1907 обучался в Петербургской Академии художеств. За участие в демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 был выслан из столицы и сослан в Ахтырку. В дальнейшем жил в Харькове. В революцию 1905–1907 иллюстрировал местные сатирические журналы «Штык», «Меч», «Злой дух» и др. С 1908 активно выставлялся в «Товариществе харьковских художников», на выставке в Киеве, в Ростове-на-Дону и Курске. В 1909 основал в Харькове экспериментальный театр «Голубой глаз» (закрыт в феврале 1911), для которого оформил ряд постановок, в том числе «Незнакомку» А. А. Блока, позднее показанную в Петербурге. Организовал авангардистское объединение «Кольцо» (1911–1914), участвовал в его выставках. В 1913 вступил в группу «Бубновый валет» и экспонировался на ее выставках в Петербурге.

47 Имеются в виду так называемые «Временные правила», утвержденные 29 июля 1900 г. императором, согласно которым студенты исключались из университетов и отдавались в солдаты за «грубое не-

повиновение» начальству, за подготовку и организацию беспорядков в стенах заведений и вне их.

[48] Жуковская Екатерина Ивановна (урожд. Ильина; по первому мужу Ценина; псевд. Торохов, Д; 1841–1913) – переводчица, мемуаристка; общественная деятельница; жена экономиста и публициста Ю. Г. Жуковского. Активная участница социального эксперимента – Знаменской (Слепцовской) коммуны. Сотрудничала в «Вестнике Европы», «Современнике» (переводы). Автор воспоминаний «Записки».

[49] Зволянский Сергей Эрастович (1854 [по др. свед. 1855] –1912) – чиновник, в 1895–1897 вице-директор Департамента полиции, в 1897–1902 – директор.

[50] Икскуль фон Гильденбрандт (урожд. Луж(т)ковская) Варвара Ивановна (1850 [по др. свед. 1846]–1928) – баронесса, известная петербургская благотворительница, общественная деятельница, писательница. Имела в Петербурге литературный салон. Возглавляла правление Общины сестер милосердия (с 1900), по ее инициативе при Общине была создана школа подготовки квалифицированных сиделок. Организовывала в Петербурге благотворительные концерты, балы, собрания. В начале 1920-х эмигрировала в Париж.

[51] Барятинский Владимир Владимирович (1874–?) – князь; писатель, драматург, публицист. Окончил курс в морском училище, два года прослужил в гвардейском экипаже. С 1896 занялся литературной деятельностью. Публиковал в «С.-Петербургских ведомостях» статьи о театре и рассказы, в «Новом времени» – сатирические очерки великосветской жизни (под псевд. «Барон on dit»). Издавал газету «Северный вестник» (1899–1900). В 1901 вместе с женой (Яворской) возглавил «Новый театр». Поставил сатирическую трилогию «Сергей Наблоцкий», а также «Последний Иванов» (1902), «Пляска жизни» (1903), «Светлый царь» (1904). Автор пьес: «Во дни Петра» (1899), «Шелковичные черви» (1906), «Контора счастья» (1907), «Комедия смерти» (1910). Читал лекции в Англии и Франции по русской литературе и истории.

[52] Имеется в виду Султанова (урожд. Леткова) Екатерина Павловна (1856–?) – публицист, писательница. Окончила Московские Высшие женские курсы. Публиковала публицистические и беллетристические работы в журналах: «Русская мысль», «Русское богатство», «Отечественные записки», «Друг женщин», «Северный вестник» (подписывалась Е. Леткова). Поздние произведения помещала главным образом в «Русском богатстве», они также вышли отдельно в 4-томном издании. Активно работала в Обществе вспомоществования Высшим женским курсам и в Литературном фонде (член Комитета).

[53] Маковская (урожд. Леткова) Юлия Павловна (1859–1954) – жена художника К. Е. Маковского (1875–1898). Считалась первой красави-

цей С.-Петербурга. Изображена на многих полотнах художника, в частности, сохранилось несколько ее портретов кисти Маковского. Одного из их сыновей (Владимира) крестил великий князь Алексей Александрович, брат Александра III.

[54] Карпов Евтихий Павлович (1857–1926) – режиссер, драматург. Написал св. 20 пьес, которые ставились в Московском Малом театре, в петербургских театрах – Александринском, Литературно-Художественного общества, в Народном доме). В 1889 работал как режиссер. В 1896–1900 – главный режиссер, в 1916–1926 – режиссер Александринского театра, параллельно (в 1900–1908 и 1914–1916) работал в театре Литературно-Художественного общества). Поставил в Петербурге пьесу «Контрабандисты».

[55] Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, публицист; партийный деятель. Сотрудничал в журнале «Русское богатство» (с 1893), член редколлегии (с 1904). В 1901 во время студенческих волнений арестован и выслан из Петербурга (до 1904). Активный участник Союза Союзов. Один из организаторов и руководителей Партии народных социалистов.

[56] Имеется в виду празднование 200-летнего юбилея русской периодической печати, проходившего в январе 1903.

[57] Ходский Леонид Владимирович (1854–1919) – экономист и статистик; издатель и публицист. С 1895 профессор Петербургского университета по кафедре финансового права. С 1900 редактор-издатель журнала «Народное хозяйство», издавал газеты: с 1905 – «Наша жизнь», «Товарищ»; с 1909 – «Наша газета». Сотрудничал в «Русской мысли».

[58] Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868 –1936) – писатель, прозаик, драматург. На рубеже XIX и XX веков его произведения пользовались чрезвычайной популярностью, а сам Горький являлся одной из самых авторитетных фигур творческой интеллигенции, оппозиционной режиму.

[59] Ницше (Nietzsche) Фридрих Вильгельм (1844–1900) – немецкий мыслитель, создатель философского учения о сверхчеловеке.

[60] Имеется в виду преподобный Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин; 1754 [по др. свед. 1759] – 1833) – иеромонах Саровского монастыря, основатель и покровитель Дивеевской женской обители. 19 июля (1 августа) 1903 состоялась его канонизация (по инициативе царя Николая II).

[61] Речь идет о Северной сельскохозяйственной выставке, походившей в Ярославле в 1903.

[62] Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – писатель, мыслитель, публицист; пользовался широкой известностью и высоким авторитетом;

на основе проповедуемых им идей сформировалось религиозно-нравственное течение – толстовство.

[63] Шаховской Дмитрий Иванович (1862–1939) – князь; активный деятель земско-либерального движения. Соредактор газеты «Северный край» в Ярославле, активно сотрудничал в газете «Вестник Ярославского земства». Член кружка «Беседа», выступал за создание журнала «Освобождение», участвовал в его финансировании. Инициатор создания «Союза освобождения» (член Совета и секретарь) и «Союза земцев-конституционалистов», входил в Оргбюро земских съездов, участвовал в разработке программных документов ноябрьского общеземского съезда (1904). Избран в состав депутации от земских съездов к Николаю II, которая передала царю адрес с требованием скорейшего созыва законодательного народного представительства (6 июня 1905). Один из создателей кадетской партии, деятельно участвовал в разработке программных, уставных и тактических документов, член ее ЦК (с 1905), занимал посты товарища председателя и секретаря ЦК. Депутат I Государственной думы, секретарь Думы и кадетской фракции. Один из организаторов кооперативного движения.

[64] Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) – общественный деятель, издатель, друг Л. Н. Толстого. Организатор издательства «Посредник» (1884), в 1897–1907 жил за границей, издавал газету «Свободное слово», сборники «Листки “Свободного слова”». С 1928 редактор Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах.

[65] Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – философ, религиозный мыслитель, писатель, литературный критик, педагог. Известность получил после опубликования статьи «Легенда о великом инквизиторе Ф. Достоевского» (1891). Ведущий публицист «Нового времени» (вплоть до 1917). Постоянный сотрудник журналов «Русский вестник» и «Русское обозрение». Сотрудничал в «Русском слове» (под псевд. В. Варварин).

[66] Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – философ, экономист, социолог, правовед, публицист, общественный деятель. Приват-доцент Петербургского университета. В 1890-х лидер «легального» марксизма. Фактический редактор марксистских журналов «Новое слово» (1897), «Жизнь» (1897–1901), «Начало» (1899). Автор «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии». В дальнейшем глава «критического направления» в русском марксизме. В 1901 за участие в демонстрации петербургской интеллигенции на Казанской площади арестован и сослан в Тверь. В декабре того же года нелегально выехал за границу. С 1902 стал редактором журнала «Освобождение». Выступал за создание широкого фронта нелегальных организаций на базе программы демократических реформ. В 1903 один из учредителей «Союза освобождения», принял активное участие в выработке

программы и тактики будущей либеральной партии. В январе 1906 избран в ЦК кадетской партии; занимал правые позиции.

[67] Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – писатель, публицист, общественный деятель. Подвергался репрессиям царских властей в силу своей правозащитной деятельности.

[68] Батюшков Федор Дмитриевич (1857–1920) – историк литературы и критик. Внучатый племянник поэта К. Н. Батюшкова. Приват-доцент Петербургского университета (1885–1898), преподавал на Высших женских курсах. Член литературно-театрального комитета при петербургских императорских театрах, неоднократно занимал должность товарища председателя в Комитете Литературного фонда и в Петербургском литературном обществе. Сотрудничал в «Журнале Министерства народного просвещения», русском отделе журнала «Космополис», «Вестнике Европы», «Театральном ежегоднике», «Жизни для всех», «Новой жизни», «Всеобщем журнале», «Запросах жизни», газете «Речь». Редактор «Мира Божьего» (1902–1906).

[69] Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933) – писатель, врач, участник народнического движения. Сотрудничал в «Северном вестнике», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Русских ведомостях». Автор книг «Очерки Сибири» (1893), «Рассказы о прошлом» (1900–1901), а также воспоминаний – «Близкие тени» (2 т., 1909–1916), «Воспоминания за 50 лет» (1929).

[70] «Освобождение» – нелегальный 2-недельный общественно-политический журнал либерального направления. Основан группой земцев-конституционалистов и представителей либеральной интеллигенции. Издавался в 1902–1905 в Штутгарте, затем в Париже под редакцией П. Б. Струве (на частные пожертвования). Вышло 79 номеров. Журнал был создан с целью сплочения и организационного оформления либерального движения; он разработал идейные, программные, тактические и организационные основы кадетской партии. Существовала определенная схема переправки журнала в Россию. В ноябре 1903 Тыркова и приват-доцент Петербургского университета Е. В. Аничков были арестованы на станции Белоостров при попытке провоза через границу 333 экз. журнала «Освобождение» (№ 3–6, 9), 9 первых книг «Освобождения», брошюры «Самодержавие и земство» и трех брошюр «Материалы по рабочему вопросу». III съезд «Союза освобождения» в марте 1905 признал нецелесообразным продолжение издания журнала, поскольку подъем революционного движения в России предоставлял либералам возможность легально выражать и пропагандировать свои взгляды.

[71] Плеве Вячеслав Константинович, фон (1846–1904) – юрист, государственный деятель; действительный тайный советник (1896), статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета. Министр внутрен-

них дел (с 1902), проводил жесткую линию в отношении оппозиционных движений, поощрял политику русификации российских окраин. Убит эсером Е. С. Сазоновым.

[72] Лопухин Алексей Александрович (1864–1928) – директор Департамента полиции (1902–1905), затем эстляндский губернатор. За передачу разоблачающей информации о секретном сотруднике Департамента полиции Азефе В. Л. Бурцеву был в 1909 осужден на 5 лет каторги, замененной ссылкой. В 1912 помилован.

[73] Шаховской Иван Федорович (1826–1894) – князь; генерал-адъютант и генерал-лейтенант. Отец Д. И. Шаховского. Отличился в Крымской войне. Командовал лейб-гвардии уланским полком (с 1866), начальник Киевского военного округа (с 1892), командир гвардейского корпуса.

[74] Оржевская (урожд. княжна Шаховская) Наталья Ивановна (1859 – не ранее 1935) – фрейлина императрицы Марии Александровны (с 1875). Позднее вышла замуж за П. В. Оржевского, товарища министра внутренних дел. Овдовев в 1897, поселилась в имении в Волынской губ., посвятила себя делам милосердия и благотворительности.

[75] Современное написание – Тотомианц Вахан Фомич (1875–1964), экономист, публицист. Сотрудничал в журнале «легальных марксистов» «Начало», газетах «Северный курьер», «Сын Отечества». В 1903–1904 редактировал «Экономическую газету», вел экономический раздел журнала «Образование», а в 1905–1907 сотрудничал с газетами меньшевистской направленности. С 1904 преподавал в Петербургском коммерческом и сельскохозяйственном институтах. Исследователь кооперативного движения.

[76] Лесгафт Петр Францевич (1837–1909) – педагог, врач, основоположник научной системы физического образования.

[77] Речь идет об «Освобождении».

[78] Крупская Надежда Константиновна (1869–1939) – партийный и государственный деятель. Одноклассница Тырковой, одна из ее близких подруг. Член «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса». Член РСДРП с 1898. Секретарь редакции газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ». Жена В. И. Ленина.

[79] Кларенс (Clarens) – городок на правом берегу Женевского озера в кантоне Во, предместье Монтрё.

[80] Каруж (Carouge) – городок в южном предместье Женевы, на р. Арв; основан в XIII в.; с 1816, по Туринскому договору, передан в кантон Женевы. Тыркова русифицирует название по типу каружская деревушка.

[81] Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – виднейший деятель российского социал-демократического движения, лидер его левого

крыла. Основатель РСДРП, один из организаторов Октябрьской революции и создатель советского государства.

[82] Бекс (Bex) – городок а кантоне Во в долине р. Роны.

[83] Общепринятое написание фамилии – Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940), член ЦК эсеровской партии, входил в Боевую организацию партии. С 1915 на поселении.

[84] Имеется в виду привлечение А. В. Тырковой к суду в связи с ее участием в нелегальном провозе через границу запрещенного в России либерального журнала «Освобождение».

[85] Дитц И. Х. В. – немецкий издатель начала XX в., специализировавшийся на политической печати. Издавал в числе прочих такие нелегальные политические газеты, как «Искра» – орган РСДРП и либеральное «Освобождение». Издательство находилось в Штутгарте, Фурхтбахштрассе 12 (Furchtbachstrasse 12).

[86] Кёнигсбергский процесс – проходивший в июле 1904 в Верховном земельном суде Кенигсберга процесс по делу немецких социал-демократов, занимавшихся транспортировкой в Россию газеты «Искра». Защитником на процессе выступал известный деятель германского социал-демократического движения К. Либкнехт.

[87–88] Возможно, Тыркова упоминает Нину Александровну Гердт (?–1943) – жену П. Б. Струве, которая принимала участие в издании журнала «Освобождение».

[89] Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии. В 1898–1904 военный министр. В Русско-японскую войну 1904–1905 командовал войсками в Маньчжурии, потерпел поражения под Ляояном и Мукденом. Автор военно-исторических и военно-географических работ.

[90] Святополк-Мирский Петр Данилович (1857–1914) – князь; государственный деятель. Товарищ министра внутренних дел (1900–1902). Виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор (1902–1904). В августе 1904 после убийства В. К. Плеве назначен министром внутренних дел. Попытался привлечь на сторону правительства либеральную оппозицию, взял курс на некоторое смягчение охранительной политики: частичная амнистия, ослабление цензуры, разрешение съездов земских деятелей. 18 января 1905 уволен в отставку. В дальнейшем активной политической роли не играл.

[91] Губарева (урожд. Топоркова) Юлия Григорьевна (1867–?) – специалист по книжному делу, общественный деятель. Окончила Петербургские Высшие женские курсы. Заведовала книжным складом «Народное право». С ноября 1905 член кадетской партии; исполняла обязанности делопроизводителя Московского отделения ЦК.

[92] Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) – князь; играл активную роль в становлении земско-либерального движения: был среди организаторов кружка «Беседа», «Союза земцев-конституционалистов», входил в руководство «Союза освобождения»; принимал активное участие в созыве и проведении земских съездов 1904–1905; был избран в состав депутации земских съездов, принятой Николаем II 6 июня 1905. Один из создателей и лидеров кадетской партии, член ЦК с I съезда (1905), на II съезде избран председателем ЦК (оставался на этом посту до ноября 1909, затем – товарищ председателя), одновременно с мая 1906 возглавлял Московский отдел ЦК. Депутат II Государственной думы, председатель кадетской фракции.

[93] Имеется в виду «Союз освобождения» – нелегальное политическое объединение либеральной интеллигенции, группировавшейся вокруг журнала «Освобождение». Учредительный съезд Союза состоялся в январе 1904; его программа включала требования конституции, всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, права народностей на самоопределение, принудительного отчуждения частновладельческих земель. II съезд (22–22.10.1904) принял решение о проведении «банкетной кампании» и о создании профессионально-политических союзов. Союз призван был подготовить почву для создания кадетской партии на основе окончательно выработанной им программы и тактики, объединить усилия нового (интеллигентского) течения в либерализме и старого (земского) в борьбе с самодержавием. Организатор земских съездов. В 1905 Союз практически полностью вошел в состав кадетской партии.

[94] Имеется в виду общеземский съезд, проходивший 6–9 ноября 1904. Его подготовка велась на протяжении двух месяцев. Правительство всячески препятствовало созыву съезда, отдавало распоряжения о его запрете, выдвигая все новые и новые условия его проведения. Ввиду последовавшего 1 ноября 1904 официального запрета, заседания съезда проводились полулегально на квартирах ряда его делегатов. Всего в работе съезда приняло участие 103 земских деятеля. На съезде был рассмотрен и одобрен проект программы об изменении государственного устройства и о принятии конституции.

[95] Русанов Николай Сергеевич (1859–1939) – политический деятель. Участник народнических кружков в 1870–1880-х. С 1882 по 1905 в эмиграции. Один из организаторов Группы старых народовольцев в Париже; под совместным редакторством его и П. Л. Лаврова в 1893–1896 было издано 7 выпусков непериодического сборника «Материалы для истории русского социал-демократического движения». В 1901 участвовал в основании «Вестника русской революции», ставшего теоретическим органом партии. В 1890–1900-х сотрудничал в «Русском богатстве», публиковал корреспонденции из Франции под псевдонимом Н. Кудрин. В дальнейшем член эсеровской партии, входил в ЦК.

96 Рубанович Илья Адольфович (1859–1922) – политический деятель, эсер, постоянный представитель партии в Международном социалистическом бюро (1904). В течение ряда лет редактировал газету партии на французском языке «Русская трибуна», сотрудничал в газете «L'Humanité».

97 Мальфитано (Malfitano) Джиованни (1872–1941) – итальянский общественный деятель, заведующий лабораторией в Институте Пастера в Париже.

98 Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник. С 1902 связан с заведующим Особым отделом Департамента полиции С. В. Зубатовым. Участвовал в создании рабочих организаций под контролем правительства. При поддержке охранного отделения организовал в 1904 «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга», которое распалось после 9 января 1905. Инициатор подачи петиции петербургских рабочих Николаю II, шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905. До октября 1905 в эмиграции. После разоблачения повешен боевиками эсерами.

99 После разгрома демонстрации Гапон скрывался на квартире Ф. Д. Батюшкова. Здесь он написал несколько посланий к рабочим, в которых призывал к восстанию: «Так отомстим же, братья, проклятому народом царю, всему его змеиному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем!» (Третье послание).

100 Сеньобос (Seignobos) Шарль (1854–1942) – французский историк, с 1890 преподаватель Сорбонны. Изучал преимущественно политическую историю, а также методику исторического исследования.

101 Первый этап Великой Французской революции (начавшейся 17 июня 1789) завершился массовым выступлением 5–6 октября 1789. Народ двинулся на Версаль, овладел дворцом и заставил Людовика XVI переехать в Париж. По словам П. А. Кропоткина, «после такого возврата в столицу могли еще быть короли-буржуа или императоры, завладевавшие престолом путем обмана и насилия. Но царствованию королей "божиею милостью" пришел конец. <...> Еще раз, как и 14 июля, *народ* напором своей массы и своим сильным выступлением нанес старому порядку громовой удар. Революция сразу сделала громадный шаг вперед» (Кропоткин П. А. Великая Французская революция 1789–1793 // http://www.aitrus.info/node/941). Король был вынужден принять «Декларацию прав и свобод человека» (ставшую преамбулой будущей конституции). Источником власти становился народ, провозглашались верховенство закона, права на свободу совести, печати, слова и т. д.

102 Каляев Иван Платонович (1877–1905) – участник революционного движения. С 1898 член Петербургского «Союза борьбы». С 1903 член

Партии социалистов-революционеров, входил в состав Боевой организации. 4 февраля 1905 убил московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича. Повешен.
Во время пребывания в Ярославле и работы в газете «Северный край» Тыркова поддерживала знакомство с Каляевым. У Тырковой осталось воспоминание о Каляеве, как о начинающем поэте, в стихах которого явственно ощущалось «религиозное настроение». Имеющиеся у нее стихи Каляева она отдала его товарищам по партии. В фонде А. В. Тырковой в ГА РФ (Ф. 629. Оп. 1. Д. 13. Л. 8–8об.) сохранилось одно стихотворение Каляева, переписанное рукой Тырковой:

«У подножия Креста
Христос, Христос! Тяжел наш крест земной,
Который мы несем все от рожденья,
Не ведая, в чем наши преступленья,
За что мы так наказаны судьбой.
Христос, Христос! Тернисты все пути,
Ведущие на мрачную Голгофу.
Наш стон не слышен Богу Саваофу.
Ах! Сколько жертв еще нам пронести?
Христос, Христос! Нет правды на земле,
Хотя она вся кровью пропиталась.
И эта кровь не раз воспламенялась.
По-прежнему коснеет мир во зле.
Христос, Христос! Слепит нас жизни мгла.
Ты нам открыл все небо, ночь рассеяв,
Но храм опять во власти фарисеев:
Мессии нет – Иудам нет числа.
Мы жить хотим! Над нами ночь висит.
О, неужель вновь нужно искупленье
И только Крест нам возвестит спасенье?
Христос, Христос! Но все кругом молчит»

103 «Свет» – общественно-политическая газета, выходила в Петербурге в 1882–1917.

104 Милюков выступал против объявления 7 декабря всеобщей политической стачки. Это решение радикальных партий и организаций, по его мнению, могло оказаться «преступлением перед революцией». Он предупреждал, что если слишком часто прибегать к таким «сильно действующим средствам», как политическая забастовка, которые нарушают «нормальный ход жизни в стране», «созидательная сила революционной пропаганды становится разрушительной» и возникает необходимость спасать революцию от нее самой – «ее положительные результаты от ее увлечений и эксцессов» (Милюков П. Н. Год борьбы: Публицистическая хроника 1905–1906 гг. СПб., 1907. С. 164, 171).

[105] Союз Союзов – леволиберальное объединение профсоюзных союзов интеллигенции. Действовал в 1905–1906. Главная цель – созыв Учредительного собрания. Распался в связи с разногласиями между либеральными верхами и революционно-демократическим крылом.

[106] Хижняков Василий Васильевич (1871–1949) – участник освободительного движения. С 1894 член революционно-демократической организации «Народное право». С января 1904 член Совета «Союза освобождения». В годы Русско-японской войны 1904–1905 служил военным врачом.

[107] Долгоруков Петр Дмитриевич (1866–1951) – князь; общественный деятель. Один из основателей кружка «Беседа», поддерживал его издательскую деятельность. Активно содействовал созданию журнала «Освобождение», участвовал в его финансировании. Опубликовал в журнале ряд статей (псевд. «Земец»). Один из создателей «Союза освобождения», председатель его учредительного съезда, затем член его Совета. Принимал деятельное участие в создании «Союза земцев-конституционалистов», член его московского бюро. Делегат Парижской конференции оппозиционных и революционных партий 1904. Активный участник земских съездов 1904–1905; разрабатывал аграрный раздел программы российского либерализма. Член ЦК кадетской партии с ее I съезда (1905). Председатель Курского губернского комитета кадетов. Депутат I Государственной думы; товарищ председателя Думы. После роспуска Думы участвовал в выработке и принятии Выборгского воззвания. Брат-близнец Павла Д. Долгорукова.

[108] II съезд Конституционно-демократической партии проходил с 4 по 11 января 1906 в Петербурге. На съезде были внесены изменения в программу и устав. Программный пункт о форме государственного строя России был сформулирован в пользу «конституционной и парламентской монархии». К основному наименованию добавлено – «Партия народной свободы».

[109] Френкель Захарий Григорьевич (1869–?) – врач, заведующий санитарным отделом Костромской губернской земской управы. Член Костромской группы «Союза освобождения». Сотрудничал в журналах «Начало», «Новое слово», «Жизнь», «Мир Божий». Член кадетской партии, в октябре 1906 кооптирован в ЦК. Один из организаторов Костромского отдела партии, входил в комитет Костромской группы. Состоял в особой комиссии, образованной при кадетской фракции I Государственной думы по организации мер для поддержания связи между Думой и населением.

[110] Родичев Федор Измайлович (1854–1933) – активный деятель земского движения, участник земских съездов 1870-х, участвовал в подготовке адресов Тверского земства. Председатель уездной земской управы (с 1897). Неоднократно подвергался административным преследо-

ваниям. Принимал активное участие в создании «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Один из организаторов и авторов журнала «Освобождение». Участник всех земских съездов 1904–1905. Входил в состав депутации от земских съездов к Николаю II (6 июня 1905). Участвовал в создании кадетской партии, на ее II съезде (январь 1906) избран в состав ЦК. Депутат I–IV Государственной думы от Тверской губ.

111 Имеется в виду махинации П. Н. Дурново с поставками овса на нужды армии. В газете «Молва» в декабре 1905 было опубликовано открытое письмо А. Стаховича. В нем говорилось, что Дурново заключил договор на поставку 15 тыс. пудов овса из своего имения и получил из казны аванс в размере 80 %, однако затем отказался выполнить договор, обнаружив, что продажная цена на него значительно повысилась. Более того, он потребовал от военного ведомства возмещения якобы понесенных им убытков.

112 Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – поэт, филолог, переводчик; представитель и теоретик символизма. Полагал, что символизм содействует созданию народного синтетического искусства взамен искусства для избранных. Принимал активное участие в петербургском Религиозно-Философском обществе, в издательстве «Оры», в журналах «Золотое руно», «Труды и дни», «Весы», альманахе «Северные цветы», вместе с И. Анненским и М. Кузьминым стоял во главе журнала «Аполлон». Переводил для издательства «М. и С. Сабашникова» Алкея и Сафо. Тыркова входила в узкий кружок творческой интеллигенции, посещавшей среды на «Башне» Иванова.

113 Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ, публицист, общественный деятель. В 1903–1904 активно сотрудничал в левой киевской прессе. Член киевского отдела «Союза освобождения», печатался в журнале «Освобождение». С осени 1904 стал фактическим соредактором, вместе С. Н. Булгаковым, журнала «Новый путь» и с 1905 журнала «Вопросы жизни». Сотрудничал также в журналах «Полярная звезда», «Вопросы философии и психологии», «Образование» и др. Активный участник московского Религиозно-Философского общества, а позже – и петербургского Религиозно-Философского общества (1907). Участвовал в сборнике «Вехи» (1909), в деятельности издательства «Путь» (с 1910).

114 Петрункевич Иван Ильич (1844–1928) – известный земский деятель; ставил задачу объединения всех оппозиционных сил в совместной работе в местном самоуправлении, неоднократно подвергался административным преследованиям. Действенно участвовал в подготовке и издании журнала «Освобождение», один из авторов программной статьи «От русских конституционалистов» (№ 1). Сотрудничал в журнале «Право», газете «Полярная звезда». Один из создателей «Союза

освобождения», избран его председателем. Участвовал в выработке «освобожденческого» проекта конституции. Участник городских и земских съездов 1904–1905. Входил в депутацию представителей земских съездов к императору Николаю II 6 июня 1905. Один из основателей и лидеров кадетской партии, член ее ЦК и почетный председатель. Депутат I Государственной думы.

115 Жилкин Иван Васильевич (1874–1958) – общественный и политический деятель, публицист. В 1901 предпринял путешествие пешком по России, обойдя 5 губерний. С 1902 жил в Петербурге, секретарь газеты «Неделя» (1900–1901), редактировал газету «Уралец» (1903), сотрудничал в газете «С.-Петербургские ведомости» (1903–1904), а также писал в газеты «Наша жизнь» (1905–1906), «Товарищ» (1906–1907), «Слово» (1908), «Радикал», «Русское слово». Депутат I Государственной думы; входил в Трудовую группу; занимал во фракции умеренные позиции, высказываясь за мирную законодательную работу в Думе. Подписал Выборгское воззвание. Член Временного и постоянного комитетов Трудовой группы, член ЦК группы (1907). Член редколлегии газет «Известия крестьянских депутатов» (1906) и «Трудовой народ» (1907). Впоследствии отошел от политической деятельности, занимался журналистикой.

116 Гредескул Николай Андреевич (1865–1930) – правовед, общественный деятель. Профессор Харьковского университета; декан юридического факультета. Член «Союза освобождения». Редактор газеты. «Мир» (Харьков); за оппозиционный характер публикуемых материалов заключен в тюрьму, по приказанию министра внутренних дел П. Н. Дурново сослан на три года в Архангельскую губ., но после избрания в I Государственную думу выпущен на свободу. Член кадетской партии; избран в состав ЦК (1906). 2-й товарищ председателя Думы. Профессор Петербургского Политехнического института (с 1906). Сотрудничал в газете «Речь», журналах «Русская мысль», «Вестник партии народной свободы» и др.

117 Аладьин Алексей Федорович (1873–1927) – политический деятель. Будучи приговорен к трем годам ссылки на Крайний Север, бежал за границу. С 1897 по октябрь 1905 находился в эмиграции во Франции, Бельгии и Лондоне. Вернувшись в Россию после амнистии 1905, принял участие в организации всеобщей забастовки в декабре 1905; член Боевой дружины. Депутат I Государственной думы. Один из инициаторов создания и фактический лидер Трудовой группы. Получил известность как оратор, пользовался поддержкой избирателей-крестьян.

118 Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1865–1934) – юрист, публицист; земский деятель. Издавал журнал «Земское дело». Член «Союза освобождения». Активный деятель кадетской партии: кооптирован в состав ЦК (январь 1906), член Исполнительной комиссии (с марта 1907), выделенной из состава ЦК для руководства внепарламентской

деятельностью; секретарь Петербургского городского комитета (до января 1909). Депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание.

[119] Аникин Степан Васильевич (1868–1919) – учитель, публицист, общественный и политический деятель, эсер. Неоднократно подвергался арестам. Организатор отделений Всероссийского крестьянского союза в Поволжье (1905). Депутат I Государственной думы. Член Временного и Постоянного комитетов Трудовой группы I Думы (1906–1907), член ЦК Трудовой группы (1907–1909). В 1909 эмигрировал в Швейцарию. Сотрудничал в журналах: «Русское богатство», «Вестник Европы» и др., выпустил несколько книг рассказов.

[120] Иван Андреевич Хлестаков – персонаж пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор»; синоним неумеренного хвастуна и бахвала.

[121] Дантон (Danton) Жорж Жак (1759–1794) – юрист; один из вождей Великой Французской революции 1789–1794. Ораторский талант обеспечил ему широкую популярность. Помощник прокурора Парижской Коммуны. Участвовал в организации восстания 10 августа 1792, свергнувшем монархию; занял пост министра юстиции в новом правительстве. Депутат Конвента, фактический руководитель 1-го Комитета общественного спасения (1793). Казнен 5 апреля 1794.

[122] Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – юрист, публицист, профессор уголовного права в Училище правоведения (с 1897). Секретарь Юридического общества при Петербургском университете, председатель комитета Русской группы Международного союза криминалистов. Редактор и постоянный автор журналов «Право» и «Вестник права»; сотрудничал в журнале «Освобождение». Один из создателей «Союза освобождения», позднее – кадетской партии; член ЦК (с 1905), неоднократно избирался товарищем председателя ЦК. Редактор-издатель журнала «Вестник партии народной свободы» соредактор газеты «Речь», поддерживал партию личными средствами. Депутат I Государственной думы. Один из ведущих ораторов Думы, в одной из речей произнес крылатую фразу: «власть исполнительная да подчинится власти законодательной». Подписал Выборгское воззвание.

[123] Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – историк, приват-доцент Московского университета. Земский деятель, член кружка «Беседа», один из организаторов «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» (член Совета). Участник съездов земских и городских деятелей 1904–1905. Один из создателей кадетской партии, на ее I съезде (1905) избран в состав ЦК. Депутат I Государственной думы; противник союза с Трудовой группой в Думе. Подписал Выборгское воззвание. Входил в состав делегации для переговоров с П. А. Столыпиным (апрель 1907). Постоянный сотрудник газе-

ты «Русские ведомости», печатался также в ряде других либеральных периодических изданий.

[124] Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – государственный деятель. С 26 апреля 1906 министр внутренних дел, с 8 июля 1906 – одновременно председатель Совета министров. Проводил программу реформ в области экономики и управления.

[125] Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) – присяжный поверенный (1904), публицист, издатель. В 1898 один из основателей журнала «Право», сотрудничал в журнале «Образование», газетах «Сын Отечества», «Русские ведомости». В 1905 участвовал в создании кадетской партии, товарищ председателя ее Петербургского комитета, с 1906 член ЦК, позднее товарищ председателя партии. Вместе с П. Н. Милюковым редактировал газеты «Народная свобода», «Речь», сотрудничал в журнале «Вестник партии народной свободы». Депутат II Государственной думы.

[126] Имеется в виду Выборгское воззвание группы депутатов I Государственной думы («Народу от народных представителей»). Было принято на совещании в Выборге 9–10 июня 1906 приехавшими после роспуска Думы почти 200 депутатами (в основном кадетами). Призывало население не платить налогов, не давать рекрутов, не признавать правительственных займов, не получивших одобрения Думы, в знак протеста против ее роспуска. Подписало воззвание 167 лиц, привлеченных по этому факту к судебной ответственности.

[127] «Речь» – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, фактический орган кадетской партии. Выходила с февраля 1906 по октябрь 1917 в Петербурге / Петрограде. Издатель – Ю. Б. Бак, с № 120 (1908) – Н. К. Милюков, с № 310 – В. Д. Набоков и И. И. Петрункевич, с № 193 (1914) – В. Д. Набоков, с № 200 – И. И. Петрункевич. В виде приложения к газете выходили: «Иллюстрированная неделя» (1906), «Ежегодник газеты “Речь”» (1912–1916), «Государственная Дума (стенографические отчеты 1906–1908 гг.)». «Речь» имела разветвленную корреспондентскую сеть в России (в более чем 50 городах) и за рубежом. Закрыта по решению Петроградского ВРК 26 октября 1917. Возобновила свое издание в ноябре 1917 и под другими названиями выходила до августа 1918.

[128] Имеется в виду IV съезд кадетской партии, который проходил 23–28 сентября 1906 в Гельсингфорсе. На этом съезде партия отказалась от Выборгского манифеста и приняла решение о первостепенном значении парламентской деятельности. Подчеркивалась необходимость отмежевания от тактики леворадикальных партий и выдвигался лозунг «бережения Думы». Съезд внес изменения в избирательную программу партии, в ряд ее законопроектов; указал на важность проник-

новения партии в деревню, участия во внепартийных профсоюзных и др. объединениях и группировках.

[129] Колюбакин Александр Михайлович (1868–1915) – поручик в запасе; земский деятель. Член «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов» (1904), участник земских съездов 1904–1905. Один из организаторов кадетской партии, на учредительном съезде (октябрь 1905) избран в ЦК; автор двух первых статей устава партии. Член секретариата ЦК кадетов (с весны 1906). Член комиссии по руководству внепарламентской деятельностью кадетов (с 1907), составил программу областных кадетских съездов. Депутат III Государственной думы; секретарь комитета кадетской фракции (с мая 1909); автор проекта ее устава.

[130] Изгоев (наст. фам. Лянде) Александр (Аарон) Соломонович (1872–1935) – правовед; публицист, общественный деятель. Профессор Новороссийского университета. В 1905 переехал в Петербург. Кадет, на II съезде партии (1906) избран в ЦК, примыкал к его правому крылу. Сотрудничал в кадетской газете «Речь», в журнале «Русская мысль». Опубликовал ряд работ на общественно-политические темы.

[131] На заседании II Государственной думы 9 марта 1907 Ф. И. Родичев выступил с предложением создать особую продовольственную комиссию для рассмотрения «ассигнованного по росписи кредита на продовольственное дело». Присутствовавший на заседании П. А. Столыпин высказался в том смысле, что если эта комиссия не будет только «орудием для опорочения правительства в глазах народа», правительство готово представлять свои объяснения в самой комиссии. Резюмируя, он заявил, что «правительство всецело и всемерно присоединяется к предложению, внесенному членом Думы Родичевым» (Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Т. 1. СПб., 1907. Стлб. 331).

[132] Тан – псевдоним Богораза Владимира Германовича (наст. имя и отч. Натан Менделевич) (1865–1936) – писатель, этнограф, лингвист; общественный и политический деятель. Входил в народовольческую группу (с 1885), печатался в «Народной воле», неоднократно подвергался арестам. В 1889 сослан на 10 лет в Средне-Колымск, где занялся этнографией, позднее начал литературную деятельность. После освобождения выехал за границу, в США (1899), работал в Американском музее естественной истории. Вернувшись в Россию, стал одним из организаторов Крестьянского союза (1905). Сотрудничал в «Русском богатстве», «Вестнике Европы». Вступил в Партию народных социалистов. Автор книг по этнографии и мифологии чукчей.

[133] Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) – один из создателей и лидеров Партии социалистов-революционеров, входил в состав ЦК, руководитель Боевой организации партии. Одновременно являлся агентом

Департамента полиции. В январе 1908 ЦК партии эсеров официально объявил его провокатором; сам Азеф скрылся за границей, жил в Берлине под именем купца П. Неймайера, занимался игрой на бирже.

[134] Пиленко Александр Александрович (1873–1956) – правовед, публицист. Приват-доцент Петербургского университета (с 1900), вел курс международного права; преподаватель Училища правоведения и Высших женских курсов. Защитил докторскую диссертацию о систематике частного международного права. Сотрудник газеты «Новое время». Член Литейного участкового комитета «Союза 17 октября» в Петербурге.

[135] Столыпинское правительство обвинило социал-демократическую фракцию II Государственной думы в ведении революционной агитации в войсках с целью поднятия восстания. 1 июня 1907 оно объявило Думе о привлечении всего состава фракции к следствию, потребовав исключения социал-демократов из состава депутатов. Дума отказалась подчиниться этому требованию. 3 июля указом царя II Дума была распущена, а члены думской фракции РСДРП – арестованы.

[136] Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – врач; общественный и политический деятель. Заведовал санитарным отделением Воронежской губернской земской управы (с 1903), уволен (в январе 1907) как «политически неблагонадежный». Кадет, председатель Воронежского отдела, кооптирован в состав ЦК (1908); один из авторов аграрной программы партии. Редактор газеты «Воронежское слово» – фактического органа местной кадетской организации. Депутат II–IV Государственной думы и Петербургской городской думы (1907); активно работал в думских постоянных и временных комиссиях. Товарищ председателя кадетской фракции в III и IV Думе. Преподавал в Петроградском Политехническом институте фабричное законодательство и гигиену. Активно участвовал в деятельности медицинских обществ.

[137] Жилкина Зинаида Андреевна – жена депутата-трудовика I Государственной думы И. В. Жилкина; работала в редакции газеты «Петербургские ведомости».

[138] Согласно Портсмутскому миру (5 сентября 1905), завершившему Русско-японскую войну 1904–1905, Россия уступила Японии Южный Сахалин.

[139] Извольский Александр Петрович (1856–1919) – государственный деятель, дипломат. Министр иностранных дел (1906–1910). При его участии заключены: русско-английское соглашение 1907, русско-японское соглашение 1907, австро-русское соглашение в Бухлау 1908, итало-русское соглашение в Раккониджи 1909. Член Государственного совета (1909–1917).

[140] Гучков Александр Иванович (1862–1936) – общественный и политический деятель. Один из создателей и лидер партии «Союз 17 октября», председатель ЦК (1906). Член Государственного совета по избранию от промышленности и торговли (1907, 1915). Депутат III Государственной думы, возглавлял фракцию октябристов, председатель Думы (с марта 1910 по март 1911), сложил с себя это звание в знак протеста против проведения закона о земстве в западных губерниях в обход Думы.

[141] Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – предприниматель, государственный и политический деятель. С 1904 товарищ министра внутренних дел, в 1905 товарищ министра финансов, в 1905–1906 главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1906 вышел в отставку. Член ЦК кадетской партии, участвовал в подготовке аграрной программы кадетов. Сотрудничал в газете «Речь». Депутат II и III Государственной думы. Член правления Петербургского учетного банка, участник крупных железнодорожных концессий, председатель Совета съездов горнопромышленников Урала, член правления Акционерного общества соединенных заводов «Донецкий» и «Союз».

[142] Видимо, имеется в виду Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий) (1863–1936) – церковный деятель, философ, богослов. Епископ Волынский (с 1902), архиепископ Харьковский и Ахтырский (с 1914), митрополит Киевский и Галицкий (с 1917). Член Государственного совета (1906–1907, 1912). Постоянный член Святейшего Синода (с 1906). Один из самых почитаемых иерархов Русской церкви, оказал влияние на многих известных церковных деятелей. Оппонент Вл. Соловьева.

[143] Шубин-Поздеев Николай Дмитриевич (?–1922) – землевладелец, общественный деятель; предводитель дворянства. Избран в Петербургскую городскую думу; в 1912 был избран городским головой, но его кандидатура не была утверждена губернатором. Член ЦК Партии прогрессистов в 1912–1913.

[144] Дейтрих Владимир Федорович (1850–1920) – помощник финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова (с 1902). 21 сентября 1905 назначен членом Государственного совета. Входил в состав утвержденной царем 28 марта 1909 смешанной русско-финляндской комиссии для выработки проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения. На основе разработанных комиссией правил был составлен законопроект о порядке издания общегосударственных законов, который 14 марта 1910 был внесен в III Государственную думу (одобрен Думой 31 мая 1910, утвержден царем 17 июня 1910). Законопроект предполагал, что все законы и постановления, касающиеся Финляндии, если они выходят за рамки ее внутренних дел, должны издаваться через общеимперские законодательные учреждения.

[145] Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) – адвокат, выступал защитником на многих громких политических процессах; общественный и политический деятель. Член кружка «Беседа» (секретарь, затем член бюро). Участвовал в подготовке учредительного съезда кадетской партии (октябрь 1905), на II съезде (январь 1906) избран в состав ЦК; член Московского городского комитета кадетов (один из лидеров правого крыла). Сотрудничал в газете «Русские ведомости», журналах «Русская мысль», «Вестник Европы», «Московский еженедельник». Депутат II Государственной думы. В ночь на 3 июля 1907 вместе с П. Б. Струве, М. В. Челноковым и С. Н. Булгаковым посетил П. А. Столыпина в надежде предотвратить роспуск Думы. В дальнейшем избирался в III и IV Думу.

[146] Уваров Алексей Алексеевич (1859–1913) – граф; общественный и политический деятель. Член «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы, входил во фракцию «Союз 17 октября». Активный участник думских дискуссий, поддерживал инициативы по введению земского самоуправления в Польше, с оговоркой, чтобы «окраины не требовали того, чего не имеют центральные части России». Дуэль между Уваровым и лидером фракции А. И. Гучковым была спровоцирована последним и состоялась 17 сентября 1909. Секундантами Уварова были Д. П. Олсуфьев и Н. Н. Львов, Гучкова – П. Н. Крупенский и А. Ф. Мейендорф. Уваров был легко ранен, свой выстрел он сделал в воздух. Суд оправдал Уварова, а Гучкова приговорил к заключению в крепости на 4 недели (по высочайшему повелению срок сократили до 1 недели). После дуэли Уваров вышел из фракции октябристов. Член ЦК Партии прогрессистов (1912–1913).

[147] Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927) – граф; промышленник; общественный деятель, один из лидеров неославянского движения. Поддерживал связи с кружком «Беседа», с народнической эмигрантской организацией «Фонд вольной русской прессы». Оказывал материальную поддержку голодающим крестьянам, «неблагонадежным» земским служащим. Участник земских и городских съездов 1905. Один из создателей умеренно правой организации тульских земцев «За царя и порядок» (октябрь 1905), вошедшей в состав «Союза русского народа». Депутат II–IV Государственной думы. Во II Думе входил в группу правых умеренных, член Клуба умеренных и правых партий Думы (старшина; председатель аграрного отдела); поддерживал связь между правым крылом Думы и кадетским центром. В III Думе один из организаторов и лидеров объединенной Русской национальной фракции; сторонник реформаторской программы П. А. Столыпина. Отстаивал идею о главенствующей роли России в национально-освободительном движении славянских народов. Член партии умеренно-правых, которая в январе 1910 объединилась со Всероссийским национальным союзом.

[148] Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф (1905); государственный деятель. Министр финансов (1892–1903). Председатель Комитета министров (с 16 августа 1903). Член Государственного совета (с 1903). Один из авторов Манифеста 17 октября 1905, после издания которого был назначен председателем Совета министров. 14 апреля 1906 вышел в отставку по прошению. Оставался членом Государственного совета. Председатель Комитета финансов (с сентября 1911).

[149] Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) – государственный деятель; сенатор (с 1894), член Государственного совета (с 1899). Товарищ министра внутренних дел (с 1895), затем министр (до 1900). Председатель Совета министров (с 22 апреля по июль 1906; с января 1914 по январь 1916).

[150] Аболиционисты (от лат. abolito – отмена) – сторонники отмены какой-либо меры или какого-либо учреждения. Например, сторонники отмены регламентации проституции.

[151] Ширмахер (Schirmacher) Кете (1865–1930) – участница феминистского движения в Германии, сначала примыкала к его левому крылу, но после 1904 перешла на консервативные позиции. Выступала за участие женщин в политической жизни. Впоследствии – депутат Веймарского учредительного национального собрания (1919–1920), входила во фракцию Немецкой национальной народной партии. Одна из первых немецких женщин, получивших докторскую степень.

[152] Милюкова (урожд. Смирнова) Анна Сергеевна (1861–1935) – дочь ректора Московской Духовной академии С. К. Смирнова; первая жена П. Н. Милюкова. Член Петербургского городского комитета кадетской партии, входила также в Васильостровский районный комитет кадетов; активная деятельница феминистского движения.

[153] Гримм Эрвин (Александр) Давидович (1870–1940) – историк; общественный деятель. С 1907 ординарный профессор кафедры всеобщей истории Петербургского университета, в 1908–1910 – проректор, в 1911–1918 – ректор университета. Преподавал на Высших женских курсах. Член кадетской партии.

[154] Гримм Давид Давидович (1864–1941) – юрист, ординарный профессор Петербургского университета (с 1901), декан юридического факультета (с 1906), ректор университета (1910–1911). Профессор Училища правоведения (до 1905) и Высших женских курсов (с 1906), читал лекции по энциклопедии права в Военно-юридической академии (1896–1906). Член кадетской партии, входил в Петербургский комитет партии. В 1915 был кооптирован в состав ЦК партии. Член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов.

[155] Свечин Александр Александрович (1865–?) – полковник гвардии в отставке, общественный деятель. Председатель Черниговской губерн-

ской земской управы. Член кружка «Беседа», «Союза освобождения». Участник земских и городских съездов 1904–1905. Член ЦК кадетской партии, входил в Петербургский городской комитет. Депутат I Государственной думы.

[156] Локоть Тимофей Васильевич (1869–1942) – агроном, селекционер, общественный деятель, публицист. Профессор Ново-Александрийского сельскохозяйственного института по кафедре сельского хозяйства и лесоводства, а также по кафедре земледелия. Член «Союза освобождения», затем сочувствовал взглядам меньшевиков; выступал за муниципализацию земли. Депутат I Государственной думы, входил в Трудовую группу. Подписал Выборгское воззвание. Член Временного комитета Трудовой группы. Член редколлегии газеты «Крестьянский депутат». Впоследствии выступал с проповедью национализма и антисемитизма. Автор брошюры «Оправдание национализма» (Киев, 1910), в которой писал, что «русская национальная демократия должна в близком будущем представлять одну из самых крупных политических партий России» (С. 54). В 1910–1911 издавал газету «Киев», которая ставила своей целью «национальное объединение коренного населения России» и провозглашала лозунг «Россия для русских!» Назначенный в 1911 приват-доцентом Московского университета, из-за бойкота студентов, вынужден был отказаться от чтения курса лекций.

[157] Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) – писатель, общественный деятель. Участвовал в студенческом движении, подвергался репрессиям, много странствовал по России. Считал гибельным для страны поворот ее истории при Петре I, видел средоточие зла в современном промышленном городе, которому противопоставлял освященную религией допетровскую «святую Русь». Начал печататься с 1902, первая книга вышла в 1907. Экспериментировал в области формы, использовал архаические синтаксис и лексику. Рассматривал революционеров как нищих духом фанатиков, беспочвенных фантазеров.

[158] Блок Александр Александрович (1880–1921) – поэт; на начальном этапе испытывал влияние мистической поэзии Вл. Соловьева, тяготел к символизму. В дальнейшем основной темой творчества стало осмысление роли человека в современной социальной среде. Выступал с критическими и публицистическими статьями и очерками.

[159] «Шиповник» – литературно-художественный альманах. Выходил в 1907–1917 (всего 26 кн.) в Петербурге/Петрограде в одноименном издательстве, основанном З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом. В альманахах, полемически заостренных против горьковских сборников «Знание», публиковались главным образом символисты.

[160] Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – прозаик, драматург, публицист. Начал печататься в 1892. Первый сборник его рассказов вышел в издательстве «Знание» (1901). Во время Первой русской рево-

люции был захвачен революционными настроениями. С 1907 постепенно отходит от горьковского «Знания» и сближается с издательством «Шиповник», в одноименных альманах которого публикует свои пьесы. Противник смертной казни.

[161] Копельман Соломон Юльевич (1881–1918) – предприниматель, основатель издательства «Шиповник».

[162] Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) – критик, историк литературы, библиограф, редактор. Сотрудничал в «Неделе», «Русском мире», «Русской мысли», «Русском богатстве», «Вестнике Европы» и др. журналах. Редактор литературного отдела 82-томной Энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1890–1906) и «Нового Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона (1890–1906). Читал лекции по истории русской литературы в Петербургском университете (с 1897), но в 1899 отстранен за «левые взгляды»; вернулся в университет лишь в 1906. Автор многих трудов, видел своеобразие русской литературы в ее «проповедническом» характере. По его инициативе при Петербургском университете возник Пушкинский семинарий (1908), который начал составление словаря поэтического языка Пушкина и опубликовал ряд работ о нем. Под его редакцией вышли: первое полное собрание сочинений В. Г. Белинского, собрания сочинений Пушкина, Шиллера, Шекспира, Мольера, Байрона.

[163] Винавер Роза Георгиевна (1872–1951) – супруга М. М. Винавера, вступила в кадетскую партию в эмиграции в июне 1922. Автор воспоминаний (см.: Архив еврейской истории. Т. 7. М., 2012).

[164] Архиепископ Антоний (Храповицкий) откликнулся на появление сборника «Вехи» открытым письмом его авторам, в котором сообщал о своей радости от прочтения статей сборника, о том, что сборник вернул ему утраченную было надежду в русское общество. В ответном письме Антонию Струве высказал озабоченность по поводу того, что церковь в России оказалась «в плену у той же самой "политики", духовное освобождение от которой есть в нашем понимании единственный путь к оздоровлению интеллигенции». По его словам, политическое «пленение» церкви означало ее «разложение и гибель» (Цит. по: Пайпс Р. Струве: правый либерал. 1905–1914. М., 1901. С. 148). В прессе письмо Струве вызвало крайне негативную реакцию – ему не могли простить не только обращение к церковнику, но и проведение какой-либо аналогии между интеллигенцией и духовенством.

[165] Речь идет о реакции П. Н. Милюкова на скандальную ситуацию в Думе, вызванную употреблением в речи Ф. И. Родичева выражения «столыпинский галстук». В тот момент все правительственное большинство встало и устроило овацию в знак поддержки оскорбленного премьер-министра. Кадетская фракция осталась сидеть, кроме свое-

го лидера – Милюкова, который, как он позднее объяснял в своих воспоминаниях, почувствовал «моральную невозможность сидеть» и таким образом выразил свой протест «против личного оскорбления в парламентской речи» (П. Н. Милюков. Воспоминания. М., 1991. С. 295). Поступок Милюкова был неоднозначно оценен его партийными товарищами.

[166] Львов Николай Николаевич (1867–1944) – юрист, земский деятель. Председатель Саратовской губернской земской управы (1899–1902). Входил в кружок «Беседа». Участвовал в разработке программы журнала «Освобождение». Один из создателей «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». Участник земских и городских съездов 1904–1905. Входил в состав депутации земских и городских деятелей, принятых Николаем II 6 июня 1905. Один из создателей кадетской партии, член ее ЦК, однако вскоре, из-за разногласий по аграрному вопросу, вышел из рядов партии. В июле 1906 участвовал в создании Партии мирного обновления. Депутат I–IV Государственной думы. В период работы II Думы поддерживал контакты с П. А. Столыпиным, вел с ним переговоры о вхождении общественных деятелей в правительство. В IV Думе исполнял обязанности старшего товарища секретаря (с декабря 1912 по июнь 1913), затем товарищ председателя Думы (с 1 июня по 15 ноября 1913). Один из учредителей Партии прогрессистов (ноябрь 1912).

[167] Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич 1860–1915) – историк российского освободительного движения, публицист. Был связан с народовольческими кружками, подвергался репрессиям. Перешел к легальному марксизму, затем сблизился с либеральным лагерем. Опубликовал ценные источники по истории революционного движения 1860–1880-х. Вместе с В. Л. Бурцевым и П. Е. Щеголевым был редактором журнала «Былое» (1906–1907), а после его закрытия в 1908 – «Минувшие годы». Редактировал: «Исторический сборник» (1907), «О минувшем» (1909). В 1909 по делу о журнале «Былое» приговорен к 3 годам ссылки в Вологодскую губ. (по его просьбе это наказание было заменено высылкой за границу). Вернулся в Россию в 1913. Издавал работы по истории народничества. Член Вольного Экономического общества (с 1914 его секретарь). Входил в редколлегию журнала «Современник» (1911–1915).

[168] Репьева Евгения Ивановна (1862–1939) – деятельница народного просвещения. Преподавала географию в гимназиях Петербурга и Москвы, член книжной комиссии Вольного Экономического общества, входила в Техническую группу, осуществлявшую перевозку через границу нелегальной литературы, включая журнал «Освобождение»; помощница В. В. Хижнякова, возглавлявшего группу. Была арестована 2 октября 1903 на станции Белоостров при перевозке 400 экз. «Освобождения».

[169] Морозов Николай Александрович (1854–1946) – революционный народник, ученый. Член кружка «чайковцев», «Земли и воли», входил в исполнительный комитет «Народной воли», участник покушения на Александра II, приговорен (1882) к вечной каторге, до 1905 находился в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. После освобождения посвятил себе науке. Автор многочисленных работ по астрономии, космогонии, физике, химии, биологии, математике, геофизике, метеорологии и др.

[170] Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – общественный и политический деятель, публицист. Сотрудничал в газетах «Бессарабец», «Новое время». Член «Русского Собрания» (1905–1913; входил в Совет). Один из основателей и лидеров монархических организаций: Союза русского народа (с ноября 1905 товарищ председателя Главного совета), Русского народного союза им. Михаила Архангела (1908). Участник съездов Объединенного дворянства. Депутат II–IV Государственной думы.

[171] Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) – экономист, общественный и политический деятель. Приват-доцент Московского университета (с 1903), адъюнкт-профессор политэкономии и статистики Московского сельскохозяйственного института (с 1905). Гласный Московской городской думы и Московского губернского земского собрания (с 1904). Член ЦК кадетской партии (с 1905). Депутат I Государственной думы; подписал Выборгское воззвание. 18 июля был убит черносотенцами на станции Териоки в Финляндии, где жил с семьей на даче.

[172] Иоллос Григорий Борисович (1859–1907) – публицист, экономист; общественный и политический деятель. Член кадетской партии. Постоянный сотрудник газеты «Русские ведомости» (с 1905 соредактор). В 1906 вступил в издательское товарищество «Русские ведомости» и вместе с В. М. Соболевским (а позднее – единолично) возглавил газету. Редактировал экономический отдел журнала «Юридический вестник», публиковался в «Торгово-промышленной газете», «Вестнике Европы», «Русском богатстве», а также в ряде немецких изданий. Секретарь московского Юридического общества. Депутат I Государственной думы; автор кадетского закона о свободе печати. Подписал Выборгское воззвание. 14 марта 1907 в Москве по дороге из редакции домой был смертельно ранен. Следствие, не установившее личности убийц, было прекращено.

[173] Вильямс (Williams) Гарольд (1876–1928) – лингвист, журналист. В качестве специального корреспондента английской газеты «The Times» был послан в Штутгарт для установления контактов с русским освободительным движением. Вместе с редакцией журнала «Освобождение» перебрался в Париж, откуда осенью 1904 выехал в Россию. На-

чал работу корреспондентом газеты «The Manchester Guardian». Жил в Петербурге (1904–1918), но ездил в Москву, в Тверь, присутствуя на земских съездах. Увлекся идеями русского либерализма, поддерживал близкие отношения с лидерами российской либеральной оппозиции, освещал деятельность Государственной думы. Ездил в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому, который убеждал его бросить журналистику и вернуться к языковедению. В дальнейшем представлял в России интересы «The Daily Chronicle», ведущий эксперт по «русским делам» в Великобритании. В период 1-й мировой войны кроме корреспондентской работы вместе с английским романистом Хью Вальполом организовал, по поручению английского посольства в Петрограде, работу Британского комитета. Ставил своей задачей содействовать сближению Англии и России, создавая прочную основу их сотрудничества на будущее. В марте 1918 вернулся в Лондон вместе с Тырковой, вел активную антибольшевистскую кампанию: встречался с влиятельными политиками, в том числе с Ллойд Джорджем, выступал с докладами, публиковал статьи. В 1919 был аккредитован при штабе генерала А. И. Деникина. После поражения Белого движения в России вновь возвратился вместе с Тырковой в Лондон, некоторое время не имел постоянно заработка. В 1921 занял пост директора иностранного отдела газеты «The Times». После его смерти Тыркова написала о нем книгу «Щедрый собеседник» («The Cheeful Giver». London, 1935).

174 Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, юрист, социолог, общественный и политический деятель. Долгое время жил за границей, занимался научной работой, читал лекции. Член-корреспондент Французской Академии наук. Наиболее значительные его работы: «Происхождение современной демократии» (3 т.; 1895–1897), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (3 т.; 1898–1903). Вернулся в Россию в 1905. Фактический лидер Партии демократических реформ. Сотрудничал в газетах «Право», «Биржевые ведомости», «Речь», «Русские ведомости», «Русское слово», «Слово»; в журналах «Вестник Европы» (с 1909 издатель и член редакции), «Минувшие годы», «Мир Божий», «Юридический вестник», «Русская мысль», «Московский еженедельник», «Самоуправление» и др.; издавал газету «Страна» (1906–1907). Депутат I Государственной думы; председатель Русской парламентской группы в Международном третейском суде. Член Государственного совета по избранию (1907); лидер прогрессивной группы. Профессор государственного права Петербургского Политехнического института. Инициатор создания Психоневрологического института (зав. кафедрой социологии; с 1910 декан юридического факультета). Один из создателей Русской высшей школы общественных наук в Париже. Председатель Международного института социологии в Париже (1907). Президент Педагогической академии в Петербурге (с 1908), председатель Петербургского Юридического общества, президент

Вольного Экономического общества (с 1914). Академик Петербургской АН (1914).

[175] Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – критик, публицист, общественный деятель. Работал в Публичной библиотеке (зав. юридическим отделением; 1900–1905). Сотрудничал с журналом «Мир искусства» (ведущий критик и редактор литературного отдела; 1898–1904). Создал вместе с Д. С. Мережковским журнал «Новый путь» (издатель-редактор в 1903–1904). Многие годы активно сотрудничал с Мережковским и З. Н. Гиппиус. В феврале 1906 вместе с ними уехал в Париж; парижский корреспондент газеты М. М. Ковалевского «Страна» (1906–1908). Вернулся в Россию в июле 1908. Постоянный сотрудник газет и журналов: «Русская мысль», «Слово», «Речь», «Русское слово» и др. Входил в число организаторов Религиозно-Философского собрания (1901–1903), председатель Религиозно-Философского общества (1907–1917). Редактор еженедельника «Голоса жизни» (1915). Близок к кадетским кругам.

[176] Маковицкий (Маковецкий) Душан Петрович (1866–1921) – словак; врач, друг и единомышленник Л. Н. Толстого; жил в Ясной Поляне с 18 декабря 1904 до ухода Толстого из дома. Автор «Яснополянских записок».

[177] Толстая Александра Львовна (1884–1979) – младшая дочь Л. Н. Толстого; с 1901 его помощница-секретарь, стенографистка, машинистка. Единственная из близких была посвящена в тайну «ухода» Л. Н. Толстого; помогала в его сборах ночью 28 октября 1910, по его просьбе приехала в Шамордино и проделала с ним путь до Астапово. По завещанию Л. Н. Толстого она получила авторские права на его литературное наследие.

[178] Сологуб (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927) – писатель, переводчик. Преподавал математику в одном из петербургских городских училищ (с 1892). В 1890-е были опубликованы первые его произведения. Основными мотивами творчества являются: декаданс, гротеск, сатира.

[179] Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) – актриса. Выступала в Петербурге на сцене Александринского театра (1896–1902). Открыла свой театр в столице (1904), играла в пьесах М. Горького, драмах Г. Ибсена. Пользовалась особой любовью демократической интеллигенции. Сборы со своих концертов отдавала на нужды революционных кружков, оказывала помощь студенческому движению. Вместе с В. Э. Мейерхольдом экспериментировала в области условного символистского театра (1906–1907), после разрыва с режиссером гастролировала в Северной Америке (1908), по городам России (1908–1910). Планировала открыть новый театр.

180 Корнилов Александр Александрович (1862–1925) – историк, публицист; общественный и политический деятель. Вошел в «Союз освобождения», сотрудничал в журнале «Освобождение». Редактор газет «Восточное обозрение», «Саратовский дневник». Участвовал в создании кадетской партии, на I съезде (октябрь 1905) избран в состав ЦК, на II съезде (январь 1906) – секретарем ЦК. В 1908 ушел с поста секретаря ЦК партии, в 1908–1910 преподавал в Петербургском Политехническом институте (с 1909 – профессор). В 1915 вновь избран секретарем ЦК и одновременно председателем Петербургского городского комитета кадетов. Автор исторических исследований, в частности по теме крестьянской реформы.

181 Пяст (наст. фам. Пестовский) Владимир Алексеевич (1886–1940) – поэт-символист, переводчик, мемуарист; входил в число друзей А. А. Блока.

182 Верховский Юрий Никандрович (1878–?) – поэт, представитель «классического символизма»; историк литературы.

183 В письме, напечатанном в «Речи» 28 ноября 1910, Тыркова выразила свое возмущение тем фактом, что на вечере, устроенном курсистками Высших женских курсов в зале Дворянского собрания, был разыгран некий фарс, закончившийся шутовским изображением смертной казни: «Перед тысячной толпой молодежи, которая смеялась и аплодировала, прошла сцена вешанья, скоморошески опутанная глупыми остротами, шутками, гримасами, сопровождаемая ужимками приплясывающей около кафешантанной певицы». Тыркова протестовала против подобного действа и высказывала надежду, что «и устроительницы, и зрители поймут весь ужас неразборчивости своей».

184 Очевидно, имеется в виду Ольга Константиновна Нечаева, член комитета «Общества для доставления средств петербургским Высшим женским курсам». Член Петербургского комитета кадетской партии.

185 Причиной конфликта в Московском университете стали действия министра народного просвещения Л. А. Кассо, нарушившего права университетской автономии, узаконенные Временными положениями 1905. Совет университета выразил свой протест. В ответ последовало увольнение ректора университета А. А. Мануйлова, проректора П. А. Минакова и помощника ректора М. А. Мензбира. Тогда в знак протеста против министерского произвола университет покинули более 100 преподавателей, включая целый ряд ведущих профессоров. П. А. Столыпин никогда не делал заявлений, подобно тем, которые приводятся в тексте воспоминаний, но он твердо придерживался мнения, что занятия в университете необходимо продолжать.

186 Видимо, Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) – литературный критик, публицист, историк литературы, переводчик. Приват-доцент Петербургского университета (с 1905). Постоянный член Ар-

хеографической комиссии (1896). Сотрудничал в журналах «Вестник и библиотека самообразования», «Журнал Министерства народного просвещения», «Литературный вестник», «Вестник Европы» (зав. отделом критики с 1909), в газетах «Страна» (1906–1907), «Слово» (редактор в 1909), «Русское слово», «Русская воля», «Русская молва» (редактор в 1912–1913), «Русская воля». Один из главных редакторов «Русской энциклопедии» (1911–1915). Входил в число инициаторов и авторов «Словаря литературных типов», писал для «Русского биографического словаря».

[187] Угодовцами назывались польские национал-демократы, которые всемерно стремились к установлению сотрудничества Польши с Россией, даже ценой отказа от политической самостоятельности и национальной идеи; они полагали, что лишь завоевав доверие русского правительства, можно обеспечить возможность культурного развития Польши. Тыркова употребляет этот термин в переносной смысле, имея в виду тех преподавателей и профессоров, которые демонстрировали готовность идти на различные жертвы, лишь бы избежать конфликта с властью.

[188] Имеется в виду Борман Аркадий Альфредович (1891–1974) – журналист, юрист; сын Тырковой от 1-го брака. Работал присяжным поверенным. В эмиграции – сотрудник газет «Возрождение» (секретарь редакции), «Русская мысль», журнала «Часовой» и др. Деятельный член Российского Центрального объединения в Париже. В 1951 уехал в США, работал в русской редакции радиостанции «Голос Америки» (с 1954) и в газете «Новое русское слово».

[189] Имеется в виду Оршер Иосиф (Осип) Лейбович, писавший под псевд. О. Л. Д'ор (1878–1942) – писатель-сатирик, печатался в петербургских газетах и журналах. Известность ему принесли рассказы, фельетоны и пародии, опубликованные в журналах «Сатирикон», «Новый Сатирикон» и в книгах «Рыбьи пляски», «О сереньких людях», «Смех среди руин» и др.

[190] Неманов Лев Моисеевич (1872 [по др. свед. 1878] – 1952) – журналист, юрист; был близок либеральному движению.

[191] Клячко Лев Моисеевич (псевд. Л. Львов) (1873–1934) – литератор, журналист. Печатался в «Русской мысли», «России», «Биржевых ведомостях», «Новостях», «Руси», «Новой жизни», «Сыне Отечества», «Голосе народа», «Нашем дне», «Нашей жизни», «Товарище», «Речи», «Русском слове», «Русских ведомостях».

[192] Брянчанинов Александр Николаевич (1874–1931) – землевладелец; общественный и политический деятель. Гласный Псковского губернского земства (с 1897); участник общеземского съезда в ноябре 1904. Член Партии прогрессистов в 1912–1913. Издавал журнал «Новое звено» (1913–1915).

[193] Корсаков Иван Ассигкритович (1850–1912) – юрист, присяжный поверенный в Петербурге. Земский деятель, гласный Новгородского губернского земства. Член кружка «Беседа», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов». Участник земских съездов; ноябрьский 1904 съезд проходил в его доме. Член кадетской партии. Депутат I Государственной думы.

[194] Толстой Алексей Николаевич (1882–1945) – писатель, публицист, общественный деятель. Начинал как поэт, опубликовал в 1907 сборник стихов «Лирика». Первое прозаическое произведение – рассказ «Старая башня» («Нива». 1908. № 21). В 1910-х один из представителей неореализма. 2-томные «Сочинения» вышли в издательстве «Шиповник» (1911–1912). 9-томное собрание сочинений – в «Книгоиздательстве писателей в Москве» (1913–1918). В годы 1-й мировой войны некоторое время был военным корреспондентом газеты «Русские ведомости». В феврале 1915 с группой писателей посетил Англию.

[195] Лепешкина Лидия Владимировна (1862–?) – писательница. Жена серпуховского земского деятеля князя С. И. Шаховского.

[196] Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1866–1943) – биолог по образованию, переводчик и издатель философской литературы; земский деятель. Издавал журналы «Жизнь», «Вопросы жизни». Один из авторов философского сборника «Проблемы идеализма». Участник совещания земцев и представителей либеральной интеллигенции в Шафгаузене в июле 1903. Оказывал основную финансовую поддержку журналу «Освобождение». 25 апреля 1904 был арестован при провозе через границу 100 экз. журнала.

[197] Речь идет о дочери Тырковой от 1-го брака Софье Альфредовне Борман, в замужестве Бочарской. В годы 1-й мировой войны работала сестрой милосердия. В марте 1918 вместе с матерью и Г. Вильямсом выехала в Лондон, училась в одном из колледжей Лондонского университета. В конце лета 1919 возвратилась в Россию на английском военном корабле с госпитальным грузом. Служила медсестрой в Павловском полку. В январе 1920 ее, тяжело больную, офицеры полка вывезли в Константинополь, затем в Грецию и Сербию. Выздоровев, вышла замуж за офицера полка – П. В. Бочарского и отправилась вместе с ним в Крым в войска генерала П. Н. Врангеля. После поражения Русской армии Врангеля вместе с мужем эмигрировала в Лондон. Родила дочь Ариадну. Переехала с мужем в Берлин, однако там ее брак распался.

[198] Гольдовская (урожд. Хин) Рашель Мироновна (в 1-м браке Фельдштейн) (1858–1922?) – писательница, драматург. Член Общества любителей российской словесности при Московском университете. Сотрудничала в журналах «Русская мысль», «Восход», «Вестник Ев-

ропы», «Голос минувшего», «Былое», а также в газетах «Неделя», «Русские ведомости», «Петербургские ведомости», «Новости», «Русское слово». Пьесы «Поросль» и «Наследники» шли в московском Малом театре в 1910–1911.

[199] Гольдовский Онисим Борисович (1865?–1922) – юрист, присяжный поверенный в Москве, был защитником по ряду политических процессов. Публицист, сотрудничал в журнале «Былое».

[200] Полнер Тихон Иванович (1864–1935) – журналист, историк, издатель; земский деятель. Секретарь организационного бюро общего съезда земских и городских деятелей; секретарь съездов земских и городских деятелей июля и ноября 1905. Редактор журнала «Известия общеземской организации» (1905–1906). Автор трудов по истории земского движения: «Общеземская организация на Дальнем Востоке» (2 т.; освещает земскую деятельность в годы Русско-японской войны), «Наше земство и 50 лет его работы» (в соавт. с кн. Г. Е. Львовым); «Жизненный путь князя Г. Е. Львова»; «Лев Толстой и его жена».

[201] Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь; землевладелец; общественный и политический деятель. Председатель Тульской губернской земской управы (1902–1905). В период Русско-японской войны 1904–1905 возглавлял созданную Российским обществом Красного Креста комиссию для координации деятельности земств и городов по формированию врачебно-продовольственных отрядов, выезжал во главе одного из отрядов в Маньчжурию. Член кружка «Беседа», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов», участвовал в земских совещаниях и съездах. Осенью 1905 вступил в кадетскую партию, позднее вышел из ее рядов. Депутат I Государственной думы. Активно занимался благотворительной деятельностью. Основал организацию для помощи переселенцам в Сибири и на Дальнем Востоке (1908). Посетил США и Канаду (1909) с целью изучения местного опыта колонизации, знакомства с жизнью духоборов.

[202] Первухин Константин Константинович (1863–?) – живописец-пейзажист; в Третьяковской галерее имеются две его картины: «Осень на исходе» и «Зима».

[203] Зайцев Борис Константинович (1881–1972) – прозаик, мемуарист, переводчик. Член кружка московских неореалистов «Среда» (с 1902). Сотрудничал с журналом «Вопросы жизни» (с 1904), бывал на «Башне» Вяч. Иванова. Редактор литературно-художественных альманахов «Шиповник» (с 1907).

[204] Зайцева (урожд. Орешникова, в 1-м браке Смирнова) Вера Алексеевна (1878–1965) – жена Б. К. Зайцева.

[205] Грессер А. П. – землевладелец, общественный деятель. Член Владимирского губернского комитета кадетской партии.

206 Крандиевская (урожд. Тарханова) Анастасия Романовна (1865–1938) – писательница, сотрудница журнала «Жизнь». Муж – издатель В. А. Крандиевский; дочь – Н. В. Крандиевская (в замужестве Крандиевская-Толстая) (1888–1963), поэтесса.

207 «Русская мысль» – ежемесячный научный, литературный и политический журнал. Издавался в 1880–1918 в Москве. Основатель и один из руководителей журнала на протяжении свыше 25 лет – В. М. Лавров. До 1885 журнал выходил под редакцией С. А. Юрьева, с 1885 и до 1906 – В. А. Гольцева, до 1918 – П. Б. Струве (с 1911 – совместно с А. А. Кизеветтером). Состоял из двух частей: художественно-литературной и научно-исторической.

208 Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – поэт; основоположник русского символизма. Руководил издательством «Скорпион», редактировал журнал «Весы». Председатель дирекции Литературно-Художественного кружка (1908–1920).

209 Литературно-Художественный кружок – один и первых клубов московской интеллигенции. Создан в 1899 по инициативе А. П. Чехова, К. С. Станиславского, М. Н. Ермоловой, А. И. Южина-Сумбатова, А. Ф. Кони и др. К 1917 состоял из 300 действительных членов, 213 кандидатов (артистов, ученых, общественных деятелей) и 407 членов-соревнователей (крупных фабрикантов, банкиров, адвокатов, инженеров, врачей). На знаменитых «вторниках» кружка выступали русские и зарубежные писатели, артисты, читались доклады и лекции, проводились диспуты, отмечались юбилеи. Кружок вел благотворительную деятельность, в частности, финансировал заграничные гастроли МХТ (1906). При кружке было создано Общество свободной эстетики (1908). Кружок издавал «Известия» (1913–1917). Председатель дирекции – А. И. Южин-Сумбатов (1899–1908), затем В. Я. Брюсов (1908–1920). Закрыт в 1920.

210 Салазкин Аркадий Сергеевич (1870–?) – землевладелец и домовладелец, предприниматель; общественный деятель. Член кадетской партии, лидер Касимовской кадетской группы (с 1906), входил в руководство Рязанского губернского комитета кадетов. Депутат II–IV Государственной думы, член Прогрессивного блока. Касимовский городской голова (1909–1914). Председатель Нижегородского ярмарочного и биржевого комитета (с 1910).

211 Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) – историк, юрист, экономист; общественный и политический деятель. Ректор Московского университета (1908–1911). На I съезде кадетской партии (октябрь 1905) избран в состав ЦК. Член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов (1906–1911). Входил в редколлегию журнала «Вестник Европы» (с 1912). Председатель экономического совета Всероссийского Союза городов (с 1914). Министр

просвещения во Временном правительстве. Редактор, а с 1917 главный редактор газеты «Русские ведомости».

[212] Тесленко Николай Васильевич (1870–1942) – присяжный поверенный, криминалист; общественный и политический деятель. Гласный Московской городской думы и Московского губернского земства. Член «Союза освобождения» (член Совета с октября 1904) и Союза Союзов. Один из создателей кадетской партии; на I съезде (октябрь 1905) избран в ЦК, на II съезде (январь 1906) – товарищ председателя ЦК. Входил в Центральное бюро Союза адвокатов (с 1905). Депутат II–III Государственной думы. В 1914 вошел в состав ЦК Всероссийского Союза городов.

[213] Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) – граф (1877); дипломат, государственный деятель; генерал от инфантерии (1877). Чрезвычайный посланник и полномочный министр (с 1864), затем посол в Константинополе (1867–1877). Имел значительное влияние на ряд руководящих лиц в турецком правительстве. Оказывал поддержку славянскому освободительному движению на Балканах. Член Государственного совета (с 1877). Командирован (13 января 1878) в качестве 1-го уполномоченного на переговоры в Турции, руководил русской делегацией при подписании Сан-Стефанского мира 1878. Один из ведущих деятелей панславизма. Пользовался большой популярностью в Болгарии.

[214] Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) – князь; государственный и военный деятель; генерал от кавалерии (1878). В Русско-турецкой войне 1877–1878 командовал 13-м армейским корпусом, затем Восточным отрядом. Верховный русский комиссар в Болгарии (с апреля 1878), одновременно командовал русским оккупационным корпусом (1879–1880). Деятельно содействовал организации нового управления, административного, судебного, финансового и военного устройства страны. При его участии разработан первоначальный проект органического устава, который лег в основу первой болгарской конституции. Пользовался большой популярностью среди местного населения. Член Государственного совета (с 1879).

[215] Шишманов Иван Димитров (1862–1928) – болгарский историк литературы и фольклорист. Профессор по сравнительной истории литературы Софийского университета. Министр народного просвещения (1903–1907). Исследователь проблем болгарской культурной и литературной истории, этнографии и фольклора, болгарского национального возрождения.

[216] Милетич Любомир Георгиев (1863–1937) – болгарский филолог. Один из основателей 1-го высшего училища в Болгарии (1888), затем профессор Софийского университета (с 1904). Автор трудов по истории болгарского языка, по истории и быту славянского населения Болга-

рии и соседних стран. Академик (1898) и президент (1925–1937) Болгарской АН. Иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1901).

[217] Нейфах (Neufach) Исаак – сионист, изучал в Константинополе турецкое судопроизводство, выполнял функции юридического и политического советника в сионистском движении в Константинополе. Автор статей о положении евреев в Турции: «Евреи в Турции» («Еврейский ежегодник Кадима на 1918–1919». С. 163–172); «Еврейские общины в Оттоманской империи» («Еврейская жизнь». 1906. № 11–12. С. 87–104).

[218] Скутари (Scutari) – город на азиатском берегу Турции, расположенный напротив Константинополя; в настоящее время часть Стамбула.

[219] Младотурки – политическое оппозиционное движение в Турции в конце XIX – начале XX в., ставившее своей целью замену султанского самодержавия конституционным строем (восстановление конституции 1876, созыв парламента, обеспечение равных прав для всех народов империи), в более узком смысле – члены организации «Единение и прогресс» (турец. «İttihat ve Terakki» / «Иттихад ве теракки»), основанной в 1889 и руководившей младотурецкой революцией 1908, в результате которой младотурки пришли к власти, свергнув султана Абдул-Хамида II. Политическая программа «Единения и прогресса» была опубликована турецкой эмиграцией в газете «Мешверет» (Париж) 3 декабря 1895. Новая программа, принятая в середине сентября 1908 на Салоникском конгрессе, включала следующие пункты: министерская ответственность; предоставление палатам законодательной инициативы; избрание $^{2}/_{3}$ состава сената народом; всеобщее право голосования; полное равенство всех граждан перед законом без различия расы и вероисповедания; свобода союзов, преподавания; распространение всеобщей воинской повинности и на немусульман; ряд положений социального характера. После поражения Турции в 1-й мировой войне младотурки потеряли власть.

[220] «Jeune Turc» («Жён Тюрк» / «Младотурок») – турецкая общественно-политическая газета младотурецкой направленности. Издатель Джаляль Нури.

[221] Гохберг (Hochberg) Шмуэль (1869–1917) – один из деятелей сионистского движения. Долгое время (ок. 20 лет) прожил на Ближнем Востоке (в Эрец-Исраэль и Сирии). Позднее переехал в Константинополь, занимал пост коммерческого директора газеты «Jeune Turc». Пытался добиться соглашения с представителями арабских националистов, в частности, в рамках I арабского конгресса (Париж, июнь 1913), однако потерпел неудачу. Существует версия, что в период 1-й мировой войны он работал на военную разведку Германии (http://www.haaretz.com/weekend/week-s-end/saved-from-history-s-black-hole-1.324330).

[222] Джалаль Нури-бей (Djalal Nouri) – сын высокопоставленного турецкого чиновника, получил образование в Бельгии. Издатель газеты «Jeune Turc». Сотрудничал в журнале «Тюрк юрду».

[223] Имеется в виду Исхаков (Исхаки) Гаяз Гилязутдинович (псевд. Чингиз) (1878–1954) – татарский писатель, драматург, публицист, общественный и политический деятель. В 1905–1906 издавал газету демократического направления «Тан Юлдузы» (Утренняя звезда). В 1907 арестован, сослан в Архангельскую губ. С 1908 жил в Константинополе. В конце 1911 вернулся в Россию. В 1915 в Петербурге издавал газету «Иль» (Страна), в 1916 – «Суз» (Слово). На 1-м Всероссийском мусульманском съезде (Москва, 1917) избран членом Всероссийского мусульманского совета (Милли Шуро) и председателем его исполкома. К Октябрьской революции отнесся отрицательно. В 1920 вновь эмигрировал.

[224] Хартман (Hartmann) Мартин (1851–1918) – востоковед-арабист, исследователь-тюрколог, один из основателей современного исламоведения. В 1887–1918 преподавал арабский язык в семинаре восточных языков в Берлине. В 1912 основал Германское общество по изучению исламских источников, просуществовавшее до 1955.

[225] Успенский Федор Иванович (1845–1928) – историк, академик Петербургской АН (с 1900), Российской АН (с 1917), АН СССР (с 1925). Директор Русского археологического института в Константинополе, направлял его работу в русло славяноведения. Главный труд – «История Византийской империи».

[226] Русский археологический институт (РАИ) создан в Константинополе в 1894. Наряду с научно-исследовательскими задачами должен был содействовать решению внешнеполитических вопросов. При деятельной поддержке русского посла в Турции А. И. Нелидова Институту была дарована султаном Абдул-Хамидом II привилегия проводить раскопки по всей территории Оттоманской империи с правом сохранения за РАИ половины находок. В 1911 создано Славянское отделение при Институте. В результате деятельности РАИ открыта столица 2-го болгарского Царства Абобы-Плиски, исследованы мечеть Кахрие-Джали, Студийский монастырь, остатки Большого дворца и др. Закрыт в 1914.

[227] Мечеть Сулеймание (Великолепная) (Сулеймание-джами) – построена в 1555–1566 архитектором Синаном для султана Сулеймана на вершине холма, господствующего над Золотым Рогом. Крупнейшая мечеть Стамбула с четырьмя минаретами. Во дворе мечети находится кладбище, где похоронены: Сулейман I, его жена Роксолана, султаны Сулейман II и Ахмед II.

[228] Мечеть Байязида (Баязил Джали) – строилась в эпоху правления султана Баязида II (1481–1512) по проекту архитектора Хайреддина,

в основу проекта положен план храма св. Софии. Строительство завершено в 1501.

229 Мечеть Jeni Djami (Ени Джами / Новая Мечеть) – одна из самых больших мечетей Стамбула, строительство начато в 1597 архитектором Давудом по распоряжению жены султана Селима II – Сафийе султан и завершено архитектором Мустафой только в 1663. Рядом с мечетью расположен Египетский базар.

230 Возможно, Мехмет Решад (Mehmet Resat) (1844–1918) – 35-й султан-калиф. До вступления на трон носил имя Решад-Эффенди. Брат Абдул-Хамида II, после свержения которого в результате младотурецкой революции 1908 провозглашен 24 апреля 1909 султаном и калифом. Практически не вмешивался в управление страной, передав бразды правления Талаат-паше, Джемаль-паше, Энвер-паше. Со вступлением Турции в 1-ю мировую войну занял пост Верховного главнокомандующего (5 ноября 1914), однако участия в руководстве армией не принимал.

231 Юрдакул Мехмед Эм[м]ин (1869–1944) – турецкий поэт; чиновник, общественно-политический деятель. Окончил военную школу «Аскери рюштиеси» и школу по подготовке чиновников «Эдади»; продолжил обучение в юридической школе «Хукук мектеби». Занимал ряд видных постов в таможенном управлении Эрзурума и Трапезунда. После младотурецкой революции 1908 – советник Морского министерства, губернатор последовательно Хиджаза, Сиваса и Эрзурума (1911), депутат меджлиса. Основные произведения: «Добродетель и совершенство», «Стихи на турецком языке» (1-й поэтический сборник), «Турецкий сад», «По пути к Турану», «За победу», «Мустафа Кемаль», «Восстание» и др.

232 «Beyanul Hak» («Изложенное право») – турецкая газета.

233 Ахмет Риза (Ahmet Riza) (1859–1930) – один из идеологов младотурок, публицист. Служил в министерствах сельского хозяйства и просвещения. С 1889 жил в Париже. Неоднократно обращался с записками к султану Абдул-Хамиду II, призывая его восстановить конституционный строй. Член партии «Единение и прогресс». Издавал оппозиционную газету «Мешверет» (с декабря 1895) сначала в Париже, затем в Швейцарии, Бельгии и, наконец, снова в Париже. После 1-го конгресса младотурок (Париж, февраль 1902) возглавил группу, которая требовала применить силу для свержения деспотического режима султана. В апреле 1902 один из создателей газеты «Шура-и умет» («Совет общины»). После младотурецкой революции, в сентябре 1908, возвратился в Стамбул. 15 ноября избран председателем созванного турецкого парламента.

234 Джавид-бей (1875–?) – турецкий политический и государственный деятель. Служил в Сельскохозяйственном банке и Министерстве про-

свещения. Затем директор «Школы прогресса» («Мектеби тафаюз») в Салониках. Активный член партии «Единение и прогресс», входил в ее Главный совет. После младотурецкой революции 1908 избран депутатом от Салоник в Османское Национальное собрание; председатель бюджетной комиссии. Министр финансов в 1-м младотурецком правительстве (1908–1911), а также в правительстве, образованном летом 1913; вице-председатель турецкого парламента.

[235] Мандельштам Андрей Николаевич (1869–1949) – дипломат; доктор международного права; действительный статский советник (1916). Окончил юридический и восточный факультеты Петербургского университета. Служил в Министерстве иностранных дел. Занимал различные должности в российском посольстве и консульстве в Турции. В 1914–1916 работал в центральном аппарате МИД; директор департамента.

[236] Максимов В. [Петр Васильевич (?–1915)] – первый драгоман (переводчик) русского посольства в Константинополе.

[237] «Русское слово» – ежедневная газета либерального направления. Выходила в Москве с 1895 по 26 ноября 1917. Издатель – И. Д. Сытин (с 1897). В газете сотрудничали В. М. Дорошевич (фактический редактор с 1902), А. В. Амфитеатров, П. Д. Боборыкин, В. А. Гиляровский, Вас. И. Немирович-Данченко и др. Располагала корреспондентской сетью во всех крупных городах России и многих столицах мира. При газете выходил еженедельный иллюстрированный журнал «Искры». Закрыта по постановлению Московского ВРК. С января по 6 июля 1918 выходила под названиями «Новое слово», «Наше слово».

[238] Гуссейн (Хюсейн) Джахид (Hussein Dhahid) (Ялчин) (1874 [по др. свед. 1875]–1957) – турецкий писатель, критик, публицист, политик-младотурок. До младотурецкой революции 1908 работал в области просвещения; автор сентиментальных рассказов и повестей. После революции – один из создателей газеты «Танин» («Рассвет»). Зам. председателя 2-го меджлиса. После захвата Константинополя Антантой – сослан на о. Мальту. По возвращении вновь издавал газету «Танин», которая позднее была запрещена правительством Кемаля ввиду ее жесткой оппозиционности. Отстаивал идеи младотурецкого движения в литературе. Член партии «Единение и прогресс». Автор грамматики турецкого языка.

[239] «Танин» («Рассвет») – турецкая наиболее известная общественно-политическая газета, орган младотурецкой организации «Единение и прогресс». Основана группой видных турецких писателей и журналистов (Гуссейн Кязимом, Тевфик Фикретом, Гуссейн Джахидом и др.). Выходила с 1 августа 1908. Редактор – Гуссейн (Хюсейн) Джахид.

[240] Мехмед Талаат-бей (Talaat Bey) (с 1917 – паша; Talaat Paşa) (1874–1921) – турецкий политический и государственный деятель. Слу-

жил в телеграфной конторе, примкнул к младотурецкому движению. В 1893 был арестован, освобожден через два года и выслан в Салоники, где возглавил Салоникский комитет младотурок («Османское общество свободы», 1906). После младотурецкой революции 1908 избран депутатом парламента (меджлиса) от Адрианополя; зам. председателя парламента. Министр внутренних дел Турции (1909–1912), затем министр почты и телеграфа (1912). Один из главных организаторов государственного переворота 23 января 1913, после которого вновь занял пост министра внутренних дел (1913–1918), одновременно являлся председателем ЦК партии «Единение и прогресс» (1914–1918). Сторонник насильственной туркизации нетурецких народов империи. Один из главных организаторов массовой депортации и геноцида армян. В ноябре 1918 после отставки младотурецкого правительства уехал в Германию. Чрезвычайный полевой трибунал в Константинополе заочно приговорил его к смертной казни за военные преступления и уничтожение армянского населения Османской империи (1919). 15 марта 1921 застрелен дашнаком в Берлине.

[241] Пинон (Pinon) Рене – французский россиевед, преподаватель Высшей школы общественных наук; академик. Автор ряда книг о Востоке, в том числе – «L'Europe et l'Empire Ottoman. Les aspects actuels de la question d'Orient» (Paris, 1909); «L'Europe et la jeune Turquie. Les aspects nouveau de la question d'Orient» (Paris, 1914) и др. Выступил с лекцией «Ислам и просвещение», которая позднее была опубликована и стала предметом обсуждения в прессе; утверждал, что ислам является препятствием на пути развития знаний и просвещения.

[242] Мектебе (от араб. мактаб; букв. – место, где пишут) – мусульманская общеобразовательная начальная школа. Действовала при мечетях и содержалась на средства населения. Учебная программа в ней наряду с религиозными дисциплинами включала арифметику, геометрию, географию, историю.

[243] Драгоман (франц. dragoman от араб. тарджулган – переводчик) – переводчик при дипломатических представительствах и консульствах стран Востока и при европейских миссиях и консульствах на Востоке.

[244] Машков Виктор Федорович – поручик, русский консул в Ускюбе (ныне – Скопье, столице Республики Македонии) в начале XX в.

[245] Чарыков Николай Валерьевич (1855–?) – дипломат. Товарищ министра иностранных дел (1907–1909). Посол в Константинополе. Предпринимал усилия по созданию общебалканского союза под эгидой России, с этой целью проводил политику сближения с турецким правительством. 12 октября 1911 вручил великому визирю Саид-паше проект русско-турецкого соглашения, согласно которому Россия обязывалась, в отмену договора 1900, разрешить Турции железнодорожное строительство в Северной Анатолии, а Турция – не препятствовать

проходу русских военных судов через проливы Босфор и Дарданеллы. После нескольких недель раздумий Саид-паша отверг проект. В связи с этим министр иностранных дел С. Д. Сазонов дезавуировал действия посла, заявив, что Россия не ведет с Турцией никаких официальных переговоров о проливах. В марте 1912 Чарыков был отозван из Константинополя, на этом была закончена его дипломатическая карьера.

[246] Теляковский Владимир Аркадьевич (1861–1924) – театральный деятель, тайный советник (1909). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1888). Управляющий Московской конторой Императорских театров (1898–1901), затем директор Императорских театров (1901–1917).

[247] Вследствие Марокканского кризиса 1911 Германия была вынуждена согласиться на подписание франко-германского соглашения, признававшего преимущественное право Франции на Марокко в обмен на передачу Германии половины французской колонии Конго. Корме того, Турцию не могло не задеть то, что во время Потсдамского свидания Германия договорилась с Россией о смычке Багдадской железной дороги с Персидской, не считаясь в тарифном вопросе с правами турецкого суверенитета.

[248] 29 сентября 1911 Италия начала военные действия против Турции, 5 октября итальянский морской десант занял Триполи и Хомс. В этой итало-турецкой войне, получившей название Триполитанской, или Ливийской, Турция не могла опереться на поддержку Германии, которая позволила Италии напасть на своего «друга» – Турцию. Согласно предварительному секретному мирному договору, заключенному 15 октября 1912 в Уши (Швейцария), и гласному – 18 октября 1912 в Лозанне, Турция выводила войска из Триполитании и Киренаки, которые фактически превращались в итальянскую колонию. Вследствие итало-германской войны влияние Германии в Турции поколебалось.

[249] Шрадер (Schrader) Фридрих (1865–1922) – немецкий филолог, специалист по восточным языкам, искусствовед, писатель, журналист, переводчик; социал-демократ. С 1891 жил в Константинополе: преподавал в армяно-французском лицее в Пера, в немецкой школе в Константинополе; писал статьи для различных немецких ежедневных газет и журналов («Vorwärts», «Neue Zeit», псевд. «Иштираки» [«Ischtiraki»]). В своих статьях критически оценивал политику Германии в отношении Турции, которая, по его мнению, преследовала прежде всего экономические и военные интересы и не уделяла должного внимания культурному обмену между двумя нациями. В 1907–1908 преподавал в качестве доцента в русской торговой школе в Баку. В 1908–1918 – зам. главного редактора газеты «Osmanischer Lloyd» в Константинополе. Подборка его статей, опубликованных в этой газете, позднее была издана в виде книги «Константинополь в про-

шлом и настоящем» («Konstantinopel in Vergangenheit und Gegenwart». Tübingen, 1917). Литературные и культурно-исторические эссе Шрадера получали высокую оценку и часто перепечатывались в таких влиятельных немецких газетах, как «Frankfurter Zeitung» и «Kölnische Zeitung». Переводил произведения турецких писателей, являлся популяризатором турецкой культуры в Германии, его рецензии помещались в газете «Frankfurter Zeitung», и журнале «Das literarische Echo». Прилагал немало усилий в деле налаживания культурного диалога между Германией и Османской империей. Один из организаторов празднования в Константинополе 150-летнего юбилея Фридриха Шиллера (1909). Пытался пропагандировать гуманистические идеи и тем влиять на политику младотурецкого движения.

[250] «Osmanischer Lloyd» (франц. «Lloyd Ottoman») – ежедневная газета, выходила в Константинополе с 1908 по 1918 на немецком и французском языках. Газета издавалась по инициативе германского Министерства иностранных дел и германского посольства в Константинополе, финансировалась Германским банком (Deutsche Bank), банковским домом Блайхрёдер (Bleichröder) и другими немецкими предпринимателями (в том числе Круппом). Первым редактором газеты (1908–1914) был Е. М. Грюнвальд (Grünwald); до этого зам. главного редактора «Vossische Zeitung»; покинул свой пост из-за разногласий с германским послом в Константинополе (с 1912) бароном Гансом фон Вангенхаймом [Hans von Wangenheim]).

[251] Имеется в виду организация «Свобода и согласие» («Hürriyet ve itilâf firkasi» / «Итиляр ве хурриет») – самая крупная оппозиционная партия периода правления младотурок; основана в ноябре 1911 группой депутатов на базе мелких оппозиционных партий и группировок, наиболее крупные партии среди них: «Либералы» («Ахрар», созд. в 1909), «Народная партия» («Ахали фыркасы» – 1910), «Османская демократическая партия» («Фыркаи ибад» – 1908), «Умеренные либералы» («Мютедиль хюрриет перверан фыркасы» – 1909), «Османская партия реформы» («Ислахат-ы эсасийе османие фыркасы» – 1909). Кроме того, к партии «Свобода и согласие» присоединились почти все представители национальных меньшинств (для сохранения блока с последними § 2 программы провозглашал принцип автономии национальных областей и административную децентрализацию Османской империи при сохранении ее политического единства). В состав партии вошли также «обиженные» младотурками социальные группы: уволенные в отставку чиновники и офицеры, ходжи, считавшие, что конституция противоречит шариату и др. Чрезвычайно разнородный социальный, политический и национальный состав свидетельствовал о том, что организация, как верно подметила Тыркова, представляла собой не партию, а, скорее, временный политический союз (блок) различных элементов, объединенных одной целью – уничтожение

режима младотурков. Основными пунктами политической программы партии являлись: укрепление либеральных порядков, обеспечение децентрализации и частной инициативы. Организация активно содействовала временному отстранению младотурков от власти (с 22 июля 1912 до 23 января 1913). После возвращения младотурок к власти в результате государственного переворота 23 января 1913 правительство «Свободы и согласия» было свергнуто, руководители организации бежали за границу и создали там партию Национальной оппозиции. После поражения Турции в 1-й мировой войне представители «Свободы и согласия» входили в состав нескольких кабинетов, но в 1922 партия окончательно прекратила свое существование.

[252] Правильнее – Сераль. Речь идет о Серале (или Дворце) Топкапы, строительство которого было начато в 1462 и в основных частях завершено в 1478. С этого времени Сераль Топкапы стал официальной резиденцией османского султана и оставался ею до 1855, когда султан Абдюл Мечит перенес резиденцию в новый дворец Долмабахче.

[253] Софт – студент стамбульских медресе.

[254] Хамам – турецкая паровая баня, сложилась под влиянием византийских бань; ее особенность – отопление осуществляется посредством подземных печей, горячий воздух из которых проходит под мраморными плитами пола и по трубам в стенах. В бане существует несколько помещений, при переходе из одного в другое повышается влажность и температура. В обязательные процедуры включался массаж. Турецкая баня – это также место отдыха и проведения встреч наподобие клуба.

[255] Имеется в виду члены Комитета «Единение и прогресс».

[256] Ахмед Ниази-бей (Niazi-bey) (1873–1912) – офицер турецкой армии, служил в Македонии (Ресненский гарнизон). В 1906 вступил в комитет «Единение и прогресс». В конце июня 1908 открыто отрекся от верности султану и объявил своим товарищам о планах начать восстание против существующего режима ради достижения «свободы, равенства и братства». ЦК младотурков поддержал выступление. 3 июля 1908 с частью своего батальона, захватив оружие и полковую казну, бежал в горы и 5 июля обратился со специальным воззванием к болгарскому народу, призывал к объединению сил и свержению султана Абдул-Хамида II. Сформировал отряд «фидаев» («жертвующих собой»), с которыми обходил турецкие и болгарские деревни и вербовал добровольцев. 22 июля его отряд захватил город Монастыр и захватил в плен посланного для подавления восстания генерала Осман-пашу. По сути, выступление отряда Ниази-бея послужило сигналом к началу младотурецкой революции.

[257] Очевидно, речь идет о журналисте Зекки-бее, который находился в оппозиции к младотурецкому режиму. 27 мая 1911 он был убит

в Стамбуле неизвестными, как предполагали, сторонниками партии «Единение и прогресс».

[258] Тыркова, по всей вероятности, упоминает книгу берлинского востоковеда Мартина Хартмана «Unpolitische Briefe aus der Türkei» [«Неполитические письма из Турции»] (Leipzig, 1910), написанную по впечатлениям пребывания в Турции в 1909.

[259] Правильное написание Адывар Халиде Эдиб, Ханум (Halide Edib, Hanum) (1884–1964) – турецкая просветительница, писательница, одна из руководительниц женского движения в стране. Окончила Амерканский женский колледж в Стамбуле (1901). Литературную деятельность начала в газетах «Танин», «Акшам», в журналах «Фесимли китап», «Тюрк юрду», «Ени меджмуа», «Шехбал». Преподавала историю и педагогику в женской семинарии и в женской средней школе. Принимала активное участие в организации женских семинарий и школ в Бейруте, Ливане и Дамаске. Единственная женщина в составе националистического клуба «Турецкий очаг». После окончания 1-й мировой войны заведовала кафедрой западной литературы Стамбульского университета (1918–1919); организовывала выступления студентов. Подвергалась преследованиям за выступления в поддержку идей национально-освободительного движения. (1919). После того как ее дом был разгромлен, вынуждена была бежать вместе с мужем Аднаном Адываром в Анатолию. Участвовала в боях за освобождение страны, имела чин сержанта. В 1921–1939 жила в Англии и во Франции, читала лекции по истории общественной мысли стран Ближнего Востока в Америке (1928–1929). Работала в качестве приглашенного профессора в университете Дели (1939). По возвращении в Турцию – профессор английской литературы Стамбульского университета. В своем творчестве разрабатывала тему положения женщины в Турции («Севие талиб», «Хандан», «Сон хери» и др.). Автор мемуаров «Memoirs of Halide Edib» (London, 1926).

[260] Чаршаф – род чадры у турчанок.

[261] Полковник Садык-бей (Sadyk-bey) – один из деятелей младотурецкой революции. Из-за разногласий разошелся с партией «Единение и прогресс», в мае 1911 инициировал образование «Новой партии» консервативного направления, политическая программа которой предусматривала расширение прав исполнительной власти, а также запрет тайных обществ, запрет на одновременное исполнение гражданской и военной службы – пункты, направленные против партии «Единение и прогресс». Вскоре был уволен в отставку. Начал агитацию в провинции против партии «Единение и прогресс». В дальнейшем был заместителем председателя исполнительного комитета партии «Свобода и согласие».

[262] Кыз-мектебе – начальная школа для девочек.

[263] Келекиан (Kelekian) Дигран (правильнее Дикран) (1862–1916) – турецкий журналист и ученый армянского происхождения. Сотрудничал в ряде турецких газет. Секретарь армянского патриархата в Константинополе. В последние годы правления султана Абдул-Хамида II вынужден был эмигрировать в Англию. Публиковался в ряде британских газет. После младотурецкой революции 1908 стал главным редактором ежедневной газеты «Сабах». Президент константинопольского Союза прессы. Профессор Константинопольского университета. В конце апреля 1915 был арестован, депортирован в Центральную Анатолию и 20 октября 1916 казнен.

[264] «Sabah» («Сабах» / «Утро») – ежедневная общественно-политическая газета в Турции.

[265] Вольтер (Voltaire) (урожд. Франсуа-Мари Аруэ [François Marie Arouet]) (1694–1778) – французский философ-просветитель XVIII в., поэт, прозаик, историк, публицист, основоположник вольтерянства.

[266] Риза Тевфик (?–1949) – турецкий философ, поэт; общественный и политический деятель. Участвовал в создании газеты «Танин». Входил в группу радикалов в партии «Единение и прогресс», выступал с критикой деятельности ее парламентской фракции. Член научно-культурного Общества тюркистов, созданного в 1908 в целях изучения и пропаганды тюркского культурного наследия. Принадлежал к «народникам» – группе творческой интеллигенции, претендовавшей на роль выразителя интересов народа.

[267] Дамад Адиль Ферид-паша (Ferid-Paça) (1854–1923) – турецкий политический и государственный деятель; сенатор. Играл руководящую роль в инициативной группе депутатов, основавших партию «Свобода и согласие» (1911). После падения младотурецкого правительства был назначен премьер-министром (март 1919), одновременно занимал пост министра иностранных дел (с марта по октябрь 1919 и с апреля по октябрь 1920).

[268] Entente liberale (Либеральный союз) – имеется в виду партия «Свобода и согласие».

[269] Осман Хамди-бей (Osman Hamdi Bey) (1842–1910) – турецкий художник, археолог. Основатель Школы изящных искусств (Sanayi-i Nefise Mektebi) в марте 1883. Директор Археологического музея (с сентября 1881). Разработал закон по защите исторических и культурных ценностей, что позволило регулировать порядок археологических раскопок и запретить вывоз из страны найденного.

[270] Турецкое жилище традиционно делилось на две части: мужскую («селямлик») и женскую («гаремлик»).

[271] Леди Уортли Монтегью Мари Пьерпойнт (Wortley Montagu) (1690–1762) – старшая дочь герцога Кингстонского, английская писательница.

В 1716 выехала с мужем, назначенным посланником, в Константинополь. Написанные ею в 1717–1718 многочисленные письма из Андрианополя, Константинополя и Перы пользовались известностью. В Турции она впервые познакомилась с «оспопрививанием», тогда еще не известным в Европе, и стала убежденным пропагандистом внедрения прививки как средства борьбы с оспой и другими инфекционными заболеваниями. Она привезла в Англию моду на все турецкое. В 1739 Мэри оставила Англию и отправилась путешествовать по Европе, жила в ряде городов Италии, затем в Женеве, Авиньоне, наконец, осела в Ломбардии. Слыла одной из самых остроумных женщин своего времени.

272 Арнауты (турец. Arnavut) – название албанцев у турок.

273 Селамлик (турец.) – публичный прием турецким султаном сановников в праздник байрама; торжественная, соединенная с войсковым парадом, процессия султана в мечеть.

274 Абдул-Хамид (Абдул-Гамид) II (Abdulhamid) (1842–1918) – турецкий султан в 1876–1909. Установил деспотический режим. В результате младотурецкой революции 1908 был низложен (апрель 1909). Получил прозвище «кровавого султана».

275 Имеется в виду миссия эмиссара Абдул-Хамида – Ахмеда Джелаледдин-паши, посланного в 1897 в Европу, дабы склонить руководителей младотурецкого движения к отказу от политической борьбы и возвращению на родину.

276 Принятое написание – Исмаил Кемаль-бей (1844–1918) – албанский политический и государственный деятель, играл заметную роль в младотурецкой эмиграции. На I конгрессе младотурок (1902) внес предложение о переходе от пропаганды в печати к более решительным действиям; после произошедшего на конгрессе раскола вошел в руководство выделившегося «Общества личной инициативы и децентрализации». Пытался (вместе с принцем Сабахеддином) организовать государственный переворот в Константинополе, посвятил в планы заговора английского посла в Париже, рассчитывая на поддержку Великобритании; попытка закончилась неудачей. После младотурецкой революции 1908 депутат турецкого парламента (1908–1912), лидер партии «Ахрар» (основана в декабре 1908). Входил в состав албанских комитетов, претендовавших на руководство албанским национальным движением. После провозглашения независимости Албании (28 ноября 1912) возглавлял (до 22 января 1914) временное правительство. В 1914 эмигрировал.

277 Имеются в виду массовые выступления в Стамбуле в конце марта – начале апреля 1909, направленные против младотурецкого правительства. 10 апреля 1909 (по нов. стилю) в городе проходили похороны журналиста Хасан Фехми-бея, редактора газеты «Сербести», из-

вестного своими оппозиционными взглядами. Накануне он участвовал в организации митинга протестующих против подготовленного младотурками закона, ограничивающего свободу печати, и пал жертвой покушения. Убийца скрылся с места преступления и не был найден, но в городе распространились слухи, что убийство было спланировано и осуществлено в интересах младотурок. Похоронная процессия, объединившая ок. 60 тыс. человек, вылилась в открытый протест против режима младотурок. Выступление опиралось на поддержку духовенства и партии «Ахрар» («Либералы»). Были выдвинуты требования: упразднение законодательных палат; восстановление шариата и власти султана; смена младотурецкого правительства и отставка видных деятелей-младотурок; замена великого визира и председателя палаты депутатов. 13 апреля начался мятеж части столичного гарнизона, к которому присоединилось значительное число горожан. В Стамбуле начались беспорядки, были разгромлены помещение партии «Единение и прогресс», редакции ряда газет – органов младотурок. Джавид-бей и Гуссейн Джахид-бей укрылись в русском посольстве, а затем на русском пароходе отплыли в Одессу. Другие лидеры младотурок бежали в Салоники. Местный комитет «Единение и прогресс» стянул верные войска, которые 16 апреля двинулись на Стамбул. 24 апреля произошло решительное сражение, и младотурецкие войска овладели городом.

[278] Милль (Mill) Джон Стюард (1806–1873) – английский философ и экономист.

[279] Ходжа (араб., тюрк. – паломник) – почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Мекку (хадж).

[280] Имеется в виду афинский государственный деятель и полководец Аристид (ок. 540 – ок. 467 до н. э.) – политический противник Фемистокла, под давлением которого народное собрание приняло в 482 до н. э. решение об изгнании (остракизме) Аристида. Вернувшись в 480 до н. э., принял активное участие в сражениях с персами, в частности возглавлял афинское войско, одержавшее победу при Платеях в 479 до н. э. Один из организаторов Делосского союза. Прозван Справедливым. В иносказательном смысле аристид – человек высокой порядочности и честности.

[281] Энвер-бей (с 1913 – паша; Enver-paşa) (1881–1922) – турецкий военный и политический деятель. Примкнул к движению младотурок (1897). Возглавил одну из воинских частей, поднявших в 1908 восстание в Македонии. После младотурецкой революции был направлен военным агентом (атташе) в Берлин. При первом известии о мартовских событиях 1909 в Константинополе вернулся на родину, участвовал в военном походе верных младотуркам войск на Константинополь. Отличился при взятии казарм, занятых мятежными солдатами. Один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс». Во

время итало-турецкой войны 1911—1912 организовывал защиту Триполитании. 23 января 1913 вместе с Талаат-беем возглавил группу офицеров, осуществивших государственный переворот и вернувших младотурок к власти. Возведен в звание бригадного генерала и паши, назначен военным министром (2 декабря 1913). Женился на племяннице султана – Наджие Султан, получил титул «дамада», который носили зятья султана. Сторонник искоренения нетурецкого населения на территории Оттоманской империи, отстаивал идеологию пантюркизма и панисламизма. Во время 1-й мировой войны – фактически исполнял обязанности главнокомандующего. Один из главных организаторов геноцида армян.

[282] Принятое написание – Махмуд Шефкет-паша (Mahmud Sevket-paşa) (1856—1913) – военный и политический деятель; младотурок. После младотурецкой революции 1908 возглавил 3-ю армию. Во время мартовских событий в Стамбуле в 1909 возглавлял войска, подавившие мятеж в городе. В начале 1910 занял пост военного министра в кабинете Хакки-паши, после поражения в войне с Италией в июле 1912 смещен с поста. 23 января 1913 был назначен великим визирем. 2 июня 1913 был убит в своем автомобиле при проезде из Военного министерства в Порту.

[283] Духовецкий Ф. А. – представитель Петербургского телеграфного агентства в Константинополе. Исследовательница Е. Г. Кострикова отмечала, что в сентябре 1908 Духовецкий получил указание от А. А. Гирса предоставить себя в полное распоряжение А. Н. Мандельштама, «обеспечив его связь с турецкой печатью для налаживания русско-турецкого сближения» (Кострикова Е. Г. Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны, 1907—1914 // www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=614&c_id=7324).

[284] Нотабли (от лат. notabilis – значительный, выдающийся) – именитые люди.

[285] Ибрагим Хакки-паша (Hakki-paşa) (1863—1918) – турецкий государственный деятель. Посол Турции в Риме. Был введен младотурками в 1-й кабинет, сформированный после младотурецкой революции 1908, остался в правительстве и после низложения султана Абдул-Хамида II. После мартовских событий 1909 возглавил новый кабинет, просуществовавший 1 год и 10 мес. до начала итало-турецкой войны 1911—1912. Великий визир (с января 1910). Придерживался германофильского курса, поддерживал дружеские отношения с германским послом в Константинополе.

[286] Влахов Дмитрий (?—1954) – турецкий общественно-политический деятель, социалист. По происхождению болгарин. Во время революции 1908 сотрудничал с младотурками. Был избран депутатом парламента от Салоник, от так наз. Федеральной народной партии (август 1908).

Выступал против антирабочих законопроектов о забастовках и союзах. Поддерживал контакты с социалистами из II Интернационала. Потерпел поражение на парламентских выборах 1912. Выслан из Греции по обвинению в «политической неблагонадежности» (1913). До 2-й мировой войны жил в эмиграции. Участвовал в освободительном движении в Югославии. Представлял Македонию в Народном законодательном органе Югославии.

[287] «Икдам» («Ikdam» / «Упорство») – общественно-политическая газета младотурецкой ориентации.

[288] Правильнее – Исмаил Хакки Бабанзаде – турецкий политический и государственный деятель. Член партии «Единение и прогресс». После мартовских событий 1909 вошел в правительство Хакки-паши.

[289] Имеется в виду С. Ю. Витте, занимавший пост министра финансов в российском правительстве с августа 1892 по август 1903.

[290] Речь идет об Администрации оттоманского государственного долга (Administration de la Dette Publique Ottomane) – особой комиссии для погашения оттоманского публичного долга, учрежденной в Стамбуле по декрету от 20 декабря 1881 и состоявшей из представителей иностранных кредиторов. Этому учреждению были отданы доходы с 6 государственных налогов (на табак, соль, рыбные промыслы, шелководство, спирт, а также на гербовый сбор), причем «администрация» собирала эти доходы через посредство своих собственных органов.

[291] Каймакал – глава городской администрации, назначавшийся великим визирем.

[292] Панафидина – жена русского генерального консула в Мешхеде.

[293] Американский Роберт-колледж в Стамбуле был основан в 1863. В колледже обучались и османские подданные.

[294] Тинер (Tinayre) Марсель (1877–1936) – французская писательница. Авторов романов о жизни современной женщины. Романы Тинер неоднократно переводились на русский язык, в частности ее пятитомное собрание сочинений было издано в московском издательстве «Энергия» в 1909–1912.

[295] Имеется в виду Кайо (Caillaux) Жозеф (1863–1944) – французский политический и государственный деятель; один из лидеров партии радикалов. Занимал пост министра финансов последовательно в кабинетах: Вальдека Руссо (1899–1902), Клемансо (с 1906), Мониса (1911). Выступал за введение подоходного налога. Возглавил коалиционное правительство (с июня 1911 по январь 1912), одновременно министр внутренних дел; содействовал урегулированию 2-го Марокканского кризиса. Министр финансов в кабинете Думберга (1913). В марте 1914 его жена нанесла смертельную рану из револьвера редактору «Фига-

ро», печатавшему инсинуации по адресу мужа, вследствие этого Кайо подал в отставку. В годы 1-й мировой войны сторонник поисков путей примирения с Германией.

[296] Оттоманский банк – крупнейший иностранный коммерческий банк в Турции. Учрежден в 1863 в Стамбуле консорциумом английского и французского банков на основании концессионного договора с правительством Османской (Оттоманской) империи под названием «Оттоманский Имперский банк».

[297] Мегемед Саид-паша (1835–?) – турецкий государственный деятель. В 1879–1880 министр внутренних дел. В 1882–1885, 1895 и 1902 великий визир. После провозглашения конституции 10 июля 1908 назначен великим визирем, ему было поручено составить первый турецкий конституционный кабинет, но вследствие несогласия с младотурецким комитетом по вопросу о назначении военного и морского министров подал в отставку. После отставки правительства Хакки-паши возглавил новый кабинет.

[298] Шейх-уль-ислам (араб., буквально – старейшина ислама) – в Турции с середины XVI в. до 1924 глава мусульманского духовенства (главный муфтий), назначавшийся султаном.

[299] Рюштие (rustiye; от слова рюшт – зрелость, совершеннолетие) – общеобразовательные светские школы; начальные школы 2-й ступени. Открыты с 1839, 1-я женская рюштие открыта в Стамбуле в 1858.

[300] Айя-София – соборная церковь св. Софии. Памятник византийской эпохи. Храм построен по велению императора Юстиниана в 532–537 анатолийскими архитекторами Анфемиосом и Исидором. После взятия Константинополя турками переделана в мечеть по приказу султана Мехмеда II. 1-я мусульманская религиозная церемония состоялась 1 июня 1453.

[301] Церковь св. Ирины построена в начале IV в. при императоре Константине, уничтожена пожаром и заново отстроена в 532 при императоре Юстиниане. Находилась в ограде старого султанского дворца Топкапы, на холме, где когда-то был заложен г. Византий. Ввиду близости к султанскому дворцу использовалась долгое время как арсенал, а затем как военный музей.

[302] Мечеть султана Ахмеда (мечеть Ахмедие) построена в 1609–1617 учеником архитектора Синана – архитектором Мехмедом, на месте бывшего дворца византийских императоров, напротив собора св. Софии.

[303] Очевидная описка. Имеются в виду минареты. В отличие от других мечетей, окруженных по традиции четырьмя минаретами, мечеть Ахмедие является единственной в Турции, окруженной шестью минаретами.

[304] Передонов Ардальон Борисович – персонаж романа Федора Сологуба «Мелкий бес» (впервые опубл. в 1905). Зависть и злоба переполняют душу Передонова – учителя словесности в провинциальном городе – и весь мир кажется ему «враждебным и зловещим».

[305] Мизанджи Мурад-бей – историк, публицист, издатель; видный деятель младотурецкого движения. Выходец из Дагестана, учился в Темир-Хан-Шуринском реальном училище, затем в ставропольской гимназии. В 1872 уехал для продолжения учебы в Цюрих, оттуда перебрался в 1873 в Турцию, стал преподавателем истории. Автор ряда крупных исторических трудов, в том числе: 6-томная «Всемирная история», «Османская история». Автор романа «Это новость или неожиданность» (1891). Перевел на турецкий язык «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Издавал в Стамбуле (с 1886) ежедневную газету «Мизан» («Весы»). В октябре 1895 подал султану записку, в которой предлагал осуществить ряд реформ в системе государственного управления. Не получив ответа, покинул Турцию. Продолжил издание за рубежом газеты «Мизан», которая стала органом младотурок (с 4 января 1896–1897 в Каире, Париже, Женеве). Призывал к борьбе с абсолютизмом, к «совещательному» принципу управления. Руководил женевским отделением партии «Единение и прогресс». Сторонник умеренной программы реформ, что являлось основой его разногласий с более радикально настроенными деятелями младотурецкой эмиграции. Считал, что представительная власть в Турции может стать эффективной только когда повысится уровень образования и культуры населения. Полагал, что до введения парламентского управления необходимо, в порядке подготовки населения, обеспечить всеобщее равенство всех подданных империи в гражданских и военных делах, уничтожить все личные привилегии, а также гарантировать основные политические свободы. Поверив эмиссарам султана Абдул-Хамида II, будто тот готов к серьезным реформам, прекратил издание газеты и вернулся в Стамбул (1897). Автор ряда политических работ: «Дворец Йылдыз и Высокая Порта», «Сила и слабость Турции» (Женева, 1897), «Национальная борьба» (Стамбул, 1907), «Лапа тирании в долине смерти» (Стамбул, 1908) и др.

[306] Акчура-оглу (Акчурин) Юсуф [Хасанович] (1876–1935) – татарский общественный и политический деятель, издатель, писатель, журналист. Окончил школу и военное училище в Стамбуле. Поступил в школу Генерального штаба «Эркян-и харб мектеби», однако за участие в заговоре против султана Абдул-Хамида II был исключен и сослан в Триполитанию, откуда бежал во французский Тунис, а оттуда – в Париж. Окончил Высшую школу политических наук. По возвращении в Россию в 1903 преподавал историю в казанском медресе «Мухаммадия», был редактором газеты «Казанский вестник». Член ЦК кадетской партии. Участвовал в организации и вошел в руководство пар-

тии «Иттифак аль-Мулимин», в связи с чем вышел из кадетского ЦК (ноябрь 1906). После победы младотурецкой революции 1908 эмигрировал в Турцию. Член редколлегии журнала «Тюрк юрду», а с 1911 руководил журналом. Преподавал политическую историю в Стамбульском университете. Автор работ: «Три политики», «Идеологические течения в Европе», «Восточный вопрос», «Политика и экономика», «Уроки политической истории».

307 Речь идет об артиллерийских казармах султана Селима III, расположенных в одном из центральных районов Стамбула – Таксиме.

308 Имеется в виду Девичья башня (Кыз кулеси); европейцы называют ее Башней Леандра. Сооружена на скалах на расстоянии 200 м от берега. Согласно легенде, башня получила свое имя в честь героя древнегреческого мифа – юноши Леандра, который полюбил Геро, жрицу Афродиты. Ради нее он каждую ночь переплывал пролив Дарданеллы, но однажды в темную ночь он не смог найти островок, где ждала его Геро, и утонул. Когда девушка наутро увидела тело утонувшего юноши, она в отчаянии поднялась на башню и бросилась в море.

309 Правильно – Гаро Пасдермаджян (известный как Армен Гаро), армянский политический деятель, член партии Дашнакцутюн. Один из организаторов захвата Оттоманского банка в Стамбуле в 1896. После младотурецкой революции 1908 депутат турецкого парламента. В 1914 перешел на сторону русской армии, организовал в ее тылу батальоны армянских добровольцев, дезертировавших из турецкой армии.

310 Повторяющиеся случаи массовой резни армян привели к тому, что в партии Дашнакцутюн возникла идея проведения крупной акции, дабы привлечь внимание европейских держав к армянскому вопросу. В результате 14/26 августа 1896 группа из 26 дашнаков, а также членов партии Гнчак, во главе с Арменом Гаро (Пасдермаджяном) и Бабкеном Сюни, захватили международный Оттоманский банк в Константинополе. В заложниках оказались ок. 150 служащих. Группа угрожала взорвать банк, если европейские державы не заставят Турцию провести реформы в Армении, прекратить погромы и освободить арестованных товарищей. В ситуацию вмешались послы великих держав в Константинополе. Драгоман посольства России Максимов по их поручению заверил, что на Высокую Порту будет оказано воздействие в вопросе реформ, а также обеспечена безопасность нападавших. Утром следующего дня они покинули здание банка и были доставлены французским пароходом в Марсель. Однако предпринятая акция не дала никаких положительных результатов – в ходе последовавшего затем в Стамбуле трехдневного погрома, при попустительстве турецких властей, были убиты 6 тысяч армян, а реформы не были осуществлены.

311 Хамалы – носильщики.

[312] Стационер – (устар.) судно, постоянно находящееся на стоянке в каком-либо иностранном порту.

[313] Ахмед Хикмет [Муфтиоглу] (1870–1927) – турецкий литератор, публицист, чиновник, общественный и политический деятель. Начальное и среднее образование получил в Стамбуле (в частности, в Галатасарайском лицее). Делал переводы западноевропейской литературы. Сотрудничал в газетах «Икдам» и «Сервет-и фюнун». В 1889 перешел на дипломатическую службу: секретарь консульства, уполномоченный и консул в Марселе, Поти, Пирее, Керчи; генеральный консул в Будапеште. Одновременно заведовал кафедрой европейской литературы в Стамбульском университете, преподавал литературу в Галатасарайском лицее. Основные статьи опубликованы в книге «Водопады» (1922).

[314] Мопассан Ги де (Guy de Maupassant) (1850–1893) – французский писатель, автор многих романов, повестей, рассказов, пользовавшихся большим успехом.

[315] Лютер (Luther) Мартин (1483–1546) – немецкий мыслитель и теолог, идеолог Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма; переводчик Библии на немецкий язык.

[316] Bon-Marché – первый универсальный магазин во Франции, был открыт в 1852; приобрел широкую известность.

[317] Галата Сарай – привилегированный лицей, светское среднее учебное заведение; открыт в Стамбуле 1 сентября 1868. Лицею покровительствовали султан и Порта. Значительную помощь в его создании оказала Франция, при ее помощи были созданы библиотека и несколько лаборатории. Кроме того, в лицее преподавал ряд французских педагогов. Выпускниками лицея были школьные учителя, офицеры армии и флота, чиновники.

[318] Дервиш (перс.) – букв.: бедняк, нищий; мусульманские аскеты, приверженцы суфизма. Объединяются в общины и братства. Дервиши бывают странствующие и живущие в обителях («текие», «ханака») под началом шейха – блюстителя порядка и устава общины.

[319] Ага-оглу Ахмед (Агаев) (1869–1939) – публицист; общественный и политический деятель. Выходец из Азербайджана. Учился в русских школах своего родного города Шуши и Тифлиса, в юридической школе Парижа и в Колледж де Франс. Находясь во Франции, сблизился с младотурецкой эмиграцией. В 1894 возвратился в Азербайджан, преподавал, участвовал в издании газет: «Хаят», «Иршад», «Теракки». В 1908 перебрался в Стамбул; инспектор Министерства просвещения. Вступил в партию «Единение и прогресс». Преподавал турецкий язык на кафедре турецкой литературы Стамбульского университета. Сотрудничал в газете «Жён тюрк», в журнале «Тюрк юрду». Издавал га-

зету «Тержуман-и хакикат» панисламистской ориентации. Основные работы: «Тюркский мир», «Шиизм и его истоки», «Женщина согласно исламу и в мире ислама», «Три цивилизации», «Государство и индивид», «Этика», «Основы турецкого общества», «История турецкого права», «Восстание или же революция» и др.

[320] Речь идет об Юсуфе Акчурине.

[321] Свенцицкий Генрих Ипполитович (1852–1916) – инженер, управляющий Николаевской железной дорогой, начальник строительства железной дороги Бологое–Псков. Участник земских и городских съездов. Депутат III и IV Государственной думы. В IV Думе входил в группу западных окраин; член комиссий: бюджетной, о путях сообщения, по местному самоуправлению, по переселенческому делу и др.

[322] Данон – знаменитый аристократический ресторан Петербурга.

[323] Жижиленко Любовь Ивановна (1867 – после 1929) – учительница, руководительница классов при Путиловском заводе. Член кадетской партии (с 1906), заведовала хозяйством в кадетском клубе в Петербурге, входила в руководство кадетской организации Коломенского района Петербурга. Жена профессора Петроградского университета, специалиста по уголовному праву А. А. Жижиленко.

[324] Авилова (урожд. Страхова) Лидия Алексеевна (1864–1943) – писательница и мемуаристка. Начала публиковаться в 1890. Сотрудничала в «Живописном обозрении», «Севере», «Новом слове», «Русском богатстве», «Вестнике Европы», «Ниве» и др. Член «Общества любителей российской словесности» (с 1914). Наибольшую известность получили ее мемуары «А. П. Чехов в моей жизни».

[325] Бодуэн де Куртенэ (урожд. Багницкая) Ромуальда Ромуальдовна (1857–1935) – писательница, публицист, автор исторических исследований. Окончила Высшие (Бестужевские) женские курсы по историко-филологическому отделению. 2-я жена профессора лингвиста И. А. Бодуэн де Куртенэ. Сотрудничала в журналах и газетах: «Prawda» (Варшава), «Kraj» (Петербург), «Kurjer codzienny» (Варшава), «Nowa Reforma» (Краков), «Czas» (Краков), в сборнике «Charitas» (Петербург, 1894) и др. На русском языке ее статьи появлялись в: «Северном вестнике», в «Вестнике знания». Подготовила книгу «История Польши». Печатала статьи по вопросу женского равноправия (1905–1911).

[326] Шабанова Анна Николаевна (1850–?) – врач, писательница и общественная деятельница. Образование получила в Гельсингфорсском университете и на женских врачебных курсах при Петербургской медико-хирургической академии. Штатный врач детской больницы принца Ольденбургского (с 1895). По ее инициативе в Гатчине были

открыты Лечебница для хронически больных детей (1882) и Дом попечения для хронически больных детей (1887), а также близ Виндавы – приморский санаторий для детей (1900). Председательница Русского женского взаимного благотворительного общества. Автор ряда научных статей, которые публиковались в изданиях: «Военно-медицинский журнал», «Врач», «Вестник Европы», «Россия», «Журнал Общества охранения народного здравия», «Jahrbuch für Kinderheilkunde» и др. Участница съездов русских врачей и международного конгресса в Будапеште.

327 Ефименко (урожд. Ставровская) Александра Яковлевна (1848–1918) – этнограф и историк. Исследовала проблемы крестьянского землевладения на Русском Севере, архангельские артели. Сотрудничала в журналах «Дело», «Семья и школа», «Знание», «Русская мысль» и др. Научные труды Ефименко об артелях привлекли внимание К. Маркса, В. И. Ленина, который опирался на них в полемике с Г. В. Плехановым на VI съезде РСДРП. В период жительства в Харькове подготовила «Историю украинского народа». Харьковский университет присвоил ей степень почетного доктора истории. Изучала женский вопрос в России, опубликовала работы: «Народно-юридические воззрения на брак», «Женщина в крестьянской семье», «Семейные разделы» и др. Переехав в Петербург в 1907, преподавала на Высших (Бестужевских) женских курсах.

328 Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940) – писательница (псевд. Л. Горев, Н. Н. и др.), историк театра, переводчица. Окончила Высшие (Бестужевские) женские курсы (1888). Начала публиковаться с 1904. Автор ряда книг по вопросам театра (Литература и эстетика. Критические опыты и этюды. М., 1912; Творчество актера. М., 1927 и др.), поклонница творчества Московского Художественного театра, поддерживала дружеские контакты с К. С. Станиславским, редактировала его книги, оставила воспоминания о нем. Участница женского движения, сотрудничала в журнале «Союз женщин», в частности, опубликовала на его страницах статью «Вопрос о равноправии женщины в крестьянской среде» (1907. № 1).

329 Вейнингер (Weininger) Отто (1880–1903) – австрийский философ и психолог. Автор концепций биполярности и бисексуальности. Наиболее известная его работа – «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1903) – философско-психологическое исследование о многообразии психологических типов, свойственных каждому полу, о специфических сексуально-психологических особенностях, характерных для представителей разных национальностей, о том, как удовлетворение потребностей мужчин и женщин влияет на характер людей и их взаимоотношения. 1-я часть книги представляет докторскую диссертацию, 2-я часть – памфлет, где автор доказывает превосходство мужчины как представителя духа над женщиной, являющейся

исключительно половым существом. Вскоре после окончания труда покончил с собой.

[330] Роман А. В. Тырковой «Жизненный путь» отдельным изданием был опубликован в Петербурге в 1913.

[331] Возможно, младший брат А. В. Тырковой – Александр Владимирович Тырков (1894–1919).

[332] Дело Бейлиса – судебный процесс, проходивший в Киеве с 25 сентября по 29 октября 1913, на котором еврей Менахиль Мендель Тевьев Бейлис (приказчик кирпичного завода И. Зайцева) был ложно обвинен в убийстве русского мальчика Андрея Ющинского «из побуждений религиозного изуверства с обрядовыми целями». Процесс вызвал протест общественности в России и за рубежом. Адвокатами Бейлиса выступили лучшие юристы: О. О. Грузенберг, Н. Н. Карабчевский, А. С. Зарудный, Д. Н. Григорович-Барский, В. А. Маклаков. Суд присяжных вынес оправдательный приговор.

[333] Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) – специалист в области гражданского права; публицист. Член ЦК кадетской партии (с ее I съезда в 1905), один из теоретиков партии. Депутат I Государственной думы от Петербурга. Издатель журнала «Вестник гражданского права» (1913–1917). Один из учредителей Союза адвокатов. Основатель и глава Еврейского историко-этнографического общества, участвовал в создании Союза для достижения полноправия еврейского народа в России; выйдя из этой организации в связи с усилением в ней националистических тенденций, основал в 1907 Еврейскую народную группу. После Февральской революции 1917 сенатор в гражданском кассационном департаменте, редактор журнала «Вестник партии народной свободы». Депутат Учредительного собрания от Петрограда.

[334] В июле 1907 социал-демократическая фракция II Государственной думы была обвинена в том, что, являясь составной частью РСДРП, участвовала в подготовке свержения монархии путем вооруженного восстания. Правительство потребовало лишить неприкосновенности 14 депутатов фракции, причастных якобы к работе в войсках. После отказа немедленно выполнить это требование, Дума была распущена. Было арестовано 37 членов социал-демократической фракции. В декабре 1907 особое присутствие Правительствующего Сената оправдало 10 чел., отказавшихся от принадлежности к РСДРП, а остальных приговорило за участие в революционном сообществе к 4–5 годам каторги с последующей ссылкой на поселение или бессрочной ссылке. Все бывшие депутаты – члены социал-демократической фракции были амнистированы только в марте 1917.

[335] Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – инженер-мостостроитель, общественный и политический деятель. Профессор по

кафедре статистики и сооружения мостов Томского Технологического института. Один из организаторов и лидеров Томского комитета кадетской партии. Постоянный корреспондент газеты «Сибирская жизнь». Депутат III–IV Государственной думы; товарищ председателя кадетской фракции, выступал за установление контактов с левыми думскими фракциями. Кооптирован в ЦК кадетов 15 ноября 1909. Постоянный оппонент П. Н. Милюкова, настаивал на более решительных действиях, выступал за пересмотр аграрной программы. Во время 1-й мировой войны – уполномоченный передового отряда Всероссийского Союза городов, активно работал в Сибирском обществе помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, выезжал в действующую армию. Участвовал в заседаниях Особого совещания по обороне. Член Прогрессивного блока (с августа 1915).

[336] Имеется в виду Антоновский Юлий Михайлович (1857–1913) – писатель и переводчик, чиновник Министерства путей сообщения; муж сестры Тырковой – Марии. 2 января 1884 был арестован в Петербурге, обвинен в принадлежности к военным народовольческим кружкам. В 1884 приговорен к гласному надзору на пять лет с запретом проживать в местностях, объявленных на положении усиленной охраны. Жил в Новгороде, служил в конторе железных дорог. В 1888 был освобожден от надзора. В 1895 переехал в Петербург, где служил в Министерства путей сообщения. С 1898 мировой судья в Петербурге. Входил в кадетскую партию. Переводил труды А. Дюринга, Л. Фейербаха, Ф. Ницше (его перевод «Так говорил Заратустра» выдержал 4 издания). Автор книги «Джордано Бруно» для серии «Жизнь замечательных людей» (СПб., 1891). Умер в Петербурге 31 октября 1913.

[337] Фриче Владимир Максимович (1870–1929) – литературовед и искусствовед, академик АН СССР (1929); представитель вульгарного социологизма. Читал курс лекций в Московском университете (1904–1910). Член лекторской группы при Московском комитете РСДРП(б) (1905–1907). Работал в «Обществе деятелей периодической печати» (1914–1917). Главный редактор журнала «Журналист» (с 1914). Возможно, в тексте упоминается книга Фриче «Поэзия кошмаров и ужаса» (1912).

[338] Антоновская (урожд. Тыркова) Мария Владимировна (1863–1935) – сестра А. В. Тырковой.

[339] Речь идет о младшем сыне Антоновского – Сергее (1894–1982).

[340] Имеется в виду старший сын Антоновского – Николай (1888–1955).

[341] Нансен (Nansen) Фритьоф (1861–1930) – норвежский путешественник, исследователь Арктики, океанограф, общественный деятель. Профессор зоологии университета в Кристиании (ныне Осло; с 1897). Почетный член Петербургской АН (1898). Совершил экспедицию к Северному полюсу (1893–1896); участвовал в экспедиции по изуче-

нию течений в Северном Ледовитом океане (1900). Один из организаторов и член Международного совета по изучению морей (1902). В 1913 совершил плавание вдоль берегов Северного Ледовитого океана к устью р. Енисей, затем путешествовал по югу Восточной Сибири и Дальнему Востоку. В 1920–1921 верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных. В августе 1921 назначен верховным комиссаром Лиги Наций в деле организации помощи голодающим Поволжья (1921). Нобелевская премия Мира (1922) за гуманную деятельность.

[342] Религиозно-Философское общество в Петербурге было открыто 3 октября 1907. Заседания, проходившие в зале Географического общества, носили поначалу академический характер. Однако характер обсуждений изменился с выдвижением темы о «новом религиозном сознании», под которым понималось сближение религии с достижением творческой мысли. Вхождение в Совет Общества Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и переход к ним руководящих функций способствовали тому, что теоретическое обсуждение сменилось полемическими выступлениями представителей различных общественных течений, рассмотрением вопросов текущей жизни, а также литературных и публицистических тем. Актуальной являлась проблема о роли интеллигенции в развитии общества. В связи с делом Бейлиса Общество выступило с открытым протестом против антисемитских выступлений. Этому событию было посвящено специальное собрание, на котором выступил и ряд политический деятелей (в частности, А. Ф. Керенский); в итоге Общество вынесло соответствующую резолюцию.

[343] Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – поэт, прозаик, драматург, философ, литературный критик. Известен как мастер жанра биографического романа. С 1889 женат на Зинаиде Гиппиус.

[344] Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – богослов, историк русской церкви, церковный и политический деятель. Профессор Высших (Бестужевских) женских курсов в Петербурге (1906–1917), председатель Религиозно-Философского общества в Петербурге (с 1909). Сторонник обновления церковной жизни. Член кадетской партии, в 1917 введен в состав ЦК. После Февральской революции 1917 занимал пост товарища обер-прокурора (с 25 марта), затем обер-прокурора Святейшего Синода (с 25 июля 1917), после его упразднения стал министром исповеданий во Временном правительстве (с 5 августа). Деятельный член Поместного Собора Русской церкви 1917–1918.

[345] Чеберяк Вера Владимировна (?–1919) – мать Жени – приятеля убитого в Киеве Андрея Ющинского. В ходе следствия входила в число подозреваемых в совершении преступления.

[346] Вера Чеберяк и ее муж – почтовый служащий Василий Петрович Чеберяк – со слов детей, утверждали, что А. Ющинский вместе с их детьми проник на территорию соседнего кирпичного завода, основанного известным в городе еврейским сахарозаводчиком и меценатом Ионой Зайцевым. На территории завода находилась учрежденная Зайцевым бесплатная хирургическая клиника, где якобы и был убит мальчик. Присяжным на судебном заседании было задано два вопроса, первый из них звучал следующим образом: «Было ли доказано, что 12-го марта 1911-го года в одном из зданий еврейской хирургической больницы Андрей Ющинский был схвачен, ему засунули в рот заклеп, и ему были нанесены раны, из которых вытекло пять стаканов крови, после чего были нанесены новые раны, общее число которых достигло сорока семи. Была ли смерть Ющинского следствием всех этих ран, причинивших ему страшные страдания и приведших к почти полной обескровленности его тела?» На этот вопрос присяжные ответили утвердительно.

[347] Каменецкая (урожд. Философова) Мария Владимировна (1862–1920?) – общественная деятельница, дочь А. П. Философовой. Секретарь петербургского общества «Детская помощь». Автор воспоминаний о матери и о Ф. М. Достоевском.

[348] Принятое написание – Уэллс (Wells) Герберт Джордж (1866–1946) – английский писатель. Автор романов, написанных в стиле научной фантастики, а также автор прогностических произведений. Ему принадлежат ряд научных предсказаний. Член Фабианского общества (1903–1909). В январе 1914 Уэллс, по приглашению Тырковой и Вильямса, посетил имение Тырковых – Вергежу. Свои впечатления от этой поездки он использовал в романе «Джоан и Питер» (См.: Иванов А. Путешествие в Россию: Герберт Уэллс на Новгородской земле // Новгородская правда. 1989. 21 января).

[349] Голсуорси (Galsworthy) Джон (1867–1933) – английский прозаик и драматург, автор цикла «Сага о Форсайтах», лауреат Нобелевской премии по литературе (1932).

[350] Куприн Александр Иванович (1870–1938) – русский писатель.

[351] Добролюбов Александр Михайлович (1876–1944) – писатель, поэт-декадент. Один из основоположников русского символизма. В первой книге «Natura naturans – Natura naturata» (1895) выступил проповедником индивидуализма и эстетизма, обосновывал «красоту самоубийства». Его книги «Собрание стихов» (1900) и «Из книги невидимой» (1905) – первое проявление тенденций русского декадентства и символизма. Позднее отошел от литературы, отрекся от проповедуемых в стихах идей и стал отшельником, странником-аскетом. Сектант, основатель и глава религиозной секты «добролюбовцев», или «братков». Его учение сводилось к отрицанию собственности, восхвале-

нию бедности, отказу от книжной культуры, проповеди пантеизма. Частично использовал учение М. Метерлинка о молчании как пути к внутреннему откровению. Вел переписку с Л. Н. Толстым, который высоко ставил его авторитет. За проповедь пацифизма и отказа от воинской повинности неоднократно подвергался тюремному заключению. До 1915 жил как глава секты в Поволжье, затем (с частью последователей) в Сибири, где занимался землеройными работами в районе Славгорода (до 1923), позднее в Средней Азии (1925–1927), после 1927 ушел в глухие районы Азербайджана, где работал в артели печников. Изредка посещал Москву и Ленинград. Дальний родственник А. Н. Добролюбова.

[352] Вопрос о возможности пребывания В. В. Розанова в Религиозно-Философском обществе рассматривался в связи с тем, что он принял участие в газетной травле евреев, поднятой из-за дела Бейлиса (незадолго до смерти Розанов раскаялся в этом шаге – см. «Апокалипсис нашего времени»). Обсуждение вопроса о членстве Розанова, проходившее на трех заседаниях в начале 1914, вызвало острые споры. Большинство действительных членов вместе с членами Совета признали нежелательным присутствие Розанова в Обществе, о чем была принята соответствующая резолюция. Однако недовольные этим решением в ответ демонстративно вышли из состава Общества (в частности, П. Б. Струве, С. А. Аскольдов). В Обществе участились нападки на его руководителей, которые, как утверждали их оппоненты, «профанировали религиозную философию», сближая ее с политикой.

[353] Фотий (в миру Спасский Петр Никитич) (1792–1838) – русский церковный деятель. По окончании духовной семинарии (1814) принял монашество (1817). В 1822 возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Юрьевского монастыря под Новгородом. Был связан с А. А. Аракчеевым; оказывал влияние на Александра I и его политику.

[354] Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – государственный деятель; генерал от артиллерии (1807). Влиятельный царедворец при Павле I и Александре I. Военный министр (1808–1810); председатель департамента военных дел Государственного совета (с 1810). С 1815 фактически сосредоточил в своих руках руководство Государственным советом, Комитетом министров и Собственной его императорского величества канцелярией. С его именем связывают политику реакции. По характеристике А. С. Пушкина – «всей России притеснитель».

[355] Аскольдов (наст. фам. Алексеев) Сергей Алексеевич (1871–1945) – философ, общественный деятель. Работал экспертом по химии в Департаменте таможенных пошлин и акцизов. Один из авторов сборника «Проблемы идеализма» (1902). Член петербургского Религиозно-Философского общества (с 1908). Защитил магистерскую

диссертацию по философии «Мысль и действительность» (1914). Профессор Петроградского университета (с 1917).

[356] Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876–1921) – писательница, переводчица, деятельница женского движения. Автор ряда пьес, рассказов. Составитель книг: «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX вв.» (1913), «Россия в родных песнях» (1915). Переводила Стендаля, О. Мирабо, Г. де Мопассана, Г. Клейста, М. Метерлинка и др. Жена и поэтическая Муза писателя-символиста Ф. К. Сологуба.

[357] Агеев Константин Маркович (1868–1920 [или 1921]) – протоиерей, богослов, церковный деятель. Окончил Киевскую Духовную академию со степенью кандидата богословия (1893); магистр богословия (1915). С 1903 служил в храмах при различных учебных заведениях Петербурга (Институт инженеров путей сообщения, Смольный институт, Александровский институт, Ларинская гимназия). С 1911 – профессор богословия Психоневрологического института. Профессор кафедры истории церкви петербургских Высших женских курсов, Института высших коммерческих знаний. Один из учредителей петербургского Религиозно-Философского общества и Братства церковного обновления в Петербурге. Сотрудничал в «Церковном вестнике», «Московском еженедельнике», журнале «Век». Входил в «Группу 32-х священников», выступивших с инициативой реформирования Православной церкви. Изучал влияние христианства на прогресс человечества; исследователь философских воззрений К. Н. Леонтьева.

[358] Иванов Евгений Платонович (1884–1967) – писатель и драматург, этнограф, фольклорист. Работал нотариусом в Нижнем Новгороде, с 1910 жил в Москве. Публиковал рассказы и пьесы. Наиболее известны его драмы «У клетки львов» и «Человечики» (обе – 1914). В 1913–1914 издавал журнал «Театр в карикатурах», в котором публиковалась хроника, рецензии, а также художественные произведения. В 1915 поступил в Московский Археологический институт. После его окончания занимался в основном этнографией, изучением русского народного театра. Один из организаторов Первого научно-этнографического театра (1924).

[359] У В. В. Розанова от брака с Варварой Дмитриевной Бутятиной было четыре дочери: Татьяна, Вера, Варвара и Надежда. В данном случае, по всей видимости, имеется в виду старшая дочь – Татьяна Васильевна (1895–1975), которая оставила воспоминания об отце – «Будьте светлы духом».

[360] Браудо Александр Исаевич (1864–1924) – историк, организатор библиотечного дела, общественный деятель. Окончив историко-филологический факультет Дерптского университета, переехал в Петербург; работал частным учителем. С 1889 и до конца жизни служил в Императорской библиотеке (вице-директор в 1918–1919 и в 1921–1924).

Деятельный член Вольного Экономического общества, Комитета грамотности и др. С 1890-х входил в руководство издательств «Общественная польза», «Разум», «Мир», сотрудничал в «Энциклопедии» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, участник исторических сборников «Пережитое». Руководил деятельностью «Бюро печати», занимавшегося сбором и публикацией сведений об антисемитской политике, входил в редколлегию журналов «Восход» и «Еврейский мир».
Дочь Браудо – Надежда Александровна Браудо (в замужестве Зак) (1894–1976).

[361] Австрийский ультиматум Сербии последовал 23 июля 1914.

[362] Мессина (Messina) – главный город провинции на о. Сицилии, был уничтожен землетрясением в декабре 1908.

[363] Славинский Максим Антонович (1868–1945) – поэт, переводчик, публицист; общественный деятель. Соредактор газеты «Северный курьер» (Петербург). Секретарь журнала «Вестник Европы». Участник «банкетной кампании» 1904. Член комитета Киевской областной группы кадетской партии (с января 1906). Редактор газеты «Свобода и право» (Киев, 1906; закрыта по определению Киевской судебной палаты), газеты «Свободная мысль» (Киев, 1906), журнала «Украинский вестник» (Петербург, орган Украинской думской громады – фракции во II Государственной думе, 1907). Член Украинского научного общества в Киеве (с февраля 1914). Выступал в различных изданиях по национальному вопросу. В 1914 участвовал вместе с М. С. Грушевским в переговорах с П. Н. Милюковым по украинскому вопросу. Один из создателей Российской радикально-демократической партии в Петербурге (1916). Председатель Особого совещания по автономному переустройству России при Временном правительстве, зам. комиссара по делам Украины при Временном правительстве (1917). Член Украинской партии социалистов-федералистов.

[364] «Вечернее время» – ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге-Петрограде в 1911–1917. В 1918 Б. А. Суворов организовал ее издание в Ростове. Газета выступала в поддержку Добровольческой армии.

[365] Александров Александр Михайлович (1868–1921) – присяжный поверенный, общественный деятель. Вел адвокатскую практику в Москве, затем – в Екатеринославе. Выступал в ряде громких процессов (по делам лейтенанта П. П. Шмидта, Совета рабочих депутатов, Выборгского воззвания, Новороссийской республики). Гласный Екатеринославской городской думы и Екатеринославского уездного и губернского земств (до 1906). Сотрудничал в газете «Русская молва». Депутат IV Государственной думы, примыкал к фракции кадетов. В годы 1-й мировой войны 1914–1918 помощник уполномоченного отряда от населения Екатеринославской губернии. Заведовал летучими перевязочно-перевозочными отрядами.

[366] Ламарк – английский корреспондент, при его посредничестве в 1906 была устроена встреча П. Н. Милюкова с Д. Ф. Треповым в ресторане Кюба.

[367] Имеется в виду Аркадий Альфредович Борман.

[368] Унковская (урожд. Ауэр) Зоя Леопольдовна (?–1918) – старшая дочь скрипача Леопольда Ауэра, в 1895 вышла замуж за морского офицера С. И. Унковского (?–1921). Впоследствии разошлась с мужем, жила с сыновьями в Петербурге.

[369] Татищев Николай Иванович (1861–?) – граф, полковник, служил в Преображенском полку. После выхода в отставку занялся общественной и благотворительной деятельностью: член Общества попечения о семьях ссыльно-каторжан, староста Спасо-Преображенского собора, участвовал в деятельности Общества вспоможения бедным в приходе собора, в делах приходского попечительства о бедных. Гласный городской думы, состоял членом комиссий: по народному образованию, по благотворительности. В 1914 председательствовал в 1-м городском (Петроградском) попечительстве о бедных (Адмиралтейская часть и южная сторона Коломенской части).

[370] Якунчиков Борис Михайлович (1859–?) – чиновник, действительный статский советник (1903), статс-секретарь (1908), гофмейстер Высочайшего двора (1910), сенатор (1914). В 1893–1913 служил в Государственной канцелярии. Общественный и политический деятель, товарищ председателя образованной в 1905 Партии правового порядка; член ее комитета по Рождественской части Петербурга. В 1914–1917 гласный Петроградской городской думы; председатель 10-го городского попечительства о бедных. В 1914 сделал в городской думе доклад на тему «О призрении семейств нижних чинов и роли городских попечительств по случаю мобилизации». 1 января 1917 назначен членом Государственного совета.

[371] Васильев Афанасий Васильевич (1851–1929) – юрист; общественный деятель. Член Славянского комитета, в качестве его уполномоченного посетил Сербию, Черногорию. Директор Департамента железнодорожной отчетности (с 1893), затем директор Департамента военной и морской отчетности (1896–1904). Член Поместного Собора по избранию как мирянин от Петроградской епархии (1917–1918).

[372] Толстой Иван Иванович (1880–1954) – философ-античник, общественный деятель. Преподавал в Петербургском университете (с 1908). Профессор классической филологии ЛГУ (1918–1953). Академик АН СССР (1946).

[373] Рутцен Александр Николаевич, фон (1885–?) – инженер-механик; земле- и заводовладелец. Служил в Министерстве путей сообщения. Уездный и губернский земский гласный. Сотрудничал в газетах «Рус-

ские ведомости», «Русская мысль», «Северный край». Депутат I Государственной думы. Член Курского губернского комитета кадетской партии; на VI съезде (февраль 1916) избран в состав ЦК. Председатель Петербургского городского комитета кадетов (до августа 1909). На IX съезде (июль 1917) избран кандидатом в депутаты Учредительного собрания.

374 Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) – общественный и партийный деятель; домовладелец и владелец кирпичных заводов. Уездный и губернский земский гласный. Председатель Московской уездной (1891–1894) и губернской (1894–1906) земских управ. Член кадетской партии, входил в состав ее ЦК (1907–1914). Депутат II–IV Государственной думы. Московский городской голова (с ноября 1914). Главноуполномоченный Всероссийского Союза городов (с сентября 1914 до апреля 1917), член Главного комитета Всероссийского Земского союза, товарищ председателя Московского военно-промышленного комитета. Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

375 Гронский Павел Павлович (1883–1937) – юрист, общественный деятель. Профессор административного права Петербургского Политехнического института, профессор Петроградского университета (с 1917). Уездный и губернский земский гласный. Сотрудничал в газете «Право», журналах «Вестник права», «Земское право», «Городское право». Член кадетской партии; избран в ЦК на VI съезде (февраль 1916). Депутат IV Государственной думы. Во время 1-й мировой войны 1914–1918 участвовал в работе Всероссийского Земского союза и Всероссийского Союза городов.

376 Вольное Экономическое общество (ВЭО) – старейшее российское ученое общество, учреждено в Петербурге в 1765 крупными землевладельцами Г. Г. Орловым, Р. И. Воронцовым и др. приближенными Екатерины II. Имело целью изучение положения русского земледелия и условий хозяйственной жизни страны и распространение полезных для сельского хозяйства сведений. Права и привилегии ВЭО подтверждались особыми Высочайшими рескриптами при начале каждого царствования. Издавались «Труды ВЭО» (1766–1915, вышло более 280 томов). С 1900 деятельность ВЭО приостановилась, а с 1915 – фактически прекратилась, в 1919 общество было ликвидировано.

377 Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – государственный деятель, дипломат. Министр иностранных дел (1910–1916). Член Государственного совета по назначению (1913). В 1914–1915 вел переговоры с Англией и Францией о сотрудничестве в ходе войны и об условиях будущего мира. В июле 1916 вышел в отставку. В январе 1917 был назначен послом в Великобританию, но к исполнению обязанностей приступить не успел. В ноябре 1918 был назначен председателем Совета по делам внешней политики при Управлении иностранных дел Особого

совещания при главнокомандующем ВСЮР генерале А. И. Деникине. В середине декабря 1918 выехал в Париж для участия в Мирной конференции в качестве «общего представителя государства Российского». В Париже вошел в Русскую политическую делегацию. В начале января 1919 адмирал А. В. Колчак назначил его министром иностранных дел Омского правительства.

378 Пепеляев Виктор Николаевич (1884–1920) – юрист, общественный деятель. Помощник присяжного поверенного при Томском окружном суде (1908–1909). Преподавал историю в Бийской мужской гимназии (с 1909). Член кадетской партии. Депутат IV Государственной думы. В 1-ю мировую войну 1914–1918 уполномоченный одного из передовых врачебно-питательных отрядов Всероссийского Союза городов. В 1917 комиссар Временного правительства в Кронштадте; председатель военного комитета кадетской партии в Петрограде; кандидат в депутаты Учредительного собрания.

379 Деларов Дмитрий Иванович (1864–1928) – агроном, лесовод, политический деятель. С февраля 1906 член кадетской партии, возглавил ее Сарапульскую группу. В декабре 1906 перешел в Парию народных социалистов. Депутат II Государственной думы. Организатор кредитных товариществ в Вятской губернии. После октября 1917 профессор Молочного института в Вологде. Член Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации (1918–1922).

380 Керенский Александр Федорович (1881–1970) – политический деятель, адвокат. Лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе. С марта 1917 – эсер. Во Временном правительстве занимал должности: министра юстиции, военного и морского министра, министра председателя, верховного главнокомандующего. Организатор антисоветского мятежа. Эмигрировал.

381 Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928) – адвокат, политический деятель. Принимал участие во многих громких политических процессах (по делам Хрусталева-Носаря, Фондаминского-Бунакова, военной организации РСДРП и др.). Социал-демократ, до 1917 принадлежал к фракции большевиков, затем – нефракционный социалист, поддерживал меньшевиков; подвергался репрессиям. Активный участник Февральской революции 1917, секретарь исполкома Петросовета, член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по делам бывших царских министров.

382 Демидов Игорь Платонович (1873–1946) – общественный деятель. С 1906 темниковский уездный предводитель дворянства, в 1907–1910 председатель Темниковской уездной земской управы. Член ЦК кадетской партии (с 1905). Вице-президент Московского общества сельского хозяйства. Член редакционного совета газеты «Русские ведомости». Депутат IV Государственной думы. В начале 1-й мировой войны

организовал передовой санитарный отряд Думы, который действовал на Юго-Западном фронте. Член Главного комитета Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам. Во Временном правительстве 1917 короткое время занимал пост товарища министра земледелия.

383 Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) – государственный и политический деятель. Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915); член Государственного совета. В 1917–1918 председатель Союза земельных собственников. С марта 1918 один из руководителей антибольшевистского Правого центра.

384 Волконский Владимир Михайлович (1868–1953) – князь, егермейстер. Член Союза русского народа (с 1905). Депутат III–IV Государственной думы. В 1915–1916 товарищ министра внутренних дел. Вышел в отставку, не желая работать с министром А. Д. Протопоповым. В январе 1917 избран петроградским губернским предводителем дворянства.

385 Евлогий (в миру Георгиевский Александр Семенович) (1868–1946) – церковный и общественный деятель. С 1902 г. епископ Люблинский, с 1912 – архиепископ Холмской епархии (состоящей из Люблинской и Седлецкой епархий), с 1914 архиепископ Волынский. Член II и III Государственной думы от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний.

386 Мария Павловна (Мария-Александрина-Елизавета-Элеонора) (1854–1920) – великая княгиня, жена (с 1874) великого князя Владимира Александровича, сына императора Александра II. Дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II. В 1909–1917 президент Академии художеств.

387 Иванов Сергей Валентинович (?–1925) – общественный деятель, сенатор. Председатель Петербургской городской думы, товарищ председателя петроградского комитета Общества по распространению коммерческого и художественно-промышленного образования. За подписание протеста против смертной казни был переведен из судебного департамента в общее присутствие Правительствующего Сената. Товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве (1917).

388 Фальборк Генрих Адольфович (1864–?) – писатель, общественный деятель. Товарищ председателя Петербургского комитета грамотности, читал доклады по школьному и внешкольному образованию, поднимал вопрос об открытии народных библиотек; председатель издательской комиссии комитета. Член Союза взаимопомощи русских писателей, председатель ревизионной комиссии. Сотрудничал в «Русском богатстве», «Русских ведомостях», «Северном вестнике», «Вестнике воспитания»; журнале «Хозяин». Изучал проблемы народного образования в России.

[389] Андрей Белый (наст. фам. и имя Бугаев Борис Николаевич) (1880–1934) – писатель, поэт, критик; один из ведущих деятелей русского символизма.

[390] Имеется в виду Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших в войне, образованный царским указом от 11 августа 1914 под председательством императрицы Александры Федоровны. В состав Совета входили председатели Государственного совета и Государственной думы, Главного Алексеевского и Романовского комитетов, министры, а также лица «по назначению» императрицы.

[391] Речь идет о Г. Е. Львове, который в годы 1-й мировой войны возглавлял Всероссийский Земский союз помощи больным и раненым воинам (ВЗС), редактировал «Известия» Главного комитета ВЗС (1914–1917). В Верховном совете Львов присутствовал как представитель Земского союза. После объединения ВЗС со Всероссийским Союзом городов в Земско-Городской союз (Земгор) 10 июля 1915 – один из руководителей вновь созданной организации.

[392] Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) – государственный деятель; камергер (1909), действительный статский советник (1911). Министр внутренних дел (1913–1915). В январе 1915 назначен членом Государственного совета. Брат кадета В. А. Маклакова. Во время Февральской революции (29 февраля 1917) арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. 23 августа (5 сентября) 1918 расстрелян ВЧК.

[393] Имеется в виду особняк Павла Дмириевича Долгорукова в Малом Знаменском пер.

[394] Астров Николай Иванович (1868–1934) – общественный и политический деятель. Гласный Московской городской думы, а затем Московского губернского земского собрания. Директор Московского городского кредитного общества (с 1910). Член ЦК кадетской партии (с 1907). В годы 1-й мировой войны – один из организаторов и руководителей Всероссийского Союза городов (с 1914). После Февральской революции 1917 избран московским городским головой (с 28 марта до июня 1917). После октябрьского переворота 1917 участвовал в работе антибольшевистских организаций: «Девятка», Правый центр (в июне 1918 вышел из его состава из-за несогласия с германской ориентацией), Национальный центр (член правления), Союз возрождения России.

[395] Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – врач, общественный и политический деятель. Член ЦК кадетской партии (с 1905), товарищ председатель ЦК (1907–1914), лидер Московского комитета партии. Один из организаторов Всероссийского Союза городов. В дни Февральской революции 1917 назначен комиссаром Временного прави-

тельства в Москве. В марте 1917 избран председателем исполкома Комитета московских общественных организаций. 25 сентября 1917 вошел в коалиционный кабинет в качестве министра государственного призрения. В октябре назначен руководителем Особого совещания по разгрузке Петрограда, 25 октября – особоуполномоченным Временного правительства и генерал-губернатором Петрограда.

396 Гучкова (урожд. Зилотти) Мария Ильинична (1871–1938) – жена А. И. Гучкова.

397 Возможно, речь идет о Тихоне Мелитоновиче Валуйском (1865–1942), имевшем звание лекаря (после окончания медицинского факультета Московского университета в 1888); служил городским врачом в Ельце, заведовал в городе благотворительными учреждениями. В ходе Русско-японской войны 1904–1905 – военный врач. С началом 1-й первой мировой войны был вновь мобилизован.

398 Принц Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932) – военный деятель, генерал от инфантерии и генерал-адъютант свиты Его Императорского Величества (с 1895), сенатор (с 1896), член Государственного совета. Правнук императора Павла I. Создатель (1890) и попечитель Императорского института экспериментальной медицины. С 3 сентября 1914 – верховный начальник санитарной и эвакуационной части, организовывал санитарное дело в действующей армии.

399 Рейнбот [Резвый с 1914] Анатолий Анатольевич (1868–1918) – московский градоначальник (с января 1906 по ноябрь 1907), генерал-майор. В 1907 ему было предъявлено обвинение в превышении власти и незаконном взимании налогов (вымогательстве). Более трех лет длилась сенатская ревизия. В 1911 состоялся суд, приговоривший Рейнбота к лишению прав состояния и одному году отбывания в исправительном арестантском отделении. В июне 1913 был помилован Николаем II и освобожден «от всяких последствий» приговора. В 1915 служил в Варшаве по санитарной части.

400 Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (с 1911), член Государственного совета (с 1912). И.о. военного министра (с 13 июля 1915), военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства (с 10 сентября 1915 по 15 марта 1916). Уделял особое внимание улучшению снабжения армии, сторонник привлечения к этому делу широких кругов общественности. После Февральской революции 1917 председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов. Во время Гражданской войны возглавлял разведку РККА. Военный эксперт во время советско-польских мирных переговоров (1920).

401 Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – военный и государственный деятель. Член Государственного совета. С марта 1909

военный министр. После военных неудач 1915, под давлением общественного мнения, был снят с должности (в июне), а в марте 1916 арестован; обвинен в злоупотреблениях и измене в связи с осуждением за шпионаж некоторых лиц из его окружения. После двухмесячного заключения был переведен под домашний арест. На суде (в августе-сентябре 1917) обвинения в измене и злоупотреблениях не подтвердились; был признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне и приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением. 1 мая 1918 освобожден по амнистии как достигший 70 лет; эмигрировал.

402 Клуб общественных деятелей в Петербурге – первый политический клуб в России. Образован в начале октября 1905. Инициатор создания клуба и его глава (до 1911) – М. В. Красовский. Клуб объединял представителей «Союза 17 октября», Партии правового порядка, крупных предпринимателей, высокопоставленных чиновников, деятелей науки и культуры. Свою главную задачу Клуб видел в объединении тех общественных сил, которые стремились к мирному обновлению России на началах Манифеста 17 октября 1905, избегая революционных потрясений. Клуб образовал постоянные комиссии (рабочая, крестьянская, окраинная, внешнеполитическая и др.), издавал брошюры, посвященные острым политическим проблемам. В начале 1910-х деятельность Клуба постепенно утратила политический характер, и он превратился в культурно-просветительное общество. К 1917 прекратил существование.

403 Всероссийский съезд по борьбе с дороговизной проходил в Москве 11–12 июля 1915. Съезд был созван по инициативе Всероссийского Союза городов и Всероссийского Земского союза.

404 Щепкин Николай Николаевич (1854–1919) – общественный и политический деятель, гласный Московской городской думы и губернского земского собрания. Товарищ директора Северного страхового общества; член ЦК кадетской партии с ее I съезда (октябрь 1905). Депутат III–IV Государственной думы. После Февральской революции 1917 – комиссар Временного правительства в Туркестане. Вернулся в Москву во время октябрьского переворота 1917. Один из организаторов антисоветских организаций: «Девятки», Правого центра, Союза возрождения России (тов. председателя), Национального центра, руководил Московским отделением последнего. Входил в руководство Тактического центра. 28 августа 1919 был арестован. Расстрелян.

405 Всероссийский Союз городов – общественная организация, создана 8–9 (21–22) августа 1914 в Москве на съезде городских голов для организации помощи правительству в снабжении армии вооружением и снаряжением.

406 Губарев Александр Александрович – общественный деятель, член партии кадетов.

[407] Грузенберг Оскар Осипович (Израиль Иосифович) (1866–1940) – юрист, общественный деятель. Выступал защитником известных писателей, общественных и политических деятелей (Максима Горького, В. Г. Короленко, К. И. Чуковского, П. Н. Милюкова, Л. Д. Троцкого и др.). Был одним из защитником М. Бейлиса. Член кадетской партии.

[408] Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – публицист, издатель, общественный деятель, прославился своими разоблачениями агентов Департамента полиции в оппозиционном движении (Е. Ф. Азефа, Р. В. Малиновского, З. Ф. Гернгросс-Жученко, А. М. Гартинга, А. Г. Серебряковой и др.). Неоднократно подвергался репрессиям. Занимался изучением русского освободительного движения. Издавал исторический журнал «Былое» (с 1900 – за границей, с 1906 – в Петербурге, совместно с В. Я. Богучарским и П. Е. Щеголевым, с № 7 возобновленный в 1907 за границей), журнал «Общее дело» (с 1907). С началом 1-й мировой войны выступил в поддержку русского правительства. В августе 1914 при возвращении в Россию был арестован на границе и в январе 1915 приговорен к ссылке (за ряд довоенных публикаций). По ходатайству французского правительства амнистирован и вернулся в конце 1915 в Петроград.

[409] 19 июля 1915 открылась четвертая сессия IV Государственной думы. Кадетская фракция предполагала выступить с критикой правительственного курса и потребовать создания кабинета, пользующегося «доверием страны».

[410] Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – общественный и политический деятель. Один из создателей «Союза 17 октября»; член его ЦК (с 1905). Член Государственного совета по избранию от Екатеринославского земства (1906); сложил с себя полномочия в связи с избранием в III Государственную думу (1907). Товарищ председателя думской фракции «Союз 17 октября», с 1910 председатель бюро фракции. Председатель Государственной думы с 22 марта 1911 до 29 октября и с 1 ноября 1911. Депутат IV Государственной думы, ее председатель (до роспуска 6 октября 1917). Член Прогрессивного блока (с августа 1915 по 31 октября 1916). В годы 1-й мировой войны председатель: Комитета членов Государственной думы по оказанию помощи раненым и пострадавшим от войны (1914); эвакуационной комиссии (с августа 1915); Комитета по надзору за распределением казенных заказов (1915). Один из инициаторов создания и член Особого совещания по обороне (1915). В дни Февральской революции 1917 возглавил Временный комитет Государственной думы (27 февраля 1917). В составе депутации принимал отречение императора Николая II.

[411] Екатерина I (Марта Скавронская; Екатерина Алексеевна; 1684–1727) – российская императрица (с 1721) как супруга императора Петра I; правящая императрица (с 1725).

[412] Дмовский (Dmowski) Роман (1864–1939) – польский общественный деятель, один из создателей Национальной лиги, депутат II и III Государственной думы, глава польского коло. В ноябре 1914 выехал за границу, где предпринял попытку, при посредничестве стран Антанты, оказать давление на Россию в польском вопросе. В 1915 возглавил Польский Национальный комитет. В 1917–1919 председатель одноименного комитета, созданного в Париже. Представлял Польшу на Парижской мирной конференции (1919).

[413] Лебедев Юрий Михайлович (1874–?) – инженер-технолог, преподаватель Петербургского Технологического института. Член кадетской партии. Депутат IV Государственной думы от Области войска Донского, входил в Прогрессивный блок.

[414] Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) – с 1909 товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, командир Отдельного корпуса жандармов. Генерал-лейтенант. После убийства П. А. Столыпина (1911) уволен с должности. В 1914 особоуполномоченный по гражданскому управлению Прибалтикой.

[415] Возможно, имеется в виду стычка в начале августа между русскими морскими силами во главе с линейным кораблем «Славой» и сильным германским отрядом (в составе 7 линейных кораблей, 4 броненосцев береговой обороны, 2 броненосных крейсеров и др.), который подошел ко входу в Рижский залив с намерением его форсировать. Успешные действия русских кораблей вынудили германцев уйти, понеся некоторые потери.

[416] Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – ученый, общественный деятель. Ординарный академик (с 1912), профессор Московского университета; член ЦК кадетской партии. Член Государственного совета. С началом 1-й мировой войны выступил одним из инициаторов создания Комиссии по изучению естественных производительных сил России, с октября 1915 – ее председатель. После Февральской революции 1917 товарищ министра народного просвещения (с августа 1917). В ноябре 1917 выехал на Украину, президент АН Украины (1918). Принимал участие в заседаниях членов ЦК кадетов в Харькове, Ростове, Екатеринодаре. С сентября 1920 ректор Таврического университета в Симферополе. В 1921 вернулся в Петроград; организатор и директор Радиевого института АН.

[417] Возможно, имеется в виду Соколов Дмитрий Александрович (1861–1915) – педиатр, окончил Военно-медицинскую академию; проходил подготовку по специальности терапия в клинике С. П. Боткина. Защитил докторскую диссертацию, занимался в лаборатории И. П. Павлова. В 1891–1900 находился на военной службе. Приват-доцент Военно-медицинской академии (1894). Заведовал кафедрой детских болезней Женского медицинского института (с 1900). Глав-

ный врач Городской детской больницы (1903–1907), которую покинул из-за конфликта с городской думой. Занимался частной практикой, лечил детей вел. кн. Константина Константиновича. Главный терапевт госпиталя в Зимнем дворце, открытого по распоряжению Николая II 10 октября 1915. Автор мемуаров: «25 лет борьбы: Воспоминания врача, 1885–1910 г.».

418 Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) – государственный деятель, действительный тайный советник (1913). Министр путей сообщения (1909–1915), член Государственного совета.

419 Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932) – государственный и общественный деятель. Предводитель дворянства Богородского уезда (1899–1908), затем дворянства Московской губернии (1908–1912). Член исполкома Главного управления Российского общества Красного Креста (1914), главноуполномоченный Общества по эвакуации во внутренние районы (1914–1917). Обер-прокурор Святейшего Синода (с 5 июля по 26 сентября 1915). Участник съездов Объединенного дворянства (с 1912), председатель Постоянного совета этой организации (с декабря 1916); член Кружка москвичей. Член Государственного совета (с 1912), входил в группу правых. В 1917 участвовал в подготовке Поместного Собора Русской Православной церкви, баллотировался в московские митрополиты, в ноябре возглавил Совет объединенных приходов Москвы. На Всероссийском Церковном соборе в январе 1918 – кандидат в патриархи.

420 Распутин (наст. фам. Новых) Григорий Ефимович (1872–1916) – фаворит царя Николая II и царицы Александры Федоровны. Из крестьян Тобольской губернии. Вмешивался в государственные дела.

421 Хвостов Александр Алексеевич (1857–1922) – государственный деятель. Управляющий Министерством юстиции (с 6 июля до 30 сентября 1915), затем министр юстиции (до 7 июля 1916) и внутренних дел (с 7 июля до 6 сентября 1916). Член Государственного совета (с 1912), входил в группу правых. После Февральской революции 1917 к ответственности не привлекался.

422 Возможно, имеется в виду Лордкипанидзе Нико (Николай Мерабович) (1880–1944) – грузинский писатель. Учился в Харьковском университете (исключен за участие в студенческих демонстрациях), окончил Горную академию в Леобене (Австрия) в 1907. Тогда же вернулся в Грузию, работал преподавателем. Печатался с 1902. Автор рассказов, повестей о жизни грузинской деревни, угасающей аристократии.

423 Вероятно, имеется в виду Беридзе Вукол Михайлович (1883–1963) – филолог, специалист в области грузинской лексикологии. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1912). Работал учителем гимназии в Кутаиси (1912–1918). Член Партии социалистов-федералистов.

[424] Речь идет о храме Баграта, возведенном в Кутаиси в правление грузинского царя Баграта III в качестве главного собора Грузинского царства; был освещен в 1003 в честь Успения Богородицы. Храм был украшен искусной резьбой и мозаикой. Ему принадлежала особая роль в грузинской истории: здесь был коронован Давид IV Строитель. В 1994 ЮНЕСКО внесло храм в число объектов Всемирного наследия.

[425] Имеется в виду соборная церковь Гелатского монастыря Богородицы близ Кутаиси. Монастырь был основан царем Давидом IV Строителем в 1106 и стал центром церковной и культурной жизни Грузии, резиденцией католикоса (со 2-й пол. XVI в. до 1814). Соборная церковь возводилась до 1125, украшена мозаиками, выполненными с исключительным мастерством.

[426] Видимо, Тыркова имела в виду Хахульскую икону Божьей Матери, которая действительно является одной из реликвий Гелатского монастыря и отличается пышной отделкой. Эта икона имеет форму тройного складня и представляет собой копию с чудотворного лика, написанного по образу лика Богородицы Халькопратийской. Киот иконы вычеканен лиственными разводами грузинской работы, но в византийском стиле. Икона датирована 1-й пол XII в. Царица Тамара после победы над турками-сельджуками при Шамхоре в 1203 пожертвовала Хахульской иконе драгоценное ожерелье и военное знамя персидского халифа, составившие особую ценность монастырской ризницы.

[427] Левашов Владимир Васильевич (1834–1898) – чиновник. В бытность свою кутаисским военным губернатором (1867–1874) оказался замешан в скандале с расхищением церковного имущества: в 1869 при содействии главы Грузинского экзархата архиепископа Евсевия (Ильинского) изъял из Гелатского монастыря Хахульскую икону, с которой была выполнена копия (художником В. Сазиковым). Оригинал был продан коллекционеру М. П. Боткину, а в монастырь возвращена копия. Эта афера получила огласку и вызвала возмущение общественности.

[428] Тамара (1166–1209[1213]) – грузинская царица (1184–1209[1213]) из династии Багратионов, дочь Георгия III, славилась своей красотой и мудростью. Грузинская церковь причислила ее к лику святых.

[429] Хатисов Александр Иванович (1874–1945) – политический деятель. тифлисский городской голова (1910–1917). Во время 1-й мировой войны – председатель Кавказского комитета Всероссийского Союза городов; участвовал в формировании армянских добровольческих дружин, один из организаторов помощи армянским беженцам. В 1915–1917 избран заместителем председателя Армянского Национального бюро (Тифлис).

430 Вероятно, Семенов Юлий Федорович (1873–1947) – публицист, химик, учитель тифлисской гимназии. Общественно-политический деятель, кадет. В 1917–1918 оставался в Закавказье, депутат Закавказского сейма, протестовал против объявления независимости Закавказья.

431 Туманов Георгий Михайлович (1854–1920) – князь, публицист, юрист, политический и общественный деятель. Председатель бюро Тифлисской кадетской группы. На VI и VIII съездах партии избирался в состав ЦК. Сотрудничал в изданиях: «Дроэба», «Иверии», «Тифлисский вестник», «Вестник Европы», «Молва», «Русская мысль», «Голос». С 1891 редактировал тифлисскую газету «Новое обозрение» (вместе с братьями Василием и Константином); автор большей части ее передовых статей. Автор брошюр: «Земельные вопросы и преступность на Кавказе» (СПб., 1901); «Организация земства в Закавказье» (Тифлис, 1918) и др.

432 Васильчикова Мария Александровна (1859–1934) – княгиня, с 1880 фрейлина. После начала 1-й мировой войны задержана в своем имении в Австро-Венгрии. В марте–мае 1915 направила Николаю II три письма, в которых, выступая как посредница, сообщала о стремлении Германии восстановить мир с Россией и предлагала свои услуги в деле организации в одной из нейтральных стран сепаратных переговоров. Письма остались без ответа. В декабре 1915 княгиня прибыла в Петроград с письмами великого герцога Гессенского своим сестрам – императрице Александре Федоровне и великой княгине Елизавете Федоровне; в письмах снова заводилась речь о возможности заключения сепаратного мира между Германией и Россией, в частности, сообщалось, что император Вильгельм готов гарантировать России самые выгодные условия мирного урегулирования. Николай II не принял Васильчикову, проигнорировал ее письма. Более того, княгиня была лишена придворного звания, выслана под надзор полиции сначала в Черниговскую, а затем в Вологодскую губернии.

433 Толстой Павел Михайлович – журналист, прапорщик. Помощник начальника Политического управления Временного правительства (1917).

434 Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) – партийный и общественный деятель; меньшевик. Депутат III и IV Государственной думы, председатель социал-демократической фракции, после ее раскола (ноябрь 1913) – меньшевистской фракции. С 1915 член Русской коллегии ОК меньшевиков. После Февральской революции 1917 член Временного комитета Государственной думы, председатель Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (февраль–август), председатель ВЦИК 1-го созыва (с июня 1917). На Объединительном съезде социал-демократов (август) избран в ЦК.

[435] Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов) (1858–1919) – церковный деятель, митрополит Петроградский и Ладожский (ноябрь 1915 – март 1917), член Святейшего Синода (с 1914). Имел репутацию ставленника Г. Е. Распутина.

[436] Александра Федоровна Романова (урожд. Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская) (1872–1918) – дочь великого герцога Людвига IV Гессенского и Рейнского и дочери английской королевы Виктории. 21 октября 1894 приняла православие под именем Александры Федоровны. 14 ноября состоялось ее бракосочетание с императором Николаем II; императрица российская. Почетная председательница ряда благотворительных комитетов и организаций. Расстреляна вместе с семьей.

[437] Штюрмер Борис Владимирович (1838–1917) – государственный деятель. С 1902 служил в Министерстве внутренних дел, один из ближайших сотрудников В. К. Плеве. С 1904 член Государственного совета. 20 января 1916 при поддержке Г. Е. Распутина назначен председателем Совета министров, с марта по июль одновременно был министром внутренних дел, а с июля по ноябрь – министром иностранных дел. На заседании Государственной думы был обвинен в германофильстве. 10 ноября 1916 уволен в отставку.

[438] Гинекей – в Древней Греции – женские покои в доме, состоявшие обычно из спальни для супругов, комнаты, где помещались дочери, и комнат, где работала женская прислуга. В Византии гинекеем называлась, как правило, ткацкая мастерская, в которой работали женщины.

[439] Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) – генерал-лейтенант генштаба (с апреля 1916). Помощник начальника канцелярии Военного министерства (с января 1913 по апрель 1916). Командир 32-й пехотной дивизии (с апреля по декабрь 1916). Генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего (Николая II) (с декабря 1916 по апрель 1917). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (генерала Л. Г. Корнилова) (20 июля –27 августа 1917). 1 сентября 1917 вместе с Корниловым был арестован и заключен в Быховскую тюрьму, из которой бежал на Дон; участвовал в организации Добровольческой армии.

[440] Марков (2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945) – общественный и политический деятель. Один из лидеров консервативного течения: с 1909 фактический глава Союза русского народа (СРН); с ноября 1912 – председатель «обновленческого» (или «марковского») СРН. Председатель Совета объединенного дворянства (1906–1917). Основатель и издатель монархической газеты «Курская быль» (1905–1917); один из издателей и постоянный автор газеты «Земщина». Депутат III–IV Государственной думы; в IV Думе товарищ председателя бюро

фракции правых. В годы 1-й мировой войны представитель Думы в Особом совещании по обороне (с августа 1915).

[441] Трепов Александр Федорович (1862–1928) – государственный деятель; сенатор (1906), член Государственного совета (1914). С августа 1915 – член Особого совещания по обороне, с 30 октября 1915 – управляющий, затем министр путей сообщения. 10 ноября 1916 был назначен председателем Совета министров, однако 27 декабря 1916 уволен в отставку.

[442] Возможно, имеется в виду Петров Стефан Стефанович (псевд. Грааль Арельский) (1888 [1889]–1937) – поэт, писатель-фантаст. Учился в Петербургском университете по специальности астрономия (исключен за неуплату). В своем творчестве был близок к футуристам («эгофутурист»), затем перешел к акмеистам.

[443] Северянин Игорь (наст. фам. и имя Лотарев Игорь Васильевич) (1887–1941) – поэт декаданса. После 1917 эмигрировал.

[444] Тырков Николай Дмитриевич (1871–1931) – капитан 1-го ранга (1915). Во время Русско-японской войны, командуя миноносцем «Бурный» (1904), участвовал в обороне Порт-Артура. В годы 1-й мировой войны командовал эсминцами «Стройный» (1914), «Гром» (1915–1916). Командир крейсера «Адмирал Макаров» (1916). Комендант Кронштадтской крепости (1917). С 15 сентября 1917 зачислен в резерв морского ведомства.

[445] Имеется в виду Бьюкенен (Buchanan) Джордж Уильям (1854–1924) – английский дипломат, посол Великобритании в России (1910–1918). Поддерживал тесные контакты с российскими либеральными партиями (кадетами, октябристами).

[446] Сеньорен-конвент – совет старейшин. В Думе – совещание представителей думских фракций и групп, неофициальный руководящий орган Думы. Обсуждал повестку дня, направление спорных законопроектов, а также решал дела, не подлежавшие внесению в общее собрание. Созывался по решению председателя Думы несколько раз в сессию.

[447] Пэрс (Pares) Бернард (1876–1947) – английский историк, литературовед, журналист. В 1-ю мировую войну работал корреспондентом в «The Daily Telegraph». Инициатор создания Школы изучения славянства Восточной Европы при Королевском колледже Лондонского университета (1919), ее директор (до 1939).

[448] Принятое написание – Рэнсом (Ransome) Артур (1884–1967) – английский журналист, писатель. С ноября 1915 работал в России в качестве военного корреспондента английской газеты «The Daily News». С симпатией относился к большевикам, ему импонировала идея построения нового общества. Был лично знаком со многими большевистскими руководителями. Существует предположение, что Рэнсом

был связан с английской разведкой и, возможно, являлся двойным агентом (Великобритании и Советской России). После октябрьского переворота 1917 был привлечен к разборке секретного архива Министерства иностранных дел и подготовке к публикации тайных договоров царского и Временного правительств. Женился на секретарше Л. Д. Троцкого Евгении Шелепиной. В начале 1919 покинул Россию. Был выслан из Швеции вместе с группой большевиков (В. В. Воровским, А. А. Богдановым, М. М. Литвиновым и др.). После недолгого пребывания в Лондоне жил в Таллине, работал корреспондентом газеты «The Manchester Gaurdian», затем в Риге. Неоднократно приезжал в Россию. В свое время Рэнсом дружил с мужем Тырковой – Гарольдом Вильямсом, однако затем резко разошелся с ним из-за его неприятия большевиков. Издал книгу «Russia in 1919». 3 ноября 1922 получил возможность побеседовать с В. И. Лениным.

[449] Питерс – в 1922 временно исполняющий должность официального представителя Великобритании в Советской России.

[450] Файф (Fyfe) Генри Гамильтон (1869–1951) – английский журналист и писатель. Редактор газеты «The Daily Mirror» (до 1907). Затем корреспондент «The Daily Mail». В годы 1-й мировой войны работал во Франции, Испании, Португалии, Италии, России. В 1922–1926 редактор газеты «The Daily Herald». Следующие четыре года – репортер «The Daily Chronicle», до слияния ее с «The Daily News». В дальнейшем отошел от журналистики и занялся писательством.

[451] Правильное написание – Вилкокс (Wilcox E.H.) – английский журналист. В годы 1-й мировой войны работал в России в качестве корреспондента газеты «The Daily Telegraph», в 1917 писал о революционных событиях. Опубликовал в 1919 книгу о русской революции «Russia's Ruin» [«Русская разруха»].

[452] По-видимому, имеется в виду Ольденбург Сергей Сергеевич (1887 [1888]–1940) – историк, журналист. После окончания юридического факультета Московского университета служил чиновником в Министерстве финансов. Был близок партии «Союз 17 октября». Сын академика С. Ф. Ольденбурга. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции. Автор исторического исследования «Николай II» (1939).

[453] Наряду с В. И. Вернадским речь идет о его сыне – историке Георгии Владимировиче Вернадском (1888–1973), который в годы 1-й мировой войны преподавал в Петроградском университете.

[454] Башмаков Александр Александрович (1858–1943) – публицист, правовед, этнограф; видный деятель славянского движения. В 1904–1905 занимал пост редактора в официальном дипломатическом издании Министерства внутренних дел «Journal de St.-Petersboug», выходившем на французском языке. С 1 октября 1905 издавал газету «Народный голос». В начале 1906 создал консервативную Русскую партию

народного центра. Член Русского собрания, инициатор создания в 1908 Русского окраинного общества. При поддержке П. А. Столыпина стал редактором газеты «Правительственный вестник» (1906–1911) и был включен в состав Совета Министерства внутренних дел.

455 Сыромятников Сергей Николаевич (1860–?) – журналист, по своим политическим взглядам – крайний консерватор. Сотрудничал в газете «Новое время», а с 1907 – в официозной газете «Россия».

456 Чуковский Корней Иванович (наст. фам. и имя Корнейчуков Николай Васильевич) (1882–1969) – писатель, литературовед, доктор филологических наук (1957); доктор литературы Оксфордского университета (1962). Приобрел известность литературной критикой, переводами (в частности, опубликовал переводы Уолта Уитмена, 1907). Автор ряда классических произведений для детей в стихах и прозе.

457 Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936) – писатель, журналист; брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Военный корреспондент во время Русско-турецкой войны (1877–1878; награжден солдатским Георгиевским крестом за участие в боевых действиях), Русско-японской войны (1904–1905), 1-й мировой войны (1914–1918). Автор романов и рассказов. Публиковал художественно-этнографические очерки в «Отечественных записках», «Вестнике Европы».

458 Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1950) – юрист, врач, общественный и политический деятель. Печатался в «Вестнике права» и «Московских ведомостях». С начала 1906 член кадетской партии; член ее ЦК. Депутат II–III Государственной думы. Автор работы «Обычное право в связи с реформой местного суда» (1910) и др. После Февральской революции 1917 был комиссаром Временного правительства в Министерстве юстиции. Один из разработчиков проекта положения о Предпарламенте; позднее стал его членом.

459 Степанов Василий Александрович (1872–1920) – горный инженер, общественный и политический деятель; двоюродный брат писательницы З. Н. Гиппиус. Член кадетской партии; кооптирован в состав ЦК в июле 1915. Депутат III–IV Государственной думы. В IV Думе член ряда комиссий, в том числе по рабочему вопрос (со 2-й сессии секретарь, с 2.12.1916 тов. председателя), бюджетной, о путях сообщения, финансовой, по военным и морским делам. Председатель специальной комиссии по рабочему вопросу при кадетской фракции (с сентября 1915). Внес предложение рассмотреть такие стороны рабочего вопроса, как примирительные камеры, биржи труда, рабочая печать и др. В связи с готовящимся законом о милитаризации промышленности, предполагавшим запретить забастовки, предлагал ввести на время войны временные примирительные камеры как арбитражные структуры. Считал необходимым заменить фиксацию заработной

платы – участием рабочих в прибылях предприятий. Избран в Особое совещание по топливу. Член Прогрессивного блока.

[460] Крупенский Павел Николаевич (1863–1939) – общественный деятель, уездный и губернский земский гласный, уездный предводитель дворянства (1899–1908). Депутат II Государственной думы. Один из лидеров Партии умеренно-правых (декабрь 1908 – январь 1910). Всероссийского национального клуба (1909). Избран в IV Думу. Член Прогрессивного блока; входил в бюро от фракции центра (с августа 1915). В годы 1-й мировой войны избран членом Особого совещания по обороне. Вышел из состава Прогрессивного блока из-за его разоблачений как «правительственного агента» внутри блока, одновременно вынужден был выйти из состава фракции (3 ноября 1916). После Февральской революции 1917 в связи с разоблачением его тайных контактов с низложенным правительством отказался от депутатства (15 марта 1917).

[461] Правильное написание фамилии – Walpole Hugh / Уолпол Хью, сэр (1884–1941) – английский писатель, критик, драматург, коллекционер. Автор 36 романов, первый из которых был опубликован в 1909. С осени 1914 работал в России: до лета 1915 находился при Русском Красном Кресте на Польском и Галицийском фронтах, с октября 1915 возглавлял Бюро британской пропаганды в Петрограде. В ноябре 1917 покинул Россию. В своем романе «The Secret City» («Тайный город», 1919) отразил события Февральской революции 1917. Награжден орденом Британской империи (1918), возведен в рыцари (1937).

[462] Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – князь; философ, правовед, публицист, общественный деятель. Профессор энциклопедии и истории философии права в Московском университете. Редактор-издатель журнала «Московский еженедельник» (1906–1910). Член Государственного совета (1907–1908; 1915–1917).

[463] Пиксанов Николай Кириакович (1878–?) – литературовед; профессор Петербургского, Саратовского и Московского университетов. Член-корреспондент Академии наук. Основное внимание в своем творчестве посвятил анализу творчества А. С. Грибоедова; под его редакцией вышло трехтомное собрание сочинений Грибоедова, изданное Академией наук (1911–1917). Печатался в газете «Русские ведомости» (1911–1913), в журнале «Русская мысль» (1912–1916) и др.

[464] Философова (урожд. Дягилева) Анна Павловна (1837–1912) – деятельница женского движения в России. Одна из инициаторов создания в 1870 в Петербурге первых общеобразовательных женских курсов, а в 1878 – Высших (Бестужевских) женских курсов. Возглавляла ряд благотворительных обществ. Участвовала в международном женском движении, с 1899 вице-председатель Международного совета женщин. В 1908 председатель 1-го Всероссийского женского съезда.

465 Общество английского флага было основано в Петербурге в 1907; имело целью ознакомление российского общества с Англией, историей ее государственных и общественных учреждений. Председатель – М. В. Родзянко, члены комитета – М. М. Ковалевский, П. П. Рябушинский, Э. Л. Нобель, граф И. И. Толстой и др. Почетным председателем Общества был посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен.

466 Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк Античности, археолог; член Петербургской Академии наук (1917); кадет. Профессор древней истории Петербургского университета (1901–1918).

467 Блэр (Blair) – лейтенант-полковник, помощник военного атташе Великобритании в Петрограде.

468 Стахович Александр Александрович (1858–1915) – общественный деятель. Елецкий уездный предводитель дворянства (1895–1904) и уездный земский гласный. Сотрудничал в газетах «Русские ведомости», «Русское слово», журнале «Русская мысль» и др. Председатель Елецкого уездного комитета кадетов. Редактор-издатель местной кадетской газеты «Елецкий край» (1906). Депутат II Государственной думы. Редактор газеты «Думский листок». После 1907 постоянно жил в Петербурге. Принял участие в создании Всероссийского Земского союза (1914).

469 Речь идет о VI съезде кадетской партии, состоявшемся в феврале 1916.

470 Косинский Владимир Андреевич (1864 [1866]–1938) – экономист, статистик. Преподавал в Рижском Политехническом институте (с 1903), на кафедре полицейского права Новороссийского университета (1904–1909), на кафедре политэкономии Киевского Политехнического института (с 1909). В 1905 вошел в Академический союз. Находился под негласным надзором полиции. В работах этого периода выступал сторонником сохранения частной собственности на землю. Член кадетской партии.

471 Герасимов Петр Васильевич (1877–1919) – присяжный поверенный, общественный деятель. Член кадетской партии, входил в состав ЦК. Депутат III и IV Государственной думы. В IV Думе работал в комиссиях: по судебным реформам, по вопросам печати и по разработке вотчинного устава. После Февральской революции 1917 назначен комиссаром Временного правительства. Член военной организации партии. На IX съезде кадетов выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания.

472 Мандельштам Михаил Львович (1866–1938) – адвокат, присяжный поверенный. Член Центрального бюро Союза адвокатов, Центрального бюро Союза союзов. Был одним из наиболее активных и популярных в России политических защитников. Входил в ЦК кадетской

партии. Представитель левого крыла кадетов. Один из организаторов газеты «Жизнь». Был членом Временного совета Российской республики (Предпарламента). Выдвинут на IX съезде кадетской партии кандидатом в депутаты Учредительного собрания. Автор книги «1905 год в политических процессах».

473 Имеется в виду Дьяченко Дмитрий Михайлович (?–1942) – инженер Лубенского уездного земства, кадет. Получил образование в Академии художеств и Институте гражданских инженеров. В своем выступлении Дьяченко потребовал пересмотра второго тезиса резолюции к докладу П. Н. Милюкова, в котором говорилось о «необходимости для всех граждан России сплотиться для победоносного окончания войны». С его точки зрения, настало время признать, что «война неудачна», что пора думать о выработке условий мира и о том, как «скорее и умненько локализовать» войну, как защитить «государственное здание» от развала. Он выразил сомнение, что планируемый захват Болгарии принесет пользу ее народу, или, если взглянуть шире, что война ведется в интересах угнетенных народностей. По мнению Дьяченко, настоящие причины войны остаются сокрыты, а заявления правительства на этот счет не вызывают у него доверия, поскольку он убежден, что действующее правительство «не может быть честным в вопросе о причинах войны» (См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917 гг. М., 2000. С. 290–293). С 1917 жил в Киеве, служил инженером губернского земства. Одновременно занимался архитектурными проектами. В 1919–1922 главный архитектор треста «Киевсахар». Участвовал в проектировании и строительстве корпусов Украинской сельскохозяйственной академии в Киеве.

474 Правильно – Мошков Сергей Алексеевич – помощник присяжного поверенного, земский деятель Костромской губернии. Член кадетской партии.

475 Обнинский Виктор Петрович (1867–1916) – общественный деятель, публицист. Предводитель дворянства Малоярославецкого уезда (с 1903). Председатель губернской земской управы (с декабря 1904). Один из основателей Калужского губернского комитета кадетской партии. Депутат I Государственной думы. Сотрудничал в газетах «Русские ведомости», «Столичная молва», «Речь», «Русское слово», в журнале «Вестник Европы». С началом 1-й мировой войны и до апреля 1915 находился на Юго-Западном фронте в качестве военного корреспондента. Руководил отделом помощи военнопленным при Главном комитете Всероссийского Земского союза. В конце 1915 – начале 1916 выступил с резкой критикой кадетского ЦК, требовал выхода кадетов из Прогрессивного блока и сближения с трудовиками и меньшевиками-оборонцами. На VI съезде кадетской партии (февраль 1916) избран в состав ЦК.

[476] 1 ноября 1916 Милюков произнес с трибуны Государственной думы речь, в которой выступил с резкой критикой действий императрицы и ее окружения, завершая каждое обвинение вопросом: «Что это – глупость или измена?» Речь была запрещена для печати, но распространялась в литографических оттисках. Против Милюкова было возбуждено дело по обвинению в клевете.

[477] Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) – юрист, философ, историк философии, общественный и политический деятель. Профессор юридического факультета Московского университета (до 1906 и с 1917), одновременно преподавал на Высших женских курсах. Ректор Московского коммерческого института (1906–1918). Сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии». Член кадетской партии (с 1905). Депутат I Государственной думы. В годы 1-й мировой войны работал во Всероссийском Союзе городов, был московским уполномоченным Особого совещания по топливу. В 1917 избран в ЦК кадетской партии. Член-учредитель Лиги русской культуры, ее Временного комитета в Москве.

[478] Игнатьев Павел Николаевич (1870–1945) – граф; государственный деятель. С 1 января 1912 товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством А. В. Кривошеина. С 9 января 1915 министр народного просвещения. Придерживался либеральных взглядов, пользовался популярностью в общественных кругах.

[479] Нератов Анатолий Анатольевич – с 1 ноября 1910 и до Февральской революции 1917 товарищ министра иностранных дел.

[480] Штюрмер (урожд. Струкова) Елизавета Васильевна – дочь генерал-майора В. Н. Струкова, жена Б. В. Штюрмера.

[481] Велихов Лев Александрович (1875–1938) – юрист, общественный и политический деятель. Служил чиновником в Министерстве внутренних дел, в Правительствующем Сенате. Участник либерального движения. Член Петербургского городского комитета кадетов. В силу запрета чиновникам входить в политические партии оставил государственную службу и занялся частным предпринимательством. Гласный Петербургской городской думы (с 1909), член городской управы. Редактор-издатель (вместе с Д. Д. Протопоповым) журналов «Городское дело» и «Земское дело» (с 1909), газеты «Русская молва» (декабрь 1912 – август 1913). Сотрудничал в «Московском еженедельнике», в газетах «Речь», «Русские ведомости». Депутат IV Государственной думы. В августе 1914 призван, согласно прошению, на военную службу без сложения депутатских полномочий. Участвовал в боях, контужен, награжден орденами. В октябре 1916 отозван Думой из действующей армии. В дни Февральской революции 1917 помощник коменданта Петрограда. На VII съезде кадетской партии (март 1917) избран в состав ЦК. Член Временного комитета Государственной думы (с июня

1917). Член Предпарламента. На IX съезде кадетской партии (июль 1917) выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания.

482 Видимо, имеется в виду Эмери (Emery) Генри Кросби (1872–1924), американский экономист. Профессор колледжа Бодуэн (1897–1900) и Йельского университета (1900–1915). Автор труда «Игра на фондовых и сырьевых биржах Соединенных Штатов» («Speculation on the Stock and Produce Exchanges of the United States», 1896). В 1916–1918 путешествовал по России с целью изучения ее промышленности и финансового состояния. Представлял в России компанию «Гаранта Траст». Вынужденный покинуть Россию из-за революционных событий, был на пути в Швецию задержан немцами, некоторое время находился в плену сначала в Данциге, а потом в Берлине. После окончания 1-й мировой войны был освобожден, вернулся на родину. В 1920–1924 жил в Китае, был заместителем управляющего иностранным отделом «Гаранта Траст», затем управляющим Пекинского отделения Азиатского акционерного банка Нью-Йорка.

483 Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) – политический и общественный деятель, крупный помещик и промышленник. Брат Д. Д. Протопопова. Председатель Союза суконных фабрикантов. Член «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы. С 20 мая 1914 – товарищ председателя IV Думы. В 1-ю мировую войну член Особых совещаний: по обеспечению топливом; по обороне государства; по обеспечению армии предметами боевого и материального снабжения (1915). Предводитель дворянства Симбирской губернии (с февраля 1916). Председатель Совета съездов представителей металлургической промышленности (1916). С 16 сентября 1916 управляющий Министерством внутренних дел, с 20 декабря 1916 по 28 февраля 1917 министр внутренних дел. С 1 марта по сентябрь 1917 содержался в Петропавловской крепости, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Расстрелян по решению ВЧК.

484 Junge – молодая императрица Александра. В своей знаменитой думской речи Милюков прокомментировал назначение премьер-министром Штюрмера с помощью цитаты из немецкой газеты «Neue Freie Presse»: «Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert!» (Это победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой царицы).

485 «Русская молва» – ежедневная газета, орган «погрессистов» и правых кадетов. Выходила в Петербурге с 9 декабря 1912 по 20 августа 1913 (всего 247 номеров). Издатель – Д. Д. Протопопов. Редакторы: Л. А. Велихов, С. А. Адрианов, А. А. Стахович, Л. И. Лушников. В газете сотрудничали А. А. Блок (возглавлял литературный отдел), И. А. Бунин, С. Чёрный и др. видные представители литературы. П. Б. Струве вел

раздел экономики. Активное участие в издании газеты принимала Тыркова.

486 Васильчикова (урожд. Мещерская) Софья Николаевна (?–1942) – княгиня, внучка историка Н. М. Карамзина, племянница известного консерватора кн. В. П. Мещерского. Жена князя Б. А. Васильчикова, члена Государственного совета. Писала прозу и стихи. В 1916 выезжала в составе инспекции под эгидой Красного Креста в Германию в лагеря русских военнопленных и под влиянием увиденного направила императрице Александре Федоровне резкое письмо с призывом убрать от царского двора Г. Распутина. «Я села и написала письмо, – вспоминала княгиня, – никому не сказав ни слова, ни даже мужу. Я знала, что он не станет меня отговаривать, но он захочет все смягчить, а мне казалось, что я должна сказать со всей резкостью, накопившейся во мне. <...> Я написала про Распутина и про то, что она не должна вмешиваться в государственные дела, так как причиняет вред России» (Из бумаг А. В. Тырковой-Вильямс. I. Запись рассказа кн. С. Васильчиковой (23 марта 1930 г., Биот) // Возрождение. Париж, 1964. № 156. С. 96.) За это 2 декабря ей было предложено выехать из Петербурга в имение Выбити Новгородской губ., куда с ней поехал и муж. Одна из родственниц княгини стала собирать подписи среди петербургской аристократии под коллективным протестом, однако дело не было доведено до конца.

487 Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – военный деятель, генерал от кавалерии (1912). В начале 1-й мировой войны командовал 8-й армией, с марта 1916 Юго-Западным фронтом, войска которого осуществили прорыв австро-германского фронта. С 22 мая (4 июня) по 19 июля (1 авг.) 1917 верховный главнокомандующий. После провала июньского наступления 1917 заменен Л. Г. Корниловым и назначен специальным советником Временного правительства. Автор мемуаров «Мои воспоминания» (1929).

488 Вильсон (Wilson) Томас Вудро (1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921) от Демократической партии. Профессор истории и политической экономии. 19 декабря 1916 выступил с нотой, призывая воюющие страны обнародовать их цели в войне. Инициатор вступления США в 1-ю мировую войну (март 1917). 18 января 1918 выставил свою программу мира («14 пунктов»). Лауреат Нобелевской премии мира (1919). Участвовал в работе Парижской мирной конференции. Один из инициаторов создания Лиги Наций.

489 Бетман-Гольвег (Bethmann Hollweg) Теобальд, фон (1856–1921) – германский политический деятель, рейхсканцлер Германской империи, министр-президент Пруссии (1909–1917). После разгрома Румынии 12 декабря 1916 канцлер выступил в рейхстаге с предложением начать переговоры о мире в одной из нейтральных столиц, но западные державы и российский император отвергли это предложение.

[490] «Биржевые ведомости» – газета биржи, финансов, торговли и общественной жизни умеренно-либерального направления. Основана С. М. Проппером, который являлся издателем и с 1891 редактором газеты. Издавалась в Петербурге/Петрограде с ноября 1880 по октябрь 1917. С 1885 выходила ежедневно. С ноября 1893 – двумя изданиям: для столицы и (удешевленное) для провинции. С 1902 1-е издание выходило двумя выпусками: утренним и вечерним. В конце 1905 Проппер заключил соглашение с кадетами о передаче им газеты. С 1 декабря 1905 она вышла названием «Свободный народ» при обновленном составе редакции, в которую вошли П. Н. Милюков, И. В. Гессен, М. Н. Ганфман. К 1-му номеру прилагалась программа кадетской партии. После 2-го номера (где публиковался Манифест Петербургского совета рабочих депутатов) газета была закрыта. С 15 декабря 1905 она вышла под названием «Народная свобода» (при том же составе сотрудников), но так же закрыта (за публикацию статьи П. Б. Струве о Московском вооруженном восстании). Проппер аннулировал сделку, и газета возобновила выпуск под своим первоначальным названием под его редакцией. Закрыта в октябре 1917 по постановлению Петроградского ВРК.

[491] Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967) – князь, граф Сумароков-Эльстон. В 1915–1916 учился на офицерских курсах при Пажеском корпусе. Один из организаторов заговора против Г. Е. Распутина. Во дворце Юсупова в ночь на 17 декабря Распутин был убит заговорщиками. Юсупова выслали в имение отца Ракитное в Курской губ. под негласный надзор полиции. После Октябрьской революции эмигрировал в Лондон, а затем в Париж.

[492] Дмитрий Павлович (1891–1942) – великий князь, старший сын великого князя Павла Александровича, внук Александра II. Флигель-адъютант свиты е.и.в. После убийства Г. Е. Распутина был отправлен по распоряжению Николая II в Персию, в отряд генерала Н. Н. Баратова. Позднее эмигрировал, жил в США, с середины 1920-х – в Европе.

[493] Идельсон Авраам (1865–1921) – российский публицист. Образование получил в Московском университете. В 1905 перебрался в Петербург, был редактором ряда еврейских изданий на русском языке (еженедельник «Рассвет» и др.). В 1919 эмигрировал, жил в Лондоне (1919–1920), Берлине (с 1921).

[494] Вильгельм II Гогенцоллерн (Wilhelm) (1859–1941) – король Пруссии и император Германии в 1888–1918.

[495] Высочайшим рескриптом, данным Питириму 6 декабря 1916, ему жаловался крест для предношения в священнослужении – привилегия архиерея на несение перед ним во время торжественных церемоний и на богослужениях предносного креста.

[496] Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) – политический и общественный деятель, крупный предприниматель. С началом 1-й мировой войны – уполномоченный передового отряда Красного Креста на Юго-Западном фронте, затем помощник по заведованию санитарными организациями на этом фронте. Член Главного комитета Союза городов, уполномоченный Главного комитета Земского союза. Председатель Киевского военно-промышленного комитета (с июля 1915), товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917). Входил в состав Особого совещания по обороне. После Февральской революции 1917 – министр финансов в 1-м составе Временного правительства, министр иностранных дел во 2–4-м составах. Настаивал на выполнении Россией своих союзнических обязательств. Вместе с другими министрами Временного правительства арестован, освобожден весной 1918, эмигрировал.

[497] Маниковский Алексей Алексеевич (1865–1920) – генерал от артиллерии (1916). Начальник Главного артиллерийского управления (с 24 мая [9 июня] 1915). Близок к либеральной оппозиции. После Февральской революции 1917 назначен (6 марта) помощником военного министра.

[498] Панина Софья Владимировна (1871–1957) – графиня; общественный и политический деятель, меценат. Исповедовала идею, что работа интеллигенции в массах должна решать не только задачи просвещения, но и организации досуга. Выстроила Лиговский Народный дом (открыт в 1903), ставший культурно-просветительным учреждением. Принимала деятельное участие в работе целого ряда общественных и благотворительных организаций. После Февральской революции 1917 была кооптирована (8 марта) в состав Петроградской городской думы. Вступила в кадетскую партию, 10 апреля кооптирована в ее ЦК. С 24 мая – товарищ министра государственного призрения, а с 14 августа – товарищ министра народного просвещения.

[499] Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) – участник социал-демократического движения, меньшевик. Сотрудничал в меньшевистских изданиях, входил в редакцию газеты Л. Д. Троцкого «Правда». Депутат IV Государственной думы. В дни Февральской революции 1917 один из организаторов Петроградского совета рабочих депутатов, товарищ председателя Совета. С 5 мая по август 1917 министр труда во Временном правительстве. На Объединительном съезде РСДРП (август 1917) избран кандидатом в члены ЦК. Депутат Учредительного собрания.

[500] Имеются в виду похороны павших в дни Февральской революции, состоявшиеся на Марсовом поле.

[501] Приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был принят 1 марта 1917 и был адресован столичному гарнизону. Согласно 3-му пункту приказа во всех политических выступлениях во-

инские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Петроградскому совету. Приказ предписывал не выдавать офицерам оружие, которое отныне должно находиться в распоряжении ротных и батальонных комитетов. Приказ № 1, нарушив принцип единоначалия, положил начало развалу армии.

502 Громан Владимир Густавович (1873–1932) – статистик. Член РСДРП (с 1898), меньшевик, автор программы РСДРП по аграрному вопросу (1905). После Февральской революции 1917 входил в Экономический совет, с осени 1917 – председатель Центрального продовольственного комитета в Петрограде. Жена – О. Н. Рязанова.

503 Энгельгардт Борис Александрович (1877–1962) – полковник (в 1908 вышел в отставку), военный и политический деятель. Депутат IV Государственной думы. Член «Союза 17 октября» (с осени 1915). Член Прогрессивного блока (с осени 1916). Член Особого совещания по обороне. В ночь на 28 февраля 1917 назначен начальником гарнизона Петрограда, комендантом Петрограда и Таврического дворца.

504 Якубович Григорий Андрианович (1880–1926) – полковник (1915), активный участник Февральской революции 1917. Помощник председателя Военной комиссии Государственной думы (с 28 февраля 1917). Генерал-майор (1917). Помощником военного министра (А. Ф. Керенского).

505 Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – режиссер, актер, педагог, один из реформаторов театра XX в.

506 Черносвитов Кирилл Кириллович (1865–1919) – присяжный поверенный, общественный и политический деятель. Губернский и уездный земский гласный. Вел большую просветительную работу во Владимире. Сотрудничал в газете «Русские ведомости», журнале «Юридический вестник» и др. Член кадетской партии (с 1905), на VI съезде (февраль 1916) избран в состав ее ЦК. Депутат Государственной думы всех четырех созывов. Член Прогрессивного блока. Участник Февральской революции 1917. Комиссар Временного комитета Государственной думы в Главном управлении почт и телеграфов. Участник Государственного совещания в Москве (12–15 августа 1917), член Предпарламента.

507 Востротин Степан Васильевич (1864–1943) – ветеринарный врач, общественный и политический деятель. Енисейский городской голова (1885–1899), гласный городской думы. Полярный исследователь. Член кадетской партии, на VI съезде (февраль 1916) избран в состав ее ЦК. Депутат III и IV Государственной думы. Член Прогрессивного блока. В годы 1-й мировой войны – представитель Думы в Особом совещании по продовольственному делу, а также в Главном комитете Всероссийского Союза городов. Член Центрального Военно-промышленного комитета. Участник Февральской революции 1917, в ночь на

28 февраля вошел в состав продовольственной комиссии. До этого комиссия действовала от имени Петроградского совета, а с вхождением Востротина и А. И. Шингарева – также и от имени Временного комитета Государственной думы (ВКГД). Комиссар ВКГД в Особом совещании по продовольственному делу, представитель ВКГД в Совете министра по продовольствию (начало марта 1917). Член Общегосударственного продовольственного комитета (с 15 марта). Товарищ министра земледелия (при министре А. И. Шингареве) в 1-м коалиционном кабинете Временного правительства (с 12 марта). Член Предпараламента.

508 Правильное написание фамилии – Богатко Николай Иосифович (1864–1930), генерал-лейтенант (1914). С 22 марта 1916 главный интендант Военного министерства, начальник Главного интендантского управления (ГИУ). После Октябрьской революции 1917 некоторое время служил в РККА, но затем бежал на юг России. Вместе с частями Белой армии эвакуировался за границу. Автор труда «Снабжение армии во время I мировой войны» (1930).

509 Шелов Б. А. – социал-демократ, комиссар продовольственной комиссии в Главном интендантском управлении.

510 Нокс (Knox) Альфред Вильям Фортескью (1870–1964) – английский бригадный генерал. В 1911–1918 служил в России, сначала как военный атташе Великобритании в Петрограде, а во время 1-й мировой войны – представителем при Ставке. После октябрьского переворота 1917 вернулся на родину. Однако 5 сентября 1918 был направлен на Дальний Восток, возглавлял (до 1920) британскую военную миссию в Сибири. В ноябре 1918 – один из организаторов колчаковского переворота, главный советник адмирала А. В. Колчака по вопросам тыла и снабжения армии. Награжден российскими орденами св. Станислава, св. Владимира, св. Анны. В 1920 вышел в отставку. Автор книги «With the Russian Army: 1914–1917» [С русской армией] (1927).

511 Франкорусский – одна из партийных кличек меньшевика Б. Е. Леонтьева Вечером 27 февраля 1917 избран членом Временного Исполкома Петроградского совета.

512 Лопатин Герман Александрович (1845–1918) – политический деятель революционного толка, член Генерального совета I Интернационала, первый переводчик «Капитала» Карла Маркса на русский язык. Был неоднократно репрессирован. 18 лет провел в Шлиссельбургской тюрьме. В октябре 1905 освобожден по амнистии. Занимался литературной работой. С 1913 жил в Петербурге/Петрограде.

513 Н. Д. Соколов в марте 1917 был секретарем Исполкома Петроградского совета, одним из автором «Приказа № 1».

514 Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – философ, теоретик марксизма, видный деятель российского и международного социали-

стического движения. Один из основателей РСДРП. После Февральской революции 1917 смог вернуться (31 марта) в Россию после 37 лет изгнания. Не был допущен в Исполком Петроградского совета в силу его «оборонческой» позиции. Редактировал газету «Единство».

515 Имеются в виду: Мутэ Мариос – французский социалист, адвокат, депутат французского парламента; Кашен Марсель (1869–1958) – один из лидеров Французской социалистической партии, позднее один из основателей Французской коммунистической партии, член ее ЦК и Политбюро, в 1924–1943 член Исполкома Коминтерна; Лафон Эрнест – французский социалист, преподаватель философии, депутат французского парламента; О'Грэди Дж. – британский лейборист, депутат парламента, представитель Генеральной федерации английских тред-юнионов; Торн Билль (Уилл) (1857–1946) – британский лейборист, депутат парламента Великобритании (1906–1945); Сандерс Уильям – британский лейборист, депутат парламента Великобритании.

516 «Единство» – группа меньшевиков-оборонцев. Возникла в 1914, оформилась в марте 1917; имела организации в Петрограде, Москве, Баку и др. городах; издавала в Петрограде газету «Единство». Руководящую роль в группе играли Г. В. Плеханов, А. Ф. Бурьянов, Н. И. Иорданский и др. Группа поддерживала Временное правительство, выступала за продолжение войны «до полной победы». Летом 1918 распалась.

517 Возможно, речь идет о соратнице Э. Панкхёрст, английской суфражистке Энни Кини.

518 Принятое написание – Панкхёрст (Pankhurst; урожд. Гоулден) Эм[м]елин (1858–1928), лидер британского движения суфражисток. По ее инициативе в 1904 был создан Женский социально-политический союз, объединивший сторонников предоставления женщинам избирательных прав. Издавала журнал «Суфражистка», в 1915 переименован в «Britannia». Накануне 1-й мировой войны выступила в поддержку военных планов союзников.

519 Принятое написание Локкарт (Lockhart) Роберт Гамильтон Брюс (1887–1970), агент английской дипломатической службы, журналист. Вице-консул Великобритании в Москве (с 1912), генеральный консул (1915–1917). В сентябре 1917 вернулся в Лондон. С января по сентябрь 1918 глава специальной британской миссии при советском правительстве. 4 августа 1918 был арестован по обвинению в шпионаже и организации антисоветского заговора и в октябре 1918 выслан из Советской России.

520 Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – политический деятель, участник социал-демократического движения, меньшевик. Депутат II Государственной думы. В июне 1907 после разгона Думы осужден на 5 лет каторги, замененной 6 годами тюрьмы с последующим посе-

лением в Сибири. После Февральской революции 1917 вернулся в Петроград, вошел в состав Исполкома Петроградского совета. Один из лидеров меньшевиков. Министр почт и телеграфов Временного правительства (с мая 1917). На Демократическом совещании (сентябрь 1917) выступал за коалицию с кадетами.

[521] Гендерсон [Хендерсон] (Henderson) Артур (1863–1935) – английский политический деятель, один из лидеров Лейбористской партии, ее секретарь (1911–1934). В 1915–1917 министр без портфеля, в 1924 министр внутренних дел, в 1929–1931 министр иностранных дел. После Февральской революции 1917 был направлен военным кабинетом своей страны в Россию со специальной миссией – попытаться убедить ее новое правительство и социалистических лидеров в необходимости продолжения войны. Прибыл в Петроград 2 июня 1917 и провел в столице шесть недель. Встречался с Г. Е. Львовым, М. И. Терещенко и др.

[522] Юнг (Young) Джордж прибыл вместе с А. Гендерсоном в Петроград. Впоследствии он служил первым секретарем в Вене.

[523] Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – общественный и политический деятель, журналист. Депутат II–IV Государственной думы. Входил в руководство ряда консервативных организаций. Редактор газеты «Киевлянин» (1913–1919). Участвовал в формировании Временного правительства, принимал акт отречения Николая II, участвовал в составлении и редактировании акта отречения вел. кн. Михаила Александровича. Комиссар Временного комитета Государственной думы и Временного правительства в Петроградском телеграфном агентстве. Вошел в образованную П. Б. Струве «Лигу русской культуры».

[524] Возможно, имеется в виду княгиня Вера Кирилловна Мещерская (урожд. Струве) – дочь К. Струве, последнего посла царской России в Японии, фрейлина одной из великих княгинь. Муж – Петр Мещерский, лейб-гусар. После Октябрьской революции 1917 эмигрировала во Францию. Открыла в Париже пансион для девиц из состоятельных семей, нуждавшихся в приобретении светских манер. Затем по ее инициативе в Сен-Женевьев де Буа был открыт приют для престарелых эмигрантов.

[525] Леди Эджертон Ольга Николаевна (урожд. Лобанова-Ростовская, в первом браке Каткова) – жена английского дипломата Эдвина Эджертона (Edgerton).

[526] Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) – общественный и политический деятель, публицистка. В 1915 вступила в РСДРП, феминистка. После Февральской революции 1917 вошла в Исполком Петроградского совета. Участница VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), поддержала «Апрельские тезисы» Ленина. На I Всероссийском съезде Советов (3–24 июня 1917) избрана членом ЦИК

от большевиков. В период «двоевластия» вела агитацию среди солдат и матросов. В июле 1917 была арестована. На VI съезде РСДРП(б) (26 июля – 3 августа 1917) была заочно избрана членом ЦК.

527 Черненков Николай Николаевич (1863–?) – агроном, статистик, земский деятель. Член кадетской партии, входил в ее ЦК (с октября 1905). В марте 1912 вышел из ЦК, позднее вновь был кооптирован (апрель 1917). На IX съезде (июль 1917) избран кандидатом в депутаты Учредительного собрания. Автор брошюры «Аграрная программа Партии народной свободы и ее последующая разработка» (1907).

528 В основе конфликта между Петроградом и Киевом лежали принципиальные разногласия по поводу статуса Украины. Центральная Рада, сформированная в Киеве 4(17) марта 1917, потребовала от Временного правительства признать автономию Украины и ее право участия в международном обсуждении «украинского вопроса». Предлагалось также выделить украинцев в отдельные войсковые части. Временное правительство предлагало предоставить решение этого вопроса Учредительному собранию. Однако Рада на II Войсковом съезде приняла 10(23) июня так называемый Первый Универсал, в котором провозглашался автономный статус Украины. Сформированное 15(28) июня первое украинское правительство (Генеральный секретариат) приняло 26 июня Декларацию, согласно которой Центральная Рада наделялась наряду с исполнительной и высшей законодательной властью. В Киев были посланы представители Временного правительства – А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко, И. Г. Церетели. В результате переговоров, проходивших 28–30 июня, было достигнуто соглашение: Временное правительство признавало право Украины руководить местными делами (просвещение, земства и т. д.) и законодательные полномочия Центральной Рады, со своей стороны украинская сторона обязалась не реализовывать на практике вплоть до Учредительного собрания принцип независимости Украины, а также пополнить состав Рады представителями «национальных меньшинств» – русских, евреев и поляков. Накануне отъезда из Киева Церетели и Терещенко правительство приняло решение – делегация не должна подписывать никаких документов без одобрения всех членов кабинета. Но эта договоренность была нарушена, что спровоцировало правительственный кризис: министры-кадеты А. И. Шингарев, Д. И. Шаховской, А. А. Мануйлов, а также товарищ министра торговли и промышленности В. А Степанов 2(15) июля подали в отставку.

529 Имеется в виду выход 2–3(15–16) мая из состава Временного правительства П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова, что явилось следствием апрельского кризиса, вызванного обнародованием ноты Милюкова от 18 апреля (1 мая), в которой заявлялось о готовности Временного правительства выполнять свой союзнический долг и продолжать 1-ю мировую войну до победы.

[530] Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – теоретик анархизма, географ, историк, литератор. В июне 1917, после длительной эмиграции, вернулся в Россию. Отказался войти во Временное правительство. Вел общественную деятельность.

[531] Речь идет об июньских выборах в Московскую городскую думу, которые дали неожиданную победу эсерам.

[532] Штейнгель Федор Рудольфович (1870–1946) – барон; общественный и политический деятель. Депутат I Государственный думы от Киева. Сторонник национально-территориальной автономии Украины. Член кадетской партии (с января 1906), на VI съезде (февраль 1916) избран в состав ее ЦК. В годы 1-й мировой войны возглавлял Юго-Западный комитет Всероссийского Союза городов (1915–1917). После Февральской революции 1917 член Исполкома Совета объединенных общественных организаций Киева, член президиума Всеукраинского конгресса. Отказался войти в Генеральный секретариат Центральной Рады.

[533] Половцев (Половцов) Петр Алексеевич (1874–1964) – военачальник, военный востоковед, генерал-майор (1917). Начальник штаба Кавказской туземной конной дивизии (с 25 февраля 1916). Участник Февральской революции, вошел в состав военной комиссии Государственной думы. Назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа (с 22 мая 1917). Командующий Кавказским туземным конным корпусом (с 2 сентября 1917). Генерал-лейтенант (9 сентября 1917). Военный губернатор и командующий войсками Терской области (с 20 октября 1917).

[534] Имшенецкий Яков Кондратьевич (1858–1938) – статистик, общественный и политический деятель, публицист. Депутат I Государственной думы. Сотрудничал в газетах «Русские ведомости», «Киевские отклики», «Вестник знания», «Южные записки», входил в редакции журналов «Хуторянин» и «Полтавщина». Автор статей по экономическим и аграрным вопросам. Член кадетской партии (с 1905), возглавлял ее Полтавский комитет, член редакции «Вестника партии народной свободы». Избран в состав ЦК кадетов (февраль 1916). После Февральской революции 1917 – член Предпарламента.

[535] Дан Федор Ильич (1871–1947) – один из лидеров и теоретиков меньшевизма. После Февральской революции 1917 избран членом Исполкома Петроградского совета и Президиума ЦИК 1-го созыва. Входил в Организационный комитет РСДРП. Отстаивал необходимость обороны России и революции.

[536] Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) – политический деятель. Один из лидеров партии эсеров. После Февральской революции 1917 избран членом Петроградского совета, председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов. Занимал пост министра внут-

ренних дел во 2-м коалиционном кабинете Временного правительства (июль-август 1917). Председатель Всероссийского демократического совещания и избранного на нем Временного совета Российской республики (Предпарламента).

[537] После Февральской революции, 7 (20) марта 1917, Временное правительство восстановило действие конституции Финляндии. В дни июльского кризиса финский сейм провозгласил независимость Финляндии от России во внутренних делах и ограничил компетенцию Временного правительства вопросами военной и внешней политики. 12(25) июля сейм потребовал от Временного правительства признать его новый статус. 18(31) июля Временное правительство объявило о роспуске сейма Финляндии.

[538] Новосильцев Леонид Николаевич (1872–1934) – подполковник (1915), присяжный поверенный, общественный и политический деятель. Член кадетской партии (с 1906), председатель Калужского губернского кадетского комитета. Депутат I и IV Государственной думы. В 1-ю мировую войну воевал на Юго-Западном фронте. После Февральской революции 1917 выступал за восстановление порядка в армии. Председатель Главного комитета Союза офицеров армии и флота при Ставке верховного главнокомандующего. Сторонник установления военной диктатуры. Активно участвовал в подготовке корниловского выступления, после его подавления был арестован (29 августа 1917), содержался в тюрьме в Витебске, затем – в Быхове.

[539] Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – один из лидеров эсеровской партии, автор ее аграрной программы. Занимал пост министра земледелия в 1-м коалиционном кабинете Временного правительства. Председатель Учредительного собрания в январе 1918.

[540] Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – юрист, общественный и политический деятель, публицист. Один из основателей и руководителей кадетской партии, бессменный член ее ЦК. Депутат I Государственной думы. Читал лекции в Московском университете (с сентября 1907 до февраля 1911), преподавал в Коммерческом институте и Народном университете им. А. Л. Шанявского, позднее на Высших женских юридических курсах. Постоянный сотрудник газеты «Русские ведомости» (с конца 1907), писал также для целого ряда общественно-политических и юридических изданий. После Февральской революции 1917 возглавил Юридическое совещание (март 1917), председатель Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (май 1917). В докладе по национальному вопросу на VIII съезде кадетской партии (май 1917) высказался за предоставление народностям широкой культурно-национальной автономии при сохранении за центральной властью права контроля вплоть до отмены принятых на местах постановлений. Государственный контролер во 2-м коалиционном кабинете Временного правительства.

[541] В дни Февральской революции 1917 Ф. И. Родичев был назначен комиссаром Временного правительства по делам Финляндии.

[542] Д. И. Шаховской занимал пост министра государственного призрения в 1-м коалиционном кабинете Временного правительства.

[543] Годнев Иван Васильевич (1854–1919) – доктор медицины, общественный и политический деятель. Гласный Казанской городской думы (1891–1895 и 1905–1917). Член «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы. Входил в Прогрессивный блок. После Февральской революции 1917 государственный контролер в 1-м и 2-м кабинетах Временного правительства.

[544] Львов Владимир Николаевич (1872–1934) – общественный и политический деятель. Член «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы. Член Прогрессивного блока. В дни Февральской революции 1917 вошел во Временный комитет Государственной думы. Обер-прокурор Святейшего Синода (с 2 марта по 21 июля 1917). Участвовал в организации выступления генерала Л. Г. Корнилова.

[545] Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – экономист, публицист, общественный и политический деятель. Член редакции журнала «Русское богатство». После Февральской революции 1917 вошел в Исполком Петроградского совета. Сторонник коалиции социалистов с либералами. Министр продовольствия во 1-м и 2-м коалиционных составах Временного правительства. Один из организаторов и лидеров Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), разрабатывал ее теоретические, программные, тактические и организационные принципы. Редактор и издатель ее органа – газеты «Народное слово. В октябре 1917 – товарищ председателя Временного совета Российской республики (Предпарламента).

[546] Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – вице-адмирал (1916), военный и политический деятель, полярный исследователь, ученый-океанограф. Командующий Черноморским флотом (с 28 июня 1916). После Февральской революции 1917 первым на Черноморском флоте присягнул на верность Временному правительству. В июне 1917 сдал дела контр-адмиралу В. К. Лукину. Наравне с генералом Л. Г. Корниловым рассматривался как потенциальный кандидат в военные диктаторы.

[547] Хрущов Александр Григорьевич (1872–1932) – кандидат математических наук, общественный и политический деятель. Депутат I Государственной думы. Член кадетской партии, на VI съезде (февраль 1916) избран в состав ее ЦК. После Февральской революции 1917 товарищ министра финансов во Временном правительстве (с 30 мая 1917).

[548] Виноградов Владимир Александрович (1874 – после 1923) – присяжный поверенный, политический деятель. Член кадетской партии

(с 1905), председатель Астраханского губернского комитета. На VI съезде кадетской партии (февраль 1916) избран в состав ее ЦК. Депутат III и IV Государственной думы. После Февральской революции 1917 товарищ министра путей сообщения Временного правительства (с 6 марта 1917). На IX съезде кадетской партии (июль 1917) выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания.

549 Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950) – князь; земский статистик, общественный и политический деятель. Член кадетской партии (1905), член ее ЦК (с 1916). Депутат I Государственной думы. С 1910 служил в Министерстве путей сообщения. В 1-ю мировую войну председатель Петроградского комитета Всероссийского Союза городов. Гласный Петроградской городской думы. Редактор газеты «Свободный народ». На IX съезде кадетской партии (июль 1917) выдвинут кандидатом в депутаты Учредительного собрания. Участник Государственного совещания в Москве (август 1917). Член Предпарламента (октябрь 1917).

550 Ледницкий Александр Робертович (1866–1934) – присяжный поверенный, общественный и политический деятель, публицист. Сторонник сближения польского и русского народов. Сотрудник газет «Русские ведомости», «Русское слово», «Речь», «Эхо польске» (Москва), «Нова газета» (Варшава), журнала «Русская мысль» и др. Член кадетской партии (с октября 1905), на ее III съезде (апрель 1906) избран в состав ЦК. Депутат I Государственной думы. В годы 1-й мировой войны председатель съезда представителей польских организаций в России (1915). Из-за разногласий по вопросу о статусе Польши вышел из кадетской партии. После Февральской революции 1917 назначен руководителем Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского (март 1917). Один из авторов обращения Временного правительства (30 марта 1917), провозглашавшего независимость Польши.

551 Возможно, Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927) – юрист, деятель польского и русского революционного движения. Член РСДРП с 1900. После Февральской революции 1917 член Исполкома Петроградского совета, ВЦИК 1-го созыва, председатель Выборгской районной думы. С апреля 1917 – член Петербургского комитета РСДРП(б). В июле 1917 был арестован.

552 Приморская дача в Стрельне балерины Матильды Феликсовны Кшесинской (1872–1971) была подарена ей на день рождения в 1894 вел. кн. Сергеем Михайловичем. Она находилась рядом с Большим Стрельнинским дворцом, недалеко от родового имения «Михайловское». Согласно воспоминаниям Кшесинской, при последнем ее посещении дачи, в начале июля 1917 (13 июля она вместе с сыном выехала в Кисловодск к вел. кн. Андрею Владимировичу), дача была под охраной военных.

[553] Волков Николай Константинович (1875–1950) – агроном, общественный и политический деятель. Член ЦК кадетской партии. Депутат III и IV Государственной думы. После Февральской революции 1917 занял пост товарища министра земледелия (при министре А. И. Шингареве) во Временном правительстве (с 3 марта 1917). Призывал к коалиции с умеренными социалистами. Противник военной диктатуры генерала Л. Г. Корнилова. Член Предпарламента. Кандидат в депутаты Учредительного собрания.

[554] Ганецкий Якуб (наст. имя Фюрстенберг Яков Станиславович) (1879–1937) – деятель социал-демократического движения. После Февральской революции 1917 участвовал в организации и финансировании переезда Ленина из Швейцарии в Россию (апрель 1917).

[555] Лебедев Владимир Иванович (1883–1956) – политический деятель, эсер. В годы 1-й мировой войны, находясь в эмиграции, вступил добровольцем во французскую армию, воевал на Салоникском фронте. После Февральской революции 1917 вернулся в Россию. Помощник военного и морского министра А. Ф. Керенского (с мая 1917). Управляющий Морским министерством (июль-август 1917).

[556] Вихляев Пантелеймон Алексеевич (1869–1928) – статистик, агроном, участник земского движения. Заведовал статистическим отделом в Московской губернской земской управе (1907–1917). Эсер. После Февральской революции 1917 – товарищ министра земледелия, управляющий Министерством земледелия, член президиума Главного земельного комитета. Член Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов.

[557] Харламов Василий Акимович (1875–1957) – преподаватель гимназии, общественный и политический деятель. Член кадетской партии (с 1906); член ЦК (с мая 1917). Депутат I–IV Государственной думы от Области войска Донского. После Февральской революции 1917 Временное правительство назначило его председателем Особого Закавказского комитета. Председатель объединенного правительства Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (с октября 1917). Член Предпарламента, делегат Учредительного собрания.

[558] Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1947) – военачальник, контр-адмирал (1916). После Февральской революции 1917 был назначен начальником штаба Балтийского флота (апрель 1917), затем (с 1 июня 1917) командующим Балтийским флотом. 4 июля отказался выполнить приказ о направлении в Петроград 4 эсминцев для поддержки Временного правительства и сообщил об этом членам Центробалта. Огласил секретную телеграмму помощника морского министра Б. П. Дударова с распоряжением применять подводные лодки против кораблей, собиравшихся самовольно отправиться в Петроград

для поддержки большевиков. На следующий день был отстранен от командования флотом, арестован и отдан под суд. Освобожден во время выступления генерала Л. Г. Корнилова. 30 августа 1917 назначен морским министром.

559 Видимо, Авинов Николай Николаевич (1881–1937) – экономист-статистик, земский деятель. Член кадетской партии. После Февральской революции 1917 председатель Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, товарищ министра внутренних дел Временного правительства.

560 Видимо, Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) – политический деятель, литератор, публицист. Участник социал-демократического движения. Депутат II Государственной думы. В 1-ю мировую войну – «оборонец». В апреле 1917 приехал в Россию, вступил в группу Г. В. Плеханова «Единство», член ее Временного комитета, сотрудник газеты «Единство». 4 июля 1917 опубликовал вместе с эсером В. С. Панкратовым заявление о получении Лениным денег от германского Генерального штаба. Поддерживал выступление генерала Л. Г. Корнилова. В 1918 арестовывался большевиками, был выпущен на поруки. Эмигрировал.

561 Скарятин Г. Д. (1863–?) – чиновник судебного ведомства, в 1907 вышел в отставку по предложению министра юстиции из-за вступления в кадетскую партию. Присяжный поверенный окружной Московской судебной палаты в г. Кашине. После Февральской революции 1917 – товарищ министра юстиции Временного правительства, председатель Совещания товарищей министров Временного правительства.

562 Речь идет о торжественных похоронах 15(28) июля 1917 в Александро-Невской лавре казаков-донцов, защищавших порядок на улицах Петрограда 3–5 июля 1917. Восьмерых казаков 1-го Донского казачьего полка поместили в Исаакиевском соборе. На отпевании присутствовали представители высшего духовенства, члены Синода. Площадь перед собором была заполнена войсками Петроградского гарнизона. Керенский произнес речь. По ходу следования траурного кортежа, вдоль всего Невского проспекта до самой Лавры, стояли горожане. На ленте венка от партии кадетов значилось: «Верным сынам свободной России, павшим в бою с предателями своей страны».

563 Циммервальдская конференция – международная конференция левых социалистов, состоялась 5–8 сентября 1915 в швейцарской деревне Циммервальд. На конференции присутствовали 38 делегатов из 11 стран. В российскую делегацию входили представители от большевиков (В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев), меньшевиков-интернационалистов (Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод), от нефракционных социал-демократов (Л. Д. Троцкий). В. М. Чернов вместе с М. А. Натансоном представляли эсеров-интернационалистов. Чернов воздержался от го-

лосования основного документа конференции – манифеста, признавшего войну империалистической со стороны всех воюющих стран, осудившего социалистов, голосовавших за военные бюджеты и вошедших в правительства, и призвавшего к борьбе за мир без аннексий и контрибуций – поскольку внесенные им поправки были отвергнуты, но призвал своих сторонников поддержать созданное на конференции Циммервальдское объединение.

564 Натансон Марк Андреевич (1850–1919) – участник народнического движения, один из лидеров Партии социалистов-революционеров. С начала 1-й мировой войны стоял на пораженческой позиции. Участник Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) международных социалистических конференций. После Февральской революции 1917 вернулся в Россию (в мае), возглавил левое крыло партии, резко критиковал ЦК эсеров за «оборончество». Поддерживал большевиков.

565 Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1834) – участница революционного движения, одна из создателей и лидеров Партии социалистов-революционеров и ее Боевой организации. Участвовала в революции 1905–1907. В 1907 выдана охранке Е. Азефом, была приговорена к ссылке, которую отбывала до Февральской революции 1917. Поддерживала политику А. Ф. Керенского.

566 Савинков Борис Викторович (1879–1925) – политический деятель, писатель. Один из лидеров Партии социалистов-революционеров, входил в руководство ее Боевой организации. После Февральской революции 1917 вернулся из эмиграции в Россию (9 апреля), был назначен комиссаром Временного правительства 8-й армии, затем комиссаром Юго-Западного фронта. Выступал за продолжение войны до победного конца. Управляющий Военного министерства и товарищ военного министра (при министре – А. Ф. Керенском; июль 1917).

567 В 1915 Алексинский вместе с Г. В. Плехановым и А. А. Аргуновым начал издание в Париже журнала «Призыв» – объединенного органа социал-демократов и эсеров-оборонцев; секретарь редакции. Однако сотрудничество Алексинского в газете «Русская воля», издававшейся в 1916 октябристом А. Д. Протопоповым, привело к его исключению из «Призыва». Кроме того, Алексинский, увлекшись поисками германских агентов, демонстрировал такую неразборчивость в средствах (допуская клевету и ложные доносы), что навлек на себя осуждение всего журналистского сообщества во Франции.

568 Государственное совещание в Москве, проходившее с 12 (25) по 15 (28) августа 1917, было созвано Временным правительством для поиска путей консолидации общества и выхода из кризиса. Представляло попытку создания некоего представительного органа, позволяющего укрепить позиции власти в обществе и одновременно улавливать реакцию различных социальных сил на ее действия. В совещании при-

няли участие ок. 2500 чел., в том числе: депутаты Государственной думы всех четырех созывов, гласные городских дум, земств, представители Советов рабочих и солдатских депутатов и Советов крестьянских депутатов, деятели кооперативов, профсоюзов, торгово-промышленных кругов и банков, а также представители армии и флота, интеллигенции, духовенства, национальных организаций и т. д. Председательствовал А. Ф. Керенский. 14 августа на Совещании выступил Л. Г. Корнилов, он говорил о критическом положении в армии и требовал восстановить дисциплину, поднять авторитет офицерства, ограничить компетенцию армейских комитетов. Совещание в целом не оправдало возлагавшихся на него надежд.

569 «Инструкция земельным комитетам» министра земледелия В. М. Чернова от 16 июля 1917 предоставляла земельным комитетам право устанавливать охрану лесов, брать на учет и передавать излишний рабочий скот и владельческий инвентарь «напрокат тем, кто имеет в них нужду», регулировать арендные отношения, следить за сохранностью культурных имений – см.: Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис: Документы и материалы. М., 1959. С. 305–309, 564. (Этот комментарий был любезно предоставлен петербургским исследователем А. Б. Николаевым.)

570 Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – военачальник, генерал от инфантерии (1917). Герой русско-японской и 1-й мировой войн. Верховный главнокомандующий русской армии (июль-август 1917). связи с угрозой большевистского переворота в Петрограде, направил 25 августа к столице (по согласованию с премьер-министром А. Ф. Керенским) 3-й конный корпус под командованием генерал-лейтенанта А. М. Крымова и другие войска для подавления революционных выступлений и наведения порядка. Однако Керенский, очевидно, опасаясь за свою власть, отказался от первоначальных намерений, объявил Корнилова «мятежником» и отдал приказ о его смещении с поста главковерха. Войска были остановлены, Корнилов арестован и некоторое время находился в тюрьме г. Быхова, откуда бежал на Дон. Один из организаторов и главнокомандующий Добровольческой армии.

571 Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – экономист, общественный и политический деятель. После кратковременного сближения с кадетской партией остался на позиции внефракционного социалиста. Участвовал в издании журнала «Без заглавия» (1906), входил в состав редколлегий газет «Товарищ» и «Новая жизнь» (1907). После Февральской революции 1917 – председатель Главного экономического комитета, зам. председателя Экономического совета при Временном правительстве, министр торговли и промышленности в его 3-м составе, министр продовольствия – в 4-м. Не принял Октябрьскую революцию. Член Комитета спасения Родины и революции, председатель подпольного Временного правительства. Был арестован, но

вскоре освобожден. В 1918 занимался педагогической деятельностью: декан юридического факультета 1-го МГУ, руководил работой Кооперативного института. В 1921 один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья. Обвинен в шпионаже и в 1922 выслан вместе с женой – Е. Д. Кусковой – за границу.

572 Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934) – присяжный поверенный, выступал с защитой обвиняемых по таким крупным политическим процессам, как дело Боевой организации эсеров (1905), лейтенанта П. П. Шмидта и других участников восстания на Черноморском флоте (1906), Петербургского совета рабочих депутатов (1906), о подготовке покушения на Николая II (1907) и др. Поддерживал отношения с радикальными партиями. Член Партии народных социалистов (1917). После Февральской революции 1917 – товарищ министра юстиции (до мая); министр юстиции во 2-м коалиционном правительстве. После корниловского выступления подал в отставку. Участник Всероссийского демократического совещания (14–22 сентября 1917), отстаивал коалицию с кадетами.

573 Никитин Алексей Максимович (1976–1939) – адвокат, политический деятель. Член РСДРП, меньшевик. В дни Февральской революции 1917 возглавил Военно-революционный комитет Москвы, затем председатель Московского совета рабочих депутатов (с 1 марта), начальник милиции Москвы (с 5 марта), заместитель председателя Московской городской управы (с 25 июня). Министр почт и телеграфов во 2-м коалиционном правительстве (с июля 1917). В 3-м коалиционном кабинете (сентябрь – октябрь 1917) наряду с прежним постом одновременно был и министром внутренних дел. Сторонник жестких мер по наведению порядка в стране.

574 Руднев Вадим Викторович (1884–1940) – политический деятель; член Партии социалистов-революционеров. После Февральской революции 1917 – городской голова Москвы (с 11 июля 1917).

575 Головин Федор Александрович (1867–1937) – общественный и партийный деятель. Член Московской губернской земской управы (1898–1907), председатель управы (с 1904). Член кадетской партии, входил в состав ее ЦК (с 1906), возглавлял Московский губернский комитет кадетов. Депутат II–III Государственной думы; председатель II Думы. В 1910 получил железнодорожные концессии. Один из учредителей и член исполнительного бюро общества «Кооперация», член Совета общества (с января 1916).

576 Ф. А. Головин в своем выступлении, по сути, сравнивал А. Ф. Керенского со П. А. Столыпиным в вопросе выстраивания отношений с левыми. Речь Керенского на Совещании дала ему основания высказать сомнения – «насколько эта власть правительственная обладает всею полнотой». По контрасту он напомнил знаменитую речь Столы-

пина 8 марта 1907, когда тот, пресекая попытки левых диктовать свою волю правительству, в полном сознании своей силы («потому что тогда Столыпин был действительно сила физическая») произнес свое знаменитое «Не запугаете!» (Государственное совещание. М., 1930. С. 54).

[577] Г. А. Алексинский в качестве одного из аргументов в пользу продолжения войны ссылался на то, что победа четырех монархов означала бы поражение демократического принципа государственного устройства. Поэтому он заявил: «Во имя защиты республиканских и демократических идеалов мы не можем допустить победы четырех хищных монархий над семью передовыми демократиями мира» (Там же. С. 56).

[578] Первопричиной «трагического хаоса русской жизни» А. И. Гучков считал ущербность государственной власти. Эта власть, по его словам, «больна тем, что ее нет. Эта власть – тень власти» (Там же. С. 101).

[579] А. И. Гучков укоряет «руководящие круги русского общества» в том, что они в ситуации, когда стала очевидной невозможность сотрудничества с прежней властью, когда свержение этой власти стало насущной необходимостью, не отважились встать во главе движения (Там же).

[580] В. В. Шульгин делает экскурс в историю отношений России и Украины и упоминает Василия Васильевича Бутурлина (?–1656), военачальника, дипломата. В январе 1654 он возглавил российское посольство на Украину и заключил с украинским казачеством соглашение; настоял на принятии казаками церковной присяги на верность. В 1655 возглавил российские войска, высланные на помощь Богдану Хмельницкому для борьбы против польских войск, одержал победу у Слонигродки над гетманом Потоцким. Шульгин приводит В. В. Бутурлина в качестве примера для министров Временного правительства, которые в ходе проведенных в Киеве переговоров о статусе Украины пошли на чрезмерные уступки.

[581] Запись Тырковой касается следующих слов Шульгина: «А ведь тут хотели быть не только неограниченными, хотели быть почти равноапостольными, хотели, как когда-то Владимир Святой крестил Русь в христианство, так крестить Русь в украинство» (Там же. С. 110).

[582] Маклаков поставил под сомнение веру в правительство, поскольку в его состав приглашены «вчерашние пораженцы» (Там же. С. 113).

[583] Гримм (Grimm) Роберт (1881–1956) – швейцарский социал-демократ, политик и публицист, один из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии (секретарь партии в 1909–1918); главный редактор газеты «Berner Tagwacht» (1909–1918; 1928–1932), органа швейцарских социал-демократов. Председатель Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференций, руководил Циммервальдским объединением. Один из основателей Венского Интернационала. Депутат

швейцарского парламента (с 1911). Весной 1917 во время пребывания в Петрограде выяснял, по просьбе швейцарского министра А. Гофмана, перспективы заключения Россией сепаратного мира с Германией. Был выслан Временным правительством из России.

[584] Церетели рассматривает проблему «порядок–демократия». С его точки зрения, нельзя покупать порядок в стране ценой утраты веры народа в демократию. «Если бы вы создали такой порядок в стране, – подчеркнул он, – это был бы порядок не живого борющегося государства, а это был бы порядок кладбища, похороны судеб России» (Там же. С. 121).

[585] Орехов М. Д. – эсер, первый председатель Всероссийского исполнительного комитета железнодорожных рабочих и служащих (Викжель). В конце 1917 вышел из состава Викжеля.

[586] Фролов Александр Николаевич (1863–1939) – инженер путей сообщения, ученый в области устройства и эксплуатации железных дорог, основоположник теории маневровой работы. Работал в службах пути и движения Рязано-Уральской, Харьковско-Николаевской, Московско-Рыбинской, Мурманской железных дорог. Читал курс лекций в петербургском Институте инженеров путей сообщения. Автор ряда фундаментальных трудов по эксплуатации железных дорог и развитию станций и узлов.

[587] Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – военачальник, генерал от инфантерии (1914). Начальник штаба верховного главнокомандующего (с августа 1915). После Февральской революции 1917 – верховный главнокомандующий (11 марта – 22 мая), отрицательно относился к участию армии в политической жизни. Один из инициаторов создания «Союза офицеров армии и флота», сыгравшего важную роль в подготовке корниловского выступления. Выступая 15 августа на заседании Государственного совещания в Москве, говорил: «Армия полностью прикоснулась к политике. Она увлеклась митингами, она прикоснулась к желанию мира и к сохранению своей драгоценной жизни. Можно сказать, что с этого времени армия превратилась во всероссийский военный митинг с участием немецких представителей. И в этих митингах умерла или заснула здоровая большая душа русского солдата» (Государственное совещание. М., 1930. С. 203). Поддержал программу «оздоровления армии», с которой выступил на Государственном совещании генерал Л. Г. Корнилов.

[588] В речи Алексеева говорится о разложении армии, об утрате доверия к офицерству: «Офицер <...>, живущий одной жизнью, питающийся одной и той же пищей, шедший впереди в боях – он оказался врагом солдата» (Там же. С. 202).

[589] Алексеев говорил о той пагубной роли, которую сыграла для армии принятая 11 мая 1917 Декларация прав гражданина: армия увлеклась

митингами, в сознании солдат стало превалировать «желание мира», стремление к «сохранению своей драгоценной жизни». С этого времени, как отмечал Алексеев, «армия обратилась во всероссийский военный митинг, с участием немецких представителей» (Там же. С. 203).

590 Кучин Георгий Дмитриевич (1887–1937) – социал-демократ, меньшевик (с 1907). Во время 1-й мировой войны – артиллерийский офицер (капитан), оборонец. В 1917 – председатель армейского комитета 12-й армии, член ОК РСДРП (с совещательным голосом). Делегат I и II Всероссийского съездов Советов, член ВЦИК 1-го созыва, кандидат в члены Учредительного собрания.

591 Бубликов Александр Александрович (1875–1941) – инженер путей сообщения, политический деятель. Делегат IV Государственной думы, прогрессист. Член исполкома Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли, товарищ председателя комиссии по железнодорожным вопросам при Совете съезда. Во время 1-й мировой войны вице-председатель Центрального военно-промышленного комитета. В дни Февральской революции 1917 назначен комиссаром Министерства путей сообщения. В своей эмоциональной речи на Государственном совещании, отвергая обвинения предпринимателей в дезертирстве, прозвучавшие в выступлении И. Г. Церетели, заявил о готовности торгово-промышленного класса встать в общий ряд борцов за новую Россию. Рукопожатие Бубликова и Церетели стало знаковым событием и кульминацией совещания.

592 Беркенгейм Александр Моисеевич (1880–?) – кооператор, политический деятель. Член Партии социалистов-революционеров, неоднократно арестовывался и высылался. Член правления Московского союза потребительских обществ (Центросоюза). После Февральской революции 1917 – председатель Московского продовольственного комитета. Участник Государственного совещания в Москве (август 1917), член Предпарламента. Вышел из эсеровской партии, баллотировался в Учредительное собрание как представитель кооперативного блока.

593 Видимо, Рунов Т. А. (1886–1941) – агроном, селекционер. С 1913 служил в Московском губернском земстве, затем был председателем Московского областного продовольственного комитета. После Октябрьской революции 1917 – председатель Главного управления земледельческих хозяйств промышленных предприятий (Главземхоза).

594 Юренев Петр Петрович (1874–1943) – инженер; общественный и политический деятель. Член кадетской партии, входил в ее ЦК (с 1908). Депутат II Государственной думы. Товарищ городского головы Москвы (с 1917). После Февральской революции 1917 министр путей сообщения (с 24 июля по 31 августа 1917). Не принял Октябрьскую революцию. В октябре 1918 уехал в Харьков, затем в Одессу, где возглавил

местное отделение Национального центра. Затем перебрался в Екатеринодар, позднее в Ростов-на-Дону, где возглавил Союз городов при Добровольческой армии (1919). Его кандидатура была предложена на пост начальника управления путей сообщения в Особом совещании при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России ген. А. И. Деникине, однако была отклонена как слишком левая.

595 Филипповский Василий Николаевич (1882–1940) – лейтенант флота, инженер, политический деятель. Член Партии социалистов-революционеров (с 1903). В Февральскую революцию 1917 – комендант Таврического дворца. Член Исполкома Петроградского совета, один из авторов его Приказа № 1. Возглавлял образованный решением ВЦИК ВРК для борьбы с выступлением генерала Л. Г. Корнилова (август 1917). Участник Демократического совещания, член Предпарламента. Избран в Учредительное собрание, возглавил Комитет его защиты. Участник заседания 5 января.

596 Видимо, Муравьев Николай Константинович (1870–1936) – адвокат, присяжный поверенный. Был близок социал-демократическому движению. Выступал защитником на многих политических процессах: об антиправительственных демонстрациях в Сормово и Нижнем Новгороде (1902), о восстании моряков в Севастополе (1906), о Петербургском совете рабочих депутатов (1906), о вооруженном восстании в Москве на Красной Пресне (1906), о Выборгском воззвании депутатов I Государственной думы (1907), о Московской организации РСДРП (Н. И. Бухарин, А И. Рыков, М. П. Томский и др.; 1911), о социал-демократической фракции IV Государственной думы (1914) и др. По просьбе Л. Н. Толстого, с которым поддерживал дружеские контакты, защищал «толстовцев» Н. Д. Родионова (1905) и В. А. Молочникова (1908). Составил завещание Толстого. После Февральской революции 1917 возглавил Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию действий бывших министров и прочих должностных лиц (с 9 марта 1917). В советское время служил юрисконсультом различных учреждений, вместе с В. Н. Фигнер и Е. П. Пешковой возглавлял Политический Красный Крест (с января 1918). Жил в Москве на Пречистенке.

597 Кускова (урожд. Есипова) Екатерина Дмитриевна (1869–1958) – общественный и политический деятель, публицист, издатель. Жена С. Н. Прокоповича. После Февральской революции 1917 всецело поддержала Временное правительство. Издавала газету «Власть народа» (с апреля 1917), вела в газете обзор внутренней жизни. Активно участвовала в кооперативном движении, видела в кооперации путь к построению социалистического общества. Выступала за коалицию кадетов и социалистов. Резко критиковала большевиков и В. И. Ленина. Стояла на оборонческих позициях, призывала к войне до победного конца. Противница «корниловщины». Член Предпарламента (делегат

от кооператоров). В советское время одна из организаторов и руководительниц Всероссийского комитета помощи голодающим (1921). После его разгона была отправлена в ссылку на Север, но в 1922 выслана за границу.

598 Малянтович Павел Николаевич (1869–1940) – адвокат, политический деятель. Участвовал во многих политических процессах (более 100), был защитником рабочих Морозовской фабрики (1899), участников демонстраций в Сормово и Нижнем Новгороде (1902), а также был адвокатом Н. Э. Баумана, Е. Д. Стасовой, членов Петербургского совета рабочих депутатов (1906), участников восстания на крейсере «Память Азова» (1906) и др. Участник социал-демократического движения, вступил в РСДРП (меньшевиков) после Февральской революции 1917. В сентябре занял пост министра юстиции в 4-м составе Временного правительства. В день октябрьского переворота – 25 октября (7 ноября) 1917 – был арестован вместе с другими членами правительства, через день освобожден, как и другие министры-социалисты.

599 Жена П. Н. Малянтовича – Анжелина Павловна, урожденная Дара, гречанка, в первом браке была замужем за публицистом, либеральным народником и легальным марксистом В. П. Кранихфельдом.

600 Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) – историк литературы, исследователь течений общественной мысли. Автор трудов о П. Я. Чаадаеве (1908), о западниках и славянофилах (1908–1912) и др. В 1914 порвал с веховством, после октября 1917 сотрудничал с советской властью, однако сохранил свои религиозно-философские взгляды.

601 Шестов (наст. фам. Шварцман) Лев Исаакович (1866–1938) – философ-экзистенциалист. Главный труд, вызвавший острую полемику, «Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления)» (1905). Сдержанно отнесся к Февральской революции 1917. В 1920 эмигрировал.

602 А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин 28 ноября 1917 были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость, 6 января 1918, в связи с резким ухудшением их здоровья переведены в Мариинскую тюремную больницу, где в ночь на 7 января убиты ворвавшимися в палату красногвардейцами.

603 Ганфман Максим Ипполитович (1873–?) – журналист, общественный деятель. С 1899 сотрудничал в «Праве», «Вестнике права», «Вестнике Европы». В 1904 вошел в состав редакции «Сына Отечества» (помощник редактора, руководитель политического отдела, автор ряда передовых). Один из основателей газеты «Речь», член редакции. Редактировал также выходившую при «Речи» газету «Современное слово». 1 декабря 1918 покинул Петроград, выехал в Киев. В декабре 1921 эмигрировал.

604 Нуланс (Noulens) Жозеф (1864–1939) – французский политический деятель и дипломат, сенатор (1920). В 1902–1919 член палаты депутатов. Входил в правительство: в 1913–1914 военный министр, в 1914–1915 министр финансов. С июня 1917 посол в России. После Октябрьской революции поддерживал связи с антибольшевистскими силами, участвовал в организации заговоров и восстаний против советской власти. Издал книгу «Моя миссия в России» (1933).

605 Патуйе (Patouillet) Жюй [Жозеф] (1862–1942) – французский литературовед-славист, доктор филологии, исследователь творчества А. Н. Островского, преподаватель русского языка в Сорбонне. Директор Французского института в Петербурге/Петрограде (с осени 1912 до 1919). Входил в Комитет «Франция–Россия», созданный в 1916 усилиями сенатора Эрио; отвечал за развитие научных связей с Россией. Содействовал сближению научной общественности двух стран, играл роль связующего звена между французскими и русскими учеными. Поддерживал идею создания Русского института в Париже. Разрабатывал планы подготовки документальной публикации «Официальные акты Русской революции» (на франц. яз.). В начале 1918, по распоряжению Ж. Нуланса, перебрался в Москву. В 1919 покинул Россию. Автор трудов: «Ostrovski et son théatre de moeurs Russes» (1912); «Le théâtre des moeurs russes des origines à Ostrovski (1672–1750)» (1912).

606 Имеется в виду Парижская конференция союзных держав по экономическим вопросам (1916). На конференции было принято решение об обязательстве союзных правительств снабдить Россию и Румынию всем необходимым военным снаряжением, объем которого предполагалось определить на конференции, планировавшейся в России. Решения конференции в Париже расценивались как попытка союзников реализовать принцип общности военных интересов и совместного использования материальных средств.

607 Коновалов Александр Иванович (1875–1949) – предприниматель, общественный и политический деятель. Депутат IV Государственной думы, с октября 1913 по май 1914 товарищ председателя Думы. Один из лидеров Партии прогрессистов, член ее ЦК (с ноября 1912). Один из организаторов Прогрессивного блока. Министр торговли и промышленности в 1-м и 3-м кабинетах Временного правительства. Летом 1917 вступил в кадетскую партию, на ее IX съезде (июль 1917) избран в состав ЦК. Депутат Учредительного собрания. В начале 1918 эмигрировал во Францию.

608 Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) – экономист, специалист по денежному обращению, политический деятель. После Февральской революции 1917 – управляющий отделом труда Министерства торговли и промышленности Временного правительства, с июля 1917 – товарищ министра. Председатель Совещания по обсуждению проекта закона о свободе стачек и забастовок (с 26 апреля 1917). Ми-

нистр финансов Временного правительства (с 25 сентября 1917). Один из создателей Радикально-демократической партии (июнь 1917). 25 октября (7 ноября 1917) был арестован вместе с другими министрами, но вскоре освобожден.

[609] Диаманди Константин – румынский посланник в России (1913–1918). В обстановке острого конфликта между Советской Россией и Румынским королевством 1(14) января 1918 был взят под стражу и заключен в Петропавловскую крепость. Однако вследствие протеста дипломатического корпуса освобожден. 13(26) января дипломатические отношения между двумя странами были прерваны, а Диаманди – выслан из России.

[610] Имеется в виду Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 2 февраля 1918. Церковь была лишена прав юридического лица и всего имущества.

[611] «Власть народа» – оппозиционная общественно-политическая газета. Издавалась в Петрограде в 1917–1918. Редактор Е. Д. Кускова. Закрыта в марте-апреле 1918.

[612] Екатерина II (Екатерина Алексеевна, урожд. София Фредерика Августа Ангальт-Цербская) (1729–1796) – императрица всероссийская (1762–1796).
Александр I Павлович (1777–1825) – император всероссийский (с 11 марта 1801), старший сын императора Павла I.

[613] Кроль Лев Афанасьевич (1871–1931) – инженер-механик, электрик, политический деятель. Директор центральной электростанции Екатеринбурга. Член кадетской партии (с 1905), в 1-ю мировую войну вошел в состав ЦК кадетов. После Февральской революции 1917 был избран председателем Комитета общественной безопасности Екатеринбурга (март 1917), гласным городской думы (июль 1917). Член Учредительного собрания, после его разгона жил на нелегальном положении, вошел в антибольшевистский Союз возрождения России. Один из создателей Временного областного правительства Урала (август 1918), товарищ председателя Совета правительства и министр финансов. Участник Уфимского государственного совещания. В 1922 эмигрировал, издал книгу воспоминаний.

[614] Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, публицист, политический деятель. Профессор Московского университета (до 1911), читал лекции в Народном университете им. А. Л. Шанявского и на московских Высших женских курсах, в Коммерческом институте (с 1911). Публиковал статьи о русской истории в журналах: «Русская мысль» (с 1904 член редакции), «Русское богатство», «Образование», «Журнал для всех»; сотрудничал в газете «Русские ведомости» (с 1905; член Товарищества по изданию газеты – с 1912). Член кадетской партии (с октября 1905), один из руководителей ее Московского

губернского и городского комитетов. Член ЦК партии (с января 1906). Депутат II Государственной думы. Сочувственно воспринял Февральскую революцию 1917. Осуждал большевизм, выступал за ведение войны до победного конца. Октябрьский переворот 1917 расценивал как заговор меньшинства. Трижды арестовывался. По решению ГПУ выслан из Советской России (сентябрь 1922).

615 Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940) – деятель международного коммунистического движения, теоретик марксизма, идеолог одного из его течений – троцкизма; советский государственный и партийный деятель. Один из организаторов Октябрьской революции 1917, один из основателей и идеологов Коминтерна, член его Исполкома. В первом советском правительстве – нарком по иностранным делам (до 22 февраля 1918), затем нарком по военным и морским делам (с 13 марта 1918), председатель Реввоенсовета РСФСР (с 2 сентября 1918), затем – СССР (1918–1925). Член Политбюро ВКП(б) (1919–1926). Автор работ по истории революционного движения в России, воспоминаний «Моя жизнь» (Берлин, 1930).

616 Возможно, речь идет о брате Тырковой – Владимире Владимировиче Тыркове (1891–1915).

617 Looe – небольшой прибрежный город, рыболовецкий порт на юго-востоке Корнуолла, Англия.
Корнуолл (Корнуэлл) (Cornwall) – полуостров на юго-западе Британии, где находится регион с особой исторической судьбой. Коренные жители происходят от кельтов. Центр Корнуолла – порт Плимут.

618 Дональд (Donald) Роберт, сэр (1860–1933) – газетный репортер, редактор, издатель «The Daily Chronicle» (до 5 октября 1918), литератор. Управляющий директор «United Newspapers Limited» (с 1914), выпускавшей помимо «The Daily Chronicle» «The Lloyd's Weekly News». По предложению Ллойд Джорджа, занявшего в декабре 1916 пост премьер-министра, вошел в состав Военного бюро пропаганды. В 1917 включен в состав Министерства информации, занимал пост директора пропаганды в нейтральных странах, однако спустя 2 мес. вышел в отставку. Автор книг: «A danger spot in Europe» (1925), «The Polish Cirridor and its Consequences» (1929).

619 Ллойд Джордж (Lloyd George) Дэвид (1863–1945) – премьер-министр Великобритании в 1916–1922; один из лидеров Либеральной партии.

620 Милюкова Наталья Павловна (1898–1921) – дочь П. Н. Милюкова.

621 Набоков Константин Дмитриевич (1872–1927) – дипломат. Советник российского посольства в Лондоне (с 1915). После того как в 1920 он был освобожден от обязанностей, переехал в Норвегию. Брат В. Д. Набокова.

622 Ону Александр Михайлович (1865–1935) – историк, дипломат, общественный деятель. Приват-доцент Петербургского университета

(с 1916). После Февральской революции 1917 назначен помощником управляющего делами Временного правительства (В. Д. Набокова). Вскоре направлен российским генеральным консулом в Великобританию. После Октябрьской революции 1917 остался в Лондоне. Читал лекции по русской истории, по истории революционного движения в Кембридже, Сорбонне и др. Выполнял обязанности управляющего делами беженцев в Лондоне.

623 Поляков-Литовцев Соломон Львович (1875–1945) – журналист, прозаик, драматург. Думский корреспондент газеты «Речь». Лондонский корреспондент газеты «Русское слово». После 1917 заведовал бюро информации Союза русского народоправства. Член Комитета освобождения России.

624 Нордман Н. Н. – сотрудник русского посольства в Лондоне, позднее – эмигрант. Тесно сотрудничал с Комитетом освобождения России, публиковался в еженедельнике «The New Russia».

625 Липер (Leeper) Реджинальд Вилдиг Аллен, сэр (1888–1968) – британский чиновник, дипломат. В 1917 зачислен в Бюро разведки Департамента информации при Министерстве иностранных дел, недолгое время служил в Департаменте политической разведки. В 1920 поступил на службу в МИД. Основатель Британского совета (1934).

626 Ротштейн Федор Аронович (1871–1953) – деятель левого движения России и Великобритании, дипломат, историк. В 1890 эмигрировал в Великобританию. В 1895–1911 член Социал-демократической Федерации (с 1907 – Социал-демократической партии); входил в ее исполком (1901–1906). Одновременно член РСДРП, поддерживал большевиков. Возглавлял левое крыло Британской социалистической партии, созданной в 1911. В годы 1-й мировой войны работал в британском Военном министерстве и Министерстве иностранных дел. Участвовал в создании Коммунистической партии Великобритании. В 1920 вернулся в Советскую Россию, служил в Наркомате иностранных дел, член Коллегии Наркомата (1923–1930). Автор трудов: «The decline of British industry: its cause and remedy» (L., 1903); «Очерки по истории рабочего движения в Англии» (2 изд., 1925); «From Chartism to Labourism» (1929).

627 «The Morning Post» («Утренняя почта») – английская ежедневная общественно-политическая газета консервативной направленности, издавалась в Лондоне в 1772–1937. Редактор с 1911 – Хауэлл Артур Гвинн (Gwynne). В 1937 слилась с «The Daily Telegraph».

628 «The Daily Chronicle» («Ежедневная хроника») – английская ежедневная общественно-политическая газета, независимый либеральный орган. Выходила в Лондоне в 1855–1930. Осенью 1918 была приобретена Ллойд Джорджем вместе с группой его сторонников-финансистов. В 1927 ее возглавил бывший вице-король Индии лорд Рединг.

Выходила одновременно в Лондоне и Лидсе. В 1930 слилась с «The Daily News».

629 «The Observer» («Наблюдатель») – первая воскресная английская информационная газета. Основана в 1791 в Лондоне, освещала проблемы политики, культуры, образования.

630 «The New Europe» («Новая Европа») – общественно-политический журнал, издавался с 1916 по инициативе и под редакцией Р. У. Ситон-Уотсона и Массарика.

631 War Cabinet (Военный кабинет) – правительство военного времени, как правило, включало в свой состав помимо министров ряд старших офицеров, а также оппозиционных политических деятелей.

632 Имеется в виду Хью Уолпол.

633 Правильное написание фамилии – Hoare Samuel / Хор Сэмюэль Джон, сэр (1880–1959) – английский разведчик, подполковник Генерального штаба, государственный деятель. Член Палаты общин (1910–1944); консерватор. Унаследовал звание баронета (1915). В марте 1916 был направлен в Россию по заданию Директората военной разведки Военного министерства. С июня 1916 возглавлял британскую разведывательную миссию в России. Начиная с 1922 неоднократно входил в правительственные кабинеты, занимая посты министра авиации (октябрь 1922 – январь 1924, ноябрь 1924 – июнь 1929 и апрель-май 1940), министра иностранных дел (1935), министра внутренних дел (1937–1939) и др.

634 Шкловский Исаак Владимирович (лит. псевд. Дионео) (1864–1935) – публицист, критик, прозаик, переводчик. В 1896–1918 лондонский корреспондент газеты «Русские ведомости» и еженедельника «Русское богатство». После октябрьского переворота 1917 сотрудничал в русских эмигрантских газетах «Последние новости», «Утро», «Сегодня». Входил в состав многих эмигрантских организаций, действовавших в Англии: Союза русского народоправства (тов. председателя), Комитета освобождения России (Комитет издал в Лондоне в 1919 его книгу «Russia under the Bolsheviks» / «Россия под властью большевиков»), Русско-Британского Братства, Русской академической группы. В 1926 избран почетным членом Англо-Русского литературного общества.

635 Трофимов М. В. – русский эмигрант, преподаватель русского языка и литературы в университете Манчестера, входил в Русскую Академическую группу в Великобритании.

636 Кадомцев Борис Петрович (?–1969) – дипломат, публицист, общественный деятель. С 1913 – вице-консул на Цейлоне. После Октябрьской революции 1917 – эмигрант в Великобритании.

637 Гавронский Яков Осипович (1878–1948) – доктор, общественный деятель, правый эсер; политэмигрант в Лондоне. Секретарь Российской

делегатской комиссии в Лондоне, образованной 23 марта 1917 на учредительном собрании представителей российских эмигрантских политических организаций с целью организации помощи эмигрантам и их семьям и отправки их в Россию, позднее вышел из состава Комиссии. Политический представитель Временного правительства в Лондоне

[638] Возможно, Павловский Ю. А. – экономист, секретарь созданной в ноябре 1920 Русской академической группы в Великобритании.

[639] Абаза Александр Алексеевич (1887–1943) – лейтенант Гвардейского экипажа. С 1916 помощник российского морского агента в Великобритании контр-адмирала Н. А. Волкова. Старший лейтенант (1915). По приказу адмирала А. В. Колчака создал и руководил военно-морской разведкой «ОК» в Лондоне, работавшей совместно с английской разведкой (май 1919 – начало 1922), позднее – в эмиграции во Франции.

[640] Бланк Рувим Маркович (Мордкович) (1866–1954) – химик, публицист и редактор, общественный деятель; доктор естественных наук. Публиковал статьи в журнале «Освобождение», газете «Наша жизнь» (с 1905; редактор – с 1906). Вместе с М. М. Ковалевским основал еженедельник «Запросы жизни» (1909; редактор – 1909–1912). В годы 1-й мировой войны был представителем Объединенного комитета еврейских политических организаций в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. После Февральской революции, в мае 1917, вернулся в Россию, но в марте 1918 вновь выехал в Лондон, затем жил во Франции и Германии. Член Заграничного комитета Трудовой народно-социалистической партии. Автор ряда книг на русском, французском и немецком языках, в частности «Роль еврейского населения в экономической жизни России» (СПб., 1908).

[641] Ла Шенэ (La Chesnais) Пьер Жорж (1865–1948) – французский критик, литературовед, переводчик и исследователь творчества Г. Ибсена. В период с 1914 по 1945 опубликовал собрание сочинений Ибсена в 16 томах, снабдив их пространными комментариями. Автор книги «L'Ukraine et l'unité de l'État Russe» (Paris, 1919).

[642] Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – общественный и политический деятель. Один из основателей «Союза 17 октября», член его ЦК (1906), однако в ноябре 1906 прекратил свое членство. Вступил в Партию мирного обновления. Депутат I–II Государственной думы. В 1907 избран в Государственный совет (переизбирался в 1909, 1912, 1915). В 1912 перешел в Партию прогрессистов, член ЦК (1912–1914). После Февральской революции 1917 назначен финляндским генерал-губернатором (март 1917). В августе 1917 назначен послом в Испанию, прибыл на место службы уже после октябрьского переворота, поэтому не смог вручить верительные грамоты. Остался за границей, жил на юге Франции.

[643] British Russia Club (Британско-Русский клуб) был создан в 1918 при «Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity)» («Русско-Британское 1917 года Братство»). Предполагалось, что Клуб будет содействовать сближению русских эмигрантов с английской политической и деловой элитой. В задачи Клуба входила также защита прав англичан в России.

[644] Имеется в виду Лансинг (Lansing) Роберт (1864—1928) – американский дипломат. По образованию юрист, специалист по международному праву. Государственный секретарь США с июня 1915 по февраль 1920. Принимал участие в Парижской мирной конференции 1919—1920, был членом «Совета десяти». Советник и эксперт при президенте Вильсоне.

[645] Битва при Галиполи состоялась 25 апреля 1915. Она считается одной из самых кровопролитных в 1-й мировой войне. Союзники, в том числе Англия, потерпели сокрушительное поражение. Турция, хоть и выиграла битву, потеряла 80 тыс. солдат.

[646] Кедров Михаил Александрович (1878—1945) – военно-морской деятель, контр-адмирал (1916). Участник 1-й мировой войны, начальник Минной дивизии Балтийского флота, сменил на этом посту А. В. Колчака (1916). После Февральской революции назначен (в марте 1917) помощником морского министра (при министре А. И. Гучкове). Одновременно с апреля 1917 – начальник Морского генерального штаба. В середине лета 1917 назначен уполномоченным морского министерства при Русском правительственном комитете в Лондоне. В период Гражданской войны – член Особого совещания при российском посольстве в Лондоне по вопросам эксплуатации русского торгового флота союзниками. Адмирал Колчак поручил ему организацию транспортов по снабжению Белых армий, а также назначил морским экспертом российского уполномоченного при союзниках в Париже С. Д. Сазонова. Входил в «Русско-Британское 1917 года Братство».

[647] Адмирал Д. Н. Вердеревский эмигрировал в мае 1918, жил в Лондоне, занимался торгово-промышленной деятельностью.

[648] Принятое написание фамилии – Линдли (Lindley) Франсис Освальд, сэр (1872—1952) – английский дипломат. Поверенный в делах Англии в России, возглавил английское посольство после отъезда Дж. Бьюкенена. Находился в Петрограде в дни октябрьского переворота 1917. Автор аналитической справки «Report on Recent Events in Russia, 25 November 1917». Посол в Австрии (1920—1921), Греции (1922—1923), Португалии (1929—1931), Японии (1931—1934).

[649] Литвинов Максим Максимович (наст. фам. и имя Валлах Макс) (1876—1951) – государственный и партийный деятель. Секретарь Лондонской группы большевиков, представитель большевиков в Международном социалистическом бюро (с 1908). В 1918 назначен дипло-

матическим представителем РСФСР в Великобритании, однако британское правительство не признало его полномочий. 6 сентября 1918 был арестован и помещен в Брикстонскую тюрьму. В октябре 1918 произошел его обмен на арестованного в Москве английского разведчика Локкарта. В 1918–1921 член коллегии Наркоминдела. В ноябре 1919 уполномоченный СНК для ведения советско-английских переговоров об обмене военнопленными. В январе-октябре 1921 полпред и торгпред в Эстонии. С мая 1921 зам. наркома иностранных дел. В 1922 зам. руководителя делегации на Генуэзской конференции, затем глава делегации на Гаагской конференции.

650 Антонов Георгий Николаевич (1880–1959) – физикохимик, один из первых исследователей явления радиоактивности. Профессор химии в Горном институте Екатеринбурга. В 1918 эмигрировал в Англию, до своего переезда во Францию в 1927 работал в частных лабораториях Лондона. В 1920 получил степень доктора наук в Манчестерском университете. Входил в состав Комитета образования при «Русско-Британском 1917 года Братстве», член Русской академической группы Великобритании.

651 Фабрикант Владимир Осипович (?–1931) – промышленник, общественный и политический деятель. Член Заграничной делегации ЦК эсеров. В 1918 помог А. Ф. Керенскому бежать из России через Архангельск в Англию.

652 Мирбах (Mirbach-Harff) Вильгельм (1871–1918) – граф; немецкий дипломат. С 1911 работал в германском Министерстве иностранных дел. С апреля 1918 посол Германии в Москве. В августе того же года убит эсером Я. Г. Блюмкиным.

653 Варен (Varenne) Александр Клод (1870–1947) – депутат от Французской социалистической партии, сторонник Ж. Жореса (1906–1910, 1914–1936, 1945–1947). Секретарь редакции «Юманите» (с 1902). Основатель газеты «La Montagne» (1919) и один из основателей «La Politique» (1930)

654 Видимо, имеется в виду сэр Р. Липер (Leeper).

655 Правильное написание фамилии – Сетон-Уотсон (Seton-Watson) Роберт Уильям (1879–1951) – английский историк. Участник 1-й мировой войны, служил в разведывательном бюро, действовавшем при Военном кабине. Присутствовал на Парижской мирной конференции (1919–1920) в качестве частного обозревателя. Входил в Комитет освобождения России. В 1928 читал лекции в Лондонском университете, в 1931 – в Британской академии. Президент Королевского исторического общества (с 1945). Автор ряда работ: «Подъем национальностей на Балканах» (1917), «История Румынии» (1934), «Дизраэли, Гластон и восточный вопрос» (1935), «Британия в Европе. 1789–1914» (1937).

[656] Имеется в виду «Русско-Британское 1917 года Братство» / «The Russo-British 1917 Bratstvo (Fraternity)» – англо-русская организация, созданная вскоре после Февральской революции 1917 и существовавшая до 31 декабря 1921. Основана группой членов английского парламента и рядом представителей русских правительственных организаций в Лондоне; учредительное собрание проходило в здании английского парламента. Определяла в качестве своей задачи содействие сближению традиционной английской и молодой российской демократии, росту их взаимопонимания, а также объединение совместных сил в борьбе с большевизмом. Носила характер элитарного клуба, членами которого являлись влиятельные английские политики, а также находившиеся в Англии русские дипломаты, военные, общественные и политические деятели, известные ученые. Почетным президентом «Братства» был избран Д. Ллойд Джордж. В июле 1919 был сформирован Временный комитет «Братства» под председательством П. Г. Виноградова, в декабре 1919 его сменил член английского парламента Гершом Стюарт. «Братство» выступало инициатором объединения русских общественных организаций в Лондоне. На основе «Братства» в августе 1919 были созданы Русско-Британский комитет помощи беженцам, а также Комиссия по делам русских.

[657] Сноуден (Snowden) Филипп (1864–1937) – английский политический деятель; виконт (1931). Член Независимой рабочей партии (с 1894), затем Лейбористской партии (с момента ее основания – 1900). Министр финансов в 1-м (1924) и 2-м (1929–1931) лейбористских правительствах.

[658] Невинсон (Nevinson) Генри Вуд (1856–1941) – журналист, биограф, литературовед. Корреспондент газеты «The Daily Chronicle», с октября 1905 находился по ее заданию в России, освещал события 1-й русской революции, по возвращении опубликовал книгу – «The Dawn in Russia». Входил в штат газеты «The Daily News» (до 1909). Сотрудничал в целом ряде других английских газет и журналов. Автор более 30 книг, среди них наиболее известны: «Women's Vote and Men» (1913), «Essays in Freedom and Rebellion» (1921), «Changes and Chances» (1925–1928), «Between the Wars» (1936) и др.

[659] Клемансо (Clémenceau) Жорж (1841–1929) – премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920. Председатель Парижской мирной конференции 1919–1920.

[660] Милюков выдвинул в это время новую тактику, предусматривающую соглашение с немецким военным командованием (на Украине) и свержение большевиков с помощью немецких войск.

[661] Харпер (Harper) Сэмюэл (1882–1942) – профессор Чикагского университета, главный консультант американского правительства по «русскому вопросу».

[662] «The Christian Science Monitor» – ежедневная американская общественно-политическая газета, выходила в Бостоне с 1908 по инициативе Мэри Бейкер Эдди – основательницы религиозного течения «христианская наука». Однако изначально газета не была религиозным изданием и приобрела широкую популярность в Штатах.

[663] Холсти (Holsti) Рудольф (1881–1945) – финский политик, дипломат, журналист. Министр иностранных дел Финляндии (1919–1922, 1936–1938). Депутат финского парламента (1913–1918). Представитель Финляндии в Лиге Наций. Сотрудничал в газетах «Hämeenlinna», «Lahti» и «Helsinki».

[664] Имеется в виду так наз. проект «Принкипо», выдвинутый Парижской мирной конференцией в рамках инициативы по прекращению Гражданской войны в России. Согласно проекту, «все организованные политические группы, находящиеся у власти или стремящиеся к ней в Европейской России и в Сибири», приглашались к 15 февраля 1919 на Принцевы острова в Мраморном море «для предварительных переговоров» с участием представителей союзников. В качестве необходимых предварительных условий союзники выдвигали «заключение перемирия между приглашенными группами и прекращение всяких наступательных действий». Проект потерпел неудачу, главным образом, из-за принципиального нежелания белых правительств вести какие-либо переговоры с большевиками.

[665] Циммерн (Zimmern) Альфред Экхард, сэр (1879–1957) – английский ученый-историк, филолог, политолог. Работал в отделе народного образования (1912–1915), в Департаменте внешнеполитической разведки при Министерстве иностранных дел (1918–1919). Профессор международных отношений в университетском колледже Уэльса (1919–1921), преподавал в Корнеллском университете в 1922, 1923. Автор книг: «Nationality and Government [Национальность и правительство]» (1918); «Europe in Convalescence [Выздоравливающая Европа]» (1922). Обвинял Англию, что в отношении русского вопроса она проявляет «смесь торгашества с сентиментальностью».

[666] Русское политическое совещание (в Париже) – политическая структура, созданная в конце 1918 для представительства антибольшевистской России в Европе и конкретно для предполагаемой защиты интересов антибольшевистской России на Парижской мирной конференции. Претендовало на роль проводника внешнеполитического курса Белого движения. Провозгласило своей целью отстаивание единства и целостности России. Пыталось оказывать влияние на политику держав Антанты в «русском вопросе». В ожидании приглашения на Парижскую мирную конференцию была образована (по распоряжению верховного правителя А. В. Колчака) Русская политическая делегация из Г. Е. Львова, В. А. Маклакова, С. Д. Сазонова, Н. В. Чайковского, позже (с согласия Колчака) присоединился Б. В. Савинков.

Делегация стала исполнительным органом Совещания. Однако приглашения не последовало, союзные державы не признали Совещание в качестве полномочного представителя интересов России (хотя персонально его члены поддерживали постоянные контакты с зарубежными политическими кругами, прежде всего с французскими). В конце июля 1919, ввиду осложнения отношений с генералом Деникиным и поражений армии Колчака, Совещание заявило о прекращении своей деятельности.

667 Деникин Антон Иванович (1872–1947) – военачальник, политический деятель; генерал-лейтенант. Один из организаторов Добровольческой армии, которую возглавил после гибели генерала Л. Г. Корнилова 31 марта 1918. С осени 1918 главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР); заместитель Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. После провала похода на Москву (лето-осень 1919) и отступления до Новороссийска 23 марта 1920 передал командование генералу П. Н. Врангелю; сам же эмигрировал.

668 Вырубов Василий Васильевич (1879–1963) – земский деятель, кадет. Племянник князя Г. Е. Львова. До начала 1-й мировой войны – член Пензенской губернской земской управы. В годы войны – член Главного комитета Земского и Городского союза; заведующий земскими делами на Западном фронте при ставке главнокомандующего генерала М. В. Алексеева. После Февральской революции 1917 товарищ министра внутренних дел в 1-м кабинете Временного правительства, затем помощник по гражданской части при начальниках штаба верховного главнокомандующего (генерале М. В. Алексееве и сменившем его генерале Н. Н. Духонине). В июле 1918 по вызову князя Г. Е. Львова выехал в Омск. Затем адмирал А. В. Колчак направил его и князя Львова в Европу для ведения переговоров с представителями союзных держав. С конца 1918 в эмиграции в Париже. Управляющий делами Русского политического совещания в Париже Член правления Российского Земско-городского комитета помощи беженцам, возглавлял отдел колонизации и труда. Член совета Объединения российских земских и городских деятелей за границей.

669 «Земгусарами» называли работающих в Союзе земств и городов.

670 Базили Николай Александрович (1883–1963) – дипломат. С началом 1-й мировой войны сотрудник, а в 1917 – начальник дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего. С июля 1917 – поверенный в делах в русском посольстве в Париже. После Октябрьской революции 1917 остался во Франции. В 1919 принимал участие в создании и деятельности Русского политического совещания.

671 Бахметев Борис Александрович (1880–1951) – инженер-гидравлик, экстраординарный профессор Петербургского Политехнического

института (1913); близок кадетам. В сентябре 1915 был командирован в США для выяснения вопроса о причинах задержки с поставками заказанных материалов, вернулся в ноябре 1916. Товарищ министра промышленности и торговли Временного правительства (с 9 марта 1917). 25 апреля 1917 назначен послом России в США. Несмотря на большевистский переворот, сохранил свой дипломатический статус, получил право под контролем и с разрешения Министерства финансов США распоряжаться средствами, находившимися на счетах Временного правительства в банках США. Фактически эти средства шли на финансирование антибольшевистских движений в России. Содействовал формированию Русского политического совещания. 28 апреля 1922 ушел в отставку.

672 Чайковский Николай Васильевич (1850–1926) – общественный и политический деятель. После выхода из Партии социалистов-революционеров (1910) занимался кооперативным движением. Депутат Учредительного собрания (1917). Один из создателей Союза возрождения России. Участник Белого движения. В августе 1918 возглавил антибольшевистское Верховное управление Северной области. В конце января 1919 выехал в Париж для участия в работе Русского политического совещания.

673 Драгомиров Абрам Михайлович (1858–1955) – военный деятель, генерал от кавалерии. С августа 1918 помощник верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 октября 1918 по сентябрь 1919 одновременно председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР генерале А. И. Деникине. Глава делегации Особого совещания, которая прибыла в начале июля 1919 в Париж. С 11 сентября по декабрь 1919 главноначальствующий и командующий войсками Киевской области.

674 Имеется в виду герой некрасовского стихотворения Влас, который, покаявшись и желая замолить свои многочисленные грехи, в течение 30 лет ходит в железных веригах по городам и весям, собирая деньги на строительство божьего храма. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» назвал это стихотворение великим.

675 Речь идет об одной из структур, созданных для руководства Парижской мирной конференцией 1919–1920 – Совете четырех. Совет был сформирован в марте 1919. В его состав входили президент США Вильсон, глава английского правительства Ллойд Джордж, французский премьер-министр Клемансо, премьер-министр Италии Орландо.

676 8 мая 1919 главы правительств, входившие в Совет четырех (Англия, Франция, США, Италия), встречались с Н. В. Чайковским как экспертом по делам России, заслуживающим, с их точки зрения, доверия. Беседа имела целью получить информацию о политических

принципах и планах Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. Чайковский постарался убедить Совет, что Колчак никогда не будет консолидироваться с «силами реакции» и доведет страну до Учредительного собрания.

677 В августе 1918 Астров выехал в расположение Добровольческой армии. Входил в Особое совещание при главнокомандующем ВСЮР генерале А. И. Деникине в качестве члена «без портфеля»; возглавлял комиссию местного самоуправления при совещании. В начале 1920 эмигрировал.

678 Соколов Константин Николаевич (1882–1927) – правовед, общественный и политический деятель. Профессор государственного права Петербургского университета (1914). Входил в ЦК кадетской партии, представитель его правого крыла. С мая 1918 член правления Национального центра. С сентября 1918 по декабрь 1919 член Особого совещания при главкоме ВСЮР генерале А. И. Деникине; управляющий отделом законов (с января по декабрь 1919), одновременно возглавлял отдел пропаганды (с марта по декабрь 1919). Основал в Екатеринодаре кадетскую газету «Свободная речь», ее редактор (с ноября 1918 по март 1919). В феврале 1920 эмигрировал в Турцию, затем переехал в Болгарию. Профессор кафедры государственного права Софийского университета. Председатель местной кадетской группы, редактор возобновленной газеты «Свободная речь».

679 Рысс Петр Яковлевич (1870 – ок. 1948) – публицист, политический деятель, кадет. Сотрудник газеты «Приазовский край» (Ростов-на-Дону).

680 Бродский Лазарь Израилевич (1848–1904) – сахаропромышленник, меценат, филантроп. Возглавлял Александровское товарищество сахарных заводов, которое контролировало более четверти всего производства сахара в Российской империи. На Всемирной выставке в Париже 1900 был награжден орденом Почетного легиона за высокое качество продукции своих заводов.

681 Высоцкий Вульф Янкелевич (1824–1904) – купец 1-й гильдии, основатель международной чаеторговой фирмы «В. Высоцкий и К°», имевшей к 1903 основной капитал 6 млн руб. и контролировавшей 35 % чайного рынка России. Потомственный почетный гражданин Москвы, поставщик Двора его императорского величества, филантроп.

682 Имеется в виду «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России». Создана по приказу генерала А. И. Деникина от 4(17) апреля 1919. Комиссия имела право вызывать и допрашивать потерпевших и свидетелей, производить осмотры, обыски, выемки и др. действия, а составленные ею протоколы и акты имели силу следственных актов. Комиссия состояла из следственного органа и общего собрания, в состав которого входили общественные деятели, пред-

ставители ведомств при главкоме ВСЮР. Прекратила свою деятельность в ноябре 1920 с эвакуацией Русской армией.

683 После Февральской революции 1917 А. А. Мануйлов занимал пост министра народного просвещения во Временном правительстве (март–июль).

684 Науменко Владимир Павлович (1852–1919) – педагог, общественный деятель, литературовед, редактор журналов «Киевская старина», «Украина», собиратель документов по истории Украины. Директор известной в Киеве частной мужской гимназии. Министр просвещения в правительстве гетмана П. П. Скоропадского. Летом 1919 расстрелян киевской ЧК.

685 И. П. Демидов возглавлял в Киеве отделение Национального центра. Редактор местной прокадетской газеты «Русский голос». Генерал А. И. Деникин направил его в декабре 1919 во главе делегации Национального центра в Польшу для налаживания контактов в целях совместной борьбы с большевиками.

686 Возможно, имеется в виду Ленский Валериан – профессор, сотрудник Освага.

687 Маккиндер (Mackinder) Хэлфорд Джон (1861–1947) – английский географ, общественный и политический деятель. Директор Лондонской экономической школы. Член Палаты общин (1910–1922). В 1919 назначен британским военным комиссаром на Юге России.

688 Бисмарк-[Шёнхаузен] (Bismarck-Schönhausen) Отто, фон (1815–1898) – князь (1871), германский политический и государственный деятель, 1-й канцлер Германской империи (1871).

689 Глава семьи Челищевых – Челищев Виктор Николаевич (1870–1952), юрист, общественный и политический деятель. Член кадетской партии. После Февральской революции 1917 председатель Московской судебной палаты (март–октябрь). Входил в правление Национального центра. В ноябре 1918 выехал на юг России. С декабря 1918 по декабрь 1919 возглавлял управление юстиции Особого совещания; заместитель председателя Особого совещания А. С. Лукомского. Председатель комиссии по разработке аграрного проекта, член комиссии по формированию гражданской власти при Особом совещании. В 1920 эмигрировал.

690 Титов Александр Андреевич (1878–1961) – политический деятель, член президиума Трудовой народно-социалистической партии. Один из создателей Союза возрождения России (1918). По заданию Союза выехал в июне 1918 на Дон, вел переговоры с генералом М. В. Алексеевым. В декабре 1918 делегирован Ясским совещанием в Париж и Лондон для переговоров с союзниками. Ростовское совещание Союза возрождения России направило его (в составе делегации) к генералу

А. И. Деникину для обсуждения вопроса о демократизации его политического курса.

[691] Видимо, имеется в виду Шереметев Сергей Владимирович (1880–1968) – полковник (1913). Участник Белого движения, главный начальник санитарной части Вооруженных сил Юга России, помощник главноуполномоченного по борьбе с заразными заболеваниями. Эмигрировал во Францию.

[692] Савич Никанор Васильевич (1869–1942) – политический деятель, октябрист. Входил в бюро Совета государственного объединения России. Член Особого совещания «без портфеля» (1919). Государственный контролер в правительстве генерала П. Н. Врангеля (1920). Эмигрировал.

[693] В марте 1919 Н. Н. Львов возглавил областное отделение Совета государственного объединения России, Член Национального центра. Редактор выходившей в Екатеринодаре газеты «Великая Россия». В ноябре 1920 эмигрировал.

[694] С октября 1918 по 1920 А. В. Кривошеин занимал пост товарища председателя Совета государственного объединения России, с ноября 1919 – начальника управления снабжения Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). В июне 1920 приказом генерала П. Н. Врангеля назначен помощником главнокомандующего по гражданской части; председатель правительства Юга России. В ноябре 1920 эвакуировался из Крыма в Константинополь. Эмигрировал во Францию.

[695] Степанов Василий Александрович (1873–1920) – горный инженер, политический деятель. Член ЦК кадетской партии (с 1916). Депутат III и IV Государственной думы. Товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве (1917). Входил в Правый центр, в Союз возрождения России, член правления Национального центра. Участвовал в работе Донского гражданского совета во главе с генералом М. В. Алексеевым. Государственный контролер в Особом совещании. В феврале 1920 эвакуировался из Новороссийска в Константинополь.

[696] Речь идет о конфликте между генералом А. И. Деникиным и Кубанской Радой. Рада, руководствуясь идеями самостийности Кубани, пыталась проводить независимую политику на международной арене. Она послала в Париж специальную делегацию для предполагаемого участия в мирной конференции. В Париже делегация заключила союзный договор с меджлисом горских народностей Кавказа (Ингушетия, Чечня, Дагестан), объявивших свою независимость от России. Заключение договора фактически означало и отделение Кубани от России (сентябрь 1919). Генерал Деникин, усмотрев в этом признаки государственной измены, издал приказ о предании военно-полевому суду лиц, подписавших договор и поручил генералу

П. Н. Врангелю, воспользовавшись ситуацией, положить конец кубанской «самостийности». В Екатеринодар был направлен генерал В. Л. Покровский, который ввел в город свои войска, окружил законодательную Раду и потребовал выдачи изменников. Рада подчинилась требованию, однако большинству обвиняемых удалось скрыться. Выдан был А. И. Калабухов, которого военно-полевой суд приговорил 6 ноября 1919 за измену к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в ночь на 7 ноября.

697 Аргунов Андрей Александрович (1866–1939) – политический деятель, один из лидеров Партии социалистов-революционеров, член ее ЦК. Депутат Учредительного собрания. Вошел в Союз возрождения России. Принимал участие в работе Уфимского государственного совещания, избран в состав Директории (сентябрь 1918). В результате колчаковского переворота в Омске 18 ноябре 1918 был арестован и выслан за границу. В начале 1919 через Шанхай прибыл в Европу. Издал в Париже книгу «Между двумя большевизмами», посвященную событиям 1918 в России.

698 Тимошенко Иван Петрович (? – после 1918) – председатель Верховного круга Дона, Кубани и Терека, заместитель председателя Кубанской краевой рады, председатель Кубанской чрезвычайной миссии в Закавказье (Тифлис). Эмигрировал в Чехословакию, председатель Комитета освобождения Кубани и полномочный представитель Центросоюза в Чехословакии.

699 Совет государственного объединения России (Согор) – антибольшевистская межпартийная организация консервативного толка, созданная в Киеве в октябре 1918. Союз строился на принципе членства организаций, исключение составили несколько политических деятелей, включенных в состав Совета персонально. Согор объединил представителей бюро совещания членов Государственного совета и Государственной думы, Союза земельных собственников, Правительствующего Сената, Всероссийского Церковного Собора, а также представителей земств (цензовых), городов, торговых, промышленных и финансовых кругов. Председатель – барон В. В. Меллер-Закомельский, его заместители – А. В. Кривошеин, С. Н. Третьяков. В декабре 1918 бюро Согор переехало в Одессу, в апреле 1919 – в Ростов-на-Дону. Сеть местных отделений Согор действовала на территории, подконтрольной белым армиям. Отсутствие идейного единства внутри Совета, неустойчивость его политической линии помешали Согор стать влиятельной политической организацией. С окончанием Гражданской войны Согор прекратил свое существование.

700 Билимович Александр Дмитриевич (1876–1963) – экономист, статистик, публицист. Профессор Университета св. Владимира (Киев). Печатался в газете «Киевлянин». В годы Гражданской войны входил в со-

став Совета государственного объединения России. В 1919 возглавлял управление земледелия и землеустройства в Особом совещании. Работал в комиссии по национальным делам, написал программную работу «Деление южной России на области». В 1920 эмигрировал в Югославию.

701 Мусин-Пушкин Владимир Владимирович (1870–1923) – граф; общественный и политический деятель. Депутат IV Государственной думы (8 февраля 1915 отказался от звания депутата). В феврале–сентябре 1915 – товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием, затем причислен к Главному управлению землеустройства и земледелия. После Октябрьской революции 1917 активный участник Белого движения. В 1920 эмигрировал в Константинополь.

702 В Новороссийске Е. Н. Трубецкой заболел сыпным тифом и умер 23 января 1920.

703 Лукомская (урожд. Драгомирова) Софья Михайловна (1871–1953) – жена генерала А. С. Лукомского, дочь генерала М. И. Драгомирова.

704 Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – военный и политический деятель, генерал-лейтенант Генштаба; один из вождей Белого движения. С весны 1919 командовал Кавказской армией. После поражения Добровольческой армии под Орлом и продолжившегося отступления на юг назначен ее командующим (5 декабря). Предпринял неудавшуюся попытку сместить Деникина, обвинив его в ошибочной стратегии и неспособности справиться с развалом армии и тыла. 3 января 1920 снят с должности, однако 4 апреля на военном совете избран главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (с 11 мая – Русской армии). После поражения в Северной Таврии и Крыму 14 ноября 1920 со значительной частью армии отплыл в Константинополь.

705 Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) – барон; профессор международного права. Член кадетской партии, входил в ее ЦК. После Февральской революции 1917 товарищ министра иностранных дел (с марта), входил в Особое совещание по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Летом 1919 эмигрировал. Принял активное участие в деятельности Российского общества Лиги Народов, член Главного управления Российского общества Красного Креста. Сотрудничал в газете «Последние новости».

706 29 марта 1920 П. Н. Врангель назначил П. Б. Струве начальником управления внешних сношений правительства Юга России. Находясь в Париже, Струве в своих публичных выступлениях всемерно подчеркивал демократизм начатых П. Н. Врангелем реформ, прежде всего земельной, сообщал о военных успехах Русской армии. Он провел ряд встреч с политическими деятелями Франции, был принят премьер-министром А. Мильераном. Струве подготовил и передал Мильерану (20 июня) обширное письмо, в котором конкретизировал политику

правительства Юга России в аграрном и национальном вопросах: намерение передать крестьянам в частную собственность захваченные ими в ходе революции и Гражданской войны земли, воссоздать Россию на основе федеративного договора между существующими политическими субъектами. Предпринятые Струве шаги содействовали тому, что 10 августа 1920 Франция де-факто признала правительство П. Н. Врангеля. Кроме того, Струве вел переговоры о получении крупного займа. Решение о выделении Врангелю займа в 100 млн фр. было принято французским правительством в середине сентября (предполагалось, что вся сумма займа пойдет на оплату военных поставок в Крым).

[707] Мильеран (Millerand) Александр (1859–1943) – французский политический деятель, адвокат, редактор. Член Палаты депутатов (с 1885). Премьер-министр Франции и министр иностранных дел (20 января – 24 сентября 1920). Президент Франции (с сентября 1920 до 1924).

[708] Струве Глеб Петрович (1898–1985) – литературовед, журналист, переводчик, педагог. Старший сын П. Б. Струве. Вместе с отцом эмигрировал в 1919, жил в Лондоне.

[709] Струве Лев Петрович (1902–1929) – 4-й сын П. Б. Струве; историк, славист, политолог.

[710] Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой Конной армией.

[711] Махно Нестор Иванович (1888–1934) – украинский военный и политический деятель, один из вождей анархистского движения в годы Гражданской войны. Весной 1918 организовал несколько партизанских соединений для борьбы с немцами и режимом гетмана П. П. Скоропадского. Позднее заключил соглашение с Красной армией о совместных действиях против Украинской Директории и С. В. Петлюры, согласился на оперативное подчинение его отрядов Красной армии. В апреле 1919 разорвал союз с большевиками. В июле-декабре 1919 во главе созданной им Революционно-повстанческой армии Украины вел партизанскую войну против деникинцев, вновь вступил в соглашение с большевиками. После занятия большевиками Южной Украины в январе 1920 вступил в борьбу с Красной армией, но ввиду угрозы наступления войск П. Н. Врангеля в октябре 1920 подписал соглашение о военном сотрудничестве с командованием Южного фронта. В 1922 уехал в Польшу.

[712] Романовский Иван Павлович (1877–1920) – военачальник, генерал-лейтенант (1918). Принял непосредственное участие в формировании Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 8 января 1918 начальник штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, затем помощник главнокомандующего. 22 марта 1920 выехал вместе с генералом А. И. Деникиным из

Феодосии в Константинополь. Был непопулярен в армии, считался «злым гением» Деникина, безосновательно обвинялся в гибели генерала М. Г. Дроздовского, с которым находился в напряженных отношениях. 5 апреля убит в здании русского посольства в Константинополе.

713 Ллойд Джордж отказывался официально признать правительство П. Н. Врангеля, избегал каких-либо контактов с его представителями в Европе.

714 Имеется в виду телеграмма в поддержку Русской армии и ее главнокомандующего, вынужденных после поражения покинуть Россию и отплыть на кораблях в Турцию.

715 Эту и последующие записи Тыркова делает на «Совещании членов ЦК партии народной свободы, находящихся за границей», которое заседало в Париже с 26 мая по 2 июня 1921. Это был последний партийный форум и последняя попытка выработать общие принципы и перспективы деятельности партии в эмиграции. Однако уже обозначившиеся внутри партийных рядов внутренние противоречия оказались слишком глубоки, и вскоре после окончания Совещания партия практически перестала существовать как единая организация, разбившись на сторонников и противников «новой тактики» Милюкова. Тыркова присутствовала на трех заседаниях Совещания – 26–28 мая, выступила на заседании 28 мая, затем выехала в Лондон. Ее позиция на Совещании была вполне определенной: критика позиции Милюкова по всем ее составляющим (и в отношении к революции, и в оценке роли партии в Белом движении, и в выборе тактического союзника на ближайшую перспективу, и в решении вопроса об армии и возможности продолжения вооруженной борьбы). Тыркова заявила о необходимости ведения борьбы с социалистическими партиями, поскольку опыт коалиции с ними в рамках Временного правительства оказался проигрышным. С ее точки зрения, значительно эффективнее было бы объединение более широких слоев эмиграции, но исключая эсеров. Она подтвердила ориентацию на военную силу в борьбе с большевизмом и в связи с этим укоряла Милюкова за его нежелание морально поддержать русскую армию, оказавшуюся в изгнании (см.: Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. М.: РОССПЭН, 1996. С. 419–421).

716 В декабре 1920 П. Н. Милюков выступил с программной запиской «Что делать после Крымской катастрофы?», в которой изложил основные положения новой тактики для кадетской партии. В числе основных шагов предлагалось вступить в коалицию с эсеровской партией в расчете на то, что удастся использовать ее политическое влияние для проникновения и закрепления позиции кадетов в новой России.

717 Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) – политический деятель. Член ЦК Партии социалистов-революционеров. Депутат Учре-

дительного собрания. В сентябре 1918 председатель Уфимского государственного совещания, избран в состав Временного всероссийского правительства (Директории). В ноябре 1918 арестован в Омске колчаковцами, свергнувшими власть Директории, а затем выслан за границу. В начале 1919 поселился в Париже. Агитировал за поддержку правительств А. И. Деникина и А. В. Колчака при условии их демократизации.

718 Минор Осип (Иосиф) Соломонович (1861–1934) – политический деятель, публицист. Член ЦК Партии социалистов-революционеров (1917). В начале 1919 эмигрировал из России. Выступал за продолжение вооруженной борьбы с большевиками и развертывание иностранной интервенции. Протестовал против намерений некоторых европейских государств признать советское правительство. Участник парижского Совещания членов Учредительного собрания (январь 1921), избран в Исполнительную комиссию. Член редакции еженедельного бюллетеня «Pour la Russie», издаваемого эсерами в Париже с 1919, и журнала «Воля России», основанного эсерами в сентябре 1920. На I съезде заграничных организаций эсеров избран в состав Областного заграничного комитета.

719 Имеется в виду Совещание членов Учредительного собрания, которое заседало в Париже 8–21 января 1921. В его работе приняли участие сторонники П. Н. Милюкова в Парижской кадетской группе и правая часть парижских эсеров. Кадетская часть Совещания, вынужденная согласиться с таким названием, считала нужным подчеркнуть отсутствие какой-либо преемственной связи с российским Учредительным собранием. Милюков рассчитывал выработать в ходе Совещания условия коалиции с эсерами и организационно закрепить их, сформировав единый эмигрантский орган. Однако многодневные напряженные дискуссии не увенчались серьезными результатами: эсеры весьма неохотно, с постоянной оглядкой на настроения в своей партии, шли на сближение и о создании общего Национального комитета договориться не удалось.

720 Астров выступил на Совещании с собственным проектом резолюции, в котором предлагалось признать недопустимым как «политическое сотрудничество с реставрационными течениями», так и коалицию с социалистическими партиями. Подчеркивалось, что в новой России социализм уступит место «подлинному демократизму», поэтому кадетская партия должна «твердо стоять на собственной позиции», не допуская уклонения в сторону социалистических идей, тем самым изменяя принципам либерализма (см.: Там же. С. 451–452).

721 Гурко Владимир Иосифович (1863–1927) – государственный и политический деятель. Член Государственного совета (с 1912). Член Русского собрания. С марта 1918 входил в Правый центр. Член Совета государственного объединения России, в качестве его представителя

участвовал в Ясском совещании с союзниками (ноябрь 1918). В составе «малой делегации» Совещания выехал в Европу.

722 П. П. Гронский – активный участник Белого движения. Товарищ начальника управления внутренних дел Особого совещания при главкоме ВСЮР генерале А. И. Деникине. 21 декабря 1919 выехал из Ростова-на-Дону в США во главе особой миссии главного командования ВСЮР с целью установления контактов с политическими и деловыми кругами Америки. В Париже миссия была остановлена С. Д. Сазоновым, который счел поездку нецелесообразной. Входил в Парижскую группу кадетов. Председатель Русской академической группы в Париже (с февраля 1921), читал курс истории русского права в Русском юридическом институте, открывшемся в январе 1921 при Парижском юридическом факультете.

723 Речь идет о том письме П. Н. Милюкова, в котором он обосновывал необходимость для партии сделать выбор в сторону «германской ориентации».

724 Милюков подчеркивал в своей речи, что от лозунга «единая и неделимая Россия» он отвернулся раньше, чем от лозунга диктатуры и выступил в защиту федерации.

725 Н. Н. Щепкин остался в Москве, возглавлял московское отделение Национального центра, а также Тактический центр. В период Гражданской войны поддерживал секретную переписку с Добровольческой армией, пересылал секретную информацию военного и политического характера. П. Н. Милюков ссылался в своей речи на Совещании на так наз. «Завещание Н. Н. Щепкина», переданное со слов А. В. Карташева. В нем Щепкин призывал однопартийцев учитывать в своей политике существенное полевение общественных настроений и в связи с этим отмечал, что разработанные в свое время в Москве проекты Национального центра о будущем переустройстве России, особенно в аграрной сфере, устарели.

726 Речь идет о деятельности кадетской партии в Екатеринодаре, и прежде всего о решениях Екатеринодарской конференции кадетов, проходившей 28–31 октября 1918. Часть партии, в том числе ряд ее видных деятелей, оказавшихся в эмиграции (прежде всего И. И. Петрункевич), расценивали резолюции конференции как политическую уступку правому генералитету.

727 Возможно, имеется в виду Богаевский Африкан Петрович (1872–1934) – военачальник, один из командиров Добровольческой армии, атаман Донского казачьего войска (1919), генерал-лейтенант (1918). В январе-феврале 1920 председатель Южно-Русского правительства. Затем находился в Крыму у генерала П. Н. Врангеля. В ноябре 1920 эмигрировал.

[728] Милюков напоминает, что пост управляющего отделом внутренних дел в Особом совещании предлагался кадету Н. И. Астрову, но тот отказался, и отдел возглавляли Н. Н. Чебышев и В. П. Носович, политика которых оказалась провальной.

[729] Милюков считал, что фронтовая борьба с большевиками только усилила коммунистическую угрозу. Созданная большевиками Красная армия окрепла в немалой степени благодаря чувству патриотизма, которое «проснулось» в ходе борьбы с иностранными союзниками белых армий (см.: Там же. С. 416).

[730] Милюковская «новая тактика» отрицала интервенцию. По словам лидера партии, «еще в 1919 г. можно было» говорить о ней, но «в 1920 г. – уже бесполезно, а в 1921 г. – прямо безнравственно», поскольку интервенция стала к этому времени уже «психологически невозможна» (см.: Там же).

[731] По мнению Милюкова, лишь с ликвидацией белых фронтов и прекращением интервенции «накопившийся внутри России протест против большевиков» сможет вырваться наружу (см.: Там же. С. 417).

[732] Речь идет о Кронштадтском восстании – вооруженном выступлении гарнизона Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота против власти большевиков в марте 1921.

[733] Имеется в виду антибольшевистское крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1920–1921.

[734] Связь с заграницей, по мнению Милюкова, стала возможной после ликвидации опасности извне для Советской России.

[735] Милюков говорит о том, что в эмиграции нет партийных учреждений, правомочных санкционировать разрыв в партии.

[736] Тыркова, выступив против какой бы то ни было коалиции с социалистическими партиями, и в частности против «воскрешения мертвеца – Учредительного собрания», затронула вопрос об источниках финансирования проведенного в январе 1921 в Париже Совещания членов Учредительного собрания и о средствах, которые обеспечили работу сформированной на Совещании Исполнительной комиссии. В связи с этим она предложила на рассмотрение свой проект резолюции.

[737] Лушер (Luscher) Луи – государственный деятель. С ноября 1917 – министр вооружений и военного производства, с 26 ноября 1918 – министр промышленного восстановления. В правительствах А. Бриана он занимал пост министра освобожденных районов (январь 1921 – январь 1922), министра финансов (ноябрь-декабрь 1925).

[738] Жаспар (Jaspar) Анри (1870–1939) – бельгийский государственный деятель, премьер-министр Бельгии (1926–1931).

[739] Скрижали – две каменные плиты, на которых были начертаны 10 заповедей, переданных Моисею Богом на горе Синай.

[740] «The Times» («Таймс» / «Времена») – одна из старейших и наиболее влиятельных британских газет; ежедневно выходит в Лондоне с 1785. Основана Джоном Вольтером (Walter) 1 января 1785 под названием «The Daily Universal Register». Современное название получила 1 января 1788. До 1908 газета находилась в собственности семейства Вольтеров, затем до 1922 входила в состав группы газет лорда Нортклиффа (Northcliffe), позднее до 1966 принадлежала семейству Дж. Дж. Астора (Astor). Во время пребывания Тырковой в Лондоне редакторами газеты были: в 1912–1919 Дж. Доусон, в 1919–1922 – Г. Стид, в 1923–1941 – вновь Доусон. В 1921 Вильямс стал редактором иностранного отдела «The Times».

[741] В основе Рурского конфликта 1923 между Германией, с одной стороны, и Францией и Бельгией – с другой, лежал вопрос о выплате репараций. В январе 1923 в связи с задержками репарационных поставок (возложенных на Германию, согласно Версальскому договору 1919) французские и бельгийские войска оккупировали всю территорию Рурского региона. При этом премьер-министр Франции Р. Пуанкаре стремился добиться для Рура такого статуса, при котором этот регион лишь формально принадлежал Германии, а реальная власть находилась бы в руках французов. В ответ германское правительство прекратило выплату репараций и призвало население Рура к «пассивному сопротивлению». Всеобщая забастовка охватила промышленность и транспорт. Острое военно-политическое противостояние Германии и франко-бельгийских оккупационных войск приносило весьма значительный урон экономике Веймарской республики, и без того находившейся в тяжелом положении. Под давлением США и Великобритании Франция вынуждена была подписать соглашение и вывести оккупационные войска в июле-августе 1925.

[742] Доусон (Dawson) Джордж Джеффри (наст. фам. Робинсон) (1874–1944) – британский журналист, редактор «The Times» в 1912–1919 и в 1923–1941.

[743] 20 августа 1923 последовала новая нота премьер-министра Пуанкаре правительству Великобритании с перечислением систематических нарушений Германией Версальского договора 1919.

[744] Пуанкаре (Poincaré) Раймон (1860–1934) – французский государственный деятель. Сенатор (с 1903). Президент Франции (1913–1920). Трижды занимал пост премьер-министра (1912–1913, 1922–1924, 1926–1929).

[745] Торговый договор Англии с РСФСР, заключенный 16 марта 1921, фактически означал прекращение экономической изоляции советского правительства и предоставлял ему возможность развернуть внешнюю

торговлю. РСФСР, по договору, могла ввозить в Англию свои товары, иметь торговых агентов и представителей.

746 Имеется в виду Смит (Smith) Фредерик Эдвин, лорд Биркенхед (Birkenhead) (1872–1930) – граф (1922); политик, адвокат, общественный деятель. С 1906 член британского парламента от партии консерваторов. В 1919 стал лордом-канцлером Великобритании. Сыграл важную роль в осуществлении ряда правовых реформ, а также в заключении англо-ирландского договора (1921). В 1922 занимал наряду с У. Черчиллем влиятельные позиции в правительственной коалиции Ллойд Джорджа. В 1924–1928 – государственный секретарь по Индии.

747 Астор (Astor) Джон Джейкоб (1886–1971) – барон (1956); британский предприниматель, политик, спортсмен. В 1889 вместе с семьей переехал из США в Великобританию. Чемпион и призер летних Олимпийских игр 1908 в Лондоне. Поступил на военную службу, во время 1-й мировой войны потерял ногу (1918). В 1922 стал владельцем газеты «The Times» и членом Парламента.

748 Раковский Христиан Георгиевич (наст. фам. и имя Станчев Крыстю) (1873–1941) – советский партийный и государственный деятель. С января 1919 по июль 1923 председатель СНК и нарком иностранных дел Украины, член ЦК КП(б)У (до 1924). Посол СССР в Великобритании (с июля 1923 по 30 октября 1925).

749 Бенеш (Beneš) Эдвард (1884–1948) – политический и государственный деятель Чехословакии (Чехии). Министр иностранных дел Чехословакии в 1918–1935. Второй президент Чехословакии (1935–1948).

750 Сомов Константин Андреевич (1869–1939) – живописец, график, иллюстратор, участник объединения Мир искусства, один из основателей одноименного журнала. Профессор Петроградских государственных свободных художественных учебных мастерских (с 1918). В 1923 уехал из России, с 1925 жил во Франции.

751 Ухтомский Сергей Александрович (1886–1921) – князь; художник и скульптор, ученик Родена, научный сотрудник Художественного отдела Русского музея, друг В. Н. Таганцева. Расстрелян в Петрограде по его делу.

752 Лазаревский Николай Иванович (1868–1921) – юрист, государствовед. После Февральской революции 1917 председатель Юридического совещания при Временном правительстве. В 1921 проректор Петроградского университета и профессор Института народного хозяйства и Института экономических исследований. Расстрелян «по делу В. Н. Таганцева».

753 Видимо, Ухтомская (урожд. Лотарева) Лидия Михайловна (1889–1977).

754 Лазаревская (урожд. Репинская) Елена Михайловна (?–1923) – жена Н. И. Лазаревского, член Дома литераторов.

755 Коринчевский (Коренчевский) Владимир Георгиевич (1880–1959) – фармаколог, патофизиолог, геронтолог, бактериолог, общественный деятель. С 1912 профессор Петербургской Военно-медицинской академии. В 1919 эмигрировал, обосновался в Англии. С 1920 директор лаборатории Листеровского института профилактической медицины в Оксфорде и отделения физиологии Медицинской школы больницы Св. Варфоломея в Лондоне. Организовал и возглавил Русскую академическую группу в Лондоне. Автор проекта «Делового объединения российской эмиграции», представлявшего очередную попытку сплочения русских беженских организаций.

756 Рише (Richet) Шарль (1850–1935) – французский физиолог, бактериолог, психолог, член Парижской АН (с 1914; в 1932 вице-президент, в 1933 президент), лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1913). С 1887 профессор физиологии Парижского университета. Иностранный член Петербургской АН (1912), затем АН СССР (1925). В 1923 в Лондоне была издана его книга «Traité de Metapsyshique» (в переводе на английский язык – «Thirty Years of Psychical Research» / «Тридцать лет исследования психики»), в которой он описал свои опыты в области изучения психических процессов.

757 Штейнер (Steiner) Рудольф (1861–1925) – австрийский философ-мистик, писатель, создатель учения антропософии. Издатель журнала «Люцифер». Участвовал в создании Антропософского общества (1913), которое в 1923 реорганизовал, основав новое Всеобщее Антропософское общество с центром в Дорнахе (Швейцария) и отделениями во многих странах мира.

758 Розенкрейцеры (орден розенкрейцеров или «Орден Розы и Креста») – теологическое и тайное мистическое общество, эмблема – Роза, распускающаяся на Кресте.

759 Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – философ, богослов. В эмиграции профессор церковного права Русского юридического факультета при Пражском университете (1923–1925). Один из организаторов Братства Св. Софии. С 1925 профессор догматики и декан Русского богословского православного института (впоследствии академии) в Париже. Инициатор и активный деятель экуменического движения.

760 Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) – правовед, философ. Профессор Киевского университета (с 1913), декан юридического факультета (с 1918), позднее – ректор. В 1920 эмигрировал. Преподавал на Русском юридическом факультете в Праге. Позднее переехал в Югославию, профессор Белградского и Люблянского университетов (1930–1945).

761 Макдональд (MacDonald) Джеймс Рамсей (1866–1937) – британский государственный и политический деятель, один из основателей и лидеров Лейбористской партии. Член парламента (с 1906). В 1924 и 1929–1931 премьер-министр лейбористских правительств. В феврале 1924 правительство Макдональда признало де-юре советское правительство.

762 С 14 апреля по 12 августа 1924 в Лондоне проходила англо-советская конференция, результатом которой стало подписание 8 августа 1924 общеполитического и торгового договоров между СССР и Великобританией. Общеполитический договор предусматривал предоставление СССР займа, согласие советского правительства на частичное удовлетворение претензий британских подданных по довоенным долгам царского режима, проведение в будущем переговоров о военных долгах и контрпретензиях СССР по возмещению ущерба, нанесенного ему в годы интервенции. Торговый договор признавал советскую монополию внешней торговли, взаимное применение принципа наибольшего благоприятствования. Однако договоры от 8 августа 1924 так и не были ратифицированы английской стороной в силу противодействия пришедших к власти консерваторов.

763 Грегори (Gregory) Джон Дункан (1878–1951) – британский дипломат. Чиновник Министерства иностранных дел Великобритании (с 1920), глава департамента северных стран. В 1928 уволен в отставку.

764 Иоффе Адольф Абрамович (1882–1927) – советский партийный и государственный деятель. Работал в Наркомате иностранных дел (с 1917), участвовал в переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске; поддерживал позицию Троцкого – «ни мира, ни войны». Полпред РСФСР в Германии (с апреля 1918). 6 ноября 1918 вместе со всем полпредством выслан из страны. В 1920 член делегации по переговорам о мире с Эстонией, Латвией и Литвой, потом – с Польшей. В 1922 член советской делегации на Генуэзской конференции. С этого же года – полпред в Китае и одновременно вел переговоры с Японией. С 1924 заместитель посла в Лондоне, а после подписания договора с Англией – полпред в Австрии.

765 Томский (наст. фам. Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936) – советский партийный и профсоюзный деятель. Председатель Президиума ВЦСПС (с октября 1918 по май 1921; в 1922–1929). Член ЦК РКП(б) (с 1919), член Политбюро (с 1922). В 1924 входил в состав советской делегации для переговоров с английским правительством. Будучи в Лондоне, устанавил контакты с представителями тред-юнионистского движения.

766 Понсонби (Ponsonby) Артур Август Уильям (1871–1946) – барон (1930); британский политический деятель, дипломат, литератор. Член парламента (с 1908). Пацифист, выступал против участия Великобритании

в 1-й мировой войне. Заместитель парламентского государственного секретаря по иностранным делам (1924), затем – по делам Доминионов. Парламентский секретарь по делам Министерства транспорта (1929). Лидер Лейбористской партии в Палате лордов (1931–1935). Лидер движения за мир в Великобритании. Автор книг: «Закат аристократии» (1912), «Война и договоры (1815–1914)» (1917) «Фальшь в военное время» («Falsehood in Wartime». 1928); ему принадлежит известный афоризм: «Всякий раз, как объявляют войну, первой ее жертвой становится правда».

[767] «The Daily Herald» («Ежедневный вестник») – английская общественно-политическая газета, издававшаяся в Лондоне с 1912, орган Британской социалистической партии, с 1922 – Лейбористской партии.

[768] Король Великобритании Георг V (George V) (1865–1936) приходился двоюродным братом российскому императору Николаю II (его мать, королева Александра, и мать Николая II – императрица Мария Федоровна, являлись родными сестрами). Георг V и Николай II отличались чрезвычайным внешним сходством.

[769] Цитата из стихотворения Ф. Сологуба «Чертовы качели» (1908).

[770] Виллерт (Willert) Артур (1882–1973) – британский журналист и дипломат. Корреспондент газеты «The Times» (с 1906), спецкорр в США (1910–1920). Секретарь английской военной миссии в Вашингтоне и представитель Министерства информации (1917–1918). В 1921 оставил работу в газете и занял пост главы департамента новостей и пресс-секретаря в Министерстве иностранных дел Великобритании. Автор книг по проблемам внешней политики Великобритании: «Aspects of British Foreign Policy» (1928), «The Frontiers of England» (1935), «The Empire in the World» (1937), «The Road to Safety» (1952), «Washington and other Memoirs» (1972).

[771] Керзон (Curzon) Джордж Натаниел (1859–1925) – британский государственный деятель. Министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), консерватор.

[772] Венизелос (Βενιζέλος) Элефтериос Кириаку (1864–1936) – греческий политик и государственный деятель. В период 1910–1933 неоднократно занимал пост премьер-министра. В 1923 представлял Грецию на конференции в Лозанне. В 20-е возглавлял Либеральную партию в парламенте.

[773] Принятое написание фамилии – Steed / Стид Генри Викхэм (1871–1956) – редактор газеты «The Times» (1919–1922). В 1895 был принят в газету в качестве берлинского корреспондента, затем работал в Риме (1897–1902), в Вене (1902–1913). С 1914 эксперт газеты по странам Центральной Европы. Написал автобиографию «Через тридцать

лет» (1924). После ухода из «The Times» стал редактором «The Review of Reviews» (1925–1930).

774 Тата – Наталья Аркадьевна Борман (?–195?), внучка А. В. Тырковой.

775 Имеется в виду Тыркова (урожд. Гайли) Софья Карловна (1837–193?), мать А. В. Тырковой.

776 29 октября 1924 на парламентских выборах в Великобритании победу одержали консерваторы: они получили 7,4 млн голосов и обеспечили себе абсолютное большинство мест в Палате общин (415 из 615). Лейбористы получили 151 депутатский мандат. Либералы, потеряв более миллиона голосов избирателей, сохранили за собой только 44 места в парламенте.

777 Саблин Евгений Васильевич (1886–1949) – дипломат. В августе 1914 назначен первым секретарем российского посольства в Лондоне. После смерти в 1917 последнего императорского посла России графа А. Бенкендорфа, был назначен поверенным в делах России. В сентябре 1919 принял на себя обязанности советника посольства. В дальнейшем, вплоть до признания Великобританией Советской Россией де-факто (1921) – управляющий делами посольства. Однако до 1924 (признание советского правительства де-юре) – продолжал удерживать здание посольства как оплот небольшевистской России. После отставки возглавлял эмигрантскую колонию в Лондоне, оказывал большую помощь русским беженцам, председатель Комитета помощи русским студентам в Лондоне; состоял представителем русских эмигрантов в фонде Ф. Нансена. Почетный попечитель русской церкви в Лондоне и церковный староста, казначей Российского общества Красного Креста в Лондоне.

778 Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фам. и имя Радомысльский Евсей Аронович) (1883–1936) – советский партийный и государственный деятель, публицист. В 1917–1925 председатель Петроградского совета. В 1921–1926 член Политбюро ЦК РКП(б). На Учредительном конгрессе Коминтерна (март 1919) был избран председателем его Исполкома (ИККИ).

Зиновьеву приписывалось авторство письма, в котором он якобы предлагал английским коммунистам активизировать подрывную работу в армии и на флоте и готовиться к грядущей гражданской войне. Существует мнение, что это письмо, опубликованное в английской газете «The Daily Mail» 25 октября 1924, т. е. за 4 дня до досрочных парламентских выборов в Англии, в значительной мере повлияло на их исход, способствуя поражению лейбористов и приходу к власти консервативного правительства С. Болдуина. Сам Зиновьев заявил о своей непричастности к написанию письма. В ответе полпреда СССР Х. Раковского на ноту английского Министерства иностранных дел отрицалась подлинность «письма Зиновьева» и указывалось, что обна-

родование этой «фальшивки» имеет целью восстановить британское общественное мнение против Советского Союза. В дальнейшем выяснилось, что копия письма была передана британскому Министерству иностранных дел от службы разведки MI5, которой оно было предоставлено рижским резидентом. А тот, в свою очередь, как свидетельствуют недавно введенные в научный оборот архивные материалы, получил его от русского эмигранта из Берлина.

779 Иоанн Кронштадтский (в миру Иван Ильич Сергиев) (1829–1908) – священник Русской Православной церкви, митрофорный протоиерей (1899), церковный и общественный деятель, проповедник, духовный писатель. Настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Член Союза русского народа. Канонизирован в лике праведных (1990).

780 Архиепископ Кентерберийский – Рэндалл Томас Дэвидсон (Davidson) (1848–1930), до интронизация в Кентербери (1903) – уинчестерский епископ. Первым из кентерберийских архиепископов активно занялся проблемами межхристианских отношений, особое значение придавал отношениям с православными Церквами. После Октябрьской революции 1917 пытался привлечь внимание общественности к тяжелому положению Русской Православной церкви. В 1925 организовал в Лондоне юбилейные торжества по случаю 1600-летия I Вселенского Собора, на которые были приглашены и православные церковные деятели, в частности митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Евлогий (Георгиевский) и др. Вышел в отставку 12 ноября 1928. Оставался членом Палаты лордов; король пожаловал ему личное дворянство и титул «барон Ламбетский».

781 Белл (Bell) Джордж Кеннеди Аллен (1883–1958) – церковный деятель, богослов. Декан Кентербери (1925–1929), епископ Чичестера (с 1929). Член Палаты лордов. Один из инициаторов и руководителей экуменического движения.

782 Гор (Gore) Чарльз (1853–1932) – английский церковный и общественный деятель, богослов. В 1892 основал церковное братство Общество Воскресения. Епископ оксфордский (1911), выступал за сотрудничество с представителями других религиозных конфессий. В июне 1919 вышел в отставку, поселился в Лондоне. Автор работ «Вера в Бога» (1921), «Вера в Христа» (1922), «Святой Дух и церковь» (1924) и др.

783 Имеется в виду Рейнский пакт – основной документ, выработанный (наряду с другими шестью договорами) в итоге переговоров, проходивших в Локарно (Швейцария) с 5 по 16 октября 1925; подписан 1 декабря в Лондоне. Пакт представлял собой гарантийный договор между Германией и Францией, Бельгией, Великобританией и Италией. Согласно пакту Германия признавала неприкосновенность своих западных границ, установленных Версальским договором 1919. Кроме того, Германия, Бельгия и Франция обязывались разрешать возникающие спорные вопросы мирным путем и «ни в каком случае не прибегать

к войне друг против друга». Англия и Италия выступали в качестве гарантов соглашения. Локарнские договоры способствовали улучшению дипломатического климата в Западной Европе в 1925–1930.

784 Чемберлен (Chamberlain) Остин (1863–1937) – английский государственный и политический деятель. Один из лидеров Консервативной партии. Министр иностранных дел в правительстве С. Болдуина (1924–1929). Способствовал заключению Локарнских договоров 1925. В 1925 ему была присуждена Нобелевская премия мира (совместно с вице-президентом США Чарлзом Дауэсом) «За свою роль в локарнских переговорах»). Один из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР в мае 1927. Автор книги «Peace in Our Time» («Мир в наше время»; 1928).

785 Эррио (Herriot) Эдуар (1872–1957) – французский государственный и политический деятель, писатель, публицист, историк. Председатель партии радикалов (с 1919). В 1924–1925 занимал пост премьер-министра и министра иностранных дел. В дальнейшем неоднократно входил в правительство Франции и занимал ответственные посты; премьер-министр (1926, 1932). Председатель Палаты депутатов (1925–1926; 1936–1940). Правительство Эррио в 1924 отказалось от дальнейшей оккупации Рура, а также установило дипломатические отношения с СССР.

786 С 7 по 26 сентября 1925 в Женеве проходила 6-я ассамблея Лиги Наций.

787 Возможно, имеется в виду торговый договор СССР с Германией, подписанный 12 октября 1925; несколько ранее было достигнуто соглашение о предоставлении Советскому Союзу краткосрочного кредита в размере 100 млн марок для финансирования советских заказов в Германии.

788 Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель. С 30 мая 1918 нарком иностранных дел РСФСР (в 1923–1930 – СССР).

789 «Некто в сером» – одно из действующих лиц в пьесе «Жизнь Человека» (1907) Л. Н. Андреева; символ некоей правящей силы, управляющей судьбой человека.

790 Бабаевщина – явление, обозначающее одряхление человеческой души. Термин, производный от фамилии заглавного героя первого романа С. Н. Сергеева-Ценского «Бабаев» (1906–1907). Писатель пояснял: «бабай» по-татарски значит старик.

791 Имеется в виду наиболее известный философский труд Дж. Милля – «Система логики» (1843).

792 Ладыженский (Лодыженский) Митрофан Васильевич (1852[1862]–1917) – чиновник; писатель и религиозный философ. Начиная с 1896

занимал последовательно посты вице-губернатора семипалатинского, витебского, ставропольского и могилевского. После выхода в отставку занялся литературным трудом. Состоял членом и секретарем Российского Теософского общества, искал пути синтеза философии, религии и мистики, сопоставлял православие и индуизм. Однако в конце жизни пришел к выводу, что лишь православие представляет истинный путь познания Божественного Откровения; вышел из Теософского общества. Главный труд – «Мистическая трилогия» (1911–1915).

793 Фаворский свет – таинственный свет, которым просияло лицо Иисуса Христа при преображении. Относительно Фаворского света в XIV в. в греческой церкви велся богослово-философский спор. Сторонники Варлаама Калабрийского признавали этот свет созданным для просвещения апостолов и бесследно исчезнувшим. Приверженцы прп. Григория Паламы видели в нем таинственное проявление Божественной славы; отстаивали так называемое «умное» делание – особый вид молитвенного созерцания (исихазм). Победу одержала партия Гр. Паламы, учение которого было признано истинно православным на соборе 1368, и сам он причислен к лику святых.

794 Симеон Новый Богослов (949–1022) – монах, богослов. Почитается Православной церковью в лике преподобного. Утверждал, что Бог может открыться и стать видимым человеку уже в его земной жизни.

795 Исаак Сириянин (VII в.) – сирийский религиозный писатель. В 661 был епископом Ниневии. В своих сочинениях обращался к вопросам мистического самоуглубления и борьбы со страстями.

796 По свидетельству М. В. Ладыженского, Толстой ничего не знал о сборнике «Добротолюбие», включавшем духовные произведения православных авторов IV–XV вв. Большая часть текстов принадлежит к традиции исихазма – мистической практики умно-сердечной молитвы, способствующей очищению ума и сердца и подготавливающей к духовному богосозерцанию. Сборник был впервые опубликован на греческом языке в 1782.

797 Очевидно, Тыркова имеет в виду Королевский Институт международных отношений (The Royal Institute of International Affairs), созданный в 1920 в Лондоне как научно-исследовательский центр по аналитическому анализу современной международной жизни. Направление исследований в значительной мере определялось заказами Министерства иностранных дел. Так, под эгидой Института, по заданию правительства, была подготовлена официозная одиннадцатитомная публикация «Британские документы о происхождении войны, 1898–1914» (1927–1938), ориентированная на доказательство вины Германии в развязывании 1-й мировой войны. В 20–30-е годы в деятельности Института обозначился интерес к изучению дореволюционной и послереволюционной истории России и ее политики в Европе и на Дальнем Востоке.

[798] Горвин (Gorvin) Джон Х. – главный представитель Ф. Нансена в Советской России в рамках кампании по борьбе с голодом, руководил работой Московского отделения нансеновской миссии.

[799] Рут Фрай (Ruth Fry) Анна (1878–1962) – английская писательница, общественная деятельница, участница пацифистского движения. В 1921 возглавляла Фонд помощи голодающим в России.

[800] Правильное написание фамилии Urquhard / Уркарт Лесли (1874–1933) – английский финансист и промышленник; горный инженер по образованию. Член правления ряда английских компаний, действовавших в России, председатель «Русско-Азиатского объединенного общества», владелец крупных горных предприятий в России. После Октябрьской революции 1917 возглавлял в Англии Общество кредиторов в России. В 1921–1922 вел переговоры о получении своих прежних владений в концессии. Согласно предварительному концессионному договору, заключенному с ним в Берлине 9 сентября 1922 народным комиссаром внешней торговли РСФСР Л. Б. Красиным, ему предоставлялись на правах концессии бывшие предприятия «Русско-Азиатского объединенного общества» на Урале и в Сибири сроком на 99 лет (с правом советского правительства, по истечении 40 лет с момента подписания договора, досрочно выкупить все концессионные предприятия), Однако СНК РСФСР не утвердил этот договор. В 1922 входил в качестве эксперта в английскую делегацию на конференциях в Генуе и Гааге.

[801] Масарик (Masarik [Masaryk]) Ян (1886–1948) – чехословацкий государственный деятель, дипломат. Сын Томаша Масарика (1850–1937), первого президента Чехословакии (1918–1935). Занимал пост посла Чехословакии в Лондоне (1925–1939), покинул этот пост в знак протеста против подписания Мюнхенских соглашений (1938). Во время 2-й мировой войны вошел в правительство Чехословакии в изгнании в качестве министра иностранных дел (с 1940). Одновременно руководил работой радиостанции «Говорит Лондон», вещавшей на оккупированную территорию Чехословакии.

[802] Принятое написание фамилии – Титулеску (Titulescu) Николае (1882–1941), румынский политический деятель, дипломат, академик Румынской академии (1935). В 1920–1930-х входил в правительства Румынии: министр финансов (1920–1922), министр иностранных дел (1927–1928; 1932–1936). В 1922–1927 и в 1928–1932 – посланник в Лондоне. Представлял Румынию в Лиге Наций. Выступал за создание системы коллективной безопасности в Европе и добрососедские отношения с СССР.

[803] Камбон (Cambon) Жюль (1845–1935) – французский дипломат. Посол Франции в Варшаве (1897), Мадриде (1902), Берлине (1907–1914). Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции

(с 1915). Член французской Академии бессмертных (с 1918). Автор книги «Дипломат» (1925). Его брат – Поль Камбон (1843–1924) с 1898 до 1920 был послом в Лондоне, сыграл значительную роль в создании Антанты.

804 Бриан (Briand) Аристид (1862–1932) – французский государственный деятель, дипломат. 11 раз занимал пост премьера-министра (1909–1911, 1913, 1915–1917, 1921 – январь 1922) и 17 раз – министра иностранных дел (1915–1917, 1921–1922, 1925–1931). Сторонник более гибкой политики по отношению к Германии. Один из инициаторов Локарнской конференции 1925. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 (вместе с Г. Штреземаном) за заключение Локарнских соглашений.

805 «Echo de Paris» («Эхо Парижа») – политическая и литературная газета, выходившая в Париже в 1884–1944.

806 «The Manchester Guardian» («Страж Манчестера») – ежедневная английская общественно-политическая газета либеральной направленности. Выходит в Манчестере с 1821. Основана Джоном Эдвардом Тэйлором (Taylor). В 1959 сменила название на «The Guardian».

807 Обер (Aubert) Теодор (1878 – не ранее 1933) – швейцарский адвокат. Выступал защитником А. Полунина на процессе по делу об убийстве В. В. Воровского – главы советской делегации на Лозаннской международной конференции (1923). Стремился превратить процесс в суд над большевизмом. Представил документы и свидетелей в доказательство преступлений большевистской власти. В частности, ссылался на антирелигиозную кампанию, голод в Поволжье, который также связывал с политикой большевиков. Утверждал, что распространение коммунизма становится мировой проблемой. Организатор «Международной лиги борьбы против III Интернационала» (1924). Его деятельность в известной степени содействовала тому, что общественное мнение Швейцарии осуждало большевизм.

808 Мосульский конфликт (1918–1926) – территориальный спор между Великобританией и Турцией по вопросу о принадлежности нефтеносного района Мосул. После окончания 1-й мировой войны Мосульский вилайет Османской империи, в состав которого входил Мосул, был оккупирован британской армией. Согласно Севрскому мирному договору 1920, Мосул был включен в состав Ирака – подмандатной территории Великобритании, однако правительство Кемаля Ататюрка не признало договора. Ни на Лозаннской конференции 1922–1923, ни на переговорах в 1924 в Стамбуле согласия не было достигнуто. В итоге Великобритания передала мосульский вопрос на рассмотрение Лиге Наций. 29 октября 1924 Совет Лиги Наций в Брюсселе установил демаркационную линию между Ираком и Турцией, в соответствии с которой Мосул оставался в пределах Ирака. Под давлением западных

держав Турция вынуждена была подписать 5 июня 1926 в Анкаре договор с Великобританией и Ираком, признав решение Лиги Наций.

809 Имеется в виду Скшиньский (Skrzyński) Александр Юзеф (1882–1931) – польский государственный деятель, дипломат. Полномочный представитель созданного в 1918 польского государства в Бухаресте (с 1919). Министр иностранных дел (с декабря 1922 по май 1923; с июля 1924 по май 1926). Премьер-министр (ноябрь 1925 – май 1926), сохраняя за собой пост министра иностранных дел.

810 Принятое написание фамилии – Tyrrell / Тиррелл Уильям Джордж (1866–1947) – барон; британский дипломат. Служил в Министерстве иностранных дел (1889–1928). Глава департамента политической разведки (1916–1919). Постоянный заместитель государственного секретаря по иностранным делам (1925–1928), британского посла во Франции (1928–1934).

811 Венский конгресс – международный конгресс, завершивший войны коалиций европейских держав с наполеоновской Францией; проходил в Вене в сентябре 1814 – июне 1815. В конгрессе участвовали представители всех европейских государств (кроме Турции).

812 Видимо, имеется в виду леди Вайолет Астор (Violet Astor) (1889–1965) – жена владельца газеты «Таймс» Дж. Астора (с 1916). В семье было трое детей.

813 Успенский Петр Демьянович (1878 – после 1947) – писатель, мыслитель, эзотерик, создатель учения («Системы»), в основе которого – идея вечного возвращения. Много путешествовал по России, Востоку, Европе, изучал различные духовные традиции. Читал лекции, вел занятия в группах своих учеников. С 1915 сотрудничал с Г. И. Гурджиевым, соавтор их совместного учения по саморазвитию – «Четвертый путь». В 1920 эмигрировал в Константинополь, в августе 1921 выехал в Лондон, где начал самостоятельную от Гурджиева работу по дальнейшей разработке учения и расширению круга учеников. Помог Гурждиеву собрать деньги для приобретения замка рядом с Фонтенбло, где был открыт «Институт гармонического развития человека». В 1938 в Лондоне были куплены дом и мастерская; здесь был основано Историко-Психологическое общество Успенского. В 1941 выехал в Америку, до 1946 проводил встречи в Нью-Йорке. В начале 1947 возвратился в Англию. Его основные труды: «Четвертое измерение» (1909), «Странная жизнь Ивана Осокина» (1910), «Tertium Organum» (1912), «Новая Модель Вселенной» (1931), «Психология Возможной Эволюции Человека», «В Поисках Чудесного» и «Четвертый Путь».

814 Правильное написание фамилии – Гурджиев Георгий Иванович (1872–1949) – мыслитель-мистик, путешественник. Создатель учения «эзотерического христианства». Значительный вклад в разработку учения внес его сподвижник П. Д. Успенский. Основатель «Института

гармоничного развития человека» в замке в поместье Приэре, около Фонтенбло под Парижем (1922–1932); преподавал «Айда-йогу» – упрощенный и сокращенный вариант учения. Организовывал публичные лекции и демонстрацию «священных движений», разработанных на основе народных и храмовых танцев стран Азии и Африки. Приезжал для чтения лекций в США, где имел группы учеников.

815 «Le Petit Parisien» («Маленький парижанин») – ежедневная французская общественно-политическая газета, выходила в Париже с 1876 по август 1944. Распространялась по всей Франции. После 1-й мировой войны ее тираж достигал 2 млн. экз. В 1924 установила в своем помещении небольшую радиостанцию для передачи газетных сведений.

816 Скирмунт (Skirmunt) Константин Генрихович (1866–1949) – польский политический деятель, дипломат. С 1918 служил в Министерстве внутренних дел. Полномочный посланник в Риме (1919–1921). Министр иностранных дел (июнь 1921 – июнь 1922). Полномочный посланник в Лондоне, а позднее посол там же (1929–1934).

817 «Возрождение» – русская эмигрантская газета умеренно консервативной направленности. Выходила в Париже: в 1925–1935 – ежедневно, в 1936–1940 – еженедельно. Издатель – А. О. Гукасов, редактор – П. Б. Струве (1925–1927), позднее Ю. Ф. Семенов.

818 Имеется в виду Зарубежный съезд, который поначалу планировался как форум представителей правого и центрального секторов Российского зарубежья, однако вылился в совещание консервативных сил российской эмиграции. П. Б. Струве возглавлял организационный комитет по созыву съезда. Газета «Возрождение», возглавляемая Струве, подробно информировала читателей о ходе подготовки съезда. Выборы делегатов проходили в течение полугода в 26 странах российского рассеяния. Всего было избрано 420 делегатов, на съезде присутствовало ок. 400. Съезд проходил в Париже с 4 по 11 апреля 1926. Председателем съезда был также избран Струве.

819 Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) – поэтесса, прозаик, переводчик. В 1922 эмигрировала. После 4 лет жизни в Праге переселилась в Париж. Эмигрантская литературная среда в целом весьма сдержанно, а подчас отрицательно оценивала творчество Цветаевой. К тому же ее муж – Сергей Яковлевич Эфрон – работал в просоветском «Союзе возвращения на родину», с 1931 хлопотал о советском паспорте, сотрудничал с советскими спецслужбами.

820 Д. П. Святополк-Мирский эмигрировал в 1920, в 1921–1932 жил в Лондоне, читал курс русской литературы в Королевском колледже Лондонского университета. Защитил магистерскую диссертацию о Пушкине. Автор ряда книг о русской литературе (на англ. яз.). Издал несколько антологий русской поэзии. Приглашал М. И. Цветаеву в Англию, помогал с устройством поэтических вечеров. Участник ев-

разийского движения (с 1922). Учредитель и соредактор евразийского журнала «Вёрсты». В 1931 вступил в компартию Великобритании, а в 1932 переехал в Советский Союз.

[821] Школа славянских (с 1930 – Школа славянских и восточноевропейских) исследований при Лондонском университете. Созданная в 1915, Школа является центром английской славистики. С 1922 выходит печатный орган Школы – «The Slavonic Review» [«Славянское обозрение»] (с 1929 – «Slavonic and East European Review» [«Славянское и восточно-европейское обозрение»]). В Школе стажировались ученые из славянских стран, с нею сотрудничали исследователи из России и Восточной Европы, в том числе русские эмигранты.

[822] Тырков Аркадий Владимирович (1859–1924) – старший брат А. В. Тырковой. Учился в Петербургском университете. В 1879 вступил в партию «Народная воля». Студентом 4-го курса участвовал в подготовке покушения на Александра II 1 марта 1881; входил в наблюдательный отряд С. Л. Перовской. Был арестован, заключен в Петропавловскую крепость. Из-за психического заболевания избежал суда. В 1883 был выслан в Восточную Сибирь в бессрочную ссылку. Манифестом 1896 бессрочная ссылка была заменена ссылкой на 20 лет. Наказание отбывал в Минусинске, Енисейской губ. Там его навестил В. И. Ленин, который находился в ссылке в Шушенском, а также Н. К. Крупская, которая передала ему привет от сестры – А. В. Тырковой (своей гимназической подруги). По возвращении проживал в Вергеже – имении отца. Занимался сельским хозяйством, работал над своими мемуарами. После Октябрьской революции 1917 оказался в тяжелом материальном положении, но в 1920 Ленин лично распорядился, учитывая революционные заслуги Тыркова, выделить ему и его семье из бывшего имения небольшой участок земли и двух коров.

[823] Зандер Лев Александрович (1893–1964) – религиозный философ, деятель международного экуменического движения. Преподавал философию в Пермском (1918–1919), Владивостокском (1919–1920) университетах. Эмигрировал из России в Китай (1922), потом перебрался в Чехию. Один из организаторов РСХД, секретарь РСХД в Прибалтике (1929–1933), генеральный секретарь РСХД (с 1933). Был в числе основателей Богословского института в Париже, преподавал логику, философию и сравнительное богословие. Член Братства Св. Албания и преподобного Сергия. Читал лекции о православии в Англии, Германии, Франции и Швейцарии. Участник всех экуменических съездов. Сотрудничал в ряде эмигрантских журналов: «Путь», «Русское обозрение», «Вестник РСХД», «Грани», «Мосты» и др.

[824] Принятое написание фамилии – Болдуин (Baldwin) Стэнли (1867–1947), граф Бьюгли (с 1937) – британский государственный и политический деятель, премьер-министр (1923–1924, 1924–1929 и 1935–1937). Лидер Консервативной партии (1923–1937).

825 Виконтесса Астор [Astor] (урожд. Лэнгхорн) Нэнси (1879–1964) – английский политический деятель. Первая в истории Великобритании женщина, избранная в Палату общин. В 1919 ее муж, Уолдорф Астор, оставил свой парламентский пост, а Нэнси заняла его место, блестяще победив на выборах по спискам Консервативной партии (уйдет в отставку лишь в 1945). В 1931 супруги Астор вместе с Б. Шоу посетили СССР, были приняты Сталиным. Во время аудиенции Нэнси, по свидетельству мужа, не побоялась спросить: «Когда вы, господин Сталин, прекратите убивать собственных подданных?»

826 Видимо, имеется в виду хороший знакомый Тырковой – Лодыженский (Ладыженский) Юрий Ильич (1888–1977) – врач. Участник 1-й мировой войны, полковой врач, затем начальник госпиталя Красного Креста в Киеве. В годы Гражданской войны учредил в Киеве Политический Красный Крест (1919) для оказания помощи и предоставления защиты политическим оппонентам большевиков. В 1920 эмигрировал в Швейцарию, работал в Российском отделении Красного Креста в Женеве. Вместе с женевским адвокатом Т. Обером создал в Женеве «Международную лигу борьбы с III Интернационалом» (1924). Автор воспоминаний «От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом».

826а Красин Леонид Борисович (1870–1926) – советский партийный и государственный деятель. Член ЦК ВКП(б) (1924–1926). С августа 1918 член Президиума ВСНХ, с ноября – председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, нарком торговли и промышленности (до июня 1920). Полпред и торгпред в Великобритании (1920–1923 и с 1925), полпред во Франции (1924–1925). Активно содействовал признанию Советской России со стороны этих двух стран.

827 Преще́ние – церковное дисциплинарное наказание, предусмотренное священными канонами, а также существующей практикой в Русской православной церкви.

828 Согласно постановлению временного Высшего церковного управления на Юге России, принятому в Симферополе 15 октября 1920, подтвержденному в дальнейшем Высшим церковным управлением и Указом патриарха Тихона, архиепископ Евлогий назначался управляющим русскими церквами в Западной Европе. 30 января 1922 Евлогий был возведен в сан митрополита. Однако в конце 1921 на Карловацком Соборе (в Сремских Карловцах, Югославия) было образовано Высшее церковное управление за границей под председательством митрополита Антония. Патриарх Тихон отказался признать за ним каноническую власть. Формально упраздненное, оно тем не менее продолжало существовать под названием Архиерейского Синода. Митрополит Евлогий, расходясь с большинством членов Синода, выводил свои полномочия из Указа патриарха и не считал себя подчиненным Синоду. В Париже он образовал свое епархиальное

управление. Митрополита Евлогия поддерживали видные церковные и общественные деятели, такие как П. Б. Струве, А. В. Карташев, Н. А. Бердяев, протоиерей Сергий Булгаков, Г. П. Федотов и др. Формальный разрыв между митрополитом Евлогией и карловацким центром наступил в июне 1926 на очередном Архиерейском Соборе в Карловацах. Евлогия поддержала большая часть парижской эмиграции. Под юрисдикцией Карловацкого Синода остались русские приходы на Балканах, в Германии и на Дальнем Востоке. На очередном Архиерейском Соборе, состоявшемся в январе 1927 года в Карловцах, митрополит Евлогий и его викарии были запрещены в священнослужении.

829 Серафим (в миру Николай Борисович Соболев) (1881–1950) – епископ Лубенский (1920). В ноябре 1920 эмигрировал в Константинополь, весной 1921 переехал в Болгарию. Управляющий русскими приходами в Болгарии, настоятель бывшего русского посольского храма в Софии. После «карловацкого раскола» (1926) перешел под юрисдикцию Русской православной церкви за границей, а с октября 1945 – Русской православной церкви (Московский Патриархат). В декабре 1929, определением Архиерейского Синода, переименован в епископа Богучарского, а в 1934 председателем Синода митрополитом Антонием (Храповицким) возведен в сан архиепископа. Автор книги «Русская идеология», в которой отстаивал необходимость для России монархического правления.

830 Риттих Александр Александрович (1868–1930) – государственный деятель, сенатор (1916). С 1905 служил в ведомстве земледелия, сделав успешную карьеру: с 1915 – товарищ министра земледелия, с ноября 1916 – управляющий Министерством земледелия, с 12 января 1917 – последний министр земледелия Российской империи. В 1919 эмигрировал. Обосновался в Англии, директор русского банка в Лондоне. Входил в состав Русского общества в Англии для помощи голодающим в России (1921).

831 Замен Конрад Евгеньевич, фон (1874–1959) – государственный служащий, в 1917 агент Министерства финансов в Англии. В годы Гражданской войны занимался в Англии вопросами финансового обеспечения антибольшевистского движения. В мае 1920 – январе 1921 главноуполномоченный по финансово-экономическим делам за границей. Остался в эмиграции, жил в Лондоне, вошел в состав Русского экономического общества. Впоследствии перебрался в Париж. Известен своей церковной деятельностью: член приходского совета Свято-Сергиевского подворья, с 1932 – староста церкви преп. Сергия Радонежского на подворье, избирался членом ревизионного комитета Парижской митрополии. Вел переписку с митрополитом Евлогием.

832 Возможно, Вальнев Алексей Иванович (?–1947) – крупный архангельский лесопромышленник, общественный деятель. Член учетного

комитета Архангельского отделения С.-Петербургского международного коммерческого банка. Входил в состав Архангельского общества изучения Русского Севера. Председатель Архангельской городской думы (1914).

833 Стратонов Иринарх Аркадьевич (1881–1942) – историк, публицист. Профессор Казанского университета, занимался изучением русской истории XVIII в. В 1922 выслан из Советской России. Жил в Берлине, читал лекции в Русском научном институте, продолжал научную деятельность. Принимал активное участие в церковно-общественной жизни русской эмиграции. Автор книг: «Документы Всероссийской Патриаршей Церкви» (1927), «Развитие церковной смуты» (1928) и «Русская церковная смута 1921–1931» (1932).

834 Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин) (1865–1925) – с 21 ноября 1917 патриарх Московский и всея России. Канонизирован Русской церковью в лике святителей (1989).

835 В эмиграции митрополит Антоний возглавлял Временное Высшее церковное управление за границей. Председательствовал на Карловацких Соборах, глава образованного на Соборе Архиерейского Синода, не признанного патриархом Тихоном. Находился в оппозиции к Временному Патриаршему Синоду в Москве. По постановлению Московской Патриархии от 22 июня 1934 митрополит Антоний был запрещен в священнослужении.

836 Звегинцева (урожд Свербеева) Екатерина Михайловна (1879–1948) – бывшая фрейлина, жена депутата III и IV Государственной думы А. И. Звегинцева (1869–1915). Эмигрировала после Октябрьской революции 1917 и поселилась в Лондоне, занималась переводами с русского, в частности, переводила Д. С. Мережковского. Звегинцева Мария Александровна (1908–1978) – дочь А. И. Звегинцева. Окончила Оксфордский университет, специалист по Восточной Европе.

837 Видимо, речь идет о Марии Лаврентьевне Пущиной (в замужестве Вильямс), дочери Л. И. Пущина (1874–1929), потомка декабриста И. И. Пущина, депутата IV Государственной думы, в марте 1917 – временного комиссара Петрограда и Таврического дворца. Мария родилась в имении Пущиных Лебедке недалеко от Орла. В 1917 родители вывезли ее из России. Жила вместе с матерью и братом в Лондоне. Потом семья выехала к отцу в Америку, но Мария вскоре вернулась, вышла замуж за английского дипломата. Во время 2-й мировой войны работала в агентстве «Рейтер». Автор ряда книг.

838 Лоуренс (Lawrence) Сьюзен (1871–1947) – английский политик, член Лейбористской партии, одна из первых женщин-депутатов парламента. Президент парламентского Совета по образованию.

839 Рехберг (Rechberg) Ф. – крупный германский промышленник.

[840] Гофман (Hoffmann) Макс (1869–1927) – германский военный деятель, генерал-майор (октябрь 1917). С 30 августа 1916 начальник штаба Восточного фронта. Оказывал значительное влияние на формирование германской военной стратегии на Востоке. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске. С 1920 в отставке. Автор мемуаров «Война упущенных возможностей» (М.-Л., 1925). В 1922 представил высшему военному руководству Германии план уничтожения советской власти путем совместной военной интервенции европейских государств, прежде всего Франции, Англии и Германии, а в дальнейшем экономического восстановления России, с учетом экономических интересов этих стран (т. наз. «план Гофмана»). Приветствовалось также финансовое и экономическое участие Соединенных Штатов Америки. Предлагалось создать объединенную армию, в которой Германия имела бы 600–700 тысяч солдат. «План Гофмана» деятельно поддержал сын гессенского фабриканта Арнольд Рехберг (брат Ф. Рехберга), который, используя свои обширные связи в политических и предпринимательских кругах, содействовал установлению контактов не только с крупными финансистами и промышленниками Германии, но и с представителями держав Антанты. В Англии «планом Гофмана» заинтересовался, в частности, сэр Генри Детердинг, генеральный директор и крупнейший акционер нефтяного треста «Royal Dutch Shell», утративший в результате Октябрьской революции 1917 свои позиции в Баку. При содействии Детердинга в Лондоне в 1926–1927 «план Гофмана» дважды становился предметом обсуждения в рамках организованных конференций.

[841] Н. В. Тесленко в это время жил в Париже, занимался адвокатской практикой, в частности в 1923 участвовал в защите М. Конради и А. Полунина – убийц В. В. Воровского. Работал в Бюро защиты прав русских граждан за границей, существовавшем при Финансовом торгово-промышленном союзе, в юридической консультации при Земгоре в Париже. Юрисконсульт ряда предприятий. Один из создателей Объединения русских адвокатов во Франции, его бессменный председатель (с 1927).

[842] Шервуд Эдди (Sherwood Eddy) Джордж (1871–1963) – американский протестантский миссионер, писатель. Секретарь ИМКА/YMCA (с 1911), работал среди студентов в Японии, Корее, Китае, Индии, на Ближнем Востоке и в России. Автор 37 книг в основном на религиозные темы: «Страдания и войны», «Студенты из Азии» и т. д.

[843] YMCA (Young Men's Christian Association – Христианская Ассоциация молодых людей, [ИМКА]) – одна из крупнейших молодежных организаций в мире. Основана в 1844 в Лондоне Джорджем Вильямсом (1821–1905). К настоящему времени действует 125 национальных федераций, объединенный во Всемирный альянс ИМКА со штаб-

квартирой в Женеве. Целью организации является проведение в жизнь христианских принципов.

844 Имеется в виду Бейкер Эдди (Baker Eddy) Мэри (1821–1910) – американская писательница, основательница религиозного течения «Christian Science» («Христианская наука»). Автор книги о «духовном врачевании» – «Science And Health» («Наука и здоровье», 1875). Разрабатывала и пропагандировала оригинальную методику врачевания «христианскими методами». Однако религиозные конфессии официально не признают правоверность движения «Христианская наука», причисляя его к псевдохристианской секте. Проповедовала новое учение в Бостоне в специально выстроенной церкви (1879).

845 Имеется в виду работа Вл. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», в которой затрагивается масонская тема.

846 Замок Хивер (Hever) находится в графстве Кент, на юго-востоке Англии. Самая старая его часть построена около 1270. С 1500, в течение долгого времени, замком владела семья Болейн, в дальнейшем сменилось несколько хозяев. В 1903 замок купил Уильям Уолдорф Астор (1848–1919), отец Дж. Астора. Весьма значительных сумм потребовало восстановление замка. Рядом была построена деревня в тюдорском стиле, вырыто озеро и разбиты сады в бывшей болотистой местности. Наиболее известный из них – Итальянский сад, который был создан для размещения коллекции итальянской скульптуры, собранной Астором в бытность свою американским послом в Италии.

847 М. И. Ростовцев в 1918 эмигрировал в Великобританию, преподавал в Оксфорде. Выступал с публичными лекциями, осуждавшими большевистскую революцию. Автор многочисленных публицистических работ. Один из инициаторов создания Комитета освобождения России. Входил во Временный комитет Русско-Британского Братства. Летом 1919 переехал во Францию, а летом 1920 – в США. В 1920–1925 профессор древней истории Висконсинского университета, а в 1925–1939 профессор древней истории и классической филологии Йельского университета.

848 Диди – внучка Тырковой, Ариадна Бочарская (1922–?).

849 Имеется в виду Остен Чемберлен.

850 Леди Хоар (Hoare) Мод (урожд. леди Мод Лайгон), виконтесса Темплевуд (1882–1962) – жена сэра Сэмюэля Хора (с 1909). Кавалерствующая Дама ордена Британской империи (1927).

851 Махатма Ганди (1869–1948) – индийский политический деятель, философ, духовный лидер нации. Один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. Создатель философии ненасилия (сатьяграха), в борьбе за независимость Ин-

дии использовал методы ненасильственного сопротивления: в частности бойкот британских товаров и учреждений, демонстративное нарушение ряда законов. Председатель Индийского национального конгресса (1921–1934). В 1931 Ганди добился ощутимых уступок от английских властей – 4 марта был подписан пакт Ганди и вице-короля Индии Ирвинга, согласно которому Ганди брал на себя обязательства свернуть кампанию гражданского неповиновения, а взамен англичане должны были: 1) амнистировать всех политических заключенных; 2) отменить монополию на соль; 3) разрешить вести пропаганду за независимость Индии от короны; 4) признать Индийский национальный конгресс официальной политической партией, снять запрет на его деятельность. С 7 сентября по 1 декабря 1931 в Лондоне, по инициативе лорда Ирвинга проводился «круглый стол», в рамках которого обсуждалось будущее Индии. Это обсуждение задумывалось как некий пропагандистский ход, демонстрирующий миролюбие политики Лондона, готовность решать индийские проблемы путем конструктивного диалога. Ганди принял участие в «круглом столе», но не был услышан. Не было принято никаких решений. Спустя неделю после возвращения в Индию Ганди был арестован (4 января 1932).

852 Гольбейн (Holbein) Ганс Младший (1497–1543) – немецкий живописец, портретист. В 1526–1528, 1532–1543 находился в Англии, в эти годы написал целый ряд портретов: Томаса Мора и его семейства, архиепископа Кентерберийского, астронома Кратцера, золотых дел мастера Том. Моретта, сэра Ричарда Соутвеля и др. Он стал придворным живописцем короля Генриха VIII, написал портрет самого Генриха VIII, а также королевы Джейн Сеймур, Эдуарда VI, герцога Норфолка и т. д. По поручению короля писал портреты принцесс, среди которых тот выбирал будущую жену.

853 Эйнштейн (Einstein) Альберт (1879–19) – физик, создатель теории относительности, совершившей революцию в теоретической физике, лауреат Нобелевской премии (1921). С большим уважением относился к Махатме Ганди, призывая следовать его учению о ненасильственных методах борьбы за права народных масс.

854 Офис Индии (1858–1947) – британский правительственный департамент, ответственный за прямое управление территориями, находящимися во владении Британской империи; в настоящее время они входят в состав независимых государств Бангладеш, Бирма, Индия, Пакистан. Кроме того, в разное время власть короны распространялась на разные области Юго-Восточной Азии, Центральной Азии, Ближнего Востока и даже Африки. Департамент возглавлялся министром по делам Индии, который являлся членом кабинета британского премьер-министра.

855 Имеется в виду хан Абдул Гаффар (ок. 1890–1988) – политический деятель, духовный лидер пуштунов, соратник и последователь Махат-

мы Ганди, возглавил исламское ненасильственное движение за независимость на Северо-западной границе британской Индии. В 1926 возглавил массовую организацию «Пахтун Джирга» («Пуштунская Лига»). В ноябре 1929 создал первые добровольческие отряды «Худаи Хидматгаран» («Слуги Божьи»), положив начало формированию профессиональной ненасильственной армии, основанной на военной дисциплине и вере в ненасилие. Активисты «Худаи Хидматгаран» красили свои рубашки в красно-коричневый цвет, и поэтому их называли «краснорубашечники» («Red Shirts»). Армия формировалась, главным образом, из крестьян, ремесленников и молодежи. Добровольцы из армейских соединений оказывали помощь в открытии школ в деревнях, помогали в организации общественных работ и сборе средств. В 1930 «краснорубашечники» приняли участие в знаменитом «Соляном походе» Махатмы Ганди. 23 апреля 1930 Гаффар-хан, выступая с речью в городе Утманзаи, призвал к неповиновению британскому правительству и был арестован. Затем аресту подверглись и другие лидеры «Худаи Хидматгаран». В августе 1931 было заключено соглашение между «Худаи Хидматгаран» и Индийским национальным конгрессом о сотрудничестве и совместных действиях. Хан Гаффар был одним из влиятельных членов Конгресса, верным единомышленником Ганди. В 1931 Конгресс предложил ему место президента, но тот отказался, оставаясь членом Рабочего комитета ИНК. В 1932 британские войска применили новую тактику – приступили к бомбардировкам в пограничных областях Индии и продолжали их до 1936–1937.

[856] Harrow (Хэрроу) – английская элитная частная школа, основана в 1572 по указу королевы Елизаветы.

[857] Шоу (Shaw) Джордж Бе́рнард (1856–1950) – британский писатель, драматург, лауреат Нобелевской премии в области литературы (1925), удостоен премии «Оскар», как сценарист фильма «Пигмалион» (1938). Общественный деятель. Его пьесы в английском театре занимали 2-е место по популярности после У. Шекспира. В 1930-е гг. совершил поездку по СССР, встречался со Сталиным. Поддерживал политику сталинизма, выступал как «друг СССР».

[858] Принятое написание фамилии – Барри (Barri) Джеймс Мэтью (1860–1937) – британский писатель, драматург. Наибольшую известность получил как драматург (пьесы «Мери Роуз», «Замечательный Крихтон», «Кволити-стрит», «Что знает каждая женщина»), но особенную популярность приобрела его пьеса «Питер Пэн» (впервые поставлена на сцене в 1904). В 1913 произведен в баронеты. Ректор Сент-Эндрюсского университета (1919–1922), канцлер Эдинбургского университета (1930–1937). Президент «Общества литераторов» (с 1928).

[859] Александр Македонский (Великий) (356–323) – македонский царь (с 336 до н. э.), один из величайших полководцев в истории, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти.

[860] Имеется в виду сетевой магазин Woolworth. Создатель сети – Франклин Уинфилд Вулворт (1852–1919) – является автором идеи магазинов самообслуживания экономкласса. Впервые товары располагались не на прилавках, а прямо в торговом зале; покупателям предоставлялось право самостоятельно выбрать понравившийся товар и отнести его на кассу; вся продукция имела фиксированную цену 5 и 10 центов. Чтобы удерживать цены на этом уровне Вулворт выстраивал торговлю без посредников, напрямую, заключая договоры о поставках непосредственно от производителя. 1-й магазин Woolworth появился в начале 1879 в Нью-Йорке и довольно быстро разорился. Однако за последующие 20 лет компания Вулворта доказала свою конкурентоспособность, превратившись в гигантскую розничную сеть: 631 магазин в США и Канаде с общим годовым оборотом свыше $ 60,5 млн. Магазины Woolworth были открыты и в Англии – Ливерпуле и Лондоне.

[861] Чемберлен (Chamberlain) Невилл (1869–1940) – британский государственный деятель, лидер Консервативной партии. Брат Остина Чемберлена. Премьер-министр Великобритании (1937–1940). Подписал Мюнхенское соглашение с Гитлером, Муссолини и Деладье (1938).

[862] Грей [оф Фаллодон (Grey of Fallodon)] Эдуард (1862–1933) – виконт, английский государственный деятель. Министр иностранных дел (1905–1916).

[863] 17-й граф Дерби (Derby), Стэнли (Stanley) Эдуард Джордж Вильерс (1865–1948) – английский государственный деятель, дипломат. В 1916 – военный министр в кабинете Ллойд Джорджа, в 1918–1920 – посол в Париже, в 1922–1924 – снова военный министр.

[864] Рузвельт (Roosevelt) Элеонора (1884–1962) – жена (с 1905) американского президента Франклина Рузвельта (1933–1945); общественный деятель, журналистка. Участница движения за права женщин, за мир во всем мире. В 1941 заняла пост зам. министра обороны, совершала поездки на американские базы в Тихом океане, в Австралии и Новой Зеландии. После смерти мужа в 1945 и в 1961 была представителем США на Генеральных Ассамблеях ООН. Возглавляла Комиссию ООН по правам человека (1945–1951). Один из лидеров либеральной фракции Демократической партии.

[865] Видимо, имеется в виду Троицкий Николай Александрович (псевд. Яковлев Борис Северович) (1903 – не ранее 1991) – инженер-строитель, архитектор, литератор. Работал в Наркомпросе (с 1930), зав. лабораторией цветовосприятия при Наркомпросе. Ученый секретарь Московского архитектурного общества. Организатор секции теории и истории архитектуры в Академии архитектуры СССР. В 1938 арестован, но в 1939 оправдан. В 1941 пошел добровольцем на фронт, вскоре попал в плен, до 1943 содержался в концентрацион-

ном лагере, затем примкнул к Русской освободительной армии (РОА). Редактор газет «За Родину», «Доброволец». Один из авторов программного манифеста Комитета освобождения народов России. После войны входил в число руководителей и организаторов Союза борьбы за освобождение народов России. Один из учредителей и первый директор Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР (1950–1955). Возражая против вмешательства американских политических структур в работу Института, подал в отставку. Переехал в США (1955). Работал в Корнельском университете заведующим отделом славянских книг и периодики (с 1962). Автор книги «Концентрационные лагеря СССР».

866 А. Л. Толстая в 1929 покинула Советскую Россию. Жила в США. Выступала с лекциями о Л. Н. Толстом во многих университетах. В 1939 организовала и возглавила Толстовский Фонд (Tolstoy Foundation) – эмигрантскую благотворительную организацию, оказывающую помощь всем русским беженцам, эмигрантам, финансирующую образовательные программы. В 1957 основала при Фонде церковь во имя преп. Сергия Радонежского. В 1941 приняла американское гражданство. Автор двухтомных мемуаров: «Отец. Жизнь Льва Толстого» (Нью-Йорк, 1953), «Дочь» (Лондон, 1979).

867 Оруэлл (Orwell) Дж. (наст. имя Эрик Артур Блэр [Blair], 1903–1950) – английский писатель и публицист. Автор антиутопического романа «1984» и повести «Скотный двор».

868 Бритнева Мария Карловна (урожд. Букналл) проживала в Лондоне.

869 IRO (International Refugee Organization) / ИРО – Международная организация по делам беженцев – специализированная организация, учрежденная ООН 20 апреля 1946 для оказания помощи беженцам и перемещенным лицам, появившимся в результате 2-й мировой войны. Преемница Администрации ООН по восстановлению и помощи (UNRRA). Местопребывание – Женева. Распущена в 1952.

870 Кульман Густав Густавович (1895?–1961) – правовед, публицист, общественный деятель. Сотрудничал в журнале «Путь». Один из руководителей YMCA, работал в отделе помощи русским беженцам в Европе. Содействовал созданию Русского Богословского института при Сергиевском Подворье в Париже. Позже работал в Лиге Наций, помогая в 30-е и 40-е беженцам из Европы.

871 Лампе Алексей Александрович, фон (1885–1967) – генерал-майор. Участник Русско-японской 1904–1905 и 1-й мировой 1914–1918 войн. Противник большевистского режима. В 1918 занимался в Харькове переброской офицеров в Добровольскую армию, позднее – начальник оперативного отдела в группе войск генерала П. Н. Врангеля. В 1920 выполнял поручения Врангеля за границей. Остался в эмиграции. Военный представитель Русской армии в Дании, Венгрии, Германии

(с 1923), возглавлял 2-й отдел РОВС в Берлине. В начале февраля 1945 Лампе, стремясь предотвратить мобилизацию бывших русских офицеров в ряды германского «фольксштурма», отдал им приказ покинуть Берлин и начать отход на Юг и Запад. После 2-й мировой войны переехал во Францию, стал зам. председателя РОВС, затем возглавил РОВС (с 1957). Издал семь томов сборника «Белое Дело» и сборник «Пути верных».

[872] Русский Общевоинский союз (РОВС) – структура, объединявшая военные организации и союзы русской эмиграции. Союз создан в 1924 генералом П. Н. Врангелем. Штаб РОВС находился в Париже, а его отделы и отделения в странах Европы, США, Южной Америки и Китае. Печатным органом РОВС был журнал «Часовой» (редактор В. В. Орехов).

[873] Видимо, имеется в виду терский казак Негоднов М. П. Перебравшись в Аргентину, он возглавил в Буэнос-Айресе Общекадетское объединение (ОКО, создано в 1949), издавал печатный орган организации – «Осведомительное письмо О. К. О.» (позднее – «Кадетское письмо»).

[874] Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – генерал, атаман Войска Донского, военный и политический деятель, писатель, публицист. Участник Гражданской войны. В 1920 эмигрировал, жил в Германии, с ноября 1923 – во Франции. Сотрудничал с РОВС, с вел. кн. Николаем Николаевичем. В 1936 переехал в Германию. В 1941 призвал русских эмигрантов к участию в походе гитлеровских войск против большевистской России. С сентября 1943 возглавил Главное управление казачьих войск имперского Министерства восточных оккупированных территорий Германии. В мае 1945 сдался англичанам. 28 мая в Лиенце (Австрия) был выдан советской военной администрации. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

[875] Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947) – кубанский казак, участник Гражданской войны, генерал-лейтенант в армии ВСЮР. В мае 1920 эвакуировался, жил в Югославии, потом в Париже. В годы Второй мировой войны сотрудничал с германским вермахтом. В 1944 был назначен начальником Резерва казачьих войск при Главном штабе войск СС, получил звание группенфюрер СС. В мае 1945 в Лиенце выдан англичанами советской военной администрации. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

[876] Имеется в виду Султан-Гирей (1880–1947) – российский военачальник, черкес. Участник Гражданской войны, весной 1921 эмигрировал. Один из руководителей «Народной партии горцев Северного Кавказа», боровшейся за отторжение Северного Кавказа от Советской России. В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами, участвовал в формировании воинских горных частей. В мае 1945 был выдан англичанами органам НКВД. Казнен по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

[877] Степун Федор Августович (1884–1965) – философ, социолог, литератор, общественно-политический деятель. В 1922 выслан из Советской России. Профессор социологии Высшего технического училища в Дрездене (с 1926). Один из редакторов журнала «Новый град» (Париж, 1931–1939). Возглавлял кафедру истории русской культуры в Мюнхенском университете (с 1947). В своих мемуарах «Бывшее и несбывшееся» (на нем. яз. 1947–1950; на рус. яз. 1956) Степун рисует портрет Б. В. Савинкова, которого знал по работе в 1917, когда Савинков занимал пост управляющего Военным министерством, а Степун служил под его началом, возглавляя политическое отделение.

[878] Михаил Александрович (1878–1918) – великий князь, младший брат Николая II, генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант, с 19 января 1917 генерал-инспектор кавалерии. 2 марта 1917 Николай II отрекся от престола в его пользу, однако Михаил Александрович отказался принять верховную власть, передав решение вопроса о форме правления Учредительному собранию.

[879] Любенков Лев Владимирович (1862–?) – юрист, земский деятель Тульской губернии. С 1896 – мировой судья Рогожского участка Москвы.

[880] Брызгалов Алексей Александрович (?–1888) – инспектор студентов Московского университета, составитель учебников по географии. По воспоминаниям, отличался грубостью, «бездушным формализмом», постоянным вмешательством во все студенческие дела, студенчество относилось к нему с ненавистью и презрением. В ноябре 1887 в антракте университетского концерта в Колонном заде Дворянского собрания студент 3-го курса Синявский дал ему пощечину, что послужило сигналом к взрыву студенческих волнений в Московском университете и ряде других высших учебных заведений Москвы.

[881] Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист, издатель, литературный критик. Редактор газеты «Московские новости», оказывал через газету определенное влияние на государственную политику. Эволюционировал от либерализма 40–50-х к правоконсервативным представлениям начала 60-х. Инициатор реформ в сфере просвещения, сторонник «классического» образования (с изучением древних языков и приоритетом гуманитарного знания).

[882] Алекса́ндр III Алекса́ндрович (1845–1894) – император всероссийский (с 1 марта 1881). Проводил политику «контрреформ». Так, в частности, в 1884 был принят новый университетский устав, отменявший автономию университетов.

[883] Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) – князь; религиозный философ, публицист, общественный деятель. Брат Е. Н. Трубецкого. Профессор философии и первый выборный ректор Московского университета. Редактор журнала «Вопросы философии и психологии» (1900–1905). В 1905 принимал активное участие в съездах земских

и городских деятелей. В отличие от консервативно-либеральных кругов шиповского толка, выступал за созыв законодательного представительства.

[884] Шаховской Сергей Иванович (1865–1908) – князь, земский деятель. Брат Д. И. Шаховского. Член «Союза освобождения». Входил в Московский городской комитет кадетской партии. Сотрудничал в газетах «Русские ведомости», «Русская мысль», в журнале «Вестник Европы».

[885] «Беседа» – кружок, объединивший либеральных земских деятелей. Образован в 1899, просуществовал до октября 1905. Не отрицая существования монархии, «собеседники» выступали в противовес бюрократической модели управления за расширение компетенции органов местного самоуправления, реорганизацию земств, созыв народного представительства и, самое главное, – за последовательное проведение в жизнь принципа незыблемости гражданских прав человека.

[886] Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) – общественный и политический деятель, публицист. Гласный Волоколамского уездного (1877–1891, 1897–1905) и Московского губернского (1897–1905) земских собраний. Председатель Волоколамской уездной (1891–1893) и Московской губернской (1893–1904) земских управ. Один из инициаторов возобновления частных совещаний председателей губернских земских управ (май 1896, август 1898), возглавил общеземское организационное бюро. Член кружка «Беседа», «Союза земцев-конституционалистов». Один из основателей «Союза 17 октября», председатель его ЦК и московского отдела ЦК; в 1906 вышел из партии. Один из организаторов Партии мирного обновления (1906). Член ЦК Партии прогрессистов (1912). Член Государственного совета по избранию (1906–1909).

[887] Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925) – общественный и политический деятель. Сычевский уездный и смоленский губернский земский гласный. Член кружка «Беседа» (с 1901). Участник земских съездов 1904–1905. Член «Союза 17 октября» (с 1905), входил в состав его ЦК (с 1906). Депутат II–IV Государственной думы.

[888] Никола́й II Алекса́ндрович (1868–1918) – последний российский император (с 20 октября [1 ноября] 1894 по 2 марта [15 марта] 1917).

[889] Трубецкой Петр Николаевич (1858–1911) – князь; политический деятель, землевладелец; действительный статский советник (1896). Московский губернский предводитель дворянства (1892–1906). Один из учредителей и лидеров монархического «Союза русских людей» (1905). В декабре 1905 в беседе с Трубецким Николай II подчеркнул, что, по его заключению, конституция, в силу низкого культурного уровня народа, тяжелого положения на окраинах и т. д., неизбежно ослабит Россию и только самодержавие может спасти страну.

[890] Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – государственный деятель, министр внутренних дел (1900–1902). Убит 2 апреля 1902 членом боевой организации эсеров Степаном Балмашевым.

[891] Новицкий Георгий Исакиевич (Исаакович) (1889–1966) – инженер-электрик, общественный деятель. Окончил Петербургский Политехнический институт. В 1920-х переехал в США, работал в продолжение 27 лет в Нью-Йорке в компании «Ронсождейтэд Эдисон». Духовный сын Александра Шмемана. Активный деятель русской эмиграции в США. Долгое время состоял председателем Общества друзей русской культуры и Общества помощи русским детям за рубежом (был также одним из основателей этого Общества). Возглавлял Русский республиканский клуб. Один из основателей, позднее председатель американского Общества друзей Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже и Русского православного богословского фонда. В 1962, вместе с Н. С. Тимашевым, организовал юбилей русской государственности – «Тысячестолетие "Призвания князей на Русь"» (1962), привлек лучшие силы русской эмиграции. В 1968 организовал семинар «Столетие великих реформ», посвященный Александру II. Публиковался в «Новом журнале» и в «Записках Русской академической группы».

[892] Гефдинг Владимир Федорович (1887–1979) – экономист, публицист. В эмиграции жил в Берлине, корреспондент американского экономического еженедельника «The Business Week» по Германии. Сотрудничал во всех изданиях П. Б. Струве – «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство». Корреспондент «Neue Züricher Zeitung». В 1945 арестован в советской зоне оккупации Берлина, но в 1948 ему удалось бежать. В 1949 прибыл в США.

[893] Возможно, Демидов Александр Петрович (1893–1961) – врач, общественный деятель. Участник 1-й мировой войны. В конце 20-х эмигрировал во Францию, с 1930 жил в США. В 1953 получил диплом врача и право практики. Состоял членом ряда эмигрантских Обществ: помощи русским детям за рубежом, друзей русской культуры, друзей Свято-Сергиевской духовной академии.

[894] Кеннан (Kennan) Джордж Фрост (1904–2005) – американский дипломат, историк, политолог. В молодости изучал русский язык и русскую историю. С 1927 работал в различных американских дипломатических миссиях в Таллине, Риге, Москве (с 1930). В 1951 был назначен послом США в Москве, однако в 1956 объявлен «персоной нон грата». Основатель Института перспективных российских исследований имени Кеннана. Профессор Принстонского института научных исследований. Автор ряда трудов по истории взаимоотношений США и СССР, написал двухтомные «Мемуары» (1967; 1972). Председатель Фонда свободной России, по его инициативе было создано «Издательство имени Чехова».

895 «Лига борьбы за народную свободу» была образована в марте 1949 в Нью-Йорке с целью объединения всех русских «демократических элементов» как в Америке, так и за ее пределами. Состояла в основном из меньшевиков и эсеров, группировавшихся вокруг журнала «Социалистический вестник» – эсеры В. М. Зензинов, В. М. Чернов, меньшевики Р. А. Абрамович, Б. И. Николаевский, Д. Ю. Далин и др. Лига заявила о приверженности идеалам Февральской революции 1917, истинной марксистской идеологии, которая нуждается в очищении от ленинских и сталинских искажений. Выступала против сотрудничества с правыми кругами. Лига явилась одним из пяти членов-основателей Союза освобождения народов России и была представлена в этой организации Николаевским и Зензиновым. Главным редактором печатного органа Лиги – «Грядущая Россия», стал А. Ф. Керенский, который, однако, вскоре вышел из состава Лиги.

896 Имеются в виду члены Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС). После 2-й мировой войны эта политическая организация разрабатывала планы создания на территории СССР отдельных дееспособных оппозиционных ячеек, которые бы подчинялись руководству координирующего их деятельность зарубежного центра и готовили почву для всенародного восстания. Председатель НТС в 1934–1954 – В. М. Байдалаков.

897 Мельгунов Сергей Павлович (1879–1956) – историк, общественный и политический деятель. Член Народно-социалистической партии (с 1907). Один из основателей кооперативного издательства «Задруга» (1911). Редактор-издатель журнала «Голос минувшего» (1913–1923). Участник нелегальных организаций: Союза возрождения России (с апреля 1918) и Тактического центра (с марта 1919). По делу Тактического центра был приговорен в 1920 к смертной казни, замененной 10 годами заключения. Освобожден в 1921, в октябре 1922 выслан за рубеж. Член Заграничного комитета Трудовой народно-социалистической партии. В эмиграции издавал в 1923–1928 совместно с В. А. Мякотиным и Т. А. Полнером историко-литературный журнал «На чужой стороне» (с 1926 – «“Голос минувшего” на чужой стороне»). После 2-й мировой войны основал «Союз борьбы за освобождение России». Редактор журнала «Возрождение» (1949–1954). Издавал журнал «Российский демократ» (1948–1957).

898 Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, публицист, мемуарист. Прибыл в США в 1917 в составе «чрезвычайной миссии», возглавлявшейся Б. А. Бахметевым, работал в российском посольстве до его закрытия в 1924. В 1927 по рекомендации М. И. Ростовцева был приглашен в Гарвардский университет преподавать русскую историю; в дальнейшем стал профессором и заведующим славянским отделением. Преподавал также в ряде других американских университетов.

Соредактор (с 1943) основанного в 1941 в Нью-Йорке «Нового журнала», затем – главный редактор.

899 Начиная с 1923 Б. А. Бахметев выступал с лекциями в Политическом институте в Вильямстауне, проводил дискуссии за круглым столом, публиковал аналитические статьи о положении в России. Пытался заниматься предпринимательством, вел исследовательскую работу. Основатель и директор гуманитарного фонда и Фонда помощи русским студентам. В 1934 принял американское гражданство, стал членом Республиканской партии, профессором Колумбийского университета.

900 Sea Cliff (Морской Утес) – город в пригородной зоне Нью-Йорка, на севере Лонг Айленда, где с конца 40-х начали селиться представители российской эмиграция. Здесь сначала (до 1953) была русская православная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, а в 1959 был построен храм преп. Серафима Саровского.

901 Чулков Георгий Иванович (1879–1939) – поэт, прозаик, литературный критик. В 1930 опубликовал мемуары «Годы странствий».

902 Шмеман Александр Дмитриевич (1921–1983) – протопресвитер; богослов, общественный деятель. Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1945), позднее учился в Сорбонне; доктор богословия (1959). Ученик А. В. Карташева. Преподавал церковную историю в Свято-Сергиевском православном богословском институте (1945–1951). В 1946 был рукоположен в священники. Редактор епархиального журнала «Церковный вестник». Настоятель церкви Рождества Богородицы в Пти-Кламаре (Франция; 1951). С 1951 жил в США, доцент Свято-Владимирской духовной семинарии; профессор (с 1960); декан (1962–1983). Преподавал также в Колумбийском и Нью-Йоркском университетах. Член (1964–1983) митрополичьего совета Северо-Американской митрополии (с 1970 – Православной церкви в Америке), протоиерей (с 1953), протопресвитер (с 1970). Заместитель председателя (1963–1979), затем председатель (1979–1983) Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Америке. Автор ряда книг.

903 Александр (в миру Александр Николаевич Киселев) (1909–2001) – священник Русской православной церкви за рубежом, Православной церкви в Америке, протопресвитер. До 2-й мировой войны – настоятель православных церквей в Нарве и Таллине. В 1940 выехал в Германию. Служил в храме св. Владимира в Берлине. Выполнял пастырские обязанности в лагерях советских военнопленных, организовывал помощь вещами и продуктами. Принял активное участие в организации Русской освободительной армии генерала А. А. Власова, руководил духовенством «власовцев». В 1945 основал в Мюнхене Дом милосердного самарянина – культурно-благотворительный центр русской

общины с гимназией, издательством, школой сестер милосердия. В 1949 переехал в США, личный секретарь епископа Иоанна Бруклинского, настоятель Свято-Троицкой Асторийской церкви в Нью-Йорке. Организовал в Нью-Йорке Русское студенческое христианское движение (РСХД), Свято-Серафимовский фонд (1950), занимавшийся собиранием и сохранением русского культурного наследия. С 1951 – основатель и настоятель храма в Нью-Йорке. В 1970 перешел под юрисдикцию Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), возведен в сан протопресвитера. В 1991 вернулся в Россию, поселился в Донском монастыре.

[904] Коряков Михаил Михайлович (1911–1977) – историк, писатель, журналист, мемуарист. В конце 1930-х окончил Московский институт философии, литературы, истории (МИФЛИ). В годы 2-й мировой войны служил в Красной армии. После войны был направлен в советское посольство в Париже. С весны 1946 невозвращенец. Сотрудничал в «Русской мысли». В 1950 перебрался в США. Работал в Американском комитете за свободу народов СССР (с 1951).

[905] По всей видимости, имеется в виду Елагин (наст. фам. Матвеев) Иван Венедиктович (1918–1987) – поэт, переводчик. В 1943 из оккупированного Киева переехал в Германию. После окончания войны оказался в американской зоне оккупации, избежал репатриации. Находился в лагере перемещенных лиц. С 1950 жил в США. Работал на радиостанции «Свобода». Профессор Питтсбургского университета, преподавал русскую литературу (с 1970). Публиковал стихи в «Новом журнале» (с 1961 по 1987).

[906] Берберова Нина Николаевна (1901–1993) – писательница, историк российского масонства. В 1922 эмигрировала вместе с мужем В. Ф. Ходасевичем, жила в Германии, Чехословакии, Италии, Франции. В годы 2-й мировой войны оставалась в оккупированной немцами части Франции. В 1950 переехала в США, преподавала в Йельском и Принстонском университетах.

[907] Видимо, имеется в виду Сергей Сергеевич Максимов (1916–1967), писатель, публицист. В Москве печатался в журналах «Огонёк», «Ёж», «Смена». В 1936 осужден за «антисоветскую агитацию» на 5 лет, срок отбывал в Севжелдорлаге. После освобождения (1941) ему было запрещено проживание в Москве, поэтому он устроился в Калуге, во время немецкой оккупации – в Смоленске. В 1943 оказался в Берлине, сотрудничал в восточном отделе Министерства пропаганды. После войны вошел в редколлегию журнала «Грани», опубликовал на его страницах 1-ю часть своего главного романа – «Денис Бушуев» (1949). В июне 1949 перебрался в США, опубликовал 2-ю часть романа – «Бунт Дениса Бушуева» (1956), поэмы: «Царь Иоанн» и «Танюша». Сотрудничал в «Новом русском слове» и др. изданиях, Преподавал русский язык в Fordham University.

Вместе с С. С. Максимовым в США эмигрировал его брат Николай (1908–1976), тоже писатель (псевд. Лунёв, Витов), который воевал, попал в немецкий плен, был освобожден хлопотами брата в 1944.

908 Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977) – философ, историк религии и культуры, общественный деятель. Приват-доцент Московского университета (с 1914), профессор Саратовского университета (1918–1920). В марте 1920 нелегально перешел польскую границу. Профессор Кёнигсбергского университета (до 1944). Одновременно профессор православного богословского факультета Варшавского университета (1926–1938). Читал лекции в Оксфордском, Кембриджском, Лондонском университетах. Публиковался в журнале «Путь» и других эмигрантских периодических изданиях. Выступал с лекциями в Русском научно-исследовательском институте и в Религиозно-философской академии в Берлине. Участник экуменического движения. В 1945–1947 жил в Париже, преподавал в Сорбонне. В 1947 переехал в США, преподавал в Свято-Владимирской духовной семинарии при Колумбийском университете, читал лекции в Монреальском университете. Председатель Русской академической группы в США (1971–1977), один из основателей «Записок Русской академической группы в США».

909 Соловьев-Бобров Михаил – журналист. Редактор издававшейся в Бобруйске в период фашисткой оккупации газеты «Новый путь» (20 апреля 1942 – 29 марта 1943). Затем вступил в партизанский отряд, который вел борьбу и против оккупантов и против сталинского режима. К окончанию 2-й мировой войны оказался в Зальцбурге (Германия). Затем перебрался в США. Публиковался в «Российском демократе», «Возрождении». Автор мемуаров «Записки советского военного корреспондента» (1954).

910 Имеется в виду радиостанция «Голос Америки» («Voice of America»). Впервые вышла в эфир 24 февраля 1942. Русский отдел радиостанции появился в 1947. Штат сотрудников Русской службы формировался преимущественно из эмигрантов.

911 Далин (наст. фам. Левин) Давид Юльевич (1889–1962) – социал-демократ, меньшевик, историк меньшевизма. После октября 1917 – член ЦК РСДРП. Вел активную борьбу против большевизма, неоднократно арестовывался, в 1921 выслан за границу. Сотрудничал в основанном Ю. О. Мартовым в Берлине «Социалистическом вестнике». Входил в Заграничную делегацию РСДРП – меньшевистский эмигрантский центр (с апреля 1923), член редколлегии «Социалистического вестника» (с сентября 1923). С 1940 жил в США, занимался научной работой по проблемам советской внутренней и внешней политики. Сотрудничал в русских эмигрантских («Новый журнал») и американских журналах («Нью-Лидер» и «Проблемы коммунизма»).

[912] Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР) – эмигрантская антисоветская организация, ориентировалась в своей программе на трансформацию политического строя в России в духе «Советы без большевиков». Образован в 1949 в Мюнхене, сформировал представительства в разных странах, в том числе и на территории США (1950). Североамериканский отдел в дальнейшем проявлял наибольшую активность. Центральные печатные органы – журнал «Борьба» и газета «Голос народа».

[913] В ноябре 1951 в Висбадене состоялось совещание, в котором приняли участие представители 11 организаций: Народно-трудовой союз (НТС), Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), Российское народное движение (РНД) под руководством А. Ф. Керенского, Союз борьбы за свободу России, Лига борьбы за народную свободу, а также национальные организации – Совет Белорусской народной республики, Азербайджанский национальный совет, Туркестанский национальный комитет, Союз борьбы за свободу Армении, Северо-Кавказское антибольшевистское объединение. Совещание открылось вступительной речью Исаака Дон Левина (представителя Американского комитета освобождения от большевизма) с призывом создать единый фронт народов СССР против большевистской тирании. Несмотря на выявившиеся в ходе переговоров противоречия, совещание смогло выработать и принять совместную декларацию. Ее политическая часть предусматривала: «непримиримое отрицание» коммунистической диктатуры; признание безусловного права народов на самоопределение, на самостоятельное, путем демократического волеизъявления, решение своей судьбы; ориентацию на решительную борьбу «против коммунистического рабства» («Возрождение». 1951. № 18. С. 181).

[914] Национальные делегации на своем частном совещании в рамках Висбаденского совещания единогласно приняли общую формулу по национальному вопросу: «Исходя из принципа национального самоопределения, мы <...> признаем за народами, населяющими нынешнюю территорию Советского Союза, безусловное право свободно, на основе демократического волеизъявления, либо путем плебисцита, либо решением национальных учредительных собраний, либо через всероссийское учредительное собрание определить свою судьбу, а также реальное обеспечение этого права». На пленарном заседании эта формула была принята всеми участниками единогласно (Там же).

[915] Алексеев Василий Иванович (1906–2002) – историк. Окончил Московский университет (1930), был арестован, провел пять лет в лагерях; освободился в 1934. С началом войны мобилизован, в 1942 попал в плен. После 1945 не вернулся на родину. В 1951 переехал в США. Преподавал русский язык и литературу в университете штата Миннесота (1955–1975), защитил диссертацию по истории Русской право-

славной церкви на оккупированной территории во время 2-й мировой войны (1967; русский перевод опубликован в журнале «Русское возрождение» – 1980–1982). Читал лекции в Институте советоведения в Миддлбери (штат Вермонт). Входил в редколлегию журнала «Русское возрождение», основанного протопресвитером А. Киселевым. Публиковался также в журналах «Возрождение», «Новый журнал», «Записки Русской академической группы в США», в газете «Новое русское слово» и др. Автор воспоминаний «Невидимая Россия» (Нью-Йорк, 1952).

916 Фишер (Fisher) Джордж (Юрий Львович) (1923–2005) – политолог, социолог, общественный деятель. Находясь с родителями в Москве (с 1927), овладел русским языком. Учится в 32-й образцовой школе им. Лепешинского, вступил в комсомол. В 1939 мать, опасавшаяся репрессий, вывезла сыновей в Нью-Йорк. Поступил в Висконсинский университет, но вскоре был призван в армию. Служил офицером связи на американской авиабазе в Полтаве. Во время ялтинской встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в феврале 1945 работал на аэродроме Саки под Ялтой. После демобилизации в 1947 (в звании капитана) окончил Висконсинский университет. Под руководством М. М. Карповича и И. Берлина специализировался по проблемам русской истории в докторантуре Гарвардского университета (1948–1952). Под влиянием Б. И. Николаевского инициировал и координировал широкомасштабный проект исследований послевоенной эмиграции из СССР (1948–1951), проводившихся Русским исследовательским центром Гарварда. Один из главных организаторов создания Института по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене (1950). В 1952 защитил докторскую диссертацию «Советское противостояние Сталину во Второй мировой войне», подготовленную на основе нескольких сотен интервью, взятых им у бывших советских граждан, оказавшихся на Западе. Недолгое время работал в благотворительном фонде помощи новым советским эмигрантам, а затем сосредоточился на преподавании в университетах США. Автор труда «Русский либерализм» (1958) (См.: Попов А. Зарубежная Россия: памяти Джорджа Фишера // Русская газета. 2005. № 29).

Мать Джорджа – Берта Яковлевна Фишер (урожд. Марк) (1888–1977), родилась в Либаве, закончила Петербургскую консерваторию и университет в Лозанне. В годы 1-й мировой войны, находясь на гастролях в Америке, познакомилась с Луи Фишером. В 1922 в Берлине вышла за него замуж. Работала переводчицей Г. В. Чичерина и М. М. Литвинова на международных конференциях в Генуе, Рапалло, Лозанне, Гааге. Позднее – переводчица советского посольства в Германии. В 1927–1939 находилась в Москве, затем получив при содействии Элеоноры Рузвельт визу, вывезла сыновей в США. В послевоенные годы несколько лет руководила Международным комитетом спасения и помощи беженцам в Мюнхене (International Rescue and Relief Committee).

[917] Дон Левин Исаак (1892–1958) – историк, политолог, публицист, общественный деятель. В 1918–1919 работал в Советской России в качестве корреспондента чикагской газеты «The Daily News». Впоследствии неоднократно приезжал в СССР, сопровождая американских сенаторов в их поездках по стране (1923, 1924). Поддерживал контакты со многими деятелями российского революционного движения. Считался экспертом по советской политике. Автор первой подробной биографии Сталина (1931) и целого ряда книг по политической истории Советской России. Вице-президент американского комитета по борьбе с большевизмом.

[918] Кромиади Константин Григорьевич (1893–1991) – участник Белого движения; полковник, полный Георгиевский кавалер. После окончания Гражданской войны эмигрировал в Германию, работал таксистом в Берлине. С 1 сентября 1941 служил в имперском Министерстве восточных областей, возглавлял комиссию по распределению военнопленных по специальностям. Отстранен от работы за критику условий содержания русских военнопленных. В конце марта 1942 в Смоленске участвовал в формировании Русской национальной народной армии (РННА), действовавшей на территории Белоруссии, заведовал кадрами, строевой и хозяйственной частью (до августа). С сентября 1943 – сотрудник штаба генерала А. А. Власова, впоследствии начальник его личной канцелярии. После капитуляции Германии жил в ФРГ, сотрудничал на радиостанции «Свобода».

[919] Вильямс Спенсер – журналист, дипломат. В 1920-е работал в Москве в качестве корреспондента газеты «The Manchester Guardian» и американского представителя в составе Русско-американской палаты. В 1950-е – сотрудник американского консульства в Мюнхене. Входил в Американский комитет освобождения от большевизма.

[920] Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР был основан 8 июля 1950 как внепартийное сообщество научных работников и специалистов, эмигрировавших из Советской России и поставивших своей целью всестороннее исследование СССР и ознакомление Запада с результатами своих изысканий. Предполагалось, что Институт объединит научные силы Русского зарубежья и станет координирующим центром в их исследовательской работе. С этой целью регулярно проводились научные конференции (1-я состоялась в январе 1951). Институт принял участие в проекте исследований послевоенной эмиграции из СССР, проводившемся Русским исследовательским центром Гарварда. Это помогло создать финансовую базу Института, наладить издательскую деятельность: начал регулярно выходить «Вестник Института» (1951–1960), издавалась серия монографий «Исследования и материалы» и др. Однако в 1955 Институт попал под полный контроль американских политических структур. Собственно научная работа была свернута. В то же время значительно

увеличилось финансирование Института. Выросло число выпускаемых изданий: ежеквартально выходил альманах «Исследования о Советском Союзе», еженедельно – «Анализ текущих событий в СССР» (на нем., англ., франц., исп., тур. и рус. яз.). Регулярно печатались тематические сборники, монографии и т. д. Институт был закрыт в 1972.

921 Филиппов А. П. – харьковский профессор философии, эмигрант, один из учредителей Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, один из ближайших советников С. П. Мельгунова.

922 Учредители Института – Н. А. Троицкий (Б. С. Яковлев), А. П. Филиппов, М. А. Алдан, К. Г. Криптон, А. А. Кунта, В. П. Марченко, Ю. П. Ниман, К. Ф. Штеппа.

923 Цуриков Николай Александрович (1886–1957) – общественный деятель, публицист, литературовед. Участник 1-й мировой войны и Белого движения. В 1920 эвакуировался в составе Русской армии из Крыма в Константинополь. С 1923 жил в Праге. Член Союза русских писателей и журналистов. Сотрудничал в газете «Россия и славянство» (1928–1934, Париж), публиковался также в эмигрантских изданиях: «Борьба за Россию» (Прага), «Вестник главного правления Общества галлиполийцев», «Возрождение» (Париж), «Годы», «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Казачий сполох», «Меч» (Варшава), «Русская мысль» (Париж), «Часовой» (Брюссель) и др. Активный участник Русского Общевоинского союза (РОВС), призывал к активной борьбе эмиграции против советской власти. Во время 2-й мировой войны был арестован нацистами и находился в заключении. После окончания войны жил в Мюнхене, возглавлял Союз борьбы за свободу России.

924 Туркул Антон Васильевич (1892–1957) – генерал-майор (1920), участник 1-й мировой и Гражданской войн, командовал Дроздовской дивизией Русской армии (с августа 1920). Эвакуировался в ноябре 1920 в Галлиполи. Издатель и редактор журнала «Доброволец». Обосновался во Франции. Организатор и глава Русского национального союза участников войны (с 1935). После высылки из Франции в апреле 1938 жил в Берлине, затем в Риме и Софии. В годы войны примкнул к власовскому движению, в 1945 – начальник управления формирования частей Русской освободительной армии. После 1945 остался в Германии, председатель Комитета русских невозвращенцев.

925 Каминский Бронислав Владиславович (1899–1944) – инженер-химик. В 1935 за критику коллективизации исключен из ВКП(б), а в 1937 арестован за принадлежность к «Трудовой крестьянской партии». В 1941 освобожден и отправлен на поселение в Локоть (тогда – Орловская обл.). Коллаборационист, вскоре после прихода германских войск участвовал в ноябре 1941 в создании Локотского окружного само-

управления, занял пост зам. бургомистра, позднее (с января 1942) – обер-бургомистра. Создатель и руководитель Русской освободительной народной армии (РОНА). После падения «Локотской республики», в августе 1943 увел бойцов РОНА в г. Лепель Витебской области, возглавил Лепельское окружное самоуправление. Бригада Каминского приняла участие в ряде карательных антипартизанских операций в апреле–июне 1944, затем уже в составе войск СС – в подавлении Варшавского восстания. Каминский был произведен в бригадефюреры СС и генерал-майоры войск СС (1944). Солдаты и офицеры РОНА проявляли чрезвычайную жесткость, в отношении мирного населения практиковали насилие и грабежи. По одной из версий Каминский был отдан под трибунал СС и расстрелян за неподчинение, своеволие и мародерство в конце августа 1944.

926 Хомутов Георгий Ефимович – член Народно-трудового союза. В годы 2-й мировой войны, в структуре Лепельского окружного самоуправления (1943–1944) возглавлял идеологическую работу, участвовал, вместе с Б. В. Каминским, в создании Национал-социалистической трудовой партии России, которая, однако, была запрещенная немецкими властями. Пропал без вести.

927 «Русская мысль» – общественно-политическая эмигрантская газета. Издается в Париже с 19 апреля 1947. С 1968 еженедельник. Редакционная коллегия: С. А. Водов, В. Ф. Зеелер, В. А. Лазаревский, В. В. Полянский. Главный редактор – С. А. Водов (1954–1968), З. А. Шаховская (1968–1978), И. А. Иловайская-Альберти (с 1979).

928 Возможно, имеется в виду Розеншильд-Паулин Константин Николаевич (1894–1980) – участник 1-й мировой и Гражданской войн. Поручик (февраль 1917), ротмистр (1918). Вплоть до эвакуации из Севастополя (ноябрь 1920) командовал эскадроном Изюмского гусарского дивизиона. После пребывания в Галлиполи служил в пограничных войсках Сербии. В 1924 перебрался на юг Франции в город Тарб. Был строительным рабочим, грузчиком, столяром. С начала 30-х – председатель полкового объединения Изюмского полка, собирал воспоминания, фотографии, активно участвовал в издательской деятельности.

929 Сергиевский [Сергеевский] Борис Васильевич (1888–1971) – летчик-испытатель, инженер-конструктор, общественный деятель. Участник Гражданской войны: служил в авиации в армии Н. Н. Юденича (командир эскадрильи), затем – П. Н. Врангеля. Некоторое время жил в Эстонии, затем в Польше. В 1923 эмигрировал в США, работал летчиком-испытателем и инженером в фирме И. И. Сикорского, а с 1938 – вице-президент фирмы Г. А. Ботезата. Установил несколько мировых рекордов на самолетах Сикорского. В годы 2-й мировой войны служил техническим советником в американских ВВС. Демобилизовавшись, работал пилотом на чартерных авиалиниях, руково-

дил летной школой. Председатель Общества бывших русских летчиков в США, Союза Георгиевских кавалеров, Союза русских военных инвалидов и Американо-русского союза помощи престарелым и др. Активный участник РОВС. Возглавлял Русский политический комитета. Попечитель Толстовского, Серафимовского, Эмиграционного издательского фондов.

[930] Никитин – в эмиграции видный член мельгуновского Союза борьбы за свободу России.

[931] Авторханов Абдурахман Геназович (один из псевдонимов – А. А. Кунта) (1908?–1997) – историк-советолог, писатель, публицист, общественный деятель, доктор политических наук, почетный гражданин Чечено-Ингушетии. Окончил Институт красной профессуры (1937), работал в Чечено-Ингушском обкоме ВКП(б). В 1937 арестован, в 1940 оправдан. В 1942 перешел линию фронта и предложил немцам сотрудничество (на условиях предоставления Чечне независимости), что не было принято германским командованием. Готовил политические и исторические обзоры по Кавказу, входил в Северокавказский национальный комитет (до 1944). После капитуляции Германии пробрался в американскую зону оккупации. Совместно с бандеровской организацией «Антибольшевистский блок народов» издавал журнал «Набат», где опубликовал серию статей «Философия тирании»; печатался в журнале «Посев» (издавался НТС), газете «Neue Zeitung» (издавалась американской военной администрацией). Один из основателей Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, а также Северокавказского антибольшевистского национального объединения. Активно участвовал в создании радио «Освобождение» (впоследствии – Радио «Свобода»), организатор ее Северокавказской редакции. Профессор Русского Института армии США (U.S. Army Russian Institute) в Гармише (Германия), заведовал кафедрой политических наук (до 1979). Автор ряда книг по истории СССР: «Технология власти» (1959, 2-е доп. изд. – 1976); «The Communist Party Apparatus» (1966); «Происхождение партократии» (1973); «Загадка смерти Сталина: заговор Берия» (1976) и др.

[932] Очевидно, имеется в виду Мазепа фон Разумовский Леон (он же Яков Е. Макогон [Махонин]) (1880–1956) – украинский националист, эмиссар УВО–ОУН (Украинской военной организации – Организации украинских националистов) Е. Коновальца, один из основных ее финансистов. Подозревался в работе на английскую разведку СИС. В 30-е проживал вместе с женой-американкой в Женеве, на собственные средства они содержали украинские информационные бюро в Женеве, Лондоне и Праге. В годы 2-й мировой войны посещал как представитель Красного Креста Прибалтику, Беларуссию и Украину и высказывался в пользу создания, наряду с дивизией СС «Галичина», дополнительных украинских «военных формаций» в составе фашист-

ского вермахта для сдерживания «коммунистического продвижения» на Запад. Обратился с письмом к Гитлеру, предлагая создать украинскую государственную структуру, в которой ключевые посты занимали бы немцы – доверенные люди фюрера. Считал главной задачей – ликвидацию большевизма, полагая, что в дальнейшем удастся договориться с Германией и восстановить независимость Украины.

933 Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) – социолог, публицист, общественный деятель. Преподавал в Петроградском университете (с 1915) и Политехническом институте (1916–1920). В 1921 эмигрировал в Финляндию. Преподавал в Праге (с 1923), в Славянском институте при Сорбонне и во Франко-Русском институте (оба – Париж), член Совета профессоров (с 1928). Входил в кадетскую группу центра. В 1936 переехал в США, читал лекции в американских университетах. Сотрудничал в газетах «Руль», «Возрождение» (вел специальную рубрику о России), в «Новом журнале» (с 1942; впоследствии один из редакторов – 1959–1966), а также в в журналах «Thought», «American Sociological Review», «American Catholic Sociological Review» и др. (на англ., нем. и франц. яз.) Автор трудов по социологии права, истории общественной мысли и социально-политической истории России XX в.

934 Муравьев Петр Александрович (1922–?) – экономист, писатель, общественный деятель. Родился в Белграде. Окончил Мюнхенский университет (1947) по специальности политическая экономия. Переехал в США, работал инженером-экономистом, консультантом промышленности, профессором экономики и промышленного управления при Нуваркском инженерном колледже.

935 Возможно, имеется в виду Первушин Николай Всеволодович (1899–1993) – литературовед, экономист, историк. Выпускник Казанского университета. С 1929 в эмиграции во Франции. Работал журналистом и экономистом в Париже (1929–1946). В 1946 переехал в США, работал в Нью-Йорке в отделе языков ООН. В начале 1960-х переехал в Канаду. Совместно с М. А. Полторацкой создал Русскую летнюю школу при университете Норвич (штат Вермонт); в 1968–1980 директор школы. Профессор Монреальского университета Мак-Гилл (с 1962) и Оттавского университета (с 1966). Возглавлял Русскую академическую группу в провинции Квебек (с 1967). Основатель Международного общества по изучению творчества Ф. М. Достоевского. Сотрудничал в «Новом русском слове» и других русских эмигрантских и американских периодических изданиях.

936 Завалишин Вячеслав Клавдиевич (1915–1995) – искусствовед, журналист, литературный и художественный критик. Окончил историко-филологический факультет Ленинградского университета. Во время 2-й мировой войны попал в плен. На родину не вернулся. С 1951 жил

в США. Занимался изучением советской литературы, а также православной иконописи. Сотрудничал в «Новом русском слове», «Новом журнале» и др.

937 Возможно, имеется в виду Соколов Владимир Дмитриевич (псевд. Владимир Самарин) (1913–1995) – редактор, журналист, литературный критик, общественный и политический деятель. Окончил Орловский педагогический институт (1936). Во время оккупации работал в Орле в редакции местной газеты «Речь», выступал с лекциями в частях Русской освободительной армии. В 1944 выехал в Германию, сотрудничал в газете «Воля народа», издававшейся Комитетом освобождения народов России (1944–1945). После капитуляции Германии смог перебраться в британскую зону оккупации. Редактировал в Гамбурге еженедельник «Путь» (1946–1949), позднее – заместитель главного редактора журнала «Посев» (1949–1951). Активный деятель Народно-трудового союза. С 1951 – в Нью-Йорке. Работал в «Издательстве имени Чехова». Сотрудничал в парижских «Возрождении» и «Русской мысли», в «Новом русском слове» и др. Преподавал в Йельском университете. Член Русской академической группы в США.

938 Левицкий Сергей Александрович (1908–1983) – философ, мыслитель, ученик Н. О. Лосского. Окончил Русский юридический факультет Карлового университета, доктор философии. В годы 2-й мировой войны вступил в Народно-трудовой союз, один из ведущих идеологов российского солидаризма. Весной 1945, в числе перемещенных лиц, оказался в лагере в Менхегофе (под Касселем). В 1949 переехал в США. Работал редактором на радиостанции «Свобода» (1955–1965). Сотрудничал в изданиях: «Грани», «Мосты», «Новое русское слово», «Новый журнал». Преподавал русскую литературу и философию в университете Джорджтауна (1955–1974). Автор работ «Основы органического мировоззрения» (1947), «Трагедия свободы» (1958), «Очерки по истории русской философской и общественной мысли» (1968) и др.

939 Имеется в виду Цаголо (Цаголов) Афанасий Савич (?–1962) – экономист, специалист по финансам, кредитам. Читал лекции в Московском планово-экономическом институте, эксперт Госбанка. В годы 2-й мировой войны оказался в Германии. Член Комитета освобождения народов России. После войны – один из ближайших сотрудников С. П. Мельгунова по «Союзу борьбы за освобождение России». Перебрался в Америку, жил в Нью-Йорке.

940 Правильное написание фамилии – Сречинский Юрий Сергеевич (1909–1976) – журналист, военный историк. С 1920 в эмиграции – сначала в Египте, затем во Франции, с 1951 в США. Сотрудник «Нового русского слова» (с 1973 зам. главного редактора). Автор книги «Как мы покорялись. Цена Октября» (1974).

941 Американский комитет друзей русского народа был образован в Нью-Йорке 18 января 1951 по инициативе американского дипломата и со-

ветолога Роберта Ф. Келли (1894–1975), возглавлявшего в 1926–1937 Восточно-европейское отделение Государственного департамента (вышел в отставку в 1945). Комитет видел свою задачу в оказании помощи русским эмигрантам в их борьбе с коммунистическим режимом. Американский комитет предпринимал попытки объединения политической эмиграции в единый центр – «Совет (Союз) освобождения народов России» (СОНР). С этой целью в ноябре 1951 в Висбадене была созвана конференция, на которой присутствовали представители 11 эмигрантских организаций, в том числе и различных национальных объединений. По инициативе Комитета была организована радиостанция, с помощью которой демократические круги русской эмиграции получали возможность обращаться к своим соотечественникам в Советском Союзе. В дальнейшем название комитета неоднократно менялось: Американский комитет за свободу народов СССР (American Committee for Freedom for the Peoples of the USSR); с мая 1951 – Американский комитет по освобождению народов России (American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia); с марта 1953 – Американский комитет по освобождению от большевизма (American Committee for Liberation from Bolshevism); в 1956–1964 – Американский комитет по освобождению. В марте 1953 Комитетом была основана радиостанция «Освобождение» (Radio Liberation, ныне Радио Свобода). После 1964 Американский комитет был переименован в Комитет Радио Свободы.

942 Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – историк, публицист, политический деятель. С 1920 член ЦК РСДРП (меньшевиков). Работал в историко-революционном архиве в Москве. В феврале 1921 был арестован, в 1922 выслан за границу. Жил в Берлине, сотрудничал в журналах: «Новая русская книга», «На чужой стороне», «“Голос минувшего” на чужой стороне», а также в советских изданиях: «Каторга и ссылка», «Летописи марксизма», «Летопись Маркса и Энгельса». Представитель Русского заграничного исторического архива (Прага) в Берлине. Заграничный представитель московского Института Маркса–Энгельса (1924–1931). В 1932 лишен советского гражданства за критические высказывания по поводу внутренней политики СССР. После прихода к власти нацистов переехал в 1933 в Париж, заведовал парижским отделением амстердамского Института социальной истории. В 1940 перебрался в США. Сотрудничал в «Новом журнале», «Новом русском слове» и др. Собрал обширный архив по истории российского революционного движения, который в 1963 продал Гуверовскому институту войны, революции и мира при Стэнфордском университете.

943 Правильно – Кирк (Kirk) Алан Гудрич (1888–1963) – американский военно-морской деятель, дипломат, адмирал (1946). Участник 2-й мировой войны, командующий десантными войсками Атланти-

ского флота США (с февраля 1943). Обеспечивал высадку союзных войск в Нормандии. Командующий ВМС США во Франции (с октября 1944). Чрезвычайный и полномочный посол США в Бельгии и министр в Люксембурге (с марта 1946). Представитель США в специальном комитете ООН по Балканам (1947–1948). Посол США в Москве (1949–1952). Председатель Американского комитета по освобождению русского народа (1952).

944 Имеется в виду Н. К. Цинцадзе – представитель Грузинского Национального совета в Американском комитете.

945 Возможно, Константинов Дмитрий Васильевич (1908–2006) – протоиерей Православной церкви в Америке (с 1955), писатель, журналист, историк. Окончил Редакционно-издательский институт (1930), аспирантуру Ленинградского научно-исследовательского института книговедения (1933), работал старшим научным сотрудником этого НИИ. Участвовал в деятельности Катакомбной церкви. В 1941 призван в армию, весной 1944 попал в плен. Вступил в армию генерала А. А. Власова, был военным священником РОА. После капитуляции Германии перебрался в американскую зону оккупации, избежал выдачи в СССР. Сотрудничал в газете «Эхо», издававшейся НТС, служил в храмах Регенсбурга. В 1949 отправился в Аргентину, служил в храмах Буэнос-Айреса (1949–1960). Основатель и редактор газеты «Слово» (1949; с 1950 – «Новое слово»). С 1960 жил в США, где служил в соборах Сан-Франциско (1960–1961), Сиракуз (1961–1964), Мейнарда (под Бостоном) (1964–1968), Бостона (1968–1972). Сотрудничал с Институтом по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене. Выступал на радиостанции «Голос Америки». Публиковался в газетах «Новое русское слово», «Русская мысль», в журнале «Голос Зарубежья», в «Записках Русской академической группы в США». Автор ряда книг по истории Русской православной церкви, основной труд – «Гонимая церковь» (1967). Издал мемуары: «Через туннель XX столетия» (М., 1997).

946 Курганов Иван Алексеевич (1895–1980) – общественный деятель, входил в руководство Российского демократического движения. Деятельный участник проведения Конгресса за права и свободу в России (Гаага, 1957). Автор книг по широкому спектру социальных проблем в СССР.

947 Николаев Николай Николаевич (1872–1957) – юрист, общественный деятель. Член кадетской партии. Депутат IV Государственной думы. В 1920 эмигрировал в Константинополь, в 1923 переехал в США. Основатель Русского объединенного общества взаимопомощи в Америке. Редактор журнала «Русский вестник».

948 Ржевский Василий Николаевич (1883–1956) – юрист, общественный деятель. Окончил юридический факультет Харьковского университе-

та. Помощник присяжного поверенного округа Московской судебной палаты. В 1920 эмигрировал в Белград. В 1943 переехал в Австрию. В 1950 перебрался в Америку.

949 Месняев Григорий Валерианович (1892–1967) – литературный деятель, журналист и публицист. Участник Гражданской войны, офицер Добровольческой армии. Заболев тифом, не смог эвакуироваться. В 1943 оказался в Германии. Затем переехал в Америку. Сотрудничал в журналах «Возрождение», «Наши вести», «Россия».

950 Войцеховский Сергей Львович (1900–1984) – общественный деятель, мемуарист. Участник Белого движения. В эмиграции жил в Варшаве, возглавлял русскую колонию. Инициатор создания Русского Общественного комитета, управляющий делами Комитета (до 1940). Создал архив русской эмиграции в Польше, который передал Бахметьевскому архиву при Колумбийском университете (Нью-Йорк). После окончания 2-й мировой войны переехал в США. Работал в Толстовском фонде. Автор мемуаров.

951 Возможно, имеется в виду князь Алексей Павлович Щербатов (1910–2003), историк и общественный деятель. В 1920 эвакуировался вместе с родителями из Крыма в Болгарию, окончил Брюссельский университет в Бельгии. В 1937 переехал в США, в годы войны служил в американской армии. Затем преподавал русскую историю в университете Фарлей–Диккинсон (штат Нью-Джерси). В 1945 разбирал Смоленский архив ГПУ–НКВД за 1917–1941, который немцы вывезли в Германию, а после окончания войны американские оккупационные власти переправили в США. Играл активную роль в общественной жизни русских эмигрантов: в течение 30 лет возглавлял Союз русских дворян в США; вице-председатель Русской академической группы в США; сотрудничал с Толстовским фондом. Щербатов был женат на американке и мог быть заинтересован в налаживании контактов между эмиграцией и кругами американской общественности.

952 Смирнов Леонид Петрович (1901–?) – геолог, профессор Горного института в Ленинграде. В 1942 эвакуирован из блокадного Ленинграда в Кисловодск, а оттуда вывезен немцами в Германию. С 1949 жил в США, консультант по разведке нефти в арктических районах.

953 Вероятно, имеется в виду Гзовский Владимир Владимирович (ок. 1889–1962) – юрист, офицер, георгиевский кавалер. Окончил юридический факультет Московского университета (1911). Участник 1-й мировой и Гражданской войн. Служил в армии ген. А. И. Деникина. Эмигрировал в декабре 1919, жил в Болгарии, в Югославии (с 1920), Чехословакии, Венгрии. В 1927 перебрался в США. Служил в русской батарее американской армии. Затем начальник отдела Библиотеки Конгресса в Вашингтоне. Автор работ по вопросам советского права.

954 Ольшанский Борис Николаевич – журналист, офицер Красной армии (капитан), после окончания 2-й мировой войны служил в Карлсхорсте

в советской военной администрации. Женился на немке, принял решение остаться на Западе. Получил статус перемещенного лица и был принят вместе с женой в лагерь ди-пи (DP – displaced person). Участвовал в издании единственного номера газеты «Свобода» в Баварии. В начале января 1952 прибыл в Нью-Йорк. Сотрудничал в Американском комитете освобождения от большевизма, затем получил работу в Вашингтоне. Был приглашен на работу в редакцию «Посева» во Франкфурте-на-Майне, 4 июня 1956 при загадочных обстоятельствах исчез, оставив в Вашингтоне жену и детей. По одной из версий, вернулся на родину.

[955] Юрасов Владимир Иванович (наст. фам. Жабинский) (1914–1999) – прозаик, поэт, публицист. Учился на литературном факультете Ленинградского университета. В 1937 арестован, осужден по обвинению в антисоветской пропаганде на 8 лет заключения в лагерях; отбывал срок, работая на Сегежстрое в Карелии. Осенью 1941 руководил работами по рытью окопов на Валдае. В ноябре, у Ярославля, их эшелон попал под бомбежку и Юрасов бежал. Добрался до своего родного города – Ростова-на-Дону, где ему удалось легализоваться и устроиться на работу. Был аттестован как инженер-майор. В 1946, в чине подполковника, переведен в Промышленное управление Советской военной администрации в Германии (СВАГ). В начале 1947 демобилизован, числился уполномоченным Министерства промышленности строительных материалов СССР при Управлении репараций и поставок СВАГ. Опасаясь проверки анкетных данных, принял решение остаться на Западе. Перешел в английскую зону оккупации Германии, а затем в американскую. Писал для немецкой, швейцарской, французской, американской и русской зарубежной печати. Штатный сотрудник нью-йоркского отделения радиостанции «Свобода» (1953–1981). Автор романа «Параллакс» (Нью-Йорк, 1966, на англ. яз.).

[956] Елагин Юрий Борисович (1910–1987) – скрипач, литератор, переводчик, редактор. Играл в Москве в оркестре Второго Художественного театра (с 1929), потом – театра Вахтангова (1931–1938). Одновременно учился в Московской консерватории, после окончания которой (1939) получил назначение в Кисловодск (преподавал в музыкальном училище и выступал в местной филармонии). После оккупации города немцами ему удалось попасть в Польшу, работал в маленьком оперном театре. Оттуда вывезен в Германию, под Мюнхен. По окончании войны попал в один из лагерей для перемещенных лиц. В декабре 1947 прибыл в Нью-Йорк, вступил в Лигу борьбы за народную свободу. Сотрудничал в газете «Новое русское слово», писал о советском театре. Вскоре переехал в Хьюстон, работал скрипачом в Хьюстонском симфоническом оркестре (до апреля 1965). Затем перебрался в Вашингтон, помогал подготавливать гидов для выставок, а потом стал русским редактором журнала «Диалог» (1924–1943). Автор книг: «Укрощение

искусств» (сначала вышла на англ. яз. – «Taming of the Arts»; в 1952 на рус. яз.); «Темный гений» (о В. Э. Мейерхольде).

957 Вреден Николай Романович (Робертович) (1901–1955) – переводчик, издатель. В годы Гражданской войны воевал в составе Северо-Западной армии ген. Н. Н. Юденича. В 1920 эмигрировал в США. Перевел на английский язык книги: М. Алданова «Начало конца», Т. Полнера «Толстой и его жена», Ю. Б. Елагина «Укрощение искусств». Директор «Издательства имени Чехова» (с 1952). Автор воспоминаний «The unmaking of a Russian» (New York, 1935; рус. пер.: Реден Н. Р. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина 1914–1919. М., 2006).

958 Александрова (урожд. Мордвинова, по мужу Шварц) Вера Александровна (1895–1966) – литературовед, журналист, редактор. Обучалась на Высших женских курсах в Москве. Работала в газетах: «Коммерческий телеграф» (с 1915), где вела обзоры провинциальной жизни, «Утро России». В 1919 вышла замуж за меньшевика С. М. Шварца, в 1921 вступила в РСДРП (меньшевиков). В 1922 вместе с мужем была выслана за границу. Жила в Берлине, сотрудничала в «Социалистическом вестнике» (с 1927). Накануне 2-й мировой войны переехала в Нью-Йорк. Главный редактор «Издательства имени Чехова» (1952–1956). Автор «Истории советской литературы. 1917–1964 гг.» (1963). Сотрудничала в ряде американских и русских эмигрантских журналах.

959 Форд (Ford) Генри (1863–1947) – американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей. Оказывал финансовую поддержку НСДАП, сотрудничал с нацистским режимом. Вместе с тем содействовал становлению автомобилестроения в СССР.

960 Фонд Форда (Ford Foundation) – американский частный благотворительный фонд. Основан в 1936 как независимая некоммерческая и неправительственная организация. Учредители – Эдсел Форд (сын Генри Форда) и два директора «Ford Motor Company». Согласно уставу, целями Фонда является финансирование (путем предоставления грантов и займов) программ в поддержку демократических ценностей, сокращения бедности и несправедливости, развития международного сотрудничества.

961 Вишняк Марк Вениаминович (1883–1976) – юрист, публицист, политический деятель, эсер. С 1919 в эмиграции. Входил в редколлегию журнала «Современные записки». В 1940 переехал в США. Редактор русского отдела американского еженедельника «Тайм» (1946–1958).

962 Дубасов Федор Васильевич (1845–1912) – адмирал (1906); генерал-адъютант (1905). Московский генерал-губернатор (с 24 ноября 1905 по 5 июля 1906), руководил подавлением Декабрьского восстания 1905 в Москве. В 1906 назначен членом Государственного совета, входил

в группу правых; постоянный член Совета государственной обороны (с 1908).

[963] Статья В. Д. Набокова «Кишиневская кровавая баня» («Право», 1903, № 18) имела широкий общественный резонанс. В ней Набоков возложил ответственность за еврейский погром на полицию и осудил политику антисемитизма, поощрявшуюся, как он полагал, центральной властью.

[964] Цил[л]иакус (Zilliacus) Кони (Конрад Виктор) (1855–1924) – финский революционер, писатель, журналист. Один из организаторов и руководителей Партии активного сопротивления. Сотрудничал с представителями российских леворадикальных партий. Участвовал в разработке плана поднятия в России вооруженного восстания. С этой целью был создан объединенный боевой комитет, деятельность которого финансировалась из японских источников. Приобрел пароход «Джон Графтон» для доставки в Россию оружия, который в августе 1905 был отправлен из Лондона. Однако пароход сел на мель в Финском заливе.

[965] Возможно, имеется в виду Малахов Сергей (1914–?) – драматург. Участник 2-й мировой войны, служил в авиации. В 1945 бежал в США. Автор нескольких пьес («Летчики», «Беглецы», «Отец»), опубликованных в «Издательстве имени Чехова» (1952; 1954). Пьеса была поставлена в «Новом театре» в Нью-Йорке.

[966] Биншток Григорий Осипович (1884–1954) – общественный и партийный деятель; социал-демократ меньшевик. В 1922 эмигрировал. В 1929 вступил в Социал-демократическую партию Германии. После прихода к власти Гитлера перебрался в Прагу, оттуда – в Лондон, а с началом 2-й мировой войны выехал в США. В Америке отошел от политической деятельности.

[967] Бикерман Илья Иосифович (в рус. переводах Элиас Джозеф Бикерман) (1897–1981) – историк-антиковед, ученик академика М. И. Ростовцева. В 1922 эмигрировал в Германию, в 1933, после прихода к власти нацистов, перебрался во Францию. С 1942 жил в США, преподавал в Новой школе социальных исследований (The New School for Social Research, Нью-Йорк). Профессор Колумбийского университета (1952–1967). Ряд его трудов по истории эллинизма, библеистике и ранней еврейской истории признаны классическими и многократно переиздавались.

[968] Деникина (урожд. Чиж) Ксения Васильевна (1892–1973) – дочь генерала В. И. Чижа, 7 января 1918 в Екатеринодаре вышла замуж за генерала А. И. Деникина. В 1920 вместе с мужем эмигрировала, жила в Турции, Англии, Франции, после окончания 2-й мировой войны – в США. Публиковалась в русскоязычной периодике, работала в Славянском

отделе Колумбийского университета, трудилась над мемуарами, впоследствии опубликованными дочерью – Мариной Антоновной.

[969] Возможно, Ильин Николай Дмитриевич (1887–?) – в 1923 выехал из СССР к сестрам в Рим. Читал лекции по истории музыки, давал частные уроки игры на фортепиано. В 1949 переехал в США, жил в Нью-Йорке. Автор трудов: «Стихи Ивана Каширина» (1958); «Дневник художника» (1960).

[970] Сикорский Игорь Иванович (1889–1972) – русский и американский авиаконструктор, общественный деятель. В 1912–1914 создал свои первые самолеты «Гранд», «Русский витязь», «Илья Муромец». В 1919 эмигрировал в США, основал авиационную фирму «Sikorsky Aero Engeneering Corporation», став ее вице-президентом. С 1939 перешел на конструирование вертолетов. Его имя включено в США в Национальный зал Славы изобретателей.

[971] Розенберг (Rosenberg) Альфред (1893–1946), рейхсминистр восточных оккупированных территорий, предлагал расчленить территорию России на пять губернаторств: 1) «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия), которая подлежала германизации; 2) Украина; 3) Кавказ; 4) собственно Россия; 5) Туркестан.

[972] Видимо, имеется в виду Ведемейер (Wedemeyer) Альберт Коуэйди (1896–1989) – американский военный деятель, генерал. Служил в Китае, на Филиппинах, в Европе. В 1944–1946 командующий сухопутными войсками США в Китае. В 1947–1948 начальник оперативного управления штаба Армии США. В 1948–1951 командующий 6-й армией. В 1951 вышел в отставку и стал заниматься бизнесом. Активно участвовал в антикоммунистическом и антисоветском движении.

[973] Стивенс (Stevens) Лесли Кларк (1895–1962) – американский вице-адмирал, военно-морской атташе в Москве (1947–1949). Президент Американского комитета по освобождению народов России (1952–1954). Автор книги «Russian Assignment» (1953).

[974] Эйзенхауэр (Eisenhower) Дуайт Дэвид (1890–1969) – американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США (1953–1961); сторонник продолжения холодной войны и гонки вооружений.

[975] Васильев Александр Александрович (1867–1953) – востоковед, византинист. Профессор и декан историко-филологического факультета Петербургского/Петроградского педагогического института (1912–1922). Профессор Петербургского/Петроградского университета (1912–1925). Член-корреспондент Российской академии наук (с 1919). В 1925 выехал в командировку за границу; работал в Берлине, Париже, затем – в США. В 1928 принял решение не возвращаться на родину. Профессор Висконсинского университета (1925–1938).

Президент Археологического института им. Н. П. Кондакова в Праге. Председатель Международной ассоциации византинистов.

976 Гизетти Дмитрий (1918–1989) – протоиерей Русской православной церкви в Америке. После поражения армии ген. Н. Н. Юденича родители вывезли его в Эстонию. Во время 2-й мировой войны попал в плен, жил в Мюнхене, с 1950 – в США. Служил в Свято-Серафимовской церкви в Нью-Йорке, одновременно госпитальным священником, а чтобы прокормить семью, работал на фабрике. Затем стал настоятелем прихода в Портленде (штат Орегон). С 1957 настоятель церкви «Взыскания погибших» в Лос-Анджелесе (в течение 22 лет).

977 Верховский (Верховской) Сергей Сергеевич (1907–1986) – богослов, общественный деятель. Эмигрировал в 1921. Окончил Свято-Сергиевский богословский институт в Париже (1936). Преподавал в Институте догматическое и нравственное богословие, историю философии, богословие Католической церкви (1944–1951). Переехал в США, профессор философии и сравнительного богословия в Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке (1952–1981). Один из руководителей Русского студенческого христианского движения (РСХД).

978 Жена о. Дмитрия Гизетти – Маргарита Романовна [Робертовна] (урожд. Банг) (1923–2006). После переезда в США вела занятия в приходской школе при Свято-Николаевской церкви в Портленде (штат Орегон). Преподавала «россиеведение» на гимназических курсах при Свято-Серафимовском фонде в Нью-Йорке. Окончила факультет славянской литературы Калифорнийского университета (1962), преподавала русский язык в университете и в приходской школе, активно занималась делами церковной общины.

Жена о. А. Шмемана – Ульяна Сергеевна (урожд. Осоргина) (род. 1923) – внучка протоиерея Михаила Осоргина. Окончила университет Сорбонны. После переезда в США преподавала французский и русский языки в различных учебных заведениях Нью-Йорка.

Жена о. А. Киселева – Каллиста Ивановна (урожд. Кельдер) (1911–1997) – дочь эстонского врача. Училась на медицинском факультете Тартуского университета, но не окончила его. Активная участница Русского студенческого христианского движения в Эстонии (с 1927). Принимала активное участие во всех церковных начинаниях мужа.

С. С. Верховский был женат на Ольге Сергеевне Четвериковой, дочери протоиерея Сергия Четверикова.

979 Юревич Вадим Александрович (1872–1963) – врач, ученый-бактериолог, профессор Военно-медицинской академии (с 1912). И.о. начальника Главного военно-санитарного управления русской армии (июнь-декабрь 1917). Эмигрировал в Чехословакию, преподавал в Праге, затем переехал во Францию. По контракту с Институтом Пастера занимался организацией медицинской службы в Индокитае:

Вьетнам – Лаос – Камбоджа (1929–1933). Вернувшись в Париж, работал в фармацевтической лаборатории. После 2-й мировой войны переехал в США. Занимался организацией в Нью-Йорке Общества русских врачей-эмигрантов имени Н. И. Пирогова (см.: «Русская газета». № 24. 2005).

[980] Владимир (в миру Вячеслав Михайлович Тихоницкий) (1873–1859) – церковный деятель, епископ Белостокский и Гродненский (1918–1922), одновременно администратор Варшавско-Холмской митрополии (1920–1921). За борьбу с автокефалией Польской церкви был отстранен от руководства епархией и в 1924 выслан из Польши в Чехию. По приглашению митрополита Евлогия (Георгиевского) переехал в Ниццу. Архиепископ Ниццкий, в течение 20 лет управлял приходами юга Франции и Италии. Ректор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1946–1947). С 1947 митрополит Западноевропейских русских церквей и экзарх Вселенского Патриарха.

[981] Парвус (наст. фам. и имя Гельфанд Александр Львович) (1869–1924) – участник социал-демократического движения. С 1903 член РСДРП, меньшевик. Вместе с Л. Д. Троцким разрабатывал так наз. теорию «перманентной революции». В годы 1-й мировой войны 1914–1918 сотрудничал с германским Генштабом, причастен к передаче денежных средств большевикам.

[982] Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский) (1873–1965) – церковный деятель. Архиепископ Кишиневский и Хотинский (1916). Член Поместного Собора Православной церкви 1917–1918; избран членом Святейшего Синода и Высшего Церковного совета (декабрь 1917). Покинул Россию в 1919. Управлял русскими православными общинами в Константинополе. В 1924–1935 возглавлял русскую миссию в Палестине. Митрополит (1935). В 1936–1964 стоял во главе Русской зарубежной церкви (Синодальной). При нем Архиерейский Синод принял резолюцию об «установлении молений о помощи Божией для освобождения России от большевистско-коммунистического ига» (1945). Осенью 1944 эвакуировался вместе с Архиерейским Синодом и канцелярией в Вену, в 1945 – в Мюнхен, а в 1950 – в США. Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский. В феврале 1952 резиденция митрополита и Синода переместилась в Нью-Йорк.

[983] Белосельский-Белозерский Сергей Сергеевич (1895–1978) – общественный деятель. После Октябрьской революции 1917 эмигрировал в Финляндию, затем жил в Англии и Франции. Окончательно обосновался в США в Нью-Йорке. Работал в Трансокеанской шведско-американской компании. В 1945 создал, при поддержке РПЦЗ, Русско-американский союз защиты и помощи русским вне СССР. Один из основателей и руководителей Российского антикоммунистического

центра, переименованного впоследствии во Всероссийский комитет освобождения (1950), и Представительства российских эмигрантов в Америке. Поддерживал молодежную Патриотическую организацию русских разведчиков (ПОРР), созданную в 1954 при его участии. Оказывал материальную помощь монастырям и храмам Русского зарубежья, в том числе и за пределами США.

984 Митрополит Леонтий (в миру Леонид Иеронимович Туркевич) (1876–1965) – деятель Русской православной греко-кафолической церкви в Северной Америке. Первоиерарх Северо-Американской митрополии (1950–1965). Доктор богословия (1954).

985 Гагарин Сергей Сергеевич (1918–?) – инженер-авиаконструктор. Работал в фирме И. И. Сикорского. Член правления Толстовского фонда. Жена (с 1942) – Френсис Викхам Мур (1917–?).

986 Шерман (Scherman) Адамс (1899–1986) – американский политический деятель. Глава аппарата Белого дома при президенте Д. Эйзенхауэре (1953–1958). Считался одним из самых влиятельных чиновников в администрации президента.

987 Джексон (Jackson) Уильям Хардинг (1901–1971) – нью-йоркский адвокат, инвестиционный банкир, один из основателей и заместитель директора Центрального разведывательного управления (1950–1951). В дальнейшем вернулся к частной финансовой деятельности, однако сохранил статус старшего советника директора ЦРУ (1951–1956), а также советника по вопросам национальной безопасности в администрации президента Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра (1951–1957). Возглавлял в 1953–1954 созданный президентом Эйзенхауэром Комитет по международной информационной деятельности («Комитет Джексона»).

988 Рэбб (Rabb) Максвелл (1910–2002) – американский юрист, политический деятель. Активно участвовал в избирательной кампании Д. Эйзенхауэра. С 1953 работал в аппарате Белого дома: помощник главы президентской администрации, адвокат президента, в 1954–1958 – секретарь кабинета.

989 Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) – публицист, общественный деятель. Участник Белого движения. Заболев тифом, не смог эвакуироваться. Осенью 1934 ему удалось бежать в Финляндию, оттуда переехал в Болгарию, издавал газету «Голос России» (1936–1938). Автор автобиографической книги «Россия в концлагере» (1936). С 1938 жил в Германии, издавал «Нашу газету» (1938–1940), «Родину» (1940). За отказ выразить поддержку Гитлеру был несколько раз арестован. В 1948 уехал в Аргентину, издавал газету «Наша страна», формировал Народно-монархическое движение. Издал книги: «Народная монархия» (главный свой труд), «Диктатура импотентов», «Диктатура слоя», «Роман во Дворце Труда», «Хозяева», «Что говорит Иван Солоневич

о Царе и монархии, о большевизме, о русской эмиграции, о "Штабс-капитанском" (Народно-монархическом) движении», «Великая фальшивка Февраля» и др.

990 Леман (Lehman) Герберт Генри (1878–1963) – американский политический деятель, банкир, дипломат, полковник армии США. В 1929–1932 вице-губернатор штата Нью-Йорк (губернатором тогда был Ф. Рузвельт). В 1932, после избрания Рузвельта президентом, – губернатор (до 1942). Директор отдела помощи и восстановления в Государственном департаменте. (1942). Генеральный директор администрации Организации Объединенных Наций по оказанию помощи и восстановлению (ЮНРРА) (1943–1946). Сенатор от штата Нью-Йорк (1949–1957).

991 «Протоколы конгресса» – официальное издание слушаний и дебатов в Конгрессе США. Выходит ежедневно в период сессий Конгресса.

992 UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration – администрация Организации Объединенных Наций по оказанию помощи и реабилитации (ЮНРРА). Создана в 1943 для оказания помощи населению в странах и регионах, освобожденных от гитлеровской оккупации. Организация объединяла 52 страны-участницы, каждая из которых внесла в общий фонд 2 % от национального дохода на 1943; более половины всех средств поступило от США. Сумма ок. 4 млрд долл. была израсходована на доставку продовольствия и медикаментов, восстановление инфраструктуры, сельского хозяйства и промышленности. Помощь оказывалась в первую очередь Китаю, Чехословакии, Греции, Италии, Польше, Украинской ССР, Югославии. UNRRA также содействовала репатриации перемещенных лиц тех стран, которые вели борьбу против нацистов; с помощью UNRRA на родину вернулись ок. 7 млн перемещенных лиц. Были также созданы специальные лагеря для тех, кто не пожелал возвращаться на родину (ок. 1 млн беженцев). Генеральными директорами UNRRA были американцы – Герберт Леман (Herbert H. Lehman), Фиорелло ла Гардиа (Fiorello La Guardia), генерал Лоуэлл Рокс (Lowell Rooks). В Европе UNRRA прекратила свою деятельность 30 июня 1947, продолжая работать в основном в Китае (до 31 марта 1949). Функции UNRRA были переданы другим структурам ООН, главным образом Международной организации по делам беженцев (МОБ).

993 Андерсон Павел Францевич (1894–1985) – общественный деятель, издатель. Выпускник Академии Генерального штаба. После Октябрьской революции 1917 эмигрировал в Париж. Основатель и один из руководителей издательства YMCA-Press. Председатель Русского высшего технического института, созданного при поддержке YMCA. Один из создателей Богословского института. Входил в редакцию журнала «Вестник самообразования» (с 1922).

[994] Гримм Иван Давыдович (1891–1971) – церковный и общественный деятель. Сын Д. Д. Гримма. Окончил Петербургский университет. Капитан Павловского лейб-гвардейского полка, участник 1-й мировой и Гражданской войн. В 1920 эмигрировал в Чехословакию, приват-доцент Пражского университета. В 1925 переехал в Эстонию, читал курс основ правоведения в Тартуском университете, впоследствии профессор философии права университета. Одновременно – секретарь экзарха Прибалтики митрополита Сергия. В 1941–1944 член управления Латвийской православной епархии. Принял участие в формировании личной канцелярии генерала А. А. Власова (1943) и создании Комитета освобождения народов России (1944), начальник юридического отдела Главного организационного управления КОНРа. В 1944 эмигрировал в Германию, в начале 1953 – в Австралию.

[995] Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967) – донской казак, хорунжий; инженер-химик, общественный деятель. Один из основателей и многолетний руководитель Национально-трудового союза нового поколения (НТС НП): с 1930 председатель Исполкома; с 1934 по 1955 председатель Совета. До осени 1941 жил в Югославии, затем перебрался в Берлин. Летом 1944 был арестован гестапо по обвинению в антинемецкой пропаганде и связи с партизанами, освобожден в апреле 1945. После распада НТС в 1955 основал Российский Национально-трудовой союз (впоследствии переименован в Российский Демократический союз за веру и свободу). Автор мемуаров: «Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС 1930–1960 гг.» (М., 2002).

[996] Лукерья – персонаж рассказа «Живые мощи» из цикла «Записки охотника» Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883).

[997] Шауфус (наст. фам. Шафгаузен-Шёнберг) Татьяна Алексеевна (1891–1986) – общественная деятельница. В 1933 эмигрировала в Чехословакию, работала в Комитете помощи беженцам. В 1938 переехала в США. Вошла в состав Комитета Толстовского фонда (1939), в дальнейшем занимала последовательно посты – исполнительного секретаря, вице-президента, президента Фонда.

[998] Адриан (в миру Адриан Рымаренко) (1893–1978) – рукоположен в священники в 1921, имел приход в городе Ромны Полтавской губ. В годы оккупации Украины стал настоятелем Покровского женского монастыря в Киеве. В 1945 бежал вместе с гитлеровскими войсками, после капитуляции Германии пробрался в американскую зону оккупации. В 1947 выехал в США. Основатель Ново-Дивеево. Епископ Рокландский (1971).

[999] Правильное написание фамилии – Lyons / Лайонс Юджин (1898–1985) – американский журналист, писатель, радиокомментатор, общественный деятель. В конце 1920-х гг. четыре года работал помощником

директора ТАСС в США. В 1928–1934 жил в Москве в качестве корреспондента «Юнайтед пресс», в 1930 стал первым иностранным корреспондентом, которому Сталин дал свое интервью. Дочь Лайонса – Евгения, училась в одной школе с дочерью Сталина – Светланой Аллилуевой. Первый президент Американского Комитета по освобождению от большевизма. Главный редактор журнала «Ридерс дайджест» («Reader's Digest») (1946–1968). Автор книг «Поездка в утопию», «Сталин – царь всея Руси», «Красная декада».

1000 Возможно, Пущин Иван Иванович (1923) – инженер-эколог, праправнук декабриста И. И. Пущина. Внук депутата IV Государственной думы Л. И. Пущина. Окончил Гарвардский университет, работал в Вашингтоне. Проживал в городе Си Клифф под Нью-Йорком.

1001 Франк Виктор Семенович (1909–1972) – литературный критик, радиожурналист. 15 лет проработал на мюнхенском радио «Освобождение» (с первого дня выхода его в эфир в начале марта 1953). С конца 1960-х заведовал отделом русского радиовещания Би-би-Си в Лондоне, возглавлял лондонский корпункт радиостанции «Свобода», вел регулярную программу «По сути дела». Сын русского философа С. Л. Франка.

1002 Родичева Александра Федоровна (?–1971) – дочь известного общественного деятеля, депутата I–IV Государственной думы Ф. И. Родичева. Хранительница семейного архива, автор биографии отца. Выражение «столыпинский галстук» принадлежало Ф. И. Родичеву.

1003 Тамара [Викторовна Борман] (?–1960) – жена А. А. Бормана, невестка А. В. Тырковой.

1004 Катя – внучка А. А. Бормана, правнучка А. В. Тырковой.

1005 Новиков Вячеслав Николаевич (?–1966) – юрист. Эмигрировал в 1920 в Париж. Секретарь Торгово-промышленного и Финансового союза (1920–1930). Член Союза русских адвокатов за границей. Числился среди основателей Национальной организации русских фашистов. Автор брошюры «Фашизм» (1925). Переводчик и автор предисловия книги «Муссолини Бенито. Доктрина фашизма с приложением Хартии труда» (Париж, 1938). В 1951 переехал в Нью-Йорк.

1006 Вера Константиновна Шварсалон (1890–1920) – старшая дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака с Константином Семеновичем Шварсалоном. Через три года после кончины матери (бывшей супругой В. И. Иванова) Вера Константиновна стала женой отчима (1912). Вяч. Иванов посвятил Вере Шварсалон два послания, написанных в разное время, но имеющих одно и то же название – «Ее дочери», цикл из пяти стихотворений под тем же названием (в его последнем сборнике), послание на латинском языке в сборнике «Нежная тайна» (1912).

1007 Очевидно, имеется в виду Потресов-Яблоновский Сергей Викторович (1870–1953) – журналист, театральный и литературный критик; кадет. Яблоновский – литературный псевдоним, от имени матери – урожденной княжны Яблоновской. Соредактор московской газеты «Русское слово» (1901–1918). Статьи Яблоновского появлялись в журналах «Театр и искусство», «Рампа и жизнь», «Кулисы». Автор сборника критических статей «О театре» (1909). Официальный обозреватель Московского художественного театра, член Общества литераторов и журналистов, московского Литературно-Художественного кружка.

1008 Калина – псевдоним Ивана Николаевича Кашинцева, критика, публициста.

1009 В 1911 Турция подверглась нападению Италии – союзницы Германии, в связи с этим германское влияние в Турции ослабло. Этой ситуацией поспешила воспользоваться Россия, дабы попытаться открыть черноморские проливы для русского военного флота. Русский посол в Константинополе (1909–1912) Н. В. Чарыков получил в 1911 предписание начать переговоры с турецким правительством. 12 октября он вручил великому визирю Саид-паше проект русско-турецкого соглашения, согласно которому Россия обязывалась разрешить Турции железнодорожное строительство в Северной Анатолии, а также оказывать Турции поддержку для сохранения статус-кво в регионе Босфора и Дарданелл. В свою очередь, турецкое правительство должно было не препятствовать проходу русских военных судов через проливы. Саид-паша в течение нескольких недель не давал ответа на русские предложения. Тем временем выяснилось, что требования России вызвали неудовольствие у ведущих держав, и тогда турецкое правительство отвергло представленный Чарыковым проект соглашения. В связи с этой дипломатической неудачей министр иностранных дел России С. Д. Сазонов дезавуировал действия своего посла, заявив, что Россия не ведет с Турцией никаких официальных переговоров о проливах (См.: Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1973).

1010 Гессен (урожд. Грубер) Анна Исааковна (1866–1930) – жена И. В. Гессена. От 1-го мужа – Ильи Пантелеймоновича Штейна, имела троих сыновей. Чтобы получить возможность усыновить сына И. В. Гессена, крестилась.

1011 Возможно, имеется в виду Александр Аркадьевич Дикгоф (псевд. Деренталь;1885–1939), эсер, публицист. Участвовал в убийстве Георгия Гапона. Затем эмигрировал во Францию. Корреспондент газеты «Русские ведомости», сотрудничал в журналах «Заветы» и «Вестник Европы».

1012 Якобсон Виктор (Авигдор) Исаакович (1870–1934) – журналист, сотрудник «Русских ведомостей», деятель сионистского движения. В 1909 возглавил Стамбульское отделение Англо-Палестинской ком-

пании (банка) и фактически являлся представителем Сионистской организации в Турции. Вместе с З. Жаботинским возглавлял стамбульское бюро всемирной Сионистской организации.

[1013] Садовский Борис Александрович (1881–1952) – поэт, прозаик, критик и литературовед. Писать начал с 1901. Принимал участие в журналах и сборниках символизма («Весы», «Золотое руно» и др.). Однако к 1910-м его отношения с лидерами символизма испортились. Полемизировал с футуризмом, акмеизмом. Страдал тяжелым заболеванием, с 1916 парализован.

[1014] См. комм. 485.

[1015] Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – историк-медиевист. Профессор всеобщей истории Московского университета (1839–1855).

[1016] Имеется в виду Г. Вильямс.

[1017] Имеется в виду Кривцов Сергей Иванович (1802–1864) – декабрист. Прямого участия в восстании не принимал, однако был арестован и обвинен в симпатиях к тайному обществу. Осужден по VII разряду, сослан на каторгу, с 1828 жил на поселении в Туруханске и Минусинске, затем служил солдатом на Кавказе, был произведен в офицеры. М. О. Гершензон – автор книги «Декабрист Кривцов и его братья» (М., 1914).

[1018] Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – государственный деятель периода правления Александра I и Николая I. Разрабатывал проекты системных реформ государственного строя России.

[1019] Радищев Александр Николаевич (1749–1802) – писатель, философ, революционер. Главный источник зла в русской жизни усматривал в самодержавии и крепостничестве, доказывал утопичность надежд на «просвещенного монарха». Сторонник радикальной ломки политических и социальных отношений путем народной революции. Его идеи оказали существенное воздействие на А. С. Пушкина, декабристов, А. И. Герцена, на последующие поколения русских революционеров.

[1020] Толстой Алексей Николаевич (1882–1945) – писатель и общественный деятель. Академик АН СССР (1939). С 1912 жил в Москве: до 1914 – на Новинском бульваре в доме князя С. А. Щербатова, а в 1915–1918 – на Малой Молчановке.

[1021] Поражение французских войск в сражении при Седане (1 сентября 1871) и падение осажденного Меца вместе с 180-тысячной армией (27 октября 1871) сделали неизбежным поражение Франции в войне с Пруссией (1870–1871) и подписание во Франкфурте мирного договора (10 мая 1871).

[1022] Англо-русское бюро (Anglo-Russian Bureau) – полуофициальная организация, созданная в январе 1916 в Петрограде при поддержке ан-

глийского посольства. Впоследствии преобразовано в официальный Британский офис пропаганды (British Propaganda Office). Бюро ставило перед собой целью распространение британских новостей в России, сбор российских новостей для английской прессы, по некоторым предположениям, оно также занималось сбором развединформации.

1023 Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938) – советский партийный и государственный деятель. Член ЦК РСДРП(б) (1917–1918), секретарь ЦК (1925). Начальник Политуправления РККА, член РВС СССР (с 1924).

1024 Владимир Михайлович Зензинов входил в состав Комуча. На Уфимском государственном совещании (сентябрь 1918) избран в состав Временного всероссийского правительства (Директории). 18 ноября 1918 арестован в Омске колчаковцами, свергнувшими власть Директории, а затем выслан за границу. В начале 1919 поселился в Париже. Агитировал за поддержку правительств Деникина и Колчака при условии их демократизации.

1025 Сесиль (Cecil) Роберт (1864–1958) – лорд; английский политический деятель. Член Палаты общин от Консервативной партии (1906–1923), затем член Палаты лордов. В 1915–1916 заместитель министра иностранных дел, в 1917–1918 министр по делам «блокады». Член английской делегации на Парижской мирной конференции и один из инициаторов создания Лиги Наций. Неоднократно представлял Великобританию на ассамблеях Лиги Наций.

1026 Видимо, имеется в виду Гувер (Hoover) Герберт (1874–1964) – 31-й президент США от Республиканской партии (1929–1933). После окончания 1-й мировой войны – член Верховного экономического совета и руководитель ARA – благотворительной организации, оказывавшей продовольственную помощь странам Центральной и Восточной Европы. Участник Парижской мирной конференции (1919–1920).

1027 «Le Temps» («Тан») – французская ежедневная вечерняя общественно-политическая газета. Основана в Париже в 1861 А. Нефцером (Nefftzer), в дальнейшем была унаследована Адриеном Эбаром (Hébard). Придерживалась либеральной традиции, одна из ведущих газет; фактически орган Министерства иностранных дел. Существовала до 30 ноября 1942.

1028 Гирс Михаил Николаевич (1856–1932) – дипломат, состоял на службе в Министерстве иностранных дел с 1878. С 1915 был российским послом в Риме. После Октябрьской революции 1917 – старейшина русского дипломатического корпуса, возглавлял Совет послов, входил в состав Русского политического совещания в Париже (1919–1920).

1029 Перис (Perris) Эрнст – редактор газеты «The Daily Chronicle».

1030 Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) – граф; министр финансов (1904–1914), председатель Совета министров (1911–1914).

В 1918 эмигрировал во Францию, где вскоре занял пост председателя International Bank of Commerce.

1031 Имеется в виду Георгий Евгеньевич Львов. В начале октября 1918 отбыл в США с целью получения финансовой помощи для Белого движения, однако не добился результата. Затем обосновался в Париже; глава Русского политического совещания, председатель Российского Земско-городского комитета помощи беженцам.

1032 Имеется в виду английский театр «Лицеум», построенный в Лондоне в 1765. К началу XX в. утратил свое значение как театральный центр, использовался зачастую как мюзик-холл. Здесь также устраивались общественные мероприятия. Последние спектакли состоялись в 1939.

1033 Сын Тырковой Аркадий в марте 1918 по заданию контрразведки Добровольческой армии поступил на советскую государственную службу, сделал успешную карьеру, – от секретаря до управляющего отделом внешней торговли в Наркомате торговли и промышленности. Входил в состав советской делегации на переговорах по экономическим вопросам с Украинской Центральной Радой в Курске и Киеве (апрель-май 1918), ездил в Берлин с торговой миссией (июнь-июль 1918). В конце ноября вернулся в Петроград. В начале декабря 1918 сопровождал П. Б. Струве при нелегальном переходе финской границы. В январе 1919 добрался до Лондона, где, наконец, увиделся с матерью и сестрой.

1034 «Известия» – общественно-политическая и деловая ежедневная газета, выходит с 28 февраля (13 марта) 1917 в Петрограде как орган Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. После октябрьского переворота 1917 – официальный орган большевистской власти. В связи с переездом советского правительства (март 1918) в Москву, газета стала издаваться в Москве.

1035 «Правда» – ежедневная общественно-политическая газета, орган ЦК РСДРП. Начала издаваться по решению VI Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП (январь 1912) в мае 1912. Неоднократно ее выпуск запрещался властями. После Февральской революции 1917 ее выпуск возобновлен с 5(18) марта 1917; являлась органом ЦК и Петербургского комитета РСДРП(б). После Октябрьской революции 1917 газета стала фактически главной газетой страны, публиковала все важные партийные и правительственные решения.

1036 Бикерман Иосиф Менассиевич (1867–1942) – литературный критик, биограф, журналист и публицист. С 1905 жил в Петербурге, публиковался в ряде периодических изданий. Постоянный сотрудник «Сына Отечества» и газеты «Наша жизнь». Участник публицистических сборников. Автор книг о положении евреев в России и их роли в развитии экономики страны. После Октябрьской революции 1917 эмигрировал

в Берлин, затем переехал в Париж. Выступал с резкой критикой советской власти.

1037 Пайо (Payot) Г. – издатель, глава парижского издательского дома.

1038 В июне 1919 Комитет освобождения России начал издавать газету «Рассвет», которую предполагалось распространять в северных районах России. Редактор – П. Н. Милюков. Вышло всего три номера газеты, поскольку не удалось разрешить трудности с ее доставкой.

1039 Кузмичев В. П. – издатель, выпускал в Лондоне многие русские издания.

1040 Принятое написание фамилии – Эльяшев Лев Ефимович (1863–1946) – кадет. В 1918 эмигрировал в Германию. Казначей организованного в Берлине Русского Общественного комитета помощи голодающему населению России, председатель Берлинской демократической группы кадетов (милюковского толка), позднее член Республиканско-Демократического объединения.

1041 На встрече 26 мая 1919 лидеры союзных держав подписали послание адмиралу А. В. Колчаку, в котором обещали ему помощь боеприпасами, снаряжением, продовольствием и добровольцами при условии подтверждения им ряда гарантий: 1) созыв Учредительного собрания сразу же после взятия его войсками Москвы; 2) проведение свободных местных выборов; 3) отказ от восстановления старого режима; 4) признание независимости Финляндии и Польши; 5) установление отношений с прибалтийскими, закавказскими и закаспийскими территориями при посредничестве Лиги Наций; 6) вступление России в Лигу Наций; 7) признание российских внешних долгов. В своем ответе от 4 июня 1919 Колчак выразил согласие на все предъявленные пункты, кроме признания независимости государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи (исключение делалось для Польши и, возможно, Финляндии). Союзные державы выразили в специальном послании удовлетворение ответом Колчака и заявили о своей готовности оказывать ему обещанную помощь.

1042 Головин Николай Николаевич (1875–1944) – генерал-лейтенант; военный теоретик, педагог, историк. В декабре 1918 выехал через Одессу в Париж, затем в Лондон, где занял пост помощника по военным вопросам С. Д. Сазонова. Участвовал в переговорах о предоставлении помощи белым армиям. Летом 1919 принял приглашение А. В. Колчака возглавить штаб его армии, прибыл в Омск, успешно руководил обороной города. В октябре 1919, в связи с последствиями контузии, полученной на германском фронте, был эвакуирован в Токио. В 1920 выехал в Париж. В эмиграции написал серию работ по истории 1-й мировой войны. Преподавал во французской Военной академии, профессор Русского историко-филологического факультета при Париж-

ском университете. Один из руководителей Русского Общевоинского союза.

1043 Геруа Борис Владимирович (1876–1942) – генерал-майор, военный деятель. Ординарный профессор по кафедре военного искусства Николаевской военной академии (с 1913). С 1 мая 1917 и. д. начальника штаба 11-й армии. Арестован 31 августа 1917 по приказу А. Ф. Керенского за участие в корниловском выступлении, освобожден за отсутствием доказательств. Отказался вернуться в штаб армии. В 1918 нелегально перешел финскую границу. Затем переехал в Англию, где занял пост председателя Особой военной миссии по оказанию материальной помощи белым армиям. После прекращения деятельности миссии остался в Лондоне.

1044 Денисов Николай Хрисанфович (?–1970) – инженер путей сообщения, предприниматель. Директор правления Троицкой железной дороги. После Октябрьской революции 1917 в эмиграции, сначала в Англии, где при его финансировании был создан Комитет освобождения России, затем во Франции. Председатель основанного в Париже в 1920 Российского Торгово-промышленного и финансового союза.

1045 «Русская жизнь» – ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Гельсингфорсе, с декабря 1919 под названием «Новая русская жизнь». В газете сотрудничал А. И. Куприн.

1046 «The New Russia» – еженедельный журнал, издавался в Лондоне Комитетом освобождения России. Выходил с 5 февраля по 16 декабря 1920.

1047 Имеется в виду Macmillan Educational Company – издательская компания в США, основана в 1870 в Нью-Йорке; до 1973 называлась «Кроуэлл Кольер энд Макмиллан, инкорпорейтед». Издает литературу по различным отраслям знаний.

1048 Речь идет о так наз. «Манифесте Керенского». В мае 1919 группа эсеров-членов Учредительного собрания Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский, О. С. Минор, Е. Ф. Роговский, М. Л. Слоним и Б. Ф. Соколов вместе с эсерами, входившими в Союз возрождения России, Я. Л. Делевским (Юделевским) и С. А. Ивановым, а также меньшевиками И. М. Пескиным и О. И. Розенфельдом из Республиканского союза России опубликовали «Призыв к мировой демократии», в котором решительно осуждали как большевистскую, так и «генеральскую диктатуру», выступали противниками их признания, порицали поддержку Антантой «реакционных правительственных образований» на российской территории, «нарушение суверенитета России» и призывали (главным образом правительства держав Согласия) прийти на помощь «русской демократии». Авторы Манифеста ориентировались на демократизацию извне режимов Колчака и Деникина.

1049 Возможно, имеется в виду барон Корф Сергей Александрович (1876–1924) – правовед, автор работ в области государственного и административного права. При Временном правительстве недолгое время был помощником финляндского генерал-губернатора. В эмиграции – профессор по кафедре международного права Гельсингфорского университета. Жил в Париже, возглавлял колчаковское информационное бюро, позднее в США.

1050 Карр (Carr) Эдвард Хэллет (1892–1982) – английский историк (советолог), дипломат. В 1916–1936 служил в Министерстве иностранных дел. С 1936 – на научно-преподавательской работе, профессор университета Аберистуит в Уэльсе и Тринити-колледжа в Кембридже. В 1940–1946 – заместитель редактора газеты «Таймс». Автор фундаментального исследования «История Советской России» (т. 1–14, 1946–1978).

1051 Леди Констанция Георгина Бульвер-Литтон (Bulwer-Lytton) (1869–1923) – влиятельная английская суфражистка, писательница, оратор. Сторонница тюремной реформы, равноправия женщин и контроля рождаемости. Присоединилась к Женскому социальному и политическому союзу, объединявшему наиболее радикальную группу суфражисток, выступающих за женские права.

1052 Черчилль (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) – английский государственный деятель. С 1908 на различных министерских постах: министр внутренних дел (1910–1911), морской министр (1911–1915), военный министр и министр авиации (1919–1921), министр колоний (1921–1922), министр финансов (1924–1929), военно-морской министр (1939–1940). В 1940–1945 и 1951–1955 премьер-министр Великобритании. Один из лидеров Консервативной партии.

1053 По адресу Bedford Sq., 30 располагалось российское консульство.

1054 «Свободная речь» – общественно-политическая ежедневная газета. Основана при содействии кадетского комитета. Выходила в 1918–1919 в Екатеринодаре, с августа 1919 – в Ростове-на-Дону. Редактор – К. Н. Соколов, с июля 1919 издатель – А. Л. Осипов, редактор – Б. Е. Малютин. Выражала взгляды правого крыла кадетской партии.

1055 Исаев Владимир Иванович – профессор прикладной химии. Член Русско-Британского Братства 1917, курировал вопросы образования и культуры. Входил в президиум Русской академической группы. Числился среди сотрудников Комитета освобождения России.

1056 См. комм. 656.

1057 Маклакова Мария Алексеевна (1878–1957) – сестра В. А. Маклакова, жила вместе с братом в Париже и выполняла при нем функции секретаря.

1058 Гермониус Эдуард Карлович (1864 – после 1929) – генерал-лейтенант, инженер-металлург. Председатель Русского правительственного комитета в Лондоне (1915–1918), после его закрытия – представитель Добровольческой армии в Англии, занимался снабжением армии вооружением, боеприпасами, обмундированием (1918–1920).

1059 Гарднер Д. Д. – поверенный в делах российского посольства в Лондоне. Один из основателей и почетный секретарь «Русско-Британского Братства», входил во Временный комитет «Братства». Играл важную роль в Русском правительственном комитете по снабжению.

1060 Остроградский А. С. – председатель Русского правительственного комитета, созданного в годы 1-й мировой войны в Лондоне.

1061 Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960) – юрист, журналист, меценат, коллекционер художественных произведений. Заведовал петербургской редакцией московской газеты «Русское слово», был директором журнала «Нива», директором писчебумажного дела Печаткина и др. В эмиграции с 1919, состоял в Лондоне членом Комитета освобождения России, вел все сношения с английской прессой. Сотрудничал в еженедельнике «The Russian Outlook» («Русский кругозор») (1919–1920). По приглашению П. Б. Струве переехал в 1920 в Париж для заведования сношениями по русским делам со всей французской прессой. В Париже работал в «Иллюстрированной России».

1062 Семенов Юлий Федорович, будучи избран в марте 1918 товарищем председателя Закавказского Русского Национального совета, был послан в Париж для информирования союзников о положении Белого движения. Остался в эмиграции. В 1920 избран секретарем Парижского комитета местной кадетской группы. Член бюро Временного Русского комитета национального объединения (с 1921).

1063 Национальный центр (НЦ) – общероссийская оппозиционная антибольшевистская организация, объединявшая представителей либерально-демократических и либерально-консервативных партий, различных внепартийных общественных групп (Церковного собора, старообрядческих общин, земских и городских учреждений, торгово-промышленных групп, кооперации и др.). Возникла по инициативе членов ЦК кадетской партии в мае-июне 1918 в Москве. Сначала действовала в Москве, но с отъездом наиболее влиятельных ее членов на юг правление НЦ было перебазировано в Екатеринодар, затем – в Ростов-на-Дону. Отделения НЦ действовали в Петрограде, Киеве, Одессе, Яссах, Новороссийске, Таганроге, Харькове, Батуми, Тифлисе, Баку, Кисловодске, Симферополе, Мурманске, Архангельске, Уфе, Омске. В московском отделении разрабатывалась общетеоретическая модель преобразования постбольшевистской России – вопросы государственного строительства и политики, экономического, финансового, социального, внешнеполитического развития страны.

Московское и петроградское отделения НЦ снабжали Добровольческую армию военно-оперативными сведениями о состоянии и планах Красной армии. Члены екатеринодарского и ростовского отделений разрабатывали оперативные меры для решения наиболее острых текущих вопросов (земельный, продовольственный, финансовый) на территории, подконтрольной Добровольческой армии. Ряд членов НЦ входил в состав Особого совещания при главкоме ВСЮР, оказывая определенное влияние на выработку и принятие решений по самому широкому кругу вопросов. В результате проведенных органами ВЧК в июле-августе 1919 массовых арестов в Москве и Петрограде, а затем расстрела лидеров московского и петроградского отделений, работа НЦ была дезорганизована и постепенно сошла на нет.

1064 Имеется в виду близкая подруга С. А. Борман – Вера Ивановна Жибер, бывшая сестрой милосердия в годы Гражданской войны.

1065 Видимо, Клепинин Андрей Николаевич (1871–?), архитектор, общественный деятель. Был женат на Софье Александровне (урожд. Степановой) (1873–?). Служил в Министерстве земледелия и гражданских имуществ. Долгое время жил в Одессе. В 1920 эмигрировал через Константинополь в Югославию.

1066 Сам четверт (устар.) – вчетвером.

1067 Имеется в виду старший сын П. Н. Милюкова – Николай (1889–1957), участник 1-й мировой и Гражданской войн, боевой офицер, служил артиллеристом, затем летчиком.

1068 См. комм. 620. В мае 1919 Н.П.Милюкова вышла замуж за Д. С. Старынкевича. После венчания супруги уехали в Ростов, где в 1920 Старынкевич скончался. Наталья вернулась в Петроград, поступила в 1921 на 1-й курс электромеханического отделения Политехнического института. В июне 1921 поехала навестить брата, заболела дизентерией и скончалась в Полтаве.

1069 Глеб Петрович Струве окончил Оксфордский университет. Весной 1922 переехал в Берлин, сотрудничал с журналом «Русская мысль» (1921–1924), затем перебрался в Париж, публиковался в газете «Возрождение» (1925–1927), входил в редакцию еженедельников «Россия» (1927–1928) и «Россия и славянство» (1928–1932). С 1932 читал лекции по истории русской литературы в Лондонском университете (Высшей школе славистики). В 1946 был приглашен в американские университеты, профессор кафедры славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли (1947–1967). Инициатор создания в 1960 и редактор журнала «California Slavic Studies».

1070 Струве (урожд. Герд) Антонина (Нина) Александровна (1868–1943) – дочь известного педагога А. Я. Герда, жена П. Б. Струве (с мая 1896). В гимназические годы была дружна с Тырковой.

1071 «Общее дело» («Cause Commune») – общественно-политическая и литературная газета, издавшаяся в Париже (1909–1910), Петрограде (1917) и возобновленная В. Л. Бурцевым в Париже (сентябрь 1918 – июнь 1923). Выходила поначалу ежемесячно, затем еженедельно. С лета 1920 стала ежедневной. Являлось полуофициозом генерала А. И. Деникина, затем генерала П. Н. Врангеля. Бурцев получал от них денежные субсидии. На страницах газеты велась полемика с П. Н. Милюковым и его единомышленниками по вопросам тактики дальнейшей борьбы с большевизмом, отношения к вооруженной борьбе и интервенции, возможности сотрудничества с эсерами.

1072 См. 836.

1073 Герберт Уэллс (Wells) трижды посетил Россию (1914, 1920, 1934). Во 2-й приезд беседовал с Лениным (6 октября 1920). По возвращении опубликовал свои впечатления в еженедельнике «The Sunday Telegraph»; впоследствии эти очерки составили книгу «Россия во мгле». Русская эмиграция с возмущением отреагировала на публикации Уэллса. Первые отклики появились в ноябре в журнале «The New Europe».

1074 Под Горланом Тыркова, по всей видимости, подразумевает А. М. Горького, по приглашению которого Г. Уэллс посетил Москву в 1920 и в квартире которого он жил в тот приезд.

1075 Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) – балерина, прима-балерина Мариинского театра. Принимала участие в антрепризе С. П. Дягилева «Русский балет». В 1917 вышла замуж за английского дипломата Генри Брюса и в 1918 уехала вместе с ним в Лондон. Продолжала концертную деятельность, гастролировала с дягилевским балетом, занималась преподаванием.

1076 Комитет освобождения России («Russian Liberation Comittee») – наиболее влиятельная российская эмигрантская общественно-политическая организация в Англии. Был основан в Лондоне в феврале 1919 с целью осведомления общественного мнения Англии о положении в России. Ежедневно сообщал английским газетам полученные по телеграфу сведения из разных областей России. Эти сведения публиковались в еженедельных информационных «Бюллетенях», которые рассылались влиятельным политическим деятелям Великобритании (в том числе всем членам парламента). Комитет издавал под редакцией П. Н. Милюкова еженедельник «The New Russia», выпускал на английском языке пропагандистские брошюры, некоторое время печатал в Лондоне небольшую газету «Рассвет». Главной задачей Комитета была деятельность в поддержку Белого движения в России; он пытался собирать и передавать в Россию сведения для координации действий между белыми армиями; установил связь с военно-политическими центрами антибольшевистского лагеря (Омск, Екатеринодар, Гельсингфорс). Деятельность Комитета финансировал Н. Х. Денисов,

кроме того, Комитет получал поддержку от Омского правительства адмирала А. В. Колчака. Согласно уставу Комитет состоял из центральной группы (в составе 9 чел.) и привлекаемых к работе сотрудников.

1077 Оболенская (урожд. Винберг) Ольга Владимировна (1869–1938) – дочь известного земца, специалиста по виноградарству и виноделию, депутата IV Государственной думы В. К. Винберга, жена В. А. Оболенского (с 1896).

1078 Речь идет о переговорах, которые вели П. Н. Милюков и его сторонники в Париже с представителями правого крыла эсеровской партии с целью создания объединенного эмигрантского Национального комитета.

1079 Бочарский П. В. – офицер Павловского полка, полковник; муж дочери Тырковой – Софьи Альфредовны.

1080 См. комм. 719.

1081 Имеется в виду сын П. Б. Струве – Константин (1900–1948), которые в годы Гражданской войны воевал в составе Белой армии в Сибири. Эмигрировал во Францию, окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Затем принял монашество с именем Савва.

1082 Бенигсен Георгий Павлович (1879–1962) – граф; общественный деятель, католический публицист. В эмиграции – член Лондонского отдела Русского Национального союза. Член ревизионной комиссии Главного управления Российского общества Красного Креста (старой организации). Один из основателей Общества св. Иоанна Златоуста (1926), имевшего целью расширение знаний о восточном христианстве среди англоговорящих католиков, автор ряда книг и статей на религиозные темы

1083 Созданное в Лондоне Русское колонизационное общество (возглавляемое Тырковой) занималось сбором сведений о местах, пригодных для расселения русских беженцев, обеспечивало их правовой и материальной защитой.

1084 Павел Николаевич Игнатьев в начале 1919 эмигрировал в Англию. В Лондоне возглавил Общество Российского Красного Креста за границей (The Russian Red Cross Society in Exile). Принимал активное участие в обустройстве школ русской эмиграции в Западной Европе.

1085 Модсли (Maudsley) Альгернон – работал в Британском комитете Красного Креста с начала 1-й мировой войны; почетный секретарь Комитета.

1086 Речь идет о Российском Земско-Городском комитете помощи беженцам, сформированном на объединительном съезде земских и го-

родских организаций в Париже 30 января 1921. Комитет представлял собой внепартийный орган гуманитарного характера, выполнявший попечительские и культурно-просветительские функции, прежде всего – изыскание средств на дело обеспечения беженцев. При Комитете были созданы отделы: финансовый, снабжения, колонизационный, труда, культурно-просветительный, медицинский, информационный и управления делами Комитета. Председателем Комитета был избран кн. Г. Е. Львов. В руководство Комитета в числе прочих вошли видные кадеты и эсеры.

1087 На Совещании членов ЦК кадетской партии, оказавшихся в эмиграции (см. комм. 715), благодаря незначительному численному перевесу, оппонентам Милюкова удалось провести резолюции, выдержанные в духе их позиции.

1088 Жекулина (урожд. Евреинова) Аделаида Владимировна (1866–1950) – педагог, общественный деятель. Преподавала в школе, построенной в имении мужа (Сергея Ивановича Жекулина) в Суджанском уезде Курской губ. Овдовев, переехала с 9 детьми в Киев, где организовала женскую гимназию. В 1910 открыла педагогическое отделение для подготовки учительниц дошкольного воспитания и учительниц начальных училищ. В 1-ю мировую войну открыла несколько школ для беженцев. В марте 1920 эвакуировалась в Константинополь. По ее инициативе и активном участии создавались детские сады, начальные школы и гимназии для эвакуированных. Член действовавшего в Константинополе Политического объединенного комитета, осенью 1921 вышла из его состава, поддержав протест против системы полевых судов ген. Кутепова. С 1922 жила в Праге. Член Временного Главного комитета Всероссийского Союза городов за границей, председательница Комитета в Чехословакии. Много сил отдавала постановке дела образования детей российских эмигрантов. Основательница Русской гимназии в городе Моравска Тржебова. Председатель Объединения русских учительских организаций за границей (с 1923). Организовала Педагогическое бюро. В 1948 переехала в Бельгию.

1089 Имеется в виду Съезд национального объединения, который проходил с 5 по 12 июня 1921 в Париже в отеле «Мажестик». Съезд представлял попытку либеральных сил российской эмиграции создать широкий политический фронт борьбы с большевистским режимом и конституировать единый межпартийный орган, выражавший интересы эмиграции и координировавший ее действия. Инициатива созыва съезда принадлежала В. Л. Бурцеву и возглавляемой им редакции газеты «Общее дело». Председателем президиума был избран А. В. Карташев; тов. председателя – В. Л. Бурцев, Пав. Д. Долгоруков, В. Д. Кузьмин-Караваев, В. Д. Набоков, Г. Б. Слиозберг, С. А. Смирнов, Н. В. Тесленко, М. М. Федоров, П. Н. Финисов; секретарем – Ю. Ф. Семенов. Всего на съезде присутствовало ок. 170 делегатов из

среды праволиберальной эмиграции. Среди них – представители: Парламентского комитета, Национального центра, Русского совета, Политического объединенного комитета, Союза освобождения и воссоздания России, кадетских групп (оппоненты П. Н. Милюкова, сторонники старой тактики), группы «Единство», Союзов русских адвокатов, русских инженеров и др. На съезд прибыли И. А. Бунин, А. И. Куприн. География участников охватывала все страны рассеяния русской эмиграции. Участники съезда анализировали произошедшие в России сдвиги, намечали основные пути и методы борьбы с большевистским режимом, вырабатывали общую программу воссоздания России, определяли позиции, способные объединить максимально широкие круги политической эмиграции и, наконец, очерчивали ту сферу деятельности, где эмиграция могла бы реализовать себя как участница борьбы с большевизмом.

1090 Возможно, Гиннес (Guinness) Уолтер Эдвард, 1-й барон Мойн (Moyne) (1880–1944) – английский политик; подполковник. Участник 1-й мировой войны. Депутат парламента от Консервативной партии (1907–1931). В 1919 – секретарь коалиционной группы по иностранным делам, оратор по русскому вопросу в Палате общин. В том же году П. Н. Милюков вместе с сыном Тырковой – А. А. Борманом и Г. Вильямсом были приглашены в парламентскую комиссию по иностранным делам в Палате общин для беседы о положении в большевистской России. Позже состоялась личная встреча Милюкова с Гиннесом. В 1922 Гиннес вошел в правительство, сначала занимал пост зам. военного министра, затем – министра финансов (с октября 1923 по январь 1924 и с ноября 1924 по декабрь 1925).

1091 Смирнов Сергей Алексеевич (1882–?) – предприниматель, общественный деятель. После Октябрьской революции 1917 эмигрировал в Германию. Входил в руководство Протосоюза, председатель Общества помощи русским гражданам в Берлине. Член бюро Российского общественного комитета помощи голодающим. Избран в Национальный комитет (образованный на Съезде национального объединения – см. комм. 1089), однако в мае 1924, в знак протеста против заявленной Комитетом поддержки великого князя Николая Николаевича, вышел из его состава. Член наблюдательного совета Северного торгово-промышленного банка.

1092 Настроение и мысли Г. Вильямса отражены в его письмах к А. В. Тырковой. Письмо от 4 июня 1921 г.: «Сорганизуй русских, если сможешь. Интересно, бродят ли где-нибудь новые мысли, кроме трафаретных. Думаю, что в самой России новый дух рождается, но сколько времени пройдет, пока он не найдет своей реальной формы». Письмо от 5 июня: «Очень боюсь мелочных настроений, повторения старых трафаретов. Хотелось бы видеть хоть проблеск каких-то новых ростков, чего-то наконец творческого. Боюсь. А все-таки, может быть,

увидишь. Где тот русский человек, который забыл, что он кадет или [э]с[е]р или обыкновенный деятель, а просто чувствует душой, что нужно для России. Зреет он где-нибудь» (*Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 8).*

1093 Ратьков-Рожнов Александр Николаевич (1859–1943) – промышленник, возглавлял Главное правление демидовских уральских предприятий (с 1900), был председателем правлений синдикатов «Кровля» и «Медь». Его жена – Ратькова-Рожнова (урожд. Философова) Зинаида Владимировна (1871–1966) – сестра Д. В. Философова, двоюродная сестра С. П. Дягелева.

1094 Имеется в виду Анна Павловна Философова – мать З. В. Ратьковой-Рожновой.

1095 Пасманик Давид (Даниил) Самойлович (1869–1930) – врач, публицист; профессор. В 1917–1919 находился в Крыму. Член Крымского комитета кадетской партии. Поддерживал германскую ориентацию П. Н. Милюкова. Редактор газеты «Таврический голос». С 1919 в эмиграции в Париже. Член созданного в июле 1920 Союза русских литераторов и журналистов в Париже. Выступал за продолжение вооруженной борьбы с большевиками и сохранение армии. В марте 1921 вошел в бюро Временного Русского комитета, которому была поручена работа по созыву Съезда национального объединения.

1096 Имеется в виду Русский совет – структура, созданная П. Н. Врангелем в марте 1921 под давлением эмигрантской общественности как орган гражданского управления при главнокомандующем Русской армии в изгнании. Однако согласно принятому Уставу функции Совета были сильно ограничены и фактически вся власть оставалась в руках Врангеля: являясь председателем Совета, он обладал правом формировать $^1/_3$ его состава по своему усмотрению, распускать Совет и назначать перевыборы, если постановления, не утвержденные им, при вторичном рассмотрении, все-таки принимались большинством $^2/_3$ присутствующих и т. д. Либеральное крыло эмиграции критически отнеслось к Русскому совету, и войти в его состав согласился лишь ограниченный круг общественных деятелей, прежде всего те, кто был непосредственно связан с армией. В сентябре 1922 Совет прекратил свое существование.

1097 Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – писатель, поэт, почетный член Петербургской Академии наук (1909), лауреат Нобелевской премии по литературе (1933). В феврале 1920 эмигрировал во Францию.

1098 В 1919 Александр Иванович Куприн эмигрировал во Францию, весной 1937 вернулся на родину.

1099 Яблоновский Александр Александрович (1870–1934) – прозаик, публицист. Сотрудничал в журналах и газетах («Мир Божий», «Образо-

вание», «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Речь», «Киевская мысль» и др.). В годы Гражданской войны работал на юге России. В 1920 эвакуировался в Египет, затем перебрался в Берлин, а в 1925 – в Париж. Публиковался в газетах «Сегодня», «Руль», «Общее дело», в дальневосточной, американской эмигрантской периодике и др., но главным образом в газете «Возрождение» (1925–1934). Занимал непримиримую антибольшевистскую позицию.

1100 Тэффи (наст. имя Лохвицкая, по мужу Бучинская) Надежда Александровна (1872–1952) – писательница и поэтесса. С 1920 – в эмиграции в Париже.

1101 В эмиграции в Париже Ф. И. Родичев не принял «новую тактику» П. Н. Милюкова. После раскола Парижской кадетской организации в июле 1921 занимал пост товарища председателя комитета группы, образовавшейся после ухода Милюкова и его сторонников. Вошел в состав Национального комитета, сформированного на Съезде национального объединения.

1102 Очевидно, имеется в виду 5-я песнь «Ада» из «Божественной комедии». В ней Данте призывает из Ада неумиротворенную тень Франчески, которая повествует ему о своей преступной любви к Паоло и о жестоком муже, убившем из ревности и ее и ее возлюбленного. Затем тень Франчески вновь уносится в бездну ада.

1103 В докладе, посвященном вопросу об окраинах, Ю. Ф. Семенов доказывал, что в России не произошло «расчленения русской нации», не проявлена воля к разрушению ее единства. В качестве «первопричины» отделения окраин от России называлось «желание освободиться от большевистского гнета». Поэтому вопрос об окраинах «вырешится самим ходом вещей». Семенов предлагал изжить «старорежимную психологию», когда «белые армии боролись с окраинами», и ориентироваться на достижение мирного и разумного соглашения. Причем в основе соглашения должно быть положено единство экономических интересов коренной России и окраин и некоторые «общие начала гражданского правопорядка» («Общее дело». 1921. 9 июня).

1104 Николай Константинович Волков с 1920 жил в Париже. Избран товарищем председателя комитета Парижской кадетской группы. Сторонник милюковской «новой тактики». Входил в экономическую комиссию, созданную при исполкоме Совещания членов Учредительного собрания. Директор-администратор газеты «Последние новости», секретарь редакции. Член Союза русских литераторов и журналистов в Париже.

1105 Выступая на Съезде национального объединения, А. В. Тыркова от имени лондонского Комитета освобождения России выразила надежду, что съезд выработает «формы настоящего национального объединения»: «Мы должны прислушиваться к тому, что происходит

в России, стараться понять происходящее, но, во всяком случае, не повелевать. В первую голову съезд должен будет заняться насущными вопросами, связанными с охраной интересов беженцев и, самое главное, с охраной интересов армии. Мы придаем значение съезду с точки зрения как организационной, так и идеологической. Наше движение имеет огромное количество героев, мы были жестоки по отношению к ним, это наш тяжкий грех, который нас обязывает к очень многому. И потому мы должны во имя воссоздания великой державы Российской вложить в нашу работу всю нашу душу, выковать в себе железную волю, идти вперед, не сворачивая нашего знамени» («Общее дело». 1921. 7 июня). В конце работы съезда Тыркова приняла участие в прениях по докладу Г. А. Мейнгарда, остановившись на вопросе о пропаганде в Европе: «Между нами и Европой образовалась стена. Заставить ее понять нас – очень трудно. Европа устала от нашей неразберихи, она больше не верит нам после целого ряда наших обещаний – победить большевиков. Мы вели нашу пропаганду разбросано, без плана. Не было центра, который объединил бы всю эту работу и заставил бы Европу прислушиваться. Да, в сущности говоря, наша пропаганда навряд ли принесет столько пользы, сколько приносят ее сами большевики своими действиями. Если уже вести пропаганду, так, главным образом, нужно ее вести среди русских. Нужно объединить всю антибольшевистскую Россию, спаять ее и только тогда орган, объединяющий и возглавляющий ее, будет иметь вес и значение в глазах европейского общественного мнения» («Общее дело». 1921. 12 июня).

Кроме того, Тыркова выступила с заключительным словом на съезде, заявив: «Сознание, что снова начинается борьба за освобождение и возрождение России, укрепляет дух. Мы собрали мысль, теперь нам надо собрать нашу волю. После опыта этой недели я могу выразить уверенность, что наше начинание не пропадет бесследно. Но нужно поменьше красноречия и побольше воли и действия» («Общее дело». 1921. 14 июня).

1106 Раят (Тунис) и Наухайм (Германия) – места, рекомендованные для лечения сердечных и легочных заболеваний.

1107 Набоков, отвергая интервенцию, тем не менее настаивал на необходимости продолжения вооруженной борьбы с большевизмом, а следовательно, на сохранении армии. Он подверг критике тактику опоры на стихийные крестьянские восстания и призывы Милюкова беречь «завоевания, идеалы и заветы революции». В понимании Набокова стратегия антибольшевистских сил должна заключаться в преодолении революции и реакции на путях «истинно государственного созидания демократической России». Вместе с тем он настаивал на признании новых земельных отношений, установившихся в результате революции: принципиально отказаться от восстановления в пра-

вах прежних земельных собственников и юридически закрепить переход земли в собственность к «трудящимся на ней». Массы должны твердо знать, что борьба ведется только против большевистского правительства, но не против населения, пусть даже и участвующего в его деятельности. При таком подходе, по его мнению, вооруженная борьба может рассчитывать на поддержку и успех («Общее дело». 1921. 11 июня).

1108 «Que faire» («Кэ фер») [«Что делать»] – название чрезвычайно популярного в эмиграционной среде рассказа Н. А. Тэффи.

1109 «The Russian Life» («Русская жизнь») – ежемесячный журнал, выходил в Лондоне под эгидой Комитета освобождения России с августа 1921 до марта 1922. Ведущую роль в подготовке и издании журнала играла А. В. Тыркова. В журнале публиковались статьи об экономическом и политическом положении в Советской России. Особая рубрика была посвящена положению научной и творческой интеллигенции. Финансировался Советом послов.

1110 Гофельд Евгения Константиновна (1884–1957) – воспитательница в семье Набоковых. Была принята на службу в 1914 для двух дочерей. Эмигрировала вместе с Набоковыми.

1111 Издание ежемесячного литературно-политического журнала «Русская мысль», прекратившего свой выход в 1918, было возобновлено в эмиграции – сначала в Софии / Праге / Берлине (1921–1923; Кн. I–X/XII), затем в Париже (1927; Кн. I). Редактор П. Б. Струве.

1112 «Руль» – ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Берлине в 1920–1931. Основана И. В. Гессеном при участии А. И. Каминки, В. Д. Набокова. Фактический орган Берлинской группы кадетской партии. Имела иллюстрированное воскресное приложение «Наш мир».

1113 Имеется в виду Временный совет Российской республики (Предпарламент) – совещательный орган при Временном правительстве. Образован на заседании президиума Демократического совещания 20 сентября (3 октября) 1917 из представителей всех его фракций и групп. Сформированное 25 сентября (8 октября) новое коалиционное Временное правительство ограничило права и функции Совета и изменило его состав, допустив к участию также представителей цензовых организаций и учреждений. 7(20) октября председателем Предпарламента был избран эсер Н. Д. Авксентьев. Распущен 25 октября (7 ноября) 1917.

1114 Набокова (урожд. Рукавишникова) Елена Ивановна (1876–1939) – дочь золотопромышленника И. В. Рукавишникова, вдова В. Д. Набокова.

1115 Мейендорф Александр Феликсович (1869–1964) – барон; общественный и политический деятель. Депутат III Государственной думы

(в течение 2 сессий тов. председателя) и IV Думы. Эмигрировал в Лондон. Вошел в «Русско-Британское Братство», секретарь комитета по образованию при «Братстве». Член Лондонского отделения Российского общественного комитета помощи голодающим в России.

1116 В Москве 26 апреля 1922 начался громкий судебный процесс по делу об изъятии церковных ценностей против большой группы служителей церкви (благочинных, клириков и мирян). К суду вначале в качестве свидетеля, а потом обвиняемого был привлечен и патриарх Тихон. 9 мая 1922 он был подвергнут домашнему аресту на Троицком подворье. В результате процесса было вынесено немало смертных приговоров. Аналогичный судебный процесс проходил с 10 июня по 5 июля 1922 в Петрограде. По приговору Петроградского революционного трибунала были расстреляны митрополит Вениамин (Казанский), архимандрит Сергий (Шеин).

1117 Видимо, имеется в виду архиепископ Иоанн (в миру Янис (Иван) Андреевич Помер) (1876–1934) – архиепископ Рижский и Митавский.

1118 Гржебин Зиновий Исаевич (1877–1929) – издатель, художник. В 1906 основал (вместе с С. Ю. Копельманом) частное издательство «Шиповник» и стал одним из его совладельцев. Издательство выпускало альманахи «Шиповник» (1907–1916), «Северные сборники» (1907–1911) и др. Редактор-издатель журнала «Отечество» (Петроград, 1918–1919). В 1919 основал «Издательство З. И. Гржебина» (фактический руководитель – Максим Горький). В 1920 выехал в Берлин, где основал филиал издательства. В 1923 разорился, издательство прекратило свое существование.

1119 Брайкевич Михаил Васильевич (?–1940) – инженер, предприниматель; кадет. После октябрьского переворота 1917 входил в ряд антибольшевистских организаций: Совет государственного объединения России, Союз возрождения России. Одесский городской голова. Участвовал в работе Ясского совещания. Перевел свои капиталы за границу. Эмигрировал в Лондон. Секретарь основанного в Лондоне в 1920 Русского экономического общества. Под его редакцией в 1920–1923 выходил в Лондоне журнал «The Russian Economist» («Записки Русского экономического общества»). Читал лекции в Русском народном университете (Лондон) по теме «Народное хозяйство в России»; входил в правление университета. Член Комитета Российского Торгово-промышленного и финансового союза, Российского Земско-городского комитета помощи беженцам и президиума Комитета помощи голодающим. Один из сотрудников финансово-экономического отдела исполкома Совещания членов Учредительного собрания.

1120 Терпентин – скипидар (от нов.-в.-нем. Terpentin; лат. terebinthus).

1121 Франк Семен Людвигович (1877–1950) – философ, религиозный мыслитель. Участник сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи»

(1909), «Из глубины» (1918). Профессор кафедры философии в Саратовском университете (1917), затем – в Московском университете (с 1921). В 1922 выслан из России, обосновался в Берлине, вошел в состав Религиозно-Философской академии, организованной Н. А. Бердяевым. В 1930 перебрался в Париж, а в 1945 – в Лондон.

1122 Бужанский О. Е. (? – нач. 1940-х) – один из редакторов газеты «Речь» в Петербурге, редактор ежедневной политической и литературной прокадетской газеты «Реформа», выходившей в Петербурге с 1 апреля 1906. В эмиграции жил в Берлине. Входил в местную кадетскую группу. Секретарь Общества помощи русским гражданам в Берлине. Близкий друг С. Л. Франка. Автор статей по экономическим и социальным вопросам.

1123 Впервые идея организации Совещания послов прозвучала в январе 1918 на проходившем в Париже съезде послов. Этот проект диктовался необходимостью координации действий российских дипломатов после октябрьского переворота 1917. В дальнейшем, после прекращения деятельности Делового комитета, Совещанию послов было передано право распоряжаться денежными средствами, принадлежавшими России и находившимися за границей. При Совещании был образован финансовый совет.

1124 По всей вероятности, имеется в виду I съезд деятелей русской школы за границей, состоявшийся в Праге в апреле 1923. Среди прочих вопросов съезд остановился на выработке мер, направленных на борьбу с денационализацией. Были предложены следующие шаги: в случае обучения детей в иностранных школах устраивать дополнительные русские курсы по преподаванию Закона Божьего, русского языка и литературы, истории и географии или хотя бы по некоторым из перечисленных предметов; организовывать для детей старшего возраста преподавание родиноведения с ознакомлением их с государственным устройством дореволюционной России, органами самоуправления, экономикой, русским искусством и т. п.; при малочисленности русской колонии или ее рассеянности по мелким селениям организовать институт передвижных учителей; создавать русские ученические библиотеки на местах; образовывать различные детские и ученические кружки и т. п. На съезде было сформировано Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей, под эгидой которого начал издаваться журнал «Русская школа за рубежом». Тыркова весьма сочувственно восприняла решения съезда, о чем свидетельствует данное письмо; оно было обнародовано на Совещании по борьбе с денационализацией, проведенном по инициативе Педагогического бюро в Праге в октябре 1924 (См.: Из письма А. В. Тырковой о борьбе с денационализацией // Русская школа за рубежом: Исторический опыт 20-х годов: Сб. документов. М., 1995. С. 41–42).

1125 Аркос (All Russian Cooperative Society Lmited, с 1922 – Arcos Ltd.) – акционерное торговое общество. Учреждено в 1920 в Лондоне советской кооперативной делегацией; зарегистрировано как частная компания с ограниченной ответственностью; представляло советские внешнеторговые организации в ряде зарубежных стран.

1126 Герасимов Александр Михайлович (1861–1930) – вице-адмирал (1913) и комендант морской крепости Петр Великий в Ревеле (до 1917). В конце 1918 прибыл в штаб Добровольческой армии. Помощник, а затем начальник Морского управления при главнокомандующем ВСЮР (с 1919). Командующий Черноморским флотом (с 17 февраля 1919 по 19 апреля 1920). С мая 1920 – представитель генерала П. Н. Врангеля в Батуме. С переходом эскадры Черноморского флота на французскую военно-морскую базу в Бизерте назначен (в начале 1921) директором Морского корпуса в Бизерте.

1127 Иоанн Златоуст (ок. 347–407) – архиепископ Константинопольский, богослов, почитается как один из трех Вселенских святителей и учителей. Франциск Ассизский (лат. Franciscus Assisiensis) (1182–1226) – католический святой, учредитель нищенского ордена, названного его именем.

1128 Национальный комитет был создан на Съезде национального объединения (см. комм. 1089). В числе главных задач Комитета устанавливалось: «Продолжение вооруженной борьбы с большевиками, сохранение армий, боровшихся с большевиками и вынужденных оставить пределы России, помощь русским гражданам за границей, защита их политических и гражданских прав, охрана и использование для этих целей всего принадлежащего России имущества, всемерная защита территории, прав, чести и достоинства России, установление отношений со всеми возникшими в пределах России государственными образованиями и обеспечение преемственности русской власти» («Общее дело». 1921. 13 июня).

1129 Клайнс (Clynes) Джон Роберт (1869–1949) – английский политический деятель. Работал на хлопкопрядильной фабрике. Избран президентом Национального союза неквалифицированных и муниципальных рабочих. Депутат парламента (1918–1931; 1935–1945). Парламентский секретарь Министерства продовольствия (июль 1917 – июль 1918). Контролер продовольствия (с июля 1918 по январь 1919). Председатель Лейбористской партии в Палате общин (1921–1922). Член королевского Тайного совета (1918). Лорд малой государственной печати и лидер Палаты общин (январь–октябрь 1924).

1130 «The Financial Times» – международная деловая газета, издается на английском языке в 24 городах мира с общим тиражом до 450 тыс. экземпляров. Штаб-квартира главной редакции находится в Лондоне.

[1131] Стреза (Stresa) – итальянский город, Пьемонт.

[1132] Bureau international du travail (BIT) – Международное бюро труда, которое является секретариатом Международной организации труда (МОТ).

[1133] Славик В. – секретарь юридического отдела Лиги Наций, советник при Верховном комиссаре по делам беженцев.

[1134] Щербатский Александр Ипполитович (1874–1952) – дипломат. Посланник в Бразилии; выполнял дипломатические поручения в Уругвае, Парагвае и Чили. 2-й секретарь консульства в Константинополе (1906). Советник посольства в Вашингтоне (1914). В эмиграции во Франции.

[1135] Шлезингер (Schlesinger) Мориц (1886–1974) – дипломат, посредник на ряде переговоров Германии с Советской Россией в 1918–1932, представитель Верховного комиссара по делам беженцев Лиги Наций Ф. Нансена в Германии. Автор мемуаров.

[1136] Адор (Ador) Густав (1845–1928) – швейцарский государственный и общественный деятель. Президент Международного комитета Красного Креста (1910–1928). По его инициативе во время 1-й мировой войны был создан Международный центр по вопросам военнопленных. Министр иностранных дел (1918–1919). Президент Швейцарской федерации (1919), представлял Швейцарию в Лиге Наций.

[1137] Джонсон (Janson) Т. – секретарь Ф. Нансена.

[1138] Гулькевич Константин Николаевич (?–1935) – дипломат, советник российского посольства в Турции (1913), посланник в Норвегии (1914–1917), Швеции (1918–1920). Помощник Нансена по делам русских беженцев, представитель Совещания послов при международных организациях.

[1139] С. В. Панина и Н. И. Астров являлись представителями Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей при верховном комиссаре Лиги Наций (с 1921).

[1140] В эмиграции Н. В. Тесленко отстаивал идею «широкого национального объединения». В 1921 вошел в бюро избранного на Съезде национального объединения, Национального комитета. Возглавил Парижский кадетский комитет (альтернативный милюковскому). В мае 1924 вышел из бюро Национального комитете в знак протеста против поправения его позиции, попыток признать политическое лидерство («возглавление») вел. кн. Николая Николаевича.

[1141] Николай Николаевич (младший) (1856–1929) – великий князь; внук Николая I; генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (1900). Верховный главнокомандующий (с 20 июля 1914 по 23 августа 1915), затем – наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским

фронтом. В феврале 1917 в числе прочих членов императорской семьи склонял императора к отречению. В апреле 1919 вместе с императрицей Марией Федоровной покинул Россию. В эмиграции жил в Италии, с 1922 – во Франции. 16 ноября 1924 возглавил Русский Общевоинский союз. Среди части эмиграции считался основным претендентом на российский престол

1142 «Русское знамя» – монархическая газета, центральный печатный орган Союза русского народа, издавалась в Петербурге/Петрограде в 1905–1917. Выходила под девизом «За Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное и Россию для Русских».

1143 Речь идет о нелегальной поездке Павла Д. Долгорукова в Советскую Россию в июне 1926 с целью установления связей с «оппозиционным движением». Предприятие закончилось для князя трагически. Он был опознан, арестован и впоследствии расстрелян.

1144 «Последние новости» – ежедневная русскоязычная общественно-политическая газета, выходила в Париже в 1920–1940, с 1 марта 1921 под редакцией Милюкова, который, как правило, писал ее передовицы. Подробно освещала эмигрантскую жизнь Русского зарубежья, деятельность партийных групп, особенно кадетских и эсеровских. Прекратила свое существование 17 июня 1940, когда в Париж вошли части гитлеровской армии. Орган той части кадетских групп, которая приняла милюковскую «новую тактику».

1145 Постоянная авторская рубрика П. Б. Струве в газете «Возрождение».

1146 Федоров Михаил Михайлович (1859–1949) – общественный деятель. С 1920 в эмиграции, жил в Париже. Входил в местную кадетскую группу. Один из инициаторов созыва Съезда национального объединения. Товарищ председателя сформированного на съезде Национального комитета. Сотрудник журнала «Борьба за Россию» (1926–1931; с 1929 редактор).

1147 Гукасов (Гукасянц) Абрам Осипович (1872–1969) – нефтепромышленник, издатель, меценат, общественный деятель. После Октябрьской революции 1917 эмигрировал во Францию. Основал судостроительное общество нефтеналивных судов «Les Petroles d'Outre-Ver». Основатель и издатель газеты «Возрождение» (1925–1940); после войны издание было возобновлено (с 1949) в формате журнала (до 1974). Учредитель Фонда имени братьев Гукасовых по охране языка и культурных ценностей армянского народа. Основал типографию «Навар», где печатались русские книги и журналы.

1148 Зайцев Константин Иосифович (архимандрит Константин с 1954) (1887–1945) – писатель, богослов, священнослужитель Русской православной церкви за границей (с 1944). Участник Белого движения. В 1920 эмигрировал из Крыма. Жил в Праге, приват-доцент Русско-

го юридического факультета. По приглашению П. Б. Струве переехал в Париж, где сотрудничал в газетах «Возрождение», «Россия и славянский мир» (редактор в 1928–1933), журнале «Вера и жизнь».

1149 Бенсон (Benson) Годфри, барон Чарнвуд (Charnwood) (1864–1945) – английский политик, писатель, меценат. Член Палаты общин (1892–1895), мэр Личфильда (1909–1911). Возведен в титул барона Чарнвуда (1911). Автор ряда книг, в том числе исторических биографий Араама Линкольна (1916) и Теодора Рузвельта (1923). В 1897 женился на Доротее Мари Торп.

1150 Возможно, речь идет о гастролях в США квартета «Кедров», создателем и руководителем которого являлся Николай Николаевич Кедров (1871–1940), оперный камерный певец (баритон), композитор и музыкальный педагог, профессор Петербургской консерватории (1915), эмигрировавший после Октябрьской революции 1917 в Берлин, а затем переехавший в Париж. Воссоздал в эмиграции прославленный мужской квартет, который с успехом гастролировал в Европе и США. Жена – Гладкая Софья Николаевна, оперная певица, преподавала в Петербургской консерватории.

1151 Видимо, Ольга Владимировна Метальникова (урожд. Дмитриева) (1876–1952), жена ученого-биолога Сергея Ивановича Метальникова (1870–1946), профессора Пастеровского института в Париже.

1152 Ренников Андрей Митрофанович (1882–1957) – писатель, журналист. Редактор отдела в газете А. С. Суворина «Новое время». В марте 1920 эмигрировал, жил в Белграде, издавал вместе с М. А. Сувориным газету «Новое время» (1921–1926). В 1926 переехал в Париж. Сотрудничал в газете «Возрождение», публиковал статьи и очерки о жизни русских эмигрантов в рубрике «Маленький фельетон».

1153 Имеется в виду книга «Анна Павловна Философова и ее время: Сб. памяти Анны Павловны Философовой». Тыркова была автором первого тома (Т. 1. Пг., 1915. 487с.), который представлял собой фундаментальное исследование биографии А. П. Философовой.

1154 Имеются в виду воспоминания В. А. Оболенского: Очерки минувшего. Белград, 1931.

1155 Имеется в виду Оболенская (урожд. Дьякова) Александра Алексеевна (1831–1890), княгиня, общественный деятель. Активно помогала своему мужу, князю Андрею Васильевичу Оболенскому, в проведении крестьянской реформы в Калужской губ. В Петербурге основала в 1870 частную гимназию с широким образовательным курсом для девочек – первую частную женскую гимназию в России.

1156 См. комм. 1077.

1157 Книга воспоминаний Софьи Альфредовны Бочарской о 1-й мировой войне «Они умели умирать» вышла на английском языке (на рус-

ский не переводилась) в 1931 в Америке (издатель Вильям Морроу) и в Англии (издатель Питер Дэйвис). Книга написана от первого лица, ее главный герой – русский солдат в войну 1914–1918.

1158 Разговорное название Королевского института международных отношений.

1159 В 1931 Ф. Сноуден перешел от лейбористов к консерваторам, был включен в состав так наз. национального правительства Дж. Макдональда, занял в нем пост лорда-хранителя печати. С 1932 в отставке.

1160 Это обращение было составлено по инициативе Тырковой и Саблина. В эмигрантской среде, во многом также при деятельном участии Тырковой, была проведена кампания по сбору подписей под обращением.

1161 МБТ – Международное бюро труда, структурное звено Международной организации труда (МОТ). В функции МБТ входит прежде всего: «сбор и распространение сведений по всем вопросам, относящимся к международному регулированию условий труда и положения трудящихся», а также проведение различных специальных обследований.

1162 Драммонд (Drummond) Джеймс Эрик, с 1937 – 16-й граф Перт (1876–1951) – английский дипломат, первый генеральный секретарь Лиги Наций (1920–1933), позднее посол Великобритании в Италии.

1163 Саймон (Simon) Джон Аллсебрук (1873–1954) – английский политик и государственный деятель. С ноября 1931 по июнь 1935 министр иностранных дел в правительстве Р. Макдональда.

1164 Вебб (Webb) Сидней Джеймс (1859–1947) – английский экономист, лидер фабианского движения, основатель Лондонской школы экономики и политических наук. Профессор основанного им учебного заведения. В 1924 министр торговли, в 1929–1930 министр доминионов, в 1929–1931 министр колоний. Лорд (с 1929). Отличался просоветской позицией. В 1932 посещал СССР.

1165 Фортнум и Мейсон (Fortnum & Mason) – универмаг в самом центре Лондона, Создан в 1707 Уильямом Фортнумом и Хью Мейсоном. Торговая марка получила международное признание за высокое качество товаров, является одним из британских символов.

1166 Невинсон (Nevinson) Генри Вуд (1856–1941) – английский журналист, военный корреспондент во время ряда кампаний, биограф, литературовед. Известен своими репортажами в период 2-й англо-бурской войны, 1-й мировой войны, писал о проблеме рабства в Анголе в 1904–1905. Боролся за предоставление избирательных прав женщинам в Англии.

1167 Герцогиня Атольская (duke of Athon) оказывала финансовую поддержку антисоветскому движению.

[1168] Имеется в виду книга В. В. Чернавина «Записки “вредителя”». Чернавин Владимир Вячеславович (1887–1949) – ихтиолог. Возглавлял Северный рыбопромышленный трест в Мурманске (с 1925). В 1930 арестован, содержался в тюрьме «Кресты», приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. В августе 1932 бежал из Кандалакши, нелегально перешел финскую границу. Позднее переехал в Англию.

[1169] Имеется в виду Б. Пэрс.

[1170] Межлаук Валерий Иванович (1893–1838) – советский партийный и государственный деятель. Зам. председателя Совета народных комиссаров СССР, председатель Госплана СССР, зам. председателя Совета труда и обороны (1934–1937).

[1171] Имеется в виду баронесса Варвара Михайловна Мейендорф (урожд. княжна Шервашидзе) (1859–1946), 2-я жена А. Ф. Мейендорфа.

[1172] Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) – историк литературы, критик, общественный деятель. Заведовал кафедрой истории западных литератур в Киевском университете (с 1901). Позднее профессор Петербургского психоневрологического института, одновременно приват-доцент Петербургского университета по кафедре западных литератур. Преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах. В 1901 участвовал в основании русской Высшей школы общественных наук в Париже. В 1903 был задержан (вместе с Тырковой) на границе при перевозке нелегального журнала «Освобождение», привлечен к суду, провел 13 месяцев в одиночной камере. В 1907–1908 отбывал новое 13-месячное тюремное заключение по обвинению в участии в Крестьянском союзе.

[1173] Рубинштейн Яков Львович (1879–1963) – адвокат, примыкал к правому крылу меньшевиков. В эмиграции – член совета Объединения российских земских и городских деятелей за границей (с 1920). Входил в отдел защиты русских граждан за границей при Исполкоме Совещания членов Учредительного собрания (1921). Председатель комиссии по юридическому положению русских беженцев при Земгоре, позже возглавил Центральную юридическую комиссию по изучению положения русских беженцев Русского эмигрантского комитета. В 1935 избран членом административного Совета Нансеновского комитета; заместитель представителя эмиграции (К. Н. Гулькевича) в совещательном комитете по делам беженцев при Лиге Наций. Избрание Рубинштейна вызвало протест части эмиграции.

[1174] Под Ивановым VII подразумевается Георгий Владимирович Иванов (1894–1958), поэт; с 1922 в эмиграции. Сотрудничал в журнале «Числа», в газете «Последние новости».

[1175] Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939) – литературовед, литературный критик, публицист. Сын П. Д. Святополк-Мир-

ского. Участник Белого движения. С 1920 в эмиграции. В 1921–1932 жил в Лондоне, читал курс русской литературы в Королевском колледже Лондонского университета. Защитил магистерскую диссертацию о Пушкине. Издавал антологии русской поэзии, автор работ о русской литературе. Евразиец, учредитель и соредактор евразийского журнала «Версты» (1926–1928). В 1932 переехал в СССР, член Союза советских писателей (с 1934). В 1937 репрессирован.

1176 Тыркова приводит слова из стихотворения С. Я. Надсона, датированного 1883: «От тяжких дум моя пылает голова, / От скорби рвут мне грудь свинцовые рыданья... / Кому их высказать?.. Как жалки вы, слова, / Как ты безжалостна, змея воспоминанья».

1177 Принятое написание – аффидевит, что означает письменное свидетельство, даваемое под присягой и удостоверяемое нотариусом либо должностным лицом.

1178 Возможно, имеется в виду Колесов Федор Иванович (? – до 1956) – эсер, член Уфимской губернской управы, гласный городской думы. В эмиграции обосновался сначала в Праге, секретарь пражского Земгора. В 1928 вместе с семьей выехал в Нью-Йорк.

1179 Иванцов Дмитрий Николаевич (1895–1944) – профессор-экономист, эмигрировал, жил в Праге, преподаватель Русского юридического факультета и Русского института сельскохозяйственной кооперации. Один из руководителей Русского свободного университета (РСУ), секретарь президиума Совета преподавателей РСУ. Принимал участие в издании «Записок научно-исследовательского объединения при РСУ», секретарь редакционного комитета. Иванцову так и не удалось покинуть Чехию. В годы фашистской оккупации он продолжал работу в РСУ: вел семинар по организации государства и народного хозяйства, читал лекции по проблемам экономики и хозяйственной жизни Германии.

1180 Одинцов Борис Николаевич (ок. 1882–1967) – профессор Петроградского университета. В августе 1922 был арестован и в ноябре выслан из СССР. Обосновался в Праге, возглавил кафедру общего земледелия в Русском институте сельскохозяйственной кооперации. Преподавал в Русском свободном университете (РСУ) и Минералогическом институте Карлова университета. Входил в состав Совета преподавателей РСУ; читал курс лекций об организации сельского хозяйства в СССР. В 1951 уехал в США, жил в Нью-Йорке, публиковался в русской эмигрантской прессе. Член Русской академической группы в США (тов. председателя).

1181 Миловидов Петр Филиппович (1896–1974) – участник Гражданской войны; эвакуировался вместе с Русской армией генерала П. Н. Врангеля из Крыма. Жил в Сербии, преподавал в гимназии города Косовская Митровица. В 1922 перебрался в Прагу, поступил на

биологический факультет Карлова университета. Стажировался в Париже в Институте Пастера. В 1936, защитив диссертацию, получил звание приват-доцента. Был принят в местную Русскую академическую группу (1935–1936). Во время оккупации, когда был закрыт университет, работал агрономом у чешских крестьян. После войны был принят в Испытательный институт физиологии растений, стал доктором наук, профессором Карлова университета. Член Чехословацкого Ботанического общества, действительный член Общества гистологов и цитологов Чехословацкой Академии наук. Автор фундаментального труда «Физика и химия клеток» (т. 1 – 1949; т. 2 – 1952).

1182 Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) – философ, один из теоретиков и политических лидеров евразийства. С 1921 в эмиграции в Праге. Преподавал в русских высших учебных заведениях, с 1935 также в Пражском немецком университете. В годы оккупации (1940–1944) заведовал русской гимназией в Праге. После занятия Праги Красной армией (1945) арестован и отправлен в концлагерь. В 1956 реабилитирован; вернулся в Прагу.

1183 Астор (Astor) Уолдорф (1879–1952) – виконт; английский политический деятель. С 1910 – член парламента, одно время – секретарь премьер-министра Ллойд Джорджа. Астор (урожд. Лэнгхорн) Нэнси (1879–1964) – см. комм. 825.

1184 Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954) – философ, религиозный мыслитель. С 1917 – профессор философии права Московского университета. В 1922 эмигрировал в Германию, преподавал в Берлине в Религиозно-Философской академии (до 1924), затем вместе с Академией перебрался в Париж. Принимал участие в создании издательства YMCA-Press (Париж). Один из редакторов религиозно-философского журнала «Путь» (с 1925).

1185 Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России. Т. 1–3. Париж, 1936.

1186 Ноябрьский съезд земских и городских деятелей состоялся 6–9 ноября 1904 в Петербурге. Участники съезда сошлись во мнении, что с начала 1880-х между государством и обществом начал обостряться конфликт. Причем его инициатором выступило государство, которое своей политикой «административного произвола» разобщило «верховную власть с населением». Съезд предлагал обеспечить свободу совести, слова, печати, собраний и т. д., неприкосновенность личности и частного жилища, создать независимый суд, уравнять в гражданских и политических правах всех граждан. Констатировалось, что правительство постоянно стремилось устранить общество от участия в государственном управлении и, проводя курс на административную централизацию, лишало общество возможности самодеятельности. В резолюцию было включено требование введения в качестве волост-

ного самоуправления «мелкой земской единицы» и последовательное осуществление принципа всесословности в деятельности земского и городского самоуправления. Съезд высказался за необходимость ограничения самодержавия законодательным представительством.

1187 Кн. Евг. Н. Трубецкой. Из прошлого. М., 1917; 2-е изд. Вена, [1920]; Воспоминания. София, 1922.

1188 Имеется в виду кадетская аграрная программа, предусматривавшая принудительное отчуждение помещичьей земли за выкуп по справедливой оценке.

1189 В статье «Трагическое положение» («Русские ведомости». 1915. № 221) Маклаков сравнивает Россию с автомобилем, за рулем которой сидит безумный шофер (царь) и ведет машину по краю пропасти. В этой ситуации возникает вопрос: следует ли вырывать из рук шофера руль, если это может привести к катастрофе.

1190 На заседаниях, проходивших в январе-феврале 1914 на петербургской квартире А. И. Коновалова, предпринимались попытки объединить, на позиции центризма, представителей кадетской и прогрессистской оппозиции. В них приняли участие прогрессисты (Коновалов, И. Н. Ефремов, В. М. Вакар), правые кадеты (В. А. Маклаков, М. В. Челноков, А. М. Александров и И. П. Демидов) и левые октябристы (И. И. Опочинин и др.). Рассматривался вопрос о создании в IV Государственной думе «работоспособного» оппозиционного центра, с помощью которого можно было бы провести умеренные конституционные законопроекты. Для выработки общей линии поведения предполагалось сформировать межфракционное совещательное бюро. 3–4 марта 1914 в Москве на квартирах Коновалова и П. П. Рябушинского также состоялся ряд совещаний, на которых присутствовали левые октябристы, прогрессисты, кадеты, меньшевики, энесы, а также большевик И. И. Скворцов-Степанов. В результате был создан Информационный комитет, задачей которого было наладить координацию действий либеральных и революционно-демократических партий для подготовки внедумских антиправительственных выступлений.

1191 Товарищ министра земледелия, а позднее министр, А. А. Риттих пытался сотрудничать с Государственной думой в деле борьбы с продовольственным кризисом, но натолкнулся на неприятие со стороны оппозиции.

1192 Илоты – в древней Спарте земледельцы, занимавшие промежуточное положение между крепостными и рабами.

1193 Маклаков В. А. Первая Государственная Дума. Париж, 1939.

1194 Речь Ф. И. Родичева, которую он произнес в открывшейся I Государственной думе 29 апреля 1906, была посвящена политической

амнистии. В частности, он сказал: «Если вы желаете уничтожить ту ненависть, которая в настоящее время горит ярким пламенем с той и другой стороны, возьмите на себя почин и щедрою рукой дайте всепрощение. Это – акт высшей политической мудрости. Когда страна охвачена порывом обновления, когда страна жаждет успокоиться – прошлое должно быть стерто начисто» (Государственная Дума. 1-й созыв. Стенографические отчеты. Заседание 2. 29 апреля 1906. СПб., 1906. С. 24).

1195 Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937) – князь; общественный, политический и государственный деятель. Тамбовский вице-губернатор (с 1902), губернатор Бесарабии (с 1903), тверской губернатор (с ноября 1904). 15 мая 1905 подал в отставку в связи с назначением Д. Ф. Трепова товарищем министра внутренних дел с особыми полномочиями. В ноябре 1905 участвовал в переговорах премьер-министра С. Ю. Витте с представителями либеральных партий. 6 ноября 1905 назначен товарищем министра внутренних дел в правительстве С. Ю. Витте. Вышел в отставку после того, как министр П. Н. Дурново отверг его проект о местном самоуправлении. Депутат I Государственной думы. Вступил в Партию демократических реформ. Подписал Выборгское воззвание.

1196 В своей речи в I Государственной думе 8 июня 1906 С. Д. Урусов сообщил о вопиющем факте: рукопись прокламации под заглавием «Смерть жидам! Смерть жидовскому министру Витте!» была обнаружена им в государственной типографии Департамента полиции Министерства внутренних дел, причем она содержала пометку: «К печати одобрено. Трепов». Урусов подчеркнул ту опасность, которую представляют действия закулисных «темных сил». «На судьбы страны, – заявил он, явно намекая на Трепова, – оказывают влияние люди по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики» (Государственная Дума. 1-й созыв. Стенографические отчеты. 8 июня 1906. СПб., 1906).

1197 19 июня 1906 в I Государственной думе обсуждался вопрос о смертной казни. И доклад В. Д. Кузьмина-Караваева и последовавшие за ним дебаты свидетельствовали о единодушном желании депутатов поддержать законопроект, отменявший смертную казнь. Когда же на трибуну поднялся главный военный прокурор В. П. Павлов с намерением отстоять смертную казнь, со всех скамей депутатов послышались негодующие крики. Павлову не дали говорить. Председатель вынужден был прервать заседание. Павлов Владимир Петрович (1851–1906) – главный военный прокурор России и начальник Главного военно-судного управления (назначен в конце 1905), генерал-лейтенант (1903). Имел репутацию добросовестного служаки. Инициатор принятия закона о военно-полевых судах. 27 декабря 1906 убит переодетым в матросскую форму террористом.

1198 «1. Когда в 1941 году обнаружилось, что Германия вторглась в Россию для отобрания у нее лучших пространств по праву "избранной расы", кроме определенной группы людей, которые открыто служили Германии и при поддержке ее создавали оптический обман своего многолюдства, большинство эмиграции было с Россией против Германии.
2. Те, кто стали тогда на эту позицию, должны из нее сделать дальнейшие выводы, они могли увидеть, что в России народ не воспользовался войной для борьбы с советской властью, а поддержал ее против Германии; что эта власть сумела вместе с ним Россию от ее врагов отстоять. Оставаясь вместе с народом, эмиграция не может не признавать ее национальной властью.
3. От своего прошлого эмиграция этим не отрекается. Ее непримиримость была основана не на личных мотивах. Она восставала и не против начал будущего нового строя, а против способов их проведения в жизнь, попирания идеи отечества и вечных ценностей общежития: уважения к достоинству, правам, свободе совести человека, господства права над произволом. Этим принципам она осталась верна.
4. Но теперь есть основания думать, что этот период уже изжит и СССР перерождается в правовое государство на новых социальных основах. Этот процесс усилился во время испытаний войны и еще углубится тогда, когда все государства будут совместно нанесенные им войной раны залечивать. Когда Россия должна ограждать свои интересы и в ней идет оздоровление, для нее было бы вредно ослабление и падение власти. Это должно определить позицию эмиграции. Свои культурные силы и связи она должна отдавать на службу России, не озираясь только на прошлое.
5. Смысл того, что сейчас происходит в России, не всеми понимается одинаково. Намерения власти будут видны гораздо отчетливее, когда внешняя опасность для России минует. Тогда каждый эмигрант будет свободен решать по своему пониманию, в чем его долг и где его настоящее место. Но, чтобы это решение не было случайным, он должен в самом себе преодолеть наследие прошлого и научиться без предвзятости оценивать все стороны деятельности своих прежних врагов. Возможность их соглашения на почве служения родине сделалось бы внешним символом восстановления внутреннего мира в России. Работать посильно над этой задачей должно уже теперь, хотя бы еще продолжалась война». *Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box* 2. *Машинопись.*

1199 Богомолов Александр Ефимович (1900–1969) – советский дипломат. Образование получил в Высшем военно-политическом училище. Служил в Красной армии (1919–1930), затем на научно-педагогической работе. В 1939 переведен в Наркомат иностранных дел. В 1940–1941 советник полпредства СССР во Франции. В 1941–1943 посол при союзных правительствах в Лондоне. После признания Французского комитета национального освобождения единственным законным

правительством Франции (1943), Богомолов был назначен при нем послом. В 1944–1950 посол во Франции. Содействовал возвращению многих находящихся на Запале советских граждан, в 1945 основал Общество советских патриотов во Франции. Участвовал в работе Парижской мирной конференции (1946). В 1950–1952 зам. министра иностранных дел СССР.

1200 Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950) – историк права, общественный деятель. Член Трудовой народно-социалистической партии. В 1920 эмигрировал, жил в Белграде (работал директором гимназии), затем в Варшаве (состоял членом русской школьной комиссии), позднее (конец 1921) – в Париже. Возглавил Русский академический союз и Русский педагогический союз во Франции, заведующий учебной частью и преподаватель Русского народного университета, профессор русской истории и истории русского права в Сорбонне (1922–1948), профессор Франко-Русского института (1923–1940), председатель правления Тургеневской библиотеки (1925–1940). В первый раз обратился в советское посольство в Париже с просьбой о разрешении вернуться на Родину в начале 2-й мировой войны. 22 июня 1941 был арестован немцами, отверг предложение о сотрудничестве, некоторое время находился в концентрационном лагере в Компьене. По освобождении включился в работу русской подпольной антинемецкой организации «Советский патриот», в дальнейшем – член правления ее Центрального комитета (1944; позднее – тов. председателя) и ответственный редактор ее печатного органа «Советский патриот» (1945–1948). После окончания войны работал в постоянном контакте с советским генеральным консульством в Париже. На основании указа Президиума Верховного Совета от 14 июня 1946 получил звание советского гражданина. В марте 1948 депортирован в советскую зону оккупации Германии, затем в Казань, преподаватель Казанского университета (1948–1950) (См.: Автобиография Д. М. Одинца, представленная в отдел кадров Казанского университета. 29 июня 1948 // Архив КГУ. Оп. 2. Связка 41. Ед. хр. 2097. Л. 8–9. Опубл.: Гасырлар авазы / Эхо веков. Научно-дркументальный журнал. 1999. № 1/2).

1201 «Русский патриот» – общественно-политическая газета, орган Союза русских патриотов во Франции. Выходила в Париже в 1943–1944. № 1–13; с октября 1944 – по 17 марта 1945. № 1–21. Далее была переименована в «Советский патриот» – газета, ставшая органом Центрального правления Союза советских граждан во Франции. Редактор – Д. М. Одинец. Выходила в Париже с 24 марта 1945 по 16 января 1948. № 22–169.

1202 Тыркова имеет в виду, что Маклаков возглавил Центральный офис по делам русских беженцев.

1203 Речь идет о визите представителей русской эмиграции во главе с В. А. Маклаковым в советское посольство в Париже 12 февраля 1945.

Они пошли, чтобы поздравить посла А. Е. Богомолова с близкой победой советского оружия. Во время завтрака Маклаков произнес приветственную речь, в которой отметил, что за 27 лет существования эмиграции сложились предубеждения, создалась особая психология и что нужно время, чтобы сгладились все шероховатости и чтобы на основе любви к общей Родине вновь установились взаимный контакт, понимание и доверие.

1204 Апатриды (от греч. apatris – лишенный отечества) – лица, не имеющие прав гражданства в каком-либо государстве. Апатриды подчиняются законам страны пребывания, однако их правоспособность ограничена (как правило, они не имеют избирательных прав), а также не пользуются правами, предоставляемыми иностранцам в силу международных договоров, не могут пользоваться дипломатической защитой.

1205 Долгополов Николай Савич (1879–1972) – врач-педиатр, общественный деятель. Депутат II Государственной думы. В годы Гражданской войны участвовал в «Ледяном походе» (1918). Начальник управление народного здравоохранения в Особом совещании при главкоме ВСЮР (с декабря 1919 по март 1920). В ноябре 1920 покинул Россию. В эмиграции возглавлял Земгор. В 1949 основал в Кормей-ан-Паризи под Парижем Русский дом для престарелых, в котором провел свои последние годы.

1206 Недошивина Наталия Александровна (1895–1983) – общественный деятель. Секретарь комитета Земгора, главный секретарь Дома для русских пансионеров в Кормей-ан-Паризи (с 1951).

1207 Ростовцева (урожд. Кульчицкая) Софья Михайловна (1880–1963) – общественный деятель, жена (с 1901) М. И. Ростовцева.

1208 Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) – литературный критик, историк литературы, библиограф, редактор. Особую ценность представляет изданное под его редакцией Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 6 томах; оно вышло в серии «Библиотека великих писателей», выпускавшейся издательством Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон.

1209 В послевоенные годы в лагеря Ди-Пи (перемещенных лиц, т. е. лиц без гражданства) попадали все люди, говорящие по-русски: не только бывшие советские граждане из числа угнанных на Запад (остарбайтеры), военнопленных, перебежчиков, но и бывшие подданные Российской империи, эмигрировавшие после Октябрьской революции 1917 и Гражданской войны и нашедшие приют в европейских странах.

1210 См. комм. 992.

1211 Очевидно, А. В. Тыркова имела в виду «Новое русское слово» – ежедневную газету, которая выходит в Нью-Йорке; ранее под названием

«Русское слово». Главный редактор (последовательно) А. Я. Кречмар, М. Е. Вейнбаум (1922–1973), А. Седых [Я. М. Цвибак] (с 1973).

1212 «Социалистический вестник» – политический журнал, центральный орган Заграничной делегации РСДРП. Основан Л. Мартовым. Редакторы: Р. Абрамович, Д. Далин. Ф. Дан, Л. Мартов. Издавался в 1921–1965 в Берлине, затем в Париже, позднее в Нью-Йорке. № 1–784.

1213 Барачевский Владимир Васильевич (1893–1963) – поручик (1920), участник Гражданской войны, воевал в белых войсках Северного фронта, в 1-м Русском экспедиционном отряде, в 6-м Северном стрелковом полку. В конце февраля 1920 эвакуирован в Норвегию. Затем переехал в Англию. Секретарь Общества взаимопомощи русских военнослужащих в Великобритании (1929–1930), представитель «Часового». Вел в Лондоне занятия с русскими скаутами.

1214 «Русские новости» – общественно-политическая газета, имела репутацию просоветской, выходила в Париже с мая 1945 по ноябрь 1970. Редакторы: А. Ф. Ступницкий (1945–1951), М. Бесноватый (1952–1970).

1215 Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный критик, публицист, мыслитель. «Я жид и с филистимлянами за стол не сажусь», – писал Белинский в письме А. И. Герцену, желая подчеркнуть недопустимость компромисса, идейного, политического примиренчества.

1216 Рощин (наст. фам. Федоров) Николай Яковлевич (1896–1956) – писатель, автор многочисленных рассказов и очерков. Участник Гражданской войны, с июля 1918 находился в рядах Добровольческой армии, в 1919 был тяжело ранен и эвакуирован вместе с госпиталем в Югославию. Обосновался в Загребе (Хорватия), поступил на философский факультет Загребского университета. В конце 1924 переехал в Париж. Сотрудничал в газете «Возрождение» (с 1925). Литературный секретарь И. А. Бунина, почти ежегодно проводил летние месяцы в Грассе, на бунинской даче. В годы 2-й мировой войны вступил в ряды французского Сопротивления, принял активное участие в августовском восстании в Париже (1944). Награжден орденом Почетного легиона. В декабре 1946, получив советский паспорт, вернулся в Советский Союз.

1217 Ступницкий Арсений Фёдорович (1893–1951) – журналист, юрист, участник Белого движения, в эмиграции жил в Париже, сотрудник редакции газеты «Последние новости». После 2-й мировой войны близок просоветским кругам эмиграции, редактор газеты «Русские новости» (1945–1951).

1218 Болдырев Константин Васильевич (1909–1995) – общественный и политический деятель российской эмиграции; сын генерал-лейтенанта

В. Г. Болдырева. В 1920 вывезен матерью из России, сначала в Китай, а затем в Сербию. Окончил Белградский университет, работал инженером на рудниках. В годы 2-й мировой войны жил в Белграде и Вене. С 1943 находился в России, на оккупированной немцами территории – руководил минским филиалом строительной фирмы «Erbauer». После эвакуации из Минска руководил этой же фирмой в Тюрингии. За неделю до прихода американских войск был арестован гестапо за отказ направить сотрудников фирмы на разгрузку железнодорожных вагонов с оборудованием для завода Дора. Американская администрация назначила Болдырева ответственным за устройство работы и быта лагерей Ди-Пи в районе Хохенштейн и ввела в состав Военного управления американских оккупационных войск. 17 июля 1945 был арестован американскими властями по доносам, обвинявшим его в попытках скрыть от советских репатриационных комиссий «предателей Родины» и «военных преступников». 10 октября 1945 освобожден за недоказанностью обвинений. В мае 1946 оставил пост администратора лагерей Ди-Пи. Занимался устройством русских Ди-Пи на работы в другие страны (Марокко, Бельгию, Францию), создав для этого фирму и собирая пожертвования. В начале 1950-х переехал в США. Читал лекции в различных учебных заведениях и общественных организациях на темы международного положения и антикоммунистической борьбы. Профессор Джорджтаунского университета. Член НТС. Организатор ряда манифестаций в защиту прав человека в СССР. Выступал с докладами в НАТО, Сенате США. Когда в 1970-х администрация университета потребовала от Болдырева прекратить политическую деятельность, он оставил преподавание и сосредоточился на работе в рамках НТС (См.: Попов А. В. Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции. Кемерово, 1999. С. 48–54).

1219 Нафанаил (в миру Василий Владимирович Львов) (1906–1985) – епископ Русской православной церкви за границей (РПЦЗ); сын обер-прокурора Святейшего Синода при Временном правительстве В. Н. Львова. В годы Гражданской войны бежал от наступавшей Красной армии из Томска в Маньчжурию. Там окончил школу, изучал богословие в Свято-Владимирском институте. Накануне 2-й мировой войны выехал в Европу, где в 1946 стал епископом РПЦЗ. Управлял Западно-Европейской епархией (1946–1951). Принял участие в спасении так наз. перемещенных лиц. Епископ Престона и Гааги (1951–1952), возглавил Буэнос-Айресскую и Аргентинскую епархию (1952–1976), а затем Венскую и Австрийскую епархию (1976 – 9 ноября 1985).

1220 Белосельский-Белозерский Сергей Константинович (1867–1951) – князь; общественный деятель и меценат в области спорта и олимпийского движения. Помещик, владелец фабрик на Урале. Получил

военное образование, генерал-майор царской свиты. Председатель Петербургской лиги футбола и хоккея на льду (1902), и лиги хоккеистов Петербурга и окрестностей (с 1905). Член МОК в 1900–1908.

1221 Возможно, имеется в виду ЮНРРА (UNRRA) – см. комм. 992.

1222 Имеется в виду Дом милосердного амарянина, открытый в 1945 о. Александром Киселевым в Мюнхене. При Доме в течение полутора лет были последовательно открыты: гимназия (10 октября 1945), детский сад, амбулатория, небольшая иконописная мастерская, отдел социальной помощи, издательство книг духовного содержания и учебников и книжный магазин. В Доме работали молодежные православные кружки, читались лекции. Действовал домовый храм во имя преподобного Серафима Саровского.

1223 Квакеры (Quakers) – конфессия, возникшая в среде радикальных пуритан в годы Английской революции в середине XVII в. Известны неприятием насилия в любой форме, а также широкой социальной деятельностью, направленной на утверждение в обществе идеалов гуманизма и пацифизма.

1224 Голицын Георгий Владимирович (1916–1992) – князь; общественный деятель. В 1919 родители вывезли его из России в Англию. Во время 2-й мировой войны служил в Уэльсской гвардии. После войны поступил на дипломатическую службу: работал в Индии, затем в Пакистане. Позднее – торговый представитель фирм «Плэсси», «Ксерокс» и «Пактель», помощник председателя компании «Бритиш стил». Председатель Общества помощи русским беженцам в Англии, член совета Общества «Великобритания – СССР», один из инициаторов создания библиотеки при Британо-Российском центре в Лондоне. Выступал с лекциями на темы русской культуры, искусства и истории.

1225 «The Sunday Times» («Воскресная газета») – английская общественно-политическая газета. Издается с 1822 в Лондоне и Манчестере компанией «Times Newspapers Limited». Публикует политическую информацию, комментарии по актуальным международным и внутренним проблемам, материалы на спортивные и культурные темы.

1226 С 1946 С. П. Мельгунов издавал в Париже сборники «Свободный голос». В дальнейшем их название менялось; в 1948–1957 – «Российский демократ». На страницах этих сборников Мельгунов подвергал резкой критике просоветские настроения в эмиграции, доказывал, что мирная эволюция советской власти невозможна.

1227 «Новый журнал» – ежеквартальный литературно-политический журнал. Основан М. А. Алдановым и М. О. Цетлиным. Выходит в Нью-Йорке с 1942. В 40–60-е редакторами были: М. М. Карпович (1946–1959); Р. Б. Гуль, Ю. П. Денике, Н. С. Тимашев (1959–1966); Р. Б. Гуль (1966–1975).

[1228] Неточная цитата из стихотворения К. Н. Батюшкова (1787–1855) «К Дашкову»: «Мой друг! Я видел море зла / И неба мстительного кары».

[1229] Гримм Константин Иванович – старший сын от 1-го брака И. Д. Гримма с поэтессой Марией Владимировной Карамзиной. После развода сын воспитывался в семье отца. Служил пропагандистом в Русской освободительной армии генерала А. А. Власова.

[1230] Межеумочный – половинчатый или промежуточный, запутанный, переходный, глупый.

[1231] Саблина (урожд. Баженова) Надежда Ивановна (1892–1966) – жена Е. В. Саблина.

[1232] Байкалов Анатолий Васильевич (1882 [1883]–1964) – из казаков станицы Таштык, Енисейской губ.; журналист, политический деятель. Не принял Октябрьскую революцию 1917. По заданию Сибирского областного правительства выехал с дипломатическим поручением в Японию, оттуда перебрался в Лондон. Входил в Российский общественный комитет помощи голодающим в России (1921). Член президиума культурно-просветительной комиссии при Русской академической группе в Лондоне. Член Крестьянской партии. В 1947 входил в инициативную группу по созданию общеэмигрантского центра. Сотрудничал в газете «Русская мысль», журнале «Часовой».

[1233] Чаплин Георгий Ермолаевич (1886–1950) – капитан 1-го ранга (1919), политический деятель. Один из руководителей Белого движения на севере России. В ночь на 2 августа 1918 возглавил военный переворот в Архангельске, в результате которого в городе была свергнута советская власть. Занял пост командующего всеми вооруженными силами Временного управления Северной области (вплоть до 6 сентября, когда он предпринял новую попытку совершить переворот, на этот раз, чтобы устранить от власти социалистов). С июля 1919 командовал речными и озерными флотилиями Северной области. С 1920 в эмиграции в Лондоне. Сторонник великого князя Кирилла Владимировича. Один из организаторов Российского национального объединения в Лондоне (1939). Возглавлял ряд союзов бывших военнослужащих. Находился на британской военной службе в звании майора. Участник высадки в Нормандии (июнь 1944), сражался в Бельгии (1944–1945). Служил в британской зоне оккупации Германии.

[1234] Орехов Василий Васильевич (1896–1990) – капитан, участник Белого движения. Сражался в рядах Русской армии генерала П. Н. Врангеля в Крыму. Эвакуировался вместе с армией в ноябре 1920. Находился в лагере в Галлиполи, затем переехал в Болгарию, позднее во Францию. Работал слесарем на автозаводе Рено. Один из основателей Галлиполийского союза во Франции, издавал (вместе с Е. Тарусским) газету «Галлиполиец». Бессменный редактор журнала «Часовой» (с его

1-го номера, вышедшего в январе 1929). Воевал против республиканцев в Испании (1936).

1235 Бевин (Bevin) Эрнст (1881–1951) – английский профсоюзный лидер и государственный деятель. Вскоре после начала 2-й мировой войны был избран в парламент и стал министром труда в коалиционном правительстве У. Черчилля. После окончания войны оставил этот пост, чтобы принять участие в выборах 1945. Стал министром иностранных дел в лейбористском правительстве К. Эттли. Участвовал в Берлинской конференции руководителей трех держав. Ставил задачу противодействовать советской экспансии в Европе в ходе развертывания холодной войны. Принимал активное участие в создании Организации Североатлантического договора (НАТО) в 1949.

1236 «Борьба за Россию» – один из номеров журнала, который издавался в Париже с 1946 и первоначально имел название «Свободный голос», но после 3-го номера издатель С. П. Мельгунов выпускал его под различными названиями. В частности № 14 за 1948 вышел под титулом – «Борьба за Россию».

1237 Очевидно, имеется в виду Кравченко Виктор Андреевич (1905–1966) – инженер, советский невозвращенец. Участник Великой Отечественной войны, имел звание капитана. В 1943 был направлен в США в составе закупочной комиссии. В 1944 попросил политическое убежище, которое ему было предоставлено. Автор нашумевшей книги «Я выбрал свободу» (1946). Разрабатывал в Перу серебряные рудники, обанкротился, вернулся в Нью-Йорке. 25 февраля 1966 застрелился.

1238 Гуль Роман Борисович (1896–1986) – писатель, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель. Участник Белого движения. С 1920 жил в Берлине, работал в редакции просоветского журнала «Накануне». Сотрудничал в ряде советских газет, а также в эмигрантских журналах: «Жизнь», «Время», «Русский эмигрант», «Голос России» и др. После прихода к власти нацистов (1933) заключен в концлагерь, но вскоре освобожден. Эмигрировал в Париж (сентябрь (1933). Публиковался в «Последних новостях», «Иллюстрированной России», «Современных записках» и др. Во время немецкой оккупации жил на ферме на юге Франции, работал на стеклянной фабрике. В январе 1950 переехал в США. С 1959 активный сотрудник «Нового журнала», с 1966 его главный редактор.

1239 Бутенко В. – русский эмигрант. В Париже входил в группу «Крестьянская Россия». После 2-й мировой войны переехал в Нью-Йорк. Сотрудничал в «Новом журнале». В 1949 стал членом сформированной в Нью-Йорке инициативной группы Лиги борьбы за народную свободу.

1240 Слова из стихотворения В. А. Жуковского 1821: «О милых спутниках, которые наш свет / Своим сопутствием для нас животворили, / Не говори с тоской: *их нет*; / Но с благодарностию: *были*».

1241 Имеется в виду Союз (или Лига) борьбы за освобождение России, основанная в Париже по инициативе С. П. Мельгунова и возглавленная им. Создала филиалы во Франции и Германии. Имела целью возрождение России на демократических принципах, однако не смогла выработать четкой программы будущего устройства России. Ряд членов придерживался мнения, что в России должна установиться конституционная монархия. Печатный орган Союза – газета «Возрождение». Кроме того, Мельгунов начал издавать новый орган, стремящийся объединить всех русских – журнал «Российский демократ».

1242 Видимо, речь идет об улице Лекурб, где была расположена одна из самых посещаемых в Париже русских церквей. В этом районе осела значительная колония русских. Хотя улица Лекурб проходит неподалеку от центра столицы, район этот считался непрестижным и квартиры здесь были недороги.

1243 Херасков Иван Михайлович (1878–1963) – историк, публицист, литературный критик; трудовик. С 1921 в эмиграции в Париже. Сотрудничал в газете «Дни» А. Ф. Керенского, в дальнейшем – в журнале «Возрождение» (в 1950–1958; редактор – С. П. Мельгунов). Участвовал в издании сборника «За свободу России» (редактор С. П. Мельгунов).

1244 Мельгунова (урожд. Степанова) Прасковья Евгеньевна (1882–1974) – жена С. П. Мельгунова.

1245 Лазаревский Владимир Александрович (1891?–1953) – журналист, редактор. Участник Белого движения. Эмигрировал во Францию. После 2-й мировой войны был краткое время редактором журнала «Свободный голос» (1946, № 1–3), основал газету «Русская мысль» (1947), стал ее главным редактором (1947–1953).

1246 Ванситтарт (Vansittart) Роберт Гилберт (1881–1957) – лорд; английский дипломат. Постоянный заместитель министра иностранных дел (1930–1938), главный дипломатический советник Форин оффис (1938–1941). Один из ведущих представителей антигерманской школы британской дипломатии, ориентировавшейся на Францию и готовой искать соглашения с СССР в целях обуздания фашистской агрессии. Ратовал за учреждение длительной англо-американской опеки над Германией, за карательный мир с ней. Автор мемуаров «Уроки моей жизни».

1247 «The Daily Mail» («Дейли Мейл») – английская ежедневная газета. Выходит с 1896, когда права на издание были куплены газетным магнатом А. Хармсвортом (виконтом Нортклифф). Была одной из первых британских газет для среднего класса.

1248 Алданов (наст. фам. Ландау) Марк Александрович (1886–1957) – писатель, публицист, химик. Не принял Октябрьскую революцию 1917. В марте 1919 эмигрировал во Францию, жил в Париже, в 1922–1924 –

в Берлине. Сотрудничал в газетах «Последние новости» и «Дни», печатался в журналах «Современные записки», «Числа», «Русские записки» и др. В 1940 после капитуляции Франции переехал в Нью-Йорк. Принимал активное участие в основании «Нового журнала» (1942). В 1947 вернулся во Францию, жил в Ницце.

1249 Имеется в виду повесть М. А. Алданова «Пуншевая водка (Сказка о всех пяти земных счастьях)» [1938].

1250 Миних (Münnich) Буркхарт Христофор, фон [в России – Христофор Антонович] (1683–1767) – российский генерал-фельдмаршал. В 1741, с воцарением Елизаветы Петровны, был предан суду и приговорен к смертной казни по ложному обвинению в государственной измене, однако казнь была заменена ссылкой в Сибирь. Провел в ссылке 20 лет. В 1762 Петр III возвратил Миниха в Петербург, вернув ему все чины и награды. Пытался помочь императору бежать, когда в ходе переворота к власти пришла Екатерина II. Однако императрица «простила» Миниха и назначила его на пост генерал-губернатора.

1251 Байрон (Byron) Джордж Гордон (лорд Байрон) (1788–1824) – английский поэт-романтик.

1252 Вернадский Георгий Владимирович (1888–1973) – историк, сын В. И. Вернадского. В 1920 эмигрировал из России, жил в Константинополе. Афинах, Праге. Преподавал на Русском юридическом факультете пражского Карлова университета. Один из разработчиков теории евразийства. С 1927 – научный сотрудник Йельского университета (США); профессор русской истории (с 1946).

1253 Кровопусков Константин Романович (1881–1957 [1958]) – юрист, общественный деятель. Член Партии социалистов-революционеров. Эмигрировал во Францию, преподавал в Русском коммерческом институте в Париже, читал лекции по кооперации. Работал в Земгоре. Помощник В. А. Маклакова по делам русских беженцев.

1254 Современное написание – Труайя (Troyat) Анри (наст. имя и фам. Лев Асланович Тарасов или Левон Асланович Торосян) (1911–2007) – французский писатель. Член Французской академии (1959), лауреат многочисленных литературных премий. В 1918 вместе с родителями покинул Россию. В 1920 семья обосновалась в пригородах Парижа. В 1945 получил возможность ознакомиться с материалами архива барона Геккерна-Дантеса и переработал биографию А. С. Пушкина («Пушкин», 1946).

1255 Ковалевский Петр Евграфович (1901–1978) – историк, библиограф, общественный деятель. В 1920 эмигрировал во Францию. С 1922 инициатор создания христианских и православных студенческих кружков, объединившихся в Русское студенческое христианское движение (РСХД). Председатель Федерации студенческих организаций

(с 1929). Входил в состав Русского эмигрантского комитета (с марта 1933 – секретарь). С 1930 читал лекции по русской литературе на Русском историко-филологическом факультете при Парижском университете, а в 1934 – в Славянском институте Женевского университета. После окончания 2-й мировой войны преподавал на вечерних курсах при Православном Богословском институте (1947–1948; с 1966 – декан института), в Центре изучения цивилизации и духовной жизни народов (1949), на Высших женских богословских курсах в Париже (1950–1951). В 1962 возглавил Русскую академическую группу в Париже. Товарищ председателя парижского Союза русских писателей и журналистов. С 1968 председатель Общества охранения русских культурных ценностей.

1256 Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979) – литературовед, историк искусства, культуролог, критик, эссеист. Эмигрировал в 1924, жил в Париже. Преподавал в Православном богословском институте (1925–1952), профессор истории христианского искусства. Печатался в «Вестнике русского студенческого христианского движения», «Православной мысли», «Современных записках», «Новом журнале» и др.

1257 «Le Figaro» («Фигаро») – французская общественно-политическая газета. Основана в 1854 как еженедельное издание, с 1866 – ежедневное. Название получила в честь Фигаро – героя пьесы Бомарше. Традиционно отражает официальную позицию правительства.

1258 Фонд свободной России был образован в 1951 при финансовой поддержке Фонда Форда. Председателем Фонда свободной России стал Дж. Кеннан, который являлся консультантом Фонда Форда.

1259 Статья Дж. Кеннана «Америка и русское будущее» была опубликована в апреле 1951 в журнале «Foreign Affairs». В статье доказывалась неизбежность эволюции нового поколения советских граждан, предсказывался распад Советского Союза и получение независимости союзными республиками в Европейской части СССР, причем утверждалось, что взаимоотношения новых независимых государств, в первую очередь России и Украины, будут переживать полосу острых конфликтов. Кеннан предполагал, что особенности российской социально-экономической системы и национального самосознания приведут к формированию в постсоветский период государства, отличного от капиталистического, либерально-демократического государства американского типа (в частности, неизбежна особая роль государства в будущей экономике России). Поэтому Кеннан предостерегал от искусственного навязывания России западных образцов; русским должна быть предоставлена возможность найти свой путь решения внутренних проблем. Он также считал необходимым сохранить, несмотря на политический распад советской империи, налаженные экономические связи между отделившимися республика-

ми. В России статья Кеннана с комментариями была опубликована Н. Н. Болховитиновым в журнале «Новая и новейшая история» (2001, № 3).

1260 «Возрождение» – литературно-политический журнал. Редакторы: И. И. Тхоржевский (1949, № 1–4), С. П. Мельгунов (1949–1954, № 5–31), редакционный комитет (1954–1960), С. С. Оболенский и Я. Н. Горбов. Издавался в Париже, в 1949–1974. № 1–243 (1949–1954 – выходил 6 раз в год, с 1955 ежемесячно).

1261 Отец Джорджа Фишера – Луи Фишер (Fisher) (1896–1970), американский журналист и писатель, автор книг о Ганди и Ленине. Родился в семье эмигрантов из России, сделал карьеру в Америке. С 1927 работал в Москве корреспондентом газет «The Nation» и «The Baltimore Sun». Участник войны в Испании. Совместно с Н. А. Троцким подготовил и издал в Америке первую книгу о русских невозвращенцах «Тринадцать убежавших». Мать – Берта Яковлевна Фишер, см. комм. 916.

1262 Речь идет о Лиге борьбы за народную свободу.

1263 Гуль (урожд. Новохацкая) Ольга Андреевна (?–1976) – жена Р. Б. Гуля с 1927.

1264 «Российский демократ» – общественно-политический журнал, являлся продолжением «Свободного голоса». Издавался С. П. Мельгуновым в Париже в 1948–1957 (№ 15–27). Выходил нерегулярно с большими интервалами.

1265 Чамберлин (Chamberlin) Уильям Генри (1897–1969) – американский историк и журналист. Штатный репортер «The Christian Science Monitor», работал корреспондентом издания в Москве (1922–1934), на Дальнем Востоке (1939–1940). Публиковался в ведущих американских газетах и журналах, некоторое время вел колонку для «The Wall Street Journal». Автор книг: «Советская Россия» (1930), «Железный век России» (1934), «Русская революция, 1917–1921» (т. 1–2; 1935) и др.

1266 В связи с тем, что после войны Русский заграничный исторический архив в Праге попал в руки советских властей и стал для эмигрантов недоступен, было решено приступить к созданию нового архива. В образованный оргкомитет (или, как его называли, Архивный комитет) вошли М. А. Алданов, И. А. Бунин, Б. И. Николаевский, М. М. Карпович, В. А. Маклаков, А. Л. Толстая; его главой стал Б. А. Бахметев.

1267 См. ком. 1201.

1268 Имеются в виду проведенные в г. Фюссене (Германия) в январе 1951 переговоры об объединении русской политической эмиграции. Проблема объединения служила темой обсуждения на страницах мельгуновского «Российского демократа». Так, в № 2 за 1948 была опубли-

кована статья Н. А. Цурикова, в которой намечались цели и принципы объединения. Автор подчеркивал, что объединение необходимо для создания единого политического представительства русской эмиграции как перед иностранными правительствами, так и перед зарубежным общественным мнением. Предполагалось, что объединение примет форму коалиции, сохраняя за входящими в нее субъектами право на самостоятельные выступления в отношении СССР. В переговорах января 1951 приняли участие следующие организации: Лига борьбы за народную свободу, Союз борьбы за освобождение народов России, НТС и Союз борьбы за свободу России. Обсуждение продолжилось в августе 1951 на совещании в Штутгарте, где присутствовало и Российское народное движение под руководством А. Ф. Керенского. В Штутгарте был создан Совет освобождения народов России (СОНР), который решил вступить в переговоры об объединении с национальными организациями. В работу по объединению включился и Американский комитет друзей русского народа, образованный в Нью-Йорке в 1951.

1269 Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) – религиозный философ, историк философии, педагог. С 1919 в эмиграции. Профессор экспериментальной и детской психологии в Высшем педагогическом институте в Праге (1923–1926), был директором этого института. Председатель Русского социального христианского движения и одновременно Педагогического бюро по зарубежным русским школьным делам (с 1923). Переехав в Париж, стал профессором Русского православного института (с 1926). В 1942 принял сан священника. Профессор по кафедре философии, истории русской философии, психологии и апологетики Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1927–1962), декан этого института (1944–1948; 1949–1962), основатель Высших женских богословских курсов при институте.

1270 Операция «Трест» проводилась ГПУ с ноября 1921 по апрель 1927 с целью ослабить монархическое эмигрантское движение, выманить на советскую территорию видных деятелей эмиграции. Было создано в виде приманки, «подсадной утки» псевдоконтрреволюционное «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР) – кодовое название «Трест». За годы проведения операции удалось ввезти в СССР такие крупные фигуры, как английский разведчик С. Рейли, Б. В. Савинков и др. В целом эмиграцию удалось убедить в реальности монархического подполья в России. Поэтому разоблачение «Треста», напечатанное в мае 1927 в рижской эмигрантской газете «Сегодня», произвело шокирующее впечатление. Дальнейший анализ мистификации был дан в серии статей Н. Чебышева, опубликованных в парижской газете «Возрождение» летом 1933 под названием. «“Трест”. История одной легенды».

1271 Имеется в виду устойчивое выражение в эмигрантской политической лексике – «засыпать ров» между Советской Россией и оппозиционным зарубежьем.

1272 Гефтер Александр Александрович (1885–1956) – писатель, художник. Мичман крейсера «Память Азова» (1917). После октябрьского переворота 1917 вошел в подпольные антисоветские организации в Петрограде. В декабре выехал в Мурманск, весной 1919 перебрался в Финляндию, офицер катеров Северо-Западной армии. В 1920 эмигрировал в Париж. Член Военно-морского исторического кружка, парижского Союза русских писателей и журналистов. Автор романа «Секретный курьер», нескольких сборников морских рассказов, воспоминаний о событиях Гражданской войны.

1273 Малик Яков Александрович (1906–1980) – советский государственный деятель, дипломат. Посол СССР в Японии (1942–1945), затем – в Великобритании (1953–1960). Зам. министра иностранных дел СССР (1946–1953; 1960–1967). Постоянный представитель СССР при ООН и в Совете безопасности ООН (1948–1952; 1967–1976). В данном случае, видимо, имеется в виду выступление Малика 23 июня 1951 с инициативой начать переговоры о перемирии в ходе Корейской войны (1950–1953).

1274 Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954) – юрист, журналист, общественный и политический деятель; кадет. В 1919–1920 министр внутренних дел в Особом совещании при главкоме ВСЮР. В 1920 из Новороссийска эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Париж. Член Комитета парижского Земгора. В 1921 один из организаторов, затем генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов. Секретарь Союза русских адвокатов во Франции.

1275 Водов Сергей Акимович (1898 [1893] – 1968) – юрист, журналист, редактор. Участник Белого движения, служил в «Осваге». Эвакуировался вместе с Русской армией П. Н. Врангеля из Крыма в Константинополь. Организовал и возглавил Студенческий союз, помогал отправлять группы студентов-эмигрантов в Чехословакию для продолжения образования. Переехав в Прагу, учился в Русском юридическом институте (факультете) при Пражском университете. Входил в редколлегию журнала «Студенческие годы» (1922–1925). С 1925 в Париже. Вступил в Национальный союз русской молодежи, секретарь Союза. Сотрудничал в «Последних новостях». В 1947 вместе с В. А. Лазаревским, В. В. Полянским и В. Ф. Зеелером основал газету «Русская мысль». Автор передовиц по вопросам международной политики и политики СССР. Член редколлегии (с 1947), позже главный редактор газеты «Русская мысль» (1954–1968).

1276 Полянский Василий Васильевич (1890–1955) – журналист, политический деятель. Окончил Петроградский Политехнический институт

(1915), пошел добровольцем на фронт, служил в Кавказском конно-горном артдивизионе, награжден Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени. Участник Гражданской войны, эвакуировался вместе с армией П. Н. Врангеля. Служил в Галлиполи инспектором классов русской гимназии. Переехал в Париж, работал шофером такси. Один из редакторов газеты «Галлиполиец». Генеральный секретарь Общества галлиполийцев. Один из основателей газеты «Русская мысль» (1947). Входил в редакцию журнала «Часовой».

1277 Новиков Михаил Михайлович (1876–1965) – ученый-зоолог, общественный деятель; кадет. Депутат IV Государственной думы. Ректор Московского университета (1917–1920). В 1922 выслан из СССР. С 1923 жил в Праге, председатель Совета Русского свободного народного университета, его ректор (до 1938). Читал лекции в Карловом университете в Праге (с 1927), профессор и зав. кафедрой зоологии (с 1935). С 1939 работал в Братиславе, профессор Словацкого университета. В 1945–1949 жил в Германии, в 1946–1947 – профессор и декан естественного факультета UNRRA в Мюнхене. В 1949 переехал в США, принял американское гражданство. Председатель Русской академической группы в США (1951–1965). Автор многих научных трудов.

1278 Фонд Рокфеллера (Rockefeller Foundation) – американский частный благотворительный фонд. Основан в 1913 в штате Нью-Йорк Джоном Д. Рокфеллером («Старшим») вместе с его сыном Джоном Д. Рокфеллером-младшим и консультантом «Старшего» по бизнесу и благотворительности – Фредериком Т. Гейтсом. Среди прочего Фонд финансировал оригинальные исследования социальных наук, создание американских и международных культурных учреждений и др. Финансовая поддержка, согласно уставу, оказывается «без различия расы, пола или вероисповедания».

1279 Голицын Владимир Эммануилович (1884–1954) – князь, военный, кавалергард, адъютант великого князя Николая Николаевича. После Октябрьской революции 1917 эмигрировал в Италию, позднее переехал в Лондон. Председатель комитета Русского Общества помощи беженцам в Великобритании.

1280 Имеется в виду воссозданная в Лондоне в 1946 Русская Ассоциация помощи беженцам (Russian Refugees Relief Association). Целью Ассоциации было оказание помощи тем, кто вынужден был уехать из СССР и Восточной Европы из-за преследований коммунистического режима. Ассоциация предоставляла продовольственные посылки и другую помощь для русских в Германии и Европе. Для пожилых беженцев, оказавшихся в Великобритании, Ассоциация приобрела два дома в Лондоне для устройства общежитий. Была создана русская библиотека. В силу финансовых затруднений деятельность Ассоциации была постепенно свернута в 1968. Ее активы были переданы в Русское благотворительное общество.

[1281] См. комм. 914.

[1282] В лагерь Келлерберг в Австрии был выведен из Югославии Русский корпус, который в годы 2-й мировой войны, продолжая Белое дело, вступил в борьбу с советским коммунистическим режимом. По распоряжению английских оккупационных властей все чины корпуса были переведены на гражданское положение, и корпус, таким образом, прекратил свое существование.

[1283] Кастель Н. – политический деятель, эмигрант. В 1930-е член право-консервативных организаций в Германии: Российского освободительного национального движения (РОНД), действующего с 9 апреля по сентябрь 1933; Партии российских освобожденцев [Российского национал-социалистического движения] (ПРО) под руководством П. М. Бермондт-Авалова, которая продолжила деятельность РОНД. Весной 1934 вышел из организации.

[1284] Власов Андрей Андреевич (1901–1946) – советский генерал-лейтенант (с 1942; лишен звания по приговору суда). В апреле 1942 был назначен командующим 2-й ударной армии, одновременно являлся заместителем командующего Волховского фронта. Оказавшись в плену, пошел на сотрудничество с немцами, согласившись стать руководителем Русской освободительной армии, сформированной из числа советских военнопленных.

[1285] Имеется в виду «Издательство имени Чехова», которое было создано как структурное подразделение «Восточно-Европейского фонда» (образован в 1936), осуществлявшего исследовательские проекты на базе Колумбийского университета. Инициатор учреждения издательства – Джордж Кеннан. Главным редактором была В. А. Александрова (Шварц). Общественный совет при редакции возглавила А. Л. Толстая. Логотипом издательства стала фигура американской статуи Свободы, поднимающаяся из раскрытой книги. Издательство выпускает художественную прозу, мемуары, исторические и философские работы, а также популярную литературу.

[1286] См. 1211.

[1287] Хантингтон (Huntington) Уильям Чаплин – служащий Министерства торговли США, коммерческий атташе при посольстве США в России. Находился в России с июня 1916 по 2 сентября 1918.

[1288] Допущена ошибка. Инициалы помощницы В. А. Александровой в «Издательстве имени Чехова» – Т. Г. Терентьева.

[1289] Имеется в виду Координационный центр антибольшевистской борьбы (КЦАБ), созданный в Мюнхене в октябре 1952 из ряда эмигрантских организаций (в 1953 Центр объединял 15 организаций). Принятый статут Центра был основан на принципах ООН, он рассматривал Февральскую революцию 1917 как источник государственности, при-

знавал права наций на самоопределение, допуская возможность решения этого вопроса путем плебисцита, проводимого на основании решений местного или всероссийского парламента. В 1953 Центр был переименован в Координационный центр освобождения народов России (КЦОНВ). Вместе с тем некоторые организации ушли из КЦАБ к украинским сепаратистам и создали свой Парижский блок, преобразованный позднее в Международный антибольшевистский координационный центр (МАКЦ).

1290 Курганов Иван Алексеевич (1895–1980) – экономист, писатель, общественный и политический деятель. Преподавал в Ленинградском университете, Финансово-экономическом институте (Ленинград) (1935–1940). В марте 1942 эвакуировался на Северный Кавказ, попал в плен, вывезен в Германию, где работал на машиностроительном заводе «Борзик». В 1950 выехал в США. Работал упаковщиком на спичечной фабрике. Возглавлял Координационный центр Комитета за права и свободу в России. Автор книг: «Нации в СССР и русский вопрос» (1961), «Семья в СССР» (1967), «Женщины и коммунизм» (1968).

1291 Добрянский Лев (1918–2008) – профессор Джорджтаунского университета, видный деятель украинской общины США; националист. Во время 2-й мировой войны служил офицером в Управлении стратегической службы (Office of Strategic Services – OSS; впоследствии преобразован в ЦРУ), консультантом Государственного департамента, Министерства обороны США, ряда разведывательных служб и комитетов конгресса. В последние годы был послом на Багамах. Сопредседатель комитета Украинского конгресса (Ukrainian Congress Committee), активно выступал в поддержку украинской независимости. Автор «Закона о порабощенных нациях», принятого Конгрессом США в 1959, согласно которому проживающие на территории России народы и национальности объявлялись «порабощенными» русскими коммунистами и призывались свергнуть иго поработителя – русского народа (единственного, не попавшего в список «порабощенных»). Содействовал принятию закона об установлении памятника Тарасу Шевченко в США. Участвовал в создании Фонда мемориала жертвам коммунизма (Victims of communism memorial foundation – VCMF), открытого на Капитолийском холме. Возглавил Комитет порабощенных народов, почетным президентом которого стал Дж. Буш-старший, а в члены наблюдательного совета вошли Ричард Пайпс, Елена Боннэр, Владимир Буковский.

1292 Общество помощи русским детям было создано в Нью-Йорке в 1928, в 1940 переименовано в Общество помощи русским детям за рубежом. Его деятельность осуществлялась на принципах полной аполитичности. Г. И. Новицкий, входивший в правление Общества, вынужден был в 1936 его покинуть, поскольку был обвинен в том, что, состоя одновременно членом других объединений, имевших политический

характер, мог втянуть Общество в политическую борьбу. Общество открыло свои отделения по всей стране и имело своих представителей в различных центрах русского рассеяния. Оно было внесено Контрольной комиссией в списки организаций, признанных и одобренных американским правительством для работы в военный период. Общество поддерживало учебные заведения, приюты, летние лагеря и т. д. в США и в различных европейских странах.

1293 Четверикова Анна Дмитриевна (1936–1998) – дочь Д. Д. Четверикова. Жила в Париже, работала в издательстве Галлимар. Муж – Шевалье (Chevallier) Жан-Пьер. Сын Дмитрий (род. 1968).

1294 Четвериков Дмитрий Дмитриевич (1888–1946) – юрист по образованию, во время 1-й мировой войны воевал в Прибалтике, был адъютантом великого князя Михаила Александровича. После октябрьского переворота 1917 остался в Шауляе (Литва), работал экономистом на трикотажной фабрике. Успел при присоединении Литвы к СССР переехать в Вену.

1295 Четверикова (урожд. Томашевская) Мария Анатольевна (ок. 1900 – 1970-е) – третья жена Д. Д. Четверикова.

1296 Вышеславцева (урожд. Алексеева) Наталья Николаевна – жена Б. П. Вышеславцева, младшая сестра философа Н. Н. Алексеева.

1297 Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) – князь; поэт, литературный критик. Член Российской академии (1839). Употреблял понятие «консервативный либерализм» применительно к творчеству А. С. Пушкина.

1298 Видимо, имеется в виду предстоявшее Бермудское совещание (проходило 4–8 декабря 1953), которое было посвящено решению «германского вопроса» и урегулированию в связи с этим взаимоотношений Запада с СССР. Рассматривались т. н. «предварительные условия» проведения общегерманских выборов. В совещании приняли участие президент США Эйзенхауэр, премьер-министр Великобритании Черчилль и премьер-министр Франции Ланьель, а также их министры иностранных дел. Эйзенхауэр, поддержанный Черчиллем, добивался от Франции скорейшей ратификации Парижского договора 1952 о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). Однако согласованной точки зрения участникам совещания выработать не удалось. Единственным решением Бермудского совещания стало принятие советских предложений, изложенных в ноте от 26 ноября 1953, о проведении в Берлине совещания министров иностранных дел четырех держав с целью всестороннего обсуждения германской проблемы.

1299 Тафт (Taft) Роберт Альфонсо (1889–1958) – американский политический деятель. В 1940-х лидер консервативного крыла Республиканской партии в сенате. Инициатор и соавтор закона Тафта–Хартли (La

bor-Management Relations Act of 1947). Был противником государственного регулирования в сфере социально-экономических отношений, но выступал за введение ограниченных программ федеральной помощи в области медицинского страхования, жилищного строительства и образования. Во внешней политике поддерживал доктрину «сдерживания» СССР.

1300 Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк, Изд. им. Чехова, 1953.
Бок (урожд. Столыпина) Мария Петровна (1885–1985) – дочь премьер-министра П. А. Столыпина; вышла замуж за морского офицера Бориса Бока.

1301 В 1953 в Нью-Йорке вышла книга Б. П. Вышеславцева «Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм».

1302 Васильев Л. М. – советский дипломат, работал в годы войны в советском посольстве в Тегеране и консульстве в Тебризе. Стал невозвращенцем. Автор книги «Пути советского империализма» (Нью-Йорк, Изд. им. Чехова. 1954).

1303 Возможно, имеется в виду киевский великий князь Владимир I (Святой) (960–1015), при котором произошло крещение Руси.

1304 Речь идет, видимо, о написании рецензии на две книги А. М. Ремизова: «В розовом блеске», вышедшей в 1952 в Нью-Йорке в Издательстве им. Чехова, и «Мышкина дудочка» (Париж, 1953).

1305 Очевидно, имеется в виду Рабинович (Rabinowitch) Евгений Исаакович (Юджин) (1901–1973) – американский биохимик и биофизик, поэт (псевд. Евгений Раич). Родился в Петербурге, учился в Петербургском университете. В 1920 эмигрировал в Англию. Окончил химический факультет Берлинского университета (1922), там же защитил докторскую диссертацию (1926). Работал в Институте физической химии и электрохимии в Берлине (1926–1929), а затем в Гёттингенском университете (1929–1933). После прихода к власти нацистов переехал в Данию, потом в Англию, преподавал в Лондонском университете (1934–1938). С 1938 жил в США, сотрудник Массачусетского технологического института (1939–1944); участвовал в Манхэттенском проекте по разработке атомной бомбы (1944–1946). Профессор Иллинойсского университета (1947–1968), затем университета штата Нью-Йорк (Олбани). С 1945 и до конца жизни занимал пост редактора журнала «Bulletin of the Atomic Scientists» («Бюллетень ученых-атомщиков») (Чикаго). Один из основателей и активный участник Пагуошского движения, содействовал организации международных встреч ученых, выступавших за мир, разоружение, безопасность и научное сотрудничество. Автор фундаментальных работ по фотосинтезу. Кроме того, ему принадлежат стихи и литературные переводы.

Отец Александра Рабиновича (Rabinovitch), историка, специалиста по истории русских революций 1917, профессора Индианского университета.

1306 Тыркова имеет в виду своеобразие мироощущения и художественного стиля А. М. Ремизова. Говоря о нелепости и жестокости «глубинного быта» России, он делает акцент на его фантасмагорической сути. Это выражается в неких видениях, страшных снах. Действительность в его произведениях часто трудно отличить от кошмаров сновидений. Граница между миром яви и сна становится зыбкой. Ремизов склоняется к мысли, что только во сне проявляются предчувствия, знаки настоящего и будущего. В 1954 в Париже вышло собрание «литературных снов» Ремизова «Мартын Задека. Сонник», а также «Огонь вещей. Сны и предсонье».

1307 Ульянов Николай Иванович (1904–1985) – историк, писатель. Окончил Петроградский государственный университет (1927), ученик С. Ф. Платонова. Занимался в аспирантуре при Институте истории РАНИОН, его научными руководителями были С. В. Бахрушин и А. Е. Пресняков. Преподавал в Архангельском педагогическом институте (1930–1933), в Ленинградском историко-лингвистическом институте (1933–1935), одновременно состоял в постоянной историко-археологической комиссии при Академии наук (1933–1936). В 1936 арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде, приговорен к 5 годам концлагерей. Освобожден накануне Великой Отечественной войны (1941). Призван на окопные работы, попал в плен под Вязьмой, ему удалось бежать. Жил в Ленинградской области, в 1943 оккупационные власти направили его и жену на принудительные работы в Германию. В 1947 они перебрались в Касабланку, Николай Иванович работал сварщиком на заводе «Шварц Омон», публиковал статьи в эмигрантских изданиях (псевд. Шварц-Омонский). В 1952 «Издательство им. Чехова» опубликовало его исторический роман «Атосса». Весной 1953 уехал в Канаду, читал лекции в Монреальском университете. С 1955 – в США, в Нью-Йорке, затем в Нью-Хевене, читал лекции по русской истории и литературе в Йельском университете.

1308 В «Сорочинской ярмарке» (сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя) приводится история «красной свитки»: черт, изгнанный из пекла, пропил в шинке все, что имел, и заложил красную свитку, пригрозив прийти за нею через год. Корыстный шинкарь продал свитку проезжему пану, а когда явился черт, уверял, будто в глаза его раньше не видал. Черт ушел, но во время вечерней молитвы шинкаря изо всех окон полезли к нему свиные рыла. Страшные свиньи били шинкаря плетьми, пока тот не признался в обмане. Свитку же у пана по дороге украл цыган, продал ее перекупщице, но та вскоре поня-

ла, что свитка несет с собой отрицательную энергию, и бросила ее в огонь. Однако свитка не сгорела, тогда она подсунула свитку на чужой воз. Новый владелец избавился от свитки, лишь когда, перекрестившись, порубил ее на части, разбросал вокруг и уехал.

1309 Пушкарев Борис Сергеевич (род. 1929) – публицист, общественный деятель. Сын историка С. Г. Пушкарева После 2-й мировой войны оказался с родителями в Западной Германии, в лагере для перемещенных лиц. В 1947 вступил в НТС, через два года переселился в США, получил американское гражданство. Внештатный профессор Нью-Йоркского университета (1967–1979). Председатель Исполнительного бюро Народно-Трудового союза (1980–1996), с декабря 1996 – председатель НТС. С 1992 работал в Москве директором издательского, исследовательского и просветительского содружества «Посев». Автор книги «Две России XX века», представляющей обзор истории России с 1917 по 1993.

1310 Арсеньев Юрий Сергеевич (1890–1970) – юрист, переводчик. Брат Н. С. Арсеньева. Жил в эмиграции, член «Кружка по изучению России» при РСХД в Париже (конец 1920-х).

1311 Ланьель (Laniel) Жозеф (1889–1975) – французский государственный и политический деятель. Премьер-министр Франции с 28 июня 1953 по 19 июня 1954.

1312 Аденауэр (Adenauer) Конрад (1876–1967) – немецкий государственный и политический деятель. Первый федеральный канцлер (1949–1963). Один из основателей партии ХДС (Христианско-демократический союз), ее первый председатель.

1313 Имеются в виду книги Б. П. Вышеславцева: «Философская нищета марксизма» (1952); «Кризис индустриальной культуры. Марксизм, Неосоциализм. Неолиберализм» (1953).

1314 Розенберг (Rosenberg) Альфред (1893–1946) – немецкий государственный и политический деятель, один из видных членов и идеолог НСДАП. Рейхсминистр восточных оккупированных территорий (1941–1945). Накануне нападения фашистской Германии на СССР представил Гитлеру проект директив по восточной политике, который предусматривал расчленение СССР на ряд губернаторств. Предлагал предоставить Украине автономию, а Прибалтику постепенно германизировать и включить в состав Великогерманского рейха. Рейхсляйтер (1933–1945). Обергруппенфюрер СА. Приговором Нюренбергского трибунала объявлен одним из главных военных преступников.

1315 Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) – политический деятель, меньшевик. Член РСДРП с 1903. Депутат III Государственной думы.

С ноября 1917 председатель Закавказского комиссариата – коалиционного правительства Закавказья. С ноября 1918 – министр иностранных дел грузинского правительства. С 1921 министр юстиции. После установления в Грузии советской власти эмигрировал во Францию.

1316 Русский Общевоинский союз (РОВС) был создан по инициативе генерала П. Н. Врангеля в 1924. Он стал одной из самых массовых эмигрантских организаций, объединив все военные и военно-морские объединения и союзы Белого движения во всех странах. Штаб РОВС находился в Париже, но в конце 1939 был перемещен в Брюссель.

1317 Имеется в виду Всемирная ассоциация казаков, образованная в 1947 со штаб-квартирой в Фармингдейле (штат Нью-Джерси). Согласно уставу, членами Ассоциации могли стать только казацкие организации, а не отдельные казаки. Президент – С. Г. Елатонцев. Организация занимала антикоммунистические позиции, оказывала помощь казакам в устройстве и легализации в США после окончания 2-й мировой войны. Орган Ассоциации – еженедельный «Казачий журнал», выходящий в Нью-Джерси. Очевидно, в Нью-Йорке располагалось одно из отделений Ассоциации.

1318 Российское национальное объединение (РНО) основано 27 июля 1947 по инициативе и под руководством редактора журнала «Часовой» В. В. Орехова. Печатный орган – «Информационный бюллетень РНО».

1319 Первоначально эта организация носила название Русский антикоммунистический центр. Основатель и руководитель – князь С. С. Белосельский-Белозерский, который также финансировал организацию. На его средства было приобретено здание на Западной 86-й улице в Нью-Йорке, в котором разместился штаб-квартира центра. Другие группы русской эмиграции также имели свои штаб-квартиры в этом здании. С. С. Белосельский открыл Дом престарелых на Лонг-Айленде (Нью-Йорк), что среди прочего привлекло к центру многих эмигрантов. На II Зарубежном съезде (апрель 1952, Нью-Йорк) центр был переименован во Всероссийский комитет освобождения. Его печатный орган – «Наш путь».

1320 Поляков Павел Сергеевич (1902–1991) – казак станицы Березовской Области войска Донского; общественный деятель, поэт. В Гражданскую войну служил в Крыму в конвое генерала П. Н. Врангеля. В ноябре 1920 в составе Русской армии эвакуировался в Константинополь. В конце 1921 переехал в Югославию, окончил Белградский университет, служил в Министерстве народного просвещения. Окружной атаман Вольно-казачьего округа (1932–1936), одновременно руково-

дитель Всеказачьего Союза, объединившего все казачьи организации в стране (с 1941) и пользовавшегося поддержкой немецких оккупационных властей. В апреле 1945 перебрался в западную зону оккупации Германии, жил в Мюнхене. Принимал активное участие в движении казаков-националистов. В 1961 был избран заместителем председателя «Правительства Казачьего национально-освободительного движения».

1321 Архангельский Алексей Петрович (1872–1959) – генерал-лейтенант. Участник Белого движения. Входил в руководство Московского отделения антибольшевистского Национального центра, отправлял группы офицеров в Добровольческую армию. В феврале 1919 прибыл на юг, занимал административные должности в Добровольческой армии (с мая 1919). После эвакуации из Крыма – начальник отделения личного состава штаба главкома (до 1926). В 1927 переехал в Бельгию, возглавил Общество офицеров Генерального штаба в Бельгии. Председатель Русского Общевоинского союза (с марта 1938 по январь 1957).

1322 «The New York Times» («Нью-Йорк Таймс») – влиятельная американская ежедневная газета, основана в 1851, издается в Нью-Йорке. Девиз газеты «Все новости, достойные печати».

1323 Миддлтон (Middleton) Дрю (1913–1989) – американский журналист. С сентября 1942 сотрудничал в «The New York Times». Писал об операциях союзников в Тунисе, Алжире, высадке союзных войск в Нормандии (июнь 1944), описывал бои американской армии в Германии (октябрь 1944). В 1946 работал корреспондентом «The Times» в Москве, в 1947–1953 – в Германии. В 1953–1963 – глава лондонского бюро «The Times», затем – глава парижского бюро, позднее специальный корреспондент «The Times» в ООН и в Брюсселе. В 1984 вышел в отставку.

1324 См. комм. 973.

1325 Вольф Марк Михайлович (1891–1987) – адвокат. Получил юридическое образование в Петербурге. С 1920 в эмиграции в Лондоне.

1326 Ковалев Павел Иванович (1889/1890–1951) – пианист, композитор, педагог. Преподавал в консерваториях Одессы (1918) и Москвы. В 1925 выехал в Японию, где жил до 1929. Концертировал по странам Дальнего Востока. Затем переехал во Францию. Профессор Русской консерватории в Париже (с 1935); ее директор (с 1948). Член правления Российского музыкального общества за границей (с 1937). После 2-й мировой войны сотрудничал в журнале «Возрождение».

1327 Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, публицист, почетный академик Императорской Академии наук (1900).

[1328] Платон (428/427–348/347 до н.э.) – древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа.

[1329] Мейер Георгий Андреевич (1894–1966) – писатель, литературовед, критик. Участник 1-й мировой войны. Отказался принести присягу Временному правительству. Вступил в Добровольческую армию, прошел «Ледовый поход». Вместе с армией эвакуировался в ноябре 1920 в Константинополь. В 1923 переехал во Францию, читал лекции по русской поэзии, давал частные уроки, сотрудник газеты «Родная земля», после ее закрытия (1928) работал таксистом. Входил в редколлегию журнала «Возрождение». Публиковался в журналах «Грани», «Современные записки».

[1330] Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907–1991) – литератор, журналист, мемуарист. С 1920 в эмиграции в Константинополе, с 1927 в Париже. В годы 2-й мировой войны участвовал в движении Сопротивления. Сотрудник газеты «Русская мысль».

[1331] Газданов Гайто (Георгий) Иванович (1903–1971) – писатель. Участник Белого движения, в 1920 эвакуировался из Крыма в Константинополь. Затем жил в Болгарии, позднее переехал в Париж (1923). Работал грузчиком, мойщиком паровозов, рабочим на заводе «Ситроен». Окончил историко-филологический факультет Сорбонны. Печатался в «Современных записках». Уже первый роман Газданова – «Вечер у Клэр» (1929) – принес ему известность. Однако в 1928–1952 он вынужден был работать ночным таксистом. В годы 2-й мировой войны оставался в оккупированном Париже, участник Сопротивления, редактировал подпольный журнал. С 1953 – журналист и редактор на радио «Свобода».

[1332] Герланд (Gerland) Бригита (1918–1962) – немецкая журналистка, коммунистка. 24 октября 1951 была арестована, осуждена 24 ноября 1951 по статье 58–14 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Отбывала наказание в воркутинском лагере. Освобождена после смерти Сталина, вернулась на родину, в Западную Германию.

[1333] Принятое написание фамилии – Мозли Филипп Артур (Филипп Артурович) – американский историк, специалист по русской истории, профессор. В годы 2-й мировой войны работал в Европейской консультативной комиссии. После окончания войны – директор департамента руссоведения в Колумбийском университете. Один из инициаторов создания Архива русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете (в основе – архив русской эмиграции). Возглавил Архив (в качестве председателя правления) и непосредственно руководил его деятельностью. Директор Русского института при Колумбийском университете.

1334 Планте (Plante) Лилиан – помощник директора (associate director) Издательства им. Чехова.

1335 Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – философ, публицист. Главное произведение – «Философские письма» (1829–1831).

1336 Дрейер (Dreyer) Роберт – кадровый офицер военно-морской разведки, После окончания 2-й мировой войны работал в Москве в качестве помощника военно-морского атташе США. В 1947 выслан из СССР за шпионаж. Работал в мюнхенском филиале Американского комитета освобождения.

1337 Диен-Биен-Фу – маленький вьетнамский город, расположенный на северо-западе страны, в долине Мыонг Тханъ, окруженной горами. 7 мая 1954 народная армия Вьетнама освободила этот город, нанеся урон французским войскам генерала Christian de Castries. Победа в этом сражении положила начало освобождению Вьетнама из-под французской колониальной власти.

1338 Дуар – (араб. duwarat, от duwar – круглый). В Северной Африке – начальники округов, состоящих из десяти шатров.

1339 Неустановленное лицо.

1340 Булганин Николай Александрович (1895–1975) – советский государственный, партийный и военный деятель. С 1947 министр Вооруженных Сил СССР; генерал-полковник (в 1947–1958 имел звание маршала Советского Союза). В 1955–1958 председатель Совета Министров СССР. В 1948–1958 член Политбюро ЦК ВКП(б), затем Президиума ЦК КПСС. За участие в антипартийной группе выведен из состава Президиума ЦК партии (1958).

1341 Шолмер (Scholmer) Йозеф – гражданин ГДР, работал врачом в Берлине. В мае 1949 обвинен в агентурной деятельности для гестапо и британских секретных служб, арестован, приговорен к лагерным работам. Отбывал наказание в Воркутинском лагере. Автор книги «Воркута» (London, 1954), посвященной анализу на основе событий в Речлаге 1953 причин и перспектив организованного выступления заключенных, выяснению связи между восстаниями политических заключенных и Берлинскими волнениями июня 1953.

1342 Свято-Серафимовский фонд, основанный в 1950, создавался с целью проведения религиозно-просветительской деятельности, прежде всего среди студенческой молодежи. Первый председатель Фонда – М. М. Карпович (1950–1955), его сменил Б. В. Сергиевский. В 1951–1965 Фонд располагался в Нью-Йорке в Епископальном церковном доме вблизи Бродвея. Там размещались: русская школа, курсы Закона Божьего, русского языка, литературы и истории для

молодежи гимназического возраста, оркестр струнных инструментов, театральные группы. В 1953 было приобретено собственное поместье «Аккорд», где устраивались летние лагеря. Регулярно проводились «вечера» с концертной программой. Их инициатором явилась А. В. Тыркова-Вильямс. С 1965 штаб-квартира Фонда размещается в купленном недалеко от Колумбийского университета доме.

[1343] Владимир Кириллович Романов (1917–1992) – великий князь, единственный сын великого князя Кирилла Владимировича, провозгласившего себя «Императором Всероссийским».

[1344] Поляков Александр Абрамович (1879–1971) – журналист. В 1920 эмигрировал из России, жил в Париже (с 1922), секретарь редакции, зам. главного редактора газеты «Последние новости» вплоть до ее закрытия в 1940. В 1942 перебрался в США, сотрудник редакции «Нового русского слова» (Нью-Йорк).

[1345] Вайнбаум Марк Ефимович (1890–1973) – журналист, публицист, с 1922 по 1973 – главный редактор нью-йоркской газеты «Новое русское слово».

[1346] «Bulletin of the Atomic Scientists» («Бюллетень ученых-атомщиков») – ежемесячный научно-политический журнал, издается с 1945 в Чикаго. Основатель и первый редактор Е. И. Рабинович. Основная цель «Бюллетеня» – информирование общественности о ядерной политике ведущих держав. Журнал выступает за международный контроль над атомной энергией.

[1347] Ерошка – персонаж из повести Л. Н. Толстого; жизнелюбив, подвержен многим человеческим слабостям и убежден, что «ни в чем греха нет».

[1348] Кодекс Юстиниана включает 4652 отрывка из императорских распоряжений, изданных начиная с императора Адриана (II в. н. э.) и кончая самим Юстинианом. Состоит из 12 книг, в книге 1-й излагается церковное право.
Юстиниан I (483–565) – византийский император (527–565). Один из наиболее выдающихся монархов поздней Античности; полководец и реформатор.

[1349] Наумов Александр Николаевич (1868–1950) – государственный деятель. Член Государственного совета (с 1908; в 1912 переизбран). В годы 1-й мировой войны член Верховной следственной комиссии по расследованию причин неудовлетворительного снабжения армии военным снаряжением. В 1915–1916 министр земледелия. После Октябрьской революции 1917 эмигрировал, умер в Ницце.

1350 Тхоржевский Иван Иванович (1878–1951) – чиновник, поэт, переводчик. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Научной карьере предпочел государственную службу. Занимал пост управляющего канцелярией Министерства земледелия. В 1916 вышел в отставку. Был избран председателем совета акционеров Нидерландского банка для русской торговли, входил в правление Торгово-промышленного банка. Известен своими переводами французских и итальянских поэтов. Переводил рубаи Омара Хайама. Автор оригинальных стихов.

1351 Зёрнов Николай Михайлович (1898–1980) – философ, богослов, общественный деятель. В 1921 эмигрировал в Константинополь, затем в Белград. С 1925 жил в Париже. Секретарь Русского студенческого христианского движения, первый редактор журнала «Вестник РСХД» (1925–1929). В 1934 переехал в Лондон. Секретарь Братства святых Албания и Сергия (1934–1947). Преподавал основы восточной православной культуры в Оксфордском университете (1947–1966); почетный доктор. Профессор богословия в американских университетах Дрю (Айова) и Дьюка. Автор книг по истории православной церкви.

1352 В статье «Новая морока» Тыркова, в частности, писала: «<...>Толком никто не знает, что сейчас творится в Кремле <...>. Но что-то происходит и в стране, и в коммунистической партии. Что вынуждает сталинскую волчью стаю рвать в клочки мертвого вождя, отрекаться от него. Спасаясь от какой-то опасности, они прячутся за его трупом <...> В этом неожиданном прорыве партийной информации есть какой-то тайный внезапный расчет, какая-то не вскрытая для нас необходимость наскоро закрепить свое влияние, свою власть циничными разоблачениями, за которыми таится какой-то новый тактический ход <...>. Но чем диктатура 20 палачей слаще диктатуры одного палача, когда все та же единая коммунистическая партия продолжает над Россией свой бесчеловечный, бесовский шабаш, пляшет свой кровавый гопак <...>. Вся острота нынешнего положения в Кремле состоит в том, удастся ли коммунистической партии устоять, сохранить власть над Россией и над рядом других, осовеченных стран или нет? Или уже слышатся шаги тех, кто идет к ним на смену. И что принесет эта, еще притаившаяся, молчаливая, смена – свободу? Или продолжение рабства, подкрашенного мелкими льготами, какими сейчас советская шайка старается задобрить население. Отчасти и иностранцев <...>. Надо прежде всего дать вздохнуть народу. Дать ему право молиться, высказывать свои мысли, обсуждать сообща народные нужды и потребности, организоваться. Надо для всего населения воскресить свободу труда и уж, конечно, выпустить арестантов из лагерей и тюрем <...>. Я села писать эту заметку, потому что очень уж захотелось вслух сказать – не верьте ни одному слову Хрущева и его сообщни-

ков. Пока коммунистическая партия держит Россию в своих когтях, никаких коренных изменений быть не может <...>, тут опять попытка новой мороки. Это наше твердое понимание мы должны, по мере сил, передавать иностранцам. Задача не легкая» (*Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11).*

[1353] Возможно, имеется в виду Лодж (Lodge) Генри Кэбот (1902–1985) – американский политический деятель, сенатор, дипломат, кандидат в вице-президенты США во время избирательной кампании 1960.

[1354] Иоанн (в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской) (1902–1989) – церковный деятель, проповедник, писатель, поэт. Участник Белого движения. В ноябре 1920 в составе Русской армии генерала П. Н. Врангеля эвакуировался в Константинополь, переехал во Францию. В 1926 пострижен в монашество, учился в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже. Архимандрит (с 1937). В 1946 переехал в США. Епископ Бруклинский, ректор Свято-Владимирской духовной семинарии, был противником присоединения митрополии к Московской Патриархии. Вел на радиостанции «Голос Америки» передачу «Беседы с русским народом» (с 1948). Архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский под юрисдикцией Православной церкви в Америке.

[1355] Даллес (Dulles) Алеен Уэлш (1893–1969) – американский государственный деятель, дипломат, юрист. Директор ЦРУ (1953–1961). Автор воспоминаний.

[1356] Имеется в виду доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, в котором он разоблачил культ личности Сталина.

[1357] Имеется в виду: Зайцев Б. К. Жуковский. Биография. Paris, 1951.

[1358] Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – поэт, переводчик, критик. Ординарный академик Императорской Академии наук (1841). Близкий друг и советчик А. С. Пушкина.

[1359] Кюстин (Custine) Астольф, де (1790–1857) – маркиз; французский дипломат, литератор. Оставил описания своих путешествий по ряду стран, в том числе и по России – «La Russie en 1839» (т. 1–2. Париж, 1843). Книга содержала нелестные отзывы о русских порядках и нравах, были подмечены некоторые отрицательные явления русской жизни.

[1360] Имеется в виду «Russia of the Russian» («Россия русских»).

[1361] Карпович (урожд. Потапова) Татьяна Николаевна (1897–1973) – медсестра в 1-ю мировую войну. В 1923 прибыла в США, где в октябре был зарегистрирован ее брак с М. М. Карповичем.

1362 Вильямс (Willaims) Хью – брат мужа Тырковой, Г. Вильямса.

1363 Нароков (наст. фам. Марченко) Николай Владимирович (1887–1969) – писатель. Жил в Киеве, в 1944 эмигрировал в Германию, в 1950 переехал в США. Самое известное произведение – роман «Мнимые величины» (1952), переведенный на многие европейские языки. В романе изображена советская действительность сталинского периода. Один из главных персонажей – Ефрем Любкин. Для него коммунистические догмы – утопия, а подлинная задача коммунистической пропаганды – превратить людей в безропотных исполнителей чужой воли.

1364 Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – советский государственный и партийный деятель. Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964), Председатель Совета министров СССР (1958–1964).

1365 Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – советский военачальник. Маршал Советского Союза (1943), наиболее известный полководец Великой Отечественной войны, четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа». В послевоенный период был удален от ключевых постов в военном аппарате, отправлен командовать Одесским, позднее Уральским военными округами. После смерти Сталина возвращен в Москву, назначен первым заместителем министра обороны СССР, затем – министром обороны СССР (1955–1957). В 1957 исключен из состава ЦК КПСС, снят со всех постов в армии и в 1958 отправлен в отставку

1366 Полторацкий Николай Петрович (1921–1991) – философ, историк русской философии. Родился в Константинополе, в семье русского офицера-эмигранта. Учился в Софийском университете и Сорбонне. В 1954 защитил в Сорбонне диссертацию «Философия истории России у Н. А. Бердяева». С 1955 жил в США. Преподавал в Мичиганском университете (где основал архив И. А. Ильина), затем в Питсбургском университете, где возглавлял отделение славянских языков и литератур. Под его редакцией вышли сборники «Русская литература в эмиграции» (1972) и «Русская религиозно-философская мысль XX века» (1975). Разрабатывал концепцию либерального консерватизма. Автор труда «Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX в.» (1988).

1367 Михайловский А. И. – эмигрант 2-й волны, член правления Центрального представительства российской эмиграции в американской зоне Германии. Входил в Антикоммунистический центр освободительного движения народов России – организацию, созданную для объединения власовских организаций и вскоре распавшуюся.

На внеочередном съезде российской эмиграции 14–15 апреля 1956 в Мюнхене сделал доклад на тему «Российская эмиграция в борьбе с коммунизмом»; подчеркивал, что коммунизм представляет собой интернациональное явление, попытку установления особого порядка, социально-политического и экономического, на основе «религии безбожия», отрицания моральных и этических принципов.

1368 Гаагский «Конгресс за права и свободу в России» состоялся 25–27 апреля 1957. В его подготовке и проведении принял участие целый ряд организаций, но основная техническая и финансовая нагрузка лежала на Народно-Трудовом союзе, его члены проводили сбор средств в Европе и Америке. Издательство «Посев» передало в фонд конгресса весьма значительные доходы, полученные от издания подробной карты Москвы для западных туристов (первой подобной карты в то время). Первоначально конгресс должен был собраться в Стокгольме, но под нажимом СССР шведские власти отказались принять эмигрантский съезд. Удалось получить согласие у Голландии. В Гаагу съехались 80 делегатов из 16 стран, они представляли политические, общественные, научные и культурные слои эмиграции. Целью конгресса были обсуждение тактики давления на советский режим путем предъявления частичных требований и совместная выработка этих частичных требований. На конгрессе было выработано 130 пунктов частичных требований, охватывавших все виды социальной, экономической, культурной жизни Советской России.

1369 Ряснянский Сергей Николаевич (1886–1976) – полковник Генерального штаба, участник 1-й мировой войны, один из организаторов Добровольческой армии на юге России. В ноябре 1920 эвакуирован с частями Русской армии в Галлиполи. Затем служил в Пограничной страже в Югославии, преподавал в Николаевском кавалерийском училище в Белой Церкви (Югославия; 1922–1923). После 2-й мировой войны – помощник главы РОВС генерала А. П. Архангельского. С 1954 жил в США, начальник американского отдела РОВС, издавал «Вестник российского зарубежного воинства».

1370 Заречняк Михаил Михайлович – профессор-лингвист, входил в руководство Российского национально-трудового союза.

1371 Мейер Юрий Константинович – кавалерийский офицер. Участник Белого движения, эмигрировал. В годы 2-й мировой войны входил в Русскую освободительную армию. После окончания войны переехал в Америку, жил в Вашингтоне. Один из создателей «Конгресса русских американцев», был избран в его Главное правление (1972). Автор книги: «Записки белого кирасира» (Вашингтон, 1991).

1372 Ганусовский Борис Казимирович (1908–1993) – писатель, общественный деятель. Эмигрировал в Югославию, окончил Белградский уни-

верситет. Возглавлял автомобильную фирму. С началом 2-й мировой войны поступил в 15-й казачий корпус. В мае 1945 был передан английскими оккупационными властями из Австрии в руки советских властей. 10 лет провел в советских концлагерях. Затем ему удалось вернуться в Австрию. Позднее переехал в Америку.

1373 Очевидно, имеется в виду Палеолог (Paléologue) Жорж Морис (1859–1944) – французский дипломат, посол Франции в России (1914–1917). Писатель, член Французской академии (1928–1944). Автор мемуаров и исследований России начала XX в.: «La Russie des tsars pendant la Grande Guerre» (на эту книгу ссылается Тыркова; 1921–1923); «Alexandra Feodorowna, Impératrice de Russie» (1932); «Guillaume II et Nicolas II» (1935); «Les Précurseurs de Lénine» (1938); «L'Écroulement du tsarisme» (1939).

1374 Речь идет об Издательство «Макмиллан», одном из старейших в Великобритании (основано в 1843 братьями Александром и Дэниэлом Макмиллан), в котором была опубликована книга: Chamberlin W. H. The Russian Revolution, 1917–1921. London, 1935.

1375 Флоринский Михаил Тимофеевич (1894–1981) – юрист, историк, секретарь историка-медиевиста П. Г. Виноградова, после смерти которого в 1926 переехал в США. С 1932 преподавал в Колумбийском университете. Автор монографий по русской истории.

1376 Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) – писательница, поэтесса, литературный критик.

1377 Пайпс (Pipes) Ричард (род. 1923) – американский историк, специалист по истории России и СССР; профессор Гарвардского университета.

1378 Дудин Михаил Александрович (1916–1993) – поэт, переводчик, общественный деятель. Один из организаторов проведения в Михайловском Всесоюзных пушкинских праздников поэзии.

1379 Пастернак Борис Леонидович (1890–1960) – поэт, писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1958).

1380 Шолохов Михаил Александрович (1905–1984) – писатель, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1965). Академик АН СССР (1939).

1381 Тыркова писала о своих впечатлениях от первой встречи с Л. Н. Толстым во время поездки, вместе с Д. И. Шаховским, в Ясную Поляну. Целью поездки было попытаться уговорить Толстого поддержать конституционное движение, выразить сочувствие студенческим выступлениям. И хотя этой цели добиться не удалось, Тыркова подчер-

кивает, насколько обогатило ее краткое общение с великим писателем (от него исходила «такая могучая сила, что я ее почти физически чувствовала»). При этом «превосходство Толстого не тяготило, не принижало собеседника, а раскрывало перед ним новые тропинки». Вместе с тем Тыркова ясно чувствовала «мучительную многоликость», «двойственность» Толстого: «С нами говорил проповедник, пытавшийся смириться, но еще далекий от кротости и терпимости, без которых нет смирения». По мнению Тырковой, к концу жизни Толстой «отворачивался от собственного учения», поэтому невозможно дать однозначный ответ – «где настоящий Толстой?» («Яснополянский великан». *ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 48. Л. 3–4).*

Приложения

ПИСЬМА К А. В. ТЫРКОВОЙ

1919

Письмо И. В. Гессена

13/II [19]19

Многоуважаемая Ариадна Владимировна,

В конце февраля мне удалось выбраться из Красного Питера и около недели я сижу в Гельсингфорсе, присмотревшись за это время и к русским и к финнам (мне пришлось быть у 3 министров, а завтра я буду принят главой государства). В результате всех свиданий и собеседований хочу Вам сказать, что положение здесь чрезвычайно плачевное и что в ту или другую сторону из него нужно выйти. В общем, дело стоит так, что формально ген. Юденичу (с к[ото]рым я тоже многократно беседовал) разрешено формировать военные отряды, а фактически он имеет возможность это делать, и препятствие состоит в том, что парижские руководящие круги не высказываются определенно относительно независимости Финляндии. Если Павел Николаевич [Милюков] заявил, что Россия должна заключить военный союз с Финляндией, то Сазонов настаивает, что ни один русский патриот не может отказаться от притязаний на Финляндию и от контроля Финского и Ботнического заливов. Так он заявил д-ру Torngren (1), к[ото]рому поручено было проверить это.

Я не имею в виду убеждать в ту или другую сторону, но необходимо здесь знать определенно, какого взгляда в Париже и Лондоне держатся. Если сейчас категорического заявления не может быть сделано, то здесь русским необходимо всякую политическую и стратегическую работу прекратить, ибо в том неопределенном состоянии, к[ото]рое сейчас имеется и при к[ото]ром на все стороны натыкаешься на гвозди препятствий, – никакой реальной работы не может быть, колеса вертятся впустую и получаются лишь крайне отрицательные результаты суеты, взаимных неудовольствий и раздражений. И местный губернатор, и все министры горько жаловались мне на русских, к[ото]рые интригуют, друг друга подсиживают и им же, финнам, друг на друга жалуются.

Мне лично представляется, что здесь работа могла бы быть весьма плодотворной. Если соответственно сказанному Вы думаете, что возможность для работы имеется, то желательно здесь иметь нужных для нее людей. Я принял меры к приезду сюда Нольде, но боюсь,

что он раньше лета не выберется из России. На мой взгляд, было бы в высокой степени желательно присутствие здесь М. И. Ростовцева. И он и жена его оказались бы здесь чрезвычайно на месте, и здесь есть из чего лепить (здесь был устроен съезд, на к[ото]ром было около 200 промышленников) и от финнов можно было бы добиться бесконечно больше, если бы были настоящие люди дела и авторитетные.

Я пишу Вам, не зная, там ли Павел Николаевич [Милюков], и зная, что я встречу отклик моей экспансивности, к[ото]рая достигла крайних размеров при виде того разложения, к[ото]рое здесь наблюдаешь. В Петербурге мы ясно видели, что большевиков можно взять голыми руками (да они и сами это понимают), а когда, наконец, приезжаешь сюда и видишь, что даже и этого сделать не в состоянии, становится невыносимо тяжело.

Шлю Вам и Mr. Williams'y сердечнейший привет. Как только получу нужные документы, я поеду в Копенгаген на неделю и тогда буду Вас просить телеграфировать мне туда ответ в общих чертах.

Будьте здоровы.
Сердечно Ваш И. Гессен

Если Павел Николаевич там, скажите ему, что я горячо его обнимаю, и покажите ему письмо.

Я бы мог дать английской газете несколько статей о положении России. Нужно ли это?

Мой адрес здесь: O.Brunsparkallee, 9, Pension Rimera.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

1 Торнгрен (Torngren) Адольф (1860–1941) – автор ряда трудов по истории Финляндии и России XX в.

Письмо П. Б. Струве

11.IV.[1]919
20, Rue Raynonard XVIe

Дорогая Ариадна Владимировна,

Спешу Вам ответить, что таким людям, как сэр Самюэль Хор и т. п. Вы, конечно, можете сообщить «<1 нрзб.>» письма. Можете сообщить и П. Н. [Милюкову]. Я даже Вас об этом прошу.

О приезде Гар[ольда] Вас[ильевича] я говорил сегодня с кн. Г. Е. Львовым и в упор поставил ему вопрос. Я сказал, что считаю очень важным, чтобы он нас (П. С.)(1) ознакомил с состоянием английского общественного мнения, но что сейчас дела его таковы, что его приезд нужно отложить. Г. Е. [Львов] авторизовал меня написать

Гар[ольду] Вас[ильевичу], что я сим и делаю, для скорости вводя сие в письмо к Вам, что его поездка (т. е. путевые расходы) сюда с означенной целью будет оплачена.

Я полагаю, что Вам (т. е. Вам и ему) следует как можно скорее выехать сюда. Я слышал, что Хор скоро выезжает сюда. Его присутствие здесь будет весьма полезно.

Пожалуйста, распорядитесь о присылке мне White Book* о большевизме и о снабжении меня парламентскими отчетами по русским вопросам.

Я получил большое письмо от Карташева. В Гельсингфорсской организации произошли большие перемены после серьезных разногласий. Карташев и Волконский совершенно разошлись. От письма Карташева вечно смутное и тяжелое впечатление.

Сегодня посылаю телеграмму Хору, текст которой при сем прилагаю. Когда он будет здесь, мы будем его чествовать за его защиту русский интересов.

Пожалуйста, прилагаемое письмо передайте С. Л. Полякову.

Привет всем Вашим.
Ваш П. Струве

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Рукопись. Автограф.

---

[1] П. С. – Русское политическое совещание – структура, созданная в Париже в конце 1918 как объединенное международное представительство антибольшевистских сил на территории бывшей Российской империи для проведения в жизнь внешнеполитического курса Белого движения.

Письмо П. Б. Струве

15.IV.[1]919
20, Rue Raynonard XVIe

Дорогая Ариадна Владимировна,

Я посылаю Глебу письма (мои личные) с Юга и письмо Карташева ко мне.

Здесь финляндские дела вступают в новый фазис. Я бы очень просил Вас в Лондоне разыскать Юлия Иса[а]ковича Гессена(1) (Набоков должен знает его адрес) и сообщить ему, что я очень прошу его срочно и обстоятельно поставить меня как члена Пол[итического] сов[ещания], представителя Юденича, в известность о всем, что

---

* Белая книга *(англ.)*.

предпринято и достигнуто им в вопросе снабжения Финляндии и «эвентуально» – Петрограда. Здесь эти вопросы ставят, и я должен знать, что достигнуто Ю. И. Гессеном, для того, чтобы не вышло путаницы. Это очень важно и срочно.

Далее. Положение здесь таково, что Англия явно становится важнее Франции в качестве точки опоры наших русских предприятий. Я поэтому серьезно ставлю вопрос: 1) нужно ли Вам и Вильямсу сейчас ехать сюда, 2) не следует ли мне, оставаясь членом Политического совещания, переместиться в Англию. Ответьте на этот вопрос тоже по возможности срочно, хорошенько его обдумав. Можно найти и промежуточную форму, а именно постоянных поездок в Англию, но это ввиду трудности получения французских виз, вряд ли целесообразно.

Место в письме Карташева о том, что он 500 фунтов не получил, во мне вызывает недоумение. Я думаю все-таки, что он эти деньги получил, но по своей сумбурности, которая, к сожалению, сказывается во всем, отнес эти деньги на другую потребность. 500 фунтов этих А. Н. Диаметриди из Лондона повез в Гельсингфорс для передачи А. В. Карташеву через Б. И. Гессена.

При сем письмо ко мне генерала Головина, которое заключает ответ его (и мой) на запрос Аркадия, обращенный ко мне в его письме.

Оригинал письма Карташева, если он, а не копия будет передан Вам Глебом, перешлите мне. Но я надеюсь, что Глеб все письма скопирует для Вас, оставив оригинал при себе для пересылки.

Крепко жму руку Вам, Г. В. [Вильямсу], Арк[адию], Соне и кланяюсь всем знакомым.

Ваш П. Струве

Для пересылки ответов (с оказией и только с оказией).

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

1 Гессен Юлий Исаакович (1870–1931) – предприниматель; владелец судоходного акционерного общества КАМВО, фактический владелец страховых предприятий «Россия», «Русь», «Русское страховое общество».

Письмо П. Б. Струве

22.IV.[1]919
20, Rue Raynonard

Христос Воскресе!
Дорогая Ариадна Владимировна!

Ввиду того что в Париже ожидается сэр Самюэль Хор с его друзьями, весьма важно, чтобы одновременно с ними были здесь Вы и Гарольд Васильевич.

Сообщите Хору, что 1) новое заявление, напечатанное в газетах, Политического совещания (4-ки!)(1) о демократичности, отклоняющее всякие заподазривания в <обрыв текста> ставлю вопрос о том, не следует ли нам осторожнее в интересах дела говорить об этой драгоценной нам помощи. Записку Гарднера, который весьма ценен как живой и активный человек, и все содержание настоящего письма, пожалуйста, тотчас сообщите сэру Самюэлю, еще до его отъезда.

Посылаю письмо это по почте.

Ваш П. Струве

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

1 В период подготовки к открытию Парижской мирной конференции, по распоряжению Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, была сформирована Русская политическая делегация (РПД) из четырех членов – бывшего главы Временного правительства Г. Е. Львова, бывшего посла России во Франции В. А. Маклакова, министра иностранных дел С. Д. Сазонова и главы Временного правительства Северной Области Н. В. Чайковского. Существовали надежды, что Делегация будет допущена на конференцию и сможет представлять на ней интересы антибольшевистской России. РПД стала исполнительным органом Русского политического совещания

Письмо П. Б. Струве

[после середины мая] 1919 г.

14 мая в Комиссию по польским делам Мирной конференции (под председательством Жюля Камбона) были приглашены русские представители. Им были заданы вопросы об этнографическом составе Галиции и о русском взгляде на польский вопрос и на границы Польши на Востоке. Явились в заседание Комиссии с русской стороны: члены Политического совещания В. А. Маклаков (посол в Париже), С. Д. Сазонов (министр иностр[анных] дел Колчака и Деникина) и проф. П. Б. Струве, а кроме того вице-председатель финансово-эконом[ической] комиссии Пол[итического] совещания С. Н. Третьяков (1), генерал Занкевич (2) и специалист по международному праву проф. А. Н. Мандельштам.

Главным оратором с русской стороны был Маклаков, который, заявив, что Россия в лице Временного правительства уже окончательно признала независимость Польши и что при определении границ Польши на Востоке русские настаивают на точном соблюдении этнографического принципа (большинство населения).

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

[1] Третьяков Сергей Николаевич (1882–1944) – предприниматель, политический деятель. Председатель Экономического совета Временного правительства (1917). Министр торговли и промышленности в правительстве П. В. Вологодского (сентябрь 1919), зам. председателя Совета министров и министр иностранных дел в правительстве В. Н. Пепеляева. В начале 1920 эмигрировал, жил в Париже. Один из организаторов и зам. председателя Российского торгово-промышленного и финансового союза.

[2] Занкевич Михаил Ипполитович (1872–1942) – генерал-майор (с 1914). Представитель Русской армии во Франции. Летом 1919 вернулся в Россию, активно участвовал в Белом движении, служил начальником штаба Ставки в армии Колчака.

Письмо Г. Е. Львова

5/VI.[1919]

Глубокоуважаемая и милая Ариадна Владимировна, до сих пор у нас не установлено сношение с Екатеринодаром курьерами. Неделю тому назад туда выехали г. Щербачев (1), Вырубов и Аджемов с целью представить им здешнюю политическую обстановку, привезти оттуда точные сведения и вообще установить живые отношения с ними. Это один из очень тревожных и сложных вопросов, кот[орые] нам предстоит разрешить. Вообще настроение Юга очень меня беспокоит.

Надеюсь, что миссия г. Щербачева будет удачна и тогда вероятно потребуется для поддержки живой связи посылать туда регулярно лиц. Однако надо дождаться их приезда, что-то они привезут. Непременно Вам тогда сообщу, и если станет вопрос о посылке курьеров, конечно, в первую очередь предложу Вашего сына.

Знаем, что продовольствие для Петрограда обеспечено и уже подвезено. Пункты, предложенные Колчаку, не являются условиями признания, а лишь предварительным шагом на пути к признанию. Он еще не ответил. А мы ему подсказали или, вернее, предложили проект ответа, в коем, конечно, все нелепости вроде учредилки 17-го г. отвергаются.

В Париже настроение скверное, тревожное. Забастовочное движение растет. Нельзя не связывать его с нашим русским делом, оно, очевидно, может повлиять и на признание Колчака, и к тому же у него как раз происходит заминка на фронте.

Искренно уважающий Вас
Ваш кн. Львов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Рукопись. Автограф. На бланке «Русское Политическое Совещание».

[1] Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932) – генерал от инфантерии (1915). Участник 1-й мировой и Гражданской войн. С 30 декабря 1918 военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном Верховном командовании. В начале 1919 прибыл в Париж. Создал представительство, ведавшее снабжением белых армий, пытался формировать добровольческие части из русских военнопленных. 27 мая 1919 выехал из Парижа вместе с М. С. Аджемовым и В. В. Вырубовым, 8 июня прибыл в Екатеринодар в ставку Деникина. В мае 1920 отказался от должности из-за разногласий с генералом П. Н. Врангелем. Жил в Ницце.

Письмо П. Б. Струве

13.VI.[1]919
34 Quasi de Bethune, Paris IVe

Дорогая Ариадна Владимировна!

Я затрудняюсь с такой поспешностью написать что-либо для проектируемого Вами сборника, тем более что мои мысли не суть те, которые было бы «политично» теперь высказывать.

Ваши общие размышления я вполне разделяю и нахожу тоже, что представительство в Лондоне должно быть надлежащим образом обставлено. Трудность тут не только в С. Д. [Сазонове], а гораздо более в том, что собственные русские соображения неясны.

Долгополов уезжает в воскресенье, какими способами, я тоже в точности не знаю. Но ему все время было трудно уехать, и он никого из посторонних с собой везти не брался.

Я Глеба решил вызвать во Францию для свидания с Лялей, так как Ляле трудно лечить свой ревматизм и английский климат ему не рекомендуют. Он поедет в Пиренеи лечиться, а затем пусть учится в Париже или где-нибудь вообще во Франции.

Я нахожусь сейчас в нерешительности – ехать ли мне в Лондон навстречу Глебу или ждать его здесь. Каждый день здесь есть какие-то мелкие «дела» и общие «вопросы». С другой стороны, тянет меня только в Россию, ибо в конце концов там наше дело. Но сообщения с Россией, как с Югом, так и с Сибирью, как Вы видите, стали плохие, что, в сущности, ни они о нас, ни мы о них ничего не знаем. Телеграммы от Деникина из Екатеринодара приходят чрезвычайно редко, и это не потому, что оттуда нечего сообщать, а потому, что трудности сообщения крайне велики. Трудности эти, вероятно, состоят в том, что союзники неохотно передают русские телеграммы. Теперь присоединяется вопрос о Петрограде. Почему Вы хотите ехать на юг и не хотите обождать выяснения вопроса о Петрограде, чтобы затем выбрать пункт, куда двигаться? Политически, конечно, важнее Юг, но

там гораздо больше отрезанность от Запада, чем будет в Петербурге, когда он будет освобожден. Если же остаться заграницей, то следует, я думаю, мне остаться в Англии, но это следует сделать обдуманно, с заранее начертанным планом работы. Это же почти невозможно вследствие существующего здесь отношения, о котором я Вам уже писал, и которое, в сущности, заключается в том, что тот, кто не приспособляется, не услужает и, главное, сам не проталкивается локтями, от работы устраняется.

Кончаю письмо. Поклон Аркадию и Соне.

Ваш П. Струве

P.S. Сюда приехал Винавер. Ожидается Родичев. Ростовцев со вчерашнего дня здесь, но я его еще не видел. Приехал с Юга Николай Мих[айлович] Могилянский (1) и собирается здесь воевать с «украинцами».

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

1 Могилянский Николай Михайлович (1871–1933) – этнограф, антрополог, общественный деятель; кадет. Решительный противник сепаратизма, вместе с тем отстаивал принцип децентрализации, федерализма, культурной автономии Украины. Тов. государственного секретаря в правительстве гетмана П. П. Скоропадского (1918). В 1920 эмигрировал, жил в Париже, редактировал журнал «La jeune Ukraine» (вышло 5 номеров). Инициатор создания Украинского национального комитета.

1920

Письмо Д. В. Философова

22.I.[1]920

Дорогая Ариадна Владимировна,

Наконец-то нам, т. е. мне и Мережковским, удалось бежать из проклятой Совпедии. 3 попытки бежать через Финл[яндию] сорвались. 1 попытка бежать через Режицу – также. Наконец, удалось бежать через Жлобин-Бобруйск. Нам предстояло погибнуть от <1 нрзб.> и физических мук или взять страннич[еский] посох и нищенскую суму. Мы избрали последнее. Что будем делать дальше, куда направим свои стопы – еще не знаем. Слишком мало еще осведомлены. Собираем сведения о заграничн[ых] друзьях. Хотели бы быть полезны, но не знаем где и как. У нас план написать коллективную книгу о большевиках и издать ее за границей. Для этого необходимо

немедленно приняться за работу. Но, чтобы приняться за работу, надо обеспечить себя средствами хоть на несколько месяцев. Словом мы в порочном кругу. Не могли ли бы Вы и Гарольд Вас[ильевич] оказать нам содействие? Не поместила бы какая-ниб[удь] англ[ийская] газета статью Дм[итрия] Серг[еевича] [Мережковского]? (Фельетон?) Или отрывки из дневника Зин[аиды] Ник[олаевны Гиппиус]? К какому издателю для издания книги о большевиках всего практичнее обратиться? Какой издатель мог бы нам дать аванс? С такой же просьбой Д. С. [Мережковский] обращается, по совету Чуковского, к Herber'у Wright'у (London Library). Письмо это везет Вам сибирский кооператор, Павел Андреевич Носов. Ответить нам всего лучше при посредстве английской миссии в Варшаве (Новый Совет 18), куда мы скоро направляемся и где по всей вероятности застрянем месяца на $1^{1}/_{2}$, на 2. Чтобы двинуться дальше, нам надо снестись с заграничн[ыми] друзьями, и вообще разобраться в том, что происходит, т. к. мы ничего не понимаем. Ищем Антона Вл[адимировича] Карташева. Кажется, он в Париже. Савинков оказался в Варшаве, надеемся его повидать. Где П. Н. Милюков? Где Струве? Про Петербург надо было бы писать целые Томы. Об общих друзьях могу сообщить только самые печальные вести. Черносвитов, Герасимов, Щепкин, Штейнингер (1) – расстреляны. Изгоев с сент[ября] мес[яца] в концентр[ационном] лагере. Один С. Ф. Ольденбург (2) процветает. Быстро пошел по соглашательск[ому] пути, дружит с Горьким и вообще persona grata. Даже содействовал своим попустительством одному гнусному делу. Большевики воспользовались авторитетом Академии наук для агитации в Индии. Под «научным» флагом послали туда типогр[афское] оборудование из Акад[емии] наук. Чувствую, что пишу пустяки, но просто не знаю, с какого конца начать. Жму руку Гар[ольду] Вас[ильеви]чу, и <1 нрзб.> надеюсь Вас повидать.

Душевно Ваш
Д. Философов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

[1] Штейнингер Вильгельм Иванович (?–1919) – инженер, бывший председатель Петроградского комитета Биржи труда, владелец патентной конторы «Фосс и Штейнингер». Член кадетской партии, глава петроградского отделения антибольшевистского Национального центра, имевшего связи с Деникиным, Юденичем и др. Арестован в Петрограде 26 июля 1919, в августе расстрелян в составе группы из 67 человек.

[2] Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, академик РАН (1908), непременный секретарь Академии наук (1904–1929). Член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов (1912–1917). Министр народного просвещения (июль-август 1917). С 1918

активно сотрудничал с советской властью, однако в сентябре 1919 арестовывался на краткий срок.

Письмо Павла Д. Долгорукова

21 февраля (ст. ст.) 1920 г.

Многоуважаемая Ариадна Владимировна,

Очень прошу напечатать и распространить это воззвание (в газетах особо) в Англии и в Америке. Инициатива боевых отрядов имеет преимущественно моральное значение, на большую физическую помощь нельзя рассчитывать.

П. Д.
В Лондон

Об открытии в Новороссийске
Общества формирования боевых отрядов

В самые тяжелые для Добровольческой армии и русской государственности времена, когда большевики притиснули нас к морю, в Новороссийске открылось Об[ществ]о формирования боевых отрядов и с разрешения военного начальства приступлено к формированию таковых. В отряды принимаются лица как призывного, так и не призывного возраста. По надлежащем обучении отряды, в составе не менее роты каждый, будут отсылаться на фронт для пополнения частей Добровольческой армии. Чины отряда имеют нашивку на левом рукаве – Б. О. Их будет объединять идейная цель – помочь в трудную минуту фронту не только словом, но и делом, готовностью жертвовать собой и поддержать усталых, но верных своему долгу борцов [за] воссоздание России.

Общество имеет своей задачей – призывать в грозный для Родины момент всех-всех русских людей, способных носить оружие, не уклоняться от своего долга, пребывая за границей или пристраиваясь к тыловым учреждениям. Русское общество и «гнилая», как на нас клевещут, интеллигенция, должны доказать фронту, союзникам, всему миру, что русские люди не утратили своего сердца, что они не теряют в самые трудные минуты бодрости духа и веры в торжество своего правого дела и, принимая помощь от союзников, сами готовы бороться до конца.

Кроме пропаганды идеи боевых отрядов открывшееся Общество заботится о привлечении средств на их формирование, на улучшение пищи и одежды воинов отрядов и на обеспечение их семейств, имея в виду, что недостаточная обеспеченность сражающихся и неизбежное вследствие этого злоупотребление реквизициями вносит начало разложение в войска, а боевые отряды должны и словесной пропагандой на фронте и примером своим бороться с отрицательными явле-

ниями и будут скованы идейной дисциплиной. Открывшееся Общество призывает русских граждан, в России и заграницей, откликнуться, прийти с широкой помощью и открывать повсюду отделения общества (пар[аграф] 12 устава) или организовывать частные кружки для сбора денег и вещей для отрядов. Членский взнос 100 р. Членами общества могут быть мужчины и женщины. Выдачи справок и прием пожертвований производится в Новороссийске мною, как председателем Общества (20 Лагерная) и у товарища председателя, ген. Обручева (1). Вторым товарищем председателя состоит А. В. Маклецов (2), членами правления – гор[одской] голова, Сенеко-Петовский, В. А. Степанов, Н. Ф. Езерский (3), В. И. Снегирев (4).

Соотечественники и соотечественницы заграницей. Откликнетесь на наш призыв помочь нашей доблестной армии. Каждый фунт стерлингов, каждый доллар при теперешнем курсе представляет у нас большую ценность.

Кн. Пав. Долгоруков

Новороссийск. 21 февраля ст. ст. 1920.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Оригинал.

---

1 Обручев Николай Афанасьевич (1864–1929) – генерал-лейтенант (1915). Участник 1-й мировой войны. Эмигрировал в Югославию.

2 Маклецов Александр Васильевич (1884–1848) – профессор Харьковского университета и Ново-Александрийского института сельского хозяйства (г. Харьков). Член кадетской партии. В марте 1920 эмигрировал в Югославию. Тов. председателя (затем председатель) Югославянской группы кадетов, состоял во Всероссийском союзе городов в Белграде (до ноября 1921). Затем перебрался в Чехословакию, преподавал на Русском юридическом факультете в Праге.

3 Езерский Николай Фёдорович (1870–1938) – журналист, общественный и политический деятель. Бывший инспектор народных училищ Пензенской губ., соиздатель и редактор пензенской ежедневной газеты «Перестрой», депутат I Государственной думы, Участник Белого движения, с 1919 – в эмиграции в Югославии, потом во Франции, принял сан священника.

4 Снегирев В. И. – общественный деятель, член кадетской партии. В 1920 эмигрировал, жил в Софии, тов. председателя местной группы кадетов.

Письмо П. Н. Милюкова

June 17/[1920]
11. Carlingford Road. N. W. 3

Многоуважаемая Ариадна Владимировна,

Ввиду возникших между нами разногласий неслучайного характера по вопросу о редактировании газеты, я считаю необходимым сложить с себя обязанности редактора, возложенные на меня Комитетом, и вместе с тем, конечно, отказаться от получаемого мною вознаграждения.

Уважающий Вас
П. Милюков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Оболенского

14/27 сентября [1920]

Дорогая Ариадна Владимировна,

Вы напрасно меня обвиняете в том, что слабо информирую нашу дружественную эмиграцию о местных делах. Кроме письма Астрову, о котором Вы упоминаете, я написал еще письмо Коновалову и два письма Милюкову, из коих одно в тонах более оптимистических, а другое с бóльшим пессимизмом. Хронологически, к сожалению, первое предшествовало второму. Увы, почвы для пессимизма много, ибо мы находимся в целом цикле заколдованных кругов, из которых как-то не находишь выхода. Первый заколдованный круг – это финансы. С каждым днем наше финансовое положение ухудшается. Рынки внутренний и внешний так завалены нашими бумажками, что психологическое влияние Врангелевских побед на поднятие курса сводится к нулю. А победы расширяют территорию, увеличивая расходы военные и по гражданскому управлению. И опять бумажки... Правда, в новых областях лежат громадные запасы хлеба, могущие идти на товарообмен, но тут препятствие – расстройство транспорта. Железные дороги на ладан дышат, не имея топлива, а гужевая доставка затруднена, ибо лошади либо реквизированы, либо обслуживают фронт. Наконец крестьяне отказываются продавать хлеб на бумажки. И вот необходимо наладить товарообмен. Но тут опять препятствие: экспортная политика правительства или, как ее здесь называют, «политика Налбандова (1)». Налбандов – это теперь bête noire* в Крыму. Его ненавидят экспортеры, русские и иностранные, ненавидят гене-

* Ненавистный человек, предмет ненависти и отвращения *(франц.)*.

ралы, ненавидит вся левая общественность. Ему многие приписывают нашу безнадежную экономическую разруху. Я лично в этом отношении более сдержан. Политика Налбандова сводится к монополизации в руках правительства экспорта, с одной стороны, и к удержанию при этом значительной части вырученной валюты на неотложные правительственные расходы, с другой. Конечно, население от этого страдает, конечно, страдает и товарообмен, а, следовательно, косвенно и курс русских денег, но, с другой стороны, откуда правительству взять деньги для необходимых заграничных расходов? Вот и тут заколдованный круг. Я все-таки полагаю, что в тех условиях, в каких мы живем, т. е. при невозможности быстрого движения вперед и неизбежном пребывании на небольших территориях юга России политика Налбандова, истощающая эти территории, может больше принести вреда, чем пользы. Второй заколдованный круг – это земельный вопрос. Если бы врангелевский закон о земле (2) был принят в деникинское время (читалась ли в ЦК наскоро составленная мною записка по этому вопросу, которую я оставил в Ростове Астрову?), он имел бы гораздо большее значение, чем теперь. Теперь земельный закон имеет преимущественно психологическое значение, ибо крестьяне, лишенные необходимого скота и инвентаря, не могут обрабатывать той земли, которую получают. Уже теперь число пустующих земель приняло угрожающие размеры. Я все-таки очень высоко ценю психологическое значение закона, ибо благодаря этому закону крестьяне уверовали в демократизм Врангеля. Врангелю верят и потому он побеждает. Но то, что он приобрел земельным законом, разрушается внутренним управлением. И тут опять заколдованный круг, о котором мы только что вели беседу с Маклаковым.

«Врангелю верят, а правительству не верят», – так характеризовал мне один крестьянин Мелитопольского уезда отношение крестьян к власти. Я бы сказал, что таково отношение не только крестьян, но большинство жителей Таврии, включая и армию. Прежде всего Кривошеин не имеет репутации безупречного по честности человека. Думаю, что в бесконечном числе сплетен, которые сплетаются вокруг него, много фантазии и клеветы, но все-таки воздух создается плохой. Воровство и взяточничество ничуть не меньшие, чем в Ростовский период. Бюрократическая машина работает отвратительно. Реакционный дух повсюду. Сам Врангель и Кривошеин настроены весьма оппортунистически, т. е. с моей точки зрения так, как это надлежит, но оба они, а в особенности Врангель, бесконечными связями сцеплен со старым строем, что мешает ему идти тем средним путем, какой требуют обстоятельства, ибо невольно сами вокруг себя создают атмосферу реакции. Она стихийно овладевает ими и лишает их смелости в проведении собственной политики. Конечно, было бы хорошо заменить нынешнее правительство более прогрессивным, ибо уже сам Струве начал признавать, что политика левую политику делать правыми ру-

ками утопична и не жизненна, но дело в том, что более прогрессивное правительство не усидит при военной диктатуре. Ведь военная диктатура есть не только диктатура Врангеля, а и диктатура военщины, на которую неизбежно Врангель должен опираться. А для влиятельной штабной военщины и Кривошеин недалеко стоит от Керенского. А правое правительство восстановляет на местах старый режим через ту же старую, окончательно развращенную революцией, эмиграцией, спекуляцией и т. д. администрацию, что делает жизнь обывателя нестерпимой, т. е., точнее говоря, терпимой только для того, кто знает, что в Совдепии несравненно и несоизмеримо хуже. К сожалению, однако, не все в этом еще убедились. Как видите, и во внутренней политике заколдованный круг. Мы ищем из него выхода, но довольно безуспешно. Я лично, впрочем, вижу такой выход в децентрализации управления. Еще в Ростове возил я на эту тему доклад в Национальный центр и читал его в послеобеденный час дремлющему ростовскому комитету, получив от него, сквозь сон, полное одобрение. Теперь подал докладную записку главнокомандующему (копию послал Милюкову). Говорил на эту тему со Струве и с Маклаковым. Оба разделяют мои соображения, но едва ли из этого что-либо выйдет. Слишком много интересов связано с поддержанием и расширением центрального бюрократического аппарата. Все добрые старые знакомые, возвращающиеся из Константинополя, Варны и других беженских убежищ, которых надо «устроить»*. И как ни наводит Кривошеин экономию, а их устраивают, центральные ведомства пухнут, и множатся ненужные учреждения. Одним словом, Севастополь все больше и больше становится Ростовым. Единственное, что значительно улучшилось, – это армия, которую Врангель сумел организовать и дисциплинировать, и в этом его исключительная заслуга. Я имею в виду армию на фронте, ибо тыловые армейские учреждения остались в общем прежними. Те же массовые злоупотребления и всяческое безобразие. Вот на армию мы и надеемся. Но армия не может быстро продвигаться вперед, а тыл продолжает разрушаться...

Не знаю, даст ли мое письмо Вам что-либо нового. Вероятно, Вам подобную оценку положения приходится читать часто. Вероятно, Вас огорчит лишь то, что пессимизмом заражаемся и мы, сидящие на месте происходящей трагедии, а не одни лишь эмигранты, смотрящие на нас издалека. Из письма моего к Астрову Вы могли убедиться, что я не предвзятый пессимист, знаете также, что я давно сошел с общих принципиальных позиций, а потому надеюсь, что не заподозрите меня в субъективном освещении положения. Да, положение отвратительное и выхода из него не видно. А вместе с тем, черт знает почему, во что-то веришь, веришь, что как-то иррационально все должно

---

* Так в тексте.

кончиться благополучно и большевики будут побеждены, веришь в счастливую звезду Врангеля... Кстати: у нас с Врангелем установились какие-то странные отношения. Несмотря на его несомненную неприязнь к кадетам и на то, что меня правые круги выставляют чуть ли не большевиком, он ко мне лично относится с несомненным доверием и заставляет меня играть роль какого-то земского собора при самодержце, являть ему «голос земли». С этим голосом земли весьма мало считаются, но я все-таки имею часто случай «истину царям с улыбкой говорить», черпая в сем невинном занятии утешение.

Пишу Вам это письмо под звон колоколов, ибо сегодня третий «день покаяния». Высшее духовенство наше давно готовилось к этим дням покаяния, ведя усиленную агитацию монархического и антисемитского характера в деревнях. Кое-где уже поют «благочестивейшего, самодержавнейшего». За эти три дня агитация достигла апогея, и потому циркулирует масса вздорных слухов о том, что Михаил (3) уже сидит в Севастополе на миноносце и сегодня должен сойти на берег и провозгласить себя царем. Этому, конечно, должен предшествовать еврейский погром и т. д. Вся эта агитация приносит огромный вред, создавая в населении какое-то тревожное настроение. А, кроме того, что скажет m-me Европа! По поводу неистовой травли евреев, ведущейся главным образом протоиереем Востоковым (4) и архиепископом Вениамином (5), я, в качестве «голоса земли», докладывал третьего дня Врангелю и убедился, что он этим всем недоволен, но не решается чикнуть на представителей церкви, ибо он, хотя и диктатор, а все-таки «барон Врангель» и не хочет попасть в положение немца, вошедшего в конфликт с православной церковью.

Ну, дорогая Ариадна Владимировна, пора кончать исписывание этих простыней.

В заключение должен сказать, что делаю последние попытки оставаться на посту «общественного деятеля», ибо, попросту говоря, жрать нечего. Одни за другим общественные деятели сходят с общественной сцены и всю энергию отдают служению своим собственным голодным желудкам. Приходит и мой черед. Но этом пути мне помогает правительство своим проектом упразднения губернского земства.

Вот сегодня передо мной серьезный вопрос: у младшего сына сносились башмаки, он ходит босяком на деревяшках. Время к зиме и нужно покупать ботинки за 200.000 рублей, а жалования я получаю в месяц (да и то за август еще не получил) по 120.000 руб. Какая тут уже общественная деятельность. Не находите ли Вы, что маленькое сообщение о ботинках красноречивее всего остального моего письма?

Привет всем Вашим.
Ваш В. Обол[енский]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

1 Налбандов В. С. – землевладелец, общественный деятель, член Таврической губернской земской управы. октябрист. В июне 1918 вошел в состав Крымского краевого правительства генерала М. А. Сулькевича, занимал пост государственного контролера. В 1919 – государственный контролер в правительстве С. С. Крыма; с августа 1920 – начальник Управления торговли и промышленности в правительстве Юга России.

2 В соответствии с «Законом о земле», принятым правительством П. Н. Врангеля 25 мая (7 июня) 1920, часть помещичьих земель могла отойти в собственность крестьянства с выкупом земли по пятикратной стоимости урожая с рассрочкой на 25 лет.

3 Вел. кн. Михаил Александрович [Романов].

4 Востоков Владимир Игнатьевич (1868–1957) – протоиерей, проповедник, публицист, издатель. В период Гражданской войны призывал к восстановлению самодержавной монархии, занял позиции черносотенства. Организовал и возглавил монархическую организацию – Братство Животворящего Креста (1919). С весны 1920 по приглашению севастопольского епископа Вениамина совершал литургии в Крыму в походной церкви Белого Креста, проповедовал погромные идеи. В сентябре 1920 предлагал для поднятия духа врангелевской армии пойти на «нечисть» крестным ходом. По воспоминаниям Востокова, получил от Врангеля предписание прекратить подобную пропаганду под угрозой высылки из Крыма.

5 Вениамин (в миру Иван Афанасьевич Федченков) (1880–1961) – епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии (с февраля 1919). В конце марта – начале апреля 1920 принял предложение П. Н. Врангеля возглавить русское военного духовенство. В ноябре 1920 вместе с остатками Русской армии эвакуировался в Константинополь.

Письмо М. И. Ростовцева

1920 г. 26 окт[ября]
Univ[ersity] of Wisconsin
Dep[artment] of History
Madison (Wisc[onsin])

Дорогие мои А[риадна] В[ладимировна]
и Г[арольд] В[асильевич],

Получил Ваши письма, спасибо за них большое. Трудно Вам приходится, дорогие мои, но Вас эти трудности не сломят. Вы оба – крепкие. Г[арольд] В[асильевич] тоже, хотя и показывает вид, будто он не крепкий. Что Вам сказать о себе? Все то же. Живу, читаю лекции

чужим людям на чужом языке. Люди кругом милые и сердечные, но обстановка сугубо провинциальная. Надо держать язык на чеку. «На другой день бирилевским барышням все известно» (1). А самолюбия здесь много и критики не любят. Да и я не люблю критики для критики. Только что вернулся из поездки в Вашингтон. 60 часов в дороге и 48 – в Вашингтоне. Прочел две лекции по истории международных отношений в древности. Аудитория была большая, прием обворожительный. Заработал 200 долларов и на том спасибо.

В Вашингтоне видел Бахметева. Он мне вообще нравится. Человек не мелкий. Если сравнить его с Корфом – «две большие разницы», как говорят в Одессе. Корф просто мелкий сплетник, злобный и лживый. Сколько времени здесь шатается и ничего не сделал: ни для себя, ни для других. Впрочем, Бог с ним. Я с ним не ссорюсь, как вообще ни с кем не ссорюсь.

Уперся Б[ахметев] на польском вопросе, и я его точку зрения понимаю. После мира с большевиками – второго Брест-Литовска – надо им показать зубы, если таковые есть. Иначе на Врангеля не одни [э]с[е]р[ы] будут собак вешать. Впрочем, боюсь, что и дело Врангеля безнадежное. Некому его делать. Отсиделись бы на юге до новой фазы, а там видно было бы. Но строить новую Россию им не по силам. Она как-нибудь сама через много времени выползет из грязи. Корявая будет, грубая, хищная, жадная, мужицкая с мужицкими замашками, но выползет. А наша милая интеллигентная Россия со всеми ее прелестями и печалями умерла и не воскреснет. Ее прикончили большевики при содействии мужичков. И правду говорят большевики, для этой чумазой России старая нарядная культура не по плечу. Она ее сбросила и затащила в грязь. Мужик из грязи вылезет, а наши орхидеи кончились и новой оранжереи для них не выстроишь. Разве что через много, много лет; к тому времени основательно сгнием.

Значит ли это, что я решил не возвращаться в Россию? Нисколько! Как только будет можно начать культурное – попробую. Но дело будет совсем другое, не то, которое мне по сердцу. Мужику надо будет из нас соки выжать и на нас разбогатеть. Мое Боспорское царство и курганы ему не нужны. Разве где-то там, как какой-то придаточек, на задворках.

Посылаю Вам чек на 30 фунтов. Спасибо, что позаботились о моем брате в Батуме. М[ожет] б[ыть], Вы и правы, и ему лучше сидеть в Грузии, а не ехать в переполненный Крым. Только бы можно было ему туда пересылать деньги. С деньгами он и на своей даче в Батуме устроится.

Большевики разлагаются. Может быть. Но они уже давно разлагаются и могут разлагаться еще лет пять. Не верю в их падение, потому что некуда падать. Падать можно с высоты, а кто лежит по горло в болоте, того это болото может только медленно засосать. Так с большевиками и будет. Их засосет русское болото, и они будут продолжать

гнить там в глубине, а на поверхности будут барахтаться сначала с.., а там, м[ожет] б[ыть], и кадеты. А вот кто это болото осушит, да разведет на нем цветы? Сделать это при высокой технике можно. Но кто сделает? Не вижу таких, надо, очевидно, ждать.

Целуем крепко Вас обоих.
Ваш М. Ростовцев

Просьба: если мне что причитается от Комитета, переведите эти деньги на мой текущий счет в Westminster Bank, Oxford Branch.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Цитата из повести С. Р. Минцлова «Из снов земли»: «Бирилевским барышням всегда все известно! – шутливо произнес Займищев, стоявший около них, и наклонился к руке Перепетуи Петровны» («Современные записки». 1924. Кн. XIX).

Письмо Ю. Ф. Семенова

1 ноября 1920

Дорогая Ариадна Владимировна,

Я получил сегодня Ваше письмо к к[а]д[етам] и передам его завтра Коновалову для прочтения в комитете в четверг. Но должен признаться, что оно не произведет того впечатления, ради которого Вы его написали. Не потому, я так думаю, чтобы был не согласен с Вами. Я целиком разделяю Вашу точку зрения. Но ведь когда говоришь что-нибудь, приходится иметь в виду не только то, что нужно говорить, но также и то, кому говоришь. Ваше письмо направлено к аудитории, о которой Вы создали себе представление со слов Милюкова (так мне показалось по Вашему письму). Между тем я редко встречал людей так неумело, как Милюков, оценивающих живую жизнь, живых людей и живую обстановку того текущего момента, который еще не успел перейти в книжную историю.

Это свойство есть частично и в нашем комитете. Но в комитете наряду с ним есть и многое другое, а именно – есть искреннее чувство к Крыму и страстное желание помочь Врангелю (Карташев, Коновалов, Штерн (1), Пасманик, я, Эльяшев – не удивляйтесь, Волков); есть талмудисты либерализма, для которых все люди распределены по клеточкам и которые впадают в мистический припадок эпилепсии, когда кто-то или что-то переставляет людей из одной клеточки в другую, или когда сами клеточки оказываются перепутанными силою событий (Эльяшев, Михельсон (2), отчасти Коновалов, Рысс); есть умный еврей Винавер, самый умный из всего комитета, но он прежде всего еврей, честный, благородный, но все-таки только попутчик –

и до какого места? Есть развращенные депутатскими полномочиями и таковым же бездельем (Гронский, Демидов); есть остоличенный провинциал, казак до мозга костей Харламов и, наконец, есть просто болван с ученой степенью – Ключников (3).

Раньше влияние Милюкова, а в его отсутствие его дух определял общее настроение комитета. Но теперь, после приезда Карташева, затем Винавера и, наконец, Волкова, увеличились силы немилюковских течений и даже стали преобладать.

А так как Милюков пересказал Вам, конечно, только свои настроения, замечая их даже там, где их не было, то Ваше письмо обращено лишь к незначительному меньшинству, хотя общая масса так же нуждается, чтобы к ней обращались с призывом.

Вы спрашиваете, что я думаю о пользе или вреде группы? Попрежнему и даже больше чем три месяца тому назад я считаю, что существование комитета необходимо, хотя после каждого его заседания у меня бывает бессонница. Существование группы необходимо, ибо она всегда приходит к общему заключению о необходимости решительной поддержки Врангеля. При общей разболтанности умов русских людей заграницей это является одним из элементов порядка. Кроме этого психологического значения нам, я надеюсь, удастся принести и практическую пользу в деле сговоров с национальностями.

Чтобы покончить с парижскими кадетами, прилагаю Вам мое письмо к Коновалову в процессе прений, дающее некоторое указание на их характер. Кроме того, скажу, что решено послать письмо со своим посланным, что записка Карташева о церкви вставлена полностью, против чего восставал Милюков и что отвергнута критика аграрного закона, на каковой настаивал Милюков.

Перехожу к Крыму. Я Вам уже писал, что у меня получилось бодрое впечатление, но вместе с тем там есть много элементов тревоги.

Бодрое впечатление от всего, что идет из армии. Она хорошо дисциплинирована и верит в себя. Но у нее нет теплой одежды и если зимой этой теплой одежды не будет, пойдут повальные болезни со всеми их деморализующими последствиями. Кроме того, есть в резерве люди, которых нельзя пустить на фронт за отсутствием обмундирования. Следствием этого является вынужденное топтание на месте с операциями характера вылазок из осажденной крепости – недостаточная численность действующей армии не позволяет предпринять операции в широком масштабе. Например, в сентябре Донецкий район был очищен от большевиков, но не был занят Врангелем, ибо это растянуло бы фронт более чем позволяет наличие сил. Будь в это время у Врангеля 100 миллионов франков, он смог бы удвоить свою армию и обеспечить себе экономическую базу для организации тыла. Но идти туда без достаточных сил в расчете на будущие блага было нельзя, ибо будущие блага пришли бы после необходимости отступить.

Крестьянство, как я Вам уже писал, живет безбедно (это понятие, конечно, должно быть принято в условиях времени и места). Хлеба можно было бы от них вывезти от 50 до 60 миллионов пудов при условии доставки им товаров. Но это теоретически. Фактически же благодаря условиям транспорта можно подвезти к портам в течение 6 месяцев не более 12 миллионов. Отсутствие транспорта обусловлено подводной повинностью, вызываемой характером войны. Стоит взглянуть на карту, чтобы понять смысл этого обстоятельства. Нужно защищать линию Днепра от моря до Александровска – там нет железной дор[оги]. Помимо снабжения армии, производимого крестьянскими подводами, подвижность армии осуществляется при помощи тех же подвод-тачанок. Вся пехота посажена на тачанки. До $^2/_3$ всех крестьянских подвод обслуживают фронт. Врангель очень строго и педантично следит за тем, чтобы при обслуживании фронта подводы попутно обслуживали крестьянское хозяйство, в особенности в страдную пору. И нужно сказать, что это в действительности выполнялось. Но отвозить зерно к портам эти подводы уже не могут.

Если бы французы и англичане были немцами, они бы приехали в Крым с товарами и со своими грузовиками и вывезли бы своими средствами зерно в соответствующем количестве.

Вы видите, таким образом, что крестьянство тесно связано с фронтом. Это две реальные силы, ведущие активную борьбу с большевиками. Армия отдает себя борьбе целиком, без остатка и без оговорок, проникнувшись сознанием, что она должна жить в самых добрых отношениях с крестьянством. Последнее восчувствовало это новое для него настроение армии. Аграрный закон также сделал свое дело. Вследствие этих двух причин – нового настроения армии и аграрного закона, уже проводимого в жизнь – между армией и крестьянством образовался своего рода союз. Это не слияние, а именно союз, в котором каждая сторона, конечно, стремится извлечь для себя наибольшую выгоду из своего союзника.

Вот это есть то существенное новое, чем Крым отличается от всех периодов русской революции. Мне представляется, что в истории русской революции эта сторона крымского, или, вернее, Таврического, периода будет отмечена как первый положительный результат революции. И с этого момента белая русская армия становится революционной армией в лучшем смысле этого слова.

Такова положительная часть моих крымских впечатлений. Не меньшее количество и отрицательных. Первый минус – город. Все города Крыма нищие. Они ничего не производят, но должны жить, и в своем переполнении являются бульоном для бацилл биологических, спекуляторских, моральных и политических. Город как элемент государственного организма отсутствует, ибо городское самоуправление, лишившись всех источников дохода, живет на средства казны, т. е. печатного станка, находящегося в руках правительства; торговля

существует только розничная и главным образом мелочная, уличная. Поэтому торгового класса как такового, как социального элемента, нет. Такое же состояние науки, школы, книги, банковского дела и всех прочих культурных функций города. Вы понимаете, что при таких условиях, при отсутствии города как организованной силы, горожане являются скопищем паразитов, живущих за счет правительства, которое и само-то еще не сформировалось. Перефразируя параграф университетского устава моего времени, касавшийся студентов, могу сказать, что крымские горожане суть отдельные посетители крымской ночлежки.

В такой атмосфере лохмотьев формируется будущее всероссийское правительство, кладется начало будущему российскому государству. Вполне естественно, что при таких условиях формирования элемент случайности, личных симпатий и старых знакомств играет доминирующую роль.

Ясно, что нужно организовывать город, и так же ясно, что это вне пределов возможностей Врангеля. Это дело должны делать русские торгово-промышленные люди заграницей и кадетская партия. Вот почему теперь более чем когда-либо я считаю заграничные кадетские организации крайне необходимыми. И мне представляется, что от этого никто из нас не должен отказываться, каковы бы ни были его старые переживания и личные ощущения.

Прежде чем перейти к техническим вопросам, к нам непосредственно относящимся, я попрошу Вас передать поручение Аркадию Альфредовичу [Борману]. Я очень прошу его приехать в Париж как можно скорее. П. Б. [Струве] сказал мне, что виза его уже устроена. Пусть он захватит с собою мою рукопись о Кавказе, если Liber[ation] Comm[itte] разрешит. У меня не осталось ни одного экземпляра, а она нужна нашему комитету для ознакомления. По ознакомлении верну обратно.

Разрешите продолжить в следующем письме. Поклон Гарольду Васильевичу.

Ваш Ю. Семенов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

1 Штерн Сергей Федорович (1886–1947) – общественный деятель, журналист. В 1919 эмигрировал, жил в Париже. В мае 1920 был избран в Парижский комитет местной кадетской группы, но в декабре 1920 из-за ряда разногласий вышел из его состава.

2 Михельсон Александр Михайлович (1843–1948) – экономист, специалист по финансовому праву, казначей Парижской кадетской группы. Экономический обозреватель газеты «Последние новости». Член Российского

общества Лиги народов. В качестве приглашенного лица входил в Банковский комитет.

[3] Ключников Юрий Вениаминович (1886–1938) – политический деятель, специалист в области международного права. В 1919 уехал за границу, член Парижской кадетской группы. Один из лидеров «сменовеховцев». Участник сборника «Смена вех» (Прага, 1921) и журнала «Смена вех» (Париж, 1921–1922). Вместе с Ю. Н. Потехиным основал газету «Накануне» (Берлин, 1922–1924). В качестве эксперта советской делегации участвовал в Генуэзской конференции (1922). В августе 1923 вернулся на родину.

Письмо А. В. Карташева

5/XI/[19]20, Париж

Дорогая Ариадна Владимировна!

Для меня к[а]д[ет]ство никогда не могло быть «мировоззрением»! Моя совесть была лишь в блоке с ним. Но никогда я так – не теоретически только – а эмоционально, не расходился с этой программно самой разумной для русского государства средой (сравнительно с другими), как в эти печальные дни.

Но, разойдясь в главном настроении с комитетчиками и не интересуясь их главным детищем – декларацией, мы с Д. Д. [Гриммом] (1) как-то пропустили сквозь уши без внимания несколько недопустимых деталей. Однако все равно главного: души и верности тона вложить было нельзя. Наши слова отскакивали и, часто я видел, искренно не понимались. Это привело меня в особое уныние. Тут моральная, национальная и государственная анестезия. Это симптом непоправимости. Мне стало ясно, что какие-то другие люди будут перволинейными творцами новой России, но, конечно, не эти. Сложилось настроение не тратить время на их заседания и комитеты и начать дело делать по-своему. Не буду болтать раньше приступа к делу, но в общем скажу, что хочется сесть за свой письменный стол...

Привет Гарольду Васильевичу.
Искренно Ваш
А. Карташев

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Д. Д. Гримм в 1919 эмигрировал в Финляндию, где входил в группу, возглавляемую А. В. Карташевым.

Письмо Н. И. Астрова

9 ноября 1920 г.
Dartmoor Sanat[orium]

Глубокоуважаемая Ариадна Владимировна,

Я начал писать Вам мое ответное письмо на Ваше послание парижским к[а]д[етам] в день получения Вашего письма и хотел поделиться с Вами моими невеселыми мыслями относительно Крыма. Но не успел докончить письма, как стали получаться страшные вести об отступлении Южной армии.

Известия эти заслонили все и выдвинули на первое место одно сознание величайшей опасности и одно чувство великого горя.

Это сознание и это чувство являются прямым и полным ответом и на Ваше письмо и на вопрос об отношении к Врангелю и его делу.

Пока Вр[ангель] держался и двигался, можно было рассуждать, предвещать, «давать советы». Но как скоро нависла опасность, непосредственное чувство живого русского сердца, чувство достоинства, гордости, надежды на жизнь – все сосредоточилось в одном призыве, в одной молитве: Господи, спаси дело Врангеля!

Что это в самом деле! Непобедимые!.. Обреченные!.. Что за фатальная роль Польши в эти трагические для России времена!

Год тому назад, по тайному соглашению с большевиками (говорят, что соглашение это не доказано) польские войска вдруг остановили наступление. Если даже не было предварительного соглашения, то поляки дали понять б[ольшевика]м, что дальше они не пойдут (это не лучше соглашения). Прекращение военных действий на польском фронте дало большевикам возможность бросить во фланг армии Деникина 47 тыс. сабель и штыков. Это и было ударом, вызвавшим поспешное отступление и дальнейшую катастрофу. После этого удара и началось разложение, распад, деморализация армии. Остановить это разложение в процессе отступления едва ли кто был бы в состоянии.

Теперь мир Польши с б[ольшевика]ми и снова все лучшие силы б[ольшевико]в брошены на армию Юга России.

Говорят, Крым обращен в неприступную крепость! Но теперь, при больших орудиях, нет неприступных крепостей. Если больших оружий нет у Перекопа, то они могут быть подвезены. Дело во времени. А между тем крепость окружена морем, без тыла, одна только крепость с 200 т[ыс]. беженцев, может вызвать изменение в психологии защищающихся, потерю того подъема, который сообщается при движении.

Вот это все томит душу. Как бы плохо ни расценивать то, что составляет крымскую политическую атмосферу, как бы безнадежны ни были лица, через которых Вр[ангель] пытается управлять, как бы ни были плохи услуги его великороссийских идеологов, как бы ни был [плох], наконец, он сам – угроза ему и его делу – протесту против б[ольшевико]в, создает великую тревогу и горе.

Хотя бы поэтому я глубоко сочувствую Вашему письму. Я не знаю, какие резолюции, или проекты резолюций Вы имеете в виду. До меня доходили слухи о каком-то докладе о положении дел в Крыму, о каком-то memento mori*, которое будто бы в виде записки собирались передать Врангелю. Но все это для меня осталось непроверенным. Я тотчас же написал Гронскому и просил поставить меня в известность о направлении мыслей Комитета и его намерениях. Но к[а]д[еты] не любят писать, или пишут, как говорят, очень длинно. Вероятно, поэтому я ответ не получил.

Думаю, что при нынешних обстоятельствах – никаких резолюций и memento mori никто писать не будет. Разве только можно было бы облечь в форму постановления – крик: «Скажите, чем в эти минуты мы могли бы Вам помочь?»; «Может быть у Вас есть такие стороны, которых мы не видим? Скажите и мы исполним все, что нужно, чтобы не погибло дело протеста, которое Вы совершаете!» Другой темы для кад[етск]ой резолюции в данное время не вижу.

Об остальном, что в период отсутствия опасности смущает меня, нет, более чем смущает, пока умолчу. Эти смущения касаются «государственности». Но о какой государственности можно говорить в осажденной крепости? Об этом, если будет у Вас оказия, поговорим как-нибудь после. Сейчас скажу только, что, соглашаясь со всем Вашим письмом, я не могу не возразить против сопоставления имен Носовича (1), Крыжановского (2) и Климовича (3). Назначение этих последних, конечно, не имеет ничего общего с назначением Носовича. Н[осови]ч, в худшем случае был пустым местом, но как известно, в условиях всяческой милитаризации, в период Особ[ого] Совещания министра внутр[енних] дел вообще не было, ибо функции этого министерства были узурпированы и Драгомировым, и Лукомским, и Чайковским и Главным штабом с его проклятой памяти контрразведкой. Если Н[осови]ч был пустым местом, то этого Вы, конечно, не скажите о выплывающих теперь фатальных фигурах.

С делом назначений там неблагополучно. Я не сравниваю, а просто констатирую. Вот в Высшее судилище, долженствующее дать воплощение идеи гражданина новой России – назначается ген. Макаренко (4) – клубный плут – выгнанный из Особ[ого] Совещания...

Не нахожу слов, чтобы благодарить Вас за внимание и заботу о моих духовных нуждах. Chartreuse** – пил медленно, смакуя, как хороший ликер. «Добычу» я читал в Рус[ской] мысли только с пропусками. С удовольствием перечитывал интересный, талантливо написанный роман. Интерес был особенно оживлен тем, что теперь я сам видел Кон[стантинопо]ль, а по ул. Ага Хамам даже жил. Яркие, полные солнца и движения картины радуют. А разбросанные по всему

* Помни о смерти *(лат.)*.

** Шартрез (ликер) *(франц.)*.

сочинению удачные «словечки», как вспыхивающие искры, освещают живые образы.

Я, как читатель, очень доволен романом и талантливой писательнице шлю свой искренний привет

Не откажите передать Гарольду Васильевичу мой низкий поклон и лучшие пожелания.

Искренне преданный Вам Н. Астров

Кто этот еврейский общ[ественный] деятель, которого звали в Крым? Не Пасманик?

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 20/XI.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

1 Носович Владимир Павлович (1864–1936) – юрист, государственный деятель. Бывший тов. прокурора Московской судебной палаты, обер-прокурор уголовно-кассационного департамента, сенатор. С июля 1919 член Особого Совещания, начальник управления внутренних дел. Эмигрировал во Францию.

2 Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935) – юрист, государственный деятель. Ближайший сотрудник премьер-министра П. А. Столыпина, участвовал в разработке важнейших законопроектов. Тов. министра внутренних дел (1906–1911); государственный секретарь (1911–1917). Эмигрировал, жил в Париже.

3 Климович Евгений Константинович (1871–1932[1930]) – директор Департамента полиции (февраль–сентябрь 1916); генерал-лейтенант, сенатор (1916). Участник Гражданской войны. С мая 1920 – начальник контрразведки в администрации П. Н. Врангеля. В ноябре 1920 эмигрировал в Югославию.

4 Макаренко Александр Сергеевич (1861–1932) – генерал-лейтенант, главный военный прокурор и начальник главного военно-судебного управления. Участник Гражданской войны. С октября по декабрь 1918 исполнял должность управляющего отделом юстиции в Особом совещании при главкоме ВСЮР. Эмигрировал.

Письмо А. И. Гучкова

13/XI–1920

Дорогая Ариадна Владимировна,

Если память мне не изменяет, Вы были выбраны в члены Учредительного Собрания (1). Может быть, это мне кажется потому, что если бы это от меня зависело, то я бы Вас выбрал или назначил, куда Вы только захотели бы, и даже куда Вы не захотели бы. Если память мне,

действительно, не изменила, то создайте для Англии такой К[омите]т, как предположено. Если изменила, то окажите Ваше содействие созданию такового. На Вас в том и другом случае все мои надежды.

Прибавлю, что Ваши генералы – Милюков, Винавер и Коновалов – запретили своим вступать в эти организации. Но появились открытые штрейкбрехеры – Д. Д. Гримм, Е. И. Кедрин (2), здесь В. Д. Набоков, И. В. Гессен в Берлине, М. В. Челноков и др. – в Балканских странах.

Материалы я послал Г. Г. Лерхе (3), т. к. они еще не размножены в достаточном количестве.

Очень обяжете, если возьмете на себя, при помощи Вашего милейшего мужа, перевести документы на английский язык и дать им широкое распространение. Один экземпляр не откажите прислать мне.

Душевно Вам преданный
А. Гучков

Спасибо Вашему мужу за письмо.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

[1] Тыркова не была избрана в Учредительное собрание.

[2] Кедрин Евгений Иванович (1851–1921) – адвокат, общественный и политический деятель. Министр юстиции в Северо-Западном правительстве (1919). С 1920 в эмиграции в Париже. Член Парижского комитета кадетской партии.

[3] Лерхе Герман Германович (1869–1963) – политический деятель. Один из основателей «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы. В эмиграции жил во Франции.

Письмо С. В. Паниной

22 ноября 1920
Dortmoor Sanatorium

Дорогая Ариадна Владимировна,

Спасибо бесконечно за Вашу доброту, мысль о нас и за все Ваши вести. Жалею только ужасно, что Вы ничего не сказали о своей дочке: имеете ли Вы какие-ниб[удь] вести о ней? Все эти дни думала о Вашем тяжелом беспокойстве и задала этот вопрос даже Исаеву во время Вашего отсутствия, думая, что он все будет знать от Вашего сына. Напишите что знаете, хотя чувствую, что даже и выехавшие ничего не могут еще сообщить нам с тех кораблей, на которых сейчас сидят. Какая мучительная тревога!

На письма Ваши отвечу хронологически. Третьего дня пришло первое, с квартирным вопросом. Застало оно нас в положении весьма

смущенном, ибо вот уже две недели, что t° у Ник[олая] Ив[анови]ча опять полезла вверх, а с 14-го он в постели. Плеврит обострился, и волна эта еще не начала убывать. Д[окто]ра говорят, что это обычная картина таких заболеваний, что это скоро пройдет и т. д., но понятие «скоро» вещь растяжимая и ясно, во всяком случае, что мы отброшены по крайней мере на месяц в деле поправки. Считаю поэтому, что раньше конца декабря мы отсюда не выберемся, т. е. по всей видимости проведем Christmas* здесь... Мало утешительного, но предпочитаю вооружиться терпением и не предаваться иллюзиям. Это ухудшение является указанием на то, как трудно основательно залечить такую дрянную вещь, как плеврит, и как сильно придется беречься еще всю эту зиму. Нине Александровне [Струве] я все же написала, тем более что без того собиралась ей писать, и попросила еще дополнительных сведений о квартире, сказав, что нужна нам квартира будет с 1-го января и чтобы она мне написала, когда они ее покинут. Если она действительно хороша, т. е. главное не сыра, и вполне меблирована, т. е. с бельем и посудой, то я считаю, что нам следует ее взять, даже заплатив за декабрь (если бы только быть уверенной, что к 1-му января мы переедем!), ибо без намеченной квартиры нам одна неделя в St Pères'ах будет стоить столько же, пока я буду искать квартиру. Если Вы были лично в Sonteney, можете ли Вы что-ниб[удь] сказать об общем виде и впечатлении местности и квартиры? Я просила Нину Ал[ександров]ну ответить на мои вопросы и дать мне возможность протелеграфировать ей окончательный ответ.

Сегодня пришло Ваше письмо на имя Ник[олая] Ив[анови]ча, и т. к. ему запрещено писать, то я хочу за него сказать Вам, что оно было для нас первой и жаждавшейся вестью о том, что делается в Париже среди наших знакомых и друзей. Ник[олай] Ив[анович], несмотря на жар и запрещение, написал в пятницу письмо Коновалову, копию с которого я в субботу отправила Павлу Ник[олаеви]чу [Милюкову]. Сидя здесь, оторванные ото всех и вся, мы тем не менее с первого же дня почуяли, какая начнется каша в эмигрантских головах вообще и в кадетских в частности и какие сложные и трудные возникнут вопросы. Он поторопился в этом письме указать на кажущиеся нам ясными мотивы декларации Юренева; это – необходимость сохранить организующий и связующий центр для всей нашей эмиграции и выехавшей армии, необходимость столь острую и существенную, что нужно ее понять и охранить. Он думает, что для аналогичной декларации со стороны Париж[ского] К[омите]та нет места, ибо никто вопроса о полномочиях Врангеля и не ставит, но в том же письме предлагал послать Врангелю от К[омите]та телеграмму с выражением преклонения перед памятью героев-подвижников, защищавших подступы к Крыму, признанием, что им и армией было сделано все для защиты чести

* Католическое Рождество (*англ.*).

России, для борьбы, кот[орая] оказалась непосильной, и надежды, что он найдет в себе силы продолжить борьбу и спасти жизнь и будущее выселившимся вместе с ним в чужие земли – русским.

Как видите – наши мысли и желания встретились, и мы очень рады, что Вы написали нам о произошедшем инциденте с П. Н. [Милюковым] (1). Всецело присоединяемся к оценке Г[арольда] В[асильеви]ча. Бывают у людей поразительные и ничем не победимые душевные тупости.

На это сегодня и кончаю, чтобы не пропустить почту. Куда, по какому адресу вернуть Вам «Chartreuse de Parme» (2)? А Ваш роман разрешите задержать – мне тоже хочется его прочесть.

Сердечный привет Вам и Г[арольду] В[асильевичу] от нас обоих.

Ваша С. П.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

1 П. Н. Милюков отказался подписать приветственную телеграмму в адрес П. Н. Врангеля, прибывшего вместе с эвакуированной Русской армией в Константинополь.

2 «Пармская обитель» (роман Ф. Стендаля).

Письмо С. В. Паниной

1-го декабря 1920
Dartmoor Sanatorium

Дорогая Ариадна Владимировна,

Невыразимо порадовали Вы нас сегодня Вашей доброй вестью о дочке – я так чувствовала Вашу тревогу, что и спрашивать-то Вас боялась! Ну, слава Богу, что она в К[онстантино]поле. А. Г. Пашкова также обрела там своего сына. Спасибо и за сведения о Париж[ском] к[омите]те. Конечно, мы ничего, кроме газетных сведений, не знаем, ибо все парижане свиньи ужасные и не только сами не пишут, но и на письма не отвечают. Пожалуйста, сообщайте нам все, что можете в виде каких-либо подробностей. Как я рада, что Гримм и Карташев отстаивали то, что для меня является элементарным делом чести и совести! Я уверена, что с нами и Родичев, и просто не понимаю, как могла взять верх такая моральная аберрация! Вообще, действия Париж[ского] к[омите]та нам с Н. И. [Астровым] так не по душе, что он пишет тут, слагая с себя звание товарища председателя и прося печатно указать на то, что он с августа не принимает участия в его «трудах».

Засим у меня у Вам большая книжная просьба: не можете ли Вы у кого-ниб[удь] раздобыть что-ниб[удь] из след[ующих] русских книг:

Пушкин, Лермонтов, Ал. Толстой, Печерский, Ключевский, Костомаров, Платонов, Вл. Соловьев. Нет ли кого-ниб[удь] из них у Pares'a? или у Дионео? Для нас книги здесь – все, а Н[иколаю] Ив[анови]чу, при небольших его силах, трудно всегда читать иностранные или тяжеловатые книги. Не одолжат ли нам этих писателей на время? Из второй плевритной волны он еще не выплывает, можно только сказать, что вот три дня, что положение не ухудшается, но падение t° еще не началось. Пролежать придется еще долго, да и беречься потом, пока легкое не придет в полный порядок. Писать ему строжайше запрещено, вот почему он лично не отвечает на Ваше письмо, за кот[орое] очень благодарит. Напишите, кто дальше будет с Liber[ation] Committee? Ездил ли П. Н. [Милюков] в Париж? Получил ли он мое письмо с копией письма Н. И. [Астрова]? К великому нашему удивлению, он в «New R[ussia]» признал, что Врангель является единственным носителем власти и в этом совершенно разошелся с парижанами. Но как же тогда объяснить его отношение к телеграмме?

Получили ли Вы «Chartreuse de P[arme]», посланную на Fleet Street?

Всего Вам хорошего, и самый сердечный привет Вам и Г. В. [Вильямсу] от нас обоих.

С. Панина

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо С. В. Паниной

15 дек[абря] 1920

Дорогая Ариадна Владимировна,

Спасибо за письмо Ваше и Долгоруковское, а также за две рубашки, кот[орые] только что получила и кот[орые] пришли очень кстати. Теперь еще жду cardigan jacket* (ведь Вы получили мое письмо с подробностями?), ибо мерзнем мы жестоко и я ужасно боюсь как бы этот суровый режим не испортил дела. Простите ради Бога за все эти просьбы и возлагаемые на Вас хлопоты, но здесь ничего нельзя достать, а вещи эти очень, очень нужны. Ведь какая зима завернула! Снег лежит толстым слоем, как у нас в России, и было бы очень хорошо, если бы не обязательство иметь и в комнатах ту же t°, что на улице. При этом писать почти невозможно, ибо приходится это делать в перчатках.

Относительно нужды наших товарищей и друзей в К[онстантино]-поле могу только сказать, что из парижан, безусловно, есть деньги у Аджемова, и я думаю, что Вы могли бы послать ему лично это пись-

---

* Кардиган, шерстяная куртка на пуговицах, без воротника (*англ.*).

мо Долгор[уко]ва, ибо он в Комитет не ходит, и спросить его, не захочет ли он помочь им? Говорю это, пот[ому] что знаю, что он нынче летом получил от одного Манташова (1), за продажу его нефт[яных] промыслов 2 миллиона франков куртажу – неужели же он не поможет своим товарищам по ЦК? Я нахожу, что необходимо даже к нему обратиться, и если он не поможет, то пускай публично и распишется в своем свинстве.

Жалею больше, чем могу выразить, о том, что не могу принять участия в работе на помощь беженцам нашим, но Вы же сами понимаете, что сейчас это совершенно невозможно. Н[иколай] Ив[анович] в постели, без всякой еще перемены в своем состоянии, и был бы абсолютно беспомощен в среде, где ни одна живая душа не говорит ни на каком языке, кроме английского. А когда он поправится, нам необходимо будет немедленно же уехать во Францию, т. е. куда-ниб[удь], где теплее и суше. В Лондоне я, так[им] образ[ом], никаких корней пускать не могу. Но скажите мне, что это за «Колонизационное о[бщест]во» (2) у Вас организуется?! Именно в этом направлении у меня работали все мысли, и я обрадовалась, услышав случайно об этом названии организации. Надеюсь, что Вы будете работать в этом направлении. Вчера Н[иколай] Ив[анович] отправил длинное политическое письмо Милюкову, а копию оного – Коновалову. Это развитие мотивов его ухода из президиума К[омите]та и выражение его расхождений со всей тактикой К[омите]та за последнее время, поведшего свою линию на [э]с[е]ров. Мы удручены протоколами заседаний К[омите]та, кот[орые] прочли. Это устремление к «власти» во что бы то ни стало – невыносимо! А теперь [э]с[е]ры наклеили им нос, отвернувшись от Нац[ионального] к[омите]та и затеяв опять свою Учредилку. И я очень рада, что они получили такое возмездие за свое поведение по отношению к армии!

Ну, до свидания, а то я еще долго буду шипеть. Сердечный привет всему Вашему семейству от нас обоих.

Ваша С. П[анина]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

1 Манташев (Манташянц) Левон Александрович (1877–1927) – армянский нефтепромышленник. Председатель правления нефтепромышленного и торгового общества «А. И. Манташев и К°» и нефтепромышленного и торгового товарищества «Братья Мирзоевы и К°». С 1917 в эмиграции.

2 Русское Колонизационное общества было создано в Лондоне в 1920 с целью сбора сведений о местах, пригодных для расселения русских беженцев, обеспечения их правовой и материальной поддержкой. Тыркова возглавляла Общество.

Письмо А. И. Гучкова

25/XII–1920
Berlin. Elsstalzstr. 2

Дорогая Ариадна Владимировна,

Сегодня через Париж получено Ваше письмо от 19-го. Я здесь уже с неделю у своих. Вероятно, через некоторое время буду опять в Париже, а потом и дальше.

Конечно, и Врангель, и его армия, и все «белые» начинания лежат в могиле: они похоронены соединенными усилиями своих соотечественников, своих сотрудников, своих союзников, отчасти (но меньше всего) своих противников. И Милюков, и его ближайшая партийная свита вбивают в могилу осиновый кол, – чтобы они никогда уже не могли встать. Видел здешних к[а]д[етов] – Набокова, Гессена, Новгородцева. Они официальным образом расходятся с М[илюковым] и в большом, и в малом. В частности, они принимают самое горячее участие в создании здешнего «Парламентского к[омите]та» (1). Прочитал в сегодняшнем номере «Руля» статью Милюкова «Политики и политиканы» – его полемику с редакцией и ответ редакции. Статья заканчивается заявлением, что в том факте, что он, М[илюков], будет сидеть рядом с Керенским на съезде членов Учр[едительного] Собрания, он, М[илюков], «видит первые лучи зари русского возрождения». Ведь бедный М[илюков] просто поглупел и даже утратил чувство меры в глупости.

Душевно Ваш А. Гучков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

1 Проект положения о Парламентском комитете был выработан инициативной группой во главе с А. И. Гучковым. Комитет создавался с целью осведомления «иностранных парламентов, фракций их и отдельных парламентских деятелей о положении в России», а также «укрепления связи и развития сотрудничества между русскими и иностранными парламентскими деятелями для защиты интересов России». В его состав могли войти бывшие выборные члены русских законодательных палат: Государственной думы, Государственного совета и Учредительного собрания.

1921

Письмо С. В. Паниной

12 янв[аря] 1921
Dartmoor Sanat[orium]

Дорогая Ариадна Владимировна,

Вчера получила я прилагаемое письмо от Маклецова, кот[орое] обращено столько же к Вам, сколько ко мне, практически я отсюда совершенно бессильна помочь и могу только передать это письмо Вам. Из него Вы увидите, что необходимо было бы переговорить с Children Fund'ом*. Неужели они не согласятся продолжить свои скромные ассигнования через Major <фам. нрзб.>? Казалось бы, что просьба эта не безнадежная. Мож[ет] быть, Вы и Анна Сергеевна [Милюкова] сможете убедить их в невозможности уничтожать то, что было уже создано при их помощи. Когда Вы используете письмо Маклецова или, правильнее, снимете копию с необходимой его части, будьте добры мне его вернуть.

Еще посылаю Вам разные политические документы, полученные от Юренева. Вероятно, Вы все это уже имеете, но если нет, то прочтите. Письмо тоже имеет гораздо больше значения для Вас, нежели для меня, ибо вопрос идет об образовании в Лондоне «К[омите]-та полит[ического] объединения» по программе К[онстантино]польского (1). К сожалению, нахожу, что основные пункты «Объединения» неудачно формулированы, хотя совершенно согласна с ними по существу. Под такую формулировку никто не пойдет, кроме определенно правых, тогда как, иначе выразив ту же самую мысль, фронт получился бы гораздо шире. Юренев это сделал в частном письме к нам. Думаю, что Вы настолько заняты беженцами, что до политики не дорываетесь. Но что написать мне по этому поводу в К[онстантино]поль? Скажите мне свое мнение.

Ваше «Добыча» у нас свято хранится, но мы ее Вам не возвращаем, пот[ому] что и мне хочется ее прочесть, а между тем все не могу выкроить времени. Если прикажете вернуть, сделаем это немедленно.

Сердечный привет Вам и Г. В. [Вильямсу] от нас обоих.

Ваша С. П[анина]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

1 Политический объединенный комитет был создан в Константинополе в конце 1920. В его состав входили кадеты, народные социалисты, представители Земского союза, Союза городов, Красного Креста, коо-

---

* Детским фондом *(англ.)*.

перативных организаций. Выступал за продолжение вооруженной борьбы с большевизмом, за сохранение русской армии, признавал в лице ее главнокомандующего П. Н. Врангеля преемственного носителя русской государственности, однако настаивал на участии в гражданском управлении общественных деятелей (с решающим голосом). Возглавлял Комитет П. П. Юренев.

Письмо В. А. Оболенского

8/II.1921
Париж

Дорогая Ариадна Владимировна!

Пишу Вам из Парижа, куда только что приехал. Здесь меня избрали в земско-городской комитет помощи беженцам, я занят и в бюро комитета, возложив на меня* вместе с В. В. Вырубовым обязанность по заведованию колонизационным отделом. Пока мы только собираемся работать, ибо денег еще не имеем. Ждали переговоры Львова с Брианом. Однако считается, что деньги у нас будут, а потому готовимся развернуть работу, в частности наиболее трудную и ответственную – по <1 нрзб.> Ко времени моего отъезда из Константинополя там дело начинало налаживаться в организационном отношении, но полное отсутствие денег у правительства и общественных организаций держало нас в заколдованном кругу предварительных рекогносцировок и благих пожеланий. Вы, вероятно, получили уже из Константинополя материалы о нашей там, с позволения сказать, работы. Буду посылать Вам и отсюда все, что мы будем рассуждать и Бог даст делать по колонизации. В сущности, если были бы деньги, то ни о какой заморской эмиграции не нужно было бы думать. Вероятно, для всех желающих нашлись бы свободные земли на опустошенных Балканах и таким образом сам собой отпал бы вопрос, кто те люди, о которых мы заботимся – армия или беженцы. Возможность в нужный момент мобилизовать на Балканах силы для антибольшевистского похода вполне удовлетворила бы тех, кто не хочет расстаться с мыслью о существовании армии и, с другой стороны, и тех, для кого слово «армия» жупел, были бы удовлетворены <1 нрзб.> перековывания мечей на плуги. А, главное, сами наши беженцы-воины были бы счастливы осесть вблизи родины. Но деньги, деньги и деньги! Боюсь и почти уверен, что мы уже пропустили возможность устроить беженцев на земле в текущем с[ельско]хоз[яйственном] году. И перспективы поэтому невеселые. Ради сокращения срока до урожая, естественно приходится обращать взоры на южное полушарие, а следовательно, на заокеанскую эмиграцию. Пришлите нам сюда, пожалуйста, все ма-

* Так в тексте.

териалы по вопросу о колонизации, какие у Вас имеются. Вы писали, что выслали их мне в Константинополь, но я их тогда и не получил.

О политических комбинациях не пишу Вам. Здесь кипят политические страсти, но я для себя решил, что в той комбинации, какая создалась, лучше всего на время совсем отойти от политики. Видел Н. А. Струве и узнал от нее, что посылка, которую я послал Асе (1) и которой она наслаждается, как дикарь, идет от Вас, или, точнее, от Вашей belle fille*. Премного благодарен.

Привет всем Вашим
Ваш В. Оболен[ский]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

1 Оболенская Александра Владимировна (1897–1974) – дочь В. А. Оболенского. Эмигрировала в Белград, затем переехала в Париж. Активная участница Русского студенческого христианского движения (РСХД), член Братства Св. Софии. В 1937 приняла постриг. Одна из основательниц женской монашеской общины в Муазне-ле-Гран, под Парижем. С 1947 член правления женской Покровской обители в Бюсси-ан-От (деп. Йонна).

Письмо М. М. Федорова

15(2) марта 1921 г.

Дорогая Ариадна Владимировна,

Спасибо за письмо. Фенина (1) видел и ознакомился со всеми соображениями, высказанными Вами и дополненными в Вашем письме. Я немного знаком с не особенно благоприятной лондонской обстановкой, но думаю, что и у Вас найдется пригодный для русского национального дела материал. Есть он и в торгово-промышленной среде, есть и в кооперации. Возьмите, напр[имер], лондонское отделение сибирских маслоделов (59, Eastchey E.C.3 Mincing Lane Honte), оно пойдет несомненно с нами. Кадет не много, но Вы, гр. Панина, Астров – люди, с которыми винаверо-милюковской обэсерившейся комбинации придется считаться. Нельзя ли использовать проф. Виноградова (2) и имеющийся, кажется, в Лондоне академический союз? Найдутся и среди умеренно-правых такие, которым нам будет по пути. Возьмите хотя бы гр. Игнатьева, председателя общества Кр[асного] Кр[еста].

Объединение лондонское на нашей платформе не только желательно, но и необходимо и, если Вы настоящим образом захотите, Вы

---

* Невестка *(франц.)*.

сумеете его создать. Я полагал бы, что серьезное место в нем должно быть отведено торгово-промышленной и технической группам (у Вас есть союз русских инженеров) в связи с тем, что деловой работой в области будущей нашей экономики придется нам в первую очередь заняться. Как ни далеки Вы от торгово-промышленной среды, но если почувствуете, что национальное дело того требует, дорогу к ним Вы найдете.

Вы пишете, что события в России могут все наши планы перевернуть. А я думаю наоборот. Эти события показывают, что Россия жива, но они же свидетельствуют о стихийности и неорганизованности движения. Мы этому движению должны помочь и сами должны начать с организации и объединения. Под большевиками зашатался фундамент, на котором они обманом уселись. Есть, следовательно, надежда, если мы будем умнее, ускорить возврат на родину, к <1нрзб.> там работе, так неужели же не охватит нас всех объединяющий национальный порыв, который позволит нам организованно помочь восставшему народу использовать и армию? Надо будет неизбежно действовать и на союзников, но только авторитетное объединенное представительство может дать в этом отношении результаты. Ход событий требует от нас действия, и отказываться от него мы не имеем права. Организуйте здоровую часть лондонской колонии. Начните с небольшого наиболее надежного ядра и от него сейчас дайте нам авторитетное представительство в нашу временную пока организацию [–] Комитет национального объединения. Деньги на проезд мы изыщем. В дальнейшем Вы будете расширять свое объединение, а мы, укрепляя связи со всей зарубежной Россией, найдем и моральную силу и средства для действия. Вспомните свои же слова о кадетах, способных к критике и не способных к действию. Отрешитесь от этого греха и начните действовать: Россия повелительно требует этого от всех нас.

Жду скорого ответа.
Искренне преданный и уважающий Вас
Ваш Мих[аил] Федоров

P.S. Высылаю Вам на днях краткий отчет о ходе нашего дела.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

1 Фенин Александр Иванович (1866–1944) – горный инженер, шахтовладелец, управляющий ведомством торговли и промышленности в Особом совещании при главкоме ВСЮР.

2 Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк-медиевист, академик (с 1914). Профессор Оксфордского университета. После Октябрьской революции 1917 – английский подданный.

Письмо С. С. Ольденбурга

3-го сентября 1921 г.

Многоуважаемая Ариадна Владимировна,

Присылаю Вам наконец статью о ростовских поэтах. Меня самого она не особенно удовлетворяет. Цитаты из Рюрика Рока (1), по-моему, интересны – за границей поэмы не появлялись – но, м[ожет] б[ыть], в переводе они много потеряют. О содержании беседовал с самим Роком, и он мне разъяснил многое неясное. (Братья Альшванс – магазин готового платья, Ванбраг – шляпы; Бландов, Вы верно знаете, молочная и т. д.) Если сочтете нужным, сократите, и цитаты и текст.

Собираюсь в Софию – в редакцию «Русской Мысли», по крайней мере на несколько месяцев. Нахожусь в периоде ожидания виз.

Большевики извлекли из голода все, что могли, а теперь вероятно толки о нем несколько затихнут. Золото у них еще есть, товары начинают поступать. Сейчас – снова одна из высших точек их могущества, как было, н[а]пр[имер], в марте 1920, в ноябре-декабре 1920 г. Если сейчас экономическое положение несколько хуже у них, чем тогда – зато много прочнее политическое. С конца осени примерно линия опять пойдет вниз, и критический период, как всегда, февраль-март. Сейчас большевики сокращают свой административный и промышленный механизм. Это значит, что пайки они будут выдавать $^1/_2$–$^1/_3$ прежнего числа людей. Может ли это вызвать серьезные волнения в обрекаемой на голод части? Так как в нее войска не войдет, то вряд ли, но, во всяком случае, это существенная перемена; и так как отобрать эти $^1/_2$–$^1/_3$ нелегко, то еще нельзя сказать, осуществится ли эта реформа.

Здесь сейчас Глеб Петрович [Струве], он рассказывал о спорах, происходивших у Вас. Не думаете Вы разве, что в настоящее время нужна глубокая переоценка ценностей, что поучителен не только период большевизма, но и весь опыт Временного Правительства, что так называемое интеллигентское мировоззрение было неправильно в корне? В крайних правых есть, конечно, свои дефекты, – прежде всего они в большинстве случаев невежественны и политически суеверны, – но и они являются «новым словом» после трафаретов. Как без решимости идти налево дальше себя самих – нельзя было сделать революции, так – без такой же решимости направо – нельзя ее преодолеть. Борьба проходит через века и есть одна традиция – революций через Спартака, Жакерию, Стеньку Разина до большевиков, и другая [–] через Суллу (2), рыцарство, старый Версаль, Священный Союз – до тех, кто большевиков преодолеет (если им не суждено завоевать весь мир!). И те и другие примеры – крайние выражения. Но без понимания одной крайности, без некоторого притяжения к ней, нельзя преодолеть другой. В итоге всегда выходит какая-то средняя линия, но в эпохе борьбы нельзя эту среднюю линию возводить в принцип,

как можно в мирное время балансировать между несколькими государствами, а когда война – то нужно быть либо с одной, либо с другой стороной (нейтральные – на войне в счет не идут!)

И мне кажется, нечего бояться блока с Марковым 2-м: кто будет руководить блоком – зависит от энергии, умения и обстоятельств; если Вы верите в энергию свою и своих и в то, что историческая правота на Вашей стороне – то Марков и т. д. явятся для Вас как бы пушечным мясом; а если Вы думаете, что он сильнее, что он воспреобладает – то разве он не лучше большевиков, при всех его недостатках? Разве тогда бороться с ним – не значит помогать большевикам? Говорю о Маркове символически, не он, так другой; он сам – недостаточно крупная личность, чтобы стоило много о нем спорить.

Передайте, пожалуйста, привет Гарольду Васильевичу, Арк[адию] Альфр[едовичу] и всем Вашим. Всего хорошего.

С совершенным почтением
Искренне преданный Вам
С. С. Ольденбург

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Рукопись. Автограф.

---

1 Рюрик Рок (Рюрик Юриевич Геринг) (1898–?) – поэт, входил в литературную группу «Ничевоки» (сложилась в 1920 при Союзе поэтов в Ростове-на-Дону).

2 Сулла (Sulla) Луций Корнелий (138–78 до н. э.) – древнеримский государственный деятель, военачальник, диктатор (82–79 до н. э.), изобрел способ составления проскрипций (списков лиц, объявляемых вне закона) как орудия массового политического террора.

Письмо Н. И. Астрова

16 ноября 1921 г.
Pension Rocina, Chemin des Cottgesy
Geneva

Дорогая Ариадна Владимировна,

Позвольте ответить на Ваши два письма от 8 и 12 ноября по пунктам.

1. Почему нет в воззвании Конст[антинопольско]го Комитета <1 нрзб.> и упоминания о кормлении 11 000 детей Save the Children Fond'ом* – я не знаю. Эта помощь оказывается давно, и эти дети, очевидно, не вошли в категорию погибающих от голода русских в Кон[стантинопо]ле. Детей в К[онстантино]поле только 4000, да

---

* Фонд «Спасите детей» (*англ.*).

и то не все, конечно, получают паек SCF. Цифра же 11 000 относится к кормлению русских беженских детей по всей Европе, т. е. в разных балканских и лимитрофных странах.

2. Визами для студентов, детей, перевозимых из Кон[стантинопо]ля в Прагу (гимназия 650 человек) и земледельцев – 5000 чел. (из них пока Чехия принимает только 2000) – занимаются все, и, вероятно, поэтому дело до сих пор плохо организовано. Неожиданными помехами оказались Карл со своей затеей, чуть было не вызвавшей войны, непонятное сопротивление со стороны Софии, отказывавшей в транзитных визах и неорганизованность Верх[овного] Ком[иссариа]та. Теперь дело сдвинулось. Имеем сведения, что из 1000 студентов доехало 700 человек до Праги, а 14 ноября кн. Петр Долгоруков телеграфировал, что морем, через Триест въехали в Чехословакию 858 земледельцев, 25 женщин, 4 ребенка и 101 студент.

3. Нужно самым решительным образом опровергнуть слухи о том, что Амер[иканский] Кр[асный] Кр[ест] продолжает свою помощь до января. Ам[ериканский] Кр[асный] Кр[ест] 12 сент[ября] передал свои остатки стоков рус[ским] организациям. Остатки эти ничтожны. Их продукты питания иссякнут в ноябре, остаются пуговицы, тесемки и т. п. «остатки». Ам[ериканского] Кр[асного] Кр[еста] больше нет. Он ушел.

4. Виктор Николаевич Челищев проживает в Serbie, Banat, Zombolja, Castel. Знаю, что ему с его громадной семьей (хилая жена, три мальчика от 12 до 5 лет, три девочки от 20 до 16 лет) очень трудно. Были приняты меры поддержать его материально. Но посланное иссякло. Думаю, что Вы сделаете доброе и хорошее дело, если спишетесь с ним и просто спросите, что нужно для его детей.

5. Наш дорогой Ф. И. Родичев был очень опасно болен воспол[ением] легких и вспышки старого туберкулезного процесса. Теперь он поправляется, но еще очень слаб. Его нужно отправлять на юг Франции, а денег нет. Его поддерживают, но эта поддержка должна быть длительной и очень длительной.

6. Только что вернулся из Парижа. На днях вышлю Вам свой доклад. Из него Вы увидите новое направление в политике В[ерховного] К[омиссариа]та. Парижские сферы – убийственны. Взаимное подсиживание и ненависть омерзительны, и это не только в области политических отношений. То же разложение проникает и в простые человеческие отношения.

7. Недавно в Лондон приехала Мар[ия] Пав[ловна] Ватсон – моя старинная сослуживица по Моск[овскому] гор[одскому] общ[ественному] управлению – умная, наблюдательная женщина. Позовите ее к себе, послушайте, м[ожет] б[ыть], скажет Вам кое-что интересное. М[ожет] б[ыть], она поможет Вам в Ваших трудах. Она изумительный работник. Ее адрес: 40 Hollend Park.

8. Теперь самое для меня главное: позвольте просить Вашего разрешения выслать Вам некоторое количество денег и просить Вас

отправить через Гуверовскую организацию посылку моей матери. Я только что узнал, что она жива и получил несколько отрывочных сведений от своих. Куплю доллары и перешлю Вам их с адресом. Можно?

Душевно преданный Вам
Н. Астров

София Влад[имировна] и я шлем Вам и Гарольду Вас[ильевичу] и всем Вашим сердечный привет.

Н. Аст[ров]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

Письмо А. И. Гучкова

17/XI–[19]21
Paris 16 rue. 37 rue Poussin

Дорогая Ариадна Владимировна,

Прочел сегодня Ваш протест против Нансена в «Общем деле». Несколько дней тому назад я послал Вам кой-какой материал по этому вопросу. Но по ошибке мой племянник адресовал Вам по Вашему старому адресу. Получили ли?

Теперь посылаю Вам новый материал. Надо сказать, что тупость Нансена и наглость его сотрудников (Фрика (1), Шлезингера (2)) таковы, что нападки непосредственно из русского «белого» лагеря им нечувствительны. Нападки эти находят-де себе объяснение в политическом parti-pris* этих кругов.

Если Вы найдете подобный материал подходящим и возьмете использовать его в английской прессе, сообщите мне: я буду посылать Вам по мере накопления.

Искренне преданный
А. Гучков

Сердечный привет Mr.Williams'у и Вашей молодежи.

Посылаю Вам одну справку о якобы планах Англии и Франции относительно России. Не ручаюсь за достоверность.

Первый пакет был послан заказным по адресу: 47 Woodville Gdns, Ealing, London.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

[1] Фрик Эдуард – гражданин Швейцарии, в начале 1918 назначен представителем Международного комитета Красного Креста (МККК) в России,

---

* Предвзятое мнение (*франц.*).

с октября 1918 занимался в Женеве снабжением и репатриацией российских военнопленных, возглавляя деятельность МККК в Восточной Европе. В 1921–1922 помощник [секретарь] Верховного комиссара по делам русских беженцев Ф. Нансена.

[2] Шлезингер (Schlesinger) Мориц (1896–1974) – немецкий предприниматель, возглавлял германскую организацию по отправке на родину русских пленных из Центральной Европы, представитель Верховного комиссара по делам русских беженцев Ф. Нансена по Германии.

Письмо Н. И. Астрова

18 ноября [19]21
Pension Racine, Chemin des Cottages, Geneva

Дорогая Ариадна Владимировна,

Несказанное спасибо Вам за указание возможности оплатить выдачу провизии в Москве и за разрешение просить Вас произвести эту операцию.

Посылаю Вам двадцать долларов на два заказа – один для Москвы для моей матери, другой для Петербурга от Софии Владимировны.

Оба адреса прилагаются на отдельных записках. Из осторожности не называю имен моей матери, не даю ее адреса, а пользуюсь посредством третьего лица, которое уже уведомлено, кого нужно понимать под именем «Юленька». Конечно, не могу назвать и себя. Пускай расписку доставят на имя лица, которое Вы укажете. Расписку же г-жи Ренфельд Вы потом перешлете мне, если этой радости дождусь.

Еще раз сердечное спасибо!

Прочитал сегодня утром Ваше письмо в «Общем деле». По существу написанного, конечно, ничего возразить не имею. Но мне хотелось бы обратить Ваше внимание на опасную сторону односторонних нападок без предварительной подготовки заместителя. Если мы не заручимся предварительно согласием Англии и Франции заменить Фрика-Нансена нашим кандидатом, тогда может произойти такая история: Нансен скажет, уступая желаниям русских, я оставляю беженское дело и прошу Совет Л[иги] Наций назначить на мое место моего хорошего друга, который не связан с Сов[етской] Россией и будет специально и исключительно заниматься устройством судьбы русских за границей. Этот друг может оказаться настоящим иностранным большевиком.

Тогда нам придется опять начинать кампанию по дезавуированию и этого господина. В конце концов мы потеряем всякое участие к нам и правительств и гуманитарных организаций.

Опять повторяю, только подготовив почву в Мин[истерст]вах иностр[анных] дел Англии и Франции, можно начинать валить или разъединять противоестественно соединенные два дела помощи го-

лодающим русским в России и помощи голодающим русским вне России. Эту операцию разъединения нужно совершать так, чтобы отдаленное беженское дело вновь не выпало из наших рук, как это уже раз случалось.

К тому же думается, что пропаганду нужно будет начинать не столько в русских, сколько в иностранных газетах.

Поимейте это в виду в Ваших дальнейших действиях.

Всем мой сердечный привет.
Искренне Ваш Н. Астров

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

1922

Письмо В. А. Маклакова

14-го сентября 1922 года

Дорогая Ариадна Владимировна,

Я несколько задержал Вас с ответом, потому что хотел дождаться заседания Финансового Совета (1); но сейчас, к своему сожалению, вижу, что рискую тем, что письмо не застанет Вас в Nauheim. Все равно, надеюсь, его перешлют.

Вчера было заседание Совета, но к окончательному решению не пришли; это не беда, потому что принципиально дело складывается так, что, вероятно, ассигнование будет сделано. Этому очень помог Бахметев, и без него, я думаю, что ничего бы выйти не могло, так как все мои аргументы я уже исчерпал в предыдущие разы; кроме того, я мог говорить только исходя из общих соображений, так как личных наблюдений и впечатлений у меня не было над английской жизнью. Но только здесь есть закорючка. Пишу Вам конфиденциально, потому что может быть ее можно вынуть, не задевая чьих-либо самолюбий. Дело в том, что Ваше учреждение, Liberation Committee, здесь имеет с некоторого времени плохую прессу. С тех пор как Комитет выступил с самостоятельным обращением к Нансену по поводу паспортного вопроса в полном противоречии с той позицией, которая была здесь выработана и которую и я лично считаю правильной, потому что она была единственная возможная, к Вашему Комитету сложилось неблагоприятное отношение; Вы должны понять это сами, что как-то дико самим поддерживать учреждение, которое sans crier gare* в такую ответственную минуту и в таком ответственном вопросе выступает с заявлением, противоречащим нашей политике. Вы, конечно, властны делать, что хотите, но для нас было бы непоследовательно самим под-

* Без предупреждения, неожиданно (*франц.*).

держивать себе оппозицию. Конечно, можно многое сказать против этой точки зрения, если бы защищаться перед третьим лицом, но когда в этом приходится убеждать тех, против кого Вы выступили, то дело это бесконечно сложнее; это во-первых. Во-вторых, и это уже строго между нами, среди членов Вашего Комитета есть лица, тоже не пользующиеся доверием некоторых из нас; nomina sunt odiosa*. Все это было причиной того, что наши с Бахметевым выступления в Финансовом Совете встречали вежливое, но и холодное молчание с упоминанием прошлого греха и с указанием, что некоторые из Ваших сочленов недостаточно дисциплинированы, чтобы не повторить этого еще раз в еще больших размерах в будущем. Ввиду всего сказанного мы пока не вынесли решения, но мне поручено позондировать частным образом, нельзя ли было бы Вам по крайней мере в отношении к нам изменить свой флаг. Ведь здесь возможно все. Начиная с полной реформы комитета на других основаниях до перемены чисто фасадной. Лично Вы и Ваш муж не встречаете никаких возражений, пользуетесь полным доверием Совета. Если бы было возможно поставить дело так, чтобы деньги были даны Вам на политическую работу в Лондоне, то подобного рода предложение имело бы больше шансов. Вы уже сами могли бы в порядке распоряжения этими деньгами передать их от себя комитету. Такая постановка дела облегчила бы ассигнование, но, конечно, если это останется только фикцией, Вы будете только передаточной инстанцией, а комитет будет считать целесообразным и правильным, может быть, не только вести линию против нас, но и прямо нас ругать, то ввиду того, что ничего на свете не остается тайной, на Вас будет не только большая претензия, но Вы и меня и себя поставите в ложное положение. Поэтому подумайте сами, но только строго конфиденциально между нами, потому что я не хочу ссорить Финансового Совета с Вашим комитетом, что можно было бы придумать, чтобы облегчить ассигнование. Я не сомневаюсь тогда, что его можно будет провести. Еще скажу Вам тоже между нами, что и Бахметев находит, что такая позиция была бы удобнее; прежние группировки, органы и комитеты вообще устарели и жизнь требует перегруппировок и переорганизаций, давая для них и внутренние и внешние поводы. Вы, может быть, могли бы этим воспользоваться.

Предан[ный] Вам Маклаков

P.S. Сейчас мне принесли для подписи журнал Фин[ансового] Совета; там буквально сказано: «Просить В. А. Маклакова предварительно снестись с А. В. Тырковой в целях выяснения более детального плана предполагаемой его деятельности». А на деле не то, что я Вам говорил.

P.P.S. О Вашей племяннице не знаю ничего. Иногда встречаю ее, но это <2 нрзб.> и она всякий раз спрашивала, можно ли прийти и при-

* Об именах лучше умолчать (*лат.*).

нести деньги, кот[орые] я дал ей из Посольства, но потом никогда не приходит в назначенное время. Говорила, что себе <1 нрзб.> и нашла место, но не знаю, насколько правда.

Пометка А. В. Тырковой: «Отв[ечено] 23.XI.».

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. На бланке «Российское посольство в Париже». Машинопись с рукописной вставкой. Оригинал.

---

[1] Финансовый совет был создан в феврале 1921 в Париже при Совещании послов как орган, призванный управлять русскими активами за границей и распределять денежную помощь среди различных эмигрантских организаций. Возглавлял Совет старшина российского дипломатического представительства М. Н. Гирс, членами Совета являлись В. А. Маклаков, Г. Е. Львов, М. В. Бернацкий, Б. А. Бахметев и др.

1923

Письмо Ю. Ф. Семенова

24-II 1923

Дорогая Ариадна Владимировна,

Приехал благополучно в Париж, хотя всю дорогу промучился с зубами. Очень жалел, что не проглотил пред дорогой мозольную мазь Веры Яковлевны, столь чудодейственно исцелявшую мои зубы.

Вчера был у корреспондента «Times'a», который очень любезно принял меня, велел кланяться Гарольду Васильевичу и продолжительно беседовал на политические темы. Он обещал написать немедленно в Лондон, в отделение редакции американского журнала и телеграфировать в Бостон в редакцию.

Вчера состоялось заседание Нац[ионального] комитета, в котором М. М. [Федоров] доложил до моего прихода (я нарочно опоздал) мое подробное письмо из Лондона и резолюцию Лондонского комитета. Последняя была принята к сведению.

Во французских газетах («Echo Nationale», «Debats» (1) и «Echo de Paris» (2)) ведется усиленная кампания против предположений правительства о сближении с советами. Закулисная сторона этого дела такова. Ф.-Бульон (3) ведет интригу украинского сближения, на манер кавказско-ангорского, начала 1921-го года. Он устраивает обеды, на которые приглашает украинцев (щирых) и говорит им о сближении с украинцами советскими. В это время некоторые министры с левопристяжным уклоном головы ведут агитацию в министерстве на предмет посылки торгового соглядатая в Москву – идея Herriot. Эта

агитация совсем не устраивает большевизантского графа де Шевильи, директора торгового отдела Мин[истерства] иностр[анных] дел, ибо он сам хотел бы поехать в Москву, а радикалы прочат сенатора де Monzie (4). Поэтому предприимчивый граф, преувеличив всю историю, довел ее до сведения антибольшевика Тардьё (5), и пошла писать губерния. Чрез два дня сообщу более подробные сведения.

Ген. Данилов (6) очень просил прислать ему обратно его рукопись, главным образом рисунки.

Поклон всем Вам.
Ю. Семенов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

[1] Имеется в виду «Journal des Débats Politiques et Littéraires» («Газета политических и литературных дискуссий») – влиятельная французская консервативная газета. Выходила в Париже в 1789–1944.

[2] «L'Echo de Paris» («Парижское эхо») – общественно-политическая консервативная газета, выходила в Париже в 1884–1938.

[3] Имеется в виду Франклин-Буйон (Franklin-Bouillon) Генри (1870–1937) – французский политический деятель. Находился на правом фланге Радикально-социалистической партии.

[4] Монзи (Monzie) Анатоль де (1876–1947) – французский политический и государственный деятель, депутат парламента (1909–1919 и 1929–1940), сенатор (1920–1929). Неоднократно входил в кабинет министров Франции: министр финансов и министр общественных работ (1925, 1925); министр народного образования (1932–1934). Председатель парламентской комиссии по русским делам (1924).

[5] Тардье (Tardieu) Андре (1876–1945) – французский политический и государственный деятель. Депутат парламента (1914–1924; 1926–1936). Участвовал в подготовке Версальского мирного договора и работе Парижской мирной конференции (1919–1920). Занимал разные министерские посты, в частности в 1919–1920 – министр освобожденных районов. В 1929–1932 трижды возглавлял правительство. Автор работ по истории дипломатии.

[6] Данилов, Юрий Никифорович (1866–1937) – военачальник; генерал от инфантерии (1914). Бывший генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича. Осенью 1920 – помощник начальника военного управления Русской армии в Крыму. Эмигрировал в Константинополь, затем жил в Париже. Автор военно-исторических трудов, биографии вел. кн. Николая Николаевича.

Письмо П. Н. Врангеля

30 октября 1923 г.,
г. Сремски Карловцы

Глубокоуважаемая Ариадна Владимировна,

Посылаю Вам альбом, который, наверное, порадует Вас и Гарольда Васильевича, испытанных, верных друзей Армии. Случилось то, что казалось невозможным. Мы до сих пор вопреки логике вещей сохранились. Снимки альбома вовсе не «потемкинские деревни». Несмотря на трудовые условия жизни в гражданском быту на чужбине, части сохранили в неприкосновенности воинский дух и жертвенность. Налицо спайка между собой и неразрывная связь с командованием, основанные на чисто нравственных началах добровольного подчинения.

Я не делаю себе никаких иллюзий насчет будущего. Вечно такое состояние продолжаться, конечно, не может, но и в этом отношении будет сделано все, чтобы создать обстановку для возможно длительного сбережения кадров Армии и впредь, при неизбежных переменах в условиях ее существования в будущем.

С горечью должен сознаться, что помощи со стороны было мало. И слева, и справа Армия и я лично в течение нескольких лет подвергались систематической травле. Полезному же при всяком положении в России делу противо[по]ставлялся все тот же никчемный беженский разговор на политические темы, выдававшийся за организованность и работу.

Примите и не откажите передать Гарольду Васильевичу сердечные приветствия искренно уважающего и преданного Вам

П. Врангеля

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–1об. Машинопись. Оригинал (с подписью). На бланке «Главнокомандующий Русской Армией».

1924

Письмо Ю. Ф. Семенова

10 января 1924 г.

Дорогая Ариадна Владимировна, целую вечность не писал Вам и начинаю с извинения за то, что собираюсь написать длинное письмо. А приходится писать длинное письмо, ибо вопрос, о котором я хочу говорить, неопределенный и расплывчатый, не поддающийся ясным и кратким формулам. Я имею в виду разговоры о вел. кн. Николае Николаевиче. Все это разговоры, но разговоры такие, от которых не отмахнешься, а раз не отмахнешься, то, значит, за ними нечто серьезнее, чем пустая болтовня, и вообще, если есть смысл в нашем эми-

грантском существовании, то имеется он в разговорах об Н[иколае] Н[иколаевиче].

Начну с Адама. Н[иколай] Н[иколаевич] сидел смирно на юге Франции, ни во что не вмешивался и убеждал тех из своих родственников, с которыми встречался, чтобы они сидели смирно, не подавая никаких политических признаков жизни. Так это и было, за исключением Виктории Федоровны (1), жены Кирилла (2), которая, чувствуя себя потенциальною императрицей, тормошила своего болванистого и беспутного супруга, чтобы он не пропустил момента и не дал бы другому претенденту похитить столь соблазнительное наследство Ленина. Очевидно, лавры Александры Федоровны не давали ей спать и не дают ей спать по нынешний день. К тому же у Виктории Федоровны есть кое-какие деньги. Как Вы помните, в момент Рейхангалля (3), летом 1921 года, монархисты, впервые после 4 лет летаргии, громогласно заявили о своем существовании, но ничего не сказали о том, кто их претендент и как он думает получить императорскую корону. И началась глухая закулисная борьба, о которой мы только догадывались, но которая в конце концов настолько расширилась в пространстве, что захлестнула и нас. Мы к этой борьбе непричастны, ни идейно, ни фактически, и тем не менее она к нам прикоснулась, ибо главным своим объектом она имела армию. Крайние правые монархисты – люди без талантов, без мысли и крайне упрощенные. При этом большинство из них не обладают честностью политической мысли. Основою их тактики является – объегорить, обжулить, а дальнейшее будет видно. Основа их идеологии – руки по швам и рады стараться, Ваше Имп[ераторское] Вел[иче]ство, лишь бы это величество давало им придворные должности и tout ce qui s'en suit*. Но так как трон вакантен, то каждый старается [поставить] на такого претендента, который обеспечит ему наивысший придворный пост. Отсюда течения кирилловское, дмитриевское и николаевское. При этом два первых течения имели соучастие носителей соответствующих имен, третье же было платоническим, ибо Н[иколай] Н[иколаевич] никого к себе не подпускал, всех гонял со свойственной ему резкостью и прямолинейностью и отстаивал право сажать капусту вдали от политики. Однако имя Николая Николаевича поневоле, против желания крайних правых, само собою завоевывало умы монархически настроенных масс эмиграции. Постепенно образовывался провал между монархической толпой и верхами. Первая отрицательно относилась к претендентам, ибо эмигрантская толпа, хотя и настраивалась все более и более монархически, но настроение было внутреннее, а не логическое, и это же внутреннее настроение, чуждое политических интриг и придворных расчетов, рисовало в воображении действенных военных элементов образ вождя, способного водворить их на родине. Их монархизм

* И все, что из этого следует *(франц.)*.

является таким образом не политическим, а прежде всего военным, скорее диктаторским, более романтическим, чем практическим. Конечно, такому настроению не могут соответствовать фигуры Кирилла и Дмитрия (4).

Это учли верхи крайних монархистов, и часть их повела атаку в направлении Николая Николаевича. Они думали таким способом убить сразу двух зайцев – форсировать упорно пассивного вел[икого] князя, забравши его при этом в свои руки, и во-вторых, сшибить Врангеля, отобравши от него военные массы, подведенные под Н[иколая] Н[иколаевича]. Когда их спрашивали – а потом что? – они старались скрыть пустоту своих перспектив ложью сведений из России. И тем не менее они упорно развивали свою демагогию. В июне 22-го года они собирались в день рождения вел[икого] кн[язя], всенародно, с колокольным звоном, пасть к его ногам, отслуживши молебны по всем Балканам и Германиям. Испуганная Виктория Федоровна заставила своего супруга выпустить блюстительский манифест накануне этого молитвенного поклонения Николаю, а Врангель обратился с предостерегающим воззванием к войскам. Маневр Маркова и иже с ним был временно иммунизирован. Однако вехи были поставлены, и нам с этими фактами пришлось считаться.

Если не разделять мнения глубоких пессимистов, считающих, что большевики укрепились навсегда, то нужно полагать, что падение последних будет сопровождаться борьбой на русской территории. Кто-нибудь этой борьбой будет руководить, объединять ее. Черновский лагерь имеет своих претендентов в лице Чернова, Керенского, может быть, еще каких-нибудь иных прочих Марусь Спиридоновых (5). Милюковские демократы не имеют никаких практических планов, кроме абсолютной республики и критической диалектики. Наша точка зрения – необходимо заранее иметь кандидата диктатора, авторитетного в самых разнообразных кругах и ничем не скомпрометированного, такого кандидата, который смог бы объединить в нужный момент вокруг своего имени наибольшее число элементов – военных, политических и торгово-промышленных. Ни Деникин, ни Врангель и никакой другой генерал внутри России, ни вне ее, для такой роли не подходит. Нет таких имен и среди штатских. Единственным подходящим лицом является вел. кн. Николай Николаевич.

Вот, имея такую точку зрения, мы не могли оставаться безразличными к монархической кампании вокруг имени Н[иколая] Н[иколаевича]. Мы не хотели допустить, чтобы крайние правые сделали из него свое монархическое знамя со штемпелем Маркова II-го. Поэтому мы всячески поддерживали Врангеля в его борьбе, вернее, в его самозащите против марковской атаки. Однако, когда Кирилл выпустил свой манифест, его агенты стали агитировать в армии, выставляя Врангеля как кандидата в Бонапарты. Эту последнюю версию поддерживали и марковцы. Быть может, в их нападках не все было

безосновательно. Во всяком случае, Бонапарт, сдавший себя на попечение американских красных крестов и прочих благотворительных учреждений, должен был признать, что его бонапартовская карьера прервана и, конечно, он должен был искренно или неискренно, отрицать и в прошлом, и в настоящем, и в будущем всякий намек на какое бы то ни было наличие у него элементов бонапартизма. Поэтому, видя начало раздоров в армии вследствие агитации кирилловцев и марковцев, Врангель должен был предпринять что-нибудь, чтобы с честью выйти в отставку из неудавшихся бонапартов, сохранив на будущее время возможность играть роль и при этом спасти остатки организованной армии. Единственный путь к этому был – провозгласить подчинение вел[икому] кн[язю] Николаю Николаевичу.

Таким образом, с разных сторон и на основании различных побуждений назревало давление вокруг имени Николая Николаевича. Вопрос заключался в том, как, когда и в каких формах привлечь Н[иколая] Н[иколаевича] к будущей его роли. Мы, как элемент консервативный и политический, находились на тормозе, тем более что вел[икий] кн[язь] сам отстранял от себя всякую активность, а мы не видели никакой почвы и никаких форм для проявления такой активности в настоящий момент при совокупности внешних и внутрироссийских условий. Однако демагогические монархические элементы и припертое к стене командование убедили Н[иколая] Н[иколаевича], что если он останется в своей берлоге, то это будет признаком дезертирства. Старик не вынес этого упрека и решил выйти «на разведку» – это его собственные слова. Такой готовности выйти на разведку оказалось вполне достаточно, чтобы все беспокойные элементы завопили – «ура» и чтобы марковцы почувствовали себя победителями над всеми бонапартами, кадетами и эсерами. Кадеты и эсеры – это мы, Нац[иональный] комитет. К 1-му июня 1923 г. объединенные монархисты готовили ультиматум для нас и для торгово-промышленников, в каковом ультиматуме провозглашалось безоговорочное возглавление всех патриотических организаций великим князем. Отказавшиеся подчиниться тем самым заявили бы, что они выступают против Николая Николаевича. В это же время Врангель произнес публично речь, напечатанную в «Нов[ом] времени» (6), в которой говорилось, что политические организации в Париже объединились вокруг великого князя, к которому отныне переходит политическое руководство армией.

Расчет правых и части Врангелевского окружения был таков – если Нац[иональный] комитет провозгласит свое подчинение Н[иколаю] Н[иколаевичу], то смысл организации как таковой сведется к нулю и ее фактически заменит монархический совет; если же Н[циональный] к[омитет] откажется, внутри него произойдет раскол и он разорвет свою связь с армией. Таким образом, в обоих случаях получается разрушение Нац[ионального] союза и подчинение всех организован-

ных элементов Маркову. Об этих ерундовских комбинациях открыто говорили в монархических салонах. Нац[иональный] комитет в ответ на произведенное на него давление постановил справиться у самого Ник[олая] Ник[олаевича], каково его собственное участие во всей этой агитации, и разъяснить ему нашу точку зрения о бессмысленности так называемого «возглавления» эмигрантских организаций и нашу точку зрения на возможную его будущую роль в России. Оказалось, что все выступления производились без ведома Н[иколая] Н[иколаевича] и что, в общем, его взгляды соответствуют нашим. После этого правые смирились и возникло объединение всех парижских организаций от Нац[ионального] Ком[итета] и торг[ово]-пром[ышленников] до крайних правых. Это объединение еще не имеет своей конституции и довольно непрочно. Поэтому трудно написать его портрет; вот почему мне и пришлось написать такую длинную его историю. Не знаю, облегчил ли я Вам понимание нашей мышиной возни вокруг проблематического будущего?

Как Вы живете? Как ожидаете перспективу английских Керенских? Думали ли Вы, что Вам дважды в жизни придется быть под Керенским? Я думаю, что это немножко много?

Очень прошу Вас написать для «Вестника» (7) статью об английских перспективах. Я уезжаю в Ригу около 20-го января и хотел бы сдать Вашу статью до отъезда.

Поклон Гарольду Васильевичу
Ваш Ю. Семенов

P.S. Добавляю к истории Николая Николаевича. В субботу 24-го ноября 1923 года состоялось общее собрание старших велик[их] князей, без Н[иколая] Н[иколаевича]. Присутствовали Кирилл, Андрей (7), Александр Михайлович (8), кажется Дмитрий и еще кто-то. Постановили единогласно признать вопрос о блюстительстве преждевременным, а также постановили единогласно, что все вел[икие] князья признают объединение вокруг Ник[иколая] Ник[олаевича] и эвентуальную его роль диктатора в переходный период в России.

Постановление должно было быть в окончательной форме подписано в понедельник 26-го ноября. Однако в промежуток времени Виктория Фед[оровна] убедила своего супруга отказаться от подписи, что он и сделал. Тем не менее все остальные вел[икие] князья подписали протокол, в котором значится, что решение принято в присутствии Кирилла.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

[1] Виктория Федоровна (урожд. Виктория Мелита) (1876–1936) – урожденная принцесса Эдинбургская и (с 1893) Саксен-Кобург-Готская. Во 2-м браке жена вел. кн. Кирилла Владимировича (1905). После того как

Николай II признал этот брак (1907), Виктории был присвоен титул великой княгини. В 1924 Кирилл провозгласил себя императором Всероссийским, и Виктория была признанна «кирилловцами» – императрицей.

2 Кирилл Владимирович (1876–1938) – великий князь, старший сын великого князя Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II, и великой княгини Марии Павловны; двоюродный брат Николая II.

3 Имеется в виду съезд русских монархистов в курортном местечке Рейхенгалль (Германия), проходивший 16(29 мая) – 24 мая (6 июня) 1921. Целью съезда было сплотить монархические силы и организовать их деятельность как в эмиграции, так и в России.

4 Дмитрий Павлович (1891–1942) – великий князь, первый сын великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны. Участвовал в убийстве Г. Распутина (1916). В эмиграции жил в США, затем в Европе. Женился морганатическим браком на американке Одри Эмери (*Emery*), разведен в 1937.

5 Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – революционерка, одна из лидеров партии левых эсеров.

6 «Новое время» – ежедневная эмигрантская газета консервативной направленности. Выходила в Белграде в 1921–1930. Редактор-издатель М. А. Суворин.

7 Андрей Владимирович (1879–1956) – великий князь, четвертый сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны, внук Александра II. С 1919 в эмиграции. В 1921 заключил брак с балериной М. Ф. Кшесинской. Не участвовал в политической и общественной жизни эмиграции.

8 Александр Михайлович (1866–1933) – великий князь, четвертый сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, внук Николая I. Женат на сестре Николая II – Ксении Александровне (с 1894). В 1918 эмигрировал вместе с семьей, жил во Франции.

Письмо А. И. Гучкова

24 февраля 1924 г.
Paris 17 rue 8 Gustave Dore

Дорогая Ариадна Владимировна,

Я три дня тому назад вернулся из Германии и нашел у себя полученное в мое отсутствие письмо д-ра Ладыженского для Вас. Пересылаю Вам его. Несмотря на мое кратковременное пребывание в Берлине, мне удалось через русское и немецкое окошко заглянуть внутрь

России, а главное внутрь Кремля. Сведения – довольно-таки дружно совпадают. Развал партии и развал власти идут полным ходом. Дворцовая революция, а может быть, военная революция, положат конец существующему режиму. Одновременно идут крупные движения на окраинах, в особенности там, где они могут быть подняты под национальным флагом. Немецкие власти отмечают, что наплыв в Германию русского еврейства, особенно с Украины, чрезвычайно усилился за последнее время. Идет повальное и паническое бегство. Конечно, вопрос о том, кто и что явится на смену существующей власти, допускает всяческие решения. Некоторые думают, что в общем катаклизме будут смыты все большевики, и правые, и левые – безразлично, и что на развалинах этой власти водворится военная диктатура, разумеется, «красная диктатура» военных спецов (возможно, Тухачевского (1)). Эти военные спецы, по тем же предположениям, привлекут в сотрудники гражданских спецов из тех же «красных» или «покрасневших» (может быть, Н. Н. Кутлер). Другие не ждут сразу таких радикальных перемен и думают, что в момент общей суматохи группа правых коммунистов, наиболее отвечающих моменту (Рыков (2), Красин, Сокольников (3) и др.), зацепятся за власть и удержатся, хотя бы на время. Но и при этой комбинации выдающуюся роль будут играть те же военные и гражданские спецы.

Любопытно, что немцы, которые до сих пор довольно упорно отрицали возможность насильственного переворота в России, теперь допускают неизбежность его. Интересно знать, что видно из Вашего лондонского окошка? На днях ждут сюда ген. Врангеля. Буду ужасно рад его видеть.

Душевно преданный
А. Гучков

Сердечный привет Mr. Williams'y.

В Нац[иональном] К[омите]те большой развал, главным образом вокруг вопроса о великом князе. И затем скука невообразимая.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал.

---

[1] Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) – советский военачальник, военный теоретик, маршал СССР (1935). Репрессирован в 1937 по «делу военных».

[2] Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – политический и государственный деятель, председатель СНК СССР (1924–1930) и одновременно СНК РСФСР (1924–1929). Выступал против свертывания нэпа, форсирования индустриализации. На апрельском Пленуме ЦК и ЦКК 1929 была принята резолюция, осуждающая эту позицию, которая была квалифицирована как «правый уклон» (ее лидерами объявлялись Рыков, Н. И. Бухарин, М. П. Томский).

[3] Сокольников (наст. фам. Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939) – советский государственный деятель. Кандидат в члены Политбюро ВКП(б) (1924–1925). Нарком финансов СССР (с июля 1923 до января 1926). Противник непродуманных хозяйственных планов, неоправданного ускорения промышленного развития, широкого использования инфляционных механизмов. В 1925–1926 участвовал в деятельности «новой оппозиции» в партии, возглавляемой Л. Б. Каменевым и Г. Е. Зиновьевым.

1926

Письмо М. М. Федорова

20 ноября 1926 г.
Paris

Дорогая Ариадна Владимировна,

Мне удалось раздобыть некоторые средства для установления более тесной нашей связи с Россией. Первой реальной попыткой в этом направлении будет издание еженедельника «Борьба за Россию», который предназначается для России, должен по нашей мысли стать заграницей свободным органом самой России, но, конечно, он будет распространяться и в эмиграции. Мы уже подготовили ряд путей проникновения нашего органа в Россию, но, разумеется, спецы и приезжающие из России quasiбольшевики будут его здесь покупать и сами также помогать его распространению в России.

Выходить Еженедельник будет под редакцией группы, которую можно было бы охарактеризовать «левым центром». В первоначальное редакционное ядро входят: В. Бурцев, А. Карташев, С. Мельгунов, Т. Полнер, П. Рысс и М. Федоров.

В сотрудники приглашаются выдающиеся представители разных политических группировок от Шульгина, Струве, Н. Тесленко до Маслова (1), Мякотина, Аргунова. Фронт широкий, обеспечивающий в случае своего осуществления начало серьезного объединения русских антибольшевистских сил. Ядро сговорилось, с флангов согласия начали уже поступать.

Задачи еженедельника соединить с практическим предприятием проникновения в Россию создание там органа осведомления и распространения. Практическая программа: 1) Боевая непримиримость к большевикам. Революционность, отрицающая эволюцию и соглашательство. 2) Национализм. 3) Демократизм. Вопроса о форме правления как не актуального касаться не имеется в виду.

Инициаторы идут под открытым забралом, свою коалицию выявляют и будут писать за своей подписью. Но это для примыкающих не обязательно, как не обязательно и опубликование списка сотрудни-

ков. Каждый указывает основания, на которых он готов участвовать. Плата за строку 60 сант. Коллегия сотрудников желательна в качестве действующего совещательного органа, имеющего свое политическое значение. Очень важно участие умом и советом.

На меня возложено поручение просить Вас участвовать в журнале.

Не сомневаясь в Вашем согласии участвовать в журнале, прошу наметить темы, какие Вы предполагали бы затронуть в журнале.

Со своей стороны считаю не бесполезным добавить, что три главных группы вопросов предположены к разработке в Еженедельнике: 1) вскрыть сущность действующей в России власти и пагубные результаты ее управления страной; 2) ознакомить Россию с условиями жизни за границей русской эмиграции и 3) в целях опровержения той повседневной лжи, какою наводнена советская печать, осветить то, что фактически происходит в политической и экономической жизни заграницы, и ее подлинное отношение к действующему в России режиму.

К этому присоединяю еще одну очень важную для нас просьбу: мы считаем необходимым открыть продажу еженедельника и в Лондоне во всех тех магазинах, где продаются русские газеты.

Будьте милостивы, переговорите с ними сами или поручите кому-либо это сделать и сообщите – можем ли мы им выслать и сколько экземпляров еженедельника на продажу. Продаваться он будет по одному франку, до $^{1}/_{4}$ или даже в крайнем случае до $^{1}/_{2}$ продажной цены мы готовы дать магазину. В Лондоне много приезжающих спецов, продажа нашего журнала там необходима. Пришлите точные адреса, куда будет направлен журнал.

Надеюсь на Ваше энергичное нам содействие и жду самого срочного ответа.

Искренно Вас уважающий
Ваш Михаил Федоров

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. На бланке Comite National Russe.

---

[1] Маслов Сергей Семенович (1887–1945) – экономист, общественный деятель. Заведовал заграничным отделом пражского Института по изучению России, читал лекции в Русском народном университете в Праге. Один из создателей и генеральный секретарь организации «Крестьянская Россия – трудовая крестьянская партия», образованной в декабре 1927. Редактор сборников «Крестьянская Россия» (9 вып., Прага), «Вестник Крестьянская России» (1925–1933).

Письмо Петра Д. Долгорукова

18 декабря 1926 г.
Прага

Многоуважаемая Ариадна Владимировна,

Хочу написать Вам несколько слов по поводу ареста брата в России. <Обрыв текста> данные, напечатанные в Риге (в «Слове» (1)), Берлине (в «Руле») во многом не соответствуют истине и происхождение их не вполне для меня ясно. Арест произошел еще в июле по дороге из Харькова в Москву. Около месяца брат сидел в Харьковской тюрьме, а с тех пор я не имею о нем известий и не знаю, продолжает ли он сидеть в Харькове или переведен, как предполагается, в Москву. До появления известия в газетах <обрыв текста> было наводить более энергично справок, т. к. можно было <обрыв текста> повредить делу. Теперь руки развязаны и кое-что предпринято для получения более точной и свежей информации и для организации защиты, если будет судебное дело, которое намечалось на декабрь или на январь. Теперь, пожалуй, было бы даже полезно, чтобы в таких солидных изданиях, как «Times», появилась заметка, что в России арестован и сидит уже 5 месяцев в тюрьме 60-летний кн. Долгоруков, пробравшийся нелегально из-за границы. Тот факт, что Европа будет знать о его деле, может несколько застраховать от слишком трагического исхода дела. Впрочем, предоставляю решить вопрос о печатании целиком Вашему усмотрению. Только, мне думается, не надо ни слова упоминать о том, что эти сведения получены от меня.

Если бы в английских газетах появилось что-либо о брате, то я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы прислали мне вырезки или хотя бы указание на №№ газет, в кот[орых] были заметки.

Пожалуйста, передайте от меня поклон Вашему мужу.

Уважающий Вас
кн. Петр Долгоруков

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 11/I.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

[1] «Слово» – русская «национально-демократическая» газета. Выходила в Риге в 1925–1928. Редактор А. А. Образцов.

1931

Письмо Е. К. Миллера(1)

Париж, 18 июня 1931 года

Глубокоуважаемая Ариадна Владимировна,

Благодарю Вас за Ваше письмо от 16 июня с уведомлением о получении моего обращения, как председателя Комитета по борьбе

с советской экономической политикой. Очень был бы рад узнать, что посланный мною Вам материал заинтересовал и пригодился для антибольшевистской пропаганды какой-либо английской организации.

Сейчас стараемся найти материал, устанавливающий, что пятилетка имеет целью главным образом развить те отрасли промышленности, которые производят товары или материалы, широко требующиеся в военное время для военного снабжения всякого рода. Тщательное и внимательное рассмотрение плана развития промышленности в первую пятилетку по отдельным областям приводит к совершенно определенному заключению, что главная и единственная цель, поставленная себе советским правительством при выработке его, это достижение полной независимости от иностранных рынков по отношению ко всему, что требуется для ведения войны в масштабе большой европейской войны, т. е. в количествах, равных тем, которые требовались в 1916 и 1917 годах.

В ближайшее время я буду иметь возможность напечатать по этому вопросу доклад исключительно интересный и наглядный. В какой мере и на каких условиях Германия является соучастницей этого предприятия, сказать документально не могу, но заинтересованность ее несомненна.

Буду очень рад побеседовать с Вами на эту и другие животрепещущие темы.

Очень благодарен за присылку письма в Лигу Наций. Вполне сочувствую этой мысли и сделаю все возможное для самого широкого собирания подписей как лиц, возглавляющих целые организации, так и лиц, подписывающих персонально.

В надежде скоро с Вами повидаться, прошу Вас принять выражение моего искреннего уважения.

Е. Миллер

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867–1939) – генерал-лейтенант (1915). Руководитель Белого движения на севере России (1919–1920). С марта 1920 в эмиграции во Франции. С 1925 – старший помощник председателя Русского общевоинского союза (РОВС); После похищения советской разведкой генерала А. П. Кутепова в 1930 – председатель РОВС.

Письмо Петра Д. Долгорукова

5 сентября 1931 г.
Leyerova 14, Praque XII

Многоуважаемая Ариадна Владимировна,

Недавно я вернулся в Прагу (все лечу больную жену) и узнал про присылку в Комитет «Дня Русского ребенка» из Лондона 10 ф. Большое спасибо Вам за Ваше содействие, без которого, очевидно, дело не обошлось. До сих пор «День Русского ребенка» давал на местах тысяч триста франков в год и в центральный фонд поступало от 30 до 40 тыс. В этом году не все подсчеты еще сделаны, но, очевидно, сбор будет гораздо менее вследствие общего кризиса или по крайней мере вследствие ссылок на кризис.

А затем теперь вследствие внезапного и катастрофического сокращения и почти прекращения чешской помощи русским студентам и отчасти русским детям (сокращение помощи двум гимназиям и детским садам), а также вследствие резкого ухудшения положения всей здешней русской эмиграции – детский вопрос и детская нужда здесь заметно обостряются. До сих пор Центральный фонд пополнял свои средства главн[ым] образ[ом] из сборов в Чехословакии, а расходовал их почти целиком на другие страны. Теперь, очевидно, придется тратить много и на Чехословакию.

Я до сих пор не присоединялся к Вашему доброму почину по протесту против рабского труда в России. Французского текста у меня нет под руками. Посылаю Вам мое заявление. Надеюсь, что эта форма достаточна. Если нет, то прошу уведомить меня, хотя бы открыткой.

А как идет Ваша книга о Пушкине? Вообще все русские книги идут отчаянно плохо.

Жму Вашу руку. Всего хорошего.
Ваш П. Долгоруков

Если удобно, то и семья моя (Антонина (1) и Михаил) просят присоединить их имена. Но если это неудобно, то отнюдь на этом не настаиваем.

К протесту по поводу применения принудительного труда в России.

Прошу и мое имя присоединить к протесту по поводу применения принудительного труда в России, передаваемому в соответствующую комиссию при Лиге Наций.

Кн. Петр Долгоруков

12/IX 31. Прага.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

[1] Долгорукова Антонина Михайловна (1883–1955) – жена князя Петра Д. Долгорукова. После 2-й мировой войны перебралась из Праги в Париж, а в 1950 уехала в США.

1932

Письмо Петра Д. Долгорукова

20 февраля 1932 г.
Leyerova 14. Praque XII

Многоуважаемая Ариадна Владимировна,

Мы приступаем к кампании по устройству русской эмиграцией «Дня Русского ребенка» (День Благовещения – 4-ое апр[еля] ст. ст.) и в этом году. К сожалению, во многих местах культурно-просветительные задачи отступают на второй план перед насущной нуждой в питании, одежде, лечении, топливе, которая обострилась в связи с катастрофическим положением русской эмиграции вследствие повсеместного кризиса. Наприм[ер], из фонда «Дня Русск[ого] реб[енка]» мы до с[их] п[ор] почти ничего не тратили на Чехословакию, но в этом году пришлось даже основать (под председательством А. В. Жекулиной) особое Общество попечения о нуждах русских детей в Чехословакии. Конечно, где только возможно, мы преследуем и первоначальную задачу – борьбу с денационализацией и часто совмещаем обе цели вместе. Мы очень ценим поддержку, которую мы ежегодно получаем из Лондона благодаря Вашей инициативе. Если бы проявилась и в Англии большая против прежних лет нужда в притоке средств на удовлетворение детской нужды (хотя бы на устройство вновь летней колонии или летней площадки), то большая часть ассигнуемых или собираемых средств могла бы остаться на месте.

Если же нужды в собирании денег каким-ниб[удь] походным предприятием (концерт, чай, лотерея и т. п.) или подпиской и церковными сборами не предвидится, то очень желательно было, если (хотя, разумеется, не обязательно, если по местным условиям это не подходит) все-таки как-то отметить в день Благодарения или в ближайшие к нему дни «Д[ень] Р[усского] р[ебенка]», чтобы и на этом объединилась вся русская эмиграция и внимание ее было обращено на бедственное положение наших детей. В таком случае можно было бы, быть может, ограничиться каким-ниб[удь] идеологическим выступлением, церковной проповедью и выступлением самих детей. Если бы Вы затребовали прошлогодние иллюстрированные отчеты по «Д[ню] Р[усского] р[ебенка]», то мы немедленно Вам выслали бы.

Здесь детская нужда, кроме общих причин (как то: безотцовщина, закрытие большинства русских учреждений и организаций) обострилась с этой осени вследствие неожиданного сокращения двух здеш-

них гимназий с интернатами. В гимназии в Моравской Тшебове вместо прежних 450 учащихся всего 180, и она сходит на нет, т. к. приема новых не делается, а из прежних около 100 выброшено на улицу вследствие большого повышения платы.

А как Вы поживаете? Все бодрое по-прежнему настроение? И как здоровье? В наши годы, к сожалению, <обрыв текста>.

Жму Вашу руку.
Ваш П. Долгоруков

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 21/III

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

Письмо С. В. Паниной

4.VI.[19]32 г.
Dejvice, 903
Praha

Дорогая Ариадна Владимировна,

Очень, очень тронуло меня Ваше письмо, спасибо Вам за него от всей души. Горе свое я переживаю тяжело, хотя внешне и вернулась к обычной работе и даже сверх силы перегружена ею сейчас. Те дружеские сочувственные письма, которых я много получила с разных концов земного шара, дали мне много тепла и отрады в эти очень горькие дни – в том числе и Ваше. Да, Вы правы, и ощущение непрерывающейся телесной жизни я испытала, и самое большое утешение испытываю, когда думаю о том, как счастлива была мама в своей жизни с Иваном Ильичом [Петрункевичем] и как замечательно они друг друга любили. Что удивительно при этом, это что оба они были очень яркими индивидуальностями, ни один из них не поработил другого, а напротив, они только помогали друг другу и обогащали взаимно друг друга. И все 4 года, на кот[орые] мама пережила Ивана Ильича, она была поглощена им же, его наследием, подготовляя к печати написанные им воспоминания. Она до самого конца, т. е. до последнего своего ужасного заболевания, была так полна жизни и интересов и страсти, что была моложе всех окружавших ее молодых и полумолодых поколений – вот почему, несмотря на ее большой возраст, <повреждение текста>.

А как хорошо, что Вы пишите книгу о своем муже! Я уверена, что она будет прекрасна и очень интересна даже для не знавших его лично. А как обстоит дело с Вашей работой над Пушкиным? Вы ее, вероятно, временно оставили? и следующего тома его биографии мы не скоро дождемся? Нынче зимой у нас в Праге была очень интересная выставка, посвященная Пушкину и его эпохе. Кроме книжной части, кот[орая] здесь так богата, что выставить можно было лишь не-

большую часть всей Пушкинианы, кроме четырех его автографов, у нас здесь оказалась чрезвычайно интересная коллекция художника Зарецкого (1), собиравшаяся им в течение многих лет и давшая полную иконографию эпохи – около 4 тысяч названий. Портреты, виды, автографы (факсимиле), лубки и т. д. Выставка имела огромный успех, а теперь всю коллекцию купил президент. Как раз когда мама заболевала, я послала Вам почтой оба выпуска каталога выставки, предполагая, что он может Вас заинтересовать, написать же уже не успела, т. к. не отходила от мамы. К сожалению, я не знала Вашего нового адреса и послала бандероль по Вашему старому адресу на Tite Street. Т. к. в письме своем Вы не упоминаете об этой посылке, то думаю, что она до Вас не дошла. Если это так и если Вас такой каталог может интересовать, то черкните мне словечко и я Вам его вышлю вторично. Кто с Вами живет теперь? Дочь и внучка? Колония наша в Праге переживает сейчас катастрофическое сокращение всех видов пособий и помощи, до Крестной включительно. Да, впрочем, где сейчас не «катастрофично»? Уж очень мрачны все горизонты.

Еще раз сердечно благодарю Вас, дорогая Ариадна Владимировна, и дружески обнимаю Вас. Буду ждать Ваших указаний насчет каталога. Ник[олай] Иван[ович Астров] сейчас в Париже, а со мной кроме двоюродной сестры живет еще В. Н. Челищев. Помните его по Югу России?

Искренне преданная Вам С. Панина

Да, поимейте в виду, что если к Вам когда-либо, по какому-либо делу придет молодая девушка Паулер, то это исключительно хороший и скромный человек, я хорошо ее знаю, она пражская и только временно в Англии на месте.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

1 Зарецкий Николай Васильевич (1876–1959) – художник, график. С 1920 в эмиграции. В Берлине. Председатель Союза русских живописцев, ваятелей и зодчих. С 1931 жил в Праге, в 1951 переехал в Париж.

1933

Письмо Б. Э. Нольде

29.VII.1933
12 Rue St. Ferdinand
Paris

Искренноуважаемая Ариадна Владимировна,

Ваше письмо погрузило меня в далекие времена; я хорошо помню общую линию событий, но очень боюсь спутать их хронологию. По-

пытаюсь рассказать, как умею. Простите, что рассказ будет личным, но собственные переживания гораздо яснее в памяти, чем объективный ход событий.

Основное настроение, которое я переживал после захвата власти большевиками и в течение всего 1918 года, была нестерпимая ненависть к советам: все, ради чего работали всю жизнь, право в России и Россия как великая держава, рушилось. Единственное, что казалось политически обязательным и политически целесообразным, было найти точку опоры в борьбе с Лениным. Союзники практически отсутствовали. Я точно знал, что их интерес в данную минуту не совпадал с тем, что мне казалось обязательным для русского гражданина: не думать о войне и ее «целях», а думать о свержении власти советов. Ни на минуту я не мог рассчитывать на внутренние силы, действующие без внешней опоры. Я уже тогда знал, что большевизм был весьма по вкусу массам: Рязанская губерния, где я провел часть лета 1917 г. и где баллотировался в Учредительное собрание, уничтожила всякие иллюзии, которые я еще мог иметь как петербуржец.

Отсюда явился совершенно теоретический расчет, сначала не опиравшийся ни на какие сношения с немцами, сводившийся к тому, что надо сделать попытку сговориться с Германией, войска которой стояли на русской территории и которая могла практически помочь. То, что случилось в Румынии, – мир с немцами, заключенный ответственными политическими людьми, – казалось, создавало прецедент, и я помню, что я на него ссылался. Эти мысли я и принес в Центральный комитет кадетской партии и развивал их. Насколько помню, меня поддерживал весьма энергично, думавший одинаково со мной, М. С. Аджемов; еще помню, Добровольский (1), а больше не помню, что немудрено, так как огромному большинству наша логика была не по душе. В числе дополнительных доводов еще помню, что я указывал на то, что ответственные политические люди в России, которые возведут на себя odium* соглашения с немцами, потом могут быть устранены, если одолеют союзники, чтобы не мешать восстановлению западного союза во всей его первичной неприкосновенности.

Попытка убедить кадетов Центрального комитета не удалась, и я стал думать о дальнейшей борьбе за программу, о которой рассказываю. Я ездил несколько раз в Москву и там с группой людей Правого центра (из кадетов к ней примыкал покойный Новгородцев и очень милый мне А. А. Леонтьев – он в России и лучше имя его не упоминать, а из некадетов наиболее видным и решительным был Кривошеин) сделал попытку перейти к более решительным действиям. Мы устроили свидание с советником германского посольства – Мирбах сам не захотел говорить – сейчас фамилия советника у меня исчезла из памяти. Свидание это было для меня необыкновенно интересным, ибо

* Неудовольствие, досаду *(лат.)*.

открыло положение самих немцев, о котором я не подозревал. Рислер (2) – вспомнил фамилию! – сказал мне и А. А. Леонтьеву – мы вдвоем ходили в «пасть льва» – что германское правительство не может возложить на германский народ ни одной лишней задачи, до такой степени население и армия борются из последних сил. Само собой – говорил Рислер – если мы пришлем два броневых автомобиля в Москву из Брянска против большевиков – от советской власти не останется и следа. Но брать на себя задачу помочь вам восстановить нормальную государственность мы не в силах.

Заявление мне казалось искренним, и я до сих пор думаю, что оно не было простой ложью или предлогом для отказа.

Еще подробность. В этом разговоре мы говорили, что русские, которые взяли бы на себя соглашение с Германией, не могли бы, конечно, помириться с границами Брестского договора. Это тоже не вызвало возражений, ибо немцы знали, что почти против своей воли провели те границы, о которых было написано в Бресте, – просто из-за нелепейших и глупейших калькуляций Троцкого во время переговоров.

Гораздо позже до нас в Петербурге и Москве дошел слух о том, что Милюков в Киеве провозгласил «немецкую ориентацию». У меня сохранилось впечатление, что это знамя было выкинуто Милюковым совершенно независимо от нас, и еще, – что совершилось это тогда, когда немецкое положение в войне стало уже безнадежным. Помню, что мой покойный двоюродный брат, проф[ессор] бар[он] А. Э. Нольде (3), зашел как-то ко мне и сказал: «Кажется, Боря, положение немцев безнадежно: уже Милюков за них!» Но боюсь на этом настаивать. Во всяком случае, мои попытки убедить кадетов и говорить с немцами относятся к периоду первой большой оффензивы* Людендорфа в ранней части 1918 года.

Вот, кажется, и все, что сейчас могу припомнить. Может быть, мой рассказ Вам пригодится: во всяком случае предоставляю его в Ваше полное распоряжение.

Ваша будущая книга о Вашем муже будет очень интересной, я уверен.

Преданный Вам
Нольде

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Добровольский Анатолий Александрович (1859–1918) – инженер, общественный и политический деятель. Зам. управляющего Рязанско-Ураль-

---

* Наступления.

ской железной дороги. Депутат III и IV Государственной думы. Член кадетской партии, входил в состав ЦК (с 1916).

[2] Имеется в виду Ритцлер (Rietzler) Карл (1882–1955) – немецкий дипломат, публицист. С апреля до конца августа 1918 старший советник германского посольства в Москве. После убийства графа Мирбаха – поверенный в делах. Автор ряда работ по вопросам мировой политики.

[3] Нольде Александр Эмильевич (1873–?) – барон; юрист. Помощник статс-секретаря Государственного совета, профессор императорского Александровского лицея. Сотрудничал в «Журнале Министерства юстиции», «Вестнике права», «Журнале Министерства народного просвещения» и «Вестнике гражданского права». Автор ряда научных трудов.

1936

Письмо Е. Д. Кусковой

2/VI.1936
Pani Prokopovicz
Hřebenka, č. 1258
Praha XVI
Tschechoslovaquie

Дорогая Ариадна Владимировна!

Позвольте обратиться к Вам с двумя просьбами:

1) Не можете ли прислать нам оттиск статьи бар. Мейендорфа о книге Веббов (с моей точки зрения непонятной и для них... неприличной). Если нельзя прислать в собственность, – не пришлете ли на время. Мы – аккуратны и людей никогда не обманываем...

2) Не дадите ли адреса бар. Мейендорфа и вот зачем. Как Вы думаете, не взялся ли бы он за перевод с русского на английский экономической книги о России? Если Вы думаете, что с таким предложением о переводе, – конечно, платном, – к нему можно обратиться, пришлите, пожалуйста, его адрес.

А кто еще мог бы – кроме него – передать перевод по смыслу, а не по букве? По букве переводчиков можно найти и здесь, – но, ведь, это все будет... не по-английски!

Дайте, пожалуйста, совет.

Хотела писать Вам после прочтения Вашей статьи в «Сегодня» и письма в «Возр[ождении]» о Я. Л. Рубинштейне. За эту статью Вас тут ругали, пожалуй, так же, как ругают нас... И жидофилка Вы, и потеряли «национальное чувство», и «вращаетесь в Лондоне исключительно среди евреев», ну и так далее – все, что полагается. А я мысленно благодарила Вас за эту статью. Раньше этого – хотела пи-

сать протест против юдофобского бешенства графиня Соф[ья] Вл[адимировна] Панина. Но она тут занимает много важных чисто эмигрантских постов и ее отговорили: житья ей не будет!

Время вообще замечательное... Иной раз хочется разбить об стену голову от тошноты жизни. Вот уж именно: и за это боролись?! За это Вы в прекрасном черном платье с белой подкладкой фигурировали на суде самодержавия?! Мы с Ев[генией] Ив[ановной Репьевой] часто воспоминаем – «те дни». Какое счастье было тогда – жить... А сейчас – жуть берет.

Жму Вашу руку. С. Н. [Прокопович] и Ев[гения] Ив[ановна] просят передать Вам их приветы.

Ваша Е. К[ускова]-Прокопович

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

1939

Письмо Петра Д. Долгорукова

26/IV.[19]39
Prag I
Bohemia

Дорогая Ариадна Владимировна,

Очень Вам благодарен за Ваши письма от 4/III и от 6/III и за Вашу готовность быть агентом в Англии Объединения Эмигр[антских] организаций в Чехии. Не писал Вам так долго и не отвечал на Ваши вопросы, т. к. во время и после произошедших здесь событий наступила полная неясность правового и материального положения здешней русской эмиграции – неопределенность эта продолжается и теперь, когда немецкая военная оккупация после месячного существования заменилась гражданским протекторатом. Мы заняты выяснением положения у чешских и немецких властей, а также оказанием помощи (мы [–] правовой и консультационной, а Панинско-Жекулинское объединение – материальной), причем последнее глав-н[ым] образ[ом] для живущих в Праге и окрестностях ее наших соотечественников, оказавшихся в очень тяжелом положении. Ежедневно поступают сведения о лишающихся труда и права на труд, сначала отдельных лиц, а теперь уже группами. Развивается ксенофобия вследствие стеснения рынка труда, т. к. множество чехов стало безработными вследствие сокращения или прекращения работы некоторыми ведомствами (напр[имер], министерствами инстран[ных] дел и военного), прекращением построек многих шоссе и жел[езных] дорог, а также наплыва чехов-чиновников и частных служащих из судетских областей из Словакии и КарпатоРоссии. Ожидается также ог-

ромная масса демобилизованных военных и работавших в военных предприятиях. Многие чехи устраиваются в Германии, туда направились и некоторые русские. Вероятно, это движение усилится, т. к. Германия якобы нуждается в квалифицированных и чернорабочих рабочих силах. Все, кто имеет связи или мало-мальски устроенных родственников в других странах, уезжают или стремятся уехать. Пока это лишь единицы, но движение примет массовый характер, если в Германии не удастся устроиться всем лишившимся здесь заработка и если прекратится выдававшаяся чехами минимальная помощь нетрудоспособным старикам, больным и многосемейным. Т. к. вопрос о выезде за границу является сравнительно новым, то разделение труда по нему в двух наших организациях пока не выработался. Мож[ет] быть, благотворительное объединение (жекулинское) будет содействовать главн[ым] образ[ом] выезду отдельных лиц или семейств, а наше [–] групповым переселениям. Вы спрашиваете, может ли спрос и предложение на труд здесь утрястись само собой. По вышеприведенным причинам вряд ли. Только в некоторых видах труда, напр[имер] в врачебном деле несколько налаживается вследствие открывшихся вакансий по причине запрещения практики врачам-евреям. В общем же русские, даже принявшие чешское подданство и женатые на чешках, приравниваются к иностранцам. Но пока ничего определенного сказать нельзя: все еще выясняется и все прежние законы, правила и нормы пересматриваются. Да и наши объединения, м[ожет] б[ыть], подвергнутся некоторой реконструкции, а также и их взаимоотношение. Когда что-ниб[удь] выяснится, я и Адел[аида] Влад[имировна Жекулина] будем сообщать. Пока же пользуюсь этой почтой, чтобы сообщить для Вашего уяснения кое-что из прошлого.

Список детей ста безработных или малоработных семейств, посланный Вам А. В. Жекулиной, касается тех, которые не были обеспечены, и до сентября [19]38 г. этим списком мы не интересовались, т. к. благотворительное объединение работает автономно, а мы благотворительностью не занимаемся.

Я Вам писал уже, что мы оказываем помощь и живущим в провинции, правовую, юридическо-консультационную, отчасти консульскую, по ходатайствам в разных ведомствах, по выдаче разных удостоверений и свидетельств, напр[имер], о рождении, крещении и браках, в замене утерянных, а теперь и о арийском происхождении. Заботимся о наших национальных начинаниях, наприм[ер] о русской гимназии. Представительствуем перед сферами и общественностью. Информируем прессу и политич[еские] партии о положении нашей колонии. Но надо сказать, что все это мы делаем, за недостатком средств и почти при полном отсутствии плотного аппарата, недостаточно и отчасти дилетантски и кустарно и главн[ым] образ[ом] безвозмездно и людьми, обремененными заработками, семействами, а частью и годами и болезнями, которые могут отдавать обществен-

ной работе лишь обрывки и остатки времени и сил. В теперешнее же критическое время особенно важно было бы серьезно и авторитетно поставить наш аппарат, но для этого нужно было бы получить извне по крайней мере 1000–1300 франков или 80–100 фунтов в месяц. Но получать на аппарат трудно, а русская колония здесь малоимущна и мы не имеем совсем состоятельных людей, как, напр[имер], в Париже, Лондоне, Нью-Йорке, Риме. Рынок труда здесь был всегда очень ограничен и регламентирован, почему заработок иностранцев не мог подняться выше известного уровня, а потому большинство русских, даже получивших здесь образование, старалось выехать в другие страны.

Кстати, исполню также Вашу просьбу о замечаниях на Вашу статью в «Русском в Англии», хотя это имеет теперь лишь исторический интерес. Статья написана очень удачно и вероятно вполне приноровлена к восприятию русской лондонской колонией. На всякий случай укажу лишь на небольшие <1 нрзб.>, в ней имеющиеся, если бы она проникла бы в чешские сферы, что сомнительно, и сделанные очевидно Софьей Владимировной [Паниной]. 1). Сказано, что русская акция в Чехии обязана всем Масарику и Бенешу. Это и исторически неверно, т. к. она начата Крамаржем (1) и министром-президентом Швеглой (2) (когда С. В. [Паниной] в Праге еще не была). И лишь затем перенята и развита Бенешем и тактически по нынешним временам подчеркивать Бенешевский период невыгодно. 2). Не следовало бы упоминать о 2 $^{1}/_{2}$ млн крон на русскую акцию, т. к. правительство скрывало эту цифру и перед чешской общественностью и перед русскими и чешскими коммунистами. 3). Для молодого поколения русской колонии в Чехии и для чернорабочих лучше было бы не упоминать, что правительственная субсидия шла главн[ым] образ[ом] на профессоров и на интеллигентных стариков. Но, повторяю, все это не имеет значения, т. к. газета эта вряд ли будет здесь прочитана. Небольшая <1 нрзб.> была допущена и в «Последних Новостях» в заметке об образовании русского комитета в Сев[ерной] Америке для сбора пожертвований на русских эмигрантов из Чехословакии, тогда как правильнее было бы сказать: <u>в</u> Чехословакии.

От Софьи Владимировны получаются пока невеселые письма. Вы вероятно знаете, что она поселилась в Лос-Анджелесе.

Говорили ли Вы с Ю. Ю. Струве (3) о «Дне Русского Ребенка» после того, как она поправилась от инфлуэнцы? Если нужно начинать с начала сказку про белого бычка, то я могу написать Байкалову, но лишь тогда, когда Вы о том напишите и когда будут основания рассчитывать на успех этого обращения и вероятно лишь будущей зимой, придется тогда посылать ему и печатный материал. Но будет ли он иметь время и охоту заинтересоваться этим начинанием? А между тем нужда в денежных средствах огромная. И здесь нужда обострилась, а кроме того, вследствие событий этой зимы и обострившейся нужды

среди безработных чехов мы не нашли возможным устраивать здесь сбор на русских детей, а этот сбор являлся главной статьей дохода Центр[ального] Фонда «Дни Русск[ого] Ребенка».

А как Вы себя чувствуете среди тревожных настроений теперешнего времени? Мы многое пережили и переживаем, но наша впечатлительность и наши нервы отчасти притупляются, что является для нас благодетельным.

Крепко жму Вашу руку.
Ваш П. Долгоруков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

[1] Крамарж (Kramář) Карел (1860—1937) – чешский политический и государственный деятель, первый премьер-министр независимой Чехословакии (1918—1919). Активный сторонник Белого движения. Сыграл большую роль в поддержке русской эмиграции. Автор ряда работ о России («Кризис в России», 1921).

[2] Швегла (Švehla) Антонин (1873—1933) – чехословацкий государственный и политический деятель. Один из лидеров Аграрной партии (с 1909 председатель ее ЦК). Министр внутренних дел Чехословацкого государства (1918—1920). Премьер-министр (1922—1929; с перерывом).

[3] Струве (урожд. Андре) Юлия Юльевна – жена Г. П. Струве.

1941

Письмо Е. Д. Кусковой

4/I.1941

Дорогая Ариадна Владимировна!

Постепенно все находятся, хотя и не на своих местах. Слава Богу, что Вы живы, не знаю, здоровы ли. Что касается нас, то, как видите, вполне приложим к нам старый сов[етский] анекдот. Пусть не шокирует Вас – человека религиозного, – замешанность в нем высших сил. Потрясенный тем, что совершалось в России, Бог решил послать – для осведомления – верного человека. Кого? Выбрал Луку. Лука спустился на землю, но многоглазые чекисты тотчас же его схватили. Он шлет на небо радиотелеграмму: «Сижу в чека, Лука». Что делать? Послал Илью. Вскоре получил телеграмму: «Сижу и я, Илья». Тогда очередь пришла для Моисея. Этот – не пропадет! – подумал Бог. И послал его. Вскоре получил телеграмму: «Жив, здоров. Комиссар Петров». Так вот этот анекдот мы пришиваем и к С. Н. [Прокоповичу]. Кажется, свет перевернулся... А Бюллетени (1) вынырнули, и автор их говорит: «Жив, здоров! Комиссар Петров». Только... Толь-

ко этому комиссару лучше бы перевернуться наоборот. Много, конечно, неприятных и тяжких переживаний принесла война. Но одна из самых тяжелых – это замкнутость государств, их категорическое нежелание иметь дело с иностранцами. Тотчас же после начала войны мы потеряли постоянную визу во Франции, хотя все наши вещи и библиотека, и рукописи ушли туда. Но во Францию нас не впустили. Но и здесь не желали иметь: есть распоряжение Conseil Fédéral* удалить всех иностранцев, въехавших в страну после 1929 г. Что было делать? Американцами – ни за что! Мы для этого «Нового света» – стары. Пробавлялись краткими «Tolérance»**. Наконец, очевидно, властям это надоело и в канун августа мы получили огромный вопросник, в кот[ором] между прочим было два вопроса. «êtes vous juifs»***? и – если нет, то нет ли бабушек и дедушек этой расы. С огорчением прочли эти строки: в стране, где еще живы чудесные традиции самых разнообразных представителей «равенства людей перед вечно меняющейся политической конъюнктурой». Ответили, что – нет, не Моисеи и Моисеев в семье не было... Через короткое время получили ответ: quoique vous n'êtes pas juifs, alors****... Alors для вас нет никакой опасности отправиться обратно в Прагу. Таким образом, оказалось, что Моисею вовсе не надо было оборачиваться в Петрова, чтобы здесь быть живым и здоровым... Стали доказывать, что в старых местах нашего жительства плохо не одним Моисеям. И вот доказываем и до сих пор, но прочного permis***** так и не имеем. Так что и до сих пор не знаем, как лучше называться: Моисеевыми или Петровыми. А т. к. Бюллетени издаются за счет Carnegie Endowment (2), то Carnegie прислало телеграмму куда следует, чтобы нас не тревожили, хотя мы и не Моисеи. Так вот и прибавляемся. В самых тесных сношениях с милым Пет[ром] Дмит[риевичем] Долгор[уковым], с Лидией Ант[оновной], Аделаид[ой] Влад[имировной Жекулиной], которые остались в Праге. Им там очень, очень тяжело. Очень стала «гнилой» русская среда, не разберешь, что ей, собственно, надо. Затем очень тяжелы материальные условия. Хороши они лишь для молодежи, особенно квалифицированной: эти все на работе или в Чехии, или в Германии. А вот старикам – плохо. Чешская акция прикончилась. Петр Дм[итриевич] и Ад[елаида] Вл[адимировна] едва выпросили небольшие пособия для всех этих стариков. Но пособия столь малы, что жить на них можно лишь впроголодь. Одним словом, не только конфузия, но и прямая человеческая беда ходит повсюду. Я, как Вы знаете, не

* Федеральный Совет *(франц.)*.

** Льгота, разрешение [на временное проживание] *(франц.)*.

*** Вы евреи? *(франц.)*.

**** Хотя вы и не евреи, тогда.... В таком случае *(франц.)*.

***** Письменное разрешение, свидетельство *(франц.)*.

любила заниматься благотворительностью. А теперь занимаюсь – кроме помощи С. Н. [Прокоповичу], только этим. И под вечер сердце так надрывается от обилия горя и от своего собственного бессилия, что уж – при всей сдержанности – не сдерживаешь слез. Жутко, дорогая, стало на свете и что еще будет дальше?

Бюллетени выходят на англ[ийском] и на фран[цузском] языке. По-русски – нет денег. К сожалению. И фран[цузские] экз[емпляры] застряли в оккупированной зоне и вытаскиваются лишь постепенно. Но и Вы, и сын, читаете по-анг[лийски], поэтому посылаю анг[лийские] экземпляры.

В России чрезвычайно много перемен, но основной еще нет. Все ждем, что она будет и что настоящий Петров все же себя выявит в качестве тоже настоящего националиста. Какого цвета будет этот национализм, – гадать никому не возбраняется, как не возбраняется и готовить для него свои собственные краски. Вот все пока. Хотела бы знать, как Ваше здоровье и силы. А вы не хотите присоединиться к Соф[ье] Вл[адимировне] Паниной? Мы с ней в живом общении. Боюсь, что 48-этажный город измотает ее силы раньше времени.

В России умерла Л. Я. Гуревич (3). Не знаю, знали ли Вы ее. Я ее очень любила. Д. И. Шах[овской] жив и продолжает заниматься Чаадаевым. Недавно его раскопки в этой области были напечатаны в сов[етских] журналах.

Всего, всего Вам лучшего! С. Н. [Прокопович] шлет и Бюллетень, и приветствия, и лучшие пожелания.

Очень мне до сих пор одиноко без милой моей Ев[гении] Ив[ановны] [Репьевой]. Так мы с ней сжились.

Ваша Е. К[ускова]-Прокопович

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

1 Основанный С. Н. Прокоповичем Экономический кабинет издавал, под его редакцией, «Бюллетени» (Прага, № 1–134), в которых помещалась значительная информация о состоянии развития различных отраслей экономики Советской России.

2 Carnegie Endowment for International Peace (CEIP) – Фонд Карнеги за международный мир. Фонд, существующий как частная некоммерческая организация, ориентирует свою деятельность на содействие сотрудничеству между странами мира, с этой целью организовывает мероприятия, связанные с вопросами мира и международного права. Фонд создан в 1910 по инициативе американского бизнесмена Эндрю Карнеги (Andrew Carnegie) и носит его имя.

3 Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940) – писательница, публицист и общественный деятель. В начале XX в. активно участвовала в борьбе за

женское равноправие. Сотрудничала во многих периодических изданиях: «Жизнь», «Русская мысль» (с 1913 заведующая литературным отделом), «Мир Божий», «Освобождение», «Наша жизнь», «Слово», «Речь» (в 1911–1916 заведующая театральным отделом), «Русские ведомости», «Русская молва».

Письмо В. А. Оболенского

22/X.1941

Дорогая Ариадна Владимировна,

Очень жаль, что нам не удастся встретиться и поговорить. Ведь в нашем возрасте может уже больше не представится случай для свидания. Вы еще имеете кое-какие шансы дождаться не только правнуков, но и праправнуков, если будете подражать Вашей матери. У меня как будто таких шансов нет. Даже до правнуков не доживу, ибо моему старшему внуку всего 15 лет. Дочь моя рекомендует Вашей внучке поселиться в студенческом женском общежитии – «Foyer de l'étudiante», которым заведует ее хорошая знакомая M-me Grans. Неизвестно только, есть ли там свободная комната. Напишите ей, упомянув, что Вас к ней направила m-me Zandrock. Адрес: «Foyer de l'étudiante», rue du vieux Temple, Grenoble.

Беседовать о мировых событиях в письмах не очень удобно. Согласен с Вами, что мы о них почти не знаем правды, а потому настоящего суждения о них иметь не можем. Кто победит в войне – не знаю. В одном почти уверен – что коммунизм в России уже побежден независимо от дальнейшего хода событий. Возможно, что в Западной Европе он, наоборот, усилится, почерпнув новые силы, в частности, в несомненном геройстве Красной армии. Признаюсь, что для меня эта стойкость сопротивления была неожиданной и что нам, матерым эмигрантам, есть о чем призадуматься и несколько перетряхнуть наши мысли, вывезенные из России четверть века тому назад. Почему, в самом деле, массы русских солдат отказывались воевать в 1917 году и браталась с немцами, а теперь, несмотря на вивисекцию, произведенную над Россией большевиками, эти же солдаты упорно защищают каждую пядь русской земли? Конечно, защищают не Сталина, не колхозы и не коммунистические идеалы, давно облинявшие. А все-таки не подлежит сомнению, что какая-то перемена в настроениях русского народа произошла и что за эти четверть века он обрел чувство подлинного патриотизма. Что же случилось? Что в навязанном ему насильно коммунистическом строе изменило его чувства к родине?

Думаю, что в этом большую роль играют основные эмоции русского народа, довольно равнодушного к свободе, но горячо привязанного к идее справедливости и равноправия. Это ощущение равенства, хотя бы перед деспотическим строем, как мне кажется, и явилось ферментом развития патриотических настроений. Сталинское рабство, как

оно ни тяжело, он легче переносит, чем относительную свободу царского сословного режима. Во всяком случае, страдать русский народ умеет. Ни один народ, кроме разве китайцев, не испытал столько страданий за последние 25 лет. А теперь еще это страшное кровопролитие на фронте, а в тылу, несомненно, голод и всякие эпидемии. Утешаюсь тем, что из всех пережитых испытаний он выйдет <1 нрзб.> окрепшим. В упорном его сопротивлении выковываются силы будущей национальной России, которая окрепнет, даже если ей придется жить некоторое время под иностранным игом.

Привет Вашим.
Ваш В. Обол[енский]

На этих днях я возвращаюсь в Фавьер.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

1943

Письмо Б. П. Вышеславцева

4 июля 1943 г.
38, rue St. Lambert, Paris 15-e

Дорогая Ариадна Владимировна,

Все время мы обдумывали возможность приехать к Вам. Она нас очень соблазняла, но условия и трудности поездки таковы, что пришлось отказаться от этой мысли. 1, необходимо выхлопатывать разрешение для Зоны – туда и назад. 2, необходимо доставать билеты недели за 2, причем перед отъездом берут около Gare de Lyon* комнату в отеле, чтобы в 5 ч. утра стать в очередь на вокзале. 3, невозможно поэтому точно Вам определить срок приезда для подготовки пансиона; 4, наконец, все это требует огромных и долгих усилий, а Наташа и я мы оба устали и нуждаемся в немедленном отдыхе. Поэтому решили ехать в Нормандию в маленькое местечко, 2 часа езды от Парижа. Главное еще то, что оттуда можно немедленно и без затруднений вернуться, или даже съездить в Париж, а это сейчас ввиду событий для меня оч[ень] важно. Больше всего слежу сейчас за акцией ген. Власова и русской освободительной армии. На это возлагаю все надежды в смысле разбития и уничтожения большевизма. Здесь вижу русских, приезжающих с фронта. Много наших лучших белых офицеров работают с Власовым (они все восстановлены в своих прежних чинах). Власов объезжает сейчас русские города и лагери. Главной целью было бы превратить войну с Красной армией в русскую гражданскую войну, продолжение белой армии в союзе с германскими силами. Все это

* Лионский вокзал (*франц.*).

может потребовать моего отъезда отсюда, поэтому я не хочу удаляться от Парижа. Арк[адию] Альф[редовичу] передавайте, что я о нем ни минуты не забываю, но он не должен торопиться. Да и сам я пишу Вам о проектах и желаниях, направленных на будущее, а насколько оно является близким или далеким – это никто не может сказать. Если мы не уедем в конце лета, то быть может в сентябре соберемся к Вам: тогда вся эта горячка поездок на каникулы пройдет и можно будет легко доставать билеты. Впрочем езды, кажется, все-таки до Вас около суток от Парижа (и с пересадкой в Лионе). Из этого Вы видите, как нам хочется Вас всех повидать и с Вами обо всем переговорить и подумать. Все сейчас необычайно сложно в мире и трудно даже узнать правду о реальном положении дел. Я работал и работаю все время научно. После операции сижу по-прежнему ежедневно в библиотеке. Работаю больше пока «для себя». Однако кое-что сделал и для антикоммунистической пропаганды (по-русски). Пишите нам по прежнему адресу: нам перешлют. Сердечно оба вас всех обнимаем и мечтаем увидеть.

Ваш Б. Вышеславцев

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

Письмо Б. П. Вышеславцева

13 Aout 1943 г.
38, rue St. Lambert, Paris 15-е

Дорогая Ариадна Владимировна,

Мы только что вернулись в Париж из Нормандии и были сразу обрадованы Вашим письмом. Нам дорого почувствовать снова глубокое веяние общего духа, так прочно соединяющего наши сердца. А часто я спрашивал себя: как-то переживает и оценивает все это Ар[иадна] Влад[имировна]? Не расходимся ли мы в той последней интуиции, которая вытекает из переживания мирового трагизма? И вот, с первых слов Ваших вижу и чувствую влияние «утешителя, Духа истины». Я верю, что это он дает нам с Вами то общее прозрение, которое я формулирую так: большевизм есть **хула на Духа Св[ятого]**, которая «не простится ни в сем веке, ни в будущем». К сожалению, далеко не вся эмиграция чувствует так. Огромное число ее потеряло чувство реальности, забыло большевизм и «тонет в мутном море вздорных слухов и вражеской клеветы («пропаганды»)», как Вы сказали. И вот все же было действительное чудо Николы Угодника: на докладе ген. Малышкина (1), присланного Власовым в Париж, 5000 русской эмиграции переживали такое единодушие и единомыслие, такой духовный подъем, какого я **ни разу** в эмиграции не встречал и какой был немыслим ни на каких «съездах». Гений разъединения как будто впервые потерпел поражение. Изумительно было видеть **безошибочную**

реакцию толпы на каждое сильное, смелое, полное патриотизма слово этого простого совет[ск]о-русского человека. А ведь огромная аудитория (Salle Wagram*) состояла из молодежи эмигрантской, молодежи советской (солдаты), старых консерваторов и старой аристократии. И все это было охвачено единым порывом и совершенно покорено обаянием этого человека, лишенного всякой риторики. У него было отсутствие всякого холопства перед сильным союзником и вместе с тем сознание трагизма борьбы, без всякого хвастовства и наивного оптимизма. Одна знакомая дама сказала мне, что она «снова почувствовала гордость быть русской». Это собрание дало нам неожиданное утешение среди весьма угрожающих и страшных событий. Никогда судьба мира не стояла до такой степени на распутье. Для русского народа надпись на камне гласит: «Направо поедешь – коня потеряешь, налево поедешь – сам погибнешь». И вот эмигрантский «патриотизм» больше всего боится коня потерять. Но, к сожалению, и про немцев тоже можно сказать, что они все еще боятся «коня потерять».

Первой радостью Вашего письма была безошибочная логика Вашего сердца (logique du coeur Pascal**) – только она может решать сейчас, а не политический расчет. Второй радостью для меня было известие от моего друга Келлера (2). Пожалуйста, передайте ему, что его известие меня страшно обрадовало и тронуло. Скажите, что я здесь в Париже и мой адрес прежний, что я перенес тяжелую операцию и что жизнь моя очень нелегка. **Постараюсь** ему написать подробнее. Пока он может – если Вы позволите – передать кое-что через Вас. (Адольф Келлер живет 37, Quai Wilson). Буду Вам глубоко благодарен. Вы меня поймете: моя мечта увидаться с Келлером и другими друзьями до того времени, как возможно будет вернуться на родину. Это чудесная мысль. Но нужно навести много справок и это не так легко (всяческая цензура!).

Мы прожили в Нормандии почти месяц и оч[ень] отдохнули. Наташе был особенно необходим отдых. В Норм[андии] все есть и питание несравнимо не только с Парижем, но даже и с Pau*** того времени. Мы все же страшно жалели, что не были у Вас: главная причина – трудность дороги и доставания билетов и разрешений. Если бы это миновало, мы приехали бы специально Вас повидать. Целуем Вас и обнимаем оба, постоянно Вас поминаем с благодарностью так же, как и всю Вашу милую семью, с которой как бы сроднились.

Ваш Б. Вышеславцев

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

* В зале «Ваграм» *(франц.)*.

** Логика сердца Паскаля *(франц.)*.

*** По (Франция).

1 Малышкин Василий Федорович (1896–1946) – генерал-майор, в 1941 начальник штаба 19-й армии, в начале октября 1941 попал в окружение, взят в плен. С января 1942 начал сотрудничать с абвером, окончил курсы пропагандистов. В декабре 1942 познакомился с А. А. Власовым, вошел в инициативную группу по созданию Русского комитета. В июле 1943 выезжал в Париж для установления контактов с русской эмиграцией. 24 июля выступил с докладом о целях «освободительного движения». Возглавил главное организационное управление Комитета освобождения народов России.

2 Келлер (Keller) Адольф – пастор, религиозный мыслитель. После разрыва научных связей с Юнгом и выходом из Психологического клуба участвовал в Оксфордском движении.

Письмо М. М. Федорова

17 августа 1943 года,
Париж

Дорогая Ариадна Владимировна,

Очень тронут Вашим милым письмом, дружеским, сердечным.

Я не прихварываю; дух, как всегда, бодр, но по старости лет (86) ноги почти отказываются служить, да и память немного ослабела.

Я издавал два года «Слово» до приглашения меня графом Витте войти в состав его Министерства министром торговли и промышленности (1), причем мне было предварительно поручено составить проект Министерства торговли и промышленности, как бывшему начальнику отдела Торговли. Проект мой был одобрен и принят. В отставку я вышел, когда все Министерство графа Витте подало прошение об отставке. В третьей Думе я бывал как представитель печати.

Во время смуты я принимал участие в борьбе с большевизмом, сперва как член Совета генерала Деникина и с ним эвакуировался. Затем был вызван в Севастополь (телеграммой генерала барона Врангеля) и вскоре с ним же эвакуировался.

В Париже основал русский Национальный Комитет и издавал газету «Борьба за Россию». Убедившись, что этот план борьбы за Россию цели не достигает, издание это прекратил. Само собой прекратилось и существование русского Национального Комитета, а я всего себя посвятил делу помощи моим соотечественникам: молодым помогал учиться, выдавая им стипендии, а старшему поколению – помогая бедствующим. За все время этой моей работы было выдано стипендий мною и при моем участии другими учреждениями более 23 000. Эта деятельность за отсутствием средств у всех этих учреждений и у руководимого мною Центрального Комитета помощи учащимся очень сократилась, но все-таки и посейчас продолжается.

Я всегда был верующим христианином и способствовал созданию трех русских церквей: в Мурмелоне рядом с русским солдатским кладбищем, в С[ен] Женевьев де Буа рядом с русским общим кладбищем, в Париже во дворе дома, в котором я сам живу.

Твердо верю, что Россия национальная вскоре возродится и примет участие в спасении мира от того безумия, в котором он сейчас живет. Час этот близится, и я молю Бога, чтобы мне было даровано счастие дожить до дня, когда это свершится. Тогда и скажу: ныне отпущаешь раба твоего Владыка по глаголу твоему с миром.

Кажется ответил Вам на все Ваши вопросы. Храни Вас и всю Вашу семью Господь! Сердечный привет всем Вам.

Душевно Вам преданный и любящий Вас
Михаил Федоров

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Рукопись. Автограф.

---

[1] На самом деле Федоров издавал умеренно-либеральную газету «Слово» в 1906–1909, а пост товарища министра торговли и промышленности он занимал с ноября 1905. В феврале – мае 1906 – управляющий Министерством торговли и промышленности.

Письмо В. А. Маклакова

1 сен[тября 1943?]

Милая Ариадна Владимировна,

Сегодня получил Ваше письмо и тороплюсь Вам ответить. Увы! от руки, иначе долго бы не мог написать; сестры в Париже нет. Но это письмо предварительное, и я напишу разборчиво.

Не знаю, известно ли Вам, что из тех статей, что я когда-то писал в «Совр[еменные] Записки», вышла тоже книга «Воспоминаний» в 3 томах, кот[орые] я довел до 1-й Думы. Они были изданы «Иллюстр[ированной] Россией» (1). А потом l'appetit vient en mangeant* и я написал книгу о 1-й Думе. Она напечатана, но выпустить ее вовремя не успели, а сейчас нельзя. Но она готова. Там есть глава XIII, специально посвященная «кадетскому» министерству, но моя эта книга опоздала, т. к. Милюков стал печатать свои воспоминания в «Русских Записках» (2) и я хотел узнать, что он про это расскажет. Ждал напрасно, но из-за этого опоздал.

Но это не все. Очутившись безработным, я написал еще книгу о 2-й Думе. Она кончена, хотя 2 глава еще не переписана на машинке. И вот в этой книге я со всеми подробностями отвечаю на все Ваши вопросы.

---

* Аппетит приходит во время еды *(франц.)*.

И самое простое было бы послать Вам те страницы, где говорится об этом. Но сделаю это только: 1) если Вы обещаете мне их вернуть; 2) если можно их послать заказным, я не хочу, чтобы они пропали.

А пока все-таки в 2 словах отвечу на Ваши вопросы.

По вопросу о терроре совершенно с вами согласен. Это была глупая тактика. Но – a propos* – известно ли Вам, что 7 мая, в день запроса правых о покушении на цареубийство, я предложил к[а]д[етской] фракции в нашу формулу перехода вставить слова об общем осуждении террора. Мы воспользовались бы отсутствием «левых», чтобы принять формулу без прений и раз навсегда покончить с этим вопросом. Фракция мое предложение большинством голосов приняла, но некоторые из оппонентов грозили привести левых и начать прения – и я тогда же предложение снял. В числе этих моих оппонентов помню Пергамента (3), Тесленко и особенно Иосифа Гессена?!

Теперь «о чашке чая на Апт[екарском] острове». Во-первых, нас было 4: я, Струве, Челноков и Булгаков. Инициатива свидания исходила от нас; Челноков устроил это по телефону. Мы приехали после 12 ч. ночи, Столыпин тотчас вышел из заседания Совета Министров; не знаю назначение комнат, где мы беседовали. Конечно, ни о каком чае не было речи. Мы пришли не в гости, а по делу. А перипетии беседы я излагаю подробно в приготовленной книге. Сговориться было можно, но раньше; теперь было поздно. Прибавлю, что наш визит 4-[х] имел основанием прежние «прелюбодейные», по выражению Челнокова, сношения с ним. Мы четверо – имели свое особое название: «черносотенные кадеты». Первая моя личная встреча со Столыпиным была в конце марта, по его инициативе, переданной мне С. А. Котляревским. О ней я рассказал только нам – четверым. Об этой первой беседе я пишу тоже подробно. Потом я у него был раз с Бобринским. А последняя встреча – 2 июня вчетвером.

Если захотите, я пришлю Вам для прочтения соответствующие страницы; жалею, что из-за недостатка бумаги я не сделал лишней копии. Но если Вы не только пишете «Воспоминания», а собираетесь их печатать, скажите из любезности когда и где.

Я дал Струве прочесть мою рукопись; он карандашом написал данные о своих свиданиях со Столыпиным: но он стал многое забывать и путать.

Если не разберете этого письма, верните его; дам его переписать, когда сестра вернется из <нрзб.>.

Рад был что-нибудь узнать про Вас!
Вам пред[анный] В. Маклаков

Я все-таки плохо и недостаточно (?) знаю позицию Е. И.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

* К слову *(лат.)*.

1 «Иллюстрированная Россия» – еженедельный (затем двухнедельный) литературный журнал. Выходил в Париже в 1924–1939. Редакторы: М. П. Миронов (1924–1930), А. И. Куприн (1930–1931).

2 «Русские записки» – ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Выходил в Париже, Шанхае в 1937–1939. Редактор (с 1938) П. Н. Милюков.

3 Пергамент Осип Яковлевич (1868–1909) – адвокат, общественный и политический деятель. Член кадетской партии. Депутат II Государственной думы.

Письмо В. А. Маклакова

30.X.[19]43 г.

Милая Ариадна Владимировна!

Тороплюсь отправить письмо, чтобы не попало под праздники, потому пишу покороче.

Посылаю Вам XV гл[аву], потому что в ней рассказано о том разговоре со Столыпиным, о кот[ором] Вы меня спрашивали. Но посылаю Вам всю главу, т. к. она может быть для Вас интересна. Но я не предлагал и не предполагал посылать все главы; их XVI, и это было бы злоупотребление Вашим временем. Однако вижу, что для полного понимания это полезно. Если бы Вы прочли всю книгу, Вам бы не показалось противоречивым мое отношение к террору. Дело в том, что я принципиально против теории «всемогущества государственной власти». Она не все может. Больше того; всемогущество ей не нужно; им она себя подрывает. Это не «теория» – как говорил Столыпин. Террор можно осуждать; но нельзя с ним бороться всякими средствами. Вы пишите: «Разве можно было умиротворять страну без военно-полевых судов?» Конечно, можно было. Допускаю и военные суды и смертную казнь; но не допускаю военно-полевых судов, как и казни заложников. И разве Вы не согласны с этим, когда сами ужаснулись, увидя за Столыпиным «страшную морду Азефа». И я понимаю Думу, кот[орая] из-за этого малодушия уклонилась от осуждения террора; она не хотела, чтобы осуждение его показало одобрение приемов Столыпина.

Но это (т. е. моя точка зрения) – было бы ясно, если бы Вы прочли всю книгу. Но... это не просто.

Я бы больше хотел, чтобы Вы могли прочесть первую книгу, и она бы была для Вас интереснее; она посвящена «Освоб[одительному] Движ[ению]» – и кончается опубликованием конституции, 23 апр[еля] 1906 г. Она попала в больное место, т. к. Милюков посвятил ей две статьи в «Современных Записках» – 41, 58 книги, и два фельетона в «Пос[ледних] Новост[ях]». Но издатель Гордин из-за копееч-

ного расчета сделал так, что она пропала на складе. У меня самого есть только один экземпляр, кот[орый] я даю читать только тем, кто интересуется. Охотно его Вам бы послал, но не знаю, можно ли пересылать книги? А <1 нрзб.> ни вижу, да и им плохо верю.

Вы кланяетесь моей сестре, я действительно никогда не передаю, но теперь устыдился и сразу передам все.

Преданный Вам В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

14.XI/[19]43 г.

Милая Ариадна Владимировна!

На Ваш упрек я мог бы Вам ответить тем же самым: почему Вы молчали о том, что сейчас так ясно понимаете? Дело, очевидно, не в личностях, а в том, что нужен был опыт. Надо ясно видеть то, что тогда только мерещилось. А, наконец, есть люди, кот[орые] и по сю пору ничему не научились. Я на днях читал мемуары Н. И. Астрова, я не подозревал, что у него большой литературный талант; то, что он пишет о своем детстве, гимназичестве, Университете – очень интересно. Но когда начинает рассказывать об освободительном движении, наших «героях» и «подвигах» – просто обидно и стыдно. Что это было за наваждение, кот[орое] всем слепило глаза? Оно само явление сложное и поучительное; в нем много причин. Но потому Ваш личный упрек бьет мимо цели.

В одном, конечно, Вы правы. Я сам, меньше других, был заражен этим настроением и в то время. Потому я и был так чужд партии. В двух статьях – в «Современных Записках», к[оторые] Милюков посвятил*, он иронически говорит, что я ни в чем с партией не был согласен. Правильнее было спросить меня: зачем я в ней остался? Близкие люди меня об этом спрашивали. Я мог бы сказать, что мне некуда было идти. Ни в одной партии я бы себя не чувствовал на месте. Можно было вовсе отойти от политики; я и собирался это сделать во время войны. Но сделать то, что мне предлагали не раз, основать новую партию, т. е. обличать старых товарищей и т. д. – дело на мой <3 нрзб.>. И притом я не любил наших партийных лидеров, начальство; а рядовые кадеты, обыватели, те, кого встречаем на выборных собраниях, с кот[орыми] много говорим, мне были и понятны и близки. Но они сами лидеров не любили. Я мирился с тем, что в этих обывателях имел опору (особенно в Москве) – с партийным начальством спорить считал бесполезным и неинтересным. Но со-

* Так в тексте.

гласитесь, что вопрос лично обо мне сейчас никому не нужен. Чтобы я ни делал, все шло бы по-старому; а теперь видишь, что иначе и быть не могло. «Дело веков исправлять не легко».

Если бы я мог послать Вам мою первую книгу (трехтомную) – она бы Вам многое осветила лично обо мне. Но Гордин из-за грошового расчета меня обманул, и она почти вся пропала на его складе. У меня есть два экземпляра, кот[орые] вечно в чтении; на нее большой спрос потому, что нигде ее нельзя достать. Я бы Вам послал один экземпляр прочитать, но не хочу, чтобы он пропал. Почтой посылать нельзя, но можно посылкой. Я могу найти <1 нрзб.>, кот[орый] пошлет его как бы от себя; но как вы сможете его мне вернуть?

Пока же, не хотите ли какую-либо другую главу из рукописи? Посылаю Вам оглавление.

В. Маклаков

Вы не согласны с моей оценкой Думы. А я считаю, что она могла бы работать по мере того, как освобождалась бы от влияния лидеров. В ней внутри шли <1 нрзб.> процессы, к[оторы]е наши лидеры не замечали и не умели понять.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

3 дек[абря 1943]

Милая Ариадна Владимировна. Вчера получил обратно XV главу. Думаю, что одновременно Вы получили 1 и 2; наши письма были посланы в один и тот же день. Но, подтверждая получение Вашего письма, хочу добавить несколько слов.

Вы не первая меня упрекнули, что я недостаточно говорю о себе. Может быть, это и так; но я делаю это умышленно. Ведь дело совсем не во мне, и не я могу быть для «публики» интересен. И такой упрек мне делают только друзья. Но я ставлю себя в положение читателя и не хочу давать повод тому неприятному чувству, кот[орое] я часто испытываю, читая мемуары, где автор без всякой надобности описывает свои мелкие ощущения. В книге о 2-й Думе мне поневоле пришлось говорить о себе, и я это делал как можно реже и кратче. Читали ли в «Воспоминаниях» П. Н. Милюкова, как он на вокзале Финляндской дороги познакомился со своей 2-й женой, и как они друг на друга произвели впечатление! И я боюсь уподобиться этому.

Если Вы будете продолжать желать читать мою рукопись, я пришлю Вам IV главу, как Вы хотели, но и XVI, кот[орую] Вы не просили. Это – последняя глава и итог всего, что было сказано раньше. XVII неизвестно когда напишу, и она будет особого рода; только случайно

прицепится к этой книге, как послесловие жизни. Но что мне хотелось бы Вам дать и узнать Ваше мнение, это мою первую книгу – «Власть и общественность», т. е. «Освободительное движение» и «1-ю Думу». Глядя на них всех в совокупности, я скажу, что они по содержанию внутренне связаны; тоже повторяют друг друга, потому что я на все и всегда смотрел одинаково. Я все думаю, как это сделать т. е. как послать.

А если Вы пришлете мне Пушкина, был бы очень рад; ведь у Вас же рукопись не в одном экземпляре? Если бы было в одном, и Вы бы не послали, и я бы не просил. Но сейчас беда – думаю опять не достанешь.

Вам предан[ный] В. Маклаков

Если Вы прочтете пер[в]ую книгу, то Вам многое будет яснее из моих позднейших позиций. Это понял даже и Милюков, кот[орый] в них нашел <1 нрзб.> моей политической негодности. Он, может быть, прав; того, во что выродилась наша «политика», моя душа не принимала. И недаром во время войны я решил в 5 Думу не ходить. Это нежелание само собой вспоминают; но прилично ли о нем писать? Кому это интересно?

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

14 дек[абря 1943]

Милая Ариадна Владимировна!

Мне очень приятно переписываться с Вами; потому тотчас отвечаю на Ваше письмо, не дожидаясь возможности новой посылки.

Вы, конечно, правы, что мы «последние могикане» и в качестве таковых можем оказаться для историков интересны; но нас уже столько описывали с разных сторон, что этот тип не исчезнет бесследно; да этому описанию и я кое в чем помогал. Кроме моей первой книги у меня есть воспоминания о Москов[ском] Университете и др. Этих описаний я не избегаю; но не хочу говорить о себе и своих переживаниях. Т. е. говорить с дружеским собеседником рад; но постав[ить] это во всеобщее сведение – меня удерживает тот же стыд, что ходить по улицам голому. Я и то боюсь, что слишком много о себе говорил. Я бы не мог вынести своего «юбилея».

А, кроме того, я вообще не буду больше писать книг: разве если придется небольшие статьи по отдельным предметам; тем найдется немало помимо своих похождений. Вы не относитесь легко к XVII главе; хотя я внешне прицеплю ее к книге, она «мое понимание» того, что вообще происходит. Но «<1 нрзб.>» моя переписка, а не знаю, кто разберет мой почерк.

Вы спрашиваете, откуда я взял выражение «мистика конституции». Но ведь этот термин или понятие «мистика» теперь общее место. Вот так говорят, но специально о «мистике конституции» я говорю в 1-м томе моей первой книги. Потому я и употреблял это слово, мне знакомое и «понятное». Это ошибка, но никто, кроме Вас, этого не заметил.

Теперь самое главное. В следующий раз, т. е. когда Вы прочтете 1 и 2 главы, я Вам пришлю 3-ю и 4-ю (3-и вместо 16). Вы <1 нрзб.> не спрашивали, а она будет для Вас по-русски. Там много говориться о Столыпине и его программе; но так обще, как в 1-й главе, ни на <1 нрзб.> вопросам, особенно крестьянскому. Раз он Вас интересует, то кое-что может Вам пригодиться. А, кроме того, Вас может заинтересовать другое. Я понимаю, что я не в состоянии буду писать о 3-й и 4-й Думе, как мне бы хотелось. И я [пишу лишь] при случае, кстати, забегая вперед, чтобы сохранить то, что имеет все шансы осветить неизвестное (я говорю про закулисные стороны известных событий). Раз такой грех со мной случился в этой главе, по поводу общего выступления в 3-й Думе; тут кое-что есть и личного. Конечно, это было бы <1 нрзб.>, чтобы Вам посылать; но все это «кстати» для выяснения позиций Столыпина.

Мне все-таки очень хочет[ся] послать Вам мою первую книгу; хотя бы первый том. Между прочим, в Совр[еменных] Зап[исках] была о ней рецензия А. Керенского. Мне на этом примере пришлось увидеть, что в нем больше понимания несогласных, чем у Милюкова. А, кстати, и он отмечает, что я слишком мало о себе говорю, что это не «личные воспоминания». А Милюков в Пос[ледних] Нов[остях] написал, что я слишком много собой занимаюсь и свожу лично к себе.

Видите, что значит, что я написал так много. Почерк вышел много хуже.

Предан[ный] Вам В. Маклаков

Я показал <1 нрзб.> Вашего письма моей сестре; о бесполезности через меня посылать <1 нрзб.> Она вполне с этим согласна.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

26/XII.[1943]

Милая Ариадна Владимировна!

Посылаю не только 3 и 4 главы, как было условлено, но и 5; они сравнительно коротки и заканчивают период междудумья; с VI главы начинается уже рассказ о самой Думе (VI–XVI); из них XIV и XV вы уже имели; пришлю, следовательно, последнюю XVI. Она <1 нрзб.> оказалась предпоследней, т. к. я написал XVII; но она стоит совсем

особо и в таком виде еще не годится. Мы, значит, со следующей посылкой покончим со 2-й Думой, если Вы не пожелаете прислать какую-либо из промежуточных глав на усмотрение.

Возвращаюсь к Вашему письму об интересе к «личности» автора, кот[орый] может быть интереснее книги. Мы говорим о разных вещах. Конечно, во всякой книге высказывается личность автора. Но для автора вовсе не нужно о себе говорить. Сошлюсь на Ваши примеры (кроме Гёте, да и то редко). Где же Пушкин и Толстой о себе повествуют, хотя бы, в сущности, пишут о себе. В их книгах мы узнаем авторов помимо них. Да и когда речь ведется от «первого лица» и похожа на автобиографию («Севастопольские рассказы», «Казаки», «Детство» и «Отрочество») – лицо автора вымышленное. Не думаю, чтобы они согласились писать о себе, заведомо для читателей. Вся пушкинская лирика «обезличена», хотя бы и имея в виду личные переживания. А я не поэт, говорю о действительной жизни, конкретных людях и конкретной эпохе. Вам, автору, надлежит себя не ставить в рассказ. Я помню, как однажды Пассовер (1), прослушав мой трехчасовой доклад о процессе Павловских сектантов (2), мне потом ставил в заслугу: «Человек три часа рассказывал о процессе, где он защищал, и ни разу не сказал слова “я”». Так ли бы на его месте поступил О. О. Грузенбург? A propos: в моей статье о Винавере, написанной по настоятельной просьбе его семьи, говоря о Пассовере, я упомянул, для характеристики его своеобразной манеры, как он, встретив меня уже старым депутатом, меня похвалил: «Так много Вы говорили в Думе и еще ни разу не одной глупости не сказали! Так ли поступали Ваши коллеги!» Курьезно, что составители сборника просили меня выпустить эту последнюю фразу: ее де сочтут намеком на Винавера! Я охотно ее выпустил, но не без недоумения.

Не могу не возразить, что самое интересное в книге сам автор. Так можно сказать, упоминая потом о Гёте, Достоевском, Толстом и Пушкине. Конечно, в этом Вы правы. Но чтобы не говорить своими словами, напомню Вам, что, <франц. выражение нрзб.> и «quod licet Jovi, non licet bovi»*. А главное, эти авторы, кем бы именно мы ни интересовались, о себе не говорили и себя читателю не навязывали; а они рассказывали о других, а о себе только поскольку они выступали «свидетелями». Конечно, здесь вопрос такта. Иногда писателю приходится говорить о себе. Но это нельзя делать целью рассказа; это надо предоставить другим; а если другие молчат, не беда. Ведь это все суета.

Ну, и, наконец, как в анекдоте, – почему вы не поете? – я все-таки говорю о себе, и «обижаю» себя настолько, насколько это хотя бы для близких людей могло быть интересно. Но т. к. я пишу не для них, а для большой публики, кот[оро]й я неинтересен, то это надо делать настолько дискретно, чтобы близкие люди оказались недовольны

* Что позволено Юпитеру, не позволено быку *(лат.)*.

дискретностью. Если бы Вы прочли мою первую книгу, то Вы бы там нашли подтверждение моих слов. Кстати, там же Вы нашли бы элементы ответа на Ваше замечание о героях Киева в 60-х годах. Но как Вам послать эту книгу!

Я видал сегодня Л. Е. Тесленко (3). Она дала для Вас эту записку.

Предан[ный] Вам В. Маклаков

Узнал, что в начале января <фам. нрзб.> едет в Экс-ле-Бен на свидание с Милюковым; буду просить его захватить с собой два первых тома моей трехтомной книги и Вам переслать. Мене хочется, чтобы вы ее прочитали.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Пассовер Александр Яковлевич (1840–1910) – адвокат, присяжный поверенный Петербургской судебной палаты (с 1872); многие годы состоял членом Совета присяжных поверенных.

[2] Павловских сектантов обвиняли в погроме православной церкви. Подсудимые по этому делу были приговорены к каторжным работам, замененным впоследствии ссылкой на поселение под особым психиатрическим надзором.

[3] Тесленко (урожд. Компанеец) Лия Ефимовна (? – после 1943) – жена Н. В. Тесленко.

1944

Письмо В. А. Маклакова

8 янв[аря 1944]

Милая Ариадна Владимировна!

Вы меня огорчили тем, что не удовлетворились почерком последнего письма. Буду писать медленнее, но зато телеграфным стилем.

1) Мне бы очень понравилось заглавие – Столыпин и 2-я Дума, и я Вам в этом уступлю, если, прочтя до конца, вы при этом останетесь. Но... вот мои возражения. Книга повествует о Думе, а Столыпин в ней только появляется, поскольку он касается Думы. Поэтому заманчивое заглавие было бы неточно и несправедливо к Столыпину. И второе; вся эта книга [–] продолжение первой (надеюсь, до Вас уже дошли первые два тома?). А первая книга носит заглавие – «Власть и общественность на закате старой России». Я предполагал эти слова поставить «подзаголовком» после 2-й Думы, или «наоборот». Тогда это будет похоже на Ваше заглавие.

2) Вы недовольны тем, что я писал про «октябристов». Не буду себя защищать. Но скажите мне, что такое «октябрист» – как сводный политический портрет? Октябристом был и Столыпин, и Шипов, и Ста-

хович, и Гучков, и Хомяков и т. д. Темперамент был и у Стаховича, и у Гучкова. Темперамент не был у «партии», как его не был и у кадет[ов], и по той же причине: обе партии – <1 нрзб.> со своими врагами, кот[орые] их обессиливали и только в этом я их сопоставляю. Единственно, что было нужно – это соглашение разумной власти с разумной частью октябристов и кадет, и всех сторонников и тех и других. Говоря конкретно, нужен был «прогрессивный блок» при «Столыпине». Но когда Столыпин на это шел, не было еще «прогрессивного блока». Когда в 1915 году был «прогрессивный блок», не было уже Столыпина. Но по моему убеждению, «пр[огрессивный] блок» мог бы образоваться во 2-й Гос[ударственной] Думе, если бы на это дали ей время. Этому помешал государь. Эту идею не проводит, а внушает читателю моя книга. И, если хотите, действительно никто не виноват, потому что виноваты оказались все. Но самый лучший шанс, 1905–1906, проиграли кадеты и первая Дума. И в их оправдание можно сказать только то, что верхом на них тогда ездили левые.

3) Теперь об анекдотах; кое-какие я привожу в своей книге. Но от анекдотов о «комиссии по неприкосновенности личности» – она именно так называлась – я воздержался прежде всего потому, что они относятся к 3-й Думе, а не ко 2-й. Я и то делал слишком много экскурсов в 3-ю Думу, но имел то оправдание, что они кое-что освещали из эпохи второй.

4) Не совсем я понял Ваш намек, хотя именно им заинтересовался. «Надо было, – говорите Вы, – искать поддержки в новых слоях. Это было главное, о чем твердило общественное мнение!» Однако на какие новые силы Вы намекаете? Ведь и после 17 окт[ября] власть это хорошо поняла и эти силы искала. Витте пробовал прежде всего опереться на земскую среду, на организованные земские силы. Он пригласил к себе Шипова. Тот себя отвел, направил к «бюро земских съездов». Оно выслало кн. Львова, Головина и Кишкина. Те объявили Витте, что «необходимо» Учредительное Собрание по 4-[хвостке], и до этого земцы помогать не станут. Месяцем позже Милюков от себя говорил Витте, что необходимо немедленно октроировать «бельгийскую» или «болгарскую» конституцию. Кадеты на Апрель[ском] съезде 1906 г. – объявили, что конституция 1906 г., во-первых, не «конституция», а во-вторых, нарушает права народа. А в «Освобождении» Милюков проводил мысль, что российская общественность должна дать Союз Союзов...

В том-то и беда, что в 1906 г. у нас не было «либеральной общественности», для кот[орой] была бы дорога «государственность». Она могла бы выработаться в процессе работы с властью. И этого она не хотела. А кто хотел с властью работать, не был либералом. За все это мы обязаны эпохе Александра III.

Но мой почерк, кажется, снова испортился, и все это есть в моей первой книге.

Кончаю.

Я никак не ожидал найти читателя в сравнительно молодом поколении, Вашем сыне. Они более прямолинейны в ту или другую сторону.

И последнее, я все-таки не потерял надежды, что Вы мне пришлете, что можно прислать, из 2 тома о Пушкине. A propos – во втором томе «Нового Журнала» есть статья Е. Извольской (1), где говорится, что Вы ее читали и что Вы «не названы», но догадаться нетрудно.

Ваш Маклаков

Извести[те], получили ли – две книжки?

И когда же главы о 2-й Думе теперь посылать? Скажите сами.

---

[1] Извольская Елена Александровна (1896–1975) – писательница, переводчица. Дочь царского министра иностранных дел А. П. Извольского. С 1914 жила в Париже, сотрудничала во французских журналах духовного направления. В 1941 выехала в США, обосновалась в Нью-Йорке. Активно участвовала в издании экуменического журнала «Третий Час» (1946–1975); один из редакторов журнала. В Америке присоединилась к социально-христианскому движению «Католический Работник» (Catholic Worker). Преподавательница Фордамского университета в Нью-Йорке.

9 янв[аря]

Ступницкий вернулся. Он послал Вам два тома заказной бандеролью из Aix 7 января. Очевидно, вы их уже получили.

Что касается до Вашей шутки, что я буду сделан героем «истор[ического] романа», то позвольте мне на это Вас известить, что еще в [18]92 году я удостоился этой чести в романе П. Боборыкина (не помню заглавия), где я выведен под именем студента <фам. нрзб.>. Меня все узнали, да он этого и не скрывал; но сходство, как всегда, не шло дальше наружности и некот[орых] биографических черт. А затем внутреннее содержание человека было всегда <1 нрзб.>. И для этого удовольствия не стоит о себе <1 нрзб.> «анекдоты». Их в моей жизни было немало, но об них мне неохота рассказывать. Сейчас моя «амбиция» не шла бы дальше желания, чтобы что-либо из того, что я делал, меня пережило. А этого я не вижу. Было ученое сочинение (о нем в 1-й книге, стр. 120); потом я надеялся, что этим будет «Наказ» – это было бы наказом всех Дум, и это не удалось. Теперь Вы меня балуете мыслью, что мои «воспоминания» могут быть интересны. Может быть. Но я больше верю Ключевскому: смерть есть забвение. И это утешение; не будешь знать, что прожил и раскаиваться в том, что жил бесполезно.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

24 янв[аря 1944]

Милая Ариадна Владимировна,

Не удивляйтесь, что я Вам пишу опять, раньше Вашего ответа. Но у меня впечатление, что последнее письмо очень плохо написано, что бывает всегда с длинными письмами. В конце они становятся illegibility*; а так как деловая часть письма пришлась к концу, то я хочу к ней вернуться.

Вы, да, по-видимому, и все Ваши такие благодарные читатели, что я был бы очень рад, если бы Вы могли прочесть насколько можно больше, пока почтовое сообщение, да и всякое еще не прекращено, как предсказывают. И я не хотел бы, чтобы посланное застряло у Вас; потому не хочу посылать больше, чем Вы сможете одолеть. Но кое-что непременно хочу Вам показать. Я вообще из-за почерка и отсутствия «диктофона» очень затрудняюсь писать и не считал это никогда своим делом, если бы не Фундаминский (1), кот[орый] меня изнасиловал, пока я не вошел сам во вкус.

Итак, что же Вам посылать.

У меня есть третий том книги, эпоха от 17 окт[ября] до 1-й Думы. Если Вы его не прочтете, то картина не будет ясна. Его нельзя посылать почтой, только посылкой. Что же Вам посылать – его или II Думу? Ведь не будете же Вы читать и того и другого. Решите сами, что Вам интереснее. Последнюю главу (XVI) = 2-я Дума я Вам непременно пришлю. Но средина от X до [X]III может быть менее интересна; а XIV, XV и XVI Вы уже читали.

Это главный вопрос.

Но у меня есть другие вещи, кот[орые] хотелось бы Вам показать и которых хватит надолго.

Есть, во-первых, 1-я Дума, напечатана, но не выпущена и кот[орую] нельзя выпускать без риска для типографии; у меня есть не сброшюрованный экземпляр, к[о]т[орый] можно было бы посылать по листам. Я Вам мог бы послать вступление (где я полемизирую с Милюковым) и оглавление. По оглавлению увидите, какие главы могли бы быть полезны для Ваших воспоминаний.

Это для Вас; а вот для меня.

а) Если Вы только из моих воспоминаний узнали, что я был историком, то, значит, Вы не читали сборники о Моск[овском] университете (175-летие), изданные в Праге; там есть моя статья (отрывок из студенческих воспоминаний, другой напечатан во «Власти и общественности») – о Герье, Ключевском и Виноградове. Хотел бы Вам их дать прочитать, так как это моя «<1 нрзб.>» история старой России. Они коротк[ие].

---

* Неразборчивый, нечитаемый *(англ.)*.

в) Оттиск из «<1 нрзб.> Review» (рецензия на Перса) – в оправдание того, что я показался несправедливым к Николаю 2. Этого оттиска можно не возвращать.

с) Оттиск из его французского предисловия к переводу материалов Верховн[ой] следственной (муравьевской) комиссии. Конечно, это не для Вас, а для французской публики; но кое-что может быть и Вам интересно. Милюков(?) очень на это предисловие поморщился, но заявил, что можно не вырезать, чт[обы] оно не получило распространения. Это тоже единственный экземпляр и надо будет вернуть.

Вот и все. Видите, что l'appetit vient en mangeant*. Теперь я прошу, чтобы Вы меня прочитали, или это уже старческое тщеславие?

Ваш Маклаков

Из всех моих писаний наибольший успех имела «коротенькая» заметка о «шофере» (1915). Во многих эмигрантских изданиях она перепечатана.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Фондаминский (Фундаминский; лит. псевд. Бунаков) Илиодор Исидорович (1880–1942) – член ЦК эсеровской партии. С апреля 1919 – эмигрант, жил в Париже. Один из редакторов журнала «Современные записки» (1920–1940). Редактор «Русских записок» (1937–1939). Издавал вместе с Г. П. Федотовым и Ф. А. Степуном «Новый град» (1931–1939). Погиб в Освенциме.

Письмо В. А. Маклакова

2/II [1944]

Милая Ариадна Владимировна. Я и сам понимаю, что последние письма были плохо написаны. Попробую писать крупнее, но главное, надо меньше писать. Отвечу на Ваши вопросы.

Конечно, [я] прежде не так ясно, как позднее, сознавал ошибочность нашей тактики. Но это не все. Я не настаивал на сознании явной бесцельности этого. Убедить других я бы не мог. Да и способ обсуждения во фракции и комитете не помогал уяснению: я вообще там говорить не любил. Я беседовал часто с отдельными лицами. В XV главе я рассказывал, когда сообщал трем человекам свою встречу со Столыпиным. Мы тогда совместно решили, что говорить об этом во фракции только вредно. Помню один свой разговор с Набоковым, кот[орый] он кончил ироническим советом перейти к октябристам. Или с Тесленко, кот[орый] только смеялся. В них было слиш-

---

* Аппетит приходит во время еды *(франц.)*.

ком сильно предубеждение, что «сговориться» нельзя. Кстати, не противоречите ли Вы себе, своему последнему упреку в молчании, когда находите, что я теперь должен был бы больше обвинять «правительство»? Я думаю, что никаким красноречием и личным впечатлением нель[зя] было объяснить «предубеждение» общества. Сдвинуть его с места могла бы только «энергичная» деятельность правительства. А для нее нужно было сближение с Думой. <франц. выражение нрзб.> А вот Столыпин был не один, около него был государь, с душой, открытой для <1 нрзб.> влияния.

Вы спрашиваете, почему я назвал его вдохновителем военно-полевых судов? Я на это дал ответ в 23 главе, где цитировал его переписку со Столыпиным (из «Красного архива»). Не берусь разгадать этого человека. Он лучше, чем его рисуют. Из всего того, что я о нем читал, отмечу объективность <1 нрзб.> Гурко (1); отчасти Крыжановского. Но это все <нрзб.> его не объяснить. Его нельзя отделить от его скверного окружения, начиная с императрицей. Но <1 нрзб.>, что только это окружение на него и влияло. Жалею, но в этих «<1 нрзб.>» моего брата, я с ним не виделся. Но едва ли и он мог бы ответить.

Насчет Петрункевича. Секрета его влияния я не знаю. Читали ли Вы его книгу? Как интересно, пока говорит о 60–80-х годах; однако интерес пропадает, когда он говорит об «Освоб[одительном] Движен[ии]». Думаю, что только в старых годах он остается самим собой, естественен, а потому и силен. Он представлялся либеральной дворянской помещичьей оппозицией. Ему надо было сражаться с предводителем, с губернатором и с «третьим элементом». Когда же он окунулся в политику Освобождения, уступил первые роли интеллигенции, он перестал быть собой, и бессознательно, когда их не отталкивает, спорил их голосом. А подголоски всегда идут больше, чем нужно. Его влияние – есть иллюзия. Он казался влиятельным, пока шел за другими, подтягивал им. А пока он это делал, в нем ценили видного «<1 нрзб.>», как ценили знатного пленника, и вообще выходцев из чужого лагеря. Почему ценили так Долгоруковых? Мне было всегда интересно видеть, как из-под маски, кот[орую] Петрункевич носил, вдруг неожиданно выглядывало его настоящее лицо, и слышались искренние <1 нрзб.>, а не интеллигентские ноты. Но влияние Петрункевича за пределами моих наблюдений. Я его не видал и не ощущал.

Я не буду больше писать, т. к. не могу объять богатства <нрзб.> 3-й Думы: чтобы все перечитать, передумать и определить ее место, как это я постарался сделать для 1-й и 2-й Думы. Да и <1 нрзб.> начинать это. Конечно, я мог бы воспроизвести отдельные воспоминания, о кот[орых] Вы говорите. Но для этого нужен журнал, где их можно печатать, и издатель, кот[орому] они интересны. Тогда это сделать легко, но иметь их про запас просто лень, как писать письма, кот[орые] не[ком]у отослать. Но вообще мне легче и приятнее вспоминать старое, чем обсуждать новое. Если бы мне оставалась больше жить, я бы

хотел довести воспоминания до революции. После нее не хочу писать воспоминания: постыдно.

Из Ваших двух упреков – что я теперь не обличаю правительство и что в свое время я его не <1 нрзб.> защищал – я считаю гораздо более справедливым второе. Я слишком легко признал бесполезность подобный усилий, и если теперь не обличаю (повторяю, что Вы не правы с «шофером»), ибо с правительством не боролся, как было бы должно. <1 фраза нрзб.> Ведь и так Милюков писал про меня, что я был всегда в партии при особом мнении и признавал только minimum дисциплины. <1 фраза нрзб.> Алданов верно написал: партийность есть организованная нечестность мысли.

В. Мак[лаков]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Имеется в виду мемуары: Gurko V.I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford, 1939 [Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.]

Письмо В. А. Маклакова

9/II.[1944]

Милая Ариадна Владимировна!

Получил Ваше письмо от 7/II и вышлю Вам еще 3 главы – IX, X, XI. После этого останутся XII, XIII и XVI; XIII, XIV, XV – вы уже читали. Есть еще XVIII, но она не совсем переписана, и она к этой книге, в сущности, отношения не имеет; Это баловство, кот[орое] отняло у меня зря много времени. Ее я Вам не пошлю; но посылаю – если не надоело читать – 12, 13 и 16. Мне лично хочется, чтобы Вы прочли 16, заключительную.

Останется 1-я Дума, не знаю, как с ней быть? Это – единственный экземпляр, печатный – и пока еще нелегальный. Мне было бы особенно интересно Ваше мнение о ней, раз у Вас к ней есть слабость. A propos: у меня по поводу ее есть «странное» письмо О. О. Грузенберга; я ему написал, что пишу книгу о 1-й Думе (у меня вообще большая с ним переписка). Он дал ряд указаний, как нужно эту книгу писать, как смотреть на 1-ю Думу (указаний совершенно банальных и неинтересных) – но затем с грустью добавил: «Но Вы, наверное, не так к этому вопросу подходите». Он не ошибся, совершенно не так, но как подходите Вы? Мы, в общем единомышленники, но в отношении к 1-й Думе совершенно расходимся. Хотелось бы Вас убедить.

Из Вашего письма вижу, что мы расходимся еще в одном пункте, о роли «личности» и «самотеке». Это не важно. Расхождение не име-

ет значения, т. к., во-первых, нет никакой возможности доказать, кто больше прав; а во-вторых, что правы оба, оба фактора имеют значение, а вопрос, что больше, что меньше – есть праздный вопрос, игра слов и ума. Дело не в этом вопросе, а только в способах изложения исторических фактов. Здесь разница, конечно, большая. «Историей» можно интересоваться двояко: с точки зрения «созерцания» и с точки зрения «понимания». Тот, кто увлекается «созерцанием», больше занят «личностью», историческими героями, их характеристикой; тому, кто хочет историю «понимать», это менее интересно; он выискивает те общие условия, кот[орые] помогают «личностям» иметь успех, и накладывает на них свое отношение (?). Вы – ведь беллетрист, романистка, художник; помню как моя мачеха, Л. Ф. (1), восхищалась Вашим романом (название забыл). Я же историк, при этом Виноградовской школы; мне интереснее общие причины событий. Характеристика лиц у меня поэтому всегда поневоле случайна. Конечно, когда подход[ишь] уже к событиям современности, наблюдаешь их изблизи, как я пишу свои воспоминания, полной исторической оценки не может и быть; личности заслоняют подготовку событий. Но я и не являюсь историком Думы, как историку быть полагается; историк касается их мимоходом, т. к. они – мгновение в процессе истории. Я пишу, как современник, наблюдавший жизнь вплотную; излагаю, а не рассуждаю. Но, конечно, само изложение, выбор предметов выдает невольно исторический подход к вопросу. Я хотел бы своими книгами помочь «историку», а не «романисту». Я только один раз в своих писаниях хотел воссоздать «личность», а не эпоху; это в статье о «Плевако» (2). Но это потому, что эта личность ни на какую эпоху не похожа. Он – индивид, и главное никто его по-настоящему не понимал и не оценил.

Вы мне даете совет различать Долгоруких; вы правы. Но в 1-й Думе речь идет только о Петре, а во 2-й Думе только о Павле.

Я думаю, Вы неправы, обвиняя «юристов», т. е. юриспруденцию. Напротив, беда наша была в том, что мы не были достаточно «юристами», а теми, что Милюков называл «настоящим политиком». «Политика» – в наших устах была синонимом интеллигентски самодовольного произвола, когда у властей «политик» был признаком неблагонадежности. Юриспруденцией они только себя камуфлировали. Вы по скромности не хотели (<1 нрзб.>) разносить <?> учения настоящих политиков и им подчиняться, но юриспруденция была не при чем. Я жалею, что ее было мало; ибо «право» могло бы влиять на «политику». А у нас «политика» влияла на «право».

10 ф[евраля]

По поводу нашего разномыслия хочу Вам процитировать несколько строк из речи, кот[орую] я говорил в нач[але] 1926 г. на первом

празднике «Рус[ской] Культ[уры]». Она была напечатана в «Совр[еменных] Зап[исках]» под заглавием «Рус[ская] Культура и Пушкин». В ней такие слова: я не могу слышать без раздражения высокомерные слова: мы создали Пушкина или Толстого. Не мы их создали; но у русского народа все же есть права и на Пушкина и на Толстого. Они в том, что народ их понял и оценил. Права России на Пушкина – это те сотни незнакомых людей, кот[орые] толпились у ворот его дома, когда узнали, что он умирает; это – тот культ, к[оторы]м народ окружил его память. Культ не создает божества и его не возвышает; но культ очищает и возвышает молящихся. Культом своих героев народ приобщается к этим избранникам и отводит им место в истории. Это дает ему на них и право... И дальше... И сами вожди исполняют свое назначение только тогда, когда ведут за собою других, пусть не всех и не сразу; но если за ними никто не идет, если они остаются непонятными и чужими – то и они пройдут по земле без всякой пользы...

Хочу этой цитатой показать, что я не игнорировал значения «личности», но ее цели зависят <1 нрзб.> от состояния толпы, или от самотеков. А самотеки легче понять и определить, чем <1 нрзб.> «личность». Здесь расходятся не наши понимания, а наши специал[ьные] интересы. Я не мог бы написать Вашего «Пушкина». Но он, как говорил Герцен, «роскошь» истории; такие люди жизнь «красят», но жизнь идет и без них.

В. М[аклаков]

P.S. Вы писали, что послали рукописи; я их вот уже два дня не получаю. Вы или ошиблись, или почта <1 нрзб.>. Потому и сам ничего не посылаю.

Я не получал также возвещенного письма Вашего сына. <1 фраза нрзб.>.

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Маклакова (урожд. Королева; в 1-м браке Ламовская) Лидия Филипповна (1851–1936) – прозаик, мемуаристка, общественная деятельница. Сотрудничала в ряде газет и журналов. В 1885 вышла замуж за А. Н. Маклакова, профессора-офтальмолога. Автор воспоминаний о И. А. Гончарове, И. С. Тургеневе, Г. А. Лопатине, актрисе П. А. Стрепетовой.

[2] Плевако Федор Никифорович (1842–1909) – адвокат, выступал защитником на крупных политических процессах, судебный оратор.

Письмо В. А. Маклакова

28 февраля 1944 г.

Милая Ариадна Владимировна! Получил Ваше письмо: сестре лучше, помещена она очень удачно, но слом шейки бедра вещь очень скверная; раньше 3 мес. ей не позволят ступать на ногу и узнать, не останется ли в ней хромота. Если бы Вы передали ей Вашу записку; буду там после панихиды. Может быть, Вы, впрочем, не знаете, что скоропостижно умер П. Б. Струве и что его завтра хоронят?

Но я тороплюсь Вам писать, т. к. Ваше письмо задело меня за живое. Если бы Ваше впечатление и Ваша оценка впечатления, кот[орое] мои писания производят, были правильны и объективны, то я бы пожалел, что все это писал. И хоть Вы задели меня за живое, это произошло больше всего от того, что Вы кое в чем несомненно правы. И потому я совсем не нападаю, а защищаюсь.

Задело меня то, что Вы как будто считаете, что я стал «кающейся Магдалиной», чем Вы не хотите быть, и когда в «Совр[еменных] зап[исках]» появилась моя первая статья, не вошедшая в книжку, то Милюков свою передовицу, посвященную ей, озаглавил «Кающийся кадет». Потом он сам признавал, что дальнейшие статьи этой передовицы не оправдали. Я не перешел в противоположный лагерь и не стал апологетом нашего «прошлого». Вы ставите вопрос иначе и правильнее; Вы указываете, что создается как бы оптический обман. Я нападаю на «общественность», молчу или только мельком говорю о власти и ее грехах, и создаю впечатление, что власть была права или «не виновата». И я признаюсь, что без комментария <?> такое впечатление может создасться, но оно будет глубоко неправильно; особенно может создасться впоследствии, когда обстановка появлений моих статей будет забыта вполне основательно; потому, как видно, и сейчас она, увы, недостаточно ясна.

Дело в том, что я все-таки не историк и не судья, кот[орый] выносит справедливый приговор; я человек того лагеря, кот[орый] до сих пор обвинял во всем только власть. Продолжил делать это даже тогда, когда привел Россию к катастрофе. В 1921 г. Милюков писал про Столыпина, что он «царедворец и придворный», а не государственный человек. <1 фраза нрзб.>

Мои писания были вызваны этим. Это неправда меня возмутила, и против нее я протестовал своими воспоминаниями. Если я так ставил задачу, указать наши ошибки, то я мог только попутно говорить о грехах власти. Они были общеизвестны и общепризнанны; я не хотел бить по лежачим, а сосредоточиться на своей главной теме. Отсюда для тех, кто не знал, что я говорил раньше, кто думал, что я переменился, и создается оптический обман, кот[орый] Вы отмечаете. Конечно, этого уже не поправишь; но это все в <1 нрзб.>. В доказательство процитирую несколько слов из той первой вступительной

статьи («Сов[ременные] Зап[иски]» № 38 – котор[ой] начаты мои «Воспоминания»: «Едва ли можно сомневаться, что суд истории осудит их (защитников старого режима. – *В. М.*) – больше всех остальных. Они долгие годы имели в руках власть, никем не оспоренную и никем не ограниченную; если бы в свое время они воспользовались этой властью для того, чтобы вести Россию вперед по тому пути, по кот[орому] ей все равно было неизбежно идти, если ее государственную отсталость они не принимали лицемерно за ее преимущества, не старались охранять и защищать в ней то, что было ее недостатком, то какую бы мощь сейчас представляла Россия... И получилось то, чего еще так недавно нельзя было ожидать; началась огульная реабилитация старого... Самые мрачные страницы реакции Александра III в сравнении с эпохой рабоче-крестьянского правительства кажутся теперь идеалом общественного порядка, свободы и права».

Но все же, я не защищаю старого, но я ставлю задачу «отыскать свои ошибки». Я писал: «Обнаруживать свои ошибки часто есть прямой интерес и даже долг побежденного. Ведь если бы в наших действиях не было этих ошибок, то вина за поражение лежала бы на деле, кот[орое] мы защищали... Для тех, кто под впечатлением катастрофы не изменил самим идеям, должно быть ясно, что роль этих идей в России еще не сыграна; и что выйти из той пропасти, куда столкнули Россию, в окончательном выводе можно только через них. И потому на тех, кто представлял когда-то в России эти идеи и сознательно служил им, лежит долг не защищать во что бы то ни стало себя и свои прошлые действия, а, напротив, самому объяснить свою неудачу»...

<Фраза нрзб.> А сейчас только укажу на недоразумение с Вашей стороны. Вы напоминаете, как я «требовал арестантских рот для пристава, дерзнувшего прийти на кадетское учредительное собрание» – и говорите, что я поглупел, как остальные. Вы не поняли – и это ошибка изложения, но было вовсе не то, перечтите <нрзб.> III том, и вы поймете, что это было «хулиганство» и «озорство», что мы, как я сам говорю, пользуясь бессилием власти, смеялись <1 нрзб.> приставам в лицо. Тесленко кричал на него, что «не даст ему слова», а я «некстати» в том же порядке, издеваясь, ораторствовал о «превышении власти» и ответственных за это... Это не было серьезно, а озорство, кот[орое] как озорство имело <нрзб.> и было причиной избрания меня в ЦК. Только потому я это и рассказал как образчик бессилия власти и озорства публики. Но и я и все понимали, что это не серьезный <1 нрзб.>. А вот <2 нрзб.>, или отмежеваться от терроризма было уже серьезно.

Вот мои оправдания перед Вами. Я, как и Вы, не кающаяся Магдалина, но и не <1 нрзб.> кадет. И м[ожет] б[ыть], мои <2 нрзб.> в том, что я предполагал, что читатель сам это учтет. И в этом я ошибся, и Вы правы, не учтет, и меня не поймет. Ну что же делать!

В. Маклаков

Не забудьте вернуть оба документа.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

[март 1944; ответ на письмо А. В. Тырковой от 23.02.1944]

Вы видите, как скоро я исполнил поручение; письмо сестре уже передал и посылаю ее ответ. Через неделю ей разрешат вернуться домой; тогда и начнется для нее мучение Тантала. Не знаю, насколько ей пока больно; она мне никогда не говорит всей правды.

Я торопился Вам ответить и потому написал очень неразборчиво, а может быть, и бестолково. Меня задела Ваша фраза, что Вы не хотите быть кающейся Магдалиной, как будто я только каюсь <конец фразы нрзб.>. И задело потому, что такое впечатление действительно может создаться. Я и тороплюсь с горячностью Вам возразить, что я пишу не как беспристрастный историк, а в порядке полемики с теми, кто, как Милюков, и сейчас считал себя во всем правым. Мои книги [- описание] процесса с этой точки зрения, а не изложение объективных событий. Может быть, для такой мелкой задачи не стоило книг и писать и они будут не нужны. Но когда я вспоминаю, что до сих пор об этой поре, и в частности о нас – есть или ругань врагов, или самовосхваление друзей, то мне казалось интересным, чтобы мы сами перестали защищать <1 нрзб.> и проанализировали свои ошибки. Далее, это я не считал нужным повторно обличать ошибки и грехи наших врагов. Вот причина оптического обмана, кот[орый] мог получиться.

Вы мне напомнили слова Клемансо о «toorent»*. Я его не забывал, напротив: в моем историческом понимании toorent играет бóльшую роль, чем у Вас. На мою оценку, все наши глупости и происходили оттого, что мы, вместо борьбы с toorent, в нем неслись, воображая, что им управляем. Наши ошибки не от корысти, эгоизма, тщеславия и других пороков, а от легкомысленного доверия к мудрости масс и их подготовленности к самоуправлению. Любящий родитель считает своих детей – весьма одаренными, общественность верит, что глас народа – глас Божий, и, восхваляя друг друга, создала иллюзию общественной зрелости... Здесь был корень наших ошибок, увлечения 4-хвосткой и т. д. <Фраза нрзб.> мы стали считать народ готовым, и Учредилку считать нормальной и безусловно правильной исторической властью... Ведь это идиотизм. <Фраза нрзб.>

В. М[аклаков]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

* Поток *(англ.)*.

Письмо В. А. Маклакова

4 мая [1944]

Милая Ариадна Владимировна! Наши письма разошлись. Произошло то, что бывает, когда хозяева, отчаявшись, садятся за стол, не дожидаясь опоздавшего гостя. Он тотчас является.

Отвечу сначала на вопросы.

Сестра начинала ходить на костылях, кругом комнаты, не наступая на сломанную ногу, но поскользнулась и упала. К счастью, не на больную сторону, а навзничь. Кость осталась цела. Но рассекла кожу на затылке и очень ушибла крестец. Снова ее положили.

Книгу пришлите посылкой; где ждать оказии, да еще верной. А она бывает нужна, и у меня нет экземпляра. Ну а теперь последний «обмен выражений».

Вы не верите в «жизнеспособность» Думы, в то, что она могла дорасти до «компромисса». Убедить Вас не могу, так как и сам не «убежден» в этом. Но убежден, что для этого возможность была, т. к. она стала на верный путь «разрыва» с левыми и «компромисса» с правым крылом. Все это происходило de facto, хотя наше начальство притворялось, что этого не замечало. А ведь настоящая работа Думы еще не начиналась, и это новое направление обнаруживалось либо на мелочах (вермишели), либо на провокациях, кот[орые] нам подкладывались. Но и этого было достаточно, чтобы тип Думы оказался другим. Историю роспуска ее я считаю ошибкой! В отличие от роспуска 1-й Думы, это было необходимо. Наше разномыслие с Вами тем любопытнее, что мы стоим на одинаковых исходных точках и начинаем разномыслить лишь в выводах. Как можете Вы любить 1-ю Думу? Мне кажется в Вас больше говорит художник, чем политик. 1-я Дума интереснее; люди ярче. <1 нрзб.> там сливки, во 2-й Думе – снятое молоко. Но первая Дума пошла по ложной дороге, принципиально отрицая сотрудничество с властью, требуя ее себе, и себе одной, т. е. нарушая идею конституции 1906 г. Кадеты 1-й Думы, за небольшим исключением, свою близость к революционерам, понятную в Освобод[ительном] Движ[ении], ибо оно было революционным движением, перенесли и в Думу, государственное установление. Это делалось откровенно и демонстративно. Кадеты второй Думы от этого курса отказались. Конечно, на новой дороге они встречали препятствия и извне и изнутри и с ними не справились; они не смогли исправить зла, кот[орое] сделала 1-я Дума. И Вы этого не хотите оценить, ограничиваясь словами – не убеждена. Но ведь ей не дали свой курс довести до конца.

Возьмите хоть тот же вопрос о терроре. Первая Дума отказалась его осудить одновременно с тем, когда просила «амнистию». В борьбе террористов и власти она явно стала на одну сторону, и Родичев это сказал. Вторая Дума амнистии не просила. Кадеты осудили отдельные проявления террора, как и покушение на цареубийство. Фракция дала

большинство за осуждение при этом и вообще всякого террора. Я не сомневаюсь, что можно было бы писать формулу, кот[орая] осудила бы террор с обеих сторон. И если кадеты пошли за правыми в этом вопросе, то потому, что неполная правда в нем хуже неправды. Разве можно не возмущаться теперь многими подвигами «рефрастеров» <?>, кот[орые] расстреливают целые семейства? Но пока с другой стороны расстреливают заложников – и осуждать этого нельзя – когда осуждают «рефрастеров» <?>. Приходится молчать. Что делаем мы все. Это и сделала 2-я Дума, своей «question préalable»* по вопросу об осуждении террора. И если я хвалю в конце концов 2-ю Думу, т. е. кадет в ней – то больше всего по их сравнению с 1-й Думой. И моя книга является дополнением к напечатанной книге о 1-й Думе. Но я перехожу к более интересным разномыслиям.

Вы не согласны со мной, что «кадеты хотели тех же реформ, как и левые, что их программы сходили». Вы меня упрекаете, ссылаетесь на стр. 13 и 15 главы XIII, предлагаете называть левых «социалистами» и думаете, что тогда «сразу и резко вырисовываете наше программное расхождение с ними. Мы не проповедовали уничтожения собственности и национализации всего и всех».

Здесь я с Вами совсем не согласен. Маленькая поправка к Вашему тексту, в моей рукописи на стр. 15 я говорил не о том, что программы сходны <?>, а «что по своим конечным стремлениям кадетская программа была ближе к левым (позже социалистическим), чем к правым». Это не одно и то же. Но разве это утверждение неправильно? Ведь «социализм» и тогда не означал «уничтожения собственности и национализации всего и всех». А теперь, когда «социализмом» называют строй Германии и Италии, когда его подкладывают Франции, социализм там больше нельзя понимать, как «уничтожение всякой собственности». Социализм противополагается «экономическому либерализму», т. е. предполагает организованное государственное хозяйство с ограничением права собственности личности во имя общего блага, иными словами, принудительное осуществление социальной справедливости. Это конечная цель. Она не была чужда ни кадетам, ни вообще русской интеллигенции. Кадеты определяли свою программу, как стремление к «политической свободе» и «социальной справедливости». В этом они сходились с социалистами. Разногласия было не в цели, не в отдельных достижениях, а в конкретных мерах для ее осуществления. Здесь была настоящая разница, и она происходила оттого, что кадеты не хотели революции, потому не хотели нарушений «правового порядка». В чем отличие правового порядка от революции с анархией и тиранией, как различных форм одного и того же? При правовом порядке» права личности, т. е. «права человека»,

* Обсуждение вопроса о целесообразности рассмотрения внесенного предложения *(франц.)*.

обеспечены от их нарушений произволом, в том числе и государственной властью, большинством представительств. Права человека не безграничны: объем их может и суживаться и расширяться. Современные тоталитарные государства, начиная с советов и кончая <1 нрзб.>, в число «прав человека» ввели «право на труд» – <нрзб.> – и это хорошо, это приближает к социальной справедливости. Но, видоизменяя «права человека» и «ограждая их», государство может делать это только «общими нормами», обязательными для всех, а не сепаратными требованиями. «Правовой порядок» совместим с «социализмом» и с национализацией земли, всей земли, и с «монополией внешней торговли» и с национализацией средств сообщения и со многим другим; но он не совместим с кадетским принудительным отчуждением земли у помещиков в пользу крестьян. И, конечно, правовой порядок вполне совместим с усилением государственной власти, с реформой структуры ее, с отрицанием парламентаризма и т. д. Все это детали. К слову, именно об этом я говорил в тех посланных главах, XVII и XVIII, кот[орые] я потом решил исключить из этой книги о 2-й Думе. И здесь наше расхождение с левыми, кот[орые] не отрицали революцию, для своих целей – готовы были идти <2 нрзб.> и считали соблюдение закона – формализмом. Мы этим так [же] грешили – и это мы доказали в 1-й Думе. Но отступление от этого было для нас непоследовательным, с «уклоном» от правильного пути, а не нашей тактической сущностью. По крайней мере, я так понимаю кадетскую сущность, или сам был таким. Для меня «правовой порядок», как тактика, был обязательным программным пунктом; и это сближало нас с правыми, а не программ[мы]; «правые» соц[иальных] реформ не хотели бы.

Это ставит главный вопрос: как быть, если «конституция» или ее соблюдение сделает реформы неосуществимы[ми], ибо меньшинство им будет мешать даже тогда, когда они необходимы? На это я отвечаю: если они необходимы, их при конституции можно всегда провести; не сразу, но можно. Всякая конституция, в том числе и наша, для этого оставляет средства (об этом говорю в 1-й книге). И это наш путь. Если же она не удастся, если мы не сумеем, тогда происходит взрыв, или революция. По знаку (?) 2-й Думы и власть, и Дума начинали необходимые реформы и их можно было провести; мы к этому шли правильным путем и в этом заслуга второй Думы, в частности кадет, кот[орые] понимали и необходимость «реформ», и необходимость «правового порядка». Первая же Дума этого не понимала, ибо правовым порядком считала «<1 нрзб.> самодержавие» – и подходящим путем для этого «революционный акт», кот[орый] они рекомендовали и в адресе.

Боюсь, что Вы не разберете этого письма и жалею; но если я не убедил Вас книгой (одной Вы не видели) – то, конечно, не смогу убедить и письмом.

Вам пре[данный] В. Мак[аков]

Один из левых, М. В. Вишняк, желая меня уличить в недемократизме, написал про меня – М[аклаков] по-видимому считал обязательным соблюдение и тех законов, кот[орые] были направлены против народа. В этом все революционное мировоззрен[ие], исключающее правовой порядок, как его исключали св. 70 статей Осн[овных] Закон[ов]. Революция и Самодерж[авие] – понятия однородные. Но правовой порядок совместим с «отрицанием собственности» – если вообще она отрицается для всех одинаково. Но все это за пределами второй моей книги. Я это говорю там по поводу Вашего письма и упрека мне. А кроме того, я много об этом думаю в связи с текущими событиями и теми <1 нрзб.>, кот[орые] неизбежны после конца этой войны, чем бы она ни окончилась.

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 22.V.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

21 окт[ября 1944]

Дорогая Ариадна Владимировна!

Я очень рад, что Вы одобрили мою «главу» и не поленились мне это сказать. Ведь я не «писатель» не только по своему почерку, но и по воспитанию. Как адвокат и депутат я привык только к отдельным выступлениям на определенные и узкие темы, которые можно было исчерпать в два часа времени. Для написания книги нужны другие привычки, кот[орые] Вы знаете по опыту лучше меня (я по сю пору жду выхода в свет второго тома о Пушкине). Став писателем поневоле (из-за своей глухоты, а сейчас «безработности»), я по сю пору боюсь, что мои писания неинтересны, не потому что теперешняя историческая полоса «слизнет» наше время, но просто потому, что я не сумею справиться с задачей написания книги. A propos, или без всякого propos Аджемов острил, что я 11 лет говорил в Думе одну и ту же самую речь, но Дума по глупости этого не замечала, «пока он меня не разоблачил». Но эту шутку я бы себе вменял в похвалу, если бы она была справедлива. Но именно потому мне трудно писать книгу, не повторяясь и не становясь однообразным. И скажу Вам по совести, что, написав последнюю книгу в минуты «вынужденного досуга», я и по сю пору не решил, не правильнее ли ее пустить на «обертки». И потому Ваш отзыв для меня очень приятен.

Но если так, то когда Вы мне вернете XIV главу (конечно, делайте с ней что хотите; вероятно, я ее озаглавлю «Вторая Гос[ударственная] Дума»), я Вам пришлю всю XV гл[аву]. Вы спрашивали только подробностей: о нашем ночном визите к Столыпину. Там все это есть, но есть и другое, полезное для понимания Столыпина. Но о нем я гово-

рю еще в других главах, в 1-й, в последней и других. Ведь Аджемов прав «mutatis mutandis»*. Эта последняя книга – та же самая речь, что моя первая трехтомная «Власть и общественность», вышедшая приложением к «Иллюстр[ированной] России», о чем я очень жалею, т. к. ее из-за этого почти никто не читал, и она погибла на его складе при оккупации, и что вторая – «Первая Дума» – которая «напечатана», но не может выйти из типографии. У меня есть один ее экземпляр, кот[орый] бы я Вам охотно дал прочитать. Но посылать эту книгу опасно, да и незаконно. Ведь она еще «не выходила». Но эту книгу я писал с удовольствием. Меня возмущала «канонизация» этой Думы, кот[орая] виновата во многом, что с нами случилось. И я ее написал потому, что в статье о «Винавере», кот[орую] я писал по просьбе его семьи, я коснулся вскользь первой Думы, но по этому поводу почувствовал, как со всеми единомышленниками в суждении о ней расхожусь. Не знаю, читали ли Вы эту статью; у меня есть ее оттиск, и я мог бы Вам его подарить.

Не знаю, разберете ли Вы это письмо. Не беда если нет. Буду разговаривать с Вами переписанными главами.

Ваш В. Маклаков

Многое хотелось бы Вам еще ответить; но мой почерк делает это невозможным. Но он не так плох, как принято думать; к нему надо привыкнуть. Моя бывшая переписчица читала его совершенно свободно, но она «привыкала» с 1919 года.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 6 ноября 1944 г.

Милая Ариадна Владимировна,

Умы, конечно, перемешались и легенд без конца. Но есть правда в том, что рассказывают.

Советские власти ведут себя умно, умнее эмигрантов, которые уже успели на нажитые с немцами деньги основать «еженедельник» – «Русский патриот», с портретом Сталина на первой странице и с объявлением «бала на всю ночь» в ознаменование годовщины октябрьского переворота. В этом органе и направлении – Одинец и многие сотрудники «Возрождения» – Рощин, Любимов (1) и др. У них большие деньги, данные теми, кто сейчас камуфлируется в германофобов.

Они, конечно, уже бегали к Богомолову.

Там новый тон – дружелюбия к эмиграции. Хотя до окончания войны в Россию никого не повезут; но прием в советское подданство

* С известными оговорками *(лат.)*.

открыт желающим, кроме тех, кто помогал немцам против России. Одинцу Богомолов сказал, на вопрос, чем они – «Русский патриот» – могут быть полезны, что им рекомендуется готовить эмиграцию к возвращению, сообщая ей правильные сведения о том, что там происходило за годы изгнания.

По собственному почину Богомолов предложил митрополиту Евлогию дипломатическую вализу для сношений с московским митрополитом. Визиты и посещение церкви – легенда.

Но нельзя отрицать, тяга в Россию большая, не так, как было раньше. Не знаю Ваше отношение к этому; но сам я мечтаю о том, чтобы поехать туда разведчиком. Если Советы выдержали эту войну, то я не вижу, как можно продолжать ожидать их «падения»? Случай был единственный, и этого не произошло. А зато «эволюция» у них несомненна и велика, и еще усилится.

Старым людям может быть поздно начинать новую жизнь, и они не в силах преодолеть в себе отвращения к Советам. Но я не вижу, как сейчас можно «отговаривать» тех, кто хочет вернуться. Сейчас для этого случай единственный. В России худшее уже за спиной; она не здорова, а выздоравливает. В этом наше преимущество перед французами-коммунистами, которые хотят это попробовать. И, по-видимому, Советы их не одобряют и не поддерживают.

Сюда приезжали Эмерсон (2) и Кульман; хотят восстанавливать прежнее. Это очень сложная проблема, и не здесь будет разрешаться беженский вопрос.

Сюда вернулось много народу из Ваших мест. Здесь квартирный кризис. А то не понимаю, зачем оставаться в Гренобле. Здесь все-таки будет центр всяких событий.

Для информации посылаю Вам листовку срединного направления между «непримиримыми» и «возвращенцами».

Скажите Вашу позицию.

Пред[анный Вам] В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976) – журналист, писатель, публицист. С 1919 в эмиграции во Франции. Сотрудничал в газете «Возрождение» (до 1940). Генеральный секретарь Национального объединения русских писателей и журналистов (с 1939). После войны – член Союза русских патриотов, Союза советских патриотов, член редколлегии «Советского патриота». В 1947 вернулся в СССР. Автор воспоминаний «На чужбине» (1963).

[2] Эмерсон (Emerson) Герберт (1881–1962) – лорд, бывший губернатор Пенджаба, Верховный комиссар по делам беженцев (с 1 января 1939).

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 20 ноября 1944 г.

Милая Ариадна Владимировна,

Между нами может быть есть разница, но она не там, где Вы ее видите.

Вы пишите: «Моя вера опирается на народ, а не на власть».

Моя тоже. Без народа власть не могла бы его спасти; это только Жеребков (1) доказывал, что можно сражаться из-под ГПУ. Но и народ не спасся бы при всем героизме, если бы власть не оказалась на высоте, если бы она была, как наше Временное правительство. За 25 лет она многому научилась.

Вы говорите, что народ заставил власть себе уступить. Верно; но в отличие от Вас я думаю, что это не была надувательская уступка, которую сейчас же берут назад, а начало нового курса, необходимость которого по многим причинам власть признала.

Есть ли гарантия, что власть не будет пытаться делать шаги назад? Конечно, гарантии нет. Но именно Ваш оптимизм, покоящийся на «народе», дает шанс тому, что хода назад не произойдет без сопротивления. А мой личный оптимизм еще в том, что беззаконие по существу везде – явление временное и экстраординарное, что революция естественно перерождается в «правовой порядок» на новых основах, т. к. беспорядок и необеспеченность прав претят человеку. Ведь и при самодержавии может быть правовой порядок, и при демократии – беззаконие, чем является неограниченное самодержавие большинства.

Я всегда любил сознавать ошибки своих и достоинства противников. И теперь задаюсь вопросом, что дало силу тоталитарным режимам, и в чем была слабость демократии? Думаю, что слабость демократии была именно в том, что вместо «порядка» закон поклонялся воле большинства, что не сумели разрешить антиномии: прав человека и народоправства. И чтобы снова стать сильными демократиями, надо сделать шаг в сторону ограничения произвола личности, когда она становится большинством. А в России сейчас необходим и уже намечается обратный процесс – ограничение воли диктаторов в пользу того же «правового порядка».

Но все это туманно, и чувствую, что Вы меня не поймете. Перемена нашей позиции, по моему мнению, должна заключаться только в том, что мы советскую власть не считаем узурпатором и не боремся за ее свержение. Во-первых, потому, что это нам, эмиграции, не по силам, раз ее не смогли свергнуть германские войска. А во-вторых, потому, что сейчас крушение в России власти я считаю для России вредным; не менее вредным и нежелательным, как крушение ее во время войны. Крушение власти в России будет на пользу нашим противникам и завистникам, а не России.

Но т. к. мы не отрекаемся от наших политических верований, то мы не считаем государственный строй России окончательным, надеемся на его эволюцию, и этому готовы содействовать. Мы не славословим власть, не принимаем ее «безоговорочно», как делают «русские патриоты»; если мы признаем ее заслугу за поведение в этой войне, то из-за этого не признали ее не только совершенной, но даже хорошей и прошлой войны с ней не стыдимся. Так определяются те грани, которые отличают нас от «непримиримых» (Мельгунов) и от угодников (Русские патриоты). И несмотря на Ваше несогласие с этой точкой зрения, я думаю, что Вы все-таки с нами.

Ваш Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Оригинал.

---

1 Жеребков Юрий Сергеевич (1908 – не ранее 1980) – артист балета, эмигрант. Жил в Германии, входил в труппу М. Н. Кузнецовой-Масснэ. В 1940 переехал во Францию, сотрудничал в Париже с оккупационными властями; занял пост начальника Управления делами русской эмиграции. Заявлял, что только немцы могут помочь русским преодолеть большевистский период. Возглавил отдел внешних сношений в Комитете освобождения народов России. После войны был осужден французским судом за пособничество оккупационным властям.

1945

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 6 марта 1945 г.

Милая Ариадна Владимировна,

Мне сейчас очень некогда писать, т. к. происходят ежедневные, почти ежечасные совещания о восстановлении Верховного Комиссариата и Офисов. Этого пока еще не сделали, и я еще никого не возглавляю, но так как моего ответа Вы ждете с нетерпением, то отвечу мозаично.

Ссылаюсь на мои письма от 6 ноября и 20 ноября. К ним надо прибавить следующее.

Перед приездом сюда Богомолова я имел намерение попытаться с ним встретиться и поговорить откровенно; но когда я об этом сообщил Эмигрантскому комитету, то встретил отрицательное отношение к тому, чтобы инициативу взять на себя. К тому же не успел он приехать, как к нему побежали патриоты, с вполне холопскими заявлениями и подобострастием. Но через несколько дней два различных лица, которые вхожи в посольство, передали мне на небольшом интервале,

что посол удивляется, что я не прошу свидания с ним, т. к. хотел бы меня повидать. Второй посредник спросил: должен ли я это передать М[аклаков]у. Отвечено: да, очень прошу. Хотя это и не было прямым приглашением, но я поручил написать, что желание посла совпадает с желанием М[аклакова] и потому я прошу назначить день и час. Все это держалось в большом секрете, т. к. по моему пониманию это свидание должно было быть отнесено к разряду того, что покойный Челноков называл «прелюбодейными связями». Мне был назначен день и час, но затем был отбой ввиду предстоящей поездки в Москву. После возвращения уже не было речи, позиции были заняты прочно патриотами, которые оплевывали все прошлое эмиграции. Немного позже появилась неожиданная листовка Деникина, призывавшая следовать заветам Добровольческой армии.

Так определились два фланга.

Я считал печальным, если физиономия эмиграции будет представляться непременно в виде той или другой крайности, и двинул вперед дело образования группы на наших началах. Когда это стало известно, началась обычная полемика с обоих флангов, требования поправок, ультиматумы и т. п. Мы не торопились, но свое дело вели.

Тут произошел новый факт: как говорят, по требованию Советов, «Патриоты» очистились: удалили из своей среды «коммунистов» и «возрожденцев», перестали оплевывать прошлое эмиграции, взяли другой тон в газете, где вместо раскаявшихся «возрожденцев» стали сотрудничать младороссы (1). И начались старания Патриотов привлечь нас к себе, предлагали нам войти к ним, а мне стать их почетным председателем. От этого я, конечно, отказался, но продолжал образование своей группы. 10 февраля один из наших сочленов, передававший мне когда-то приглашение Богомолова, получил телефонное сообщение посольства, что условленный когда-то (в ноябре) прием меня фиксирован на 12 февраля, что приглашены Маклаков и его группа, кого я захочу, но что послу хотелось бы видеть среди нас Кедрова и Вердеревского. Это было не то, что я когда-то хотел, не «прелюбодейная связь», а «публичное оказательство». Было даже опасение, что он захочет давать нам советы, как Патриотам. Мы решили не уклоняться от свидания; но представить дело так, что мы пришли по своей инициативе, не спрашивать, что угодно, а сказать, почему мы пришли и, следственно, взять первое слово. Все это было исполнено, и беседа продолжалась 2 $^1/_2$ ч., потому что нас было 8 человек и Богомолов просил каждого высказаться и сам сказал 2 речи. Одну – в ответ на мое выступление, после чего я ему тут же ответил, и другую по окончании всех речей. У нас записано краткое изложение всех речей; но решено, как долг чести, этот протокол давать читать верным людям, но не пускать в публику и не давать списывать. Все, что я могу сделать для Вас, это – прислать изложение моих двух речей. Из речи Богомолова дал только два отрывка.

В заключение, когда мы уже простились, Б[огомолов] просил нас не проявлять враждебности к Союзу Патриотов. Вот и все.

Решайте сами – в качестве чего я действовал: думаю, что ослабление антагонизма между эмиграцией и советской властью в интересах всей эмиграции. Сейчас влияние Советов на отношение французского правительства к эмиграции слишком сильно. Потому наши друзья в правительстве так довольны нашим посещением. Ну, а заявление о признании их национальной властью и о прекращении борьбы, конечно, не от всех, а от группы, это ясно сказано. Мне самому свидание мало интересно. Я предпочел бы интимности прелюбодейной связи возможность говорить откровенно. Этого не было. В эмиграции одни довольны, другие негодуют, но рассказывают легенды и вздор, как полагается. Но практических результатов этого еще не видно и их может быть не будет, как и в Лондоне. Но остаюсь при своем мнении, что позиции непримиримых и патриотов требовали формулировки средней позиции.

Пред[анный] Вам В. Маклаков

Очень прошу Вас никому не давать вырезок и их уничтожить или мне вернуть.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописными вставками. Оригинал.

---

[1] Младороссы – националистическое течение в эмиграции 1920–1940-х. Организационное ядро течения – Союз «Молодая Россия», образованный в 1923 в Мюнхене; в 1925 переименован в Союз младороссов. Его лидер – А. Л. Казем-Бек. Отделения Союза были созданы в Париже и Нью-Йорке. Младороссы поддерживали контакты с советскими властями.

Письмо В. А. Маклакова

30 мар[та 1945]

Милая Ариадна Владимировна! Сегодня получил книги; спасибо. Я напрасно заподозрил «порядка»*. Но я судил по себе; я не могу откладывать так долго ответ и отвечаю немедленно или уже вовсе не отвечаю. Это мой порок, как и почерк. Я и этот раз немедленно Вам отвечаю, т. к. хотя наша переписка пришла к окончанию, за мной, как за подсудимым, остается «последнее слово».

Вы напрасно думаете, что я не ценю пафос «свобод». Очень ценю там, где ему полагается быть; и в литературе, и в жизни, и в прозе и в стихах, в самопожертвовании тех, кто за нее умирает. Все это воспи-

---

* Так в тексте.

тывает чувство свободы, а этого я ни в ком не осуждал никогда. Но политической жизни и государственных форм на этом пафосе строить нельзя; особенно для тех, кто был не только «общественным» деятелем, но получил от «государства» некую часть государственной власти, как Дума. Эта «власть» не власть «славы» и «убеждения». Она им не «принадлежит», как их «свойство» и «сила». Принимая на себя от государственной власти полномочия государства, нельзя было считаться только с собственным «пафосом»; я могу не пенять на мота, кот[орый] транжирит свое состояние; но я осуждаю растратчика, кот[орый] с милой улыбкой не жалеет чужого добра, кот[орое] ему было вверено. Пафос «свобод» Думы должен был сочетаться с требованиями государственной пользы, государственности как таковой. В этом был долг людей, кот[орые] из «революционера» и «журналиста» превратились в носителей государственной власти, причем претендовали даже, что они одни ее носят (фраза Набокова).

Это не легко и, может быть, жестоко их осуждать, что они не сумели, но меня оскорбляет, что это их неумение им как будто ставят даже в заслугу, как какой-нибудь красавице ставят в заслугу ее недостатки. А посмотреть на нашу публицистику и историю, даже серьезную, <1 нрзб.> Она вся в восхищении перед самыми ложными шагами 1-й Думы. Вы мне приводите аргумент, кот[орый] идет дальше, и им меня с позиции (?) как будто сбиваете. Вы пишите: «Ее (1-й Думы) словесный пафос был клапаном, через который испарились недогоревшие огни освободительного и революционного движения. Она подготовила <1 нрзб.> в общественном, даже народном сознании, кот[орые] вы стараетесь уловить и т. д.» Как это похоже на Вас, на «художницу», а не политика. Образ очень художественный, но что в нем реального? Какие огни могли «испариться» через клапан? Усмирял публику не пафос 1-й Думы, а ее «бессилие» перед госуд[арственной] силой, ее конфуз после роспуска. Это был такой же шок, каким были декабр[ьские] события 1905 г., а позднее июльские 1907. Дума ничего не успокаивала, и волновала, но ее афронт отрезвил, как отрезвил Францию 1940 год. Но разве этого можно желать, и можно ли в оказательстве бессилия слова, и бессилия свободы перед кулаком государственной власти видеть нечто здоровое.

И я глубоко ненавижу 1-ю Думу за то, что она скомпрометировала свободу, что говорила [о] «таком», кот[орое] не могла «отстоять», что там, где она имела возможность «действовать», она предпочла «говорить». Всему свое место. Помните ли Вы знаменитое когда-то «столкновение» Чичерина (1) и Герцена, его «обвинительный акт» против Герцена, напечатанный в «Колоколе»? Тогда все «свободолюбцы» приняли сторону Герцена против Чичерина. Но они были правы лишь потому, что Чичерин обвинял эмигранта Герцена, у кот[орого] ничего не было, кроме «пера» и «свободного слова» и пафоса свободы. На месте <1 нрзб.> Герцена ничего иного делать было нельзя и не нужно.

Чичерин этого не учел или, вернее, чтобы это выражение устранить, стал уверять, что <1 нрзб.> – «сила в России». Но Чичерин был бы прав совершенно, если бы Герцен так действовал, занимая в России государственный пост, имея долю «государственной власти».

Вы любите Думу за «пафос свободы». А для меня она – mutatis mutandis* – то же, что свобода печати после 17 окт[ября] 1905, обе их нельзя было отличить от «хулиганства». Но это вариант на тему о «взбунтовавшихся рабах». A propos знаете ли Вы, что это я подсказал Керенскому эти прославившие его слова? Если бы это было издано, я мог бы это доказать. В стеногр[афическом] отчете IV Думы в заседании 17 дек[абря] (день убийства Распутина) в своей речи (докладе) о деле Лэмпицкого (2), я их сказал, со ссылкой на их источник. Они принадлежали не мне, а И. С. Аксакову (3). Только тогда за ними не стояло такого реального содержания. Потому могли и <1 нрзб.> тогда 1-я Дума. Все это в мягкой форме я говорил в своей книге о 1-й Думе. Последние слова о «социализме». Здесь уже я Вас упрекаю в отсталости. Вы на социализм смотрите по старым учебникам. Социализм вовсе не требует «тиранического вмешательства» государства в хозяйственную жизнь, и не отрицает частной инициативы. И ошибка социалистов не в существе их <1 нрзб.>, а в наивной мечте, что этого лучше всего достигнуть «неограниченным народоправством», а не разделением властей, не правовым порядком. Но это же содержание <1 нрзб.> наследия веков XVII и XVIII.

На этом покончим. <Фраза нрзб.> Оправдываю это тем, что мы «последние могикане», у кот[орых] поэтому есть друг к другу какой-л[ибо] специальный интерес, а потому больше <1 нрзб.> и терпимости.

Ваш искренне В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

1 Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – историк, философ, публицист. Почетный член Петербургской Академии наук (1893). Один из лидеров либерально-западнического крыла в русском общественном движении. Чичерин пытался убедить А. И. Герцена в необходимости уступок либералам, однако это привело к полному разрыву их отношений. Столкновение двух мыслителей знаменовало собой этап в размежевании либерализма и демократии в русской общественной мысли.

2 Лэмпицкий Михаил Михайлович (1856–1930) – польский горнопромышленник, общественный деятель. Депутат IV Государственной думы. Стоял на антироссийских позициях, после оккупации Царства Польского германскими войсками сотрудничал с оккупационной администрацией. Это

---

* С известными оговорками *(лат.)*.

явилось причиной лишения его звания депутата (постановление Думы от 15 декабря 1916).

[3] Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – мыслитель, публицист, общественный деятель, один из лидеров славянофильского движения.

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 6 апреля 1945 г.

Милая Ариадна Владимировна,

Очень жалею, что Вы не ответили мне раньше; с тех пор шли некоторые уточнения позиций и взглядов и Ваше мнение было мне очень интересно.

И потому главным образом, что я совершенно с Вами согласен, но думаю, что этот взгляд не только не противоречит тому, что мы сделали, но этого требует. Я, как Вы, признаю патриотизм русский, а не планетарный, и думаю, что в основе общежития должны лежать права человека, для государства обязательные. Я именно это и говорил Богомолову; говоря о синтезе, я имел в виду именно это. Да так он меня и понял.

Заслуга Советов, конечно, в том, что они защитили Россию; спасение мира было только неожиданным последствием этого; и сделали это сознательно, т. к. стали говорить о России. Что они это делают не сразу, также понятно, как и то, что после 1906 г. наш Монарх не хотел называть себя «конституционным». Что будет борьба в России за право, за личность и т. д., не сомневаюсь. Это будет содержанием ее жизни в ближайший век.

Но эта точка зрения привела меня к шагу, который мы сделали. Нужно было сохранить то, в чем мы были правы и сильны, и отбросить балласт. Балластом, осужденным жизнью, было продолжать считать «советскую власть» – узурпатором, а не законной властью. Я не придаю большого значения слову национальная, законная и т. д. Для меня ясно, что у них больше прав считать себя властью, чем у Владимира.

Балластом является и утверждение, что мы продолжаем борьбу. Это игра словами. Прежней борьбы мы не ведем; ибо прежнее было – обличение их как узурпаторов, ставка на их свержение, на революцию и т. д. Эти методы начались с гражданской войны, 20 лет продолжались революционными актами и кончились ставкой некоторых на Гитлера. Борьбу мы не можем вести, т. к. сил больше нет. Но это не значит, что мы их принимаем в их настоящем виде, их одобряем и признаем их руководство; мы боремся за их эволюцию. Как мы боремся? Как раньше боролись, т. е. представляя наши начала, защищая наши понятия, наше понимание «прав человека». Кто хочет и может поехать в Россию, будет там за них бороться; если этого нельзя, можно

делать это здесь, но на началах той эмиграции, которая как «освобожденцы» не отрицала за Самодержцем права называться национальной властью, но их обличала. Вот это надо делать и здесь. Если бы мы не стояли раньше на иной позиции, на позиции борьбы за их свержение, то нам незачем было бы делать каких-то шагов примирения. Но именно потому, что мы раньше не считали их властью, а выставляли их как отверженных среди России, мы, меняя методы борьбы, должны были сказать это. Аналогично тому, как люди, не оспаривавшие раньше Самодержавия, сделавшись эмигрантами-освобожденцами – об этой перемене позиций должны были заявить. Такое же заявление мы сделали в обратном смысле, и т. к. есть шансы скоро издавать нашу газету, то эта позиция будет яснее.

Но наше выступление имело целью отмежеваться не только от прежнего балласта, но и от неофитов, которые бросились им под ноги. В какой мере наша позиция может оказаться реальной, т. е. не будет понята Советами как самая опасная борьба против них, предвидеть нельзя. Возможно, что это так будет. Но я думаю, что для того, чтобы иметь возможность обличать в них то, что обличать должно, бороться за право и за человека, было нужно от прежнего балласта, который многих привел к поддержке Гитлера, освободиться.

В Америке этого не понимают. Мы это здесь испытали. Вы правы, что ясно в моем смысле высказаться здесь будет трудно; то есть трудно пока и о французских делах не все можно говорить. Но кое-что говорить все же будет можно, как можно было при Самодержце быть «Русским Ведомостям» – а не Московским. И нашу позицию я уподоблю русскому легальному либерализму; я думаю, что его бытие было бы необходимо сейчас, как было необходимо раньше. Хотя его участь – быть побиваемым и властью, и революционерами. Вот, если мы себя продешевим и предадим наши убеждения, тогда нас ругайте; пока этого еще нет. Русский либерализм всегда страдал от подчинения «революционной фразеологии», так сейчас главная опасность для нас поддаваться революционной непримиримости. И по совести, мы ближе к Сталину, чем к Жеребкову. И еще скажу: новой революции в России хотя бы во имя «правых» я не хочу. Я с ужасом думаю, что останется от Германии или Франции, если там произойдет «Революция». Слава Богу, что она нас не уничтожила; но новой революции не хочу.

Я очень жалею, что Вы перестали мне писать очень давно и на зондирование почвы не отзывались. А тянуть было нельзя; надо было сказать что-то, если не сдавать всего «патриотам». Ну, а теперь моя роль окончена. Я считаю несовместимой роль председателя Офиса и руководство «партийной организацией». Скрепя сердце взял на себя обузу Офиса, хотя боюсь, что моих сил на это не хватит, и я на старости лет оскандалюсь. И потому от нашего «объединения» формально отошел, хотя остался там «почетным председателем».

Чуть не забыл самого главного. На днях получил телеграмму от А. Л. Толстой с поручением раздать разным лицам деньги. Там и Вы значитесь, в 38 долларах. Сегодня получил от Чез Банка приглашение прийти туда, значит пришли деньги. Это не первый раз. Не знаю, во что обойдется доллар со всеми вычетами за пересылку и комиссия. В первый раз, когда они прислали, оказалось около 49 фр. на доллар. Но как Вам переслать эти деньги? Пойду в Банк только в понедельник.

<1 фраза нрзб.>

Ваш Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописными вставками. Оригинал.

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 16 апреля 1945 г.

Милая Ариадна Владимировна, Вы говорите – оппозиция необходима, и она возможна только заграницей; эмиграция должна быть ею. Но оппозиция заграницей может только тогда иметь значение и для России, когда она там встретит отклик. Если там и не могут говорить полным голосом, то будут сочувствовать, как это было и при Герцене, и при Освобождении. Ведь если там не будет этого отклика, то вся заграничная оппозиция – самообман и я плохо вижу силу мирового общественного мнения. И потому я очень рад, если люди, не утратившие человеческого достоинства, поедут в Россию. Это не Маниловщина. Это тот материал, который будет там откликаться. Ведь плохо, если там не останется людей, способных откликаться на эти призывы, если там будут пропитаны самодовольством, уверенностью, что там все превосходно.

Оппозиция здесь будет говорить громко и честно. Но, повторяю, тон этой оппозиции с того момента, как мы признаем Советы русской властью и ведем войну не за ее свержение, а за ее эволюцию, будет другим. Да, Вы правы: эта власть не признает прав человека, а только его обязанности перед государством, превращает его в клетку. Она создала сильное государство, но ценой превращения человека в раба. С таким направлением власти должно бороться во имя «прав человека». Но так поставить задачу, значит изменить прежней позиции; раньше мы говорили: «долой Советы», как еще раньше: «долой Самодержавие». Мы не хотели исправления Самодержца, а его гибели; то же и с Советами. На это «долой» у нас нет сил, а у меня нет и желания; я не хочу еще Революции. И вот именно потому, что мы заграницей и можем никогда не говорить «страха ради иудеска» (1), можем называть все своим именем, и нужно указывать, какие реформы необходимы, чтобы освободить человека в России, – а не кричать «долой».

Я вспоминаю героическое время эмиграции Герцена. Тогда кричали «долой»; кто отзывался? Ведь вообще в России тогда был только слой интеллигенции, который читал Герцена; народ его не читал. А сейчас будет отзываться на крики отсюда. И поскольку я не имею данных, чтобы верить, что народ хочет падения своей власти, революции и какой-то иной власти (какой?), я думаю, что такой лозунг эмиграцию только компрометирует. Иное дело, когда без «долой» обличают методы управления и показывают их неразрывную связь с формой правления.

И я возвращаюсь к Герцену. Я может быть задену Ваши лучшие чувства, но я скажу, что в знаменитом конфликте его с Чичериным я по существу на стороне Чичерина. Оставим форму его знаменитого письма. Но думаю, что Чичерин был прав, когда в то время требовал не «долой», не военных бюллетеней с их ложью, а объективной критики. Если, как я думаю, Россия находится или будет находиться в стадии улучшения, выздоровления, хотя медленного, то это должно не скрывать, а подчеркивать и толкать ее дальше. Когда-то представлялось, что нужно начинать с чего-то большого и единовременного – «уничтожить крепостное право» или «уничтожить Самодержавие». Сейчас ничего подобного не предстоит, ибо элементы здоровой государственности имеются; нельзя говорить: «долой советскую власть», ибо мы сами не понимаем, что это значит. Нужна сейчас не «реформа», а «реформы», в отличие от того, что было раньше. В это входит и признание личной собственности, и элемент НЭПа, и реформа выборов, и суда, и отмена привилегий партии, как таковых, но все это в рамках существующего государственного устройства, как то же происходило в 60[-х] годах. И в этом я с Чичериным против Герцена.

На днях Богомолов вызывал меня одного; зачем не знаю. Разговаривали 2 часа. Начал разговор с вопроса: каковы Ваши планы. Потом спрашивал: хотел ли бы я вернуться в Россию. Я сказал: сейчас же, если позволите вернуться и рассказать, что я видел. А совсем переселиться и работать в России? Я сказал: тогда, когда Вы разрешите это всем, я вернусь. А пока всех не пускаете, я от эмиграции не могу оторваться и привилегий для себя не прошу. Он правильно заметил: Вы еще нам мало верите. Я ответил: конечно, как и Вы нам. Я в стадии «надежд», а не верю, потому что сейчас надо только друг в друга вглядываться. Он рассказывал много интересного про Россию. Но не было ни малейшего намека на то, чтобы они имели в виду нас чемнибудь связывать; и я себя спрашиваю: зачем ему было бы лгать и комедировать?

Но что же Вы мне не ответили насчет денег. Как их Вам переслать?

Преданный Вам В. Маклаков

10 мая выйдет новая газета.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Оригинал.

[1] «Страха ради иуде[й]ска» – испытывая страх перед властями за свою безопасность. Иосиф Аримафейский (Евангелие от Иоанна, гл. 19, ст. 38) из страха перед иудеями скрывал, что он ученик Иисуса (он получил от Пилата позволение снять тело Иисуса с креста).

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 16 мая 1945 г.

Милая Ариадна Владимировна,

Я не совсем понимаю смысл Вашего огорчения. Конечно, не все возвращаются; можно сказать, что возвращаются совсем немногие. Для всех остальных, которые не просятся в советское подданство, все остается по-прежнему; в силе аккорд [19]30 г., конвенция 1936 г., восстановлен Верховный Комиссариат и Офисы. Если в чем-либо положение изменилось, то только в том, что против всех русских есть предубеждение в германофильстве, в сознательной работе на немцев и т. д. Последствия этого предубеждения приходится встречать во всех областях; оно ведет иногда к отказу в карт д'идентитэ, к интернированию и т. п. Хуже, что очень многие действительно ставили ставку на немцев, и за них отвечают другие. Советы здесь ни при чем и никакого давления против нас не оказывают; но, конечно, сейчас доказывать свою политическую «благонадежность» доказательством своей «ненависти к большевикам» не приходится. Этот старый аргумент больше не действует. Это было одной из причин, почему я считал и считаю полезным для беженцев установление более нормального отношения с Советами. Это наш старый спор с Вами. Масса беженцев, однако, нашла более подходящим, одни, идти с «патриотами», другие, оставаться «непримиримыми» и одновременно претендовать, что у них нет «начальства» и что о них мало заботятся. И эти их жалобы дошли и до Вас. Но они на меня мало действуют.

Преданный Вам В. Маклаков

Получил длинное и очень милое письмо С. В. Паниной.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописными вставками. Оригинал.

Письмо С. В. Паниной

6.VIII.[19]45
548 Orange st. apt. 106
New Haven 11, Conn.

Дорогая Ариадна Владимировна,

Ужасно рада была получить Ваше письмо от 27 июня и узнать, что Вы не только физически перенесли все испытания последних лет, но

что «Курилка» к тому же продолжает гореть ярким пламенем и совсем не чадит. Это очень редкое явление в нашем с Вами возрасте и я дорого бы дала, чтобы вновь с Вами свидеться и побеседовать. В письма своих дум и чувств не вложишь... А м[ожет] б[ыть], это еще и удастся?! Я, во всяком случае, всеми силами стремлюсь в Европу (а сколько людей стремятся сюда!) и хотя перестала рассчитывать на будущее, как на нечто реальное, все же мечтаю о последнем свидании с близкими. Письмо Ваше пришло уже две недели тому назад, а я задержалась с ответом, пот[ому] что тотчас же послала его Софье Михайловне [Ростовцевой] на прочтение. Мы с ней сейчас в разных штатах: я в деревне у Пашковых, недалеко от Нью-Йорка, куда езжу в будние дни работать в Толстовском Фонде, а она с Мих[аилом] Ив[ановичем] в Бостоне. О них мой первый рассказ Вам, рассказ печальный и только для Вас. Думаю, что С[офья] М[ихайловна] сама Вам не пишет, ей слишком тяжело. Дело в том, что год тому назад Мих[аил] Ив[анович] подал в окончательную отставку от преподавания в ун[иверсите]те. Он уже и без того преподавал пять лет сверх положенной нормы, кот[орая] здесь полагается в 68 лет. Но следом за отставкой (не в связи с ней) он впал к осени в какое-то ненормально подавленное состояние, кот[орое] здесь определяется как «break-down». Его пришлось изъять из обычной обстановки, где ему не давали покоя все эти дела и люди, с которыми он был связан, и С[офья] М[ихайловна] увезла его в Босфор, где с тех пор он живет в санатории (прекрасном), а она рядом, в гостинице, навещая его каждый день. Улучшения в его состоянии пока что нет. Он продолжает находиться в состоянии подавленности и редко нарушаемого безразличия ко всему и всем, хотя все отлично помнит и знает. Это не душевная болезнь, по определению докторов, и может неожиданно пройти в любое время. За год до этой катастрофы М[ихаил] И[ванович] успел закончить и издать свой большой труд по экономической истории Римской империи и продолжал интенсивно умственно работать. И вдруг... Такие «break-down»'ы очень обычное в Америке явление, случающиеся в самых различных возрастах. Помните ли Вы что-то подобное в России наших времен? Я с этим никогда не встречалась до Америки. Бедная С[офья] М[ихайловна] в ужасном состоянии. До прошлого года она была в цветущем состоянии: молода, энергична, жива и блистала памятью и знаниями. Последние свойства, конечно, остались при ней и теперь, но это разбитый человек душевно и нервно. Она похудела вдвое и очень постарела, а главное, совершенно растерялась и подавлена обрушившейся на них катастрофой. Она бы легче пережила смерть Мих[аила] Ив[ановича], чем это длительное состояние тоже своего рода умирания. В сентябре будет год, что они покинули New Haven, хотя квартира все еще за ними и С[офья] М[ихайловна] всю зиму приезжала в N[ew] H[aven] раз в месяц по делам, и я всегда видала ее. Мы стали и с ней и с Мих[аилом] Ив[ановичем] большими друзьями за эти годы

сожительства в New Haven'е, и с их отъездом я очень и очень осиротела. Как человек до сих пор очень счастливый и «удачливый», С[офья] М[ихайловна] особенно болезненно переживает свое испытание, в котором воспринимает какой-то элемент «унижения», и это добавочно отравляет ее рану. Я очень, очень беспокоюсь за них обоих. Говорю об этом только и исключительно Вам, как их близкому и дорогому другу, но если Вы будете им писать, то не выдавайте меня. Официально я Вам сказала, что это «break down» и что мы надеемся, что он скоро поправится. Пишите им такие письма, кот[орые] можно было бы показывать Мих[аилу] Ив[анови]чу или вкладывайте отдельный листок для Софьи Мих[айлов]ны. Вы одна из немногих, которыми Мих[аил] Ив[анович] всегда продолжает интересоваться, несмотря на свою апатию.

После этого печального сообщения хочу еще написать Вам о Вашей книге. Ксения Parker привезла и передала мне рукопись Вашего второго тома о Пушкине. Начинаю с того, что прочла ее с величайшим интересом! А прочитав, решила, что во что бы то ни стало пробью ей здесь дорогу. Кстати, перечла и Ваш первый том, кот[орый] тоже знала еще в Праге. Разговаривала здесь об этом с Карповичем, которому дала прочитать рукопись и рецензией которого заручилась для advertisement'a*. Еще совещалась с Цетлиным (1), кот[орый] здесь издает «Новый Журнал», а также и с Бахметевым, кот[орый] согласился помочь в финансовом отношении. Все сообща решили, что печатать нужно оба тома, ибо первый уже библиографическая редкость и здесь, да и нигде, в обращении не имеется. Но начать печатание решили со 2-го тома, обещав затем появление 1-го. Тогда стал вопрос: каким правописанием печатать. Все единогласно решили – новым, ибо только новое правописание сделает книгу доступной для всех тех тысяч людей, кот[орые] теперь изучают русск[ий] язык в Америке и, кроме того, откроет книге и двери России. Старые русские колонии в Америке, ее новые студенты русс[кого] языка – все это читает только по новой орфографии, и я, и Ксения Parker, и все мы, преподающие русский язык, все вынуждены преподавать его в этом новом облике. Я уверена, что Вы, так же как и я, привержены старой орфографии и, в частности, букве «ъ», кот[орая] в том или другом изображении существует во всех славянских языках, но признаюсь Вам, что все же в принципе решила печатать Вашу книгу по-новому, не имея возможности запросить Вас. Но вот тут-то и вышла «закавыка», приостановившая все дело. Чтобы печатать, нужно было всю рукопись не только прокорректировать (в ней множество опечаток), но переписать по-новому, и то же самое сделать с первым томом. Оплатить этот дополнительный труд никто из нас не мог, а отдать несколько месяцев труда без оплаты я тоже не могла. Говорю «я», пот[ому] что корректуру я бы, конечно, держала

* Реклама, анонс *(англ.)*.

бесплатно, но взяться за переписку никак не могу, совершенно не имея времени между уроками, кот[орые] даю для заработка, хозяйством Ал[ександра] Ив[анови]ча (2), кот[орое] веду, и тем, что делаю для Европы (очень мало). Вот из-за чего Ваша книга до сих пор не напечатана. Теперь, что Вы по этому поводу скажите? Совершенно не понимаю, как вылезти из этого затруднения. А мож[ет] быть, Вы и не хотите издавать ее в новом правописании, и вышло очень удачно, что обстоятельства помешали мне нарушить Вашу волю? Я с большими колебаниями решилась на этот шаг. Типография «Возрождения» очень неопрятно напечатала 1-й том — в нем множество опечаток. Придется в обоих томах держать корректуру даже цитат, т. е. текстов Пушкина и др. и стихов и прозы. Говорю сейчас по памяти, т. к. сижу в деревне и книг у меня под руками нет, но помню факты отчетливо. Думаю, что Ваша книга должна была бы иметь успех, т. к. это единственная биография Пушкина в таком роде, и по размерам своим, а главное, по интереснейше проведенной связи жизни с творчеством. Теперь, [когда] все здесь кинулись изучать русс[кий] язык, такая книга была бы кладом. Как Вы думаете, что нам делать? Конечно, печатать в Европе (когда будет бумага) неизмеримо дешевле, а здесь все еще подорожало за эти годы, и я не знаю, согласятся ли теперь на обещанный аванс в типографии. Все нужно было бы начать с начала. Но я так рада, что могу Вам обо всем этом написать. Ксения Parker сейчас далеко, преподает русс[кий] язык в Colorado. Я ей послала Ваш привет и адрес через ее мать, кот[орая] живет рядом со мной, на Толстовской ферме. Она, наверное, сама напишет Вам. Сын ее мобилизован. Еще об очень, очень многом хочется Вам написать, но сегодня приходится остановиться, а задерживать письма не хочется. С конца августа я опять буду в New Haven'е, т[ак] что пишите туда. Я там живу у Ал[ександра] Ив[анови]ча Петрункевича. Как я счастлива, что снова могу беседовать с Вами! Обнимаю Вас очень крепко, продолжайте «Воспоминания». Сердечный привет Вашему сыну, невестке и внучке.

Ваша С. П[анина]

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Цетлин Михаил Осипович (1882—1945) — редактор, издатель, поэт. Редактировал отдел поэзии в журнале «Современные записки» (Париж, 1920—1940). С 1942 жил в Нью-Йорке. Основатель и первый редактор «Нового журнала» (совместно с М. А. Алдановым, с 1942).

[2] Петрункевич Александр Иванович (1875—1964) — зоолог, переводчик английской и русской поэзии. Профессор Йельского университета (США), в котором работал с 1910 по 1944. Автор многих научных работ. Президент Connecticut Academy of Arts and Sciences (1932—1946). Сын И. И. Петрункевича.

8 авг[уста 1945]

Милая Ариадна Владимировна! Не хочу вредить Вашему зрению и потому напишу только два слова пояснения. Вы, может, даже были бы правы, обвиняя меня в одностороннем и неполном освещении событий, если бы я ставил себе задачей написать «историю». Но моя цель более узкая; это только «Воспоминания современника»; я бы сказал даже не «воспоминания», а «переживания». Для современников моего «лагеря» и «направления», ибо я от него не отрекся, интересно сознать и исповедать свои ошибки, а не продолжать втирать очки, с этой точки зрения описывать грехи и вины самодержавия – бесцельно; они для нас всеми признаны, стоят вне спора. Мы же до сих пор винили только его, иногда немного «левых союзников», а себя никогда, мы утверждали, что нам помешали. Отсюда и «канонизация» первой Думы и проклятие на Столыпина. Вот с этой атмосферой и должна бороться моя книга. И только; дальше этого я не шел. Но эта «канонизация» 1-й Думы дело наших рук, нашей прессы, всего нашего «лагеря». Это наше «головокружение от успехов». Ставя задачей проверить заслуженность тех дифирамбов, кот[орые] мы себе воспевали и кот[орые] хотели ввести в «историю», – я только попутно говорю о грехах и винах самодержавия, кот[орого] уже никто не защищал. Ничто меня так не провоцировало писать мою 1-ю Думу, как блестящая и талантливая книга Винавера (1) – Конфликты. Современник никогда не бывает «историком»; но современник, кот[орый] хочет послужить правде, сможет обличать ту неправду, кот[орую] он или его друзья <1 нрзб.>, и только «в страстях», если правильно говорить, создали, но «по страсти». Ведь рано или поздно их сладкий недуг исчезнет при слове рассудок.

А уж совсем несправедливо и на Вас непохоже из моей оценки нашей тактики заподозрить измену самим целям нашим, но это «впечатление». Но как оно могло у Вас появиться? Или 1-я Дума осталась кумиром и для Вас и в Вас страсти не улеглись.

Вам искренне преданный В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Имеется в виду книга М. М. Винавера – «Недавнее. Воспоминания и характеристики» (2-е изд.: Париж, 1926).

Письмо В. А. Маклакова

16 ав[густа 1945]

Милая Ариадна Владимировна,

Хочу еще прибавить одно слово к моему письму; постараюсь писать разборчиво. Вы пишите, что в людях 900-х годов, в частности в депутатах 1-й Думы действовали «страсти», и что они всегда смягчающие вину обстоятельства <1 нрзб.>; и то и другое верно. Но разве я «людей» осуждаю и «их» обвиняю. У меня нет моих книг под рукой, но я говорю так уверенно потому, что в них не может быть того, чего нет в моей душе. И вообще осуждать людей не мое амплуа; я, скорее, ищу в них хорошее, и в Плеве, и в Павлове (1). Осуждая их действия, их тактику, я ни одного худого и обидного слова про них не говорю. Помнится, я говорю о вредной атмосфере 1-й Думы, которая хороших и умных людей толкала на глупости. Это и есть те «страсти», о кот[орых] вы напоминаете. Даже в предисловии о Милюкове, написанном и напечатанном при его жизни – теперь бы я его не поместил – я лично его защищаю от несправедливых нападок и осуждаю только его «политику». Говорю все это, так как считаю себя менее всего повинным в высказывании осуждения «людям», особенно тем, с кем я не согласен.

Но касаясь до «страстей», к[оторы]е владели этими людьми, то «страсти» бывают разного рода, а сами по себе вызывают разное к себе отношение. В деятельн[ости] первой Думы были страсти и «общего блага», и «злоба за притеснения», и «желание быть полезным», т. е. все творческие, положительные страсти, за кот[орые] многое прощается. Но наряду с этим была «страсть», кот[орая] меня раздражает; страсть «самомнения», считать себя выше «закона» и «выше упреков», считать себя глашатаем «воли народа», кот[орую] вы, может, и не слыхали. Это все перевернутое самодержавие, его идеология, с кот[орой] мы «боролись» и кот[орую] усвоили себе, когда победили. Вся деятельность 1-й Думы, вся ее политическая позиция проникнута этой «страстью», а вернее этой «сладостью». Это как раз то, что компрометирует «победу» и подкашивает победителей: «самомнение».

И когда я читал хвалебную литературу о 1-й Думе, воспоминания Милюкова, его «Год борьбы», то там это «самодовольство <1 нрзб.>» так неприкрыто, что возбуждало во мне желание восстать против него, не во имя того, с чем эти люди боролись, а во имя идей, за кот[орые] они так неумело и бездарно боролись. И не потому, что они сами были «бездарны» – напротив, а потому, что человека создает «гордыня».

Не знаю, разберете ли Вы это письмо?

В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

[1] Павлов Владимир Петрович (1851–1906) – главный военный прокурор России и начальник Главного военно-судного управления, генерал-лейтенант (1903). Инициатор принятия закона о военно-полевых судах. Убит в Петербурге 26 декабря 1906.

1946

Письмо А. В. Карташева

7.III.1946

Дорогая Ариадна Владимировна,

Как раз именно по вторникам наши Правление и Совет. Особенно в этот вторник 12.III «большой академи[ческий] день». Но не предлагаю сейчас и другого дня, ибо нахожусь, среди церк[овных] служб и лекционной поденщины (13–14 часов в нед[елю]!), сейчас в период срочного написания статьи для нашей V книжки «Правосл[авной] Мысли», предполагаемой к изданию в Америке на англ. яз. с посвящением ее Епископальной Ц[ерк]ви, спасшей нас своей финанс[овой] поддержкой во время войны. Так что едва выйду из кошмара только к апрелю.

Вы приведете еще аргумент: для важных дел нужно и перенапрягаться. Да. Но тут признаюсь откровенно: мне кажется совершенно безнадежно столь крупного и столь самодовлеюще сформировавшегося мыслителя, как Н. О. Лосский (1) переубеждать не отдавать свое чистое имя в столь поганое место, как «Сов[етский] Патриот». Ума в мире избыток. Только ума лукавого. Иначе говоря, в мире искажена совесть. Т. е. то простое знание (но абсолютно безошибочное, ибо – голос Божий), что добро и что зло, которое ясно и младенцам (и даже животным отчасти). Когда люди не различают сладкого и горького, свежего и гнилого, благовонного и зловонного в духовном смысле – они не с ума сошли, а «сошли с совести»; таков теперь мир, отравившийся большевизмом; что с ними делать? Для «с ума-сшедших» есть изоляторы, а эти свободны. Остается только нам изолироваться от них.

Дело еще пострашнее. Ведь иерархи, целые церкви «сошли с совести». Апокалиптическая «мерзость запустения, стоящая на месте святы» (2), оказывается, не красное словцо, а серая и страшная реальность...

Не за горами Страстная и Пасха. Будет теплее. Приезжайте на Подворье в церковь и к нам на чашку чая и беседу.

Привет Вам от нас обоих.
Сердечно Ваш
А. Карташев

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

[1] Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – религиозный философ. В 1922 выслан из России, жил в Праге (1922–1942). Профессор философии в Братиславе (1942–1945). В 1947 переехал в США, профессор Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (1950–1953).

[2] Цитата из Евангелия от Матфея 24:15: «Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет».

Письмо Б. А. Бахметева

Июнь 18.1946

Милая Ариадна Владимировна,

Очень был рад получить письмо Ваше. Да, бесконечно много воды утекло с тех пор, как я был в гостеприимном доме Вашем в Chelsea, и как Вы справедливо пишете, во всем мире дуют сквозняки. Но полагаю, человечество не может вечно жить в неопределенности и тревоге и должен наступить момент, когда восстановится какой-то равновесный порядок.

Путей человечества не так много в истории и не удивлюсь мир <1 нрзб.> мираж будет поклоняться испытанным богам!

По поводу Вашей книги. В свое время я переговорил с <1 нрзб.> Humanities Fund (1). Через комитет я достаю деньги на «русскую культуру», и мы условились на цифре $ 300. Этой суммой, во всяком случае, Вы можете располагать. H[umanities] Fund вообще не оказывал ссуды в порядке долга. Обычно если книга или начинание считалось полезным, ассигнование рассматривалось как «contribution <1 нрзб.> a worthy cause»*. Конечно, если кто хотел вернуть деньги в форме обратного пожертвования Фонду, препятствий нет, но опыт нам показывает, что трудно серьезные книги обращать в доход.

Конечно, ассигнование должно пройти через <1 нрзб.>. Наши средства очень разобраны, но постараюсь, когда наступит момент, несколько увеличить сумму. Напишите мне в свое время information, в каком порядке Вы предполагаете издавать книгу, какой общий расход. Фонд очень ценит, когда его ассигнование идет наряду с другими.

Лично мысль, что я Вам могу быть полезным, очень радует меня. Очень был бы рад Вас почитать. Когда-то увидимся?

Душевно Ваш
Б. Бахметев

---

* Вклад или общественно важное дело *(англ.)*.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

[1] Гуманитарный фонд – учреждение, основанное в 1936 Бахметевым (он же был его многолетним директором) для поддержки русских эмигрантов.

1947

Письмо Б. П. Вышеславцева

7 янв[аря]/25 дек[абря] 1947
Av. Weber, 7, Genève

Дорогая Ариадна Владимировна,

Мы оба поздравляем Вас с праздником Рождества Христова и с Новым Годом. Желаем Вам здоровья, бодрости и того горения духа, которое Вас никогда не покидало. А я начинаю хромать в смысле здоровья и если бы был с Вами, уверен, что Вы посоветовали бы мне многое в смысле психофизической гигиены для нашего брата «intellectual»'а на старости лет. Вы писали, что «спасение придет от русского народа». И это в известном смысле верно. Но только вот в каком смысле: если русский народ преодолеет тоталитарный фашизм и чекизм и создаст правовое либеральное демократическое государство, в котором возможна христианская культура, – тогда 1, обеспечен мир всего мира, о котором молится Церковь, ибо две великих демократии легко сговорятся и никогда не начнут войны и 2, уничтожена пятая колонна мирового подпольного чекизма, который немедленно исчезнет. Каторжные работы и крепостное право под флагом «коммунизма» не найдут больше сторонников, ибо свободный, честный и нормальный человек не может этого поддерживать. Тогда великие традиции русской литературы (Пушкин, Толстой, Достоевский) с ее этическим идеалом свободы и любви – воскреснут, и русская Церковь скажет свое слово и просияет. Если же этого ничего не произойдет, а «эволюция» пойдет в другую сторону, тогда от русского народа, напротив, придет гибель христианской культуре. Такая возможность тоже существует и поддерживается с большой настойчивостью. История всегда стоит перед такими дилеммами: «или-или»; ибо «историк не астроном и провидение не алгебра». В этом свобода народов: хозяин удаляется «на малое время» и предоставляет свой виноградник слугам и рабам, и они могут выбирать образ действия. Вы помните, конечно, пессимистический конец притчи: они устроили примерно то, что происходит сейчас. Нигде этот выбор, поставленный перед человечеством, не выражен понятнее, как в следующих словах писания:

«Призываю ныне в свидетели небо и землю: жизнь и смерть положил ныне пред лицом вашим – благословение и проклятие. Избери жизнь, да живешь ты и семя твое!» (Второзаконие. 30, 19).

Мне так бы хотелось знать, как Вы и Ваша семья проводили Рождество. Помните нашу роскошную индейку в Pau и вино Jurançon*? «Все мгновенно, все пройдет. Что пройдет, то будет мило»... (1) Как много сил еще было не истрачено тогда и как много трагических переживаний нам предстояло! Здесь было Рождество со снегом, с морозом, как в былое время в Москве. Были и обедни в сочельник утром, потом рождественская всенощная, которую я так люблю. Евангелие начинается с эпической простотой: «Иисус – Христово Рождество сице бе»... Потом яркий солнечный день и утренняя литургия Рождества. Церковь здесь настоящая, как была в наших столицах, теплая, уютная. Однако все-таки не хватает милых друзей, как Вы. Хотя здесь приход хороший: советизаны в церковь не ходят.

Посылаю Вам статейку о Бердяеве того же автора. Бердяев попал в скандальное положение, особенно после нахлобучки полпреда, и после того как сказал, что взять паспорт есть «патриотический долг», а сам и не подумал его взять, или, точнее, подумал – и не взял.

Посылаю Вам это больше для развлечения, чтобы «душу отвести». Но, может быть, Аркадий Альфредович перешлет в Америку, или здесь как-либо использует.

Я и Нат[аша], мы оба часто с Вами и с Вашими всеми мысленно беседуем. Всю Вашу милую семью поздравляем и приветствуем. Сердечно Ваш Б. Вышеславцев.

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 9.III.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

[1] Цитата из пушкинского стихотворения «Если жизнь тебя обманет» (1825), которое поэт посвятил Е. Н. Вульф.

Письмо Н. А. Тэффи

<Пометка А. В. Тырковой: > Получено 21/I.[19]47
Это письмо не для печати

Дорогая моя Ариадна Владимировна!

Вы меня глубоко огорчили. Откуда все это? С чего Вы это взяли? Я говорю о моем «покраснении».

Мне очень лестно, что Вы находите меня умнее Бердяева, но я понимаю, что говорите Вы это не в мое прославление, а в унижение Бердяева.

---

* По (Франция); «Жюрансон» – французское вино.

Мои отношения с советскими таковы: все время зовет меня сотрудничать «Патриот», не щадя затрат (в «обещаниях»). Я, как видите, не работаю у них. Вчера приезжал какой-то фрукт из Женевы – там будет издаваться просоветская газета. Предлагает 4000 за фельетон. Я не пошла. Посольство посылает мне и Бунину приглашение на все пышные приемы и рауты. Я ни на одном не была. У меня был Симонов (1) (поэт) и у Бунина тоже. Очень убеждал нас вернуться. Мы не вернулись и не обещали вернуться.

Я не только не краснею от общения с красными, но, пожалуй, они от общения со мной белеют. Богомолов в ответе Бердяеву («Патриот», подпись: Советский Гражданин) цитирует из моих «Воспоминаний», «книги определенной линии» – советской. Я Богомолова нигде не цитирую и на свои «рауты» не приглашаю. В чем же увидали Вы мое покраснение?

Ума не приложу. Вероятно, просто кто-то что-то наврал. А между тем, принимая во внимание наши дружеские отношения, так просто было бы спросить у меня, поговорить со мной, узнать от меня правду, прежде чем в таком осудительном тоне печатать обо мне неправду.

Только что была в одной американской газете статья обо мне, где говорится как раз обратно, а именно, что меня заманивают, а я не хочу.

В наше трудное время запутывать друг друга и осложнять и без того сложное положение – нехорошо. Когда мы с Вами увидимся – а я надеюсь, что это будет – я смогу рассказать Вам кое-что, о чем писать не могу.

Но сейчас могу сказать просто и ясно. Вы не правы. Я не краснею и не буду краснеть. Ваше враждебное ко мне отношение очень мне больно. Не заслужено.

Хотелось бы повидаться.

Шлю сердечный привет.
Ваша Тэффи

P.S. Я – прислужник и прихлебатель? Они – мои прихлебатели. Они печатали без спроса мои книги и не желали мне заплатить. Я им сказала, что они «коммерчески не корректны». Н. Т[эффи]

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 22.I.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

[1] Симонов Константин Михайлович (1915–1979) – советский писатель, поэт. Секретарь Союза писателей СССР (1946–1959 и 1967–1979). Главный редактор журнала «Новый мир» (1946–1950; 1954–1958). Главный редактор «Литературной газеты» (1950–1953).

Письмо С. П. Мельгунова

16/IX.[19]47

Дорогая Ариадна Владимировна!

При таком голосовании, которое у нас было, у меня не поднимается рука вписать имя Чернова.

Все-таки искренне советую Вам избегать Алексинского. У меня нет времени в письме изложить все его подвиги в эмиграции – создание при содействии румынской охранки «Крестьянского союза» Акацатова (1) и пр. Но вот что он сделал лично в отношении меня, после чего я на него поставил крест. Некогда в «Борьбе за Россию», отбиваясь от Милюкова, мы вынуждены были решительно отгородиться от авантюрного «активизма». В нашем журнале были напечатаны мои статьи «Активистическая жуть» (о братстве «Русская правда» (2)) и об акацатовском «Крестьянском союзе». Желая меня дискредитировать, Алексинский сделал следующее. «Б[орьба] за Р[оссию]» устроила день памяти погибших в борьбе с большевиками – выступил Деникин, Карташев и др. Мне поручено было сказать о погибели деятелей Национального Центра в Москве – Щепкина и др. Перед заседанием была распространена печатная листовка, подписанная «одной из моих жертв», где я обвинялся в том, что беру на себя смелость говорить о геройской гибели людей, которых я предал ЧК и пр. Все это было состряпано грубо. «Профессорский» процесс по делу Тактич[еского] Центра в Москве [19]20 г. был морально тяжелым процессом, но, кажется, ни у кого не было сомнений в том, что я лично не на иоту не уступил в своей ненависти к большевикам. Мы произвели тщательное расследование и установили совершенно точно, что листок этот был составлен и отпечатан Алексинским. Это его обычный метод действия. В последний раз я видел А[лексинского] в таких условиях. Я заехал на торгово-промышленный съезд и увидел багрового Тимашева, на которого наступал Алексинский, требуя пропуска на съезд в качестве официального делегата, в чем ему было отказано. Я не выдержал и громко сказал Тимашеву, какая Вам охота разговаривать с этим негодяем. А[лексинский] не протестовал, а как пуля отлетел от Тимашева. Больше с А[лексинским] я не встречался...

Целую ручку
С. Мельгунов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Акацатов Михаил Епифанович (М. Антонов) (1902–1933) – председатель Всероссийского крестьянского союза, эмигрант.

[2] Братство «Русская правда» – эмигрантская террористическая организация. Создана в 1921 в Берлине герцогом Г. Н. Лейхтенбергским, литера-

торами С. А. Соколовым-Кречетовым и А. В. Амфитеатровым, генералом П. Н. Красновым и др. Центральный орган Братства – журнал «Русская Правда», выходил в 1922–1933.

Письмо С. П. Мельгунова

7.11.1947

Дорогая Ариадна Владимировна!

От «левых» получаю немало писем по поводу Вашей статьи. Недовольны тем, как Вы изобразили эмиграцию – придали ей слишком «белый» характер. Отчасти, может быть, они и правы – больно Воинский Союз сейчас не в фаворе. По-моему, настоятельно необходима статья о размежевании в эмиграции. Создается нестерпимое положение, когда в одной организации «советские» и «эмигранты». Когда я у Вас был, мне кажется, Вы говорили на эту тему. Если я не ошибаюсь, может быть Вас может вдохновить эта тема? В случае положительного ответа, напишите, пожалуйста, мне. Статью надо иметь к началу марта. Седьмой сборник, вероятно, выйдет в 20-х числах. Если Вы не напишите, должен буду написать сам. Статья нужна.

Целую ручку
С. Мельгунов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

1948

Письмо С. В. Паниной

18.II.[19]48
1326 Madison ave
apt. 32
New York 28, N.Y.

Дорогая Ариадна Владимировна,

Да, наша с Вами переписка замерла и, вероятно, по одной и той же причине на обоих концах: вечный недосуг. Я по крайней мере решительно не справляюсь со своей корреспонденцией, мое поведение в этой области настоящий кошмар, и притом безнадежный, ибо меня всегда душит необходимость заработка, поглощающего львиную долю часов в сутках, кот[орые] никак не растянешь... Я ужасно была счастлива узнать еще от В. С. Ильина (1), когда он здесь был проездом, а теперь и от Вас иметь подтверждение того, что «Пушкин» печатается. Я просто люблю эту Вашу книгу, пот[ому] что ужасно люблю Пушкина и считаю, что Ваша «Жизнь [Пушкина]» попадает в «самую

точку», пополняя пробел в его биографиях и заражая читателя Вашей любовью к нему. Ну, словом, хочу видеть Вашу рукопись в печати на своем столе и уверена, что YMCA напечатает этот том гораздо аккуратнее противной типографии «Возрождения».

Еще о личных темах. Я, конечно, все знаю о Вашей внучке Наташе и все время слежу за ее судьбой, тем более что очень люблю и часто видаю Нину Рузскую, кот[орая] с Вами по этому поводу переписывается и издали заботится о Наташе. Я была просто потрясена ее заболеванием и огорчена ее полной оторванностью от нас, но, слава Богу, ее дела пошли, по-видимому, на поправку и нужно только иметь терпение выдержать положенные сроки. Не знаю какого рода климат в тех местах, где она живет, но, во всяком случае, для туберкулеза ничего нет хуже Нью-Йорка. Т[ак] что хорошо, что она не здесь. В связи с этим думаю, что и правильно и естественно ее родителям стремиться переехать через океан и в этом отношении могу дать Вам интересную справку. Из частного источника я узнала, что единственная незанятая вакансия среди переводчиков в UN, это та, кот[орая] требует знания русского и испанского языков. Такой комбинации они до сих пор не нашли и поэтому, если только познания Аркадия Альф[редовича] в испанском таковы, что ответят их требованиям, он может смело надеяться на исключительную удачу. Пускай он пошлет туда прямо «application»*, в кот[ором] перечислит те языки, кот[орые] знает, и ту степень своих познаний, которыми обладает. Мож[ет] быть, для этого есть специальные бланки – я этого не знаю, но главное, это указать, что он владеет и русским и испанским. Если бы он попал на это место, вопрос был бы разрешен, и гораздо скорее и лучше, нежели аффидовитом, с кот[орым] всегда невероятная канитель. Нина Рузская сказала, что Т[олстовский] Фонд Вам на эту тему уже ответил, т[ак] что я останавливаться на этом не буду.

Теперь другие Ваши деловые вопросы, о которых я должна была запросить Алекс[андру] Львовну [Толстую].

1. Все, что Т[олстовский] Ф[онд] мог нынешней зимой направить в Европу в виде посылок, было направлено в Германию и Австрию. Остальные свои (очень скромные) средства Фонд затрачивает на изыскание возможностей массовой перевозки D.P.'ов в другие заокеанские страны. Отправлять посылки не непосредственно нуждающимся, а какому бы то ни было «Комитету» во Франции для дальнейшего их пересылания и распределения, Ал[ександра] Льв[овна] считает совершенно невозможным. Она говорит: дайте нам эти имена и адреса, с описанием семьи и их нужды и, если возможно, мы пошлем сами (без различия зон).

2. Гриммы. Т[олстовский] Фонд пошлет ему непосредственно посылку. Но просит дать его личный адрес, т. к. на военные адреса посы-

* Заявление *(англ.)*.

лать Care (2) нельзя. Тот адрес, кот[орый] Вы мне прислали, мы здесь читаем как «военный» адрес, но никак не можем в нем толком разобраться. Можете ли Вы мне объяснить, что означает Ваши энигматические* буквы и цифры:

S.P. 50377 * читается ясно)

13 ("B" или тринадцать?) P.M. 517

Par 13 (опять тот же вопрос) C.M.C. Paris.

Я ничего не могла объяснить Ал[ександре] Львовне на ее вопрос. Но Ваша последняя открытка очень напоминает нашу на письмах едущих в армии: c/o P.M. (post master) N.Y., N.Y., вот почему мы заключили, что это – адрес «посредника».

От себя хочу прибавить, что и мой личный и многих других опыт в «Care» всю прошлую осень и эту зиму не очень удачен в смысле сроков. В Германию их посылки шли бесконечно долго, а во Францию не многим лучше. В Германию они шли 4 месяца! Но кажется теперь стало лучше.

Живу эту зиму в Нью-Йорке, по адресу, кот[орый] проставила на первой странице письма. Мой Нью-Хейвенский адрес и Т[олстовского] Фонда остается всегда в силе. Я живу в семье племянницы на ролях оплачиваемой бабушки, пасу детей и блюду очаг и пищу. Это очень удачно в смысле заработка, но связывает меня по рукам и по ногам, т. к. и отец и мать семейства работают. Переписка с этим плохо уживается...

Ну, вот и все на сегодня, дорогая Ариадна Владимировна. Тем же для разговоров более чем достаточно, а жить – я с Вами согласна – невесело.

Да, вот еще о Ростовцевых. Мих[аил] Ив[анович] прошел осенью через невероятную мозговую операцию, после которой замечательно поправился. Давно уже живет дома, а не в санатории, стал спокоен и благодушен и в значительной степени восстановил нормальную жизнь, чтение, интересы. Мы думаем с С[офьей] М[ихайловной], что творчество, писание уже не вернутся, но, во всяком случае, он счастлив и спокоен. С[офья] М[ихайловна] за эти годы ужасно изменилась и совсем перестала кому-либо писать – не может. Мне ее очень, очень жалко.

Обнимаю Вас очень крепко и жалею, что не могу лучше исполнить Ваших поручений и просьб.

Сердечно Ваша С. П[анина]

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 22.III.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

* Загадочные, таинственные.

[1] Ильин Василий Сергеевич (1888–1957) – ботаник, общественный деятель, эмигрант. С 1922 работал в пражском Карловом университете. Ректор Русского свободного университета в Праге. После оккупации Чехословакии читал лекции в университетах Вены (1941–1944), Инсбрука (1945–1947), а с 1947 – Каракаса (Венесуэла); профессор физиологии растений. Двоюродный брат философа И. А. Ильина.

[2] Cooperative for American Relief Everywhere Inc. [Кооперативное общество по повсеместному оказанию американской помощи] – объединение благотворительных организаций, занимающихся оказанием гуманитарной помощи в различных регионах мира.

Письмо С. П. Мельгунова

20/III.[19]48

Дорогая Ариадна Владимировна!

За время Вашего отсутствия у нас произошло много событий. Мы решили в редакционном отношении развестись с «солидаристами». Причин тому много. Но все-таки основное заключается в том, что в редакции должны быть отныне люди, которые будут проводить определенную, установленную нами тактику. Это невозможно, когда за некоторым членом редакции стоит некто в сером в виде директив партии, к которой все мы относится отрицательно – за ее своего рода нечаевщину. Поэтому <1 нрзб.> и Савич (1) больше не будут участвовать в редакции – это не устраняет их сотрудничества. Мы решили, что «Рос[сийский] Дем[ократ]» должен выходить с открытой редакцией, т. е. под моей официальной редакцией при ближайшем участии Карташева и Хераскова. Само собой разумеется, что мы только приветствовали бы Ваше участие – это еще более подчеркнуло коалиционность: два социалиста и два несоциалиста.

Но, конечно, рассчитываем всемерно на Вашем участии в прежнем объеме. Предполагается редакционные собрания устраивать только раз в месяц – перед сдачей материала в набор. Материал для этого № (появится около 10 апреля) я должен был сдать. Очень затруднен вопросом о международной политике, если откажется Савич.

Целую ручку
Ваш С. Мельгунов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

[1] Савич Иван Яковлевич (1898–1949) – публицист, общественный деятель. Член НТС, сотрудник еженедельника «Посев», его представитель в Париже. Участвовал в создании журнала «Свободный голос» (1946).

Письмо С. П. Мельгунова

16/VI.[19]48

Дорогая Ариадна Владимировна!

Мы и не думали зачислять Вас без Вашего ведома пока только в инициативную группу по созданию будущего Союза, если он сорганизуется. Но дело Союза все-таки органически связано с нашей редакцией, неофициальным членом которой мы Вас числим. Для экономии времени я и полагал целесообразным устроить как бы совместное заседание. Естественно, что Вы во многом расходитесь со мной и Херасковым. Но ведь мы пытаемся создать не партию, а временный тактический Союз на более или менее договоренной общей платформе. Многое подлежит выяснению. Если ждать полной договоренности, то вообще ничего нельзя делать – это так ясно из переписки с «группой», которая образовалась в Германии также «на базе» нашей платформы. Пока работает «инициативная группа». Мы не собирались опубликовывать никаких имен, отметив только связь «иниц[иативной] группы» с нашей редакцией – это сделано в вышедшем сборнике. Иниц[иативная] группа вынужденно создалась преждевременно – было необходимо как-то показать, что наша платформа не теоретическое только рассуждение; надо было противопоставить нечто нью-йоркским выступлениям (+Гуль). Но отлично вижу, что поступили правильно. Все дальнейшее зависит от денег.

Целую ручку
С. Мельгунов

Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы сделали выписку из критич[еского] письма по поводу статьи Хераскова.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

1949

Письмо Г. В. Вернадского

18 января 1949

Дорогая Ариадна Владимировна,

Отвечаю на Ваше письмо от 10 января. II том Вашей биографии Пушкина нам дала прочесть С[офья] Вл[адимировна Панина]. Сначала Нина Вл[адимировна] (моя жена) (1) прочла его, а потом я – с живейшим интересом. Так ярко у Вас передана и личность Пушкина и эпоха. Я просил заказать в здешнюю университетскую библиотеку оба тома. Это уже сделано.

Что касается английского издания – это, конечно, было бы очень хорошо, но боюсь, что это нелегко устроить. Здесь сейчас вообще кри-

зис в книжном деле – печатание стоит страшно дорого, а покупают книги мало – при дороговизне жизни первое, на чем экономит здешний обыватель, это на книгах. Литературные агенты не станут рассматривать книгу на русском языке (да вряд ли кто из них знает русский язык). В сущности, единственный человек, кот[орый] мог бы помочь [–] это Вреден, но он, говорят, периодически выбывает из строя и от него трудно добиться ответа. Я с ним не знаком. Думаю, что больше шансов было бы в Англии, тем более что здесь в 1937 г. уже была издана биография Пушкина – Симмонса (2). Симмонс – профессор русской литературы в Columbia University.

Здешнее университетское издательство (Yale University Press) не возьмется за издание без субсидии. Единственно что могу Вам посоветовать – попробуйте написать в Princeton University Press (Princeton, New Jersey) или в University of Pennsylvania Press (Philadelphia, Pennsylvania) – оба эти издательства, по-видимому, интересуются русскими темами.

Пока все лучшего.
Искренне Ваш
Г. Вернадский

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

[1] Вернадская (урожд. Ильинская) Нина Владимировна (1884–1971) – жена Г. В. Вернадского (с 1908). Окончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов, занималась музыкой и пением. Была первым директором научной библиотеки Таврического университета (1918).

[2] Симмонс (Simmons) Эрнест Дж. – специалист по советской и русской литературе, инициатор их изучения в США. Преподавал в Корнеллском, Гарвардском и Колумбийском университетах, профессор. Автор многих работ о русских и советских писателях.

Письмо Б. П. Вышеславцева

8-го октября 1949 г. Женева

Дорогая Ариадна Владимировна! Мы Вас никогда не забываем, а писать по старости лет становится все труднее, в последнее время расспрашивали о Вас Дину, которая была нашей ближайшей соседкой. Она подробно рассказала о вашем версальском житье, а также об Англии и чрезвычайно нам понравилась своим милым характером. Работа ее была трудная и она под конец очень устала. Я еще часто думаю о Вас, ибо готовлю Пушкинскую речь сначала на русском языке здесь в Женеве, а затем в Берне на немецком, что представляет исклю-

чительные трудности, ибо нельзя цитировать подлинных стихов. Мне очень не хватает Вашего второго тома, постараюсь добиться, чтобы здешняя библиотека его, наконец, выписала. Нужно сказать, что мы переживаем исторический момент большого напряжения: разделение мира на две части, о котором я здесь написал два года назад, все более обостряется и нужно только желать, чтобы эта холодная война не превратилась в горячую с температурой атомного взрыва. А в мир холодная война никак превратиться не может. Весь свет находится сейчас, в сущности, в состоянии мировой гражданской войны, а вовсе не какой-либо национальной вражды. По-видимому, даже американцы поняли страдания русского народа и способны почувствовать к нему симпатию. Интересный афоризм написал мне один старый коллега-профессор: «Все же я рад, что выбрал свободу в этой полуварварской стране». Этим выражен весь духовный климат Америки для русского интеллигента. Мы здесь сидим в относительном спокойствии в этой маленькой и подлинно свободной стране. А вот брат моей жены, известный Вам Николай Николаевич Алексеев (1), профессор Белградского университета, находится в положении совершенно угрожающем. Первый раз дошло до нас с оказией откровенное письмо, настоящее SOS! Он умоляет подготовить почву для бегства на Запад. Сейчас еще можно получить выездную визу, конечно без права возвращения. Так бежал оттуда только что брат нашего настоятеля арх. Леонтия (2) – арх. Антоний (3). Он рассказывает разные ужасы, грозящие русским со всех сторон и при всех ситуациях. Хочу с Вами и с Аркадием Альфредовичем посоветоваться, как мне действовать и их спасать. Совершенно не знаю, как ИРО сейчас в таких случаях поступает с новыми беженцами. Можно надеяться, что Швейцария даст транзитную визу на некоторый срок, чтобы люди могли отсюда хлопотать о визах в Америку или куда-либо. Его жена и падчерица отлично знают английский язык, она по происхождению англичанка и не пропадет в странах английского языка, т. к. высоко интеллигентна и знает все языки. Он прежде работал в журнале Керенского, последний его очень ценит, и он упоминает о Керенском в смысле содействия. Сейчас прочел, что Керенский находится в Англии и собирается в Париж. Не может ли Аркадий Альфредович мне достать его адрес. Это была бы громадная услуга. Он меня тоже хорошо знает, и я ему тотчас напишу. Кроме того, ценно было бы узнать мнение Вашей дочери, которая занимается беженцами. Еще можно было бы рассчитывать на помощь Ал[ександры] Льв[овны] Толстой, которая спасает русских ученых и, кроме того, лично знает Ник[олая] Ник[олаевича], т. к. он давал уроки и жил у ее брата Серг[ея] Львовича (4) и бывал в Ясной Поляне.

Простите, что затрудняю Вас этими заботами, но Вы можете [понять] наше волнение и трепет, когда нам рассказывают, что может им угрожать и когда мы наконец [получили] его собственное письмо с призывом о помощи. Наташа рассчитывает на Ваш дружеский совет и мудрую интуицию.

Оба сердечно Вас обнимаем и просим передать привет Аркадию Альфредовичу и Тамаре Викторовне [Борман], которых всегда с благодарностью вспоминаем.

Ваши Б. и Н. Вышеславцевы

Пометка А. В. Тырковой: «Отв[ечено] 14.X».

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись с подписью. Оригинал.

---

[1] Алексеев Николай Николаевич (1879 –1964) – философ, правовед, один из идеологов евразийства. В 1920 эмигрировал, преподавал в Праге, Берлине (1922–1931), затем в Сорбонне. В 1940 переехал в Белград, профессор Белградского университета. Принимал участие в движении Сопротивления. С 1950 жил в Женеве.

[2] Леонтий (в миру – Лев Георгиевич Бартошевич) (1914–1956) – епископ Русской православной церкви заграницей, первый епископ Женевский (1950–1956).

[3] Анто́ний (в миру – Андрей Георгиевич Бартошевич) (1910–1993) – епископ Женевский (1957–1963). В 1946, находясь в Белграде, был возведен, указом патриарха Алексия I, в сан архимандрита. Надеялся вернуться на родину, но не получил ответа на запрос. В 1949 переехал в Швейцарию. Служил в нескольких храмах, в том числе в Брюсселе (1952–1957). Архиепископ Женевский и Западно-Европейский (1963–1993). Брат епископа Леонтия.

[4] Толстой Сергей Львович (1863–1947) – композитор, мемуарист, общественный деятель. Занимался поддержкой толстовцев, переселением духоборов в Канаду (1898–1899), оставил об этом воспоминания. Профессор Московской консерватории (1926–1930), преподаватель музыкальной этнографии.

Письмо В. А. Маклакова

18 ноя[бря] [1949]

Милая Ариадна Владимировна,

Только сейчас узнал. Но мы с Вами ровесники, и что Ваше рождение было 13 ноября; если это по новому стилю, то значит такой «главнейшей» цифры в Вашей метрике не значится. Но это неважно. Шлю Вам самые сердечные поздравления; как ни роюсь в памяти, не вспоминаю Вас раньше 1906 г. Но и это довольно давно. Помню речь Мандельштама в защиту Вас и Аничкова, заседание С[удебной] п[алаты] и многое другое. И сколько пережито за это время. Все же то время приятно вспоминать.

Ваш Маклаков

А дочь Герцена нас перещеголяла: ей 20/XI будет 99 лет. Она <1 нрзб.> Вас и Керенского. А Кусковой – 80 л[ет] будет 6 декабря. Вот пошел урожай.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

1950

Письмо А. В. Карташева

13 июня 1950. Париж

Дорогая Ариадна Владимировна,

Узнал, что Вы интересуетесь моим мнением об архиве нашего Пушкинского к[омите]та. Называю его нашим, потому что исторически он создан по инициативе нашего Русского национального комитета и просуществовал всю свою жизнь прислоненным к его организму. Еще в 1933 г. я внес в наш К[омите]т письменное представление о взятии здесь в наши руки заботы о всеэмигрантском праздновании столетия со дня смерти Пушкина. Осуществил эту инициативу М. М. Федоров, вложив в нее свою бурную энергию и создав для этого дела особый Пушкинский комитет. Наш циркуляр раскачал и русскую Америку и Дальний Восток, не говоря об европейских частях эмиграции. Деловым аппаратом Пушкинского к[омите]та стал платный аппарат Рус[ского] Нац[ионального] к[омите]та. И в протоколах и в отчетах о деятельности Р[усского] Н[ационального] к[омите]та Пушкинский к[омите]т рассматривался, как акция Рус[ского] Нац[ионального] к[омите]та, а юридически – как его филиал. И не только сьеж сосьояль* Пушкинского к[омите]та и его делопроизводство находились и сохранялись у нас, но и плоды его деятельности не могли не сосредоточиваться в уме и сердце М. М. Федорова и преданных ему служащих и сотрудников Рус[ского] Нац[ионального] к[омите]та.

Конечно, привлеченные Федоровым в члены Пушкинского к[омите]та специалисты (М. Гофман (1)) и представители русской культуры (С. Лифарь (2) и др.) вложили в это дело свои имена и свою работу, но не отняли этим у него юридического лица – филиала Рус[ского] Нац[ионального] к[омите]та. Тем более что лица, труд которых по изданию тома Пушкина был трудом платным (М. Гофман), тем самым исключили себя из числа юридических претендентов на оставшийся архив Комитета.

Сам Рус[ский] Нац[иональный] к[омите]т, закрывшийся во время войны по распоряжению оккупационных властей, с освобождением Парижа получил право на возобновление своей деятельности

---

* Юридический адрес (от *франц.* siège social).

наряду с другими легализованными обществами. Хотя Рус[ский] Нац[иональный] к[омите]т этого права до сих пор официально не использовал, но вне всякого сомнения, что пока жив президиум Рус[ского] Нац[ионального] к[омите]та, начиная с меня – председателя, Р[усский] Н[ациональный] к[омите]т является естественным и законным хранителем недвижимого архивного наследства Р[усского] Н[ационального] к[омите]та, филиалом коего и был Пушкинский к[омите]т.

Могу посему засвидетельствовать, что если бы собрать остатки Р[усского] Н[ационального] к[омите]та и его президиума, то, конечно, все сказали бы, что Пушкинский к[омите]т в действительности был детищем единоличной энергии покойного М. М. Федорова, и архив к[омите]та морально стал его личным достоянием. В этом порядке теперь нет другого лица среди родных М. М. Федорова для распоряжения судьбой архива, кроме его падчерицы В. С. Малышевой (3), вложившей все свои силы в уход за М. М. Федоровым в течение последних долгих лет его медленного угасания.

Сердечно Ваш А. Карташев
93, r.d. Crimee
Paris-XIX

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Оригинал.

---

1 Гофман Модест Людвигович (1887–1959) – филолог, пушкиновед, поэт, библиофил. Работал в Пушкинском доме (с 1920). В сентябре 1922 выехал в командировку во Францию с целью покупки фондов музея А. Ф. Онегина; на родину не вернулся. Автор книг о Пушкине: «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (1922); «Пушкин. Психология творчества» (1928) и др. Преподавал литературу в Сорбонне.

2 Лифарь Серж (наст. имя Сергей Михайлович Лифарь) (1905–1986) – балетный танцовщик, хореограф, балетмейстер. С 1923 в эмиграции. Ведущий солист «Парижской оперы», позднее ее балетмейстер. Возглавлял труппу «Новый балет Монте-Карло» (1944–1947). Преподавал историю и теорию танца в Сорбонне (с 1955), был ректором Университета танца, профессором Высшей школы музыки и почетным президентом Национального совета танца при ЮНЕСКО.

3 Малышева В. С. – почвовед, изучала почвы окрестностей Парижа. Дочь жены М. М. Федорова – Малышевой Екатерины Ильиничны (1862–1935).

1951

Письмо С. П. Мельгунова

14/V.[19]51 г.

Дорогая Ариадна Владимировна!

Рад был получить Ваше письмо.

Мейендорфу напишу – заметку в том виде, как она написана, довольно трудно напечатать в «Возрождении».

В Нью-Йорке в общественных кругах происходит нечто гораздо худшее, чем в Париже. Я не все себе усваиваю в силу некоторой оторванности своей от «левых» кругов. Эта каша очень затрудняет работу по соглашению, которую продолжаем вести. Боюсь, что из американской отсебятины в соединении с российской неразберихой ничего не выйдет. Посланец Амер[иканского] ком[итета] Дон-Левин в Германии спутал все карты своими переговорами с «науменом». Сейчас он прибыл в Париж. Так мы и не можем выйти из национального тупика. Мы решили поставить американцам со своей стороны ультиматум – кончать волынку и сказать: да или нет. Я предвижу, что нам придется пуститься в бой за «Россию». Людей охватывает какой-то психоз. Даже ген. Туркул так далеко зашел в предоставлении народам права на самоопределение, что в этом отношении переплюнул большевиков. Для борьбы с этим психозом или демагогией одного «Возрождения» мало. Надо во что бы то ни стало достать деньги для «Рос[ийского] Дем[ократа]». Мне их предлагают, но... вопрос: можем ли мы их взять. Нам придется решительно выступать против американцев, если они будут ставить на сепаратистов, а таковыми в эмиграции являются все организованное меньшинство. Свою точку зрения я пытался обосновать в статье, которая будет напечатана в выход[ящем] «Возрождении». Об итогах своих разговоров с американцами сообщу.

Целую ручку
Ваш С. Мельгунов

Горячий привет от жены.

Очень интересуюсь «фондом» Кеннана. О нем ходят всякие слухи, а никто толком рассказать не может – даже в Посольстве.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо С. П. Мельгунова

6/VI.[19]51 г.

Дорогая Ариадна Владимировна!

Мне кажется, что меня нельзя упрекать за то, что я люблю все делать сам. Всю жизнь я всегда создаю коллективы. Его нет в «Возр[ож-

дении]» только потому, что его, как огня, боится издатель. Вы уверены, что в Париже имеется молодежь, которую можно привлечь к делу. Укажите хоть кого-нибудь. Я их всемерно ищу. Я знаю у солидаристов одного – Рутченко (1). Но он человек сомнительный – многие его считают просто агентом. Я этому не верю, но держусь от него в стороне.

Не очень верьте тому, что в Америке говорят русские. Американский комитет не полумифический и ничего зря на него не валил Ваш однофамилец. Ничего не знающие люди врут за мою душу. Но Амер[иканский] ком[итет], действительно, не авторитетен. Я продолжаю утверждать, что американцы проявляют полное свое неумение что-либо организовать общественно. Когда я Вам писал о связях солидаристов, я имел в виду их «связи» с американцами. Г-жа Гуль Вам сообщила полуправду. Керенский не только не ушел из Лиги, а состязается за первенство в ней с Николаевским – г. Гуль теперь правая рука Керенского.

Я получил некоторые деньги на возобновление «Рос[сийского] Дем[ократа]» – эти деньги даны независимо от того, будет ли у нас соглашение или нет. В августе возобновим издание «Рос[сийского] Дем[ократа]». Первый номер целиком хотел посвятить отчету о совещании в Фюссене и выяснению нашей позиции. Будем писать независимо от того, будет ли соглашение или нет, т. е. будем выяснять, к чему мы стремимся. Главное преткновение наше с американцами – это национальный вопрос. Еще не знаю, как он разрешится. Мы сделали максимум уступок.

Полученные деньги дадут возможность оплачивать скромный гонорар – до сих пор мы ничего не платим в «Рос[сийском] Дем[ократе]».

Я очень заинтересован получить деньги для «Возр[ождения]», как получил их «Новый Журнал». Деньги нужны на повышение авторского гонорара и на бесплатную рассылку. Об этом своем ходатайстве рискнул написать Бахметеву и Карповичу (раз он получил деньги, ему неловко будет возражать). Если увидите Бахметева, поддержите, пожалуйста, мое справедливое ходатайство.

В редакцию «Рос[сийского] Дем[ократа]» мы решили ввести и молодого – Соловьева, живущего в Зальцбурге. Меня удивляет, что Вы не представляете себе, как мы бедны в Париже людьми. Я страдаю в этом отношении даже в «Возрождении» – еду не на парижских людях. Конечно, людей можно найти, если не избегать б[ывших] советизанов. Тут я по-прежнему остаюсь «маньяком», как именуют меня «Русские Новости». При таких литературных силах издавать еженедельный политический журнал невозможно. Надо продать «Р[оссийский] Д[емократ]». Специфический характер. Тем более что он должен быть идеологическим органом нашего Союза. К сожалению, в нем не все благополучно – очень трудно совмещать разнородные элементы. Цу-

риков для меня становится просто bète-noire*. Я начинаю мечтать, чтобы эта «правая» часть Союза от нас ушла. У нас в Париже (т. е. в нашем Союзе) настроение единое – в Мюнхен. Без Юры происходят сплошные скандалы. Из Парижа очень трудно регулировать отношения между людьми. Боюсь, что я слишком навалял свое письмо.

Целую ручку.
Ваш С. Мельгунов

Привет А. А. [Борману]. Ваши воспоминания всем очень нравятся.

Обратите внимание на мою статью в № 15 «Возр[ождения]» – она носит как бы «программный» характер: написана для американцев и власовцев. Неожиданно от нее пришел в восторг Гукасов!

<Пометка А. В. Тырковой:> 18 VI Отв[ечено].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Видимо, имеется в виду Рутыч (Рутченко) Николай Николаевич (1916–?) – историк и общественный деятель. Имеются свидетельства, что в годы Великой Отечественной войны он числился сотрудником Гатчинского СД, принимал участие в расстрелах советских граждан и партизан. В 1942 вступил в НТС. После 1945 скрывался в лагерях для перемещенных лиц. Затем восстанавливал отделение НТС в Париже. Член Совета НТС (1946–1966).

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 8 июня [1951?]

Дорогая Ариадна Владимировна,

Тороплюсь Вам ответить. Не возвращаюсь к [19]45 году; об этом мы говорили достаточно. Отвечу по злободневным вопросам. Вам говорили, будто я против всякой войны, верю в эволюцию советского строя и собираюсь для пропаганды этих взглядов издавать «непротивленческую газету», где главными сотрудниками будут Кускова и журналисты из «Рус[ских] новостей». Все это вздор. Вы возражаете, что в России уже 33 года идет война между советской властью и населением, что в этой войне нам безучастными зрителями оставаться нельзя, что необходима твердая, непреклонная антикоммунистическая политика. С таким пониманием я совершенно согласен. Но лучше не ограничиться отрицанием, а Вам объяснить, что лежит в основе злословия, где тот огонь, без которого дыма не бывает.

Первый вопрос о газете. О газете в Париже мечтают давно; попытки что-нибудь в этом направлении сделать усилились после смерти

---

* Предмет особой ненависти или отвращения, жупел *(франц.)*.

Ступницкого. Но что касается до меня, то я никакой газеты издавать не собираюсь; всем, кто со мной о ней говорил, я отвечал, что никакой ответственной роли в газете на себя не возьму. Но не отрицаю, что хотя плохо верю в успех такого начинания, я бы ему очень сочувствовал. «Русская мысль», как единственный антибольшевистский орган, меня не удовлетворяет. Она, конечно, коммунизм обличает, в этом ее заслуга и в этом я с ней схожусь. Но для борьбы с коммунизмом сейчас одной «непримиримости и нетерпимости» мало. «Р[усская] мысль» напоминает мне «Борьбу за Россию» покойного Федорова, кот[орый] на каждой странице печатал «вставайте, свергайте большевистскую власть». Тогда это было простительно. Все еще верили, что большевистская власть скоро сама собой рухнет.

Теперь же, когда советский строй укрепился, создал сильное государство, которое всем угрожает, этого мало. Вы приписываете мне наивную надежду на добровольную эволюцию власти и противопоставляете этой надежде 30-летнюю упорную борьбу населения с властью. Но ведь это разные аспекты одного и того же процесса. Все уступки, кот[орые] за эти 30 л[ет] иногда делала власть, начиная с нэпа, кончая церковным вопросом, происходили под напором и перед упорством* самого населения. Как говорил когда-то Токвиль (1), самый опасный момент для дурной власти, когда она начинает исправляться. Это должно наступить. Тогда-то будет и для нее начало конца.

Это еще не близко, но в этой борьбе населения с властью участвуют все его (населения) элементы; и идейные революционеры, и обыватели, и даже создатели новой России, которым становится невтерпеж от заведенных порядков. Пока у власти есть еще сила уничтожать недовольных; но на этом не может процветать и даже существовать государство, сомнения в этом пути появятся и в самом его аппарате. И мой упрек «Русской мысли», что она в своей непримиримости не различает разновидностей этой борьбы населения и тех, кто остался поневоле в России, работает там, склонна считать [их] непременно большевизанами и соглашателями. Оттого самый важный вопрос, что именно там происходит, какие там совершаются перемены, ее мало интересует. Это равнодушие вообще [–] позиция крайних течений. С самодержавием когда-то боролись не только революционеры, но и культурные работники: земцы и даже либеральные представители государственной власти. Они не могли говорить полным голосом, а революционеры свысока смотрели на них как на врагов или трусов. Они травили Лорис-Меликова (2) и презренных либералов, как в наше время не хотели видеть разницы между Витте и Плеве и высмеивали Святополк-Мирского. Этой дорогой идет и «Русская мысль». Поскольку в России ведется борьба населения с властью, «Русской мысли» надо было быть органом всего борющегося с властью населения, как «Русские новости» стали присяжными защитниками власти.

---

* Так в тексте.

А «Русская мысль» сделала себя органом одной эмиграции, где достаточно кричать: долой коммунизм. Роль эмиграции в этой борьбе, конечно, очень ограничена, и в этом она неповинна. Ее главная задача разоблачать здесь действия власти, бороться против обмана. Но для того, чтобы это делать с успехом, нужна не непримиримость, не нетерпимость, а добросовестность и объективность. Другая ее задача – осведомление о том, что делается в самой России, какие в ней совершаются перемены. И в этом нетерпимость и пристрастие только вредны для самого дела.

Что в результате из этого вышло. Именно то, в чем Вы на втором месте меня обвиняете; что я не хочу войны. Действительно, если смотреть так, как смотрит «Русская мысль», что внешняя война против СССР есть единственный выход, то не желать ее – значит капитулировать. Если отрицать самую возможность эволюции режима без внешней войны, то это логично. Но ведь Вы и сами не хотите войны; а те, кто ее хочет, открыто в этом признаться не смеют. Конечно, война может быть; и тогда победы Кремля над миром я, конечно, желать не могу. Но потому-то я войны не хочу и не могу косвенно к ней призывать. Ведь вести ее будем не мы, а иностранные державы, и не ради нас, а ради себя. И чем кончится их победа: военный разгром России? Оккупация ее иностранными державами, ее ослабление, вознаграждение за ее счет всех участников в этой победе. Как же можно к этому призывать и брать на себя за это ответственность? И в былое время бывало не раз, что в войне русские патриоты не желали победы России. Но я не помню примеров, чтобы открыто призывали иностранные державы к разгрому своей страны. Французские эмигранты сражались в рядах коалиции против революции и против Наполеона. Но они не призывали их к этой войне. А если надежду на «эволюцию» считать и объявлять преступлением, то опять другого выхода не остается.

Да, Вы правы, надо брать сторону населения против власти, надо разоблачать Кремль, предостерегать иностранцев против уступок Кремлю и доверия к его словам и обещаниям. Но убивать веру в возможность борьбы для самого населения – было бы плохой услугой России.

Последнее слово о газете. Инициативных центров было несколько. Об одном Вы слышали: это бывшие сотрудники «Р[усских] н[овостей]», оттуда ушедшие; с ними и Кускова. Есть другой центр, мне более близкий по политическому пониманию, где нет «<1 нрзб.>», но ни у одной из групп, о которых я слышал, нет программы ослабления борьбы населения с властью и «примиренчества» с Кремлем. Разве если считать примиренчеством и капитуляцией то, что я в этом письме Вам говорю. Но в таком отношении к этому я увидал бы, увы, не Вас, а психологию «Русской мысли».

У меня осталось немного места и прибавлю несколько строк. «Русская мысль» имеет свой круг читателей; она удовлетворяет упрощен-

ному вкусу тех, кто вообще признает только две крайности. Поэтому «Русская мысль» может быть необходима. Я ее не предлагаю уничтожить, но нельзя ею ограничиться, нужно уметь быть справедливым. Ведь все русское население не могло уйти в эмиграцию; надо было населению жить, восстанавливать то, что разрушено. Условия государственной жизни требовали, чтобы кроме злодейств там шла какая-то созидательная работа. Этого сейчас нельзя отрицать не из правдолюбия, а потому, чтобы обличать те злодейства, которые там совершаются; чтобы убеждать в этом серьезных людей, полезно быть объективным. Это мое убеждение, которое я вынес из всей моей практики. И подражать большевистским преувеличениям и односторонности не значит служить своему делу.

То же самое скажу о войне. Вы сами пишете, что с Кремлем нельзя справиться без помощи русского населения. Конечно. И потому мы не можем, не противореча себе, говорить или, не говоря, давать это понять, что само население без помощи иностранцев бессильно бороться. Вот в чем разница между нами. Но Вы понимаете, что никакой уступчивости, никакого ослабления борьбы с коммунизмом теперь советовать я бы не стал. Особенно после того, как после 45-го года мы увидали, какую изумительную конъюнктуру они добровольно упустили. И если мы хотим другой газеты, то совсем не для этого, а чтобы не заниматься утешением только райка лубочными картинками.

<Рукописное окончание нрзб.>

В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописными вставками. Оригинал.

---

[1] Токвиль (Tocqueville) Алексис (1805–1859) – французский историк, политик, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел (1849).

[2] Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825–1888) – военачальник и государственный деятель; генерал от кавалерии (1875), генерал-адъютант; граф (1875). Член Государственного совета (1880). Министр внутренних дел (с 1880), сторонник либерального внутриполитического курса.

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 23 июня [1951]

Дорогая Ариадна Владимировна,

Не могу оставить Вашего письма без возражения, а в одном пункте, говоря высоким слогом, без протеста. Как Вы могли написать, будто я «готов своим авторитетом поддержать группу соглашате-

лей, собирающихся в разбавленном виде продолжать ядовитое дело Ступницкого». О ком Вы говорите? Попыток создать новую газету было не мало; возможно, что я не про все даже знал, и если Вы говорите о поддержке, которую я был готов оказать, как об этом писал Б. А. Б[ахметев], то она относилась к группе очень близких людей, среди которых нет ни соглашателей, ни сотрудников «Р[усских] н[овостей]», ни охотников продолжать дело Ступницкого. Эта группа состояла из тех, которые при оккупации боролись с германофильством, искали и подбирали единомышленников. Это было не безопасно. Помню, как на другой день после моего ареста, ко мне прибежало несколько человек этой группы, чтобы найти и уничтожить бумаги. Во время этой пропаганды, когда ставился вопрос – можно ли одновременно вести пропаганду и против советов, мы все сошлись, что на время войны нужно ее прекратить. Она была бы на руку Гитлеру. В [19]45-м году было возможно ее возобновить. Но тогда явилась надежда, что война, сближение советов с демократиями побудят и их самих вступить на другую дорогу. Оттого мы отозвались на приглашение Богомолова. Но мы пришли не с покаянием; недаром при прощании Богомолов нас просил не нападать на «советских патриотов»; он понимал, что мы с ним не за одно. Конечно, в понимании Кремля мы ошиблись; ту редкую комбинацию, которая представилась для Советской России, Сталин тогда упустил, как такую же упустил Гитлер в [19]39 году. Об этой нашей ошибке я могу жалеть, но не вижу оснований ее стыдиться и особенно перед кем-либо приносить покаяние. Отдельные лица этой группы, как Ступницкий, Кедров, Вердеревский от ее прежнего направления отошли, продолжали верить в Советы и стали их политику защищать. Но такие в нашей группе не остались. И когда Вы называете всех «соглашателями» и «сотрудниками» «Рус[ских] нов[остей]», то я уточню, что из нашей группы только я один написал одну статью в «Рус[ских] нов[остях]», № 2. И как может Вас «огорчать», что в политическую честность людей, которые остались вместе со мной, я верю так же, как им верил в [19]41 и [19]42 годах. Другим группам поддержки я не оказывал, хотя и не сомневаюсь, что и другие не собирались «продолжать дело Ступницкого».

Вы правы, рекомендуя осторожное отношение и к единомышленникам. Среди них могут оказаться и поскользнувшиеся, и предатели, и перебежчики. Но о ком именно Вы говорите? Вы назвали по имени одну Кускову. Она не состоит в нашей группе, но хотя я во многом бывал с ней не согласен и не стал бы заранее подписываться под всем, что она может сказать, честности ее направления и неподкупности ее убеждений верю вполне, подозревать ее в «соглашательстве» никогда бы не мог. А кого же, кроме нее, Вы имеете в виду в этих словах?

Мое расхождение с Вами не в этом. Я не отрицаю ни заслуг «Русской мысли», ни необходимости этой газеты, как противовеса газете Ступницкого, у нее есть своя верная публика. Меня лично от нее

отталкивает то, что она об людях судит по упрощенным ярлыкам, кот[орые] ставит на них и мажет всех одинаковой краской. Кто не с «Русской мыслью», тот, по ее мнению, тайный или будущий соглашатель. Нетерпимость вменяется часто в заслугу. Иные признают ее доказательством глубины убеждений. Я этого не понимал. Я ненавижу ложь и насилие, а не противоположные взгляды. Нетерпим я к одной «нетерпимости», потому что у тех, у кого есть сила, нетерпимость логически приводит к насилию, моральному или физическому. Так бывало при всяких полицейских режимах и расцвело до карикатуры при Сталине. И «Русская мысль» с ее нетерпимостью может оказаться такой же, если у нее будет сила. При нетерпимости исчезает то главное, за что мы боремся: уважение к человеческой личности. Я понимаю, что иногда излишняя терпимость мешает. В разгаре битвы не интересуются личными взглядами тех, с кем сражаются. И в современной «политике» в человеке ценится безусловное подчинение партии, а не голосование по собственным убеждениям. Это оборотная сторона некоторых эпох и профессий. Но в сфере идейной, где формируются идеи и взгляды, куда я отношу и печать, приемы, понятные в тоталитарных режимах, недостойны «демократии» и свободы, кот[орую] демократия должна защищать во всем мире.

Сейчас разногласие во мнениях тем законнее, что самый вопрос о способах борьбы с сильной властью представляется сложным. Иногда такая борьба требует одного короткого «действия»: дворцовый переворот, восстание, забастовка чиновников как будто могут переменить судьбы государства; так думали у нас в 1917 году, а сейчас может быть в Персии служащие английской компании. Эти иллюзии для России рассеяны; борьба предстоит очень длинная, как когда-то борьба с самодержавием. Здесь нужно объединение всех сил к общей цели. С самодержавием в свое время боролись не только террором, беспорядками и забастовками, но и культурной работой среди населения, в рамках самого государства. Выбор способов борьбы зависит не только от взглядов и темпераментов, но и от возможностей и положения человека. Против Гитлера во Франции боролись не только Голль (1) и макизары (2), но и Петен (3) и Веган (4). Все они были друг другу полезны, какие бы ошибки они ни делали; особенно понятные у того, кто вел борьбу в пасти зверя, где уступки были часто вынуждены, чтобы иметь возможность борьбу продолжать. То же можно сказать про «эмиграцию» и про тех, кто остался в России и должен там бороться не только с произволом власти, но за возможность населению жить и питаться, за восстановление страны от разрухи. Клеймить как «соглашателей» тех, кто добился там нэпа, кто восстанавливал финансовый порядок, как Кутлер, кто спасал церковь, как Сергий, создавал армию, так же несправедливо, как обвинение Петена в измене. Это напоминает идеологию «единственной партии», кот[орая] не допускает никаких возражений. Я ставлю в упрек «Рус[ской] мысли» то,

что вместо того, чтобы стараться быть органом всех, кто борется со «сталинской диктатурой» разными путями и в разных условиях, она сделалась органом не только одной эмиграции, но даже одной ее части, той, кот[орая] может желать и войны, и голода в России и вообще катастрофы, после которой может не будет не только Кремля, но и самой России. Ведь в [19]21 году в эмиграции были люди, которые восставали против Нансена за то, что он помогал голодным в России. И поучительно, что бывшие советские люди, «избрав свободу» и сделавшись эмигрантами, в разной степени, но поддавались здесь ее идеологии: но они оставались различны: ведь нельзя уподоблять Корякова Кравченке, хотя оба активно со Сталиным борются.

Непримиримость желательна только к Кремлю; он наш враг. Все же те, кот[орые] с его политикой борются, наши союзники. Так Петен был в соглашении с Черчиллем, кот[орый] понимал, что Петен под немцами не может делать все, что хотел бы, и он был в контакте с ним через Шевалье (5) и <1 нрзб.>. Этого не хотел понять Голль, у которого та же большевистская идеология; я ставлю в упрек Черчиллю то, что, формально связанный с Голлем, он не счел себя вправе раскрыть этих переговоров, когда судили Петена. Это с его стороны была уже «политика», кот[орая] не всегда думает о справедливости, а иногда просто глумится над нею.

И последнее слово. Я не навязываю «Русской мысли» той политики, кот[орой] она не хочет, а, может быть, и не может вести. У нее своя линия. И мешать ей я не хочу. Но я могу желать, чтобы и другие антибольшевистские настроения имели свой голос, как во время борьбы с самодержавием я считал полезными не только «Искру», но и «Освобождение» и «Русские ведомости». Для Ленина же эти органы были врагами; это и была идеология «единственной партии», кот[орая] сейчас всех заражает. Но как Вы можете в желании создать подобный орган видеть «примиренчество» или «соглашательство». Ведь такая позиция «Р[усской] м[ысли]» ведет не к объединению, а к разъединению. Недаром – это особенность почти всех эмиграций – и ее попытки объединения так часто ведут к новым ссорам. В Евангелии слова Христа переданы по-разному разными евангелистами. По одним, Он сказал: «Кто не против Меня, тот со Мной». Это одна идеология. По другим: «Кто не со Мной, тот против Меня», это и породило идеологию «единственной партии». Желать другим свою волю предписывать и считать себя настоящей истиной. Как видно, такая <1 нрзб.> часто в природе людской. Я думаю, что с ней должно бороться, хотя иногда она и дает ненадолго успех. Вот где грань между мною и Вами.

Я Вам ответил с некоторой горячностью и хочу ее объяснить. Я не забываю вещего изречения Сиэса: «Они хотят быть свободными и не умеют быть справедливыми» (6). И вот теперь, когда должна идти борьба за остатки свободы во всем мире, мы не только не умеем, но не хотим быть справедливыми, даже к тем, кто ведет ту же борьбу,

но другими путями. В своей непримиримости мы дошли до того, что тем, кто не хочет внешней войны со всеми ее ужасами, мы это вменяем в вину как «соглашательство». Эмиграция стремится защищать в глазах иностранцев доброе имя русского народа – в этом ее долг и заслуга – и в то же время ради своих интересов, хотя бы и законных, окажется готовой мировую войну приветствовать и тем накликать. Не компрометирует ли она этой позицией весь русский народ? и какое оружие она принесет этим врагам России против нее? Теперь, когда призрак войны снова придвинулся, это здесь особенно болезненно чувствуется. А мы продолжаем об этом вслух говорить.

И на меня не сердитесь. Вслух я об это говорить бы не стал. Но не мешает подумать и об этой стороне дела <далее нрзб.>

В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописными вставками. Оригинал.

---

[1] Де Голль (*de Gaulle*) Шарль (1890–1970) – французский военачальник, государственный деятель. Лидер движения Сопротивления в годы 2-й мировой войны. С августа 1944 по январь 1946 – председатель Совета Министров Франции (Временное правительство). Президент (1959–1969).

[2] Макизары – французские партизаны, сражавшиеся с немецкими оккупантами в южных районах Франции (от maquis [франц.], что значит густые заросли).

[3] Петен (Pétain) Анри Филипп (1856–1951) – французский военный и политический деятель. Глава коллаборационного «правительства Виши» в годы 2-й мировой войны, был наделен диктаторскими полномочиями. К концу 1942 власть правительства стала номинальной. Тем не менее существует мнение, что деятельность администрации Петена помогла французам избежать больших потерь. В августе 1945 приговорен Верховным судом по обвинению в государственной измене к смертной казни (замененной пожизненным заключением).

[4] Принятое написание – Вейган (Weygand) Максим (1867–1965), французский военный деятель. Министр национальной обороны в правительстве Виши (с 17 июня по 5 сентября 1940). В сентябре 1940 назначен генеральным представителем маршала Петена в Северной Африке; сотрудничал с немцами. Одновременно сорвал план по передаче Германии французских военно-морских баз в Бизерте и Дакаре. В ноябре 1941 отправлен в отставку по требованию Гитлера. Интернирован немцами в 1942, сидел в Дахау. После войны находился в заключении 2 года (в военном госпитале), амнистирован. В 1948 оправдан Верховным судом за отсутствием состава преступления.

[5] Шевалье (Chevalier) Жак (1882–1962) – французский философ, историк философии и психологии. Преподавал философию в Гренобль-

ском университете (с 1919); вице-президент Совета университета, в 1938 исполнял обязанности ректора. Читал лекции в Англии, Испании, Португалии, Италии, Голландии, Болгарии, Польше. Вошел в правительство Виши, занимал пост госсекретаря по проблемам народного образования и молодежи, а затем и по проблемам семьи и здравоохранения (1940–1942). После войны был приговорен к смертной казни за сотрудничество с профашистским режимом, однако затем приговор был смягчен.

6 Цитата из речи Э. Ж. Сийеса в Учредительном Собрании Франции 10 августа 1789 против отмены десятины без выкупа.
Сийес (Sieyès) Эммануэль-Жозеф (1748–1836) – французский политик и публицист. Деятель Великой Французской революции: один из наиболее деятельных и влиятельных членов Национального собрания (1789), Комитета общественного спасения (1795), Директории (1799).

Письмо С. П. Мельгунова

18/IX.[19]51

Дорогая Ариадна Владимировна!

Я говорил с Гукасовым, он отнесся к изданию Ваших воспоминаний очень холодно. Он мало что издает. Правда, выпускает большую мою книгу, но только потому, что она посвящена судьбе Царя – так и будет называться «Судьба имп[ератора] Николая II после отречения». Это заключительная часть моей большой работы.

Я случайно сделал перерыв в печатании Ваших воспоминаний – постараюсь нагнать. Однако, если Вы хотите теперь же выпустить воспоминания отдельным изданием, теряется смысл для журнала на печатание из номера в номер. Раз книга выходит отдельным изданием, в журнале можно напечатать лишь отдельные отрывки.

Я не представляю еще себе, что за издательство будет на средства Фордовского Фонда. По-моему, они сами еще не представляют себе. Вам, конечно, надо обратиться к Кеннану или проф. Мосли.

«Рос[сийский] Дем[ократ]» выйдет уже через неделю. Он будет весь посвящен национальному вопросу. Следующий номер выпустим скоро – ожидаем опубликования документов Штутгартовского совещания. В этом номере будет превалировать идея широкого фронта (но и нац[иональный] вопрос останется на первом месте). Буду, конечно, бесконечно рад Вашей статье.

Сейчас по существу еще никакого центра нет. Имеется лишь вр[еменное] бюро для создания врем[енного] исп[олнительного] ком[итета], который и должен созвать большой Совет Освобождения Народов России не позже 1 января. Для завершения этого дела 25-го еду снова в Мюнхен. Совет должен состоять из 60 чел.: 20 от наших организаций, 20 от национальных, 20 от беспартийных. Вопрос с на-

циональностями самый трудный – я во время [заседания] определенно утверждал, что никаких представителей от нац[иональностей] мы не получим и придется их подобрать по персональному принципу. По персональному принципу должна быть подобрана и последняя треть. В ней и должен быть показан широкий фронт. Если последнее партнерами не будет выполнено, мы просто уйдем. К сожалению, солидаристы не очень надежны. Они выступили с резолюцией по нац[иональному] вопросу, для нас не очень приемлемой. За единство федеративной России стоял, в сущности, один я. И по моему категорическому требованию был опять <1 нрзб.> СССР в названии Американского комитета. У Заголо имеются уже все документы, которые мы не имеем еще прав использовать. Вам, конечно, он может дать – вызовите Заг[оло] к себе; он Вам многое разъяснит.

Керенский нам очень вредит своей саморекламой. Это я ему сказал с полной откровенностью.

Я всячески старался создать среди монархистов союз конституционалистов. Но из этого ничего не вышло. Таким образом, равноправным партнером они не могут быть, равно как и власовцы-непредрешенцы, возглавляемые «вождем» ген[ералом] Туркулом. Я очень охотно разъяснил бы Вам все подробно, но я действительно <1 нрзб.> от дел и от отсутствия деловых помощников. Надо было бы отдохнуть. Но у нас нет денег, чтобы на неделю поехать на «море» или в «горы». Хотя я и куплен американцами, но денег пока нам никто не платит – кроме Гукасова: 10 т. фр. в месяц!!

Мне кажется, что Вам все будет ясно со стороны принципиальной после 1 и 2 №№ «Рос[сийского] Дем[ократа]». Предстоят еще огромные трудности. В Мюнхене орудует как Соловьев – он там самый инициативный и энергический человек. Но заносится, и мне все время приходится обливать его холодной водой. Подлинного руководителя там нет – и в этом беда при весьма разношерстной компании, там собравшейся. Назревают уже конфликты.

Во всяком случае, Вы должны иметь в виду, что создается вовсе не объединение эмиграции, а политический центр активной борьбы с советской властью. Привлекать надо только тех, кто полезен и под кого могут дать деньги. Если не будет последних, дело будет мертвое – независимо от «правизны» и «левизны» участников.

Вернувшись из Германии, я смогу, вероятно, более определенно оценить имеющиеся шансы.

Целую ручку.
В[аш] С. Мельгунов.
Привет А. Ал. [Борману]

Два слова о Гуле. Я определяю его так: или негодяй или безответственный до ненормальности человек.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо С. П. Мельгунова

30/XI.[19]51

Дорогая Ариадна Владимировна!

Я забыл ответить на Ваш вопрос о статье для «Р[оссийского] Д[емократа]». Ваша статья всегда для меня радость. Но № 2 «Рос[сийского] Дем[ократа]» будет посвящен в основном рассказу о нашей неудаче в русско-американской акции. Жду ответ от Ам[ериканского] ком[итета], но, по существу, считаю, что все дело кончено – по крайней мере в теперешнем аспекте. В «Р[оссийском] Д[емократе]» расскажу все, как было. Мы не можем <1 нрзб.> на дальнейшие уступки и претерпевать хамское поведение представителей Ам[ериканского] ком[итета]. Наоборот, мы будем заострять теперь нашу позицию защиты Единства Историч[еской] России и решительно отказываемся от флирта с националами-сепаратистами. Это не значит, что мы устремимся к правым, как желает Цуриков и К°. Мы остаемся федералистами-демократами. Я лично одиночества не боюсь, но гложет меня тоска. Я очень хотел бы от всего уйти. Но пока этого сделать не могу. Есть связи, которые меня все удерживают от решительного шага.

Если Ваша статья подходит к характеру № 2, присылайте статью немедленно. Я буду торопиться с выпуском журнала. Гонорар в размере немного большем, чем в «Возр[ождении]», оплатим. По существу, надо было вернуть американские деньги (как-то неловко их бранить на их деньги), но мужества на это не хватает, да и времени и сил на них много ушло. Деньги небольшие, а приходится платить еще за работу в Мюнхене, где всякие ассигновки грубо прерваны.

Не написали бы о «Возр[ождении]» в «Рус[ской] Мысли»? Там так плохо в отношении литературных сил, что и отзыв о «Возр[ождении]» не дождаться – теперь Зеелер у них за все. И у меня в «Возр[ождении]» очень плохо с литер[атурными] силами. Гукасова не подобьешь на увеличение гонорара, а литер[атурных] обозревателей нет и буквально некого привлечь в Париже. А что если бы «Вергежский» иногда откликался бы на литературные новинки? Для меня это был бы праздник. Вообще же материалом я богат – тут, скорее, перегружение. И в этом отношении «Возр[ождение]» обеспечено надолго.

Целую ручку. Привет Ар. А. [Борману].
Ваш С. Мельгунов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо Б. П. Вышеславцева

28 декабря 1951 г. Женева
Ch. de Roches, 2, Geneve. Switzrl

Дорогая Ариадна Владимировна! Для нас получение Вашего письма было большой радостью, мы все время мечтали Вас отыскать по почте. Нас чрезвычайно трогает то, что в Вашей памяти так удивительно живо сохранилось действительно незабвенная картина нашего пребывания в По. Мы тоже часто о нем вспоминаем. Павел Ив[анович] [Ковалев] как живой пред нами. Читал Вашу милую памятку о ней в «Русской мысли». (Почему-то там переврали мое отчество, хотя Вы его в письме пишете вполне правильно Б. П.) Мы до сих пор не знаем, отчего он так рано умер, в сущности, в полной силе своего дарования. Не знаем также о всех пертурбациях в консерватории, связанных с его отставкой. Наш «музыкантик» ушел слушать «звуки небес» вместо «скучных песен земли». Правда, для нас эти песни земли представляют собою Одиссею, полную самых удивительных путешествий и плаваний, но, пожалуй, мы и действительно соскучились от этого постоянного трагизма с его угрозами. Мы тоже постоянно вспоминаем весь наш быт в По. Его интеллектуальная атмосфера действительно неповторима: достаточно вспомнить о Вашем чтении второй части Пушкина, о выступлении Шарля Диля (1) с его поразительной характеристикой византийского вклада в мировую культуру, который я тогда впервые увидел и понял навсегда... и, наконец, это музыкальное богатство которое развернул П. И. [Ковалев]. Неужели Ксана его окончательно забыла? Что Вы знаете о ее теперешней судьбе? Здесь такой интеллектуальной жизни в области нашей духовной культуры, конечно, нет, пожалуй, и в Париже она иссякает, по крайней мере по впечатлению Нат[альи] Ник[олаевны Вышеславцевой], которая была весною в Париже: ее поразил закат русской эмиграции, полное смешение умов и обветшавший и грязный Париж. Здесь же страна довоенная, чистая, избалованная и комфортабельная до опасности, не испытавшая никакого трагизма, жить для стариков, конечно, удобно, но чувствуем себя одинокими. Наиболее симпатичные и близкие семьи, еще воплощавшие русский дух и традиции, переселились и переселяются в Америку. Мы же не решаемся, хотя и лежит у нас афидевит, вполне признанный американским консулом, и вышло время на квоту. Но мне ведь уже 74 года, все предельные возрасты исполнились, мой двоюродный брат в Калифорнии совсем не миллионер, да еще и с болезнью сердца. Мы, наконец, переехали в свою квартиру с контрактом (см. новый адрес!) и получили с великим трудом и тревогами свою мебель из Парижа. Швейцарцы все-таки изумительны тем, что оплатили мне транспорт мебели из Парижа камионом*, а кроме того,

* Камион – грузовик.

дают мне пенсию, правда на экзистенс минимум*, но в Америке я бы ее никогда не получил. Мы оба стараемся что-то приработать, это нам необходимо, чтобы свести концы с концами, но здесь это страшно трудно, поэтому Нат[алья] Ник[олаевна] недавно обратилась в ваш Американский Лит[ературный] фонд, написала письмо Л. Ф. Шаляпиной (2), которую мы знали в Москве, но ни ответа, ни привета не получила. Несмотря на все трудности, мы оба продолжаем работать, я продолжаю писать (пока, конечно, без всякого гонорара), а у Н[атальи] Н[иколаевны] есть кое-какие уроки русского языка. Ввиду Вашего внимания к моей мысли я постараюсь Вам выслать оттиски моих прежних вещей. А теперь в «Гранях» (3) Вы увидите в № 13 мою статью «Вольность Пушкина». Ваше мнение мне будет особенно дорого. Написал еще совсем недавно по-французски статью «Communion réélle et communisme» в журнале «L'Age Nouveau» (4) № 66 Oct. 1951. Наконец я только что отослал готовую книгу «Философская нищета диамата», которая принята издательством «Посева». Печататься будет в январе, но под псевдонимом, в силу отношений и к Швейцарии, где меня обязывают держать нейтралитет, а «Посев» очень боевой журнал и, кроме того, боюсь за родных в России. Кроме того, пишу большую работу на тему «Кризис индустриальной культуры». Уже написал первую часть: «Кризис марксизма и социализма. Неолиберализм и неосоциализм». Об этой работе я переписывался с Кеннаном, который теперь едет послом в СССР, и он передал проспект работы в Чеховский отдел Европейского фонда, вместе с рекомендацией Карповича. В этой большой работе мне помогает Валерьян Оболенский (5) (издававший в Лондоне «Россиянина»). Очаровательный молодой человек, которого мы страшно полюбили, знали с детства в Париже. Если бы у Вас были какие-либо отношения к этому фонду, мне была бы весьма ценна Ваша рекомендация и поддержка. Наш сердечный привет всей Вашей семье. И вам всем лучшие пожелания к Новому Году.

Ваши верные друзья Б. и Н. Вышеславцевы

P.S. Какое Ваше впечатление от самой Америки <повреждение текста>? От ее пейзажа, воздуха, климата, <повреждение текста>? От американцев и их политики?

<Пометка А. В. Тырковой:> «Отв[ечено] 3.II/[19]52».

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись с рукописными приписками. Оригинал.

---

[1] Диль (Diehl) Шарль (1859–1944) – французский ученый-византинист. Профессор Сорбонны (1899–1934). Автор многих работ по истории Византии и византийского искусства.

---

* Прожиточный минимум.

[2] Шаляпина Лидия Федоровна (1901–1975) – певица (меццо-сопрано), одна из основателей Студии им. Ф. И. Шаляпина. Дочь Ф. И. Шаляпина, оставила воспоминания об отце.

[3] «Грани» – ежеквартальный общественно-политический, литературный журнал. Основан в 1946 Е. Р. Романовым. Главные редакторы: Е. Р. Романов (1946–1952; 1955–1962); Л. Д. Ржевский (1952–1955); Н. Б. Тарасова (1962–1982) и др. Выходил сначала в Мюнхене, затем в Лимбурге, позднее во Франкфурте-на-Майне.

[4] «L'Age Nouveau» («Новый возраст») – журнал, основанный поэтом, теоретиком нового искусства Марчелло Фабри.

[5] Оболенский Валерьян Александрович (1925–1977) – радиожурналист, работал сначала на Би-би-си, а потом на радиостанции «Освобождение» (последующее название – «Свобода»).

1952

Письмо А. В. Карташева

10 января 1952. Париж.

Дорогая Ариадна Владимировна,

И Вас мы взаимно поздравляем с рождественскими праздниками, для нас еще продолжающимися, равно и с новолетием, по старому стилю еще грядущим 14-го января. Дай Бог здоровья и благополучия!

Вернувшись из Рима в апреле к Пасхе, сразу вошли в колею «действительной службы». Так до ста лет будем тянуть лямку наряду с молодыми, без мечты об отставках и пенсиях. Более, чем прежде, конечно, бережем себя, чтобы не надрываться и не сойти со сцены преждевременно. Но жизнь, как от нее не спасаешься, вся время заставляет делать то, чего не хочешь. Сейчас надо читать курсик на женских богословских курсах, а затем надо писать ненужный мне лично доклад для съезда с германскими богословами в марте, затем надо сокращать (по материальным расчетам издательства) написанную нами коллективную книжку истории нашей Святосергиевской Духовной академии... И т. д. – все в перспективе чужие, истощающие меня дела. «Своего» почти некогда писать, а вчерне лежат неотделанные тома моих курсов по истории вселенских соборов и всей Русской Церкви. Это – мое главное наследство, и оно не осуществится, если я буду разбрасываться на другое. Не в «божественности» (ходить в церковь мне ничто не мешает) причина сего уклонения от той всепожирающей суеты и толчеи, на которую себя (по призванию) обрекает С. П. Мельгунов. Поскольку он самодержавно делает полезное дело, я по совести поддерживал его. Но быть простым его последователем никогда не собирался. В коалиции я готов и умею идти с очень проти-

воположными лично мне людьми и знаменами, но отождествляться с ложными принципиальными лозунгами считаю для себя преступлением. Не могу подписаться ни под происшедшей в течение года моего отсутствия канителью переговоров с сепаратистами, ни просто под каким-либо ассоциированием с именем Керенского, ни под полным игнорированием во всем этом деле Общевоинского союза. Уже не говорю о фоне внерелигиозности и внецерковности, который для меня лично в будущем является важным и может быть важнейшим поворотным пунктом, если бы дожить до встречи с самой освобожденной Россией. Мой главный интерес и призвание (чуждое 90 процентам политиков) это создание в рамках – увы! – нашей обычной внерелигиозной государственности, если не плоти, то духа государственности христианской, политики христианской, общественности христианской, культуры христианской. В этом деле все политики мне только попутчики, и в подчинение им до конца я пойти не могу. Этого моего призвания они даже и не подозревают. Они хотят меня взять в подножие к себе, а я их считаю своим подножием. Недоразумение так глубоко и интимно, что я считаю бесполезным его вскрывать, со слепыми рассуждать о цветах.

Что касается всей этой шумно-взбурлившейся антрепризы последнего года, то если бы я и не провел его вдали, все равно я не был бы в ней ни активным, ни сознательным участником. И не только я и никто другой (может быть за исключением одного смиренного Хераскова) все равно не были бы посвящены в единолично-диктаторскую антрепризу С. П. [Мельгунова]. Он самодержец и тоталитарист, как все демократы. Я ничего не имею против такого выявления одаренного энергией человека. Но пусть тогда он и не требует и не ждет ни от кого слепого повиновения и берет всю ответственность на себя. Узнав нечто с запозданием о поездках С[ергея] П[етрови]ча [Мельгунова] в Германию, я в начале 51-го года из Рима напрасно запрашивал его об информации. Постфактум я получил некую циркулярную информацию о Фюссене. Я на нее откликнулся принципиальным письмом, на которое ответа мне не было. Я не ждал скорых и удовлетворительных разъяснений, пока не вернусь в Париж, но и в Париже развитие переговоров осталось для меня тайной обычного самодержавия. На тревожную тему о единстве России я написал свою, хотя тактически и смягченную, но направленную против сепаратистов статейку: «Единство России». Она вернулась мне с просьбой невозможных для меня исправлений и сокрытий самого для меня главного. Я понял тогда, что дальше мне дышать нечем. С[ергея] П[етрови]ча [Мельгунова] исправлять я не собирался, да это и не в моем стиле. Я принимаю людей с величайшей терпимостью такими, каковы они есть. Себя же зачеркивать до конца считаю жертвой просто глупой. Теперь С. П. [Мельгунов] и Херасков просили меня, после их провала, дать эту статью для № 2 «Р[усского] дем[ократа]» (и все-таки с какими-

то исправлениями), но я уже не дал. Я написал, что глупо было бы мне «стоять в ряду кающихся, когда я не участвовал в грехопадении». И что впредь поэтому мне неуместно печататься в «Рус[ском] дем[ократе]». Уже заблаговременно, чувствуя, что творится не мое дело, я еще до 1-го № попросил убрать мое имя с обложки возобновленного «Р[усского] д[емократа]».

Кто бы ни стоял за Американским комитетом, государственный центр или партийно-банковский, все равно не верю в их здравый курс в русском вопросе. Как Гитлер, так и они все, не могут не свихиваться в противорусские цели. Доверяться наивно нельзя. Интервентами можно пользоваться, только с осторожностью и в каких-то пределах. Их сила в деньгах и в подкупе. И не верю, чтобы они когда-нибудь дали свои деньги Русскому центру, в который открыто войдут и русские белые военные, и конституционные монархисты, и все русские великодержавники, т. е. преобладающее большинство русской эмиграции, старой и новой. Действительно активизм наших левых и их легкая приемлемость для американцев искажают все дело. Русского центра все еще нет на сцене. Старый Рус[ский] Нац[иональный] комитет воскрешать бесполезно. Нужно реабилитировать и пропагандировать самый термин «Центра». Конечно, и сама идея Центра и все, кто в него войдет, а в него войдут почти все, будут охаяны, облаяны всеми левыми как реакция. И американцы не дадут на него ни копейки. При теперешнем кривом на правый глаз американском интервенционизме безнадежна постановка на ноги какого-либо свободного подлинного Русского Национального комитета. Получается парадокс: антисоциалистическая Америка хочет привести в Россию и посадить в ней во главе только наших социалистов и сепаратистов.

Юрисдикционное разделение нашей церкви подрывает полноту нашей Святосергиевской Духовной академии. Из 35 студентов в ней только одна треть – русские. Остальные сербы, немцы (целых 3), греки, арабы (из Антиохийского патриархата) и один финляндец. По нужде в языке преподавания приходится частично пользоваться и французским, и английским. Но патриарх правильно настаивает, чтобы язык преподавания оставался русский, как язык общеправославный в богословии. Ваша американская Академия перекупает наши профессорские силы (в феврале к Вам уедет С. С. Верховский). А мы в этом году из нашего жалкого десятка русских выделяем еще двух для профессуры и науки. Такие чудеса мы не можем творить бесконечно. Иностранные студенты нам не могут дать наших продолжателей в науке.

Наши приветы Аркадию Альфредовичу и Тамаре Викторовне.

Сердечно Ваш А. Карташев

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Оригинал.

Письмо Н. А. Цурикова

Мюнхен, 27.I.[19]52

Дорогая Ариадна Владимировна!

Получил Вашу Открытку. Благодарю Вас за память. Очень был тронут. Не писал Вам и не поздравил с Новым Годом, что от души делаю сейчас, только потому, что не знал Вашего адреса и не от кого не мог его получить. И. Д. Гримм, систематическое нахождение которого в «нетях» меня всегда удручает – «забыл» меня – т. е. не пишет, и я даже не знаю, не переехал ли он к детям в Австралию, а Алексеев написал мне недавно только то, что Вас видел. Не знаю, передал ли он Вам мою ротаторную статью «Необходимые условия успеха». В ней я, как раз перед «Висбаденом», сознательно выдавал должное за сущее, чтобы не отрезать преждевременно путей для воздействия, тщетно призывал и Американский комитет и русских участников быть умнее. Статью я послал и Лайонсу и Дону Левину, не говоря уже о русских. О моей огромной и совершенно тщетной переписке с ним Вы, вероятно, уже слышали от Алексеева. Задача моя явно не удалась, но утешаюсь хоть тем, что долг свой исполнил. Можно, конечно, утешаться, горделиво сравнивая себя с Моисеем, про которого в писании сказано: «И никто его не слушал!» Конечно, обидно, что благодаря поведению русской эмиграции, точная характеристика которого дана у Пушкина – «сбились мы, что делать нам, в поле бес нас водит видно, да кружит по сторонам» – мы не в состоянии использовать исключительно благоприятную, сравнительно, конечно, международную обстановку. Ведь мы – старые эмигранты – пережившие эпоху абсолютного непонимания русского вопроса и даже преследования за антибольшевизм, не можем не предаваться утопическому максимализму, не видеть, как изменилась обстановка в смысле возможностей получения помощи для борьбы. Думаю, что при национальном единстве русской эмиграции мы могли бы добиться больших результатов и, может быть, даже преодолеть нашим единством грубые ошибки в русском вопросе иностранцев. Но в этом вопросе Вы, конечно, гораздо компетентнее, чем я. Не знаю, передал ли Вам Алексеев о том, с каким удовольствием я прочел две Ваших статьи в «Р[усской] М[ысли]». А недавно я послал в захолустную «Русскую Жизнь» (Сан-Франциско) (1) большую рецензию о «Возрождении», где дал волю своему восхищению Вашими воспоминаниями. У меня нет никакой уверенности, что это будет напечатано, т. к. редактор в ссоре с представителем «Возрождения»: повод для наших «царевококшайских» деятелей, хотя бы и в мировых центрах, совершенно достаточный. Но, во всяком случае, Вы не нуждаетесь в моих комплиментах – образ о. Иоанна Кронштадтского и картина разрыва между отцом и детьми произвели на меня огромное впечатление. Думаю, что я совершенно объективен, считая, что этот очерк, может быть, самое значительное

из напечатанного за прошлый год и не в одном «Возрождении». Я хорошо помню описанную Вами эпоху, а потому и знаю, что это не только правдиво, но и требовало от автора большого и честного мужества. Читал все это с чувством искренней благодарности.

Целую Вашу руку и горячо желаю Вам здоровья, бодрости и всякого благополучия!

Искренно преданный Вам
Н. Цуриков

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 5.II.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Рукопись. Автограф.

---

[1] «Русская жизнь» – ежедневная газета. Выходит в Сан-Франциско с 1921. Редактор П. П. Балакшин (1935–1937), А. И. Делианич (1955–1975).

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 25 марта [1952]

Милая Ариадна Владимировна,

Рад бы Вам помочь; письмом это трудно. Облегчу себе задачу тем, что буду отвечать на конкретные вопросы.

1) О национальной проблеме я не писал ничего; по крайней мере, в теперешней ее постановке. Недавно Мореншильд (1) просил у меня статью на эту тему для «Рашен Ревью» (2). Я отказался под предлогом, что по такому вопросу не хотел впервые выступить в иностранном журнале для иностранцев: здесь отчасти была отговорка, но и правда. Во всяком случае, ничего своего Вам прислать не могу при желании.

2) Вы просите книжки по укр[аинскому] вопросу. Могу рекомендовать кн. А. М. Волконского (3) «Историческая правда и украинофильная пропаганда». Книга издана в 1921 г. в Турине. Издание – Викентия Бона. Она не моя. Если ее не найдете в Америке, могу попросить ее дать мне на время; в ней около 200 стр.

3) Вы спрашиваете о «полезности» или «бесполезности» независимой Украины. Полезность для кого? – Для всего мира, России, Украины или политических честолюбцев? Ответ зависит от постановки вопроса.

В «мире» сейчас здоровая тенденция – к объединению государств. При современной технике – они слишком малы, слабы и бедны, чтобы одними своими силами себя защищать. Пример «Европы» показывает, насколько объединение трудно. Что может выиграть мир, если в это время мы разрушим единую Россию, открывая борьбу за ее наследство на всем ее протяжении, соблазняя и соседей и дальних

захватывать лакомые куски; при неделимости «мира» создается источник войны не только между наследниками. Выиграют в ней только «насильники».

4) Будет ли отделение от России полезно Украине или самой России? Это бывает тогда, когда часть государства была в него насильно включена в результате победы и силой была в нем удержана. Так было с Польшей, включенной в Россию на Венском конгрессе 1815 г. В присоединенной Польше ее национализм поддерживался искусственно нашей руссификаторной политикой, к невыгоде обеих сторон [–] и победителя и побежденных. Ничего подобного не было с Украиной. Она не была завоевана. Была соседкой с более сильными государствами, Польшей и Турцией. Чтобы от них отстоять свою независимость, она соединилась с Россией. Ее положение под Москвой нельзя сравнить с тем, кот[орое] она бы имела, если бы была покорена Турцией или Польшей; положение турецких славян на Балканах и русского «быдла» на Северо-Западном краю под польскими землевладельцами это показывает. Правда, без всякой надобности Петербург, по своей идеологии, не давал свободного развития украинской культуре; но при неразвитости населения это не замечалось, и отделения от России население не хотело. Украинский сепаратизм родился только с появлением германизма, кот[орый] подчинил себе славян Австрии и стремился далее на Восток. Сепаратизм Украины тогда и там начался. Когда в 1908 г. произошел Славянский съезд в Праге под ауспициями (4) Крамаржа, для самозащиты славян от агрессивного германизма (я его видел в Турции, когда на этом съезде состоялось примирение России с Польшей), то на этом Славянском съезде отсутствовали одни украинцы, поскольку они держались германской ориентации и потому были врагами России. Ни о какой действительной «независимости» Украины не могло быть и речи; она была бы аванпост Австро-Венгрии с ее опорой на Германию. И именно эта ориентация украинцев вызвала и недоверие и вражду к украинцам в самой России. Все вышло наружу в 1-ю войну.

Германия была побеждена соединенными силами демократии; но ее ученики остались в России. Вникните в это. Когда идеалисты Февраля, для осуществления полного народовластия и неограниченных «прав человека», разрушали старое государство России, привели к полной остановке всей национальной жизни, большевики стали восстанавливать государство; они для этого не только воскрешали худшие приемы самодержавия, они вводили усовершенствованный тоталитаризм, которому научились в Германии; учителем Ленина был не только Маркс, но и Клаузевиц (5); оттуда внутреннее сродство Сталина и Гитлера, и их союз 1939 года. Его на свою гибель нарушил Гитлер, а не Сталин. А в [19]45 г. Сталин сумел надуть демократии и привить всей Восточной Европе, а также и Азии – идеологию и методы Клаузевица.

Но почему Америка, кот[орой] от России ничего не нужно, кот[орая] на ее наследство не претендует, начиная с Версальского мира, могла сочувствовать ее расчленению? Конечно, зла она России не хотела. Это была та же «идеология», кот[орая] заставила и наших деятелей Февральской революции чуть Россию не погубить; недаром в разгаре Февральской революции одна Америка была на ее стороне; вместе с идеалистами Февральской революции она за беды России обвиняла только старый режим и думала, что полное осуществление «свобод» и «прав человека» не опасно, а только необходимо. Эта идеология не считалась с действительностью, с необходимостью постепенности; она себе не отдавала отчета, какую форму примут в России все ее лозунги. Тогда был в России выставлен и лозунг о правах «самоопределения народностей вплоть до отделения», как будто это было правом всякой народности и входило в число «прав человека». Не замечали, что этим нарушали «права человека», кот[ор]ого можно было большинством голосов заставить из своего государства уйти, вопреки его собственной воле. На Версальском конгрессе этим лозунгом хотели уничтожить Австрию, т. е. [осуществить] подчинение германизму славянских народностей, насильно к ней присоединенных, и не замечали, что этим разрушали и Россию; и еще менее предвидели то, что сейчас происходит в Англии и во Франции. Независимая Украина только частный пример того, к чему приводит «идеология», кот[орая] с реальным соотношением интересов и сил не считается.

Все это бестолково изложено, но вы меня поймете; я же хочу перейти к последнему вопросу об отношении к вашему Нац[иональному] комитету.

Он в свое время не произвел здесь впечатления потому, что судьба Коорд[инационного] центра внушила недоверие ко всем подобным попыткам «объединения»; на этом не буду останавливаться. Отличие вашего Комитета от КЦ могло быть в том, что в вопросе об единстве России Вы не подчинялись ни националам, ни американцам, а думали о России, как государстве. Оставалось неясно: как и чем Вы хотели бороться с Кремлем? Если войной, то никто не мог думать, что воевать будут американцы в интересах России, а опора Америки на «националов» была опорой на скрытых «врагов» России. Уступчивость им, на кот[орой] Америка настаивала, казалась равнодушием к интересам России. Украинцы, их прошлая роль, их связь с Германией, все это для России казалось зловеще. Вот почему это предприятие возбуждало опасения. Оно могло при упрощенных приемах грозить еще раз сплотить Россию около существующей власти. Но это сложный вопрос.

Два дня назад здесь было большое собрание, в котором можно было предположить осуществление Вашей идеи, т. е. выявление единой «национальной России». Пришло много народа. Но была сделана та ошибка, кот[орую] можно было предвидеть. Громадную и здоровую идею — восстановления России как самостоятельного

государства нельзя было соединять с более мелким вопросом о будущей в ней форме правления. Нельзя было «Национальный комитет» делать «партийным»; как К[оординационному] Ц[ентр]у нельзя было объявлять идейную войну не только Кремлю, но и монархистам, так и Нац[иональному] ком[итету] <3 нрзб.> воевать с марксистами и республиканцами. Это второстепенно. Я был и остался монархистом; в 1917 г. можно было им быть, но сейчас выставлять этот флаг – значит раскалывать силы и помогать своим врагам. И это было сделано в воскресенье; по отзывам тех, кто там был – это собрание не приведет к объединению, ибо там уже шла ругань в своей среде. А Коорд[инационный] центр и Нац[иональный] ком[итет] – антиподы, <нрзб.>

Самоопределение нельзя смешивать с правом «отделения». Самоопределение есть защита особенностей народности как культурной единицы. Ничьих прав это не нарушает. Отделение же от «государства» нарушает его интерес. Когда от России отделились прибалтийские государства, они с собой унесли то, что было всей Россией создано, порты, даже приписанные к ним корабли русского флота. Отделяться от государства нельзя без соглашения с тем, от кого отделяются. Напротив, употребление украинского наречия и обучение ему входит в права «человека» и запрещение этого их нарушает. А пользы эти запрещения никому не приносят. Выводить из права на «самоопределение» право на отделение есть подтасовка понятий, забвение о правах государства, кот[орые] вовсе не фикция, а реальность.

<Пометка А. В. Тырковой:> Письмо Маклакова. 1953 или 54 г.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописными вставками. Оригинал.

---

[1] Мореншильд Дмитрий Сергеевич, фон – историк. В 1922 эмигрировал, жил в США. Профессор русской истории и литературы в Дортмундском колледже. Добился в 1941 финансовой поддержки для издания в Америке на английском языке журнала «Русское обозрение» («Russian Review»).

[2] «The Russian Review» – ежеквартальный журнал, посвященный истории, литературе, культуре, искусству, обществу и политике Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Издается с 1941 в издательстве Blackwell Publishing.

[3] Волконский Александр Михайлович (1866–1934) – князь; военный дипломат, публицист; полковник Генерального штаба (1908). В 1915–1917 временно исполнял обязанности русского военного агента в Риме. После октября 1917 остался в эмиграции. Автор работ: «Историческая правда и украинофильская пропаганда» (1920; направлена против украинского национального движения); «Имя Руси в домонгольскую пору» (1929);

«В чем главная опасность?» (1929); «Малоросс и украинец» (1929). В 1930 принял католичество; рукоположен в священники.

4 Ауспиции (от лат. avis – птица и speculare – наблюдать) – в букв. смысле – гадание по поведению птиц, предзнаменования.

5 Клаузевиц (von Clausewitz) Карл Филипп Готтлиб фон (1780–1831) – военный писатель, теоретик военных наук.

Письмо С. П. Мельгунова

17/IV.[19]52

Дорогая Ариадна Владимировна!

Мы дали точные инструкции своей нью-йоркской группе. Конечно, не знаю – выполнит ли она эти инструкции. Мы, во всяком случае, очень далеки от какой-либо «покорности». Скорее заостряем вопросы. Не встречая достаточной поддержки у партнеров, Керенский ушел от политики; пишет, что опротивело.

Пылкость моего темперамента совсем ни при чем в делах «Возр[ождения]». Я не виноват, что в «Возр[ождении]» вся атмосфера, все традиции не по мне. Сколько крови мне приходится портить из одного вопроса о выплате гонорара авторам, не живущим в Париже! Сколько я трачу времени на всю эту ерунду! А зарабатываю я, как редактор, грош – всего 10 т. фр. в месяц. Считаю, что три почти года такого донкихотства достаточно. Обязанности по редакции вырастают, т. к. само дело неизбежно растет, а заработок мой уменьшается. Журнал не дает удовлетворения, ибо я почти не нахожу необходимых сотрудников, приятных для себя. А сотрудников бесконечно много. Чем же быть довольным? Политика очертела. Сколько времени зря я потерял из[-за] Ам[ериканского] Ком[итета]! Чего стоит одна теперешняя шумиха с образованием национальных центров. Ведь это ничего не стоящая обывательщина! Людей нет. А относительно молодых и энергичных Вы сами предупреждаете меня...

Если бы у меня были свои деньги, я, пожалуй, бы повел боевой журнал, не от кого независимый – для собственного удовлетворения. Но бодливой корове Бог рог не дает. И правые и левые меня бесконечно раздражают. Я скоро со всеми перессорюсь, а для редактора все же чужого журнала это не так хорошо.

Я нисколько не претендую* на Ваш отказ откликнуться на мою книгу, но лишь очень жалею. Книга моя в Париже имеет очень большой успех, но далеко не все воспринимают ее так, как я хотел бы. Доволен, что Гукасов убыток не потерпит. Я же привык к даровой работе. Колумбийский унив[ерситет] сделал мне предложение, которое с материальной стороны мне улыбается. Но из этого ничего не выйдет –

---

* Так в тексте.

американцы какие-то недотяпы, с которыми мне, очевидно, очень трудно иметь дело. Иная психология.

Вероятно, Вы слышали, что с книгами теперь большое затруднение в силу цензуры, введенной в Соед[иненных] Шт[атах]. Лежат месяцами по таможням – даже «Возрождение»!!

Целую ручку. Ваш С. Мельгунов

П[расковья] Ев[геньевна Мельгунова] всегда передает Вам привет.

Сейчас меня интересует фигура Кадомцева. Джурджиев сказал, что его характеристику может дать Ваш Арк[адий] Альф[редович]. Если он два слова напишет, буду благодарен.

А по существу, я мечтаю сесть за книгу о декабристах – одна тема меня давно уже привлекает.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

25/V.[19]52 г.

Милая Ариадна Владимировна,

Спасибо за добрые слова, кот[орые] Вы написали обо мне в письме к Марусе (1). Но Вы правы, что если приятно и полезно поговорить, то переписываться очень затруднительно и особенно с моим почерком. Моя книга не только сосватана, но уже готова. Но не хочу ее отсылать раньше времени: нужно ее сначала забыть и читать как нечто новое, тогда бросятся в глаза повторения и недоговоренность, а иногда и несвязки. Все это исправить будет легко.

Моя книга по содержанию не требует справок; ведь она касается раннего периода моей жизни, кончая моей адвокатурой. Тогда мы не были даже знакомы. Моя мечта была писать не об этом, а о 3-й и 4 Думах – до революции; но не нашел стенограмм, а теперь уже поздно. Ваши воспоминания мне не только понравились, они очень понравились. Не знаю, почему 2-я часть может мне не понравиться. По-моему, людям нашего поколения надо сейчас говорить не о том, что было прежде дурного, а о том, что в нем действительно было хорошего. Вы и делаете именно это. Но это дано не всем: в том числе и не мне.

Преданный Вам В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Сестра В. А. Маклакова.

30.V.[19]52
548 Orange st.
New Haven 11, Conn.

Дорогая Ариадна Владимировна,

Пишу Вам под впечатлением прочитанной мной книги Вашей. Впилась в нее как только переселилась в New Haven, а теперь передала ее Софье Мих[айловне Ростовцевой], кот[орая], однако, стремится выписать себе собственный экземпляр, и если не сделала этого до сих пор, то только потому, что дело стало за малым: нигде – ни на Вашей книге, ни на вложенных в нее листках-объявлениях о вышедших в издательстве книгах, не помечен адрес изд[ательст]ва или склада, где можно эти книги приобретать! Просто невероятное идиотство! Наконец, в № Нов[ого] Русс[кого] Слова от 28-го марта в случайной заметке о «работе Чеховского изд[ательст]ва», подписанной «Книжник», этот адрес упоминается: 387 Lexington ave. Изд[ательст]ву подвезло! Вернадские прождали книгу три недели, выписав ее через Розен (1), которой, очевидно, Изда[тельст]во не потрудилось прислать книги на склад. Все по той же линии неизменной русской нераспорядительности!

Ну, это вступление – кислое, – а теперь о книге. Считаю ее существеннейшим вкладом в историю нашей эпохи, ибо это живое свидетельство живого человека о живых людях. Нарочно повторяю три раза слово «живой», ибо это главное достоинство Вашего писания. Вы дали то, чего никакой «историк» дать не может и что несет в себе только живой свидетель пережитых событий, передали ту взволнованную <u>атмосферу</u>, в которой мы жили, в которой события происходили, в которой <u>могли</u> происходить. Вы не погрешили в отношении наших Дон Кихотов, «романтиков конституции», сохранили их рыцарский облик, хотя... Боже мой, Боже мой, как ужасно обо всем этом теперь читать!

Да, эта книга написана женщиной, и женщиной, любящей себя высоко расценивать; с художественной точки зрения в ней, <u>кажется</u>, есть некоторые длинноты и повторения (говорю «кажется», пот[ому] что это утверждение требовало бы проверки и перечтения книги), но это все ничего, и даже плюсы для того, что она дает – вот этой именно «атмосферы» и ее температуры. Полярным противоположением Вашей книги являются «мужские» книги о Думах Маклакова.

Ваши расценки личностей мне страшно интересны, т. к. большинство из них я тоже хорошо знала. Особенно интересно мне все, что Вы пишите о Д[митрии] Ив[ановиче] Шаховском, я не знала, что он играл в Вашей жизни такую большую роль. И очень любопытна ваша расценка Ивана Ильича [Петрункевича], как определенно «среднего» человека. Стараюсь это ретроспективно проверить и думаю, что Вы правы, хотя нужно сказать, что это «среднее» очень высокого уровня.

Мне всегда бывает очень трудно судить о размерах «ума», именно ума, самых близких моих людей. Я хорошо знаю все другие свойства, как моей матери, так и Ив[ана] Ильича, но никак не могу определить масштаба и веса их «ума»: они мне могут казаться очень умными и очень глупыми... вероятно, в зависимости от ограничений моей собственной машинки. Думаю, что Вы правы, говоря, что без Анаст[асии] Сергеевны (2) Иван Ильич никогда не стал бы «Иваном Ильичом». Читали ли Вы его воспоминания, напечатанные Гессеном в одном из томов «Архива Русск[ой] Революции»? Правда, он писал их когда был очень стар (хотя моложе, чем мы с Вами теперь), а главное, когда голова его стала как-то изменять ему, но правда же, конец их, все, что относится к характеристике Александра III и полемике с Витте, более чем слабо... пот[ому] что загублено предвзятостью, отравлено тем же, чем был отравлен Милюков в своей непримиримости к правительству.

Возник у меня один вопрос о точности упоминаемых Вами событий, и я еще не успела их проверить, т[ак] что ничего сегодня не могу утверждать, тем более что уверена, что Вы себя проверяли по документам. Вы говорите о пятичленной депутации к Государю в начале июня 1905 года, со знаменитой речью кн. С. Н. Трубецкого. Моя память мне подсказывает более многочисленную делегацию. Я пошла вчера вечером с этим вопросом к Вернадскому. У него дома под рукой оказались только недавно составленные записки (рукопись) Ал[ексан]дры Фед[оровны] Родичевой и случайная английская книжонка «A picture history of Russia»*, с фотографией этой самой делегации. В обоих источниках говорится о делегатах (на фотогр[афии] они даже во фраках и частью в пальто, сняты во дворе, после приема). Я еще проверю, проверьте и Вы, у вас N[ew] Y[ork], все под рукой.

Ну вот, кажется достаточно на сегодня. Итак, очень Вам благодарна за то, что Вы написали эту книгу, ибо написана она честно и сердечно. Что можно сказать лучшего? И – по разумению своему – я высказала Вам свое мнение, тоже честно.

Обнимаю Вас, дорогая писательница, надеюсь, что перо Ваше продолжает бегать и что мы с Вами еще побеседуем о прошлом и о настоящем, кот[орое], увы, меня совсем не радует.

Ваша С. П[анина]

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Розен (урожд. Шубина) Екатерина Никаноровна (ок. 1880 – 1957) – занималась книжным делом в Нью-Йорке. Владела книжным магазином «International Book Service».

---

* «Иллюстрированная история России» *(англ.)*.

[2] Петрункевич (урожд. Мальцева, в 1-м браке – графиня Панина) Анастасия Сергеевна (1850–1932) – жена И. И. Петрункевича (с 1882), его ближайший помощник.

Письмо Б. П. Вышеславцева

8 июля 1952 г.
Саанен. Бернер Оберланд
Heim Alpenruhe. Saanen. B.O.
Switzerland

Дорогая Ариадна Владимировна! Перед отъездом сюда мы получили Вашу книгу, за что Вас и издательство сердечно благодарим. Мы спаслись сюда в горы от страшной жары в Женеве, от усталости, трудностей жизни, а главное потому, что здоровье Наташи требует абсолютного отдыха. Так предписал доктор в силу серьезных симптомов грудной жабы. Здесь существует «хом»* для разных рефюжье**, в котором мы уже несколько раз проводили летом месяц отдыха. Год тому назад Швейцария приняла сюда ряд русских Д. П., с которыми мы сейчас встретились. Заведующая домом, наш большой друг, к нашему удивлению, оказалась ими очень довольна. А вчера здесь в доме служил литургию священник из Лозанны. Эти русские из лагерей Австрии и Германии (18 человек). Один казачек блестяще развел огород, другой полуслепой получил в подарок две свиньи, за которыми ухаживает, далее имеется бывший судебный следователь из Братиславы, далее киевлянин, бежавший с немцами с [19]42 году, четыре женщины, мужья которых исчезли в Лиенце, и, наконец, русский эстонец, представлявший меньшинства в парламенте, с дочерью и женой. Состав, как видите, весьма пестрый. Несколько совсем слепых. Остальное население – евреи, все наши старые знакомые за пять лет, встретившие нас, как старых друзей, что несколько удивило русских. Этот год мы живем не в «хоме», а в деревенском доме недалеко. Это чудное швейцарское «шале», которому 300 лет, мужицкий дом наследственного «кулака», впрочем, здесь все крестьяне «кулаки». (Советский сказал, увидев Швейцарию: «Хорошая страна, народу только нет – одна буржуазия».) Дом, хозяева и обстановка – это швейцарская идиллия 80-х годов. На фронтоне изображены Адам и Ева в раю с животными. Мораль – не совершай греха, и жизнь будет раем. И действительно, в данную минуту, при безоблачном небе, на высоте 1000 метров, среди снеговых гор и огромных лесов, здесь полный рай. Мы сидим на боковой галерейке из родного елового дерева, перед нами течет в каменный бассейн холодная кристальная струя и прямо из две-

---

* Приют, пансион *(франц.)*.

** Эмигрант *(франц.)*.

ри развертывается луг со свежим сеном. В маленькие окошки лезут вишни. Полотняные скатерть и простыни, которые нам постелила старушка-хозяйка, ткались бабушкой ее мужа, по ее словам. Такова Швейцария, которую бывшие обитатели «Каружки» (1) еще не успели разрушить! Сюда мы взяли, конечно, Вашу книгу и зачитываемся ею. Изумляет блестящая характеристика и живых людей и движущихся идей. Мне особенно драгоценны Ваши характеристики основателей марксистской догмы, ее теологов. Замечательна характеристика Ленина, предопределяющая ход всего последующего. В мире действует и сейчас то, что я называю «маркс-комплекс»; этот комплекс удивительным образом воплощен в трех личностях: в самом Марксе, в Ленине и в Сталине. Комплекс состоит из подпольной интриги, жажды власти, ненависти и презрения к товарищам и вождям по партии, необычайной зоркости ко злу и из принципа «цель оправдывает средства». В одном месте Энгельс говорит: наш девиз может быть формулирован словами Мефистофеля: «Все существующее заслуживает того, чтобы быть разрушенным». Вот это я называю «маркс-комплекс», он брошен в мир и присутствует у всех «марксиан» (отличаю от марксистов). Многое из Вашей книги я процитирую в своей работе. Но далее у Вас драгоценно историческое сопоставление двух непониманий, исходящих: от революционной интеллигенции – с одной стороны, и от правящей бюрократии старой России – с другой стороны. Обе стороны были и правы и не правы, по слову В. Соловьева, действовали «полуистинами», которые вреднее всякой лжи. Далее нужно признать, что Вам поразительно удается характеристика живых людей, как, напр[имер], Струве или Тугана, и всего интеллигентски-бездомного быта. Но, конечно, особенно Вам удалось воссоздать и воскресить живую личность Гарольда Васильевича. Для Наташи это, конечно, было трогательно, ибо она его лично прекрасно помнит, много про него рассказывала, а мне это было полным видением его личности, с его необычной биографией, необычайной талантливостью и очарованием. Большая заслуга издательства, что Вашу книгу напечатали. Я сам только что недавно переслал в Чеховский Фонд значительную часть своей книги, которую хочу озаглавить так: «Добро и зло индустриальной культуры». Первоначально я предполагал только дать научно-философскую критику марксизма во всем его объеме. Но по мере работы тема изменилась в направлении критики индустриализма в той и другой его форме: в форме тоталитарного и диктатурного индустриализма (неумолимая «индустриализация» страны, «превращение всей страны в единую фабрику» было первым словом Ленина) – и, во-вторых, в форме индустриализма с остатками свободы. Я пишу «с остатками», потому что они все время угрожаемы всякими пятыми колонами, хотя, конечно, еще очень сильны в Англии и Америке. Главная идея моей книги это защита социологическая, юридическая и философская идеи свободы. Я признаю возможность и ценность всех опытов социализма, но

таких, которые исходят из идеи свободы, из идеи автономии личности и автономии народа. Такие опыты всегда могут быть изменены или отменены в либеральном демократическом государстве. У меня в Женеве был Карпович, он меня помнит как профессора Московского Университета и был очень любезен. Я надеялся отчасти, что ему будет поручена рецензия моей книги издательством. Но в последнем письме он пишет, что Вреден об этом его не просит, а Александрова больна и, кроме того, считает себя некомпетентной. Было бы странно и смешно, если бы мою принципиально антимарксистскую книгу отдали на отзыв марксисту из группы Абрамовича (2). Кроме того, что может означать отзыв обо мне, который является одним из 4–5 оставшихся в живых русских философов и профессоров, специалистов по данным вопросам? И кого я сам мог бы признать компетентным для такого отзыва? Мог бы признать: Лосского, о. В. Зеньковского, Карташева, о. Г. Флоровского (3) (он написал диссертацию о Герцене). Был бы особенно рад, если бы можно было получить Ваш отзыв, после Вашей книги всякому ясно, что Вы вполне компетентны в этих вопросах, а как писательница можете оценить стиль и форму. Вы помогли бы мне чрезвычайно, если бы могли разузнать или повлиять на судьбу рукописи. Изумляет меня то, что Америка и весь свободный мир хочет усилить идеологическую борьбу за свободу против «маркс-комплекса» и коммунистического империализма, а когда я представляю работу, всецело вдохновленную этими целями, начинают раздумывать, колебаться, да еще, пожалуй, собираются отдать ее на суд марксистов. Фордовский Фонд ведь и создан специально для борьбы с марксизмом-коммунизмом. Главная бессмыслица в том, что страны коминформа тратят миллиарды на пропаганду и психологическую войну, а Англия и Америка не сделали еще решительно ничего. Принципиально всякая мало-мальски грамотная работа для защиты свободы должна быть напечатана без всяких колебаний. Кроме идейной стороны, которая прежде всего для меня, как и для всех писателей и ученых, важно просто иметь возможность существовать («не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»), а наше положение в этом смысле очень трудно. Жизнь в Швейцарии с каждым днем дорожает, на маленькую пенсию, которую не увеличивают, существовать невозможно, а мы стареем, нужны лекарства и доктора и силы для борьбы иссякают, а я еще многое имею сказать и написать. Получили ли Вы мою статью о Пушкине в «Гранях № 13-й», которую я Вам послал вместе с французским журналом. Мы останемся здесь приблизительно до начала августа, в августе пишите уже в Женеву (Ch. De Roches, 2, Genève).

Шлем привет всему Вашему семейству, очень интересуемся, что делает Аркадий Альфредович и как Вы вообще устроились и как живете. Дину совсем не видим, она от русских совершенно отошла и в церкви никогда не бывает. Иногда [узнаем] об ней от общих знакомых из ООН.

Вся наша прежняя жизнь с Вами и весь Ваш образ стоит пред нами, когда читаем Ваши воспоминания в «Возрождении» и эту новую книгу. Как бы о многом хотелось поговорить лично!

Сердечно Вам преданные Б. и Н. Вышеславцевы

Прочитал Ваш потрясающий фельетон «Свидетель» (о Виттекер'е) и пришел в ужас: как бы не было в «Фордовском Фонде» того же самого, что было в Карнеги фонде:

Коммунист[ическая] дирекция!

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись с рукописной вставкой. Оригинал.

---

1 В Каруже (Carouge) – городке в южном предместье Женевы – в начале XX в. жили российские политические эмигранты, прежде всего из радикального лагеря.

2 Абрамович (наст. фам. Рейн) Рафаил Абрамович (1880–1963) – социал-демократ. В 1920 эмигрировал. Возглавил Заграничную делегацию ЦК «Социал-демократического Бунда», участвовал в издании «Социалистического вестника», член бюро исполкома Социалистического рабочего Интернационала. С 1940 в США. Автор мемуаров «Советская революция 1917–1939» (на англ. яз.).

3 Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) – религиозный мыслитель, философ, богослов; православный священник, деятель экуменического движения, один из основателей Всемирного совета церквей. С 1948 жил в Нью-Йорке, профессор, а затем и декан Свято-Владимирской духовной семинарии; профессор церковной истории в Гарвардском университете (1956–1964).

Письмо С. П. Мельгунова

19/VIII.[19]52

Дорогая Ариадна Владимировна!

Только что вернулись в Париж. Вероятно, через дней десять вновь придется поехать в Мюнхен. Я никак не могу согласиться с Керенским, что из совещаний в Мюнхене ничего не вышло. Поставлены все точки на *«i»*. Удалось добиться единства российских организаций и внести разнобой в организации национальн[ые]. У нас теперь определенное большинство. Комиссия должна еще раз собраться после того, как группы выскажутся о тех позициях, которые занял их представитель. Тогда окончательно будет решен вопрос, и Ам[ериканский] ком[итет] должен будет выбрать – по какому пути ему идти. Компромисса между двумя точками зрения найти нельзя, и часть «националов» должна уйти. Поддержит ли нас в конечном счете Ам[ерикан-

ский] Ком[итет]? – этого я еще не знаю. Для краткости скажу, что по существу победила моя точка зрения. Солидаристов не было, но они, конечно, присоединятся, если соглашение будет достигнуто.

Получен Ваш отзыв о Ремизове. Я, конечно, его помещу за Вашей подписью, но сопровожу соответствующей ремаркой от редакции по поводу политической позиции г. Ремизова. Сдам сейчас же в набор, но не руга[йт]есь, что фактически смогу напечатать в следующей книге.

Не верьте нью-йоркским <1 нрзб.> и той отсебятине, которая напечатается в «Н[овом] Р[усском] С[лове]». Ваш ответ Кусковой до меня еще не дошел, но я все равно к сентябрьской книге написать не смогу. Этот номер мне опять приходится выпускать в ненормальных условиях.

Целую ручку.
Ваш С. Мельгунов

Поражен известием о смене Кэрна. Как с этими людьми можно работать.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо А. В. Карташева

28 августа 1952. Ментона
Успение

Дорогая Ариадна Владимировна,

Не думайте, что я молчу по лености и свинству. Просто потерял энергию из-за длительной болезни. Я – «хроник» по ноге моей, оперированной еще в 1930 г. Не в первый раз уже открылась очередная рана и приковала меня к комнате и наполовину к постели. После месячного самозаключения только в последние дни стал выползать с палочкой... Скоро вернемся в Париж, и там придется предпринять кое-что новое для лечения...

Преодолевая боль, медленно писал две срочных статьи. На письма уже не оставалось энергии.

Большое спасибо за приятный подарок. Прочитали вместе с П. П. (1) Это и для меня тоже «мемуарный» период. Все описанное сознательно и остро переживалось мной в годы моей петербургской молодости (1894–1918).

Хорошо, что Вы объективно исторически признаетесь в слепоте и однобокости русской интеллигенции, в ее безрелигиозности, во многом – бесгосударственности. Это усилит влияние книги на широкого читателя. Но всем не угодишь. Я уже слышал от одного старичка: «Да, может быть и умно, но – противно...» Очевидно, страшный и действительно отталкивающий исход революции обывателем-читателем вменяется без различия всем участникам и зачинателям ее...

Наш экзархат болеет. Поход циников и дельцов против принципиального и идеалистического первого викария и нашего ректора еп. Кассиана (Безобразова) (2). Обычный демагогический поход против Академии, непонятной науке, да псевдопатриотическое рычание против грехов. Как будто они могут и хотят помешать русскому благочестию и нашей молитве. Жалкое заразительное мракобесие, церковный большевизм. Предстоит в конце сентября очередной епархиальный съезд. Будут стараться навести «официальное» благополучие и все замазать. Не знаю, удастся ли? Не все же наши и миряне бараны.

Наша Академия культивирует группу молодых ученых, наших преемников, несмотря на то что и Ваша Академия уже перекупила наших трех профессоров и продолжает манить к себе и еще трех. Наши же молодые у вас присватались к Чеховскому издательству и выпускают там Сборник, нами же написанный. Вот туда я и состряпал две статьи. Но еще сомневаюсь, не отступит ли безрелигиозное издательство перед нашими идеями? К сожалению, левая интеллигенция по-прежнему враждебна Церкви, да и свободе. ИМКА, например, грубо закрыла двери, даже и по смерти Бердяева, смиренно постучавшемуся в ее двери И. А. Ильину (3). Славу Богу, некие добровольцы (В. П. Рябушинский (4), Общ[е]воинский Союз) рискнули подъять напечатание отвергнутого левоинтеллигентской цензурой серьезного труда.

Привет от нас обоих Вам, Тамаре Викторовне и Аркадию Альфредовичу.

Сердечно Ваш А. Карташев

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Вероятно, Карташева Павла Полиевктовна [Полуэктовна] (1889–1969) – жена А. В. Карташева.

[2] Кассиан (в миру Сергей Сергеевич Безобразов) (1892–1965) – священнослужитель, богослов, экзегет. В 1922 был выслан из Советской России. В 1932 пострижен в монахи. С 1947 епископ Катанский (под юрисдикцией Константинопольского патриарха), викарий экзарха Вселенского патриарха митрополита Владимира (Тихоницкого). Профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1947–1965); ректор института (1947–1965).

[3] Ильин Иван Александрович (1883–1954) – философ, писатель, публицист. В 1922 выслан из Советской России. Работал профессором в Русском научном институте в Берлине (1923–1934). Один из главных идеологов русского Белого движения. Редактор и издатель журнала «Русский колокол» (1927–1930). С 1938 жил в Швейцарии, занимался научной деятельностью. Автор более 50 книг.

[4] Рябушинский Владимир Павлович (1873–1955) – предприниматель, банкир, общественный деятель. Участвовал в Белом движении, эмигрировал из Крыма в Константинополь, затем переехал в Париж. Основал и возглавил Общество «Икона» (1927); почетный председатель Общества (1951–1955). Автор ряда работ, посвященных иконописи.

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 2-е сентября [1952?]

Милая Ариадна Владимировна,

Получил вчера Ваш оттиск о кадетах. Спасибо за память. Пишу не только чтобы Вас поблагодарить и указать на одну неточность: неправильно сказать, что партии впервые появились в России после Октябрьского манифеста. Это еще можно бы говорить о легальных партиях; но ведь и сами кадеты начали организовываться до Манифеста, а [э]с[е]р[ы] и с[оциал-]д[емократы] существовали уже как организации еще до наступления XX века. Верно Ваше указание, что только со времени Манифеста русским политическим партиям была поставлена «задача убеждения общественного мнения», а не только «действий». О Союзе Освобождения Вы должны быть осведомлены лучше меня; по воспоминаниям И. И. Петрункевича – его учредительный съезд заграницей был в 1903 году, как Вы правильно говорите в тексте, а не в 1902 – как Вы со знаком вопроса отмечаете на полях.

Но я Вам пишу сейчас не за тем, чтобы это сказать. Вы когда-то спросили меня про литературу об украинском вопросе; кое-что я Вам указал, не помню уже что. У меня были две книги – об украинофилах Марголина (1) – «Украина и политика Антанты» (Берлин) и Грушевского (2) («Освобождение России и украинский вопрос». Петербург, 1907 г.). Но на случай, если этот вопрос снова станет (что очень вероятно), хочу Вам указать на открытие, кот[орое] я недавно случайно сделал в своей здешней библиотеке; я нашел книгу, с которой была сорвана обложка, где обыкновенно бывают напечатаны и автор и название книги. Потому я не знаю точно ни названия книги, ни имени автора. Знаю только, что склад издания был в книжном магазине Идзяковского в Киеве. Доведена она до эпохи 3-й Думы; на корешке, тоже мало сохранившемся, можно, однако, не столько прочесть, сколько догадаться, что ее автор Щеголев (3) (инициалы имени не сохранились); не думаю, чтобы это был пушкинист. Книга очень содержательная, интересная, довольно объективная, не сепаратистская и даже не украинофильская. Она может быть интересна и, главное, полезна для русских. Пишу все это на всякий случай; жалею, что не знал это раньше, когда Вы меня спрашивали. А ведь с этим вопросом еще придется сталкиваться если не нам, то нашим потомкам; а мы,

очевидно, мало к нему приготовлены, как вообще к проблеме взаимоотношений «народностей» к «государству». Это я вижу даже в моей работе о рефюжье.

Всего хорошего.
Преданный Вам В. Маклаков

Хочу уличить Вас как пушкинистку.

В Вашей «дедикасе»* написана фраза – «о битвах, где вместе рубились они», и только.

Если бы перед этим стояла какие-нибудь слова, допускающие в дальнейшем изложение предмета – об – например, повесть, рассказ, статья и т. д. – я бы понял такую вольную переделку пушкинского стиха. Но когда ничего такого нет, приходится допустить, что это просто «<1 нрзб.>». А в ней – бойцы поминают минувшие дни «и битвы, где вместе рубились они».

Простите за придирку, но я испытываю <нрзб.> моськи, кот[орая] лает на слона.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописной вставкой. Оригинал.

---

1 Марголин Арнольд Давидович (1877–1956) – адвокат, общественный деятель, писатель. Член Верховного суда Украинской народной республики (с ноября 1917), при Директории – зам. министра иностранных дел (с ноября 1918). Дипломатический представитель правительства Директории в Лондоне (1919–1920). В 1922 переехал в США, где занимался адвокатской практикой и журналистикой. Автор книг: «Украина и политика Антанты (Записки еврея и гражданина)» (1921), «Евреи Восточной Европы» (1926), «Из политического дневника» (1946) и др.

2 Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) – историк, общественный и политический деятель Украины. Один из лидеров украинского национального движения, председатель Украинской Центральной Рады. Депутат Учредительного собрания (1917). Профессор истории Киевского государственного университета, академик Всеукраинской академии наук. Автор ряда книг, в том числе фундаментальной «Истории Украины-Руси».

3 Щеголев Сергей Никифорович (1863–1919) – историк, русский исследователь украинского сепаратизма. Автор двух книг: «Украинское движение как современный этап Южнорусского сепаратизма» (Киев, 1912); «Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи» (Киев, 1914). В мае 1919 расстрелян по приговору Особой комиссии Киевского ЧК по обвинению в принадлежности к Киевскому клубу русских националистов.

---

* Надпись на книге, посвящение (от dédicace *[франц.]*).

Письмо В. А. Маклакова

Париж, 14 сентября [1952]

Дорогая Ариадна Владимировна,

Отвечаю по пунктам:

1) я не помню, что я писал Вам о «федерации»; но, во всяком случае, делайте с этим что хотите, и в той форме, в кот[орой] хотите.

2) в растрепанной книжке – 588 страниц. Ее невозможно посылать автономно: она так растрепана, что боюсь посылать бандеролью; придется посылкой. Но сколько возьмет времени, и не будет ли цензурных придирок. Буду ждать, что Вы скажете.

Книжка интересна по обширности материала и по направлению: в ней сочувственно упомянуты даже выступления Струве об украинцах. Но не очень талантлива и вразумительна; много лишнего; но, конечно, фототипировать ее не стоит; не знаю даже, стоит ли ее посылать. Я думаю, что Вы ее сможете найти в Америке. Но если нужно – пошлю.

А что украинцы – очень опасное явление по нелепому сочувствию к ним общественного мнения, даже и здесь – согласен. Мне придется по своей должности с этим столкнуться. Они в Офисе занимают некоторое привилегированное положение, данное Мин[истерством] ин[остранных] дел – 5 авг[уста] 1948, несмотря на сопротивление Рубинштейна. Сейчас после ратификации конференции 1951 есть предположение [сделать] пересмотр всей терминологии, поставить по существу вопрос о них. Я пишу об этом записку, кот[орая] пойдет от имени Эмигр[антского] комит[ета]. Но в ней этого вопроса надо касаться осторожно и, главное, кратко. По этому поводу мне пришлось ознакомиться с документами и фактами для меня новыми и интересными.

3) не знаю, по Вас ли будет моя книга. Логично было бы мне писать о 3 и 4 Думе, но я не нашел здесь материалов и начал писать воспоминания из далекого раннего сериала, касаясь детства, студенчества, адвокатуры, освободительного движения, – до выборов в Думу. Коечто из этого уже было напечатано в моей книге «Власть и общество», но Алданов говорит, что это не имеет значения. Сомнения во мне лично возбуждает последняя глава, в которой я как бы говорю «последнее слово» подсудимого, т. е. излагаю то, чему меня жизнь научила. Так как не думаю, чтобы мне пришлось еще писать книги, то без этого выходило не полно: но эта глава не совсем в стиле всей книги. С удовольствием скажу, чтобы Вам ее послали, но она выйдет только в [19]54 году.

4) Вы клевещете на масонов, или их не понимаете, если думаете, что они могут быть озабочены «общественной реакцией».

5) Вы не поняли или не разобрали, что я Вам написал о Вашей «дедикасе». Буквально сказано «о битвах, где вместе рубились они».

Это некоторое и ненужное изменение строки Пушкина: «и битвы, где вместе рубились они». Вы как будто хотели сказать, что Ваша статья говорит «о битвах, где вместе рубились они». Но и для этого не было надобности менять текст Пушкина. Конечно, это придирка, почему же Вы не исказили пушкинского стиха, сознательно, без ссылок на забывчивость. Я был рад придраться к Вам именно на «Пушкине». <далее фраза нрзб.>

О приезде С. В. Паниной ходили и ходят противоречивые слухи. Но здесь атмосфера неважная: а созыв палаты ничего доброго не предвещает.

Ваш Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописными вставками. Оригинал.

Письмо В. А. Маклакова

23 сент[ября] 195[2]

Милая Ариадна Владимировна,

А. Ф. Родичева просила меня переслать Вам оттиск из «Совр[еменных] Зап[исок]» с письмом Ф. И. [Родичева] ко мне, не отосланным и напечатанным уже после его смерти. Завтра его отсылаю бандеролью, простой, а не авионной. Так просила и сама А. Ф. [Родичева]. Но, как говорится, «пользуюсь этим случаем», чтобы написать Вам от себя несколько слов.

Вы знаете, что Родичева собирается напечатать несколько исправлений к Вашему рассказу о «Столыпинском галстуке». Кое в чем Вы там ошиблись. Но она просила у меня разрешение сослаться на мои письма к ней [19]48 и [19]49 год[ов]. Тогда были напечатаны воспоминания столыпинской дочери, Бок; Родичева просила меня дать ей некоторую précision*, и я их ей тогда написал. Вашей версии они не касались или почти не касались, речь шла о том, был ли вызов на дуэль. Об этом я слыхал и от самого Ф. И. [Родичева], и от П. М. Кауфмана (1), котор[ого] с кем-то другим (имя забыл) Столыпин уполномочил требовать у Родичева «удовлетворения», а не извинения. Тут в Вашей версии тоже неточность. Родичев извинился, и вызов естественно не последовал. Это я тогда и писал А. Ф. [Родичевой]. Зачем ей это нужно теперь, не понимаю.

Но я действительно «пользуюсь случаем», чтобы сказать Вам о другом. Вы меня похвалили не по заслугам, т. е. мне, как говорится, «польстили». А недостатки мои преуменьшили. Кто за это может обидеться; я, скорее, сконфужен, и только пользуюсь перед сестрой Вашей книгой, когда она ко мне пристает из-за туалета. Тут я ссылаюсь

* Детали, подробности *(франц.)*.

на Вашу авторитетную похвалу моих костюмов. Но в одном Вы совершенно неправы, и это, конечно, только <1 нрзб.> я и хотел Вам указать.

Вы написали, на стр. 200, что я у Вас, перед незнакомыми мне людьми, «мимоходом», среди шумного разговора, сделал масонский знак! Уверяю Вас, что это не только никогда не было, но и быть не могло. Во-первых, это было бы резким и ненужным нарушением масонской дисциплины, т. е. масонской тайны. Если масоны Вашу книгу прочли и этому бы поверили, я был бы в их глазах виноват, хоть все давности уже прошли; я оказался бы нарушившим доверие, без всякой надобности; ибо какой смысл был бы мне делать подобный знак, кот[орый] уместен только в своей среде? А главное в это время (судя по рассказу, это 1904 год) – я масоном и не был, и никаких масонских знаков не знал. Я был принят уже после созыва Думы, и хорошо помню, как при приеме меня о ней спрашивали. Значит, это было не раньше 1906 года.

Так что здесь явное недоразумение. А мне интересно, откуда Вы сами могли знать масонские знаки? Вообще из Вашей книге видно, что о масонах Ваше понятие самое неверное. В них нет того, что им приписываете, и есть то, чем не интересуют[ся]. Когда при немцах их закрыло Вишистское правительство и опубликовало списки масонов, мне пришлось давать о них «показания», кот[орые] Тесленко очень одобрил. Но это не предмет Ваших воспоминаний.

А затем поздравляю Вас. Вашу книгу будут много читать, она только лишний раз подтверждает, что знают все, что Вы очень талантливы. Ваше описание старых времен и старой жизни захватывает, как и в «Возрождении». Но в области «политики» вы смешали два разных стиля, когда рассказываете о том, как Милюков и я «ухаживаем» за женщинами; конечно, это смешение читателю нравится и делает книгу занятнее, но... против этого можно и возразить. Этот прием рассеивает внимание. Ведь книга называется «На путях к свободе»; вопрос об отношении к женщинам стоит вне этих путей.

Простите мне эти замечания. Может быть, с моей стороны это зависть; я бы не сумел так написать. А, кроме того, я принципиально стою за единство <1 нрзб.>. И потому прошу меня простить за неуместность замечаний. А книгу прочли с неослабевающим интересом и мысленно Вам все <1 нрзб.> аплодировали.

Вам предан[ный] В. Маклаков

Я помню, как моя мачеха, тоже <1 нрзб.> восхищалась каким-то Вашим «романом».

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

[1] Кауфман Петр Михайлович (1857—1926) — государственный деятель. Член Государственного совета (1906). Министр народного просвещения (1906—1908).

1953

Письмо С. П. Мельгунова

8/I.[19]53

Дорогая Ариадна Владимировна!

Завтра уезжаем в Мюнхен на последний и решительный бой, как мне кажется. Может быть, вернусь на щите.

Передал мне вчера Полянский (1) свой меморандум Ам[ериканскому] ком[итету]. Сказал мне, что посылает через Вас. Хуже того, что он написал, трудно придумать. Весь меморандум основан на слухах. Все экивоки в мой адрес фантазии. У меня нет никакой охоты поддерживать такой претенциозный меморандум. Да и направлен он не по адресу. Люди тактом не отличаются. Очень меня удивила Ваша статья о постоянном совещании шести. Это ведь анархия. Мы потребовали, чтобы член нашего Союза в ней не принимал участия. Надеюсь, что и народники и <1 нрзб.> последуют нашему примеру. В отчаяние приходишь от нашей общественной недисциплинированности и примитивности мышления. От того и существуют большевики. В конце месяца выйдет моя большая книга «Как большевики захватили власть». Мне кажется, что факты, мной приведенные, очень ярко показывают, что во всем виновата наша общественность. «Левые» меня совсем проклянут после этой книги. Постараюсь ее Вам послать, если Гукасов даст хоть несколько больше авторских экземпляров (гонорара, конечно, он мне не платит). <1 нрзб.> буду рассылать в первую очередь тем, которые могут о ней написать. На мой взгляд, поучительная книга для тех, кто теперь хочет бороться с большевиками; у меньшевиков опять атавистическая отрыжка [19]18 г. Подчас мне кажется, что я один вполне трезвый человек, способный учитывать реальность. Дело идет к тому, что я скоро освобожу себя от всех обязанностей. Чувствую, что закроют «Возр[ождение]» и живу лишь старым капиталом. Правда, он у меня большой в смысле литературных запасов.

Целую. Ваш С. Мельгунов

Продолжаете ли писать воспоминания?

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

[1] Возможно, имеется в виду Полянский Василий Васильевич (1890—1955) — штабс-капитан, общественный деятель, публицист. Участник 1-й мировой

и Гражданской войн. Эвакуировался в Галлиполи. С 1924 жил в Париже, работал шофером такси. Генеральный секретарь Общества галлиполийцев (с 1934). Активно сотрудничал в эмигрантской прессе. Один из основателей газеты «Русская мысль» (1947), администратор и член редакционной коллегии.

Письмо В. Ф. Зеелера

14 января 1953 года,
Париж

Многоуважаемая и дорогая Ариадна Владимировна,

Прежде всего с нашим старым, русским Новым Годом. Всего доброго и лучшего, если возможно, душевного спокойствия и самое главное, что еще держит вас в жизни, здоровья. Этого блага в полной, нужной Вам, мере... А там уже приложится и бодрость и силы, которыми Вы удивительно пользуетесь. Ну, вот, это часть письма сентиментальная, так сказать, душевная, а теперь пойдет «сухая материя», часть деловая.

Спасибо большое за скорый и добрый отклик Ваш на наше редакционное обращение к Вам за помощью. Мы понимаем всю сложность теперешних отношений Русской эмиграции с Американским комитетом, и все из-за этих самых долларов, из-за «презренного металла» — и все-таки ничего другого не надумаешь, как идти к нему. Если бы возможно было вести газету без денег, без оплаты всего того, за что приходится платить и в размере большем, чем мы выручаем — тогда другой вопрос: никому мы не кланяемся, мы свободны и ни от кого не зависим. Но, но и но. Единственно, на ком мы экономим — это на нас самих и наших служащих, которые все без исключения получают нищенские оклады, о которых иногда просто неловко и стыдно говорить. И вот друзья-сотрудники, которые безвозмездно помогают «Русской Мысли» и не оставляют ее. А оклады наши, конечно, на американский масштаб, просто смехотворны и для американцев непонятны. Ведь в Мюнхене сейчас уже разыгрывается денежная симфония «Фортиссимо». Я не говорю уже про все эти «прилеты и отлеты» из Америки в Мюнхен и обратно: ведь один такой «алле и ретур»* это поддержка на целый месяц почти... А оклады? 500 долларов в месяц — это средний оклад!.. Ну, Бог с ними, пусть лакомятся, нам не жалко и мы им не завидуем, а все-таки вот пишем и об этом Вам. Значит, цепляет это и нас...

Так вот. По приезде Мельгунова от редакции побывал у него Полянский и передал ему копию посланного через Вас в Ам[ерикан-

* Туда и обратно (от франц. «allér и retour» т. е. хождение и возвращение).

ский] к[омитет] меморандума. Это необходимо было сделать, чтобы показать, что за «его спиной» мы ничего не делаем, не так, как он по отношению к нам. Разговор был по существу. Отрицать фактической стороны он не мог, но позволил себе все же прислать нам на другой день письмо, в котором он обще говорит, что в нашем обращении «есть фантастика, и даже вещи, его возмутившие»... Но в конце письма он добавляет, что «вредить нам не будет и будет очень рад, если Амер[и]к[анский] комитет даст нам просимые три миллиона франков». А ведь по существу, мы действительно скромны до... смешного. Что для американцев 300 000 в месяц, что нам дадут возможность продолжать газету? Меньше 1000 долларов. Это серьезный американец придет в смущение от такой ничтожной суммы и сочтет наше дело, нашу газету не стоящей внимания... Может быть, ведь и так.

А все-таки пишу я Вам от... нетерпения. Тяжело дышать, когда в воздухе мало кислорода. А мы колотимся уже без достаточного количества этого самого кислорода. Мельгунов не состряпает новой газеты – просто не из кого, а редактора из меньшевиков, как предполагалось, после отказа Вольского (1) при теперешних настроениях он взять не может, а смета у них рассчитана на 15 тысяч долларов в месяц!?.. Вот, по-моему, он должен будет уткнуться в «Русскую Мысль», но нам надо и удержаться, пока улита приедет, и иметь силы и возможности разговаривать с ним не как погибающие, а сильные люди. Отсюда просьба повидать Стивенса. Он же доступен не только для личных знакомых, и Вас, конечно, он сейчас же примет, как только Вы обнаружите желание с ним повидаться. Вот почему просим – сделаете это. Мы верим не только в Вашу искреннюю дружбу, но и в удачу Ваших действий...

Сердечный привет
Вл. Зеелер

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал

---

[1] Вольский (псевд. Валентинов) Николай Владиславович (1879–1964) – революционер, социал-демократ; публицист, философ, экономист. В 1928–1930 редактировал в Париже орган советского торгпредства – «Экономическая жизнь Советов». В 1930 перешел на положение эмигранта. Сотрудничал во многих эмигрантских и западных журналах и газетах. Автор книг: «Крестьянство и земельная политика социал-демократии» (1906), «Мы еще придем. О современной литературе» (1908), «Встречи с Лениным» (1953) и др.

Письмо А. В. Карташева

24.I.1953. Париж

Дорогая Ариадна Владимировна,

Большое спасибо за осведомление меня о Вашем выступлении и манифесте. Это неизбежный, а потому и необходимый жест для начала ограничения монополии наших левых в глазах Америки. Приходится Америку настойчиво предостерегать от ставки на раздробление России. На этом сломает себе Америка голову вместе с нашими левыми, как и Гитлер. И не освободит Россию, а измучит ее междоусобными войнами.

Самое элементарное недомыслие крепко сидит в головах вождей великих демократий. Почему соединение рыхлых штатов в С[еверной] Америке от дней Вашингтона (1), все возрастающее в единую великую империю, до наших дней, есть факт демократический и самый прогрессивный, а тысячелетнее, уже прошедшее сквозь ряд всяческих испытаний единство России есть явление реакционное и якобы антидемократическое? Все это из каталога великих исторических заблуждений и одуряющих пропагандных лжей.

Досадно, что приходится тратиться на полемику с этими лжами. А, в сущности, стоило бы идти просто мимо их с положительной проповедью о высоком и благодетельном служении великих собирательных государственных тел, называемых империями. Лишь через них, от уровня элементарной сытости и мещанского счастия, народы поднимались до высших достижений человеческого сознания и творчества. Сепаратизмы [–] это тропинки в захолустья, в понижение, одичание, в реакцию.

Вторая заслуга Вашего манифеста – это дерзание поставить на первое место принцип религии, для России – православия. Православие [–] это единственная и после 1000 лет уже незаменимая и неподменимая «душа» того имперского «тела», которое приобрело имя России. Все другие обычные построения этого «тела» только на интересе материальном, экономическом – суть мертворожденные пустышки. Ни единому сердцу они ничего не говорят, никто за эти мертвые пустышки ни подвизаться, ни умирать не станет и безвкусно выпустить из рук на растерзание фанатическим грабителям*, бешеным энтузиастам маленьких зоологических национализмов. Получится кровавый междоусобный хаос до новых мук «собирания Руси». Но уже не как только «сытого стойла», без души, святыни и Бога, а как священного для сердца и совести «видения» (Vision) «Святой Руси». Не только «для нас» (без Св. Руси мы жить не будем и не хотим!), но и для всего человечества, для всего мира. Дело не в археологии, не в театральной реставрации безвозвратной старины, а в творческом

* Так в тексте.

воссоздании на прежнем (для нас «вечном») корне нового имперского тела «вечной России».

Приветствую в п. 5 и обнажение животворящего принципа частной собственности. Анафема социализму. Кроме областей специфически общегосударственных (пути, транспорт, стратегия), что пруссаки называли Staatssozialismus*, внутренним плодотворным и творческим (до «поэзии»!) двигателем экономики должен быть частный интерес. Кстати, только он же в духовном аккорде и с полнотой личной и гражданской свободы.

Придирчивая критика И. Д. Гримма отвлечена и нереалистична. Даже монархисты сейчас на время не должны лезть с монархией и династией, чтобы не засорять им дорогу в будущем. Слишком хаотично и кроваво это ближайшее будущее. Для него не годится иконоподобная фигура монарха. Она должна быть чиста от крови и виселиц. Монарх должен взойти на трон не по трупам, а по ковру. Кровь и насилие – дело генерала-диктатора. Как в Испании Франко (2).

Одно для меня азбучно ясно. России Великой и Единой мы никогда больше не получим без централизованного единодержавия. Сейчас его мыслимо добыть только в форме диктатуры. И еще надо молиться, чтобы диктатура была не дикарская, не бездарная, а талантливая и христианская, как в Португалии (Салазар (3)) и Испании. Лишь такая может как-то подготовить передачу власти отпрыску старой династии, а скорее всего – короновать своего сына, т. е. сотворить новую династию, что было бы блестящим доказательством государственной гениальности России.

Но само собой для меня разумеется, что никакой сборный политический коллектив самых моральных и благородных (что теперь редкость!) интеллигентов, собравшийся в Москве, не подчинит себе ни Кавказа, ни Туркестана, ни Литвы, Латвии, Эстонии и т. д., не создаст единой России. Сепаратисты, презирая сидящую в Москве демократическую кучку и опираясь на щедрую поддержку извне «мировых демократий», не дадут покоя такой безликой и неавторитетной центральной власти спасти едва-едва сколоченное и неокрепшее объединение России**. Опять-таки дело перейдет в руки военной усмирительной силы, т. е. диктатуры. Сказка про белого бычка...

Словом, для всемирных мессианически христианских целей нужна Великая, единая Россия. А она немыслима без Единодержавия. Идеал конституционная монархия. Но ее нелегко и не сразу получишь. Надо иметь мудрость и долготерпение. Ни с примитивами крайне правыми, ни с чуждыми 1000-летней душе России левыми нам не по пути.

А первые пункты Вашей программы о религии я бы формулировал так:

---

* Государственный социализм *(нем.)*.

** Так в тексте.

1) Исторические судьбы народов определяются их традиционным религиозным сознанием и служением высшим идеальным духовным ценностям, а не только материальными потребностями и экономическими отношениями.

2) Государственный организм России и ее культура созданы в сотрудничестве многих народов, но под историческим водительством русского большинства с его языком и характером. Поэтому естественно и справедливо никого не стесняющее и не умаляющее первенствующее положение в России вероисповедания православного. Государственная конституция должна обеспечить также и полную свободу и равноправие всем другим христианским исповеданиям и иным религиям, свойственным и народам России и отдельным группам граждан по их свободному выбору, наряду и с внерелигиозным самоопределением.

Радуюсь, что Б. В. Сергиевский с вами. Передайте ему мой искренний привет.

Привет всем Вашим семейным от нас обоих.

Ваш А. Карташев

P.S. Вопрос о подписях «не-американцев» требует обсуждения. Я думаю, что в «Европе» должен образоваться такой же комитет, чтобы жить, развиваться и действовать по своим мотивам и в своем темпе. Расстояние мешает точному сговору. Мой великодушный опыт с Мельгуновым показал, что невмоготу идти за чужой диалектикой.

Мое письмо к Вам не секрет.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Вашингтон (Washington) Джордж (1732–1799) – американский государственный деятель, 1-й президент Соединенных Штатов; отец-основатель США. Главнокомандующий Континентальной армии, участник войны за независимость.

[2] Франко (Franco) Франсиско (1892–1975) – правитель и диктатор Испании (1939–1975); одновременно председатель Совета министров (до 8 июня 1973), генералиссимус.

[3] Салазар (Salazar) Антониу ди Оливейра (1889–1970) – диктатор Португалии, председатель Совета министров (1932–1968).

Письмо Н. А. Цурикова

Мюнхен, 3.3.1953

Глубокоуважаемая Ариадна Владимировна!

Давно Вам не писал, а на днях получил Ваше чрезвычайно лестное письмо с приложением декларации Р. П. К. Сперва о ней. Как я по-

нимаю, Комитет сам не называет ее своей программой? И это, м[ожет] б[ыть], и правильно. Резких возражений у меня нет. М[ожет] б[ыть], в § 3 кроме «правового государства» надо было бы сказать что-нибудь и о законодательных правах представительных собраний, т. е. более определенно. Учредительное собрание (§ 4) не «спасает положения». Это акт однократный и в нем может защищаться и быть установленным и самодержавие. А я (как и Вы, наверное) не сторонник самодержавия уже хотя бы потому, что без самодержца самодержавия не бывает. Самодержавие не строй, а факт. И без фактического самодержца (по своим данным) его власть всегда ограничена. И лучше уже ясно и законом ее ограничить, чем случайными людьми. Конечно, Вы правы, что сейчас главный вопрос национальный. § 7 все же кажется мне слишком умеренным. Я много думал вообще над этим вопросом. Выпустив сепарастских* бесов из бутылки, очень трудно их загнать обратно. Я бы лично изложил этот вопрос (это, конечно, не точная формула) в том смысле, что всем народам предоставляется право решения своей судьбы, но при непременном учете интересов целого. Вторая часть этой «формулы», по существу, все обезвреживает, будучи словесно очень либеральной. Все это, конечно, лишь черновые мысли. Но должен сказать, что при твердом и даже страстном убеждении, что «тактика да подчинится идеологии», я уже давно пришел к заключению, что программа в жизни партий играет самую минимальную роль. Это лишь бумажка, которая необходима в начале, чтобы намотать на нее клубок организации. После этого о программе обычно забывают. Меня интересует: думаете ли Вы о создании «массовой», как теперь говорят, организации? Я не уверен, что это надо. Мне кажется, что если бы Вы поставили себе только две практические задачи: 1) издание на английском языке брошюр на тему, указанную в предисловии декларации (Вы знаете, что я считаю их сейчас самыми важными) и 2) бомбардировку Мин[истерства] Ин[остранных] Дел меморандумами, чтобы оторвать его от порочных концепций – то Вы сделали бы дело, которое никто сейчас по-настоящему не делает. Ваша организация заняла бы почетное место и свое место в русской эмиграции. Хочу Вас горячо убеждать все силы направить именно на это. Конечно, и для этой работы нужны деньги. Субсидии или жертвенность членов Комитета. Знакомы ли Вы с Ю. С. Сречинским? Он нищий, но давно мечтает о такой работе и человек жертвенный. Если не знакомы, В. И. Алексеев может его Вам представить. Лично я, если бы мог быть чем-либо полезен в смысле писаний, то всегда готов это сделать. Не прислать ли Вам русский текст моей немецкой брошюры в качестве материала для комитета? Чрезвычайно важным я считаю борьбу с вреднейшей ересью уподобления дореволюционной России – СССР. Это не теоретическая, а актуально политическая тема. Очень

* Так в тексте.

важный вопрос – состав комитета. Я бы не стремился к расширению его Центра. Левые сами не пойдут к Вам, а среди правых не вижу, кем его дополнить. И очень опасны черносотенцы, главным образом по моральным соображениям, т. е. из-за их неразборчивости. Всего, что связано с САЧ-ем (Солоневич – Арцюк (1) – Чухнов (2)), надо бояться как огня. С ними можно только пойти на политическое дно. Съезд Антикоммунистического Центра (по отчетам «России» (3)) произвел на меня удручающее впечатление. С. Л. В[ойцеховского?] я видел лет 20 тому назад один раз, но все, что слышал от других, говорит, что он человек масштабный. (Месняеву я бы посоветовал оторваться от Николаева, а Ржевскому [–] не сотрудничать в «Нашей стране» (4).) Но эти непрошеные советы между прочим и только для Вас. Написал, как видите, очень много, хотя далеко и не все.

М[ожет] б[ыть], в мартовской книжке «Возрождения» появится моя рецензия на Вашу книгу, но, м[ожет] б[ыть], и в майской. Мог бы написать вдвое больше, но мало места в журнале.

Целую Вашу ручку.
Преданный Вам Н. Цуриков

P.S. Прочтите статью Байкалова в «Возрождении». Она содержательна и, м[ожет] б[ыть], пригодится Вашему комитету.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Арцюк Евгений Николаевич (1907–?) – публицист, участник власовского движения. В 1948 возглавил Российское Общенациональное Народно-Державное Движение (РОНДД). Автор книги «Пути новой России и естественные законы державного национализма» (Париж, 1941).

[2] Чухнов Николай Николаевич (?–1978) – офицер, издатель, общественный и политический деятель, представитель эмигрантского монархического движения. После 2-й мировой войны выпускал и распространял (с 1946) в лагерях для перемещенных лиц в Германии журнал «Огни» (позднее переименован в «Обзор», затем – «На переломе»). В 1949 переехал в Нью-Йорк, начал издавать монархический журнал «Знамя России». Входил в инициативную группу по созыву Общемонархического съезда (проходил 22–23 марта 1958 в Нью-Йорке), возглавил сформированный на съезде Независимый монархический совет. Автор книги «В смятенные годы. Очерки нашей борьбы в годы 1941–1965» (Нью-Йорк).

[3] «Россия» – еженедельная (с 1935 ежедневная) газета, орган Центрального правления объединенных русских и национальных организаций. Выходила в Нью-Йорке в 1932–1956. Редактор Н. П. Рыбаков, затем Г. Александровский.

[4] «Наша страна» – общественно-политическая газета консервативной направленности, орган Народного монархического движения. Выходит с 1948 в Буэнос-Айресе. Редактор И. Л. Солоневич, затем В. Дубровский.

Письмо С. П. Мельгунова

7/IV.[19]53

Дорогая Ариадна Владимировна!

Не ответил сразу на Ваше письмо, ибо жду ответа на наш «ультиматум» Ам[ериканскому] ком[итету], который был поставлен в силу просьбы Ам[ериканского] ком[итета] отменить свое решение о выходе. Телефонный ответ нас не вполне удовлетворил. В среду еду в Мюнхен – в зависимости от обстановки будет принято наше окончательное решение, т. е. будет наше заявление опубликовано немедленно или будет отложено до следующей конференции в начале мая. Я лично не верю в возможность работы с Ам[ериканским] ком[итетом], который фактически хочет всем дирижировать. На ролях марионеток мы не будем.

Получил от А. Л. Толстой письмо, говорящее о массовом сочувствии и поддержке Вашего комитета, который де будет в конце концов поддержан Ам[ериканским] правительством. Зело в этом сомневаюсь. В Европе к Вашему комитету, на мой взгляд, отнеслись совершенно равнодушно. По-моему, вашему комитету надлежало идти совершенно иным путем. Общими усилиями можно было бы направить Ам[ериканский] ком[итет] в иное русло. Отрицанием сейчас «всякого самоопределения национальных групп», как пишет Толстая, ничего достигнуть у американцев нельзя.

Едем в Мюнхен больше из-за корректности. По существу, чувствую себя уже отрезанным ломтем и радуюсь этому. Надоела мне происходящая галиматья.

Целую ручку.
Ваш С. Мельгунов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

5 июня [1953]

Милая Ариадна Владимировна,

Ваше письмо попало в очень трудную пору для меня. Оно требовало бы очень обстоятельного ответа, кот[орый] сейчас мне трудно вам дать. Здесь происходят большие перемены, кот[орые] берут все

мое время. Да и ваш вопрос настолько сложен, что его на письме не исчерпаешь. Потому не посетуйте, если ответ выйдет не полон. Буду отвечать по пунктам.

Моя записка, конечно, не предназначена для печатания в какой бы то ни было форме. Она вызывалась «моментом», теперь тот же вопрос ставится в очень измененной форме. Я Вам послал эту записку, чтобы Вы, если хотите, черпали оттуда то, что подходит к теме. Вам виднее по американским настроениям, что Вам может пригодиться. Делайте с нею, что хотите, но ее все же мне верните.

Второе о федерации.

Вы правы, что взаимоотношения «частей» и «целого» могут быть различны. В значительной степени это зависит от способов возникновения сложного целого. При «федерации» нормально – отдельные независимые государства – соединялись в одно более сложное целое. При «автономии» исходная точка есть целое государство, кот[орое] своим отдельным частям народностям дает известную долю самоуправления. При федерации обыкновенно – сложное государство имеет только те права, кот[орые] ему его частями переданы: так было при образовании Германской империи. Остальное все остается за «частями». При автономии наоборот: части получают только те права, кот[орые] им переданы всем государством. Здесь коренная разница, но она несущественна, т. к. никак не мешает в структуре сложного государства распределять права целого и частей по своему усмотрению.

Если мы обратимся к России, то ясно, что не самостоятельные теперь части слагаются в целое, а целое и очень централизованное государство переходит к большей независимости и самостоятельности его частей. Но если такова цель реформы, то ясно, что бессмысленно разбить государство на части, чтобы потом их соединять. И за такой искусственной процедурой можно невольно заподозрить желание или совсем отделиться и даже соединиться с враждебными России соседями, перейти к антирусской ориентации, странно было бы этому покровительствовать.

Курьезно, что эта тенденция оправдывается «правом всякой народности на самоопределение». С этим у сепаратизма ничего общего нет. Конечно, нельзя права кого бы то ни было ограничивать по признаку народности. У всех права должны быть одинаковы. Но нельзя впадать в противоположную крайность и увеличивать права граждан по признаку их народности. Нигде не признают за каждым гражданином права свои земли объявлять независимым государством и от прежнего государства отделяться. Ведь территория государства принадлежит всему государству, никто не может себе ее присвоить и от государства отделить. Почему же такое право могут иметь отдельные народности? А затем народности претендуют, что вопрос о своем отделении они решат по большинству своих голосов, и решение большинства будет для меньшинства обязательным. Но почему же решение большинства на-

селения всего государства не обязательно для его меньшинства, т. е. отдельных народностей? Почему они могут отделиться вопреки воле большинства всего населения и увести с собой тех, кто этого не хочет?

Иное дело право народности себя проявлять и охранять как таковую в смысле культуры, языка и т. д. Все могут претендовать на равные права. Ибо эти права их не посягают на чужие права. Они все совместимы. Я бы не мешал самоедам основать свою «Академию наук». Беда в том, что культурное меньшинство народности будет претендовать на привилегию, на права другим приказывать и решать за них. Сепаратизм многих народностей есть только сепаратизм их культурной элиты, а вовсе не народности. Ведь это то же самое, что претензии политических «вождей» предписывать депутатам, т. е. представителям всего народа, как им голосовать. Ведь и монархи и аристократия когда-то служили народу и его интересам, а не властвовали над ним. Да они и имели острастку в возможном его недовольстве. Но поскольку воля большинства считается суверенной, как заставить большинство думать о меньшинстве? И его против себя защищать? И какое заблуждение думать, что Советская Россия есть союз самостоятельных народностей, которые независимы от центра?

Я бы мог еще многое написать, но довольно. Последний Ваш вопрос о Гербильском (1). Он очень хороший и энергичный человек, но он не политик, а техник, и отчасти «делец». Взгляд его на политику симпатичен, но слишком упрощен; его можно с толку сбить, и он может увлекаться. Он может быть очень полезен при хорошем руководителе, но без него может наделать ошибок. Я за последнее время его мало вижу; либо случайно, либо он меня избегает. Но потому я и не знаю, в каком он сейчас периоде своего развития.

Еще общий аргумент. Европа [–] ряд отдельных государств, кот[орые] издавна соперничают и ссорятся. Но когда поняли, насколько это их всех ослабляет, они хотели превратиться в одно федеративное целое. И, однако, до сих пор не могут этого сделать. И какой смысл в этот момент сначала раздробить Россию, возбудив соперничество и сепаратизм и отдалить части, и потом, возбудивши их, склеивать их в одно государство? Вспомните, насколько Россия была нужна и полезна, чтобы прекратить соперничество кавказских народностей, или вражду немцев с латышами и эстонцами. Мир идет или должен идти к соглашению, а не наоборот. Ведь именно это соглашение было в XVIII веке с объединением Франции и в XIX с объединением Германии. А мы открываем новую эру распадения. Очень поучительно, как Россия слагалось в одно государство. Не надо смешивать насильственное присоединение государств более высокой культуры [–] Прибалтика, Польша, Финляндия, и тех менее развитых – Кавказ, Средняя Азия и пр., где <нрзб.>, и не было вовсе «тюрьмы народов». Но это сложный вопрос.

В. Маклаков

<Приписка нрзб.>

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал.

---

[1] Возможно, имеется в виду Гербильский Андрей Борисович (1907–1992) – инженер-физик, художник-портретист. Участник салона Независимых (1928–1930), Осеннего салона (1932). Работал в лаборатории Аэродинамического института Парижского университета у Д. П. Рябушинского (с начала 1930-х). Участвовал в проведении «Дня русской культуры» (1935). Владел вместе с братом – С. Б. Гербильским (1902–1964) – строительной конторой в Париже.

Письмо Н. И. Ульянова

15 августа 1953

Глубокоуважаемая Ариадна Владимировна,

Благодарю Вас за любезное письмо и за присылку текста платформы Российского Политического Комитета. К стыду своему, я его до сих пор не читал.

Платформа сама по себе не может не нравиться всякому русскому антибольшевику, но по прочтении у меня создалось впечатление, что если опустить два первых пункта, то вся она в общих чертах совпадает с непредрешенческой платформой «Союза Борьбы За Свободу России». Да и первые два пункта отличаются от нее не принципиальными положениями, а только специфической формулировкой. Не совсем поэтому понятно дробление сил, выражающееся в существовании двух параллельных организаций с одинаковой программой. Прошу это замечание не воспринимать как критику. Я уверен, что в основе образования Комитета лежали веские соображения. Мне очень нравится, что в его платформе ничего нет от «дня второго», от конституции будущей России. Программы и документы, трактующие о будущем устройстве России, освобожденной от большевизма, делают вредное дело. Они отвлекают мысль и волю от «дня первого» – от свержения коммунизма. Я очень благодарен за лестное предложение участвовать в Вашем сборнике и, в принципе, не вижу к этому никаких препятствий. Но практически это представляется трудно осуществимым. Начать с того, что у меня нет сейчас ничего готового. Кроме того, я связан обязательством написать для «Возрождения» несколько рецензий и очерков. И, наконец, занят собиранием материалов для давно задуманной вещи, каковые собирания не могу прервать, дабы не упустить редких книг, попавших в мое распоряжение на короткое время. Не малым препятствием считаю и то обстоятельство, что мне изрядно влетит от моего старика, если окажется, что я направляю статьи свои не в «Российский Демократ», а куда-то на сто-

рону. Не говорю уже о том, что в Канаде я еще не устроился и все мои помыслы сосредоточены на том, как раздобыть 50 долларов в месяц, дабы избежать поступления на фабрику. Все эти соображения почти исключают возможность что-либо написать в ближайшие несколько месяцев. Быть может, значительно позднее это и будет возможно.

Причина моего ухода с Радиостанции заключается в невозможном положении, которое там создалось для русского дела вообще и для меня в частности. Объявив Радиостанцию переданной в руки эмиграции и предоставив нам номинально свободу действий, Американский Комитет фактически продолжал держать ее в своих руках, не давая ни малейшей возможности вести агитацию так, как это мы считали нужным. Он давил на нас всей тяжестью своего аппарата и навязывал свои собственные принципы, глубоко мне (и всем, кто со мной работал) несимпатичные. Каждый шаг приходилось брать с боя. У американцев не оказалось недостатка в русских холопах, усердно подрывавших нашу позицию изнутри. В результате получилось следующее: торжественно объявив 6 марта советским слушателям об открытии эмигрантской Радиостанции, мы были немедленно оттеснены от микрофона. От имени русской эмиграции стал говорить некто неизвестный. Была параллельно с нашей редакцией создана какая-то анонимная, которая и подменила собою нас. Из всего, что мы писали, ничего в эфир не пропускалось, за ничтожным исключением. Вся программа фабриковалась тайной редакцией, группировавшейся вокруг В. В. Вейдле (1), который был простым и слепым оружием в ее руках. Борьба со всем этим сонмом стоила мне величайшего нервного напряжения; я редко бывал способен заснуть раньше трех часов ночи. Когда же обратился за помощью в Координационн[ый] Центр, то увидел, что он, с головой уйдя в свои внутренние дрязги, очень мало интересуется тем, что творится на Радио. Тогда я им устроил крупный скандал. Они немножко зашевелились, но путного ничего от них так и не изошло*. Присмотревшись к людям и к обстановке, я убедился, что реальной помощи от КЦАБ не будет и не может быть и что мне надлежит и впредь на неопределенное время, отложив борьбу с большевиками, продолжать борьбу с таинственной кликой на Радиостанции. Либо – по примеру некоторых, превратиться в американского холуя. Я предпочел уйти. Меня некоторые упрекали в дезертирстве, но чем больше я слежу отсюда за тем, что делается в Мюнхене, тем больше убеждаюсь в правильности своего поступка. Дай Бог, чтобы из К[оординационного] Ц[ентра] что-нибудь вышло в будущем, но в том виде, в каком он существовал до сих пор, это было нечто неприличное. Пора также решительно поставить вопрос перед Америк[анским] комитетом. Он должен понять, что вести такую унизительную для нас игру дальше нельзя.

---

* Так в тексте.

Очень был рад Вашему письму. Вижу из него, что Вы по-прежнему полны сил и энергии. Слава Богу! Я Вас часто вспоминаю.

Надеюсь, Ваш сборник будет хорошим.

Искренно Вас уважающий
Н. Ульянов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

[1] В. В. Вейдле после 2-й мировой войны сотрудничал в качестве эксперта ЮНЕСКО с радиостанцией «Свобода» (Мюнхен).

Письмо Б. П. Вышеславцева

1 сент[ября] 1953
Ch. De Roches, 2, Genève
<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 23/IX.

Дорогая Ариадна Владимировна, Вы не можете себе представить, до чего мне иногда не хватает общения с Вами. Я ощущаю это особенно ясно после Вашей книги: ведь это эпоха расцвета нашей с Вами жизни, – и вместе с тем таинственное запутывание судеб России и даже мира, – завязка исторической трагедии, развязка которой еще совсем не видна. Хотелось бы вместе с Вами продумать заново исторический смысл пережитого нами тогда и потом; больше того: смысл философский, метафизический и религиозный. Ведь у нас с Вами общий исходный принцип: радикальный либерализм. Будущее принадлежит не социализму, а неолиберализму! Такова основная идея моей книги. Поэтому она является выявлением и развитием всех чувств и интуицией, заложенных в Вашей книге. Мне особенно дорого знать, как Вы восприняли мой «неолиберализм». В «Социал[истическом] Вестнике» (июль-авг[уст] 1953) мой «Кризис Индустриализма» конечно разругали. Оч[ень] прошу моих идейных друзей – и прежде всего Вас – выступить в мою защиту. Карпович хотел открыть дискуссию по моей книге и даст место в «Новом Журнале». Я конечно и сам отвечу, но не сейчас, – тем более, что критика Юрьевского (1) «с продолжением» и приходится ждать ее конца. У Вас боевой темперамент в этих вопросах, и Ваше литературное имя хотел бы иметь на своей стороне.

Но сейчас я еще не могу работать. Надо освободиться от слабости, болей, скепсиса и некоторой метафизической скуки при мысли об этих темах. Я считаю, что двумя книгами я выполнил свой долг в качестве социального философа, философа права и ученика П. И. Новгородцева; и теперь пора вернуться к моим любимым проблемам метафизики, мистики, глубинной психологии. Здесь у меня много накоплено: не успею высказать.

Если доктор (здешн[яя] знаменитость Prof. Bickel) вернет меня к нормальной жизни, то я могу сделать для Вас статью в 6–7 стр., но конечно никакого срока на себя взять не могу в данном своем состоянии. Написать мог бы на те темы, которые развиты много в моей французской статье «Communion réelle et communisme». L'Age nouveau. Octobre 1951. Paris. Своевременно Вам выслал, но Вы как-то не реагировали; а между тем это как раз религиозно-философское осмысливание современности. Мог бы отчасти перевести, отчасти дополнить и изменить в связи с событиями. Перечтите, пожалуйста, еще раз. Получил из U.S.A. торжественное извещение, что «Общество имени Марка Твена» (ученые, литераторы и политики) избрало меня за мою книгу своим почетным членом. Что это значит и как это оценивать?

Здоровье мое еще совсем не лучше: я едва двигаюсь и Нат[алья] Ник[олаевна] изнемогает. Жизнь наша стала трудной и неуютной. Сердечно Ваш Б. Вышеславцев.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Рукопись. Оригинал.

---

[1] Юрьевский Е. – псевд. Н. В. Вольского.

Письмо В. А. Маклакова

3 sep[tember] [1953]

Милая Ариадна Владимировна,

Это письмо совершенно неожиданно и для меня и для Вас. Несколько времени тому назад Вы меня просили помочь Вам разобраться в украин[ском] вопросе, и если есть что-либо печатное, то это прислать. Я не помнил, чтобы было что-либо мое печатное, а некоторые свои соображения Вам послал; они были очень банальны и неинтересны.

Но с тех пор я разбирался в своих бумагах, кот[орые] после своей смерти я обещал Колумбийскому архиву. Среди них я нахожу многое, что уже позабыл и что для меня интересно. Так, моя записка, кот[орую] я подавал французам (и правительству, и политическим деятелям) в декабре 1939 г., в эпоху соглашения Гитлера со Сталиным. Она вообще посвящена вопросу об единстве России, нападению на прежнюю русскую политику (<2 нрзб.>), жалобы и финляндцев, и поляков, и украинцев! Словом очень актуальные темы, хотя и устарели. По поводу этой записки у меня есть интересная переписка, потому что слух о ней дошел и до печати, так что мне пришлось поневоле размножить ее на ротаторе; я нашел ее среди бумаг, хотя из-за оккупации уничтожил все, что к ней относилось. Перечитав ее сейчас, нахожу, что в ней много верного и что, может быть, она могла бы быть Вам

полезна. Ведь у меня и у Вас оказывается различный материал, но одинаковый подход к делу. В ней 34 страницы на ротаторе. Хотите я Вам ее пришлю? Не делаю этого сразу, так как для «авиона» она довольна тяжела (плотная бумага), а жизнь у нас очень дорога. Потому посылать ее зря не хочется. Но если Вам может быть интересно – с удовольствием пришлю; но так как у меня лично всего один экземпляр (другие, судя по переписке, у меня тоже взял Военный музей), то я прошу Вас его мне вернуть: это не к спеху и не надо авиона, но мне не хочется ее не иметь; и пусть она будет в Колумбийском архиве после меня. Пересмотрев бумаги, я нахожу в них много интересного; так ненапечатанную и не посланную статью – ответ Милюкову по поводу расхождения моего с К[а]д[етской] партией.

Ваш Маклаков

В апреле [19]40 г., не называя меня, об ней писал Любимов в «Возрождении».

Надеюсь, что разберете это письмо.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо С. П. Мельгунова

6/IX.[19]53

Дорогая Ариадна Владимировна!

Давно Вам не писал. Вы уже знаете, что у нас произошел разрыв с Ам[ериканским] ком[итетом]. Будем пока выступать одни. Вышедший № «Р[оссийского] Д[емократа]» дает, как мне кажется, достаточное объяснение происшедшего. На днях будут опубликованы все наши декларации. В нашем К[оординационном] Ц[ентре], очень расширившемся, царит хорошее настроение. По-моему, получилась действенная организация. Отношения к нам широких кругов эмиграции в корне изменилось – мы повсюду встречаем полное сочувствие. Вопрос только в деньгах! В Лондоне видел Толстую, много с ней говорил. Конечно, думаем и о дальнейшем расширении: вне нас остается Ваш комитет, парижский Нац[иональный] Союз и Ореховская организация. Отчего Вам всем не объединиться и не примкнуть в качестве «правого» фланга к фронту К[оординационного] Ц[ентра]? Пока мы не можем, однако, изменить ни названия, ни статуса. Элементарные тактические соображения не позволяют этого делать. У Вас хотел побывать Соловьев и рассказать Вам. Если Вы хотите знать, вызовите его к себе. Сентябрь, очевидно, будет решающим месяцем во всех отношениях.

Мне прошлось пока сократить председательский паек, хотя мне это очень трудно. Совсем забросил «Возрождение». Теперь, впрочем, будет легче, т. к. положение ясное. Буду очень рад, если Вы когда-ли-

бо вспомните о журнале. Все находят его неплохим. Привет А. А. [Борману].

Целую ручку.
Ваш С. Мельгунов

Мне очень не нравится связь некоторых Ваших сочленов с последователями Солоневича.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо Н. А. Цурикова

Мюнхен, 14 сентября 1953 г.

Дорогая Ариадна Владимировна!

Я с удовольствием напишу в Ваше издание. Безгонорарность же, как я и писал Вам, будучи, к сожалению, делом привычным, меня лично не смутила, но огорчила за организацию, которой я очень сочувствую. Но о чем Вам написать? Интересует ли Вас тема о необходимости независимости русских организаций в борьбе против СССР как требование не удовлетворения нашего национального самолюбия, а успеха дела? Приблизительно то же, что я писал ровно два года тому назад и что оказалось «гласом вопиющего в пустыне». (Я посылаю это Вам бандеролью.) Если, говорю не о статье, а о теме, она Вам не подходит, – дайте, пожалуйста, другую тему.

Вероятно, Вы читаете «Р[усскую] м[ысль]» и во всяком случае знаете о всем происшедшем в КЦАБе. Мюнхенская группа Союза, начиная с «Фюссена», именовавшаяся в нашем Центре «оппозиционной», таковой быть перестала. Политические порочные элементы выброшены, двери открыты широко (Принят уже КОВ.) Немногие самостийники – «ручные», по существу же, не говоря уже о семи русских и трех «националах» (калмыки, татары и украинцы), все стоят на позиции единства России. Керенский держится и достойно и твердо. И поистине став «Павлом», нуждается в том, чтобы его не попрекали «Савлом» (1). Я как был, так и остался принципиальным белогвардейцем, но для меня эти попреки не метод. Ведь для людей «правее здравого смысла» и Вы не заслуживаете «амнистии». (Читали ли Вы характерно глупую рецензию на Вашу книгу в «Р[усской] жизни»?) Все это, отметая ряд второстепенностей, ставит для меня вопрос о самом тесном контакте между... П[олитическим] К[омитетом] и КЦАБом. Надо вместе бороться за единство России, прочищая американские мозги. Это теперь самое главное, если и не единственно важное. Я вполне Вас понимаю, что Вы не пошли на банкет. КЦАБ не поддался на финансовый шантаж. И это достаточно характерно. На-

деюсь, что он не потухнет без иностранных «мехов». Что делать! Лучше честь без денег, чем деньги без чести.

Целую Вашу ручку.
Искренно преданный Вам Н. Цуриков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал.

---

[1] В Новом Завете, в Деяниях святых апостолов рассказывается об иудее по имени Саул (Савл), который жестоко преследовал христиан. Однако ему было чудесное видение, и он услышал идущий с неба голос. Это подтолкнуло его к принятию христианства и нравственному перерождению под новым именем Павел, данным ему при крещении (гл. 9, ст. 3–6).

Письмо Сэмюэля Хора

22nd September, 1953

Dear Ariadna,

Thank you very much for sending me the two most interesting articles. I congratulate you both upon them. Both remind me of a very interesting period in my life and many friendships to which I look back with particular pleasure. Your article on the Cadet Party confirms also a conviction that I have always had in my mind. It is the fate of all Liberals to be destroyed by their own principles. This was the history of the Cadet Party in Russia, and it is now the history of the Liberal Party in England. This does not, however, mean that they were not right, nor that their influence has ceased. It does, however, raise the problem that has not yet been solved as to how these excellent people can avoid the loss of power when once they have spread their principles about the world. As an English Conservative, I am inclined to think that here at least their best chance is to make a loose alliance with the Conservative Party, on the understanding that the Conservative policy is inspired by their principles. Up to a point, this is what is happening here. The Conservatives, who are always inclined to be reactionary, gain by this association, and the Liberals, by means of it, are able to continue their direct part in politics. The trouble as I see it in Russia was that a representative government was introduced before the parties had been organized and public opinion trained. This is what is now happening in many other countries. I greatly fear that the result may be that the now governments will be incompetent, and that sooner or later they will be replaced by dictatorships of one kind or another.

I must not, however, fill this letter with my own meditations, and I will therefore end it with a little news. We are still mainly established in Norfolk, Maud staying there until the weather breaks up. She is certainly better and is

doing a good deal more than for some time past. For instance, she attended last Friday the supper that I always give to the employees on my estate. She made an excellent speech, and was not over-tired.

I have been working very hard on my book, and it really looks as if I have practically finished my first conception of it.

Templewood has been looking lovely. The summer that has been very wet has been good for trees, and a week ago fifty or sixty forestry experts came over to look at my woods, and were greatly impressed by them.

With every kind of good wish,
Your loving Sam

Дорогая Ариадна,

Огромное тебе спасибо за посылку двух очень интересных статей. Поздравляю с ними вас обоих. Они напомнили мне очень интересный период моей жизни и дружбу со многими людьми, о которых особенно приятно вспоминать. Кроме того, твоя статья о кадетской партии подтверждает мою всегдашнюю убежденность в том, что судьба всех либералов – быть уничтоженными своими собственными принципами. Так сложилась история кадетской партии в России, в наши дни это история либеральной партии в Англии. Это, однако, не означает, ни того, что они были неправы, ни что их влияние закончилось. В то же время это поднимает не разрешенную по сей день проблему – как эти блестящие люди могут избежать потери власти, однажды распространив свои принципы по всему свету. Как английский консерватор, я расположен считать, что лучший их шанс – это неформальный союз с консервативной партией, основанный на понимании того, что политика консерваторов вдохновляется их же принципами. В известной степени это именно то, что происходит здесь. Консерваторы, всегда склонные к реакционности, наберут от такого союза очки, а либералы, благодаря ему, получат возможность продолжить свое непосредственное участие в политической жизни. Проблема России, как я ее вижу, заключалась в том, что представительная власть была создана до того, как организовались партии и устоялось общественное мнение. Именно это теперь происходит во многих других странах. Я очень боюсь, что в результате нынешние правительства окажутся некомпетентными и рано или поздно будут заменены диктатурой того или иного толка.

Однако мне не следует наполнять это письмо своими собственными размышлениями и поэтому закончу его небольшими новостями. Мы все еще в основном располагаемся в Норфолке, Мод остается там, пока погода не испортится. Ей значительно лучше, намного, чем некоторое время тому назад. Так, в прошлую пятницу она присутствовала на ужине, который я устраиваю для работников своего поместья. Она произнесла отличную речь и не переутомилась.

Я очень много работал над своей книгой, и похоже, что практически закончил ее в первом приближении.

Темплвуд выглядит чудесно. Лето выдалось очень влажным, это хорошо для деревьев, и неделю назад 50 или 60 экспертов-лесоводов, приехавшие посмотреть на мои леса, были поражены.

С наилучшими пожеланиями,
Любящий тебя Сэм

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал.

Письмо В. Ф. Зеелера

11 ноября 1953 года, Париж

Многоуважаемая Ариадна Владимировна,

Как работает смерть? – Зензинов, Евреинов (1), а теперь вот завтра хороним Бунина. И все-таки нужно не ждать ее, а продолжать нести работу, продолжать жить и как-то устраивать эту жизнь. А пишу Вам я потому, что хочу рассказать Вам сказку про белого бычка, про удивительную работу и отношение к нам Американского комитета. Вот что случилось с нами: историческая часть Вам известна. Сначала помощь по 300 т[ысяч] в месяц на шесть месяцев, потом поворот от ворот. «Если дадим – только заем, в долг, иначе не имеем права». Мы отказались на их условия драконовские, все равно невыполнимые, а потому вот уже почти год вырабатывали формы займа. Наконец, выработали и для нас и для них приемлемые условия. Мой проект был одобрен. Мы его подписали уже трое, Лазаревский помер, и послали в Мюнхен для исполнения. Нам обещали в ближайшее же время начать платить. А проезжавший через Париж Спенсер Вильямс (2) даже дал свой адрес лондонский и американский на случай, если бы приключилась какая-либо задержка с выплатой, телеграфировать ему, и он распорядится срочно осуществить договор наш. Прошло еще некоторое время и довольно большой*, приехал к нам из Мюнхена юрист по фамилии Мюллер. Привез нам не деньги, а новое решение комитета. Заем отпадает. Комитет предлагает новые условия, новый проект: стать ближе к изданию «Русской Мысли», для чего ему необходимо иметь 52 доли его участия, т. е. быть владельцем «пакета», или иными словами быть хозяином. Но уверяет, что издание остается в наших руках, никаких давлений на нас не будет оказываемо и т. д. и потому просит наши условия и желание детально ознакомиться с положением издательства. Человек он неглупый, любезный, приятный, но детали должен будет получить другой представитель К[омитет]а,

---

* Так в тексте.

мистер Бемен, который приедет сюда через несколько дней. И его мы дожидались, и ему не только дали все интересовавшие его данные, но и показали наши пристанище, где на пяти квадратных метрах работают постоянно шесть человек, и где принимается подписка, объявления, по делам редакции, происходит частичная экспедиция, пишутся письма, производятся расчеты и т. д. Это было месяц тому назад. Он уехал, пообещав «в ближайшее время» дать положительный ответ. Он тоже не сомневается, что Комитет одобрит наше предложение и мы начнем «дышать». Вот опять прошел месяц и два дня тому назад мы узнали... но узнали только о том, что и юрист Моллер и финансист и эксперт Бемен «отозваны», т. е. уже на службе в Комитете в той роли европейского представительства не состоят. Точка. Как будто довольно интересная сказка. Что же Комитет и его председатель и весь он решил с нами игрушки играть? Так мы же забыли уже все игры, мы уже выросли немножко и время не такое, что шутками отделываться. По моему разумению это просто издевательство...

Где же то даже простое уважение к «борцам»? ШЕСТЬ С ПОЛОВИНОЙ лет мы ведем, выбиваясь из сил, уже почти непосильную борьбу, а с нами хотят в игрушки играть. Это дело? Что же стоят все их заверения о том уважении, высокой оценке нашей работы и прочие жалкие слова, что они Вам говорили и писали? Теперь они перестали «совать деньги в прорву» всем этим националам и координаторам. А ведь сколько этих миллионов ушло впустую, на ветер, а тут дело, можно сказать, единственное во всем эмигрантском мире, самостоятельно что-то все-таки делает, а не только болтает о том, «что оно собирается только делать» – и им в высокой степени наплевать на наши просьбы... Я не знаю, можно ли быть не возмущенным? Я вот и сейчас стукаю, а сам от волнения дрожу весь... Вот как благие намерения наши и добрые Ваши в помощь нам – претворяются в жизни... устал уже от этого понимания «американского». Ну, довольно. Будьте здоровы и благополучны. Спасибо, что поддерживаете нас. Всегда с удовольствием читаем Вас. Сердечный привет и от меня и от всех нас. Всего доброго.

Вл. Зеел[ер]

Я должен еще добавить, что в понедельник С. А. Водов пошлет запрос Спенсеру Вильямсу в Нью-Йорк «что же дальше»? – И Вас спрашиваю – что же дальше?

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 19.XI.[1953].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал.

---

[1] Евреинов Николай Николаевич (1879–1953) – режиссер, драматург, теоретик и историк театра. В эмиграции с 1925, жил в Париже, работал в «Летучей мыши» Н. Ф. Балиева, в парижской Русской опере, в Пражском

национальном театре. Создатель театра «Бродячие комедианты» (1934). После 2-й мировой войны готовил цикл передач для французского радио о русской культуре (1945). Последняя его работа, изданная посмертно – «История русского театра: С древнейших времен до 1917 года» (Нью-Йорк, 1955).

1954

Письмо С. В. Паниной

25.II.[19]54
New Haven

Дорогая Ариадна Владимировна,

Ох, задержала своей ответ, простите! Не смею винить в этом блины, кот[орые] мы на этих днях, в предвидении масленицы, вкушали у Софьи Михайловны [Ростовцевой], вместе с Алекс[андром] Ив[анови]чем [Петрункевичем] и Старицким (1), но... м[ожет] б[ыть], они отвлекли мое внимание от письменного стола... Вы ведь знаете, что С[офья] М[ихайловна] через три недели отлетает в Испанию?! Я очень рада за нее, что у нее хватает на это пороха. Это давнишняя ее мечта и единственная в Европе страна, в которой она не была вместе с Мих[аилом] Ив[анови]чем [Ростовцевым], т[ак] что в ней не может быть тяжелых ассоциаций, связанных с прошлым.

Теперь ответы на Ваши вопросы. Я не могу с полной точностью восстановить разговор с Петровым, хотя у меня и осталось впечатление, что он ссылался на уже полученное от Вас согласие на участие в газете. При этом разговоре присутствовал и в нем принимал участие Войцеховский, кот[орый] вообще провел с Петровым все то время, кот[орое] тот оставался на Фарме (2), т[ак] что у него должно быть гораздо более точное воспоминание о том, что П[етров] говорил. Я к нему вышла только на минутку, чтобы передать поручение Ал[ександры] Львовны [Толстой], кот[орая], насколько помню, так и не смогла его лично принять. Ручаться, к сожалению, не могу. Спросите Сергея Львовича [Войцеховского]. Но, конечно, ни в какие комбинации с такими господами входить нельзя.

Что касается моего деда Виктора Никитича (3), то я опять-таки очень мало могу о нем сказать, хотя у меня сейчас в руках целая кипочка его писем к жене [–] моей бабушке (4). Умер Виктор Никитич в 1874 году, когда мне не было и трех лет, т[ак] что личных воспоминаний нет. Я перечитывала Джаншиева (5) уже в эмиграции и помню, что он произвел на меня неприятное впечатление какой-то трафаретной поверхностью «честного либерала». Он и был чем-то вроде евангелия наших «либералов» в кавычках. Портрет деда тоже «штамп». Прочтите его биографию в «Русском биографическом Словаре», том

13-й. Словарь этот стоит на полках, в правом углу от входа, в нашей читальне в Нью-Йоркской публичн[ой] библиотеке. Вы найдете там гораздо более спокойное и беспристрастное изложение его деятельности. Он не был «крепостником», как его обычно штампуют, но был консерватором и принадлежал к правому крылу в Комитете Редакционных Комиссий. Но больше всего, как я себе представляю, он был бюрократом, абсолютно честным и пламенным патриотом, «без лести предан царю», волю которого он бы исполнил с полной точностью, даже если бы она не соответствовала его личному мнению, воплощение понятия долга, прямого и не гнущегося, был очень образован и трудоспособен, анекдотически рассеян. В семье и дети его любили, он был им ближе и доступнее, чем мать. Жену свою он обожал и носил на руках, но т. к. она была балтийка (гр. Тизенгаузен), то абсолютно далека от России, ее народа, языка и общественного духа, и знала только П[етер]бург и Двор. Она принадлежала к миру международной аристократии. А он был министром юстиции от 1839 до 1860 г. (6) и очень много сделал по вопросам кодификации и устроения судопроизводства. Он, конечно, не был «крепостником – людоедом-зверем», был для этого слишком культурен и воспитан в атмосфере по принципу гуманного отношения к крестьянам и окружающим людям, но был, как я себе представляю, «человеком в футляре» – высокого п[етер]бургского чиновничества.

Вся Панинская линия характеризуется: умом, образованием и сознанием ответственности и долга, это их хребет.

В заключение хочу Вам доставить некоторое удовольствие.

Перебирая свои бумаги, нашла письмо Дм[итрия] Ив[ановича] Шаховского к Ивану Ильичу [Петрункевичу] от 1925 года. Других писем от него не было за все годы эмиграции, но мы знали о нем от Влад[имира] Ив[анови]ча Вернадского. Посылаю Вам копию этого письма, оно очень интересное само по себе, а если Вы, как говорили, действительно займетесь Дмитрием Ивановичем, то это вклад в Ваш архив. Вероятно, позднейших писем от него не найти. Я переписала его специально для Вас и надеюсь, что Вы меня за это поблагодарите.

Статью Вашу о Пушкине прочла с большим удовольствием и интересом и жалею, что не могу вместе с Вами погрузиться в этот мир.

В Нью-Йорке еще буду и Вас еще увижу. Сердечно Вас обнимаю и шлю привет семейству.

Ваша С. П[анина]

Очень обидно и досадно за Ваш фольклор.

---

[1] Старицкий Григорий Александрович (1881–1955) – юрист. С 1920 в эмиграции в Болгарии, затем переехал в США, работал в библиотеке Йельского университета. Троюродный брат Г. В. Вернадского.

[2] Имеется в виду Русский дом (Толстовская ферма), выстроенный А. Л. Толстой на принадлежавшей ей ферме в Рокланд Каунти под Нью-Йорком.

[3] Панин Виктор Никитич (1801–1874) – граф; государственный деятель, министр юстиции в 1841–1862. Член Государственного Совета (с 1841).

[4] Панина (урожд. графиня Тизенгаузен) Наталия Павловна (1810–1899) – жена В. Н. Панина.

[5] Джаншиев Григорий Аветович (1851–1900) – публицист и историк; присяжный поверенный в Москве. Один из издателей-редакторов газеты «Русские ведомости» (1883–1900). Автор трудов: «Из эпохи великих реформ. Историческая справка» (1892, многократно переиздавалась), «Основы судебной реформы» (1891), а также очерков о деятелях эпохи реформ (Д. Н. Замятине, С. И. Зарудном, А. М. Унковском и др.). Выступал в защиту «великих реформ», в определенной мере идеализируя их.

[6] Неточные даты, правильно: 1841–1862.

Письмо кн. Дмитрия Ивановича Шаховского

(из Москвы)
(без даты, но т. к. Ив[ан] Ил[ьич Петрункевич] скончался в 1928 году, то, очевидно, ранее этого года.)
На основании текста письма его следует датировать 1925 годом.
<конец февраля 1925 г.>

Милый друг. Когда-то мы с Вами свидимся и в живой речи помянем прошедшее, всегда пребывающее неизменным и неизменяемым, как бы ни менялись те точки, с которых это прошедшее созерцаешь. Вчера видел старого доктора Вашего и вспоминали, и спорили – кажется, он удивлялся моему бодрому и радужному настроению, основанному на твердой вере в творческие силы народа, обновляющегося в таинственной смене поколений, и на всесокрушающем могуществе человеческого ума. «Без ума не прожить». Ведь таков лозунг момента, все более овладевающий умами. Не большая это еще мудрость, не высоко поднявшаяся от той Азбуки копейки, которою мы по негодующему замечанию Щедрина (1) думали утолить народную жажду к знанию, – но пока и на том спасибо. Все-таки это лучше, чем голое отрицание ума или уверенность, что его всегда удастся купить на две или на пять копеек, смотря по потребности дня и по наличию капиталов.

Размышляя о силе ума, я все больше восхищаюсь Чаадаевым. Не знаю, есть ли у Вас собрание его писем и сочинений, не французское, очень неполное, а московское, двухтомное издание под редакцией

Гершензона, кстати сказать, на днях умершего. Если бы я был публицистом, я бы непременно написал статью призывную под заглавием –

Вперед – к Чаадаеву.

Как недосягаемо впереди он против нас! Вы знаете, мне кажется, Герцен многому у него поучился и иногда, пораженный глубиной и меткостью Ч[аадаева], умеющего, как никто, пропитать горячим чувством глубокую мысль, мне представляется, что Герцен только талантливый, далеко ушедший, но все же – ученик Чаадаева. Я теперь часто и себя и других подбадриваю удивительными словами Ч[аадаева], которые в русском переводе печатаются так:

«Наконец, думаете ли Вы, что цензура, упрятавшая Галилея в тюрьму, в чем-либо уступала цензуре Уварова и присных его? И тем не менее земля завертелась и вертится себе до сих пор после пинка, данного ей Галилеем. Следовательно, будьте гениальны, и увидите». (Письмо 1835 года.)

Правда, через год после этого письма, сам Чаадаев завертелся в роли сумасшедшего по желанию царя и публики. Но этот личный эпизод не меняет дела. И особенно ясна непреложная истина его мысли, когда занимаешься, как это и подобает в год их столетнего юбилея, декабристами, чем я усердно занимаюсь. Очень жалею, что пока не можете этого делать, с достаточным количеством новых данных под руками, Вы. Столько мыслей при этом приходит, столько совершенно нового узнаешь. И, знаете, Вы, такой любитель старины и столько занимавшийся и размышлявший над нашими судьбами, все-таки, наверное, совсем бы переделали свои взгляды на многое в наших судьбах, если бы здесь с нами жили, работали и размышляли. Как-то особенно теперь задвигались мысли. И знаете, вся наша революция представляется мне, как грандиозное, имеющее мировое значение размундирование от напяленного при помощи немецких баронов на русский народ Николаем немецкого кафтана. И никаких новых кафтанов чужих я не боюсь. Может быть, конечно, мое благодушие зависит от того, что очень уж я зарылся в нашу старину, Чаадаева, Пушкина и декабристов. Но и многие явления в русской крестьянской жизни способны питать мой оптимизм. Правда, и здесь надо подняться на некоторую высоту, чтобы видеть все в таком розовом свете, но право же с этой высоты я вижу все-таки настоящие факты, а не плоды своего собственного воображения. Ну, лист кончается и откладываю продолжение до следующего письма. Привет всем Вашим. Поправляйтесь скорей и собирайтесь к нам. Ваш Шах[овской].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889) – писатель, публицист.

Письмо В. Ф. Зеелера

11 марта 1954 года

Глубокоуважаемая Ариадна Владимировна,

Начал писать Вам, но кончу письмо, если окончу, вероятно, глубокой ночью, потому что хочу ответить на все Ваши вопросы последнего Вашего письма, а их много. Прежде всего о «побочных обстоятельствах», а потом уже о «Русской Мысли» и о себе.

Итак: «Возрождение». Конечно, его нужно беречь, несмотря на то что Мельгунов ушел оттуда. Ушел он зря. И у него, и у Гукасова ведь характеры прескверные. Давно у них назревало недовольство друг другом, ну а последний раз поводом к резкому разговору послужили расчеты по гонорарным статьям. Мельгунов закинулся и сказал, что он дальше работать так не может. Гукасов ответил: «Что же делать, хотите нас покинуть – не возражаю». И на этом стороны поставили точку. Разошлись. Гукасов очень долго совещался с разными лицами о заместителе Мельгунову. И с Зайцевым и с Мейером Георгием, и с Сургучовым (1), и с Ковалевским П. Е.(2) и т. д. и потом, как выплыл Вит, которого я совсем не знаю, в редакторы и Янковский, инженер, который и в «Р[усскую] М[ысль]» и в «Возрождение» давал рассказы свои из последней войны, секретарем редакции – неизвестно никому. Я лично ведь с А. О. [Гукасовым] не встречаюсь, но через друзей советовал ему остановить свой выбор на П. Е. Ковалевском. По-моему, последний был бы хорошим редактором, но вот выбор пал на Вита.

Вы правы – С. П. [Мельгунов] почему-то считает, что каждый сотрудник, при нем печатавшийся в «Возрождении», должен был бы оставить дальнейшее участие в журнале. Этим и объясняется, что Померанцев и др. отказались дальнейше сотрудничать в «Возрождении» при теперешней редакции, а мы от редакции пояснили, что содержание «писем в редакцию» – мы «не несем ответственности». А вообще там до сих пор у А. О. [Гукасова] идут разные неурядицы, еще не все утряслось... Вот все, что знаю по первому Вашему вопросу. Теперь перейдем к «Р[усской] М[ысли]». Со смертью Лазаревского Водов почему-то возмечтал стать редактором газеты. Ни я, ни Полянский на это не пошли, конечно; и мы пока остаемся по-прежнему редакционной коллегией – все трое. Недовольство и претензии Водова создают мало спокойную атмосферу, но мы все же надеемся, что и Водов, наконец, поймет, что интересы газеты нашей должны превалировать над личными претензиями, и тогда станет легче дышать.

Статью Вашу о Лайонсе поместили полностью в одном номере. Она очень интересна. Ждем от Вас дальнейшей поддержки. Американский комитет. Откровенно говоря, я не совсем точно понимаю его устремления и вообще его работу. Сколько бросал он и как долго деньги на создание этого несчастного КЦАБа. Ведь летели в бездонную бочку не тысячи, а миллионы долларов за эти годы на все эти

слеты собраний разных, на работу Николаевского, которую он сам же потом разрушал, сколько денег стоят Комитету все эти Мюнхенские издания, все эти «Свободные Кавказы», разные «Свободы» и «За Свободу». Ведь все это растворялось в пустоте, а наши усилия разбивались на кусочки из-за разных колебаний руководителей! Вы знаете первую версию помощи: «они дадут или вернее будут давать шесть месяцев нам поддержку». Потом, только «заем». Целый год танцевали вокруг редакции обязательства о займе. Наконец, приняли нашу редакцию договора, выразили согласие и оставалось ждать денег. Приехали двое из Мюнхена (раньше один) и похерили заем, а начали с нами длительные переговоры о «более близкой работе с нами». Об уступке части акций им, о расширении газеты, о постоянной ежемесячной дотации для «улучшения и расширения». Мы и на это пошли. Нам обещали «в ближайшее время» осуществление нашего соглашения. Вместо этого опять через полгода отказались от «расширения и улучшения», и опять предложили в виде займа немножко больше половины просимой нами первоначально поддержки, как раз достаточной для покрытия накопившихся долгов фиску, налогов и т. д. И заем должен был состояться не от имени Комитета, а одного из сотрудников Комитета, ибо Комитет не должен открыто помогать всем нам и вообще, причем от нас взяли слово, что об этом займе мы никому, ничего *не будем говорить*. Полная секретность. Следовательно, мое письмо это Вам – нарушение данного нами слова, а потому просьба к Вам – продолжать соблюдать секретность того, о чем я написал Вам. Как же Спенсер Вильямс нарушил тайну и сообщил Вам, что заем на три года из 2 процентов годовых. Успокаивают, что это «форма», а существо таково, что «требовать возврата не будут».

Писать «на обороте» невозможно – ничего не поймете. Итак, после этого займа, мы все-таки составили небольшой сжатый меморандум о дефицитности нашей газеты, несмотря на то что по тиражу, по путям прохождения ее во все мире – она, безусловно, самая большая газета русская противосоветская и противокоммунистическая и потому теперь, при нынешнем политическом положении и при невозможности осуществить былое желание Комитета создать орган печати от Центра, который так и остался несваренным, причем были уже ассигновки на тысячи и десятки тысяч долларов в месяц, необходимо для укрепления нашей работы расширить и улучшить газету и дать возможность понижением стоимости продажной номера еще добиться большего тиража, а для этого необходима действительная поддержка постоянным ассигнованием с тем, что мы представим при принципиальном согласии Комитета на это предложение детальную смету – вот уже опять несколько месяцев как никакого ответа от Комитета нет.

Ведь создается впечатление какой-то несерьезности в работе Комитета: нет определенной линии, нет ясности в понимании целей и задач. Ведь все эти траты на Мюнхенские газеты были тратами гло-

бальными. Ведь ничего эти органы печати не добывали, никаких подписок, или почти никаких, не имели, никаких даже частичных своих доходов в дело издания не вносили. Все покрывалось Комитетом, как сейчас иезуиты выкладывают Кадомцеву полностью стоимость каждого выпускаемого им номера его «Русской Правды», которая никак не продается, поэтому никакого прихода своего не имеет. А «Русская Мысль» очень тяжело, но крутится сама на те миллионы франков, что получает от подписчиков и читателей и только просит о сравнительно небольшой поддержке, а Комитет... молчит! Можно что-нибудь понять?

Таково положение с «поддержкой Комитета». Теперь о себе: крутимся с женой, стареем, но пока еще в детство не впадаем. Я пока, слава Богу, еще мыслю и продолжаю стукать на машинке. Внучка наша Оля стала уже девицей и по способностям своим давно переплюнула деда своего. Повестей пока не пишет – «нет времени», а о Паскале, Мольере, Жан Жаке Руссо, о Корнеле и Расине пишет «диссертации» в гимназии по 18–20 страниц и получает за них отличные балы, каждый раз отличные отзывы учителя. Разбирается в философских учениях и оспаривает храбро некоторые утверждения даже Паскаля. Не «всегда с ним согласна». Помнит Вас и шлет Вам привет и желает здоровья и благополучия.

Половина 2-го ночи уже пробило. Пора кончать писание и идти спать. Кажется, ответил на все вопросы Ваши. Утром прочту еще раз Ваши письма и мое, и если что еще не осветил – допишу. А пока будьте здоровы. Спасибо за статьи Ваши, успеха во всем.

Привет и от меня и от жены – она Ваша постоянная читательница – и от Оли сердечный. Пишите. Всего доброго.

Вл. Зеелер

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956) – прозаик, драматург. В 1920 эмигрировал, жил в Париже. Печатался в журнале «Возрождение». В годы 2-й мировой войны сотрудничал в газете оккупационных властей «Парижский вестник». В 1945 был арестован, но оправдан по суду. Избирался председателем Союза русских писателей во Франции.

[2] Ковалевский Петр Евграфович (1901–1978) – историк, библиограф, общественный деятель. В 1920 эмигрировал во Францию, окончил Сорбонну (1925). Преподавал в лицее «Michelet» в Париже (1926–1941), в Православном Богословском институте (латинский язык; 1925–1949). Сотрудничал в ряде эмигрантских периодических изданий. Вел большую церковную, просветительскую и общественную работу. Активный член Русского студенческого христианского движения (РСХД). Автор университетского «Курса русской истории» (1948). Читал лекции на вечерних курсах при

Богословском институте (1947–1948) и в Центре изучения цивилизации и духовной жизни народов (1949); на Высших женских богословских курсах в Париже (1950–1951) и др. Декан Православного института Св. Дионисия (1966). Один из основателей Парижского научного института (1953). В 1962 возглавил Русскую академическую группу. Много сделал для сохранения культурного наследия русского зарубежья. Генеральный секретарь комиссии по сбору материалов для «Золотой книги» Русского зарубежья (с 1960). Опубликовал ряд работ по истории российской эмиграции и ее роли в мировой науке и культуре.

Письмо Б. П. Вышеславцева

16 марта 1954 г.
2, Ch. de Roches Geneve, Switzerland

Дорогая Ариадна Владимировна!

Вчера перечитал Ваши письма и убедился, что мы вполне сохранили свое существование в Вашей памяти и в Вашем сердце. И мы постоянно о Вас вспоминаем и помногу раз перечитываем Ваши письма. Живем очень уединенно и нелегко, вследствие моей последней болезни, остатки которой еще чувствуются, однако, я все-таки из нее выбрался и начал работать. Закончил даже ответ моим критикам из «Нового журнала» и «Соц[иалистического] вестника», но к мартовскому номеру он не поспел. Карпович ответил мне очень любезным письмом, в котором пишет, что задержать номер он никак не может, но напечатает мой ответ критикам в июне. Это меня вполне устраивает, тем более что Степун тоже обещал написать о моей книге и к марту, конечно, не мог успеть. Должен Вам сознаться, что мне страшно надоели социально-политические темы, опротивел весь этот партийно-газетный жаргон с его развязностью и всеобщим «опошлением» (любимое выражение советской полемики). Я начинаю в этой атмосфере прямо задыхаться и прихожу к заключению, что вести диалог можно с людьми только нашего мира, т. е. принадлежащими все же к сфере христианской культуры. А миров только два. Величайшей загадкой, психологической и философской, является для меня вопрос, как объяснить существование не коммунистов, а попутчиков, коммунизанов и мостостроителей всякого рода. Принципиально существуют только два объяснения: или дураки, или подлецы. Вспоминается прекрасный стих Георгия Иванова:

Рассказать обо всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках,
Рассказать обо всех мертвецах-подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах?

Но затруднение в том, что я знаю множество людей, особенно конечно не русских, которые принадлежат к этой категории советиза-

нов, не будучи ни дураками, ни подлецами. У русских, конечно, такие гораздо реже встречаются. И вот для меня загадка: почему симпатизировать рабству и жестокой тирании, пользуясь свободой и благосостоянием? Вот это еще глубоко философский вопрос, о котором хотелось бы с Вами поговорить. Еще хотелось бы получить от Вас более подробное впечатление Ваше об Америке и Нью-Йорке. Вы хороший наблюдатель и изобразитель, а мне важно как можно ярче представить себе реальную Америку. Ведь она сейчас такой же центр мирового внимания, как и Сов[етская] Россия, и мнение о ней так же разделяет людей на два мира. Мне думается, что Вам тяжек Нью-Йорк как огромный, шумный, беспокойный город с отвратительным климатом, но, с другой стороны, это сейчас место, где можно свободному русскому иметь наибольшее влияние на дальнейшую судьбу России, где можно вести действительную холодную войну. Теперь хочу Вам поведать о моем плане дальнейшей работы. Я сейчас окончательно перехожу в область религиозной и философской мысли, т. е. в настоящую свою сферу и хочу напечатать сборник своих статей под заглавием «Основные проблемы русской философии» (может быть, найду другое заглавие). В книгу войдут лучшие из моих прежних статей, которых уже нельзя достать, а многие не существуют по-русски. Кроме того, думаю иные статьи дополнить и сильно изменить, а две-три очень важных написать заново. Директор чеховского издательства, мисс Лилиан Деайлон Планте в последнем письме написала мне, что издательство будет радо, если я представлю какой-либо новый манускрипт, и внимательно его рассмотрит. Я думаю этим воспользоваться и представить им подробный проспект этого моего сборника, как я это сделал для первой работы. В моем возрасте нельзя приниматься за такую работу на авось, не будучи уверен, что тебя напечатают. И вот в этом случае я хочу кое о чем спросить Вас, как это делал по поводу моей первой работы. Кому посылать этот проспект? Я думаю Терентьевой или Александровой – по-русски, а мисс Планте – по-английски. Но кто читает подобные рукописи? Кто, напр[имер], у них читал философские диалоги Алданова или православные книги Шмемана и Верховского? Здесь так легко сделать какую-либо тактическую ошибку. Думаю, что Вам вполне известна атмосфера издательства. Каковы, напр[имер], отношения Александровой и Терентьевой? Ведь Александрова главный редактор, а Карпович советует мне послать проспект просто по-русски одной Терентьевой. Думаю, что они ничем не рискуют, заказав мне такую книгу по настоящей моей специальности, так как я в качестве русского философа все же вхожу в действительную историю философии. Для меня это было бы большим утешением к концу жизни, так как не знаю, смогу ли и успею ли написать большую новую книгу, материалы к которой у меня собраны большие. Вот моя просьба к Вам. Сообщите мне Ваше впечатление об Александровой. Нужно сказать, что напечатаны многие ценные

книги, но напечатано и множество совершенно лишнего: не буду Вам перечислять, Вам и так это ясно. Вот Вам повествование о всех моих делах, мыслях и замыслах. Мы оба шлем Вам и всей Вашей семье самый нежный привет и самые благодарные воспоминания.

Ваш Б. Вышеставцев

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Оригинал.

Письмо С. П. Мельгунова

12/IV.[19]54

Дорогая Ариадна Владимировна!

Мое отношение, да и подавляющего большинства членов Союза, резко отрицательно к предложению А[мериканского] к[омитета]. Я вынужден в выходящем на след[ующей] неделе номере «Р[оссийского]» Д[емократа], не дожидаясь решения группы, определенно поставить точки на *«i»* от имени редакции.

Что касается «Возрождения», то я был несказанно удивлен Вашим согласием сделаться ближайшим политическим сотрудником в «Возрождении» в компании Ширяевых (1). Поразило меня и то, что Вы всем об этом написали, кроме меня. Казалось бы, именно я должен был быть осведомлен в первую очередь. На всех нас (в широком смысле слова) это произвело самое тяжелое впечатление. Я вынужден специально отметить Ваш непонятный шаг в «Рос[сийском] Дем[ократе]».

Вы знаете причину моего вынужденного ухода. Как Вы можете говорить о каком-то «упреке» меня!! Я перестал бы себя уважать, если бы спокойно переварил хамскую грубость г. Гукасова – перестали бы уважать меня и другие. Держаться «существующих органов печати» слишком сильный аргумент в морально-общественном отношении. Я не видел еще человека, одобрявшего Ваше действие. Новые эмигранты чужды понятию о литературной морали.

Я не писал Вам до сих пор, т. к. откровенно скажу, что писать Вам было неприятно.

Уважающ[ий] В[ас] С. Мельгунов

Удивил меня Ваш сын, который знает отношение к нему г. Гукасова – презрительно враждебное. Из-за него у меня было немало столкновений с Гукасовым. Жалею, что старая литературная гвардия так легко сдает позиции.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Ширяев Борис Николаевич (1887–1959) – писатель, журналист. Во время 2-й мировой войны издавал газету в оккупированном Ставрополе.

При наступлении советских войск покинул город вместе с немцами. Сотрудничал с казачьим движением (1943–1945), задействованном в боевых операциях вермахта. После окончания войны оказался в итальянском лагере для перемещенных лиц. Остался в Италии, писал прозу и литературоведческие статьи. Поначалу редакция «Возрождения» отказалась от сотрудничества с ним, но после ухода из журнала С. П. Мельгунова он оказался в числе «близких друзей» журнала. Публиковался также в «Гранях».

Письмо В. А. Маклакова

6 мая [1954]

Милая Ариадна Владимировна,

Спасибо за Ваше письмо и постараюсь хоть вкратце ответить на Ваши вопросы.

Вам кажется, что в зрелые годы я стал другим, чем был студентом, и не проявлял способности и желания управлять другими. Мне и другие указывали на то, что так выходит по книге, одни находили, что я что-то скрываю по «скромности», другие предполагали даже, что я от себя отрекаюсь. Все это не так. О том, что я делал, когда стал депутатом, в этой книге я вообще не говорю. Это надо искать во «2-й Думе». О моей политической работе в этой книге я мог бы говорить только когда рассказывал об «освободительном движении» – но мое участие в нем так было мало, что мне нечего бы было рассказать; я только других наблюдал (книга, стр. 320–322). И другие были настолько выше меня по опытности и возможности действовать, что надо бы было быть очень самоуверенным, чтобы претендовать на «водительство». Это во-первых. А во-вторых, не менее важно, что к «водительству», к приказаниям, к распоряжениям у меня вообще склонности не было. Недаром все мои профессии были те, когда надо было убеждать, а не приказывать – наука, адвокатура, депутатство. Может быть, это было так потому, что я не любил, чтобы мне приказывали вместо того, чтобы меня убедить.

Хорошо понимаю, что в ряде профессий это необходимо и что неумение приказывать, принимать ответственность на себя может быть недостатком. Но таким я был всегда, и в том же студенчестве. Не могу попутно Вам не заметить, что в студенческую пору часто считали меня вожаком и инициатором, когда я вовсе им не был. Я в своей книге указывал, что меня сочли вожаком в [18]87 г. (стр. 64 и стр. 118), в [18]90 г. За это я не отвечаю, и, во всяком случае, сам я себе этого значения не приписывал. И если Чернов в своих воспоминаниях называл меня лидером «легализаторов» – то я в книге своей указал, что если я среди них (стр. 156) был, то не я, вопреки Чернову, их создал; это течение создали условия жизни, новый Устав [18]84 года и смена инспектора; а я был тогда только одним из многих; да еще потом, когда я попал в Париж в [18]89 г. – и сошелся со Студенческой ассоциацией,

я получил перед остальными некоторое незаслуженное преимущество; и совсем не мой характер, а сознание прав «водительных».

Теперь второе. Вы находите, что я несправедлив к нашему старому строю, если сравнивать с ним большевистский. Но разве я где-нибудь их уподоблял? Я говорил только, что большевики усвоили и усилили худшее, что было в этом строе. Что было в старом строе плохого? Беззаконная, внесудебная расправа, смертная казнь, провокации. Это было в нем плохо, и это плохое стало главной, если не единственной опорой советского строя. У большевиков отвратительная система «провокации». Но ведь Герасимов (1) и Азеф были при Столыпине, и он их в Думе защищал. Конечно, все это происходит в теперешней России не для блага России, а для защиты партии. Тем хуже для большевиков, но старого режима это не оправдывает. И не забывайте, что я так мало ненавидел старый режим, что ни разу не говорил о «республике» и не хотел «революции»; я всегда надеялся на эволюцию этого режима, потому был так рад Манифесту. Это мне не мешает сказать, что некоторые черты общи всем безответственным диктатурам и что начало, на кот[ором] построен весь современный русский режим, есть худшее из того, что было в старом. То, что прежде было худшим, при большевиках стало нормальным. Большего я сказать не хотел, да, мне кажется, и не сказал.

Что касается до классического образования, то у многих действительно осталось от него другое впечатление и воспоминание. Я и виню не его, а те цели, кот[орые] ему ставил Д. А. Толстой (2); ведь их не скрывали. Прочтите в «Анне Карениной» разговор С. И. Кознышева с А. А. Карениным за обедом у Облонского об этом образовании. Теперь спасение от «вольнодумства» ищут не в латинской грамматике, а в зубрении Истор[ии] Ком[мунистической] партии. Разница велика, но цель одинакова. Впрочем, я и в книге своей говорил, что могу быть к этой системе «несправедливым». Надеюсь, что чувство справедливости меня не покинуло.

Вот мои ответы, так сказать «последнее слово подсудимого». Думаю, что заслуживаю, если не оправдания, то снисхождения. Не думаю, что в моей книге была бы «неправда», но одни и те же факты и явления могут оставить в людях разные впечатления. Если и Вы, как многие, хотите на книге надпись, то, чтобы не отягощать книги, я ее делаю на этом же месте. Отрежьте его и наклейте на книге. А бумага книги так пропускает чернила, что лучше на ней не писать.

Итак, спасибо за отзыв. Я много думал, что книга для публики не будет интересна, я и теперь так думаю. Но вы ведь не «публика».

Ваш Маклаков

«Дорогой Ариадне Владимировне Тырковой
В напоминание о ее современнике и о разнообразных встречах с ним
в продолжение полувека (1904–1954)
В. Маклаков»

10 мая 1954 г. Париж.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал.

---

[1] Герасимов Александр Васильевич (1861–1944) – начальник Петербургского охранного отделения (1905–1909). Генерал-майор (1909).

[2] Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – граф, государственный деятель, историк. Член Государственного совета (1866), сенатор. Обер-прокурор Правительствующего Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел (1882–1889). Президент Императорской Академии наук (с 1882).

Письмо Н. А. Цурикова

Мюнхен, 3/VI[19]54 г.

Дорогая Ариадна Владимировна!

Получил оба Ваших письма. Спешу ответить.

1. Очень рад, что Вы на меня не в претензии. Для меня это главное.

2. Рукопись – не трудитесь искать. Нашел копию.

3. Никому о Ваших разговорах не передавал и, конечно, не буду, а только радуюсь.

4. Единая и свободная Россия (а следовательно, и несоциалистическая) это, конечно, и мой политический минимум (Я считаю, что социал-демократ – деревянное железо. Если демократия это свобода, то она с социализмом несоединима, который есть антисвобода.

5. Без всякого преувеличения хочу Вам сказать, что я был глубоко тронут Вашими словами о потребности общения именно со мной. Мне это очень дорого. Не надо говорить, что это взаимно. Было бы долго говорить – это потребовало бы десятка страниц, чтобы дать Вам свое изображение теперешнего состояния эмиграции – разброда, утопания в пустяках, неумения ставить основные вопросы, просто глупости и... продажности. Ведь эти люди – «антипушкинцы». Он хотел жить, «чтобы мыслить и страдать», а они, чтобы комбинировать и бездумно наслаждаться. Не знаю, м[ожет] б[ыть], я поглупел и выдохся, но ежечасно вижу, как окружающие «политики» стараются не встревать <обрыв текста>.

Позвольте в заключение незначительно поспорить.

1) Мельгунов, пожалуй, все больше из упрямства и, м[ожет] б[ыть], оглядки «налево» продолжает если не считать, то называть себя социалистом. Но в данном случае обращение к двум «Петровичам» было <u>явно</u> обращением не к течениям социализма, а: 1) к стороннику единства России и к 2) сепаратисту. И не следовало этого как-то <1 нрзб.> безмасштабным политическим заявлением.

2) Мы получаем здесь «Н[овое] Р[усское] С[лово]» не возд[ушной] почтой. И я не знаю, о чем идет речь? Но в «нашей стране» я прочел

статью какого-то, вероятно, псевдонима «Вл. Ф. Вальдемара»? Она на меня не произвела впечатления («Н[овое] С[лово]» от 22/V). Хохлов (1) – чекист. Много раз уже говоривший здесь по «Голосу Америки» Соловьев-Бобров (между нами говоря) герой не моего романа. Но он, несомненно, и антимарксист и антикоммунист, хотя, наверно, и комбинатор. Его прошлое? Но тут встает общий вопрос о новой эмиграции и, в частности, о «власть имевших», именно тех, кого американцы ценят на вес золота. Можно ли с ними делать что-либо совместно? Я читал в «Возр[ождении]» рассказ Соловьева о Кубе и отнес его к разряду уголовной беллетристики в... вранья. Гораздо хуже, т. е. враждебнее нам его автобиография. Но все оттуда были в красной, а не белой армии. Отвергать их – трудно, надо вправлять мозги. И это не безнадежно. В этом я убедился на выпуске курсантов из Школы антик[оммунистических?] пропагандистов для <1 нрзб.> А их декларация («Манифест»!) по справедливости заслуживает определения, как либеральный! (чего они сами не знают). Это очень показательно и утешительно («Свобода», № 13). <обрыв текста.>

P.S. Я видел Месняева только один раз. Не понимаю, как он может писать в «нашей стране»! Все-таки это пороки отсутствия обоняния... Или он думает, что справа врагов нет? <обрыв текста>

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

[1] Хохлов Николай Евгеньевич – сотрудник НКВД, капитан (1947), перебежчик. В годы Великой Отечественной войны – боец истребительного отряда. В 1943 был заброшен в Белоруссию, участвовал в уничтожении нацистского гауляйтера Кубе (Wilhelm Kube). В 1954 был назначен руководителем операции «Рейн», цель которой – ликвидация руководителя НТС Г. Околовича. По свидетельству П. А. Судоплатова, был в Германии завербован ЦРУ и его заставили играть определенную роль: открыться перед Околовичем и публично рассказать о готовившемся убийстве. В 1957 заявлял, что 15 сентября КГБ предпринял попытку отравить его, подсыпав в коктейль [чашку кофе] радиоактивный талий, от которого Хохлова спасли медики из ЦРУ. Выпустил книгу «In the name of conscience» (New York, 1959). В 1992 помилован Указом Президента Б. Н. Ельцина и посетил Россию.

Письмо Б. П. Вышеславцева

28 июня 1954 г.
Женева.

Дорогая Ариадна Владимировна!

Диктую Наташе, чтобы не утомляться. Лежу в саду, куда меня вывозят на моем одре. Был очень тронут Вашим милым письмом. Та-

кая симпатия всегда действует, как драгоценные лучи, подбодряющие на расстоянии. А я тоже здесь делаю лечение особыми лучами, называемыми «Sadiotheropie». Это огромная машина, испускающая один лучик, под кот[орым] я ежедневно лежу спиною 20 минут. Здесь, конечно, прекрасный уход и замечательные врачи, но очень грустно лежать, совершенно вырвавшись из жизни. Меня всегда страшно трогают Ваши воспоминания об общих днях жизни и высокая оценка нашей дружбы. Я тоже часто обращаюсь к Вам мыслью и о многом хотел бы с Вами посоветоваться. Иногда я жалею, что мы не переселились в Америку. Может быть, с Вами вместе нам было бы легче перенести такой перелом жизни. А впрочем, мне до сих пор неясно, как Вы и Ваша семья воспринимает и переносит Америку, начиная с этого удивительного климата Нью-Йорка. Здесь произошла обычная встреча миров, кот[орые] друг друга не понимают и конфликт двух идеологий, кот[орые] друг друга целиком отрицают. Договориться серьезно при этом, конечно, невозможно, но разговаривать необходимо, чтобы показать, кто виноват в конце концов в неудаче переговоров и вообще всех бедствий. Тут возможны разные искусства и отличным дипломатом и юристом себя показал Иден (1), а Даллес мне понравился как честный американец, смело высказывающий всем очевидную моральную правду. Обывательская сентенция: «Разве можно разговаривать с большевиками». Вполне <повреждение текста> в смысле необходимости каких-то международных отношений, кот[орая] все-таки всегда остается совершенно неприменима и нереальна. Совершенно так же противоположная сентенция в стиле m-me <фам. нрзб.>: при добром отношении обо всем можно сговориться; тоже нелепая сентенция. Умная дипломатия Бидо (2) и Идена состояла в том, что они сознавали наивную упрощенность обоих точек зрения и необходимость добиться какого-то результата, не веря ни в одну из них. Вступление китайской дипломатии и китайского фактора есть новая и устрашающая вещь. Начинаешь вспоминать страшное пророчество Вл. Соловьева. Французы и итальянцы потеряли всякое европейское самосознание и даже свой собственный гений. Исчез «гальский острый смысл». В главном остается все-таки вечное непонимание России и непонимание доктрины коммунизма. Парламентаризм умеет, в сущности, функционировать только в Англии. Часто поражает меня случайность и бессмыслица истории, как будто не существует никакого Провидения. Многое еще написал бы Вам, да еще слаб.

Сердечно Ваш Б. Вышеславцев

От себя [Н. Н. Вышеславцева]: Сеансы действуют, боли гораздо лучше, иногда вовсе не принимает болеутоляющих, спит хорошо, но ноги еще не действуют. Еще долго нужно их продолжать, но доктора довольны. Моя жизнь как-то прекратилась – ухожу в госпиталь в $8^1/_2$ ч[ас]. утра, возвращаюсь в $8^1/_2$ веч[ера]. Ем где придется и так странно смотреть, что люди куда-то едут, идут, что-то делают... Вы это

поймете – сами перенесли. Привет Аркадию, Тамаре Викт[оровне], Наташе. Помоги ей Бог преодолеть болезнь! Целую Вас.

Н. Вышеславцева

Зандер был в Истамбуле у Патриарха с Карташевым и еп[ископом] Кассианом. Ездил по моей просьбе на Принкипо, на могилу Вити. Цел крест, его спрятали в церкви и показали место.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Рукопись. Автограф.

---

[1] Иден (Eden) Энтони (1897–1977) – пэр (с 1961), 1-й граф Эйвонский; британский государственный деятель, министр иностранных дел (1935–1938; 1940–1945), премьер-министр (1955–1957).

[2] Бидо (Bidault) Жорж Огюстэн (1899–1983) – французский государственный и политический деятель, дипломат. Участник движения Сопротивления. Осенью 1943 был избран председателем Национального совета Сопротивления. Министр иностранных дел (в 1944–1954 неоднократно).

1955

Письмо В. А. Маклакова

21 авг[уста 1955]

Милая Ариадна Владимировна!

Вы, наверное, удивитесь, получив без всякого повода это письмо и еще больше его содержанию. И потому начну с объяснения. Я жил летом в швейцарском Бадене, лечился от ревматизма; прожил там три недели и не встретил ни одного знакомого, и ни с кем не познакомился. Времени было много, ходить я уставал (86 лет), и я увлекся чтением, прочел там 40 книжек «Нового Журнала» и Вашу рецензию на книгу «Отец». Скажу про нее то, что Вы сказали про «Отца»: она «вызвала во мне головокружение», и я принялся Вам отвечать. При моем почерке это вещь трудная и долгая. К тому же под конец почерк стал портиться и на 8[-й] странице я это бросил, тем более что Вашего адреса с собой не захватил.

Но вот сейчас, вернувшись в Париж, я это неоконченное письмо у себя нашел; верите, это было только «вступление», постановка вопроса. Кончать это письмо не могу: совершенно некогда, как все <2 нрзб.>; сестра тоже не отвечает <?> на мои жалобы, что напрасно трудился, и я Вам ставлю вопрос: хотите Вы, чтобы я Вам его послал; 7 стра[ни]ц вы, наверное прочтете; их писал разборчиво. Но не спросив Вас, посылать неоконченное письмо мне совестно. Если Вы мне скажете: посылать, я его пошлю, не скажете [–] брошу в корзину. Ко-

нечно, нового Вы в нем ничего не найдете, но только оно все посвящено Вашей рецензии.

Завтра пошлю это письмо авионом, а пока подожду уничтожить мое письмо.

Всего Вам лучшего.
Преданный Вам В. Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

7 сентября [1955]

Милая Ариадна Владимировна!

Раз я сам напросился со своим неотправленным письмом, я, увы, не могу отступать; но оно так велико, так плохо написано (почерк), что не могу его послать, не сказавши Вам вкратце, что мне в Вашей статье, по Вашему же выражению, «раздразнило».

Вы великолепно и правильно изобразили «необыкновенность» Толстого, который, как «буйный степной ветер», ошеломляет, сбивает с толку и т. д. Но эта сторона Толстого как будто заслонила от Вас другую, более важную, его вечное «богоискательство». Вы пишете, что он «переставал бунтовать», только когда его <1 нрзб.> зародившие в его душе художественные образы. Но этими словами как будто присоединяетесь к тем, кто называл его «гениальным художником, но плохим мыслителем». Вы как будто не замечаете, что его художественная деятельность была вся пропитана мыслью, исканием правды, иначе «богоискательством». Противополагать их нельзя; и в том и [в] другом сказывали[сь] те же черты, и тот же великий дух, кот[орый] и «творит» и «разрушает».

Я заостряю свою мысль. Толстой, как он есть, настоящая религиозная натура. «Религиозность» человека измеряется не соответствием его «веры» – учению признанной церкви, а важностью для него тех вопросов, кот[орые] ставят и разрешают «религии». Ведь «наличность» этих [вопросов] у самых первобытных диких людей и отсут[ст]вие их у самых высших животных отличает «человека» от животного мира, кот[орый] к этим вопросам совсем равнодушен; ибо решительно ничем не обнаруживает к ним «интерес». Один «человек» хочет понимать, как создан и управляется мир, что будет с человеком, когда он умрет и как нужно жить людям. А ответы на эти вопросы сами люди давали различные. Примитивную религию отличал ее «антропоморфизм»: уподобление Бога людям. На более высокой стадии человек понимается как «подобие Божие». А далее отношения между людьми стали строиться на учении «Бога». В своей художественной деятельности Толстой с ранних лет (ему было 24 г., когда он писал

«Детство» и «Отрочество» и изображал «великого христианина» – юродивого Гришу) – искал в жизни проявление и забвение Бога, и его наблюдения над жизнью людей составляли основу его религии и религиозных сыновей его.

И тут обнаруживает[ся] мое главное несогласие с Вами, не только в оценке Толстого <1 нрзб.> задачи «религии». Вы пишите: «Откровения, на кот[орых] зиждется Церковь, Толстой сердито отрицал». И дальше: «По безмерности своего своеволия он отрицал, что Христос сын Божий, отрицал его божественность». Для него Христос был просто хороший человек, учивший людей хорошей жизни, но по Таинственному учению <?> глубокое христианство было ему чуждо, враждебно.

В этом Вы правы; но неужели Вы можете думать, что такое понимание Христа есть результат «своеволия»? В основе религии, на кот[орой] зиждется Церковь, лежат «откровения». Но что значит это слово, как не то, что человек признает «откровения» источником истины. Эта тавтология: Откровения есть то, что мы признаем «истиной», а истина есть то, о чем нам говорят «откровения». Но разве «откровение», данное одному, убедительно для другого? Религии начинали[сь] с мифологии, и ожидать от них могли <1 нрзб.> не откровений.

И что такое «Бог»? Люди, верующие в Бога, считают его создателем всего; это становится его определением. Это понятно. Это та же тавтология, что [и] между «истиной» и «откровением». Здесь спорить нельзя. Можно верить в существование Бога, т. е. «первопричин[у]» – или не верить; но почему, принимая существование Бога, мы должны верить в истину, в особую божественность Христа, в воскресен[ие] мертвых в Боге. А между тем церковь, опираясь на откровения, требует этой веры. Вот это требование, предъявляемое церковью к <1 нрзб.> Бога, и возмущала Толстого. «Его» или сердито отрицал и <1 нрзб.> некрасиво и резко осмеивал. Именно потому, что подобное требование к людям отделяло их от «непостижимого», неопределенного, но чужого людям Бога. Толстой отрицал христианскую церковь по тем же основаниям, по кот[орым] христиане отрицали языческую церковь и мифологию. И если христиане первых веков верили в то, что им открывали их «откровения», то поскольку это было открыто им, было частью их души, их понимания, а не требованием.

Если Вы правильно указываете, что Толстой «сердито отрицал» откровения, что ему была чужда и враждебна таинственная глубина христианства, завершенная на Вселенских Соборах, то почему Вы не говорите ничего об его отношении к Христу, к его «проповеди», с кот[орой] он обращался к людям. Конечно, об этом сейчас мы можем судить по «писаниям», кот[орые] могут быть ошибочны, и «преданиям», еще менее достоверным. В суждении об этом и Толстой мог ошибаться; но разве его отношение к Христу, к тому учению его, кот[орое] он считал велением Бога (ответ на <1 нрзб.>), не устраня-

ет возможность объяснить это только «своеволием». Это учение настолько выше обыкновенных человеческих слов, что люди хотели укрепить его или на насилии (государство), или на угрозах и обещаниях. Загробная жизнь. Именно эти цели оправдывают и «государство», и «церковь». Но можно ли осуждать Толстого за то, что он старался найти в этом учении спасение человека от бессмыслицы жизни, если она непременно кончается смертью.

<Окончание письма нрзб.>

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено] 7/X, но очень отрыв[очно].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

10 окт[ября 1955]

Милая Ариадна Владимировна!

Мне очень обидно, что из-за почерка и Вы меня не поняли, и я не могу Вам ответить. Но сестра еще не может писать на машинке, а писем такого содержания мне некому диктовать. Отвечу Вам сначала на краткие вопросы, где Вы, несмотря на почерк, догадаетесь, что я говорю, а серьезное и интересное отложу до будущих дней, если увижу, что пишу еще сравнительно разборчиво.

Во-первых, насчет Колюбакина А. М. Я был в секретариате земских съездов, видал его там; был ли он в «Союзе Освобождения», не знаю, т. к. в нем участия не принимал, до образования кадетской партии в ноябре 1905 г., когда я вошел неожиданно в одну из «освобожденческих» ячеек, чтобы иметь возможность присутствовать на кадетском Учредительном съезде. Но, конечно, о Колюбакине должна знать Кускова, и я ее запрошу.

Во-вторых, о сестре. Она, конечно, церковно верующая: ходит в церковь, говеет, ест постное и т. д. Большего сказать не могу, т. к. никогда с ней о религии не говорил; она не может не знать, что я бываю в церкви только на похоронах и на свадьбах: но не говорим об этом с ней, т. к. я не хочу колебать ее веру, заронить в ее душу сомнения, но и не хочу притворяться. Но, конечно, она <1 нрзб.> с Вами.

Теперь обо мне.

Вы досадуете (Ваше выражение), как я могу в религиозном отношении жить «в безвоздушном пространстве». Едва ли это удачное выражение. Я не говорю, что религия – опиум, не говорю даже, что Бога – нет; я считаю, что у всякого человека в отличие от животного есть потребность объяснять себе, т. е. иметь ответы на свои недоуменные вопросы: откуда взялся мир, что будет с человеком, когда он умрет, почему в мире есть зло, хотя мир создан Богом и т. д. и т. д. Ре-

лигия тем и ценна и нужна человеку, что она отвечает на эти вопросы. Но я вижу и думаю, что эти ответы есть творчество самого человека, высшее его творчество, но творчество человека, а не откровение Бога. И думаю так не только потому, что религиозное творчество не отличается от творчества научного, поэтического и вообще всякого творчества, и роль Бога, поскольку мы его признаем, хотя не понимаем, что он собой представляет, во всяких видах творчества одинакова. Однако мы это творчество[м] не называем и не считаем «откровением».

Это во-первых, а, во-вторых, почему же дано столько «религий»? И сейчас их много, и почему на них так отражает[ся] культурный уровень людей данной эпохи? Я понимаю, что всякий верующий по данной религии может считать ее истиной, абсолютной, открытой ему Богом; без этого это не было бы для него религией. Но если многие из религий потом спустили на ранг мифологии, почтенной и интересной, то почему данную религию, данное учение данной церкви [объ]являют «истиной»? Почему мы должны считать истиной изложение христианского Символа Веры; счастлив тот, кто в это верит, т. к. эта вера дает ему опору; это правда, но нельзя заставить себя верить именно потому, что это дает опору в жизни; такое утилитарное отношение к «вере» едва ли достойно. И надо признаться, что часто этого аргумента и не скрывают, преподнося его в более или менее благообразном обличии.

Так, моя бабушка, чтобы укрепить меня – еще мальчика – в вере, мне говаривала: «Если то, чему учит религия – было ошибкой, то тебе от этой ошибки худо не будет; а зато, если это правда, как тебе будет хорошо на том свете». Потому лучше уж верить.

Это относится к 70-м годам старой помещицы; но вот в книге Н. Алексеева Чеховского издательства «Идея государства» на стр. 181 изложено: «По гениальному замыслу Константина Великого христианство было объявлено “государственной” религией»... Константин почувствовал силу этой новой веры и связал ее с римским государством. Христианская церковь стала особой социальной силой, как бы «государством в государстве». Все это может быть правда, и расчет Константина был «гениален» – но разве это рассуждение доказывает истину христианской религии? Это полный утилитаризм.

Возьмите, наконец, соловьевские «Три разговора». Церковник Г.Z. доказывает истину христианства тем, будто воскресение мертвых доказано исторически, и только эта победа добра над злом открывает путь в царство Божие, без него мир был бы царством не жизни, а смерти...

Я признаю религиозное творчество – высшим творчеством человека, но не вижу, почему я могу считать его «откровением Бога», и почему без этой веры я живу в «безвоздушном пространстве». Теперь я хотел говорить о самом интересном, не обо мне, а о Толстом. Но по-

дожду, что Вы мне скажите; разберете ли Вы этот почерк? Иначе ведь и писать не стоит, только Вас расстроить. А мне хотелось бы не себя, а его защитить перед Вами, тем более что я надеюсь кое в чем Вас убедить.

Ваш Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

Письмо В. А. Маклакова

12 окт[ября 1955]

Дорогая Ариадна Владимировна,

Рискую продолжать мое письмо, не дожидаясь Вашего согласия. Думаю, что три первых страницы последнего письма Вы смогли прочесть. Последняя же не так важна, так как в ней я говорю лично о себе, возражаю на то, что я в «безвоздушном пространстве». Но мне хочется говорить не о себе; я себя в пример другим не ставлю, и никакой религии, ни ее отрицания не проповедую и не внушаю. Хочу по пунктам ответить на то, что Вы говорите о Толстом.

1) Итак первое. Вы пишете: «В этом проповеднике любви бушевала ненависть к Иисусу Христу». Не понимаю, как у Вас поднялась рука написать такие слова! Если бы Вы сказали к «Церкви Христианской» – об этом можно еще спорить; но ненависть к «Иисусу Христу», когда он не раз писал, что Бог сообщал людям свое учение через человека Христа; когда в сочинении «В чем моя вера», глава XII начинается словами: «Я верю в учение Христа и вот в чем моя вера». Я понимаю, что можно утверждать и доказывать, что Толстой неверно понял учение Христа, что он его исказил, что «церковники» оговорят, но чтобы в нем бушевала «ненависть» к Иисусу Христу, как пишете Вы, это что-то непонятно. Я бы был очень Вам благодарен, если бы Вы указали мне хотя бы одну фразу из сочинений Толстого, где бы сквозила победно ненависть к Христу.

И я невольно думаю, что это с Вашей стороны только неудачное выражение, «упрощение» мысли Толстого, который в отличие от церкви не считал Христа Богом, ни даже Богочеловеком, а просто «человеком». Конечно, это понимание Христа вовсе не уподобляется «ненависти» Толстого к Христу, но может показаться его «умалением». Я не раз слыхал от Толстого, что если бы он считал Христа Богом, то он потерял бы в его глазах все свое обаяние. Можно ли в этом взгляде видеть «ненависть» к Христу?

Мне совестно на это возражать, так как может быть ненависть Толстого к Христу Вы видите вовсе не в этом, и опровергая это, я буду ломиться в открытую дверь. Скажу только два слова.

13 окт[ября]

Толстой высоко ценил и учение и личность Христа именно потому, что считал его «человеком». Если бы он был Богом, который и в человеческой оболочке мог ходить по морю, приказывать ветру утихнуть, который знал, что умрет и через три дня воскреснет и вернется на небо, то это свойство Бога умалило бы цену подвига «человека». Ведь не физической же боли Бог в образе человека мог опасаться? Да, как Бог он мог ее и не испытывать. Потому понимание Толстым Христа нельзя объяснять ненавистью Толстого к Христу; зато, считая его человеком, именно поэтому он и мог его ставить людям в пример.

Когда учение Церкви утверждает, что Христос был одновременно и «человеком» и «Богом», то это показывает, что он был, во всяком случае, и «человеком». Но утверждение, что, кроме того, он был и Богом, понять и принять невозможно; это значило бы богохульствовать, т. е. допускать, что Бог притворно изображал себя «человеком».

Но зато все учение Церкви носит на себе следы человеческого творчества и понимания. Почему Христос мог стать «искупителем» грехов мира? Люди на земле могут мстить врагам, уничтожать невиновных заложников и т. д. Все учение об искуплении Христом грехов мира есть подобное этому понимание. Это уже сущий «антропоморфизм», который Толстой не мог допустить, когда речь шла о Боге.

2) Теперь второе.

Вы пишете, что Толстой не знал, что такое «уважение к чужому благочестию». И в этом Вы ошибаетесь. Ко всем верующим людям он относился с большим «уважением» и вниманием, хотя бы их веры и не разделял. Мне приходилось не раз это видеть, и недаром он мог так дружить с Ганди и уважительно относиться к сектантам, вроде «Табачной Державы», которую он меня просил защищать. Я понимаю, что против этого у Вас есть один ошеломляющий аргумент, это отрывок из «Воскресенья», с описанием обедни. Нельзя не остановиться на нем. Я никогда Толстого об этом не спрашивал. Знаю, что «Воскресенье» печаталось в спешке, для помощи духоборам, и в заграничном или нелегальном издании эта сцена могла проскочить помимо него. Это не оправдание, так как он все-таки ее написал. Это его грех против Христова учения; человек может грешить, как согрешил и сам Христос, выгоняя силой торговцев из храма. И этот поступок его в глазах Розенберга, сподвижника Гитлера (миф XX века) – был лучшим поступком Христа.

Конечно, сцена обедни в «Воскресенье» обидна и оскорбительна не для Христа, а для церкви, кот[орая] считает себя христианской, и для ее служителей. Это было все-таки недостойно Толстого; в этой сцене и его художественный гений ему изменил.

Лично я из всего общения с Л. Н. [Толстым] не сомневаюсь, что его осуждение и даже враждебное отношение к церкви вытекало из того, что христианская церковь не пренебрегала насилием, чтобы

приводить в свою веру. С точки зрения Толстого это было настолько чудовищно, что людей, кот[орые] это оправдывали, он мог и ненавидеть. А ведь это было (в разных формах) не обычным явлением. Кодекс Юстиниана утвердил Символ Веры и объявил ее государственным законом для всего населения. Его первые статьи озаглавлены «О Высочайшей Троице, о кафолической вере и о том, что никто не смеет ее публично оспаривать» (Алексеев Н. Н. Идея государства, стр. 213, след.). Это и возмущало Толстого против церкви, кот[орая] требует от несогласных с нею лжи и притворства или карает за «непослушание».

Вы пишите, что «Толстой не мог не ощущать, особенно в крестьянском быту, что православие вносит в душу искренне верующих “особое озарение, силу и радость”». Вы правы, и это он ощущал, и это писание не вышучивал и не опровергал. У меня нет здесь заграничного издания «Воскресенья», но не сомневаюсь, что верующих и молящихся он и там не осмеивал. Осуждал только тех, кто заставлял верить других, т. е. делал из веры форму повиновения.

Я довольно долго был верующим, и это настроение испытывал; согласен с Вами, что это большая опора и радость. Но оно само собой выходит из «веры», а нельзя заставлять себя и других верить, чтобы получить эту радость. И принуждение к вере от нее отталкивает. И Толстой, который написал в «В чем моя вера» – если он «верит в учение Христа», верит в то, что «исполнение этого учения возможно, легко и радостно» (глава XII), не мог без негодования относиться к тем, кто требовал, с угрозами, а иногда и исполнением этих угроз, чтобы люди в своей вере им подчинялись.

Я готов согласиться с Вами, если Вы так думаете, но подобное отношение, угрозы и требования – входят в наше «воспитание» и могут быть полезны, как полезна дисциплина ребенку. Это многих оправдывает, и потому строгость не ставят в вину педагогам. Но Толстой слишком высоко ставил Христа и его учение, что[бы] допускать без него эти приемы.

Но я кончаю. Вы удивляетесь, как я могу быть неверующим. Я отлично понимаю, что был бы много сильнее и счастливее, если бы верил в истину Церкви. Но заставить себя я не могу. Это будет лукавством, исканием выгоды, а не правды. И моя философия жизни и смерти, изложенная Майковым (1):

По смерти стал ты вне тревог
ты стал загадкою, как Бог,
И вдруг душа твоя
Как радость, встретила покой,
Какого в жизни нет земной, покой небытия!

Это не утешительно, но ведь когда я умру, я не буду даже знать, что когда-то жил, как не знаю, что было в мире до моего рождения.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт, член-корреспондент Петербургской АН (1853). Маклаков приводит цитату из лирической драмы Майкова «Три смерти».

Письмо В. А. Маклакова

3 нояб[ря 1955]

Дорогая Ариадна Владимировна!

Рад, что мое письмо разобрали; это дает мне смелость отвечать Вам, не дожидаясь выздоровления сестры; хочу написать несколько слов не о Толстом, а о себе.

Вы пожалели, что в религиозном отношении я нахожусь в «безвоздушном пространстве», рассчитывая на «покой небытия». Внесу небольшие поправки к такому суждению; не только в детские годы я был очень религиозен и мог бы привести иллюстрацию к этому из более позднего возраста; но и сейчас я могу <1 нрзб.> на чистую искреннюю преданность вере; я никогда не пытался в ком-нибудь ее колебать; понимаю опору, которую верующие в ней получают. Но нельзя заставить себя верить для получения этой опоры. В детстве моя бабушка и крестная мама мне говорили: «Если то, чему религия учит – ошибка, тебе хуже не будет от того, что ты следовал ей; но зато, если это правда, как хорошо тебе будет! Поэтому лучше уже верить». Это рассуждение, которое было бы цинично, если бы не было так простодушно, и сейчас является иногда для многих «обоснованием» веры. Но вера не так в людях зарождается. Ее источники – в потребности человека объяснять «непонятное». Этой потребностью отличается он от животного. Но самое содержание его веры – есть «творчество» самого человека. Она не выдумка, не ложь, не притворство; объясняет <1 нрзб.> развития человека воспитанием, наблюдением или опытом; потому все религии носят отпечаток «антроморфизма» и изменяются с течением времени; их эволюция не менее поучительна, чем эволюция экономических отношений. В религии люди дают посильное объяснение и «явлениям природы», и самого ее существования; потом судьбы самого человека и загадочного факта смерти его; наконец жизни человеческого общества, отношения людей друг к другу и назначения «государства». Ответ на все это <1 нрзб.> заключается в признании Бога, как первопричины всего, что происходит, и которого люди наделяют доступными их пониманию свойствами.

И самый «мир» в религии мы знаем только в их последних этапах развития, а не в возникновении их. И если ограничиться эпохой христианства, то ведь религия, из которой вышло оно, была религия,

данная Моисеем в Ветхом Завете. Она была религией народа, который в борьбе за свое «освобождение» и «существование» создал свое государство на тех началах общежития, кот[орые] были даны Моисеем. Она подготовляет христианство, кот[орое], по словам Христа, было лишь развитием, усовершенствованием (эволюцией) веры, в которой был воспитан Христос. Но «эволюция» часто начинается с отрицания тех форм, из которых позднее выходит она. Это было и с проповедью Христа, которая могла тогда показаться вызовом природе тогдашнего человека и общества. Вместо «не укради» и не «завидуй» – Моисеевых заповедей, Христос учил раздавать свое имущество нищим; вместо «не убий» – проповедовал любовь к «ненавидящим» нас, и учил подставлять другую щеку «обидчику»; наконец вместо «государство», кот[орое] все состоит в применении силы, учил «не противиться власти». Против него и его учения была и тогдашняя официальная иудейская церковь, и могущественное римское государство, и Евангельские «богатые юноши», которые не хотели терять своих преимуществ. И, тем не менее, это учение тогда победило. Оно увлекло простые народные массы, а за ними и культурные и обеспеченные слои населения; их увлекали те подвиги мучеников, кот[орые] за веру свою умирали; эти настроения и этих людей уничтожить было нельзя, не ослабив и всего государства. Без всякого насилия тогда они победили. Государственная власть перестала бороться с учением, кот[орое] еще недавно казалось для «иудеев» садизм[ом], а для «эллинов» безумием, а признала христианство не только дозволенной, но обязательной государственной религией. Это было уже капитуляцией тогдашнего государства. Но после этого, на Вселенских Соборах, было формулировано это учение, создана его мистика, почерпнутая из толковат[ельной] обширной литературы, из рассказов современников первых времен христианства, из тех переживаний их, кот[орые] считались тогда «откровением». Эти источники и примеры мучеников создавали ту веру, кот[орая] была изложена на Соборах в Символе Веры. Она была построена и на учении о «первородном грехе», и на «искуплении» <1 нрзб.> его Спасителем, на загробной жизни людей, в которой им будут даны и награды и кары. Это соответствовало людским понятиям этого времени; было логично и увлекательно. Эта вера давала опору исполнением Христова учения. Но ведь это учение победило, увлекло массы людей за собой раньше, чем эта вера была формулирована, сделана обязательной, и отступление от нее обложено карами. Можно ли думать поэтому, что те, кто не верил учению Вселенских Соборов, этим отвергал и Христово учение? Но разве они связаны неразрывной связью, и государственная церковь после Константина была тождественная с церковью первых веков, <2 нрзб.>. И ведь не одно <1 нрзб.> насилие над «еретиками», не самое обещание загробных кар тем, кто не мог искренно верить в мистику Вселенских Соборов, кто не мог не притворяться, чтобы этих кар на себя не навлечь, ни

чтобы не оказать этим «неуважения» вере других, разве такие «неверующие» этим отрицали и <2 нрзб.>? Об них думал и Толстой, когда в [18]50 годах начал мечтать о проповеди учения Христа вне узаконенной мистики и власти государственной церкви. И свое обоснование Христова учения Толстой выводил из всем известного факта – неизбежности смерти; этот факт, если в суете жизни о нем не забывать, ведет к переоценке того, что людьми считается «земным богатством». Об них Спаситель сказал: безумец! Бог призовет тебя в эту ночь; на что богатства твои? Если <1 нрзб.> ни кара, ни награда в загробной жизни, а только <нрзб.>, кот[орые] мы испытали до появления нас на свет, то мы будем иначе относиться к тому, за чем гонялись в течение жизни, за славой, властью, богатством. Конечно, не все сделали подобный вывод; не все пошли за Толстым, как и за Христом. Людей надо в этом постоянно воспитывать, как воспитывать и детей; но воспитывать не карой и не угрозами, а примерами, кот[орые] покорили в первые века людей христианству. И для этого нужно прежде всего, чтобы и государство шло по этой дороге и не воспитывало бы в людях к себе неуважения. Не могу не принимать с большим удовлетворением Вашего напоминания о том, что церковь и ее учение поставили себя опять на высоту, когда государственная власть <2 нрзб.> их стала преследовать. И они могут опять потерять свое обаяние <?>, когда государство их признает, как было сделано в [19]40 году, во время войны. Прости[те] меня за то письмо, не только за почерк, но и его содержание. Ваша истина, что Вы верите в христианскую мистику и не одобряете ее уклонение в физическое или только моральное насилие над людьми. Но не могу согласиться с тем, что попытки обосновать учение Христа без официальной мистики, без самой веры Вы объясняете «гордыней Толстого» и неуважением к вере других. Ведь его неверие есть тоже вера. Именно это я и хотел Вам сказать после Вашей рецензии. Еще раз простите. Больше не буду Вас утруждать. Спасибо за Ваше письмо.

Ваш Маклаков

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

1956

Письмо С. В. Паниной

14.II.[19]56
Tolstoy Farm
Valley Cottage, N.Y.

Дорогая Ариадна Владимировна,

Получила Ваше письмо три дня тому назад, но только сегодня смогла его прочесть Александре Львовне [Толстой], т. к. она эти дни

была совсем больна очередным бурным приступом колита, лежала и была недоступна каким бы то ни было «делам». Первой ее реакцией было: «Но ведь это дело того Политического Комитета, членом которого Ариадна Вл[адимировна] сама состоит». Обещала «подумать» и переговорить с Сергиевским. Конечно, очень посочувствовала Вашей мысли и, как говорится, «клюнула» на нее. Но ничего положительного я Вам сейчас еще, как видите, сказать не могу. Не хочу, однако, задерживать своего ответа Вам и напишу опять, когда что-либо выясниться. Лично думаю, что, пожалуй, «Толстовскому Комитету» и не следует возглавлять чисто политической акции, хотя согласна с Вами, что лучшего «имени» для этого не найдешь. Не знаю, как на это посмотрят Ал[ександра] Львовна и др[угие] директора Фонда. Ваша идея привлечь к этой работе Т. В. Неск[...] мне кажется блестящей. Я, конечно, совсем не знаю ее как работницу, да и вообще лишь мельком и совсем поверхностно видела ее, но она произвела на меня впечатление очень обаятельной и энергичной женщины, очень определенно политически «настроенной» и, вероятно, умной. Почему ушла она из Голоса Америки? И что представляет из себя ее муж? Что он делает и где служит? Если можете, ответьте мне на эти вопросы. Если дело наладится, то Ал[ександра] Льв[овна], наверное, мне их задаст, если имя Тат[ьяны] Вл[адимировны] будет названо. Считаете ли Вы, что Полит[ический] Комитет может за это взяться с надеждой на успех? Или это мертвая организация?

Мне бы очень хотелось проехать к Вам в Вашингтон и всех вас там повидать – у меня там есть и близкие родные, – но сейчас я очень прикована работой к Фарме и в ближайшем времени с Фармы не сдвинусь без крайней нужды. Очень, очень рада, что Вы продолжаете писать Ваши воспоминания! Дай Вам Бог сил и здоровья. Сердечно Вас обнимаю и душевный привет шлю Вашему сыну и Там[аре] Викт[оровне].

Ваша С. П[анина]

<Пометка А. В. Тырковой:> Отв[ечено].

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

1957

Письмо А. М. Ремизова

14/1.III.1957

Дорогая Ариадна Владимировна,

Спасибо за Ваше письмо. Буду очень благодарен за чай. Кофею – не надо.

Из Литфонда я получаю ежемесячно 50 долларов.

С мая месяца по август при Блоке находилась Любовь Дмитриевна (жена) (1), бывала и мать. Умер от сердечного припадка после долгой болезни.

Я о Блоке писал в «Взвихренной Руси» – «К звездам». У меня такое чувство – он (его душа) – не может «остановить» глаз на чем-то: сегодня он видит ясно Богородицу, ангелов, небо – в потом его взгляд начинает беспокойно поворачиваться и видит не Богородицу, а Магдалину.

Как в Блоке, так и в Бердяеве не было злого. А в Андрее Белом (2) бывала иногда глупая злость.

Без противоречий нету жизни, а есть только парение.

Я опять только-только что поднялся, с трудом перевожу дыхание или просто сказать «издыхаю».

А мне ведь только 24 июня исполнится 80 лет!

Буду очень рад – когда вздумаете написать мне.

Алексей Ремизов

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

---

[1] Блок (урожд. Менделеева) Любовь Дмитриевна (1881–1939) – актриса, историк балета. Автор книги «Классический танец» и воспоминаний «И быль, и небылицы о Блоке и о себе». Дочь Д. И Менделеева. Супруга А. А. Блока (с 1903).

[2] Бугаев Борис Николаевич (псевд. Андрей Белый) (1880–1934) – писатель, поэт, критик, теоретик символизма.

Письмо Н. В. Нарокова

31.8.[19]57

Глубокоуважаемая Ариадна Владимировна!

Не могу Вам выразить, как глубоко и искренно я благодарен Вам за Ваше письмо: и за то, что Вы захотели написать его, и за то, что Вы написали. Дело, конечно, не в лестных для меня отзывах (как ни ценны они сами по себе), дело в том, что моя книга возбудила в Вас мысли: именно – возбудила, и именно – в Вас. Что другое может и должно быть ценно автору?

Позвольте мне придраться к факту получения отзыва и под видом ответа на него доставить себе удовольствие поговорить с Вами. Хоть я и боюсь быть многословным (и, следовательно, утомить Вас), но соблазн беседы с Вами чересчур велик. Впрочем, Вы ведь вольны и не читать моего письма: хозяин, как говорится, обижаться не будет.

Вы ставите чрезвычайно важный вопрос: как производится подбор сотрудников и исполнителей в коммунистическом царстве? Мне

думается, что их никто не подбирает, а они сами подбираются. И это обстоятельство имеет чрезвычайный смысл.

Попробуем поставить вопрос «с самого начала»: как совершается подбор членов коммунистической партии? Откинем случайный элемент в ней и элемент, так сказать, принудительный (во время войны в партию гнали принудительно). За этим исключением, в партию идут определенные особи. Какие? Внутри же нее они разбиваются на группы, достаточно типичные: партийцы-аппаратчики, партийцы-администраторы, партийцы-производственники, партийцы-чекисты и т. д. Почему Иванов или Петров не пошли в партию, а Сидоров и Степанов пошли? Почему Сидоров стал секретарем парторганизации на какой-нибудь захудалой фабричке, а Степанов стал следователем районного Отдела НКВД? Какие силы и какие причины определили их направления и пути?

Думается, что эти силы и причины не внешние, а внутренние. Т. е. не чей-то нарочитый подбор, а инстинктивное веление внутренней природы Сидорова и Степанова. Если бы Вы позволили мне употребить слово «порода», то я сказал бы, что подбор производится «породой». Одна «порода» (какая?) заставляет партийца стать работником партийного аппарата, другая же порода (какая?) заставляет его идти в «органы безопасности». Ведь в конце концов так составляются (и составлялись) и профессиональные группы: люди одного склада становились адвокатами, другого склада – земскими врачами, третьего – гвардейскими офицерами. То же самое происходит и внутри партии, потому что иначе подбор личностей в определенные группы не может происходить.

В партию идет определенная «порода» людей. И эту породу я воочию видел не только в СССР, но и в среде немецких нацистов (во время войны), и в среде наших несомненных антикоммунистов. Иной раз при разговоре с иным антикоммунистом так и кажется: где-то распахнулись двери райпарткома, и оттуда потянуло райпарткомовским воздухом.

Вы скажите, что я переношу центр тяжести вопроса с идеологии, с доктрины и с системы на человека. Да, переношу. «Бытие определяет сознание»? Это утверждение так же справедливо, как справедливо и противоположное: «Сознание определяет бытие». Функция и аргумент способны меняться местами в чрезвычайно большом ряде положений: способны они меняться и в естестве человека. «Пребывание в аппарате ЧК влияет на выработку типа чекиста»? Да, но пребывание в аппарате ЧК людей определенной «породы» повлияло и на существо ЧК.

Смиренно каюсь: для меня человек является более несомненным приматом (аргументом), чем система, среда, идеология и прочие внешние условия. Вынужден сознаться и в другом: именно на эту тему я написал свой второй роман. Но он когда-то свыше двух лет проле-

жал в чеховском изд[ательст]ве и «не успел» попасть в очередь, т. к. изд[ательст]во умерло. А теперь он лежит у меня на полке и грустно покрывается пылью.

* * *

Большое, большое и очень большое спасибо Вам за лестный отзыв. Но безо всякого кокетства должен признать, что я своими «Мнимыми Величинами» недоволен. И недоволен я ими оттого, что я не справился с той задачей, которую я перед собой поставил и написал не то (написалось не то), что я хотел. Мой роман для меня определяется его заглавием: «Мнимые Величины». Именно о власти «мнимых величин» хотел я писать. ЧК же, Любкины и советское бытие были для меня лишь сюжетным фоном и сюжетным средством. Но вышло так, что идея «мнимых величин» под моим пером куда-то спряталась и стала невидной, а вперед выпятилось «политическое» значение романа. Сюжет заслонил собою идею автора, а это означает, что автор со своей задачей не справился. Когда я понял это, я написал другой роман абсолютно на ту же тему, но сюжет его перенес в дореволюционные годы и построил на некотором «любовном» эпизоде. Роман этот был отвергнут и забракован всеми друзьями, которые прочитали его в рукописи: «И зачем это вам понадобился архаизм? Пишите о современности!»

* * *

Знавал ли я Любкиных? – спрашиваете Вы. И знавал, и не знавал. Зерно видал, а колос вырастил сам. Во всяком случае, «к добру потянуло» – это я не выдумал, а подслушал от некоего индивидуума а-ля Любкин (но мельче калибром). И поверьте, что такое «потянуло» очень во многом поддерживало меня (поддерживает и сейчас), т. к. дает мне уверенность: «они сдохнут», потому что «это» в них сдохнет.

– Опять Вы переносите решение вопроса на человека! – воскликнете Вы. Каюсь: переношу. Горбатого могила исправит.

* * *

Еще раз искреннейшее и глубочайшее Вам спасибо, глубокоуважаемая Ариадна Владимировна, за Ваш отклик: он очень-очень ценен мне!

Сердечно Вам признательный А. Нароков

Разрешите «похвастаться»: «Мнимые Величины» с полгода тому назад вышли на немецком языке, и за это время у меня уже скопилось свыше 40 рецензий различных немецких, австрийских и швейцарских газет. Отрывки из романа несколько раз передавались по

штутгартскому, венскому и цюрихскому радио. На английском языке роман выйдет в январе-феврале, а на испанском – в ближайшем времени. Французское издание готовится. Хорошо? Да, конечно, хорошо, но... но на русском языке свой второй роман я нигде не могу издать!

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 2. Автограф.

1958

Письмо Б. К. Зайцева

11.I.[19]58

Дорогая Ариадна Владимировна, очень рад был получить от Вас весточку. Рад, что Вы живы – не только телом живы, но и душевно. Это заметил еще по статье Вашей о том же Ремизове (моя была просто надгробная заметка, а у Вас по существу). И очень серьезно. Считаю, что и очень верно. Нелегко взять верный тон: всего не скажешь о только что ушедшем, условно обсахаривать или делать икону, когда повода для иконы нет – тоже неблестяще. («Из Алданова сделали Короленку», – сказала одна дама по поводу посмертных статей о нем.)

С Ремизовым особенно близко я никогда не был, все-таки знал его полвека, в последнее время часто довольно (до болезни Веры (1)) к нему заходил. Летом, в день 80-летия его, выбрался, мы обнялись, я должен был сказать ему неск[олько] слов приветствия от Союза Писателей, но мы оба чуть не разревелись, ничего не вышло. Он пробормотал: «За себя, за Веру Алексеевну...*» – как будто благодарил и схватил мою руку... Но я не архимандрит и успел вырвать ее.

Тогда, в июле, это был еще настоящий, хотя и ослабевший Ремизов. А в последний раз, когда видел его (Вера пролепетала: «Пойди, попрощайся, может, никогда больше и не увидишь» – так и вышло) – тут уж он был опухший и жуткий. Доктор у нас общий, Зернов, и я знал, что дело его дрянь. В гроб его как-то неудачно положили – мешал горб, лежал он совсем маленький, скорченный. – Иногда, проходя в той местности, думаю: «В этот дом я уже больше никогда не войду» – не к кому.

Впрочем, теперь вообще почти никуда не выхожу. Жизнь наша очень изменилась. Болезнь Веры длинная. Она переносит ее кротко, при живом ее нраве это особенно трудно. Уход за ней хороший, очень помогает моя дочь Наташа (покойная мать говорила про Н[аташу] еще девочку: «Ни ты, ни Вера не заслужили такой дочери». Так и ока-

---

* Он Веру знал еще девочкой, они были соседями в Москве. Очень сострадал ее беде <Приписка Б. Зайцева>.

залось). Я сам несколько насобачился теперь по медицинской части. Умею делать массаж и т. п.

Вера говорит – с затруднением, но все же. Три раза в нед[елю] мы с массажисткой водим ее по квартире. Довольно много сидит. Много читаю ей вслух.

Да, Вы правы: мало мы виделись и это жаль. У меня и Веры тоже осталось самое лучшее впечатление от наших встреч.

Дай Вам Бог всего, всего доброго – и в наступившем году, с которым поздравляю, и вообще. Вера шлет Вам также свой искренний привет – она всегда была к Вам очень расположена.

Ваш Бор. Зайцев

P.S. Конечно, мы прожили долгую жизнь, в молодости видели и пережили много хорошего, все же видеть так глубоко подстреленного близкого и дорогого человека очень тяжело. Очень.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

---

1 Зайцева (урожд. Орешникова) Вера Алексеевна (1877 [1878]–1965) – жена Б. К. Зайцева.

2 Соллогуб (урожд. Зайцева) Наталия Борисовна – дочь Б. К. Зайцева. Замужем за графом Андреем Владимировичем Соллогубом (1906–1996), экономистом, крупным специалистом в области банковского дела.

Письмо Сэмюэля Хора

10th February, 1958

Dear Ariadna,

How delightful of you to write me such a long and interesting letter. What you tell me about past history is of great value. I wonder whether you could add to it, and send me a list of, say, half a dozen books or publications, preferably in English or French, that throw light upon the period? You may like to know the general plan upon which I am working. As at present advised, I intend to deal with my three missions, the key to what I write will be the complete breakdown of the machine of government. Modern war needs the united effort of a country. In Russia, as I saw it in 1916, there was no united effort. The government was finding the most intelligent and progressive elements, which <2 нрзб.> of the common people had lost any enthusiasm that they might have had for fighting. Indeed, it might almost be said that the war being fought was a civil war, and not a war against Germany. I shall try to develop this line of thought, and should greatly value any suggestions that you may make to me about it. Whilst I shall make use of my earlier book, «The Fourth Seal», I do not propose to repeat it, but rather

to approach the period from a somewhat different angle. Who do you think were the best of the Cadets? I saw the Cadets members of the Douma from time to time, and greatly admired their ability, but I always doubted whether they could hold their position. Prince Lvov also struck me as an excellent person, but not fitted for a great crisis. I should hope to write something about the various personalities of the time, but I am in some doubt as to which of them were really strong men. Thanks to Harold, I came to know most of them, particularly Struve. Struve, although he possessed a massive mind, never seemed to me to be a man of action. Anyhow, do give me any suggestions that occur to you, and let me write to you again on the subject from time to time.

With ever good wish
Your loving Sam

Дорогая Ариадна,

Как восхитительно с твоей стороны было написать мне такое большое и интересное письмо. То, что ты рассказываешь мне о прошлом, представляет громадную ценность. Не могла ли бы ты в дополнение к этому отправить мне список из, скажем, полудюжины книг или публикаций, предпочтительнее на английском или французском языках, освещающих этот период? Возможно, ты захочешь узнать общий план, по которому я работаю. Как ты мне и советовала, я собираюсь решить три задачи, ключом к тому, что я пишу, будет полный развал правительственного механизма. Современная война нуждается в объединении усилий всей страны. В России, как я видел на примере 1916 г., этого не было. Правительство находило наиболее здравые и прогрессивные элементы, которые <2 нрзб.> простые люди потеряли всякое одушевление, необходимое для борьбы. Действительно, можно почти с уверенностью сказать, что война, которая шла, была гражданской, а не против Германии. Я попробую развить эту линию и высоко оценю любые предположения, которые могут у тебя возникнуть по этому поводу. Пока же я буду использовать свою старую книгу «Четвертая печать», я не собираюсь повторять ее, а, скорее, попробую взглянуть на период под несколько иным углом. Кто, как ты думаешь, были лучшими среди кадетов? Я порой виделся с кадетами – членами Думы и восхищался их способностями, но всегда сомневался, сумеют ли они удержать свои позиции. Князь Львов также поразил меня как выдающаяся личность, однако не подходящая для тяжелого кризиса. Я надеюсь написать что-то о различных персонах того времени, но нахожусь в некоторых сомнениях – кто из них действительно были сильными личностями. Благодаря Гарольду, я познакомился со многими из них, особенно со Струве. Струве, несмотря на то что обладал мощным интеллектом, никогда не казался мне человеком действия.

В любом случае, представь мне любые свои предложения и позволь время от времени снова писать тебе по этому поводу.

С наилучшими пожеланиями,
Любящий тебя Сэм

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Машинопись с рукописной припиской. Оригинал.

Письмо М. В. Вишняка

11 марта 1958 г.

Многоуважаемая Ариадна Владимировна!

Обращаюсь к Вам, памятуя наши немногие встречи и мирный обмен мнениями, несмотря на разделявшие нас взгляды, политические и иные. Пишу под непосредственным впечатлением от прочитанной последней № 74 тетради «Возрождения».

Я имею в виду не очередные выпады против меня – отвратительные и лживые. И не Вашу статью я имею в виду, с которой полностью я, конечно, не могу согласиться (ну, как Вы установили, например, что оборонцы в партии [э]с[е]р[ов] составляли «меньшинство»?).

Я поражен и, прибавлю, глубоко возмущен тем, что бывший секретарь Мережковских Злобин (1) написал, а «Возрождение» сочло возможным опубликовать об интимных отношениях покойных Гиппиус и Философова... (стр. 95–97). Думается, что Ваше возмущение, как человека религиозного, должно превысить мое, когда Вы прочли или прочтете, что З. Н. [Гиппиус] «могла бы сделать при Христе, под Его взором и даже непременно при Нем»...

Я, конечно, никак не призван защищать честь покойной – человека и писателя. Но напечатанное, кажется мне, выходит за пределы личной чести и касается русской культуры, антибольшевистской печати. И я спрашиваю: чем эта мерзость лучше или чище того, что печатает «Правда»?.. Злобину нужны были франки, ради которых он не остановился, чтобы посмертно обесчестить приютивших и усыновивших его. Но «Возрождение»?..

Что это вопрос общего значения следует, в частности, из личного письма Ек[атерины] Дм[итриевны] Кусковой (не мне адресованного), в котором, еще не оправившись от двустороннего воспаления легких, не слишком долюбливавшая Гиппиус Кускова нацарапала: «Какая низость все это публиковать. Нельзя ли протестовать? Ведь мертвую позорить легко. Под видом правды или психоанализов. Читать стыдно и ее жаль. Злобин без стыда и совести... До чего пали нравы эмигрантской литературы. Так жалею, что бессильна. Не могу реагировать...»

Не знаю, как Вы отнесетесь к моему обращению. Прибавлю только, что Вы едва ли не единственный сотрудник «Возрождения», с которым можно разговаривать так, как в былые время разговаривали

друг с другом русские интеллигенты, даже расходясь политически или идейно.

С искренним уважением М. Вишняк (Марк Вениаминович)

502 W[est] 113 St.
New York, 25, N.Y.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Машинопись. Оригинал.

---

[1] Злобин Владимир Ананьевич (1894–1967) – писатель. Литературный секретарь Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (с 1916), хранитель их семейного архива (после 1945). Вместе с ними в 1920 эмигрировал. Автор сборника стихов «После ее смерти» (1951), посвященный памяти Гиппиус. Опубликовал воспоминания о Гиппиус и ее окружении – «Тяжелая душа». В парижском журнале «Возрождение» печатался его «Литературный дневник».

Письмо Е. Д. Кусковой

19/III.[19]58

Дорогая Ариадна Владимировна!

Не можете себе представить, как тронуло меня Ваше письмо... Да, было такое время, когда Вы меня больно задели. Но не сейчас же об этом вспоминать. Я третий месяц между жизнью и смертью. Так хотела бы умереть: жизнь без Сер[гея] Ник[олаевича Прокоповича] для меня была уже не жизнь. Да Вы это тоже пережили и хорошо знаете, что это значит. Добивала себя работой, ничто не скрашивало. А вот Ваше письмо всколыхнуло все старое... Старую жизнь, «там», Софью Владимировну [Панину] и все, все. Но не мы распоряжаемся жизнью и смертью. Я пережила физическую опасность, но вот все еще живу. Ни вставать с постели, ни ходить еще не могу. Тем более – работать. Но уже в состоянии читать. Была потрясена Злобинской выходкой, овладел человек архивом и так подло использовал его в «Возрождении». И еще хуже – никто не протестует против этих разоблачений самой интимной жизни покойной Гиппиус и Философова. Позор и для журнала, что он печатает такие вещи... Но этот журнал вообще не литература. Больно было видеть Ваше имя там. Несчастная Гиппиус буквально негодяю оставила свой архив, неужели никто не опротестует такого его использования. Ну... Теперь о правах тяжко думать.

Очень близких людей у меня тут нет. Живу интересом к России. Кажется, мы с С. Н. [Прокоповичем] были не такие уже дураки, когда предвидели длительный процесс вымирания старых коммунистов и нарождения нового класса. Этот класс – не демократия, конечно, но он гораздо более антикоммунистичен, чем многие, на своей шку-

ре коммунизма не испытавшие. Но мы, старики, этого нового уже не увидали.

Тяжело больна бедная Нат[алия] Ник[олаевна Вышеславцева] И... бедствует. Сейчас пять недель лежала в госпитале. Ее родные совсем другого клана, и она очень одинока.

Очень благодарю Вас, Ариадна Владимировна, за письмо. Очень. Хочу знать, как Вы, как здоровье. Читаю, конечно, все, что Вы пишите. Но пишите Вы редко. Почему? Нездоровы? Напишите мне о себе. Как живете в мировой столице? Кто около Вас? Хорошо ли Вам?

Знаете ли Вы, что покойная Соф[ья] Вл[адимировна] заезжала ко мне на 4 дня перед отъездом в Америку? Она была прелестна и... дико грустна. Отыскала дом, где она жила с Петрункевичами и Ник[олаем] Иван[овичем Астровым]. Первый раз я увидела ее горько, горько плачущей. И полюбила ее еще глубже. В Париже ей было нехорошо, несмотря на Над[ежду] Ал[ексеевну]. Не ее среда...

Будьте здоровы и еще раз благодарю.
Старая Ваша все же соратница Е. Прокопович

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

Письмо А. В. Карташева

24.XII. 6.I.1958 г. (!!)

Дорогая Ариадна Владимировна,

Не мог сразу откликнуться на Ваше письмо от 25.XII ст. ст. Была в делах срочность и спешка...

Да и сейчас не буду говорить о материале Вашего письма (ни о <фам. нрзб.>, ни о Ремизове), и только о тоне, «музыке» Вашего письма. Она настроена по камертону И. Христа. И так и надо. Не было, нет и не будет другого имени под солнцем, помимо которого можно было бы «спастись» человеческому духу. «Это не раскусывание нашими ничтожными зубами алмазного орешка Божьего существа». Но это законный по нашей «относительности, конечности, ограниченности» предел для нашего маленького ratio. За его пределами нам дано «сердце». Оно знает Отца, как ребенок знает мать. И это знание живое и безошибочное. Мы, не думая, дышим воздухом, так мы безошибочно живем (=дышим) Отцом «нашим» Небесным в Его же ипостаси Духа, творящего жизнь. Дальше и глубже этого нужно не какое-то уточненно математическое познание, а как можно скорее и глубже, неотрывнее, тотальное погружение в любовное слияние с Отцом Небесным, молитвенное пребывание в Нем. Любимого надо выпивать, дышать им, не расставаться с ним, чаще вырываться из рук людей и бежать к нему. Минимально хотя бы с одним Евангелием в руках. Но как это холодно, пусто до пустынности без богатых лугов и цве-

тов церковно-богослужебных стихов и пений церковных! Последнего почти никто не знает, хотя подсознательно все этим питаются. Отпугивает нашу гордыню детская словесная оболочка поэзии псалмов, пророков, канонов и стихир. Но насколько этот примитивный мир мудрее, повелительнее, адекватнее, подлиннее нас знакомит с Богом и небом, чем наша самая лучшая, даже пушкинская поэзия (сравн[ите] Ефрема Сирина (1) в подлиннике и в пушкинском пересказе).

Вся наша психика, и вся наша жизнь должна быть вовлечена в культ, в нем выдерживаться, перестраиваться, преображаться, изменяться. С сохранением двух <1 нрзб.>, как и в Христе, в их иррациональном сочетании. Еретична, <1 нрзб.> аскеза буддийская. Наша – музыкально диссонирующая, саднящая, но полная, истинная.

Слишком безрелигиозно все воспитываются, все чеканятся дикарями для церкви.

Надо усиленно заняться христианским воспитанием молодых поколений. Природные инстинкты так могучи, что излишня боязнь монофизитства (2). Да в православии монофизитство уже умерено, разъеретичено. Боятся нечего.

Конечно, я – счастливейший из рус[ских] людей, обогащенный всем этим. Но с меня больше и взыщется. А другим и за каплю любви к церкви воздастся.

Идите по верному пути, который Вам открылся.

Наш Вам привет
А. + П. Карташевы

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

---

1 Ефрем Сирин (ок. 306 – 373) – Отец церкви, христианский богослов и поэт.

2 Монофизитство постулирует наличие только одной Божественной природы в Иисусе Христе и отвергает Его человеческую природу. (Христос – Бог, но не человек.)

1959

Письмо М. М. Карповича

14 мая 1959
516 Orange Street
New Haven 11, Conn.

Дорогая Ариадна Владимировна,

Ваше письмо очень меня огорчило. Вы совершенно правы – конечно, редакция журнала должна была послать Вам рукопись Ильина на просмотр.

Хочу только указать на некоторые обстоятельства, которые, если не оправдывают, то, может быть, несколько объясняют мое поведение в этом деле. Рукопись эту Ильин прислал из Швейцарии, где он сейчас живет уже довольно давно. Когда мне ее переслал на прочтение Гуль, я решил, что печатать ее в журнале не хочу. Мне именно показалось, что это не «историческое показание», а личные мнения и ощущения автора, при этом еще пропущенные через призму позднейших его настроений. Так как при этом ничего особенно нового или интересного в этих его личных мнениях не было, то, казалось бы, не было основания статью принимать. В этом смысле я написал Гулю, и он снесся с автором. Но потом началось сильное давление со стороны автора, к[ото]рый, можно сказать, умолял его статью напечатать, вперед соглашаясь на исправления и сокращения. Писал в редакцию по этому поводу почему-то и епископ Никон (Флоридский) (1). Гулю уже статья казалась интересной.

Я бы не уступил, если бы я был в нормальном своем состоянии. Но это как раз совпало с периодом, когда я пребывал как бы в тумане. В январе мне сделали операцию левого локтя, в к[ото]ром образовалась какая-то инфекция. Инфекция эта оказалась туберкулезного характера (по-видимому, ни в какой другой части организма бацилл не обнаружили). Меня стали лечить какими-то якобы чудодейственными пилюлями, излечивающими туберкулез. Одновременно обнаружилась у меня грыжа. При этом мне приходится теперь уделять очень много времени и сил Татьяне Николаевне (2), здоровье которой оставляет желать лучшего.

Я уверен, что если бы не это стечение обстоятельств, я бы сообразил, что надо послать Вам рукопись, и, во всяком случае, более тщательно ее проредактировать.

Письмо Ваше я конечно охотно напечатаю. Мы вошли в полосу острого финансового кризиса, но как будто удается из него вылезть. Во всяком случае, мы готовим следующую (<1 нрзб.>) книгу. Боюсь только, что вместо июня она выйдет в июле. В ней и появится Ваше письмо.

В Вашингтоне я был на Рождество, но так был занят разными заседаниями и т. п., что повидать Вас никак не мог. Очень надеюсь, что меня скоро погонят и что я смогу съездить в Вашингтон, где у меня ведь живет сын с женой и тремя детьми.

Шлю сердечный привет Вам, Аркадию Альфредовичу и Тамаре Викторовне от нас обоих.

Искренно Вам преданный
М. Карпович

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 1. Автограф.

[1] Никон (в миру Николай Павлович Рклицкий) (1892–1976) – епископ Русской православной церкви за границей; архиепископ Вашингтонский и Флоридский (с 1960).

[2] Карпович (урожд. Потапова) Татьяна Николаевна (1897–1973) – жена М. М. Карповича.

Письмо А. Л. Толстой

June 16. 1959

Глубокоуважаемая и такая дорогая Ариадна Владимировна!

Прочла Ваше письмо и... расплакалась. Вот это, пожалуй, одна черта, кот[орую] унаследовала от отца моего. Не плачу от горя, от обиды и плачу от умиления. Он всегда плакал, когда его что-то глубоко трогало.

Читала Ваши строки и радостно было и совестно, п[отому] ч[то] не заслужила. Как я в слове своем сказала: «мои жертвенные, прекрасные сотрудники работают, а я получаю благодарность» и это не слова – бывает часто неловко.

Как-то будучи в Вашингтоне, порывалась зайти к Вам, но Вы в тот день плохо себя чувствовали, а в следующий мой приезд я была занята каждую минуту. Мне очень хочется Вас видеть. Ксана и Вера держали меня в курсе Вашей болезни. Пожалуйста, продолжайте «выкуривать» из себя болезни, как Вы пишите. Я знаю, что Вам трудно писать – тем более я приняла как великую ценность Ваше письмо ко мне.

Спасибо!

Прочту Ваше письмо всем сотрудникам.

Пожалуйста, поправляйтесь и живите еще долго на радость всем нам.

Ваша Александра Толстая

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 3. Автограф.

Гапон

Гапон убит. Когда это имя, совсем чужое, совсем незнакомое, в первый раз зазвучало на страницах газет, когда с каждым днем выяснялась необычайная, гипнотическая власть своеобразного трибуна над толпой, в широких слоях общества выросло смешанное чувство тревоги и надежды. Знали, что он связан с полицейскими зубатовскими организациями, знали, что у него нет законченного и цельного политического мировоззрения. Это было опасно. Но, с другой стороны, священник во главе большого, первого большого народного движения. В самой непонятности вождя в рясе таилась какая-то новая, неиспользованная сила.

Он сумел развернуть, до конца проявить эту мощь организатора, вдвинувшего в русло общественной жизни инертные рабочих массы. Железная воля загадочного священника обратила день 9 января в бесповоротный, перевальный этап новой России.

Мы все это поняли, как только безумные подробности расстрелов долетели до нас. И поп Гапон, все такой же непонятный и неразгаданный, вошел в наше сознание как избранник судьбы, на которого выпала историческая роль провести последнюю красную черту между распадавшейся самодержавной Россией и еще только брезжившей Россией конституционной. Случайно ли досталась ему эта доля, или он был призван к ней индивидуальными особенностями, мы не могли и не хотели разбирать.

Слишком дорог он стал сразу.

И тяжело было, когда народный вождь, выброшенный в взбаломученное море эмигрантской жизни, запутался и перепутал свои отношения к революционным партиям. Они встретили его с распростертыми объятиями, постарались на страницах своей печати поскорее сгладить свои прежние резкие или вопросительные подозрения относительно дружбы Георгия Гапона с Министерством внутренних дел.

Но из этого ничего не вышло. И не могло выйти. Гапон, настоящий демагог, беспрограммный, беспринципный в смысле строго обдуманных и выдержанных общественных взглядов, разбивал и нарушал доктринерскую идеологию революционеров. Он для них был слишком неразборчив, слишком необуздан. Они для него были книжниками, теоретиками, словесниками, а не дельцами. Глубокое противоречие не может не привести к враждебности, когда люди с разных концов берутся за одно и то же дело. И Гапон и его новые союзники хотели одного — организовать массу. Но хотели они этого по-разному, а может быть, и для разных целей. Они не только действовали, но и мыслили, чувствовали в различных плоскостях. Им невозможно было понять друг друга.

Едва вернувшись в Россию, еще эмигрант, еще враг правительства, он уже вступает в какие-то двусмысленные договоры с графом

Витте, уже берет у него деньги на рабочее дело. Об этом узнают, об этом пишут. Гапон оправдывается в грубой, чванливой форме. И от всех этих темных историй темнеет и куда-то исчезает так ярко вспыхнувший в нашем сознании образ священника-вождя. Он был нам не только близок, но и понятен. Это была наша ошибка.

В сущности, Георгий Гапон для нашей радикальной интеллигенции был всегда чужим и по психологии, и по морали. Но когда он так сразу вошел в освободительное движение, интеллигенция сочла его своим, стала его мерить своей меркой. И совершенно напрасно.

Если в интересах рабочих мне надо сделаться публичной женщиной, я сделаюсь публичной женщиной...

Эту циничную и в то же время восторженную фразу часто слышал от Гапона один из социалистов-революционеров, которому приходилось не раз иметь дело с несчастным январским героем.

Сам человек редкой моральной чуткости, сохранивший внутреннюю чистоту бывшего толстовца, он горячо отстаивает убитого трибуна.

Он считает, что так быстро вознесенный и так же быстро загрязненный целым дождем обвинений, народный трибун всегда грешил не в своих интересах, а только в интересах дела. Хуже всего, конечно, темные истории с деньгами, сношения с большими и малыми правительственными агентами, начиная от министров и кончая сыскными чиновниками.

Для нас все это грязно, недопустимо, невозможно. Но у Гапона была своя разбойничья, или, вернее, демагогическая в самом дурном смысле слова, этика. Для него общенье с охранным отделением и было тем развратом, той проституцией, через которую он готов был перешагнуть во имя рабочих.

Знали об этом его ближайшие товарищи или не знали? Что он берет деньги от Витте, – это их не задевало, все равно – деньги народные, т. е. почти им принадлежащие. Но остальное, все эти тайные свидания с Рачковским (1) и другими агентами? Соглашались ли они и на эту двусмысленную игру своего руководителя?

Вернее, что нет.

И вот Гапон убит.

Кто же это сделал? Кому понадобилась смерть человека, положившего свою печать на один из крупнейших этапов народного пробуждения?

Нет у нас пока ответов на эти вопросы.

Но тем сильнее гнетет нас загадочная гибель священника-демагога.

А. Вергежский

Речь. 1906. 4 мая. № 64.

---

[1] Рачковский Петр Иванович. (1853–1910) – деятель политического сыска. В 1885–1902 заведующий заграничной агентурой Департамента полиции.

Вследствие отрицательного к нему отношения министра внутренних дел В. К. Плеве был отозван из Парижа и вышел в отставку. В 1905 привлечен к работе в Департаменте полиции, выезжал в декабре 1905 в Москву, где руководил арестами участников вооруженного восстания.

Убийство М. Я. Герценштейна

Через день или два после убийства М. Я. Герценштейна шла в Сергиевской церкви панихида. В тесной церкви кроме нескольких журналистов собрались, главным образом, депутаты, и кадеты, и трудовики, собрались те, кто еще так недавно работал рядом с убитым депутатом в просторных палатах народного дворца. И странно было видеть среди этих знакомых, интеллигентных лиц каких-то совсем чужих людей, с развязными манерами, с бесцеремонными голосами, с наглым взглядом острых, бегающих глаз. Большинство было одето в поддевки и руки были не барские. Но выражение лиц не напоминало тех сознательных рабочих, которых, казалось, можно было бы увидать. Не было печати мысли и духовного пробуждения в этих зловещих, насмешливых глазах.

Мы знали, что вдова убитого получает циничные, издевающиеся и безграмотные письма от какой-то таинственной «каморры народной расправы», мы знали, что это убийство чисто политическое, но лица убийц и их единомышленников расплывались в каком-то тумане. И едва ли не в первый раз здесь, под печальное, величавое панихидное пение увидали мы тех, кто мог решиться на такое безумное дело – на убийство человека, всю жизнь боровшегося только силой слова. Это не значит, конечно, что сами преступники явились на панихиду. Это было бы слишком рискованно. Довольно и того, что боевая дружина прислала своих молодцов, точно для того, чтобы лучше поглумиться и над памятью покойного и над печалью его друзей. Присутствие этих людей создало в церкви совершенно исключительную, гнетущую атмосферу, давящее сознание близости чего-то бесконечно гнусного и низменного.

С тех пор прошло полгода и картина преступления, по-видимому, выяснена. Судя по данным, раскрытым на предварительном допросе свидетелей финляндским судом, преступление было организовано боевой дружиной Союза русского народа, во главе которой стоит губернский секретарь Н. М. Юшкевич-Красковский (1). Для того чтобы убить человека, который не скрывается, никакой охраной не окружен, не нужно ни особенно сложных планов, ни большой ловкости. Покойный М. Я. Герценштейн не раз получал угрожающие письма, но ведь такие же письма получало большинство его товарищей по думской работе, и никто из них не принимал никаких мер предосторожности. Почему выбор заговорщиков пал на московского депутата, – это не совсем ясно. Вернее всего, что он поплатился жизнью за свою речь по аграрному вопросу, за ту страстную и сильную настойчивость, с которою в ответ на развязную речь г. Гурко он требовал для крестьян

земли и воли. Земли, т. е. принудительного отчуждения дворянских земель. Это тот страшный лозунг, который заставил дворян заключить оборонительный союз, создал дворянско-поместную звездную палату, так выпукло высказавшуюся в Зыбинской записке.

Итак, в каком-то тайном судилище, в какой-то «каморре» (2), решено убить бывшего депутата. Судя по показаниям свидетелей, желающие нашлись не сразу. Предлагали, не прямо, но намеками, – «можно в Териоках выгодное дело сделать» – свидетелям Лаврову и Зорину (3). Они отказались. Взялись за выгодное дело Егор Ларичкин, Сергей Александров и Абрам Тополев (4). Из них Ларичкин потом хвастался, что это его пуля «срезала» депутата и что, совершив убийство, он вышел на дорогу и помог снести в дом тело. Когда убийство подготовлялось, Юшкевич-Красковский и его помощник Половнев приехали в Териоки для руководительства. Они же подговаривали Лаврова и Зорина убить инженера Гиппиуса на семянниковском заводе. Те сначала согласились, даже взяли в виде задатка 40 р., но потом раздумали. За это их не только выключили из боевой дружины, но начальник дружины донес полиции, что они носят без разрешения оружие. Их арестовали и присудили к месяцу заключения. Так как оружие было им дано как дружинникам, то они обозлились и рассказали все уголовные проделки своих патриотов-единомышленников следственной власти.

Таким образом раскрылась вся картина убийства М. Я. Герценштейна, выяснилось сходное убийство рабочего Мухина (5), приготовление к убийству инженера Гиппиуса. Кто знает, не раскроются ли еще какие-нибудь могилы...

Когда Зорин, отказавшись убить Гиппиуса, пришел к Дубровину (6), председатель Союза русского народа сказал ему: «Таких, как ты, нам не надо», и демонстративно ласкал Александрова и Ларичкина, последнего даже поцеловал: «Таких люблю».

Г. Юшкевич-Красковский не только отрицает свою виновность, но даже привлекает к ответственности газету «Речь», которая так энергично сумела выяснить картину преступления. Начальник боевой дружины желает реабилитировать свое «честное дворянское имя». Тем лучше, так как тем скорее Россия узнает имена истинных виновников этого громкого дела, которое кроме своего морального значения имеет и громадное политическое значение.

Ведь Союз русского народа не просто партия, а партия, пользующаяся редким вниманием и покровительством правительства. Стоит только вспомнить всю их осеннюю шумиху, телеграммы, которые рассылались во все концы Европы, то иностранным государям, то русскому монарху, то генерал-губернаторам и министрам. Стоит вспомнить их воинственную буффонаду в Михайловском манеже, где впавший в противохристианское неистовство Иоанн Кронштадтский освещал знамена, точно пародируя историческую картину – Сергия (7), благословляющего русские войска на битву с татарами. И сейчас же вслед за

этим появляется наглое письмо Дубровина к митрополиту Антонию. Наконец, во время похорон генерала Лауница (8), боевая дружина союза выступает в качестве какого-то официального учреждения, наводя немалый страх на всех прохожих.

И вот оказывается, что в этом самом союзе и его дружине не только занимаются воинственными маневрами и исступленными криками то на собраниях, то на страницах «Русского Знамени» (9), но и кровавыми актами удовлетворяют свою злобу к конституционной России. Господа Булацели (10) и К° с гордостью говорят, что они тоже революционеры, тоже готовы идти на все, ради защиты дорогих им устоев.

Эти устои действительно должны быть им дороги, так как служат для них источником разных благ, в виде субсидий, поощрений, покровительства и других знаков внимания. Революционеры те глупее, они лезут на такой путь, где их ничего не ждет, кроме тюрьмы, ссылки и эшафота.

Возможно, что после показаний, уже собранных следователем, боевой дружине труднее будет работать. Оказывается, что и за тридцать сребреников нелегко найти желающих убивать ни в чем не повинных людей. Но теперь, когда выяснилось, что даже патриотический значок не гарантирует безопасность, охотников рисковать будет еще меньше. Ведь не за дубровинский же поцелуй рискуют эти несчастные своей шкурой. Им нужно погулять и потешиться за свои денежки, а тут вдруг следователь.

Во всяком случае, даже то, что мы уже знаем об этом гнусном преступлении, раскрывает такие мрачные подземелья и застенки русской жизни, перед которыми содрогнется и задумается даже самый не привыкший к раздумью обыватель. И на колеблющихся весах выборной психологии окровавленный призрак Союза русского народа – этой правой руки реакции, ляжет тяжелым грузом.

А. Вергежский

Вестник партии народной свободы. № 3. 1907. 18 января. С. 129–132.

---

[1] Правильное написание – Юскевич-Красковский Николай Максимович (? – после 1917) – активный деятель монархического движения, член Главного совета Союза русского народа, руководитель его боевой дружины. Обвинялся в причастности к убийству М. Я. Герценштейна в июле 1906 в Териоках, осужден судом Финляндии к 6 годам тюрьмы, однако помилован Николаем II.

[2] В день убийства (8 июля) и 26 июля 1906 г. жена М. Я. Герценштейна получила две карточки с изображением на них черепа и двух костей с надписью «коморра народной расправы».

[3] Михаил Зорин, Илья А. Лавров входили в боевую дружину Союза русского народа, но были исключены из рядов Союза. Сущность показаний Лаврова, Зорина по делу об убийстве М. Я. Герценштейна заключалась

в том, что они слышали, будто это преступление совершили Ларочкин, Александров, Тополев и Половнев, действовавшие по подстрекательству Юскевича-Красковского.

4 Суд Финляндии приговорил Сергея Александрова к пяти месяцам тюрьмы за недонесение о готовящемся убийстве, Льва Тополева освободил за недостатком улик, а Егор Ларичкин получил шесть лет тюрьмы. Вскоре они были помилованы царем.

5 Лавров и Зорин дали показания по делу об убийстве в Петербурге 4 мая 1906 рабочего Мухина. Они сообщили, что Ларочкин будто бы рассказал им, что он убил Мухина за то, что тот предает революционерам членов Союза русского народа.

6 Дубровин Александр Иванович (1855–1921) – врач, политический и общественный деятель. Один из организаторов (1905) и председатель Главного совета Союза русского народа, издатель и редактор его газеты «Русское знамя». Организатор (1912) и пожизненный председатель Всероссийского дубровинского Союза русского народа.

7 Сергий Радонежский (в миру Варфоломей) (1314–1392) – монах Русской церкви, церковный и политический деятель. Основатель Троицкого монастыря (ныне Троице-Сергиева лавра). По версии жития, великий князь Дмитрий Иванович Донской, отправляясь на Куликовскую битву, получил от Сергия благословение, а Сергий отпустил в поход двух своих иноков, Пересвета и Ослябю. Сергий Радонежский почитается как православный святой.

8 Лауниц Владимир Федорович, фон дер (1855–1906) – военный и государственный деятель, генерал-майор. С 23 декабря 1905 петербургский градоначальник. Поддерживал монархические организации. Неоднократно на него совершались покушения. 21 декабря 1906 застрелен террористом Кудрявцевым во время церемонии открытия клиники Института экспериментальной медицины.

9 «Русское знамя» – ежедневная общественно-политическая газета, орган Союза русского народа. Выходила в Петербурге с 28 ноября 1905 по 5 марта 1917. Издатель – А. И. Дубровин. Газета пропагандировала идеи неограниченного самодержавия, выступала против Государственной думы, за максимальное ограничение ее прав, призывала к избиению представителей левых партий, к погромным выступлениям.

10 Булацель Павел Федорович (1867–1919) – юрист, журналист, общественный деятель. Активный участник монархического движения, один из создателей Союза русского народа, член его Главного совета (1905–1907); входил в редакцию центрального органа Союза – газеты «Русское знамя». Член Русского Собрания (с 1904), входил в состав его Совета (1908–1917).

Шмидт

Двадцатидвухлетний Шмидт (1) зарезался в тюрьме. Его арестовали в дни декабрьского московского восстания, арестовали, после того

и даже, кажется, за то, что, усмиряя пресненских инсургентов, войска разрушили и сожгли большую столярную фабрику Шмидта, «проклятое гнездо», как называла местная полиция мастерскую, где рабочие держали себя более независимо, чем на окружающих фабриках. Даже дом, хорошенький небольшой особняк, был разорен. Остались обломки стен, с пятнами от ядер, с зияющими впадинами пустых окон.

Мне пришлось говорить с одним из шмидтовских рабочих, уже не молодым, суровым человеком. Он уверял меня, что хозяйский сын держал себя далеко и от фабрики, и от рабочих, что никакого заговора они сообща составлять не могли, т. к. дружина, засевшая в мастерских, действовала без его ведома и даже без какого бы то ни было общения с ним.

На дознании рабочие даже отрицали прикосновенность к пресненскому делу студента Шмидта. Но его все-таки держали в тюрьме, больного, развинченного, неспособного противостоять ужасам тюремного режима. В прошлом году газеты описывали, как Шмидта выводили на расстрел и только случайно он избежал казни. Не знаю, верно ли это, но даже если предположить, что это последнее потрясение и миновало молодого пленника, то разве не довольно грохота московского восстания и сейчас же вслед за ним могильных мытарств по казематам и одиночкам?!

Что Шмидт сходит с ума, об этом знали и родные, и тюремная администрация, и врачи-эксперты. По настоянию близких судебная власть – покойный числился за московской судебной палатой – разрешала экспертизу, допускала к заключенному опытных врачей и заслуженных профессоров, а затем, когда специалисты подтверждали, что он психически больной, что ему место не в тюрьме, а в клинике, его опять вели назад, опять гремели наглые замки, и несчастный оставался один на один со своим душевным недугом.

Дела против политических преступников ведутся, главным образом, во имя государственной безопасности. Пусть так. Но чем рисковала бы Российская империя, если бы этого двадцатидвухлетнего юношу перевели из Бутырок в какую угодно больницу? Еще в июне месяце комиссия из тюремных врачей признала необходимость клинического лечения.

Но власти этого не признали.

Теперь один из экспертов, профессор Сербский (2), спрашивает в «Русских ведомостях», зачем было затевать все эти хлопоты с медицинским освидетельствованием.

Действительно, зачем? Не проще ли сказать, что всякий военнопленный выбрасывается за пределы закона и человеколюбия. Это – добыча, с которой можно поступать как угодно будет победителям.<...>

Мы, русские, привыкли к тюрьме, к тому, что каждый из нас, что почти все наши общественные деятели прошли через тюрьму и ссыл-

ку. Мы говорим об этом мимоходом, часто с усмешкой. Точно стыдно признаться, что само по себе тюремное заключение является позорным надругательством над человеческой личностью, даже если оно обставлено последними усовершенствованиями карательной науки и изысканной гуманностью наидобрейших надзирателей. Человека запирают, как зверя, в клетку. Да еще вдобавок почти всегда истязают и издеваются над ним.

Ну и отлично, проделывайте все это. На войне, как на войне. Но зачем же прикрываться какими-то фиговыми листочками, проделывать какую-то комедию законности.

Не может быть закона, повелевающего держать в тюрьме безумного. Но его все-таки держали, пока он сам не открыл себе путь к вечной свободе.

И ведь Шмидт не один. Тюрьмы переполнены, но кто скажет нам – какой процент душевнобольных томится в их безжалостных каменных объятиях! У Шмидта, по-видимому, энергичная, обеспеченная родня, и все-таки все их усилия разбились о «законную» твердость московских вершителей правосудия. У многих арестованных нет никого. Заброшенные в чужой город, далеко от семьи, часто слишком бедной, чтобы тратиться на разъезды, эти люди, обыкновенно молодые и нервные, одиноко борются с проклятой властью одиночки. Недуг подползет незаметно, но и тогда двери откроются не сразу...

Но о тех, кто гибнет по провинциальным казематам, где условия несравненно хуже, разве мы что-нибудь знаем? Знаем одно и твердо знаем – там идут круги дантовского ада, где нет пощады ни здоровым, ни безумцам.

А. Вергежский

Речь. 1907. 17 февраля. № 40.

---

1 Шмидт Николай Павлович (1883–1907) – студент Московского университета, владелец унаследованной от отца мебельной фабрики в Москве на Нижней Прудовой улице в районе Пресни; участник 1-й русской революции, примыкал к большевикам. Активно участвовал в подготовке Декабрьского вооруженного восстания в Москве: закупал оружие для боевых дружин, на его фабрике изготовлялись бомбы и печатались листовки. В разгар восстания был арестован; фабрика сожжена правительственными войсками по приказу генерала Мина. Проведя более года в одиночном заключении, 13 (26) февраля 1907 был найден мертвым в камере тюремной больницы. По одной из версий, был убит, по другой – покончил жизнь самоубийством. Однако он успел сообщить сестре (Е. П. Шмидт) свою завещательную волю: передать свои средства на борьбу с самодержавием. Его состояние перешло к большевикам. Похороны Шмидта превратились в политическую демонстрацию.

[2] Сербский Владимир Петрович (1858–1917) – один из основоположников судебной психиатрии в России, создатель научной школы. Обосновал два критерия невменяемости, а также методику проведения судебно-психиатрического освидетельствования. Профессор Московского университета (1902–1911), ушел в отставку в знак протеста против политики министра просвещения Л. А. Кассо.

<*Без названия*>

Низы быстро и грозно левели, одурманенные непонятными, но пряными социалистическими лозунгами. Это уже было зловещее нарастание новой и злобной массовой психологии. Мне пришлось с ней столкнуться в эти душные августовские дни между Московским совещанием и Корниловским эпизодом. Только что мы вернулись из Москвы, как меня позвали на митинг на Путиловский завод. Митинг устроили кадеты. Это была дерзкая затея. Путиловцы были под большевистским влиянием. Когда мы с сыном пробирались какой-то длинной дорогой между заводскими зданиями к рабочему клубу, мы несколько раз наткнулись на казаков. Завод работал на оборону и был под военной охраной. Мой сын подошел к молодому казаку с живописным чубом, выбивавшимся из-под фуражки, и спросил:

– А вы на кадетский митинг не пойдете?

Казак засмеялся, блеснув белыми зубами и залихватски сказал:

– Кадеты. Нет, это нам программа не подходящая. Мы теперь на этих, как их. Ну, Митька, мы на кого теперь подаемся?

Невидимый Митька ответил с важностью. – Известно на кого – на эсеров.

Это было плохое начало. Большая клубная зала оказалась битком набитой. Но никогда еще не случалось мне очутиться лицом к лицу с такой враждебностью. Мы все, сидевшие на эстраде, чувствовали как на нас от толпы веет злобой. А. И. Шингарев, которого несколько месяцев спустя большевики так зверски убили, с горькой усмешкой оглядывал залу. Всем нам было тяжело, даже больно. Ответной вражды во мне не было. Скорее гнетущее чувство виноватости, что мы, образованные русские люди, не сумели предотвратить тех бедствий, которые так угрожающе надвигались на Россию. И так хотелось напрячь все свои силы и разогнать дурман коммунистической лжи и чепухи.

Но как только я подошла к краю эстрады, чтобы говорить, навстречу мне со всех концов раздался шум, свист, рев, поднялись кулаки. Я видела толпу бесноватых, одержимых. Казалось, еще минута и они все бросятся на эстраду, сомнут нас всех. Я стояла неподвижно. Толпа на минуту затихла. Тогда я крикнула им:

– Вы что боитесь правды. Не хотите дать нам говорить. Все равно я не уйду отсюда, пока не скажу вам, что думаю.

В ответ раздался еще более грозный рев. Замелькало в воздухе еще больше кулаков. На этот раз я рассердилась и твердо решила не

двинуться с места, пока они меня не выслушают. Конечно, мое упрямство оказалось бы совершенно ни к чему, если бы часть рабочих не стали на мою сторону. Они вскочили и куда громче меня стали кричать на своих товарищей, корить их:

– Товарищи, дайте же гражданке высказаться. Пусть кадеты свою программу предложат. Надо уважать свободу слова.

Вся тысячная толпа вскочила на ноги. Все кричали, все друг другу грозили. Все кипело в зале. Только я и мои товарищи на эстраде не двигались и молча ждали, чем это кончится. Наблюдали за разбушевавшейся толпой, которая в каждую минуту могла нас смыть.

Сторонники свободы слова взяли верх. Путиловцы оказались на высоте. В зале наступила тишина, и я могла сказать им что считала нужным. Мне часто приходилось выступать публично, читать лекции, говорить речи, но никогда, ни раньше, ни позже не испытывала я с такой острой очевидностью реальную силу слова. Для нас, либералов, как и для части социалистов, революционные иллюзии уже кончились. Мы ясно видели, как надвигается волна всяких бедствий. Распад армии, позорный мир, который слизнет весь героизм трехлетнего военного усилия, нищета, анархия, голод, унижение России и страдания, страдания без конца. Все это я ясно видела перед собой. И все это я им сказала. Меня прерывали, но меня и слушали. Толпа разделилась. В одних уже вошли бесы разрушения, непримиримости, ненависти. Эти были глухи и слепы. Но у других душа так же болела за Россию, как у меня. И каждый раз, когда я произносила это слово – Россия, – я видела на лицах одних презрительную, злобную усмешку, на лицах других отблеск более человеческих, более глубоких чувств и страстное напряженное желание понять, да где же правда. Кому верить: товарищам социалистам, кот[орые] обещают мир хижинам, войну дворцам, или буржуям-кадетам, которые так мало обещают, так настойчиво говорят об обязанностях, о долге перед родиной. И так была велика потребность понять, что, несмотря на весьма неласковую встречу, рабочие всем нам дали высказаться. Это была моя последняя речь в моем родном Петрограде.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 11. Машинопись.

Россия и грядущий мир

I

Нервное перемирие

Любопытное зрелище представляет сейчас политическая Европа. Война кончилась. Массы, измученные душевной тревогой за близких, усталые от экономического напряжения и лишений, неудержимо радуются перемирию, принимая его уже за мир. А думающие люди и

в особенности политики, связавшие свою судьбу или свое честолюбие, с разрешением сложнейших проблем переустройства всего мира, смотрят на завтрашний день с новой и не легкой тревогой.

Революция бушует уже не в одной России. В побежденных Болгарии, Турции, Австро-Венгрии царит полный хаос. Нарождаются очертания новых государств, но их отношения к соседям, так же как и взаимоотношения внутри освобождающихся наций представляются еще как ряд вопросов. Нелегко понять положение и в Германии, в самом методическом из всех побежденных государств. Kaiser (1) уехал, не подписав отречения. Вместо него правит Шейдеман (2). Но ведь между этими двумя типичными германцами, между лидерами милитаристов Вильгельмом и лидером с[оциал]-д[емократов] за время войны установилось очень выдержанное сотрудничество.

Но все-таки и Германия, как и Россия, не выдержала войну до конца из-за расстройства тыла. Теперь весь восток Европы от Урала до Рейна, в сущности, во власти революции. Правда Шейдеман не пускает Иоффе (3) в Берлин.

Большевистский посол, изгнанный еще императорским правительством, имеет право вдвоем <?> негодовать на свою высылку. Ведь и Шейдеман, и Вильгельм помогали большевикам, каждый по-своему, но, по-видимому, оба через посредство одного и того же честного маклера с[оциал]-д[емократа] Парвуса, который, сидя в Копенгагене, питал большевиков и деньгами, и, по собственному его заявлению, идеями.

Революционная Германия как будто окончательно прервала с большевиками сношения, когда-то установленные Германией императорской. Немецкие народные комиссары хотят удержать революцию в рамках приличия и благоразумия. Немцы понимают, что истощенный войной германский народ так же не вынесет бремени максимальной социалистической программы, как не вынес его и народ русский. Немцы понимают, что упасть легче, чем встать и стараются устоять на ногах даже под напором революционной бури. Но война не только разъединяла. Она и сближала. И революционные волны, поднявшиеся в побежденных странах, вызывают и среди победителей тревогу и политическую нервность. Это отражается и на внутренней и на внешней политике. Может наступить такой момент, когда решения государственных людей будут подсказываться не столько здравым смыслом и интересами завтрашнего дня, сколько предполагаемой психологией масс. Как русская, я особенно ясно вижу эту опасность в русском вопросе.

Что такое сейчас Россия? Где она и кто может говорить от ее имени? Когда в день перемирия Париж весь горел радостью, помолодевший и похорошевший как невеста, бросившаяся навстречу жениху, союзники обменивались дружескими приветствиями, но русского флага почти нигде не было видно, не было даже слышно слова Рос-

сия. Более вежливые французы объясняли русским, что сейчас дело идет о народах, сражавшихся в момент перемирия. Россия вышла из боя раньше конца войны... Конечно, вышла. Но русские люди, глядя на ликующий Париж, твердо знали, что если бы не огромные жертвы, понесенные русской армией, перемирие было бы продиктовано не Фошем (4), а Гинденбургом (5) и пруссаки снова, как в [18]71 г. (6), были бы хозяевами Парижа. Это знают не одни русские. И среди влиятельных дипломатов ходит даже нечто вроде формулы – mais allez donc, la Russié ne sera pas oubliée*. Фраза не только смутная, но и соответствующая размерам и возможностям России. По-видимому, для иностранцев, даже для союзников три года напряжения русской армии превращаются уже в историческое воспоминание, кот[орое] покрывается дальнейшими событиями и прежде всего Брест-Литовским миром (7), анархией и распадом когда-то великой державы. И среди радости победы и напряженного желанья учесть эту победу внимание невольно сосредотачивается на ближайших соседях, на тех, кто принимал участие в предварительных мирных переговорах. Россия, огромная, далекая, малоизвестная, теперь еще меньше понятная, чем когда бы то ни было, отступает куда-то в тень. И вместе с нею отступают в тень два основных вопроса, связанных с ней – продолжение интервенции и участие России в мирной конференции.

Оба эти вопроса, казалось бы, совершенно различные, в сущности, довольно крепко связаны между собой. И на первом из них особенно сильно отражается нервность союзных государственных людей по отношению к их собственным внутренним делам.

Союзные войска уже вступили на немецкую территорию. Германский флаг склонился к ногам британского адмирала (8). Приостановилась кровавая борьба народов. В побежденных странах она превратилась в борьбу классов. Едва ли не более горькую. А в странах победоносных? Что думают массы, какие требования предъявят они к своим политическим генералам.

24/IX.[19]18.

II

Что такое интервенция

Французский депутат, с которым мне пришлось говорить в Париже, сказал мне: «Мы, радикалы, вообще люди благоразумные, отлично понимаем, что интервенция необходима. Но что поделаешь с нашими социалистами. А они не хотят. Они говорят – это вмешательство во внутренние дела». Это было как раз в тот день, когда английское правительство выпустило грозное предостережение полякам, требуя прекращения поляков**. Я указала на это депутату. Он только

* Полноте же, Россия не будет забыта *(франц.)*.

** Так в тексте.

пожал плечами. Я напомнила, что президент Вильсон совершенно ясно требовал увольнения Вильгельма от должности императора, что, в сущности, тоже есть вмешательство во внутренние дела. «Да, но, знаете, это император, а большевики...» Очевидно, дело было не столько в доказательствах, сколько в политическом влиянии тех или иных групп. Хотя даже не все социалисты против интервенции. Группа <нрзб.> и ее орган France Libre, продолжают вести очень резкую кампанию не только против большевиков, но и за активную борьбу с ними. Но французские социалисты разбились на несколько фракций и хотя даже левая их часть, вернее сказать, центр высказываются против большевиков, но зато они выдвигают Совет как такой орган народного представительства и считают, что западная демократия, сохраняя для себя демократические учреждения, избранные на основе всеобщего избирательного права, в России должны поддерживать советскую систему цехового представительства.

Во всем этом очень мало действительного знания вещей и немало недоразумений. Те, кто желает, чтобы в России сохранилась власть Советов, чаще всего даже не предполагают, что в Советах четырехстепенные выборы, при которых ни свобода выборов, ни права каждого гражданина ничем не обеспечены, что пределы компетенции Советов безграничны. Не говоря уже о том, что наличные Советы являются наглой фальсификацией даже того классового представительства, каким их считают.

Но Советы живут под красными флагами революции и диктатуры пролетариата и этого достаточно. Не только более революционные, по крайней мере на <нрзб.> французские социалисты и английские Labour Party (9), в сущности, не хотят интервенции, потому что она может повредить Советам. Что советская власть есть власть большевизма и что они берут под свою защиту и большевиков, об этом они молчат.

И тут уже нам, русским, становится почти жутко. Русская интеллигенция была всегда очень передовой и в значительной степени социалистической. Вера в гуманность, в безграничную свободу личности, в святость масс доходила до пределов отвлеченности. Весь первый период революции прошел под этими лозунгами. Пока не пришли большевики. На место свободы они поставили деспотизм. Гуманность заменили террором. Немцы помогали им деньгами, оружием, дисциплиной, военнопленными, опытом своего генерального штаба. Россия была завоевана изнутри, и Брест-Литовский мир был только одним из проявлений этого двойного завоевания.

Теперь уже ни для кого не секрет, как царствуют большевики. Трудно найти слова, чтобы описать положение населения, живущего под их гнетом, чтобы рассказать: экономическое разорение, муки голода, страдание детей, умирающих медленной смертью, отчаяние интеллигенции, которая живет точно в клетке с дикими зверями, еже-

минутно ожидая расправы, которую истребляют систематически и с издевательствами. Север России, подвластный большевикам, превращается в ад. Это не слова, это не преувеличение. Это голая действительность, ужас, который цивилизованный мир, по-видимому, просто не понимает. Или не хочет почему-то понять.

Особенно упорно не хотят понять этой подлинной трагедии миллионов людей, попавших в плен к фанатикам и преступникам, как раз те, кто считает себя носителями самых передовых, самых справедливых, самых гуманных идей современного мышления. И вот это и есть самое страшное. Ведь если в социализме есть авангард человечества и если этот социализм с такой снисходительностью смотрит на окровавленные руки большевиков и не хочет, чтобы кто-то справедливый и сильный остановил наконец их преступления, тогда какую же мораль несут нам эти люди, которые хотят руководить миром?

Или мы идем к усилению права над силой, человечности над жестокостью, или мы идем к новому царству жестокости и насилия, которые будут творить под знаком социализма. Большевики, те немногие настоящие большевики вроде Ленина, для которых большевизм есть идеал, не ширма для личной жадности и преступлений, так и делают. Они открыто заявляют, что не суббота для человека, а человек для субботы и ради торжества своей теории топчут жизни миллионов людей.

Теперь, когда Германия разбита, большевики остались лицом к лицу с западной цивилизацией. Последняя ширма снята и лидерам Запада приходится решать, признают ли они большевизм врагом свободы и права или нет? С горьким волнением ждут русские люди ответа. И не только потому, что им нужна физическая опора против большевизма. Она, конечно, нужна. Но так же сильно нужно нам выяснить, каково же моральное содержание основных идей, руководящих западной политикой? И вот отношение к большевизму есть тот acide taste*, о котором говорил Вильсон.

Нельзя говорить о Лиге Наций, кот[орая] будет в то же время водворять право и давать большевикам истреблять целые классы населения и позволять им морить голодом целые области. Надо выбирать. Или надо носить маску.

Кроме моральной точки зрения есть, конечно, политическая и экономическая стороны, требующие интервенции. Европа никогда не будет по-настоящему сыта, пока в ее восточной части не восстановится производительность труда и правильный обмен. А восстановиться они могут, только когда большевизм будет правильным демократическим строем.

Если непорядки и несогласия немногочисленных сравнительно народов Балканского полуострова были одной из причин тягчайшей

* Кислый вкус *(англ.)*.

европейской катастрофы, скосившей столько молодых жизней, то не трудно понять, какими катастрофами грозят неустройства огромной России, населенной 180 млн.

Опять-таки устранить их можно, только вернув России свободу, т. е. устранив большевиков.

Помогут ли в этом союзники или нет, большевики все равно будут свергнуты и на их место придут иные правители, более близкие русскому народу и его интересам.

Вопрос о помощи – это вопрос о времени и о количестве жертв. Чем дольше протянется большевизм, тем больше людей умрет в России от голода и от рук палачей. Большевизм гниет изнутри, как гнил когда-то царизм. И как царизм он будет опрокинут.

Но русский народ простодушен. Он все еще смотрит на Запад и верит, что придут союзники и ускорят освобождение от внутреннего плена. Русский народ простодушен, и западную политику понять ему трудно. Он знает, что три года мы дрались вместе. Потом хитрый немец одолел и пробрался в Москву вместе с большевиками.

Но где же простому русскому человеку знать, что теперь союзники заняты новой войной, выборной, и что, боязливо косясь на свой левый фланг, они спешат сохранить священный союз, стараясь втянуть в него и того, кто идет рука об руку с большевиками?

Может быть, правы те, кто говорит, что русскому народу надо до конца испить горькую чашу политического одиночества для того, чтобы снова стать на ноги и найти себя. Это тяжкий путь, но народ, создавший огромное государство, собственную культуру, снова найдет форму для государственного своего выражения. И чем самостоятельнее будет он сегодня в этих испытаниях, тем свободнее будет завтра в выборе своих, если не друзей, ведь таких может и не оказаться, то хотя бы спутников.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10. Автограф.

---

1 Вильгельм II (Wilhelm) Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император и король Пруссии в 1888–1918. Свергнут в результате Ноябрьской революции 9 ноября 1918. 10 ноября переехал в Нидерланды, где находился безвыездно вплоть до своей смерти.

2 Шейдеман (Scheidemann) Филипп (1865–1939) – деятель германской социал-демократии. Член Социал-демократической партии Германии (с 1883), входил в ее правление (с 1911). Депутат рейхстага (1903–1918, 1920–1933). В ходе Ноябрьской революции 1918 провозгласил (9 ноября) республику. Вошел в правительство – т. н. Совет народных уполномоченных. В феврале–июне 1919 глава первого правительства Веймарской республики.

[3] Иоффе Адольф Абрамович (1882–1927) – в апреле–декабре 1918 полпред РСФСР в Германии. Содействовал подготовке Ноябрьской революции в Германии. 6 ноября 1918 вместе со всем полпредством выслан из страны.

[4] Фош (Foch) Фердинанд (1851–1929) – французский военный деятель, маршал (1918). Начальник Генерального штаба (май 1917), верховный главнокомандующий союзными войсками (апрель 1918).

[5] Гинденбург (Hindenburg) Пауль, фон (1847–1934) – германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1914). В период 1-й мировой войны командовал (с ноября 1914) войсками всего Восточного фронта. С августа 1916 начальник Генштаба, фактически главнокомандующий. В 1925 избран президентом Веймарской республики.

[6] Имеется в виду поражение Франции во Франко-прусской войне 1870–1871. После того как в Версале 28 февраля 1871 был подписан предварительный мирный договор, германские войска 1 марта вошли в Париж и заняли часть города.

[7] Брест-Литовский мир, заключенный 3 марта 1918 Советской Россией с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией, предусматривал германскую аннексию Польши, Прибалтики, частей Белоруссии и Закавказья, контрибуцию 6 млрд марок. Договор был аннулирован советским правительством 13 ноября 1918.

[8] Возможно, Джеллико (Jellicoe) Джон Рашуорт (1859–1935) – граф; английский адмирал флота. Во время 1-й мировой войны 1914–1918 главнокомандующий Гранд-флитом (Большим флотом) (1914–1916). Руководил английским флотом в Ютландском сражении 1916. С декабря 1916 до конца 1917 1-й морской лорд.

[9] Labour Party / Лейбористская партия – рабочая партия Великобритании, одна из двух ведущих политических партий страны и самая влиятельная партия Социалистического Интернационала. В период 1-й мировой войны несколько лидеров Лейбористской партии вошли в коалиционное правительство. В 1918 партия провозгласила своей конечной целью построение социализма, она ориентировалась на постепенное реформирование буржуазного общества посредством государства и при сотрудничестве всех классов. В 1921–1922 Лейбористская партия стала самой крупной оппозиционной партией в парламенте. В 1924 ее лидер Дж. Р. Макдональд сформировал 1-е лейбористское правительство (просуществовало 10 мес.).

Союзники и Учр[едительное] Собр[ание] 1917

Пункты, предложенные адмиралу Колчаку, как условие признания его союзниками, показывают, что при большом желании наладить прочные и правильные отношения с новой Россией, союзные ди-

пломаты до сих пор с трудом разбираются в русских делах. Особенно резко это сказывается из того пункта, где говорится о возможности созыва Учред[ительного] Собрания 1917 г. Это явное недоразумение. Учред[ительное] Собрание 1917 г. было мертворожденным. Воскресить его нельзя и не надо.

Я была в России во время выборов. Мое имя было выставлено в числе кандидатов по спискам двух губерний. Я принимала близкое участие в избирательной кампании, голосовала 25 ноября в Петрограде, была непосредственной участницей и свидетельницей всего хода выборов. Я позволяю себе решительно и категорически заявить, что выборы в Учред[ительное] Собр[ание] происходили при условиях, прямо противоположных своей идее народного представительства.

Большевики тогда только что захватили власть. Матросы и красная гвардия врывались в типографии, закрывая газеты, уничтожая выборные воззвания, разрушая шрифт и машины. Это были первые дни опьянения большевистскими обещаниями и охваченная революционным экстазом толпа придавала немногочисленным собраниям характер буйный и истерический. Ни о какой свободе суждений речи не могло быть. Самые видные кандидаты и политики не только не могли выступать, но вынуждены были прятаться, иначе им грозил не только арест, но и смерть. Большевики с особенным ожесточением преследовали [э]с[е]ров, которые еще недавно упорно называли их своими идейными товарищами. Среди треска ружейной и пулеметной пальбы должен был русский народ намечать своих избранников. Неграмотным, не привыкшим к политическому мышлению мужикам и женщинам приходилось среди вихря анархии и гражданской войны разбираться в сложных программах партий, о которых они в первый раз услыхали за несколько месяцев перед тем.

Немудрено, что солдаты находили из этого трудного положения самый простой выход: они голосовали целыми частями, одни за [э]с[е]ров, другие за большевиков, всегда, конечно, за крайние партии. Приходил кто-нибудь из комитетчиков и отбирал в казармах бюллетени, часто уничтожая все списки неугодных ему партий. Особенно решительно действовали большевики. Они умели и приманить обещаниями и припугнуть, и солдатская толпа вольно и невольно шла за ними. В одном Петрограде большевики получили 63 000 солдатских голосов. Впрочем, в Петрограде их перевес все равно был обеспечен, несмотря на то что в столице выборы прошли еще при более нормальных условиях, чем в других городах.

Помимо общего террора и смуты, порядок выборов был повсеместно нарушен тем, что не существовало авторитетных правительственных учреждений, которые должны были ограждать этот порядок. Чиновники Временного Правительства бастовали. Советы еще не имели в своем распоряжении постоянного состава служащих. Городские думы и земства (Municipal and county councils) были силой ору-

жия разогнаны большевиками. Так как антибольшевистская демократия стояла за участие в выборах, то служащие органов самоуправления все-таки пытались присутствовать в избирательных камерах и старались поддерживать законность. Но это была детская игра. Красные, вооруженные до зубов, бесцеремонно хозяйничали как хотели.

Особенно нагло проявляли они свою власть, когда дело доходило до подсчета. Нет никакой возможности установить теперь подлинный список действительно избранных членов. Они почти во всех округах были сфальсифицированы. Но так как, несмотря на насилия и подлоги, все-таки большинство оказалось у партии [э]с[е]ров, т. к. за них голосовало крестьянство, то большевики не только разогнали Учр[едительное] Собр[ание], но и уничтожили по округам выборные документы, а также и списки депутатов. Кто же возьмется теперь установить настоящий и полный состав Учр[едительного] Собр[ания] 1917 г.? Как известно, оно заседало только один день 18 января 1918 г. Тогда в прессе появились только сбивчивые подсчеты партийного состава. Всего членов должно было быть около 700. На самом деле явилось около 400. Судя по результатам голосования, из них треть была большевиков, а остальные были [э]с[е]р[ы] разных оттенков с небольшой примесью с[оциал]-д[емократов] меньшевиков. Можно восстановить имена присутствовавших тогда, но ведь никто не проверял правильность их мандатов, не говоря уже о том, что остальные 300 членов еще меньше имеют доказательств на то, что они народные представители, законно избранные. Я знаю это по своему опыту. Мой секретарь пытался выяснить, избрана ли я по Новг[ородской] губ[ернии], где мое имя стояло вторым по списку к[а]д[етской] партии. Т. к. по закону об Учр[едительном] Соб[рании] выборы были пропорциональные, то возможно, что кадеты и получили два места из 8 приходившихся на губернию. Но оказалось, что никто не знает, кто, собственно, выбран и где находится выборное делопроизводство. Скорее всего, что оно просто уничтожено. Новгородская губ[ерния] не является исключением. Всюду положение такое же. А в некоторых местах, как, напр., в Киеве, совершенно определенно известно, что все выборные документы уничтожены. Таким образом, не только сами выборы происходили среди неслыханных нарушений свободы и закона, но даже результаты этих беззаконных выборов установить нельзя. Всякий честный юрист и государствовед должен считать, что выборы в Учр[едительное] Собр[ание] 1917 г. должны быть кассированы целиком. Но если даже перешагнуть через всякое понятие о законе и порядке, рассматривать Учр[едительное] Собр[ание] по существу, то только люди очень далекие от России и русских дел могут думать, что после всех потрясений и горьких социальных опытов и уроков прежние партии, как социалистические, так и радикальные, могут вернуться на свои старые позиции. Все это должно перестроиться и измениться, и не злосчастной Учредилке (как пренебре-

жительно называли в России Учр[едительное] Собр[ание]) направлять и решать судьбу русского народа. Он должен выбрать новых представителей и поставить к ним новые требования.

18 янв[аря] во время первого и единственного заседания Учр[едительного] Собр[ания] партия [э]с[е]р[ов], имевшая большинство, поспешила вынести ряд постановлений, кот[орые] теоретически мало отличались от большевистских декретов. «Отныне и навсегда право собственности на землю в пределах Российской Республики, отменяется», – читал с трибуны лидер [э]с[е]р[ов] Чернов.

Большевики смеялись и кричали ему: «Опоздали. Мы все это уже сделали!» Тогда они еще имели право издеваться над своими соседями социалистами, т. к. им могло казаться, что Советской власти удалось не только провозгласить, но и провести в жизнь максималистскую программу социалистов. С тех пор жизнь показала, что они ошиблись. Русский крестьянин не для того отобрал землю от помещиков, чтобы она принадлежала всем, а для того, чтобы захватить ее в свою личную собственность. Теперь уже ему не нужны ни [э]с[е]р[ы], ни большевики, а нужна разумная и твердая власть, чтобы был в стране порядок, без которого нет экономического развития. И, конечно, Учред[ительное] Собрание, где членами состоят Ленин, Троцкий, Зиновьев и все другие руководители Советских дел, не может быть желанным для населения.

Среди длинных деклараций с.-р. есть один пункт, о кот[ором] союзникам следовало бы вспомнить прежде чем предлагать Колчаку собрать Учр[едительное] Собр[ание] 1917. Оно было собрано во время Брест-Литовских переговоров. Но члены Учред[ительного] Собр[ания] протестовали против перемирия. Напротив, они считали себя обязанными продолжать сепаратные разговоры с немцами. Вот текст этой части декларации [э]с[е]р[ов]:

«Выражая сожаление, что начатые без предварительного соглашения с союзными демократиями переговоры с Германией получили характер переговоров о сепаратном мире, Учр[едительное] Собрание продолжает установившееся перемирие и принимает дальнейшее ведение переговоров с воюющими с нами державами на себя, дабы защищая интересы России, добиваться в согласии с волей народной, всеобщего демократического мира».

Таким образом, Учр[едительное] Собр[ание] 1917 не только в лице большевиков, но и в лице [э]с[е]р[ов] приложило руку к позорнейшим Брест-Литовским переговорам, кот[орые] затянули войну и стоили союзникам немало лишних жертв.

London Ариадна Тыркова
10 June 1919.

<На полях помета> «Очень важный исторический документ, подписанный А. Т.»

ГА РФ. Ф. 10230. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–5об. Автограф.

Союзники и Россия

<I>

Революция резко изменила международное положение России. Она престала быть опасным врагом для центральных держав и одновременно с этим перестала быть желанным союзником для стран Согласия. Это перемещение России, еще недавно могучей и занимавшей одно из первых мест в ряду держав, началось еще при Временном правительстве, когда безумная политика демагогии и бесконтрольных комитетов расшатала и парализовала армию. Революционная демократия своим поведением усиливала Германию и ослабляла союзников, хотя на словах и не отрекалась от них. Большевики довершили разрушительное дело, начатое социалистическим центром. Они демобилизовали армию. Заключили мир с немцами, с которыми недавние союзники России продолжали вести ожесточенную и тяжкую войну. Не надо забывать, что ко времени заключения Брест-Литовского договора американских войск в действии еще не было. Англичане вели войну на нескольких фронтах сразу, выдерживая и морское напряжение блокады и сухопутные операции во Франции, в Италии, в Палестине, на Балканах, в Месопотамии и в Африке, а в это время немцы главной своей тяжестью обрушивались на французский фронт.

Франция, истощенная экономически и физически, боролась в буквальном смысле из последних сил. Потеря живой силы у французов огромная. Промышленный район, занятый неприятелем, играл всегда очень важную роль в общем обороте французского народного хозяйства. Финансы совершенно истощены, не только войной, но и крахом русских финансов, т. к. миллиарды русских ценностей принадлежали французским держателям. Последний год войны Франция с трудом выдержала.

Между тем большевики затянули войну, когда уже было ясно, что Германия погибает. Брест-Литовский мир на время поддержал ее, отсрочил неизбежную катастрофу. Нам, русским, когда мы вдумываемся и тем более критикуем поведение союзников по отношению к России, никогда не следует забывать, что они не могли не возлагать ответственность за все, что делалось на Восточном фронте, на весь русский народ в целом. В известном смысле они были правы.

Но, конечно, нельзя считать, что отношение к России на Западе было все под одну стать. Оно было окрашено самыми различными оттенками, в зависимости от национальности, от политических взглядов, даже просто от темперамента. Не говоря уже о том, что оно менялось по периодам. Во время войны оно было утилитарнее и нетерпимее. В первые месяцы перемирия о России точно забыли. Потом спохватились и захотели не только вдуматься, но и поправить накопившиеся ошибки. Во всяком случае, можно надеяться, что самый трудный для нас период нашего международного положения миновал.

Пока шла война, отношение к России в значительной степени определялось трудностью положения той или иной нации. Хуже всего было французам: они едва сдерживали напор неприятеля, занимавшего и разорявшего их территорию. Парижу грозила опасность германского вторжения. В связи с этим росло раздражение против России, порой доходившее до настоящей злобы и принимавшее для многочисленных русских во Франции тяжкую, если не оскорбительную форму. Но не надо забывать, что это было раздражение слабости и даже отчаяния. Ведь весной 1918 года у многих мелькала мысль, что русская революция открыла немцам путь к победе.

Гораздо спокойнее и ровнее смотрели на дело англичане. Тут сказывалось и различие национальных характеров. Выдержанные, медлительные англичане никогда не спешат вывести суждение и тем более приговор. Они долго и обстоятельно его взвешивают и стараются найти справедливое решение. Когда оно составлено, переубедить их трудно, но пока они обдумывают, факты и аргументы права действуют на них, если только вовремя и должным образом их изложить и представить.

К сожалению, этого-то и не было за весь первый год советского владычества.

Большевики с самого начала отлично поставили свою пропаганду за границей: они тратили на нее огромные деньги, вели дело настойчиво и систематично.

Несмотря на то что вся их пропаганда была построена на лжи, успех она имела огромный. Им поверили, что они демократы, что народ их поддерживает, что они творят их волю и создают в России социалистический рай. Верили тем легче, что противоположной пропаганды не было. Разрозненно звучали отдельные голоса русских и иностранных противников большевизма.

Официальные представители России сразу потеряли кредит, тем более что связь с Россией они утратили и сведений не получали. В Англии даже посол большевиков Литвинов был полуофициально признан, получил право шифра и курьеров, чего был лишен поверенный в делах К. Набоков.

Политические группы, боровшиеся в России с большевиками, были так слабы, что их не хватало на международную политическую деятельность. Обычным путем, т. е. через газеты, телеграммы, корреспонденции, сведений из России почти не приходило. Только голос большевиков раздавался очень громко и очень самоуверенно. И к ним прислушивались с любопытством, а многие и с благожелательством. Тут, конечно, надо сделать оговорку. Нельзя обобщать. Всегда были разные течения и разные оценки и за и против большевиков. Но, когда в апреле 1918 года я приехала в Англию, еще вся полная, подавленная четырьмя месяцами большевистского кошмара, я, к удивлению своему, увидала, что общественное мнение, скорее, на их сторо-

не, даже такие газеты, как «Таймс» высказывались осторожно. Более радикальные во главе с «<нрзб.>» настойчиво требовали скорейшего признания советского правительства. Вопрос об этом признании неоднократно рассматривался в военном кабинете. Ллойд Джордж, по-видимому, был склонен к этому. Я сама была свидетельницей того, как в разговоре с одним видным корреспондентом, только что приехавшим из России и рассказывавшим ему о беззакониях и ужасах советской власти, Л. Джордж сказал:

– Да, но все-таки в России только один государственный человек – это Троцкий.

С тех пор прошло уже больше года, и большевизм отчетливее и яснее вырисовался даже в сознании западных государственных людей, которым очень трудно разбираться в делах далекой, совершенно неизвестной им России. Благодаря неосведомленности весной 1918 г. упорно держалась ложная надежда, что можно как-то договориться с большевиками, убедить их восстановить Восточный фронт и оттянуть часть немецких сил. Это, по-видимому, было поставлено как задание специальному посланцу британского правительства г. Локкарду . Его донесения вначале имели очень дурное влияние на русско-английские отношения. Первые месяцы своего пребывания в России г. Локхард как будто бы не шутя увлекся большевиками и простодушно надеялся повернуть Троцкого против немцев. Это тем забавнее, что приехал он как раз к концу Брест-Литовских переговоров, когда Совдепия приняла уже совершенно определенные очертания. Только к маю разобрался представитель Великобритании, с кем он имеет дело, и перестал настаивать на признании Ленинского правительства. К этому времени уже разные течения стали бороться в английском общественном мнении и пресса все чаще стала обсуждать так называемый вопрос об интервенции.

В основу его были положены военные интересы союзников. Надо было занять Мурманск и Архангельск для того, чтобы немцы не заняли их. Мурманск они могли бы превратить в базу для подводных лодок, что было весьма неудобно для англичан. Сторонники интервенции надеялись, что около союзных войск соберутся русские силы, что это ускорит оздоровление России и осложнит военное положение немцев.

Точный ход вопроса об интервенции, конечно, можно будет установить только тогда, когда будут раскрыты архивы союзных министерств иностранных дел. Они решались всеми союзниками сообща, и особенно важно было мнение Соединенных Штатов. Всякая новая военная экспедиция требовала и денежных расходов и новых солдат. То и другое было в руках Америки. Последней вошла она в ряды воюющих, была богаче всех финансами и свежими войсками. Без ее поддержки и согласия нельзя было предпринимать ничего крупного. Между тем американская политика по отношению к России имела очень неопределенный характер.

Президент Вильсон посылал приветствия съезду Советов. Потом в публичной речи порицал большевиков и обещал «поддерживать Россию, так же как мы поддерживаем Францию».

Это говорилось в то время, когда во Францию спешно посылались войска. Легко было сделать вывод, что значит и в Россию пошлют американских солдат. Но президент как-то иначе, по-своему, понимал помощь России.

Американцы как будто боялись выступить против Советского правительства, нарушить принципы демократии. Часть их представителей в России настаивала на признании большевиков. Особенно усердствовал г. Робинс (1), который под прикрытием Красного Креста занимался двусмысленной большевистской пропагандой, вызывавшей весьма разнообразные толкования. К сожалению, этот господин имел в Америке гораздо больше влияния, чем заслуживал.

В течение целого года, начиная от большевистского переворота и кончая подписаньем перемирия, центр тяжести русского вопроса за границей дробился между двумя пунктами: признания или непризнания большевиков и интервенции. Чаще всего оба эти вопроса сливались и иногда как-то проскакивали отдельно. Так, напр[имер], когда союзные отряды уже занимали Мурманск и высаживались в Архангельске, представители союзной дипломатии еще сидели в Москве и разговаривали с народными комиссарами. Колеблясь и отступая, точно корабль без компаса, плелась союзная дипломатия, пробиваясь сквозь бурное русское море. Россию они не понимали и не знали. Министры и рабочие, журналисты и политики, равно невежественны во всем, что касается нас. Революция их окончательно сбила. А тут еще сложная география и этнография, территориальные и национальные названия, так странно звучащие для английского слуха. Надо войти и в их положение. Представьте себе, что перед русским обывателем поставили бы задачу – немедленно решить, какое правительство лучше всего удовлетворит желаниям и потребностям китайского народа? И не только решить, но и принять ту или другую сторону. А для государственных людей Россия так же чужда и темна, как для обывателя Китай.

Немудрено, что союзники откладывали решение, и Русский вопрос стал как бы пробным камнем для определения демократичности министров и политиков. Когда им нужен был компромисс налево, а это очень часто нужно, то они проделывали его за счет России. В июне 1918 г. на происходившем в Лондоне рабочем съезде, бывший министр и видный рабочий вождь А. Гендерсон приветствовал Керенского, который в своей речи резко обвинял большевиков и требовал интервенции. Рабочие слушали речь внимательно и небольшая кучка большевиствующих не имела никакого успеха.

Несколько месяцев спустя, в октябре, тот же Гендерсон, готовясь к избирательной кампании, поставил свое имя под выборной плат-

формой, первый пункт которой требовал немедленного увода из России всех союзных войск. Мотив был вроде нашего, русского, – не хотим братскую кровь проливать. Впрочем, можно ли обвинять англичан за необдуманность и шаткость его отношения к русскому делу, если Керенский, к несчастью бывший главой Временного правительства, уже давно сбился с патриотической позиции и ведет за границей мелкую демагогическую игру.

А. Тыркова

Сибирская речь. 1919. 3 сентября. № 191.

---

[1] Роббинс (Robbins) Раймонд (1873–1954) – американский общественный и политический деятель, адвокат, бизнесмен, полковник. С июля 1917 в России, сначала в качестве заместителя, а с октября – руководителя американской миссии Красного Креста. Был посредником между американским посланником Френсисом и большевиками. В апреле 1918 отозван в США.

Союзники и Россия

<II>

Рабочие круги, с которыми правительства очень считаются, имели и имеют большое влияние на русскую политику. Россия – жертва, которую политики чрезвычайно охотно бросали влево, не понимая, какая это для них опасная игра. Все думали, что большевизм – это русская форма сумасшествия, и только когда произошла германская революция, когда усилилось брожение масс во Франции и в Англии, поняли, что социальные потрясения всюду возможны.

Пока война шла, эта возможность мало кому была ясна. О ней просто не думали. Напрягались, чтоб победить немцев. Всю энергию направляли против них. Говорили, что на Россию не могут тратить военных сил, и, действительно, это было тоже одним из препятствий к настоящей интервенции. Даже разгром Английского посольства (1) и насилия над союзными представителями не привели к военной борьбе с большевиками. Она была непопулярна. Ее считали вмешательством во внутреннюю жизнь «свободной» страны, ее боялись, как повода для революционной вспышки у себя. Франция была слишком слаба. Англия традиционно не любит вмешиваться. Америка колебалась, с кем она – с большевиками или против них.

Нелегко разобрать, какие группы стояли за большевиков во время войны. Несмотря на предательский Брест-Литовский мир, патриоты, яростно требовавшие полного уничтожения Германии, не только снисходительно, но с каким-то ласковым любопытством следили за большевизмом, точно это был безразличный кинематограф, а не

подлинные человеческие страдания. Такие люди, как г. Райт (Herbert Wright) (2), толстовец и консерватор, печатали статьи с восхвалениями советских декретов. Умеренная фабианская газета «New Statesman» (3) напечатала в октябре статью, где категорически утверждалось, что в Советской России царствует полный порядок и что никогда с начала войны не было такой хорошей организации продовольственного вопроса, как при большевиках. «Manchester Guardian» и «Daily News» (4) упорно поддерживали их, требуя признания советской власти. То же делает и социалистическая газета «Daily Herald». Но это совсем не значит, что весь рабочий класс на стороне большевиков. Отнюдь нет. В Англии вообще социализм, даже умеренный, до последнего времени не был особенно популярен. Но, отрицая большевиков, рабочие отрицали идею вмешательства. Как отрицал ее всегда и Л. Джордж. За деятельную поддержку русских государственных сил были военные круги, которые понимали, что это тот же фронт. И среди военных осталось гораздо более глубокое и более ответственное сознание солидарности с Россией, как с союзницей, выносившей первые годы главную тяжесть войны на своих плечах. У политиков и дипломатов, к сожаленью, память оказалась короче.

Не случайность, что, когда возобновились заседания парламента, двое военных, полковник Guiness и полковник Sir Samuel Hoare, первые выступили с речами о России, о том, что подводить итоги войны без участия русских нельзя.

Это уже было после заключения перемирия. В первом упоении победой союзники забыли о России. И не было авторитетного голоса, который мог бы раздаваться. Даже идеологи большевиз[ма]* [по]литиков – само подписание мира с ним напомнить о ней. Дипломатические представители не имели никакого престижа, просто потому, что никого в сущности не представляли. Русские заграничные организации, довольно многочисленные и в главном единодушные (против большевиков за интервенцию, за восстановление единой России), не пользовались влиянием, несмотря на свой весьма разнообразный состав, и держались под подозрением. А вдруг это опять Кобленц (5), реставрация и т. д.

Из России голоса доходили глухо. С Деникиным и Югом никакой связи не было. О том, что у них делается, не только иностранцы, но и русские патриоты ничего не знали. Правительства Колчака еще не было. В сущности, единственной организацией был Совет народных комиссаров и нужно было обладать и подлинным знанием и подлинной верой в Россию, для того, чтобы, несмотря на царящий на Востоке хаос, твердить – Россия есть и будет. Такие упрямцы все-таки были. Их было немного. Большинство готово было повторять вслед за Клемансо – «La Russie ca n’existe plus»**.

---

* Далее пропущена строка в газетном тексте.

** России больше не существует *(франц.)*.

Три диктатора – Вильсон, Л. Джордж и Клемансо – стали намечать в Париже построение Европы. Более проницательные политики старались напомнить им, что без правильного решения русского вопроса не может быть настоящего мира, как не может быть и Лиги Наций, на которую Big Four* (лучше сказать Big Three**) возлагают такие надежды. Но это простая и несомненная истина не сразу открылась перед усталыми глазами современных триумвиров. Россия представлялась им только объектом. Надо как-нибудь утихомирить и упорядочить жизнь десятков миллионов людей, копошащихся в Восточной Европе. Пусть чиновники французские, английские, американские крепче подумают и выдумают какой-нибудь план. Упрямцы, верящие в Россию, советовали привлечь к выработке плана и русских. Немало юристов, политиков, крупных деятелей и чиновников выбросила в эмиграцию большевистская революция. Но союзники с поразительным упрямством обходили сотрудничество русских. Больше того, даже в своей среде они искали не лучших знатоков России, а по каким-то другим непонятным признакам поручали русский вопрос людям, не знающим ни русского языка, ни истории, ни народа, вернее народов, населяющих Россию. Нечего и говорить, что результаты получались по меньшей мере не серьезные. Одно Принкипское предложение чего стоит.

Но Принкипо было нелепостью явной, и провал у него был явный. Другие проекты хуже. Один из самых вредных это так называемые Norders States***, т. е. создание на окраинах России целого ряда новых национальных государств. Французы называли это санитарным кордоном и включили сюда же Украинское государство. Англичане так далеко не ушли, но на Балтийском море готовы были создать новые, независимые от России, республики. Этот план и до сих пор еще не оставлен и нашел себе отражение в пунктах, посланных к Колчаку.

В нем надо видеть не только невежество. Тут сказывается один из взглядов на русский вопрос. Нужна ли Россия, сильная и единая? Не лучше ли выкинуть знамя самоопределения народностей и разбить ее на кусочки, чтобы каждому маленькому государству диктовать свою волю? Кто будет диктовать? Наивные люди говорят: Лига Наций. Скептики поправляют – Державы-победительницы.

Но мирная конференция попала в заколдованный круг. Оказалось, что отсутствие России сказывается во всем. Заигрывания Вильсона и Л. Джорджа с большевиками ни к чему не привело. Речь Зиновьева в ответ на Принкипо обошла все газеты и не содействовала престижу конференции. Проект Нансена тоже провалился. Но что

* Большая четверка *(англ.)*.

** Большая тройка *(англ.)*.

*** Северные штаты *(англ.)*.

оказалось довольно неожиданным для союзных политиков – самое подписание мира с Германией неразрывно связано с Россией.

Пришлось перестраивать все отношение к тому, что в течение месяцев довольно туманно называлось «Проблема Восточной Европы».

К этому времени большевизм стал разваливаться. Даже идеологи большевизма признают, что опыт анархо-аракчеевщины потерпел крушение. А противоположные им государственные элементы крепнут. Адмиралу Колчаку удалось создать не только армию, но и правительство. Деникин идет вперед. Опять очертания подлинной России вырисовываются на Востоке. И в ответ на это на Западе друзья России ведут все более деятельную кампанию.

Первые поняли положение англичане. Для сторонников парламентаризма может быть особенно ценно, что как раз старейший из парламентов, английский, первый трезво и честно оценил обязанность союзников по отношению к России и связанную с этим необходимость прийти на помощь адмиралу Колчаку, Деникину, Юденичу (6). Даже Л. Джордж в своей апрельской речи говорил об этих военных вождях с сочувствием, как о союзниках, хотя не особенно твердо знал, как их зовут. Печать, кроме крайне левой, стоит на такой же точке зрения. В министерских кругах ясно видят необходимость покончить с большевизмом как с мировым злом. Как результат всего этого – если не военная помощь, то военное снабжение посылается в Россию, главным образом, если не исключительно, из Англии. Когда здесь объявили набор добровольцев, то их явилось больше, чем было надо.

Политический маятник все-таки качается то вправо, то влево. Немало вреда приносят сами русские, вроде Авксентьева и Керенского, так и не излечившиеся от безответственного политического легкомыслия. Но больше всего сбивает страх перед своими же левыми, перед рабочими массами, среди которых большевики вели и ведут очень ловкую пропаганду, тратя на это огромные деньги.

Шаг за шагом, медленно, оступаясь и шатаясь, все-таки подходят союзные мудрецы к более правильному разрешению русского вопроса. Помогают им сами большевики, их преступность, их безумный, уже изживающий себя догматизм.

Помогают им возрождение России, идущее с востока, с юга, с севера. Наконец, и быть может, это сильнее всего – помогает неразрешимость мирной задачи без России. Опыт управления Закавказьем указал англичанам, что проще провозгласить самоопределение, чем установить порядок. Да и самый мирный трактат с немцами, не скрепленный Россией, – будет ли он иметь цену? – Конечно, нет.

Еще есть фактор, о котором пока говорят только вполголоса – это страх перед возможным союзом между новой, свободной Германией и новой свободной Россией.

Положение меняется. Уже признание правительства адмирала Колчака становится актом, важным не только для России, но и для самих союзников.

Им нужны за столом мирной конференции представители России. Им нужна русская государственность, потому что необходима русская государственная печать под мирным договором с бывшими центральными державами.

А нам, русским, нужно напрягать все силы, чтобы действительно возродить Россию. Каковы бы ни были колебания и изменения в политике других держав, но не их враждебность или дружественность, а только разум и энергия самих народов, населяющих Россию, могут восстановить как нашу внутреннюю жизнь, так и наше международное положение.

А. Тыркова
Лондон, 12 июня 1919 г.

Сибирская речь. 1919. 5 сентября. № 193.

---

1 31 августа 1918 сотрудники ВЧК оцепили здание английского посольства в Петрограде. Англичане открыли огонь. В перестрелке погиб английский морской атташе капитан Френсис Аллен Кроми. Посольство было взято штурмом и подвергнуто обыску и разгрому.

2 Райт (Wright) Герберт – английский деятель культуры, во время 1-й мировой войны – секретарь комитета по снабжению русских пленных книгами. Вместе с профессором П. Г. Виноградовым собирал среди англичан деньги, книги, поддерживал контакты со всеми 35-ю немецкими лагерями, где содержались русские пленные.

3 «The New Statesman» («Новый государственный деятель») – еженедельный политический и литературный журнал, орган Фабианского общества. Основан в Лондоне в 1913 Сиднеем и Беатрисой Вебб (Webb). На его страницах велась серьезная интеллектуальная дискуссия по проблемам политики, идеологии, культуры. С 1931 журнал выходит под названием «The New Statesman and Nation» («Новый государственный деятель и нация»). Выражает взгляды левого крыла Лейбористской партии.

4 «The Daily News» («Ежедневные новости») – английская ежедневная общественно-политическая газета либеральной направленности. Выходила в Лондоне с января 1846 до 1930. Основатель и первый редактор – Чарлз Диккенс (Dickens), который выпустил первые 17 номеров.

5 Город Кобленц был центром монархической эмиграции в период Великой французской революции. Кобленская эмиграция сформировала армию, которая в 1792 участвовала в австро-прусской интервенции во Францию. Название Кобленца стало синонимом центра распространения монархических, реставраторских настроений.

[6] Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – военный деятель, генерал от инфантерии (1915), в 1919 главнокомандующий добровольческой Северо-Западной армией. Военный министр Северо-Западного правительства. После провала похода на Петроград (октябрь-ноябрь 1919) эмигрировал (в 1920).

Россия и Союзники

Успехи Деникина и Колчака заставили Европу серьезнее отнестись к России.

Но все-таки это не привело союзников к однообразному решению русского вопроса. По-прежнему колеблется и меняется политика кабинетов, по-прежнему с переменным успехом борются три главных течения. Они не случайны, в них отражается борьба сил, затянувшаяся в самой России. А западные политики, в зависимости от своего положения, симпатий и уровня политического развития, только выбирают, какая группировка кажется им более верной.

В России три главных группировки: большевизм, самостийничество и Единая Россия. Каждая из них имеет своих сторонников и своих врагов и в Европе. Большевики так ловко вели и ведут пропаганду, что до сих пор за признание Советской власти стоят не только крайние левые, близкие большевикам по классовым аппетитам и кружковой жажде власти, но и несравненно более спокойные элементы.

Причины этому разнообразны, отчасти простое невежество: как не знали на Западе прежней России, так не знают и России советской. Поэтому и верят всяким лживым басням о том, что большевики создали народную власть, что они борются только с буржуазией, что слухи о терроре преувеличены. Не только верят, но даже тешат себя мыслью, что где-то там, в Московском Кремле, примеряют самые последние политические и <...> фасоны. Правда у себя, в Англии, во Франции или в Америке, они не спешат их ввести. Но издали оказывают покровительство смелым московским экспериментаторам, это кажется близоруким экспериментаторам не опасным. Еще есть одна веская причина, почему замалчивается большевизм, как он есть. Это нежеланье вмешиваться. За последнее время столько было произнесено пышных слов о Лиге Народов, о международной демократии и борьбе за право и свободу, слова эти произносились в такой официальной обстановке, что она поневоле обязывает.

Если признаться вслух, что большевики есть смесь социального безумия и уголовщины, то ведь придется из простого чувства человечности и против них объявить крестовый поход, как был объявлен он против Германии. Это уже требует известного напряжения, если не жертв, и даже риска, т. к. собственные домашние большевики могут этим воспользоваться, чтобы и у себя свалить господствующий класс.

Не проще ли пойти на компромисс. Снять блокаду. Войти в сношение с большевиками. А там пусть русские разбираются между собой, как хотят.

Это первое течение определеннее всего проявилось в истории с Принкипо. И, нам известно, подверглось тогда жесткой критике. Но его сейчас нельзя считать окончательно разбитым. Тем более, что его усердно поддерживают полубольшевики, приезжающие из Совдепии под видом красно-крестных и кооперативных деятелей. Второе течение связано с брожением различных национальностей. Оно гораздо сложнее. Этапы его развития более разнообразны и по периодам, и по различным странам. В данную минуту в основу его положен проект так называемого санитарного кордона, т. е. ряда новых самостоятельных государств, которые должны служить заставой между русским большевизмом и Западной Европой. Сочиненный к началу работы мирной конференции в тайниках дипломатических канцелярий иностранцами, не знающими России, проект этот уже порядочно общипан жизнью. Прежде всего потому, что большевизм все-таки перебросился на Запад, опалил Венгрию, прокатился по Германии, спорадически вспыхивает и в странах-победительницах, включая и Америку. Кроме того, на Балтийском побережье, и в Финляндии, и в Латвии влияние немцев оказалось гораздо сильнее, сильнее, чем это думали союзники. Наконец, Украина, которой так щедро и так смело покровительствовала Франция, представляла из себя не государство, а кровавый триумвират Махно, Петлюры (1) и Раковского, который даже самых неразборчивых политиков начинает приводить в смущение. Но все-таки в Париже на мирной конференции заявления, требования и претензии малых народностей выслушивались гораздо внимательнее, чем голоса русских людей. В оправдание союзникам приходится признать, что представители этих малых народностей выдвигают гораздо настойчивее и систематичнее свои требования и ведут пропаганду, чем представители России. А тут еще и знаменитый лозунг самоопределения народностей, торжественно вписанный в 14 пунктах Вильсона и неоднократно повторенный во всяких декларациях и Лиги Народов и конференции.

В применении к России принцип самоопределения принял толкование наиболее распространительное. Наряду с доктринерством и идеологией на чужой счет тут сказался и политический расчет. Россия единая и потому сильная просто пугает многих. Еще неизвестно, какой она будет, с кем и против кого пойдет. Не выгоднее ли вместо нее иметь ряд небольших и слабых государств, которыми можно будет играть политически и пользоваться экономически. Эту точку зрения поддерживают некоторые дельцы и недальновидные политики. Налево она встречает одобрение доктринеров, которые простодушно воображают, что азербайджанцы это новый народ, еще не исследованный учеными, но жаждущий независимости.

И наконец, третья группа – друзья настоящей России. Их число все растет, к счастью, и для нас и для умиротворенья человечества. Еще полгода тому назад их положение было очень трудное. Они твердили, что русский народ скоро протрезвится и опять создаст сильное государство. Но фактов, доказательств у них не было. Пионерами этого движения среди иностранцев были немногие мечтатели, главным образом англичане, вывезшие из России не только симпатию к нам, но и мистическую веру в наше грядущее воскресенье. Среди общего недоброжелательства, слепоты, невежества и непонимания они упорно твердили

Россия есть и будет!..

И требовали, чтобы политики считались не с преходящим революционным хаосом, а именно с этой грядущей Россией. Так как среди них были и люди, действительно знающие нашу страну, то к ним все-таки прислушивались. Позже они нашли себе поддержку в парламенте, где образовалась целая группа, дружественная нам. Военный министр В. Черчилль, опираясь на этих парламентариев, повел энергичную и практическую кампанию за поддержку русских государственных сил. В результате у Добровольческой армии появились и сапоги, и танки.

Но колеблется и дрожит почва под ногами у европейских политиков. Каждый толчок подземных социальных сил отражается и на русских делах. Поэтому до сих пор ни одного из указанных трех течений нельзя считать окончательно отвергнутым или окончательно признанным. До сих пор нет у союзников общепринятой и ясной политики по отношению к России. А пока ее нет, ангел мира будет попрежнему бродить по свету в порванных одеждах и не радостно будет его лицо.

А. Тыркова

Свободная речь. 1919. 29 сентября. № 210.

---

[1] Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) – лидер Украинской социал-демократической рабочей партии. Один из организаторов Центральной Рады; генеральный секретарь по военным делам в 1917. С ноября 1918 главный атаман войск Директории, глава ее с февраля 1919. В 1920 эмигрировал.

Политический обзор

Ростов н/Д., 1919 (отправлено 29/XI в Париж и Лондон)

Весь ноябрь оказался полон событиями, и внутренними, и внешними, и военными. Все это трудное, спутанное, перекрещивающееся. Точно судьба испытывала стойкость Добров[ольческой] Ар[мии] и тех, кто нарочно ставит новые преграды на ее и без того каменистом пути.

Началось с Кубани. Из всех видов самостийничества казачье самое нелепое. Когда был взят Киев, куда войска Деникина вошли одновременно с небольшим отрядом петлюровцев, руководимых австрийским офицером, некот[орые] робкие люди уверяли, что предстоит тяжелая борьба с украинцами. Эти страхи не оправдались. Как и прежде бороться приходится в Малороссии с бандитизмом, а по краям с большевизмом. Петлюра и его войска оказались опереточными героями. Его агитаторы за границей куда многочисленнее его солдат <...> Оно и понятно. Распускать ложную информацию несравненно безопаснее, чем драться.

В то время как на юго-западе самостийность таяла, на юго-востоке, как раз в центре военной власти, она начинала принимать особенно уродливые формы. Тянулись бесконечные переговоры казачьей конференции. Они происходили в Новочеркасске. Кубанцы, терцы, донцы и представители Деникина определяли компетенцию центральной и местной власти. Командование Вооруженными силами Юга России, или попросту говоря, русское правительство стояло на точке зрения широкой местной автономии. Но т. к. отсутствие власти за последние годы выдвинуло ряд мелких провинциальных политиков, кот[орые] привыкли именовать себя министрами, ездить в специальных поездах и автомобилях, вообще пользоваться неисчислимыми привилегиями, то оказалось, что привычка к власти превышает все остальные соображения. Самыми благоразумными и патриотичными оказались донцы. На них большое и хорошее влияние имеет председатель круга В. А. Харламов. Он привык думать в общегосударственном масштабе, т. к. был членом всех четырех Гос[ударственных] Дум, куда его неизменно выбирали донские казаки. По специальности учитель гимназии, по профессии уже давно политик, Харламов во время большевиков забрал семью, уехал в родную станицу и там обрабатывал собственными руками свои поля и народ. Когда казаки качали головой, глядя на то, как он ловко пашет, он смеясь говорил им: «Дураки, мы вашу работу сделаем, а вот вы попробуйте нашу работу сделать».

Теперь он вернулся к своей работе и делает большое не только казачье, но русское дело. Справляться с ним не легко, т. к. смута всюду посеяла семена раздора и ненасытной жадности. В среде донцов тоже были самостийные теченья и Агапеев (1) дружил с Ив. Макаренко (2). Суть спора сводилась к тому, может ли каждая казачья область иметь самостоятельное войско, самостоятельную экономическую политику, дипломатию и т. д. Т. к. казачьи представители плохие знатоки тонкостей госуд[арственного] права, то их требования с точки зрения государственной целесообразности было нетрудно опровергнуть. Но они стояли на том, что Дон, Кубань, Терек, так же как Грузия, Азербайджан и другие должны быть самостоятельными государствами, кот[орые] потом могут на федеративных началах соединиться в единую республику российскую. Когда стало известно, что кубанские дипломаты, с Бычом (3) во главе, заключают в Париже договоры са-

мостоятельные и России враждебные, то ген. Деникин сразу дал кубанцам резкое предостережение.

И вот тут сказалась вся жертвенность кубанской самостийности. Ив. Макаренко сначала разжег Раду на сопротивление, правда, исключительно словесное. Когда появился молодой генерал Покровский (4) с кубанскими воинскими отрядами, то ему ничего не стоило арестовать главарей. Один из них, Калабухов (5), был повешен. Другим грозила та же участь, но Деникин их помиловал. Рада сразу опомнилась. Отшатнулась от демагогов и не поддержала их. Между тем по всей Кубани большевики усердно и почти беспрепятственно агитировали. Многим казалось, что агитация глубоко проникла в массы. Но все это оказалось мелкой городской шумихой.

В Донском кругу ген. Деникин выступил с очень откровенной речью. В печати она не появилась, но, говорят, что главнокомандующий очень резко предостерегал от увлечения провинциальным политиканством.

Казаки сразу протрезвели. Терек, Кубань и Дон в ряде заявлений признали правильность политики ген. Деникина. И все вздохнули свободно. Слава богу, один важный шаг к объединению сделан.

Пришла другая беда. Дрогнул фронт. Отдали Орел, Курск, Белгород. Сейчас, когда я пишу, колеблется судьба Харькова и Киева. Ростов переполнен беженцами. Все, кто могут, спасаются от красного террора. Сегодня врач, кот[орого] англичане увезли из Харькова, говорил мне: «Как я могу остаться, когда в Воронеже красные убили почти всех врачей».

Не знаю, насколько это верно, но все упорно говорят, что большевики, когда берут теперь от белых какой-нибудь город, отдают его на 2–3 дня на потеху солдатам. Если это так, то не трудно себе представить, что творится в таких городах. Немудрено, что сотни тысяч людей, бросая все, спасаются бегством. Теперь зима: холодно. Жить негде и положение беженцев поистине ужасно.

Молодой генерал Врангель, говорят, не теряет надежды отстоять Харьков. Вообще, несмотря на все испытания и удары, не только ген. Деникин, всегда энергичный и всегда бодрый, но вообще ответственные круги совсем не падают духом. Трудно, но бывало еще труднее, вот общий голос.

Но есть еще одно политическое событие, кот[орое] волнует людей не меньше, чем неудачи на фронте. Это – речь Л. Джорджа и отношение английских политиков к мирным советским предложениям.

Германофильство сразу вспыхнуло, точно эпидемия сыпного тифа, и это несмотря на то, что правительство, опасаясь резких выходок со стороны общественного мнения, не опубликовало речь Л. Джорджа. Сам по себе этот факт, что премьер Великобритании произнес в открытом заседании парламента такую речь, кот[орую] нельзя опубликовать, в России достаточно горек для друзей Англии.

Нельзя еще учесть последствий этого факта. Неосторожные слова о том, что Единая Великая Россия, м[ожет] б[ыть], и не нужна англичанам, раздались в такую минуту, когда здесь считали, что англичане наши единственные деятельные друзья, и в трудные полосы с особенным удовольствием оглядывались на подтянутых, выдержанных английских офицеров, считая, что в их лице скрепляется и продолжается наш военный союз с Entente'ой. К Англии относились с уважением, с симпатией, с благодарностью. И, главное, верили – раз англичане говорят, значит это так, раз англичане обещают, значит сделают. Теперь поколеблена вера, поколеблен престиж английской политики. Там, где видели надежного друга, вдруг встало привидение торгаша и очень недальновидного торгаша.

Друзья Германии, крайние монархисты сразу подняли голову. Ходят самые невероятные, самые бессмысленные слухи об огромной помощи, кот[орые] предлагают немцы для борьбы с большевиками. А т. к. все знают, что ген. Деникин непримиримый германофоб, то монархисты пользуются этим, чтобы уменьшать его популярность, очень им неугодную.

Никто не верит, что откровенная выходка Л. Джорд[жа] случайно совпала с неудачами на фронте. А это совпадение, конечно, усиливает горечь национальной обиды.

Бахметьевский архив. Ariadna Tyrkova-Williams Papers. Box 10. Рукопись.

---

1 Агапеев Владимир Петрович (1876–1956) – генерал-лейтенант Генштаба. В конце 1918 прибыл в Екатеринодар в штаб Добровольческой армии. Начальник штаба 2-го армейского корпуса (январь 1919). В августе 1919 назначен военным представителем Вооруженных сил Юга России при союзном командовании в Константинополе.

2 Макаренко Иван Леонтьевич (1882–1919) – казак, общественный и политический деятель. После Февральской революции 1917 председатель Комиссии по выработке Положения о казачьем самоуправлении. Тов. председателя Кубанского правительства. Член Кубанской Законодательной Рады. Сторонник идеи объединения всех казаков. Зам. председателя объединенного правительства Юго-Восточного союза. После убийства Н. С. Рябовола возглавил кубанскую делегацию на казачьей конференции в Ростове-на-Дону (август 1919) и на Южно-Русской конференции в Новочеркасске (октябрь 1919). Отстаивал казачьи интересы, в частности в вопросе создания гражданской власти на Кубани и формирования отдельной Кубанской армии; протестовал против мер Деникина в отношении казаков.

3 Быч Лука Лаврентьевич (1870–1945) – казак; общественный и политический деятель. Первый председатель Кубанского правительства (1917–1918). В начале 1919 Кубанская Рада назначила его главой делегации на Парижской мирной конференции. В Париже он совместно с представи-

телями кавказских горцев подписал проект договора о дружбе, что вызвало крайне негативную реакцию у командования Добровольческой армии. Из-за разногласий с Деникиным Быч не вернулся на родину, остался в эмиграции.

4 Покровский Виктор Леонидович (1889—1922) — генерал-лейтенант. 14 марта 1918 Кубанская Рада назначила его командующим Кубанской армией. С июля 1919 командующий группой войск Кавказской армии под Царицыном. В дальнейшем начальник тыла Кавказской армии (октябрь-ноябрь 1919); по приказу генерала П. Н. Врангеля руководил разгоном Кубанской Рады, обвиненной в сепаратизме.

5 Калабухов Алексей Иванович (?—1919) — полковой священник, входил в Кубанское правительство, сторонник отделения Кубани от России. В ночь на 7 ноября 1919 повешен по обвинению в сепаратизме и «измене России».

Раздвоение России

О декабристах много писано, но настоящей истории декабрьского восстания у нас еще нет. Только статьи, монографии, романы, книги, насыщенные партийностью и страстностью.

Видно, еще не преодолены, не пережиты психологические причины, вызвавшие сто лет тому назад попутку насильственного водворения конституции. Оттого для одних декабристы все еще герои и мученики, для других они все еще бунтовщики и безумцы. Через длинную преемственность поколений какая-то тайная нить, какой-то больной нерв связывает то, что переживает сейчас Россия, с 14 декабря 1925 года. Нетрудно угадать, что многие юбилейные статьи будут написаны с злободневным раздражением или с традиционным поклонением. Особенно, где будут итоги, выводы, оценки.

Я на выводы не претендую, но знаю, что характеры декабристов, почти всех, вызывают во мне самое подлинное, иногда волнующее уважение. А их подход к нуждам и потребностям тогдашней России совершенно меня не радует. Политический, а тем более государственный их смысл оказался ниже их нравственного духовного содержания. Это противоречие оказалось пагубным не только для них, но и для нас, для далеких потомков. И для России.

Хотелось бы дождаться историка знающего, спокойного, мудрого, а значит, и справедливого, который до конца продумает этот поворотный для России день и нам свои думы расскажет.

Князь П. А. Вяземский, меткий наблюдатель и блистательный прозаик, отметил в своей «Старой Записной книжке», что день 14 декабря разделил Россию на два неприятельских стана. «Одним из прискорбных явлений и последствий злополучного 14 декабря и событий ему соответственных должно, бессомненно, признать это насильственное раздвоение общества нашего, раздвоение, которое, между прочим, так сильно выразилось в честных, уважения и сочувствия достойных лич-

ностях, каковы Тургенев (1) и Блудов (2). Друзья с детства, они после 1826 года перестали друг с другом разговаривать. Между ними произошел непримиримый разрыв».

Князь П. А. Вяземский был знаком почти со всеми декабристами, а с некоторыми и дружен. Это был его круг одних с ними умственных интересов и многих общих идей. Но, как сам он позже написал в одном официальном письме: «Мое имя не вписано в его (14 декабря) роковые скрижали». Что-то его удержало. Хотя вместе со многими интеллигентами того времени кн. П. А. Вяземский надеялся, что Александр хочет и должен дать России конституцию. Недаром император, просматривая записку кн. П. А. Вяземского о Польской конституции, собственноручно перевел французское выражение – либеральные учреждения – законосвободными учреждениями. Либеральными мечтами о законности и свободе заражен и кн. П. А. Вяземский, этот ленивый барин, остряк и скептик.

Свобода, пылким вдохновением,
Я первый русским песнопением
Тебя приветствовать дерзал.

Так с гордостью писал он в 1818 году в своем имевшем большой рукописных успех обличительном стихотворении: «Негодование». И дальше, быть может, отражая идеи, носившиеся в воздухе Союза Благоденствия (3):

Он загорится день, день торжества и казни,
День радостных надежд, день горестной боязни.

Под старость кн. П. А. Вяземский сам определил это стихотворение как одно из проявлений «эпохи борьбы и перелома». Во всяком случае, в этом насмешливом умнике была живая связь с декабристами. Недаром вечером приехал кн. П. А. Вяземский к И. И. Пущину (4), который, вернувшись с Сенатской площади, ждал ареста и предложил взять от него что-нибудь на сохранение. В портфеле, который передал ему Пущин, был, между прочим, автограф Пушкинской «Вольности», отражавший те же политические идеи и чувства, которые вдохновили Вяземского написать «Негодование». Оба поэта не были записаны на «роковых скрижалях» Союза Благоденствия, но были в ближайшем окружении. Не как чужое необдуманное действие переживали они 14 декабря, а как свое, близкое. Пушкин на прямой вопрос Николая (5), чтобы он делал, будь он в Петербурге в этот день, со свойственной ему правдивостью сказал:

– Я был бы на площади с заговорщиками.

И когда Вяземский с горечью говорил о раздвоении России после этого дня, он говорил как ближайший свидетель этой трещины. Отсюда и пошло это антигосударственное разногласие – мы и они... Власть и общество...

* * *

Н. М. Карамзин (6) тот с первого выстрела стал на сторону власти. Обскурантом он, конечно, не был. Слишком был для этого пат-

риотом, просвещенным, умным и, что еще важнее, талантливым. Но Государство Российское любил крепкой, цельной любовью. Сохранилось письмо Карамзина к поэту И. И. Дмитриеву (7), написанное пять дней спустя после событий на Сенатской площади. День 14 декабря вместе с дочерью Карамзин провел в Зимнем дворце и под влиянием пережитых потрясений целиком стал на сторону Дворца. Занял место на правом краю трещины.

«Я выходил на Исакиевскую площадь, видел ужасные лица, слышал ужасные слова... Новый император оказал неустрашимость и твердость. Первые два выстрела рассеяли безумцев с Полярною Звездою (8), Бестужевыми (9), Рылеевыми (10) и достойными их клевретами... Как скоро грянула первая пушка, императрица Александра Федоровна (11) упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: "для чего я женщина?" – Добродетельная императрица Мария (12) повторяла: "что скажет Европа". – (Как всегда, нет трагедии без комического элемента. – *А. Т.*). – Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж... В большой зале толпа знати час от часу редела. Однако, все было тихо и пристойно. Молодые женщины не изъявляли трусости. В общем движении, в стороне, неподвижно сидели три магната: кн. Лопухин (13), гр. Аракчеев и кн. А. Б. Куракин (14), как три монумента... Вот нелепая трагедия наших безумных либералов. Дай Бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними не так много. Солдаты были только жертвою обмана».

Так пережил этот роковой день историк, который, изучая пути развития России, был так пропитан любовью к отечеству и народной гордостью, что даже с Александром готов был за Россию спорить, хотя был предан ему до обожания.

«Вы, – писал Карамзин царю, – любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессословной собственности. Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагорассудите? Можете ли вы с мирной совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынь, Подолию, утвержденную собственность России еще до Вашего царствования».

Эта ревность к целости России, пробужденная планами императора относительно Польши, очевидно, и тогда бродила в умах некоторых русских патриотов, независимо от положения и даже образования.

В письме, предупреждающем Николая I о заговоре, которое написал 12 декабря и лично подал Государю поручик л. гв. Егерского полка Яков Ростовцев (15), было, между прочим, сказано: «Пользуясь междуусобиями, Грузия, Бессарабия, Финляндия, Польша, м[ожет] б[ыть], и Литва от нас отделятся. Европа вычеркнет раздираемую Россию из списка держав своих и сделает ее державою азиатскою, и незаслуженные проклятия, вместо должных благословений, будут Вашим уделом».

Это написал за два дня до бунта раскаявшийся заговорщик. Что его толкнуло? Личный страх? Или порыв гражданской тревоги, предчув-

ствие великой беды, надвигавшейся на государство Российское, длительного нездорового раздвоения, подтачивающего мозг народный, начиная с 14 декабря 1825 года и кончая...

Когда же это раздвоение кончится?

Возрождение. № 208. 27 декабря 1925.

---

1 Тургенев Александр Иванович (1784–1846) – общественный деятель, историк, писатель. Глава департамента духовных дел Министерства духовных дел и народного просвещения (1817–1824). Собирал в зарубежных архивах документы и материалы по древней и новейшей истории России. Поддерживал дружеские отношения с видными представителями науки и культуры, в частности Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским и др.

2 Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) – граф (1842); государственный деятель. Служил в коллегии иностранных дел. Увлекался в молодости либеральными идеями. В 1825 император Николай I назначил Блудова делопроизводителем Верховной следственной комиссии по делу 14 декабря. Несмотря на приятельские отношения со многими декабристами, подготовил «доклад о тайных политических обществах», который послужил материалом для приговора Верховного суда. По окончании дела о декабристах назначен статс-секретарем и товарищем министра народного просвещения. С 1832 управлял Министерством внутренних дел, с 1837 – министр юстиции, с 1839 – главноуправляющий II отделения Собственной его величества канцелярии, член Государственного совета и председатель департамента законов.

3 «Союз благоденствия» – тайная организация декабристов, учрежденная в 1818 в Москве после распада «Союза спасения». Имел более 200 членов и основные управы в Петербурге, Москве, Тульчине (Украина). Целью Союза было распространение просвещения, и прежде всего конституционных идей в обществе, поскольку предполагалось, что просвещенное общество в течение 20 лет придет к осознанию необходимости реформы правления. В начале 1821 деятельность Союза была прекращена.

4 Верховный уголовный суд 1926 признал И. И. Пущина виновным «в участии в умысле на цареубийство», приговорил к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Возвращен из ссылки в 1856.

5 Николай I (Павлович) (1796–1855) – российский император с 14 декабря 1825 по 18 февраля 1855.

6 Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – историк, писатель, поэт, почетный член Петербургской Академии наук (1818). Создатель «Истории государства Российского» (т. 1–12, 1803–1826). Редактор «Московского журнала» (1791–1792) и «Вестника Европы» (1802–1803).

[7] Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – поэт, баснописец, государственный деятель. Член Российской академии (1797).

[8] «Полярная звезда» – альманах, издававшийся А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым в Петербурге в 1823–1825; придерживался декабристской направленности. В альманахе принимали участие: А. С. Грибоедов, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский и др.

[9] Бестужев Александр Александрович (1797–1837) – писатель, критик, публицист, декабрист. За участие в восстании декабристов 1825 был сослан в Якутск, а оттуда в 1829 переведен на Кавказ солдатом. Погиб в стычке с горцами, тело его не было найдено.

[10] Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) – поэт, общественный деятель, декабрист. Член Северного общества декабристов (с 1823), возглавил его радикальное крыло; сторонник республиканского строя. 13 (25) июля 1926 казнен в числе пяти руководителей декабристского восстания.

[11] Александра Федоровна (урожд. принцесса Фридерика Шарлотта Вильгельмина) (1798–1860) – супруга российского императора Николая I, российская императрица.

[12] Мария Федоровна (урожд. принцесса София-Доротея-Августа-Луиза) (1759–1828) – российская императрица (с 1796, с 1801 вдовствующая), вторая супруга императора Павла I, мать императоров Александра I и Николая I.

[13] Лопухин Петр Васильевич (1753–1827) – государственный деятель. При императоре Александре I состоял членом Непременного совета (с 1801), министром юстиции, главой Комиссии составления законов, генерал-прокурором (с 1803). Председатель Государственного совета и Комитета министров (1816–1827). 1 июня 1826 был назначен председателем Верховного уголовного суда, который рассматривал дела участников декабристского восстания 1825.

[14] Куракин Алексей Борисович (1759–1829) – князь; государственный деятель, занимал ряд высших постов в царствование Павла I и Александра I. Генерал-губернатор Малороссии (1802). Член Непременного совета (1804). Министр внутренних дел (1807–1810). Член Государственного совета, председатель департамента государственной экономии Совета (с 1821). Член Верховного уголовного суда над участниками декабристского восстания 1825.

[15] Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) – подпоручик л.-гв. Егерского полка, исправляющий должность старшего адъютанта гвардейской пехоты (1825). Член Северного общества (1825), в письме Николаю I от 12 декабря 1825 донес о готовившемся восстании. Произведен в поручики (18 декабря 1825). Сделал успешную военную карьеру. Генерал от инфантерии (1859). Член Государственного совета (1855).

Именной указатель

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

НАСЛЕДИЕ АРИАДНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ТЫРКОВОЙ

Дневники. Письма

Ведущий редактор *Н. А. Богатырева*
Редактор *Е. Ю. Кандрашина*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*
Корректор *Н. В. Филиппова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 29.11.2012.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 69,5.
Тираж 800 экз. Заказ 9166.

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел./Факс 8 (499) 685-15-75 (доб. 116 — отдел реализации)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685